

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855859 4

INDEXED

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XXXVII — ТОМЪ CXVII. — 1/18 СЕНТЯБРЯ 1873.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

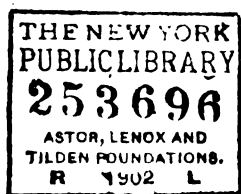
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казанск. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

(20)

В. О. 2 ЛИН. 7.

СНѢГУРОЧКА

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

Въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ.

Дѣйствіе происходитъ въ странѣ Берендеевъ, въ доисторическое время. Прологъ на Красной горкѣ, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое дѣйствіе въ зарѣчной слободѣ Берендеевкѣ. Второе дѣйствіе во дворцѣ царя Берендея. Третье дѣйствіе въ заповѣдномъ лѣсу. Четвертое дѣйствіе въ Ярилиной долинѣ.

ПРОЛОГЪ.

Лица:

ВЕСНА-КРАСНА.

ДѢДЪ-МОРОЗЪ.

ДѢВУШКА-СНѢГУРОЧКА.

ЛѢШИЙ.

МАСЛЯНИЦА-СОЛОМЕННОЕ ЧУЧЕЛО.

БОБЫЛЬ-БАБУЛА.

БОБЫЛИХА—его жена.

Беренденъ обоюго пола и всякаго возраста.

Счита Весны, птицы: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другія.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снѣгомъ. Направо кусты и рѣдкій безлиственный березникъ, налѣво сплошной, частый лѣсъ большаго

шихъ сосенъ и елей съ сучьями, повисшими отъ тяжести снѣга; въ глубинѣ, подъ горой рѣка,—попыны и проруби обсажены ельникомъ. За рѣкой Берендеевъ посадъ, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы всѣ деревянные съ причудливой раскрашенной рѣзбой; въ окнахъ огни. Полная луна серебрить всю открытую мѣстность. Вдали кричатъ пѣтухи.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛѢШІЙ сидитъ на сухомъ пнѣ. Все небо покрывается прилетѣвшими изъ-за моря птицами. ВЕСНА-КРАСНА на журавляхъ, лебедахъ и гусяхъ спускается на землю, окруженная свитой птицъ.

ЛѢШІЙ.

Конецъ зимѣ пропѣли пѣтухи,
Весна-красна спускается на землю.
Полночный часъ насталъ, сторожку Лѣшій
Отсторожилъ,—ныряй въ дупло и спи!

Проваливается въ дупло. ВЕСНА-КРАСНА спускается
на Красную горку въ сопровожденіи птицъ.

ВЕСНА-КРАСНА.

Въ урочный часъ обычной чередою
Являюсь я на землю Берендеевъ,
Нерадостно и холодно встрѣчаетъ
Весну свою угрюмая страна.
Печальный видъ: подъ снѣжной пеленою
Лишенные живыхъ веселыхъ красокъ,
Лишенные плодотворящей силы
Лежать поля остылыя. Въ оковахъ
Игривые ручьи,—въ тиши полночи
Неслышно ихъ стекляннаго журчанья.
Лѣса стоятъ безмолвны, подъ снѣгами
Опущены густыя лапы елей,
Какъ старыя нахмуренныя брови.
Въ малинникахъ, подъ соснами, стѣснились
Холодные потемки, ледяными
Сосульками янтарная смола

Виситъ съ прямыхъ стволовъ. А въ ясномъ небѣ,
 Какъ жаръ, горитъ луна и звѣзды блещутъ
 Усиленнымъ сіяніемъ. Земля,
 Покрытая пуховою порошей,
 Въ отвѣтъ на ихъ привѣтъ холодный кажетъ
 Такой же блескъ, такіе же алмазы
 Съ вершинъ деревь и горъ, съ полей пологихъ,
 Изъ выбоинъ дороги приложенной.
 И въ воздухѣ повисли тѣ же искры,
 Колеблются, не падая, мерцаютъ.
 И все лишь свѣтъ, и все лишь блескъ холодный,
 И нѣтъ тепла. Не такъ меня встрѣчаютъ
 Счастливыя долины юга, тамъ
 Ковры луговъ, акацій ароматы
 И теплый паръ воздѣланныхъ садовъ,
 И млечное, лѣнивое сіянье
 Отъ матовой луны на минаретахъ,
 На тополяхъ и кипарисахъ черныхъ.
 Но я люблю полунощныя страны,
 Мнѣ любо ихъ могучую природу
 Будить отъ сна и звать изъ нѣдръ земныхъ
 Родящую таинственную силу,
 Несущую безпечнымъ Берендеямъ
 Обилія жить неприхотливыхъ. Любо
 Обогрѣвать для радостей любви,
 Для частыхъ игръ и празднествъ убирать
 Укромные кустарники и рощи
 Шелковыми коврами травъ цвѣтныхъ.

Обращаясь къ птицамъ, которыя дрожатъ отъ холоду.

Товарищи: сороки-бѣлобоки,
 Веселыя болтушки-щекотуньи,
 Угрюмые грачи, и жаворѣнки,
 Пѣвцы полей, глашатае весны,
 И ты, журавль, съ своей подругой цаплей,
 Красавицы-лебедушки, и гуси
 Крикливые, и утки хлопотуньи,
 И мелкія пичужки,—вы озябли?
 Хоть стыдно мнѣ, а надо признаваться
 Предъ птицами. Сама я виновата,
 Что холодно и мнѣ Веснѣ, и вамъ.
 Шестнадцать лѣтъ тому, какъ я для шутки

И тѣша свой непостоянный нравъ,
 Измѣничивый и прихотливый, стала
 Заигрывать съ Морозомъ, старымъ дѣдомъ,
 Проказникомъ сѣдымъ; и съ той поры
 Въ неволѣ я у стараго. Мужчина
 Всегда таковъ, немножко воли дай,
 А онъ и всю возьметъ, ужъ такъ ведется
 Отъ древности. Оставить бы сѣдого,
 Да вотъ бѣда, у насъ со старымъ дочка—
 Снѣгурочка. Въ глухихъ лѣсныхъ тущобахъ,
 Въ нetaющихъ лядинахъ возвращаетъ
 Старикъ свое дитя. Любя Снѣгурку,
 Жалѣючи ее въ несчастной долѣ,
 Со старымъ я поссориться боюсь;
 А онъ и радъ тому—знобить, морозить
 Меня Весну и Берендеевъ. Солнце,
 Ревнивое, на насъ сердито смотритъ
 И хмурится на всѣхъ и вотъ причина
 Жестокихъ зимъ и холодовъ весеннихъ.
 Дрожите вы, бѣдняжки? Попляните,
 Согрейтесь! Видала я не разъ,
 Что пляскою отогрѣвались люди.
 Хоть нехотя, хоть съ холоду, а пляской
 Отпразднуемъ прилетъ на новоселье.

Однѣ птицы принимаются за инструменты, другія загѣ-
 ваютъ, третьи пляшутъ.

ХОРЪ ПТИЦЪ.

Сбирались птицы,
 Сбирались пѣвчи
 Стадами, стадами.
 Садились птицы,
 Садились пѣвчи
 Рядами, рядами.
 А кто у васъ, птицы,
 А кто у васъ пѣвчи,
 Большіе, большіе?
 А кто у васъ птицы,
 А кто у васъ пѣвчи,
 Меньшіе, меньшіе?

Орелъ воевода,
 Перепелъ подъячій,
 Подъячій, подъячій.
 Сова воевода,
 Желтые сапожки,
 Сапожки, сапожки.
 Гуси бояре,
 Утата дворяне,
 Дворяне, дворяне.
 Чирята крестьяне
 Воробьи холопы,
 Холопы, холопы.
 Журавль у насъ сотникъ
 Съ долгими ногами,
 Ногами, ногами.
 Пѣтухъ цѣловальникъ,
 Чечетъ гость торговый,
 Торговый, торговый.
 Ласточки молодецъ,
 Касатки дѣвицы,
 Дѣвицы, дѣвицы.
 Дятель у насъ плотникъ,
 Рыбболовъ харчевникъ,
 Харчевникъ, харчевникъ.
 Блинница цапля,
 Кукушка кликушка,
 Кликушка, кликушка.
 Красная роза
 Ворона пригожа,
 Пригожа, пригожа.
 Зимой по дорогамъ,
 Лѣтомъ по застрѣхамъ,
 Застрѣхамъ, застрѣхамъ.
 Ворона въ рогожѣ,
 Нѣтъ ея дороже,
 Дороже, дороже.

Изъ лѣсу на плашущихъ птицъ начинается сыпаться иней,
 потомъ хлопья снѣга, подымается вѣтеръ,—набѣгаютъ
 тучи, закрываютъ луну, мгла совершенно застилаетъ
 даль. Птицы съ крикомъ жмутся къ ВЕСНѢ.

ВЕСНА-КРАСНА—птицамъ.

Въ кусты скорѣй, въ кусты! Шутить задумалъ
 Старикъ Морозъ. До утра подождите,
 А завтра вамъ растаять на поляхъ
 Проталинки, на рѣчкѣ полыньи.
 Погрѣтесъ на солнышкѣ немного
 И гнѣздышки начнете завивать.

Птицы уходятъ въ кусты, изъ лѣса выходятъ МОРОЗЪ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЕСНА - КРАСНА, ДѢДЪ - МОРОЗЪ.

МОРОЗЪ.

Весна-красна, здорово ли вернулась?

ВЕСНА.

И ты здоровъ ли, дѣдъ-Морозъ?

МОРОЗЪ.

Спасибо.

Живется мнѣ не худо. Берендеи
 О нынѣшней зимѣ не позабудутъ,
 Веселая была; плясало солнце
 Отъ холоду на утренней зарѣ,
 А къ вечеру вставалъ съ ушами мѣсяцъ.
 Задумаю гулять, возьму дубинку,
 Повыясню, повысеребряю ночку,
 Ужъ то-то мнѣ раздолье и просторъ.

По богатымъ посадскимъ домамъ
 Колотить по угламъ,
 У воротъ верееми скрипѣть,
 Подъ полозьями пѣть

Любо мнѣ,
 Любо, любо, любо.
 Изъ лѣску по дорожкѣ за возомъ возъ,
 На ночлегъ поспѣшаетъ скрипучій обозъ,
 Я обозъ стерегу,
 Я впередъ забѣгу,
 По край-поля, вдали,
 На морозной пыли
 Лягу маревомъ,
 Средь полночныхъ небесъ встану заревомъ.
 Разольюсь я, Морозъ,
 Въ девяносто полосъ,
 Разбѣгуся столбами, лучами, несмѣтными,
 Разноцвѣтными.
 И толкуются столбы и спираются,
 А подъ ними снѣга загораются.
 Море свѣту-огня, яркаго,
 Жаркаго,
 Пышнаго;
 Тамъ сине, тамъ красно, а тамъ вишнево.
 Любо мнѣ,
 Любо, любо, любо.
 Еще злѣй я о ранней порѣ,
 На румяной зарѣ.
 Потянуся къ жилиямъ изъ овраговъ полянами,
 Подкрадусь, подползу я туманами.
 Надъ деревней дымокъ завивается,
 Въ одну сторону погибается;
 Я туманомъ сѣдымъ
 Заморожу дымъ.
 Какъ онъ тянется,
 Такъ останется,
 По-надъ полемъ, по-надъ лѣсомъ,
 Перевѣсомъ,
 Любо мнѣ,
 Любо, любо, любо.

ВЕСНА.

Не дурно ты попиrowsалъ, пора бы
 И въ путь тебѣ, на сѣверъ.

МОРОЗЪ.

Не гони,
И самъ уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вотъ я, старикъ, всегда одинъ и тотъ же.

ВЕСНА.

У всякаго свой поровъ и обычай.

МОРОЗЪ.

Уйду, уйду, на утренней зарѣ,
По вѣтерку, умчусь къ сибирскимъ тундрамъ.
Я соболей треухъ на уши,
Я оленью даху на плечи,
Побрякушками поясъ увѣшаю;
По чумамъ, по юртамъ кочевниковъ,
По зимовкамъ звѣровщиковъ
Захожу, заброжу, зашаманствую,
Будутъ мнѣ въ поясъ кланяться.
Владычество мое въ Сибири вѣчно,
Конца ему не будетъ. Здѣсь Ярило
Мѣшаетъ мнѣ и ты меня мѣняешь
На глупую породу празднолюбцевъ.
Лишь праздники считать да браги парить
Корчажныя, да вѣри ведеръ въ сорокъ
Заваривать медовыя умѣютъ.
Весенняго тепла у солнца просятъ.
Зачѣмъ,—спроси? Не вдругъ пахать возьмется,
Не лажена соха. Кануны править,
Да бражничать, веснянки пѣть, крутами
Ходить всю ночь съ зари и до зари,—
Одна у нихъ забота.

ВЕСНА.

На кого же
Снѣгурочку оставишь?

МОРОЗЪ.

Дочка наша

На возрастѣ, безъ нянекъ обойдется.
 Ни пѣшему, ни конному дороги
 И слѣду нѣтъ въ ея теремъ. Медвѣди
 Овсянники и волки матерые
 Крутомъ двора дозоромъ ходятъ; филинъ
 На маковѣхъ сосны столѣтней ночью,
 А днемъ глухарь вытягиваютъ шеи,
 Прохожаго, захожаго блюдутъ.

ВЕСНА.

Тоска возьметъ межъ филиновъ и лѣшихъ
 Одной сидѣть.

МОРОЗЪ.

А теремная челядь?

Въ прислужницахъ у ней на побѣгушкахъ
 Лукавая лисица сиводушка;
 Зайчата ей капусту добываютъ;
 Чѣмъ свѣтъ бѣжитъ на родничекъ куница
 Съ кувшинчикомъ; грызутъ орѣхи бѣлен,
 На корточкахъ усѣвшись; горностайки
 Въ прислѣшницахъ сѣнныхъ у ней на службѣ.

ВЕСНА.

Да все-жъ тоска, подумай, дѣдъ!

МОРОЗЪ.

Работай,

Волну пряди, бобровою опушкой
 Тулупчикъ свой и шапки обшивай.
 Строчи пестрѣй оленьи рукавички.
 Грибы суши, бруснику да морошку
 Про зимнюю безхлѣбцу готовь;
 Отъ скуки пой, пляши, коль есть охота,
 Чего еще?

ВЕСНА.

Эхъ, старый! дѣвѣ въ
Милѣй всего. Ни теремъ твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченныя не дороги; на мысли
У дѣвушки Снѣгурочки другое:
Съ людьми пожить; подружки нужны ей
Веселыя, да игры до полночи,
Весеннія гулянки да горѣлки
Съ ребятами, покуда.....

МОРОЗЪ.

Что покуда?

ВЕСНА.

Покуда ей забавно, что ребята
На перебой за ней до драки рвутся.

МОРОЗЪ.

А тамъ?

ВЕСНА.

А тамъ полюбится одинъ.

МОРОЗЪ.

Вотъ то-то мнѣ и нелюбо.

ВЕСНА.

Безумный
И злой старикъ! На свѣтъ все живое
Должно любить. Снѣгурочку въ неволѣ
Не дастъ тебѣ томить родная мать.

МОРОЗЪ.

Вотъ то-то ты нехстати горяча,
Безъ разума болтлива. Ты послушай!
Возьми на мигъ разсудка! Злой Ярило,
Палацій богъ лѣнивыхъ Берендеевъ,
Въ угоду имъ, повлялся страшной влятвой
Губить меня, гдѣ встрѣтитъ. Тошить, плавить
Дворцы мои, кіоски, галлерей,
Изящную работу украшеній,
Подробностей мельчайшую рѣзбу,
Плоды трудовъ и замысловъ. Повѣришь,
Слезъ пройметъ. Трудись, корпи художникъ
Надъ лѣпкою едва замѣтныхъ звѣздъ—
И прахомъ все пойдетъ. А вотъ вчера
Изъ-за моря вернулась птица-Баба,
Услѣлася на полынь широкую
И плачется на холодъ дикимъ уткамъ,
Ругательски бранить меня. А развѣ
Моя вина, что больно тороплива,
Что съ теплыхъ водъ, не заглянувши въ святцы,
Безъ времени, пускается на сѣверъ.
Плела-плела, а утки гоготали,
Ни дать-ни взять въ торговыхъ баняхъ бабы;
И что же я подслушала! Между сплетень
Такую рѣчь сболтнула птица-Баба,—
Что плавая въ заливѣ Ленеоранскомъ,
Въ гиланскихъ ли озерахъ, ужъ не помню,
У пьянаго оборвыша факира
И солнышка горячій разговоръ
Услышала о томъ, что будто солнце
Сбирается сгубить Снѣгурку; только
И ждетъ того, чтобъ заронить ей въ сердце
Лучемъ своимъ огонь любви; тогда
Спасенья нѣтъ Снѣгурочкѣ, Ярило
Сожжетъ ее, испепелитъ, растопитъ,
Не знаю какъ, но умертвитъ. Доколѣ-жъ
Младенчески чиста ея душа,
Не властенъ онъ вредить Снѣгуркѣ.

ВЕСНА.

Полно!

Повѣрилъ ты разсказамъ глупой птицы!
Не даромъ же ей кличка — баба.

МОРОЗЪ.

Знаю

Безъ бабы я, что зло Ярило мыслить.

ВЕСНА.

Отдай мою Снѣгурочку!

МОРОЗЪ.

Не дамъ.

Съ чего взяла, чтобъ я такой вертуншѣ
Повѣрилъ дочь?

ВЕСНА.

Да чтожъ ты, красноносый,
Ругаешься!

МОРОЗЪ.

Послушай, помиримся!

Для дѣвушки присмотръ всего нужнѣе,
И строгій глазъ, да не одинъ, а десять,
И некогда тебѣ и неохота
За дочерью приглядывать, такъ лучше
Отдать ее въ слободку Бобылю,
Бездѣтному, на мѣсто дочки. Будетъ
Заботы ей по горло, да и парнямъ
Корысти нѣтъ на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

ВЕСНА.

Согласна, пусть живетъ въ семьѣ бобыльской,
Лишь только бы на волѣ.

МОРОЗЪ.

Дочь не знаетъ
 Любви совсѣмъ, въ ея холодномъ сердцѣ
 Ни искры нѣтъ губительнаго чувства;
 И знать любви не будетъ, если ты
 Весенняго тепла томящей нѣги,
 Ласкающей, разымчивой....

ВЕСНА.

Довольно!
 Покличь ко мнѣ Снѣгурочку.

МОРОЗЪ.

Снѣгурка!
 Снѣгурушка, дитя мое!

СНѢГУРОЧКА—выглядывая изъ лѣсу.

Ау!

Подходить къ отцу.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЕСНА, МОРОЗЪ, СНѢГУРОЧКА, потомъ ЛѢШІЙ.

ВЕСНА.

Ахъ, бѣдная Снѣгурочка, диварка,
 Поди ко мнѣ, тебя я приголублю.

Ласкаетъ Снѣгурочку.

Красавица, не хочешь ли на волю?
 Съ людьми пожить?

СНѢГУРОЧКА.

Хочу, хочу, пустите!

МОРОЗЪ.

А что манить тебя повинуть теремъ
Родительскій, и что у Берендеевъ
Завиднаго нашла?

СНѢГУРОЧКА.

Людскія пѣсни.

Бывало, я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не наглажуся
На дѣвичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мнѣ, и плачу. Ахъ, отецъ,
Съ подружками по алую малину,
По черную смородину ходить,
Аукаться; а зорькою вечерней
Круги водить подъ пѣсни, вотъ что мило
Снѣгурочкѣ. Безъ пѣсень жизнь не въ радость.
Пусти, отецъ! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты въ свою лѣсную глушь,
Въ сумеречки тебя утѣшу, пѣсню
Подъ наигрышъ мятели запою
Веселую. У Лея перейму
И выучусь скорехонько.

МОРОЗЪ.

А Лея

Узнала ты откуда?

СНѢГУРОЧКА.

Изъ кусточка
Ракитова; пасеть въ лѣсу коровокъ
Да пѣсенки поетъ.

МОРОЗЪ.

Почемъ же знаешь,
Что это Лель?

СНѢГУРОЧКА.

Къ нему дѣвицы ходятъ,
Красавицы, и по головеѣ глядятъ,
Въ глаза глядятъ, ласкаютъ и цѣлуютъ,
И Лелюшкомъ и Лелемъ называютъ,
Пригоженькимъ и миленькимъ.

ВЕСНА.

А развѣ

Пригожій Лель гораздъ на пѣсни?

СНѢГУРОЧКА.

Мама,

Слыхала я и жаворонковъ пѣнье,
Дрожащее надъ нивами, лебяжій
Печальный влечь надъ тихими водами,
И громкіе раскаты соловьевъ,
Пѣвцовъ твоихъ любимыхъ; пѣсни Леля
Милѣе мнѣ. И дни и ночи слушать
Готова я его пастушью пѣсни.
И слушаешь и таешь....

МОРОЗЪ—Веснѣ.

Слышишь: таешь!

Ужасный смыслъ таится въ этомъ словѣ.
Изъ разныхъ словъ, придуманныхъ людьми,
Страшнѣй всего Морозу слово: таять.
Снѣгурочка, бѣги отъ Леля, бойся
Рѣчей его и пѣсенъ. Ярымъ солнцемъ
Пронизанъ онъ насквозь. Въ полдневный зной,
Когда бѣжить отъ солнца все живое
Въ тѣни искать прохлады, гордо, нагло
На припекѣ лежитъ пастухъ лѣнливый,
Въ истомѣ чувствъ дремотной подбираетъ
Лукавыя заманчивыя рѣчи,
Коварные обманы замышляетъ
Для дѣвушекъ невинныхъ. Пѣсни Леля
И рѣчь его—обманъ, личина, правды

И чувства нѣтъ подъ ними; то лишь, въ звуки
 Одѣтые, палящія лучи.
 Снѣгурочка, бѣги отъ Леля! Солнца
 Любимый сынъ пастухъ, и такъ же ясно
 Во всѣ глаза, безстыдно, прямо смотреть,
 И такъ же золь, какъ солнце.

СНѢГУРОЧКА.

Я, отецъ,
 Послушное дитя; но ты ужъ очень
 Сердить на нихъ, на Леля съ солнцемъ; право,
 Ни Леля я, ни солнца не боюсь.

ВЕСНА.

Снѣгурочка, когда тебѣ взгрустнется,
 Иль нѣжда въ чемъ,—дѣвицы прихотливы,
 О ленточкѣ, о перстенечкѣ плакать
 Серебряномъ готовы,—ты приди
 На озеро, въ Ярилину долину,
 Покличь меня. Чего-бъ ни попросила,
 Отказу нѣтъ тебѣ.

СНѢГУРОЧКА.

Спасибо, мама,
 Красавица.

МОРОЗЪ.

Вечернею порой
 Гуляючи, держися ближе къ лѣсу.
 А я отдамъ приказъ тебя беречь.
 Ау, дружки! Лѣшутки, Лѣсовые!
 Заснули, что-ль? Проснитесь, отзовитесь
 На голосъ мой!

Въ лѣсу голоса лѣшихъ.

Ау, ау!

Изъ сухого дупла вылѣзаетъ ЛѢШИЙ, лѣниво потягиваясь и зѣвая.

ЛѢШИИ.

Ау!

МОРОЗЪ.

«Снѣгурочку блюдите! Слушай, Лѣшій,
 Чужой ли это, или Лель-пастухъ пристанетъ
 Безъ отступа, аль силой взять захочетъ
 Чего умою не можетъ; заступись.
 Мани его, толкай его, запутай
 Въ лѣсную глушь, въ чащу!—засунь въ цѣпыжники,
 Иль по поясъ въ болото втисни.

ЛѢШІЙ.

Ладно.

Складываетъ надъ головой руки и проваливается въ ду-
 плю. Вдали слышны голоса.

ВЕСНА.

Валить толпа веселыхъ Берендеевъ.
 Пойдемъ, Морозъ! Снѣгурочка, прощай!
 Живи, дитя, счастливо!

СНѢГУРОЧКА.

Мама, счастья

Найду, иль нѣтъ, а поищу.

МОРОЗЪ.

Прощай,

Снѣгурочка, дочурка! Не успѣютъ
 Съ полей убрать сноповъ, а я вернусь.
 Увидимся.

ВЕСНА.

Пора бы гнѣвъ на милость
 Перемѣнить. Уйми мятель! Народомъ

Везуть ее, толпами провожаютъ
Широкую..

Уходитъ. Вдали крики: честная масляница! Морозъ,
уходя, машетъ рукой; мятель унимается, тучи убѣгаютъ.
Ясно, какъ въ началѣ дѣйствія. Толпы Берендеевъ:
одни подвигаютъ къ лѣсу сани съ чучелой Масляни-
цы, другіе стоятъ поодаль.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СНѢГУРОЧКА, ВОБЫЛЬ, БОБЫЛИХА, БЕРЕНДЕИ.

1-й ХОРЪ БЕРЕНДЕЕВЪ, везущихъ Масляницу.

Раннымъ-рано куръ загѣли,
Про весну обвѣстили.

Прощай, Масляница!

Сладко, воложно насъ кормила,
Сусломъ, бражкой поила.

Прощай, Масляница!

Пито, гуляно было въ волю,
Проито того боѣ.

Прощай, Масляница!

Мы за то тебя обрядили
Рогозиной, рѣдиной.

Прощай, Масляница!

Мы честнѣ тебя проводили,
На дровняхъ волочили.

Прощай, Масляница!

Завеземъ тебя въ лѣсъ подалѣ,
Чтобъ глаза не видали.

Прощай, Масляница!

Подвинувъ санки въ лѣсъ, отходятъ.

2-й ХОРЪ.

Честная Масляница!

Веселенько тебя встрѣчать, привѣчать,
Трудно-нудно со двора провожать.

Ужъ и какъ намъ тебя вертать, ворочать?
Воротись, Масляница, воротись!

Честная Масляница!

Воротися хоть на три денечка!
 Не воротись на три денёчка,
 Воротися къ намъ на денёчекъ!
 На денёчекъ, на малый часочекъ!
 Честная Масляница!

1-й ХОРЪ.

Масляница мокрохвостка!
 Побѣжай долой съ двора,
 Отошла твоя пора!
 У насъ съ горь потоки,
 Заиграй овражки,
 Выверни оглобли,
 Нааживай соху!

Весна-красна,
 Наша Ладушка пришла.
 Масляница мокрохвостка,
 Побѣжай долой съ двора,
 Отошла твоя пора.
 Телѣги съ повѣти,
 Уля изъ клѣти,
 На повѣть санки,
 Запоемъ веснянки!

Весна-красна,
 Наша Ладушка пришла.

2-й ХОРЪ.

Прощай, честная Масляна!
 Коль быть живымъ, увидимся.
 Хоть годъ прождать, да вѣдать-знать,
 Что Масляна придетъ опять.

ЧУЧЕЛО МАСЛЯНИЦЫ.

Минуеть лѣто красное,
 Сгорятъ огни купальные.
 Пройдетъ и осень желтая
 Съ снопомъ, съ скирдомъ и съ брѣтчиной,
 Петѣмки, ночи тѣмныя,
 Карачуна проводите.

Тогда зима изломится,
 Медвѣдь переверотится.
 Придетъ пора морозная,
 Морозная-колядная:
 Овсень-коляду вливати.
 Морозъ пройдетъ, мятель найдетъ.
 Во вьюгахъ съ перевѣями
 Прибудетъ день, убудетъ ночь.
 Подъ крышами, застрѣхами
 Воробки зашевелиются.
 Изъ лужицы, изъ наледи
 Напѣется кочеть съ курами.
 Къ пригрѣву, на завалинѣхъ
 Съ ледянными сосульками
 Изъ избъ ребята высыпать.
 На солнышкѣ, на припекѣ
 Коровій бокъ нагрѣется.
 Тогда и ждать меня опять.

Исчезаетъ. БОБЫЛЬ хватается за пустыя сани, БОБЫ-
 ЛИХА за Бобыля.

БОБЫЛИХА.

Пойдемъ домой!

БОБЫЛЬ.

Постойте! Какъ же это?

Неужто вся она? Кажись-бы, мало
 Погуляно и попито чужого.
 Чуть только я маленько разгулялся,
 Голодная утробашка чуть-чуть
 Заправилась сосѣдскими блинами,
 Она и вся,—прикончилась. Печаль
 Великая, несносная. Какъ хочешь
 Живи теперь да впроголодь и майся
 Безъ Масляной. А можно-ль бобылю?
 Никакъ нельзя. Куда тебѣ дѣваться,
 Бобыльская хмѣльная голова?

Поеть и плясать.

У Бакула бобыля
 Ни кола, ни двора,

Ни кола, ни двора,
Ни скота, ни живота.

БОБЫЛИХА.

Домой пора, безстыжій, люди смотреть.

БЕРЕНДЕИ.

Не тронь его!

БОБЫЛИХА.

Шатался всю недѣлю;
Съ чужихъ дворовъ нейдетъ,—своя избѣнка
Негоплена стоитъ.

БОБЫЛЬ.

Аль дровъ не стало?

БОБЫЛИХА.

Да гдѣ-жъ имъ быть? Они не ходятъ сами
Изъ лѣсу-то.

БОБЫЛЬ.

Давно бы ты сказала.
Не скажешь вѣдь, такая право... я бы....
Топоръ со мной, охабки двѣ нарубимъ
Березовыхъ, и ладно. Подожди!

Идетъ въ лѣсъ и видитъ Снѣгурочку, кланяется и смотритъ нѣсколько времени съ удивленіемъ. Потомъ возвращается къ женѣ и манитъ ее въ лѣсъ. Въ это время Снѣгурочка отходитъ и изъ-за куста смотреть на Берендеевъ, на ея мѣсто у дупла садится гвѣшій.

БОБЫЛЬ—Бобылихѣ.

Смотри, смотри! Боярышня.

БОБЫЛИХА.

Да гдѣ?

Увидавъ Лѣшаго.

Ахъ, что-бъ тебя! Вотъ невидаль какая.

Возвращаясь.

У! пьяница! Убила бы, кажись.

Снѣгурочка опять возвращается на свое мѣсто, Лѣшій уходитъ въ лѣсъ.

ОДИНЪ БЕРЕНДЕЙ.

Да что у васъ за споры?

БОБЫЛЬ.

Поглядите!

Диковина, честные Берендеи.

Всѣ подходить къ душѣ.

БЕРЕНДЕИ, съ удивленіемъ.

Боярышня! живая-ли? живая.

Въ тулупчикѣ, въ сапожкахъ, въ рукавичкахъ.

БОБЫЛЬ—Снѣгурочкѣ.

Дозволь спросить, далеко-ль держишь путь,

И какъ зовутъ тебя и величаютъ?

СНѢГУРОЧКА.

Снѣгурочкой. Куда идти—не знаю.

Коль будете добры, съ собой возьмите.

БОБЫЛЬ.

Къ Царю отвесь прикажешь, къ Берендею
Премудрому въ палаты?

СНѢГУРОЧКА.

Нѣтъ, у. васъ
Въ слободѣ я пожить хочу.

БОВЫЛЬ.

Спасибо
На милости! А у кого-жъ?

СНѢГУРОЧКА.

Кто первый
Нашелъ меня, тому и буду дочкой.

БОВЫЛЬ.

Да точно-ль такъ, да въ правду ли во мнѣ?
Снѣгурочка киваетъ головою.

Ну, чѣмъ же я, Бакула, не бояринъ!
Вались народъ на мой широкій дворъ,
На трехъ столбахъ да на семи подпоркахъ!
Пожалуйте, князья, бояре, просимъ.
Несите мнѣ подарки дорогіе
И кланяйтесь, а я ломаться буду.

БОВЫЛИХА.

И какъ это, живешь-живешь на свѣтѣ,
А все себѣ цѣны не знаешь, право.
Возьмемъ, бобыль, Снѣгурочку, пойдемъ!
Дорогу намъ, народъ! Посторонитесь.

СНѢГУРОЧКА.

Прощай, отецъ! Прощай и мама! Лѣсъ,
И ты прощай!

ГОЛОСА ИЗЪ ЛѢСУ.

Прощай, прощай, прощай!

Деревья и кусты кланяются Снѣгурочкѣ. Берендеи въ
ужасѣ убѣгаютъ, Бобыль и Бобылиха уводятъ Снѣгу-
рочку.

ДѢЙСТВІЕ I.

Лица:

ДѢВУШКА-СНѢГУРОЧКА.

БОВЫЛЬ БАКУЛА.

БОВЫЛИХА.

ЛЕЛЬ-ПАСТУХЪ.

МУРАШЪ—богатый слобожанинъ.

КУПАВА—молодая дѣвушка, дочь Мураша.

МИЗГИРЬ—торговый гость изъ посада Берендеева.

РАДУШКА	}	слобожскія дѣвушки.
МАЛУША		

БРУСИЛО	}	парни.
МАЛЫШЪ		
КУРИЛКО		

БИРЮЧЪ

Слуги Мизгиря.

Слобожане: старики, старухи, парни и дѣвки.

Зарѣчная слободка Берендеевка; съ правой стороны бѣдная изба Бобыля, съ пошатнувшимся крыльцомъ, передъ избой скамья; съ лѣвой стороны большая, раскрашенная изба Мураша; въ глубинѣ улица, черезъ улицу хлѣбникъ и пчельникъ Мураша; между ними тропинка къ рѣкѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СНѢГУРОЧКА сидитъ на скамьѣ передъ домомъ Бобыля и прядетъ. Изъ улицы идетъ БИРЮЧЪ, надѣваетъ шапку на длинный шестъ и поднимаетъ высоко: со всѣхъ сторонъ сходятся слобожане, БОВЫЛЬ и БОВЫЛИХА выходятъ изъ дому.

БИРЮЧЪ.

Слушайте, послушайте
Государевые люди,

Слободскіе Берендеи!
 По царскому наказу,
 Государеву приказанью,
 Старому, исконному обычу,
 Собраться вамъ на завтра
 На вечерней на зорюшкѣ,
 Теплою, тихой, погодливой,
 Въ государевъ заповѣднѣй лѣсъ,
 На гульбище, на игрище, на позорище
 Вѣнки завивать,
 Круги водить, играть-тѣшиться
 До ранней зорьки, до утренней.
 Напасены про васъ, наготовлены
 Пива-браги ачныя,
 Старые меды стоялые.
 А на ранней зорѣ утренней
 Караулить, встрѣчать солнце восходящее,
 Кланяться Яригѣ свѣтлому.

Снимаетъ шапку съ шеста, кланяется на всѣ четыре стороны и уходитъ. Слобожане расходятся. БОБЫЛЬ и БОБЫЛИХА подходятъ къ Снѣгурочкѣ и смотрятъ на нее, качая головами.

БОБЫЛЬ.

Хе-хе, хо-хо!

БОБЫЛИХА.

Ахти, Бобыль Бабула!

БОБЫЛЬ.

Хохонюшки!

БОБЫЛИХА.

На радость взяли дочку,
 Все ждемъ-пождемъ, что счастье поплыветъ.
 Повѣрилъ ты чужому разговору,
 Что бѣдному приемыши на счастье,

Да вотъ и плачь,—достался курамъ на смѣхъ
Подъ старость лѣтъ.

БОБЫЛЬ.

Скудаться намъ до вѣку,
Таскать кошель на плечахъ на роду
Написано. За что Бобыль Бакула
Ни хватится, ничто ему не въ прокъ.
Нашелъ въ лѣсу дѣвичку, молъ, подспорье
Въ сиротскій домъ беру,—не тутъ-то было;
Ни на волосъ не легче.

СНѢГУРОЧКА.

Самъ лѣнивъ,
Такъ нечего пенять на бѣдность. Бродишь
Безъ дѣла день-деньской, а я работы
Не бѣгаю.

БОБЫЛЬ.

Да что твоя работа!
Кому нужна? Отъ ней богатъ не будешь,
А только сытъ; такъ можно, безъ работы,
Кусочками мірскими прокормиться.

БОБЫЛИХА.

Помаялись, нужда потеряла плечи,
Пора бы намъ пожить и въ холѣ.

СНѢГУРОЧКА.

Кто же

Мѣшаетъ вамъ? Живите.

БОБЫЛЬ.

Ты мѣшаешь.

СНѢГУРОЧКА.

Такъ я уйду отъ васъ. Прощайте!

БОБЫЛИХА.

Полно!

Живи себѣ! Да помни и объ насъ,
Родителяхъ названныхъ! Мы не хуже
Сосѣдей бы пожить умѣли. Дай-ко
Мошну набить потолоще, такъ увидишь:
Такую-то взбодрю съ рогами выку,
Что только ахъ, да прочь поди.

СНѢГУРОЧКА.

Откуда-жъ

Богатству быть у дѣвушки-сиротки?

БОБЫЛИХА.

Краса твоя дѣвичья то-жъ богатство.

БОБЫЛЬ.

Богатства нѣтъ, за умъ возьмись! Не даромъ
Пословица, что умъ дороже денегъ.
Съ огнемъ ищи по свѣту, не найдешь
Счастливей тебя: отъ свахъ и сватовъ
Отбою нѣтъ, пороги отоптали.
Житье-то бы, жена!

БОБЫЛИХА.

Ну что ужъ! Было,
Да мимо рта прошло.

БОБЫЛЬ.

А парни наши
Съ ума сошли; аравами, стадами

Безъ памяти кидались за тобой,
Покинули невѣсть, перебрались,
Передрались изъ-за тебя. Жена,
Житье-то бы!

БОБЫЛИХА.

Не говори, Бакула,
Не огорчай! Въ рукахъ богатство было,
А хватъ-похватъ, межъ пальцами ушло.

БОБЫЛЬ.

И всѣхъ-то ты отвадила суровымъ,
Неласковымъ обычаемъ своимъ.

СНѢГУРОЧКА.

Зачѣмъ они гонялись вслѣдъ за мною,
За что меня покинули, не знаю;
Напрасно ты зовешь меня суровой,
Стыдлива я, смирна, а не сурова.

БОБЫЛЬ.

Стыдлива ты? Стыдливость-то къ лицу
Богатенькой. Вотъ такъ всегда у бѣдныхъ:
Что надо—нѣтъ, чего не надо—много.
Иной богачъ готовъ купить за деньги
Для дочери стыдливости хоть малость,
А намъ она не ко двору пришла.

СНѢГУРОЧКА.

Чего же вы, завистливые люди,
Отъ дѣвочки-Снѣгурочки хотите?

БОБЫЛЬ.

Приваживай, ласкай ребятъ.

СНѢГУРОЧКА.

А если

Не по-сердцу придется?

БОБЫЛЬ.

Поневолься.

Не по-сердцу, а парня ты мани,
А онъ прильнетъ и не отстанетъ, будетъ
Похаживать.

БОБЫЛИХА.

Да матери подарен

Понашивать.

БОБЫЛЬ.

Отца медкомъ да бражкой
Попаивать. Ужъ долго-ли, коротко-ли
Поводится съ тобой, а намъ барышъ.
Соскучишься съ однимъ, поприглядится,
Повытрясетъ кису, мани другого,
Поманивай!

БОБЫЛИХА.

А мнѣ опять подарки.

БОБЫЛЬ.

А мнѣ медокъ да бражка съ хохолкомъ.
Что день, то пиръ, что утро, то похмѣлье —
Вотъ самое законное житье!

СНѢГУРОЧКА.

Моя бѣда, что ласки нѣтъ во мнѣ.
Толкують всѣ, что есть любовь на свѣтѣ,

Что дѣвушка любви не миновать;
 А я любви не знаю, что за слово
 Сердечный другъ, и что такое милый,
 Не вѣдаю. И слезы при разлуцѣ,
 И радости при встрѣчѣ съ милымъ другомъ
 У дѣвушекъ видала я; отсюда-жъ
 Берутъ онѣ и смѣхъ и слезы,—право
 Додуматься Снѣгурочка не можетъ.

БОБЫЛЬ.

Бѣды тутъ нѣтъ, что ты любви не знаешь,
 Пожалуй, такъ и лучше.

БОБЫЛИХА.

Вотъ ужъ правда!
 Полюбится, на грѣхъ, бѣднякъ, и майся
 Всю жизньъ, какъ я съ Бакулой Бобылемъ.

БОБЫЛЬ.

Ребята всѣ равно тебѣ не милы
 И всѣхъ ласкай равно, да на досугъ
 Присматривай, который побогаче,
 Да самъ большой, безъ старшихъ, безсемейный.
 А высмотришь, такъ замужъ нарови,
 Да такъ vedi, чтобъ Бобылю Бакулѣ
 На хлѣбахъ жить, въ чести у зятя.

БОБЫЛИХА.

Тещѣ
 Хозяйкой быть надъ домомъ и надъ вами.

СНѢГУРОЧКА.

Коль правда то, что дѣвкѣ не минуешь
 Пора любви и слезъ по миломъ, ждите,
 Придетъ она.

БОБЫЛЬ.

Ну, дѣвча.

За сценой пастушій рожокъ.

БОБЫЛИХА.

Чу, рожокъ!

Пригналъ пастухъ скотину. Нѣтъ своихъ,
Хоть на чужихъ коровокъ полюбуюсь.

Уходить. Входить ЛЕЛЬ и одинъ изъ БЕРЕНДЕЕВЪ-сло-
божанъ, и подходить къ избѣ Мураша. МУРАШЪ схо-
дитъ съ крыльца.

ЯВЛЕНІЕ II.

БОБЫЛЬ, СНѢГУРОЧКА, ЛЕЛЬ, МУРАШЪ, БЕРЕНДЕЙ.

БЕРЕНДЕЙ.

Куда его вести? Чередъ за нами.

МУРАШЪ.

Не надо мнѣ.

БЕРЕНДЕЙ.

И мнѣ, вѣдь, не корысть.

МУРАШЪ.

А вонъ Бобыль! Сведемъ въ нему!

ЛЕЛЬ—низко кланяясь.

Да что вы,

Родимые, какъ словно отъ чумы,
Хоронитесь отъ пастуха?

МУРАШЪ.

Поди-ко,
 Поклонами обманывай другихъ,
 А мы тебя, дружка, довольно знаемъ.
 Что бережно, то цѣло, говорить.

Подходить къ Бобылю.

БЕРЕНДЕЙ—Лелю.

Иди къ нему, ночуй у Бобыля!

БОБЫЛЬ.

Какая есть моя возможность! Что ты?
 Забылъ, аль нѣтъ, что міромъ порѣшили
 Освободить меня отъ всѣхъ накладовъ
 По бѣдности моей сиротской. Что ты!

МУРАШЪ.

Накладу нѣтъ съ тебя, отправь постой!

БОБЫЛЬ.

Поужинать запросить? Самъ неѣвши,
 Который день, а пастуха корми.

МУРАШЪ.

Объ ужинѣ и слова нѣтъ, накормимъ,
 А твой ночлегъ, тебѣ убытку нѣтъ.

БОБЫЛЬ.

Освободить нельзя-ли, братцы?

ЛЕЛЬ—кланяясь.

Дядя,

Пусти меня!

БОБЫЛЬ.

Диви-сь жалѣли хлѣба,
А мѣста онъ не пролежить у васъ.

БЕРЕНДЕЙ.

Да видишь, тутъ такое вышло дѣло;
Сомнительно пускать-то Лея, — дочка
На возрастѣ, на выданьи у свата.

Показывая на Мураша.

БОБЫЛЬ.

У свата дочь, а у тебя?

МУРАШЪ — показывая на Берендея.

Жена

Красавица, да часомъ малодушна.
Избавь-ко насъ отъ Лея и напередки,
За нашъ чередъ пускай къ себѣ. Заплатимъ.
Кажись рубля не жаль.

БОБЫЛЬ.

И есть за что.
Да вотъ что, другъ, и у меня капустка,
Пустить козла и мнѣ не прибавь.

МУРАШЪ.

Полно,
Чего тебѣ бояться? Непохожа
Свѣгурочка на нашихъ бабъ и дѣвокъ.

БОБЫЛЬ.

Куда ни шло, останься, Лель.

МУРАШЪ.

Спасибо.

Сторгуемся, не постоимъ, заплатимъ.

МУРАШЪ и БЕРЕНДЕЙ уходятъ.

ЛЕЛЬ—Бобылю.

За ласковый приѣмъ, за теплый уголъ
Пастухъ тебѣ заплатить добрымъ словомъ
Да пѣснями. Прикажешь, дядя, спѣтъ?

БОБЫЛЬ.

До пѣсенъ я не больно падохъ, дѣвкамъ
Забава та мила, а Бобылю
Ведерной жбанъ сладимой, ячной браги
Поставь на столъ, таѣ будешь другъ. Коль хочешь,
Играй и пой Снѣгурочкѣ; но даромъ
Кудрявыхъ словъ не трать,—скупа на ласку,
У ней любовь и ласка для богатыхъ,
А пастуху: спасибо да прощай!

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ III.

СНѢГУРОЧКА, ЛЕЛЬ.

ЛЕЛЬ.

Прикажешь пѣтъ?

СНѢГУРОЧКА.

Приказывать не смѣю,
Прошу тебя покорно. Слушать пѣсни
Одна моя утѣха. Если хочешь,
Не въ трудъ тебѣ, запой! А за услугу
Готова я служить сама. Накрою
Кленовый столъ ширинкой браной, стану
Просить тебя откушать хлѣба-соли,

Покланяюсь, попотчую; а завтра
На солнечномъ восходѣ разбужу.

ЛЕЛЬ.

Не стою я твоихъ поклоновъ.

СНѢГУРОЧКА.

Чѣмъ же

Платить тебѣ за пѣсни?

ЛЕЛЬ.

Добримъ словомъ.

Привѣтливымъ.

СНѢГУРОЧКА.

Какая-жъ это плата?

Со всѣми я привѣтлива.

ЛЕЛЬ.

За пѣсни

Не платы жду. Мальченка-пастушенка
Убогаго за пѣсню приглубать
Поласковѣй, когда и поцѣлуютъ.

СНѢГУРОЧКА.

За поцѣлуй поешь ты пѣсни? Развѣ
Такъ дорогъ онъ? При встрѣчѣ, при прощаньи
Цѣлуюсь я со всякимъ,—поцѣлуй
Такія же слова: «прощай и здравствуй!»
Для дѣвушки споешь ты пѣсню, платить
Она тебѣ лишь поцѣлуемъ; какъ же
Не стыдно ей такъ дешево платить,
Обманывать пригоженькаго Леля!
Не пой для нихъ, для дѣвушекъ, не знаютъ
Цѣны твоимъ веселымъ пѣснямъ. Я
Считаю ихъ дороже поцѣлуевъ
И цѣловать тебя не стану, Лель.

ЛЕЛЬ.

Сорви цвѣтокъ съ травы и подари,
За пѣсенку съ меня довольно.

СНѢГУРОЧКА.

Шутишь,
Смѣешься ты. На что тебѣ цвѣточекъ?
А нуженъ онъ, и самъ сорвешь.

ЛЕЛЬ.

Цвѣтокъ
Не важность есть, а дорогъ мнѣ подарокъ
Снѣгурочки.

СНѢГУРОЧКА.

Къ чему такія рѣчи?
Зачѣмъ меня обманываешь, Лель?
Не все-ль равно, гдѣ-бъ не взять ты цвѣточекъ,
Понюхаешь и бросишь.

ЛЕЛЬ.

Вотъ увидишь,
Давай его!

СНѢГУРОЧКА—подавая цвѣтокъ.

Возьми!

ЛЕЛЬ.

На видномъ мѣстѣ
Притену его. Пусть дѣвки смотрять. Спросать,
Откуда взялъ, скажу, что ты дала.

Поетъ.

Земляничка-ягодка
Подъ кусточкомъ выросла;
Сиротинка-дѣвушка
На горе родилася.
Ладо, мое Ладо!

Земляничка-ягодка
 Безъ пригрѣву вызрѣла,
 Сиротинка-дѣвушка
 Безъ призору выросла.
 Ладо, мое Ладо.

Земляничка-ягодка
 Безъ пригрѣву вызабнетъ,
 Сиротинка-дѣвушка
 Безъ привѣту высохнетъ.
 Ладо, мое Ладо.

СНѢГУРОЧКА, почти плача, кладетъ свою руку на плечо
 Леля. ЛЕЛЯ вдругъ заливается весело.

Какъ по лѣсу лѣсъ шумить,
 За лѣсомъ пастухъ поетъ,
 Раздолье мое!

Ельникъ мой ельничекъ,
 Частый мой березничекъ,
 Приволье мое!

По частымъ по кустикамъ,
 По малой тропиночкѣ
 Дѣвушка бѣжитъ.

Ой, бѣжитъ, торопится,
 Два вѣнка съ собой несетъ,
 Себѣ да ему.

Студеной колодезь мой,
 По мхамъ по болотинкамъ
 Воды не разлей.
 Не мѣшай по тропочкамъ,
 По стѣжкамъ, дороженькамъ
 Дѣвушкѣ бѣжать.

Не шуми зеленый лѣсъ,
 Не шатайтесь сосенки
 Во чистомъ борѣ!

Не качайтесь кустики,
 Не мѣшайте дѣвушкѣ
 Два слова сказать.

ДВѢ ДѢВУШКИ издали манятъ ЛЕЛЯ. Онъ вынимаетъ
 цвѣтокъ, данный Снѣгурочкой, и бросаетъ, и идетъ къ дѣ-
 вушкамъ.

СНѢГУРОЧКА.

Куда бѣжишь? Зачѣмъ цвѣтокъ бросаешь?

ЛЕЛЬ.

На что же мнѣ завалый твой цвѣтокъ!
 Куда бѣгу? Смотри, вонъ, сѣла птичка
 На деревцѣ! Немножко попоетъ,
 И прочь летить; удержишь-ли ее?
 Вонъ видишь, ждутъ меня и ручкой манять.
 Побѣгаемъ, пошутимъ, посмѣемся,
 Пошепчемся у тына подъ шумокъ,
 Отъ матушекъ сердитыхъ потихоньку.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СНѢГУРОЧКА—одна.

СНѢГУРОЧКА.

Какъ больно здѣсь, какъ сердцу тяжело стало!
 Тяжелою обидой, словно камнемъ
 На сердце палъ цвѣтокъ, измятый Лелемъ,
 И брошенный. И я, какъ-будто, тоже
 Покинута и брошена, завяла
 Отъ словъ его насмѣшливыхъ. Къ другимъ
 Бѣжить пастухъ; онѣ ему милѣе;
 Звучнѣ смѣхъ у нихъ, теплѣе рѣчи,
 Податливѣй онѣ на поцѣлуй,
 Кладутъ ему на плечи руки, прямо
 Въ глаза глядятъ и смѣло, при народѣ
 Въ объятіяхъ у Леля замираютъ.
 Веселье тамъ и радость.

Прислушивается.

Чу, смѣются.

А я стою и чуть не плачу съ горя,
 Досадую, что Лель меня оставилъ.
 А какъ винить его? Гдѣ веселье,
 Туда его и тянетъ сердце. Правъ
 Пригожій Лель. Бѣги туда, гдѣ любить,
 Ищи любви, ее ты стоишь. Сердце
 Снѣгурочки, холодное для всѣхъ,
 И для тебя любовью не забьется.

Но отъ чего-жъ обидно мнѣ, досада
 Сжимаетъ грудь, томительно тоскливо
 Глядѣть на васъ, глядѣть на вашу радость,
 Счастливыя подружки пастуха?
 Отецъ-Морозъ, обидѣлъ ты Снѣгурку.
 Но дѣло я поправлю: межъ бездѣлокъ,
 Красивыхъ бусъ, дешевыхъ перстеньковъ,
 У матери-Весны возьму немного,
 Немножечко сердечнаго тепла,
 Чтобъ только лишь чуть теплилось сердечко.

На улицѣ показываются: МАЛУША, РАДУШКА, МА-
 ЛЫШЪ, БРУСИЛО, КУРИЛКО, ЛЕЛЬ и другіе парни и
 дѣвушки, потомъ КУПАВА. Парни съ поклономъ подхо-
 дятъ къ дѣвушкамъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

СНѢГУРОЧКА, КУПАВА, МАЛУША, РАДУШКА, МАЛЫШЪ,
 БРУСИЛО, КУРИЛКА, ЛЕЛЬ И БЕРЕНДЕИ.

МАЛУША—парнямъ.

Оставьте насъ! Подите, подлещайтесь
 Къ Снѣгурочкѣ своей!

РАДУШКА—Брусило.

Не подходи,
 Безстыжіе глаза твои!

БРУСИЛО.

Доволѣ-жъ
 Томиться намъ, скажите!

КУРИЛКО.

Порѣшите
 Хоть чѣмъ-нибудь!

РАДУШКА.

Къ Снѣгурочкѣ подите!
Смѣняли разъ подругъ своихъ, завѣтныхъ
На новую, такъ вѣры нѣтъ.

МАЛУША.

Найдите
Получше насъ, коль мы нехороши.

БРУСИЛО.

А если намъ отъ новой взятки-гладки,
Куда-жъ тогда?

РАДУШКА.

Не плавать же объ васъ.

БРУСИЛО.

Ужъ каялись; не вѣкъ же распинаться;
Пора забыть про старое.

РАДУШКА.

Не вдругъ
Забудемъ мы, не дожидайтесь.

Малушѣ.

Прямо

Въ глаза тебѣ смѣются, вынимаютъ
Ретивое изъ бѣлой груди, послѣ
И ластятся, какъ путные робята;
Моль, такъ пройдетъ, какъ-будто ничего,
Забудется.

МАЛУША.

Ни въ жизнь не позабудемъ.

БРУСИЛО.

Покорствуемъ, повинную приносимъ,
А жалости не видимъ надъ собой.

РАДУШКА.

Умри въ глазахъ, и то не пожалѣю.

БРУСИЛО.

Все дѣло врозь да надвое.

КУРИЛКО.

Ау!

Хоть волкомъ вой.

БРУСИЛО.

А врозь, такъ врозь, и сами
Столкнутся безъ насъ, на мировую
Потянутся.

РАДУШКА.

Слѣпой сказалъ: посмотримъ.

Дѣвушки и парни расходятся въ разные стороны.

КУПАВА—подходя къ Снѣгурочкѣ.

Снѣгурочка, одна стоитъ, бѣдняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Лея бы ласкала.

СНѢГУРОЧКА.

Лель не любить
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячихъ ласкъ, а я стылива.

КУПАВА.

Я-то,
 Снѣгурочка, а я-то какъ счастлива!
 Отъ радости и мѣста не найду,
 Вотъ такъ бы я ко всякому на шею
 И кинулась, про радость рассказала,
 Да слушать-то не всё охочи. Слушай,
 Снѣгурочка, порадуйся со мной!
 Сбирала я цвѣты на Красной горкѣ,
 На встрѣчу мнѣ изъ лѣсу молодець,
 Хорошъ-пригожъ, румяный, круглолицый,
 Красень, кудравъ, что маковый цвѣтокъ.
 Сама суди, не каменное сердце,
 Безъ милаго не проживешь; придется
 Кого-нибудь любить, не обойдешься,
 Такъ лучше ужъ красавца, чѣмъ дурного.
 Само собой, по скромности дѣвицей,
 Стараешься ретивое сердечко
 Удерживать немного; ну, а все же
 На всякій часъ не опасешься. Парень
 Пригожъ собой, жениться обѣщаетъ,
 Да такъ-то скоръ, да такъ-то скоръ, что право
 Скружить совѣтъ, ума не соберешь;
 Ну что и какъ: ужъ долго-ль коротко ли,
 А только мы сдружились. Онъ богатый
 Отецкій сынъ, по имени Мизгирь,
 Торговый гость изъ царскаго посада.
 Родители мои, конечно, рады
 Моей судьбѣ; а онъ ужъ такъ-то клялся,
 Въ Ярилинь день, на солнечномъ восходѣ,
 Въ глазахъ Царя вѣнками обмѣняться
 И взять меня женой; тогда прощайте.
 Въ его дому, въ большомъ посадѣ царскомъ,
 На всемъ виду, богатою хозяйкой
 Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
 Приѣдетъ къ намъ въ слободку спознаваться
 Съ дѣвицами и парнями. Увидишь,
 Порадуйся со мной.

СНѢГУРОЧКА ее цѣлуетъ.

Повеселимся,

Круги водить пойдемъ на Красной горкѣ.
Да вотъ и онъ!

Бѣжать и прячется между дѣвушекъ. Входить МИЗГИРЬ,
за нимъ двое слугъ съ мѣшками. Снѣгурочка прядеть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

СНѢГУРОЧКА, КУПАВА, МАЛУША, РАДУШКА, МИЗГИРЬ,
МАЛЫШЪ, БРУСИЛО, КУРИЛКА, ЛЕЛЬ, СЛУГИ МИЗГИРЯ
И БЕРЕНДЕИ.

КУПАВА.

Голубушки-дѣвицы,
Пришелъ красы дѣвичей погубитель,
Съ подружками, съ родными разлучитель.
Не выдайте подружку, скороните!
А выдайте, такъ за великій выкупъ.

МИЗГИРЬ—уцѣливо кланяясь

Красавицы-дѣвицы, между вами
Не прячется-ль красавица Купава.

РАДУШКА.

Красавица Купава намъ, дѣвицамъ,
Самимъ нужна. Отдать, такъ не съ кѣмъ будетъ
Круги водить и вечера сидѣть,
И тайности дѣвичьи говорить.

МИЗГИРЬ.

Красавицы, подружка вамъ нужна,
А мнѣ нужнѣй. Однимъ-одинъ гуляю,
Хозяйки нѣтъ; кому я золотые
Ключи отдамъ отъ кованныхъ ларцовъ?

РАДУШКА—дѣвушкамъ.

Отдать, иль нѣтъ?

МАЛУША.

Не отдавай подружку,
У насъ еще и пѣсни недопѣты,
И игры мы не доиграли съ ней.

МИЗГИРЬ.

Красавицы, подружка вамъ нужна,
А мнѣ нужеѣй того. Сиротскимъ дѣломъ
Кому ласкать меня, лелѣять, нѣжить,
Кому чесать и холить вудри русы?

РАДУШКА.

Отдать, иль вѣтъ подружку?

МАЛУША.

Развѣ выкупъ
Великій дастъ.

РАДУШКА.

Рублемъ, или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари дѣвицъ, Купаву отдадимъ.

МИЗГИРЬ.

Не жаль для васъ ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля дѣвицамъ подарить.

Береть у слуги изъ мѣшка дсвѣги и раздаетъ дѣвушкамъ.

Орѣховъ вамъ и пряниковъ печатныхъ
Корабль пришлоъ.

Отдастъ мѣшокъ съ орѣхами и пряниками. ПАРНИ
окружаютъ КУПАВУ.

МАЛЫШЪ.

Не вдругъ возьмешь Купаву,

Безъ выкупа не отдадимъ. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даромъ!
А то у насъ всѣхъ дѣвокъ поберутъ,
А намъ самимъ въ слободѣхъ недостаца.

МИЗГИРЬ.

Къ дѣвицамъ я и лаской и привѣтомъ,
Я съ вами рѣчь иную поведу!
Отсыплю вамъ,—давайте берендейку,
Пригоршни двѣ, и разговоръ коротокъ.

Малышъ подставляетъ шапку-берендейку, Мизгирь сыплетъ двѣ пригоршни и беретъ Купаву.

КУПАВА.

Сердечный другъ, свою дѣвичью волю,
Подругъ, родныхъ на милаго дружка
Смѣняла я; не обмани Купаву,
Не погуби дѣвическаго сердца.

Отходить и садятся на крыльцѣ избы Мураша.

БРУСИЛО.

Однако намъ Мизгирь въ глаза смѣется.
Ну, братцы, жаль не на меня напалъ,
Не очень-то со мной разговоришься.
Не сталъ бы я терпѣть обидныхъ словъ,
Своихъ ребятъ чужому-чуженину
Не выдать бы на посмѣянье.

МАЛЫШЪ.

Ой-ли?

А что-жъ бы ты?

БРУСИЛО.

Да не тебѣ чета.

Ужъ, кажется.

Засучиваетъ рукавъ.

МАЛЫШЪ.

Начни, а мы посмотримъ.

БРУСИЛО.

Крутенекъ я и на руку тяжель.
Ужъ лучше вы меня свяжите, братцы,
Чтобъ не было бѣды какой.

МАЛЫШЪ.

Смотри,

Коль сунешься, не паться.

БРУСИЛО.

Невозможно.

Попотчую, не битымъ изъ слободы
Не выпущу. Курилка, задирай.

КУРИЛКА—Мизгирю.

Эй ты, Мизгирь, послушай, братъ—робята
Обидѣлись.

МИЗГИРЬ—встаетъ съ крыльца.

На что?

КУРИЛКА.

На грубость.

МИЗГИРЬ.

Будто?

КУРИЛКА.

Ужъ вѣрно такъ.

МИЗГИРЬ—подходя къ Бурилкѣ.

А ты обиженъ тоже?
Ну, чтожъ молчишь!

КУРИЛКА.

Да я-то ничего.

МИЗГИРЬ.

Такъ прочь поди; да поумнѣй пошлите
Бого-нибудь.

КУРИЛКА.

А я, небось дуракъ
По-твоему?

МИЗГИРЬ.

Дуракъ и есть.

КУРИЛКА.

За дѣло-жъ
Собирается тебя побить Брусило.

МИЗГИРЬ.

Брусило? Гдѣ? Какой-такой? Кажите!
Давай его.

МАЛЫШЪ—удерживаетъ Брусилу.

Куда же ты? Пстой!

МИЗГИРЬ.

Брусило ты? Поди сюда поближе!

БРУСИЛО—парнямъ, которые его подталки-
ваютъ.

Да полно вамъ!

Мизгирю.

Не слушай, государь!

Извѣстно, такъ дурачимся, для шутки,
Промежь себя.

РАДУШКА.

Ахъ горе-богатырь:

Да такъ тебѣ и надо.

МАЛУШКА.

Ништо имъ!

У нихъ въ глазахъ и насъ возьмутъ чужіе.

КУРИЛКА.

А мы пойдемъ за дѣвками чужими.

РАДУШКА.

А мы объ васъ и думать позабыли.

Дѣвки и парни расходятся врозь.

КУПАВА—парнямъ.

Не стыдно-ль вамъ! Къ дѣвицѣ-слобожанѣ
Женихъ пришелъ, его привѣтить нужно;
А вы на брань и драку лѣзть готовы.

МАЛЫШЪ.

Брусило здѣсь зажига.

БРУСИЛО.

Не порядокъ—

Чужихъ ребятъ пускать въ слободу. Сами

Вспомаетесь, — останемся безъ дѣвокъ,
Купаву взять и безъ него умѣли-бъ.

КУПАВА.

Умѣлъ бы ты, да я-то не умѣю
Любить тебя, .вотъ горе.

Дѣвушкамъ.

Загѣвайте,
Подруженьки, веселую погромче!
Пойдемъ въ лужокъ, да заведемъ кружокъ!

ДѢВУШКИ загѣваютъ: «ай во полѣ липоньки» и уходятъ, парни за ними, поодаль. Лель садится подлѣ Снѣгурочки и оплетаетъ рожокъ берестой. Купава съ Мизгиремъ подходятъ къ Снѣгурочкѣ.

КУПАВА.

Снѣгурочка, потѣпъ свою подружку
Въ послѣдній разъ, въ останешній, пойдемъ
Круги водить, играть на Красной горѣ.
Не долго мнѣ рѣзвиться-веселиться,
Послѣдній день моей дѣвичей воли,
Снѣгурочка, послѣдній.

СНѢГУРОЧКА.

Я, Купава,
Иду съ тобой, возьмемъ и Леля. Пяжу
Снесу домой и побѣгу за вами.
Уходить въ избу.

КУПАВА—Мизгирю.

Сердечный другъ, пойдемъ! Они догонять.

МИЗГИРЬ.

Постой, постой!

КУПАВА.

Дѣвицы за слободкой
Полеомъ стоять и ждуть.

МИЗГИРЬ.

Твоя подружка
Снѣгурочка; а Лель у васъ при чемъ?
СНѢГУРОЧКА выходитъ, за ней БОБЫЛЬ и БОБЫЛИХА.

ЯВЛЕНІЕ VII.

СНѢГУРОЧКА, КУПАВА, МИЗГИРЬ, ЛЕЛЬ, БОБЫЛЬ и БОБЫЛИХА.

КУПАВА.

Снѣгурочка безъ Леля будетъ скучно.

МИЗГИРЬ.

Да правда ли? Не веселѣй ли будетъ
Снѣгурочка со мной идти?

КУПАВА.

А я-то?

МИЗГИРЬ.

А ты возьми хоть Леля.

КУПАВА.

Какъ же милый?

Вѣдь я твоя, твоя, одна могила
Разлучить насъ.

МИЗГИРЬ.

Пойдешь ли ты, иль нѣтъ,
А я останусь здѣсь.

БОБЫЛЬ.

Покорно просимъ.

КУПАВА.

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжелой сердце
У бѣдненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видѣть
Разлучницы не будутъ, горя злого
Ревнивое сердечко не учуетъ.
Снѣгурочка, завистница, отдай
Дружка назадъ!

СНѢГУРОЧКА.

Подружка дорогая,
И ты, дружокъ ея, оставьте насъ.
Слова твои обидно, больно слушать.
Снѣгурочка чужая вамъ. Прощайте!
Ни счастьемъ вы предъ нами не хвалитесь,
Ни въ зависти меня не упрекайте!

Хочетъ идти!

МИЗГИРЬ—удерживая ее.

Снѣгурочка, останься! Кто счастливецъ
Любовникъ твой?

СНѢГУРОЧКА.

Никто.

МИЗГИРЬ.

Такъ буду я.

Купавѣ.

Смотри туда, Купава! Видишь, солнце
На западѣ, въ лучахъ зари вечерней,
Въ пурпуровомъ туманѣ утопаетъ!
Воротится-ль оно назадъ?

КУПАВА.

Для солнца
Возврата нѣтъ.

МИЗГИРЬ.

И для любви погасшей
Возврата нѣтъ, Купава.

КУПАВА.

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь!

Убѣгаетъ.

МИЗГИРЬ.

Люби меня, Снѣгурочка! Дарами
Безцѣнными красу твою осыплю,
Безцѣнную.

СНѢГУРОЧКА.

Любви моей не купишь.

МИЗГИРЬ.

И жизнь свою отдамъ въ придачу. Слуги,
Казну мою несите!

БОБЫЛИХА—Снѣгурочкѣ.

Ты съ ума-то,
Великаго, не вздумай отказаться!

БОБЫЛЬ.

Мѣшки тащатъ, Снѣгурочка, попомни
Родителей!

БОБЫЛИХА.

Не пронесли бы мимо.
А такъ въ глазахъ и заплясала кива
Рогатая съ обатнымъ жемчугомъ.

СНѢГУРОЧКА.

Сбирайте дань, завистливые люди,
Съ подружкина несчастья, богатѣйте
Моимъ стыдомъ. Не жалуйтесь, согласна
Притворствоваться для вашихъ барыней.

БОБЫЛЬ.

Попотчивать бы гостя, да не знаю,
Чего подать: сотовъ медовыхъ, меду
Стоялаго серебряную стопу,
Коврижку ли медовую да бражки?

МИЗГИРЬ.

Чего не жаль, того и дай.

БОБЫЛЬ.

Помилуй,
Жалѣю-ль я. Чего душѣ угодно?

МИЗГИРЬ.

Поддай меду!

БОБЫЛЬ.

Какой тебѣ по праву:
Малиновый, аль вишневый, инбирный?

МИЗГИРЬ.

Какой-нибудь.

БОБЫЛЬ.

И всякаго довольно,
Да не у насъ, а у сосѣдей. Вѣришь,
Шаромъ кати, ни корки хлѣба въ домѣ,
Ни зернушка въ сусѣкѣ, ни копѣйки
Желѣзной нѣтъ въ мошнѣ у Бобыля.

МИЗГИРЬ.

Бери мѣшокъ, старикъ, пойдетъ въ задатокъ
За дочь твою.

БОБЫЛЬ.

Тащи въ избу, старуха,
Корпи надъ нимъ! Покорно благодарствуй.
Теперь медкомъ и бражкой разживемся,
Попотчую тебя и самъ напьюсь.

МИЗГИРЬ.

Давать казну, такъ знать, за что. Ужъ Леля
Подальше ты держи, а то разладимъ,
Разсоримся, старикъ.

БОБЫЛЬ.

Такое-ль дѣло,
Чтобъ ссориться! Великъ ли Лель, помилуй!
Да какъ тебѣ угодно, такъ и будетъ,
Велишь прогнать, прогонимъ.

МИЗГИРЬ.

Прогони!

БОБЫЛЬ.

Снѣгурочка! Не полюбилось гостю,
Что Лель торчитъ передъ глазами: Дочка,

Скажи ему, чтобъ онъ гулялъ кругомъ
 Да около, стороной, обходилъ
 Бобыльскій дворъ! А у избы толочься
 Не для чего, молъ, другъ любезный, такъ-то!

СНѢГУРОЧКА.

Поди отъ насъ, уйди подальше, Лель!
 Не я гоню, нужда велить.

ЛЕЛЬ.

Прощайте!

СНѢГУРОЧКА.

О чемъ же ты заплакалъ? Эти слезы
 Объ чемъ, скажи!

ЛЕЛЬ.

Когда сама заплачешь,
 Узнаешь ты о чемъ и люди плачутъ.

Отходить.

МНІЗГИРЬ—обнимая Снѣгурочку.

Не знаешь ты цѣны своей красѣ.
 По свѣту я гулялъ торговымъ гостемъ,
 На пестрые базары мусульманъ
 Заглядывалъ; со всѣхъ сторонъ красавицъ
 Везутъ туда армяне и морскіе
 Разбойники: но красоты подобной
 На свѣтѣ мнѣ встрѣчать не приходилось.

Входятъ КУПАВА съ дѣвушками и парнями. МУРАШЪ сходить
 съ крыльца.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СНѢГУРОЧКА, МИЗГИРЬ, БОБЫЛЬ, ЛЕЛЬ, КУПАВА, МУРАШЪ,
РАДУШКА, МАЛУША, МАЛЫШЪ, БРУСИЛО, КУРИЛКА,
БЕРЕНДЕИ и БЕРЕНДЕЙКИ.

КУПАВА.

Голубушки-подружки, поглядите,
Отецъ, гляди, въ слезахъ твоя Купава,
Тоска ее за горло душить, сухи
Уста ея горячія; а онъ
Съ разлучницей, веселый, прямо въ очи
Уставился, глядитъ, не наглядится.

МУРАШЪ.

Да какъ же такъ?

МАЛЫШЪ.

Дивовина, ребята.

РАДУШКА.

Обидѣлъ онъ Купаву кривно.

МАЛУША.

Всѣхъ,

Обидѣлъ всѣхъ дѣвицъ.

МУРАШЪ.

Такого дѣла
Не слыхано у честныхъ Берендеевъ.

КУПАВА.

Скажи, злодѣй, при всемъ честномъ народѣ,

Тогда ли ты обманывалъ Купаву,
 Когда въ любви ей клялся? Или вправду
 Любилъ ее и обманулъ теперь,
 Позарившись несатыми очами
 На новую добычу? Говори!

МИЗГИРЬ.

Къ чему слова! Для сердца нѣтъ указки.
 Не мало клятвъ безумныхъ приберешь
 Въ пылу любви, не мало обещаній;
 Да развѣ ихъ запомнишь послѣ? Клятвы
 Цѣпами ты считаешь, я словами,
 Не помню ихъ, и сердца не вяжу,
 Вольно ему любить и разлюбить;
 Любилъ тебя, теперь люблю другую,
 Снѣгурочку.

РАДУШКА.

Обидно Берендейкамъ
 Такую рѣчь отъ Берендея слышать.

БРУСИЛО.

Чего еще! Ужъ хуже не бываетъ.

МУРАШЪ.

Давно живу, и старые порядки
 Извѣстны мнѣ довольно. Берендей,
 Любимые богами, жили честно.
 Безъ страха дочь мы парню поручали,
 Вѣнокъ для насъ порука ихъ любви
 И вѣрности до смерти. И ни разу
 Измѣною вѣнокъ поруганъ не былъ
 И дѣвушки не вѣдали обмана,
 Не вѣдали обиды.

РАДУШКА.

Всѣмъ обида,
 Обида всѣмъ дѣвицамъ Берендейкамъ.

КУПАВА.

За что же ты Купаву разлюбилъ?

МИЗГИРЬ.

Влюбленному всего дороже скромность
И робкая оглядка у дѣвицы;
Самъ-другъ она оставшись съ милымъ, ищетъ
Какъ будто гдѣ себѣ защиты взоромъ.
Опущены стыдливые глаза,
Рѣсницами покрыты; лишь укладкой
Мелькнетъ севозъ нхъ молящій нѣжно взоръ.
Одной рукой ревниво держитъ друга,
Другой его отталкиваетъ прочь.
А ты меня любила безъ оглядки,
Обѣими руками обнимала,
И весело глядѣла.

КУПАВА.

Ахъ, обида!

МИЗГИРЬ.

И думалъ я, твое безстыдство вида,
Что ты меня смѣняешь на другого.

КУПАВА.

Ахъ, ахъ! Отецъ, родные, заступитесь!

Всѣ стоять пораженные.

Защиты нѣтъ Купавѣ?

Всѣ молчать. Купава, поднявъ руки, обращается къ
пчельнику.

Пчелки, пчелки!

Крылатые, летите ярымъ роемъ,
Оставьте вы соты медовы, впейтесь
Въ безстыжіе глаза! Не заикнулся-жъ
Языкъ его, не поперхнулось горло
Сказать, что я дѣвица безъ стыда,
И пристыдить родимыхъ. Залѣпите
Лицо его и песій взглядъ луна!

Обращаясь къ хмѣльнику.

Хмѣлинушко, тычинная былинка,
Высоко ты по жердочѣ взылся,
Широко ты развѣсилъ яры шишки.

Становится на коѣнни.

Молю тебя, кудрявый ярый хмѣль,
Отсмѣй ему, насмѣшнику, насмѣшку
Надъ дѣвушкой! За длинными столами,
Дубовыми, за умною бесѣдой,
Въ кругу гостей почетныхъ, посѣдѣлыхъ,
Поставь его обманщика невѣжей
Нетесаннымъ и круглымъ дуракомъ.
Домой поидеть, такъ хмѣльной головою
Ударь объ тынъ стоячій, прямо въ лужу
Лицомъ его безстыжимъ урони!
О, рѣченька, студеная водица,
Глубокая, проточная, укрой
Тоску мою и вмѣстѣ съ горемъ лютымъ
Ретивое сердечко утопи!

Бѣжать къ рѣкѣ. ЛЕЛѢ ее удерживаетъ, почти безчув-
ственную.

ЛЕЛѢ.

Зачѣмъ топить ретивое сердечко!
Пройдетъ тоска и сердце оживетъ.

МУРАШЪ.

За дѣвушекъ обманутыхъ заступникъ
Великій Царь. Проси царя, Купава.

ВСѢ.

За всѣхъ сиротъ заступникъ Берендей.

КУПАВА.

Постылый ты, постылый человѣкъ.

Падаетъ на руки ЛЕЛѢ.

МУРАШЪ.

Дождался ты проклятья отъ Купавы.
Не долго ждать погибельнаго гнѣва
Отъ праведно-карающихъ боговъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Лица:

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ.

БЕРМЯТА — ближній бояринъ.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ — его жена.

СНѢГУРОЧКА.

КУПАВА.

БОБЫЛЬ.

БОБЫЛИХА.

МИЗГИРЬ.

ЛЕЛЬ.

Бояре, боярыни, гуслары, слѣпые, скоморохи, отроки, бирючи, берендеи всякаго званія обоего пола.

Открытыя сѣни во дворцѣ Берендея; въ глубинѣ, за точеными балюстрадами переходовъ, видны вершины деревьевъ сада, деревянныя рѣзные башни и вышки.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ сидитъ на золотомъ стулѣ, расписываетъ красками одинъ изъ столбовъ. У ногъ царя сидятъ на полу два скомороха, нѣсколько поодаль — слѣпые гуслары съ гуслими, на переходахъ у дверей стоятъ царскіе отроки.

ГУСЛАРЫ—поютъ.

Вѣщія, звонкія струны рокочутъ
Громеую славу царю Берендею.
Долу опустимъ померкшія очи,

Ночи

Мракъ безразсвѣтный смежилъ ихъ навѣчно.
Зрячею мыслью, рыскачей оглянемъ
Ближнихъ сосѣдей окрестныя царства.

Что мнѣ звенить по зарѣ издаече?
Слышу и трубы, и ржаніе копей,
Глухо стези подъ копытами стонуть.

Тонуть

Въ сизыхъ туманахъ стальные шеломы,
Звонко бряцаютъ кольчатая брони,
Птичьи стада по степямъ пробуждая.

Луки напряжены, тулы открыты,
Пашутъ по вѣтру червленые стяги,
Рати съ заранія по полю свачуть.

Плачутъ

Жены на стѣнахъ и башняхъ высокихъ:
Ладъ своихъ милыхъ не видѣть намъ болѣ,
Милые гибнуть въ незнаемомъ полѣ.

Стоны по градамъ, притоптаны нивы,
Съ утра до ночи, и съ ночи до свѣту
Ратаи черными вранами рыщутъ.

Прыщутъ

Стрѣлы дождемъ по щитамъ вороненымъ,
Гремлять мечи о шеломы стальные,
Сулицы сквозъ прободаютъ доспѣхи.

Чести и славы князьямъ добывая,
Ломятъ и гонятъ дружины дружины,
Топчутъ коноями, копытами и жутомъ.

Лижутъ

Звѣри лѣсные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитыхъ,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады въ странѣ Берендеевъ,
Радостны пѣсни по рощамъ и доламъ,
Миромъ красна Берендея держава.

Слава

Въ роды и роды блажителю мира!

Струны баяновъ гремѣтъ не престануть
Славу златому столу Берендея.

Царь знакомъ благодарить слѣпыхъ; ихъ уводитьъ.

1-й СКОМОРОХЪ.

Что-жъ это, царь: къ чему, скажи, пристало,
Внизу столба коровью ногу пишетъ?

2-й СКОМОРОХЪ.

Аль ты ослѣпъ? Да гдѣ-жъ она коровья?

1-й СКОМОРОХЪ.

Какая же?

2-й СКОМОРОХЪ.

Какая! Видишь: песья.

1-й СКОМОРОХЪ.

Коровья, шутъ.

2-й СКОМОРОХЪ.

Анъ, песья.

1-й СКОМОРОХЪ.

Анъ, коровья,

Съ копытами.

2-й СКОМОРОХЪ.

Да песья-жъ.

1-й СКОМОРОХЪ.

Самъ ты пёсъ,

Собачій носъ!

2-й СКОМОРОХЪ.

А ты корова.

1-й СКОМОРОХЪ.

Я-то?

Дерутся.

Такъ я тебя рогами забоду!

2-й СКОМОРОХЪ.

А я тебя зубами загрызу!

Встаютъ на ноги и расходятся, приготовляясь
биться на кулачки.

ЦАРЬ.

На мѣсто, вы!

Скоморохи садятся.

Ни песья, ни коровья,
 А крѣпкая нога гнѣдого тура.
 Палатное письмо имѣетъ смыслъ.
 Небесными кругами украшаютъ
 Подписчики въ палатахъ потолоки
 Высокіе; въ простѣнкахъ узкихъ пишутъ
 Утѣху глазъ — лазоревы цвѣты
 Межъ травами зелеными; а турьи
 Могучія и жилистыя ноги
 На притолкахъ дверныхъ, припечныхъ турахъ,
 Подножіяхъ прямыхъ столбовъ, на вонхъ
 Покоится тяжелыхъ матицъ грузъ.
 Въ преддверіяхъ, чтобъ гости веселѣ
 Вступали въ домъ, писцы живописуютъ
 Такихъ, какъ вы, шутовъ и дураковъ.
 Ну, поняли, глупцы?

1-й СКОМОРОХЪ.

Скажи, который

Изъ насъ двоихъ глупѣе.

2-Я СКОМОРОХЪ.

Вотъ задача!
 Нехитрому уму не разгадать.

ЦАРЬ.

Пріятно умъ чужой своимъ примѣрить,
 На мѣру взять и на вѣсъ; глупость мѣрять —
 Напрасно трудъ терять.

Входитъ Бермита.

Подите вонъ!

Скоморохи уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ и БЕРМИТА.

БЕРМИТА.

Великій царь счастливыхъ берендеевъ,
 Живи во вѣкъ! Отъ радостнаго утра,
 Отъ подданныхъ твоихъ и отъ меня
 Привѣтъ тебѣ! Въ твоёмъ обширномъ царствѣ
 Покуда все благополучно.

ЦАРЬ.

Правда-ль?

БЕРМИТА.

Воистину.

ЦАРЬ.

Не вѣрю я, Бермита.
 Въ сужденіяхъ твоихъ замѣтна легкость.
 Не разъ тебѣ и словомъ, и указомъ
 Приказано, и повторяю вновь,
 Чтобъ глубже ты смотрѣлъ на вещи, въ сущность
 Проникнуть ихъ старался, въ глубину.

Нельзя-жъ легко, порхая мотылькомъ,
 Касаться лишь поверхности предметовъ:
 Поверхностность—порокъ въ почетныхъ лицахъ,
 Поставленныхъ высоко надъ народомъ.
 Не думай ты, что все благополучно,
 Когда народъ не голоденъ, не бродитъ
 Съ котомками, не грабить по дорогамъ.
 Не думай ты, что если нѣтъ убійствъ
 И воровства...

БЕРМЯТА.

Воруютъ понемножку.

ЦАРЬ.

И ловите?

БЕРМЯТА.

Зачѣмъ же ихъ ловить,
 Труды терять? Пускай себѣ воруютъ,
 Когда-нибудь да попадутся; въ силу
 Пословицы народной: «сколько вору
 Ни воровать — кнута не миновать».

ЦАРЬ.

Конечно, грѣхъ неправаго стяжанья
 По мелочи не очень-то великъ
 Сравнительно, а все же не мѣшаетъ
 Искоренять его. Не уклонимся-жъ
 Отъ главнаго предмета разговора.
 Благополучіе — велико слово!
 Не вижу я его давно въ народѣ,
 Пятнадцать лѣтъ не вижу. Наше лѣто,
 Короткое, годъ отъ году короче
 Становится, а весны холоднѣй,
 Туманныя, сырыя, точно осень,
 Печальныя. До половины лѣта
 Снѣга лежать въ оврагахъ и лядинахъ,
 Изъ нихъ ползутъ туманы по утрамъ,
 А въ вечеру выходить злыя сестры,

Трясучія и блѣдныя кумохи
 И плячутся по деревнямъ, ломая,
 Знобя людей. Недавно мы гуляли
 Съ женой твоей, прекрасною Еленой,
 Въ саду моемъ тѣнистомъ. Подъ кустами,
 Отъ зоркихъ глазъ садовниковъ скрываясь,
 Таилася подтаявшая льдинка,
 Безпечные, какъ дѣти, мы шутили,
 Рѣзвились съ прекрасною Еленой;
 Но холодокъ, вѣяся тонкой струйкой,
 Лица ея прекраснаго коснулся,
 И вздулись вдругъ малиновыя губы
 И правая румяная щека,
 Гора горой, мгновенно исказилась
 Улыбка устъ медовыхъ. Нѣтъ, Бермята,
 Не все у насъ благополучно, другъ.
 Пятнадцать лѣтъ не кажется Ярило
 На нашъ призывъ, когда, встрѣчая солнце,
 Въ великій день Ярилинъ, мы напрасно,
 Тьмотысячной толпой къ нему зываемъ.
 И пѣснями его величье славимъ.
 Сердить на насъ Ярило.

БЕРМЯТА.

Царь премудрый,
 За что-бъ ему сердиться?

ЦАРЬ.

Есть за что.
 Въ сердцахъ людей замѣтилъ я остуду
 Не малую; горячности любовной
 Не вижу я давно у берендеевъ.
 Исчезло въ нихъ служенье красотѣ;
 Не вижу я у молодежи взоровъ,
 Увлаженныхъ чарующею страстью;
 Не вижу дѣвъ задумчивыхъ, глубоко
 Вдыхающихъ. На глазахъ съ поволокой
 Возвышенной тоски любовной нѣтъ,
 А видятся совсѣмъ другія страсти:

Тщеславіе, къ чужимъ нарядамъ зависть
 И прочее. Въ женатыхъ охлажденье
 Замѣти́те еще: на женъ красавицъ
 Диковинныхъ, съ сово́льими очами,
 На пышную лебазью бѣлизну
 Упругихъ плечъ,—супруги берендей,
 Сонливые, взираютъ равнодушно.
 Кажись бы я... ахъ старость, старость! Гдѣ вы,
 Минувшіе веселые года
 Горячихъ чувствъ и частыхъ увлеченій?
 Чудесныя дѣла недугъ любовный
 Творилъ въ душѣ моей, и добръ и нѣженъ
 Бывалъ тогда счастливый Берендей
 И всякаго готовъ принять въ объятія
 Открытыя. Теперь и старъ, и сѣдъ,
 А все-таки не понимаю, можно-ль
 Холоднымъ быть, безстрастнымъ оставаться
 При видѣ женъ румяныхъ, полногрудыхъ.
 Но въ сторону не будемъ уклоняться,
 На прежнее воротимся. А жены!
 Нельзя сказать, что потеряли вовсе
 Горячую привязанность къ мужьямъ,
 А всежъ-таки супружеская вѣрность
 Утратила немного, такъ сказать,
 Незыблемость свою и несомнѣнность.
 Короче, другъ, сердечная остуда
 Повсюдная,—сердца охолодѣли,
 И вотъ тебѣ разгадка нашихъ бѣдствій
 И холода: за службу нашихъ чувствъ,
 И сердится на насъ Ярило солнце
 И стужей мстить. Понятно?

БЕРМЯТА.

Понимаю,
 Великій царь, но горю пособить
 Не вижу средствъ.

ЦАРЬ.

А средства быть должны,
 Подумай-ка, Бермята!

БЕРМЯТА.

Царь премудрый,
 Издай указъ, чтобъ жены были вѣрны,
 Мужья нѣжнѣй на ихъ красу глядѣли,
 Ребята всѣ чтобъ были поголовно
 Въ невѣсть своихъ безумно влюблены,
 А дѣвушки задумчивы и томны...
 Ну, словомъ, какъ хотять, а только-бъ были
 Любовники.

ЦАРЬ.

Весьма нехитрый способъ,
 А пользы-то дождемся?

БЕРМЯТА.

Никакой.

ЦАРЬ.

Къ чему-жъ тогда указы?

БЕРМЯТА.

Передъ солнцемъ
 Очистка намъ: приказано, молъ, было,
 Не слушаютъ, такъ ихъ вина, нельзя же
 По сторожу ко всякому приставить.

ЦАРЬ.

Придумано неглупо, но нехстати.
 Мольбами лишь смягчаютъ гнѣвъ боговъ
 И жертвами. Бессонницей томимый,
 Продумалъ я всю ночь, до утра вплоть,
 И вотъ на чемъ остановился: завтра,
 Въ Ярилинъ день, въ заповѣдномъ лѣсу,
 Къ разсвѣту дня сойдутся берендеи.

Велимъ собрать, что есть въ моемъ народѣ,
 Дѣвицъ-невѣстъ и парней-жениховъ
 И всѣхъ за разъ союзомъ неразрывнымъ
 Соединимъ, лишь только солнце брызнетъ
 Румяными лучами по зеленымъ
 Верхамъ деревъ. И пусть тогда сольются
 Въ единый кличъ привѣтъ на встрѣчу солнцу
 И брачная торжественная пѣснь.
 Угоднѣй нѣтъ Яригѣ жертвы!

БЕРМЯТА.

Мудрый,
 Великій царь, ужъ какъ ни весела,
 Ни радостна такая встрѣча солнцу,
 Да только жаль, что невозможна.

ЦАРЬ.

Что?

Чего нельзя, Бермята? Невозможно
 Исполнить то, чего желаетъ Царь?
 Въ умѣ ли ты?

БЕРМЯТА.

Не гнѣвайся! Невѣсты
 Разсорились до драки съ женихами.
 Ужъ гдѣ женить! На сажень маховую
 Не подведешь другъ къ другу.

ЦАРЬ.

Изъ чего?

БЕРМЯТА.

Какая-то въ зарѣчной слободѣ
 Снѣгурочка недавно объявилась.
 Передрались всѣ парни за нее.
 На жениховъ накинулись невѣсты
 Изъ ревности, и брань идетъ такая—
 Усобица, что только руки врозь.

ЦАРЬ.

Во-первыхъ, я не вѣрю; во-вторыхъ,
Быть можетъ, ты и правъ, тогда старайся
Уладить всѣхъ и примирить до завтра.
Рѣшеніе мое непремѣнно.

Входить отрокъ.

ОТРОКЪ.

Дѣвушка красная
Просится, кучится
Взнести челобитную.

ЦАРЬ.

Развѣ для дѣвушекъ
Входы заказаны,
Двери затворены?

ОТРОКЪ вводитъ КУПАВУ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ, БЕРМЯТА, КУПАВА, ОТРОКИ.

КУПАВА—кланяясь.

Батюшка, свѣтлый Царь!

ЦАРЬ—ласково подымая ее.

Сказывай, слушаю!

КУПАВА.

Батюшка, свѣтлый Царь
Нешто такъ водится?
Гдѣ-жъ это писано,
Гдѣ же показано?
Сердце-то вынувши...

Плачетъ.

ЦАРЬ.

Скажи, слушаю.

КУПАВА.

Сердце-то вынувши,
 Душу-то вынобивъ,
 Дѣвичей ласкою
 Вдосталь натѣшившись,
 Вдоволь нахваставшись,
 При людяхъ дѣвицу
 Назвалъ безстыжею.

ЦАРЬ.

Слышу я дѣвица
 Слезную жалобу,
 Горе-то слышится,
 Правда-то видится,
 Толку-то, милая,
 Мало-малѣхонько.
 Скажи по ряду
 Что и какъ дѣялось,
 Чѣмъ ты обижена,
 Кѣмъ опозорена!

КУПАВА—плача.

Сказывать, свѣтлый Царь?

ЦАРЬ.

Скажи, умница!

КУПАВА.

Время весеннее,
 Праздники частые,

Бродишь, гуляючи
 По лугу, по лѣсу,
 Долго-ли встрѣтиться,
 Долго-ль знакомиться,
 Дѣвушка съ парнями?
 Вотъ я и встрѣтилась.

ЦАРЬ.

Съ кѣмъ же ты встрѣтилась,
 Съ кѣмъ познакомилась?

КУПАВА.

Встрѣтилась съ юношемъ,
 Чину торговаго,
 Роду Мизгиряго.

ЦАРЬ.

Знаю, красавица.

КУПАВА—плача.

Сказывать, свѣтлый Царь?

ЦАРЬ.

Сказывай, сказывай!

КУПАВА.

Дай-ка, спрошу тебя,
 Батюшка, свѣтлый Царь,
 Клятвы-то слушать ли,
 Въ совѣсть-то вѣрить ли,
 Али ужъ въ людяхъ-то
 Все извѣриться?

ЦАРЬ.

Какъ же не вѣрить-то,
Милая дѣвушка!
Чѣмъ же и свѣтъ стоитъ?
Правдой и совѣстью
Только и держится.

КУПАВА—плача.

Я и повѣрила.
Сказывать, свѣтлый Царь?

ЦАРЬ.

Сказывай, умница!

КУПАВА.

Дай-ка, еще спрошу!
Парень приглянется,
Парень полюбится,
Думаешь вѣкъ прожить
Въ счастья да въ радости,
Парень-то ласковый,
Надо-ль любить его?

ЦАРЬ.

Надо, красавица.

КУПАВА—плача.

Такъ я и сдѣлала.
Сказывать, свѣтлый Царь?

ЦАРЬ.

Сказывай, сказывай!

КУПАВА.

Всѣхъ-то забыла я,
Батюшку рѣднаго,
Ближихъ и сродниковъ,
Милыхъ подруженекъ,
Игры веселія,
Рѣчи заветныя.
Знаю да помню лишь
Друга любезнаго.
Встрѣтась, цѣлуемся,
Сядемъ, обнимемся,
Въ очи уставимся,
Смотримъ, любимся.
Батюшка, свѣтлый Царь,
Видно, людское-то
Счастье не надолго.
Вздумали, въ тѣсь пошли,
Взяли подруженекъ,
Звали Снѣгурочку.
Только завидѣлъ онъ
Злую разлучницу,
Коршуномъ воззрися,
Соколомъ кинулся,
Подтѣ разлучницы
Вьется, ласкается,
Гонить, срамить меня,
Вѣрную, прежнюю.
Самъ же онъ выкланялъ,
Выплакалъ, вымолилъ
Сердце у дѣвушки,
Самъ же корить, бранить,
При людяхъ дѣвушку
Назвалъ безстыжею.

ЦАРЬ.

Бѣдная дѣвушка,
За сердце трогаютъ
Рѣчи нехитрыя,
Горе правдивое.

КУПАВА.

Слушала, слушала,
Свѣту не взвидѣла,
Ноги-то рѣзвыя
Ровно подешены,
Такъ и валюсъ снопомъ.
Вѣришь ли, свѣтлый Царь,
Такъ вотъ и падаю,
Вотъ хоть сейчасъ гляди,
Такъ вотъ точнехонько
О-земь и грянулась.

Хочетъ упасть, царь ее поддерживаетъ.

ЦАРЬ.

Красавица, повѣрь, что еслибъ громы,
Средь яснаго, безоблачнаго неба,
Раскатами внезапно возгремѣли,
Не такъ бы я дивился, какъ дивлюсь
Словамъ твоимъ безхитростнымъ. Смѣяться
Надъ дѣвушкой покинутой, надъ сердцемъ,
Ребячески довѣрчивымъ! Ужасно!
Неслыхано, Бермята. Страшно вѣрить!
Приспѣшники, ищите по посаду
Преступника, поставьте Мизгира
На судъ Царевъ.

Приспѣшники уходятъ.

Глашатаи, по вышкамъ
Смекать народъ съ базаровъ и торговъ
На царскій дворъ, на царскій грозный судъ.

А кливать клить учтиво, честно, складно.
 Чтобъ каждому по чину величанье,
 По званію и лѣтамъ былъ почетъ,
 Да кланяйтесь почаще да пониже.

ГЛАШАТАИ по переходамъ бѣгутъ на вышки.

1-й БИРЮЧЬ—кричить съ вышки.

Государевы люди:
 Бояре, дворяне,
 Боярскіе дѣти,
 Веселыя головы,
 Широкия борода!
 У васъ ли, дворяне,
 Собаки борзые,
 Холопы босые!

2-й БИРЮЧЬ—съ другой вышки.

Гости торговые,
 Шапки бобровыя,
 Затылки толстыя,
 Борода густая,
 Кошеле тугіе.

1-й БИРЮЧЬ.

Молодая молодица,
 Дочери отецкія,
 Жены молодецкія!
 У васъ ли мужья сердитые,
 Ворота браные,
 Рукава шитые,
 Затылки битые.

2-й БИРЮЧЬ.

Дѣтки, подъячіе,
 Парни горячіе,

Ваше дѣло: волочить да жать,
Да руку крючкомъ держать.

1-й БИРЮЧЬ.

Старые старички,
Честные мужички,
Подполатные жители,
Бабы служители!

2-й БИРЮЧЬ.

Старья старушки,
Совьи брови,
Медвѣжьи взгляды,
Ваше дѣло: намотить, наплесть,
Сына со снохой развесть.

1-й БИРЮЧЬ.

Молодые молодцы,
Удалые удалцы,
Молодо зелено,
Погулять велѣно,
Люди за дѣло,
Вы за бездѣлье.
Ваше дѣло по теремамъ поглядывать,
Дѣвокъ выманивать.

2-й БИРЮЧЬ.

Красныя дѣвицы,
Криночныя баловницы,
Горшечныя пагубницы,
Ваше дѣло: лобъ лощить,
Домъ врозь тащить,
Лепешки печь, подъ заборъ хоронить,
Да ребятъ кормить.

1-й БИРЮЧЬ.

Слушайте-послушайте,
 Государевы люди,
 Государеву волю!
 Идите въ красныя ворота
 На красный царскій дворъ!
 Верей точены,
 Ворота золочены.
 Съ краснаго двора въ новы сѣни
 На частыя ступени,
 Въ дубовыя двери,
 Въ государевы палаты,
 Судъ судить, рядъ рядить.

Сходить съ вышекъ.

ЦАРЬ.

Любезна мнѣ игра ума и слова:
 Простая рѣчь жестка. Уборы красятъ
 Красивыхъ женъ; высокія палаты
 Прикрасами красны,—а рѣчи складомъ,
 Теченьемъ въ ладъ и шуткой безобидной.
 Собирается народъ?

ОТРОКЪ—съ переходовъ.

Валишь толпами,
 Великій Царь.

ЦАРЬ—Купавѣ.

Дѣвица не тужи!
 Печаль темнить лица живыя краски,
 Забывчиво дѣвичье горе, сердце .
 Отходчиво: какъ въ угольѣ, подъ пепломъ
 Таятся въ немъ огонь для новой страсти,

Обидчика забудь! А за обиду
Отмститель судъ да Царь.

Изъ внутреннихъ покоевъ выходятъ: ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА
и БОЯРЫНИ, изъ наружныхъ дверей и съ лѣстницы НА-
РОДЪ, между народомъ МУРАШЪ и ЛЕЛЬ. ПРИСПѢШ-
НИКИ ПРИВОДЯТЪ МИЗГИРЯ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ, БЕРМЯТА, ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА, КУПАВА, МУ-
РАШЪ, ЛЕЛЬ, МИЗГИРЬ, ЦАРСКІЕ ОТРОКИ, НАРОДЪ.

ЦАРЬ—Еленѣ Прекрасной.

Привѣтъ тебѣ,
Краса дворца, Прекрасная Елена!

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Привѣтъ тебѣ, великій Берендей,
Отъ женъ и дѣвъ, отъ юныхъ берендеевъ,
Отъ всѣхъ сердецъ, лелѣющихъ любовь.

ХОРЪ НАРОДА.

Привѣтъ тебѣ, премудрый,
Великій Берендей,
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей.
Для счастья народа
Богами ты хранимъ,
И царствуетъ свобода
Подъ скипетромъ твоимъ,
Владыка среброкудрый,
Отецъ земли своей.
Да здравствуетъ премудрый
Великій Берендей!

ЦАРЬ.

Спасибо вамъ! Въ приводѣ-ль виноватый?

БЕРМЯТА.

Виновный здѣсь смиренно ждетъ суда.

ЦАРЬ—народу.

Вина его извѣстна вамъ?

НАРОДЪ.

Извѣстна.

ЦАРЬ—Мизгирю.

Въ винѣ своей винишься-ль ты?

МИЗГИРЬ.

Винюсь.

ЦАРЬ.

Вина его ужасна, берендеи,
 Для милости закроемъ наше сердце
 На этотъ разъ. Къ злодѣямъ сожалѣнье
 Грозитъ бѣдой: разгнѣванные боги
 Вину его на насъ обрушатъ, варой
 Падетъ она на берендеевъ. Мщенье
 Преступнику грозящій гнѣвъ смиряетъ.
 Поругана любовь! Благое чувство,
 Великій даръ природы, счастье жизни,
 Весенній цвѣтъ ея! Любовь невѣсты
 Поругана! Распуколка души,
 Раскрывшейся для первыхъ чувствъ, цвѣтокъ
 Невинности благоуханный! Срамъ
 И стыдъ моимъ серебрянымъ сѣдинамъ!
 Чему Мизгирь повиненъ, говорите!

БЕРМЯТА. .

Заставь его жениться на дѣвицѣ
Обиженной!

МУРАШЪ. .

Заставь молить прощенья
У ногъ ея, а если не захочетъ,
Тогда карай грозой своей.

ЦАРЬ.

Мизгирь,
Желаешь ты загладить грѣхъ, Купаву
Понять въ жену?

МИЗГИРЬ.

У Мизгирия невѣста
Снѣгурочка.

БЕРМЯТА.

Его заставить можно,
Премудрый Царь.

ЦАРЬ.

Не терпѣть принужденъ
Свободный бракъ.

МУРАШЪ.

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желаешь ли она сама?

ЦАРЬ.

Купава!

КУПАВА.

Великій Царь, любви Купава ищетъ.
Хочу любить, а какъ его полюбишь?
Обижено, разбито сердце имъ;
Лишь ненависть къ нему до гроба будетъ
Въ груди моей. Не надо мнѣ его.

ЦАРЬ.

Честной народъ, достойна смертной казни
Вина его; но въ нашемъ уложенъи
Кровавыхъ нѣтъ законовъ, пусть же боги
Казнятъ его по мѣрѣ преступленья,
А мы судомъ народнымъ Мизгира
На вѣчное изгнанье осуждаемъ.
Иди отъ насъ, преступникъ, поругатель
Горячности довѣрчивой любви,
Внушенной намъ природой и богами.
Гоните прочь его отъ каждой двери,
Отъ каждого жилья, гдѣ свято чтутся
Обычаи честныя старины!
Въ пустыню, въ лѣсъ его гоните! Звѣри
Товарищи тебѣ по сердцу; сердце
Звѣриное съ звѣрями тѣшъ, Мизгирь!

МИЗГИРЬ.

Ни слова я не молвю въ оправданье.
Но еслибъ ты, великій Царь, увидѣлъ
Снѣгурочку...

НАРОДЪ.

Снѣгурочка идетъ.

Входитъ СНѢГУРОЧКА, за ней БОБЫЛЬ И БОБЫЛИХА,
одѣта богато, въ большой рогатой кичкѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЦАРЬ БЕРЕНДЕИ, БЕРМЯТА, ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА, КУПАВА, МУ-
РАШЪ, ЛЕЛЬ, МИЗГИРЬ, СНѢГУРОЧКА, БОБЫЛЬ, БОБЫЛИХА, ЦАР-
СКІЕ ОТРОКИ, НАРОДЪ.

СНѢГУРОЧКА—оглядывая дворецъ.

Какой просторъ, какъ чисто все, богато!

Смотри-ка, мать! Лазоревый цвѣтокъ.

Живехонекъ.

Садится на полъ и рассматриваетъ цвѣтокъ на столбѣ.

БОБЫЛИХА.

Да ты бы поклонилась

Впередъ всего! И намъ поклонъ отвѣсать,

Вѣдь тоже мы не изъ послѣднихъ.

Толкаетъ Снѣгурочку локтемъ и говорить тихо.

Смотрять

На кичу-то?

СНѢГУРОЧКА.

Дивуются, глядятъ.

БОБЫЛИХА.

Ну, кланяйся.

СНѢГУРОЧКА.

Забыла, не взыщите!
Ну, здравствуйте, честные берендеи!

БОБЫЛИХА.

Боярыни стоять, гляди! А виеи
Попроще чай моей?

СНѢГУРОЧКА.

Твоя рогатѣй.

БОБЫЛИХА.

Ну, то-то же, пускай глядятъ да сохнуть
Отъ зависти.

СНѢГУРОЧКА—указывая на Царя.

А это кто? Кафтанъ-то
Узорчатый, обвязка золотая
И по поясъ сѣдая борода.

БОБЫЛИХА.

Да это Царь.

СНѢГУРОЧКА.

Ахъ! Мама, страшно стало
Снѣгурочкѣ. Пойдемъ на волю.

БОБЫЛЬ.

Ну-ка,
Съ добра ума какую рѣчь сказала!
Въ первѣй пришлося Бакулѣ Бобылю

На царскія палаты любоваться,
Да вонъ идти! Какая намъ неволя!
Побарствуемъ, покуда не погонять.

БОБЫЛИХА.

Невѣжа ты! Глазѣшь, ротъ разиня
По сторонамъ, а батюшка, великій
Премудрый Царь дивится, что за дура
Въ высокіе хоромы забѣжала,
Незванная. Деревня ты, деревня.
Поди къ нему, не бойся, не укусить,
Да кланяйся пониже!

СНѢГУРОЧКА—подойдя къ Царю кланяется.

Здравствуй, Царь!

ЦАРЬ—беретъ ее за руку.

Полна чудесъ могучая природа!
Дары свои обильно разсыпая,
Причудливо она играетъ, броситъ
Въ болотинкѣ, въ забытомъ уголкѣ
Подъ кустикомъ, цвѣтокъ весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландышъ,—брызнетъ
На бѣлизну его холодной пылью
Серебряной росы и дышитъ цвѣтикъ
Неуловимымъ запахомъ весны,
Прельщая взоръ и обонянье.

СНѢГУРОЧКА.

Жалко,
Что ландыши такъ скоро отцвѣли!
Сказалъ бы ты, что любишь ихъ, такъ я ужъ
Давно-бъ тебѣ пучечекъ нарвала
Хорошенькихъ. Не всякій мѣсто знаетъ,
А я въ лѣсу, какъ дома; если хочешь,
Пойдемъ со мной, я мѣсто укажу.

ЦАРЬ.

Не плачу я, что цвѣтики увяли,
 Такой цвѣтокъ цвѣтетъ передъ очами,
 Что я смотрю, смотрю да и не вѣрю:
 Во снѣ иль въявь цвѣтокъ передо мной.

СНѢГУРОЧКА съ довольнымъ видомъ смотритъ на всѣхъ и
 охорашивается.

Ея краса поможетъ намъ, Бермята,
 Ярилинь гнѣвъ смягчить. Какая жертва
 Готовится ему! При встрѣчѣ солнца
 Вручимъ ее счастливому супругу.
 Снѣгурочка, пришла твоя пора,
 Ищи себѣ по сердцу друга!

СНѢГУРОЧКА.

Гдѣ же

Искать его, не знаю.

ЦАРЬ.

Сердце скажетъ.

СНѢГУРОЧКА.

Молчать мое сердечко.

ЦАРЬ—отводя Снѣгурочку.

Не стыдись!

Преклонныя лѣта равняютъ старца
 Съ дѣвицею. Стыдливость неумѣстна
 Предъ старыми потухшими глазами.
 Откройся мнѣ: кого порой вечерней
 На зыбкое крылечко поджидаешь?
 Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
 На полотнѣ зари румяной ищешь?
 Кого бранишь за медленность, кому
 На встрѣчу плешь и радости улыбку,

И слезъ потокъ, и брань, и поцѣлуй?
Кому, скажи, дѣвица!

СНѢГУРОЧКА.

Никому.

БЕРМЯТА.

Великій Царь, она любви не знаетъ.

ЦАРЬ.

Съ ея красой любви не знать, Бермята?
Не вѣрю я. Такихъ чудесъ на свѣтѣ
Не слыхано. Природой неизмѣнно
Положена пора любви для всѣхъ.
Не вѣрю я. Но если правда; какъ же
Не гнѣваться подателю тепла?
Удвоимъ же старанія исправить
Невольный грѣхъ. Ужли изъ берендеевъ
На мой призывъ никто не отзовется?
Кому изъ васъ Снѣгурочка милѣе?
Кто можетъ въ ней младенческую душу
Желаніемъ любви зажечь, скажите!

БОВЫЛЬ.

Не мало ужъ пытались, только даромъ
Потратили труды.

БОВЫЛИХА.

Не мало было
И плачущихъ и пляшущихъ, да толку
Ни на волосъ не вышло.

ЦАРЬ.

Беренден.

Кому изъ васъ удастся до разсвѣта
 Снѣгурочку увлечь любовью, тотъ
 Изъ рукъ Царя, съ великимъ награжденьемъ,
 Возьметъ ее, и лучшимъ гостемъ' будетъ
 За царскими столами на пирахъ,
 На праздникѣ Ярилы.

БЕРМЯТА.

Царь великій,

Молчать они.

ЦАРЬ—Еленѣ.

Прекрасная Елена,

Хочу спросить у васъ, у женщинъ; лучше
 Извѣстны вамъ сердечныя дѣла.
 Ужли совсѣмъ не стало той отваги
 Въ сердцахъ мужчинъ, не стало тѣхъ рѣчей,
 Плѣнительно-лукавыхъ,—смѣлыхъ взоровъ,
 Которыми неотразимо вѣрно
 Бывало мы дѣвицъ и женъ прельщали?
 Прекрасная Елена, укажи,
 Кого избрать изъ юныхъ берендеевъ,
 Способнаго свершить желанный подвигъ!

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ.

Великій Царь, стыдливость наблюдая
 Обычную, могла бы я, конечно,
 Незнаніемъ отговориться; но
 Желаніе служить для пользы общей
 Стыдливостью пожертвовать велить.
 Изъ юношей цвѣтущихъ, берендеевъ,

Извѣстныхъ мнѣ, одинъ лишь только можетъ
Внушить любовь дѣвицѣ, сердце женъ
Покослѣвать, хотя бы наша вѣрность
Крѣпка была, какъ сталь,—и это Лель.

ЦАРЬ.

Какая честь тебѣ, пастухъ.

ЛЕЛЬ.

Не мнѣ,
Великій Царь, а солнцу подобаетъ
Такая честь. Лелѣяло изъ млада
Оно меня—учило пѣсни пѣть;
Его тепло въ рѣчахъ моихъ,—и слушать
Охотятся дѣвицы рѣчи Леля.
Тепло его въ крови моей и въ сердцѣ,
И теплится въ лицѣ румянцемъ смуглымъ,
И свѣтится весенней сладкой нѣгой
Изъ глазъ моихъ. Снѣгурочка, пойдемъ
Свивать вѣнки со мною вмѣстѣ, будемъ
Встрѣчать зарю и солнечный восходъ!
Смотрите ей въ глаза! Она полюбитъ
Къ разсвѣту дня,—меня или другого,
Снѣгурочка полюбитъ непремѣнно,
Повѣрьте мнѣ; а бѣдный пастушонко,
Кудрявый Лель, въ угоду богу-Солнцу
И свѣтлому Царю, поможетъ ей!

МИЗГИРЬ.

Великій царь, отсрочь мое изгнанье,
Огонь любви моей воспламенить
Снѣгурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебѣ великими богами,
Снѣгурочка моей супругой будетъ,
А если нѣтъ—пускай меня караетъ
Законъ Царя и страшный гнѣвъ боговъ.

ЦАРЬ.

Мизгирь и Лель, при вашемъ обѣщаньи
 Покоемъ я и безпечально встрѣчу
 Ярилинъ день. Вечернею зарей,
 Въ заповѣдномъ лѣсу моемъ, сегодня
 Сберемся мы для игръ и пѣсень. Ночка
 Бороткая минуетъ незамѣтно
 На розовой зарѣ въ вѣнкѣ зеленомъ,
 Среди своихъ ликующихъ дѣтей
 Счастливый Царь пойдетъ на встрѣчу Солнца.

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ премудрый
 Великій Берендей,
 Владыка среброкудрый,
 Отецъ земли своей!
 Для счастья народа
 Богами ты хранимъ,
 И царствуетъ свобода
 Подъ скипетромъ твоимъ!

Всѣ уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Лица.

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ.

БЕРМЯТА.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ.

СНѢГУРОЧКА.

БОВЫЛЬ.

БОВЫЛИХА.

МИЗГИРЬ.

ЛЕЛЬ.

МУРАШЪ.

КУПАВА.

РАДУШКА.

МАЛУША.

БРУСИЛО.

КУРИЛКА.

ЛѢШІЙ.

Скоморохи, Гудочники, Волянички, Свита царя и народъ.

Просторная поляна въ лѣсу: справа и слѣва сплошной лѣсъ стѣной, передъ лѣсомъ, по обѣ стороны, невысокіе кусты. Вдали, межъ кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догораетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МОЛОДЫЕ БЕРЕНДЕИ водятъ круги, одинъ кругъ ближе къ зрителямъ, другой поодаль. ДѢВУШКИ и парни въ вѣнкахъ. СТАРИКИ И СТАРУХИ кучками сидятъ подъ кустами и угощаются брагой и пряниками. Въ первомъ кругу ходятъ КУПАВА, РАДУШКА, МАЛУША, БРУСИЛО, КУРИЛКА, въ среднѣмъ круга: ЛЕЛЬ И СНѢГУРОЧКА; МИЗГИРЬ, не принимая участія въ играхъ, то показывается между народомъ, то уходитъ въ лѣсъ. БОВЫЛЬ шнышетъ подъ волянку. БОВЫЛИХА, МУРАШЪ и нѣсколько изъ сосѣдей сидятъ кругомъ и пьютъ пиво. ЦАРЬ со свитой смотрятъ издали на играющихъ.

ДѢВУШКИ И ПАРНИ—вода круги поютъ.

Ай, во полѣ липонька,
 Подъ липою бѣль шатѣръ,
 Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ,
 За тѣмъ столомъ дѣвица
 Рвала цвѣты со травы,
 Плела вѣночъ съ яхонты.
 Кому вѣночъ износить?
 Носить вѣночъ милому.

СНѢГУРОЧКА надѣваетъ вѣночъ на ЛЕЛЯ, кругъ
 расходится, всѣ смотреть на БОБЫЛЯ, который
 пляшетъ подъ вѣлынку.

БОБЫЛИХА—подчуя Мураша.

Пожалуйте! И наша не щербата
 Конечка—и мы поразжились

МУРАШЪ.

Отказу нѣтъ. Да мужа-то попотчуй!
 Намаялся,—хоть душу отведеть.

Бобыль перестаетъ плясать.

БОБЫЛИХА—подавая Бобылю стаканъ пива.

На праздникахъ тяжеле всѣхъ Бакулѣ,
 Хлопотъ ему по горло: пляшетъ, пляшетъ,
 Надсядется, а не отстанеть. Жадень
 До пляски-то. Смотрѣть-то жалость, право,
 Того гляди, умереть когда съ надсады,
 Допляшется.

МУРАШЪ.

Старательный мужикъ.

ЦАРЬ—проходить между гуляющими.

Веселое гулянье! Сердцу радость

Глядѣть на васъ. Играйте, веселитесь,
 Заботы прочь гоните; для заботы
 Своя пора. Народъ великодушный
 Во всемъ великъ,—мѣшать съ бездѣлемъ дѣло
 Не станетъ онъ,—трудиться, такъ трудиться,
 Плясать и пѣть, такъ вдоволь,—до упаду.
 Взглянуть на васъ, разумнымъ окомъ, скажешь,
 Что вы народъ честной и добрый; ибо
 Лишь добрые и честные способны
 Такъ громко пѣть и такъ плясать отважно.
 Спасибо вамъ на пѣсняхъ и на плясѣхъ!
 Ужъ тѣшиться, такъ тѣшиться.

Скоморохамъ.

Пляшите,
 Кувырейтесь, ломайтесь, дураки!

СКОМОРОХИ пляшутъ.

Заря чиста и утро будетъ ясно.
 Уходить день веселый, догораютъ
 Послѣдніе лучи зари, все выше
 И выше свѣтъ малиновый; потѣмки
 Цѣпляются за сучья и растутъ,
 Преслѣдуя зари румяный отблескъ,
 И скоро ночь въ росящемся лѣсу
 Съ вершинами деревьевъ станетъ вровень.
 Пора къ шатрамъ, въ кругу гостей веселыхъ
 Окончить день и встрѣтить новый. Пѣсню
 Послѣднюю пропой, пригожій Лель!

ЛЕЛЬ—поетъ.

Туча со громомъ стоваривалась:
 Ты громъ греми, а я дождь разолью,
 Вспрыснемъ-ка землю весеннимъ дождемъ!
 То-то цвѣточки возрадуются,
 Выдутъ дѣвицы за ягодками,
 Парни за ними увяжутся.
 Лель, мой Лель! Лели-Лели, Лель!

Въ рошѣ подруженьки врозь разбрелись,

Кто по кустамъ, кто по ельничку.
Ягодки брали, аужалися,
Милой подруженьки нѣтъ, какъ нѣтъ;
Всѣ-то дѣвицы расплакались:
Нашу подружку не волеъ ли заѣлъ.
Лель, мой Лель! Лели-Лели Лель!

Встрѣтился дѣвушкамъ чужъ-чуженинъ,
Чужъ-чуженинушко, старъ старичокъ.
Глупыя дѣвки, съ ума вы сбрили,
Что вамъ за радость аужаться,
Что ей за прибыль отълиенуться?
Вы-бъ по кустамъ-то пошарили.
Лель, мой Лель, Лели-Лели Лель!

Туча со громомъ сговаривалась:
Ты громъ греми, а я дождь разолью,
Вспрыснемъ-ка землю весеннимъ дождемъ!
То-то цвѣточки возрадуются,
Вымочимъ дѣвушекъ ягодницъ.
Вымочимъ ихъ, да и высушимъ.
Лель, мой Лель, Лели-Лели Лель.

ЦАРЬ.

Спасибо, Лель! Дѣвицы, не стыдитесь!
Не вѣрю я, ну статочное-ль дѣло
Въ частыхъ кустахъ подружку потерять!
Потѣшилъ ты царево сердце, Лель.
Потѣшь еще! Въ кругу подругъ стыдливыхъ
Красавицу дѣвицу выбирай,
Веди ко мнѣ, и всѣмъ на поглядѣнье,
Пускай она за пѣсню наградить
Пѣвца любви горячимъ поцѣлуемъ.

Лель идетъ къ дѣвушкамъ.

СНѢГУРОЧКА—тихо Лелю.

Возьми меня!

ЛЕЛЬ.

Изволь. Поди къ сторонѣ.
Дѣвичій кругъ нельзя не обойти,
Для виду хоть. За что же ихъ обидѣть!

СНѢГУРОЧКА отходить, весело смотреть, оправляется и охорашивается. ЛЕЛЬ беретъ КУПАВУ, подводитъ къ Царю и цѣлуетъ. СНѢГУРОЧКА въ слезахъ убѣгаетъ въ кусты.

ЦАРЬ.

Тепломъ проникъ до старикова сердца
Отчетливый и звонкій поцѣлуй,
Какъ будто я увѣсистую чашу
Стоялаго хмѣльного меду выпилъ.
А встати я о хмѣлѣ вспомнилъ. Время
Къ столамъ идти, Прекрасная Елена,
И хмѣлю честь воздать. Его улады
И старости доступны. Поспѣшимъ!
Желаю вамъ повеселиться, дѣти.

Уходить съ БЕРМЯТОЙ и ПРЕКРАСНОЙ ЕЛЕНОЙ. Нѣкоторые БЕРЕНДЕИ, и въ томъ числѣ ЛЕЛЬ, уходятъ за Царемъ.

БРУСИЛО.

Все Лель да Лель, ему такое счастье!
А чѣмъ же мы не молодцы? Не хуже
Сплясать да спѣть умѣемъ.

РАДУШКА.

А Купавѣ
За что про что такая честь? Красавицъ,
Не ей чета, найдется между нами.

КУРИЛКА.

Вотъ мы ему добавимъ, только стобить
Осмѣлится да захотѣть.

БРУСИЛО.

Докажемъ,
Осмѣлимся, сыграемъ при народѣ
Игру свою, что два года учили,
Тишкомъ отъ всѣхъ, въ овинахъ хоронясь.

Поетъ пѣсню, а БУРИЛКА представляетъ бобра.

Купался боберъ,
Купался черной,
На рѣчкѣ быстрой.

Ай, лели-лели!

Не выкупался
Лишь выпачкался,
Въ грязи вывалялся.

Ай, лели-лели!

На горку входилъ,
Отряхивался,
Охорашивался.

Ай, лели-лели!

Осматривался
Нейдетъ ли кто,
Не сыщеть ли что.

Ай, лели-лели!

Охотнички свищутъ,
Собаки-то рыщутъ,
Черна бобра ищутъ.

Ай, лели-лели!

Хотятъ шубу шить,
Бобромъ опушить,
Дѣвкамъ подарить.

Ай, лели-лели!

Дѣвки чернобровы,
На нихъ шубы новы,
Опушки бобровы.

Ай, лели-лели!

Перестаетъ пѣть.

Не ладно-ль что-ль пропѣто?

КУРИЛКА.

Ай, да мы!

РАДУШКА.

Ужъ видно намъ мириться съ вами, парни.
 Ребята вы другихъ не хуже. Пусть же
 Узнаетъ Лель, и мы ему докажемъ,
 Что парни насъ не обѣгаютъ. Радъ бы
 Обнять когда и Радушку, да поздно;
 У ней дружокъ, ему и поцѣлуй
 Отъ Радушки.

МАЛУША.

Малушкины Бурилеъ.

БРУСИЛО—обнимая Радушку.

Любезное житье!

КУРИЛКА—обнимая Малушу.

Чего же лучше:

Подружка есть, такъ сердце дома. Братцы,
 Пойдемъ смотрѣть на царскіе шатры.

Уходить всѣ, — парни съ дѣвушками, КУПАВА съ МУРА-
 ШЕМЪ, — БОБЫЛЬ съ БОБЫЛИХОЙ, — СНѢГУРОЧКА
 выходить изъ кустовъ, ЛЕЛЬ съ противоположной стороны.

ЯВЛЕНІЕ П.

ЛЕЛЬ, СНѢГУРОЧКА.

ЛЕЛЬ.

Куда она дѣвалась, запропала!
 Купавушка! Да не она ли?

Подходить къ СНѢГУРОЧКѢ.

Нѣтъ,

Снѣгурочка одна, въ слезахъ. О чемъ
 Тоскуешь ты? Дѣвицы веселятся,
 Во всемъ лѣсу веселый гулъ идетъ,

То пѣсенки, то звонкій смѣхъ, то шопоть,
Воркующій, то робости и счастья
Короткій вздохъ, отрывистый. А ты
Одна въ слезахъ.

СНѢГУРОЧКА.

Ужли тебѣ не жалко
Сиротку такъ обидѣть?

ЛЕЛЬ.

Я не знаю,
Какую ты нашла обиду.

СНѢГУРОЧКА.

Какъ же?
Красавица Снѣгурочка, иль нѣтъ?

ЛЕЛЬ.

Красавица.

СНѢГУРОЧКА.

А ты берешь Купаву,
Ведешь къ Царю, цѣлуешь. Развѣ лучше
Снѣгурочки Купава? Вотъ обида,
Какой забыть нельзя.

ЛЕЛЬ—обнимая Снѣгурочку.

За что сердиться,
Снѣгурочка? Не дорогъ поцѣлуй
При всемъ честномъ народѣ, втихомолку
Цѣнить онъ и слаще.

СНѢГУРОЧКА.

Я не вѣрю.
Не сладко мнѣ украдкой цѣловаться.

Подумай ты, когда теперь дождешься,
Чтобъ Царь велѣлъ изъ всѣхъ дѣвицъ-красавицъ
Красавицу поставить на показъ!

ЛЕЛЬ.

Не долго ждать тебѣ.

СНѢГУРОЧКА.

Опять обманешь,
Опять возьмешь другую.

ЛЕЛЬ.

Какъ же быть-то?
Возьмешь тебя, обидятся другія;
Другую взять, тебя обидѣть. Скорю
Румяная забрезжится заря,
Народъ съ царемъ пойдетъ навстрѣчу солнца,
А мнѣ впередъ идти и запѣвать
Съ подружкою. Кого бы взять? Не знаю.

СНѢГУРОЧКА.

Пригожій Лель, возьми меня!

ЛЕЛЬ.

Другая
За эту честь души не пожалеетъ.

СНѢГУРОЧКА.

Что тебѣ угодно, все на свѣтѣ
Снѣгурочка отдастъ.

ЛЕЛЬ.

Люби меня!

СНѢГУРОЧКА.

И рада-бъ я душой, да не умѣю.
Пригоженькій, когда настанетъ время
Снѣгурочкѣ любить, ужъ никого-то
Опречь тебя не полюблю.

ЛЕЛЬ.

Посмотримъ.

СНѢГУРОЧКА.

Хорошенькій-пригоженькій, возьми.

ЛЕЛЬ.

Ужъ видно взять.

СНѢГУРОЧКА.

Пригоженькій, послушай!
Коль хочешь ты, чтобъ сердце не болѣло
У бѣдненькой Снѣгурочки, съ другими
Дѣвками водиться перестань!
Ласкаешь ихъ, а мнѣ сердечно больно.
Цѣлуешь ихъ, а я гляжу да плачу.

ЛЕЛЬ.

Безъ ласки жить нельзя же пастушонку!
Не пашетъ онъ, не сѣетъ; съ малолѣтства
На солнышкѣ валяется; лелѣетъ
Весна его, и вѣтерокъ ласкаетъ.
И нѣжится пастухъ на вольной волѣ.
Въ умѣ одно: дѣвичья ласка, только
И думаешь о ней.

СНѢГУРОЧКА.

Ласкай меня,
 Цѣлуй меня, пригоженькій? Пусть видятъ,
 Что я твоя подружка. Горько, больно
 Одной бродить! Глядятъ какъ на чужую
 И дѣвушки и парни. Вотъ пошла бы
 На царскіе столы смотрѣть, а съ кѣмъ!
 Подружки всѣ съ друзьями, косо смотреть,
 Сторонятся: отстань, молю, не мѣшай!
 Съ старушками пойти и съ стариками,—
 Насмѣшками да бранью докорять.
 Одной идти, такъ страшно. Будь другомъ,
 Пригоженькій!

ЛЕЛЬ.

Сама же виновата,
 Не мало я любила тебя, горючихъ
 Не мало слезъ украдкой пролила.

СНѢГУРОЧКА.

Все-то
 Глупа еще; прости, пригожій Лель!

ЛЕЛЬ.

А стоило хоть словомъ приласкать
 Поласковѣй, и ты-бъ закабалела
 Меня на вѣкъ и волю отняла.

СНѢГУРОЧКА.

Про старое не помни, Лель пригожій!
 Люби меня немножко; дожидайся,
 Снѣгурочка сама тебя полюбитъ.
 Сведи меня смотрѣть шатры царевы,
 И солнышко встрѣчать возьми подружкой!
 Хорошенькій-пригоженькій, возьми!

ЛЕЛЬ.

Дождись меня, возьму. Пойду къ ребятамъ,
Не ужиналъ еще, — какъ разъ вернусь.

Убѣгаетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СНѢГУРОЧКА, потомъ МИЗГИРЬ.

СНѢГУРОЧКА.

Вотъ любо-то! Вотъ радость. Не въ народѣ,
Въ густой толпѣ, изъ-за чужой спины,
Снѣгурочка смотрѣть на праздникъ будетъ,
Впередъ пойдетъ. И Царь, и люди сважутъ:
Такой четы на диво поискать!

Снимаетъ вѣнокъ.

Завялъ вѣнокъ, — на утро надо новый
Сплести себѣ изъ тонкихъ зыбкихъ вѣтокъ;
Вплету туда цвѣточки василѣчки.

Въ задумчивости запѣваетъ.

Ахъ, цвѣточки, василѣчки.

Выходитъ Мизгирь.

МИЗГИРЬ.

Снѣгурочка, тебя давно ищу я.

Беретъ ее за руку.

СНѢГУРОЧКА — съ испугомъ.

Ахъ, нѣтъ. Уйди! Не надо.

МИЗГИРЬ.

Не оставляю
Твоей руки, пока въ мольбахъ и столахъ
Не выскажу тебѣ, какъ ноетъ сердце,
Какой тоской душа больна. Не знала

До сей поры она любви страданій,
 Утѣхи лишь извѣстны ей; а сердце
 Приказывать привыкло, не молило,
 Не плакало оно. Передъ тобою
 Въ слезахъ стоитъ не мальчикъ, гордый духомъ
 Смиряется. Доселѣ я не плакалъ,
 И даже словъ не тратилъ много; только
 Рукой манилъ дѣвицъ дѣлить любовь,
 И золото бросалъ за ласки; нынѣ
 Сломился я подъ гнетомъ жгучей страсти,
 И слезы лью. Смотри, колѣна клонить
 Передъ дѣвченкой гордый человекъ.

Падаетъ на колѣни.

СНѢГУРОЧКА.

Зачѣмъ, зачѣмъ? Вставай, Мизгирь!

МИЗГИРЬ.

Полюбишь,

Полюбишь ты меня, скажи!

СНѢГУРОЧКА.

О, нѣтъ!

Слова твои пугаютъ, слезы страшны,
 Чего-то я боюсь съ тобой. Уйди!
 Оставь меня, прошу! Пусти! Ты добрый,
 Зачѣмъ пугать Снѣгурочку?

Старается вырвать руку.

МИЗГИРЬ.

Постой!

Что страшнѣе я, то правда. Не напрасно-жъ
 Румяный стыдъ прорѣзалъ полосами
 Лицо мое; за горечь униженья
 Заплатишь ты.

СНѢГУРОЧКА.

О, если все такая

Живеть любовь въ народѣ, не хочу,
Не буду я любить.

МИЗГИРЬ.

Поищемъ средства
Желаннаго достигъ по доброй волѣ.
Снѣгурочка, у острова Гурмыза,
Гдѣ теплое бушующее море
На камни скалъ прибрежныхъ хлещетъ пѣну,
Пускаются безъ страха водолазы
Отважные исвать по дну морскому
Прибыточной добычи. Я пытался,
Удачи ждалъ: давалъ большую цѣну
За жизнь людей и посылалъ на дно
За жемчугомъ проворныхъ водолазовъ.
И вынесъ мнѣ одинъ зерно такое,
Какого нѣтъ въ коронахъ у царей,
Ни у царицъ въ широкихъ ожерельяхъ.
Купить его нельзя; полцарства стоить
Жемчужина. Смѣняться?—Вещи равной
Не подберешь. Цѣной ему равна,
Снѣгурочка, одна любовь твоя.
Смѣняемся, возьми безцѣнный жемчугъ,
А мнѣ любовь отдай.

СНѢГУРОЧКА.

Безцѣнный жемчугъ
Себѣ оставь; не дорого цѣню я
Свою любовь, но продавать не стану:
Смѣняюсь я любовью на любовь,
Но не съ тобой, Мизгирь.

МИЗГИРЬ.

Отдашь и даромъ.
Довольно словъ, довольно убѣжденій!
Бросай вѣнокъ дѣвичій! Ты жена,
Снѣгурочка. Появился я богами
Передъ Царемъ, и клятву исполняю.

СНѢГУРОЧКА.

Оставь! Пусти! Бѣги, спасай Снѣгурку,
Притожій Лель!

МИЗГИРЬ.

О! Если Лель.... такъ прежде
Возьметъ Мизгирь, что хочетъ взять пастухъ.

ЛѢШІЙ сзади обнимаетъ МИЗГИРЯ; СНѢГУРОЧКА вырывается и бѣжитъ по полянѣ. ЛѢШІЙ оборачивается пнемъ. МИЗГИРЬ хочетъ бѣжать за Снѣгурочкой; между нимъ и ею встаетъ изъ земли лѣсъ. Въ сторонѣ показывается ПРИЗРАКЪ СНѢГУРОЧКИ. МИЗГИРЬ бѣжитъ къ нему,—призракъ исчезаетъ, на мѣстѣ его остается пень съ двумя прилишними, свѣтящимися какъ глаза свѣтляками.

Безумецъ, я, любовью опьяненный,
Сухой пенекъ за милый образъ принялъ,
Холодный блескъ зеленыхъ свѣтляковъ,
За свѣтлые Снѣгурочкины глазки.

Изъ лѣсу показывается ПРИЗРАКЪ СНѢГУРОЧКИ и манитъ Мизгира. Кусты и сучья деревь принимаютъ мѣняющіеся фантастическіе образы. МИЗГИРЬ бѣжитъ за призракомъ.

ЛѢШІЙ.

Броди всю ночь за призракомъ бѣгущимъ!
Лови мечты манящей воплощеніе!
Лишь свѣтлый день твой разсѣетъ грѣзы.

Уходить; поляна принимаетъ прежній видъ. Выходитъ ЛЕЛЬ,
за нимъ ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЕЛЬ, ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Плѣнительный пастухъ, куда стремишься?
Умилный взглядъ обороти назадъ!

ЛЕЛЬ.

Прекрасная Елена!

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Ты дивисься,
 Что въ поздній часъ одна въ лѣсу блуждаю,
 Пригожій Лель; меня взманило пѣнье
 Пѣвца весны; гремѣщій соловей,
 Съ куста на кустъ перелетая, манить
 Раскрытое для увлеченій сердце,
 И дальше въ лѣсъ опасный увлекаетъ
 Прекрасную Елену.

ЛЕЛЬ.

Не далеко
 Отъ царскаго патра блуждаешь ты.
 Вернись къ нему открытою поляной!
 Опасности не встрѣтишь.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Злой пастухъ,
 Не хочешь ты Прекрасную Елену,
 Въ густомъ лѣсу тѣнистомъ проводить
 Уютною тропинкой.

ЛЕЛЬ.

Провожатымъ
 Пошелъ бы я, да сердце не на мѣстѣ:
 Въ гулянкахъ я все стадо растерялъ,
 Ищу теперь по кустикамъ овечекъ.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

По кустикамъ? Противный, чуетъ сердце,

Какую ты въ лѣсу овечку ловишь.
 Ахъ, бѣдная овечка, прячься дальше!
 Отыщеть Лель и съѣтъ лѣстивой рѣчи
 Запутаетъ въ такую же напасть,
 Въ какую ввелъ Прекрасную Елену.
 Заставилъ ты несчастную ревниво
 Слѣдить тебя въ печальномъ размышленьи,
 Какъ вредно вамъ вѣряться, пастухамъ.

ЛЕЛЬ.

Слѣши въ шатрамъ, Прекрасная Елена,
 Отсутствіе твое замѣтять скоро.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Ахъ, милый Лель, боюсь.

ЛЕЛЬ.

Чего, Елена
 Прекрасная, боишься ты?

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ—прижимаясь къ ЛЕЛЮ.

Ахъ, Лель,
 Всего боюсь. Смотри, въ кустахъ мелькаютъ
 И свѣтятся двойчаткой, точно свѣчки,
 Глаза волковъ кровавые. А вотъ
 На деревѣ повисъ, какъ кошма, лѣшій;
 Скосивъ глаза и высунувъ языкъ,
 Стараются удушенныхъ скорчить.
 А вотъ другой, для глупой шутки, лапу
 Лохматую въ колючій кусть просунувъ,
 Зажмурясь, ждетъ, чтобъ ферязь разорвать
 И сдѣлать въ ней прорѣху, гдѣ не надо.
 Всего боюсь и свѣта и потѣмковъ,
 Страшить меня и звѣрь и человѣкъ,
 И лѣшій злой проказникъ. Только Лелю
 Пригожему, закрывъ глаза, безъ страха
 Холоднаго, себя вѣряю.

Зажмурясь, ложится на грудь ЛЕЛЮ.

Сладко

Въ объятіяхъ твоихъ лежать и мѣть.

Входитъ БЕРМЯТА. ЛЕЛЬ передаетъ ему ПРИ
КРАСНУЮ ЕЛЕНУ и уходитъ.Но пламень чувствъ моихъ не зажигаетъ
Огня въ груди у Лея.

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ, БЕРМЯТА.

БЕРМЯТА.

Лея пригожій
Отъ пламенной любви твоей бѣжить.

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ.

Какой ударъ!

БЕРМЯТА.

Пенять и удивляться
Не стану я; прекрасную супругу
Не въ первый разъ въ чужихъ объятіяхъ вижу.
Пойдемъ со мной! Въ лѣсу ночной порою
И встрѣтить кто, такъ все-жъ пристойнѣй съ мужемъ
Бродить тебѣ, чѣмъ съ Лелемъ.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Милый мужъ,

Разбойникъ Лель удваиваетъ нѣжность
Жены твоей къ тебѣ. Его поступокъ
Прекрасную Елену убѣждаетъ,
Что юноши всѣ нагло-бессердечны,
За то мужа и милы и добры.

Уходить. Входитъ ЛЕЛЬ, СНѢГУРОЧКА выходитъ изъ кустовъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ЛЕЛЬ И СНѢГУРОЧКА.

СНѢГУРОЧКА.

Велѣлъ, и жду тебя, велѣлъ и жду.
 Пойдемъ къ Царю! А я вѣнчечъ новый
 Сплела себѣ, смотри. Пригожій Лель,
 Возьми съ собой! Обнимемся! Покрѣпче
 Прижмусь къ тебѣ отъ страха. Я дрожу,
 Мизгирь меня пугаетъ: ищетъ, ловить.
 И что сказалъ, послушай! Что СНѢгурка
 Его жена. Ну статочное-ль дѣло:
 СНѢгурочка жена? Какое слово
 Нескладное!

ЛЕЛЬ—завидѣвъ бѣгущую КУПАВУ.

Да здѣсь ли намъ сжидаться?
 Не тамъ ли вонъ, смотри!

СНѢГУРОЧКА.

Да здѣсь ли, тамъ ли,
 Вѣдь ты со мной. Чего-жъ еще!

ЛЕЛЬ.

Подпасокъ

Бѣжить сюда по тайности словечко
 Сказать со мной. Дождись вонъ тамъ!

СНѢГУРОЧКА.

Изволь!

Уходить на другую сторону въ кусты. Прибѣгаетъ КУПАВА.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЛЕЛЬ, КУПАВА, СНѢГУРОЧКА.

КУПАВА.

Насилу я нашла тебя, желанный,
 Сердечный другъ, голубчикъ сизокрылый!
 Не въ глаза, нѣтъ, не въ щечки цѣловать,
 У ногъ лежать, голубчикъ сизокрылый,
 У ногъ лежать должна Купава.

ЛЕЛЬ.

Полно!

Летать и льнуть къ сотѣ медовой мухи,
 Къ водѣ листокъ, къ цвѣточку пчелка льнётъ,
 Къ Купавѣ Лель.

КУПАВА.

Голубчикъ сизокрылый,
 Тепло мое сердечко, благодарной
 На вѣкъ тебѣ останусь; ты отъ сраму,
 Отъ жгучихъ иглъ насмѣшки и покоровъ
 Купавѣ спасъ дѣвическую гордость.
 При всемъ честномъ народѣ, поцѣлуемъ
 Сравнялъ меня, забытую, со всѣми.

ЛЕЛЬ.

Да развѣ я не зналъ, какое сердце
 Куплю себѣ, тебя цѣлуя. Если
 У глупаго мальчѣнка-пастуха
 Разсудека нѣтъ, такъ вѣщимъ сердцемъ сыщеть
 Подружку онъ.

КУПАВА.

Подружку? Нѣтъ, собачку.
 Маня меня, когда ласкать захочешь,

Гони и бей, коль ласка надобѣсть.
 Безъ жалобы отстану, только взглядомъ
 Слезящимся скажу тебѣ, что я, молю,
 Приду опять, когда поманишь.

ЛЕЛЬ.

Радость

Души моей, Купава, сиротинка
 Свою гульбу-свободу отгулялъ,
 Побѣдная головка докачалась
 До милыхъ рукъ, долюбовались очи
 До милыхъ глазъ, домаялось сердечко
 До теплаго приюта.

КУПАВА.

Лель пригожій,
 На долго ли любовь твоя, не знаю;
 Моя любовь до вѣку и до часу
 Постѣдняго, голубчикъ сизокрылый!

ЛЕЛЬ.

Идемъ скорѣй! Блѣднѣютъ тѣни ночи.
 Смотри, заря чуть видною полоской
 Прорѣзала восточный неба край,
 Растетъ она, яснѣе, ширясь: это
 Проснулся день и раскрываетъ вѣки
 Свѣтащихъ глазъ. Пойдемъ. Пора приспѣла
 Встрѣчать восходъ Ярила-Солнца. Гордо
 Передъ толпой покажетъ Солнцу Лель
 Любимую свою подругу.

СНѢГУРОЧКА—выбѣгаетъ изъ кустовъ.

СНѢГУРОЧКА.

Стойте!

Обманщикъ Лель, зачѣмъ же я ждала,
 Плела вѣнокъ? Вѣдь не затѣмъ, чтобъ послѣ
 Смочить его слезами. Ты ужъ такъ бы
 Сказалъ тогда: Снѣгурочка, плети,
 Плети вѣнокъ и плачь, роняй слезинки

На каждый листъ, на каждый лепестокъ!
А ты манишь.

КУПАВА.

Снѣгурочка, да чѣмъ же
Встрѣчать тебѣ восходъ Ярила-Солнца?
Когда его встрѣчаемъ, жизни сила,
Огонь любви горитъ у насъ въ очахъ.
Любовь и жизнь дары Ярила-Солнца:
Его-жъ дары, ему приносятъ дѣвы
И юноши; а ты сплела вѣнокъ,
Надѣла бусъ на шейку, причесалась,
Пригладилась, — и запонъ, и коты
Новехоньки, — тебѣ одна забота,
Какъ глупому ребенку, любоваться
На свой нарядъ, — да забѣгать впередъ
Поодаль стать, — въ глазахъ людей вертѣться
И хвастаться обновками.

СНѢГУРОЧКА.

Купава

Разлучница! Твое же это слово;
Сама меня разлучницей звала,
Сама же ты и разлучаешь съ Лелемъ.

ЛЕЛЬ.

Снѣгурочка, подслушивай почаще
Горячія Купавы рѣчи! Время
Узнать тебѣ, какъ сердце говоритъ,
Когда оно любовью загорится,
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не дѣтская любовь нужна. Прощай!

Убѣгаетъ съ Купавой.

СНѢГУРОЧКА.

Обманута, обижена, убита
Снѣгурочка. О мать, Весна-красна!
Бѣгу къ тебѣ, и съ жалобой и съ просьбой
Любови прошу, хочу любить. Отдай
Снѣгурочкѣ дѣвичье сердце, мама!
Отдай любовь, иль жизнь мою возьми!

Убѣгаетъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Лица:

ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ.

СНѢГУРОЧКА.

МИЗГИРЬ.

ЛЕЛЬ.

ВЕСНА-КРАСНА.

ВСѢ БЕРЕНДЕИ.—СВИТА ВЕСНЫ, ЦВѢТЫ.

Ярилина долина: слѣва (отъ зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лѣсъ; въ глубинѣ озеро, поросшее осокой и водяными растеніями съ роскошными цвѣтами; по берегамъ цвѣтущіе кусты съ повисшими надъ водой вѣтвями; съ правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРИЗРАКЪ СНѢГУРОЧКИ несется, едва касаясь земли, МИЗГИРЬ идетъ за нимъ.

МИЗГИРЬ.

Всю ночь въ глазахъ мельбаетъ милый образъ.

Снѣгурочка, постой одно мгновенье.

Убѣгаетъ за призракомъ въ лѣсъ. СНѢГУРОЧКА сходить съ горы.

ЯВЛЕНІЕ II.

СНѢГУРОЧКА, потомъ ВЕСНА.

СНѢГУРОЧКА—обращаясь къ озеру.

Родимая, въ слезахъ тоски и горя

Зоветь тебя покинутая дочь.
Изъ тихихъ водъ явись услышать стоны
И жалобы Снѣгурочки твоей.

Изъ озера поднимается ВЕСНА, окруженная ЦВѢТАМИ.

ВЕСНА.

Снѣгурочка, дитя мое, о чемъ
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утѣшить на прощанье.
Послѣдній часъ Весна съ тобой проводить,
Съ разсвѣтомъ дня вступаетъ богъ-Ярило
Въ свои права и начинается лѣто.
Подходить къ Снѣгурочкѣ.
Чего тебѣ не достаетъ?

СНѢГУРОЧКА.

Люби.

Кругомъ меня всѣ любятъ, всѣ счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мнѣ чужое счастье, мама.
Хочу любить; но словъ любви не знаю
И чувства нѣтъ въ груди; начну ласкаться,
Услышу брань, насмѣшки и укоры
За дѣтскую застѣнчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.
Отецъ-Морозъ и ты Весна-красна
Дурное мнѣ завистливое чувство
Взамѣнъ любви въ наслѣдство удѣлили;
Въ приданое для дочки положили
Безсонныя томительныя ночи
И встрѣчу дня безъ радости. Сегодня,
На ключикѣ холодномъ умываясь,
Взглянула я въ зеркальныя струи,
И вижу въ нихъ лицо свое въ слезахъ,
Измѣное тоской безсонной ночи.
И страшно мнѣ, краса моя увянетъ
Безъ радости. О, мама, дай любви!
Люби прошу, любви дѣвичей.

ВЕСНА.

Дочка,

Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебѣ погибель будетъ.

СНѢГУРОЧКА.

Мама,

Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мнѣ годовъ тоски и слезъ.

ВЕСНА.

Изволь, дитя,—любовью подѣлиться
Готова я; родникъ неистощимый
Любовныхъ силъ въ вѣнѣхъ моемъ цвѣтномъ.
Сними его! Присяжь ко мнѣ поближе!

ВЕСНА садится на траву, СНѢГУРОЧКА подлѣ нея. ЦВѢТЫ
окулааютъ ихъ.

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цвѣтовъ и травъ, какіе перебивы
Цвѣтной игры и запаховъ пріятныхъ!
Одинъ цвѣтокъ, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжетъ въ тебѣ одно изъ новыхъ чувствъ,
Незнаемыхъ тобой,—одно желанье,
Отрадное для молодого сердца,
А вмѣстѣ всѣ въ одинъ вѣнокъ душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
Въ одну струю,—зажгутъ всѣ чувства разомъ.
И вспыхнетъ кровь и очи загорятся,
Окрасится лицо живымъ румянцемъ
Играющимъ,—и заколышетъ грудь
Желанная тобой любовь дѣвичья.

Зорь весеннихъ цвѣтъ душистый
Бѣлизну твоихъ ланитъ,
Бѣлый ландышъ, ландышъ чистый
Томной нѣгой озаритъ.
Барской спѣси бархатъ алый
Опушитъ твои уста,

Дастъ улыбку цвѣтику малый,
 Незабудка-красота.
 Роза розой заалѣетъ
 На груди и на плечахъ,
 Василечекъ засинѣетъ
 И просвѣтится въ очахъ.
 Кашки медъ изъ устъ польется
 Чарованіемъ ума,
 Незамѣтно проберется
 Въ душу липкая Дрема.
 Маекъ сердечко отуманить,
 Маекъ разсудокъ усыпить,
 Хмѣль ланиты нарумянить
 И голову завернуть.

Надѣваетъ вѣнокъ на голову СНѢГУРОЧКИ.

СНѢГУРОЧКА.

Ахъ, мама, что со мной? Какой краскою
 Зеленый лѣсъ одѣлся! Берегами
 И озеромъ нельзя налюбоваться.
 Вода манить, кусты зовутъ меня
 Подъ сѣнь свою; а небо, мама, небо!
 Разливъ зарн зыбучими волнами
 Колышется.

ВЕСНА,

Снѣгурочка, прощай,
 Дитя мое! Любовнымъ ароматомъ
 Наполнилась душа твоя. Кипучій
 Восторгъ страстей тебя охватить скоро;
 Красой луговъ и озеромъ зеркальнымъ
 Дотоле ты любишься, пока
 На юношу не устремятся взоры.
 Тогда лишь ты вполнѣ узнаешь силу
 И власть любви надъ сердцемъ. Съ первой встрѣчи
 Счастливца ты даришь любовью, кто-бы,
 Ни встрѣтился тебѣ. Но, радость-дочка,
 Таи любовь отъ глазъ Ярила-Солнца,
 Спѣвши домой, немедля: не любуйся

Багряными потоками разсвѣта.—
 Вершины горъ покрылись позолотой
 И скоро царь свѣтилъ освѣтитъ землю.
 Бѣги домой тропинками лѣсными
 Въ тѣни кустовъ и избѣгая встрѣчи;
 Предчувствіе тревожитъ сердце мнѣ.
 Прощай, дитя, до новаго свиданья,
 И матери совѣтовъ не забудь.

Опускается въ озеро.

СНѢГУРОЧКА.

Какое я сокровище храню
 Въ груди моей. Ребенкомъ прибѣжала
 Снѣгурочка въ зеленый лѣсъ, выходитъ
 Дѣвицею съ душой счастливой, полной
 Отрадныхъ чувствъ и золотыхъ надеждъ.
 Снесу мой кладъ тропинкой неизвѣстной;
 Одна лишь я по ней бродила, лѣшнимъ
 Протоптана она между болотомъ
 И озеромъ. Никто по ней не ходитъ,
 Лишь лѣшіе, для шутки, горькихъ пьяницъ
 Манять по ней, чтобъ завести въ трясину
 Безъ выхода.

Идетъ въ лѣсъ, на встрѣчу ей выходитъ МИЗГИРЬ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СНѢГУРОЧКА, МИЗГИРЬ.

МИЗГИРЬ.

Снѣгурочка!

СНѢГУРОЧКА.

Ахъ, встрѣча!

МИЗГИРЬ.

Снѣгурочка, мои слабѣютъ силы,

Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

СНѢГУРОЧКА.

О нѣтъ, Мизгирь, не страхомъ
Полна душа моя. Какая прелесть
Въ рѣчахъ твоихъ! Какая смѣлость взора!
Высокаго чела отважный видъ
И гордая осанка привлекаютъ,
Манятъ къ тебѣ. У сильнаго опоры,
У храбраго защиты ищетъ сердце
Стыдливое и робкое. Съ любовью
Снѣгурочки трепещущая грудь
Къ твоей груди прижмется.

МИЗГИРЬ—обнимая ее.

Жаднымъ слухомъ
Ловлю твои слова, боюсь повѣрить
Блаженству я, Снѣгурочка.

СНѢГУРОЧКА.

О, милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смѣшно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что всё, что есть на свѣтѣ дорогого,
Живеть въ одномъ лишь словѣ—это слово:
Любовь.

МИЗГИРЬ.

Еще отрадныхъ словъ, еще,
И счастью не будетъ мѣры.

СНѢГУРОЧКА.

Милый,
Позволь взглянуть въ твое лицо, въ огонь
Твоихъ очей взглядѣться. Слушай, прежде
Считала я дѣвичью миловидность,

Сребристый пухъ ланить и нѣжность кожи
 За лучшую красу. Не понимаю;
 Стѣпа, глупа была. Да развѣ можно
 Красу дѣвицъ равнять съ твоей красою,
 Незрѣлый цвѣтъ дѣвичей нѣжной кожи
 Равнять съ мужскимъ румянцемъ закрубѣлымъ.
 Снѣгурочка твоя, бери въ свой домъ
 Жену свою,—любить и нѣжить буду,
 Ловить твой взглядъ, предупреждать желанья;
 Но, милый мой, бѣжимъ скорѣе, спрячемъ
 Любовь свою и счастье отъ солнца,
 Грозитъ оно погибелью. Бѣжимъ,
 Укрой меня! Зловѣщіе лучи
 Кровавые страшать меня. Спасай,
 Спасай свою Снѣгурочку.

МИЗГИРЬ.

Дитя,

Спасать тебя? Любовь твоя—спасенье
 Изгнаннику. На солнечномъ восходѣ
 Мизгирь тебя супругою покажетъ,
 И царскій гнѣвъ правдивый укротится
 И, милостью богатый, Берендей
 Младой четѣ свою окажетъ ласку.

СНѢГУРОЧКА—на колѣняхъ.

Завѣтъ отца и матери, о милый,
 Не смѣю я нарушить. Вѣщимъ сердцемъ
 Прочуяли они бѣду,—таить
 Велѣли мнѣ мою любовь отъ солнца.
 Погибну я. Спаси мою любовь,
 Спаси мое сердечко! Пожалѣй
 Снѣгурочку!

МИЗГИРЬ.

Покорными сердцами
 Привыкла ты владѣть, привыкла тѣшить
 Угодами обычай прихотливый.

Но сердцемъ я не мальчикъ, и любить,
И приказать умѣю; оставайся!

СНѢГУРОЧКА.

Не прихоть, нѣтъ. Въ рукахъ твоихъ погибнетъ
Снѣгурочка.

МИЗГИРЬ.

Оставь ребячьи страхи
Невѣдомой бѣды! Но если вправду
Бѣда придетъ, — тогда погибнемъ вмѣстѣ.

СНѢГУРОЧКА.

Смотри, смотри! Все ярче и страшнѣе
Горитъ востокъ. Сожми меня въ объятяхъ,
Одеждою, руками затѣни
Отъ яростныхъ лучей, укрой подъ тѣнью
Склонившихся надъ озеромъ вѣтвей.

Становятся подъ тѣнь куста. Изъ лѣсу по горѣ сходитъ народъ:
впередѣ ГУСЛЯРЫ играютъ на гусяхъ и ПАСТУХИ на
рожкахъ, за ними ЦАРЬ СО СВИТОЙ, за Царемъ попарно
ЖЕНИХИ и НЕВѢСТЫ въ праздничныхъ одеждахъ, дагѣ
ВСѢ БЕРЕНДЕИ. Сойдя въ долину, народъ раздѣляется на
двѣ стороны.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СНѢГУРОЧКА, МИЗГИРЬ, ЦАРЬ БЕРЕНДЕЙ, ЛЕЛЬ И ВЕСЬ НАРОДЪ.
Всѣ съ ожиданіемъ смотрятъ на востокъ и при первыхъ лучахъ солнца за-
лѣваютъ:

Общій ХОРЪ.

Одна сторона: А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидь-Ладо, сѣяли, сѣяли.

Другая сторона: А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ
Ой Дидь-Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ,

1-я: А чѣмъ-же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой Дидь-Ладо, вытоптать, вытоптать?

- 2-я: А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой Дидь-Ладо, выпустимъ, выпустимъ.
- 1-я: А мы коней перейдемъ, перейдемъ,
Ой Дидь-Ладо, перейдемъ, перейдемъ.
- 2-я: А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой Дидь-Ладо, выкупимъ, выкупимъ.
- 1-я: А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить,
Ой Дидь-Ладо, выкупить, выкупить?
- 2-я: А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидь-Ладо, дѣвицу, дѣвицу.
- 1-я: А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дидь-Ладо, прибыло, прибыло.
- 2-я: А нашего полку убыло, убыло,
Ой, Дидь-Ладо, убыло, убыло.

При пѣвѣи обѣ стороны сближаются медленными шагами подъ
размѣръ пѣсни. При концѣ пѣсни женихи берутъ неvěсть и
кланяются Царю.

ЦАРЬ.

Да будетъ вашъ союзъ благословенъ
Обиліемъ и счастіемъ! Въ богатствѣ
И радости живите до послѣднихъ
Годовъ своихъ въ семьѣ дѣтей и внуковъ!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгнѣванный Ярило
Не кажется и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Не доброе сулить Ярилинъ гнѣвъ:
Холодные утра и суховѣи,
Медвяныхъ росъ убыточныя порчи,
Неполные наливъ хлѣбныхъ зеренъ,
Ненастную уборку — недородъ,
И ранніе осенніе морозы,
Тяжелый годъ и житницъ оскудѣнье.

МИЗГИРЬ—подводя Снѣгурочку къ Царю.

Великій Царь, твое желанье было
Закономъ мнѣ, и я его исполнилъ:
Съ Снѣгурочкой на бракъ благослови,

Прости вину мою и гнѣвъ на милость
Перемѣни.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

О, диво, полюбила
Снѣгурочка.

ЦАРЬ.

Охотой ли, дѣвица
Снѣгурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? Съ твоей рукою вмѣстѣ
Даешь ли ты любовь ему?

СНѢГУРОЧКА.

О, Царь!
Спроси меня сто разъ—сто разъ отвѣчу,
Что я люблю его. При блѣдномъ утрѣ
Открыла я избраннику души
Любовь свою, и кинулась въ объятія.
При блескѣ дня теперь, при всемъ народѣ
Въ твоихъ глазахъ, великій Берендей,
Готова я для жениха и рѣчи
И ласки тѣ съ начала повторить.

Яркій лучъ солнца прорѣзываетъ утренній туманъ и падаетъ на
Снѣгурочку.

Но что со мной? Блаженство, или смерть?
Какой восторгъ! Какая чувствъ истома.
О, мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкій даръ любви! Какая нѣга,
Томящая течетъ во мнѣ! О, Лель,
Въ ухахъ твоихъ чарующія пѣсни,
Въ очахъ огонь... и въ сердцѣ и въ крови,
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
Отъ сладкихъ чувствъ любви. Прощайте всѣ
Подруженьки, прощай женихъ! О милый,
Послѣдній взглядъ Снѣгурочки тебѣ.

Таесть.

МИЗГИРЬ.

Снѣгурочка, обманщица, живи,
 Люби меня! Не призракомъ лежала
 Снѣгурочка въ объятіяхъ горячихъ:
 Тепла была; и чуялъ я у сердца
 Какъ сердце въ ней дрожало человѣче,
 Любовь и страхъ въ ея душѣ боролись.
 Отъ свѣта дня бѣжать она молила,
 Не слушалъ я мольбы—и предо мною
 Какъ вѣшній снѣгъ растаяла она.
 Снѣгурочка, обманщица не ты;
 Обмануть я богами; это шутка
 Жестокая судьбы. Но если боги
 Обманщики,—не стоить жить на свѣтѣ.

Убѣгаетъ на Ярилину гору и бросается въ озеро.

ЦАРЬ.

Снѣгурочки печальная кончина
 И страшная погибель Мизгири
 Тревожить насъ не могутъ; Солнце знаетъ
 Бого карать и миловать. Свершился
 Правдивый судъ! Мороза порождение,
 Холодная Снѣгурочка погибла. —
 Пятнадцать лѣтъ она жила межъ нами,
 Пятнадцать лѣтъ на насъ сердилось Солнце.
 Теперь, съ ея чудесною кончиной,
 Вышпательство Мороза прекратилось.
 Изгонимъ же послѣдній стужи слѣдъ
 Изъ нашихъ душъ и обратимся къ Солнцу.
 И, вѣрю я, оно привѣтно взглянетъ
 На преданность покорныхъ берендеевъ.
 Веселый Лель, запой Ярилѣ пѣсню
 Хвалебную, а мы къ тебѣ пристанемъ.
 Палящій богъ, тебя всѣмъ міромъ славимъ!
 Пастухъ и Царь тебя зовутъ, явись!

ЛЕДЬ—запѣваетъ.

Свѣтъ и сила,
Богъ Ярило.
Красное солнце наше!
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Свѣтъ и сила.
Богъ Ярило.
Красное солнце наше!
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше.

На вершинѣ горы на нѣсколько мгновеній разсѣвается туманъ, показывается Ярило въ видѣ молодого парня въ бѣлой одеждѣ, въ правой рукѣ свѣтящаяся голова человѣчья, въ лѣвой—ржаной снопъ. По знаку Царя прислужники несутъ цѣлыхъ быковъ и барановъ съ вызолоченными рогами, боченки и ендовы съ пивомъ и медомъ, разную посуду и всѣ принадлежности пира.

ХОРЪ—допѣваетъ.

Даруй, богъ свѣта,
Теплое лѣто.
Красное солнце наше!
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше.
Краснопогодное
Лѣто хлѣбородное.
Красное солнце наше!
Нѣтъ тебя въ мірѣ краше.

А. Островскій.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА

Разказы и воспомнанія.

V *).

Пексенъ. — Религіозная терпимость въ Америкѣ. — Непріязненные отношенія между сектами въ Пексенѣ. — Дѣловое настроеніе жителей. — Платанція и ферма. — Общества сельскаго хозяйства. — Льняная плантанція. — Пшеничная плантанція. — Мансовая плантанція. — Платанція фруктовыхъ деревьевъ. — Колонія. — Порядокъ занятія земель. — Способъ веденія предпріятій и причины, облегчающія его. — Характеристика янки. — Окончаніе работы на плантанціи м-ра Требера. — Предположеніе ѣхать въ «Индійскую территорію».

При моихъ частыхъ поѣздкахъ, какъ формана и спутника миссъ Треберъ въ городъ и къ сосѣдямъ, я могъ хорошо познакомиться, какъ съ ходомъ сельскаго хозяйства, такъ и съ бытомъ жителей такого города, какъ Пексенъ. Пексенъ возникъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ мѣстѣ, гдѣ сходятся двѣ желѣзныя дороги. Находясь среди плодородной, быстро заселяющейся преріи, онъ сдѣлался торговымъ центромъ мѣстности на нѣсколько сотъ миль кругомъ. Быстрое развитіе края даетъ право предполагать, что Пексенъ достигнетъ значительныхъ размѣровъ и хотя не догонитъ Чикаго, но все-таки займетъ видное мѣсто въ числѣ торговыхъ городовъ Иллинойса. Теперь Пексенъ представляетъ вновь строящійся городъ. Улицы разбиты правильными линіями на большое разстояніе; общественныя зданія и ряды домовъ вы-

*) См выше: июнь, 681; июль, 19; авг. 519 стр.

строены въ разныхъ мѣстахъ и отдѣляются другъ отъ друга пустырями, гдѣ вбитые колышки обозначаютъ мѣста будущихъ домовъ. Улицы не мощены, но по нимъ уже проложены рельсы конной дороги и деревянные мостки для пѣшеходовъ. Городъ освѣщается газомъ, но водопроводовъ еще нѣтъ. Жилые дома, за малымъ исключеніемъ, деревянные, выкрашенные въ бѣлый цвѣтъ съ зелеными крышами и ставнями. Склады товаровъ и конторы, кирпичные въ нѣсколько этажей, тѣснятся у вокзала желѣзныхъ дорогъ. Изъ общественныхъ зданій уже устроены: ратуша, двѣ школы и до 11-ти церквей. Теперь строятся богадѣльни, больницы и тюрьма. Значительное число церквей въ такомъ маленькомъ городѣ, гдѣ всего 5000 постоянныхъ жителей, объясняется одною особенностью Пексена, отличающею его отъ другихъ новыхъ городовъ Америки. Въ Америкѣ, при совершенной религіозной терпимости, всякій можетъ исповѣдывать какую угодно религію и исполнять какіе угодно обряды, лишь бы они не нарушали законовъ, установленныхъ для общественной безопасности и порядка. При этой терпимости образовалось множество самыхъ разнообразныхъ сектъ и толковъ, впрочемъ, мало вліяющихъ на общественную жизнь, такъ какъ честолюбивымъ стремленіямъ сектаторовъ не даютъ много ходу въ практической жизни, и даже въ общественныхъ школахъ ни подъ какимъ предлогомъ не допускается преподаваніе предметовъ, относящихся до религіи. Всякому предоставляется по своему усмотрѣнію распоряжаться своею совѣстью и избирать религію, какую пожелаетъ. Оттого различіе въ религіи не проявляется здѣсь такъ рѣзко, какъ въ Старомъ Свѣтѣ. Разговоры о религіи избѣгаются и вообще замѣтенъ полнѣйшій индифферентизмъ къ частнымъ религіознымъ вопросамъ. Сколько я слышала, вовсе не существуетъ того антагонизма между сектами, о которомъ мнѣ случалось читать еще въ Европѣ, развѣ только въ нѣкоторыхъ городахъ Америки, къ которымъ принадлежитъ и Пексенъ.

Сюда, вмѣстѣ съ людьми торговыми и дѣловыми, переселились нѣсколько фанатическихъ послѣдователей различныхъ сектъ, собрали около себя кружки единовѣрцевъ, устроили церкви, гдѣ въ проповѣдяхъ несовсѣмъ дружелюбно относятся къ послѣдователямъ другихъ ученій. Особенно грубостію выходецъ отличается секта католическая, признающая непогрѣшимость папы. Проповѣдники этой секты, состоящей изъ ирландцевъ, громятъ проклятіями всѣхъ еретиковъ вообще и въ особенности католиковъ, непризнающихъ непогрѣшимости и состоящихъ преимущественно изъ нѣмцевъ. Прежде эти проклятія разражались при

выходъ изъ церкви перебранками между возбужденными проповѣдью прихожанами двухъ, стоящихъ неподалеку церквей различныхъ сектъ. Перебранки эти переходили иногда въ драку и кончались даже выстрѣлами, что побудило мѣстныя власти принять мѣры къ прекращенію подобныхъ безчинствъ. Самою дѣйствительною мѣрою оказалось то, что время выхода и входа въ церкви распредѣлили по часамъ и полисмены наблюдаютъ, чтобы вѣрующіе выходили изъ церкви въ урочный часъ, ни подъ какимъ предлогомъ не выпуская изъ церкви никого, когда правомъ выхода по росписанію пользуется другая секта.

Благодаря этой мѣрѣ скандалы прекратились, и хотя послѣдователи разныхъ сектъ смотрятъ другъ на друга нѣсколько враждебно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но эта вражда ограничивается тѣмъ, что избѣгаютъ близкаго знакомства другъ съ другомъ, что не мѣшаетъ однако вести дружно торговля и общественныя дѣла.

За исключеніемъ этой особенности, по Пексену можно судить о большей части городовъ, строящихся у желѣзныхъ дорогъ, въ западныхъ штатахъ. Слѣдомъ за нѣсколькими крупными спекулянтами, устроившими у станціи желѣзной дороги свои торговныя и комиссіонерскія конторы, и положившими основаніе города разбитіемъ улицъ, составленіемъ плана и утвержденіемъ его у правительства штата, сюда явились со всѣхъ концовъ Союза и даже всего свѣта, личности, обладающія небольшими денежными средствами, въ расчетѣ увеличить свое состояніе при развитіи новаго города. Хорошая цѣна, даваемая при постройкѣ первыхъ домовъ, привлекла сюда чернорабочихъ, которые, заработавъ нѣсколько денегъ, приобрѣли себѣ фермы или увеличили собою число городскихъ жителей, другъ передъ другомъ старающихся выдумать и завести что-нибудь, дающее хорошій доходъ. Это стремленіе къ заработку имѣло результатомъ то, что скоро въ Пексенѣ устроились лавки со всевозможными товарами, конторы, гдѣ покупаются всевозможные продукты сельскаго хозяйства, въ какихъ угодно размѣрахъ, что составляетъ большое удобство для фермеровъ, начавшихъ быстро заселять окрестности Пексена и тѣмъ самымъ увеличивать торговый оборотъ жителей города. Въ будни, часовъ до семи вечера, не увидишь ни одного праздно прогуливающагося человѣка. Видно, что рѣдкіе прохожіе спѣшатъ куда-нибудь. Всѣ, отъ мала до велика, заняты дѣломъ. Въ 7 часовъ, когда всякая работа кончается, въ хорошую погоду все народонаселеніе высыпаетъ на улицы. Американцы и шведы сидятъ на крыльцахъ домовъ и въ палисадникахъ со своими се-

мѣстами. Нѣмцы шумятъ внутри и около бирь-салоновъ, ирландцы въ своихъ кабакахъ. По воскресеньямъ всѣ сидятъ по домамъ, кромѣ идущихъ въ церковь или изъ церкви, на улицахъ не увидишь ни одного изъ горожанъ. Всѣ лавки и салоны закрыты въ силу воскреснаго закона, соблюдаемаго здѣсь съ большою строгостью. На домашнемъ быту жителей отразилось дѣловое ихъ настроеніе. Здѣсь еще не успѣло образоваться класса людей, удалившихся отъ дѣлъ, живущихъ доходами съ капиталовъ и заботящихся о томъ, какъ бы повеселѣе убить время. Большая часть жителей не думаетъ оставаться навсегда здѣсь, а разсчитываетъ, поправивши денежные средства, или вернуться на родину, или отправиться далѣе на западъ. Поэтому, смотря на Пексенъ, какъ на мѣсто временнаго пребыванія, они стараются обставить свою жизнь такъ, чтобы ничто не препятствовало возможности скорѣйшаго обогащенія, не любятъ тратить деньги на удовольствія и окружая себя комфортомъ и разными удобствами, никогда не упускаютъ изъ вида того, чтобы въ то же время ихъ недвижимая собственность въ городѣ приобрѣтала большую стоимость и могла быть продана съ выгодой, когда представится случай. Оттого для туриста, для человѣка незнаятаго, жизнь въ Пексенѣ покажется невыносимо скучной и однообразной. Здѣсь мѣсто только для людей занятыхъ торговлей и спекуляціями.

Спекулятивный духъ, господствующій въ Пексенѣ, распространяется въ болѣе или менѣе сильной степени въ окружающихъ преріяхъ на людяхъ, занимающихся здѣсь сельскимъ хозяйствомъ. Согласно съ характеромъ хозяевъ, здѣсь выработались двѣ системы или два метода хозяйства: плантація и ферма. Предпріимчивые, не затрудняющіеся никогда въ капиталахъ, если дѣло идетъ о выгодномъ предпріятіи, янки рѣдко являются здѣсь въ качествѣ владѣльцевъ фермъ. Плантаціи болѣе соотвѣтствуютъ ихъ характеру. Скупая дикія преріи у правительства за очень низкія цѣны, они приводятъ ихъ въ культурное состояніе, заводятъ плантаціи или разбиваютъ на участки и продаютъ фермерамъ изъ европейцевъ, преимущественно нѣмцамъ. На плантаціи хозяйство ведется такъ: опредѣливъ, по качеству почвы и по возможности сбыта, одинъ какой-нибудь продуктъ, плантаторъ устрояетъ все свое хозяйство примѣняясь къ воздѣлыванію этого продукта и запакиваетъ имъ такое количество земли, какое позволяютъ ему его денежные средства. Затѣмъ вся дѣятельность и капиталъ плантатора обращены на воздѣлываніе избраннаго продукта, и не раздробляемые разными заботами и затратами, даютъ возможность

производить всѣ работы въ большихъ размѣрахъ, своевременно и пользоваться всѣми усовершенствованіями въ приѣмахъ и машинахъ, изобрѣтенными для даннаго продукта. Если на плантаціи ведутся другія отрасли хозяйства кромѣ специальной, то не иначе, какъ въ видѣ подспорья и всегда стоятъ на второмъ планѣ, ни подъ какимъ видомъ не причиняя много хлопотъ хозяину. Противоположность съ плантаціей составляетъ ферма. Непривычные къ обширнымъ предпріятіямъ европейскіе, а въ особенности нѣмецкіе хлѣбопашцы, привыкшіе кромѣ того вести хозяйство у себя дома по укоренившейся рутинѣ, они и въ Америку перенесли свой методъ хозяйства. Купивъ небольшой участокъ земли, они устрояютъ себѣ домъ и хозяйственныя постройки совершенно такъ, какъ это дѣлается на ихъ родинѣ, причемъ не очень соображаются съ мѣстными климатическими условіями. На первыхъ порахъ заводятъ, несмотря ни на чьи совѣты, орудія и инструменты, какія употребляются въ той мѣстности Германіи, гдѣ они родились, и рѣшаются замѣнить эти допотопныя орудія болѣе совершенными, примѣняемыми въ дѣлу, американскими только тогда, когда заплатятъ карманомъ за свое упрямство. На небольшомъ участкѣ земли пашется клочками и майскъ, и пшеница, и трава, и горохъ, и ленъ. Непремѣнно разводится миниатюрный садъ и огородъ. На фермѣ заводятся по нѣскольку штукъ всевозможныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ. Въ такомъ видѣ фермерское хозяйство, благодаря плодородію почвы, ведется съ большимъ успѣхомъ, пока фермеръ работаетъ самъ со своимъ семействомъ или прибѣгаетъ къ помощи одного, много двухъ годовыхъ рабочихъ, преимущественно изъ своихъ земляковъ. Но какъ только фермеръ освоится съ мѣстностью, такъ-сказать объамериканился и успѣетъ отчасти заразиться американскою предпріимчивостью, миниатюрное хозяйство перестаетъ удовлетворять его и онъ заводитъ хозяйство въ большихъ размѣрахъ помощью работниковъ. Въ такихъ случаяхъ фермерская система оказывается непримѣнимою. Американскій рабочій неохотно становится на годъ, предпочитая поденную работу, не довольствуется такимъ малымъ вознагражденіемъ, какъ только-что пріѣхавшій европеецъ, а главное, ни за что не согласится работать обязательно болѣе 10-ти часовъ въ сутки. При поденныхъ рабочихъ и раздробленности работъ надзоръ очень затруднителенъ. Для каждой отрасли требуются особые орудія, стоимость которыхъ не окупается при маломъ количествѣ обрабатываемаго продукта. Вслѣдствіе этихъ неудобствъ выработался особый методъ хозяйства на большихъ фермахъ, переходный отъ фермерскаго къ планта-

торскому. Именно: одною какою-нибудь отраслю занимаются въ бблшемъ размѣрѣ, дѣлая ее такъ-сказать основаніемъ хозяйства и отдаляютъ остальные отрасли на второй планъ, не пренебрегая ими впрочемъ, какъ это дѣлается на плантаціяхъ. Хозяева такихъ фермъ составляютъ между собою договоры о взаимной помощи орудіями и машинами. Каждый изъ нихъ заводитъ всѣ лучшія машины и орудія, относящіяся до той отрасли хозяйства, которою занимается преимущественно передъ другими, нанимаетъ привычныхъ рабочихъ и окончивъ работу у себя, работаетъ у сосѣдей. Такъ, фермеръ, занимающійся сѣннымъ хозяйствомъ, выставивъ сѣно у себя, отправляется со своими ко-силками, ворошилками, граблями и фурами по сосѣднимъ фермамъ и выкапиваетъ сѣно. Фермеръ, занимающійся пшеницей, обжинаетъ и обмолачиваетъ пшеницу на сосѣднихъ поляхъ своею жатвенною машиною и молотилкою. Такимъ образомъ дѣлаютъ и остальные. Расчетъ за произведенныя работы производится осенью между вступившими въ договоръ фермерами по заранее определенной цѣнѣ за каждую работу. Эти договоры между фермерами дали возможность устроиться и развиваться сельско-хозяйственнымъ обществамъ, инициатива которыхъ принадлежитъ впрочемъ опять, какъ и всегда въ Америкѣ, природнымъ янки-плантаторамъ. На сборы съ членовъ, общества выписываютъ и сами издають сельско-хозяйственные журналы, которыхъ имѣется по нѣскольку въ каждомъ штатѣ. При всякомъ усовершенствованіи хозяйственной машины или орудія, общество пріобрѣтаетъ такую машину, подвергаетъ испытанію и опредѣляетъ степень примѣнимости въ данной мѣстности. Эти общества играютъ весьма важную роль и чрезвычайно способствуютъ успѣшному ходу и развитію хозяйства, давая возможность всякому фермеру, безъ значительной затраты денегъ, слѣдить за ходомъ хозяйства во всѣхъ концахъ Союза и примѣнять къ дѣлу всякое полезное открытіе и усовершенствованіе. Продукты, вырабатываемые на фермахъ, всегда уступаютъ качествомъ продуктамъ съ плантацій, гдѣ вся забота и значительные капиталы направлены на одинъ предметъ. Изъ плантацій мнѣ удалось осмотрѣть и познакомиться съ ихъ производствомъ работъ на льняной, маисовой, пшеничной и фруктовой плантаціяхъ, находившихся неподалеку отъ насъ. Такъ какъ производство работъ на этихъ плантаціяхъ разнится отъ производства ихъ въ Россіи, и при меньшей затратѣ капитала, несмотря на дороговизну рукъ, даетъ возможность производить обработку съ бблшею выгодною чѣмъ въ Россіи, то постараюсь передать ходъ работъ на каждой изъ нихъ.

Большая льняная плантація, находившаяся отъ насъ миляхъ въ трехъ, принадлежала мистеру Кемси. Мистеръ Кемси купилъ 15,000 акровъ земли лѣтъ пять тому назадъ отъ правительства, заплативъ за каждый акръ по одному доллару съ четвертью, и сталъ заниматься исключительно льномъ, рассчитывая лѣтъ черезъ 10, когда ленъ перестанетъ хорошо родиться, распродать подъ мелкія фермы. Участокъ, купленный м-мъ Кемси, расположенъ по берегамъ рѣчки и представлялъ собою низменность, почти сплошное болото. Спряженіемъ и углубленіемъ русла рѣчки и хорошо расположенными канавами, мѣстность была осушена въ первый же годъ. Затѣмъ, по сожженіи остатковъ болотной травы, половина участка была поднята плугомъ и запахана подъ легкую борону льномъ. На слѣдующій годъ такимъ же образомъ была запахана другая половина участка, а паханная въ первый годъ осталась какъ-бы въ пару и густо заросла травою. Такимъ образомъ запахивая ежегодно, поочередно, одну половину участка и давая отдыхать другой, м-ръ Кемси рассчитываетъ на хорошій урожай льна, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на 10. Оставляютъ землю годъ подъ паромъ для того, чтобы образовавшійся въ теченіи лѣта, съ непонятною у насъ на сѣверѣ быстротой, дернъ, будучи перевернутъ на слѣдующій годъ, разлагался и сообщалъ питаніе и теплоту корнямъ льна, и не позволяя уплотниться верхнему слою земли, давалъ возможность корневымъ нитямъ какъ можно легче проникать въ глубь. Посѣвъ льна начинается въ срединѣ апрѣля и оканчивается въ іюнѣ, съ тѣмъ, чтобы ленъ, вырѣвая въ одно время, не затруднилъ уборки, не подвергся бы весь случайнымъ, неблагоприятнымъ пережѣнамъ погоды и еще потому, что ленъ, запаханный въ разное время и при различной густотѣ посѣва, даетъ различные сорта волокна и сѣмя, идущіе на разные примѣненія, а потому и требующіе не вполне одинаковыхъ пріемовъ при обработкѣ, что также способствуетъ распределенію уборки и обработки льна на болѣе продолжительный періодъ времени и позволяетъ производить работу меньшимъ числомъ рукъ въ данный моментъ. Густота посѣва измѣняется отъ половины до трехъ бушелей на акръ, смотря по тому, гонять ли ленъ на сѣмена или на болѣе или менѣе тонкое волокно. Для рѣдкаго посѣва выбираютъ мѣста сухія, для частаго — поспрѣе, гдѣ ленъ тянется въ длинный тонкій стебель и долго не вырѣвается, какъ говорятъ, нѣжится. Для посѣва употребляютъ различные сорта льна, отдавая преимущество двумъ, такъ-называемому, бѣлому американскому съ бѣлымъ и фіолетово-синимъ цвѣтомъ, изъ которыхъ первый даетъ лучшіе урожаи сѣмени, а второй

замѣчательнѣе обиліемъ и длиною бѣлаго мягкаго волокна. Кромѣ этихъ двухъ сортовъ, занимающихъ наибольшія пространства, значительное пространство запахано псковскимъ льномъ съ синимъ цвѣтомъ, польскимъ или правильнѣе литовскимъ толстостебельнымъ съ бѣлымъ цвѣтомъ, и малорослымъ голландскимъ съ синимъ цвѣтомъ, дающимъ не длинное, но самое цѣнное въ торговлѣ волокно. Голландскій высокорослый, требующій хорошо разрыхленной и искусственно-удобренной почвы, растетъ очень плохо на жирной, но такъ-сказать, дикой преріи, часто пропадаетъ, перерождается и даетъ короткій, ломкій стебель, такъ что его вовсе не пахутъ.

При плантаціи имѣется пробный участокъ, разбитый на мелкіе куски, гдѣ мистеръ Кемси самъ производитъ опыты наивыгоднѣйшей густоты посѣва и пробы посѣвовъ различныхъ сортовъ сѣмянъ льна, доставляемыхъ ему многочисленными знаковыми и сельско-хозяйственными обществами, чуть-ли не изъ всѣхъ странъ свѣта. Вся часть плантаціи, предназначенная для посѣва льна, разбита на квадраты, акровъ по 10, раздѣленные плугомъ и снабженные колышками съ нумерами, что чрезвычайно облегчаетъ распредѣленіе времени посѣва и уборки льна, а также наблюденіе за его ростомъ. Для посѣва сѣмянъ имѣется на плантаціи нѣсколько сѣяльныхъ машинъ разныхъ системъ. Изъ нихъ мистеръ Кемси отдаетъ преимущество небольшой ручной сѣялкѣ въ разбросъ съ регуляторомъ, дающимъ возможность опытному сѣвцу примѣняться къ неровностямъ почвы. Преимущество этой сѣялки состоитъ въ ея дешевизнѣ, прочности, легкости и быстротѣ посѣва при тихой погодѣ. Но во время вѣтра при этой сѣялкѣ требуется отъ сѣвца большого искусства и навыка, такъ что въ вѣтреную погоду употребляютъ довольно сложную двуконную выспную сѣялку, требующую больше времени и рабочей силы и часто портающуюся. Сѣялки съ приборами для сажанья м-ръ Кемси находитъ непримѣнимыми для льна. Для запахиванія сѣмени устроены особыя очень легкія желѣзныя бороны, съ частыми зубцами изъ толстой проволоки, не вѣдающіеся глубоко въ землю и покрывающіе сѣмена равномернымъ, тонкимъ слоемъ, и кромѣ того выдирающіе молодые стебельки сорныхъ травъ, успѣвшихъ начать ростъ на приготовленной подъ лентъ землѣ. Когда лента отцвѣтеть и начинаютъ образовываться головки, производится тщательный осмотръ участковъ и опредѣляется, который участокъ выгоднѣе обрабатывать на какой сортъ льна. Тогда же опредѣляютъ приблизительное время уборки каждаго участка и количество нужной для этого работы. Сдѣлать подобное распредѣленіе при по-

сѣвъ трудно, такъ какъ часто лѣнь поздняго посѣва догоняетъ и даже поспѣваетъ прежде ранняго. Лѣнь, посѣянный рѣдко, вмѣсто того, чтобы развѣтвляться и давать много головокъ, тянется въ длинный одиночный стебель, а напротивъ того, посѣянный густо не всходитъ весь, дѣлается вѣтвистымъ и становится невыгоднымъ для обработки на волокно. Всѣ участки раздѣляются на четыре сорта по качеству выросшаго на нихъ льна, и обрабатываются сообразно своему назначенію, а именно: 1) исключительно на волокно; 2) на волокно и сѣмя; 3) на посѣвное сѣмя и низшій сортъ грубаго волокна и, наконецъ, 4) на сѣмя для масла и льняную массу для бумаги. Каждый изъ этихъ отдѣловъ опять распадается на нѣсколько другихъ, впрочемъ, мало розниціеся одинъ отъ другого по приемамъ обработки, описаніе которыхъ неудобно въ письмахъ по одному, наглядному изученію, почему ограничусь описаніемъ въ общихъ чертахъ вышепомянутыхъ четырехъ отдѣловъ, обработка которыхъ различается довольно рѣзко.

Какъ только въ головкахъ покажутся зеленые зачатки сѣмянъ, густой, длинный, тонкій лѣнь выбираютъ руками и связываютъ въ пучки или ручешки такъ, какъ это дѣлаютъ у насъ въ Псковской губерніи. Паровонныя фуры тотчасъ же свозятъ эти пучки въ сараю, гдѣ они развязываются, складываются въ большіе деревянные чаны съ двойнымъ дномъ, плотными рядами; когда чанъ наполненъ стеблями льна, съ верху наливаютъ воду такъ, чтобы пройдя всѣ слои льна и наполнивъ пространство между нижнимъ сплошнымъ дномъ и вторымъ, составленнымъ изъ брусковъ, вода покрывала лѣнь дюйма на два. Чанъ закрываютъ плотною крышкою и пропускаютъ, развѣтвленною металлическою трубкою, горячій паръ между двумя днами и нагреваютъ такимъ образомъ воду и варятъ стебли льна. Температура и продолжительность варки вполне зависятъ отъ степени зрѣлости льна, отъ толщины и жесткости стеблей и опредѣляется предварительными пробами, производимися тутъ же въ особыхъ пробныхъ чанахъ самымъ м-ромъ Кемси.

Когда варка кончена, густую, зеленую жидкость сливаютъ, промываютъ лѣнь, пропуская черезъ него чистую слегка подогрѣтую воду, вынимаютъ стебли, имѣющіе свѣтло-желто-зеленый цвѣтъ, изъ чана и раскладываютъ въ обширныхъ сараяхъ на жердочки для просушки тонкимъ слоемъ, часто переворачиваемымъ во время просушки. Просушенный лѣнь варятъ другой разъ въ водѣ, въ которой растворено небольшое количество хлористыхъ солей для бѣленья. Эта операція требуетъ большой осторожности и знанія дѣла, такъ какъ при малѣйшей ошибкѣ можно

испортить волокно и уничтожить его крѣпость. Выбѣленные стебли сушатъ въ особомъ помѣщеніи, отапливаемомъ паромъ, мнутъ, треплютъ руками и прессуютъ полученное бѣлое шелковистое, тонкое волокно въ небольшіе тюки, поступающіе въ такомъ видѣ на прядильныя фабрики, гдѣ, послѣ окончательной механической обработки, изъ него готовятъ высшіе сорта тонкихъ нитей. Со льномъ, болѣе рѣдкимъ, имѣющимъ не такой нѣжный стебель, какъ въ первомъ отдѣлѣ, поступаютъ такъ: когда головка начнетъ немного желтѣть и нижніе листья на стеблѣ свернутся, участокъ скашиваютъ косилкой, идущей очень низко и подрѣзывающей стебель у самой земли. Скошенный ленъ связываютъ въ снопы, молотятъ молотилкой, сходной съ употребляемой для брумъ-ворна, только одна сторона шиповъ на валахъ заострена и шипы вбиты гуще. Обмолоченный ленъ подвергаютъ горячей вымочкѣ, какъ въ первомъ отдѣлѣ, и разстилаютъ для бѣленья и для того, чтобы ленъ дошелъ на поляхъ, какъ у насъ въ Россіи. Затѣмъ вылежавшійся ленъ сушатъ въ отопленной паромъ камерѣ, мнутъ, треплютъ и прессуютъ въ тюки особыми машинами, довольно сложными, но работающими настолько удовлетворительно, что немногимъ уступаютъ ручной работѣ самыхъ искусныхъ рабочихъ. Съ головками поступаютъ, какъ съ головками четвертаго отдѣла. Для сѣмянъ выбираются участки, гдѣ земля нѣсколько тоще и сильныя стебли льна, развѣтвившись, имѣютъ очень много головокъ. Когда головки начнутъ бурѣть и сѣмена въ нихъ получаютъ желто-коричневый цвѣтъ, ленъ скашиваютъ, молотятъ и обрабатываютъ волокно какъ во второмъ отдѣлѣ, причемъ получается грубый низшаго сорта товаръ; главное вниманіе обращено на головки. По мѣрѣ того, какъ машина отмолачиваетъ, или правильнѣе, отбиваетъ головки отъ стеблей, ихъ относятъ въ особую камеру, гдѣ разсыпаютъ тонкимъ слоемъ на полкахъ и въ теченіи трехъ дней постоянно переворачиваютъ, въ жаркіе дни отворяютъ окна этого помѣщенія, а въ ночи и въ дождливые дни, когда температура сильно понижается, нагреваютъ паромъ, стараясь поддерживать постоянно одинаковую температуру около 30° Реомюра. Когда сѣмена дойдутъ, ихъ высушиваютъ повышеніемъ температуры до извѣстной степени, вымолачиваютъ особой молотилкой, сортируютъ и сыпаютъ въ особыя корзины или бочки, въ которыхъ они и хранятся, подвергаясь довольно часто перемѣшиванію. Малорослый, путанный или вообще почему-либо неудавшійся ленъ скашиваютъ, сгребаютъ въ кучи и обмолачиваютъ. Затѣмъ стебли безъ всякой обработки прессуются и отправляются на фабрику писчебумажной массы или просто выки-

двѣются вонъ. Съ полученными головками, равно какъ и съ головками льна второго отдѣла поступаютъ такъ. Разсыпавъ ихъ слоями, дюйма въ полтора толщины, на доскахъ въ сараѣ, пере-
ворачиваютъ раза два въ день; потомъ, когда сѣмена дойдутъ, высушиваютъ въ той же камерѣ, гдѣ сушатъ волокно передъ мя-
ъемъ, молотятъ, сортируютъ и ссыпаютъ въ плотно закупоренныя
бочки, въ которыхъ сѣмя и поступаетъ въ продажу.

Постоянный доходъ съ плантаціи опредѣлить точно нельзя
вслѣдствіе разницы въ урожаѣ и значительномъ повышеніи и
пониженіи цѣнъ на ленъ и сѣмя, зависящихъ не отъ мѣстнаго
урожая, а отъ большаго или меньшаго запроса на этотъ товаръ
въ городахъ. Но чтобы выяснитъ хоть приблизительно доходность
льняной плантаціи, передамъ со словъ м-ра Ремси доходъ и
стоимость работы за прошлый годъ.

Первоначальная затрата на плантацію составляла: покупка
земли—20,000 долларовъ; первая обработка земли, постройки и
машинны—40,000 долларовъ, итого 60,000 долларовъ.

Въ прошломъ году на плантаціи сначала работали 50 человѣкъ
въ день, а въ теченіи іюня, іюля, августа и сентября отъ 200
до 250 человѣкъ, съ платою отъ одного до пяти долл. въ день,
что составило 2290 рабочихъ дней и обошлось до 50 тысячъ
долларовъ. Лошади, топливо, покупка новыхъ машинъ и починка
старыхъ составили до 15,000 долл.; итого расхода 65,000 долларовъ.

Получено:

Съ 200 акровъ голландскаго льна	3 тон. по 800 л.	2400 л.	употребл.	800 раб. дн.
„ 1600 „ америкаиск. „	30 „ „ 500 „	15,000 „	„	6400 „ „
„ 3000 „ 2-го отдѣла „	100 „ „ 250 „	25,000 „	„	3000 „ „
„ 800 „ 3-го отдѣла „	30 „ „ 100 „	3000 „	„	1000 „ „
„ 1400 „ бумажной массы	„ „ — „	1000 „	„	700 „ „
Сѣмя для продажи, 36,000 бушелей		— „ 36,000 „		
7000		112,400 долл.	—	11,900 раб. дн.

Сѣмя 6200 бушелей оставлено въ посѣву будущаго года.
Итакъ, за возвращеніемъ сѣмянъ, валового дохода 112,400 дол-
ларовъ, а чистаго 47,400 долларовъ.

Пшеничная плантація, принадлежащая м-ру Карлейлю, зани-
маетъ до 10,000 акровъ. Весь участокъ подымается плугомъ, вы-
бороновывается тяжелыми желѣзными боровами. Посѣвъ начи-
нается въ сентябрѣ и оканчивается въ первыхъ числахъ ноября.
Сѣютъ сѣяльными машинами, изъ которыхъ м-ръ Карлейль пред-
почитаетъ сѣялку съ вращающимся барабаномъ, снабженнымъ
особыми трубочками, закрытыми все время движенія барабана,
кромя момента, когда отверстіе трубочки прихдится къ землѣ.

Зерна пшеницы, наполняющія барабанъ, по одному или по два, выходятъ изъ отверстія трубочки и падаютъ на землю. Помощью этой сѣялки сѣмена распределяются по полю съ математическою точностью. Запахиваютъ сѣмена эвстирпаторомъ съ 7-ю лемехами. Въ теченіи зимы, начала лѣта, до тѣхъ поръ, пока пшеница не начнетъ вызрѣвать, на плантаціи не производится полевыхъ работъ, почему м-ру Карлейлю остается достаточно свободного времени заниматься торговлею лѣснымъ матеріаломъ, очень выгодной въ безлѣсныхъ окрестностяхъ Певсена. Когда пшеница поспѣетъ, м-ръ Карлейль покупаетъ нужное число лошадей, нанимаетъ рабочихъ, вывозитъ въ поле шесть жатвенныхъ машинъ, ставитъ въ трехъ мѣстахъ своихъ владѣній свои три паровыя молотилки и съ быстротою, о которой трудно составить себѣ понятіе человѣку, привыкшему къ нашему медленному живу и еще болѣе медленной уборкѣ и молотбѣ, скашиваетъ густую пшеницу, свозитъ снопы къ молотилкѣ, обмолачиваетъ и свозитъ зерно на паровую зерносушилку, находящуюся на плантаціи. Жатвенныя машины не только скашиваютъ стебли, но помощью особаго механизма связываютъ очень аккуратные снопы. Для управленія этими машинами выбираются опытные работники, такъ какъ по сложности устройства неумѣлый можетъ легко испортить машину и произвести остановку въ работѣ. Когда все поле сжато и обмолочено, солому сжигаютъ, косилки и молотилки ставятъ въ сарай; на ихъ мѣсто вывозятъ плуги, бороны и сѣялки и приступаютъ къ новому посѣву. Когда весь участокъ засѣянъ, лошади продаются, работники распускаются, кромѣ необходимыхъ для домашнихъ работъ и на плантаціи, гдѣ кипѣла дѣятельность и работало до 150 человѣкъ, водворяется тишина до слѣдующей осени. На плантаціи отдѣленъ участокъ, гдѣ производятся пробы посѣвовъ разныхъ сортовъ пшеницы. При разсматриваніи зеренъ, получаемыхъ какъ въ полѣ, такъ и въ пробномъ участкѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что зерна всѣхъ сортовъ пшеницы, выросшіе въ Америкѣ, мельче, темнѣе и вообще несравненно низшаго достоинства противъ пшеницы Старого Свѣта. Это обстоятельство относится не до одной мѣстности, а вообще до всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, несмотря на всѣ старанія, пшеница родится худшихъ качествъ, чѣмъ въ южной Европѣ, и можетъ конкурировать съ послѣдней только вслѣдствіе своей дешевизны. На плантаціи м-ра Карлейля пшеница даетъ отъ 9 до 15 зеренъ урожая, при среднемъ посѣвѣ 2 бушелей на акръ.

М-ръ Сульванъ, владѣлецъ маисовой плантаціи, принадлежитъ къ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ этого края. Планта-

ція его, находящаяся миляхъ въ тридцати отъ Пексена, давно вышла изъ первоначальнаго періода развитія, въ которомъ находилъ описанныя мною плантаціи, что видно съ перваго взгляда на нее. Вся плантація разбита на квадратные участки, окопанные рвами. На валахъ, сдѣланныхъ въ одну сторону рва изъ вынутой земли, отлично разрослись зелеными стѣнками живыя изгороди изъ колючаго кустарника, представляющаго такое затрудненіе при первоначальной обработкѣ преріи. Крѣпкія, кривыя вѣтви кустарника, покрытыя острыми шипами и красивой густой листвою, такъ густо переплелись между собой, что представляютъ непреодолимую преграду не только человѣку и животному, но даже и домашней птицѣ. Однообразная зелень изгороди разнообразится высокими кустами дикихъ розъ различныхъ цвѣтовъ, отъ бѣлаго до темнопунцоваго, встрѣчающихся въ довольно большомъ количествѣ на необработанной преріи. Ворота, ведущія въ огороженные такимъ образомъ участки, выкрашены бѣлою масляною краскою, что придаетъ всей плантаціи чрезвычайно нарядный видъ. Сколоченные изъ досокъ бараки давно замѣнены капитальными каменными постройками и содержатся въ замѣчательной чистотѣ и порядкѣ. Постройки, занимающія значительное пространство, окружены обширнымъ фруктовымъ садомъ и огородомъ.

М-ръ Сульванъ очень богатъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ и неограниченнымъ кредитомъ на сотни миль кругомъ за свою дѣятельность, умъ, добросовѣстность въ расчетахъ, а главное за предупредительность, съ которою готовъ помочь всякому начинающему что-либо полезное не только совѣтомъ, но часто и денежными средствами. Отлично освоившись съ мѣстными условіями и пользуясь полнѣйшимъ довѣріемъ рабочихъ, онъ, не выходя изъ дому, безъ всякихъ хлопотъ, можетъ достать во всякое время столько рабочихъ, сколько по его соображеніямъ ему нужно. Это дало ему возможность устроиться такъ, что работы на мансовой плантаціи идутъ какъ заведенная машина. Кромѣ того, второстепенная отрасль хозяйства—скотоводство и неразлучное съ нимъ луговодство, развились на плантаціи въ обширныхъ размѣрахъ, и нисколько не мѣшая производству маиса, едва ли не превзошли его своею доходностью. Нѣсколько другихъ отраслей хозяйства, находящіяся въ настоящее время въ различныхъ періодахъ развитія, далеко уступая размѣрами главнымъ, все-таки сами по себѣ довольно велики и основаны на самыхъ раціональныхъ началахъ, и когда со временемъ разовьются вполне, то плантація м-ра Сульвана, переставъ быть плантаціей въ строгомъ значеніи слова, представитъ собою примѣръ обширнаго, полного хозяйства, вродѣ

ли имѣющаго себѣ подобное въ цѣломъ мірѣ. Конечно, самому м-ру Сульвану, уже очень немолодому, врядъ ли придется дожидаться этого. Но сынъ его, теперь дѣятельно помогающій отцу, по всѣмъ вѣроятіямъ продолжить начатое имъ дѣло. Изъ двухъ сыновей м-ра Сульвана, старшій женатъ и завѣдываетъ значительными капиталами отца, живетъ въ Нью-Йоркѣ и весь погруженъ въ биржевые обороты. Младшій, любимецъ отца, болѣе способенъ къ сельскому хозяйству. Кончивъ курсъ въ земледѣльческомъ университетѣ въ Итакѣ (штатъ Нью-Йоркъ), онъ лѣтъ пять путешествовалъ по Европѣ, присматриваясь къ тамошнему хозяйству; потомъ, объѣхавъ Соединенные Штаты, поселился на плантаціи у отца. Старикъ мало-по-малу передаетъ ему управление плантаціей, оставляя себѣ свой садъ, конскій заводъ и другія мелкія отрасли, которыми занимается съ удвоенною дѣятельностью, желая съ самаго начала обезпечить за ними возможность правильнаго развитія.

Плантація м-ра Сульвана занимаетъ пространство до 60,000 акровъ. Изъ нихъ около 5000 подъ постройками, садомъ, огородомъ и пробнымъ участкомъ; подъ майсомъ 22,000, подъ ухажью 11,000, а подъ покосами 22,000 акровъ. Луга и поля непостоянны, и переходятъ по слѣдующему, если можно такъ выразиться, сѣвообороту. Весь участокъ разбитъ на пять частей по 11,000 акровъ каждый; изъ нихъ первый годъ два участка подъ майсомъ, два подъ покосами и одинъ подъ ухажью. Второй годъ: одинъ, бывшій подъ майсомъ, засѣвается травой, взамѣнъ его подъ майсъ поступаетъ бывшій подъ ухажью, а бывшій покосный стравливается скотомъ и т. д., такъ что майсъ сѣется одинъ разъ по удобренію, оставленному пасущимся скотомъ, второй разъ безъ удобренія. Затѣмъ идетъ посѣвъ травъ. Почва до такой степени жирна, что въ теченіе 20-лѣтней пахаты, при такомъ скудномъ удобреніи, урожай не только не уменьшается, но по мѣрѣ разрыхленія почвы ежегодно увеличивается. Землю подъ майсъ поднимаютъ плугами съ осени, весной тщательно разрыхляютъ бородами и по мягкой почвѣ сѣютъ зерно, помощью высыпной сѣялки съ бороздчатымъ глухимъ цилиндромъ, рядами, отстоящими фута на полтора одинъ отъ другого. Сѣмена слегка прикрываютъ легкой бороною. Когда майсъ взойдетъ и подымѣтся вершка на два, его окучиваютъ поперегъ рядовъ посѣва легкимъ окучникомъ; затѣмъ, когда стебли майса достигнутъ одного фута, его окучиваютъ опять уже вдоль рядовъ посѣва большимъ окучникомъ, проводя глубокія борозды и образовывая какъ-бы гради у стеблей. Когда майсъ созрѣетъ, длинныя, толстыя стебли срубаютъ

особенными для того приспособленными большими ножами и составляют стоймя въ большія кучи; потомъ начинается работа, особенно любимая американскими фермерами и рабочими (корн-тессенъ). Она состоитъ въ томъ, что отъ составленныхъ въ кучи стеблей отрываютъ шишки и выщипываютъ ихъ руками изъ заключающихъ ихъ листьевъ. Выщипленные такимъ образомъ шишки обмолачиваются особыми молотилками разныхъ системъ.

Молотилки для манса составляютъ теперь, кажется, любимый вопросъ изобрѣтателей сельско-хозяйственныхъ машинъ, судя по множеству ихъ, фигурирующихъ на всѣхъ выставкахъ и во всѣхъ хозяйственныхъ журналахъ. У м-ра Сульвана ихъ болѣе двухъ десятковъ различныхъ системъ, и онъ увѣряетъ, что не знаетъ, которой отдать предпочтеніе, такъ какъ всѣ онѣ работаютъ удовлетворительно. Средній урожай манса на плантаціи около 60 зеренъ.

Время между посѣвомъ и уборкою манса занято на плантаціи уборкою сѣна для большого числа лошадей, и главное для скотоводства. Всего скота 7000 штукъ, изъ которыхъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ коровъ ежедневно доятся. Все лѣто скотъ ходитъ въ полѣ, сперва на уложѣ, потомъ по снятіи травы на покосѣ, и наконецъ, по мѣрѣ уборки, на поляхъ. На сухомъ корму онъ стоитъ всего отъ 3¹/₂ до 4-хъ зимнихъ мѣсяцевъ. По числу скота можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ каменнаго, красиваго скотнаго двора. Взрослый скотъ стоитъ зимой на привязи; для телятъ разныхъ возрастовъ устроены особые помѣщенія. Кормъ развозится на платформахъ, движущихся по рельсамъ, устроеннымъ вдоль двора посерединѣ, куда обращенъ головами привязанный скотъ. Вода проведена трубами изъ особаго резервуара въ металлическіе желобы, помѣщенные у яслей противъ каждой коровы. Кормомъ служатъ сѣно съ искусственныхъ покосовъ, гдѣ преобладающая трава тимоееевка и разные виды вики. Подстилкой служатъ листья и гильзы мансовыхъ шишекъ, остающихся въ большомъ количествѣ послѣ уборки манса. Навозъ вывозится и выкидывается въ оврагъ. Мистеръ Сульванъ намѣренъ извлекать доходъ изъ пропадающаго даромъ большого количества навоза и думаетъ устроить въ этомъ году бурты для полученія калиевой селитры. Лѣтомъ, весь скотъ днемъ и ночью въ полѣ. При этомъ оказывается чрезвычайно удобнымъ, что плантаціи разбиты на огороженные участки. Мало того, что не нужны пастухи, но скотъ можно всегда держать отдѣльно по возрастамъ и по породамъ. Когда одинъ участокъ вытравленъ пущеннымъ въ него скотомъ, скотъ перегоняютъ въ другой и т. д., наблюдая, чтобы

для маленькихъ телятъ, загоняемыхъ каждый вечеръ въ хлѣвъ, и для дойныхъ коровъ, постепенно пригоняемыхъ по три раза въ день къ молочной, для доенья, оставались участки ближайшіе къ постройкамъ. Доенье коровъ продолжается въ теченіи цѣлаго дня. Молоко, процеженное сквозь мелкое сито, течетъ въ молочную посредствомъ металлическихъ желобовъ. Въ молочной тотчасъ поступаетъ въ маслобойку, приводимую въ движеніе паровою машиною. Пахтанье частью идетъ на пойло телятамъ, для чего къ нему примѣшиваютъ маисовой муки, частью отдается свиньямъ. Съ каждой дойной коровы получается на кругъ до 100 фунтовъ масла.

На плантаціи есть двѣ вещи, обращающія на себя вниманіе всякаго занимающагося сельскимъ хозяйствомъ—это сарай, гдѣ составляются машины и инструменты,—и пробный участокъ. Въ теченіе 22-лѣтняго хозяйства, м-ръ Сульванъ приобрѣталъ самыя совершенныя машины и не бросалъ прежнихъ, а составлялъ ихъ въ систематическомъ порядкѣ въ особомъ помѣщеніи, вслѣдствіе чего образовался цѣлый музей машинъ и орудій, служащихъ для обработки земли, уборки и обработки маиса, снimanья травы и средствъ перевозки. Здѣсь, въ одномъ отдѣленіи, можно прослѣдить за постепеннымъ усовершенствованіемъ плуга, начиная отъ употреблявшагося 20 лѣтъ назадъ и вошедшаго даже въ Россію въ большое употребленіе неуклюжаго двуконнаго плуга Старбука и огромнаго, тяжелаго, такъ-называемаго колоніальнаго плуга, которымъ помощью восьми сильныхъ лошадей и двухъ, даже трехъ рабочихъ, можно вдирать землю наполненную корнями, до легкаго одноконнаго плужка съ рѣзакомъ, укрѣпленнымъ на самомъ лемехѣ, Стивенса и до входящихъ теперь во всеобщее употребленіе, пароконныхъ и четырехъ-конныхъ, парныхъ и тройныхъ плуговъ, гдѣ одинъ рабочій не принужденъ ходить за плугомъ и напрягать свои мускулы для удержанія плуга и на поворотахъ, а спокойно сидитъ на сидѣннѣ, править лошадьми и, нисколько неуставая, проводить двѣ или три широкихъ борозды на глубину, опредѣленную установленнымъ въ началѣ работы регуляторомъ.

Особенною полнотою отличается отдѣлъ для уборки и окончательной обработки маиса, отъ коллекціи разнообразныхъ ножей, служащихъ для срубанія стеблей и разныхъ машинъ, изобрѣтаемыхъ съ тою же цѣлью, но еще неудовлетворительно работающихъ, до сложныхъ молотилокъ; здѣсь собрано кажется все, что создала американская изобрѣтательность для облегченія человѣческаго труда по этой отрасли хозяйства. Такъ же полна кол-

лѣжкія разныхъ фуръ, платформъ, экспрессо и крановъ, служащихъ для перевозки стеблей, шишекъ и вымолоченнаго зерна маиса, также для нагрузки, перевозки, сгрузки скошенной травы и прессованнаго сѣна.

Пробный участокъ, занимая пространство около 1000 акровъ, разбитъ на небольшія куртины, раздѣленныя посыпанными пескомъ дорожками, какъ въ цвѣтникахъ. Съ перваго взгляда приметъ этотъ участокъ дѣйствительно за огромный цвѣтникъ; но вглядываясь пристальнѣе увидишь, что не праздная прихоть руководила посѣвомъ растущихъ здѣсь красивыхъ растений и цвѣтовъ. Главный предметъ посѣвовъ на пробномъ участкѣ составляютъ, разумѣется, различные виды маиса, отличающихся другъ отъ друга какъ наружнымъ видомъ стебля, такъ и величиною и цвѣтомъ шишки и зерна. Затѣмъ идутъ посѣвы разныхъ кормовыхъ травъ, вывезенныхъ изъ Старога Свѣта и дикихъ американскихъ травъ, какъ вошедшихъ уже въ употребленіе при травосѣяніи, такъ и такихъ, которые могутъ быть съ пользою разводимы въ хозяйствѣ. Красивые цвѣты этихъ травъ на куртинахъ, перемежающихся съ запаханнми маисомъ и другими растеніями, придаютъ участку видъ цвѣтника. Кромѣ маиса и травъ, составляющихъ какъ-бы специальную принадлежность участка, большая часть его запахана разными растеніями, не разводимыми на плантаціи.

Мистеръ Сульванъ, какъ членъ нѣсколькихъ селско-хозяйственныхъ обществъ и истинный любитель, постоянно занимается опытами акклиматизаціи разныхъ видовъ злаковъ, корнеплодныхъ, огородныхъ и другихъ растеній, чѣмъ уже принесъ не малую пользу сельскому хозяйству въ Америкѣ.

На плантаціи мистера Сульвана положено раціональное основаніе, правда въ очень небольшихъ сравнительно размѣрахъ, слѣдующимъ отраслямъ хозяйства: коневодству, для котораго куплено 12 жеребцовъ лучшихъ породъ и до 50 матокъ. Выписка жеребцовъ оказываетъ большое вліяніе на улучшеніе лошадей въ окружающей мѣстности, такъ какъ м-ръ Сульванъ пускаетъ ихъ въ случку и для постороннихъ лицъ за самую ничтожную плату, наблюдая только, чтобы приводимыя кобылицы были здоровы, хороши и удовлетворяли условіямъ, по которымъ можно бы было ожидать улучшеннаго приплода.

Овцеводство мясное, обѣщающее давать отличный доходъ и тонкорунное, надъ которымъ опыты въ окрестностяхъ Пексена, несмотря на выгодныя повидимому условія, до сихъ поръ не удавались. М-ръ Сульванъ, занимаясь этимъ дѣломъ въ неболь-

пникъ размѣрахъ лѣтъ шесть, находить, что причина неудачъ лежала въ незнаніи дѣла начинавшихъ и въ отсутствіи мѣръ и учреждений, необходимыхъ для правильнаго воспитанія нѣжныхъ тонкорунныхъ овецъ, а никакъ не въ климатическихъ условіяхъ и свойствахъ корма, какъ полагають. Занимался самъ этимъ дѣломъ и распространяя овецъ хорошихъ породъ между фермерами, онъ надѣется достигъ того, что тонкорунное овцеводство, понемногу, привьется въ мѣстности; образуется нѣсколько толковыхъ овцеводовъ, что дастъ возможность образовать общество овцеводства, которое уже устранить затрудненія и препятствія и дастъ возможность заниматься этимъ доходнымъ дѣломъ на прочныхъ основаніяхъ.

Птицеводство находится въ самомъ зародышѣ. Устроены очень просторный птичій дворъ, въ которомъ пущено нѣсколько паръ куръ, индѣекъ и утокъ различныхъ породъ, купленныхъ на выставкѣ за очень дорогую цѣну. Эти родоначальники птицъ, должныствующихъ вытѣснить, или, по крайней мѣрѣ значительно поулучшить существующія породы въ окрестностяхъ Пексена. Для пчеловодства куплено и поставлено нѣсколько ульевъ, но пчелъ еще нѣтъ. Заняться пчелами м-ръ Сульванъ думаетъ когда передастъ совсѣмъ все хозяйство сыну, и имѣя болѣе свободного времени, займется исключительно своимъ любимымъ дѣломъ — сельско-хозяйственными опытами.

Быстрое образованіе множества фермъ, непремѣнную принадлежность которыхъ составляетъ фруктовый садъ, дало возможность садовнику изъ Чикаго, м-ру Холъ, основать фруктовую плантацію. На участкѣ въ 5000 акровъ онъ развелъ питомники и шевы различныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Порядокъ этого дѣла такой: весь участокъ разбитъ на длинныя неширокія полосы. Каждая изъ этихъ полосъ раздѣлена на двѣ части. Въ одной сѣются сѣмена различныхъ фруктовъ, другая предназначена для разсады дичковъ. Когда дички подрастутъ, ихъ колируютъ и оставляютъ на томъ же мѣстѣ лѣтъ пять, когда они поступаютъ въ продажу и способны давать плоды. Каждый годъ засѣвается одинъ изъ 10-ти участковъ, другой разсаживается, третій колируется и одинъ продается, и очищенное такимъ образомъ мѣсто снова поступаетъ подъ посѣвъ.

Фруктовая плантація, принося значительный доходъ хозяину, даетъ возможность фермерамъ, безъ большихъ затратъ и потери времени, устраивать свои фруктовые сады и сильно способствуетъ развитію садоводства, очень выгоднаго въ здѣшней мѣстности, по доброкачественности растущихъ фруктовъ и по легкости сбыта

по желѣзнымъ дорогамъ, въ большіе города. Кромѣ питомниковъ на плантаціи имѣется большой фруктовый садъ, состоящій изъ деревьевъ, дающихъ лучшіе сорта плодовъ, какіе м-ръ Холь могъ только достать. Плоды съ этого сада пользуются извѣстностью далеко кругомъ, и черезъ продажу ихъ м-ръ Холь выручаетъ значительный доходъ.

Описанныя мною плантаціи отстоятъ довольно далеко одна отъ другой и окружены множествомъ мелкихъ фермъ, значительно облегчающихъ веденіе дѣлъ на плантаціяхъ, снабжая ихъ рабочими руками и различными продуктами. Фермерство распадается здѣсь на два вида; объ одномъ я говорилъ уже. Здѣсь ферма представляетъ совершенно отдѣльное, независимое хозяйство, на манеръ англійскихъ или нѣмецкихъ фермъ, устроенное въ позднѣйшее время, когда вся мѣстность уже принадлежала бѣлымъ. Ранѣе, лѣтъ 25 тому назадъ, селиться отдѣльными, небольшими семействами не было возможности, по причинѣ нападеній индѣйцевъ. Отдѣльные бловгаузы или укрѣпленные дома устраивали только люди съ многочисленнымъ, состоящимъ преимущественно изъ взрослыхъ мужчинъ, семействомъ, приводившіе еще съ собою значительное число рабочихъ, почему могли противустоять нападеніямъ свирѣпыхъ краснокожихъ, не легко уступавшихъ свои родныя преріи. Эти первые переселенцы, работая въ новыхъ странахъ, всегда вооруженные, переходящіе безпрестанно отъ плуга къ карабину, отъ жатвы къ кровавой схваткѣ, носятъ названіе пионеровъ. Какъ только занятая ими мѣстность ими же очистится отъ индѣйцевъ, сдѣлается почти безопасно и привлечетъ своимъ плодородіемъ переселенцевъ, пионерамъ казалось скучно жить въ заселенной мѣстности безъ приключеній и опасностей, они продавали или просто бросали свои участки и уходили далѣе на западъ розыскивать новыя удобныя мѣста, отгнѣсая шагъ за шагомъ и уничтожая индѣйцевъ. Слѣдомъ за пионерами шли переселенцы болѣе миролюбиваго свойства, покупали участки, разработанные пионерами, разрабатывали новые; но вслѣдствіе полной безопасности отъ недалекихъ еще индѣйцевъ и разныхъ авантюристовъ, наполнявшихъ неустроенный край, гдѣ не было ни законовъ, ни чего-либо напоминавшаго цивилизованную страну, наконецъ, вслѣдствіе того, что каждый переселенецъ понималъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, переселенцы селились по нѣскольکو десятковъ семействъ въ одномъ мѣстѣ, образуя колонію, учреждая у себя свою администрацію и законы. Нѣкоторые изъ этихъ колоній, расположенныя въ выгодныхъ торговыхъ пунктахъ, разрослись въ города вновь образовавшагося

штата, другія образовали красивыя селенія или, правильнѣе, сплошныя ряды фермъ, въ очень близкомъ другъ отъ друга разстояніи, съ общиннымъ управленіемъ, носящіе до сихъ поръ названіе колоній. Впрочемъ, внутреннее хозяйство ихъ отличается отъ хозяйства на фермахъ, устроенныхъ позже, развѣ только тѣмъ, что жители колоній, какъ старожилы, успѣли уже достигнуть значительнаго благосостоянія, привели свои хозяйства въ отличный порядокъ, настроили красивыхъ каменныхъ построекъ и окружили себя комфортомъ, немислимымъ не только въ избахъ русскихъ крестьянъ, но и у фермеровъ западной Европы.

Пространство земли, не вошедшее въ составъ штатовъ, называется территоріями. Всякій можетъ селиться въ территоріяхъ, на свой собственный страхъ и занимать участки земли по своему выбору. Когда въ территоріи наберется 40,000 жителей, она образуетъ штатъ. Владѣнія гражданъ новаго штата опредѣляются съ точностью; затѣмъ, незанятая земля поступаетъ въ собственность вашингтонскаго правительства и носитъ названіе директоріи, отъ особыхъ чиновниковъ или директоровъ, завѣдывающихъ этими участками, занимающими иногда огромныя пространства. Земли директоріи продаются желающимъ по частямъ, съ платою по $1\frac{1}{4}$ долл. за акръ. Люди, обладающіе капиталами, покупаютъ эти земли и потомъ распродаютъ подъ фермы или въ дикомъ видѣ, что не такъ выгодно, такъ какъ фермеры не обладаютъ достаточными средствами для дорогой первоначальной обработки, или приведя участки въ культурное состояніе, какъ это дѣлаетъ м-ръ Треберъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ я старался передать способъ веденія хозяйства и главныя характеристическія его черты. Насколько я могъ судить по рассказамъ, методы хозяйства въ окрестностяхъ Пексена тождественны съ методами, употребляемыми во всѣхъ молодыхъ, недавно заселенныхъ западныхъ штатахъ, и рyzнятся нѣсколько съ пріемами хозяйства въ густо-населенныхъ восточныхъ штатахъ, гдѣ почти нѣтъ плантацій, а преобладаютъ фермы большихъ или меньшихъ размѣровъ и подгородныя мызы, существованіе которыхъ обезпечивается сбытомъ продуктовъ городскимъ жителямъ.

Присматриваясь къ американскимъ хозяйствамъ и людямъ, которые ведутъ ихъ, начинаешь ясно понимать, какъ просто ведутся здѣсь предпріятія, поражающія своею обширностью. Видя результаты американской дѣятельности, при сравнительно ничтожныхъ первоначальныхъ средствахъ, читая описанія ихъ предпріятій, невольно является мысль, ужъ не одарены ли эти люди ка-

или-нибудь особенными организмами, или самая почва Америки не представляет ли такіа неслыханныя удобства, что человекъ можетъ сработать на ней за десятерыхъ. Вглядываясь ближе, видишь, что люди не обладаютъ особымъ организмомъ и если нѣсколько отличаются отъ жителей Европы и особенно Россіи, то никакъ не особенными научными свѣдѣніями и умственными способностями, а ужъ про способность переносить физическій трудъ и говорить нечего. Специалистовъ по разнымъ отраслямъ, какими изобилуетъ Англія, здѣсь такъ мало, что ихъ почти не видать. Почва для хлѣбопашества хороша, но далеко уступаетъ, напр., южной Россіи, что можно видѣть по урожаямъ и по зерну, всегда уступающему качествомъ выросшему въ Россіи, Придунайскихъ княжествахъ и Венгріи. Наконецъ, европейцы, едва добывавшіе упорнымъ трудомъ насущный хлѣбъ, освоившись и обжившись въ Америкѣ, достигаютъ не только благосостоянія, но часто богатѣютъ и руководятъ обширными, чисто американскими, предпріятіями. Вся сила американцевъ въ ихъ-такъ-называемой практичности. Постараюсь выяснитъ въ чемъ состоитъ и въ чемъ особенно проявляется эта практичность.

Еще до освобожденія отъ Англіи, придя къ тому убѣжденію, что опека, весьма полезная для малолѣтнихъ и больныхъ, не только бесполезна для взрослыхъ людей, обладающихъ всѣми способностями, но даже вредна, такъ какъ, не помогая ни въ чемъ, напрасно стѣсняетъ ихъ дѣятельность, они сами въ себѣ, безъ помощи извнѣ, стали изыскивать средства устроиться лучше.

Составивъ могущественное политическое цѣлое, вполне обезпеченное отъ вмѣшательства извнѣ, американцы раздѣлили его, въ то же время, на отдѣльные штаты или отдѣльныя государства, которыя связаны между собою только политическими постановленіями, но имѣютъ каждое совершенно независимое гражданское устройство, выработавшееся вслѣдствіе особыхъ требованій мѣстности, занимаемой штатомъ, и характера его населенія.

Соглашаясь, для общихъ политическихъ и гражданскихъ цѣлей, пожертвовать частью личной свободы, для того, чтобы вполне пользоваться остальною частью, они строго опредѣляютъ какъ велика пожертвованная часть свободы чрезъ своихъ выборныхъ, выбирать которыхъ имѣютъ право всѣ граждане; безъ ограниченій. Обезпечивъ себя отъ честолюбивыхъ замысловъ сосѣдей, а главное, отдѣльныхъ личностей, они учредили выборное правительство, отъ котораго не ждутъ никакого вчинанія въ общественныхъ дѣлахъ, не допускаютъ никакого вмѣшательства въ частныя дѣла, а требуютъ строгаго исполненія законовъ уже существую-

щихъ и покровительства или скорѣе помощи для тѣхъ предпріятій, которыя народъ признаетъ нужными, и для успѣшнаго хода которыхъ нужна помощь власти, данной тѣмъ же народомъ и сосредоточенной въ рукахъ правительства. Затѣмъ, не ожидая, что кто-либо позаботится объ улучшеніи ихъ положенія, и зная, что для успѣшнаго развитія общественной жизни всякое общество должно прежде всего позаботиться о своемъ матеріальномъ благосостояніи, они позаботились облегчить всѣми способами возможность приобрѣтенія матеріальныхъ средствъ для каждаго члена общества, справедливо полагая, что съ развитіемъ матеріальнаго благосостоянія будетъ развиваться, само собою, и нравственное, такъ какъ только при одновременномъ, параллельномъ развитіи обоихъ возможно существованіе каждаго.

Хорошо понимая, что мысль, не облеченная въ слово, пропадетъ безслѣдно, часто даже для того, кому она пришла, а слово, не подтвержденное дѣломъ, такъ и остается словомъ, они позаботились о томъ, чтобы уничтожить все, что можетъ препятствовать зарожденію полезной мысли, ея распространенію и, наконецъ, воплощенію въ дѣло.

Исходя изъ этого начала, прежде всего они позаботились о школѣ. Всякій, родившійся въ Соединенныхъ Штатахъ, обязанъ учиться. Неумѣющій читать и писать не имѣетъ права быть гражданиномъ, т.-е., пользоваться никакими политическими и гражданскими правами. Для облегченія способовъ ученія, первоначальныя бесплатныя школы устроены на счетъ общества и считаются предметомъ такой необходимости, что первое общественное зданіе, строящееся послѣ ратуши, во всякомъ вновь возникающемъ городѣ, непременно школа. Высшія учебныя заведенія, а также вспомогательныя средства для народнаго образованія, какъ музеи и проч., въ немногихъ случаяхъ устраиваются на народные средства, а существуютъ на средства частныхъ лицъ и обществъ. Не вдаваясь въ подробное описаніе способовъ обученія въ американскихъ школахъ, скажу только, что по программамъ курсъ этихъ школъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ высшихъ, далеко не такъ обширенъ и полонъ, какъ, напр., въ соответственныхъ русскихъ школахъ. Но за то все преподаваніе направлено къ тому, чтобы развить въ учащемся способность мыслить, не обременяя его памяти массою разнообразныхъ свѣдѣній, заставить исполнѣ усвоить себѣ приобрѣтенныя и дать возможность впоследствии систематизировать свѣдѣнія, приобрѣтенныя въ практической жизни. Затѣмъ, не вдаваясь въ отвлеченности, стараются такимъ образомъ расположить занятія различными предметами, и

такъ сгруппировать сообщаемые факты, чтобы сдѣлать учене не имѣть-то особеннымъ наказаніемъ или неизбежной очистительной кривой, а дѣлать самымъ простымъ и естественнымъ, и сдѣлать переходъ отъ занятій въ школѣ къ занятіямъ практической жизни имѣ можно менѣе ощутительнымъ.

Вслѣдствіе такого обученія молодой американецъ, вступая въ практическую жизнь, не падаетъ какъ съ облаковъ въ совершенно чужой ему міръ, а тотчасъ находитъ примѣненіе приобретенныхъ имъ свѣдѣній, видитъ неполноту ихъ и естественно старается пополнить ихъ, для чего у него всегда средство подъ руками, такъ какъ онъ прежде всего попадаетъ въ качествѣ помощника къ своему опытному, развитому отцу или родственнику, которому уже помогать по мѣрѣ возможности въ свободное время отъ занятій, еще бывши въ школѣ. Если же отецъ не можетъ удовлетворить его любознательности, къ его услугамъ великолѣпные музеи, библиотеки, зоологическіе сады, высшія учебныя заведенія, гдѣ читаются предметы въ обширномъ объемѣ, отличными профессорами, и гдѣ за очень небольшую плату онъ, насколько не мѣшая своимъ занятіямъ въ практической жизни, можетъ прослушать сколько угодно лекцій по какому угодно предмету. Наконецъ, въ маленькихъ городахъ, не имѣющихъ высшихъ заведеній, да и въ большихъ городахъ, безпрестанно устраиваются популярныя публичныя чтенія. Подобныя чтенія пользуются большимъ сочувствіемъ американцевъ, и всякій толковый преподаватель можетъ быть увѣренъ, что не будетъ имѣть недостатка во внимательныхъ, понятливыхъ слушателяхъ. Изъ высшихъ учебныхъ заведеній особо популярностью пользуются техническій и земледѣльческій институтъ въ Итакѣ, штатъ Нью-Йоркъ; устроенъ онъ на капиталы, добровольно пожертвованные частными лицами. Слушатели допускаются съ платою какъ за лекцію, такъ и за поѣщеніе и столъ. При институтѣ имѣются мастерскія и фермы, гдѣ учащіеся учатся практическому примѣненію теоретическихъ свѣдѣній. Работы въ мастерскихъ, подъ руководствомъ искусныхъ мастеровъ, производятся самими учащимися съ задѣльною платою, такъ что студентъ можетъ заработать достаточно денегъ, чтобы заплатить нужную сумму въ институтъ и быть всегда прилично одѣтымъ, что даетъ возможность учиться небогатымъ молодымъ людямъ. Рядомъ съ народнымъ образованіемъ, американцы позаботились о полнѣйшей свободѣ слова. Всякій разсуждаетъ и печатаетъ какъ и о чемъ вздумаетъ. Нигдѣ въ мірѣ не издается такое множество разнородныхъ газетъ. Каждый городъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, имѣетъ свою газету. Газеты издаетъ каждая

политическая партія, каждое городское управленіе, торговое общество, сельско-хозяйственное общество, общество медиковъ, инженеровъ; союзы каменщиковъ, плотниковъ, гипсовщиковъ и черно-рабочихъ, непременно имѣютъ одинъ или нѣсколько органовъ. Оттого всякое открытіе, всякое изобрѣтеніе быстро дѣлается извѣстно во всѣхъ концахъ Союза и находитъ гдѣ нужно примѣненіе.

Конечно, въ этомъ множествѣ газетъ много вздора и нелѣпостей; но они такъ и остаются нелѣпостями, не принося никакого вреда, возбуждая развѣ смѣхъ, и общество не терпитъ ровно ничего отъ того, что всякій свободно высказываетъ свои мысли. А трудъ читателя, выбирающаго изъ разнорѣчивыхъ, часто неосновательныхъ мнѣній что-нибудь дѣльное, вполне вознаграждается тѣмъ, что рѣдкій вопросъ пройдетъ безъ всесторонняго обсуждения и всякая полезная мысль не пропадетъ безплодно, а найдетъ отзывъ вездѣ, гдѣ слѣдуетъ. Кромѣ того, чтеніе газетъ, составляющее любимое и даже необходимое занятіе американца въ свободное отъ работы время, обогащаетъ народъ массою научныхъ свѣдѣній и приучаетъ къ анализу, что благотвѣтельно отзывается на всей дѣятельности американца.

Въ то время, какъ шело и свобода слова образовали самостоятельныхъ гражданъ и въ то же время направляли практическую дѣятельность, служа ей необходимымъ подспорьемъ, вырабатывались учрежденія, способствующія правильному развитію и успѣшному ходу дѣятельности отдѣльныхъ личностей. Ни одинъ народъ въ мірѣ не усвоилъ себѣ такъ сильно идею, проведенную въ давно извѣстной баснѣ о «вѣникѣ», котораго не переломишь, несмотря на то, что прутья его составляющіе, каждый отдѣльно, ломаются почти безъ всякаго усилія. Чего не въ силахъ сдѣлать одинъ человѣкъ, то дѣлаетъ легко компанія. Компаніи развились въ Америкѣ въ огромномъ числѣ и много содѣйствуютъ ея развитію. Особая отличительная черта въ характерѣ янки, о которой скажу ниже, придаетъ этимъ компаніямъ особую прочность. Исходя изъ того принципа, что всякое предпріятіе, если оно полезно для общества, то непременно и выгодно для предпринимателя, а бесполезное погибнетъ само собою и можетъ существовать только при разныхъ искусственныхъ, часто очень стѣснительныхъ мѣрахъ и своимъ существованіемъ только загораживаетъ путь другимъ, болѣе основательнымъ, американцы не допускаютъ никакихъ покровительствъ и гарантій со стороны правительства, кромѣ патентовъ, дающихъ право изобрѣтателю пользоваться одному, въ теченіи извѣстнаго срока, выгодами своего изобрѣтенія. То, что предпріятіе говоритъ само за себя и

успѣхъ его зависитъ отъ основательности задуманнаго дѣла и средствъ предпринимателя, выработало крайнюю осторожность и осмотрительность при начинаніи чего бы то ни было. Рискованныя американскія спекуляціи кажутся только такими на видъ, въ сущности большая часть изъ нихъ глубоко обдумана и начата послѣ тщательныхъ изслѣдованій. Американецъ, начиная какое-либо дѣло, осторожно взвѣситъ всѣ шансы на его успѣхъ, опредѣлитъ, достаточны-ли на него его личныя средства и кредитъ; если нѣтъ, то составляетъ товарищество или компанію, обсудивъ какими средствами или личными качествами должны обладать его товарищи или компаньоны. Все это, при извѣстнаго рода навыкѣ и сильно развитой быстротѣ соображеній, дѣлается довольно скоро. Затѣмъ образовавшаяся компанія употребляетъ всѣ силы къ устраненію всего, могущаго повредить счастливому исходу дѣла, и всѣми силами помогаетъ всему, могущему обезпечить или облегчить его успѣхъ, и только тогда, когда, такъ-сказать, дорога для хода дѣла очищена и выровнена, приняты мѣры противъ неожиданныхъ случаевъ, приступаютъ къ веденію самого предпріятія, ни подъ какимъ видомъ не уклоняясь отъ заранѣе задуманнаго плана, съ быстротою и энергіею, придающею всему предпріятію видъ удивительной смѣлости и рискованности. Слѣдствіемъ такого образа дѣйствій предпринимателей явилась масса страховыхъ компаній, гарантирующихъ дѣло отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ или несчастныхъ случаевъ; множество коммиссіонерствъ, облегчающихъ сбытъ и приобрѣтеніе различныхъ продуктовъ; множество ученыхъ обществъ, занимающихся научными опытами и теоретической разработкой разныхъ техническихъ вопросовъ. Наконецъ, этотъ образъ дѣйствій обезпечилъ существованіе отдѣльныхъ производствъ, служащихъ подспорьемъ въ предпріятіяхъ и составившихъ, сами по себѣ, выгодное предпріятіе, какъ-то: множество пароходныхъ сообщеній, чему особенно благоприятствуетъ самое географическое положеніе страны, безпримѣрное по обширности сѣти желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій; компаніи для постройки помѣщеній, заводы для изготовленія орудій и проч. Выгодность и успѣхъ предпріятій вызвали конкуренцію и развили кредитъ, давъ обширное поле для биржевой дѣятельности.

Эта систематичность дѣятельности, эта предварительная подготовка проглядываетъ во всемъ, во что ни вступишь, начиная отъ государственнаго устройства, въ которомъ приняты мѣры съ самаго начала противъ захвата власти и уничтоженія самостоятельности народа, безъ того, чтобы онъ былъ постоянно на сторожѣ и упорною борьбою не отстаивалъ свою независимость.

Обеспечена также возможность увеличиваться политическому цѣ-
лому, называемому Соединенными Штатами, чуть не до безконеч-
ности безъ кровавыхъ войнъ и завоеваній, мирнымъ путемъ, обра-
зованіемъ новыхъ самостоятельныхъ штатовъ, входящихъ въ со-
ставъ Союза, независимо отъ національности его населяющей. Даже,
въ устройствѣ городовъ, гдѣ прежде всего опредѣляется планъ,
разбиваются улицы и какъ только появилось нѣсколько домовъ
и выстроены ратуша и школа, устраиваются освѣщеніе, водно-
желѣзные дороги, часто водопроводы, такъ что при дальнѣйшей
постройкѣ города строителямъ не приходится бороться по оди-
ночкѣ съ разными затрудненіями, съ самаго начала устраненными
общими силами, и не перестраивать зданій для удовлетворенія
разныхъ условий, необходимыхъ для существованія большого города,
когда городъ разростется.

Вглядываясь въ направленія желѣзныхъ дорогъ, видишь по-
стоянно, что, связывая два прежде образованіи ея торговыя центра,
обеспечивающіе существованіе дороги въ началѣ, дорога прохо-
дитъ не прямою линіею, изгибаясь только для обхода естествен-
ныхъ преградъ, а идетъ по мѣстности, обѣщающей быстрое раз-
витіе. Остановки расчитаны въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно пред-
видѣть успѣшное образованіе торговыхъ центровъ. Такимъ про-
веденіемъ дороги предприниматели, вызывая глухой край, не
имѣющій пункта сбыта своихъ произведеній, къ новой дѣятель-
ности, способствуютъ его быстрому заселенію, промышленному
развитію и въ то же время обеспечиваютъ доходность дороги.
Только эта систематичность дѣлаетъ возможнымъ веденіе такихъ
обширныхъ хозяйствъ, какія я описалъ выше. Не будь заранее
все подготовлено и принаровлено къ веденію такихъ хозяйствъ,
силъ человѣческихъ не хватило бы справиться одному и съ де-
сятою долею той запашки, которою безъ всякаго особеннаго уси-
лія занимается одинъ плантаторъ, имѣя еще много свободного
времени для постороннихъ занятій. Желаящему завести планта-
цію или ферму, американцу не нужно тратить массы труда и
денегъ, какъ напр. въ Россіи, для того, чтобы выбрать подхо-
дещее для его цѣлей мѣсто и привести все, что нужно для хо-
зяйства, въ такой видъ, чтобы можно было приступить къ самому
хозяйству. А на эти предварительныя работы у насъ часто уби-
ваются капиталы, нужные для самого хозяйства, такъ что начи-
нать дѣло бываетъ уже не съ чѣмъ. Ему не нужно соединять
въ себѣ всевозможныхъ знаній и быть спеціалистомъ и даже учи-
телемъ и въ архитектурѣ, и въ механикѣ, и въ ветеринаріи, и въ
плотничномъ, и малярномъ дѣлѣ, и въ бухгалтеріи, и въ

искусствѣ вести дѣла въ судахъ. Для пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній исполнѣ не хватаетъ человѣческой жизни, а если человѣкъ и освѣтится съ ними, то послѣ долголѣтней практики, когда его энергія ослабѣетъ и онъ становится уже негоднымъ для веденія живого дѣла. Американецъ минуетъ все это. Опредѣливъ по картѣ и осмотрѣвъ подходящую по его соображеніямъ мѣстность, онъ пріобрѣтаетъ безъ затрудненій, чрезъ специальную монтору, требующійся ему участокъ, сходится съ компаніей, которая берется ему къ извѣстному сроку заготовить и собрать на мѣстѣ необходимыя постройки. Сельско-хозяйственное общество, непремѣнно существующее въ данной мѣстности, сообщаетъ ему свои изслѣдованія о составѣ почвы, ея плодородіи, о продуктахъ, которые могутъ произрастать въ данной мѣстности и опредѣленные строгимъ опытомъ время и способы обработки; указываетъ ему породы скота и лошадей, наиболѣе выгодныя въ данной мѣстности, и болѣе прихвальные орудія, опредѣливъ, гдѣ можно пріобрѣсти все это, равно какъ и нужныя для посѣва сѣмена. Затѣмъ, начинающему остается, по указанію общества, разсчитать выгодность того или другого продукта, пріобрѣсти все необходимое, сойтись съ агентомъ, доставляющимъ рабочихъ, съ коммиссіонеромъ, обеспечивающимъ сбытъ будущаго продукта, и разными торговцами для полученія продуктовъ на продовольствованіе рабочихъ, и прямо приступить къ дѣлу и вести его, пользуясь тѣми благоприятными, для успѣшнаго хода хозяйства, условіями, о которыхъ я говорю, описывая веденіе хозяйства у м-ра Требера. Обыкновенно человѣкъ, начинающій хозяйство въ большихъ размѣрахъ, не затрачиваетъ много наличныхъ денегъ, стараясь постоянно сосредоточивать возможно большую сумму денегъ въ своихъ рукахъ, на всякій случай, и стараясь вести дѣло такъ, чтобы оно само оплачивало первоначальную затрату. Такъ за землю рѣдко платятъ деньги сполна; большею частію, уплачивая часть, разсрочиваютъ остальной платежъ на нѣсколько лѣтъ. Также за постройки, за скотъ, за орудія и машины, деньги платятся по срокамъ, довольно далеко отстоящимъ одинъ отъ другого. Продуктъ, еще не снятый съ поля, надлежащимъ образомъ застрахованный, можетъ быть всегда запроданъ съ полученіемъ нужной для разныхъ срочныхъ платежей суммы. Затѣмъ остальная сумма, въ свою очередь, рѣдко получается тотчасъ же по доставленіи продукта, а обыкновенно разсрочивается на болѣе или менѣе длинный срокъ. Такимъ образомъ идетъ круговой кредитъ. Всякій предприниматель пользуется кредитомъ, какимъ только можетъ при пріобрѣтеніи средствъ къ производству, употребляя на него

и свой капиталъ, и личный трудъ, и дѣлаетъ кредитъ покупающему у него готовый продуктъ, чѣмъ облегчаются обороты и дѣлаются возможными съ ничтожными средствами обширнѣйшія предпріятія.

Понятно, что подобная обстановка способна возбудить и поддерживать дѣятельность въ человѣкѣ, даже не рожденномъ въ Америкѣ. Конечно, европеецъ послѣ опеки, окружавшей его во всевозможныхъ видахъ, не съ разу свыкнется съ американскою свободою, съ которою, пожалуй, съ непривычки не сѣмѣетъ и справиться. Поставленный въ чуждую обстановку, не зная и часто не понимая значенія и пользы разныхъ учреждений, на первыхъ порахъ ему трудно приноровиться къ американскимъ приемамъ вести дѣло; онъ чувствуетъ себя въ томъ же положеніи, какъ человѣкъ, привыкшій носить лапти и надѣвшій въ первый разъ сапоги: и жметъ-то ему ногу, и странно, что не ощущаетъ тяжести, и не проходить съвозъ обуви вода, и ступать-то какъ-то неловко. Но если европеецъ получилъ какое-нибудь образованіе, не глупъ, онъ скоро свыкается съ новымъ порядкомъ, пользуется имъ и хотя рѣдко догоняетъ американцевъ, съ малолѣтства подготовленныхъ и привычныхъ къ этимъ порядкамъ, но все-таки отлично ведетъ свои дѣла и, пожалуй, можетъ удивить своею дѣятельностью и предпримчивостью людей, привыкшихъ къ порядкамъ Старого Свѣта.

Весь строй жизни не могъ не отразиться на самихъ американцахъ. Утративъ характеръ строгихъ пуританъ, давшихъ первый толчекъ развитію Америки и упрочившихъ, главнымъ образомъ, ея успѣхи, теперешніе жители сѣверо-американскихъ штатовъ, преимущественно сѣверо-восточныхъ и западныхъ, носящіе названіе янки, представляютъ особый типъ, краткая характеристика котораго еще болѣе выяснитъ, почему такъ окрѣпли правильныя общественныя отношенія въ республикѣ и почему есть полное основаніе предполагать, что стройность и гармонія этого политическаго гражданскаго цѣлаго врядъ ли когда-либо нарушится въ ущербъ успѣховъ человѣчества.

Мѣстность и условія жизни произвели нѣкоторую разницу между янки, разбросанными отъ Атлантическаго до Тихаго океана. Такъ, янки сѣверо-восточныхъ штатовъ нѣсколько разнятся по характеру отъ янки, живущаго среди прерій Техаса и Индѣйской Территоріи. Но во всѣхъ существуютъ одинаковыя, присущія всѣмъ янки, основныя черты. Такъ главною чертою янки—обдуманность въ словахъ и дѣйствіяхъ. Эта черта отразилась даже на наружности. Всегда прилично, но очень просто одѣтый, всегда

вѣжливый и спокойный, янки никогда не позволяютъ себѣ предаваться необузданному гнѣву или излишней шумной веселости. Требуя, чтобы никто не смѣлъ беспокоить его, онъ въ то же время ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ себѣ обезпечить другого. Янки, уважая себя, уважаетъ всякаго человѣка, не разбирая ни національности, ни цвѣта кожи, почему никогда не позволяетъ себѣ оскорбительнаго образа дѣйствій съ кѣмъ бы то ни было. Чуждый всякихъ сословныхъ различій, онъ одинаково вѣжливъ и предупредителенъ какъ съ президентомъ, такъ и съ поденщикомъ, считая ихъ, какъ людей, совершенно равными. Чувство сознанія собственнаго достоинства дѣлаетъ его крайне простымъ въ обхожденіи. Уваженіе къ человѣку развито въ Америкѣ до того, что когда рабовладѣльцы, отстаивая свои права, прибѣгли даже къ оружію, чтобы защитить ихъ, они и не думали допускать права одного человѣка владѣть другимъ; они всю свою защиту въ нравственномъ отношеніи основывали на томъ, что будто бы негры не люди, а существа какой-то низшей породы. Это уваженіе къ человѣку вообще и въ особенности къ человѣку трудящемуся, на какомъ бы то ни было поприщѣ, даже занимающемуся тяжелымъ физическимъ трудомъ, считающимся у насъ почему-то униженнымъ, породило тѣ правильныя, хорошія отношенія между хозяиномъ и рабочими, о которыхъ я упоминалъ не разъ. Понимая, что деньги составляютъ громадную силу и, сосредоточенныя въ рукахъ человѣка, даютъ ему право на пользованіе большею или меньшею долею результатами человѣческой дѣятельности, янки работаетъ для приобрѣтенія денегъ и говоритъ это, не прикрывая этого желанія приобрѣсти побольше долларовъ разными благовидными предлогами и высокими фразами. Эта откровенность дала поводъ заподозрить въ янки сильно развитое корыстолюбіе; но взглядыаясь ближе, увидишь, что, строго говоря, янки корыстолюбивъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой, прославляющій себя безсребренникомъ. Для янки деньги сами по себѣ не составляютъ исключительной цѣли, онъ смотритъ на нихъ какъ на средство, увлекаясь часто самымъ процессомъ добыванія денегъ, въ видѣ какаго-либо предпріятія, болѣе, чѣмъ его конечною цѣлью. Умѣя зарабатывать много денегъ, онъ ихъ и тратить безъ сожалѣнія, не безтолково, правда, а съ расчетомъ, да онъ и все дѣлаетъ разсчитанно и обдуманно. Не надо полагать, однако, что эта разсчитанность была слѣдствіемъ сухости и эгоизма. Правда, всякій янки заботится прежде всего о себѣ и заботится о томъ, чтобы окружить себя всегда и вездѣ, во что бы то ни стало, возможнымъ комфортомъ, къ которому привыкъ; но

это нисколько не мѣшаетъ ему сильно сочувствовать ближнему. Это сочувствіе выражается не восклицаніями и громкими фразами, не подачей копѣчной милостыни, а посущественнѣе. Во всякомъ городѣ есть благотворительныя заведенія, устроенныя частью на общественныя деньги, частью на добровольныя пожертвованія, и вполне обезпечивающія существованіе безпомощныхъ стариковъ, вѣдѣкъ и больныхъ. Всякій американецъ приносить посильную лепту на сооруженіе подобныхъ заведеній и, понятно, считаетъ себя въ правѣ смотрѣть недоувѣрчиво на всякаго нищаго, какъ на лѣнтяя. Если же янки убѣдятся, что человѣкъ постигло несчастье и нужна помощь, будьте увѣрены, что онъ, ни на волосъ не измѣнивъ своему обычному спокойствію, ни однимъ мускуломъ не выразивъ своего сочувствія, сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, и не пожалѣетъ своего кошелька, если это нужно. Нечего говорить, что никто такъ не щедръ на пожертвованія, клонящіяся къ народному образованію, какъ янки. Музеи, бібліотеки, зоологическіе сады, институты и проч., попадающіеся на всякомъ шагу, устроены и поддерживаются на средства, пожертвованныя частными лицами. Часто приводятъ американскую поговорку (*help yourself*), дѣйствительно часто повторяемую въ Америкѣ, утверждая, что она выражаетъ ту мысль, что всякій помогай себѣ самъ, а не надѣйся, чтобы кто-либо другой помогъ въ чемъ бы то ни было. Скорѣе смыслъ этой поговорки надо понимать: заботьтесь сами о себѣ,—потому что чистые американцы употребляютъ ее, когда предлагаютъ вамъ расположиться у нихъ какъ дома, во время обѣда, когда передаютъ блюда и проч. Въ болѣе же серьезныхъ вещахъ янки всегда помогаетъ кому можетъ. Мнѣ не случалось слышать, чтобы кто-нибудь, обратившись къ настоящему янки, отъ котораго надо въ этомъ случаѣ отличить обамериканившагося нѣмца, часто притворяющагося, что не понимаетъ по-нѣмцки, получилъ бы отказъ въ толковомъ совѣтѣ или помощи на дѣлѣ. Правда, не терпя ничего вѣтшаго въ свои дѣла, онъ самъ ни за что не станетъ вѣтшиться въ чужія и мѣшать кому бы то ни было исполнять свое желаніе или капризъ, какъ бы дикъ онъ ни былъ, лишь бы не касался его личности, за которую онъ всегда счумѣетъ постоять. Но если кто обратится за совѣтомъ или разрѣшеніемъ чего-либо, янки всегда удовлетворитъ его добросовѣстно; но при этомъ постарается уклониться отъ прямого совѣта дѣлать такъ или иначе, а разобравъ обстоятельства дѣла, разъяснить, какіе могутъ выдти результаты отъ того или другого

образа дѣйствія, предоставляя каждому дѣйствовать на основаніи его разъясненій по своему усмотрѣнію.

Если кто-либо пожелаетъ выяснитъ себѣ какой-нибудь техническій вопросъ, онъ можетъ смѣло обратиться на заводъ или фабрику, гдѣ идетъ производство, съ которымъ желаетъ познакомиться, и навѣрно самъ хозяинъ, если онъ только на заводѣ, и любой формантъ или даже рабочій, покажутъ все на заводѣ до мельчайшихъ подробностей и сообщать всѣ нужныя справки и свѣдѣнія. Когда мнѣ случалось пріѣзжать съ миссъ Треберъ на какую-либо плантацію и, выпрагивши лошадей, отправиться въ домъ плантатора, послѣдній, какъ только узнавалъ, что мнѣ интересно видѣть его хозяйство, тотчасъ велъ меня въ свой пробный участокъ; водилъ по всѣмъ частямъ хозяйства, показывалъ дѣйствіе машинъ и, несмотря на нѣкоторое затрудненіе въ разговорѣ, если онъ не говорилъ по-нѣмцямъ, съ видимымъ удовольствіемъ старался передать мнѣ свои свѣдѣнія и результаты своей практики, причемъ не было и тѣни хвастовства, а видно было искреннее желаніе сообщить мнѣ что-либо полезное. Съ малолѣтства привычные видѣть передъ собой людей трудящихся и приученные уважать и любить осмысленный трудъ, янки работаютъ всю жизнь, не понимая, какъ можно праздно убивать время. Многіе изъ нихъ подъ старость передаютъ дѣла дѣтямъ и удаляются на повою. Такъ, напримѣръ, мистеръ Сульванъ, начавшій поденщикомъ и нажившій миллионное состояніе, мечтаетъ о времени, когда хлопоты по плантаціи совсѣмъ перейдутъ къ сыну и онъ будетъ отдыхать. Но въ чемъ же будетъ состоять этотъ отдыхъ? Не въ бесѣдѣ съ пріятелемъ о развращенности нынѣшней молодежи и о томъ, что въ старину все было лучше, не за пулькой преферанса, чтобы убить время,—онъ мечтаетъ о томъ, какъ удобно ему будетъ посвятить все время своему пробному участку, своимъ опытамъ овцеводства, и тѣмъ подвинуть, насколько возможно, если не практически, то, по крайней мѣрѣ, теоретически, сельское хозяйство, которымъ занимался всю жизнь, т.-е. онъ мечтаетъ о томъ времени, когда онъ будетъ работать, можетъ быть больше, чѣмъ теперь, но не для того, чтобы зарабатывать, а работать для самой работы. Янки чужды узкихъ національныхъ взглядовъ, онъ уважаетъ достоинство человѣка, независимо отъ націи, къ которой онъ принадлежитъ. Постоянно занятый дѣлами, онъ рѣдко сидитъ на одномъ мѣстѣ и безпрестанно въ разъѣздахъ, или по Америкѣ, или за ея предѣлами, причемъ всегда умѣетъ привыкнуться къ окружающей обстановкѣ, какъ у себя дома, повидимому, мало заботясь о своей родинѣ. Поэтому его часто

обвиняють въ космополитизмѣ, въ отсутствіи патріотизма, но это совершенно напрасно. Онъ глубоко привязанъ къ своей родинѣ и хотя не высказываетъ этого громкими фразами, но доказываетъ это на дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, мнѣ рассказывали слѣдующій случай. Простой матросъ на кораблѣ, уроженецъ Арканзаса, въ бытность свою на одномъ изъ острововъ Австраліи увидѣлъ тамъ пчелъ безъ жала. Зная, что въ Арканзасѣ заботятся о развитіи пчеловодства, онъ съ большимъ трудомъ досталъ улей такихъ пчелъ, пропутешествовалъ съ ними въ Китай, Индію, Европу и все-таки довезъ улей съ пчелами въ Америку. Можно себѣ представить, сколько ему было хлопотъ возиться два года съ пчелами на парусномъ суднѣ, гдѣ жизнь матроса не очень красна. Привезши пчелъ на родину, онъ отдалъ ихъ одному пчеловоду, нѣмцу, въ Арканзасѣ и очень удивился и чуть не обидѣлся, когда обрадованный любитель предложилъ ему щедрое вознагражденіе.

Онъ, изволите видѣть, хлопоталъ только съ единственною цѣлью принести хоть маленькую пользу своей родинѣ. Этотъ примѣръ не случайный. Сельско-хозяйственныя и ученые общества безпрестанно получаютъ то образцы растений, то сѣмена, то описанія какихъ-либо производствъ, которыя американцы, разсыпанные по всему свѣту, почему-либо находятъ примѣнними и полезными для своей родины. Отъ этихъ мелочей, которыя сами по себѣ дѣйствительно приносятъ огромную пользу, до вещей болѣе важныхъ, проявляются примѣры патріотизма на дѣлѣ. Но проявился онъ въ полной силѣ въ знаменитую междоусобную войну. Изъ всѣхъ занятій наименьшимъ уваженіемъ пользуется военное ремесло. Войска содержатся въ мирное время въ очень ограниченномъ числѣ и комплектуются преимущественно изъ европейцевъ. Янки занимаютъ только высшіе военные посты. Вообще въ мирное время врядъ-ли какой бы то ни было янки рѣшится пойти въ солдаты.

Но совершенно иначе поступили граждане сѣверныхъ штатовъ, когда южные рабовладѣльцы, называемые въ насмѣшку «хлопцовыми баронами», ослѣпленные могуществомъ сосредоточеннаго въ ихъ рукахъ производства хлопка и ободренные тѣмъ, что свободные граждане сѣвера, мирно занимаясь своими дѣлами, не протестовали противъ рабства, чисто изъ принципа невмѣшательства въ чужія дѣла, задумали нарушить самостоятельность сѣвера. Мирные граждане обратились въ воиновъ и, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, разгромили бароновъ, уничтоживъ и самое рабство,—это пятно, такъ долго позорившее свободную республику. Затѣмъ, по окончаніи великой борьбы, янки возвратились къ

мирнымъ занятіямъ, и между фермерами и рабочими встрѣчаешь капитановъ и полковниковъ, участвовавшихъ въ войнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не думаетъ претендовать на пансіонъ за свою службу или на что бы то ни было подобное. Всѣ они смотрятъ на переходъ отъ войны къ плугу, какъ на дѣло самое естественное, не думая устраивать изъ себя героев и сравнивать себя съ Цинциннатомъ, герою котораго насъ бывало заставляли удивляться въ школѣ.

Вслѣдствіе такой выработки характера, чистый янки, не пренебрегая никакимъ трудомъ, рѣдко берется за черную, поденную работу, пріискивая себѣ болѣе подходящее занятіе. Оттого чернорабочимъ рѣдко увидишь янки, и то на самое непродолжительное время. Его мѣсто во главѣ какого-нибудь торговаго или промышленнаго предпріятія, хозяиномъ плантаціи или фермы, инженеромъ при паровыхъ машинахъ и пр. Работа, требующая только напряженія мускуловъ или односторонняго спеціальнаго знанія, предоставляется переселенцамъ изъ Европы, неграмъ и другимъ, не пропитаннымъ до мозга костей американизмомъ, людямъ. Направляетъ же и руководитъ этими людьми янки, уступающій, можетъ быть, имъ въ спеціальныхъ знаніяхъ по отдѣльнымъ частямъ, но соединяющій въ себѣ ясное понятіе о всѣхъ отрасляхъ знаній со способностью и умѣньемъ вести всякое дѣло. Приведенныя мною черты характера присущи всѣмъ янки, за малыми исключеніями. Дѣлая изъ нихъ, при правильномъ направленіи, отличныхъ гражданъ и замѣчательныхъ дѣятелей, тѣ же черты характера, при ложномъ направленіи, образуютъ самыхъ опасныхъ и ловкихъ шарлатановъ, способныхъ продѣлывать самыя недобросовѣстныя штуки въ обширныхъ размѣрахъ. Многія изъ этихъ мошенническихъ штукъ имѣли слишкомъ блестящій успѣхъ и получили слишкомъ большую извѣстность, такъ что часто, судя по нимъ, составляютъ ложное понятіе объ американцахъ и предполагаютъ, будто они изъ-за денегъ готовы на все. Къ счастью, подобныя явленія относительно рѣдки, и если, въ немногихъ случаяхъ, особенною ловкостью и искусствомъ шарлатаны и избѣгаютъ судебного преслѣдованія и наказанія, то никогда не избѣгаютъ неумолимаго общественнаго приговора, высказываемаго не потихоньку, а гласно на все пространство Союза. Этотъ приговоръ тяжелѣе всякаго судебного. Въ сущности большинство янки отличается честностью и крѣпко держатъ данное слово, если не по принципу, то изъ боязни потерять кредитъ, которымъ каждый янки дорожитъ болѣе, чѣмъ деньгами и считаетъ выгоднѣе потерять все состояніе, чѣмъ поколебать свой личный кредитъ.

Естественно, что европейцы, переселившіеся въ Америку, ста-

раются переработать себя и сдѣлаться, какъ можно больше, похожими на янки; но не всѣмъ удастся это, и только ихъ дѣти, получивъ сначала американское воспитаніе, подходятъ въ чистымъ янки, причѣмъ, утративъ свои національныя черты, часто не зная ни слова на языкѣ родителей, они все-таки далеко уступаютъ въ сдержанности и расчетливости настоящему янки. Менѣе другихъ способенъ переработаться въ янки англичанинъ, несмотря на сходство языка (такъ какъ каждый американецъ, говоря обыкновенно на особомъ жаргонѣ, состоящемъ изъ англійскаго языка, со множествомъ словъ вошедшихъ въ него отъ равнохарактерныхъ національностей, составляющихъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ, считаетъ долгомъ знать чистый англійскій языкъ, употребляющійся исключительно въ общественной жизни и литературѣ). Даже черезъ два поколѣнія, прожившихъ въ Америкѣ, англичанинъ рѣзко отличается отъ янки и легко можетъ быть узнанъ. Нѣмцы американизируются легче, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣмцы составляютъ большинство населенія и гдѣ они мало измѣнили родныя привычки. Нѣмецъ, попавшій между янки, проживъ между ними нѣсколько лѣтъ и научившись говорить по-англійски, всѣми силами старается подражать внѣшнимъ приѣмамъ янки, иногда оставляя въ сторонѣ приобрѣтеніе нравственныхъ качествъ, сплошь и рядомъ пересаливаетъ и представляетъ очень комическую копію. Легче всѣхъ, какъ говорятъ, превращаются въ янки русскіе. Самому мнѣ не случилось еще видѣть такихъ обьямериканившихся русскихъ, почему могу судить только по себѣ. Признаюсь, хотя изученіе языка не представляетъ мнѣ особенныхъ трудностей и я вполне цѣню пользу американскаго образа дѣйствій, но не надѣюсь, чтобы мнѣ когда-либо удалось совершенно переѣлать свою натуру, привыкшую быть больше на-авось, да какъ-нибудь, на сдержанный, рассчитанный до мельчайшихъ подробностей, американскій ладъ. Впрочемъ, въ характерѣ русскаго человека есть нѣкоторыя черты сходныя съ характеромъ американцевъ и рѣдко встрѣчающіяся въ другихъ европейцахъ, въ чемъ, я полагаю, и кроется корень той симпатіи, какую выказываютъ американцы къ попавшимъ къ нимъ русскимъ. Та же способность скоро свыкаться со всякой новой обстановкой и примѣняться къ ней, то же быстрое и ясное пониманіе самыхъ обширныхъ и сложныхъ предпріятій, стремленіе дѣлать все на широкую ногу и отвращеніе къ мелочности и собиранію копѣекъ. Только у янки все проникнуто строгою систематичностью, чего нѣтъ у русскихъ.

Въ развѣздахъ по фермамъ, въ хлопотахъ по хозяйству на

плантаціи, быстро прошло для меня время уборки брумъ-ворна. Когда послѣдніе тюки были спрессованы и отправлены въ Пексенъ, машины и инструменты приведены въ порядокъ и составлены въ сарай, м-ръ Треберъ устроилъ намъ прощальный праздникъ, рассчиталъ и отпустилъ всѣхъ рабочихъ, такъ какъ на плантаціи зимой не должно было производиться работъ и самъ м-ръ Треберъ намѣревался переѣхать въ Чикаго. Надзоръ за плантаціей и оставленными лошадьми, скотомъ и пр., предоставленъ старому фермеру съ нѣсколькими рабочими изъ окрестностей, которые занимались этимъ уже и прошлую зиму. Мнѣ пришлось при расчетѣ за рабочіе дни съ первыхъ чиселъ іюля до 20-го сентября, сначала какъ работника, потомъ какъ формана, съ половиной барыша, доставленнаго производству дешевою покупкою вспомогательныхъ матеріаловъ и нѣкоторыми упрощеніями въ приемахъ уборки и сортировки, всего 560 долл., около 800 рублей. Сверхъ того м-ръ Треберъ добавилъ мнѣ въ видѣ награды 140 долларовъ. Денегъ, даваемыхъ мнѣ на расходы при поѣздкахъ, хватало не только на содержаніе, но и на табакъ и разныя мелочи, такъ что на плантаціи я приобрѣлъ 700 долларовъ, что съ заработанными въ Чикаго составило сумму, близкую къ 1000 долларамъ. На послѣднихъ дняхъ, передъ окончаніемъ работъ, къ намъ пріѣхалъ двоюродный братъ м-ра Требера, мистеръ Максъ Треберъ. Онъ пионеръ, и основалъ блокгаузъ въ Индіанъ-Территори, гдѣ занимается скотоводствомъ. Онъ пригласилъ Чарли Требера къ себѣ погостить недѣлку и посмотреть на житье-бытье пионеровъ, котораго тотъ еще не видалъ. Чарли очень хотѣлось ѣхать въ дикія преріи, и м-ръ Треберъ считалъ эту поѣздку полезною для своего сына. Онъ попросилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ Чарли, воспользоваться приобретеннымъ, какъ онъ замѣтилъ, мною на него влияніемъ, чтобы сдерживать его слишкомъ пылкіе порывы и побуждать слушаться совѣтовъ опытнаго дяди, на случай опасности. При этомъ онъ далъ мнѣ на личные расходы, могущіе встрѣтиться, сто долларовъ. На другой день м-ръ Максъ Треберъ, вѣроятно переговоривъ съ м-мъ Треберомъ, пригласилъ и меня къ себѣ. Я, разумѣется, согласился, что, кажется, очень обрадовало Чарли, и мы уговорились, употребивъ на дорогу по три дня взадъ и впередъ, пробить съ недѣлю въ блокгаузѣ, откуда м-ръ Максъ доведетъ насъ до ближайшей станціи, а черезъ двѣ недѣли быть въ Чикаго, гдѣ насъ будетъ ожидать самъ м-ръ Треберъ.

Такъ кончилась моя первая, тяжелая, практическая школа сельскаго хозяйства.

СЛѢДСТВЕННОМЪ ДѢЛѢ

ПО ПОВОДУ УБИЕНІЯ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

Вопросъ о смерти царевича Димитрія и о виновности Бориса Годунова въ этой смерти сдавался не разъ въ архивъ нерѣшеннымъ, и снова добывался оттуда охотниками рѣшить его въ пользу Бориса. Никому этого не удалось, хотя, конечно, въ свое время авторамъ защиты казалось иное.

Недавно, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» ¹⁾, появился пространный разборъ слѣдственнаго дѣла, произведеннаго нѣкогда Васи́ліемъ Шуйскимъ съ товарищами, въ Угличѣ, написанный г. Бѣловымъ, опять съ цѣлью внушить довѣріе къ этому слѣдственному дѣлу. Такимъ образомъ, старый вопросъ, о которомъ толковали въ нашей литературѣ назадъ тому около 40 лѣтъ, снова вносится на судъ отечественной исторіи. Независимо отъ этой статьи, постараемся высказать наши замѣчанія относительно слѣдственнаго дѣла; это для насъ необходимо тѣмъ болѣе, что въ той же статьѣ намъ дѣлаютъ упрекъ за то, что въ сочиненіи «Смѣтное Время» мы не останавливались надъ этимъ дѣломъ и не придавали важности извѣстіямъ, заключающимся въ этомъ дѣлѣ.

Слѣдственное дѣло, извѣстное намъ въ неполномъ видѣ по редакціи, напечатанной въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», никакъ не можетъ для историка имѣть значенія

¹⁾ Июльская дѣня текущаго года.

достовернаго источника, по той очень ясной причинѣ, что производившій слѣдствіе князь (впослѣдствіи царь) Василій Ивановичъ Шуйскій два раза различнымъ образомъ отрекался отъ тѣхъ выводовъ, которые вытекали непосредственно изъ его слѣдствія, два раза обличалъ самого себя въ неправильномъ производствѣ этого слѣдствія. Первый разъ—онъ призналъ самозванца настоящимъ Димитріемъ, слѣдовательно, даже уничтожалъ фактъ смерти, постигшей царевича въ Угличѣ; другой разъ—онъ, уже низвергнувши и погубивши названнаго Димитрія, заявлялъ всему русскому народу, что настоящій Димитрій былъ умерщвленъ убійцами по повелѣнію Бориса, а не самъ себя убилъ, какъ значилось въ слѣдственномъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ утвердилось и стало господствовать мнѣніе, основанное на послѣднемъ изъ трехъ показаній Шуйскаго, который во всякомъ случаѣ зналъ истину этого событія лучше всякаго другого. Понятно, что слѣдственное дѣло для насъ имѣетъ значеніе не болѣе какъ *одного изъ трехъ* показаній того же Шуйскаго, и притомъ такого показанія, котораго сила уничтожена была имъ же самимъ. Поэтому-то въ нашемъ сочиненіи «Смутное Время» мы не давали никакой вѣры, ни историческаго значенія извѣстіямъ, заключающимся въ этомъ дѣлѣ, какъ бы ни казались они важными по содержанию.

Главнѣйшая ошибка защитниковъ Бориса состоитъ въ томъ, что они вѣрятъ этому дѣлу, опираются на приводимыя изъ него показанія, допускаютъ тотъ или другой фактъ единственно на томъ основаніи, что находятъ объ немъ извѣстіе въ слѣдственномъ дѣлѣ, тогда какъ если что-нибудь можно признавать въ этомъ дѣлѣ достовернымъ, то развѣ по согласію съ чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе имѣющимъ право на вѣроятіе. Находя въ слѣдственномъ дѣлѣ показаніе того или другого лица, защитникъ принимаетъ его прямо за свободно-произнесенный голосъ того лица, вому оно приписывается въ слѣдственномъ дѣлѣ, забывая, что тотъ, кто сообщилъ намъ показанія въ слѣдственномъ дѣлѣ, самъ же призналъ ихъ лживость или поддѣльность. Такъ, напримеръ, можно ли показаніе, данное будто бы дѣтьми, игравшими съ царевичемъ, о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ, принимать за искреннее показаніе этихъ дѣтей, когда тотъ, кто передалъ намъ это показаніе, впослѣдствіи объяснилъ, что царевичъ не самъ зарѣзался, а былъ зарѣзанъ? Скажутъ намъ: Василій лгалъ тогда, когда уничтожалъ силу слѣдственнаго дѣла, но производилъ слѣдствіе справедливо. Но если онъ лгалъ одинъ разъ, два раза, то могъ лгать и въ третій разъ; и если онъ лгалъ для собственныхъ выгодъ послѣ смерти Бориса, то могъ лгать для соб-

ственныхъ же выгодъ и при жизни Бориса. Всѣ три показанія неизменно себя уничтожаютъ; мы не вправе вѣрить ни одному изъ нихъ, и такимъ образомъ все, что исходило отъ Василія Шуйскаго по дѣлу объ убіеніи Димитрія, не имѣетъ для насъ ровни никакой исторической важности по вопросу объ этомъ убіеніи. Поэтому, если желаютъ возстановить силу слѣдственного дѣла то должны это сдѣлать на основаніи какихъ-нибудь новыхъ свѣдѣтельствъ и источниковъ, которые бы доставили намъ свѣдѣнія согласимыя съ извѣстіями, заключающимися въ слѣдственномъ дѣлѣ, а никакъ не на основаніи самого же слѣдственного дѣла хотя бы даже при помощи разныхъ психологическихъ соображеній, имѣющихъ мало убѣдительной силы.

Изъ всѣхъ старинныхъ сказаній о смерти царевича Димитрія мы знаемъ одно, болѣе всѣхъ заслуживающее вѣроятія—это повѣсть въ отрывкѣ, которой содержаніе мы привели въ «Смутномъ Времени». Г. А. Ө. Бычковъ напечаталъ ее въ «Чтеніяхъ» московскаго общества исторіи и древностей. Вотъ что тамъ говорится:

«И того дни (15 мая), царевичъ по утру всталъ дрыхлъ съ постели своей и голова у него, государя, съ плечъ покати-лася, и въ четвертомъ часу дни царевичъ пополь къ обѣднѣ и послѣ евангелія у старцевъ Кириллова монастыря образы принялъ, и послѣ обѣдни пришло къ себѣ въ хоромы, и платицею перемѣнилъ, и въ ту пору съ кушаньемъ взошли и скатерть постлали и Богородицынъ хлѣбецъ священникъ вынулъ, и кушала государь царевичъ по единожды днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по вся дни причащался хлѣбу Богородичну; и послѣ того похотѣлъ испити, и ему государю поднесли испити; и испивши пошелъ съ кормилицею погуляти; и въ седмый часъ дни, какъ будетъ царевичъ противу церкви царя Константина, и по повелѣнію измѣнника злодѣя Бориса Годунова, прислѣвши душегубцы ненавистники царскому кореню Никитка Качаловъ да Данилка Битяговскій кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвѣвъ пала на землю, и ему государю царевичу въ ту пору киняся перерѣзали горло ножомъ, а сами злодѣи душегубцы вскричали великимъ гласомъ. И услыша шумъ матери его государя царевича и великая княгиня Марія Федоровна прибѣгла, и видя сына своего царевича мертва и взяла тѣло его въ руки, и они злодѣи душегубцы стоятъ надъ тѣломъ государя царевича обмертвѣли, аки псы безгласны, противъ его государевой матери не могли проглаголати ничтоже; а дяди его государевы въ тѣ поры разѣхались по домамъ кушати, того грѣха не вѣдая. И взявъ она государыня тѣло сына своего ца-

ревича Дмитрія Ивановича и отнесла къ церкви Преображенія Господня, и повелѣла государыня ударити звономъ великимъ по всему граду, и услыхалъ народъ звонъ великъ и страшенъ яко николи не бысть такова, и стекошася вси народы отъ мала до велика, видя государя своего царевича мертва, и возопи гласомъ великимъ мати его государева Марія Ѳеодоровна плачася убиваяся, говорила всему народу, чтобъ тѣ окаянныя злодѣи душегубцы царскому корени живы не были, и крикнули вси народы, тѣхъ окаянныхъ кровоядцевъ каменіемъ побили» и проч.

Г. Бычковъ, издавая этотъ драгоценный отрывокъ, замѣтилъ: «Свидѣнія, заключающіяся въ повѣсти, показываютъ, что она составлена современникомъ, бывшимъ близко ко двору царевича или имѣвшимъ знакомство съ лицами, къ нему принадлежавшими. Подробности о томъ, какъ царевичъ провелъ день, въ который совершилось убійство, служатъ очевиднымъ тому доказательствомъ, а самый рассказъ объ этомъ происшествіи носить на себѣ всю печать достовѣрности. Вообще въ дѣлой повѣсти не встрѣчается ни одной черты, которая бы давала возможность заподозрить ея достовѣрность». Мы вполне соглашаемся съ этимъ приговоромъ; прибавимъ отъ себя еще вотъ что: почему, напримеръ, мы не должны предпочесть этого чрезвычайно правдоподобнаго сказанія слѣдственному дѣлу, исполненному, какъ ниже покажемъ, несообразностей и уничтоженному въ своей силѣ тѣмъ самымъ человекомъ, который производилъ его? Покажите намъ что-нибудь подобное, независимое отъ слѣдственнаго дѣла, но вполне согласное съ извѣстіями, заключающимися въ послѣднемъ, и тогда будете имѣть возможность повѣрять это — болѣе чѣмъ сомнительное — слѣдственное дѣло.

Изъ приведеннаго разсказа видно, что убійцы совершили свое дѣло въ нѣкоторомъ отношеніи ловко. Убійство произошло безъ свидѣтелей. Кормилица, ошеломленная ударомъ, не видала ничего. Убійцы, перерѣзавши горло ребенку, сейчасъ начали кричать. О чемъ они кричали? Конечно, о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Понятно, затѣмъ они ударили кормилицу, и какимъ бы образомъ они объясняли этотъ ударъ впослѣдствіи, еслибъ остались живы. Они бы, вѣроятно, сказали, что кормилица не смотрѣла, они увидали, что съ царевичемъ припадокъ, что у него въ рукахъ ножъ, съ досады они ударили кормилицу, сами бросились на помощь къ царевичу, но уже было поздно: онъ мгновенно перерѣзалъ себѣ горло. Имъ бы повѣрили, да кормилица, не выдавшая какъ они рѣзали ребенка, не смѣла бы ничего сказать противъ двухъ свидѣтелей. Царица прибѣжала уже послѣ,

услышавши крикъ, и не видала убійства. Такимъ образомъ, не оставалось бы другихъ свидѣтелей совершившагося факта, кромѣ тѣхъ лицъ, которые его совершили.

Что Борису былъ расчетъ избавиться отъ Димитрія—это не подлежитъ сомнѣнію; роковой вопросъ предстоялъ ему: или отъ Димитрія избавиться, или со временемъ ожидать отъ Димитрія гибели самому себѣ. Скажемъ болѣе: Димитрій былъ опасенъ не только для Бориса, но и для царя Ѳеодора Ивановича. Димитрію еще пока былъ только восьмой годъ. Еще года четыре, и Димитрій былъ бы уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда могъ, хотя бы и по наружности, давать повелѣнія. Этихъ повелѣній послушались бы тѣ, кому пригодно было ихъ послушаться,—Димитрій былъ бы, другими словами, въ тѣхъ лѣтахъ, въ какихъ былъ его отецъ въ то время, когда, нашедшись подъ властію Шуйскихъ, вдругъ приказалъ схватить одного изъ Шуйскихъ и отдать на растерзаніе псарямъ. Димитрію хуже насолилъ Борисъ, чѣмъ Шуйскіе отцу Димитрія, Ивану Грозному! Димитрію съ дѣтства внушали эту мысль. Всѣ знали, что царь Ѳеодоръ былъ малоуменъ; всѣмъ управлялъ Борисъ; были люди имъ недовольные, иначе и быть не могло въ его положеніи; были и такіе, которые съ радостію увидѣли бы возможность низвергнуть Бориса съ его величія, чтобъ самимъ чрезъ то возвыситься или обогатиться; и тѣ и другіе легко уцѣпились бы за имя Димитрія; они провозгласили бы его царемъ, потребовали бы низложенія малоумнаго Ѳеодора, заточенія въ монастырь, куда и безъ того порывалась душа этого нищаго духомъ монарха. Попытка замѣнить Ѳеодора Димитріемъ проявлялась уже тотчасъ послѣ смерти Грознаго, когда еще Димитрій былъ въ пленкахъ, и вслѣдствіе этого-то съ тѣхъ поръ держали Димитрія въ Угличѣ. Попытка навѣрное бы повторилась такъ или иначе, когда Димитрій бы выросъ. А что бы случилось съ Годуновымъ, если бы Димитрій сталъ царемъ? Понятно, что Борису Годунову было очень желательно, чтобы Димитрій отправился на тотъ свѣтъ: чѣмъ раньше тѣмъ лучше, и спокойнѣе для Бориса Годунова.

Защитники слѣдственного дѣла полагаютъ, что для того, чтобы избавиться отъ Димитрія, Борису нуженъ былъ заговоръ. Но кого и съ кѣмъ? Борисъ правилъ самодержавно и все, чего хотѣлъ онъ, все то исполнялось, какъ воля самодержавнаго государя. Заговоръ могъ составляться только противъ Бориса, а не Бориса съ кѣмъ бы то ни было. Нужно было, чтобъ Димитрія не было на свѣтѣ. Для этого вовсе не представлялось необходимости не только заговора, но даже и явнаго, высказаннаго приказанія убить Ди-

митрія; достаточно было Борису сдѣлать намекъ (хоть бы, напр., передъ Клепнинимъ, ему, какъ говорятъ, особенно преданнымъ), что Димитрій опасенъ не только для Бориса, но и для государя, то враги могутъ воспользоваться именемъ Димитрія, могутъ посягнуть на помазанника Божія, произвести междоусобіе, подвергнуть опасности спокойствіе государства и церкви. Если подобное намеки были переданы Битяговскому и его товарищамъ, назначеннымъ наблюдать въ Угличѣ за царевичемъ и за его роднею—этого было довольно; остальное сами они смекнуть. Убійцы могли посягнуть на убійство Димитрія не по какому-нибудь ясно выраженному повелѣнію Бориса; послѣдній былъ слишкомъ уменъ, чтобы этого не сдѣлать; убійцы могли только сообразить, что умерщвленіе Димитрія будетъ полезно Борису, что они сами за свой поступокъ останутся безъ преслѣдованія, если только сумѣютъ сдѣлать такъ, чтобы все было шито и крыто,—что ихъ награждать, хотя, разумѣется, не скажутъ, за что именно ихъ наградили. Въ Московской землѣ самодержавіе стояло крѣпко; въ особѣ влѣстителя чувствовали даже рабскій страхъ и благоговѣніе; но всѣ такіе чувства не распространялись на всѣхъ родичей царственного дома. Предшествующая исторія полна была примѣровъ, когда ихъ сажали въ тюрьму, заключали въ оковы, морили, душили, потому что считали опасными для верховной особы и для единовлѣстія. И убійца Димитрія не должна была останавливать мысль, что Димитрій принадлежитъ къ царственному роду.

Но отчего же—намъ возражаютъ—они не отравили царевича Димитрія ядомъ? Это было легче и удобнѣе, чѣмъ зарѣзать. Оттого, скажемъ мы, что это вовсе не было такъ легко и удобно, какъ кажется съ перваго взгляда: при тогданнихъ нравахъ, охранители царевича всего болѣе боялись отравленія, и противъ этого рода опасности конечно принимались тогда мѣры. Кто бы изъ приближенныхъ рѣшился дать отраву? Нужно было черезъ-чуръ большой отваги и презрѣнія къ собственной жизни, къ чему обыкновенно неспособны тайные убійцы. Какъ бы только ядъ началъ дѣйствовать, ребенокъ указалъ бы на ту особу, которая давала ему яству или питье и тотчасъ принялись бы за эту особу и досталось бы этой особѣ прежде, чѣмъ соумышленники могли бы ее спасти. Пусть, какой выбрали убійцы, былъ вполне удобенъ и могъ увѣнчаться совершеннымъ успѣхомъ, еслибы парица не возмущала народа набатнымъ звономъ: только этого послѣдняго обстоятельства убійцы не разсчитали и не предвидѣли. Они выбрали и время самое подходящее: Негіе ушли обѣдать, парица была въ хѳромахъ, ребенокъ гулялъ съ одною кормилицею, и

кромя ея никого съ царевичемъ не было; кормилицу ударили, чтобы она не увидала того, чего никто не долженъ былъ видѣть, въ тотъ же моментъ перерѣзали горло ребенку, да сами же и стали кричать, что царевичъ зарѣзался. Они же и свидѣтели. Не взволнуйся народъ — вся бѣда обратилась бы на бѣдную кормилицу, еслибы она осмѣлилась заявить себя противъ нихъ; свидѣтельство убійцы было бы принято, и было бы имъ хорошо, и наоборотъ — плохо тѣмъ, которые дерзнули бы говорить, что царевича зарѣзали они.

Вышло, однако, не такъ, какъ убійцы предполагали. Народъ побилъ ихъ. Весь Угличъ сталъ увѣренъ, что они зарѣзали Дмитрія, а между тѣмъ не было въ Угличѣ ни одного свидѣтеля, видѣвшаго убійство. Дошло до Бориса. Борисъ, конечно, сразу понималъ, что все это значитъ: люди, ему преданные, хотѣли угодить ему, спасти и его и царя Ѳеодора на будущее время, но погибли сами. Событіе, непріятное для Бориса; лучше было бы, еслибы они остались живыми. Теперь, во что бы то ни стало, нужно было, чтобы царевичъ зарѣзался самъ, чтобы были свидѣтели его самоубійства, иначе кто бы его ни зарѣзалъ, подозрѣніе будетъ падать на Бориса. Правда, Борисъ все-таки никому не приказывалъ убивать царевича: и никто не въ силахъ былъ сказать на него. Но для Бориса необходимо было, чтобы не оставалось и подозрѣнія. Борисъ посылаетъ Шуйскаго на слѣдствіе вмѣстѣ съ преданнымъ Борису Клепшнымъ. «Да вѣдь Шуйскій,—говорятъ намъ,—непріязненъ Борису? Какъ же Борисъ могъ выбрать его для такого дѣла?»

А чего было бояться Борису? Что могъ открыть Шуйскій такого, что бы повредило Борису? Положимъ, что Шуйскій поѣхалъ съ желаніемъ повредить Борису. Что же тогда нашелъ Шуйскій на мѣстѣ? Свидѣтелей смерти царевича не было. Кормилица могла бы только сказать, что ее такіе-то ударили и закричали, что царевичъ зарѣзался, но вѣдь сама она все-таки не видѣла, какъ его рѣзали. Царица тоже этого не видала: она высочила изъ хоромъ, услышавши крикъ. Если бы Шуйскій представилъ дѣло въ этомъ настоящемъ видѣ — осталось бы подозрѣніе, но не болѣе. Что же? развѣ невозможно было разсвѣять подозрѣнія? Привезли бы кормилицу въ Москву, привезли бы Нагихъ и подъ пытками заставили дать тѣ же показанія, какія мы встрѣчаемъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, т. е., что царевичъ страдалъ припадками падучей болѣзни, кусался, на людей бросался и въ неистовствѣ самъ себя зарѣзалъ; и вышло бы то же что вышло, только Шуйскому послѣ того уже не одобровать, Борисъ бы не простилъ ему! Понятно,

что Шуйскій, какъ человѣкъ хитрый и смысленный, уразумѣлъ, какъ нужно ему дѣйствовать и Шуйскій сталъ дѣйствовать такъ, чтобы и Борису угодить, и себя спасти на будущее время отъ бѣды. Вотъ что говоритъ современный лѣтописецъ объ образѣ дѣйствія Шуйскаго въ Угличѣ:

«Князь Василій со властью придоша вскорѣ на Угличъ и смотри тѣла праведнаго заклана, и помянувъ свое согрѣшеніе, плакался горько на многъ часъ и не можаше проглаголати ни съ кѣмъ, аки нѣмъ стояше, тѣло же праведное погребоша въ соборной церкви Преображенія святого. Князь же Василій начать распрашивать града Углича всѣхъ людей како небреженіемъ Негихъ заклася самъ».

Извѣстіе лѣтописца о приемахъ допроса согласуется съ самымъ слѣдственнымъ дѣломъ, въ которомъ, при всей его живости, проглядываетъ дѣйствительный способъ его производства: въ этомъ дѣлѣ говорится, что Шуйскій съ товарищами спрашивали такъ: «какимъ обычаемъ царевича Димитрія не стало, и что его болѣзнь была». Итакъ, изъ этого же дѣла видно, что слѣдователи съ самаго начала отклонили всякій вопросъ о возможности убійства, заранее предрѣшая, что смерть Димитрія, такъ или иначе, не послѣдовала отъ болѣзни. Понятно, что Шуйскій съ товарищами еще въ Москвѣ получилъ необходимый намекъ на то, что по слѣдствію должно непременно оказаться, именно что Димитрій былъ боленъ и лишился себя жизни въ припадкѣ болѣзни.

Далѣе лѣтописецъ повѣствуетъ:

«Они же воиѣху всѣ единогласно, иноки, священники, мужіе и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михаила Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники».

Здѣсь лѣтописецъ въ своемъ извѣстіи хватилъ черезъ край, сказавши «единогласно», но не солгалъ относительно многихъ угличанъ. Были въ Угличѣ такіе, которые сразу поняли какъ слѣдуетъ отвѣчать, и говорили, что царевичъ зарѣзали; но въ то же время раздавались голоса, смѣло приписывавшіе смерть царевича убійству, совершенному людьми, присланными отъ Годунова и уже растерзанными отъ разъяреннаго народа. Что было именно такъ, показываетъ суровое мнѣніе Бориса надъ Угличемъ, возни совершенныя надъ его жителями, переселеніе въ Пензу, запустѣніе Углича. Но что могъ сдѣлать Шуйскій съ такими показаніями? Онъ зналъ заранее, что въ Москвѣ такихъ показаній не хотѣтъ, да притомъ и всѣ показанія были голо-

словны: никто изъ говорившихъ объ убійствѣ не былъ самъ свѣдѣтелемъ убійства.

И вотъ, по словамъ того же лѣтописнаго повѣствованія:

«Князь Василій, пришедъ съ товарищи къ Москвѣ и сказавъ царю Оедору несправедно: что самъ себя заклалъ».

Лѣтописецъ далѣе говоритъ, что «Борисъ съ бояры Михаиломъ Нагаго и Андрея и сихъ Нагихъ пыталъ накрѣпко, чтобъ они сказали, что самъ себя заклалъ».

Согласно съ этимъ и въ окончаніи слѣдственнаго дѣла говорится, «и по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились, велѣлъ государь посылати».

Принимая во вниманіе это послѣднее извѣстіе, нельзя быть увѣреннымъ, чтобы тѣ показанія, которыя представляются отобранными Шуйскимъ и его товарищами въ Угличѣ, были на самомъ дѣлѣ всѣ тамъ составлены; нѣкоторые изъ нихъ могли быть записаны уже въ Москвѣ, гдѣ, какъ сообщаетъ лѣтописное извѣстіе, пытками добывали сознаніе въ томъ, что Димитрій зарѣзался самъ въ припадкѣ падушей болѣзни. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что въ концѣ того же слѣдственнаго дѣла, гдѣ сказано вообще, что «по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились, велѣлъ государь посылати», говорится вслѣдъ затѣмъ, что «въ Угличъ посланъ былъ Михайла Молчановъ, по кормилицына мужа, по Ждана Тучкова и по его жену по кормилицу по Орину, а взявъ вести ихъ къ Москвѣ бережно, чтобъ съ дороги не утекли и дурна надъ собою не учинили». Отчего эта особая, какъ видно, заботливость о кормилицѣ и ея мужѣ? Не потому ли, что кормилица была при царевичѣ въ тѣ минуты, когда онъ лишился жизни? Но вѣдь по слѣдственному дѣлу не одна она была свидѣтельницею, и подобно другимъ она представляется давшей еще въ Угличѣ показанія о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Мужъ ея совсѣмъ не значится въ числѣ спрошенныхъ въ Угличѣ, а между тѣмъ его вмѣстѣ съ женою тащутъ въ Москву. Если мы вспомнимъ, что говорить то повѣствованіе о смерти Димитрія, которое мы признаемъ самымъ достовѣрнѣйшимъ, то окажется, что здѣсь слѣдственное дѣло само невольно проговорилося и обличило себя. Кормилица была единственною особою, въ присутствіи которой совершилось убійство и, вѣроятно, она совсѣмъ не давала въ Угличѣ такого показанія, какое значитъ отъ ея имени въ слѣдственномъ дѣлѣ—вотъ ее-то и нужно было прибрать къ рукамъ паче всякаго другого, а вмѣстѣ съ нею политика требовала прибрать и ея мужа, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ было въ обы-

чѣ, что въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, расправа постигала безвинныхъ членовъ семьи за одного изъ ихъ среды. Само собою разумѣется, что Тучкова-Жданова была опаснѣе всѣхъ: она хотя также не видѣла своими глазами совершенія убійства, но могла разглашать такія обстоятельства, которыя бы возбуждали сильное подозрѣніе въ томъ, что Димитрій не самъ зарѣзвался, а былъ зарѣзанъ, и потому-то ее необходимо было уничтожить; а чтобъ мужъ не жаловался и не разглашалъ того, что долженъ былъ слышать отъ жены, то слѣдовало и мужа сдѣлать безвреднымъ. Не даромъ русская пословица говорила: мужъ и жена—одна сатана! Защитникъ Бориса говоритъ: «еслибъ она (Тучкова) погибла по приказанію Бориса, то послѣ о томъ не умолчали бы враги его». А что такое за важные особы эти Тучковы, чтобъ ихъ гибель возбуждала большое сожалѣніе и была особенно замѣченною современниками? Въ Московскомъ государствѣ въ тѣ времена не слишкомъ-то дорожили жизни одного или двухъ незнатныхъ подданныхъ. Да притомъ, если никто не поименовалъ въ числѣ жертвъ Бориса Тучковыхъ, то лѣтописецъ не забылъ сказать о цѣлой толпѣ жертвъ, пострадавшихъ въ эпоху смерти Димитрія: «иныхъ казняху, инымъ языки рѣваху, иныхъ по темницамъ разсылаху, множество же людей отведоша въ Сибирь и поставиша градъ Пелымъ и ими насадиша и отъ того жъ Угличъ запустѣлъ». Развѣ не могла быть и эта несчастная супружеская чета въ числѣ какихъ-нибудь изъ этихъ *иныхъ*?

Здравая критика не допускаетъ принимать показаній о смерти царевича, заключающихся въ слѣдственномъ дѣлѣ уже, какъ мы сказали, и потому, что слѣдователь самъ созналъ несправедливость его и стало быть обличилъ его фальшивое производство. Нѣтъ, какъ мы тоже выше сказали, никакихъ иныхъ достовѣрныхъ современныхъ свидѣтельствъ, которыя бы согласовались съ извѣстіями, сообщаемыми слѣдственнымъ дѣломъ. Напротивъ, существуютъ извѣстія, носящія всѣ признаки достовѣрности, но противныя тому, что вытекаетъ изъ слѣдственного дѣла. Затѣмъ уже, если это живое слѣдственное дѣло можетъ возбуждать любопытство историческаго изслѣдователя, то развѣ съ той стороны, какимъ образомъ оно было въ свое время составлено. По тому отрывку, который сохранился, мы теперь едва ли въ состояніи будемъ вполнѣ отличить: какія изъ показаній были отобраны Шуйскимъ съ товарищами въ самомъ Угличѣ, какія, быть можетъ, послѣ того въ Москвѣ; какія изъ нихъ вынуждены были страхомъ, пыткой или ласкою, какія даны добровольно смекнувшими заранее какъ имъ

слѣдуетъ говорить и какія, наконецъ, могли быть написаны слѣд-
 дователями отъ лица тѣхъ, которые и не говорили того, что пи-
 салось отъ ихъ имени (что, напримѣръ, мы думаемъ о дѣтскихъ
 показаніяхъ). Никакой ученый не увѣритъ насъ, чтобы это дѣло
 въ томъ видѣ, въ какомъ до насъ дошло, писалось непременно
 въ Угличѣ; напротивъ — что оно писалось въ Москвѣ, на это
 указываетъ его конецъ съ распоряженіями о доставкѣ въ Москву
 кормилицы, ея мужа и вѣдуна Андрюшки. Такимъ образомъ
 показанія Нагихъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они значатся, были
 отобраны въ Москвѣ, хотя и включены въ число отобранныхъ
 въ Угличѣ. Замѣчательно, что единственное лицо, заявившее
 упорно въ слѣдственномъ дѣлѣ, что царевичъ зарѣзанъ, а не
 зарѣзался, одинъ изъ дядей царевича, Михайла Нагой. Въ лѣто-
 писи говорится: «Борись съ бояры поидоша къ пятнѣ и Михайла
 Нагого и Андрея, и сихъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобы они
 сказали, что самъ себя заклалъ, они же никакъ того не сказа-
 ша, то и глаголаху, что отъ рабъ убіенъ бысть». Сопоставляя это
 извѣстіе съ слѣдственнымъ дѣломъ, окажется, что изъ Нагихъ,
 подписавшихъ свои показанія, одинъ Михайла, запираясь въ томъ,
 что онъ поднималъ народъ на убійцъ, прямо говоритъ, что ца-
 ревича зарѣзали; другіе же его братья Григорій и Андрей пока-
 зали, что царевичъ зарѣзался, повторяя разсказы о его падучей
 болѣзни. Изъ этого видно, что лѣтопись, говоря о твердости На-
 гихъ, справедлива только въ отношеніи одного Нагого, Михаила,
 а прочіе Нагіе, какъ оказывается, подъ пыткою или подъ стра-
 хомъ пытки заговорили такъ, какъ слѣдовало. Единственное по-
 казаніе о томъ, что царевича зарѣзали, противное прочимъ пока-
 заніямъ, говорившимъ, что царевичъ зарѣзался самъ, показаніе,
 подписанное Михайломъ Нагимъ, оставаясь въ слѣдственномъ дѣлѣ,
 не только не вредило результату, какого добивались, но еще по-
 могало ему: становясь въ разрѣзъ со всѣми остальнымъ, оно по
 своему безсилію и въ сравненіи со всѣми какъ-бы служило уликою,
 что мнимое убійство Дмитрія есть выдумка Нагихъ, особенно
 Михаила, болѣе всѣхъ (какъ говорятъ другія показанія) возбу-
 ждавшаго народъ къ истребленію Битяговскихъ и ихъ товарищей.
 Показаніе Андрея Нагого даю явно по слѣдамъ показанія Ва-
 силисы Волоховой, признаваемой лѣтописями соумышленницей
 убійцъ. Такъ, напримѣръ, Василиса Волохова говоритъ: «и прежь
 того сего же году, въ великое говѣнье тажъ надъ нимъ болѣзнь
 была, падучей недугъ, и онъ покололъ сваю и мать свою ца-
 рицу Марью и вдругорядъ на него была тажъ болѣзнь передъ
 великимъ днемъ и царевичъ обѣлъ руки Ондреевой дочери На-

гова, едва у него Ондрееву дочь Нагова отняли». Въ показаніи Андрея Нагова: «А на царевичѣ бывала болѣзнь падучая, да имѣ въ великое говѣнье у дочери его руки переѣлъ и у него, Андрея, царевичъ руки ѣдалъ же въ болѣзни, и у жильцовъ и у постельницъ, какъ на него болѣзнь придетъ и царевича какъ ста-
тутъ держать, и онъ въ тѣ поры ѣстъ въ нещывеньи ¹⁾ за что понадется». При другихъ условіяхъ сходство въ показаніяхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ вело бы къ признанію справедливости сообщаемыхъ фактовъ, но въ такомъ дѣлѣ, о которомъ мы увѣрены, что оно велось недобросовѣстно, съ предвзятою заранѣе цѣлью, подобное сходство свидѣлствуетъ только о томъ, что одно показаніе служило образцомъ для другого; пристрастные слѣдователи спрашивали у допрашиваемаго прямо о справедливости того, что сообщило имъ полезнаго раньше данное показаніе и допрашиваемый изъ угожденія или отъ страха говорилъ то же, что говорили прежде него. Фальшивость производства видна какъ въ содержаніи показаній, такъ и въ приемахъ. Величайшая невѣроятность, заключающаяся въ этомъ дѣлѣ—это прежде всего самоубійство мальчика семи лѣтъ, совершенное такимъ образомъ, какъ сообщаютъ показанія. Съ больнымъ мальчикомъ дѣлаются по временамъ припадки, и въ одинъ изъ такихъ припадковъ онъ зако-
леть себя въ горло ножомъ. А что за признаки этихъ припадковъ? Какая-то злость, бѣшенство, мальчикъ бросается на людей, кусается, мальчикъ своею пырнулъ собственную мать.

Спрашивается: какъ бы ни были просты женщины, окружавшія ребенка, но возможно ли предположить, чтобы онѣ всѣ были до такой степени глупы, чтобы послѣ всего того, что царевичъ уже дѣлалъ, давали ему играть съ ножомъ?—И неужели мать, которую онъ ранилъ, не приняла мѣръ, чтобы у мальчика не было въ рукахъ ножа. Допустимъ, однако, что несчастный больной царевичъ былъ предоставленъ на попеченіе такихъ дуръ, какихъ только можно было, какъ будто нарочно, подобрать со всей московской земли. Способъ его самоубійства черезъ чуръ страненъ. Онъ играетъ въ тычку съ дѣтьми; съ нимъ дѣлается припадокъ; судя по тому, какъ онъ кусалъ дѣвочкѣ руки, бросался на жильцовъ и постельницъ, и даже ранилъ мать свою, надобно было ожидать, что царевичъ ударитъ ножомъ кого-нибудь изъ игравшихъ съ нимъ дѣтей: нѣтъ, онъ самъ себя хватилъ по горлу! Какъ же это случилось?

<sup>1) Неимомъ, а также нещывомъ — безпамятство, безчувствіе, обморокъ. См. Сло-
варъ Даля.</sup>

Постельница Марья Самойлова показываеъ: «и его бросил о землю, а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ тѣмъ ножикомъ самъ покололся». Василиса Волохова говоритъ: «бросило его о землю, и тутъ царевичъ самъ себя ножомъ повололъ въ горло и било его долго». Огурецъ говоритъ: «тутъ его ударило о землю и онъ, бѣжись, ножомъ самъ себя покололъ». Стряпчій Юдинъ говоритъ: «бросило его о землю, и било его долго, и онъ накололся ножомъ самъ, а онъ (стряпчій) въ тѣ поры стоялъ у поставца и то видѣлъ». Царицыны дѣти боярскіе, числомъ четверо, говорятъ: «а у него въ ту пору въ рукахъ былъ ножъ и его де бросило о землю и било его долго, да ножикомъ ся самъ себя покололъ и отъ того и умеръ». Истопники говорятъ: «мы были въ переднихъ сѣняхъ и въ тѣ поры понесли кушанье на верхъ, а царевичъ Дмитрій игралъ съ жильцы ножомъ и пришла на него старая болѣзнь падучій недугъ, и его въ тѣ поры ударило о землю, и онъ на тотъ ножъ набрушился самъ».

При подобномъ припадкѣ могло скорѣе случиться, что ребенокъ ранилъ бы себя ножомъ въ бокъ, въ ногу, въ руку, но всего менѣе въ горло, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена носили ожерелья въ родѣ поясковъ, украшенныя золотомъ, жемчугомъ и камнями: на царскомъ сынѣ, конечно, было такое ожерелье, которое бы могло защитить его отъ привосновенія ножа, случайно воспнушагося горла. Все это кажется до крайности придуманнымъ и невѣроятнымъ. Вопросъ о томъ: въ какой степени возможно въ припадкѣ такого рода ребенку заковать себя до смерти, по горлу, — предоставляемъ медикамъ, по опыту наблюдавшимъ за такими болѣзнями, да кромѣ того слѣдуетъ поискать подобныхъ примѣровъ: вѣдь не одинъ же царевичъ Дмитрій умеръ такою смертію; если она могла постигнуть его, то могла постигнуть и другихъ больныхъ дѣтей. Историческій фактъ убійства Дмитрія стоить того, чтобы специалисты обсудили и рѣшили этотъ вопросъ съ точки зрѣнія своей науки.

Сколько было, по слѣдственному дѣлу, свидѣтелей смерти Дмитрія? Въ повозаніяхъ жильцовъ, игравшихъ съ дѣтьми, сказано: «были въ тѣ поры съ царевичемъ кормилица Орина да постельница Самойлова жена Колобова Марья». Но чѣмъ болѣе было свидѣтелей, тѣмъ было лучше для цѣли. И вотъ была съ ними еще Василиса Волохова, какъ сама о томъ показываеъ: «приподчи отъ обѣдни царица велѣла царевичю на дворъ итить гулять, а съ царевичемъ были она Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе ребятинки жильцы, да постельница Марья Самойлова, а игралъ царевичъ ножикомъ, и тутъ на царевича пришла

опять такъ черная болѣзнь и бросило его о землю, и тутъ царевичъ самъ себя покололъ въ горло» и пр. Затѣмъ нашлись и еще свидѣтели; четыре боярскихъ сына говорятъ: «ходилъ де царевичъ тѣшился съ жильцы съ маленькими въ тычку ножомъ, на дворѣ, и пришла-де на него падучая немочь, а у него былъ въ ту пору въ рукахъ ножъ, и его бросило о землю и било его долго, да ножикомъ ся самъ себя покололъ и отъ того и умеръ, и какъ пришелъ шумъ великой и они разбѣжались». По смыслу слова «разбѣжались», ясно, что и эти четыре человѣка заявляютъ о себѣ въ числѣ очевидцевъ событія. За ними — видѣлъ смерть царевича страпчій Юдинъ, стоявшій у поставца и, какъ бы казалось, видѣли ее истопники, находившіеся въ сѣняхъ. Если такое множество людей видѣло, какъ съ ребенкомъ сдѣлался припадокъ, да еще ребенокъ бился долго,—какъ же это они всѣ не бросились къ нему, не отняли у него ножа?—Да подобное равнодушіе почти равняется убійству! И какъ, слыша эти показанія, слѣдователи не сказали дававшимъ ихъ: вы видѣли какъ съ царевичемъ сдѣлался припадокъ, почему же вы не бросились къ нему и не отняли у него ножа?

Такъ какъ чѣмъ болѣе показаній, свидѣтельствующихъ о самоубійствѣ царевича, тѣмъ для цѣли было лучше, то являются въ числѣ дающихъ подобныя показанія и такіе, которые не говорятъ и не дѣлаютъ даже намека на то, что сами были при смерти царевича, однако утвердительно объявляютъ, что царевичъ зарѣзался. Такъ губной староста Иванъ Муриновъ говоритъ: «тѣшился царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своими съ ребятами, тыкалъ ножомъ и въ тѣ поры пришла на него немочь падучая, зашибло его о землю и учало его бити и въ тѣ поры онъ повололся ножомъ по горлу самъ». А почему этотъ губной староста знаетъ, что именно такъ было, а не иначе? Очевидно потому, что этотъ губной староста смекнулъ, чего надобно тѣмъ, кто его допрашивалъ. По такому же поводу говорить утвердительно Огурецъ пономарь, что царевичъ «бьючися, самъ себя ножомъ покололъ», а между тѣмъ этотъ Огурецъ, по собственнымъ словамъ, сидѣлъ дома, когда слышалъ первый набатный звонъ; выбѣжавши, встрѣтилъ Субботу Протопопова, который ударилъ его въ шею и приказалъ ему исполнять свою обязанность звонить посильнѣе. Вотъ городской привазчикъ Русинъ-Раковъ уже предъ отъѣздомъ слѣдователей подаетъ бывшему вмѣстѣ со слѣдователями митрополиту Геласію челобитную, и въ ней также утвердительно и положительно говоритъ: «мая въ 15-й день, въ субботу, въ шестомъ часу дня, тѣшился государь царевичъ у

себя на дворѣ съ жильцы своими съ робятами, тыкалъ государь ножомъ и въ тѣ поры на него пришла падачая немочь и зашибло, государь, его о землю, и учало его бити, да какъ де его било и въ тѣ поры онъ пожелолся ножомъ самъ и отъ того государь и умеръ». Можно, пожалуй, подумать, что Русинъ-Раковъ видѣлъ все то, что рассказываетъ. Ничуть не бывало. «И учюль — продолжаетъ онъ — язъ въ городѣ звонъ и язъ государь прибѣжалъ на звонъ, ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ на царевичевѣ, а Михайло Битяговскій да сынъ его Данило, да Никита Качаловъ, да Осинъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да ихъ люди лежать побиты». Слушая все это, почему слѣдователи не спросили дававшихъ такіа показанія о смерти царевича: а вы откуда знаете, что царевичъ самъ зарѣзлся, а не былъ зарѣзанъ. Оттого не спросили, что имъ нужно было, чтобы побольше оказывалось свидѣтельствъ о томъ, что Димитрій закололъ самъ себя и они мало обращали вниманія, какимъ образомъ сообщались такіа свидѣтельства и кто ихъ сообщалъ. Самыя эти показанія очень однообразны; мы нарочно и привели ихъ одно за другимъ, чтобы читатели наши видѣли и поняли, что всѣ онѣ плелись по одной мѣркѣ; камертонъ данъ — всѣ запѣли унисономъ! Не могло не быть показаній въ противномъ смыслѣ; тѣ, которые побили Битяговскихъ, Волохова, Качалова и ихъ братію, побили ихъ въ увѣренности, что они именно умертвили царевича: эти люди должны же были что-нибудь за себя сказать. Однако, мы не находимъ ихъ показаній въ слѣдственномъ дѣлѣ. За исключеніемъ Михайла Нагого, все говорятъ только тѣ, которые показываютъ, что царевичъ зарѣзлся самъ. Вопросъ о томъ, не зарѣзанъ ли Димитрій — не допускается; явно и умышленно обходить его, стараются закрыть благоразумнымъ молчаніемъ.

Не говоримъ уже о томъ, что мы не встрѣчаемъ ни показанія царицы, ни осмотра тѣла Димитріева. На этотъ счетъ говорятъ: да вѣдь дѣло не полное, мы имѣемъ только отрывокъ. Правда, но этотъ отрывокъ начинается пріѣздомъ въ Угличъ слѣдователей, надлежало бы тотчасъ и быть осмотру. Лѣтописецъ прямо и говорить, что онъ совершился тотчасъ по пріѣздѣ Шуйскаго съ товарищи: «и осмотри тѣла праведнаго заклана». Иначе и быть не могло. Отчего же этого осмотра нѣтъ? Конечно оттого, что этотъ осмотръ давалъ выводы, противные заранѣе рѣшенному результату слѣдственного дѣла, который долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы изъ всего оказывалось, что царевичъ зарѣзлся въ припадкѣ болѣзни. Напротивъ, раны на тѣлѣ Димитрія, вѣроятно, очень явно показывали, что онъ былъ умерщвленъ

и потому-то въ день его смерти угличане, видя тѣло только-что испутившаго духъ зарѣзаннаго ребенка, съ полною увѣренностію бросились бить тѣхъ, которыхъ считали убійцами.

Судя по всѣмъ извѣстіямъ того времени и по соображеніямъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому событію, сопровождавшихъ его и послѣдовавшихъ за нимъ, кажется, едва ли можно сомнѣваться въ истинѣ того факта, что Димитрій царевичъ былъ зарѣзанъ. Правительство того времени, когда совершенно было убійство, имѣло свои поводы стараться увѣрить всѣхъ, что царевичъ зарѣзался самъ. Если бы убійство случилось не только по волѣ, но противъ воли Бориса, если бы онъ былъ склоненъ казнить убійцъ, но случилось бы такъ, какъ дѣйствительно случилось: народъ предупредилъ бы судъ правительства, и расправившись съ убійцами самъ, бросилъ бы на Бориса подозрѣніе — и тогда Борису должно было представляться лучшимъ средствомъ избавить себя отъ такого подозрѣнія — поставить дѣло такъ, какъ будто царевичъ убилъ себя самъ.

Въ какой степени Борисъ участвовалъ въ этомъ фактѣ — мы едва ли въ силахъ рѣшить положительно. Одно только считаемъ вѣроятнымъ, что Борисъ, какъ умный и осторожный человѣкъ, не давалъ прямого повелѣнія на убійство тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ отправилъ въ Угличъ наблюдать за царевичемъ и его роднею, и которыя умертвили царевича. Быть можетъ, до нихъ доходили намеки, изъ которыхъ они могли догадаться, что Борисъ этого отъ нихъ желаетъ; быть можетъ даже, они и по собственному соображенію рѣшились на убійство, достаточно убѣждаясь, что это дѣло угодно будетъ правителю и полезно государству. Могла ихъ въ этому подстрекать и вражда, возникшая у нихъ съ Нагими. Во всякомъ случаѣ, они совершили то, что было въ видахъ Бориса: безъ сомнѣнія, для Бориса казалось лучше, чтобъ Димитрія не было на свѣтѣ. Раздраженное чувство матери, лишившейся такимъ образомъ сына, не дало убійцамъ совершить своего дѣла такъ, чтобъ и имъ послѣ того пришлось пожить въ добрѣ, и Бориса не подвергать подозрѣнію. Убійцы получили за свое злодѣяніе кару отъ народа, смерть царевича осталась безъ свидѣтелей, за немѣніемъ ихъ — набрали и подставили такихъ, которые вовсе ничего не видали; но всѣ жители Углича знали истину, видѣвши тѣло убитаго, вполне остались убѣждены, что царевичъ не зарѣзался, а зарѣзанъ. Жестоко былъ наказанъ Угличъ за это убѣжденіе; много было казненныхъ, еще болѣе сосланныхъ; угличанъ, видѣвшихъ своими глазами зарѣзаннаго Димитрія, не оставалось, но за то повсюду на Руси шопотомъ

говорили, что царевичъ вовсе не убилъ себя самъ, а былъ зарѣзанъ. Не только русскіе—иностранцы разносили этотъ слухъ за предѣлами московской державы. Слѣдственное дѣло съ его измышленіями не избавило Бориса отъ подозрѣнія.

Это подозрѣніе, однако, не помѣшало Борису по смерти Федора взойти на престолъ, при посредствѣ козней, расположенія къ себѣ духовныхъ и подбора партіи въ свою пользу. Борисъ не былъ человѣкъ злой: дѣлать другимъ зло для него не составляло удовольствія; ни казни, ни крови не любилъ онъ. Борисъ даже склоненъ дѣлать добро, но это былъ человѣкъ изъ тѣхъ недурныхъ людей, которымъ всегда своя сорочка къ тѣлу ближе и которые добры до тѣхъ только поръ, пока можно дѣлать добро безъ ущерба для себя: при малѣйшей опасности они думаютъ уже только о себѣ и не останавливаются ни предъ какимъ зломъ. Отъ этого, Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ добрымъ государемъ, и былъ бы можетъ быть долго такимъ же, еслибъ несчастное углищное дѣло не дало о себѣ знать. Воспоминаніе объ немъ облеклось таинственностью, которая породила легенду, — что Димитрій не зарѣзался и не зарѣзанъ, а спасся отъ убійцы и гдѣ-то живетъ. Этой легендѣ естественно было въ народномъ воображеніи родиться именно при той двойственности, какая существовала въ представленіяхъ объ углищномъ событіи. Правительство говорило, что Димитрій самъ убилъ себя; въ народѣ сохранилось представленіе, что Димитрій зарѣзанъ; въ противоположности двухъ различныхъ представленій образовалось третье, представленіе, наиболѣе щекотавшее воображеніе. Борисъ, услышавши объ этомъ, хотѣлъ найти виновниковъ такого толка, уже болѣе опаснаго для него, чѣмъ были толки о томъ, что царевичъ зарѣзанъ, но найти творцевъ этого слуха онъ былъ не въ состояніи, потому что ихъ не было—но была мысль, носившаяся какъ по вѣтру въ народѣ. Борисъ сдѣлался тираномъ, возбудилъ противъ себя ненависть, а съ ненавистью возрастала увѣренность въ существованіи Димитрія и явилась надежда на его появленіе.

И онъ явился послѣ того, какъ слухи о Димитріи дошли въ Украину, страну приключеній и отважныхъ предпріятій, и достигли до іезуитовъ, увидавшихъ удобный случай подать руку помощи удалому молодцу, съ цѣлію вслѣдъ за нимъ наложить свои сѣти на восточно-русскія земли.

Борисъ палъ, погибла семья его. Одна ложь о Димитріи смѣнилась другою ложью. Прежде говорили, что Димитрій зарѣзался самъ, теперь, спустя тринадцать лѣтъ, говорятъ, что Димитрій спасся и сѣлъ на престолѣ отца своего. На сторонѣ по-

вой лжи было болѣе силы, чѣмъ на сторонѣ прежней. Мать Димитрія, та самая, которая когда-то подняла весь Угличъ за убито сына и показывала его трупъ всему народу, взымая о мщеніи, теперь всѣмъ говорить, что ея сынъ живъ! Трудно сказать, какъ долго пришлось бы названному Димитрію сидѣть на престолѣ, если бы онъ былъ болѣе остороженъ. Легкомысліе и доверчивость погубили его. Его убиваютъ, объявляютъ Грипкою Отрепьевымъ, хотя не знаютъ, кто онъ таковой на самомъ дѣлѣ. На престолъ садится Василій Шуйскій, тотъ самый, который производилъ слѣдствіе, по которому Димитрій оказался самоубійцею. Чтѣ дѣлается теперь, при новомъ царѣ? Объявляется, наконецъ, правда о Димитріи, та правда, которую народъ давно уже зналъ и въ которой усомнился въ послѣднее время. Димитрій не самъ зарѣзлся. Димитрій и не спасался отъ смерти. Онъ былъ зарѣзанъ тѣми людьми, которыхъ въ свое время побилъ угличскій народъ. Димитрій зарѣзанъ по волѣ Бориса. Мать Димитрія вѣстается предъ народомъ въ томъ, что признавала сыномъ бродягу, и увѣряетъ всѣхъ, что ея сынъ въ той рагѣ, въ которой выставили мощи его, причисливши къ лику святыхъ.

Но народъ уже не вѣритъ и тому, чему такъ долго самъ вѣрилъ; не вѣритъ, чтобъ Димитрій былъ зарѣзанъ въ Угличѣ; не вѣритъ даже и тому, что бы тотъ, кто царствовалъ подъ именемъ Димитрія, былъ убитъ. Если онъ спасся въ Угличѣ, почему ему не спастись въ другой разъ въ Москвѣ? Съ одной стороны народъ приучили къ умышленной лжи, съ другой—къ самообольщенію. Бѣдный народъ потерялъ голову съ этимъ Димитріемъ. Является одинъ Димитрій, другой, третій, четвертый. Государство разлагается, земля въ разореніи; царь Василій низверженъ. Чужеземцы овладѣваютъ столицей, чужеземцы рвутъ по частямъ землю русскую. Только на краю гибели народъ опомнился; онъ страхиваетъ съ себя бремя лжи и самообольщенія, собираетъ послѣднія силы. Ошибки и неумѣнье враговъ, овладѣвшихъ Русью, помогли Руси освободиться. Возстанавливается государственный строй. Восходитъ на престолъ новая династія:

Прошлое прошло. Что же теперь скажутъ народу о Димитріи?

И ему сказали только то, чтѣ уже сказалъ Шуйскій: что Димитрій былъ зарѣзанъ по повелѣнію Бориса въ Угличѣ и за невинное страданіе удостоился чести быть причисленнымъ къ лику страстотерпцевъ. И такой взглядъ остался на Руси въ теченіи вѣковъ, онъ раздѣлялся въ сущности и наукою. Кто утвердилъ его? Василій Шуйскій, по своему вступленію на престолъ открывшій мощи св. Димитрія. Понятно, что человѣкъ, говорившій розно

объ одномъ и томъ же, смотря по обстоятельствамъ, не можетъ назваться образцомъ честности и добродѣтели. Но мы бы съ другой стороны погрѣшили противъ безпристрастія, если бы въ Василии Шуйскомъ видѣли чудовище пороковъ, способное на все, что устранило нравственное чувство его современниковъ. Нѣтъ. При всѣхъ порокахъ своихъ онъ былъ лучше многихъ тогдашнихъ дѣятелей. Здѣсь не мѣсто распространяться вообще о характерѣ этой личности: это завлекло бы насъ черезъ-чуръ далеко. Спросимъ только самихъ себя вотъ о чемъ: способенъ ли былъ царь Василій и способна ли была вся среда, окружавшая его, на то, чтобы вырвать остатки самоубійцы, поставить ихъ въ качествѣ мощей въ церкви, причислить самоубійцу къ лику святыхъ, притворно поклоняться ему и смотрѣть, внутренно смѣясь, какъ народъ толпами будетъ ему поклоняться? При всѣхъ порокахъ, въ которымъ приучила московскихъ людей печальная исторія, въ особенности еще недавняя всеразвращающая эпоха мучительства Грознаго, все-таки были предѣлы, за которые едва-ли могла перешагнуть тогдашняя Русь. Что такое Димитрій по слѣдственному дѣлу? Мальчикъ, подверженный какому-то бѣшенству, злонаправленный, лютый; онъ бросается на людей, кусается, мать свою пирунулъ сваею, наконецъ въ припадкѣ бѣшенства самъ себя заколотъ. Да это по тогдашнему образу представленій что-то проклятое, отверженное, одержимое бѣсомъ! Вѣроятно и было намѣреніе представить его такимъ, какъ видно изъ слѣдственного дѣла! Возможное ли дѣло, чтобы изъ какихъ бы то ни было побочныхъ видовъ рѣшались возвести такого мальчика во святые и поклоняться ему? Положимъ, что нравственное чувство не удержало бы отъ этого людей, глубоко сжившихся съ ложью, но навѣрное ихъ удержалъ бы отъ такого поступка суевѣрный страхъ ввести въ церковь орудіе темной силы дьявола и поклоняться ей. Какъ бы ни были испорчены наши предки, люди XVII столѣтія, но все-таки несомнѣнно они боялись дьявола, а отважиться на подобный обманъ могли бы только такіе, которые не вѣрили ни въ существованіе Бога, ни въ существованіе дьявола: всякій согласится, что такихъ философовъ не производила русская земля въ началѣ XVII столѣтія.

Намъ кажется, напротивъ, что при канонизаціи царевича Димитрія хотя и участвовали политическія соображенія, но не были главнымъ двигателями; здѣсь дѣйствовала значительная доля искренности и дѣйствительнаго благочестія. Шуйскій не былъ еще въ томъ положеніи, когда, какъ говорится, утопающій хватается за соломинку. Новый названный Димитрій еще не являлся, и

Шуйскій едва ли могъ предвидѣть, чтобъ онъ непременно явился. Посылка за мощами Димитрія произошла тотчасъ по ведареніи Шуйскаго, 3-го іюня 1606 года; слѣдовательно, черезъ восемнадцать дней послѣ низверженія самовланца послѣдовало торжественное причисленіе Димитрія къ лику святыхъ, начало поклоненія его мощамъ въ Архангельскомъ соборѣ! Не правдоподобіе ли, не сообразнѣ ли какъ съ обстоятельствами, такъ и съ духомъ понятій того времени видѣть въ этомъ событіи плодъ раскаянія Шуйскаго, которое вѣкъ нельзя болѣе должны были возбудить въ немъ минувшія событія? Шуйскій былъ человѣкъ не злого сердца. Лѣтоисчислѣ, сообщаящій извѣстіе о его нечестномъ поведеніи во время слѣдствія въ Угличѣ, говоритъ однако, что онъ плакалъ надъ тѣломъ зарѣзаннаго ребенка. Но въ эти критическія минуты благоразумный расчетъ самосохраненія заставилъ его, сѣрпя сердце, потакать неправдѣ. Прошли годы. Шуйскій видѣлъ одно за другимъ грозныя, потрясающія событія: они должны были показаться ему явленіемъ божескаго мщенія. По желанію Бориса или по крайней мѣрѣ въ угоду ему совершилось злодѣяніе надъ невиннымъ ребенкомъ; Борисъ избавился отъ опасностей, которыхъ ожидать отъ этого ребенка; Борисъ достигъ престола. И что же? Прошло семь лѣтъ: не стало Бориса, а за нимъ страшнымъ образомъ искоренился родъ его съ лица земли. Московское государство попадаетъ подъ власть невѣдомаго бродяги: пусть всѣ будутъ ослѣплены и искренно признаютъ названнаго Димитрія настоящимъ; Шуйскій видѣлъ самолично трупъ зарѣзаннаго царевича; Шуйскій не можетъ впасть въ самообольщеніе; Шуйскій хорошо знаетъ, что на престолѣ не Димитрій; мало этого: Шуйскій видитъ, что этотъ названный Димитрій—орудіе чужеземныхъ козней, угрожающихъ православной вѣрѣ въ русской землѣ. Рановременно попытавшись выступить противъ всеобщаго увлеченія, Шуйскій попадаетъ на плаху; въ эту-то минуту должно было въ его сердцѣ кипѣть сильнѣйшее раскаяніе предъ Богомъ, которому онъ готовился дать отчетъ за преступные дни, проведенные въ Угличѣ, когда онъ ради земной жизни потакалъ неправдѣ. Но плаха миновала его. Не названному Димитрію (котораго онъ никогда не можетъ признать тѣмъ, чѣмъ признавали другіе), Шуйскій приписываетъ свое спасеніе, а Богу и, быть можетъ, заступничеству того настоящаго Димитрія, котораго онъ такъ безсовѣстно оклеветалъ въ угоду его врагамъ. Съ тѣхъ поръ мысль уничтожить дерзнувшаго носить имя Димитрія дѣлается его священнымъ обѣтомъ. Ему удастся. Средства, употребленные имъ, намъ теперь кажутся возмутительными; онъ самъ по духу вре-

мѣни не считалъ ихъ такими. Нѣтъ болѣе ложнаго Дмитрія. Самъ Шуйскій на престолѣ. Чтѣ могло быть естественнѣе, если этотъ человѣкъ счелъ первымъ долгомъ благодарности высшей силѣ, не только избавившей его отъ позорной плахи, но вознесшей на царскій престолѣ, возстановить память невинно-замученнаго и очерченнаго отрока, загладить свой прежній грѣхъ противъ него и поклониться ему со всею русскою землею? Чтѣ могло быть естественнѣе, если послѣ всего, чтѣ совершилось предъ глазами Шуйскаго, по его понятіямъ, какъ Божія кара за убійство царственнаго отрока, онъ искренно увѣровалъ въ его святость; чтѣ, наконецъ, естественнѣе если Шуйскій въ прославленіи Дмитрія видѣлъ тогда залогъ счастья для своего начинавшагося царствованія, оказавшагося до такой степени плачевнымъ?

Николай Костомаровъ.

СТАРАЯ ИСТОРИЯ.

Изъ Гейбеля.

Ей говорили: «Милый твой
Тебя, дитя, совсѣмъ не любить,
Играя, жизнь твою онъ губить»...
Она поникла головой,
И, какъ роса струится съ розы,
Изъ глазъ ея полились слѣзы...
О, клеветой поражена,
Зачѣмъ ей вѣрила она!..
Когда пришелъ онъ и сомнѣнье
Замѣтилъ въ ней,—досадный гнѣвъ
Имъ овладѣлъ, но не хотѣвъ
Ей показать свое мученье,
Онъ сталъ и пѣть, и хохотать,
Чтобъ послѣ, истомясь борьбою,
Наединѣ съ самимъ собою
Всю ночь безумно прорыдать.

Къ ней въ сердце послѣ добрый геній
Не разъ стучался. «Прогони—
Онъ ей шепталъ—недугъ сомнѣній,
И другу руку протяни»..
И онъ, среди томленья злого,
Онъ тоже слышалъ: «Ты любишь;
Скажи ей ласковое слово—
И распадется передъ нимъ,

Какъ отъ волшебнаго удара,
 Разъединяющая чара!..»
 И встрѣтились они... Но ахъ!
 Взглянули гордо и сурово—
 И заколдованное слово
 Осталось мертвымъ на устахъ.

И разошлись они. Какъ въ храмъ,
 Въ лампадѣ гаснущее пламя
 Въ послѣдній разъ еще сверкнетъ
 Такъ ярко, ярко—и умретъ,—
 Такъ умерла любовь, сначала
 Исторгнувъ много, много слёзъ,
 Потомъ—предметъ безумныхъ грёзъ,
 Потомъ—забытая, и стало
 Тяжелымъ бредомъ, наконецъ,
 Казаться имъ, что былъ когда-то,
 Скрѣпленный искренно и свято,
 Союзъ двухъ любящихъ сердецъ.

Но иногда, во мракѣ ночи,
 Вдругъ просыпаются они...
 Мокра подушка... плачутъ очи...
 Что снится имъ? Былые дни?
 Чистѣйшихъ чувствъ пора святая?
 Сомнѣній мелкая печаль?
 Разлука вѣчная—и даль,
 Даль безконечная такая...
 И все сильнѣй, и все страшнѣй
 Грызутъ на одинокомъ ложѣ
 Воспоминанія... О, Боже,
 Прости, прости ему и ей!..

ПЕТРЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

ПОЗНАНСКІЕ ПОЛЯКИ

ВЪ 1848 ГОДУ.

III *)

Февральскіе аресты въ Берлинѣ были, какъ мы видѣли, съ руки «демократическому обществу», но за то они ослабили заграничную «централизацію»: она потеряла при этомъ многихъ изъ своихъ членовъ, попавшихъ въ Моабитъ, и ей мудрено было рассчитывать на освобожденіе ихъ силою, обманомъ, подкупомъ, среди чуждаго полякамъ населенія и въ такомъ надежномъ мѣстѣ, какъ Моабитъ. Въ европейскомъ обществѣ той эпохи были только чуть-чуть замѣтны признаки броженія; что-то такое приготавлилось недоброе, но ожидать вскорѣ какого-нибудь взрыва, которымъ можно было бы воспользоваться для освобожденія заключенныхъ, — казалось весьма рискованнымъ: приговоръ можетъ быть произнесенъ раньше, нежели «централизація» чего-нибудь дождется. Вотъ почему она составила искусный планъ — заискать въ пользу своего дѣла въ либеральномъ мнѣніи европейскаго общества, а введеніе процедуры гласнаго судопроизводства въ прусскомъ королевствѣ, въ маѣ 1847 года, даю «централизацію» отличный способъ для осуществленія такого плана.

По плану «централизаціи», процессъ долженъ былъ строго придерживаться своего политическаго характера, то-есть, откладывая на второй планъ личную защиту каждаго изъ подсудимыхъ; всѣ обвиняемые должны были стремиться не къ отрицанію предполагаемаго ими возстанія, а къ тому, чтобы доказывать

*) См. выше: августъ, 469 стр.

непреступность этого возстанія; не къ оправданію поляковъ въ ихъ «любви къ независимости», а къ обвиненію Пруссіи за ея «посягательство на эту независимость». Кромѣ того процессъ еще долженъ былъ очистить польскихъ «патріотовъ» отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій: съ одной стороны, — въ ультрамонтанскомъ обскурантизмѣ и кастовой отсталости; съ другой стороны, въ коммунизмѣ, демагогіи и панславизмѣ. Европейскимъ либераламъ хотѣли тѣмъ сказать, что если въ Польшѣ гнѣздится «кое-гдѣ» ультрамонтанизмъ и сословная узость, то не въ массѣ населенія, не въ патріотическомъ слогѣ общества, а въ «антинаціональныхъ трущобахъ, которыя, — не меньше прусскаго прокурора, — заботятся объ увѣковѣченіи гробового *statusquo* Польши». «Мнимый же польскій коммунизмъ есть только общая любовь поляковъ къ родинѣ, общее признаніе правъ работника въ общинѣ на обрабатываемую имъ землю». Такимъ же образомъ, обвиненіе въ демагогіи должно было выясняться «разумнымъ стремленіемъ къ равноправной свободѣ гражданъ»; обвиненіе въ панславизмѣ — стремленіемъ польскаго патріотизма къ созданію на Востокѣ «славянской федераціи, какъ барьера Европы и Германіи *противъ Россіи*....»

Такою должна была быть, по мысли «централизаціи», задача берлинскаго процесса, и осуществленіе ея поручалось одному изъ заключенныхъ, именно — Мѣрославскому.

Защита принципа, хотя цѣною личныхъ страданій подсудимаго, была практикована не разъ. Но, очевидно, для этого прежде всего нужна добровольная рѣшимость на такую жертву въ самомъ обвиняемомъ. Судебная практика не разъ имѣла дѣло съ такой силой слѣпного фанатизма. Но можно ли было ожидать единодушнаго самопожертвованія въ сотнѣ слишкомъ арестованныхъ шляхтичей и крестьянъ въ Моабитѣ? На этомъ-то «централизаціи» и обсчиталась.

Шляхта, кромѣ того, не поняла и не довѣряла новой процедурѣ прусскаго суда; не поняла и не видѣла никакой пользы «разбалтывать передъ берлинскими нѣмцами тайники польской совѣсти». Съ другой стороны шляхта не довѣряла новой судебной процедурѣ, считая ее ловушкой: «Выболтаемъ все на судебномъ слѣдствіи, въ виду этой обѣщанной гласности, — говорили они, — а насъ за это потомъ, самымъ келейнымъ образомъ, разсажать по крѣпостямъ на всю жизнь».

Наперекоръ плану, «демократы» проповѣдывали систему полного сознанія, — не столько фактовъ виновности, сколько образа мысли. Такимъ образомъ, явились двѣ категоріи показаній. Одна

шляхетская, раскрывавшая всѣ фактическія стороны организаціи, но выгораживавшая личность, ссылками на обманъ, на ошибку, на незнаніе, молодость, даже глупость; другая, *демократическая*, безусловно откровенная относительно образа мысли, но старательно обходящая факты юридическихъ уликъ. Естественно, задача прусскихъ слѣдователей была крайне облегчена такой двойной системой показаній, взаимно дополнявшихся. Чтобы вынудить у Мѣрославскаго и его друзей полное признаніе, имъ даны были въ руки протоколы шляхетскихъ показаній.

«Единственной моею заботой стало тогда, — говорить Мѣрославскій, — очистить эти сорокъ-четыре протокола отъ излишнихъ изліяній и, при помощи правдоподобныхъ объясненій, сдѣлать даже изъ нихъ аргументы въ пользу защищаемой нами *идеи*». Идея эта, дѣйствительно, обратила на себя вниманіе прусскаго правительства. По порученію властей, извѣстный Александръ Гумбольдтъ имѣлъ свиданіе съ Мѣрославскимъ и, послѣ продолжительной бесѣды, предложилъ ему, отъ имени короля, написать подробный меморандумъ по польскому вопросу, — «спеціально для его величества», — что Мѣрославскій и исполнилъ немедленно. Это привело шляхетскихъ узниковъ въ ужасъ. Мѣрославскаго стали обвинять, ни болѣе ни менѣе, какъ въ измѣнѣ, въ корыстной сдѣлкѣ при посредничествѣ Гумбольдта. Нечего говорить, что меморандумъ этотъ былъ литературнымъ изложеніемъ того, что именно «демократы» хотѣли сказать на судѣ. Впослѣдствіи, за напечатаніе его въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: «*Les Débats entre la Révolution et la Contre-révolution*», Мѣрославскій, уже приговоренный къ смертной казни, подвергся новому процессу.

Между тѣмъ, послѣ безконечныхъ споровъ въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы, — споровъ, на которые ушло все лѣто 1847 года, только одиннадцать абсолютно скомпрометтированныхъ шляхтичей вызвались вынести на себѣ всю опасность не личной, но «національной» защиты. Но и это согласіе было не болѣе, какъ обещаніе. По мѣрѣ приближенія рѣшительной минуты, число охотниковъ пропорціонально уменьшалось и кончилось двумя: Б. Домбровскимъ и Севериномъ Эльжановскимъ. Мѣрославскому пришлось говорить почти одному.

Съ юридической точки зрѣнія, эта его адвокатура была безпримѣрной аномаліей. Большинство обвиняемыхъ, особенно шляхта, давало на судѣ показанія скорѣе въ пользу прокуратуры; меньшинство, особенно крестьяне, больше отмалчивалось. Адвокатъ говорилъ свое. Всѣ роли перепутались на этомъ оригинальномъ процессѣ. Подсудимые выступили истцомъ; королевскій проку-

поръ—ихъ адвокатомъ; судьи—подсудимыми; адвокатъ—обвинительной властью; публика—судей.... По приговору либеральной европейской печати, по этому процессу единственно оправданными вышли—самъ Мѣрославскій и его демократическіе сателлиты; объ уверткахъ мяхты европейская журналистика промолчала съ нескрываемымъ презрѣніемъ; осужденнымъ оказалось... прусское правительство!

Такъ, польской демократіи 1847 года удалось привлечь въ пользу своего дѣла либерализмъ общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ и Америкѣ, и въ самой Германіи.

Пока Мѣрославскій и заключенные съ нимъ въ берлинской тюрьмѣ поляки апеллировали отъ одной инстанціи къ другой, чтобы затянуть дѣло и отдалить минуту грознаго приговора, политическія событія въ Европѣ совершались съ чрезвычайной быстротой. Платоническіе аплодисменты познанскимъ инсургентамъ уступили мѣсто яростной революціи. Послѣ февральскихъ дней въ Парижѣ настали мартовскіе дни Берлина. Освобожденіе Мѣрославскаго и польскихъ «демократовъ» было лозунгомъ нѣмецкой революціонной толпы, гудѣвшей по улицамъ прусской столицы. Поляки становились чуть не героями.

Черезъ семь часовъ по освобожденіи изъ тюрьмы, Мѣрославскій получилъ приглашеніе президента тогдашняго министерства, желавшаго вступить въ переговоры съ осужденнымъ на смерть и насильственно освобожденнымъ узникомъ... Графъ фонъ-Арнимъ, впрочемъ, не выступилъ съ какими-нибудь опредѣленными предложеніями, а скорѣе желалъ узнать только отъ Мѣрославскаго, каковаго рода уступками прусское правительство могло бы обезпечить въ свою пользу нейтралитетъ польскихъ агитаторовъ?

— Вамъ, графъ,—сказалъ Мѣрославскій,— не стоило для этого затруднять себя личной бесѣдой со мною. Требуемыя вами условія представлены мною письменно. Я изложилъ ихъ, по желанію короля, еще до революціи, сидя въ тюрьмѣ. Мнѣ нечего добавлять.

Требованія Мѣрославскаго сводились къ двумъ пунктамъ: 1) чтобы Берлинъ посмотрѣлъ «сквозь пальцы» на воссуженіе Познани; 2) чтобы прусское правительство обязалось къ строгому нейтралитету во все время борьбы поляковъ съ Россіей. Графъ фонъ-Арнимъ не хотѣлъ ничего обѣщать, но выразилъ свое личное сочувствіе этой мысли, обязался представить ее на разсмотрѣніе кабинета министровъ и, наконецъ, высказалъ мнѣніе, что

Познань, получивши свои автономическія права, «можетъ, если захочетъ, — конечно, дѣйствуя осмотрительно и осторожно, — приступить весь этотъ планъ въ исполненіе, безъ серьезной помощи со стороны прусскаго правительства».

Мѣрославскій и фонъ-Аринъ разошлись, — оба одинаково убѣжденные, что между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, — что они не болѣе, какъ два противника, — что каждый изъ нихъ одинаково думаетъ, какъ бы провести другого.

На другой день появился патентъ короля, оетропировавшій автономію Познани. Изъ этого документа Мѣрославскій, по его словамъ, еще болѣе убѣдился, что «прусское правительство обь одномъ думаетъ, какъ бы выиграть время». Отсюда его убѣжденіе, что тѣмъ болѣе серьезными опасностями удастся ему окружить либеральное берлинское министерство, тѣмъ оно «станетъ уступчивѣе, тѣмъ надежнѣе будетъ дѣло польскаго востанія».

Дѣйствуя по этой мысли, Мѣрославскій силится черезъ своихъ друзей превратить похоронную процессію 20-го марта (хоронили уличныя жертвы 18-го марта) въ революціонно-республиканское движеніе противъ династїи Гогенцоллерновъ. Но, какъ выразился онъ самъ, «въ Берлинѣ недостаетъ серьезнаго республиканскаго матеріала, и долго еще будетъ не доставать!» Тогда «демократы» приходятъ въ мысли, что революціонный союзъ польскаго народа съ нѣмцами — не болѣе, какъ «красивая фраза и поэтическая аллегорія». Съ этой минуты они рѣшаются «только эксплуатировать въ пользу своего дѣла» берлинскій уличный хаосъ и затрудненія правительства.

Въ такъ-называемой «Кнејріе polskiej», находившіеся въ Берлинѣ поляки избрали свой революціонный комитетъ, съ официально заявленной цѣлью: «служить посредникомъ между польскимъ и нѣмецкимъ народами», — а неофициально, чтобы поддерживать берлинское уличное броженіе и служить агентствомъ для польской революціонной организаціи. Во главѣ этого комитета, состоявшаго изъ шести членовъ, стали: Мѣрославскій, какъ представитель эмиграціоннаго демократизма, и Либельтъ, — мѣстнаго, познанскаго. Первой заботой членовъ этого комитета, независимо отъ ихъ «берлинской комедїи» было — выслать въ Познань своихъ эмиссаровъ съ точной инструкціей о возобновленіи революціоннаго плана 1846 года, во всей его силѣ. Это были: лжевозстаніе противъ Пруссїи; организаціонныя приготовленія для серьезной войны; разрѣшеніе въ это время крестьянскаго вопроса въ Познани, и, наконецъ, соглашеніе съ Галиціей для одновременной общей атаки нашихъ военныхъ силъ въ царствѣ польскомъ.

Вотъ тѣмъ былъ на дѣлѣ пресловутый союзъ польской революціи съ нѣмцами. Нѣмцы далеко не дружелюбно относились къ польскому сепаратизму, но принимали эту печальную крайность, какъ драгоценную диверсію противъ грознаго Берлина. Поляки, надо думать, были по меньшей мѣрѣ равнодушны къ вопросу объединенія нѣмецкаго отечества; но самое брожение было тѣмъ болѣе имъ на руку.

Еще лживѣе оказался мнимый союзъ познанскихъ олигарховъ съ тою же польской революціей.

IV.

При первомъ извѣстіи о берлинскихъ событіяхъ, познанскіе олигархи столько же могли быть встревожены словомъ *революція*, сколько не безъ удовольствія узнали о затрудненіяхъ прусскаго правительства.

Дѣйствительно, у нихъ были свои счеты; именно—вопросъ экономическій. Поощряемая правительствомъ, на счетъ польскаго элемента, нѣмецкая колонизація въ Познани, насколько вредила магнатамъ нравственно, распатывая ихъ вліяніе въ странѣ, настолько же вредила имъ матеріально. Крупные землевладѣльцы, эксплуатировавшіе безъ соперниковъ земледѣльческую промышленность,—въ особенности винокуреніе, пивоварство и овцеводство,—встрѣтили въ покровительствуемыхъ правительствомъ колонистахъ непріятныхъ и опасныхъ конкурентовъ. Для нихъ, управлявшихъ интересами и общественнымъ мнѣніемъ провинціи, какъ своей вотчины,—эти чужеземные пришельцы, не признававшіе ихъ авторитета, казались обиднымъ и дерзкимъ вызовомъ. Не патріотизмъ, конечно, но матеріальные интересы и кастовыя притязанія,—отчасти и соперничество религіозное,—дѣлали познанскихъ олигарховъ противниками прусскаго королевства. Правда, эта оппозиція никогда не шла далеко, но магнаты, пожалуй, не прочь были бы и отъ полной независимости Польши—только независимости въ ихъ пользу и добытой путемъ дипломатическихъ сдѣлокъ, но не революціонныхъ переворотовъ, которые могли быть вмѣстѣ и экономическими.

Ясно, однако, было, что эпоха 1848 г. менѣе всего соответствовала такого рода желаніямъ; тогда дипломатія наименѣе рѣшала спорные вопросы. Въ 1846 г.,—въ виду изолированной демократической революціи поляковъ, съ одной стороны, и весьма почтенной военной силы прусскаго правительства, съ другой сто-

роны,—познанскіе олигархи могли оставаться равнодушными зрителями борьбы, еслибы до нея дошло. Но въ 1848 г. силы правительства и силы взволнованныхъ народовъ были далеко не равны. Познанскіе магнаты, при такомъ неравенствѣ шансовъ успѣха, угрожаемые полной потерей всѣхъ своихъ привилегій, конечно, охотно помогли бы берлинскому правительству, забывъ свои мелкіе съ нимъ счеты. Къ несчастію, во второй половинѣ марта правительство было крайне безсильно; союзъ съ нимъ могъ быть для польской аристократіи только компрометирующимъ безъ всякой пользы для нихъ ¹⁾. Съ другой стороны, однако, слишкомъ поспѣшный союзъ съ революціей могъ бы еще болѣе компрометтировать и, во всякомъ случаѣ, былъ совершенно антипатиченъ высокому шляхетству. Вѣвѣшивая всѣ данныя,—за и противъ,—познанскіе консерваторы рѣшили дѣйствовать, до поры до времени, не ссорясь открыто, ни съ той, ни съ другой стороной.

Вѣсть о берлинской революціи взволновала населеніе города Познани: 20-е марта было тамъ днемъ общаго движенія. Нѣмцы и евреи ²⁾, страшась національной мести поляковъ, въ ужасѣ бѣжали подъ прикрытіе валовъ познанской цитадели. Центральнымъ пунктомъ народныхъ сборищъ поляковъ былъ такъ-называемый въ Познани *Bazar*, именно домъ Мельжинскихъ. Туда собирались на совѣщаніе всѣ вліятельныя лица провинціи ³⁾. Тамъ же, подъ вліяніемъ неожиданности, подъ впечатлѣніемъ стѣпного восторга, подъ рукоплесканіями и криками толпы, составлялся правительственный комитетъ области.

Комитетъ этотъ былъ мозаикою убѣжденій всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, амальгамою всякаго рода стремленій. Тамъ засѣдали: крикливѣйшій изъ демагоговъ, Краупгоферъ; террористъ коммунизма, Стефанскій; краснорѣчивый беллетристичекъ, «господинъ» Бервинскій; а рядомъ съ ними: делегатъ великопольскаго крестьянства, мрачный Палячъ и ловкій представитель мѣщанъ-ремеслен-

¹⁾ Можно навѣрное сказать, что изъ трехъ правительствъ, раздѣлившихъ Рѣчь Посполитую, наибольшимъ сочувствіемъ касты магнатовъ пользуется—прусское, какъ наиболѣе искренно феодальное. Австрія, предпочтительно, находитъ сочувствіе желаннаго ультра-католическаго шляхетства. Но мы легче и крѣпче нѣмцевъ можемъ сдружились съ Польшею крестьянской. Только, чтобы эти наши друзья стали силой, надо ихъ поднять до высоты созванія.

²⁾ Евреи, эта существенно важная часть населенія Польши, въ Познани и Галиціи стоятъ всегда за нѣмцевъ противъ агитаторовъ; въ одной только нашей Польшѣ они иногда дѣйствовали обратно.

³⁾ Впоследствии, на оставленіи города прусскими властями, мѣстомъ такихъ сборищъ стала „Городская Ратуша“.

никовъ, Анджеевскій. Потворовскій представлялъ тамъ идеалы кальвинскаго патріотизма; Янъ Козмянъ—патріотизма католическаго; Андрей Морачевскій изображалъ демократизмъ шляхты; Крашевскій—ея либерализмъ; Яроховскій—честность безсословную; Гарчинскій—рутину милитаризма; Косинскій—романтизмъ конфедератскихъ партизантовъ; А. Гутры — революціонную эмиграцію; д-ръ Либельтъ—высоты науки и самоотверженія. — Короче, это было одно изъ тѣхъ безобразныхъ соединеній, гдѣ существуютъ всѣ условія для составленія большинства въ пользу всякаго отрицанія, и никакого шанса для сформированія какой бы то ни было положительной мысли. Комитетъ не былъ ни прогрессомъ, ни реакціей, ни революціей, ни консерватизмомъ; онъ былъ отрицаніемъ всего—кто бы и что бы ему ни предложилъ.

Познанскіе олигархи не приняли непосредственно никакого участія, ни въ этихъ сборищахъ, ни въ этомъ комитетѣ. Единственнымъ, и то далеко не откровеннымъ, на первыхъ порахъ, представителемъ ихъ былъ Матвѣй Мельжинскій. Сначала, это былъ даже одинъ изъ самыхъ скромныхъ членовъ комитета. Въ потокѣ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ предложеній, Мельжинскій одинъ ничего не предлагалъ, довольствуясь возбужденіемъ сомнѣнія, а затѣмъ, сформулированіемъ отрицанія противъ всего, что бы ни предлагалось. Дѣйствительно, это была единственная политика, каковой держались польскіе олигархи въ первые дни познанскихъ волненій: политика выжиданія и парализованія всякаго опредѣленнаго движенія.

Задачей «высокаго шляхетства» далеко, однако, не было поспѣшное умиротвореніе польской провинціи королевства прусскаго. Дѣйствуя по пословицѣ: «нѣтъ худа безъ добра», магнаты хотѣли извлечь пользу даже изъ этихъ весьма нелѣпыхъ безпорядковъ. Оправившись отъ удара и обезопасивъ себя со стороны мѣстной революціи, олигархи, дѣлая видъ будто они дѣйствуютъ заодно народомъ, поспѣшили, пользуясь минутой, покончить свои счеты съ прусскимъ правительствомъ.

Составъ пестраго комитета былъ самой выгодной комбинаціей, какую только можно было придумать въ пользу ихъ дѣла и въ видахъ ихъ задачи. Мельжинскій внесъ въ комитетъ предложеніе о посылкѣ депутаціи къ королю, «чтобы добиться немедленнаго осуществленія мѣстной автономіи, обѣщанной патентомъ 18 марта». Революціонные и анархическіе отѣнки комитета попробовали было возражать противъ таковаго «палліатива, компрометирующаго польскую революцію». Но Мельжинскій отразилъ эту попытку сопротивленія ссылкой на революціонный же планъ «Демократи-

ческаго Общества». Развѣ,— говорилъ онъ,— выигрышъ времени въ пользу военной организаціи (для задуманнаго нападенія на Россію) не былъ существенной стороною этого плана? Добиваться автономическихъ уступокъ путемъ конституціоннымъ, по словамъ уполномоченнаго олигархіи, значило — «вводить въ заблужденіе прусское правительство», и вмѣстѣ съ тѣмъ «принести самую существенную услугу дѣлу народной революціи». Мысль о посылѣ этой депутаціи была принята большинствомъ, и во главѣ этого quasi-законнаго посольства сталъ самъ архіепископъ.

Задача польской депутаціи въ Берлинѣ состояла въ томъ же, что и задача познанскаго комитета. По отношенію къ прусскому правительству, это была безоружная и безобидная манифестація призрачной народной силы, чтобы вынудить уступку полной автономіи, т.-е. перенести власть короля въ Познани на олигарховъ этой области. Въ то же время, это былъ весьма существенный подкостъ подъ революцію.

Мы увидимъ впоследствии, что эта погоня за двумя зайцами,— любимая, впрочемъ, охота польской шляхты, привела олигарховъ, какъ и всегда, только къ двустороннему поражению. Именно,— шляхта, давъ прусскому королевству средство вѣрнѣе и легче побѣдить революцію, въ то же время вынудила правительство, для полного успокоенія завоеванной провинціи, относительно улучшить бытъ крестьянъ, конечно, на счетъ двуличной же олигархіи.

Прибывши въ Берлинъ, депутація, неуклонно преслѣдуя свою двойную цѣль, прежде еще аудіенціи у короля, не преминула войти въ сношенія съ польскимъ революціоннымъ комитетомъ. Члены депутаціи успокоивали революціонеровъ тѣми же теоріями, какими Мельжинскій усыпилъ оппозицію познанскаго комитета. «Эти легальные переговоры только комедія, только ширма, чтобы тѣмъ удобнѣе закрыть передъ врагомъ приготовленія къ серьезной національной драмѣ». Къ тому еще члены депутаціи, кромѣ своей нравственной силы, какъ легальные представители страны, были численно въ большинствѣ, по сравненію съ революціоннымъ комитетомъ въ Берлинѣ. Рѣшено было, что двѣ эти фракціи инсургентныхъ представителей Познани сольются въ одно подъ именемъ такъ-называемаго «Общаго собранія поляковъ». Въ сущности, это было только фиктивное соединеніе двухъ элементовъ, дѣйствовавшихъ каждый вполнѣ самостоятельно.

«Представители шляхты, — говоритъ Мѣрославскій, — добивались своихъ провинціально-конституціонныхъ привилегій своими собственнымъ умомъ (*własnym sprytem*) и собственными средствами; въ то же время, наше революціонное меньшинство

дѣлало свое и *по-своему*, безъ особенныхъ споровъ и препира-
тельствъ».

Это двойное представительство Познани въ Берлинѣ, догово-
ривавшееся съ одной стороны *консервативно*, съ прусскимъ пра-
вительствомъ, съ другой стороны — *революціонно* съ нѣмецкимъ
народомъ, похоже на современное представительство французской
республики въ Римѣ, гдѣ изъ двухъ посланниковъ того же пра-
вительства одинъ поощряетъ министровъ Виктора-Эммануила, а
другой успокаиваетъ кардиналовъ Пія IX.

Что эта двуличность входила въ программу польскихъ оли-
гарховъ и казалась тогда имъ самой остроумной системой, это
мы уже сказали. Но, что могло вынудить Мѣрославскаго и его
друзей пойти тою же самой дорогою?

Задачей революціоннаго комитета было, какъ мы говорили,
всестороннее возобновленіе плана возстанія 1846 года. Но для
этого требовалось, во-первыхъ, время; во-вторыхъ — деньги; въ-
третьихъ — оружіе.

Времени Мѣрославскому требовалось по меньшей мѣрѣ два
мѣсяца, не столько для собственно военной организаціи въ По-
знани, сколько для поднятія Галиціи, сильно потрясенной и ис-
пуганной ужасами *шелевской бойни*. «Бросать же познанское
ополченіе на царство польское безъ содѣйствія Галиціи, — гово-
рилъ Мѣрославскій, — значило бы повторять тактику при Остро-
ленкѣ и Шавляхъ, — растрчивать силы арміи въ донѣ-вихотскомъ
единоборствѣ». А для выигрыша времени, столько же нужнаго
революціонерамъ, сколько оно было нужно прусскому правитель-
ству и сколько оно казалось нужнымъ польской шляхтѣ, — пере-
говоры этой послѣдней съ берлинскимъ правительствомъ были
отличнымъ случаемъ.

Въ то же время, это фиктивное соглашеніе демократіи съ
консерваторами давало революціонной организаціи мирный до-
ступъ къ карманамъ зажиточной шляхты. Наконецъ, выигрывая
время и деньги, революціонеры надѣялись этимъ же путемъ по-
полнить свои арсеналы, до сихъ поръ лишенные всякаго оружія.
Если прежде оружейники Бельгіи, Англіи и самого Берлина отка-
зали бы въ кредитъ революціонной организаціи эмиграціон-
ныхъ «генераловъ», то теперь они сами охотно предлагали по-
добный кредитъ властямъ автономической Познани; тѣмъ болѣе,
что патентъ короля, предоставляя великому герцогству познан-
скому организацію самостоятельной польской дивизіи, тѣмъ самымъ

давать возможность, подъ предлогомъ такой организаціи, скупать оружіе хоть на десять армій.

«Была почва,—говорить Мѣрославскій съ полной откровенностью,—на которой мы сходились съ самыми крайними консерваторами; почвой этой было наше общее рѣшеніе захватить откуда ни попало и безъ разбора всякаго рода военные припасы, торопясь, пока насъ всѣхъ не накроетъ прусская реакція. Но что касается до патріотическихъ заявленій нашихъ патриціевъ, будто бы этотъ разъ шляхта поставитъ на карту, не передергивая (sic!), послѣдняго кучера и послѣдній талеръ,—этому я ни на минуту не вѣрилъ послѣ опыта 1846 года».

Такъ началась двойная игра взаимнаго обмана. Пока агенты Мѣрославскаго силились, незамѣтно для близорукаго комитета, ввести въ устройствѣ автономической провинціи свои революціонныя начала; пока другіе, закрываясь мнимымъ соглашеніемъ познанской шляхты съ демократіей, пробовали вызвать восстаніе въ Галиціи; въ это же время, шляхта въ инструкціяхъ М. Мельжинскому разсуждала такимъ образомъ: «Пускай намъ этотъ шалопай (trzyptot),—говорили они про Мѣрославскаго,—ставить отряды, вызываетъ манифестаціи; тѣмъ легче и тѣмъ больше мы выторгуемъ въ Берлинѣ за этими ширмами косъ и баррикадъ. Кто искренно желаетъ мира, тотъ долженъ дѣлать видъ, что готовъ къ войнѣ!»

Но если вожди партій, какъ Хлоповскій и Мѣрославскій, понимали значеніе этой игры въ прятки, то большинство приверженцевъ того и другого лагеря было искренно введено въ заблужденіе. Безъ этого объясненія трудно дать себѣ отчетъ въ слѣдующемъ фактѣ.

Коммиссары блѣднаго познанскаго комитета, по большей части миролюбивѣйшіе шляхтичи, мѣстные помѣщики, безропотно исполнявшіе предначертанія Хлоповскаго, всего болѣе ненавидѣвшіе революціи, стали теперь ревностнѣйшими помощниками Мѣрославскаго. Можно сказать, что они перещеголяли самихъ эмигрантовъ въ усердіи, съ какимъ вызывались ими народныя манифестаціи, наполняли военныя кассы, скупалось оружіе и пр.

Съ другой стороны, приверженцы демократіи, преимущественно изъ мѣстныхъ жителей, но влючительно до самыхъ крайнихъ демагоговъ, точно также искренно повѣрили, что демократія въ сущности теперь ничего больше не желаетъ, какъ автономіи Познани. Несомнѣнно, что, въ свою очередь, они опять перещеголяли самихъ магнатовъ, добиваясь петиціями къ королю мелоч-

ныхъ даже льготъ, для одного только удовольствія — договариваться съ берлинскими министрами!

Что касается до главнаго обсервационнаго пункта, то каждая изъ двухъ фракцій имѣла свой. Для консерваторовъ такимъ пунктомъ былъ Берлинъ; самую же познанскую область они, навремя, почти радостно уступили революціи: чѣмъ шумнѣе были тамъ демонстраціи, тѣмъ имъ вѣрнѣе казался успѣхъ ихъ дипломатическаго плана. Обратно, для демократовъ существенно важнымъ пунктомъ была Познань, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Мѣрославскій по собственному опыту убѣдился въ крайней несостоятельности берлинской революціи. Такимъ образомъ, представивъ Берлинъ интригамъ олигархіи и досужему фиглярству демагоговъ, Мѣрославскій самъ поспѣшилъ въ Познань. Наконецъ, познанскій комитетъ занялъ роль центра въ этомъ олигархodemократическомъ хаосѣ. Двѣ наиболѣе выдающіяся личности этого собранія, Матвѣй Мельжинскій и Карлъ Либельтъ, вполне характеризуютъ составъ комитета.

До 1848 г., популярность имени Мельжинскаго не шла дальше своего околотка. Хлоповскій считался главою шляхетскаго консерватизма Познани, Эдуардъ Рачинскій — первосвященникомъ, а Марцинковскій — шляхетскимъ политико-экономомъ. Но съ 1848 г., министромъ, канцлеромъ и представителемъ шляхетской мудрости, ловкости и экономіи, — сталъ Мельжинскій, бывшій адъютантъ генерала Хлоповскаго въ возстаніи 1830—31 годовъ: человекъ ловкій, проныра и самый неразборчивый и незабывчивый интриганъ.

Антагонистомъ его былъ Либельтъ, человекъ большой учености, самой строгой честности, но крайней мягкости характера. Послѣ Лелевеля, онъ былъ самымъ популярнымъ человекомъ въ средѣ польской демократіи. Условливаясь относительно назначеннаго (на 21-е февраля 1846 г.) возстанія, демократы настояли (въ Краковѣ), чтобы именно Либельту было поручено председательство въ революціонномъ правительствѣ. Но именно это обстоятельство, группируя въ комитетъ вокругъ Либельта всѣ либеральные отгѣнки этого собранія, дѣлало его, въ то же время, главной мишенью всѣхъ олигархическихъ интригъ.

Либельтъ, однако, владѣлъ достаточной дозой практическаго смысла, чтобы не дать втянуть себя непосредственно въ сѣти консерваторовъ. Поэтому фракція Мельжинскаго удерживала его въ комитетѣ только на время, выставяя его имя, какъ выѣску, какъ-бы громоотводъ противъ народной недовѣрчивости; но лишь прошелъ моментъ первыхъ, самыхъ страстныхъ волненій, Мель-

жискій благовидно отослать ученаго «демократа», въ качествѣ члена познанской депутаціи, въ Берлинъ. «Централизація», однако, поняла это и тотчасъ выслала Мѣрославскаго на смѣну Либельту въ Познань.

Такимъ образомъ, въ Берлинѣ познанская депутація официально выставила Либельта, какъ своего главу, — передъ берлинскими революціонерами, а архіепископа — передъ королемъ; но душою этой дипломатической интриги былъ самъ Хлоповскій. Точно также, въ Познани, — для народа, руководителемъ организаціи возстанія назначался Мѣрославскій, — для прусскихъ же властей, душою «вооруженной демонстраціи» былъ Матвій Мельжискій.

Въ итогѣ, въ данную минуту, силы революціи и контръ-революціи въ Познани вполнѣ уравнивались. Весь вопросъ сводился къ тому, — кто одержитъ первый успѣхъ: дипломатія олигарховъ, или революція демократовъ? Тогда, смотря по результату этой подземной борьбы двухъ мнимыхъ союзниковъ, комитетъ выразилъ бы собою характеръ или революціоннаго центра, или реакціи.

Прусскому правительству короля Вильгельма IV, безспорно, принадлежитъ честь полного уясненія себѣ этого положенія дѣлъ въ Познани. Правительство, ни минуты не колеблясь, поспѣшило своимъ широкимъ согласіемъ на требованія іезуитско-олигархической фракціи поразить самымъ существеннымъ образомъ революцію. И дѣйствительно санкція короля, повидимому, какъ-бы составлявшая апогею революціи, въ дѣйствительности была началомъ ея паденія.

V.

Съ признаніемъ требованій польской депутаціи, хотя еще только въ принципѣ, роль «дипломатовъ» въ Берлинѣ была окончена. Въ настоящую минуту все вниманіе, какъ революціи, такъ и консерваторовъ сосредоточилось на самой Познанской области.

Изъ всѣхъ распоряженій комитета самымъ важнымъ и существеннымъ была замѣна нѣмецкой администраціи — польскою, прусскихъ ландратовъ — польскими комиссарами. Это распоряженіе было приведено въ исполненіе по всей области, гдѣ только остатки прусскихъ войскъ силой не поддерживали своихъ администраторовъ; но и тамъ власть послѣднихъ оставалась только номинальной, а въ дѣйствительности все населеніе подчинилось комитету. Такимъ образомъ, Познань въ теченіи шести недѣль со-

вершенно была въ рукахъ польской администраціи. Нѣмцы и евреи, въ страхѣ и неизвѣстности за будущее, если и не охотно, то все-таки исполняли всѣ требованія комиссаровъ; польское же населеніе, особенно мѣщане и мелкая шляхта, изъ ненависти къ нѣмцамъ, готовы были на все по первому требованію комиссаровъ.

До сихъ поръ, однако, требованіе это, независимо отъ сбора податей, выразилось исключительно въ созываніи, такъ-называемыхъ, *манифестацій*, особенно въ первые три дня, съ 20-го по 23-е марта, т.-е. народъ изъ самыхъ отдаленныхъ селъ ежедневно собирался въ города, гдѣ производились шумныя процессіи, пѣніе національных гимновъ, говорились рѣчи, дышавшія ненавистью къ нѣмцамъ, и тому подобныя безцѣльныя заявленія народнаго чувства.

Центромъ такихъ манифестацій была сама Познань. Туда стекалось ежедневно до тридцати тысячъ крестьянъ, обыкновенно вооруженныхъ топорами и косами, и ждавшихъ, что вотъ-вотъ комитетъ отъ нихъ чего-то потребуетъ... Но комитетъ ничего не требовалъ, а довольствовался ихъ пѣніемъ. Напрасно агенты демократіи умоляли комитетъ повести эту сѣрую фалангу на познанскую цитадель, — взятіе которой въ эту минуту, дѣйствительно, не представляло особенной трудности, какъ по малочисленности гарнизона, такъ и по недостатку средствъ обороны. Казалось, что взятіе этой крѣпости, державшей судьбы всей области подъ перекрестнымъ огнемъ своихъ орудій, сильно предвѣшало революціонный вопросъ въ отношеніи стратегическомъ. Но Мельжинскій, тогда уже хозяинъ комитета, воспротивился этой «ненужной и опасной выходкѣ». По его мнѣнію, взятіе цитадели всегда было возможно; но взятіе преждевременное, компрометируя дипломатическіе переговоры въ Берлинѣ, существенно вредило военной организаціи области, «преждевременно открывая глаза берлинскому правительству». Между тѣмъ, численность гарнизона и оборонительныя средства цитадели съ каждымъ днемъ замѣтно пополнялись, шансы приступа съ холоднымъ оружіемъ съ каждымъ днемъ убавлялись, и къ концу марта взятіе цитадели стало возможно только правильной и продолжительной осадой.

Также напрасно агенты демократіи добивались поголовнаго вооруженія народа. Тутъ ужъ доводы Мельжинскаго, — все также боявшагося компрометтировать польскую дипломатію, — были мало убѣдительны. Демократы предлагали уловку, именно — созвать національную гвардію (*Straż bezpieczeństwa*), какъ будто для охраны имущихъ гражданъ противъ безначалія толпы... Но у Мельжинскаго и на этотъ случай былъ аргументъ, — именно недостатокъ

оружія. Правда, что это было только недостаткомъ, а не совершенное отсутствіе. Но «патріотамъ» говорили, что эти скудные запасы хранятся, какъ сокровище для *будущей* настоящей арміи. Дать же оружіе въ руки невѣжественной и безконтрольной толпы, значило—давать его на неминуемую порчу, безъ цѣли и пользы...

Тѣмъ не менѣе, псевдо-организация шла своимъ путемъ, хотя больше на бумагѣ. Способные носить оружіе были сгруппированы во многихъ пунктахъ области, гдѣ мѣстные граждане, изъ военныхъ, мирно обучали ихъ военному искусству, положивъ волонтерамъ, вмѣсто ружья, палку на плечо, словно готовили рекрутовъ для арміи мирнаго времени.

Такое было положеніе дѣлъ въ Познани, когда, 28-го марта, пріѣхалъ туда Мѣрославскій. О штурмѣ цитадели не могло быть уже и помину; оружіемъ были не бельгійскіе карабины и американскіе штуцера, а тѣ же традиціонныя косы и топоры, а солдатами—разношерстная горсть тѣхъ изъ мѣщанъ и крестьянъ, которые еще не успѣли разбѣжаться по домамъ при видѣ такого страннаго образа дѣйствія. Короче, Мѣрославскій, по его словамъ, убѣдился, что «въ одномъ только Берлинѣ ошибались на счетъ познанской революціи. Это была революціонная тайна на выворотъ,—пошлая мистификація, нелѣпая мечта—надуть такое практическое правительство, какъ прусское, однимъ призракомъ возстанія!»

Но, несмотря на все это, Мѣрославскій, ревностный исполнитель предначертаній своей «централизаціи», принялся усердно за устройство военно-революціонныхъ силъ изъ того, что у него было подъ рукой. Вся эта мнимая военная организация выражалась тогда группами крестьянъ и охотниковъ, разбѣянныхъ по уѣздамъ. Во главѣ этихъ безоружныхъ группъ стояли, такъ-называемые, *коменданты*—т.-е. зажиточнѣйшіе и вліятельнѣйшіе изъ помѣщиковъ уѣзда. Маленькіе паши своего околотка, къ тому же «санкціонированные» въ званіи дипломами комитета, они были полновластными вождями своихъ группъ; взаимно независимы, они не хотѣли признавать никакой власти, кромѣ комитета.

Менѣе всѣхъ на такое признаніе могъ претендовать Мѣрославскій,—молодой человѣкъ, совершенно чужой въ странѣ, эмигрантъ, и тогда еще извѣстный только одной своей дерзкой рѣчью въ берлинскомъ судѣ. Естественно, что этого рода популярность трудно доходила не только до крестьянъ, но даже и до грамотныхъ людей изъ поляковъ. Мѣрославскій могъ рассчитывать развѣ на сочувствіе ограниченнаго числа читающихъ газеты. Дѣйствительно, городское населеніе Познани встрѣтило его восторженно,

при кривахъ, перешедшихъ изъ Берлина въ Познань: «да здравствуетъ воскресшій!»

И такой популярности, впрочемъ, уже было достаточно, чтобы заставить комитетъ съ нимъ считаться, хоть до известной степени. По его требованію, комитетъ выдѣлилъ изъ своей среды, такъ называемое «военное отдѣленіе» — родъ министерства. Мѣрославскій былъ назначенъ президентомъ этой комиссіи, и немедленно принялся за осуществленіе своего военнаго плана. Можетъ показаться страннымъ, — какъ было приниматься за какой бы то ни было военный планъ при полномъ отсутствіи всякихъ военныхъ силъ и матеріаловъ. Но это одна изъ характеристическихъ особенностей Мѣрославскаго. Онъ рассчитывалъ создать эти силы при первомъ «личномъ прикосновеніи къ крестьянскому элементу». Пока же заботой его было разставить разбѣянные по уѣздамъ группы ополченцевъ въ известномъ стратегическомъ порядкѣ.

Мы знаемъ, что всѣ его стратегическія соображенія вели къ осуществленію того же революціоннаго плана 1846 г. Такимъ образомъ, заботой *военнаго отдѣленія* было сосредоточить хотя еще безоружныхъ ополченцевъ, въ видахъ предстоящаго вторженія въ царство польское. Въ официальныхъ актахъ мы находимъ первое этого рода распоряженіе Мѣрославскаго, помѣченное 3-мъ апрѣля, и приводимъ его цѣликомъ для образца:

«Президентъ военнаго отдѣленія организаторамъ уѣздовъ. (*Циркуляръ*)».

«Гражданинъ! Съ полученіемъ настоящаго, ты соберешь всѣ малые отряды въ одинъ центральный пунктъ твоего уѣзда, обезпечивъ ихъ провіантомъ и будешь держать готовыми — въ ожиданіи приказанія, которое тебѣ укажетъ мѣсто, гдѣ соберутся въ одинъ общій лагерь всѣ народныя силы. Еслибы, случайно, такое приказаніе не было получено тобою ранѣе четверга, 6-го апрѣля, тогда, не ожидая больше, ты самъ съ своимъ отрядомъ выступишь — куда слѣдуетъ, по мысли слѣдующей диллокаціи: — коменданты сѣверныхъ уѣздовъ поведутъ свои отряды въ Вржесню; западныхъ — въ Ксіонджъ; южныхъ — въ Плешевъ. Поэтому коменданты Вржесни, Плешева и Ксіонджа предпочтительно займутся заготовленіемъ провіанта. Начальниками же соединенныхъ частей назначаются: въ Вржесни — гражданинъ Гарчинскій, въ Плешевъ — гражданинъ Бялоскурскій, въ Ксіонджъ — гражданинъ Будвишевскій.

„Познань, 3-го апрѣля 1848 года.

«Подписано: Людвигъ Мѣрославскій.

«Скрѣпилъ: Александръ Гутры».

Здѣсь мѣсто припомнить себѣ географическое положеніе Познанской области. Область эта пересѣкается, въ видѣ буквы Z, рѣкою Вартою. Центральный пунктъ провинціи, городъ Познань, лежитъ посерединѣ главной линіи, соединяющей два колѣна: сѣверное, уходящее въ Пруссію, и южное, выходящее изъ царства польскаго. Ксіонджъ лежитъ почти на точкѣ соединенія южнаго колѣна съ главной линіей; Вржесня (Wreschen)—на сѣверъ отъ южнаго колѣна, Плешевъ на югъ. Оба эти послѣдніе пункта лежатъ на разстояніи 15—30 верстъ отъ нашей границы. Очевидно, это были два стратегическіе пункта, откуда предполагалось направить вторженіе въ царство польское, именно, отъ Вржесни на Конинъ, отъ Плешева на Калишъ. Лагерь же подъ Ксіонджомъ, въ видахъ этой стратегической комбинаціи, назначался какъ арріергардъ; но въ то же время, въ случаѣ атаки пруссаковъ, что и случилось, этотъ лагерь былъ авангардомъ польской революціонной арміи, специально въ случаѣ нападенія со стороны Силезіи.

Затѣмъ, мы читаемъ въ дополнительномъ приказѣ слѣдующаго дня распоряженіе, ясно обнаруживающее этотъ планъ. «Военное отдѣленіе» раздѣляетъ способныхъ носить оружіе гражданъ не по возрасту, а по спеціальнымъ условіямъ; именно: «Первый наборъ, сказано въ приказѣ Мѣрославскаго, составляютъ люди, готовые въ выступленію въ походъ и, хотя элементарно, обученные военному искусству». Во-вторыхъ, Ксіонджъ назначался «центромъ всѣхъ военныхъ силъ главной арміи, готовой въ походъ — правымъ или лѣвымъ берегомъ Варты». Въ то же время, ксіонджскому коменданту поручалось поставить на сѣверъ отъ этого мѣстечка укрѣпленный лагерь, а самое мѣстечко баррикадировать, очевидно, въ предвидѣніи прусской атаки. «Коменданту Будзисhevскому, — сказано наконецъ въ томъ же приказѣ, — подъ самой суровой отвѣтственностью поручается прусскихъ войскъ не затрогивать и не давать предлога для столкновенія, но всякое съ ихъ стороны нападеніе принять и до послѣднихъ силъ отстаивать свою позицію. При этомъ извѣщаю коменданта и его подчиненныхъ, что прусскія войска имѣютъ секретную инструкцію избѣгать боя, на нѣкоторое время; что, поэтому, только тѣ изъ нашихъ отрядовъ будутъ обезоружены, которые, испугавшись угрозы прусскихъ офицеровъ, сами добровольно сложатъ оружіе».

Въ это же время Мѣрославскій ставилъ четвертый лагерь въ Сродвѣ, подъ начальствомъ Бржетанскаго, родъ авангарда, долженствовавшаго прикрывать Вржесню и Ксіонджъ со стороны Познани. Такъ образовался родъ подвижного четырехугольника,

четыре лагеря по обоимъ берегамъ Варты: Вржесня и Срода на правомъ берегу, Плешевъ и Ксионджъ на лѣвомъ. Тогда же еще польскимъ инженерамъ было поручено заняться сооруженіемъ переправъ на Вартѣ, чтобы доставить легкую переправу революціоннымъ войскамъ для сосредоточенія всѣхъ силъ, смотря по надобности, на томъ или другомъ берегу рѣки.

Пока исполнялись здѣсь, съ большей или меньшей точностью, всѣ эти приказанія военнаго отдѣленія, самъ Мѣрославскій, оставаясь въ Познани, воевалъ съ комитетомъ, добывая оружія и отсылая немедленно эту добычу въ лагерь. Наконецъ, въ ночь съ 6-го на 7-е апрѣля, было исполнено описанное нами передвиженіе революціонныхъ силъ, и къ утру 7-го апрѣля, среди общаго изумленія, явились названные нами четыре лагеря, какъ укрепленные и защищаемые на половину вооруженными людьми.

Но тутъ именно оканчивается мнимый союзъ консервативнаго шляхетства съ революціонными демократами; падаетъ маска братскаго единства и настаетъ полный разрывъ.

VI.

Къ этому именно времени прусскій кабинетъ окончилъ свои переговоры съ познанской депутаціей, какъ извѣстно, принявъ всѣ требованія іезуитовъ и олигарховъ. Оставалось только примѣнить на мѣстѣ дарованныя области автономическія права. Съ этой цѣлью правительствомъ были посланы въ Познань два лица, — Бауэрманнъ, въ качествѣ правителя провинціи, и Виллисень, какъ чрезвычайный и полномочный комиссаръ.

Для Познани, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, и особенно для вождей революціи, существенно важной была личность послѣдняго.

Генералъ Виллисень былъ самый общительный и самый обязательный изъ офицеровъ прусской арміи; къ тому же это былъ самый искренно либеральный человѣкъ своей эпохи, но, къ несчастью, это былъ человѣкъ слабаго характера и нерѣшительный. Желая угодить всѣмъ, прусскимъ министрамъ и польскимъ магнатамъ, и революціоннымъ организаторамъ и нѣмцево-еврейскому населенію Познани, — онъ только усилилъ хаосъ и безъ того крайне натянутыхъ взаимныхъ отношеній.

Мѣрославскій, угадывая, что этотъ дипломатическій отвѣтъ

Пруссія познанскимъ депутатамъ, въ сущности, роковымъ образомъ долженъ быть направленъ противъ революціонной организаціи, сгнѣшилъ отпарировать ударъ. Мы находимъ въ дневномъ приказѣ «военнаго отдѣленія», отъ 7-го апрѣля, распоряженіе болѣе дипломатическаго, чѣмъ военнаго характера. Въ немъ Мѣрославскій внушаетъ комендантамъ, чтобы они въ своихъ официальныхъ рапортахъ изложили Виллисену три слѣдующія положенія:

1) Поляки не сомнѣваются ни въ искренности, ни въ благонамѣренности генерала Виллисена; но они гораздо менѣе увѣрены относительно искренности познанскаго правленія. Поэтому, вооруженныя силы народа ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть мирно распущены, пока не будетъ приведенъ въ исполненіе патентъ короля объ организаціи національныхъ войскъ въ Познани, и приведенъ въ исполненіе до такой степени, чтобы не оставалось мѣсто сомнѣнію относительно искренности намѣреній прусскаго правительства.

2) Обезоруженіе нынѣ собранныхъ народныхъ *массъ* (sic!) не можетъ произойти безъ крайней опасности, какъ для настоящихъ предводителей этого движенія, такъ особенно для нѣмецкихъ чиновниковъ, противъ которыхъ обратилось бы негодованіе и отчаяніе распущенныхъ по домамъ народныхъ *массъ*.

3) Наконецъ, если проектъ реорганизаціи области дѣйствительно искрененъ и чуждъ заднихъ мыслей, то нѣтъ ничего легче, какъ исключивъ изъ отрядовъ, нынѣ расположенныхъ на *боевой позиціи*, однихъ неспособныхъ къ ношенію оружія и подлежащихъ военной службѣ, самые отряды обратить въ національную армію.

Въ этой инструкціи явно обнаруживается мысль Мѣрославскаго: добиться, хотя бы при помощи прусской администраціи, вооруженія сколько-нибудь серьезной военной силы для любимой его фантазіи — войны съ Россіей; съ другой стороны, испугать пруссаковъ призракомъ «вооруженныхъ народныхъ массъ» и, хоть обманомъ, вынудить правительство къ уступкамъ революціи, какъ уступило оно автономистамъ. Въ дѣйствительности, страханіе массами не могло быть названо серьезнымъ. Мѣрославскій лучше всѣхъ членовъ комитета знаетъ, какъ ничтожны и бессильны эти горсти волонтеровъ, выдаваемыхъ за грозныя массы. Вернувшійся наканунѣ только изъ лагеря подъ Сродой, Либельтъ съ ужасомъ описывалъ крайне печальное состояніе этого импровизованнаго войска. Либельтъ уговаривалъ даже Мѣрославскаго отказаться на время отъ самой мысли возстанія, какъ отъ без-

цѣльнаго кровопролитія. Но Мѣрославскій упрямо отстаивалъ свое рѣшеніе. Онъ смотрѣлъ на эти четыре лагеря не какъ на войско, но какъ на кадры будущей народной арміи. Армію же эту онъ надѣялся создать, при помощи этихъ зачатковъ, первымъ краснорѣчивымъ воззваніемъ къ патріотизму народа. Для этого именно, съ прїѣздомъ въ Познань Виллисена, считая свое дальнѣйшее пребываніе въ этомъ городѣ совершенно бесполезнымъ, онъ рѣшился окончательно переѣхать въ лагерь.

Мѣрославскаго безпокоило одно только обстоятельство, въ какой роли явится онъ посреди незнающихъ его вовсе крестьянъ и волонтеровъ, и особенно среди предубѣжденныхъ противъ него комендантовъ? Поэтому, дѣлая членамъ комитета прощальный визитъ, онъ потребовалъ отъ нихъ officialнаго документа, утверждающаго его въ званіи главнаго начальника вооруженныхъ силъ области. Но для шляхетскихъ членовъ комитета прїѣздъ Виллисена въ Познань былъ также фактомъ, свидѣтельствовавшимъ о полномъ соглашеніи ихъ депутаціи съ королевскимъ правительствомъ. Опасная «комедія возстанія» была больше не нужна, присутствіе Мѣрославскаго въ лагерѣ болѣе, чѣмъ излишне. Но комитетъ, однако, не прочь былъ удалить его изъ города на время предстоявшихъ переговоровъ съ королевскимъ комиссаромъ; но удалить, конечно, не въ роли главнокомандующаго крестьянскимъ ополченіемъ. Въ дипломѣ Мѣрославскому комитетъ отказалъ наотрѣзъ.

Напрасно Мѣрославскій увѣрялъ консерваторовъ, что этотъ дипломъ не столько нуженъ для него, сколько для безопасности самого комитета. Матвій Мельжинскій, теперь уже чувствуя себя полнымъ побѣдителемъ, сказалъ ему напрямикъ:

— Или вы, дѣйствительно, избранникъ народа, тогда вамъ не для чего требовать нашего патента; или же это избранничество — не болѣе, какъ ошибка: тогда намъ, въ свою очередь, не придется поддерживать это заблужденіе.

Мѣрославскій уѣхалъ въ лагерь, весьма недружелюбно разставшись съ членами комитета и безъ всякаго опредѣленнаго назначенія. На третій день по прїѣздѣ въ лагерь, 10-го апрѣля, Мѣрославскій получилъ дружески-офиціозное предостереженіе, что ополченскому лагерю подъ Сродой угрожаетъ атака прусскихъ войскъ. Одновременно, Либельтъ извѣстилъ его, что комитетъ окончилъ переговоры и пришелъ къ полному согласію съ королевскимъ комиссаромъ.

Дѣйствительно, немедленно послѣ отъѣзда Мѣрославскаго изъ Познани, «шляхетская партія» комитета приступила къ перегово-

ворамъ съ генераломъ Виллисеномъ. Для этой спеціальной цѣли комитетъ избралъ такъ-называемую реорганизаціонную комиссію. Составъ ея былъ слѣдующій: познанскій архіепископъ Бродовскій, Грегоръ, Крашевскій, Потворовскій, Л. Шуманъ, есендъзъ Прусиновскій, крестьянинъ Матвѣй Палачъ, Либельтъ и самъ Мельжинскій. Переговоры велись съ поспѣшностью, такъ какъ, очевидно, и правительству, и шляхтѣ недосугъ было выжидать, пока Мѣрославскій кончитъ свои военные приготовленія. Въ два дня (9-е и 10-е апрѣля) договаривающіяся стороны порѣшили всѣ недоразумѣнія и подписали актъ согласія.

Въ принципѣ, это была весьма почтенная автономія области, съ перспективой—въ неопредѣленномъ будущемъ—цѣлой дивизіи національныхъ войскъ. Пока же, какъ единственная уступка со стороны комитета, было принято имъ обязательство: распустить по домамъ революціонныя ополченія, сгруппированныя надъ Вартой. Оставалось для этого соглашенія — добиться признанія со стороны тѣхъ именно, которыхъ предполагалось обезоружить. Въ согласіи комендантовъ комитетъ не могъ сомнѣваться; но для согласія самихъ ополченцевъ, какъ Виллисену, такъ и комитету, нуженъ былъ голосъ Мѣрославскаго, хотя онъ не имѣлъ никакого официальнаго званія, и, не будучи уроженцемъ познанской провинціи, былъ поэтому иностранцемъ въ королевствѣ прусскомъ, и еще иностранцемъ, приговореннымъ въ Берлинѣ по суду, за преступленіе, къ смертной казни.

Для снисканія этой странной санкціи, генералъ Виллисентъ и делегаты комитета пригласили Мѣрославскаго на совѣщаніе въ Ярославецъ. Этому именно приглашенію и предпослано было дружеское сообщеніе генерала Виллисена о возможности нападенія пруссаковъ на Сродскій лагерь. Въ сущности это было деликатною остротой.

Но было бы ошибкой считать такую остротку со стороны генерала Виллисена одной уловкой. Скорѣе ее можно назвать слабостью.

Виллисентъ, искренно либеральный пруссакъ, серьезно желалъ автономіи Познани. Но его, какъ и большинство членовъ франкфуртскаго парламента, смущало то обстоятельство, что, какъ бы то ни было, а Познань *фактически* почти на-половину заселена пѣвцами. Отсюда колебаніе, нерѣшительность и не совсѣмъ ясное стремленіе покончить споръ какимъ бы то ни было компромиссомъ, лишь бы покончить. Виллисентъ познакомился съ Мѣрославскимъ еще въ Берлинѣ и совершенно сочувственно отнесся къ автономическимъ стремленіямъ познанской шляхты, не догадываясь еще

тогда, сколько въ этихъ стремленіяхъ было противорѣчія и вражды. Съ другой стороны, съ прибытіемъ въ Познань онъ убѣдился, какъ мало тамошніе нѣмцы и евреи благопріятствовали стремленіямъ поляковъ. Два другіе члена прусско-познанскаго триумвирата, — генераль Бауэрманнъ, губернаторъ Познани, и генераль Коломбъ, главный начальникъ королевскихъ войскъ въ этой области, — были безусловно на сторонѣ мѣстныхъ нѣмцевъ и весьма мало сочувствовали медіаторскимъ планамъ Виллисена. Тѣмъ не менѣе, послѣдній, насколько хватало его мягкаго характера, силился привести въ исполненіе свою программу всеобщаго примиренія. Лучшимъ средствомъ для этого ему казалось осуществить поскорѣе, и какъ бы то ни было, автономическую реорганизацию Познани. Такимъ образомъ, невольно Виллисень сталъ лучшимъ союзникомъ познанской шляхты; а Мѣрославскій упорно преслѣдовавшій свои революціонные планы, а также и генераль Коломбъ, желавшій только «поскорѣе разогнать картечью сволочь на берегахъ Варты» — оба были одинаковой помѣхой для генерала Виллисена.

9-го и 10-го апрѣля, какъ сказано, королевскій комиссаръ добился полнаго согласія съ миролюбивымъ комитетомъ; но къ этому времени и силы двухъ противниковъ, Коломба и Мѣрославскаго, болѣе или менѣе были готовы помѣряться. У Коломба было 11,000 строевого войска; силы Мѣрославскаго состояли изъ безоружныхъ почти крестьянъ, но ихъ было тысячъ 30. Шансы успѣха были почти одинаковы. Но ясно, что который бы изъ двухъ противниковъ ни восторжествовалъ, примирительный планъ Виллисена одинаково потерпѣлъ бы неудачу. По заключеніи познанскаго согласія, генераль Коломбъ тѣмъ сильнѣе сталъ настаивать на распусcenіи волонтерскихъ отрядовъ. Виллисень добился отъ него только отсрочки до вечера 11-го апрѣля, и обязался лично уговорить Мѣрославскаго на компромиссъ. Таковъ былъ смыслъ свиданія, назначеннаго въ Ярославцѣ, и такова мысль острастки, о которой мы говорили.

Мѣрославскій былъ весьма мало расположенъ войти въ виды королевскаго комиссара. Прибывши въ лагерь, въ Милославъ, безъ всякаго официальнаго званія, онъ былъ тамъ встрѣченъ толпою лучше, чѣмъ ожидалъ. Стоустая молва донесла и до крестьянъ вѣсть о его берлинскомъ торжествѣ. Но въ то же время, само это торжество тѣмъ болѣе вредило Мѣрославскому въ глазахъ консерваторовъ, засѣдавшихъ въ комендантскихъ штабахъ. Армія революціи состояла изъ двухъ элементовъ, какъ и самый комитетъ: изъ консерваторовъ, расположенныхъ къ миру во что бы

то ни стало, и демократовъ, хотѣвшихъ войны не менѣе безусловно. Во главѣ первыхъ стояли коменданты съ ихъ штабами; во главѣ вторыхъ, самъ Мѣрославскій съ небольшою группою своихъ товарищей по эмиграціи. Въ виду именно этихъ двухъ элементовъ, комитетъ отправилъ въ Ярославецъ, вмѣстѣ съ генераломъ Виллисеномъ, двухъ своихъ полномочныхъ делегатовъ: Стефанскаго, имѣвшаго довѣріе комендантовъ, и Либельта, какъ чловѣка наиболѣе близкаго Мѣрославскому.

Либельтъ напелъ Мѣрославскаго, вечеромъ 10-го апрѣля, уже въ Сродѣ, занятого баррикадированіемъ города. Съ разсвѣтомъ начались работы, и къ 10-ти ч. утра Срода имѣла видъ укрѣпленія. Правда, что за этими импровизованными валами торчало не болѣе тридцати карабиновъ, но за карабинами тысячи три крестьянскихъ косъ... Напрасно Либельтъ убѣждалъ Мѣрославскаго, что борьба при такихъ условіяхъ — безуміе; что, напротивъ, автономія области дастъ болѣе серьезныя шансы для успѣха впоследствии.

— Если тебѣ нужно герцогство Познанское, говорилъ Мѣрославскій своему другу, держись съ ними; если же тебѣ, какъ мнѣ, нужна польская республика, — вѣрь въ эти баррикады и въ эту армію, и держись съ нами.

Кончилось тѣмъ, что не Либельтъ Мѣрославскаго, а Мѣрославскій увлекъ его, и оба друга отправились вмѣстѣ въ Ярославецъ, рѣшившись «твердо отстаивать дѣло революціи противъ прусско-польской коалиціи Стефанскаго и Виллисена».

Пріѣхавши на мѣсто свиданія, Мѣрославскій вывелъ Виллисена въ другую комнату, и тамъ, съ глазу на глазъ, между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Вы заключили, генераль, договоръ съ представителями в. г. Познанскаго, — началъ Мѣрославскій. Это ваще дѣло, и мнѣ тутъ мѣшаться не приходится. Но рядомъ съ в. г. Познанскимъ существуетъ польская революція, про которую вы, господа, забыли, а съ которой тоже не мѣшало бы посчитаться. Я прихожу именно отъ лица этой революціи. Не буду васъ обманывать, любезный генераль (*cher général*), преувеличеніемъ нашихъ силъ, потому что это ни къ чему бы насъ не привело. Положимъ даже, что войско наше разсыплется послѣ второго залпа вашихъ батарей. Но, да хранить Богъ нѣмцевъ и жидовъ отъ такого рода побѣды! Тогда мстительное поле нашего сраженія распространится широко!... Vous en êtes averti.

— Развѣ горсть негодяевъ рѣшится на такое преступленіе? возразилъ Виллисень. Развѣ настоящій польскій солдатъ не най-

детъ болѣе достойнымъ занять мѣсто въ національной дивизіи, каковую вамъ обезпечиваетъ нашъ договоръ?

— Противъ этой дивизіи я ничего не имѣю. Но это проектъ между королемъ прусскимъ и какимъ-то в. г. Познанскимъ. Что же касается до вооруженнаго польскаго народа, отъ имени котораго я говорю и судьбы котораго я рѣшился дѣлить до конца,—этотъ народъ согласенъ на одну только дивизію, именно ту, которую онъ самъ уже поставилъ. И вамъ, вѣдь, легче теперь дать ему въ руки ружье, вмѣсто косы, да надѣть польскій мундиръ, чѣмъ потомъ искать насъ, когда мы разбредемся по лѣсамъ?...

Виллисень почувствовалъ, что встрѣтилъ здѣсь рѣшеніе окончательно принятое. Королевскій комиссаръ беретъ тогда Мѣрославскаго за руку и, дружески улыбаясь, нашептываетъ ему о возможности экспедиціи въ русскую Польшу, предлагая пять миліоновъ отступного для *поднятія Галиціи*.

— J'entends, vous voudriez déjà que j'aille me pendre ailleurs? Attendez pour cela que j'en réchappe ici d'abord, отвѣтилъ Мѣрославскій.

Начались опять переговоры. Мѣрославскій твердо стоялъ на своемъ, требуя безусловнаго сохраненія *status quo*, т. е. четырехъ лагерей надъ Вартой съ ихъ настоящими вооруженными силами и въ ихъ настоящей боевой позиціи.

Между тѣмъ насталъ условленный между Коломбомъ и Виллисеномъ часъ. Присекалъ адъютантъ генерала Коломба съ отрядомъ прусскихъ гусаръ, извѣщая королевскаго комиссара, что генералъ рѣшился начать атаку.

— Vous voyez,—воскликнулъ Виллисень; c'est l'heure.

— Nous sommes prêts, отвѣтилъ Мѣрославскій, распростился и вышелъ.

— Voyons, que ça finisse! сказалъ наконецъ Виллисень, догоняя Мѣрославскаго уже въ передней. Рѣшено было приписать къ познанскому договору, въ видѣ *post-scriptum*, почти все то, чего требовалъ Мѣрославскій.

— Vous m'avez arraché là une concession que je vais payer cher,—сказалъ Виллисень. Mais vous ne vous en rejoinrez pas longtemps, car ce n'est qu'une suspension d'armes à bref délai. Je vous conseille donc de ne pas vous endormir dessus et d'en tirer bien vite de quoi ne plus en avoir besoin une seconde fois ¹⁾.

¹⁾ Вы у меня вырвали уступку, за которую я дорого заплачу. Но вы ею долго попользуетесь, это только кратковременное перемиріе. Советую же вамъ не зѣвать, а такъ устроиться, чтобы второй разъ не нуждаться въ уступкахъ.

«C'est incroyable! C'est trop fort!»—говорилъ Дидье, посланный Ламартина, присутствовавшій на совѣщаніи въ качествѣ союзника поляковъ, но, «какъ артистъ, возмущенный слабостью прусскаго дипломата».

Post-scriptum былъ подписанъ Стефанскимъ и Либельтомъ, съ одной стороны, Виллисеномъ, съ другой. Подписи Мѣрославскаго не было и на этой конвенціи. Оттого, когда штабные офицеры и коменданты вышли объявлять народу о заключенномъ перемиріи, толпа встрѣтила этотъ актъ знаками недовѣрія, почти какъ измѣну. Потребовалось личное объясненіе Мѣрославскаго, и тогда только волненіе прекратилось.

Это послѣднее обстоятельство рельефнѣе только обозначило сущность ярославецкой конвенціи. Это было *перемиріе*, заключенное между прусскимъ правительствомъ и польской революціей, и, въ то же время, объявленіе гражданской войны между польской шляхтой и польской демократіей въ Познани; пруссаки отошли въ сторону, предоставляя имъ грызться сколько угодно.

Б. Л.

МАДЕЙРА

Воспоминанія и замѣтки.

I.

Первое впечатлѣніе.—Общій видъ Фуншала и его окрестностей.—Особенности острова.—Экскурсія въ Большой Куралъ и въ лавровый лѣсъ Serra do Norte.

— Сейчасъ прїѣдемъ: Мадейра видна какъ на ладони,—утѣшали здоровые своихъ больныхъ спутниковъ, послѣ болѣе чѣмъ двухсуточного качанія по океану. Въ дѣйствительности, гористый островъ, виднѣвшійся въ недалекомъ разстояніи, былъ вовсе не Мадейра, а Порто-Санто, предвѣстникъ Мадейры. Обѣтованная земля чахоточныхъ была цѣликомъ скрыта большими и густыми облаками и обнаружилась только тогда, когда мы къ ней очень приблизились. Отдѣльныя конусообразныя базальтовыя скалы, совершенно голыя и дикія, было первое, что мы увидѣли изъ-за разступившихся облаковъ. Оригинальные, угловатые, необтесанные контуры, темнопепельный, переходящій въ черный, цвѣтъ и весь образъ этой группы великановъ, о которыхъ съ силою разбивается и пѣнится волна, производятъ въ общемъ необыкновенно грандіозное впечатлѣніе. Когда мы обогнули скалистую сѣверовосточную оконечность острова, передъ нами открылась вытянутая въ длину юго-восточная часть его. Характеръ пейзажа мѣнялся съ каждымъ шагомъ. Къ дикому, сизому и желтоватому базальту присоединились большія массы разноцвѣтнаго, болѣею частью красноватаго туфа. На склонахъ горъ, перерѣзанныхъ множествомъ овраговъ, появилась кой-какая растительность: мхи, низкорослыя травы и изрѣдка небольшія полосы свѣтлозеленаго сахарнаго тростника

(дѣло происходитъ въ половинѣ октября). По берегу моря, окаймленному бѣлымъ поясомъ морской пѣны, разбросано нѣсколько маленькихъ деревушекъ; тутъ же и городокъ Машико, съ именемъ котораго связана легенда о первомъ посѣщеніи острова европейцами. Рассказываютъ, будто въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія къ острову принесло корабль, на которомъ англичанинъ Машимъ бѣжалъ съ своей возлюбленной отъ притѣснявшихъ ихъ родителей. Въ то время, когда молодые любовники были на берегу, сильная буря сорвала судно съ якоря и унесла его со всѣмъ экипажемъ къ Марокскому берегу. Машимъ и Анна не перенесли горя. Теперь еще показываютъ около Машико крестъ, который будто бы поставилъ Машимъ на гробъ своей возлюбленной...

За массивнымъ, отвѣсно спускающимся въ море, мысомъ Гаражанъ отерывается широкій, обращенный къ югу, амфитеатръ, на которомъ расположенъ Фуншаль, главный и единственный порядочный городъ острова. Горная цѣпь, окаймляющая заливъ съ сѣвера и поднимающаяся до 4-хъ и 5-ти тысячъ футовъ, далеко не представляетъ того дикаго и суроваго характера, который такъ поражаетъ при видѣ первыхъ скалъ сѣверовосточнаго конца Мадейры. Многочисленные, болѣе или менѣе глубокія ущелья, которыми изборозжены горы, производятъ еще въ значительной мѣрѣ грандіозное впечатлѣніе; но оно очень ослабляется болѣе мягкими цвѣтами и контурами и обиліемъ всевозможной зелени, покрывающей снизу до верху большую часть горъ. На берегу залива разстѣлся городъ, отъ котораго высоко въ горы тянется нѣсколько лучеобразныхъ вѣтвей. Все пространство между этими крутыми улицами усыпано прелестными садами. На первомъ планѣ бросаются въ глаза нѣсколько густыхъ платановыхъ и дубовыхъ аллей. По обѣимъ сторонамъ города тянутся плантаціи сахарнаго тростника, свѣтлая зелень котораго представляетъ необыкновенный эффектъ, контрастируя и перемежаясь съ болѣе густыми и темными цвѣтами деревьевъ. Надъ городомъ, на высотѣ болѣе тысячи футовъ, темнѣютъ каштановыя рощи и сосновый лѣсъ; кое-гдѣ разсѣяны маленькіе бѣлые дома, надъ которыми подымается большая церковь съ двумя колокольнями. Прибавьте ко всему три виднѣющихся вдали скалистыхъ острова (Дезерташъ), вѣчно ярко-голубое море и свѣтлое южное небо, и вы получите тотъ чудный ландшафтъ, который такъ часто описываютъ и который никогда не перестаетъ нравиться.

Фуншаль, какъ городъ, не представляетъ ничего особенно оригинальнаго. На большинство типичныхъ городовъ южной Европы онъ вовсе не похожъ. Онъ не имѣетъ вида скученной массы вы-

сокихъ домовъ съ плоскими крышами; онъ, напротивъ, разбѣянъ на довольно большомъ пространствѣ и состоитъ изъ невысокихъ, большею частью бѣлыхъ домовъ, крытыхъ черепицею. Улицы значительно шире чѣмъ на югѣ Европы; на нихъ не происходитъ такого шума и движенія, какъ даже въ небольшихъ итальянскихъ городахъ. Не слышно неистовыхъ криковъ продавцовъ, ни отчаяннаго колокольнаго звона, ни шарманокъ. Даже столь свойственный югу вразумительно жалобный крикъ осла почти рѣдкость въ Фуншалѣ. Шуму колесъ не слышно вовсе: колесные экипажи на всей Мадейрѣ составляютъ величайшую рѣдкость; вмѣсто нихъ употребляютъ большія крытыя четверомѣстныя сани, запряженные парю дужихъ быковъ; роль кучера дѣлится между двумя проводниками, изъ которыхъ передній, обыкновенно небольшой мальчикъ — поощряетъ быковъ спереди, а другой, идущій возлѣ саней, поддерживаетъ экипажъ при спускѣ съ горъ, смазываетъ полозья сальной тряпкой и, главное, всю дорогу кричитъ на быковъ, производя переливающиеся, большей частью не членораздѣльные звуки. Нечего и говорить, что санной дороги въ русскомъ смыслѣ слова на Мадейрѣ никогда не бываетъ; роль снѣга выполняется скользкой мостовой, плотно уложенной гладкими базальтовыми глыбами. Для спуска съ крутыхъ горъ употребляются низкія, но довольно широкія санки, на которыхъ съѣзжаютъ также какъ у насъ съ снѣжныхъ горокъ; проводникъ разгоняетъ сани гдѣ нужно и регулируетъ ихъ стремительныя движенія при поворотахъ. Къ числу оригинальныхъ способовъ передвиженія на Мадейрѣ принадлежитъ еще такъ-называемая «реда»; это носилки, имѣющія форму лодки, прикрѣпленной къ длинной толстой трости, оба конца которой покоятся на плечѣ носильщиковъ.

Подобно домамъ, улицамъ и стѣнамъ Фуншала и обитатели этого тихаго и уютнаго города почти вовсе не напоминаютъ намъ столь характернаго юга Европы ¹⁾. Несмотря на преобладаніе между португальцами юнаго типа съ смуглымъ цвѣтомъ лица, черными вьющимися волосами и живыми блестящими глазами, мадерцы въ очень многихъ отношеніяхъ отличаются отъ испанцевъ и чистокровныхъ итальянцевъ. Прежде всего бросается въ глаза отсутствіе у нихъ оригинальнаго костюма: вы не увидите ни испанскаго плаща, ни характернаго краснаго пояса, ни

¹⁾ Мадейра, какъ португальскій островъ, заселена почти исключительно португальцами. Нѣкоторые усматриваютъ въ фізіономіи мадерцевъ негритяскій типъ, что однако-жъ совершенно несправедливо. Во времена бѣги на Мадейрѣ было довольно много негровъ-рабовъ, теперь же вы рѣдко встрѣтите мулатскую фізіономію.

столь распространенной въ Италіи и Испаніи короткой куртки. Мужчины низшихъ слоевъ въ городѣ и деревнѣ предпочтительно носятъ бѣлую рубаху и бѣлые, нерѣдко очень короткіе, панталоны; сверхъ рубахи надѣвается болѣею частью синій жилетъ самаго обыкновеннаго покроя. Единственное, что оригинально во всемъ костюмѣ мадерскаго жителя, есть его синяя, суконная ермолка съ длиннымъ хвостомъ. Эта, такъ-называемая, «карапуca» покрываетъ только темя и, отчасти, затылокъ и придаетъ всей наружности необыкновенно глупый видъ.

Женщины, отличающіяся отъ европейскихъ южанокъ своимъ безобразіемъ (только въ дѣтскомъ возрастѣ онѣ очень красивы), носятъ самыя обыкновенныя ситцевыя платья; характерна только короткая суконная, болѣею частью темносиняя перелинка. На голову надѣвается бѣлый или пестрый платокъ. Само собою разумѣется, что только низшіе слои одѣваются подобнымъ образомъ. Мадерскія аристократки и довольно многочисленная буржуазія фуншалами носятъ интернаціональный костюмъ.

Не знаю, отъ недостаточной ли экспансивности характера, или отъ чего другого зависить то, что жизнь фуншалскаго обитателя совершается далеко не въ такой степени снаружи, какъ у итальянца или испанца. Не говоря уже о томъ, что мадерцы работаютъ дома, они даже ѣдятъ и пьютъ не на улицѣ; поэтому-то вы здѣсь не найдете изобилующихъ въ каждомъ южно-европейскомъ городѣ стѣстныхъ лавочекъ и разносчиковъ пироговъ на оливковомъ маслѣ, жареныхъ каракалицъ и рыбъ, и проч. и проч. Во всемъ городѣ есть только нѣсколько фруктовыхъ лавочекъ, около которыхъ однако же никогда не толпится народъ, что совершенно естественно: въ нихъ продаются фрукты, правда, самыя разнообразныя, но и только; около нихъ не варятся макароны, не жарятся помидоры, не продаются знаменитые итальянскіе «frutti di mare». Продавцы не зазываютъ васъ остротами, не выкрикиваютъ достоинствъ своего товара; какъ же вы хотите, чтобы послѣ всего этого нашлось много покупателей.

Самое пріятное свойство города заключается, какъ я уже упомянулъ выше, въ обиліи растительности. При самомъ входѣ въ Фуншалъ находится платановая аллея, ведущая на главную площадь, засаженную обыкновеннымъ дубомъ, магноліями, красивыми лавро-лиственными смоковницами и проч. Другая платановая аллея, очень длинная и очень тѣнистая, вслѣдствіе чего нѣсколько мрачная, расположена въ восточной части города. Хотя въ Фуншалѣ нѣтъ ни одного публичнаго сада, за то въ немъ множество частныхъ садовъ, доступъ въ которые очень легокъ. Рядомъ съ

представителями европейской флоры, въ вѣ нихъ встрѣтите множество чисто-тропическихъ растений. Изъ деревьевъ, свойственныхъ собственно атлантическимъ островамъ, изрѣдка попадаетъ оригинальное, столь поразительное для новичка драконово дерево, да кое-гдѣ отдѣльные экземпляры лавровыхъ породъ. Пальмъ на всемъ островѣ сравнительно очень немного: нѣсколько разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ города финиковыхъ пальмъ, да единственный экземпляръ капустной (не считая молодыхъ, еще низкихъ, саговниковъ и вѣерообразныхъ пальмъ). Главную красу садовъ составляютъ нерѣдко очень крупныя экземпляры лавро-лиственной смововницы—раскидистаго роскошнаго дерева съ сѣрова-тымъ стволомъ и небольшими ярко-зелеными овальными листьями; стройныя камфорныя лавры, тропическія фруктовыя деревья, между которыми особенно выдаются нѣжныя свѣтлыя аноны и темныя блестящія манго. Среди прочихъ деревьевъ рѣзко выдаются прямоствольныя араукаріи, съ немногими, отходящими почти подъ прямымъ угломъ вѣтвями. Рядомъ съ крупною листовою пальмовидныхъ дынныхъ деревьевъ и бразильской цекроціи контрастируютъ мелколиственныя, но часто очень высокія мимозы и акаціи. Панданусы, юкки, бамбуки и множество другихъ оригинальныхъ формъ разсѣяны по садамъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Изъ деревьевъ умѣреннаго пояса главное мѣсто занимаютъ магноліи, рожковыя деревья, кипарисы, итальянскія пиніи и платаны. Всѣ эти растенія акклиматизировались здѣсь настолько хорошо, что въ сравнительно кратковременный періодъ своего существованія на островѣ многія изъ нихъ достигли очень крупныхъ размѣровъ. Магноліи и камфорныя деревья со стволомъ въ два обхвата, шестидесяти-футовыя смововницы могутъ дать понятіе о силѣ роста деревьевъ на Мадейрѣ.

Менѣе величественною, но несравненно болѣе разнообразною чѣмъ деревенская растительность, являются кустарники и травянистыя растенія. Обиліе цвѣтовъ и зелени во всѣ времена года по истинѣ изумительно. Не даромъ говорится въ путешествіи австрійскаго фрегата «Новары», что нигдѣ, во всемъ свѣтѣ, нѣтъ такого богатства, полноты и изящества цвѣточной флоры, какъ на Мадейрѣ.

Почти все, что цвѣтетъ у насъ въ оранжереяхъ, встрѣчается здѣсь на открытомъ воздухѣ, въ садахъ. Вьющіяся растенія, какъ напр., бутевилія съ малиновыми и пунцовыми процвѣтниками, бигоніи—съ трубчатыми оранжевыми, красными и бѣлыми цвѣтами, самыя разнообразныя кавалерскія звѣзды (пассифлоры), попадаютъ въ Фуншалъ рѣшительно на каждомъ шагу, поража-

разнообразіемъ и часто необыкновенной яркостью цвѣтовъ. Молочайныя (Poincettia) и коралловыя (Erythrina) деревья съ яркими пурпуровыми цвѣтами, голубыя гортензіи, крупныя геліотропы, невозможныя жасмины, гераніи, розы и множество другихъ растений, перечисленіемъ которыхъ я не желаю утомлять читателя ¹⁾, образуютъ въ общемъ яркія разноцвѣтныя группы, оживляющія даже длинныя каменныя стѣны, однообразно тянущіяся вдоль многихъ улицъ. Чтобы получше осмотрѣть все богатство садовой растительности Фуншала нужно подняться на гору, къ вышеупомянутой церкви и затѣмъ спускаться оттуда въ городъ; только ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ съѣзжать въ употребительныхъ на Мадейрѣ санкахъ, быстро скользящихъ по гладко укатанной базальтовой мостовой и въ нѣсколько минутъ спускающихъ васъ въ городъ—къ подножію горы. Этотъ способъ передвиженія можетъ напомнить вамъ русское катанье съ горокъ на масляной, но онъ не даетъ никакой возможности налюбоваться милой природой окрестностей Фуншала. Съѣзжайте лучше верхомъ, не торопясь, чтобы можно было прослѣдить постепенный переходъ отъ горныхъ угрюмыхъ сосновыхъ рощъ къ веселымъ, блестящимъ и пестрымъ садамъ, окружающимъ городъ почти со всѣхъ сторонъ...

Но довольно о Фуншалѣ и его садахъ. Можетъ быть, читатель вовсе не любитъ такой культивированной природы, гдѣ растетъ и цвѣтетъ только то, что завели англичане; онъ, можетъ быть, предпочитаетъ настоящую дикую природу. Мнѣ тѣмъ легче будетъ удовлетворить вкусу такого читателя, что Мадейра на большомъ протяженіи почти вовсе не подверглась измѣняющему природный характеръ вліянію культуры. Этимъ я однако же не хочу сказать, чтобы человѣкъ оставилъ необработанную часть острова въ первобытномъ состояніи: онъ только не культивировалъ ее, не прибавилъ къ ней ни одного новаго свойства, но разорилъ насколько могъ. Мадейра въ XV-мъ столѣтіи, т.-е. въ то время, когда она была открыта португальцами, была почти цѣликомъ покрыта лѣсомъ, въ которомъ преобладали лавровыя древесныя породы. Переселенцы выжгли большое количество этого лѣса (говорятъ, произведенный ими пожаръ длился цѣлыхъ семь лѣтъ) и вырубилъ его елико-возможно. Теперь только въ нѣкоторыхъ частяхъ острова сохранились его остатки, впрочемъ достаточно интересные для того, чтобы стоило сказать о нихъ нѣсколько словъ.

¹⁾ Интересующимся болѣе подробно этимъ предметомъ я могу указать на сочиненіе *Шахта*: „Madeira und Tenerife mit ihrer Vegetation“, Berlin 1859, съ хорошимъ текстомъ, но, къ сожалѣнію, съ очень плохими рисунками.

Пусть читатель послѣдуетъ за мною въ самую большую котловину острова, или такъ-называемый Кураль и въ первобытный лѣсъ Serra do Norte. Эту экскурсію, которая дѣлается частью на лошади, частью пѣшкомъ или въ вышеописанной редѣ, я совершилъ во второй половинѣ августа. Вечеромъ, я прошелъ тотъ поясъ культивированной части острова, который характеризуется обиліемъ каштановъ, сосенъ и другихъ деревьевъ средней и южной Европы, а ночью перешелъ вдоль болѣе возвышеннаго края, почти вовсе лишеннаго растительности,—къ центральной части острова. Разсвѣта пришлось ждать на вершинѣ высокой горы (Pico dos Sergados), спускъ съ которой до того крутъ, что по немъ никто не рѣшался идти ночью. Еле-еле занявшаяся утренняя заря слабо освѣтила лежавшую передо мною чудную картину. Я увидѣлъ подъ ногами глубокую и въ то же время объемистую пропасть, со всѣхъ сторонъ окруженную высокими горами. Темно-пепельныя, почти въ индиговый цвѣтъ переходящія горы или, правильнѣе, скалы, подробности которыхъ были скрыты вслѣдствіе недостаточнаго освѣщенія, поражали обиліемъ куполообразныхъ вершинъ и ломаными контурами. Мѣстами выдавались длинныя оригинальныя скалы, то похожія на круглую башню, то на обрубленную и обгрызанную сахарную голову. Въ этой цѣпи вы можете видѣть всѣ главныя горы острова, между которыми особенное вниманіе обращаютъ рядомъ стоящія высочайшія вершины (доходящія до 6000 футовъ). Одна изъ нихъ, такъ-называемая Pico guivo, т.е. красная гора, хотя она вовсе не красна, представляется въ видѣ мощной массы, ованчивающей совершенно закругленнымъ и раздвоеннымъ куоломъ. Другая же, гораздо болѣе красивая и оригинальная (Pico as Torres) имѣетъ форму громадной пирамиды съ насаженными на нее большими и маленькими сахарными головами и скалами, похожими на башню, сторбленнаго человѣка и на восклицательный знакъ. Съ восходомъ солнца выступили многія подробности и прежній цвѣтъ горъ исчезъ. Въмѣсто цѣльныхъ сплошныхъ массъ показались отдѣльныя части, то покрытыя разноцвѣтной зеленью, то голыя и пестрыя: сѣрыя, пепельныя, желтоватыя, буроватыя, а иногда почти совершенно бѣлыя. Хотя Кураль представляется съ того мѣста, съ котораго я его описываю, въ видѣ замкнутой котловины, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ, правда, очень узкій выходъ, по которому течетъ въ южномъ направленіи прорѣзывающій его ручей. Полагаютъ, что въ доисторическія времена Кураль игралъ роль главнаго кратера (Мадейра есть островъ вулканическаго происхожденія), который только въслѣдствіи, подъ постояннымъ вліяніемъ воды, принялъ свой на-

стоящій видъ. Стѣны его и теперь производятъ необыкновенно угрожающее впечатлѣніе, совершенный контрастъ которому представитъ общій характеръ дна пропасти. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прежнія времена клокотала лава и откуда вылетали разные продукты изверженія, теперь сосредоточена тоже, можетъ быть, не очень мирная, но все-таки гораздо болѣе спокойная и привлекательная дѣятельность. На днѣ Курала расположено небольшое селеніе, состоящее изъ беспорядочно разбросанныхъ каменныхъ избъ съ высокими соломенными крышами и изъ маленькой бѣлой церкви, видимой съ высоты самыхъ большихъ горъ. Бѣдныя, сложенные изъ базальта и потому почти черныя избы, жалкій видъ поселянъ, поражающихъ исхудалыми, болѣзненными лицами, производятъ очень грустное впечатлѣніе. Напротивъ того, растительность, несмотря на то, что я видѣлъ ее въ самое сухое время года, представляетъ необыкновенно веселый и свѣжій видъ. Вдоль небольшого горнаго ручья, текущаго съ большимъ шумомъ по узкому каменистому руслу и питающаго самую большую «рѣку» (Ribeiro dos Soccorridos, лѣтомъ почти высыхающую), тянется всевозможная зелень. Почти на каждомъ шагу попадаются группы не старыхъ, но роскошныхъ каштановъ, къ которымъ присоединяются лавровыя и разные плодовые деревья. Многія изъ нихъ обвиты сверху до низу темнозеленымъ плющемъ, часто переплетающимся съ другими растеніями. Всѣ близлежащія скалы заросли ежевикой, оплетающей розы, каштаны и другія деревья и пускающей внизъ длинныя, висячіе свѣжіе побѣги. Сюда же присоединяются яркіе папоротники, образующіе въ общемъ нерѣдко сплошной коверъ. Множество разныхъ огородныхъ растеній увеличиваетъ разнообразіе зелени и придаетъ еще болшую живость цѣлому.

Переѣхавши на другую сторону ручья, я сталъ подниматься по большому хребту къ подножію одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ (Pico torrinhos), съ цѣлью попасть въ долину рѣки, текущей по сѣверной сторонѣ острова. По мѣрѣ возвышенія характеръ растительности измѣнялся все болѣе и болѣе. Каштаны и другія культивированныя деревья скоро исчезли. Вмѣсто нихъ стали появляться все въ большемъ количествѣ молодыя, почти кустарныя лавры (*Persea indica*) съ матовой сѣровой листвою. Изъ рѣдки попадались одинокіе экземпляры другого лавра (*Oreodaphne foetens*), выдающагося въ глаза богатствомъ развѣтвленій и черными блестящими листьями. Мѣстами попадалась яркая зелень кустарнаго дрока (*Spartium scoparium*) съ зелеными торчащими какъ прутья стеблями и съ очень небольшимъ количествомъ мелкихъ листьевъ; тутъ же росли и верески, сначала въ видѣ ма-

ленькихъ кустиковъ, но потомъ на болѣе высокихъ мѣстахъ и видѣ настоящихъ, хотя и небольшихъ деревьевъ съ причудливыми изогнутымъ стволомъ и вѣтвями.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда я, пробираясь крутыми зигзагами по каменистой плохой дорогѣ, достигъ перевала (*boca dos Torrinhos*), расположеннаго примѣрно на высотѣ 5000 футовъ. Съ одной стороны я могъ обозрѣть весь широкій Кураль съ окружающими его вершинами и со множествомъ нагроможденныхъ внутри его горъ, пригорковъ и отдѣльно стоящихъ скалъ. Съ другой, сѣверной стороны, я въ первый разъ увидѣлъ постепенно спускающуюся къ морю долину, покрытую лѣсомъ (*Serra do Norte*) и окруженную цѣльными и массивными горными кряжами. Океанъ былъ видимъ съ обѣихъ сторонъ. Типина была поразительная. Вообще эти вершины мало оживлены, тутъ же, подъ лучами палящаго солнца почти все одушевленное попряталось въ кусты дрока. Кое-гдѣ пролетитъ бабочка, но сѣтъ, чтобы сѣсть на ближайшемъ кустѣ, или начнетъ пилить кузнечикъ, тотчасъ впрочемъ умолкающій. Послѣ небольшого отдыха я началъ спускаться въ долину. Сначала отдѣльно стояшія деревья стали собираться въ общія группы. Къ лавровымъ породамъ, между которыми главную роль играли вышеупомянутый темно-лиственный лавръ, стали присоединяться другія деревья. Въ особенно большомъ количествѣ попадалась клетра, раскидистое дерево съ нѣжными свѣтлозелеными листьями и бѣлыми сережковыми цвѣтками, похожими на ландыши. Особенно рѣзкій контрастъ съ этимъ оригинальнымъ представителемъ рода, растущаго только въ Америкѣ, представляла ардивія, довольно высокое стройное дерево съ темной, сильно переходящей въ синеватый цвѣтъ короной. На каждомъ шагу я поражался массой папоротниковъ, хотя и не древовидныхъ, но тѣмъ не менѣе очень высокихъ и роскошныхъ. Они покрывали не только отдѣльныя скалы и промежутки между деревьями, но забирались на самые стволы послѣднихъ, въ особенно большомъ количествѣ гнѣздясь на темно-лиственныхъ лаврахъ. Совершенно оригинальный характеръ придавали растительности древовидные молочаи (*Euphorbia piscatoria*), большіе кусты волокольчиковъ (*Isoplexis*) и сложноцвѣтныхъ (*Sonchus* и *Chrysantemum*). На концахъ многочисленныхъ дугообразно изогнутыхъ вѣтвей всѣхъ этихъ растений находились пучки лучеобразно расходящихся листьевъ различно окрашенныхъ цвѣтовъ. Странно было видѣть древовидныхъ родичей породъ, встрѣчающихся у насъ въ видѣ небольшихъ травя-

нистыхъ растений или же высокія деревья, принадлежація къ тому роду, какъ и наша бузина.

Чѣмъ дальше спускался я въ долину, тѣмъ лѣсъ, состоявшій все изъ тѣхъ же породъ, становился гуще и гуще. Вдоль совершенно отвѣсныхъ скалъ текли маленькіе ручейки, около которыхъ цѣлыя большія пространства представлялись сплошь покрытыми нѣжными тонколиственными злаками, образывавшими цѣлыя свѣтлозеленые ковры, представлявшіе пріятный контрастъ съ темной листвою лавровыхъ деревьевъ.

Сходный съ только-что описаннымъ характеръ представляютъ и другіе лѣса горной части острова, напр., лѣтъ Serra d'Agoa и Ribeiro frio, главнымъ отличіемъ которыхъ является почти исключительное преобладаніе лавровыхъ породъ и отсутствіе клетры и другихъ растений, столь разнообразящихъ лѣсъ Serra do Norte. Хвойныхъ деревьевъ вы не встрѣтите вовсе въ этихъ лѣсахъ: изящной канарской сосны на Мадейрѣ никогда не существовало, но взамѣнъ ея на островѣ въ большомъ количествѣ водился кедръ, окончательно вырубленный для промышленныхъ цѣлей. Мнѣ только изрѣдка случалось находить въ лѣсахъ обрубленные пни этого дерева, образцы котораго растутъ нынѣ въ нѣкоторыхъ садахъ Фуншала.

II.

Густота мадерскаго населенія. — Винодѣліе и нѣкоторыя другія статьи производства. — Эмиграція въ южную Америку. — Вкусы и образъ жизни мадерцевъ. — Болѣзни, встрѣчающіяся на островѣ. — Рѣдкость преступленій и другія особенности, характеризующія мадерскихъ португальцевъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о степени густоты мадерскаго населенія, слѣдуетъ только принять въ соображеніе тотъ фактъ, что за послѣднія сорокъ лѣтъ оно почти вовсе не увеличилось. За періодъ, когда населеніе Бельгіи (самаго густо населеннаго европейскаго государства) успѣло возрасти болѣе чѣмъ на 23,5%, Саксонія — почти на 64%, а Англія — на 67%, населеніе обоихъ острововъ мадерскаго архипелага увеличилось менѣе чѣмъ на одну треть процента. Явно, что при данныхъ условіяхъ оно дошло до maximum, предѣлы котораго сохраняются всѣмъ строемъ культурной жизни островитянъ. Если мы распредѣлимъ жителей равномерно на всей поверхности Мадейры, то на квадратную милю придется 8,279 человекъ, то-есть, немного менѣе чѣмъ въ Саксоніи (8,623); если же примемъ въ расчетъ только поверхность земли, удобной для воздѣлыванія, то въ результатѣ получимъ

38,868 человекъ на одну квадратную милю ¹⁾, то-есть, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Казалось-бы, что при такихъ условіяхъ, при столь маломъ количествѣ земли, рядомъ съ земледѣліемъ должна была развиваться торговля или промышленность; между тѣмъ этого ничего нѣтъ. Нѣсколько болѣе крупныхъ торговыхъ домовъ и сравнительно микроскопическая промышленность сосредоточены въ рукахъ иностранныхъ (преимущественно англійскихъ) купцовъ. Казалось бы также, что на океаническомъ островѣ, лежащемъ по близости западно-африканскаго берега, знаменитаго огромнымъ богатствомъ рыбы, долженъ бы въ сильной степени развиваться рыбный промыселъ; въ результатѣ же оказывается, что на Мадейру ежегодно привозится черезъ Англію значительное количество вредной вонючей трески съ ньюфаундлендскаго берега, который, по отзыву специалистовъ, бѣднѣе рыбою, чѣмъ западный берегъ Сахары ²⁾.

Съ самаго перваго времени заселенія острова португальцами, (то-есть, съ первой четверти пятнадцатаго столѣтія), земледѣліе сдѣлалось главной отраслью производства. Съ этой цѣлью лѣса, занимавшіе большую часть всего пространства, были въ значительной части истреблены, особенно на южной части Мадейры, вслѣдствіе чего нѣкоторыя породы, какъ мадерскій кедръ и дракононое дерево, совершенно перевелись. Земля была раздѣлена на большіе участки, которые, по правамъ майората, не дробились по мѣрѣ увеличенія народонаселенія. Въ результатѣ получилась совершенно нелѣпная система, подобіе которой существуетъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Крупные собственники подѣлили землю на множество мелкихъ участковъ и отдали ихъ въ аренду, сохраняя за собою право на полученіе половины всѣхъ продуктовъ хозяйства. Арендаторы, которые составляютъ огромное большинство населенія острова, могутъ строить и вообще дѣлать все, что угодно на занимаемой ими землѣ, никогда, разумѣется, не теряя права собственности на постройки и проч. Чтобы дать понятіе о количественной сторонѣ такого распредѣленія, замѣчу, что у одного графа Карвальо болѣе 8000 арендаторовъ, которымъ приходится отъ одного до одной десятой акра (23 квадратныя сажени) земли на человека. Само собою разумѣется, что при

¹⁾ Эти цифры взяты изъ торговаго отчета о Мадейрѣ, помѣщеннаго въ Preussisches Handelsarchiv за 1868, стр. 229.

²⁾ Болѣе цивилизованные и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе состоятельные канарскіе испанцы ежегодно отправляютъ небольшіе флоты на Сахарскій берегъ, гдѣ они запасаются множествомъ рыбы и къ тому же ведутъ торговлю съ кочующими берберійскими племенами.

такомъ хозяйствѣ земледѣлецъ не можетъ прокормить своей обыкновенно очень многочисленной семьи, и ему приходится прибѣгать къ другимъ средствамъ. Онъ нанимается поденщикомъ на большія фермы, становится носильщикомъ, погонщикомъ лошадей (кагю) и идетъ въ городъ на какую угодно работу, получая за нее около шиллинга (38 коп.) въ день. Женщины и дѣти тоже остаются безъ дѣла. Большое количество свободного отъ хозяйственныхъ работъ времени у нихъ идетъ на выпиваніе такъ-называемымъ англійскимъ пивомъ, чѣмъ онѣ зарабатываютъ нередко даже болѣе чѣмъ ихъ мужья.

Виноградъ, доставившій Мадейрѣ такую громкую извѣстность, былъ перевезенъ на островъ очень скоро послѣ его открытія. Сначала онъ воздѣлывался въ небольшомъ количествѣ, но потомъ, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, когда мадерское вино стало приобретать репутацію, онъ вытѣснилъ разводившійся съ тѣхъ поръ сахарный тростникъ и сдѣлался главнымъ и почти единственнымъ продуктомъ культуры. Съ болѣе удобной почвы онъ распространился и на неудобную, покрылъ все пространство, на которомъ только могъ расти, причемъ разумѣется качество вина ухудшилось, такъ какъ рядомъ съ худшимъ виноградомъ въ дѣло употреблялся и очень скверный. Видя, что это сходитъ съ рукъ, фабриканты стали разбавлять вино яблочнымъ квасомъ и довели его до такого состоянія, что приобретенная репутація очень быстро упала. Наконецъ, въ 1852 году появилась виноградная болѣзнь, которая передъ тѣмъ уже сильно свирѣпствовала въ Европѣ, но нигдѣ не произвела такого опустошенія, какъ на Мадейрѣ ¹⁾. Повторяясь каждый годъ, она почти совершенно уничтожила мадерскій сортъ винограда, спасшійся только въ немногихъ мѣстахъ на открытомъ берегу острова. Нѣсколько лѣтъ, покада пробовали различныя средства противъ болѣзни и покада отыскивали какую-нибудь новую отрасль культуры, продолжался кризисъ, разорившій не столько земледѣльцевъ, сколько помѣщиковъ. Послѣдніе старались замѣнить винодѣліе разведеніемъ кошенили, кофе и сахарнаго тростника, первые же послѣдшили засадить свободную землю различными питательными растеніями: пшеницей, картофелемъ и другими огородными овощами, иньямой (*Collocasia antiquorum*), кра-

¹⁾ Я заимствую изъ цитированнаго уже торговаго отчета слѣдующія цифры на счетъ производства вина на Мадейрѣ. Въ 1813 г. его производилось 24,804½ пипъ (99,218 гектолитровъ), затѣмъ оно дошло до 81,500 пипъ въ годъ. Въ 1852 оно упало до 2220½, а въ 1855—до 87¼ пипъ. Въ 1860 оно равнялось 500, а въ 1867 оно возмалось уже до 600 пипъ. Въ 1870 и 1871 (судя по замѣткѣ въ *Globus*, т. XX, стр. 384) ежегодно было добыто до 10,000 пипъ.

сивымъ растеніемъ изъ семейства ароидеиныхъ съ мучнистымъ подземнымъ стеблемъ и бататами (*Convolvulus batatas*, привезенная на Мадейру изъ Гвіаны), вьющимся растеніемъ изъ вьюнковыхъ породъ, съ большими, похожими на картофель, но очень сладкими клубнями. При умѣренности мадерской зимы, земледѣлецъ получилъ возможность собирать по крайней мѣрѣ двѣ жатвы съ одного поля, тогда какъ прежде земля всю зиму стояла подъ виноградомъ, ничего не принося. Въ видѣ разныхъ, самихъ по себѣ очень дешевыхъ и потому-то невыгодныхъ для землевладѣльца овощей, рабочій получилъ для себя пищу, которую онъ прежде долженъ былъ покупать за деньги, платя разумѣется въ три-дорога; въ видѣ же пшеницы онъ получилъ продуктъ для продажи, дѣля вырученныя деньги пополамъ съ хозяиномъ. На южномъ берегу усилилась культура сахарнаго тростника, оказавшаяся также довольно выгодною, такъ что теперь только немногія мѣста, именно тѣ, которыя въ прежнее время производили лучшіе сорта вина (напр., *Sama de lobos*), вновь засажены виноградомъ. Несмотря однако же на то, что болѣзнь вполне устранена посредствомъ такъ-называемаго сѣрнаго цвѣта, винодѣліе Мадейры далеко не приняло прежнихъ размѣровъ и вѣроятно никогда ихъ не приметъ.

Читатель видитъ изъ приведенныхъ фактовъ, что нужно было совершенно исключительное обстоятельство, чтобы по возможности улучшить положеніе мадерскихъ земледѣльцевъ, что между прочимъ очень характеризуетъ послѣднихъ. Несмотря однако же на горькій опытъ, они все-таки немногому научились. На Мадейрѣ до сихъ поръ еще не знаютъ правильнаго плодосмѣннаго хозяйства и оттого каждый годъ сѣютъ пшеницу на одномъ и томъ же полѣ, которое даже, за недостаткомъ въ скотѣ, не получаетъ хорошаго удобренія. Землю пахутъ желѣзнымъ яркомъ, въ родѣ вочерги, а хлѣбъ убираютъ руками, вырывая его съ корнемъ изъ земли.

При такихъ условіяхъ указанный нами фактъ, что народонаселеніе Мадейры нисколько не увеличивается, теряетъ всю свою странность; удивляться нужно развѣ тому, что оно еще столь велико: по ценсу 1869 года оно равняется 115,804 человѣкамъ (вмѣстѣ съ Порто-Санто). Казалось бы, что нѣтъ лучшихъ данныхъ для развитія всѣхъ сторонъ цивилизаціи, какъ на Мадейрѣ. Островъ населенъ съ избыткомъ, что должно сдѣлать конкуренцію («борьбу за существованіе») во всѣхъ отрасляхъ очень сильною. Вслѣдствіе этого должна бы, повидимому, увеличиться предпринимчивость и изворотливость, тѣмъ болѣе, что Мадейра лежитъ на

большой торговой дорогѣ между Европой и Африкой и въ тому же недалеко отъ Америки. Береговая линія, которая считается столь важною въ культурномъ отношеніи, конечно, нигдѣ не можетъ быть столь длинна, какъ на маленькомъ островѣ, и хотя на Мадейрѣ не существуетъ ни одного хорошаго порта, тѣмъ не менѣе дано множество условій для того, чтобы устроить ихъ нѣсколько. Прибавьте ко всему особенности природы: теплый здоровый климатъ, отличающійся отсутствіемъ какъ рѣзкаго жара, такъ и холода и поддерживающій растительную силу круглый годъ, долженъ бы, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ способствовать труду. На Мадейрѣ не существуетъ тропическаго изобилія, дающаго возможность жить не сѣя и прозябать, ни о чемъ не заботясь. Законы страны вообще весьма либеральны. Правда, что существующія на Мадейрѣ высокія пошлыны способны только стѣснять торговлю, но не подлежатъ сомнѣнію, что не онѣ составляютъ причину всеобщаго застоя. До недавняго времени еще всѣ кричали и возмущались противъ правительственной монополіи на табакъ, видя въ этомъ единственное препятствіе развитію табачной культуры на островѣ; покуда монополія существовала, говорилось, что Мадейра вмѣсто винограда должна производить табакъ, который по своему достоинству будетъ равняться лучшимъ американскимъ сортамъ и проч. Теперь монополія отмѣнена, но табаку тѣмъ не менѣе никто не разводитъ.

Вѣщныя условія сами по себѣ, конечно, ничего не могутъ сдѣлать. Береговая линія и всѣ прочія данныя окружающей мѣстности могутъ быть крайне благопріятны, но для пауаса или австраійскаго туземца это ровно ничего не значить. Поэтому-то указанные факты не содержали бы ничего удивительнаго, если бы Мадейра была населена народомъ, имѣющимъ другіе antecedentes чѣмъ португальцы. Не странная ли это случайность, что одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ застоя представляетъ намъ въ девятнадцатомъ столѣтіи именно тотъ самый островъ, открытіе котораго было первымъ плодомъ замѣчательной предпримчивости португальцевъ пятнадцатаго вѣка? Небольшая экспедиція, отправленная Генрихомъ Мореплавателемъ (сыномъ короля Жово 1-го) подъ начальствомъ Гонзальвеша и Тешейра съ цѣлью открытія неизвѣстныхъ до того времени частей Африки, наткнулась въ 1418 году на Порто-Санто, откуда въ слѣдующемъ году она приплыла и на Мадейру, доставивъ португальскому трону первыя внѣ-европейскія владѣнія. Съ тѣхъ поръ открытія пошли за открытіями, такъ что въ теченіе сравнительно короткаго времени Португалія завладѣла Асорскими и Капвердскими остро-

вами, Бразиліей, частью Африки, Индіи и Китая. Португальцы открыли морской путь въ Индію, сдѣлали первое кругосвѣтное плаваніе, завязали торговыя сношенія почти со всѣми частями земного шара, обнаруживая на каждомъ шагѣ чрезвычайную энергію и дѣятельность. Но по дорогѣ они какъ-то заразились китаизмомъ со всей его ограниченностью и проложили себѣ путь къ тому паденію, въ которомъ пребываетъ нація и понынѣ. Что всѣ эти открытія должны были, несмотря на всю наклонность жителей Пиренейскаго полуострова къ религіозному фанатизму и рабству, повліять на развитіе точныхъ знаній и на подъемъ умственнаго уровня, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Экспедиціи, отправлявшіяся въ новыя страны, имѣли въ виду между прочимъ и научные интересы, хотя, правда, главная цѣль ихъ всегда была практическая. Животныя и растенія изучались почти исключительно ради расширенія медицинскихъ познаній, тѣмъ не менѣе собиралось значительное количество фактовъ, способныхъ пролить свѣтъ на много важныхъ вопросовъ. Изъ числа сочиненій, трактовавшихъ о естественныхъ произведеніяхъ Новаго Свѣта, особенно извѣстными сдѣлались «Четыре книги о природѣ и качествахъ растеній и животныхъ, собранныхъ съ медицинскою цѣлью въ Новой Испаніи», книги, составленныя лейбъ-медикомъ Филиппа Второго Франсеско Гернандесомъ и изданныя впослѣдствіи Хименесомъ. Сочиненіе это, по мнѣнію Лихтенштейна ¹⁾, отличается богатствомъ содержанія, правдивостью и основательностью.

Нельзя сказать, вслѣдствіе какихъ именно обстоятельствъ совершился упадокъ націй Пиренейскаго полуострова, самый же фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Результаты его отразились и на жителяхъ разсматриваемаго нами атлантическаго острова, которые, главнымъ образомъ благодаря постоянно совершающейся эмиграціи, въ теченіе длинныхъ періодовъ не подвинулись ни на шагъ впередъ. Не напрягая своихъ силъ на увеличеніе производительности страны, что было бы конечно весьма возможно при употребленіи раціональных способовъ земледѣлія, при развитіи промышленности и проч. ²⁾, португальцы, пользуясь удобствомъ путей сообщенія, ежегодно переселяются въ южную Америку, гдѣ находятъ еще достаточно источниковъ для обогащенія. Въ настоя-

¹⁾ Abhandlungen der Berliner Akademie, 1827, Стр. 89.

²⁾ „Производительность острова могла бы очень увеличиться черезъ введеніе научнаго хозяйства, правильнаго лѣсоводства и улучшеніе орошенія“. Preussisches Handelsarchiv, стр. 237.

нее время можно отличить два сорта эмиграции. Въ одномъ случаѣ переселенцы очень стремятся къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ поднять свое новое отечество на уровень перваго, какъ это мы видимъ на мысѣ Доброй Надежды, въ Австраліи или Сингапурѣ; въ другомъ же случаѣ, люди эмигрируютъ вслѣдствіе нежеланія шевелить мозгами, эмигрируютъ въ непочатая страны, гдѣ богатство само лѣзетъ въ руки и гдѣ никто не заботится о насажденіи цивилизаціи на новой почвѣ. Мадерскіе эмигранты принадлежатъ, разумѣется, ко второй категоріи и еще болѣе грубѣютъ въ Америкѣ, гдѣ они обогащаются всѣми правыми и неправыми способами.

Переселеніе мадерцевъ сдѣлалось особенно замѣтнымъ съ 1835 года и уменьшилось только въ послѣднее время, вслѣдствіе принятія португальскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ. Полагается, что въ общей сложности (до конца шестидесятихъ годовъ) переселилось не менѣе 80,000 человекъ, большая часть которыхъ эмигрировала въ Демерару (въ Англійской Гвіанѣ), а меньшая часть—въ Бразилію и Соединенные Штаты. Въ Бразилію, которая такъ страдаетъ отъ недостатка рабочихъ силъ, португальцы переселяются крайне неохотно, ссылаясь на взаимную ненависть прежнихъ собратій. Съ Мадейры, острова, отличающагося лучшимъ климатомъ на всемъ земномъ шарѣ, они ѣдутъ въ Гвіану, знаменитую прямо противоположнымъ качествомъ. Хотя въ Демерарѣ условія и не до такой степени скверны какъ въ Кайеннѣ, тѣмъ не менѣе они настолько плохи, что англичане туда не переселяются. Изъ мадерскихъ эмигрантовъ многіе умираютъ болѣе или менѣе скоро по прибытіи въ Гвіану; другіе же выживаютъ и иногда возвращаются на родину, гдѣ ихъ легко узнать по особенно изнуренному виду и цвѣту лица, напоминающему цвѣтъ завалившихъ лимоновъ.

Въ дополненіе къ сказанному, считаю нужнымъ сообщить еще нѣсколько фактовъ, могущихъ охарактеризовать мадерцевъ. Религіознаго фанатизма, которымъ такъ обуреваемо большинство южныхъ католиковъ, они не обнаруживаютъ вовсе, что можетъ быть отчасти произошло отъ усиленныхъ сношеній съ англичанами. Несмотря на это, врядъ ли существуетъ другой народъ, который бы столь усердно занимался религіозными манифестациями, какъ наши островитяне. Безчисленное множество праздниковъ сопровождается болѣе или менѣе пышными процессіями. Жители каждаго изъ многочисленныхъ приходовъ составляютъ

складчину и когда собранная сумма оказывается достаточною, то объявляется день торжества. Наканунѣ, а иногда и за нѣсколько дней до него, церковь убираютъ цвѣтами и разноцвѣтными флагами, пускается множество хлопушекъ и ракетъ и зажигается иллюминація; оркестръ при этомъ случаѣ выкладываетъ передъ публикою всѣ свои познанія; тутъ же, возлѣ самой церкви, онъ играетъ всѣ извѣстные ему танцы, куски изъ всевозможныхъ оперъ отъ Беллини до Оффенбаха (предпочтеніе явно отдается послѣднему) и т. п.; въ репертуаръ не входитъ только ни одинъ духовный мотивъ. На другой день, съ самаго ранняго утра, замѣчается особенное движеніе: по всѣмъ тѣмъ улицамъ, по которымъ должна пройти процессія, влоачиваются шесты съ букетами, зеленью и флагами; публика, наряженная въ лучшія платья, прогуливается взадъ и впередъ въ пріятномъ ожиданіи. Для сокращенія времени служатъ разныя забавы въ родѣ слѣдующей: юноши наряжаются въ болѣе или менѣе каррикатурные костюмы, надѣваютъ уморительныя маски и въ такомъ видѣ расхаживаютъ, переваливаясь съ боку на бокъ и бренча на мѣстномъ инструментѣ, такъ-называемомъ машетѣ (родъ четырехструнной гитары). Усиленный колокольный звонъ увѣдомляетъ о началѣ шествія. Всѣ лица принимаютъ серьезное выраженіе, когда показывается пестрая толпа, несущая кресты, разодѣтую куклу, изображающую Мадонну, попы и проч. Процессія совершается подобно тому, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ, съ тою разницею, что на Мадейрѣ при этомъ ежеминутно пускаютъ ракеты, производящія (такъ какъ дѣло совершается днемъ) только трескъ и вонь.

Несмотря на очень частое повтореніе, процессіи эти, очевидно, не потеряли своего дѣйствія, и до сихъ поръ еще всякій бѣднякъ, обрѣзывающій елико-возможно свои расходы на всемъ прочемъ, даетъ нѣсколько шиллинговъ въ складчину. Этимъ, между прочимъ, скрывается любовь къ внѣшнимъ эффектамъ, которую мадерцы обнаруживаютъ и во всемъ остальномъ. Женщины всѣхъ націй любятъ наряжаться, но я не знаю народа, который бы доходилъ въ этомъ отношеніи до такихъ крайностей, какъ мадерсеія португальки. Всякая женщина, сидящая не разгибая спины шесть дней за вышиваньемъ и получающая за то не болѣе восьмидесяти копѣекъ, имѣетъ очень парадное платье, въ которое она наряжается по праздникамъ и въ которомъ вы ее не отличите отъ любой (мадерской) дамы. Понятно, что для того, чтобы позволить себѣ такую роскошь, она должна экономничать на всемъ самомъ необходимомъ. Она будетъ круглый годъ пи-

таться бататами и кукурузной кашей (національнымъ кушаньемъ, такъ-называемымъ мильо, нѣчто въ родѣ итальянской полленты), но ни за что не согласится отказаться отъ удовольствія спать себѣ новое платье. Подобная неумѣренная умѣренность свойственна всѣмъ мадерцамъ почти безъ исключенія. Ёсть каждый день мясо или круглый годъ пить молоко есть вещь совершенно неслыханная даже въ среднемъ сословіи. Мнѣ говорилъ докторъ, что пациентки его, барыни, наряжающіяся въ шелки и вслѣдствіе дурного режима страдающія малокровіемъ, ни за что не соглашались лечиться питательной пищей, отказываясь неимѣніемъ средствъ. Народъ ёсть почти исключительно мучнистую пищу, какъ картофель, бататы, иньямы и мильо, а въ видѣ дополненія—рыбу, по большей части соленую вонючую треску или тунецъ. Лавомиться кускомъ мяса онъ позволяетъ себѣ не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ. Само собою разумѣется, что за подобное отступленіе отъ самыхъ элементарныхъ законовъ здраваго смысла и гігіены мадерцы платятъ должную дань. Несмотря на чудный климатъ, отсутствіе большихъ городовъ и фабрикъ, они далеко не пользуются хорошимъ здоровьемъ. Дѣти, правда, мрутъ въ гораздо меньшемъ количествѣ чѣмъ у насъ или въ остальной Европѣ, такъ какъ эпидеміи скарлатины, крупа и другихъ дѣтскихъ болѣзней на Мадейрѣ очень нечасты и слабы, но за то рѣдко кто изъ нихъ не страдаетъ золотухой и «малокровіемъ». На всѣхъ возрастахъ очень часты болѣзни пищеварительныхъ органовъ, въ особенности желудочный и кишечный катарры и воспаленіе печени. Не рѣдки болѣзни сердца и, что можетъ показаться очень удивительнымъ,—острое и хроническое пораженія легкихъ. Изъ 28-ми труповъ, вскрытыхъ докторомъ Миттермайеромъ ¹⁾, у 13-ти найдены признаки хроническихъ страданій легкихъ, а у одного острая скоротечная бугорчатка. По мнѣнію этого врача, чахотка на Мадейрѣ все-таки встрѣчается рѣже чѣмъ въ Европѣ,—фактъ, не представляющій, конечно, ничего страннаго. Удивительно, что она все же настолько сильна (по расчету Баррала, очевидно пристрастному, на Мадейрѣ изъ 88-ми больныхъ только у одного бываетъ «чахотка»), что народъ считаетъ ее главнымъ своимъ бичемъ. Причина этого явленія разумѣется неизвѣстна. Мѣстные очень плохіе медики подтверждаютъ распространенное въ народѣ мнѣніе, что «чахотка»

¹⁾ Madeira und seine Bedeutung als Heilungsort, Heidelberg, 1855, стр. 153. По расчету этого медика, средняя продолжительность жизни на Мадейрѣ равняется 35,16 лѣтъ. По расчету Баррала (Climat de Madère) одинъ смертный случай приходится на 39 жителей.

въ высшей степени, заразительна, и что она распространена на островѣ прїѣзжими больными иностранцами; практикующіе же на Мадейрѣ иностранные врачи сваливаютъ всю вину на дурныя гигиеническія условія, въ которыхъ живетъ вообще довольно бѣдный и, какъ мы видѣли, неблагоразумный народъ. Мнѣ кажется, что и тѣ, и другіе неправы, по крайней мѣрѣ неправы вполнѣ. Заразительность чахоточныхъ болѣзней есть вещь вообще еще очень сомнительная; если и бывають примѣры, указывающіе на вѣроятность зараженія, то они во всякомъ случаѣ очень рѣдки сравнительно съ примѣрами противоположнаго. Что же касается гигиеническихъ условій народа, то ихъ нельзя назвать особенно дурными во всѣхъ отношеніяхъ. Народъ питается отвратительно—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но за то онъ пользуется слѣдующими удобствами. Почти цѣлый день онъ проводитъ на воздухѣ, лучшемъ, какой только можетъ быть; такъ какъ на каменистомъ базальтовомъ грунтѣ не образуется стоячихъ водъ, то онъ не заражается всегда вредными болотными испареніями; почти всюду проведены подземныя трубы, выносящія нечистоты въ море и такимъ образомъ удаляющія одинъ изъ главныхъ источниковъ распространенія болѣзней (этимъ устройствомъ островитане обязаны англичанамъ). Улицы и дома, хотя далеко не безукоризненно чистые, содержатся тѣмъ не менѣе несравненно лучше, чѣмъ почти всюду на югѣ Европы, на примѣръ въ Италіи. Жилища рабочихъ, обыкновенно маленькіе, одно-этажные, часто крытые соломой дома, получаютъ, правда, мало свѣта, почему зимою бывають сыры; несмотря на то, ихъ однако же никакъ нельзя сравнивать съ вредными во всѣхъ отношеніяхъ квартирами европейскихъ бѣдняковъ.

Изъ эпидемическихъ болѣзней Мадейру неоднократно посѣщали довольно слабыя эпидеміи тифа и оспы и одинъ разъ — сильная холера. Довольно долго матерцы считали свой островъ предохраненнымъ отъ холеры и желтой лихорадки, свирѣпствовавшихъ въ другихъ мѣстахъ, но въ 1856 году они принуждены были горько разочароваться. Холера, какъ предполагають, завезенная гарнизономъ изъ Лиссабона, распространилась на островѣ съ такой ужасной быстротой и силою, что въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ изъ населенія въ 102,837 человекъ вышло 9000 жертвъ (по официальнымъ, но положительно невѣрнымъ отчетамъ, число умершихъ показано равнымъ 7,041). Распространенію эпидеміи помогло еще исключительное дурное матеріальное положеніе народа, вызванное винограднымъ кризисомъ и болѣзнію картофеля. Напуганные островитане тотчасъ стали при-

думывать средства къ предотвращенію новаго появленія холеры и остановились на слѣдующемъ. вмѣсто того, чтобы принять всѣ мѣры къ улучшенію положенія народа въ гигиеническомъ отношеніи, они рѣшили соблюдать съ наивозможной строгостью карантинныя правила и для этой цѣли положили выстроить лазаретъ на берегу моря, въ возможно уединенномъ мѣстѣ. Уже нѣсколько лѣтъ стоитъ на востокъ отъ Фуншала довольно большой и красивый лазаретъ, на постройку котораго было употреблено около 30,000 долларовъ, но его все не открываютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что еще не все отдѣлано внутри. Общее мнѣніе гласитъ, что его и впредь не откроютъ; одни говорятъ, что не хватило денегъ на окончаніе зданія; другіе же утверждаютъ, что мадерцы боятся открыть его изъ опасенія, что онъ недостаточно изолированъ. Въ результатѣ всего вышло, что денегъ потрачено множество, что на Мадейрѣ нельзя выдержать карантина ¹⁾, несмотря на то карантинныя стѣсненія соблюдаются часто самымъ возмутительнымъ образомъ, въ высшей степени препятствуя торговому движенію, что, конечно, въ концѣ концовъ ложится на народъ. Въ своемъ усердіи карантинныя власти дошли, наконецъ, до того, что стали препятствовать островитянамъ спасать матросовъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, ссылаясь на то, что они не могли представить достаточнаго числа санитарныхъ документовъ; только благодаря внимательству англійскаго консула удалось спасти несчастныхъ, качавшихся нѣсколько сутокъ въ лодкѣ безъ пищи и средствъ укрыться отъ холода (дѣло было среди зимы).

Изъ эндемическихъ мѣстныхъ болѣзней на Мадейрѣ существуетъ только одна, именно проказа, не столько опасная, сколько отвратительная болѣзнь, всѣмъ знакомая по крайней мѣрѣ по названію. Встрѣчающаяся на Мадейрѣ форма есть настоящая проказа, извѣстная у медиковъ подъ названіемъ *Lepa tuberosa*, такъ какъ она характеризуется образованіемъ на лицѣ и другихъ, подверженныхъ дѣйствию свѣта, частяхъ тѣла болѣе или менѣе крупныхъ клубнистыхъ опухолей, очень похожихъ на большія бородавки. Проказа, вопреки очень распространенному въ публикѣ убѣжденію, почти никогда не бываетъ заразительна, но за то очень часто переходитъ по наслѣдству. Хотя она въ настоящее время водится главнымъ образомъ въ теплыхъ странахъ, но иногда

¹⁾ Кроме нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ самому при возвращеніи съ Тенерифе пришлось выдержать трехсуточный карантинъ на маленькомъ, отвратительно содержимомъ пароходѣ — въ виду почти готоваго лазарета.

встрѣчается и въ умѣренномъ, какъ на примѣръ, въ Норвегіи. До конца пятнадцатаго и начала шестнадцатаго столѣтія проказа была довольно сильно распространена по всей Европѣ, но вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ условій совершенно исчезла, кромѣ очень немногихъ мѣстъ. Если читатель увидитъ въ этомъ благотворное вліяніе цивилизаціи, то онъ разочаруется, когда я скажу ему, что одновременно съ исчезновеніемъ отвратительной, но (по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ) не заразной проказы появился не менѣе отвратительный, но очень заразительный сифилисъ, вслѣдствіе чего многіе врачи даже считали послѣднюю болѣзнь только за особенное видоизмѣненіе первой. На Мадейрѣ существуютъ обѣ, рядомъ другъ съ другомъ, не обнаруживая между собою никакой філіаціи или другого тѣснаго генетическаго родства.

Мадейра съ давнихъ поръ славится рѣдкостью преступленій. Убіиства, столь частыя въ другихъ южныхъ странахъ, какъ на примѣръ, въ Італіи, Іспаніи и Корсикѣ, составляютъ на Мадейрѣ явленіе совершенно исключительное, что, по всей вѣроятности, отчасти объясняется болѣе покойнымъ, часто почти флегматическимъ характеромъ островитянъ. Вообще же главное препятствіе совершенію преступленій составляетъ трудность побѣга и почти невозможность укрыться на островѣ, почему также грабежъ и даже крупное воровство очень рѣдки. Взамѣнъ всего этого очень распространены недобросовѣстность и обманъ; чиновники берутъ взятки не хуже чѣмъ у насъ въ недавно-прошедшія времена и умѣютъ обходить законъ всѣми способами.

Выѣшней культурой мадерцы обладаютъ вполне. Въ народѣ существуетъ обычай кланяться всякому иностранцу и быть даже чересчуръ вѣжливымъ, часто низкопоклоннымъ. Болѣе просвѣщенный классъ отличается изысканной любезностью, но рѣдко къ кому можно въ равной степени примѣнить извѣстную поговорку: «мягко сесть, но жестко спать». Относительно умственной культуры мадерцы довольно далеки отъ совершенства. Въ деревняхъ немногія существующія школы почти пусты: народъ считаетъ гораздо болѣе полезнымъ непосредственно утилизировать своихъ дѣтей, чѣмъ заставлять ихъ учиться. Въ Фуншалѣ же наоборотъ, молодое поколѣніе усердно посѣщаетъ первоначальныя школы, видя прямую выгоду отъ обученія. Мнѣ сплошь и рядомъ бросалось въ глаза, что родители не знаютъ грамоты, тогда какъ ихъ десяти и двѣнадцатилѣтнія дѣти уже умѣютъ читать и писать. Очень многія

изъ нихъ умѣютъ говорить по-англійски (взамѣнъ чего очень немногіе англичане знаютъ по-португальски). Такъ какъ почти всѣ граждане находятся въ болѣе или менѣе непосредственной зависимости отъ иностранцевъ, то ихъ познанія служатъ имъ очень важнымъ орудіемъ конкуренціи.

Высшаго образованія на Мадейрѣ почти никто не имѣетъ. На островѣ существуетъ духовная семинарія, затѣмъ родъ лицей, въ которомъ преподаютъ все, но въ чрезвычайно ограниченныхъ размѣрахъ, и еще такъ-называемая медицинская школа. Последняя находится при госпиталѣ; два состоящихъ при немъ врача преподаютъ всю медицинскую премудрость; они же уполномочены выдавать дипломы на право практикованія на островѣ. Разсказываютъ замѣчательныя вещи про познанія такихъ эскулаповъ. Главная суть образованія считается въ умѣннѣ говорить по-французски и по-англійски. Ни въ наукамъ, ни въ искусствамъ мадерцы не обнаруживаютъ наклонностей. Почти все, что извѣстно въ научномъ отношеніи на счетъ естественной исторіи острова, сдѣлано посѣщавшими его иностранцами. Немногіе португальцы, изучавшіе Мадейру, коллекторы въ самомъ узкомъ смыслѣ слова. Можетъ показаться гораздо болѣе страннымъ, что мадерцы замѣчательно немзыкальны. Въ народѣ почти никто никогда не поетъ; вѣрѣе вы услышите особенный родъ протяжнаго завыванія, затѣняющій пѣніе. Національный инструментъ (вышеупомянутая машета) служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія музыкальнаго вкуса мадерцевъ. Машета есть не что иное какъ маленькая четырехструнная гитара, скорѣе, впрочемъ, напоминающая балалайку, чѣмъ настоящую испанскую гитару. Подъ каждый праздникъ (а таковыхъ чрезвычайно много) часто до самой глубокой ночи по улицамъ раздаются однообразные дребезжащіе звуки этого инструмента.

III.

Общія данныя о климатѣ Мадейры.—Температура, вѣтры и влажность.—Видъ растительнаго покрова въ разныя времена года.—Нѣкоторые условія жизни на островѣ.

Цѣль этой главы чисто практическая. Въ ней я намѣренъ указать на выдающіяся достоинства мадерскаго климата, имѣя въ виду грудныхъ больныхъ, которыхъ такъ много во всѣхъ углахъ Россіи. Что температура воздуха имѣетъ значительное вліяніе на теченіе хроническихъ грудныхъ болѣзней,—есть фактъ,

не подлежащій сомнѣнію, также какъ и то, что нигдѣ не существуетъ другого мѣста, въ которомъ климатъ былъ бы столь равномерный и теплый, какъ на Мадейрѣ. Я полагаю, что уже этихъ двухъ фактовъ достаточно для признанія достоинства Мадейры, какъ климатической лечебной станціи, хотя этимъ я отнюдь не имѣю намѣренія сказать, чтобы она была специфическимъ средствомъ отъ чахотки, какъ это многіе воображаютъ. У насъ даже многіе врачи имѣютъ невѣрное представленіе о климатѣ Мадейры, такъ какъ они забываютъ главное достоинство его, именно, одинаковую умѣренность какъ зимы, такъ и лѣта. Кромѣ того, очень распространено заблужденіе, будто Мадейра есть полудикая страна, въ которой жизнь страшно дорога, и потому доступна только для «лордовъ, графовъ и князей». Въ результатъ выходитъ, что на Мадейрѣ, куда ѣдетъ столько нашихъ сосѣдей—нѣмцевъ, контингентъ русскихъ больныхъ самый ничтожный (въ нынѣшнемъ году, напр., туда не пріѣхало ни одного больного изъ Россіи, въ прошломъ году—два), да и тѣ немногіе, которые пріѣзжаютъ туда, являются позже, чѣмъ слѣдовало бы, испробовавши предварительно всѣ ближайшія къ Россіи и несравненно худшія климатическія станціи. У насъ многіе не затрудняются ѣхать на Кавказъ, но ни за что не соглашаются совершить такое же или нѣсколько болѣе длинное путешествіе на Мадейру, хотя о сравненіи климатовъ обоихъ пунктовъ не можетъ быть и рѣчи.

Средняя годовая температура Фуншала нѣсколько менѣе, чѣмъ на югѣ Испаніи, и болѣе трехъ градусовъ ниже, чѣмъ въ Алжирѣ, пунктѣ, лежащемъ почти на пять градусовъ сѣвернѣе Мадейры ¹⁾. Сравнительно низкая цифра годовой температуры Фуншала, цифра, равняющаяся 18,3° Цельсія, обусловливается равномернымъ распредѣленіемъ тепла въ теченіе цѣлаго года и слѣдовательно выражаетъ главнѣйшее достоинство климата ²⁾. Разница средней температуры лѣта и зимы составляетъ въ Фуншалѣ

¹⁾ Фуншалъ находится на широтѣ 32° 37'.

²⁾ Для того, чтобы можно было лучше судить о климатѣ Мадейры, я заимствую изъ цитированнаго сочиненія Миттермайера слѣдующую таблицу:

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентяб.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Средн.
Фуншалъ.	15,4	15,7	16,6	16,7	17,5	19,4	21,1	22,2	21,8	19,3	17,8	16,4	18,3
С. Крузъ де-Тенерифе.	17,7	17,9	19,6	19,7	22,4	23,3	25,2	26,1	25,2	23,7	21,3	18,8	21,7
Мадрага.	11,7	12,8	14,9	17,6	20,0	23,2	27,2	27,7	25,8	19,9	16,4	12,6	19,1
Палермо.	10,8	10,8	12,1	14,5	17,7	20,5	22,4	23,2	21,6	20,7	15,6	12,4	16,8
Каиро.	14,4	13,2	18,2	25,6	25,8	28,7	29,9	29,9	25,8	22,0	16,8	16,1	22,2

пять градусовъ (15,8° ср. темп. зимы, 20,9° — ср. темп. лѣта), въ Каиро же, зима котораго почти на полтора градуса холоднѣе, разница между зимою и лѣтомъ равняется пятнадцати градусамъ. Чтобы читатель могъ себѣ составить болѣе ясное понятіе о значеніи этихъ цифръ, ему слѣдуетъ имѣть въ виду для сравненія, то соотвѣствующая разница для московскаго климата равняется приблизительно 26°, а для Иркутска—30°, т.-е. ровно въ шесть разъ болѣе, чѣмъ для Фуншалъ. Температура самаго холоднаго мѣсяца (января) на Мадейрѣ равняется 15,4°, тогда какъ въ Каиро, городѣ, лежащемъ на два съ половиною градуса южнѣе, она составляетъ только 14,4° (въ Палермо она доходить только до 10,8°). Относительно же самаго жаркаго мѣсяца мы замѣчаемъ совершенно обратное отношеніе. Средняя температура августа въ Фуншалѣ равняется 22,2°, въ Палермо же, лежащемъ на пять съ половиною градусовъ сѣвернѣе, она уже составляетъ 23,2° (въ Каиро она доходитъ до 29,9°). Равнѣрность мадерскаго климата выражается не только въ распредѣленіи температуры по мѣсяцамъ и временамъ года, но и въ отсутствіи рѣзкихъ различій между температурою различныхъ часовъ дня и ночи ¹⁾. Самое низкое состояніе термометра, какое было наблюдаемо въ Фуншалѣ, было на 8,1°, а самое высокое—27°. Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ легко усмотрѣть тѣ свойства климата, которыя ставятъ Мадейру выше всѣхъ извѣстныхъ климатическихъ станцій на свѣтѣ.

Мадейра, лежащая уже въ пассатной полосѣ, подвергается по преимуществу вліянію сѣверовосточнаго и отчасти сѣвернаго вѣтровъ, которые дуютъ лѣтомъ вообще гораздо чаще, чѣмъ зимой. Это обстоятельство оказывается для мадерскаго климата вообще очень благоприятнымъ. Фуншалъ, обращенный на юговостокъ, вполне защищенъ отъ преобладающаго вѣтра и потому въ немъ нерѣдко бываетъ совершенно тихо въ то время, когда на сѣверной сторонѣ вѣтеръ, какъ говорятъ, валитъ съ ногъ. Лѣтомъ же, когда всѣ больные переселяются въ горы или на сѣверную часть острова, сѣверовосточный вѣтеръ приноситъ съ собою необходимую прохладу и свѣжесть. Южный вѣтеръ дуетъ на островъ чрезвычайно рѣдко, столь же рѣдко, какъ и особенный юговосточный вѣтеръ, пользующійся на Мадейрѣ очень дурной

¹⁾ Вотъ въ подтвержденіе этого цифры, показывающія разницу между температурой 9 часовъ утра и 6 вечера семи мѣсяцевъ:

Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.
3,4	3,5	2,6	3,5	2,2	2,3	2,2

репутацией и извѣстный тамъ подъ названіемъ *лесте*. Этотъ вѣтеръ справедливо считается африканскимъ; онъ приходитъ съ сѣверо-западной пустынной части материка и отличается необыкновенной сухостью; когда онъ дуетъ, то даже здоровые ощущаютъ значительное томленіе и духоту, а дерево и переплеты книгъ, отъ высыхания, сильно коробятся. Иногда его круглый годъ не бываетъ вовсе, иногда же (какъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году) онъ является раза два-три въ годъ и продолжается обыкновенно не болѣе двухъ дней. Бури и грозы на Мадейрѣ весьма рѣдки, особенно послѣднія.

Хотя дожди на Мадейрѣ не часты, тѣмъ не менѣе климатъ ея принадлежитъ къ числу влажныхъ, что составляетъ одну изъ главныхъ причинъ его, превосходства передъ всѣми прочими климатическими станціями. Количество падающаго въ годъ дождя равняется 26-ти парижскимъ дюймамъ, т.-е. немного больше, чѣмъ въ Лиссабонѣ, Эдинбургѣ, Штутгартѣ и Страсбургѣ,¹ и значительно меньше, чѣмъ въ Ливерпулѣ, Дуврѣ, Женевѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Бергенѣ, Римѣ, Генуѣ, Флоренціи и многихъ другихъ итальянскихъ городахъ. Больше всего дождя на Мадейрѣ падаетъ зимою, всего же меньше—лѣтомъ; настоящаго дождливаго періода, какъ подъ тропиками, не существуетъ. Сильная роса составляетъ величайшую рѣдкость, что зависитъ исключительно отъ вышеупомянутой равномерности въ распредѣленіи тепла въ теченіе сутокъ. Снѣгъ выпадаетъ въ горахъ на короткое время, въ продолженіе нѣкоторыхъ зимнихъ мѣсяцевъ, иногда же поздней осенью и ранней весною; впрочемъ онъ никогда не спускается ниже 2500 футовъ надъ поверхностью моря. Во время моего пребыванія на островѣ, снѣгъ только однажды держался на высокихъ горахъ въ теченіе двухъ или трехъ дней. Вполнѣ безоблачные дни на Мадейрѣ довольно рѣдки; большею частью вершины горъ бываютъ покрыты густыми облаками, указывающими на степень влажности окружающей атмосферы. Туманы очень рѣдки въ Фуншалѣ, какъ и вообще въ прибережной полосѣ южнаго склона острова, на горахъ же они весьма часты.

Благодаря всѣмъ тѣмъ особенностямъ климата, которыя я вкратцѣ перечислилъ, растительная сила круглый годъ не перестаетъ дѣйствовать. На Мадейрѣ, какъ уже было сказано въ первой главѣ, встрѣчаются растенія почти всѣхъ климатовъ и широтъ земного шара; они-то (растенія) придаютъ острову (по преимуществу южной его части) тотъ необыкновенно радостный, свѣжій видъ, который поражаетъ всякаго пріѣзжающаго въ любое время года. Зимою дубы, платаны, каштаны и нѣкоторыя

другія, свойственные среднимъ широтамъ деревья, теряютъ листву; но теряютъ они ее не надолго: часто старые листья на дубѣ не успѣли еще засохнуть, какъ уже появляются цвѣты и начинаютъ распускаться свѣжіе, молодые листочки. Большинство же деревьевъ сохраняютъ листья круглый годъ; къ числу такихъ принадлежатъ почти всѣ тропическія плодовые деревья и много другихъ, какъ, напр., магноліи, лавровыя, пальмовыя, розжевыя и другія. Больше всего свѣжести придаетъ зимою и осенью сахарный тростникъ, растущій очень хорошо во влажномъ мадерскомъ климатѣ и отличающійся своимъ свѣтлозеленымъ, слегка переходящимъ въ желтоватый, цвѣтомъ. Въ началѣ весны онъ созрѣваетъ и блекнетъ, но на мѣсто его выступаетъ, растущій во всѣхъ частяхъ города, виноградъ, распускающій молодые, свѣжіе листья и притомъ выходящій не по низенькимъ тычкамъ, какъ въ Швейцаріи и Германіи, а свободно разстилающійся по трельяжу. Въ это же время распускаются листья дубовъ, а вскорѣ потомъ — каштаны и платаны, зацвѣтаетъ множество цвѣтовъ, въ которыхъ впрочемъ и зимою не бываетъ недостатка, и растительность принимаетъ тотъ общій колоритъ, который столь рѣзко характеризуетъ весну. Вслѣдствіе богатства атмосферы водяными парами, растительный покровъ Мадейры не принимаетъ унылой формы, какъ въ другихъ теплыхъ странахъ, и вамъ стоить взглянуть или на плантаціи сахарнаго тростника, молодые кусты котораго рѣзко выступаютъ среди прочей, болѣе темной зелени, или же на густыя рощи каштановъ, растущія, впрочемъ, на высотѣ болѣе тысячи футовъ, чтобы почувствовать достоинства климата. Осень на югѣ, какъ извѣстно, есть нѣчто въ родѣ второй весны. Снова появляется множество цвѣтовъ; деревья все еще покрыты листьями и, кромѣ того, плодами. Разнообразіе послѣднихъ на Мадейрѣ довольно велико. Рядомъ съ европейскими плодами, какъ яблоки, груши, сливы, персики и проч., на ней растетъ много тропическихъ плодовъ, которые (за исключеніемъ ананаса) извѣстны у насъ больше по имени. Между ними есть такіе, которые отличаются сильнымъ смолистымъ запахомъ, какъ, напр., манго, гуава, питтанги (*Eugenia brasiliensis*); есть, напротивъ, плоды съ очень нѣжнымъ и слабымъ ароматомъ, какъ аноны или папайи (плоды арбузнаго дерева); есть даже плоды, которые имѣютъ совершенно маслянистый вкусъ (плоды лавроваго дерева *Persea gratissima*) и которые поѣдаютъ съ солью и сыромъ. Круглый годъ зрѣютъ только бананы и притомъ въ такомъ количествѣ, что несмотря на значительное потребленіе ихъ на островѣ,

они составляютъ предметъ внѣшней торговли и вывозятся въ Англію и Португалію.

Всего сказаннаго достаточно для общей характеристики мадейскаго климата. О вліяніи послѣдняго на больныхъ я распространяться не стану, тѣмъ болѣе, что читатель найдетъ объ этомъ предметѣ самое обстоятельное изложеніе въ вышеприведенномъ сочиненіи доктора Миттермайера, а также въ болѣе новыхъ, хотя и менѣе содержательныхъ трактатахъ Шульце и Баррала. Въ англійской литературѣ существуетъ очень хорошее сочиненіе Мадейръ, въ которомъ, между прочимъ, разсматривается и балло-неологическая сторона острова, именно монографія Уайта и Джонсона: *Madeira, its Climate and Scenery*.

У насъ многіе считаютъ Мадейру какимъ-то отдаленнымъ, почти заброшеннымъ захолустьемъ, живя въ которомъ человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ всякихъ мірскихъ интересовъ. Между тѣмъ это крайне несправедливо. Мадейра есть одна изъ главныхъ станцій на пути въ Африку и южную Америку, и поэтому на нее ежемѣсячно заходитъ изъ Англіи шесть или восемь пароходовъ (идущихъ притомъ въ опредѣленные числа и вообще очень аккуратно), изъ которыхъ одни направляются въ англійскія гвинейскія колоніи, другія же — на мысъ Доброй Надежды, а третьи — въ Бразилію. Кромѣ того, изъ Лиссабона идетъ пароходъ одинъ или два раза въ мѣсяцъ, совершая переѣздъ въ двое или трое сутокъ (изъ Англіи же въ Фуншалъ шесть сутокъ ѣзды). Почта приходитъ довольно аккуратно (изъ Петербурга обыкновенно на двѣнадцатый или тринадцатый день) и приноситъ съ собою много газетъ и журналовъ, расходящихся по различнымъ кружкамъ. Часть ихъ идетъ въ англійскій или португальскій клубы, доступъ въ которые довольно легокъ, отчасти же въ газетный локаль, въ которомъ получаютъ англійскія, французскія, португальскія и нѣмецкія газеты. Гостинницъ въ Фуншалѣ достаточно, и хотя онѣ и не поражаютъ васъ блескомъ и шикомъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ все устроено хорошо и удобно; большинство ихъ содержится англичанами и притомъ совершенно на англійскій ладъ. Въ нихъ живутъ обыкновенно за 10 фунтовъ (около 75 рублей) въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, на подобіе швейцарскихъ пансіоновъ, только несравненно лучше. Частныхъ квартиръ очень мало, но за то есть много такъ-называемыхъ кинтъ, т. е. домовъ и домовиковъ различной величины, почти всегда меблированныхъ и снабженныхъ всякою домашнею утварью: постелями, кухонной посудой и проч. Такія кинты приспособлены для большихъ и маленькихъ семействъ и стоятъ онѣ отъ сорока фунтовъ стерлин-

говъ до полутора ста и болѣе (до 500) въ сезонъ, продолжающійся обыкновенно восемь мѣсяцевъ (съ октября по конецъ мая). Жизнь въ кинтахъ обходится не очень дорого, примѣрно, также какъ въ большихъ русскихъ городахъ. На лѣто иностранцы, остающіеся на островѣ, обыкновенно переселяются или въ горы, или же на сѣверную часть. Въ горахъ южнаго склона разсѣяны большія и маленькія дачи, въ которыхъ обыкновенно все устроено хуже и болѣе на живую нитку, чѣмъ въ городѣ. На сѣверной же сторонѣ острова, гдѣ существуетъ очень маленькій и очень сѣверный городокъ Санъ-Винсенте (или Санъ-Висенте, какъ говорятъ мадерцы) и большая деревня Санта-Анна, можно устроиться только въ португальской гостинницѣ, находящейся въ послѣднемъ изъ двухъ названныхъ мѣстъ и принадлежащей къ числу посредственныхъ. Нерѣдко больные уѣзжаютъ въ деревню Камаша, лежащую однако же слишкомъ высоко (болѣе двухъ съ половиною тысячъ футовъ) и потому слишкомъ подверженную туманамъ и вообще сырую.

Если можно съ полнымъ правомъ сказать, что Мадейра представляетъ иностранцу все, что нужно для тихой и спокойной семейной жизни, которая собственно всего болѣе подходяща для больныхъ людей, за то она всего менѣе даетъ любителямъ общественной жизни и развлеченій. Вѣроятно вслѣдствіе этой причины Мадейру рѣже всѣхъ иностранцевъ посѣщаютъ французы, которые тамъ составляютъ положительную рѣдкость. Хотя въ Фуншалѣ есть маленькій театръ, но на немъ играютъ только любители и то изрѣдка, да къ тому же на португальскомъ языкѣ, одномъ изъ самыхъ неблагозвучныхъ и некрасивыхъ языковъ въ свѣтѣ. Концерты чрезвычайно рѣдки и даются случайно попавшими на островъ артистами съ чахоточнымъ расположеніемъ.

Ил. Мечниковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ

ГАЛИЦІИ

Мы имѣли случай говорить о политическомъ движеніи въ Галиціи *). Оно, къ сожалѣнію, сказали мы, сводится на одно «политиканство», такъ какъ не имѣетъ себѣ твердой опоры ни въ народѣ, ни въ наукѣ, ни вообще въ просвѣщеніи. Но есть еще другая сторона дѣла, по которой можно судить о положеніи вещей въ Галиціи; это — движеніе литературное, просвѣтительное, въ которомъ нельзя не видѣть здоровыхъ ростковъ лучшей будущности русскихъ въ Галиціи. Впрочемъ, самый главный союзникъ этого движенія, — время, ведущее за собою естественный подростъ людей.

*) См. статью: „Русскіе въ Галиціи“, выше: янв. 115; февр. 769 стр.—Одинъ изъ корреспондентовъ „Голоса“ поторопился нашему автору возразить, — если только брань, гаданія о личности автора и подборъ искусственный фактовъ могутъ быть названы возраженіями. Съ такими противниками, лучший отвѣтъ на „возраженія“ есть новый трудъ, изъ котораго читатель увидитъ самъ и неосновательность той брани, и неблагоприятность гаданій о томъ или другомъ происхожденіи автора, о мѣстѣ его службы и т. д., и наконецъ, получить въ руки факты, не подобранные искусственно въ видахъ мѣстной партіи, а взятые свободно изъ самой жизни народа, впервые пробуждающагося умственно. Авторъ весьма справедливо говорить въ настоящей статьѣ, что русская журналистика очень мало занимается Галиціей, и еще справедливѣе прибавляеть къ этому: „и это, пожалуй, самое лучшее еще съ ея стороны“—такъ какъ молчать лучше, нежели путать, или, подобно „Голосу“, пѣть съ чужого голоса, служа безсознательнымъ органомъ какой-нибудь мѣстной партіи, и притомъ партіи далеко не лучшаго свойства. — *Ред.*

1848-й годъ засталъ галичанъ въ расплохъ. Кромѣ небольшого числа археологовъ и духовныхъ, воспитанныхъ строго-семинарски, — другихъ дѣателей русинскихъ не было. Народъ былъ не только безграмотенъ, но и безправенъ. Со времени прекращенія остатковъ крѣпостной зависимости, со времени оживленія торговли, промышленности, успѣло образоваться даже среди крестьянъ и мѣщанъ русскихъ хотя небольшое число людей, которыхъ можно назвать зародышемъ національнаго средняго сословія, т.-е. людей, которые имѣютъ настолько достатка, чтобъ посылать дѣтей въ среднюю и высшую школу, интересоваться книгой, театромъ на родномъ языкѣ, подать сознательно голосъ на выборахъ. Все больше и больше распложается число такихъ людей, — а каковы бы тамъ онѣ ни были, все-таки свѣтскія школы русинскія, даже полу-польскія и даже чисто-польскія даютъ возможность подрастающей молодежи группироваться между собою и развиваться въ національномъ направленіи, посредствомъ взаимнаго вліянія, чтенія и т. д. Теперь уже при каждой гимназій, учительской семинаріи мы видимъ кружки русской молодежи, которая готовится къ будущей борьбѣ за народъ и народность. Съ 1848 г. число русской молодежи, получившей свое образованіе не въ училищахъ только ставропигіальной лавры, а въ университетахъ львовскомъ, какъ онъ ни плохъ, — и особенно въ вѣнскомъ, и въ вѣнскомъ политехникумѣ, растетъ съ каждымъ годомъ. А молодежь, то открыто національнаго направленія, то хотя бы, «страха ради польска», и умѣреннаго и осторожнаго, все больше проникаетъ въ край не только на педагогическія должности, не только въ русскія, но и въ польскія учрежденія, но и въ чиновники администраціи, суда, финансовъ, въ промышленность, въ городскія учрежденія (особенно въ Станиславовѣ и Перемышлѣ), что даетъ имъ вліяніе на назначеніе лицъ въ школы, зависящія отъ городскихъ учреждений, даже такія, какъ женскія гимназій, и устраивать полу-легально русскіе курсы для русскихъ учениковъ и ученицъ и не чисто-русскихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ старое выраженіе полявовъ, что русины — только «попы и хлѣбы», все больше теряетъ смыслъ. Volens-polens, а полявамъ приходится считаться съ этой нарастающей молодежью русской и дѣлать уступки ея національному направленію въ школѣ и жизни: такъ, напр., недавно даже въ краковскомъ университетѣ должны были допустить экзамены и на русскомъ языкѣ, кромѣ польскаго. Во львовскомъ университетѣ, вслѣдствіе объявленнаго въ томъ году министерскаго распоряженія, дозволившаго произнесеніе актовъхъ рѣчей не только по-латыни и по-нѣмецки, но и на мѣстныхъ

галицкихъ языкахъ, стоявшій на очереди проф. Огоновскій произнесъ рѣчь о славянскихъ языкахъ и о русинскомъ въ частности, и заключилъ мыслью о необходимости равноправности его съ польскимъ.

Это численное нарастаніе русинской интеллигенціи и даетъ ей возможность пользоваться тѣми средствами для борьбы въ частной жизни съ польскимъ элементомъ, для самопомощи, какія представляетъ австрійская конституція; а нарастаніе интеллигенціи свѣтской, т.-е. болѣе способной усвоить политическія и культурныя идеи нашего времени, вообще благоприятныя демократически-національнымъ стремленіямъ,—а русинская національная партія фатально должна, чтобъ существовать, стать демократическою,—нарастаніе интеллигенціи свѣтской есть залогъ того, что русинское національное возрожденіе на будущее время окажется способнѣе понять свои задачи и средства, чѣмъ ставропигіальныя политики 1848 и 1861 г.

Число депутатовъ русскихъ въ сеймѣ и въ рейхсратѣ въ послѣднее время все уменьшалось. Но за то въ послѣднее же время возрастало, какъ количество русскихъ журналовъ (изъ коихъ «Слово», «Основа», «Правда», «Учитель», «Ластівка», «Сіонъ русскій», «Сборникъ Литературный», — выходятъ въ Львовѣ, а «Рада Русска», «Наука», «Читальня» — въ Коломиі), количество разнаго рода русскихъ ассоціацій, такъ и число членовъ въ издавна уже существующихъ ассоціаціяхъ. Такъ, кромѣ существующаго съ сороковыхъ годовъ общества «Галицко-руска Матица», которое впрочемъ представляется всегда комитетомъ, какъ и «Народный Домъ», и кромѣ Ставропигіальнаго института, основаннаго въ 1870 г. и общество «Руска Рада»; — «Руська Бесѣда», издавна собирающееся въ «Народномъ Домѣ» общество, считаетъ въ Львовѣ болѣе 100 мѣстныхъ членовъ, несмотря на то, что многіе изъ членовъ старой партіи вышли изъ общества съ тѣхъ поръ, какъ въ комитетѣ его большинство стало принадлежать народной партіи. «Русская бесѣда» имѣетъ читальню въ «Народномъ Домѣ», устраиваетъ музыкально-литературные вечера и комитетъ ея завѣдываетъ русскимъ театромъ. Съ каждымъ годомъ все расширяетъ свою дѣятельность и основываетъ въ меньшихъ городахъ свои агенціи и отдѣленія товарищество «Просвѣта», которое устраиваетъ публичныя лекціи и занимается главнымъ образомъ составленіемъ и распространеніемъ книгъ для народнаго чтенія и учебниковъ для школъ среднихъ. Въ провинціальныхъ городахъ вездѣ существуютъ болѣе или менѣе организованныя русскіе кружки, изъ которыхъ болѣе открытою федера-

листическою и демократическою программю отличается «Народная Рада» въ Перемышлѣ. Среди учащейся молодежи при львовскомъ университетѣ существуетъ общество взаимнаго пособія и кредита подъ названіемъ «Дружескій Лихварь», имѣющее болѣе 100 членовъ; и отдѣлившееся отъ него товарищество студентовъ, держащихся идей «Слова», «Академическій кружокъ», имѣющій около 30 членовъ. Въ Вѣнѣ тоже существуетъ два русскихъ товарищества, преимущественно изъ учащейся въ тамошнихъ высшихъ школахъ молодежи: «Свѣтъ», партіи «народной», и «Русская Основа», партіи «Слова». Оба товарищества имѣютъ небольшія библіотеки, устраиваютъ сборы въ торжественные дни, чтенія и т. п. съ участіемъ членовъ и другихъ славянскихъ кружковъ. «Свѣтъ» имѣла въ послѣдній годъ 39 членовъ; печатнаго отчета о числѣ членовъ и дѣятельности «Русской Основы» мы, къ сожалѣнію, не встрѣчали въ послѣднее время. Почти два года существуетъ въ Львовѣ и русское музыкальное общество «Торбанъ», въ которомъ участвуютъ нѣсколько начинающихъ появляться въ Галиціи русскихъ композиторовъ.

Хотя еще не образовалось русскаго кружка для развитія искусствъ пластическихъ, но уже стали появляться и русскіе живописцы, между которыми выдается г. Устіановичъ, сынъ поэта и патріота галицкаго сороковыхъ годовъ и самъ пишущій стихи. Кромѣ церковныхъ сюжетовъ, г. Устіановичъ пробовалъ свою кисть и въ нѣкоторыхъ картинахъ изъ народной жизни, что показываетъ, что болѣе реальное направленіе въ Галиціи, — такъ еще слабое тамъ, — проходитъ уже и въ пластическія искусства. Недавно русинская интеллигенція надумалась навонецъ учредить товарищество въ средѣ дѣйствительно народной: нѣсколько лицъ партіи «народной» собрали съ небольшимъ 100 гульденовъ, чтобы помочь основанію товарищества рабочихъ русскихъ въ Львовѣ «Побратимъ», зерно которому составили 20 человекъ рабочихъ, которые прежде, за неимѣніемъ русскаго товарищества въ такомъ родѣ, принадлежали въ польскому обществу «Gwiazda»; это послѣднее имѣетъ уже около 1000 членовъ, изъ коихъ, если вѣрить русинскимъ газетамъ, почти половина русскіе. Невѣроятнаго тутъ нѣтъ ничего, такъ какъ хотя мѣщанство въ Львовѣ можно считать почти все уже польскимъ, крестьянство около Львова все-таки русское, и русинскимъ патріотамъ пора уже давно было подумать объ организаціи русскихъ рабочихъ во Львовѣ, если они хотѣли дѣйствительно быть патріотами. Основаніе товарищества «Побратимъ», которое польскія газеты уже успѣли провозгласить «москалофильскимъ» и «православнымъ», т.-е. опаснымъ

для Австріи, есть вдвойнѣ пріятное явленіе, потому что, хотя, судя по именамъ лицъ, подписавшихъ денѣги на основаніе товарищества, и доктора, который изъявилъ охоту лечить бесплатно членовъ его, наибольшую помощь дѣлу оказала партія народная, но львовскіе патріоты отступили на этотъ разъ отъ обычныхъ своихъ пререканій, — и представители партіи «Слова» выказали готовность помочь этому дѣлу: по крайней мѣрѣ для бібліотеки товарищества пожертвовали не только товарищество «Просвѣта» (40 книгъ), но и г. Дѣдицкій (23 книжки), «Матица» (32 кн.) и даже «Институтъ Ставропигійскій» расщедрился на книги цѣною на 20 гульденовъ и на обѣщаніе давать по 25 гульд. въ мѣсяцъ.

Органъ народной партіи «Правда» привѣтствуетъ проявившуюся въ этомъ случаѣ солидарность галицкихъ партій и желаетъ ей «повторяться почаще, — потому что, говорить онъ, въ нашихъ дѣлахъ народныхъ есть много точекъ, въ которыхъ русины обоихъ направленій, безъ нарушенія своихъ специфическихъ понятій, могли бы идти рука въ руку и совмѣстно работать надъ поднятіемъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ народа». Мы рады бы были, еслибъ въ самомъ дѣлѣ эта въ недавнее время проявившаяся солидарность и это пожеланіе органа одной изъ русинскихъ партій не были только отдѣльнымъ фактомъ и фразой, не имѣющей послѣдствій, а были началомъ обдуманнаго поворота въ политикѣ обѣихъ русинскихъ партій, — разногласіе между которыми, по крайней мѣрѣ между искренними людьми въ обоихъ лагеряхъ, происходитъ очень часто тоже изъ-за слишкомъ высокихъ политиканскихъ матерій, или слишкомъ отдаленныхъ, — какъ напр., одинакова ли Русь галицкая съ московскою, или изъ-за слишкомъ формальныхъ, какъ, напр., правописаніе, а то изъ-за личностей. Оставивши хоть на время всякую ѣзду на конѣ высокой политики, отложивши до болѣе удобныхъ временъ политическій синтезъ, а сосредоточивши вниманіе на работѣ, такъ сказать, аналитической, русинскіе патріоты могли бы дѣйствовать гораздо согласнѣе, и потому гораздо плодотворнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

Впрочемъ, приведенныя выше слова «Правды» представляютъ не первый примѣръ, со стороны народовцевъ, призванія своихъ теоретическихъ противниковъ къ согласной дѣятельности среди народа. Еще въ 1871 г., когда поднятъ былъ вопросъ о примиреніи русинскихъ партій и «Слова» раздѣлило русиновъ на «твердыхъ» и «мягкихъ», — г. Качала въ своихъ статьяхъ по этому поводу говорилъ: «раздѣленіе между нами произошло изъ-за вопроса

объ общерусскомъ литературномъ языкѣ, — или даже объ общеславянскомъ... Но людѣ нашѣ терпѣть отъ жидовскаго лихоимства, отдается въ руки панства, упадаетъ матеріально и т. д., — а причина тому, что тѣмѣнь. Развѣ, напр., Россія можетъ помѣшать умному жиду обманывать темнаго хлопа? Во всякомъ случаѣ, съ Россіей или безъ Россіи, тутъ можетъ помочь только просвѣщеніе. Однакожѣ, какъ теперь устраиваются дѣла на политическомъ небосклонѣ, Россія, навѣрно, не придетъ къ намъ на помощь. Умно ли, поэтому, изъ-за какихъ-то неясныхъ надеждъ задерживать просвѣщеніе народа и губить народность? Политика наша единственно должна стремиться къ народному просвѣщенію, которое можетъ быть достигнуто скоро и вѣрно только на основѣ употребляемаго теперь народомъ языка. Додамъ къ этому, что и великорусскій языкъ не утратитъ ничего, а напротивъ много можетъ попользоваться, если рядомъ съ нимъ будетъ не только стоять, но и разрабатываться языкъ малорусскій... Иные говорятъ, что языки мало- и велико-русскій въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи сойдутся и должны сойтись. «Затѣмъ, говорятъ, идти двумя дорогами? Лучше сразу писать по-великорусски?» Затѣмъ, что черезъ это задерживается просвѣщеніе, а черезъ то бѣднѣетъ народъ, — и земля, эта основа народности, переходитъ тѣмъ временемъ въ чужія руки. Не лучше ли было бы расширять просвѣщеніе на народномъ языкѣ, увеличивать благосостояніе народное и оставить сліяніе языковъ идти его естественнымъ ходомъ, если оно должно наступить: все въ свѣтѣ требуетъ своего часу и ходу натурального, иначе обращается во вредъ, а не въ пользу. Дѣлать то, что само должно наступить, т.-е., сливать языки преждевременно и черезъ то оставлять или затруднять просвѣщеніе народное, — поддерживать темноту и губить народъ, — будто это въ интересѣ народной политики, будто къ этому можно относиться равнодушно?!... Мы вовсе не думаемъ бросать перчатку Россіи, ... мы думаемъ, что и всѣ славяне могли бы принять великорусскій языкъ за дипломатическій между собою, какъ предметъ обязательный въ школахъ, хотя и не могутъ принять его, какъ (исключительный) языкъ преподаванія, какъ правительственный языкъ въ судахъ и администраціи... Иное дѣло интересы общеславянскіе, и иное домашніе и народныя интересы каждаго народа... Что до различій въ мнѣніяхъ по галицкому литературному вопросу, — то главная разница между такъ-называемыми «твердыми» и «мягкими» русинами такова: «твердые» хотятъ прежде всего языка литературнаго (готоваго) и просвѣщенія посредствомъ этого языка; «мягкіе» хотятъ прежде

всего просвѣщенія. А такъ какъ оно можетъ разцвѣсти только на народномъ языкѣ, — то они и хотятъ, чтобъ оно сообщалось на народномъ языкѣ и чтобъ языкъ этотъ вырабатывался до высшей литературы. Которая сторона имѣетъ передъ собою будущность, — не мое дѣло судить. Но только пора намъ всѣмъ поставить себѣ цѣлю: «просвѣщеніе на основѣ народнаго языка», а остальное предоставить времени и Богу». («Основа», 1871, № 9).

Мы должны впрочемъ сказать, что г. Качала нѣсколько идеализируетъ своихъ «мягкихъ», которые, къ сожалѣнію, далеко еще не всѣ пришли къ столь практическимъ идеямъ, какія высказываетъ самъ почтенный г. Качала. Въ томъ-то и дѣло, что и «мягкіе» тоже заботятся о «литературномъ языкѣ» для высокихъ матерій, для науки и публицистики, — и не могутъ, конечно, во все оставить заботу эту; потому что хотя самое насущное дѣло галицкихъ патріотовъ должно быть конечно народное элементарное образованіе, а слѣдовательно самое главное дѣло и для галицкой литературы — составленіе элементарныхъ научныхъ книгъ, — но все-таки жизнь побуждаетъ хоть нѣкоторыхъ литераторовъ и къ писанію о высшихъ матеріяхъ: надо, вѣдь, и писать политическія статьи, и читать лекціи въ университетѣ и т. д., — а слѣдовательно надо же имѣть и органъ для выраженія этихъ потребностей жизненныхъ. И вотъ одни совѣтуютъ взять этотъ органъ готовый изъ Россіи, другіе желаютъ развить его на основѣ народнаго галицко-малорусскаго языка. *Inde irae!*

Но условія для литературы въ Галиціи одни и тѣ же и для «твердыхъ» и для «мягкихъ», и для *русскихъ* и для *руськихъ*, (народъ около говорить по-руськи, т. е., по-малорусски, а источники и пособія для образованія и литературно-ученой работы писаны по-нѣмецки, по-латыни, по-польски, по-древне-руськи, по-малорусски, какъ писали въ XVII в., наконецъ и «по-руськи», какъ пишутъ теперь въ Россіи ученые, и малоруссы, и великоруссы), — а потому въ учено-публицистическомъ языкѣ галицкихъ литераторовъ обоихъ главныхъ толковъ въ сущности разницы большой нѣтъ. Они пишутъ по большей части почти одинаково, языкомъ довольно мѣшаннымъ (мы не говоримъ о беллетристичѣ и поэзіи молодыхъ галицкихъ писателей, которые въ такихъ случаяхъ пишутъ почти всегда чистымъ народнымъ языкомъ, натурально очень близкимъ къ великорусскому), — причемъ одни вообще утверждаютъ, что пишутъ языкомъ «общерусскимъ» или «великорусскимъ», а другіе — что «малорусскимъ», и изъ-за этой болѣе воображаемой, чѣмъ дѣйствительной разницы и ссорятся между собою. Откровенно говоря, — впечатлѣніе сколько-нибудь цѣльной и

живой рѣчи въ статьяхъ ученыхъ и политическихъ въ галицкихъ журналахъ и до сихъ поръ дѣлають больше всего статьи, очевидно, писанныя украинцами изъ Россіи. Но только, читая эти статьи, чувствуешь, что авторы думали по-русски, т.-е., на томъ языкѣ, на которомъ обыкновенно пишутъ въ Россіи, — и языкъ этихъ статей есть по большей части случаевъ транскрипція (какъ говорятъ лингвисты) малорусской фонетикой словъ этого русскаго языка съ замѣной малорусскими словами специально великорусскихъ и иностранныхъ словъ и выраженій (мы говоримъ о лучшихъ примѣрахъ такихъ статей, когда авторы не задавались цѣлью оригинальничать и выговивать слова во что бы то ни стало). И, — удивительное дѣло! Языкъ этихъ украинскихъ статей, по сравненію съ писаніемъ галицкихъ литераторовъ, особенно старшихъ возрастомъ, оказывается не только наиболѣе *рускимъ* (малорусскимъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе *русскимъ*, т.-е. наиболѣе чуждымъ полонизмовъ, германизмовъ, латинизмовъ и т. п. ¹⁾.

Серьезное размышленіе надъ этимъ обстоятельствомъ и вмѣстѣ надъ словами г. Качалы, думаемъ, много помогло бы соглашенію спорящихъ о галицкомъ литературномъ вопросѣ. Соглашеніе это намъ кажется тѣмъ болѣе возможнымъ, что сама редакція «Слова» издаетъ по временамъ «Письма до громадъ», а одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ въ Галиціи людей изъ старой партіи, г. Наумовичъ, свои сельскіе журналы и брошюры пишетъ довольно чистымъ галицкимъ народнымъ языкомъ, и что въ самое то время, когда галиціе «общеруссы» подняли вопросъ, произведшій столь сильный расколъ въ Галиціи: «были ли малорусскому литературному вопросу?» само «Слово» замѣтило, что, вѣроятно, и въ Россіи и сами гг. Катковъ, Краевскій, Аксаковъ не спорятъ противъ того, чтобъ и въ Малороссіи популярныя журналы и книги писались на народномъ языкѣ. Такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ и по самому существенному вопросу между обѣими партіями, на которыя распадается галицкая интеллигенція, различіе и разногласіе не велико, а потому по практическимъ вопросамъ соглашеніе между ними было бы весьма возможно (мы говоримъ, конечно, только о тѣхъ, кто искренно любитъ просвѣщеніе и народъ; съ тѣми, о коихъ нельзя этого сказать, конечно, согла-

¹⁾ То же слѣдуетъ сказать и о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ галицкихъ писателей младшаго возраста, т.-е., выступавшихъ послѣ 1861-го г., которые основательно изучили народный языкъ и сочиненія нашихъ украинскихъ писателей. Образецъ такого чистаго народнаго и русскаго языка представляетъ, напр., недавно вышедшій выпускъ сочиненія г. Партицкого о Шевченкѣ («Проводні ідеї въ письмахъ Тараса Шевченка»).

пеніе невозможно), если бы обѣ стороны дѣйствительно одинаково серьезно сознали, какое дѣло, при теперешнемъ положеніи Галиціи, есть болѣе, и какое—менѣе существенное, да еслибы не мелочность и личныя самолюбія и не присутствіе въ старой партіи доброй дозы открытыхъ обскурантовъ. Наша журналистика своимъ пристрастнымъ внимательствомъ въ споры галицкихъ партій, своимъ голословнымъ обвиненіемъ одной стороны и при томъ обвиненіемъ весьма обиднымъ, а именно въ сознательной «мягкости» и измѣнѣ народнымъ интересамъ, пристрастіемъ и обвиненіями, происходящими, думаемъ мы, не столько умышленно, сколько отъ отсутствія фактическаго знакомства какъ съ языкомъ и писаніями, такъ и дѣйствіями обѣихъ галицкихъ партій,—наша журналистика только удаляла галичанъ отъ согласія и терпимости, такъ необходимыхъ для столь немногочисленной тамошней интеллигенціи.

Но пока галицкіе политики все еще не убѣдились въ томъ, что самое главное дѣло у нихъ—это работа не вверху, а внизу, элементарное образованіе народа, еще менѣе они способны отвязаться отъ мелочнаго самоувѣрія, а наши журналы или вовсе не занимаются Галиціей,—и это, пожалуй, самое лучшее еще съ ихъ стороны,—или говорятъ о ней только съ голоса одной стороны. Отъ этого вражда между двумя партіями (съ двумя подпартіями) галицкими доходитъ до самыхъ печальныхъ явленій и послѣдствій. Такъ, иногда «святоюрцы» вотируютъ за поляковъ, лишь бы не прошелъ въ сеймъ, напр., г. Лавровскій; комитетъ «Народнаго дому», «Матицы» и «Ставропигія» подали императору адресъ по-нѣмцеи, только потому, что кружки народоупцевъ написали свои адреса *по-руски*. Говорятъ даже, что молодежь, принадлежащая въ Львовѣ къ «академическому кружку», демонстративно употребляетъ въ разговорѣ польскій языкъ, чтобъ отличить себя отъ членовъ «Дружескаго Лихваря», говорящихъ *по-хлопски*.

Въ одномъ изъ № галицкаго журнала «Правды» редакція разсказываетъ слѣдующія вещи,—въ которыхъ мы не видимъ ничего невѣроятнаго: «Въ 1871 г. мы спрашивали предсѣдателя «Академическаго Кружка»: почему кружокъ не занимается народнымъ просвѣщеніемъ и не пишетъ книжекъ для сельскаго народа? — «Мы не будемъ дѣлать этого, потому что не признаемъ языка малорусскаго, по-польски же писать не хотимъ, а по-московски такъ не знаемъ»,—отвѣтилъ голова «кружка». То же самое мы слышали отъ двухъ молодыхъ членовъ «Русской Ряды» на запросъ: почему они говорятъ публично между собою по-польски:—«мало-

русская рѣчь—хлопская, великорусской не знаемъ, такъ и говоримъ цивилизованнымъ языкомъ польскимъ». Редакція «Правды» вмѣняетъ подобное же употребленіе польской рѣчи въ семьѣ и въ публикѣ по тѣмъ же мотивамъ самому нынѣшнему редактору «Слова» и жалуется, что въ семьяхъ священниковъ вновь усиливается, изъ желанія «отрѣзняться отъ хлопа», такое же забвеніе народнаго русскаго языка, какое было передъ 1860 г. и употребленіе польскаго, если не нѣмецкаго. А желанію отрѣзаться отъ хлопа языкомъ соответствуетъ презрѣніе и раздѣленіе съ нимъ и въ другихъ отношеніяхъ. Таковы неизбѣжныя послѣдствія тѣхъ раздѣленій, какія существуютъ въ галицко-русскомъ обществѣ, и забвенія, что основой политической силы въ краѣ можетъ быть только «хлопство», что на поднятіе нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія этого хлопства должны быть главнымъ образомъ направлены усилія патріотовъ, и что слоямъ населенія, стоящимъ нѣсколько выше народнаго, должны быть внушаемы идеи не о раздѣленіи отъ «хлоповъ», но именно о сближеніи съ ними.

Но до сихъ поръ всѣ попытки достигнуть соглашенія между галицкими партіями на такихъ началахъ не приводили къ успѣшному результату. Такъ между прочимъ въ 1870 г. была поднята мысль объ основаніи общества «русская рада», которое бы руководило политикою русскою въ Львовѣ и въ провинціальныхъ городахъ, и въ которомъ бы приняли участіе всѣ русинскіе кружки и партіи. Но едва только большинство членовъ въ Львовѣ оказалось, одно время, изъ «старыхъ» русиновъ, какъ они тотчасъ же исключили изъ общества всѣхъ мало-мальски выдающихся лицъ изъ «молодыхъ»,—напр. проф. университета Огоновскаго и Шараневича, доктора правъ Сущкевича, учителей Партицеаго, Вахнянина, самаго талантливаго поэта галицкаго г. Федьковича, котораго сочиненія издалъ впервые съ громкими хвалами г. Дѣдицкій въ 1863 г. и т. п.,—людей, которыхъ нельзя же не признать искренними патріотами, не мало трудившимися надъ развитіемъ народнаго духа, и которые не разъ терпѣли нападки отъ поляковъ за свое народное направленіе. Теперь органъ «молодыхъ», «Правда» высказываетъ похвальные мысли о соединеніи усилій обѣихъ русинскихъ партій и объявляетъ, что вновь протягиваетъ столько разъ отвергнутую руку примиренія,—но сомнительно, чтобъ и на этотъ разъ примиреніе состоялось, такъ какъ опять «Правда», вмѣсто того, чтобъ говорить о соглашеніи по текущимъ практическимъ вопросамъ, предлагаетъ своимъ противникамъ отказаться отъ своего отступничества отъ формулы 1848 г. по вопросу, что такое русины?

I.

Но всмотримся ближе въ сущность разногласій между галицкими партіями и опредѣлимъ характеръ той изъ нихъ, которую называли до сихъ поръ разными именами: «молодшей», народной, украинской и т. п., и которая играетъ теперь большую роль въ галицкихъ школахъ, литературѣ, ассоціаціяхъ, подобно тому, какъ «святоюрская» партія играла роль въ политикѣ послѣ 1848 и послѣ 1861 гг. Признаемся, что уловленіе существенной разницы между галицкими партіями, даже главнѣйшими, дѣло не очень легкое: они сами себя и другъ друга зовутъ столь большимъ количествомъ именъ, что ориентироваться среди нихъ не легко: такъ одни называются «старшими» русинами, «твердыми», москвофилами, панруссистами, святоюрцами, клерикалами и т. д., другіе «молодыми», «мягкими», «украинофилами», даже полонофилами, народовцами и т. д. У насъ чаще всего видятъ разницу между обѣими партіями въ томъ, что одни стремятся къ духовному и даже, какъ весьма прозрачно намекаютъ иногда передовыя статьи и корреспонденціи нѣкоторыхъ газетъ (хотя въ другой разъ и отрицаютъ это),—къ политическому сліянію съ Россіей. Другіе, говорятъ, не только не хотятъ этого сліянія, но даже ради вражды къ Россіи готовы на союзъ съ поляками; нѣкоторые писатели наши, напр., Кельсіевъ въ своей книгѣ «Галичина и Молдавія», даже объясняютъ все происхожденіе партій «молодыхъ» русиновъ, или народовцевъ польскими злотыми, совратившими съ пути истиннаго нѣсколько головъ среди молодежи львовской,—и это объясненіе весьма въ ходу въ нашей печати, а равно и въ той части галицкой печати, которая выдумала термины: «твердые» русины и «мягкіе». Недавно въ Галиціи газета «Слово» объяснила происхожденіе новой партіи еще проще—желаніемъ овладѣть учрежденіями и фондами, которые собраны твердыми русинами, а также и ихъ мѣстами.

Но, понятно, что кто ищетъ серьезныхъ органическихъ причинъ возникновенія партій въ обществахъ, тотъ не можетъ удовлетвориться подобными объясненіями. «Злотыми», какъ и «рублями» не формируются партіи, а только временно собираются кружки и личности, которые изъ-за злотыхъ же и рублей и распадаются и переходятъ отъ злотыхъ къ рублямъ и наоборотъ. Въ Галиціи есть и такіе любители «злотыхъ» и «рублей»,—какъ и вездѣ,—есть и перебѣжчики изъ партіи въ партію, а равно и

въ боковые лагери: нѣмецкій, польскій, русскій, — но эти любители злотовъ и бѣгуны не составляютъ основы никакой партіи, и если галицкая печать обоихъ лагерей иногда перебрасывается укорами въ полученіи денегъ то отъ поляковъ, то отъ московскаго славянскаго комитета, — то на эти укоры можно только смотрѣть съ сожалѣніемъ, если не съ омерзѣніемъ, но не видѣть въ нихъ объясненіе причинъ раздѣленія галицкой интеллигенціи на партіи. Начать съ того, что галицкая интеллигенція раздѣляется именно на партіи: святоюрцы, какъ мы видѣли, относительно не малочисленны; народовцы тоже не случайный сборъ отдѣльныхъ личностей, даже не кружокъ. Съ 1862—63 гг. число народовцевъ растетъ, такъ что теперь въ немъ принадлежитъ не мало лицъ среди духовенства, особенно молодого, а въ особенности много лицъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ и высшихъ школахъ и занявшихъ мѣста чиновниковъ, учителей гимназій, профессоровъ университета, адвокатовъ, медиковъ и т. п., такъ что, если выдающиеся лица святоюрской партіи преимущественно украшаютъ свои фамиліи прибавкою буквъ *кр.*, т.-е. крылошанинъ, то народовцы имѣютъ преимущественно прибавку *д-ръ* (докторъ) или *проф.* Народовцы основываютъ немалочисленные ассоціаціи, напр. «Прогрессъ», постепенно составили большинство въ старомъ уже обществѣ «Русская Бесѣда», и можно предвидѣть, что со временемъ, особенно если эмиграція молодежи съ святоюрскими идеями въ Россію будетъ идти такъ, какъ идетъ въ послѣднее время, большая часть мѣстъ и обществъ, требующихъ высшаго образованія, въ Галиціи будетъ занята людьми, раздѣляющими мнѣнія «народовцевъ». Очевидно, что тутъ не можетъ уже быть рѣчи о нѣсколькихъ лицахъ, молодыхъ фантастахъ, а особенно объ «отуманенныхъ полякахъ», или ими «подкупленныхъ».

Подобныя фразы теперь уже и въ Галиціи раздаются рѣже даже въ жару полемики, тѣмъ паче пора бросить ихъ у насъ, гдѣ печать можетъ болѣе безпристрастно обсуждать дѣла хотя и родственной, но все-таки отдѣльной отъ насъ страны. Что народовцы никогда не были измѣнниками своему народу ради поляковъ, что они не пропускали случая, даже когда были малочисленнѣе, протестовать противъ польскаго господства надъ галицкимъ народомъ, — это доказывается фактами: первый журналъ народовцевъ, «Вечерницы», въ 1861—1862 г. уже терпѣлъ укоры отъ польской печати за «гайдамацко-схизматическія идеи», и на предложенія польскихъ журналовъ соединить силы «молодой Руси» съ польскими для революціонной борьбы, отвѣчалъ: «Вы насъ не поняли. Борьба, какой вамъ хочется и въ какую вы бы

хотѣли втянуть насъ, не найдеть ни одного воина въ рядахъ молодой Руси». (Вечерн. 1862, № 5, въ статьѣ «Мы и они», — которая вообще очень любопытна для характеристики тогдашнихъ отношеній поляковъ къ малороссіянамъ и галичанамъ, и галичанъ къ полякамъ; Вечерн. 1862, №№ 3—5). Когда послѣ Садовой правительство рѣшилось уступить полякамъ, даже пожертвовать имъ русиновъ, то самъ Голуховскій уже не смѣлъ, послѣ столькихъ лѣтъ жизни русинскаго національнаго движенія, выступить съ прежней польской теоріей, что *Руси нѣтъ* въ Галиціи, и поляки задумали попробовать привлечь на свою сторону «молодую Русь», заявивъ, что они не прочь сдѣлать уступки въ Галиціи «настоящей Руси», но не «Москвѣ». Когда на субсидію административную была основана во Львовѣ газета «Русь», которая пробовала русинскимъ языкомъ и даже признаваемымъ народами русинскимъ фонетическимъ правописаніемъ (кулишовскою) проводить идеи уже не о тождествѣ, но о союзѣ русиновъ съ польско-правительственною партіей, — народовцы обнародовали брошюру «Письмо народовцѣвъ руськихъ до редактора политичнеі часописі «Русь», яко протестъ и меморіаль» (Вѣна, 1867), — въ которомъ предлагали редактору «Руси» просто отказаться отъ принятаго имъ направленія. «Русь» не долго и прожила, — а основанный почти въ то же время органъ народовцевъ, «Правда», настолько открыто и критически относился къ польской исключительности и фантазіямъ, что только нарочитая недобросовѣстность и незнаніе могло ставить на одну доску «Русь» и «Правду», какъ то иногда дѣлалось въ нѣкоторыхъ нашихъ изданіяхъ. Народовцы не пропускали случая протестовать противъ идеи о слитіи русиновъ и поляковъ и передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ: такъ они издали протестъ противъ празднованія поляками 300-лѣтняго юбилея Люблинской уніи (Protest der ruthenischen Nationalen gegen die allenfällige Deutung der sogenannten Lubliner Union als eines rechtlich zu Stande gekommenen Aktes. Lemberg, 1869), противъ распространенія идей Духинскаго во Франціи, которая, по поводу преобразованія каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Парижѣ, излагались и въ законодательныхъ собраніяхъ въ петиціи Казимира Делламарра и въ брошюрѣ: «Un peuple européen de 15 millions oublié devant l'histoire. Pétition au sénat de l'Empire, demandant une réforme dans l'enseignement de l'histoire (Paris, 1869). Подобно тому, какъ послѣ брошюры Делламарра: «Un pluriel pour un singulier, et le panslavisme est détruit dans son principe» (Paris, Dentu, 1868) состоялось поддержанное и ораторами оппозиціи измѣненіе каѳедры «славянской литературы»

въ кафедре «славянскихъ литературъ» не съ цѣлью улучшить научную сторону преподаванія, что можетъ быть и произойдетъ имо воли петиціонистовъ и ораторовъ, но съ цѣлью пораженія «москвитскаго панславизма», Делламарръ и друзья его хотѣли новою брошюрою-петиціей достигнуть декрета объ измѣненіи программы преподаванія исторіи такъ, чтобъ исторія всего населенія западной Россіи, которое авторъ называетъ русинами (*les routhenes*) излагалась, какъ польская исторія, такъ какъ авторъ считаетъ русиновъ разновидностью поляковъ, всегда хотѣвшей союза съ ними и Римомъ.

И дѣйствительно, министръ Дюрюи приказалъ учителямъ во Франціи относительно вопроса о западной Россіи въ исторіи и этнографіи держаться сочиненій Духинскаго *de Kieff*, какъ онъ обыкновенно подписывается. Вотъ противъ этого изложенія Делламарра галицкіе народовцы и издали протестъ въ видѣ письма на имя автора. Мы видѣли отвѣтъ представителей народовцевъ на приглашеніе принять участіе въ польскомъ сѣздѣ 1871 г. Въ настоящемъ году возобновленіе, послѣ короткаго перерыва, журнала народовцевъ «Правда» было встрѣчено со стороны польской прессы укорами не только въ «схизмѣ», но и въ «гайдамачинѣ»; а критика вредной для русиновъ дѣятельности «школьнаго совѣта» въ Галиціи, стремящагося задержать развитіе русинской педагогической литературы, ополчавать школы народныя, переводить усердныхъ русскихъ педагоговъ въ чисто польскіе округа, даже замѣнять постепенно кирилловскій шрифтъ въ русскихъ учебникахъ польскимъ и т. д., вызвала даже административную конфискацію майскаго № «Правды». Въ томъ №, отпечатанномъ на novo съ выпускомъ словъ, обидѣвшихъ «школьную раду», редація отъ имени своей партіи отвѣчаетъ на вызовы польскихъ газетъ, чтобъ городская дума (большинство которой, конечно, поляки) вмѣшалась въ споръ между «Русской Бесѣдой» и комитетомъ «Народнаго Дома» (въ комитетѣ большинство принадлежитъ «старой» партіи, которая, увидѣвъ себя въ меньшинствѣ въ комитетѣ «Бесѣды», желаетъ запретить «Бесѣдѣ» собираться въ зданіи Народнаго дома). Органъ русинскихъ народовцевъ говоритъ, что никакихъ вмѣшательствъ даже въ ихъ пользу послѣдніе не потерпятъ: «Вы, господа поляки, говоритъ «Правда», *не тыкайте носа до чужого проса*. Мы (русины) какъ сами между собою поссорились, такъ сами и помиримся,— какъ этого слѣдуетъ надѣяться отъ патріотовъ какъ одной, такъ и другой партіи,— а чужимъ къ намъ нѣтъ дѣла». Статья въ 1-мъ (апрѣль) № «Правды» за этотъ годъ: «Политика чувствъ и политика интересовъ» и осо-

бенно горячія и полныя интересныхъ подробностей статьи: «Русско-польскіи взаимны въ Галичинѣ», въ №№ за іюль—сентябрь, подвергаютъ рѣзкой критикѣ и нѣмецко-централистическую политику старыхъ святоюрцевъ, перемѣшанную въ послѣдніе годы безплоднымъ выпрашиваніемъ помощи у Россіи, и способъ политики «соглашенія съ поляками», предпринятаго въ два послѣдніе года г. Лавровскимъ, и требуетъ для русиновъ независимой политики, имѣющей въ виду только пользы галицко-русского народа, опирающейся на просвѣщеніе и поднятіе массы народа, а на все боковое смотрящей только какъ на средства, не предаваясь безусловно ни одной изъ существующихъ внѣ русинскаго народа силъ и партій. Такія статьи «Правды» вызвали даже укоры отъ органа г. Лавровскаго «Основа», которая прежде очень старалась считаться за органъ «народовцевъ», а теперь стала упрекать «Правду» въ отступничество отъ началъ партіи. Отвѣтомъ на это было опредѣленіе «Просвѣты» печатать впредь протоколы свои и объявленія въ «Правдѣ», а не въ «Основѣ», — хотя предсѣдателемъ «Просвѣты» состоитъ г. Лавровскій.

Такъ же мало справедливо и другое обвиненіе, которое съ 1867 г., со времени славянскаго съѣзда въ Москвѣ, слышится часто не только въ галицкихъ и нашихъ газетахъ, но даже по временамъ и въ славянскихъ, въ родѣ «Zukunft», а именно, что галицкое такъ-называемое народное направленіе есть одно изъ покровительствуемыхъ врагами славянскаго движенія, желающими, по слову Бейста, прижать славянъ къ стѣнѣ. Еще въ 1867 г. въ брошюрѣ: «Письмо галицкихъ народовцевъ къ редактору газеты Русь», высказано слѣдующее вполне свободное отношеніе ко всякаго рода австрійско-нѣмецкимъ централистическимъ партіямъ:

«Не веселыми воспоминаніями наполнено наше почти столѣтнее пребываніе въ Австріи. Присоединенные къ ней на основаніи претензій Угорской короны къ галицко-русскому княжеству, а слѣдовательно какъ край русскій, мы были почитаемы, какъ и всякая другая польская провинція, и дѣло шляхетской колонизаціи нашей земли велось и подъ Австріей, только въ другой формѣ, т.-е. бюрократично, по-нѣмцки. Если же иногда, какъ напр. до императора Іосифа, нашему краю давался русскій характеръ, то не надолго. Австрія служила вѣрно аристократическому принципу и, слѣдовательно, полонизированному нашему панскому элементу. Управление и школы подчинялись тоже аристократіи и хоть управляли по-нѣмцки, а частно распространяли полонизацію. Польскій духъ проникъ въ наше чисто русское

учрежденіе—семинарію; тутъ стибла наша родная рѣчь и,—чего никогда прежде не было, то сталося подъ управленіемъ австрійскимъ,—въ наши священническія семьи проникла польщизна, и если между молодежью семинарскою проявлялась русская мысль, то управленіе старалось придушить ее въ интересахъ польскихъ. Тогда же, несмотря на то, русскій духъ проявился публично въ 1848 г., то съ того самаго времени и начинается неискренняя и двусмысленная политика Австріи относительно русиновъ. Манило насъ австрійское правительство обѣщаніями, которыхъ не исполняло, или, показавъ что-либо на минуту, тотчасъ же прятало; ласкало насъ, когда надо было чѣмъ-нибудь напугать революціонныхъ поляковъ и не дать имъ всего того, чего они желали,—а потихоньку-таки вступало въ союзъ съ поляками, хотя бы и во время польской революціи. И депутаціи наши выслушивали, и жалобы наши принимали, а-таки на погибель нашу давали согласіе на такіе порядки, которые дѣлали поляковъ полновластными господами на нашей землѣ, какъ это случилось съ февральскимъ патентомъ (1861). И только по временамъ правительство высказало свою мысль,—чѣмъ оно хотѣло, чтобъ мы были. Нападеніе правительства австрійскаго на наше стародавнее письмо достаточно объясняетъ его виды. Ласкаячи насъ, оно зорко смотрѣло, не поднимается ли наше око, чтобъ поискать, не живетъ ли гдѣ больше нашего народу и роду. Вспомнимъ, какими революціонерами были объявлены мы, народовцы, когда мы, недо-вольные галицкими литературными плодами, витали дуемою на Украинѣ. Однимъ словомъ, правительство австрійское хотѣло, чтобъ мы были людьми, которые, кланаясь ему низенью, всю науку принимали только отъ него; хотѣло, чтобъ мы были на утѣху ему «рутенами», способными на все, только не на то, чтобъ признать, что они, понять, что они имѣютъ свои права и что, исполняя свои обязанности передъ имперіей, смѣло могутъ добиваться этихъ правъ. Мы должны были оставаться все народомъ мизерненькимъ, ничтожнымъ, который, высылая тысячи людей безъ сопротивленія на оборону Австріи, и неся наравнѣ съ другими тяготы имперіи, доволенъ былъ бы однимъ названіемъ *treue Rithenen*, доволенъ былъ бы какимъ-нибудь кусочкомъ своего же собственнаго добра, который бы ему кинули, какъ наивысшую милость. У насъ были такіе вожаки, которые вѣрно служили такой правительственной системѣ, и въ своей ревности переходили даже за границы ожиданій своихъ «благодѣтелей». Народная партія, заявивши себя формально позже, не имѣетъ ничего общаго съ такою комичною вѣрностію. Выше всего она поставила

справедливые интересы народа и его потребности. Господиномъ, дающимъ ей наказы, стать народъ, его добро и честь. Поэтому и теперь, когда мы пересчитаемъ всѣ наши обиды и потребности, смѣло произносимъ, что никакихъ милостей не просимъ ни у кого, а домогаемся только того, что намъ должно, какъ народу. И весело прощаемся мы, во имя народа, съ названіемъ «вѣрныхъ»; такихъ вѣрныхъ, что готовы служить не благу своего народа и имперіи, а экспериментамъ министровъ. Прежде всего мы—русины, которые любятъ свой народъ и живутъ для блага его.. Мы отказываемся рѣшительно отъ «вѣрнаго рутенизма», отказываемся отъ всѣхъ дѣйствій, въ которыхъ наше народное дѣло являлось только службой планамъ министерскимъ, преднамѣреннымъ на погибель и оскорбленіе достоинства нашего народа, какъ и на вредъ государству и на остановку развитія славящины. Мы искренніе австрійцы, — это правда! Но только наша привязанность къ Австріи не относится ни къ прошлой Австріи, въ которой насъ колонизировали и отрицали, ни къ теперешней, гдѣ насъ обставили такъ польскими порядками, что русской душѣ тяжело и вздохнуть. Мы привязаны къ Австріи ради ея естественнаго призванія, ея правдивыхъ интересовъ; мы привязаны къ Австріи такой, какою она должна быть: Австріи, во всѣмъ народамъ своимъ одинаково справедливой — не нѣмецкой, нѣмецко-мадьярской, не нѣмецко-мадьярско-польской... Поэтому мы не стадіонисты, ни бахисты, ни голуховщики, ни шмерлингисты, ни белькредисты, ни бейстовцы, — мы по-просту «октябристы», т.е. приверженцы октябрьскаго цезарскаго диплома, въ которомъ народы призываются къ великому дѣлу обновленія имперіи на основаніи собственныхъ, хорошо понятыхъ, особыхъ ихъ интересовъ... Мы—крѣпкіе приверженцы принципа *федералистическаго* въ наибольшемъ значеніи этого слова, разумѣя подъ этимъ федерацію *народовъ* Австріи, а не федерацію провинцій короны австрійской... Такъ думая, вѣруемъ, что мы работаемъ какъ добрые славяне въ несомнѣнномъ интересѣ славящины. Мы не уступимъ ни волоса изъ этого нашего политическаго исповѣданія, потерпимъ съ другими славянами немного, — а потомъ вмѣстѣ съ ними будемъ искать дорогъ, которыя бы привели насъ къ нашей справедливой цѣли».

Послѣ такихъ словъ и послѣ въ такомъ же духѣ писанныхъ статей «Правды», полагаемъ, трудно обвинить галицкихъ народцевъ въ какой-либо измѣнѣ интересамъ ихъ народа и славящины въ Австріи ради польскихъ или нѣмецкихъ милостей. Скорѣе, въ ихъ политическомъ *credo* можно видѣть большой идеа-

лизмъ, большую смѣлость для столь все-таки немногочисленной партіи, говорящей во имя небольшого племени (если считать только русинское населеніе въ Австріи, которое надолго только и можетъ служить опорой тамошнимъ партіямъ), племени, раздѣленнаго между тремя коронными областями (Галиціей, Буковиной, Венгріей), находящагося на невысокой степени матеріальнаго и умственнаго развитія. Скорѣе можно видѣть въ галицкихъ народоупахъ одинъ изъ зародышей, у австрійскихъ народовъ, партіи дѣйствительно будущей Австріи, чѣмъ партію, которая бы была готова прислуживаться и даже полагаться на какую-либо изъ существующихъ и силу имѣющихъ въ Австріи партій, не только централистической, но и федералистической. О прислуживаніи со стороны народоуповъ галицкихъ партій централистической и говорить нечего, — а приведенныя выше слова, что галицкая народная партія желаетъ федерализма не коронныхъ земель, а народовъ въ Австріи, показываютъ разницу между федерализмомъ народной русинской партіи и другими федералистами въ Австріи. Такъ поляки тоже своего рода федералисты, т.-е. говорятъ объ автономіи Галиціи, но готовы войти въ союзъ съ какими угодно централистическими нѣмецкими элементами, только бы получить автономію для этой коронной земли, и въ ней господствовать и надъ искусственно загнанными въ нее русинами. То же надо сказать о буковинскихъ федералистахъ изъ румынской аристократіи, въ родѣ бар. Петрино. Штирійско-нѣмецкіе автономисты соглашались съ самыми вѣрными централистами въ оппозиціи народнымъ требованіямъ славянъ, — хотя готовы, какъ и строгіе централисты, на уступки полякамъ между прочимъ для того, чтобъ удалить изъ Цислейтаніи одинъ сильный автономистическій и славянский элементъ. Чехи, о федерализмѣ которыхъ, равно какъ и о панславизмѣ и особенной любви къ русскому народу такъ много толкуютъ у насъ и въ Австріи, говорятъ объ автономіи не чешскаго народа, а земель короны чешской, присоединяя къ ней не только Моравію, но и (скорѣе польскую, чѣмъ чешскую) Силезію, и, только бы поляки присоединились къ ихъ оппозиціи противъ вѣнскаго рейхсрата, признаютъ безусловно резолюцію галицкаго сейма, непризнающую въ Галиціи другой народности, кромѣ польской. О тироляцахъ, которые — федералисты только потому, что они клерикалы, и говорить нечего, — да они теперь уже начинаютъ ссориться съ чехами, усматривая у послѣднихъ не только прикрытыя до времени федерализмомъ староватолическія и даже гусситскія тенденціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что даже теперь приведеніе въ исполненіе требованій такъ-называетъ

мой «staatsrechtliche Opposition», т.-е. федерализма коронныхъ земель въ Австріи, раздробивъ силы централистическаго бюрократизма и поставивъ лицомъ къ лицу въ каждой отдѣльной землѣ борющіяся народности, повело бы къ постепенному торжеству федерализма народностей и федерализма демократическаго.

Но сильная доза централизма второй руки, которая присутствуетъ въ тенденціяхъ земскихъ федералистовъ, не малая доза феодализма, клерикализма, ихъ неспѣтность и непоследовательность составляютъ причину неуспѣшности борьбы ихъ съ централистами и заставляютъ ожидать сформированія и союза между собою настоящихъ народно-демократически-автономныхъ партій. Быть можетъ, эта настоящая федерально-народная партія образуется изъ начавшей теперь разлагаться столь многочисленной передъ выступомъ на сцену министерства Гогенварта «staatsrechtliche Opposition», а быть можетъ, она сложится и въ будущемъ выбираемомъ прямыми выборами имперскомъ рейхсратѣ, за идею котораго должны были ухватиться буржуазные централисты теперешняго рейхсрата, чтобъ побороть теперешнихъ федералистовъ коронныхъ земель. Во всякомъ случаѣ въ разныхъ мѣстахъ Австріи, у разныхъ народовъ, не исключая и нѣмцевъ, мы видимъ пока еще слабые ростки такой дѣйствительно демократической партіи, которая логически должна придти и къ равноправію народностей и къ самоуправленію народныхъ областей. Будетъ ли это народовластіе болѣе обезпечено новымъ раздѣленіемъ коронныхъ земель по народностямъ, или общимъ имперскимъ закономъ о народностяхъ и проведеніемъ принципа общиннаго и кантональнаго самоуправления,—это покажетъ будущее, а пока въ интересъ дѣйствительной свободы и демократизма желательно сформированіе и сознательная дѣятельность этихъ ростковъ будущей народно-автономной Австріи, будетъ ли то въ коронныхъ земляхъ и мѣстныхъ сеймахъ, будетъ ли то въ имперскомъ сеймѣ. Приведенное выше изложеніе политическихъ идей галицкихъ народовцевъ даетъ намъ право причислить ихъ къ такимъ росткамъ, хотя имъ нельзя не пожелать еще уясненія ихъ началъ и очищенія отъ постороннихъ примѣсей ¹⁾).

¹⁾ Любопытно вспомнить ту славянскую программу, которую излагать почти тридцать лѣтъ тому назадъ Шевченко въ своемъ посланіи къ Шафарыку при посмѣлкѣ поэмы „Еретикъ“ (Іоаннъ Гусъ): я помолюся Богу, говорилъ Шевченко,—

Щобъ усі славяне стали
Добрыми братами
И синами сонця правды
И еретиками

Такимъ образомъ мнѣніе, будто разница между партіями у галицкихъ русиновъ состоитъ въ томъ, что одни «твердо» стоятъ за права русскаго народа и славянства, а другіе готовы предлагать ихъ, или хотъ уступить полякамъ и нѣмецкимъ централистамъ (мягкіе), совершенно не выдерживаетъ критики. Понятно, что какъ всякая политическая партія, такъ и галицкія обѣ, по временамъ входятъ то въ тѣ, то въ другія отношенія съ поляками и нѣмцами, по временамъ возлагаютъ слишкомъ много надежды на парламентскія комбинаціи съ посторонними элементами; понятно также, что во всякой партіи есть элементы болѣе наклонные къ такимъ комбинаціямъ, чѣмъ къ твердой самостоятельной дѣятельности,—таковы строго-клерикальные «рутенцы» среди сыгюрцевъ и бюрократическіе политики, пристающіе по временамъ, какъ напр. въ эпоху 1870—71 г., къ народоуцамъ. Но въ концѣ-концовъ гораздо болѣе старая русинская партія оказывалась слугою нѣмецкихъ противуславянскихъ стремленій, а клерикало-рутенцы слугою польскихъ (а еще болѣе ультрамонтантскихъ, которые такъ союзны съ теперешними польскими) интересовъ, чѣмъ даже политики-полународоуцы оказывались «мягкими» передъ поляками. Да и въ этомъ случаѣ,—и даже въ обоихъ случаяхъ, беззавѣтная услужливость и мягкость происходили не изъ сознательнаго стремленія измѣнить своему или родственному,—«измѣна» не можетъ порождать политическія партіи,—а изъ той степени политическаго развитія, на которой фатально должны были стоять люди, воспитанные въ австрійско-уніатскихъ семинаріяхъ меттерниховскаго времени.

Неточны и тѣ опредѣленія разницы между галицкими партіями, которыя выражаются словами «панруссисты», «москвофилы», «украинофилы» и т. п., и которыя ставятъ характеристическими чертами обѣихъ партій ихъ отношенія къ Россіи. И здѣсь мы должны сказать, что такое или иное отношеніе хотя бы и къ родственному, но все-таки внѣшнему политическому тѣлу, не можетъ составлять основы ни мнѣній, ни дѣйствій какой-бы то ни было политической или культурной партіи. Такія партіи обра-

Оттакимъ, якъ Констанскій
Еретикъ великій....
Миръ мирові (міру) подарують
И славу во віки!...

Очень любопытно сравнить эту программу и эти мечты о славѣ славянской прирожденнаго „народовца“ съ другими славянофильскими мечтами и программами, — а особенно съ поведеніемъ чешскихъ политическихъ вождей во время недавняго празднованія юбилея Гуса, когда они боялись слишкомъ торжественнымъ заявленіемъ сочувствія этому „еретикъ“ и „демагогу“ обидѣть феодальную и клерикальную партію!

зуются, раздѣляются и поддерживаются только дѣйствіемъ мѣстныхъ внутреннихъ причинъ. Дѣйствительно, съ 1866 г. журналы старой галицкой партіи высказываютъ мысли объ однородности галицкаго народа съ великорусскимъ, галицкой литературы съ нашей, и восхваляютъ Россію и ея порядки. Народовцы же признаютъ однородность своего народа, по старой формулѣ 1848 г., только съ малороссіянами, называя только южно-русское племя *руськимъ*, но не съ великоруссами, которыхъ именуютъ *россіянами*, все, написанное въ Россіи не по-малорусски, *россійскимъ*, то-есть великорусскимъ. Съ 1863 г., со времени запрещенія въ Россіи печатанія малорусскаго перевода евангелія и изгнанія малорусской рѣчи изъ школьнаго преподаванія и объясненія, галицкіе народовцы охотно бранятъ Россію, то-есть по ихнему «Москву» и иногда высказываютъ этнографическія и историческія теоріи не лучше теоріи г. Духинскаго de Kieff. Такъ, не очень давно (въ 1871 г.) въ «Основѣ» печаталась статья, въ коей и борьба Москвы съ Новгородомъ объяснялась ненавистью полутуранскаго «россійскаго» племени къ «русскому» и слова Гильфердинга о томъ, что народное почитаніе св. Кирилла и Меѳодія было довольно сильно въ древней Руси Кіевской, а потомъ заглохло въ Россіи въ московскій періодъ, и что у малоруссовъ скорѣе можно ожидать пріивітія «славянскихъ» идей, чѣмъ у великоруссовъ, «въ массѣ образованнаго даже общества, относящихся къ славянству съ ледянымъ равнодушіемъ»,—объяснялись, какъ сознаніе самого великорусса въ томъ, что малоруссы гораздо больше славяне, чѣмъ великоруссы и т. д.

Но дѣло въ томъ, что симпатіи къ Россіи не составляютъ постоянного признака старой галицкой партіи, органъ которой, «Слово», въ 1862—66 не хуже органа народовцевъ, «Метъ», бранилъ «несытый централизмъ московскихъ игемоновъ гг. Каткова и Аксакова», и если онъ измѣнилъ направленіе, то очевидно болѣе вслѣдствіе сознанія необходимости употребить извѣстный политическій маневръ, чѣмъ вслѣдствіе искренней переменѣ мнѣній о русскихъ порядкахъ,—для послѣдняго переменѣ была слишкомъ быстра. Къ тому же изъ общей массы «старыхъ» русиновъ не выдѣлялась, какъ совершенно особая партія, фракція или подпартія вліятельныхъ духовныхъ лицъ, а эти послѣдніе особенно пылкими приверженцами Россіи считаться не могутъ; недавно отъ имени епископа Куземскаго выражено было въ собраніи Ставропигіальнаго института даже неудовольствіе на участіе въ собраніи г. Площанскаго, нынѣшняго редактора «Слова», какъ лица, слишкомъ явно высказывающагося за Россію. А меж-

ду тѣмъ высшее униатское духовенство преслѣдуетъ «украино-фильскія» тенденціи у молодежи, учащейся въ семинаріяхъ, не одобряетъ ни слишкомъ свѣтскихъ, демократическихъ идей народоцевъ, ни ихъ стремленій придать большую жизненность религіозности населенія переводомъ на народный языкъ евангелія и молитвъ, видя у народоцевъ проблески протестантскаго порядка идей¹⁾. Мы приводимъ ниже выдержку изъ одного документа, свидѣтельствующаго объ отвращеніи галицкаго официально-клерикальнаго элемента отъ украинизма, выдержку, которая покажетъ читателямъ, что причина этого отвращенія лежитъ вовсе не въ симпатіяхъ галицкихъ клерикаловъ къ Россіи. Вообще надо сказать, что какъ заявленіе симпатій и похвалы Россіи, такъ и порицаніе ей со стороны нашихъ «западныхъ братьевъ», не исключая и «галицкихъ единоплеменниковъ», не имѣютъ вовсе серьезнаго значенія, по той простой причинѣ, что не коренятся на основательномъ знакомствѣ съ нами. Наши западные братья имѣютъ оборотный капиталъ знаній и понятій о Россіи не боль-

¹⁾ Говоря „протестантскаго“, — мы не имѣемъ въ виду какое-либо официальное вѣроисповѣданіе протестантское. Въ нашъ вѣкъ собственно вѣроисповѣдныя вопросы не могутъ занимать общественныя партіи, а потому ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ виду пропагандировать идеи о необходимости перемѣны вѣроисповѣданія, хотя, конечно, богѣ современныя и народныя партіи не могутъ не быть врагами мертвенно-искусственныхъ идей и элементовъ, которые существуютъ далеко не въ одной только католической церкви. Вотъ нѣсколько строкъ изъ „Писемъ народоцевъ къ редактору Русм“, въ которомъ читатель можетъ видѣть нѣкоторыя черты отношеній народоцевъ къ церковнымъ дѣламъ: „Мы знаемъ, какими польскими формулами римской непогрѣшимости засорена наша церковь; знаемъ, чѣмъ служила польская церковь въ старину, чѣмъ служить она у насъ и теперь, то-есть ареною колонизаціи, — а потому цѣлью нашей должно быть освобожденіе нашего народа отъ всякихъ такого рода вліяній. Это, впрочемъ, не значить, что мы стремимся разорвать съ униєю, какъ говорятъ — стремимся къ сепаратизму, къ „схизмѣ“. Мы догматовъ не трогаемъ. Мы крѣпко держимся за унию, потому что считаемъ ее почвою, на которой можетъ удобнѣе, чѣмъ на другой, развиться церковное самоуправленіе, но наша униа не привязана ни къ Бресту, ни къ Риму, ни къ гробу бл. Иосафата (Кунцевича) такими желѣзными оковами, чтобъ мы иру нашихъ православныхъ отцовъ и братьевъ нашихъ равняли съ вѣрою въ чорта, ни чтобъ вѣра дѣлала насъ слѣпыми относительно тѣхъ великихъ и глубоко-гуманныхъ поученій, какія передала намъ наша исторія. Правда, мы получили эту унию изъ нечистыхъ рукъ, какъ адскую махинацію политическую, но духъ народа нашего, глубоко религіозный и моральный, очиститъ и очиститъ ее еще совѣтъ, и она еще можетъ имѣть большую будущность. И именно въ интересахъ этой „св. униа“ необходимо освобожденіе нашей церкви отъ латинства, и не успокоитъ этого нашего стремленія ни кардинальство, приготовленное для какого-нибудь нашего архіерея, ни присовѣство, а удовлетвореніе наше лежитъ только въ слѣдующемъ: патріархатъ для русиновъ-униатовъ, то-есть для австрійско-русскихъ епархій, со всѣми ему принадлежащими правами и прерогативами, а именно съ правомъ созванія народнаго собора для выбора патріарха и владыкъ“.

ше того, какой имѣеть любое западно-европейское общество французское, нѣмецкое и др. Этотъ капиталъ составилъ изъ кое-какихъ наблюденій западныхъ путешественниковъ, кое-какихъ выдержекъ изъ русской исторіи, приправленныхъ поверхностными философскими обобщеніями, изъ восклицаній страстныхъ памфлетовъ, польскихъ преимущественно, и возгласовъ нашихъ патриотовъ, полу-пишковского, полу-новославиофильскаго лагеря. Возьмите любую западно-европейскую книгу о Россіи, хотя бы и такую, которой авторъ желалъ бы симпатично отнестись къ ней, вы непременно натолкнетесь на фразы о русскомъ національномъ духѣ, который выйдетъ то, что называютъ въ Европѣ *l'esprit vieux-russe*, *Altrussenthum* и т. д., въ который входитъ безусловное повиновеніе властямъ, религіозная исключительность, видъ на Константинополь и т. п. Къ такимъ опредѣленіямъ русскаго національнаго духа въ послѣднее время примѣшиваютъ *l'esprit des anciennes communes slaves*, или *le communisme cosaque*, *kommunistisch-nihilistische Schwärmerei der verjungerten Altrussenthum*, которая видитъ «образецъ соціальной жизни въ дикой коммунѣ старославянской» и т. д. и т. д. Никто изъ пишущихъ такіе фразы не хочетъ поискать около себя того же *Altrussenthum'a* и той же *Schwärmerei*, не хочетъ подумать, что и въ Россіи есть свои партіи застоя, регресса и прогресса разныхъ оттѣнковъ, какъ и въ любой землѣ въ Европѣ, хотя, конечно, съ мѣстными болѣе или менѣе многочисленными, чѣмъ качественными варіаціями: нелѣпая идея о томъ, что Европа раздѣляется на два міра съ особыми законами развитія, не-историческія представленія и крики о такъ-называемой «петровской реформѣ», какъ о явленіи небываломъ и противунаціональномъ, а наконецъ, частныя, то-есть французско-шовинистическія, нѣмецко-колонистскія, польскія и т. п., а вовсе не «западные» вообще симпатіи и антипатіи мѣшаютъ смотрѣть ясными глазами на русскую дѣйствительность. Надо признаться, что много мѣшаютъ этому простому отношенію къ русской дѣйствительности съ тѣми же приѣмами критики, съ какими каждый наблюдатель европейскій относится къ своимъ дѣламъ, и будто бы своеобразная, а по настоящему переведенная съ нѣмецкаго, хотя и съ «перелицовкою», философія исторіи Запада и Востока нашихъ московскихъ гегелианцевъ, какъ праваго славянофильскаго, такъ и лѣваго соціалистическаго лагеря, отрывочное знакомство западныхъ писателей съ которою только усилило фантастичность представленій западно-европейскихъ о національномъ русскомъ духѣ, о задачахъ русскаго народа и т. п.

И вотъ, сочинивъ такимъ образомъ изъ обрывковъ русской

дѣйствительности, преимущественно до 1856-го г., и изъ собственного воображенія фizioномію «русскаго народнаго духа»,— французы, нѣмцы, чехи, галичане и т. п. начинаютъ то бранить его, то хвалить, то пугаться, то возлагать на него надежды и пугать другихъ,—сообразно колебаніямъ въ ихъ собственныхъ земляхъ. Французы, напр., думая, что русскій колоссъ ничѣмъ такъ не занять, какъ мысль поставить одну свою пяту въ сердцѣ западной Европы,—раздавивъ мимоходомъ Польшу, а другую на Босфоръ, толковали долго о необходимости спасти свободу въ Европѣ отъ гнета этого колосса и начинали свою работу или безразборчивымъ покровительствомъ всякаго рода польскимъ идеямъ, изъ чего кромѣ вреда для поляковъ въ серьёзной сторонѣ ихъ національныхъ стремленій ничего не вышло, или тѣмъ, что поддерживали рабство турецкое надъ христіанами балканскими, изъ чего опять-таки кромѣ вреда для самихъ турокъ не произошло. Потерпѣвъ пораженіе отъ нѣмцевъ, при благоприятномъ для послѣднихъ нейтралитетѣ Россіи, французы вдругъ заговариваютъ о необходимости войти въ союзъ съ «русскими видами»: «чтожъ дѣлать,—говорятъ они,—скрѣпя сердце, надо пожертвовать не только Турцію, но и Польшу; теперь мы должны быть французами прежде всего»,—воображая, что они прежде, когда заботились то о порядкѣ, то о свободѣ во всемъ мірѣ, не были «французами прежде всего», и что русскому колоссу въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать, кромѣ какъ давить поляковъ и забирать Босфоръ. Чехи, которые даже теперь учатся по-русски все по христоматіи Челяковского, въ которой изъ Пушкина приведено только «Клеветникамъ Россіи» и т. п., и въ которой нѣтъ ни одного отрывка изъ «Ревизора» и т. п.,—думаютъ, что всѣмъ русскимъ только и снится «слитіе славянскихъ ручьевъ въ русское морѣ» и нѣтъ любезнѣе картины «сверканія стальной щетины», и то пугаютъ нѣмцевъ этой щетиной, какъ дѣлали всегда старо-чехи,—то трепещутъ за свою «бѣловую литературу» и оплакиваютъ гибель Польши, какъ дѣлали младо-чехи до 1867-го г., пока и они, чтобъ напугать гр. Бейста, пустились въ «москвофильство», и начали и себѣ возлагать надежды на русскій колоссъ.

Такъ же точно поступали и поступаютъ галичане, — старые и молодые, потому что и тѣ и другіе знаютъ о Россіи ровно столько, сколько любая редакція французской или нѣмецкой газеты. До 1861-го г. галицкая интеллигенція, ища увеличить количественно свою литературу, забирала у насъ «Сердешную Оксану» и «Солдата Перфильева», между 1861 и 1866 гг., считала болѣе всего сообразнымъ съ своими интересами ругать

«московскихъ централовъ», ставя въ одну шеренгу не только г. Каткова съ г. Аксаковымъ, но даже рядомъ съ ними и никому въ Россіи невѣдомаго г. Говорскаго; послѣ 1866-го г. одни сочли необходимымъ перейти изъ порицателей «московского централизма» въ хвалителей, другіе еще больше ожесточились, но и хвалители и порицатели хвалятъ и порицаютъ не столько дѣйствительныя, сколько созданныя ихъ воображеніемъ явленія, — а потому и похвалы и порицанія эти имѣютъ не только мало серьезности (хотя, конечно, и порицанія и похвалы имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ основаніе), но и гарантій прочности: и то и другое зависитъ отъ внутреннихъ дѣлъ и интересовъ самихъ галичанъ, а потому и мы, если хотимъ понять сущность галицкихъ дѣлъ, то должны, оставивъ въ сторонѣ ихъ отношенія къ Россіи, посмотрѣть на отношеніе каждой галицкой партіи къ своимъ внутреннимъ дѣламъ. Даже часто высказываемое у насъ сужденіе, что старая галицкая партія имѣетъ то общее съ Россіей, что употребляетъ письмо общее съ нашимъ, тогда какъ молодая, по духу сепаратизма, употребляетъ злонамѣренную кулишовку, о которой, если читать только галицкія корреспонденціи въ наши газеты, можно подумать, что это какой-то неслыханный въ мірѣ алфавитъ, а не та же самая кириллица.

Между тѣмъ старые галичане приняли ту правопись, которою, напр., печатается «Слово», вовсе не потому, что она ихъ соединяетъ съ Россіей, а потому, что она соединяетъ ихъ съ церковно-славянщиной, и даже не кирилловской, а кіево-галицкой XVII-го в. и притомъ приняли ее отчасти съ тѣми приспособленіями къ южнорусскому говору, какія были у насъ придуманы г. Максимовичемъ, имѣвшимъ изъ нашихъ филологовъ наиболѣе связей съ галичанами въ сороковые годы, а отчасти съ своими собственными придатками (грамматика Осадца), такъ что даже названіе «историческая» не совсѣмъ идетъ къ этой правописи. Скорѣе всего слѣдуетъ называться ей «вѣрно-рутенской», — сообразно эпохѣ сложенія ея и сообразно той мѣшанинѣ, которую должна представлять народность «рутенская» по строгимъ австрійскимъ идеаламъ. Поэтому даже эта правопись, этотъ яко бы символъ связи всѣхъ русскихъ племенъ, — почти также отличается отъ той, напр., какою пишемъ мы теперь, какъ и кулишовка (исправленное нѣсколько правописаніе Котляревскаго, слѣдующее малорусскому выговору), — и въ то же время не имѣетъ удобствъ, какія имѣетъ для малоруса кулишовка. Гоголь острилъ когда-то, что вся русская грамматика сосредоточивается на буквѣ ѣ; вотъ эта-то буква и дѣлаетъ главную разницу «историче-

скаго» правописанія г. Максимовича отъ «фонетическаго» г. Кулиша. Но галицкіе послѣдователи г. Максимовича употребляютъ не только тамъ, гдѣ оно исторически существовало въ церковно-славянскомъ и старорусскомъ письмѣ, и гдѣ его южноруссы произносятъ какъ мягкое *i*, но и всюду, гдѣ слышутъ острое *i*, т.-е., пишутъ въ своемъ родѣ тоже фонетически. Такъ они пишутъ не только «свѣтъ»,—произнося «свѣѣ» (какъ народовцы и пишутъ по кулишовѣ),—но и въ родительномъ падежѣ единственнаго числа и въ именительномъ множественнаго: напр., «сочиненіе г. Метели», «приятель» и т. п., такъ что въ этомъ случаѣ написанное кулишовкою «г. Метели», «приятели» будетъ все-таки понятнѣе великоруссу, который незнакомъ съ другою манерою писанія, чѣмъ та, какою обыкновенно пишутъ въ Россіи, а ужъ, конечно, сразу даже и не великоруссу трудно догадаться, о комъ идетъ дѣло, если онъ встрѣтитъ имя извѣстнаго Ригера написанное «Рѣгеръ», какъ это дѣлается по исторической правописи въ Галиціи. Мы можемъ увѣрить читателя, что если онъ такимъ же образомъ провѣритъ собственнымъ анализомъ правопись, языкъ, культурныя идеи, политическія тенденціи той галицкой партіи, которой главную характеристику видятъ будто бы въ стремленіи слиться съ Россіей и въ частности съ Великороссіей, то онъ найдетъ тамъ не Россію и не Великороссію, а «Австро-рутенію», что иначе и быть не можетъ при той мѣстной почвѣ, на которой возникли галицко-русскія партіи.

Посмотримъ же на этой мѣстной почвѣ, какъ произошла и въ чемъ состоитъ разница между галицкими партіями. Мы видѣли, что большая часть дѣятелей старой партіи выступила на сцену около 1848-го г.,—молодые же появились въ 1861—63 гг. и сложились въ болѣе плотную партію послѣ 1866-го г. Такимъ образомъ разница между людьми этихъ партій лежитъ прежде всего во времени, въ возрастѣ. А разница во времени обуславливаетъ разницу и въ воспитаніи: старые—всѣ воспитанники униатскихъ семинарій меттерниховскихъ временъ и почти всѣ духовные. Между прочимъ одно изъ характеристическихъ послѣдствій этого воспитанія,—въ Вѣнѣ ли, или Львовѣ,—должно было быть не только разрывъ уваженія къ народу, т.-е., къ единственному русскому элементу въ Галиціи, но и разученіе единственной русской рѣчи, какая была тамъ, т.-е. народной рѣчи. Мы видѣли, что старые галицкіе литераторы писали больше всего по-нѣмецки или по-польски, если же покупались писать по-русски, то писали по-церковно-славянски съ разными подмѣнами, или по-австро-униатско-рутенски, а не по-русски. Такимъ

образомъ самая характеристическая черта галицкиѣхъ русскихъ литераторовъ стараго времени состояла въ томъ, что они всего менѣе знали какой бы то ни было живой русскій языкъ. Этой чертѣ соответствуетъ другая, что галицко-русскіе литераторы и духовные, пустившись въ политику, не были въ состояніи представлять живые интересы народа: имъ фатально не оставалось ничего кромѣ служенія бюрократіи австрійской и интересамъ своего и вообще австрійскаго клира. Младшія поколѣнія не только воспитывались болѣе въ свѣтскомъ духѣ, но все-таки хоть сколько-нибудь приучались къ русской, хоть мѣшанной рѣчи, наконецъ воспитывались въ то время, когда уже идеи о народѣ измѣнились и въ Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и взглядъ на народный языкъ, который они поэтому не только не могли въ такой степени забыть, какъ старшіе, но который, независимо отъ политическихъ идей, а просто вслѣдствіе общихъ европейскому ученому и образованному міру понятій, не могли не счесть основою и для литературнаго языка, орудіемъ для проведенія знаній въ народъ и т. д. А какъ народный языкъ въ Галиціи почти тотъ же, что и въ Малороссіи, то младшія галицкія поколѣнія должны были реально, а не формально, — какъ старшія въ 1848 г. признать свою литературу частью южнорусской.

Кромѣ того, какъ ни мала объемомъ сумма книгъ, писанныхъ въ Россіи по-малорусски, но здѣсь младшіе, свѣтскіе галичане напали именно ту пищу новымъ своимъ потребностямъ, которыхъ не могли удовлетворить «рутенскія» писанія и «рутенскія» общественно-политическія идеи 1848 — 1861 г. Какъ въ выборѣ изъ русской литературы послѣ 1848-го г. и даже теперь литераторы святоюрскаго лагеря руководились *своими* вкусами, обусловленными ихъ степенью развитія, такъ теперь младшія галицкія поколѣнія бросились на украинскую литературу подъ вліяніемъ новыхъ вкусовъ, новой степени развитія. Если «рутенцы», не переставая, конечно, быть самыми вѣрными австрійцами, выбирали изъ литературы, возникшей въ Россіи, оды Державина, «Мичмана Поцѣлуева», — но не «Горе отъ ума», не «Ревизора», не «Кто виноватъ», не «Записки Охотника»; если, несмотря на то, что имя Шевченки дошло уже въ Галицію и въ 1848 — 49 г., его все-таки не перепечатавали и не читали тамъ до 1861-го г., — то это произошло, конечно, отъ того, что и въ русской литературѣ «рутенцы» могли искать только «рутенское» по идеямъ, слогу и даже языку, что «русской» литературы одинаково не могли они понять, выражалась ли она на языкѣ, которымъ писалъ Гоголь или Искандеръ, или на томъ,

на какомъ писалъ Шевченко. Мы полагаемъ, что никто не сочтетъ за парадоксъ, если мы скажемъ, что Шевченко, какъ и Гоголь, и Островскій, и Некрасовъ и т. д., по эпохѣ развитія русскаго общества, въ которому они принадлежать, суть русскіе писатели, а Державинъ теперь прееудобно можетъ быть названъ «рутенскимъ».

Когда въ недавнее время галицкіе литераторы извѣстнаго лагеря сочли необходимымъ провозгласить единство литературы во всемъ русскомъ мірѣ и потому сочли неизбѣжнымъ перепечатать что-либо изъ новѣйшей литературы въ Россіи, — журналъ «Боянъ», провозгласившій приведенное выше курьезное мнѣніе, что «языкъ, которымъ говорятъ въ Россіи, есть галицкій литературный языкъ», — услыжавъ, что самымъ талантливымъ изъ дѣйствовавшихъ въ послѣдніе годы писателей въ Россіи считается Тургеневъ, — выбралъ для ознакомленія съ нимъ, — какъ бы вы думали, что? — разсказъ «Жидъ». Конечно, самъ г. Тургеневъ согласится съ нами, что изъ всѣхъ вещей, когда-либо имъ написанныхъ — «Жидъ» самое близкое къ «Мичману Поцѣлуеву», а потому наименѣе «русское» и наиболѣе «рутенское» сочиненіе. Мы видѣли, что самое обращеніе къ литературѣ, существующей въ Россіи, отреченіе отъ программы, машинально написанной въ 1848 г., совершили органы «рутенцевъ» послѣ того, какъ бюрократія австрійская явно оттолкнула ихъ отъ себя, — и они обратились въ Россію, не какъ русскіе, а именно, какъ «рутенцы», т.-е. съ надеждами и въ Россіи на бюрократію, съ лестію и въ Россіи той части общества и литературы, которую считали ближайшею къ бюрократіи. А когда оказалось, что русское правительство не расположено вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей, что фразы нашихъ публицистовъ реакціоннаго пошиба о помощи западнымъ братьямъ такъ фразами и остаются, «рутенцамъ» осталось только хлопотать о служебныхъ мѣстахъ въ Россіи, — гдѣ они, впрочемъ, не встрѣчаютъ сочувствія ни отъ «русскаго» общества, ни отъ представляющей его печати.

Наоборотъ всему сказанному о рутенцахъ, когда нарастающая народная партія обратилась за нравственной пищей въ Россію, — она бросилась жадно на Шевченко, Костомарова, Кулиша, М. Вовчеа, не только потому, что ихъ сочиненія были написаны непонятнѣйшимъ для галичанъ языкомъ, но и потому, что они отвѣчали тѣмъ стремленіямъ въ независимости въ политикѣ, тѣмъ понятіямъ о значеніи народныхъ массъ, какія нарождались уже въ головахъ младшаго поколѣнія, тѣмъ понятіямъ научнымъ, историческимъ и филологическимъ, какія они нахо-

дили въ аудиторіяхъ болѣе ново-европейскихъ учебныхъ заведеній, чѣмъ старыя уніатскія семинаріи; новая малорусская беллетристика и исторіографія была для галичанъ новою европейскою литературой, писанной наиблизайшимъ языкомъ для ихъ народа. А такъ какъ малороссійская литература и исторіографія зародились въ Россіи, благодаря ея высшимъ плеоламъ, которыя все-таки отражаютъ общеевропейскія умственные движенія, то мы должны сказать, наперекоръ близорукимъ людямъ въ обоихъ лагеряхъ, «москво-фильскомъ» и «украино-фильскомъ», какъ у насъ, такъ и въ Галиціи, что галицкое украинофильство есть первое и до сихъ поръ самое сильное проявленіе нравственной связи Галиціи съ Россіей. Галицкіе народовцы не потому стали народовцами, что заразились «мечтательными» тенденціями нашихъ украинофиловъ, а потому стали украинофилами, что нашли у послѣднихъ «народныя» (демократическія) идеи; а такъ какъ безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что русинское національное движеніе въ Галиціи можетъ стать прочнымъ только ставши просвѣтительнымъ и демократическимъ, то въ этомъ проникновеніи въ Галицію украинофильства онъ долженъ усматривать тотъ путь, какимъ должна идти пропаганда идей о нравственной солидарности русскихъ племенъ, для того, чтобы принести пользу народу этихъ племенъ. Если когда-либо эта солидарность установится, то только путемъ связи прогрессивно-народныхъ движеній въ Галиціи и Россіи, которая можетъ наступить послѣ взаимнаго основательнаго знакомства, а вовсе не посредствомъ того искусственнаго братанія реакціонныхъ и своекорыстныхъ общественныхъ элементовъ, которое до сихъ поръ ничего не дало Галиціи, кромѣ эмигрантовъ дома, а намъ подбавки туземнаго ташкентскаго полку еще и наѣзжимъ. Проблески такой солидарности галичанъ не только съ Малороссіей, но и съ Россіей вообще (мы не говоримъ о политикѣ) замѣчаются уже и теперь,—и мы укажемъ ихъ ниже, теперь же обратимся къ обзору дѣятельности молодой или народной партіи въ Галиціи, которую мы и будемъ называть молодой, свѣтской или народной партіей, какъ болѣе точными названіями, чѣмъ другія,—въ отличіе отъ старой, которая, какіе бы виды ни принимала, въ какіе бы союзы ни входила, но непремѣнно окажется «рутенскою», клерикально-бюрократическою и непремѣнно всюду найдетъ для себя подобныхъ же союзниковъ.

М. Т-овъ.

СВЕРХСМѢТНЫЕ КРЕДИТЫ

ВЪ

НАШЕМЪ БЮДЖЕТѢ

Наша печать излагаетъ свои разсужденія о бюджетѣ всегда въ началѣ года, по той причинѣ, что всегда къ концу предыдущаго года публикуется новый государственный бюджетъ. Но тогда волею-неволею приходится говорить о дѣлѣ оконченномъ, и являться такимъ образомъ—по пословицѣ «послѣ ужина—горчицей». Вотъ почему я предпочелъ заняться бюджетными вопросами нѣсколько ранѣе обычнаго срока и избралъ на этотъ разъ, по моему мнѣнію, самый центральный вопросъ и вмѣстѣ менѣе всего обращающій на себя вниманіе,—а именно вопросъ о нашихъ сверхсметныхъ кредитахъ, которые, какъ извѣстно, занимаютъ весьма значительное мѣсто въ государственномъ бюджетѣ.

Дѣйствительно, сумма ихъ постоянно возрастала, какъ то видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1866 г. сверхсм. кред. сост.	55.209,355 р. или 12,5% всей суммы расходовъ ¹⁾ .
> 1867 > > >	42.497,344 > > 9,3% > > >
> 1868 > > >	42.141,953 > > 8,5% > > >
> 1869 > > >	79.242,220 > > 14,8% > > >
> 1870 > > >	110.804,553 > > 19,6% > > >
> 1871 > > >	87.963,411 > > 15,7% > > >
<hr/>	
Итого. . . .	417.858,836 р. или 13,7% всей суммы расходовъ.

¹⁾ Считаю не излишнимъ замѣтить, что при выводѣ процентныхъ отношеній за сумму расходовъ, мы принимаемъ какъ расходы, дѣйствительно произведенные въ отчетномъ году и въ теченіи льготнаго времени, такъ и расходы, оставшіяся по рос-

Полный же годово́й расходъ, составлявшій въ 1866 году 438.492,542 р., въ 1871 году увеличился до 557.596,546 р., то-есть въ теченіе шести лѣтъ возросъ на 27,1⁰/₀; сверхсмѣтные кредиты требуютъ въ средней сложности 13,7⁰/₀ ежегоднаго расходнаго исполненія, такъ что въ шесть лѣтъ они накопятся до цифры около 418 милліоновъ, почти равной цѣлому бюджету начального года. Изслѣдованіе причинъ такого быстрого роста сверхсмѣтныхъ кредитовъ не можетъ не возбуждать интереса въ финансовомъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ на настоящій вопросъ тѣсно связанъ съ разъясненіемъ всего строя нашего денежнаго хозяйства и нѣкоторыхъ недостатковъ, обнаруживающихся изъ подобнаго наростанія сверхсмѣтныхъ кредитовъ. Показанная выше общая цифра сверхсмѣтныхъ кредитовъ раздѣляется на двѣ совершенно другъ отъ друга отличныя категоріи: 1) сверхсмѣтные кредиты по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; 2) обыкновенные сверхсмѣтные кредиты по текущимъ государственнымъ потребностямъ. Обѣ эти категоріи мы рассмотримъ въ отдѣльности.

I.

Сверхсмѣтные кредиты по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ.

Сверхсмѣтные кредиты по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ отличаются отъ обыкновенныхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ:

1) Тѣмъ, что удовлетворяясь изъ особыхъ, такъ-называемыхъ «спеціальныхъ ресурсовъ, назначенныхъ для покрытія временныхъ, экстраординарныхъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ»—кредиты эти собственно не должны бы были падать на средства государственнаго казначейства, заимствованныя изъ постоянныхъ государственныхъ доходовъ, то-есть податей, налоговъ и дохода отъ государственныхъ имуществъ и промышленныхъ предпріятій.

2) Тѣмъ, что въ порядкѣ своего разрѣшенія они подчинены совсѣмъ другимъ правиламъ, нежели обыкновенные сверхсмѣтные кредиты.

писи назначенными къ исполненію по списку кредиторовъ казны. Эту общую сумму исполненныхъ и подлежащихъ исполненію расходовъ принимаетъ и государственный контроль, при выводѣ баланса по исполненію государственной росписи въ каждомъ отчетномъ году; но мы не имѣемъ возможности по каждой отдѣльной статьѣ расходовъ исправлять предположительное назначеніе по росписи дѣйствительнымъ расходваніемъ по счетамъ кассы.

Движеніе кредитовъ этой категоріи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1866 году они составляли	5.263,587	р.	или	26,4%	смѣтнаго назначенія.
> 1867 > > >	9.923,649	>	>	38,9%	> >
> 1868 > > >	12.122,361	>	>	31,3%	> >
> 1869 > > >	35.409,328	>	>	113,7%	> >
> 1870 > > >	70.379,954	>	>	692,8%	> >
> 1871 > > >	46.514,333	>	>	450,4%	> >

Итого. . . 179.613,212 р.

Такимъ образомъ желѣзно-дорожные сверхсметные кредиты растутъ еще быстрѣе обыкновенныхъ, и притомъ въ 1870 году сверхсметные кредиты *въ семь разъ* превышали сметное назначеніе, такъ что даже государственный контроль, какъ сказано въ объяснительной его запискѣ на 1870 годъ, «не могъ не обратить вниманія на столь значительное преобладаніе сверхсметныхъ кредитовъ надъ ассигнованіемъ по росписамъ, повторяющееся изъ года въ годъ». Чтобы объяснить причину этого явленія, необходимо изложить вкратцѣ весь механизмъ движенія суммъ, отпускаемыхъ правительствомъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, насколько предметъ этотъ разъясненъ въ обнародованныхъ отчетахъ государственнаго контроля.

Послѣ неудачи главнаго общества желѣзныхъ дорогъ,—когда надежды на заграничную помощь въ этомъ дѣлѣ разбились въ самомъ началѣ и, казалось, надолго приходилось помириться съ стариннымъ извозомъ,—съ 1865 года мы вступили въ тотъ періодъ желѣзно-дорожной горячки, который прошли всѣ современныя государства, начиная еще съ тридцатыхъ годовъ. Не мѣшаетъ припомнить, что въ началу нынѣшняго года открыто было съ 1865 года 9685 верстъ желѣзныхъ дорогъ, независимо отъ 1363 верстъ строящихся дорогъ и 1638 верстъ такихъ, на которыя концессіи уже выданы правительствомъ. Если мы прислушаемся къ общественнымъ толкамъ о ходѣ у насъ желѣзно-дорожнаго дѣла, то услышимъ самые разнообразныя и противорѣчащія отзывы. Одни говорятъ, что желѣзныя дороги оживили тотъ край, чрезъ который онѣ прошли и дали въ руки населенія неистощимый родникъ новыхъ заработковъ; а другіе, напротивъ, утверждаютъ, что желѣзныя дороги стянули скудные запасы нашего производства къ извѣстнымъ немногимъ центрамъ, и тѣмъ подняли и безъ того невыносимую для мѣстнаго небогатаго класса дороговизну на предметы первой потребности. Одни находятъ, что сотни милліоновъ, выпущенныхъ въ обращеніе при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, распредѣлялись вообще между трудящимися

людьми самыхъ разнообразныхъ занятій, начиная отъ простаго поденщика до сосѣдняго землевладѣльца, не участвовавшаго прямо въ постройкѣ, но съ проведеніемъ дороги получившаго новые источники къ извлеченію дохода изъ своего имѣнія; другіе озабоченно видятъ въ желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ возобновленіе старыхъ откуповъ, которые, приводя въ движеніе сотни милліоновъ, стягивали ихъ въ карманы и сундуки немногихъ привилегированныхъ предпринимателей, не поднимая вовсе цѣны на трудъ и оставляя его на томъ же низкомъ уровнѣ, который создавался на промышленномъ рынкѣ въ прежнее время, — ибо временной усиленный запросъ, предлагая временное усиленное вознагражденіе, въ то же время создаетъ временныя усиленныя, но необходимыя издержки на содержаніе и удовлетвореніе потребностей, обусловленныхъ самою работою. Однимъ словомъ, — сторонники желѣзныхъ дорогъ желаютъ такого же усиленнаго ихъ продолженія, — увѣренные, что желѣзная дорога сама создастъ промышленность и передвиженіе грузовъ, и что запутанныя обстоятельства многихъ открытыхъ уже дорогъ происходятъ отъ безпорядковъ и злоупотребленій внутренняго управленія и отъ неумѣнія или нежеланія приноровиться къ мѣстнымъ торговымъ нуждамъ и требованіямъ; противники, напротивъ, съ ужасомъ встрѣчаютъ всякое новое предположеніе, доказывая, что промышленный строй нашей пустынной, безлюдной и малообработанной страны, съ ея разбросаннымъ и привѣреннымъ къ своей полосѣ сельскимъ населеніемъ, пока не удовлетворяетъ условіямъ скорого и одновременнаго передвиженія товаровъ цѣлыми массами; что грузы не создаются одними средствами передвиженія; что грузовъ нѣтъ, потому что нѣтъ другихъ необходимыхъ условий производства; что вдоль желѣзныхъ дорогъ тянутся веренищey обозы мелкихъ промышленниковъ, для которыхъ желѣзная дорога бесполезна, и наконецъ, что желѣзно-дорожный кризисъ, — вызываемый не легко-устранимыми недостатками веденія дѣла, а равновременностью усиленнаго проложенія путей, не вызванныхъ мѣстными условіями самаго производства, — только-что начинается.... Нельзя безусловно отвергать ни той, ни другой стороны, ибо обѣ онѣ, — какъ всегда бываетъ, — до известной степени справедливы; несмотря на рѣзкое противорѣчіе, какъ съ той, такъ и съ другой стороны высказывается не праздный отголосокъ родившихся въ чьей-либо головѣ мечтаній и предположеній, часто ошибочныхъ и ни на чемъ не основанныхъ, но искреннее и справедливое заявленіе сотенъ людей, передающихъ свои личныя впечатлѣнія, какъ они привились къ нимъ изъ

окружающей ихъ обстановки, вслѣдствіе извѣстнаго крупнаго событія, измѣнившаго промышленныя условія цѣлаго края; съ обѣихъ сторонъ въ подкрѣпленіе приводится цѣлый рядъ мелкихъ, — мѣстныхъ и временныхъ, но дѣйствительныхъ фактовъ, противъ которыхъ спорить нельзя.

Таковъ бываетъ всегда судъ современниковъ о великихъ народныхъ дѣлахъ: однихъ они прикрываютъ благотворной стороной своего вліянія и нѣтъ границъ восторгу, другихъ задерживаютъ невольной шероховатостью неустановившагося и отыскивающаго своего мѣста элемента и въ слѣдъ имъ посылаются проклятія! Ничей инстинктъ не въ силахъ угадать, на какой сторонѣ правда въ этомъ смѣшанномъ гулѣ разнообразныхъ и противорѣчащихъ толковъ; но для каждаго подобнаго спора есть верховный, безпристрастный рѣшитель въ лицѣ опыта, произносящаго свой судъ въ наукѣ и теоріи, — отрѣшенныхъ отъ мелкихъ и преходящихъ вліяній даннаго мѣста и времени. Съ точки зрѣнія опыта говорить въ частности о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, — пока нѣтъ возможности: онѣ существуютъ такъ недавно, что еще не накопилось достаточно фактовъ для среднихъ выводовъ. Средніе выводы, — въ которыхъ выражается открываемый опытомъ устой или законъ даннаго явленія, — обнаруживаются какъ результатъ дѣятельности извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго періода, достаточнаго для взаимнаго равновѣсія уклоненій или колебаній, производимыхъ въ отдѣльные моменты особыми, преходящими условіями изслѣдуемаго явленія; а между тѣмъ, именно эти особые преходящіе явленія, производящіе колебанія, и переходятъ въ отзывы современниковъ, ибо колебанія сильнѣе всего ложатся на окружающей обстановкѣ и затрогиваютъ впечатлѣнія живущаго въ ней населенія. Но желѣзныя дороги внѣ Россіи существуютъ уже настолько давно, что онѣ должны были сдѣлаться предметомъ научныхъ изслѣдованій и представить достаточно матеріаловъ, чтобы опредѣлить на основаніи опытныхъ данныхъ ихъ значеніе. Въ этомъ смыслѣ, политическая экономія отвела уже свое мѣсто желѣзнымъ дорогамъ и, признавая ихъ за *необходимое условіе* современной промышленности, наравнѣ съ кредитомъ, распространеніемъ техническихъ знаній и другими условіями, созданными развитіемъ цивилизаціи, старается уловить законы общихъ измѣненій, производимыхъ желѣзными дорогами въ общемъ экономическомъ или промышленномъ строѣ, независимо отъ потребностей даннаго государства. Такимъ образомъ, вопросъ о настоятельности у насъ желѣзныхъ дорогъ рѣшается просто: если желѣзныя до-

роги составляютъ необходимое условіе, то устройство ихъ неизбежно и притомъ тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо продолжительное лишеніе необходимаго условія грозитъ бѣдой всякому живому и здоровому организму. Пусть желѣзныя дороги не оправдали возложенныхъ на нихъ преувеличенныхъ надеждъ, пусть онѣ обогатили немногихъ предприимчивыхъ единицъ и нарушили матеріальные интересы другихъ лицъ и, можетъ быть, извѣстныхъ околотовъ, пусть онѣ даже потребовали особыхъ жертвований отъ цѣлаго народа,—все же быстрое движеніе впередъ желѣзнодорожной сѣти въ послѣдніе годы есть великое народное дѣло, и нельзя не быть глубоко признательнымъ правительству за его совершеніе.

Между тѣмъ, несмотря на важность этого дѣла и на обширность затраченныхъ средствъ, первый и самый главный вопросъ,—откуда добыты были эти средства и какое они имѣли отношеніе къ общей системѣ государственнаго денежнаго хозяйства—до сихъ поръ мало останавливалъ на себѣ вниманіе общества. Ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса не есть одно только удовлетвореніе совершенно законной и понятной любознательности въ отношеніи къ цѣлой, огромной отрасли финансовой дѣятельности, которая имѣетъ такое важное значеніе для всего народа, но можетъ получить, кромѣ того, и нѣкоторые практическія послѣдствія. Какъ бы ни настоятеленъ былъ извѣстный расходъ, какъ бы ни приготовлено было само общество къ возможнымъ жертвованиямъ, въ видахъ полезности достигаемой цѣли, но самое элементарное благоразуміе требуетъ, чтобы избранъ былъ путь наименѣе тягостный для народа и наиболѣе свободный отъ безпорядковъ и злоупотребленій, не оправдываемыхъ никакою настоятельностью. Правительство само уже признало, что лучшимъ критеріемъ для оцѣнки способовъ, избранныхъ имъ для осуществленія своихъ предположеній, есть *ясность*, — и съ этой цѣлью само обнаруживаетъ денежные счета своего хозяйства съ такой полнотой и подробностью, которая не всегда встрѣчается въ другихъ государствахъ, гдѣ допущено прямое участіе въ установленіи бюджета народныхъ представителей. Между тѣмъ свѣдѣнія, обнаруживаемыя государственнымъ контролемъ и министерствомъ финансовъ, рѣдко подвергаются серьезной разработкѣ въ литературѣ, а относительно желѣзныхъ дорогъ и вовсе не затрагивались. Я, конечно, не имѣю претензій пополнить этотъ пробѣлъ въ настоящей статьѣ, но полагаю, что сообщеніе нѣкоторыхъ данныхъ, имѣющихъ самую тѣсную связь съ разбираемымъ мною вопросомъ, не покажется излишнимъ для читателя.

На основаніи Высочайшихъ повелѣній, еще ранѣе 1866 года, когда обнародованъ первый контрольный отчетъ, всѣ расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ обезпечивались особыми, такъ-названными «спеціальными ресурсами», которые предназначены были исключительно для этой цѣли и изъ которыхъ пополнялись затраты на этотъ предметъ, позаимствованныя изъ общихъ государственныхъ доходовъ; а съ 1867 года образованъ съ тою же самою цѣлью особый, собственно желѣзно-дорожный фондъ, составившійся изъ облигаціонныхъ займовъ, обезпеченныхъ эксплуатируемыми желѣзными дорогами. Образованіе этого особаго фонда имѣло, въ самомъ началѣ, быть можетъ, благую цѣль. Правительство, убѣдившись, что постройка желѣзныхъ дорогъ казеннымъ способомъ обходится слишкомъ дорого, а частная инициатива не можетъ быстро развиваться, ибо для частныхъ русскихъ предпринимателей кредитъ на иностранныхъ биржахъ почти не существуетъ, тогда какъ само правительство въ этомъ отношеніи пользуется большими преимуществами ¹⁾—пришло къ убѣжденію, блистательно оправданному успѣхомъ распространенія дорожной сѣти, въ необходимости присоединить свое содѣйствіе къ желѣзно-дорожнымъ предпріятіямъ частныхъ обществъ и строителей. Такимъ образомъ правительство, какъ увидимъ ниже, приняло на себя роль посредствующаго банкира относительно реализаціи бумагъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ на иностранныхъ биржахъ; но эта роль требовала, чтобы государственное казначейство всегда имѣло подъ руками значительный и неприкосновенный денежный запасъ, изъ котораго можно бы было безостановочно и немедленно дѣлать потребныя затраты при веденіи такой обширной финансовой операціи. Наше государственное казначейство терпитъ не столько отъ отсутствія денежныхъ средствъ, сколько отъ неопредѣленности своихъ оборотовъ, такъ какъ иногда находитъ необходимымъ дѣлать расходы внѣ смѣтныхъ назначеній и помимо установленныхъ закономъ формъ; оттого каждая вновь рождающаяся потребность

¹⁾ Вотъ, напримѣръ, какъ выражается ходячій нѣмецкій коммерческій альманахъ (Börsen Pariete, von A. Saling, II Th., I H., 127): „Какъ ни значительны и тяжки бываютъ часто финансовыя затрудненія въ Россіи, правительство однакоже всегда въ точности (pünktlich) выполняло всѣ свои обязательства въ отношеніи къ иностраннымъ кредиторамъ и даже съ большими пожертвованіями избѣгало до сихъ поръ вступленія на скользкій путь прямыхъ и косвенныхъ насилій относительно владѣльцевъ государственныхъ бумагъ, чѣмъ заслужили извѣстность въ исторіи государственнаго кредита другія континентальныя и заатлантическія страны. Вотъ почему европейскій денежный рынокъ, даже во время большихъ кризисовъ, никогда не уклонялся, когда обращалось къ нему за помощью въ новыхъ своихъ финансовыхъ операціяхъ русское правительство“.

можетъ истощить наличный запасъ казначейства и, поставивъ его въ невозможность своевременнаго удовлетворенія, задержать исполненіе текущихъ расходовъ, несмотря на ихъ настоятельность. Правительство само сознавало, что желѣзно-дорожный фондъ долженъ быть огражденъ отъ такой опасности, и вотъ оно нашло необходимымъ обезпечить его неприкосновенность, переименовавъ его въ специально желѣзно-дорожный фондъ, изъ котораго предполагалось покрытіе исключительно расходовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Можетъ быть, такое переименованіе и принесло пользу на первыхъ порахъ: по крайней мѣрѣ для различныхъ вѣдомствъ, пользующихся накопленіемъ денежныхъ средствъ казначейства для расширенія своего бюджета, часть этихъ средствъ была на первыхъ порахъ прикрыта такимъ заглавіемъ, предъ которымъ они по неволѣ останавливались. Но было бы неосновательно разсчитывать, что подобное переименованіе есть серьезная и продолжительная гарантія. Въ самомъ дѣлѣ, правительство, сознавая, что средства государства часто обращаются впослѣдствіи не на тотъ предметъ, на который они предназначались сначала, и что въ дѣлѣ, требующемъ усиленнаго и безостановочно-правильнаго движенія, необходима гарантія неприкосновенности предназначеннаго для него фонда, принимало эту гарантію собственно противъ самого себя. Но трудно себѣ представить, чтобы отдѣльное лицо или цѣлое учрежденіе, замѣтивъ какую-нибудь аномалію, вызывающую принятіе противъ нея особой гарантіи,—отыскивало эту гарантію внутри самого себя, въ видѣ бумажной формальности или какого-нибудь переименованія. Гарантія правильнаго и бережливаго расходованія финансовыхъ средствъ страны трудно достигается одними внутренними административными преобразованиями или сложными и подробными контрольными формами... Какъ ни благотѣльно обнародованіе финансовыхъ счетовъ, но оно одно не въ состояніи исправить и предупредить укоренившихся аномалій: всѣ скоро привыкаютъ къ безопасному говору общества и дѣло продолжаетъ идти своимъ путемъ. Между тѣмъ, извѣстно, что въ данной средѣ всякое явленіе получаетъ характеръ, сообразный ея условіямъ: такъ это случилось и съ специально дорожнымъ фондомъ. Учреждая особый желѣзно-дорожный фондъ, наши финансовые люди сдѣлали шагъ назадъ съ ихъ собственной точки зрѣнія. Убѣдившись, что отпускъ въ полной суммѣ кредитовъ, согласно смѣтному назначенію, въ руки отдѣльных вѣдомствъ и управленій, обезсиливаетъ государственное казначейство преждевременною выдачею денежныхъ средствъ, хранящихся безъ движенія въ отдѣльныхъ кассахъ этихъ мини-

стерствъ и управленій, и въ то же время осложняетъ и затрудняетъ повѣрку отчетности и выводъ финансоваго баланса при составленіи государственной росписи, правительство только что признало за нужное ввести коренную реформу, извѣстную подъ названіемъ единства кассы; убѣдившись, что правильное, бережливое и свободное отъ злоупотребленій расходование средствъ страны возможно только при устанавленіи словомъ закона неизмѣннаго порядка ихъ ассигнованія и расходованія, правительство ввело Высочайше утвержденныя 22-го мая 1862 года правила о составленіи государственной росписи, по которымъ «никакой расходъ, въ Высочайше утвержденной государственной росписи и финансовыхъ смѣтахъ не показанный или не разрѣшенный экстраординарнымъ кредитомъ, не *допускается*, кромѣ случаевъ, требующихъ, по военнымъ и политическимъ обстоятельствамъ, особой быстроты и тайны» (стат. 6 и 57). Но выдержать это оказалось труднымъ и такимъ образомъ былъ учрежденъ особый специальный фондъ, — цѣлая финансовая операція, гдѣ затрачивались сотни милліоновъ и гдѣ правительство само признало необходимость особой гарантіи для правильного и рациональнаго веденія дѣла. Между тѣмъ, извѣстно, что при старыхъ финансовыхъ порядкахъ въ отчетахъ отдѣльныхъ министерствъ и управленій накоплялось по бумажнымъ счетамъ много капиталовъ, которыхъ на дѣлѣ не оказывалось, и свести имъ итоги не удавалось никому. Тогда собирались коммиссіи, трудились и выбывались изъ силъ, — но счета не разяснялись и приходилось сдать ихъ въ архивъ и довольствоваться той наличностью, которая оказывалась на дѣлѣ, а не на бумагѣ. Что же случилось съ учрежденіемъ желѣзно-дорожнаго фонда? Вотъ что по этому поводу говорится въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1870 годъ: «Повторяющееся изъ года въ годъ преобладаніе сверхсметныхъ кредитовъ по желѣзно-дорожнымъ расходамъ бросается въ самомъ порядкѣ ассигнованія кредитовъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, который представляетъ отступленія отъ общаго порядка ассигнованія и расходованія суммъ государственнаго казначейства. По точному смыслу Высочайше утвержденныхъ сметныхъ правилъ, никакой расходъ, въ государственной росписи не поименованный или не разрѣшенный экстраординарнымъ кредитомъ въ законодательномъ порядкѣ, не *допускается*. Въ *противоположность* этому основному положенію, въ 1870 году установленнымъ порядкомъ разрѣшены были, на счетъ специально определенныхъ ресурсовъ, тѣ только расходы, которые предстояли въ производству по правительственнымъ желѣзнымъ дорогамъ.

Всѣ же расходы на воспособленіе частнымъ обществамъ произведены безъ предварительнаго испрошенія и ассимованія кредитовъ частью чрезъ заграничныхъ банкировъ изъ находившихся у нихъ общихъ фондовъ государственнаго казначейства, а частью изъ государственнаго банка на счетъ общихъ средствъ государственнаго казначейства, съ возмѣщеніемъ впослѣдствіи затраченныхъ суммъ изъ экстраординарныхъ ресурсовъ на устройство желѣзныхъ дорогъ, или путемъ перечисленія по счетамъ, или же трассировкою векселей. Наконецъ, самое проведеніе по счетамъ производится не всегда въ одномъ году съ произведенною затратою, но весьма часто въ послѣдующемъ, а иногда спустя и два года послѣ затраты. При такой независимости между ассимованіемъ и дѣйствительными расходами на сооруженія желѣзныхъ дорогъ, многія суммы, хотя и израсходованныя на счетъ желѣзно-дорожныхъ ресурсовъ, но по отчетности о дѣйствительныхъ расходахъ за извѣстный годъ вовсе не показываются, и, бывъ уже выданы, остаются однакоже не снесенными со счетовъ. Вслѣдствіе сего для государственнаго контроля не представляется возможнымъ, безъ особаго изслѣдованія, придти къ полному заключенію, какъ о самыхъ источникахъ, служившихъ къ удовлетворенію всѣхъ потребностей, относящихся на счетъ экстраординарныхъ ресурсовъ, такъ и о размѣрѣ произведенныхъ расходовъ» (стр. 69). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ 1870 году на устройство правительственныхъ дорогъ истрачено около 22 милліоновъ, а на воспособленіе частнымъ обществамъ выдано свыше 70 милліоновъ, и всѣ эти семьдесятъ милліоновъ, какъ удостовѣряетъ государственный контроль, выданы неправильно. Изъ объяснительной записки за 1871 годъ видно, что вслѣдствіе такого заявленія государственный совѣтъ предоставилъ государственному контролеру войти въ соглашеніе съ министромъ финансовъ объ установленіи болѣе удовлетворительнаго порядка расходованія суммъ желѣзно-дорожнаго фонда. На этомъ основаніи изъ чиновъ министерства финансовъ и государственнаго контроля составлена особая коммиссія для точнаго опредѣленія всѣхъ суммъ и поступленій отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ и для установленія формы самой смѣты. Не знаемъ, къ какимъ результатамъ придетъ коммиссія, но, безъ сомнѣнія, исполненіе закона, утвержденнаго Высочайшею властью, не будетъ поставлено въ зависимость отъ соглашенія министра финансовъ и государственнаго контролера.

Въ самомъ дѣлѣ, самаго поверхностнаго знакомства съ механизмомъ приходорасходныхъ оборотовъ желѣзно-дорожнаго фонда

достаточно, чтобы понять всю справедливость заявленія государственнаго контроля о встрѣчаемыхъ имъ затрудненіяхъ, при по-
вѣркѣ отчетности, и вновь учрежденной комиссіи будетъ надъ-
ѣтъ поработать. Собственно желѣзно-дорожнымъ фондомъ должно
считать депозитъ, хранящійся у иностранныхъ банкировъ на те-
кущемъ счету и образовавшійся главнымъ образомъ изъ реализа-
цій желѣзно-дорожныхъ облигацій и суммъ, поступившихъ отъ
продажи сѣверо-американскихъ владѣній. Но не всѣ расходы по
желѣзнымъ дорогамъ удовлетворяются прямо изъ этого фонда:
большинство расходовъ уплачивается изъ общихъ средствъ госу-
дарственнаго казначейства, обращающихся на текущемъ счету въ
государственномъ банкѣ, а нѣкоторые изъ общихъ заграничныхъ
фондовъ, также остающихся на рукахъ иностранныхъ банкировъ.
Въ свою очередь суммы специально-дорожнаго фонда, какъ хра-
нящіяся въ иностранныхъ депозитахъ, такъ и поступающія въ го-
сударственное казначейство, затрачиваются на удовлетвореніе об-
щихъ государственныхъ потребностей. Такимъ образомъ, между
желѣзно-дорожнымъ фондомъ и общими средствами государствен-
наго казначейства происходитъ непрерывный обмѣнъ, и во всякое
время или желѣзно-дорожный фондъ долженъ государственному
казначейству за исполненіе послѣднимъ расходовъ за счетъ пер-
ваго, оставшихся непорочными, или наоборотъ. Отсюда оче-
видно, что названіе «спеціально желѣзно-дорожный фондъ» не
совсѣмъ точно. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что
расходы, предназначаемые изъ желѣзно-дорожнаго фонда, не
имѣютъ совершенно установившагося содержанія, такъ что рас-
ходы одной и той же категоріи то пополняются изъ желѣзно-
дорожнаго фонда, то упадаютъ безвозвратно на общія средства
бюджета. Даже существуютъ расходы, *совмѣстные* для обоихъ
источниковъ. Между тѣмъ эти *совмѣстные* расходы тѣмъ не
менѣе означаютъ употребленіе государственныхъ средствъ на по-
требности совершенно спеціальныя. Объясню примѣромъ. Отно-
сительно правительственныхъ дорогъ установлено общее правило,
что всѣ расходы собственно по постройкѣ покрываются изъ же-
лѣзно-дорожнаго фонда; а расходы по управленію, эксплуатаціи
и текущему ремонту упадаютъ на общія средства государствен-
наго казначейства. Это распредѣленіе до такой степени ясно и
опредѣленно, что ничего *совмѣстнаго*, казалось бы, представить
нельзя. Между тѣмъ въ 1870 году перечислено изъ экстраordi-
нарныхъ ресурсовъ въ общія средства государственнаго казна-
чейства, для *совмѣстнаго расходованія*, на расходы по улучше-
нію кіево-балтской и московско-курской желѣзныхъ дорогъ, не от-

носящіеся къ обыкновенному содержанію дорогъ 3.404,138 руб. Трудно понять, что это за расходы и для чего потребовалось необыкновенное содержаніе дороги накануне продажи въ частныя руки? Между тѣмъ неизвѣстно, показана ли эта сумма въ смѣтѣ министерства путей сообщенія за 1870 годъ, какъ подлежащая позаймствованію изъ экстраординарныхъ ресурсовъ; въ то же время она пропущена въ вѣдомости о движеніи суммъ желѣзно-дорожнаго фонда за 1870 годъ, какъ перечисляемая въ общія средства казначейства, а значится только въ подстрочномъ примѣчаніи въ объяснительной запискѣ контроля за 1870 годъ (стр. 76). При этомъ, говоря о способахъ обращенія желѣзно-дорожнаго фонда, нельзя не сказать мимоходомъ вообще о расходованіи суммъ, хранящихся депозитомъ у иностранныхъ банкировъ. Благодаря учрежденію государственнаго контроля и введенной имъ гласности, произволъ отдѣльныхъ управленій въ расходованіи отпущенныхъ имъ кредитовъ прекращенъ, а общество, — если оно желаетъ и потрудится заглянуть въ обнародываемые правительствомъ документы, — получить довольно полное понятіе объ исполненіи государственной росписи и о способѣ расходованія денежныхъ средствъ, поступающихъ въ счетъ сдѣланнаго ею назначенія. Но область заграничныхъ фондовъ, — гдѣ сосредоточивался весь денежный запасъ быстро повторявшихся значительныхъ заграничныхъ займовъ ¹⁾, до сихъ поръ остается неразъясненною. Исключеніе составляютъ только свѣдѣнія о движеніи суммъ послѣдняго англо-голландскаго займа 1863 года, помѣщенные въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля за 1868 г. Что же касается до текущей отчетности по обращенію заграничныхъ фондовъ, то въ обнародованныхъ документахъ о ней нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ. Правда, въ кассовомъ сводѣ оборотовъ, произведенныхъ изъ суммъ государственнаго казначейства, ежегодно помѣщаемомъ въ контрольныхъ отчетахъ, выписывается остатокъ наличности къ началу года суммъ, состоящихъ въ распоряженіи министерства финансовъ за границею; въ отчетахъ государственнаго банка съ 1865 года открытъ особый отдѣлъ операций за счетъ государственнаго казначейства подъ названіемъ «иностранныя вексельная операція за счетъ разныхъ казенныхъ мѣстъ». Но эти данныя представляютъ нѣсколько голословныхъ цифръ, одни результаты неразъясненныхъ оборотовъ, — которыя для непосвященныхъ не говорятъ ровно ничего, какъ будто бы ихъ и совсѣмъ не было. Вотъ доказательство тому. По кассовому своду

¹⁾ Съ 1854 года занято за границею около 360 милліоновъ.

за 1870 годъ значилось въ наличности къ 1-му января 1870 г. суммъ, состоящихъ въ распоряженіи министерства финансовъ за границею 16.019,876 р.; къ тому въ теченіи 1870 года поступило (въ разрядѣ экстраординарныхъ ресурсовъ) % по текущимъ счетамъ банкировъ за границей 12,651 р.; а въ остаткѣ къ 9-му января 1871 года въ томъ же сводѣ показано 32.199,552 руб. Между тѣмъ въ примѣчаніи 3-мъ къ отчету по расходамъ (стр. 235) значитъ, что расходовъ по смѣтѣ системы кредита (т.-е. платежей по заграничнымъ займамъ) въ теченіи 1870 года произведено изъ заграничныхъ фондовъ непосредственно 20.093,145 р.; а изъ объясненія къ кассовому своду по желѣзно-дорожнымъ оборотамъ видно, что въ суммѣ 32.199,552 р. заграничныхъ фондовъ, оставшихся наличностью къ 1-му января 1871 года, считалось специально желѣзно-дорожныхъ ресурсовъ 31.790,990 р. Поэтому, изъ какихъ же фондовъ произведенъ былъ расходъ въ 20 милліоновъ на уплату процентовъ, когда *общихъ* заграничныхъ фондовъ не могло быть на эту сумму, а желѣзно-дорожные фонды имѣютъ въ кассовомъ сводѣ свой особый счетъ? Все это, безъ всякаго сомнѣнія, вѣрно, но вопросъ въ томъ: понятно-ли это? можно ли это себѣ разъяснить безъ особыхъ, частному лицу недоступныхъ разъясненій? Между тѣмъ отчеты печатаются отчасти и для публики, — слѣдовательно, было бы полезно излагать ихъ въ такомъ видѣ, чтобы желающіе съ ними ознакомиться изъ публики не терялись въ догадкахъ.

Изъ свѣдѣній объ оборотахъ желѣзно-дорожнаго фонда видно одно, что всѣ такъ-называемые расходы по реализаціи, — понятіе довольно неопредѣленное, — производятся прямо изъ банкирскихъ депозитовъ — *внѣ смѣты*. Итакъ, обо всемъ, что совершается въ иностранномъ хранилищѣ, — могутъ знать только весьма и весьма немногія лица, тогда какъ отчеты печатаются для многихъ. Даже государственный контроль вынужденъ былъ сознаться, что самъ онъ, въ отношеніи къ желѣзно-дорожнымъ оборотамъ, не все видитъ и не все понимаетъ. Вотъ почему неудивительно, что я, положивъ въ основаніе своего изслѣдованія труды государственнаго контроля, встрѣтилъ, именно въ отдѣлѣ желѣзно-дорожныхъ расходовъ, значительное количество непонятныхъ и оставшихся неразъясненными разнорѣчій въ данныхъ совершенно однородныхъ или тождественныхъ. Я былъ нѣсколько разъ членомъ ревизіонныхъ комиссій по земскому счетоводству: признаюсь, если бы мнѣ попалась земская отчетность въ такомъ видѣ, — я былъ бы поставленъ ею въ большое недоумѣніе. Привожу на выдержку нѣсколько примѣровъ:

1) По кассовому своду оборотовъ государственнаго казначейства за 1866 годъ показано перечисленными изъ суммъ второго внутренняго съ выигрышами займа для уплаты государственному банку за расходы, произведенные имъ до 1866 года на постройку желѣзныхъ дорогъ изъ суммъ 1-го займа 26.583,850 руб., что повторено и въ объяснительной запискѣ по кассовому своду за 1866 г., и на этомъ основаніи выведена приходорасходная разность въ оборотахъ суммъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которая въ отчетѣ 1867 года (Прил. къ отч. 1867, стр. 180) принята за наличность кассоваго остатка къ отчетному году. Между тѣмъ, въ отчетѣ за 1868 (объяснит. зап. 1868, стр. 66) вдругъ тотъ же самый возвратъ по счетамъ перваго займа изъ суммъ второго показанъ уже 27.075,650 р., т.-е. явилась разница на 491,800 руб.

2) Съ 1868 года государственный контроль помѣщаетъ въ приложеніяхъ къ отчету вѣдомость о движеніи въ теченіи отчетнаго года суммъ, специально назначенныхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Эта начальная первая вѣдомость за 1868 годъ начинается съ разнорѣчія и недоразумѣнія. Въ объяснительной запискѣ къ кассовому своду оборотовъ 1867 года (прил. отч. 1867, стр. 180 и 181) остатокъ кассовой наличности къ 1-му января 1868 года показанъ въ слѣдующемъ видѣ:

Суммъ 2-го внутренняго займа	1.317,184 р.
Займа по облигаціямъ никол. жел. дор. 1-го вып. . .	21.630,886 »
Итого.	22.948,070 р.

Въ отчетѣ же за 1868 годъ, въ приведенной выше вѣдомости (прил. отч. 1868, стр. 206) та же самая кассовая наличность значится:

Облигацій николаевской желѣзной дороги	21.767,048 р.
Облигацій курско-киевской желѣзной дороги	5.092,306 »
Итого.	26.859,355 р.

Разница на 3.911,285 руб. Но кромѣ того самые источники наличности разные: суммы внутренняго займа куда-то ушли, наличность николаевской желѣзной дороги отчего-то выросла на 136,162 р. и откуда-то явились 5.092,306 р. облигацій курско-киевской желѣзной дороги, тогда какъ по кассовому своду за 1867 годъ ихъ не поступало на приходъ и, слѣдовательно, не могло оставаться къ 1-му января 1868 года. Противъ этого разнорѣчія возраженій нѣтъ, если государственный контроль составляетъ кассовый сводъ по документамъ; а если этотъ сводъ есть одна математическая выкладка, то онъ не имѣетъ большой цѣны. На по-

добное заключеніе наводитъ слѣдующее весьма важное обстоятельство. Въ кассовомъ сводѣ оборотовъ казначейства есть особая рубрика прихода и расхода суммъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, куда вносятся всѣ экстраординарные или спеціальныя желѣзно-дорожныя ресурсы, какъ скоро они перечислены и *дѣйствительно поступили въ кассу казначейства*. Изъ свода за 1868 годъ видно, что въ казначейство поступило въ теченіи 1868 года:

Суммъ по 4% облигаціямъ николаевской желѣзной дороги.	24.981,364 р.
Обращено изъ суммъ 2-го выигрышнаго займа	6.088,079 >
Суммъ отъ продажи облигацій курско-киевской желѣзн. дороги.	10.898,295 >
Отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ за уступки нашихъ владѣній	10.623,353 >
Итого.	52.591,093 р.

Всѣ эти суммы повторены, какъ *дѣйствительно поступившія въ теченіи 1868 года*, въ запискѣ къ кассовому своду 1868 года (прил. 1868, стр. 229) и въ вѣдомости о движеніи за 1868 годъ суммъ, спеціально назначенныхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ въ объяснительной запискѣ за тотъ же годъ (стр. 74) значится: «въ теченіи собственно 1868 года перечислено было по кассамъ изъ желѣзно-дорожнаго фонда 22.103,163 р., на покрытіе же расходовъ, произведенныхъ въ счетъ росписи 1868 года *по сметѣ 1869 (?)*, спеціальныя ресурсы перечислены были въ семь послѣднемъ (т.-е. 1869) году». Итакъ, вотъ что значить спеціальныя фонды: при помощи его можно составлять и показывать въ кассовомъ сводѣ дѣйствительно поступившими суммы, подлежащія перечисленію, т.-е. въ дѣйствительности для кассовой наличности мнимыя. Но тогда кассовый сводъ теряетъ значеніе *документа* и дѣлается сводомъ *ожиданій*, и мы не можемъ болѣе говорить объ отчетности, контролѣ, повѣрѣхъ и т. п.

3) Ссуды частнымъ желѣзнымъ дорогамъ выдаются изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ: изъ спеціально назначенныхъ ресурсовъ и изъ общихъ доходовъ государства. Въ приложеніяхъ къ отчету государственнаго контроля, для каждаго изъ этихъ разрядовъ есть своя вѣдомость и въ объяснительныхъ запискахъ постоянно напоминаетъ, что оба разряда не должны быть другъ съ другомъ смѣшиваемы. Ссуды изъ общихъ государственныхъ средствъ показываются въ «сводѣ недоимокъ и долговъ, числящихся по счетамъ казначейства къ 1-му января отчетнаго года», а ссуды, выдаваемые изъ желѣзно-дорожнаго фонда въ «вѣдомости о движеніи суммъ, спеціально назначенныхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ». Слѣдовательно, одніи и тѣ же ссуды никоимъ образомъ не могутъ быть показаны по обѣимъ вѣдомостямъ, хотя

бы и за разные годы. Между тѣмъ ссуды, выданныя обществу московско-смоленской желѣзной дороги (321,725 р.), обществу орловско-витебской (8,987 р.), на изысканія пензенско-самарской линіи (20,000) и смоленско-брестской желѣзной дороги (18,087 р. въ одномъ мѣстѣ и 16,807 въ другомъ) въ приложеніи къ отчету 1868 года, показаны по обѣимъ вѣдомостямъ (прил. 1868, стр. 185 и 207).

Государственный контроль, конечно, самъ по себѣ не производитъ безпорядковъ, ихъ не устраняетъ и за нихъ не отвѣчаетъ,—онъ только обнаруживаетъ неправильности. Съ этой точки, разнорѣчія, которыя встрѣчаются между текстомъ и приложеніями къ отчетамъ государственнаго контроля, скорѣе полезны, нежели вредны,—ибо они раскрываютъ *суть дѣла*, а это и есть главное назначеніе всякаго разумнаго контроля. Понятно, что всегда есть возможность составить отчетность однообразную, выглаженную, хотя и непонятную для публики,—отчетность, о которой и сказать ничего нельзя, потому что ее разумѣютъ только сами составители да тѣ, кому они дадутъ влючъ въ своимъ письмамъ,—но за этою отчетностью можетъ скрываться все, что угодно ¹⁾... Отчеты и записки государственнаго контроля всегда ясны и удобопонятны; кто захочетъ посвятить извѣстный трудъ на ихъ изученіе, тотъ всегда получитъ возможность извлечь изъ нихъ требуемые результаты. Поэтому, заявляя о тѣхъ разнорѣчіяхъ, я имѣлъ въ виду указать не самое ихъ существованіе въ отчетахъ государственнаго контроля, а обнаруживаемую ими неудовлетворительность порядка въ приходорасходованіи желѣзно-дорожныхъ суммъ и доказать наглядно ту мысль, которую выразилъ я въ началѣ,—что учрежденіе специально-дорожнаго фонда было скорѣе шагомъ назадъ въ исторіи нашихъ финансовъ, шагомъ, не принесшимъ пользы, какъ объ этомъ заявилъ и самъ государственный контроль въ упомянутой мною выпискѣ. Но, кромѣ того, приведенные мною примѣры показываютъ, что свѣдѣніями, излагаемыми въ отчетахъ государственнаго контроля, надо пользоваться съ большою осторожностью и вниманіемъ, чтобъ не впасть въ заблужденіе. Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду указывать не только самые результаты, но и приемы, которые мною употреблены для ихъ вывода изъ массы данныхъ, обнародованныхъ государственнымъ контролемъ въ отчетахъ съ 1866—1872 годъ. Это важно уже потому, что статистическая работа

¹⁾ Мы находимъ, напримѣръ, часто весьма затруднительными для уразумѣнія непосвященныхъ отчеты государственнаго банка.

тогда только получаетъ цѣну, когда составитель подробно излагаетъ и оцѣнку разрабатываемыхъ имъ источниковъ, и способъ ихъ употребленія: иначе цѣлыя ряды цифръ или краткія, извлеченныя изъ нихъ, — въ видѣ математическихъ афоризмовъ, — не достигаютъ цѣли. Ряды голословныхъ цифръ только пугаютъ обыкновеннаго читателя, а специалистъ надъ ними не остановится, если они надлежащимъ образомъ не объяснены; что же касается до краткихъ результатовъ, — если не разъясненъ путь, которымъ они добыты, — то имъ вѣрить тотъ только, кто привыкъ вѣрить всему печатному.

Приступаемъ къ дѣлу. Первый вопросъ, который предстоитъ рѣшить: *сколько у насъ затрачено на желѣзно-дорожныя сооруженія въ періодъ съ 1866 по 1872 годъ?*

Для того, чтобы прямо вывести общую цифру всѣхъ затратъ на желѣзно-дорожныя сооруженія въ этотъ періодъ, — казалось бы достаточно сложить погодные валовые итоги затраты изъ желѣзно-дорожныхъ ресурсовъ, помѣщенные въ концѣ текста контрольных отчетовъ особой статьей. Но, въ виду вышеизложенной запутанности приходорасходования и самаго способа составленія отчета, такой приемъ оказался бы весьма далекимъ отъ истины. Въ контрольных отчетахъ дѣйствительный расходъ по каждой статьѣ дѣлится на двѣ части: *часть дѣйствительно израсходованную*, съ подраздѣленіемъ, по времени расходования, на авансъ, расходъ въ отчетномъ году и расходъ въ теченіи льготнаго срока, т.-е. полугодія, непосредственно наступающаго за окончаніемъ отчетнаго года, и *часть предположительную*, т.-е. ту часть расхода въ счетъ открытаго кредита, которая осталась неисполненною въ теченіи льготнаго срока и подлежитъ въ отпуску въ теченіи двухъ смѣтныхъ періодовъ по именнымъ спискамъ кредиторовъ казны. Слѣдовательно, въ отношеніи къ каждому расходу нельзя остановиться на первой части и не принимать въ соображеніе вторую, — ибо это значило бы взять расходъ *меньше* дѣйствительнаго; съ другой стороны нельзя взять прямо сумму обѣихъ частей, — ибо во многихъ случаяхъ это значило бы взять *больше* дѣйствительнаго. Невозможно требовать, чтобы во всѣхъ счетахъ цифра предположительнаго расходования совпадала съ дѣйствительною: часть долговыхъ претензій на казну, заявленныхъ въ именномъ спискѣ кредиторовъ, по разнымъ случаямъ оказывается подлежащею уплатѣ и поэтому остается въ резервѣ, чрезъ что и накапливаются значительныя, такъ-называемыя остатки послѣ заключенныхъ смѣтъ. Эта разность между предположительнымъ заявленіемъ долговыхъ претензій на казну въ счетъ росписи заключаемаго смѣтнаго года

и дѣйствительнымъ ихъ исполненіемъ нигдѣ такъ не значительна, какъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Изъ объяснительныхъ записокъ контроля видно, что

заявлено было долговъ на казну въ теченіи 2-хъ смѣтныхъ періодовъ:		изъ нихъ по разнымъ случаямъ оказалось неподлежащимъ исполненію:
по смѣтѣ 1866 года. . .	6.650,035 р.	3.105,422 р.
по смѣтѣ 1867 года. . .	9.735.651 р.	2.273,796 р. и т. д.

Слѣдовательно, ограничиться данными, заключающимися въ текстѣ отчета, нельзя. Болѣе вѣрныя данныя можно извлечь изъ кассоваго свода, гдѣ помѣщены въ теченіи каждаго года всѣ дѣйствительныя выдачи изъ кассъ казначейства, какъ по смѣтѣ текущаго отчетнаго года, такъ и по исполненію смѣтъ предыдущихъ лѣтъ, до заключенія этихъ смѣтъ истеченіемъ установленнаго срока, послѣ чего дѣйствіе смѣты прекращается и не истребованные кредиты обращаются въ казну. Сравненіе ¹⁾ этихъ источниковъ, т.-е. текста отчета и кассоваго свода по желѣзно-дорожнымъ расходамъ, даетъ слѣдующіе результаты:

Дѣйствительно израсходовано и подлежало къ отпуску по отчету:		Дѣйствительно израсходовано по кассовому своду:
По смѣтѣ 1866 г. . . .	25.194,532 р.	21.168,643 р.
» 1867 »	35.396,926 »	33.594,315 »
» 1868 »	50.788,055 »	54.557,455 »
» 1869 »	65.948,364 »	80.542,494 »
» 1870 »	78.414,425 »	79.114,008 »
Итого	255.742,302 р.	268.976,915 р.

Разница весьма значительная,—на 13.234,613 р., и притомъ окончательное дѣйствительное расходованіе оказалось *больше* предположительнаго. Это произошло оттого, что въ кассовомъ сводѣ показаны выдачи дѣйствительно произведенныя, но не *вошедшія въ смѣты* ни въ видѣ обыкновеннаго, ни въ видѣ сверхсмѣтнаго кредита. Поэтому мы будемъ ближе къ истинѣ, если возьмемъ въ руководство данныя кассоваго свода, а не текста отчета. Затѣмъ эти данныя слѣдуетъ пополнить:

а) расходами, которые не только не прошли чрезъ смѣты, но даже и чрезъ кассы казначейства, а производились прямо изъ

¹⁾ Замѣчу мимоходомъ весьма важную несправность, допущенную въ отчетѣ государственнаго контроля за 1869 годъ. Изъ кассоваго свода за 1868 годъ видно, что въ этомъ году отпущено авансомъ въ счетъ смѣты желѣзнодорожныхъ расходовъ 1869 года 233,230 р.,—а въ текстѣ отчета за 1869 годъ сумма эта неправильно причтена къ израсходованной въ отчетномъ году. Въ объяснительной запискѣ 1868 г. (стр. 68) та же сумма неправильно отнесена къ категоріи издержекъ по реализаціи.

иностранныхъ депозитовъ: объ нихъ свѣдѣнія помѣщены «въ вѣдомостяхъ о движеніи суммъ специально назначенныхъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ». Вѣдомости эти въ общихъ итогахъ сходятся съ кассовымъ сводомъ и представляютъ прихода-расходное движеніе желѣзно-дорожнаго фонда по отдѣльнымъ статьямъ, такъ что эти вѣдомости должны служить главнымъ источникомъ;

б) расходами, которые дѣйствительно произведены изъ кассъ казначейства, но остались не пополненными изъ суммъ желѣзно-дорожнаго фонда или изъ послѣдняго переданы въ общія средства для совмѣстнаго расходованія, о чемъ свѣдѣнія содержатся въ текстѣ объяснительныхъ записокъ и «вѣдомости о суммахъ, выданныхъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ», приложенной къ отчету контроля за 1871 годъ (Прил. 15-е);

с) нѣкоторыми однородными расходами, упавшими безвозвратно на общія средства и потому показанными въ отдѣлѣ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Само собою разумѣется, что и такой расчетъ не будетъ вполне вѣрный, — такъ какъ вѣрнаго счета желѣзно-дорожному приходу-расходу, какъ заявилъ государственный контроль, онъ и самъ не имѣетъ; но по крайней мѣрѣ будетъ возможно полное и правильное извлеченіе, насколько позволяютъ данныя, обнародованныя въ отчетѣ государственнаго контроля.

Расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, какъ принято государственнымъ контролемъ, раздѣляются на слѣдующія главныя категоріи: А) постройка правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ; В) пособіе къ устройству дорогъ частными обществами; С) содѣйствіе развитію у насъ производства желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, и Д) такъ-называемые расходы по реализаціи выпущенныхъ бумажныхъ цѣнностей. Мы рассмотримъ каждую категорію особо.

Къ расходамъ по постройкѣ правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ причисляются:

А) *Постройка правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ.*

1) Расходы собственно по постройкѣ дорогъ, устраивавшихся или непосредственнымъ распоряженіемъ самого правительства, или въ счетъ его по условію съ избранными имъ строителями. При этомъ всѣ расходы собственно по постройкѣ и по усиленному ремонту открытыхъ уже дорогъ производятся изъ специальныхъ ресурсовъ, а издержки по управленію, эксплуатаціи и обыкновенному содержанію дороги упадаютъ на общіе государственные расходы. Въ означенный періодъ на счетъ правительства оканчи-

вались и строились дороги: московско-курская, одесско-кремENCHУГСКАЯ съ вѣтвью къ Кишиневу, кіево-балтская, начало потифлисской, ливенская узколейная, мостъ чрезъ Днѣпръ у КремENCHУГА, скопинско-вяземская и небольшая дорога отъ Сестрорѣцкаго завода на с.-петербургско-гельсингфорскую дорогу.

2) По 4 ст. финансовыхъ условий контракта, передаващаго николаевскую желѣзную дорогу въ руки Главнаго общества, правительство обязалось отпустить на улучшение дороги 13.250,000 руб. въ теченіи 2-хъ лѣтъ послѣ поступленія ея въ распоряженіе общества ¹⁾; расходъ на этотъ предметъ относится также къ этой категоріи.

3) Субсидія петербургско-гельсингфорской дорогѣ, которой правительство обязалось выдать 2.500,000 мет. рублей, за что правительство принимаетъ участіе въ доходахъ въ размѣрѣ одной трети.

4) Устройство одесскаго и рижскаго портовъ: на первый предназначено по предположенію, разрѣшенному въ 1865 году, 4.700,000 р., а на второй, по предположенію 1868 года, 226,218 р., и работы по послѣднему окончены въ 1870 году; сюда же относится углубленіе верчъ-еникольскаго пролива на соединенныя средства государственнаго казначейства и желѣзно-дорожнаго фонда.

5) Разныя мелкія издержки: на развѣдку и заготовленіе минеральнаго топлива, инспекцію, контроль и издержки по администраціи.

Отдѣлить и расположить по этимъ рубрикамъ издержки на устройство правительственныхъ дорогъ и портовыхъ работы можно только съ 1868 по 1872 годъ, когда помѣщались вѣдомости о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда. Дополнивъ ихъ свѣдѣніями изъ объяснительной записки 1870 года (стр. 76 примѣчанія), получаемъ слѣдующую таблицу расходовъ за это время:

На устройство московско-курской желѣзной	
дороги истрачено	17.025,588 р.
Одесско-балтской	1.141,054 »
Балто-елисаветградской	3.079,043 »
Елисаветградо-кремENCHУГСКОЙ	5.715,539 »

¹⁾ Изъ смѣты министерства Путей Сообщенія видно, что эта сумма предназначалась на рельсовый путь 4.122,652 р.
 „ распространеніе станцій, запасныхъ путей и пр. . . 1.777,348 „
 „ мосты 500,000 „
 „ подвижной составъ 6.650,000 „
 „ соединительную вѣтвь къ Москвѣ 200,000 „

Однимъ словомъ, правительство, продавая дорогу, ремонтировало ее во всѣхъ частяхъ а Главное общество, получая доходъ, постоянно задерживаетъ платежи.

Тирасполь-кишиневской	3.345,050 р.
Кіево-балтской	39.084,538 >
Поти-тифлисской	556,995 >
Ливенской-узкоколейной	1.465,746 >
Скопино-вазямской	461,638 >
Дор. отъ Сестрорѣцка	170,000 >
Мостъ чрезъ р. Двѣпръ въ Кременчугѣ	3.099,478 >
На улучшение николаевской дороги	11.442,065 >
Субсидія петербурго-гельсингфорской	3.128,447 >
Устройство одесскаго и рижскаго портовъ	2.994,667 >
Углубленіе керчь-еникольскаго пролива	314,000 >
Разныя мелкія издержки	134,632 >
Итого	93.159,480 р.

Въ 1866 и 1867 годахъ распределить расходы по документамъ нельзя и приходится прибѣгать къ догадкамъ. Такъ какъ реализація бумагъ частныхъ дорогъ началась въ 1867 году, то весь текущій расходъ 1866 года, т.-е. 10.189,190 должно зачесть въ категорію издержекъ на устройство правительственныхъ дорогъ. Но 24.868,924 р., истраченные въ 1867 году, когда начались ссуды частнымъ обществамъ, раздѣлить нѣтъ возможности по документамъ и потому остается прибѣгнуть къ слѣдующему расчету. Посobie частнымъ желѣзнымъ дорогамъ выдано было въ 1867 году только курско-кіевской дорогѣ, въ счетъ реализаціи ея бумагъ; слѣдовательно все остальное могло быть истрачено только на постройку правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Изъ свѣдѣнія государственнаго контроля (объясн. зап. 1870 г. стр. 77 и 78) видно, что въ 1867 году курско-кіевской дорогѣ выдано было 363,662 ф. ст. и 6.641,199 вр. р., что, обращая металлическіе рубли въ кредитные съ надбавкою 20⁰%, составитъ 9.320,662 р. Предполагая, что вся эта сумма зачислена была въ разрядъ желѣзно-дорожныхъ суммъ и вычитая ее изъ 24.868,924 р., т.-е. изъ валовой суммы, израсходованной по кассовому своду за 1867 годъ на желѣзно-дорожные расходы, получимъ остатокъ въ 15.548,262 р., что и слѣдуетъ принять за расходъ 1867 года собственно по постройкѣ правительственныхъ дорогъ.

Кромѣ того, въ 1867 и 68 годахъ изъ суммъ второго 5⁰/о англо-голландскаго займа истрачено на заказы рельсовъ для желѣзныхъ дорогъ:

Николаевской	854,966 р.
Московско-курской	11,316 >
Курско-кіевской	593,112 >
Кіевско-балтской	92,233 >
Итого	1.551,627 р.

Если же этотъ итогъ и 10.189,190 р., истраченныхъ на этотъ предметъ въ 1866 году, приложимъ къ приведенному выше итогу въ 93.159,480 р., то получимъ за время съ 1866—1872 г. по расходамъ собственно на постройку правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ *общій итогъ въ 120.448,559 р.*

В) *Пособіе правительства устройству частныхъ желѣзныхъ дорогъ.*

Пособіе это государственный контроль разсматриваетъ въ 3-хъ видахъ: I, реализація бумагъ частныхъ обществъ; II, выдача ссудъ на устройство и улучшеніе дорогъ, и III, гарантія акцій и облигацій, выпущенныхъ за свой счетъ частными обществами, по устройству дорогъ.

I. *Реализація бумагъ частныхъ обществъ.*

Операція эта состоитъ въ томъ, что правительство оставляетъ за собою всё или часть бумагъ, которыя общество получило право выпустить по концессіи, и вмѣсто того выдаетъ извѣстную сумму, расчитывая бумаги по обусловленному курсу. Операція эта происходила на счетъ специальныхъ средствъ желѣзно-дорожного фонда слѣдующимъ образомъ:

1) Операція реализаціи началась съ курско-киевской дороги. По концессіи 27-го декабря 1866 г. весь капиталъ общества опредѣленъ былъ, по нарицательной цѣнѣ, въ 4.500,000 ф. ст., заключающихся въ 15,000 акціяхъ, по 100 ф. каждая, и въ облигаціяхъ на 3.000,000 ф. Но по дополнительнымъ условіямъ, тогда же утвержденнымъ, учредители общества обязались устроить всю дорогу за оптовую сумму въ 1.200,000 ф. ст. и 20.469,425 кр. р. Изъ этой суммы учредители удержали въ свою пользу 3750 акцій по нарицательной цѣнѣ (375,000 ф. или по курсу реализаціи 2.840,625 р.); всю же остальную сумму правительство обязалось отпустить учредителямъ, оставивъ за собою остальные акціи на 1.125,000 ф. и облигаціи на 3.000,000 ф. ст. Но этотъ первый опытъ былъ весьма неудаченъ, какъ окажется изъ слѣдующаго простаго разсчета. Правительство, по концессіи, получило отъ общества бумагъ на 4.500,000 ф., изъ которыхъ у него въ настоящее время,—какъ видно изъ «вѣдомости о разсчетахъ правительства съ обществами желѣзныхъ дорогъ за 1871 г.» (прил. отч. 1871, прил. 14), къ 1-му января оставалось въ портфель всего 1.125,000 ф. акціями курско-киевской дороги; слѣдовательно правительство реализовало остальные бумаги на 3.375,000 ф. ст., какъ это и показано въ той же вѣдомости.

Какъ, гдѣ и почему произошла эта реализація, — въ отчетахъ государственнаго контроля не сказано нигдѣ ни слова; видно только, что по реализаціи поступило въ желѣзно-дорожный фондъ 15.990,601 р. Между тѣмъ правительство выдало учредителямъ курско-киевской дороги 26.473,949 р. Изъ этой суммы, — 15.990,601 р. правительство вернуло по реализаціи, а для покрытія остальной выдачи въ 10.483,348 р. оно имѣетъ у себя въ портфель бумагъ всего на 1.200,000 ф. ст. Но вѣдь нельзя же реализовать эти 1.200,000 фунтовъ за 10 миллионъ рублей, когда, рассчитывая эти 1.200,000 ф. по номинальной цѣнѣ 6 р. 25 к. за фунтъ (т.-е. 100 за 100), на нихъ можно вымѣнять всего 7.500,000 р. Поэтому, при дальнѣйшихъ операціяхъ правительство гарантировало себя отъ подобныхъ потерь, обуславливая тотъ курсъ, по которому оно принимало за свой счетъ бумаги частныхъ обществъ.

2) Поти-тифлисская дорога начата была постройкой въ 1865 году на средства правительства, съ участіемъ въ работахъ кавказской арміи; но по концессіи 25-го іюня 1867 года постройка предоставлена была частному обществу съ тѣмъ, что правительство приняло на себя докончить начатыя работы по устройству земляного полотна и мостовыхъ сооружений дороги, получая за эти работы 4.210,000 мет. р. акціями общества *по нарицательной ихъ цѣнѣ*. Но обусловленной суммы оказалось далеко недостаточно на окончаніе всѣхъ работъ, оставшихся на обязанности правительства; поэтому исполненіе этихъ работъ, по дополнительнымъ условіямъ къ концессіи, 7-го марта 1870 года, возложено на общество, которому предоставлено получить отъ правительства за всѣ неоконченныя работы оптовую сумму 5.953,000 мет. р., а правительство, за всѣ исполненныя имъ работы, кромѣ приведенныхъ выше акцій на 4.210,000 мет. р., получило отъ общества еще на 3.000,000 мет. р. облигацій, *съ увеличеніемъ на эту сумму основнаго капитала общества*.

3) По дополнительнымъ условіямъ 21-го марта 1868 года къ концессіи на грязе-борисоглѣбскую дорогу, правительство обязалось выдать обществу въ первый годъ работъ 1.000,000 р. авансомъ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ, гарантированныхъ правительствомъ, получая обратно эту ссуду по открытіи движенія по всей линіи деньгами или акціями общества по курсу 80 за 100. Сверхъ того правительство согласилось приобрести акцій общества на 4.000,000 р. по курсу 80 за 100 или на 5.000,000 р. по нарицательной цѣнѣ, выплачивая за эти акціи деньги, по мѣрѣ окончанія работъ. Въ декабрѣ 1869 года, по

открытіи дороги, правительство приняло уплату аванса акціями, согласно условію. На суммы, выданныя обществу правительствомъ въ уплату за приобрѣтенныя послѣднимъ акціи, общество обязалось со дня полученія суммъ по день открытія дороги уплачивать 5⁰/₁₀₀ годовыхъ, съ тѣмъ, что уплата этихъ процентовъ будетъ производиться тогда, когда чистый доходъ съ дороги *будетъ выше 6⁰/₁₀₀*.

4) По концессіи 17-го октября 1868 года, капиталъ общества тамбовско-саратовской дороги долженъ былъ образоваться посредствомъ выпуска акцій на 7.573,326 мет. р. и облигацій на 20.160,910 мет. р. Затѣмъ, на основаніи Высочайше утвержденного 4-го іюля 1869 г. положенія комитета министровъ, правительство приобрѣло отъ общества всѣ его негарантированныя облигаціи, по курсу 66 за 100, съ тѣмъ условіемъ, что если по реализаціи бумагъ чистая за нихъ выручка составитъ болѣе 66 за 100, то *весь этотъ излишекъ*, или, если при реализаціи правительство признаетъ нужнымъ дать этимъ облигаціямъ гарантію (къ счастью, правительство этого не признало!), то *половина излишка должна поступить въ пользу общества*. При этомъ общество обязалось на суммы, выданныя ему за его облигаціи, уплачивать изъ строительнаго капитала по 6¹/₁₀ по 1-е января 1871 г., а съ этого времени по 5¹/₁₂⁰/₁₀₀ металл. съ нарицательной суммы облигацій. На основаніи этихъ условій, общество получило отъ правительства, вслѣдствіе реализаціи свыше 66 за 100, въ свою пользу прибыли въ 1871 году 1.135,282 р. кр.

5) По концессіямъ 20-го іюня 1869 г. грязе-царицынской, 21-го іюня либавской, 26-го іюня иваново-кинешемской и 16-го августа воронежско-грушевской, капиталы этихъ дорогъ, составляющіе въ общей сложности 71.491,200 руб. мет. ¹⁾, образовались выпускомъ на одну треть нарицательной суммы акцій и на двѣ трети облигацій. Акціи всѣхъ этихъ дорогъ не гарантированы правительствомъ, а облигаціи (на 47.660,800 р. мет.) правительство оставило за собой, съ обязательствомъ уплатить за нихъ обществамъ по 75 р. за 100. Впослѣдствіи условія этихъ дорогъ нѣсколько измѣнились. По дополнительнымъ статьямъ 10-го іюля 1871 г. правительство приняло на свой счетъ облигаціи, разрѣшенныя къ выпуску на сооруженіе вѣтви отъ станціи Алексіево

¹⁾ А именно:

Грязе-Царицынской отъ Борисоглѣбска	23.400,000 р. мет.
Либавской	12.785,000 > >
Иваново-Кинешемской	3.823,200 > >
Воронежско-Грушевской	31.479,000 > >

грязе-царицынской дороги, до Урюпинской станицы, въ Землѣ войска донскаго, на сумму 554,713 р. по курсу $76\frac{1}{2}$ за 100. Кроме того, вслѣдствіе неоплаты значительнымъ числомъ акціонеровъ ихъ платежей по акціямъ грязе-царицынской дороги, Высочайшимъ повелѣніемъ 15-го января 1871 г. разрѣшено было приобрести на счетъ правительства 24,820 акцій грязе-царицынской желѣзной дороги, оплаченныя двумя первыми взносами (по 40 р. на акцію), съ выдачей за нихъ строителямъ въ установленные сроки остальныхъ платежей по 80 р. на акцію, т.-е. 1.985,000 р. По ходатайству общества воронежско-групповско-ростовской дороги, Высочайше утвержденнымъ 16-го апрѣля 1871 г. положеніемъ комитета министровъ разрѣшено было акціонерный капиталъ общества уменьшить до $\frac{1}{4}$ всего основнаго капитала (на 2.623,250 р.) и на равную сумму увеличить облигационный капиталъ, причемъ правительство согласилось дополнить облигации принять на тѣхъ же условіяхъ, какъ и основныя.

6) По концессіи 4-го марта 1870 года, для участка отъ Смоленска до Бреста московско-брестской дороги, капиталъ опредѣленъ въ 26.040,000 руб. мет., образуемыхъ выпускомъ на одну четвертую часть нарицательнаго капитала акцій и на три четверти облигаций. Акціи этой дороги не гарантированы; облигации же (на 19.530,000 р.), которымъ правительство согласилось гарантировать 5% дохода и $\frac{1}{10}$ % погашенія, оставлены правительствомъ за собой по курсу 75 за 100.

7) По концессіи 27-го апрѣля 1870 года, общество киево-брестской желѣзной дороги приобрѣло отъ правительства участокъ киево-балтской дороги отъ Кіева до Жмеринки, съ вѣтвью отъ Казатина до Бердичева, обязавшись построить дорогу отъ Бердичева къ Брестъ-Литовску, съ вѣтвью къ Радзивиллову, на соединеніе съ галиційско-лембергско-бродскою. Основной капиталъ общества, опредѣленный въ 45.650,250 мет. руб., образовался выпускомъ одной трети (15.216,750 р.) негарантированныхъ акцій и двухъ третей (30.433,500 р.) облигаций съ гарантіей 5% ежегоднаго дохода и $\frac{1}{10}$ % погашенія. Изъ числа выпущенныхъ обществомъ бумагъ правительство получило за уступленный участокъ отъ Кіева до Жмеринки 5.292,000 р. акціями и 14.540,000 облигациями по нарицательной ихъ цѣнѣ; остальные же облигации на сумму 15.889,500 р. м. правительство оставило за собой, обязались уплачивать обществу, по мѣрѣ производства работъ или авансомъ подъ залогъ гарантированныхъ бумагъ по 75 за 100. Въ 1871 г., эти основныя условія концессіи измѣнены, по ходатайству общества, и 26-го мая 1871 г. разрѣ-

шено приобрести въ собственность правительства акціи общества на нарицательную сумму 6.616,500 р., съ отпускомъ обществу въ счетъ облигаціоннаго капитала, по курсу 75 за 100, наличными деньгами 4.962,375 р. Кроме того, для покрытія оказавшагося въ суммахъ общества дефицита, ему выдано 1.545,596 р. мет., а взаменъ этого облигаціонный капиталъ увеличенъ, по курсовому разсчету 75 за 100, на 2.060,796 р., съ передачею на эту сумму дополнительныхъ облигацій правительству.

8) По дополнительнымъ условіямъ 24-го іюня 1870 г. къ уставу ярославской желѣзной дороги, и 1 августа устава рижско-больдерааской желѣзной дороги, правительство согласилось принять облигаціи этихъ дорогъ, выпускаемыя на сооруженіе узкоколейной вологодской, въ количествѣ 4.400,000 р. мет., и рижско-больдерааской, съ мостомъ чрезъ Двину на 3.096,000 р. мет., по курсу 75 за 100 и съ условіемъ, что на выданныя этимъ обществамъ суммы уплачиваются съ нарицательной стоимости облигацій 5% годовыхъ, во время производства работъ, пополюгодно, изъ строительнаго капитала, по открытіи же на этихъ дорогахъ движенія, изъ чистаго дохода, преимущественно *предъ всеми другими платежами.*

9) По концессіямъ 29-го октября лозово-севастопольской, 26-го ноября харьково-николаевской и 25-го декабря 1871 года ландварово-роменской дорогъ, капиталы ихъ, составляющіе въ общей сложности 96.833,812 р., были образованы выпускомъ: а) по лозово-севастопольской желѣзной дорогѣ гарантированныхъ акцій на 8.167,500 и гарантированныхъ облигацій на 24.502,500 мет. р.; по харьковско-николаевской на 10.956,000 кр. р. негарантированныхъ акцій и 24.741,000 р. мет. гарантированныхъ облигацій; и с) по ландварово-роменской на 7.116,703 р. мет. негарантированныхъ акцій и на 21.350,109 р. мет. гарантированныхъ облигацій. Изъ числа всѣхъ этихъ бумагъ, по харьковско-николаевской акцій на сумму 4.256,000 кр. р. и облигацій, на сумму 10.725,000 р. мет., составляющихъ стоимость харьковско-кремнучугскаго участка, реализованы были самимъ обществомъ; а изъ остальныхъ: а) 6.700,000 кред. акцій общества поступаютъ въ уплату за передаваемую обществу правительственную дорогу отъ Елисаветграда до Кремнучуга; б) 4.635,000 мет. облигацій за таковой же участокъ отъ Кремнучуга до Брюкова съ мостомъ чрезъ Днѣпръ; с) остальные же затѣмъ облигаціи харьковско-николаевской дороги, на сумму 9.381,000 мет. р. реализуются правительству по курсу $76\frac{1}{2}$ за 100. Точно также реализуются правительствомъ всѣ облигаціи лозово-севастопольской

и ландрарово-роменской дорогъ на 45.852,609 мет. р. Суммы, слѣдующія обществамъ за эти бумаги, отпускаются по мѣрѣ производства работъ или авансомъ, подъ залогъ гарантированныхъ бумагъ, съ уплатой 5% въ годъ изъ строительнаго капитала и чистаго дохода дорогъ.

Такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ дорогамъ правительство приобрѣло въ свой портфель бумагъ на 4.500,000 фунтовъ стерл. + 203.922,598 м. р. + 6.700,000 кр. р., что, при переводѣ металлическихъ рублей въ кредитные съ надбавкою 20%, какъ это принимается при исчисленіи обыкновенно по смѣтамъ, составитъ 285.158,120 кр. р. Взамѣнъ этихъ бумагъ правительство обязалось уплатить частнымъ обществамъ по переводу 206.328,314 р., и кромѣ того уступило построенные на его средства участки киево-балтской дороги, отъ Кіева до Жмеринки (250 верстъ) съ вѣтвью до Бердичева (25 верстъ), участокъ отъ Елисаветграда до Крюкова, съ мостомъ чрезъ Днѣпръ (117 верстъ) и работы на поти-тифлисской дорогѣ, которыя обошлись правительству въ 3.210,000 р. Въ счетъ этихъ 206 милліоновъ правительство выдало по 1-е января 1872 года частнымъ обществамъ наличныя суммы въ слѣдующемъ размѣрѣ (прил. отч. 1871, прил. 15):

Курско-кѣвской жел. дор.	26.473,949 кр. р.
Грязе-борисоглѣбской	5.000,000 > >
Грязе-царицынской	16.435,833 > >
Поти-тифлисской	9.803,232 > >
Тамбовско-саратовской	17.453,662 > >
Либавской	7.063,004 > >
Иваново-кинешемской	2.352,206 > >
Воронежско-ростовской	20.608,180 > >
Московско-брестской	20.018,099 > >
Кіево-брестской	12.824,801 > >
Московско-ярославской	2.865,345 > >
Рижско-больдерааской	1.334,475 > >
Лозово-севастопольской	346.413 > >
Харьково-николаевской	1.169,700 > >
Ландрарово-роменской	1.329,125 > >

Итого. . 145.078,030 кр. р.

Изъ этой суммы 136.286,622 р. отнесены уже расходомъ на спеціальныя ресурсы или на желѣзно-дорожный фондъ, а остальные 8.791,407 выданы изъ общихъ средствъ казначейства. Такимъ образомъ, въ счетъ ассигнованныхъ по этой операциіи 206 милліоновъ, правительству приходится отпустить еще свыше 60 милліоновъ. Вотъ кассовое положеніе реализаціи прави-

тельствомъ бумагъ частныхъ обществъ, а финансовое значеніе этой операціи мы изложимъ въ своемъ мѣстѣ.

II. *Ссуды на сооруженіе и улучшеніе частныхъ желѣзныхъ дорогъ.*

Въ мало ясномъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ—это самая неясная страница, поэтому, вмѣсто свода болѣе или менѣе приблизительныхъ данныхъ, мы принуждены въ этомъ отдѣлѣ ограничиваться болѣею частью вопросами.

По срокамъ и условіямъ своего погашенія, ссуды эти распадутся на двѣ, совершенно различныя категоріи: авансы или краткосрочныя ссуды и ссуды долгосрочныя.

Первоначально долгосрочныя ссуды по преимуществу выдавались изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства, а авансы изъ специальныхъ желѣзно-дорожныхъ средствъ; но въ послѣднее время и изъ послѣдняго источника начали разрѣшаться ссуды долгосрочныя.

Исторія ссудъ открывается первой открывшейся у насъ желѣзной дорогой — царскосельской, которой произведены были ссуды изъ суммъ главнаго казначейства 7-го ноября 1837 года, 1-го іюня 1839 года и 9-го мая 1850 года. Ссуды эти числятся по смѣтѣ государственнаго кредита въ числѣ «займовъ разныхъ учреждений и лицъ, уплачиваемыхъ государственному банку изъ государственнаго казначейства, съ возвратомъ отъ сихъ учреждений и лицъ», и по вѣдомости государственнаго контроля въ двухъ мѣстахъ: въ «вѣдомости о долгахъ государственнаго казначейства за отчетный годъ» и въ «вѣдомости о движеніи недоимокъ и долгахъ государственному казначейству». По смѣтѣ государственнаго кредита, первоначальная цифра ссуды означена 624,990 р., изъ коихъ къ 1-му января 1870 года оставалось 398,723 р., а по приложенію къ отчету за 1870 годъ (прил. 9) за царскосельскою дорогою оставалось къ 1870 году—369,177 р. Казалось бы, для избѣжанія запутанности было бы гораздо проще перевести банковый долгъ прямо на управленіе царскосельской дороги, приведя его въ порядокъ и исключивъ изъ числа долговъ, лежащихъ на отвѣтственности государственнаго казначейства.

Затѣмъ слѣдуетъ Главное общество, которое въ 1861 году получило 28.000,000 р. для окончанія работъ и 889,000 для оплаты купоновъ по своимъ бумагамъ на срокъ по 1-е октября 1861 года, то-есть до утвержденія устава. Ссуда эта вполне оправдываетъ названіе *домосрочной*, такъ какъ до сихъ поръ,—въ теченіе 12-ти лѣтъ общество не заплатило изъ нея ничего, точно

также какъ оно не платитъ 11.598,585 р. за уступленные ему правительствомъ работы и имущества на варшавской желѣзной дорогѣ; точно также какъ оно по приѣму николаевской дороги успѣло уже накопить 5.426,544 р. долгу и его также не погашаетъ ежегодно тѣмъ или другимъ способомъ, получая новыя для себя льготы, ссуды и безвозвратныя пособія.

Въ «вѣдомости о движеніи долговъ и недоимокъ за 1869 годъ»,—первой по приведеніи ихъ въ извѣстность, по ссудамъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ показано:

Вышеприведенный долгъ за Главнымъ обществомъ .	39.598,585 р.
За обществомъ царскосельской дороги	388,030 »
» » московско-арславской	673,284 »
» » волжско-донской	99,341 »
» » московско-ризанской	184,557 »

Итого . . 40.943,799 р.

Изъ числа этихъ ссудъ есть вѣдомость только о двухъ—ссудѣ царскосельской дорогѣ, о чемъ сказано выше, и о ссудѣ волжско-донской дорогѣ, которая выдана въ 1868 году сверхсметнымъ кредитомъ для усиленія подвижного состава. Затѣмъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы опредѣлить, когда и почему выданы остальные, а также на какой срокъ и на какихъ условіяхъ. Изъ вѣдомостей о движеніи этихъ ссудъ видно только, что всѣ общества, кромѣ Главнаго, платили: въ три года (1869—1872) уплачено четырьмя обществами 164,236 р. и въ 1870 году вновь причислено (вѣроятно, процентовъ и погашенія) 81,553 р., такъ что къ 1-му января 1872 итогъ этихъ долговъ измѣнился въ 40.861,116 р. Если же исключить неизмѣнный долгъ Главнаго общества, то за остальными четырьмя къ 1-му января 1869 состояло 1.345,212 р., а къ 1-му января 1872 осталось 1.262,523 р., то-есть, долгъ понизился на 82,683 р.

Затѣмъ въ «вѣдомости о приходѣ и расходѣ суммъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа», въ приложеніяхъ къ отчету за 1868 годъ (прил. 10-е) значится за время съ 1866 по 1869 годъ:

	Выдано въ ссуду.	Возвращено.
Общество рязско-моршанской дор. .	1.975,000 р.	2.048,674 р.
» шуйско-ивановской . . .	668,115 »	684,757 »
» курско-киевской . . .	8.660,524 »	2.141,195 »

Первыя двѣ ссуды очевидно краткосрочныя, ибо онѣ оборотились въ 3 года. Что касается до послѣдней, то она показана далеко не уплаченною: можно бы было предположить, что эта ссуда сдѣлана въ счетъ подлежащей къ отпуску этому обществу по реализаціи, но въ такомъ случаѣ отчего же она воз-

вратная? Онѣ нигдѣ не значатся,—ни въ числѣ долговъ государственному казначейству, ни въ оборотахъ желѣзно-дорожнаго фонда. Такимъ образомъ пропущено 11 милліоновъ. Допустимъ, что ссуда курско-киевской дорогѣ вышла въ счетъ реализаціи, что ссуда шуйско-ивановской, обратившаяся въ теченіи одного года, могла, пройдя по оборотамъ кассъ, не оставить слѣдовъ въ балансѣ, но ряжско-моршанская? Она не имѣетъ ничего общаго съ желѣзно-дорожнымъ фондомъ, по крайней мѣрѣ объ ней нигдѣ тамъ не упоминается, а между тѣмъ, выдаваясь и поступая въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ, она не могла числиться въ всепокрывающей цифрѣ кассовыхъ оборотовъ.

Теперь переходимъ къ ссудамъ изъ желѣзно-дорожнаго фонда.

Во-первыхъ: *Ссуды краткосрочныя.*

1) На основаніи Высочайше утвержденнаго 20-го февраля 1868 года договора съ купцомъ Поляковымъ по устройству курско-харьковской дороги, правительство обязалось выдать ему въ ссуду для приступа къ работамъ 9.000,000 р. съ возвратомъ этой суммы и процентовъ по реализаціи бумагъ, какъ скоро составится общество для устройства этой дороги. Затѣмъ, въ октябрѣ 1868 года, разрѣшено было выдать Полякову на тѣхъ же условіяхъ 2.000,000 р. для постройки харьковско-азовской дороги.

2) По Высочайше утвержденному журналу комитета министровъ положено было приступить къ постройкѣ московско-смоленской дороги, не ожидая для того образованія частнаго общества, и съ этою цѣлью выдать необходимую на первоначальныя работы сумму земству Смоленской губерніи, съ тѣмъ, чтобы сумма эта возвращена была обществомъ, которое приметъ на себя устройство и эксплуатацію дороги.

3) Тамбовско-саратовской желѣзной дорогѣ выдано было заимообразно за *границей* на платежи по заказамъ для дороги 787,575 р., которыя пополнены обществомъ въ томъ же году. Кромѣ того въ 1871 году, когда тамбовско-саратовская дорога запуталась и нечѣмъ было платить процентовъ по акціямъ, разрѣшено 1-го января 1871 г. открыть этой дорогѣ кредитъ въ государственномъ банкѣ на 100,000 р., въ счетъ гарантіи, упавшей на земство Саратовской губерніи и Кирсановскаго уѣзда и на Саратовское городское общество, съ тѣмъ, чтобы они въ томъ же году возвратили ссуду съ уплатой 6⁰/. Земство и городское общество перессорились съ строителями по несогласію въ уплатѣ гарантіи за время производства работъ,—а потерпѣло пра-

вительство: оно не получило своихъ денегъ, которыя въ 1872 году остались въ долгу за обществомъ.

4) Политическія событія 1870 года помѣшали обществу рыбинско-бологовской дороги реализовать разрѣшенные въ выпуску на 3.000,000 р. облигаціи. Поэтому 24-го іюня 1870 года положено выдать обществу въ ссуду, подѣ залогъ этихъ облигацій, впредь до реализаціи облигаціоннаго капитала за границею, до 1.702,527 тал. и 50,000 р. кредитными билетами, съ уплатой обществомъ до пополненія отпущенныхъ ему суммъ 6⁰/о.

Такимъ образомъ движеніе краткосрочныхъ ссудъ въ періодъ 1868—1872 представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Отпущено.	Возвращено.
Строителю курско-харьковской и харьково-азовской дорогъ ¹⁾	10.182,270 р.	10.311,175 р.
Земству смоленской губерніи	764,000 »	764,000 »
Обществу рыбинско-бологовской дороги	2.091,001 »	2.195,736 »
» тамбовско-саратовской »	887,575 »	787,575 »
Итого	13.924,846 р.	14.061,486 р.

Во-вторыхъ: *Ссуды долгосрочныя.*

Онѣ выдавались на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Вслѣдствіе весьма сильнаго увеличенія грузовъ по замосковнымъ дорогамъ, обнаружилось затрудненіе въ своевременной доставкѣ на московско-ризанской, рязанско-козловской, орловско-витебской, динабургско-витебской и рижско-динабургской дорогахъ. Затрудненіе это вызвано было недостаткомъ подвижнаго состава. Поэтому, Высочайше утвержденными 21-го апрѣля и 14-го іюня 1869 г. положеніями комитета министровъ, обществамъ этихъ дорогъ разрѣшено произвести ссуды въ размѣрѣ 13.870,000 р. съ тѣмъ, чтобы онѣ уплачивали правительству 6⁰/о интереса и 1⁰/о пога-

¹⁾ Вотъ еще не совсѣмъ понятное для меня дѣло. На стр. 100 объясн. зап. гос. контр. за 1869 годъ сказано, что изъ 11 милліоновъ, слѣдовавшихъ къ выдачѣ Полякову, часть выдана была въ 1868 году, а остальная въ количествѣ 5.580,146 рублей уплачена въ 1869 году изъ желѣзно-дорожнаго фонда. Но арметикѣ выходить, что Поляковъ могъ получить въ 1868 году: 11.000,000—5.580,146 р.=не болѣе 5.419,854 р. Между тѣмъ въ отчетѣ банка за 1868 (стр. 14) показано, что въ 1868 отпущено курско-харьковско-азовской дорогѣ (то-есть Полякову)—9.500,000 р. Какъ же это такъ? Если контроль удостовѣряетъ, что Полякову отпущено 5.419,854 р. только въ 1869 году, то значить ордеръ изъ государственнаго казначейства на отпускъ этой суммы Полякову послѣдовать банку, какъ кассиру, именно въ 1869 году и ордеръ этотъ, въ томъ или другомъ видѣ, контроль повѣрилъ, какъ документъ, очищающій эту выдачу. Болѣе того, что приказано выдать государственнмъ казначействомъ, банкъ не имѣетъ права отпустить. Откуда же взялись эти 9.500,000 р., когда слѣдовало выдать всего 11 милліоновъ и изъ нихъ 5.580,146 р. отпущены только въ 1869 году?

шенія только по полученіи известнаго, определеннаго въ условія каждой дороги, чистаго дохода.

2) За расторгненіе контракта съ Уайненсомъ Главному обществу приходилось заплатить 5.500,000 р. Само собою разумѣется, что оно сложило это обязательство на правительство. Правительство изъ нихъ приняло 500,000 р. безвозвратно на счет казны, а 5.000,000 заплатило Уайненсу, зачисливъ ихъ въ долгосрочную ссуду за обществомъ желѣзныхъ дорогъ. Срокъ этой ссуды — неопредѣленный. Изъ чистаго дохода съ николаевской дороги отчисляется прежде всего 7.200,000 р. на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ, затѣмъ $1\frac{1}{2}\%$ валового дохода въ запасный капиталъ для перестройки мостовъ, 1.600,000 дѣлятся между правительствомъ и обществомъ, — какъ условіе продажи и въ концѣ концовъ, что останется — поступаетъ въ уплату процентовъ и погашенія за выдачу Уайненсу. До сихъ поръ общество, получая 18—20 миллионъ валового дохода съ дороги, не уплачиваетъ даже процентовъ по облигаціямъ: трудно себѣ представить, когда дождется правительство погашенія этой ссуды!

3) По концессіи 24-го апрѣля 1870 года, капиталъ константиновской желѣзной дороги опредѣленъ въ 5.355,000 р. мет., образуемыхъ выпускомъ негарантированныхъ акцій, изъ которыхъ общество реализуетъ только одну четвертую часть (на 1.338,000 р.); на остальные же акціи правительство выдаетъ обществу ссуду по курсу 75 за 100 мет. руб. за 5% . На уплату процентовъ и погашенія обращаются излишки чистаго дохода, послѣ отчисленія изъ него 5% по акціямъ, выпущеннымъ обществомъ.

4) Приведенное выше разрѣшеніе увеличить подвижной составъ дорогъ на счетъ долгосрочныхъ ссудъ отъ правительства, тѣмъ же положеніемъ комитета министровъ 14-го августа 1870 г., распространено было и на волжско-донскую дорогу, которой назначено было 400,000 р.

5) 12-го ноября 1871 года состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ разрѣшено выдать обществу тамбовско-козловской дороги въ ссуду 500,000 р. на покрытіе дефицита по эксплуатаціи этой дороги за 1870 годъ, на усиленіе ея подвижнаго состава и на образованіе оборотнаго капитала, съ тѣмъ чтобы общество уплачивало 6% интереса и 1% погашенія, когда чистый доходъ съ дороги будетъ превышать 5% на ея акціонерный капиталъ, въ противномъ случаѣ интересы и погашеніе причисляются къ капитальной суммѣ долга.

На этихъ основаніяхъ было выдано по 1872 годѣ:

Московско-разанской жел. дорогѣ . . .	3.000,000 р.
Разанско-козловской	3.996,336 >
Орловско-витебской	3.000,000 >
Динабургско-витебской	2.110,512 >
Рижско-динабургской	1.850,000 >
Николаевской	5.000,000 >
Константиновской	3.025,145 >
Волжско-донской	126,218 >
Тамбовско-козловской	305,270 >
Итого	22.213,481 р.

Изъ суммъ государственнаго казначейства:

Волжско-донской дорогѣ 99,341 р.

Сверхъ того въ 1867 году правительство выдало Главному обществу безвозвратно, за произведенные имъ расходы по случаю бывшаго польскаго мятежа, 639,359 р., въ видѣ сверхсметнаго кредита изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

Такимъ образомъ по долгосрочнымъ ссудамъ срокъ возврата и уплата процентовъ, по самымъ правительственнымъ условіямъ, отсрочены на неопредѣленное время, а, конечно, сами общества желѣзныхъ дорогъ не думаютъ объ уплатѣ. Теперь становится понятно, отчего у насъ издержки администраціи на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ такъ велики, отчего есть благопріятели директоровъ, получающіе десятки тысячъ содержанія за то, что они числятся гдѣ-то надъ чѣмъ-то наблюдающими. Увеличить издержки на администрацію значитъ уменьшить чистый доходъ, а уменьшить чистый доходъ въ большинствѣ случаевъ значитъ оставить за собой на неопредѣленное время правительственные миліоны. Вѣдь это и соблазнительно, и выгодно. Положимъ, акціонеры пострадаютъ,—но вѣдь какое же общество у насъ о нихъ заботится, да и что они понимаютъ. А кто изъ нихъ поумнѣе и повѣятельнѣе, тѣ ужъ давно причислены къ администраціи компаній и надъ чѣмъ-нибудь наблюдаютъ или что-нибудь повѣряютъ. Да вѣдь и акціонеръ, наконецъ, разглядитъ, что не стоитъ увеличивать чистый доходъ, если онъ пойдетъ не въ карманъ самому акціонеру, а въ уплату долга долготерпѣливому кредитору, который уплаты не требуетъ.

III. Уплата гарантіи по акціямъ и облигаціямъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

По сметѣ министерства путей сообщенія за 1872 годъ, гарантія правительства по всѣмъ дорогамъ за 1871 годъ, принятая въ расчетъ разность курса, исчислена въ 24.564,930 руб.

Въ счетъ этой гарантіи было дѣйствительно израсходовано какъ значится по контрольнымъ отчетамъ:

Въ 1866 году	6.703,286 р.	въ томъ числѣ сверхсмѣтнымъ расходомъ	123,49
> 1867 >	4.713,972 >		
> 1868 >	4.219,830 >		
> 1869 >	5.378,411 >	въ томъ числѣ сверхсмѣтнымъ расходомъ	16,89
> 1870 >	9.729,306 >	> > >	49,69
> 1871 >	12.869,083 >	> > >	108,94
Итого . . .		43.613,888 р.	

Сверхъ того изъ суммъ второго 5⁰/о англо-голландскаго займа уплачено гарантіи по акціямъ и облигаціямъ Главнаго общества курско-кѣвской и кѣво-балтской дороги 3.179,322 р.

Въ этой таблицѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе быстрое возвышеніе затраты общихъ государственныхъ средствъ на уплату гарантіи: это объясняется съ одной стороны увеличеніемъ числа дорогъ, выпустившихъ гарантированныя бумаги, съ другой — сейчасъ разясненнымъ мной обстоятельствомъ томъ, что большинству частныхъ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ никакой выгоды увеличивать или по крайней мѣрѣ *обнаруживать* свой чистый доходъ. Но гораздо важнѣе другое обстоятельство — это колебаніе въ назначеніи сверхсмѣтныхъ кредитовъ: въ теченіи двухъ лѣтъ ихъ вовсе не было, а въ два крайніе года они превысили смѣтное назначеніе. Сумма, отпускаемая правительствомъ по росписи на уплату гарантіи, исчисляется по смѣтамъ министерства путей сообщенія на основаніи сравненія *валового дохода* по каждой дорогѣ за первыя полугодія двухъ предыдущихъ лѣтъ, причемъ, разумѣется, имѣются въ виду и дороги, предстоящія въ открытію въ томъ году, на который по смѣтамъ вносится полная гарантія. Слѣдовательно, такого рѣзкаго колебанія въ отпущеніи между сверхсмѣтными и обыкновенными кредитами быть не должно. Отчего же оно произошло на самомъ дѣлѣ? Причина этому объяснена въ объяснительной запискѣ государственнаго контроля за 1869 годъ (стр. 78 и слѣд.): отсюда открывается, что не только эксплуатируемымъ, но и строящимся дорогамъ изъ этихъ суммъ оказывается скрытое пособіе подъ названіемъ *аванса гарантіи*. Кромѣ того оказывается, что, вслѣдствіе выдачи этихъ авансовъ, счета по гарантіи такъ запутаны, что вышеприведенныя цифры, по сознанію самого государственнаго контроля (тамъ же, стр. 79, примѣчаніе) *не вѣрны и въ дѣйствительности на уплату гарантій израсходовано болѣе*.

Движеніе начисленія долговъ за обществами частныхъ желѣз-

нихъ дорогъ по уплатѣ за нихъ правительствомъ гарантіи видно изъ слѣдующей таблицы:

За обществами:	Состояло къ 1 января 1867 г.	Къ 1 января 1872 г.
Главнымъ	50.184,926	61.652,135
Рижско-динабургской дороги	2.441,990	2.487,144
Динабургско-витебской	1.894,656	4.010,341
Волжско-донской	2.082,589	2.868,266
Рязско-моршанской	461,913	2.034,954
Лодзинско-фабринной	117,253	264,131
Варшавско-тереспольской	372,033	2.310,383
Варшавско-бромбергской	535,764	1.401,951
Бозловско-воронежской	—	2.120,669
Орловско-грозинской	—	2.517,802
Орловско-витебской	—	6.329,434
Рижско-митавской	—	401,033
Шуйско-ивановской	—	672,999
Курско-кѣвской	—	6.426,554
Московско-брестской	—	1.084,654
Харьковско-кременчугской	—	394,935
Балтійской	—	1.148,977
Итого	58.091,128	98.126,370

Изъ имѣющихъ право на гарантію дорогъ не числится долговъ только за обществами дорогъ московско-ярославской и московско-рязанской. Главный долгъ опять-таки числится за Главнымъ обществомъ, на которомъ къ 1-му января всѣхъ вообще долговъ начислено 106.677,274 р., что составляетъ 73,4⁰/₁₀₀ всѣхъ желѣзно-дорожныхъ долговъ. Долги по гарантіи, разумѣется, начнутъ уплачиваться только по прошествіи неопредѣленнаго времени,—когда, пожалуй, и сами желѣзныя дороги замѣнятся чѣмъ-нибудь другимъ; а слѣдовательно и всѣ скрытыя пособія, выдаваемые желѣзнымъ дорогамъ подъ именемъ *аванса гарантіи*, переходятъ такимъ образомъ въ разрядъ *безвозвратныхъ ссудъ*, падающихъ на общія средства государства.

Вотъ именно изъ чего это видно. Начисленіе долговъ по уплатѣ гарантіи сдѣлано въ свѣдѣніяхъ контрольнаго отчета за 1871 годъ приблизительно правильно, въ чемъ я убѣждаюсь тѣмъ простымъ расчетомъ. Если къ разности въ послѣдней таблицѣ, т.-е. къ 40.035,242 р. приложить 3.593,527 р. гарантіи, неизвѣстно почему сложенной въ 1871 году съ обществомъ курско-кѣвской и поти-тифлисской дорогъ, какъ значится въ вѣдомости о движеніи недоимокъ и долговъ въ 1871 г. (Прил. 6), то получится сумма въ 43.628,769 р., долженствующая выразить размѣръ дѣйствительнаго увеличенія долговъ по уплатѣ гарантіи въ періодъ 1866—1872 годъ, или, что одно и то же, размѣръ

дѣйствительныхъ затратъ, произведенныхъ на этотъ предметъ въ то же время изъ общаго бюджета. А по вышепомѣщенной таблицѣ счета ежегодныхъ расходовъ на этотъ предметъ итогъ составляетъ 43.613,888 р. Вообще контроль признаетъ самъ, что окончательнаго счета по ссудамъ, выданнымъ желѣзно-дорожнымъ обществамъ по реализаціи ихъ бумагъ и по содѣйствію постройкѣ и улучшенію желѣзныхъ дорогъ, не существуетъ. Этого мало: въ смѣтахъ и приложеніяхъ, представляемыхъ ежегодно въ государственный совѣтъ при утвержденіи росписи, нигдѣ о желѣзно-дорожныхъ долгахъ не упоминается ¹⁾, такъ что совѣтъ, обсуждая финансовое положеніе государства, не принимаетъ въ соображе-

¹⁾ Правда, въ росписи на 1871 г. по приходной смѣтѣ министерства путей сообщенія внесено (§ 11): „ожидаемые къ поступленію отъ общества рижско-динабургской желѣзной дороги въ возвратъ выданныхъ этому обществу съ 1861 по 1870 г. пособій—100.000 р.“, въ счетъ чего, какъ видно изъ контрольнаго отчета, поступило въ 1871 году 163,546 р.;—но почему этотъ начетъ отнесенъ по смѣтѣ только къ рижско-динабургской дорогѣ и не касается, напримѣръ, волжско-донской, получившей ссуду изъ общихъ средствъ казначейства въ 1868 году,—не видно.

По приходной смѣтѣ министерства путей сообщенія на 1873 годъ, внесенъ счетъ долговъ желѣзно-дорожныхъ обществъ по реализаціи бумагъ и счетъ ссудъ, выданныхъ съ 1871 года. Что же касается до счета пособій по уплатѣ гарантій, то его все-таки въ приходныхъ смѣтахъ не оказывается въ цѣломъ составѣ. Въ приходной смѣтѣ за 1873 годъ объяснено только, что въ 1872 году разрѣшено обществу волжско-донской желѣзной дороги погасить долгъ по гарантій, въ размѣрѣ 2.198,305 р., выпускомъ облигацій, съ тѣмъ, что $\frac{2}{3}$ подлежатъ уплатѣ въ 1872 году, а одна треть (732,768 р.) въ 1873 году съ процентами 6 на 100.

Затѣмъ непонятно, почему всѣ поступления и расходы по чисто финансовымъ операціямъ казны съ желѣзными дорогами сосредоточиваются въ министерствѣ путей сообщенія, специальности котораго эти операціи не касаются, тогда какъ есть учрежденія, исключительно существующія для веденія приходорасходныхъ счетовъ казны, каковы: департаментъ государственнаго казначейства и особенная канцеларія по кредитной части. Вообще, распредѣленіе предметовъ вѣдѣнія между министерствами до нѣкоторой степени перемѣшано, такъ что часто нельзя угадать, что подчинено извѣстному министерству, получившему сначала, по своей специальности, соотвѣтствующее названіе. Такъ, напримѣръ, есть у насъ департаментъ духовныхъ дѣлъ *иностранныхъ* исповѣданій, которому подчиненъ даже далай-лама буддійскій, а греко-уніатскіе духовенствомъ въ царствѣ польскомъ завѣдываетъ министерство народнаго просвѣщенія; почтовые станціи въ извѣстной мѣстности содержитъ то военное министерство, то почтовое управленіе; моряковъ одѣваетъ сухопутное интендантство, а инвалидная команда содержитъ морское министерство и т. д. Изъ всего этого возникаетъ, разумѣется, только сложная и запутывающая переписка и счетоводство; а потомъ въ росписи вводятся какіе-то оборотные доходы и расходы, подъ которыми вносятся чуть не каждая передача казенныхъ суммъ отъ одного вѣдомства другому. Впрочемъ,—это нейдетъ къ настоящему дѣлу, и въ свое время и въ своемъ мѣстѣ я подробно разсмотрю всю запутанность, проистекающую отъ внесенія кассовыхъ оборотовъ въ росписи.

не одной изъ важнѣйшихъ финансовыхъ операций, приходорасходъ которой поглощаетъ сотни милліоновъ и въ общей сложности составляетъ болѣе *четверти всего бюджета*. Между тѣмъ приходная смѣта департамента государственнаго казначейства открывается съ статьи: «уплата ссудъ, сдѣланныхъ государственнымъ казначействомъ» (§ 1, ст. 1. См. Д. Г. Казн.). Слѣдовательно формой, предоставленной закономъ, требуется неизбежно, чтобы всѣ долги изъ общихъ государственныхъ средствъ, а въ томъ числѣ и желѣзно-дорожныя ссуды, были показаны по этой статьѣ. Что-жъ мы въ ней находимъ? Изложеніе мотивовъ или такъ-называемое основаніе назначеній,—начинается обыкновенно такъ: «по составленному въ особенной канцеляріи по кредитной части счету, слѣдуетъ къ поступленію по долгамъ государственному казначейству». Такимъ образомъ самъ департаментъ государственнаго казначейства о своихъ собственныхъ долгахъ получаетъ свѣдѣніе отъ другого мѣста. Затѣмъ, посмотримъ, чѣмъ эта статья наполняется. Возьмемъ въ примѣръ смѣту 1870 года. По статьѣ этой показано:

Долгу на городскихъ и сельскихъ обществахъ къ 1870 году.	3.474,618 р.
> на разныхъ учрежденіяхъ и мѣстахъ.	4.146,733 >
> на частныхъ лицахъ.	8.294,418 >
Итого. . .	15.915,770 р.

Возьмемъ теперь контрольный отчетъ за 1870 годъ, тамъ также есть «вѣдомость о движеніи недоимокъ и долговъ государственному казначейству за 1870 г.» (Прил. 9): по общему итогу этой вѣдомости къ 1870 г. оставалось вообще долговъ и недоимокъ государственному казначейству 292.375,069 р. Какова же разница—15 милліоновъ и 292 милліона!! Разберемъ частныя итоги: оказывается, что итоги, показанныхъ въ смѣтѣ департамента государственнаго казначейства, въ вѣдомости контроля нѣтъ, а между тѣмъ, если отдѣлить собственно недоимки по податямъ и налогамъ, считающіяся по кассамъ мѣстныхъ казначействъ и сюда не подходящія, штрафы и взысканія, показываемые особо по смѣтамъ подлежащихъ министерствъ и управленій, то изъ контрольной вѣдомости получается слѣдующій результатъ о суммахъ, бесспорно имѣющихъ характеръ *долговъ государственному казначейству* и потому подлежащихъ внесенію въ 1 ст. 1 § смѣты государственнаго казначейства, если не для ускоренія взысканія, то для кассовой очистки и для правильнаго сужденія о финансовомъ положеніи государственнаго денежнаго хозяйства:

Замѣообразныхъ ссудъ къ 1-му января 1870 г.	7.092,047 р.
Затраты казны въ пользу частныхъ лицъ	3.964,548 >
Долговъ разнаго рода	3.797,749 >
Желѣзно-дорожныхъ долговъ	125.697,026 >
Итого	140.551,370 р.

Все же 140, а не 15 миллионѣвъ! Приложенія къ смѣтамъ министерствъ и управленій, поступающія на разсмотрѣніе въ государственный совѣтъ чрезвычайно объемисты и подробны, и при всемъ томъ, въ счетѣ долговъ государственнаго казначейства счета должниковъ казнѣ нѣтъ и даже тотъ счетъ, который обязательно составляетъ для департамента государственнаго казначейства особенная канцелярія, не помѣщается въ приложеніяхъ. Вотъ отчего всѣ желѣзно-дорожные предприниматели, пренебреженіе откупщики и вообще разные привилегированные заемщики только берутъ изъ казны, а платить ихъ никто не побуждаетъ. Вслѣдствіе того же происходятъ иногда и такого рода вещи: въ 1871 году отъ общества кіево-брестской дороги поступили 31,449 р., выданныхъ ему по ошибкѣ при реализаціи его бумагъ! (Объясн. зап. 1871 г. стр. 89). Нельзя не придти послѣ этого къ заключенію, что обществамъ желѣзныхъ дорогъ было бы грѣшно жаловаться на недостатокъ правительственнаго *содѣйствія*; да и въ отношеніи къ публикѣ не мѣшаетъ желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ припомнить, что карманы публики открываются для нихъ не только тогда, когда публика подходитъ къ кассамъ за билетами, и потому желѣзно-дорожныя общества напрасно съ такимъ хладнокровіемъ уничтожаютъ плательщиковъ государственныхъ податей,—вѣдь каждое несчастье убавляетъ ихъ число.

С) *Расходы по развитію у насъ производства желѣзно-дорожныхъ принадлежностей.*

Вопли протекціонистовъ о необходимости у насъ извѣстнаго правительственнаго содѣйствія и покровительства отечественной промышленности, преимущественно металлической, не прошли безслѣдно. Съ 1868 года во всѣхъ концессіяхъ включалось условіе объ обязательномъ заказѣ части желѣзно-дорожныхъ принадлежностей въ Россіи; но, кромѣ того, правительство само заключало съ разными лицами контракты на заготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, уступая ихъ впослѣдствіи обществамъ по заготовительной цѣнѣ или даже ниже ея. На основаніи Высочайше утв. 5 марта 1868 г. журнала комитета министровъ, въ 1868 и 1869 гг. заключены слѣдующіе контракты на 5 лѣтъ о заготовленіи паровозовъ и вагоновъ:

Съ зав. Мальцова 50 тов. шестиколесныхъ паровоз. на сумму 1.200,000 р.	
» » Сѣмянникова и Полетики . . . 50 » » » 1.200,000 »	
» » Путилова 30 » » » 720,000 »	
» » Карра и Макферсона . . . 50 об. » » » 1.185,000 »	
» » Мальцова на поставку. . . 1500 тов. ваг. и 500 пл. на 2.649,477 »	
» » Гр. Замоysкаго, Рау и К°. . 1200 » » » » 2.006,790 »	
» » Лильпопъ, Рау и К°. . . 1200 » » » » 2.036,790 »	
<hr/>	
Всего по контрактамъ на 10.998,058 р. ¹⁾	

По приготовленію рельсовъ правительство вошло въ сношеніе съ тагильскими заводами Демидова (съ 1865 г.) и съ выксунскими заводами, перешедшими къ Путилову (съ 1867 г.). Кроме того, съ Путиловымъ 15-го іюня 1867 года заключенъ контрактъ на устройство завода для выдѣлки рельсовъ и 7-го мая 1868 года съ купцомъ Фронштейномъ на поставку, въ теченіи 7-ми лѣтъ, до 2.100,000 п. рельсовъ и 70,000 п. накладокъ на 3.298,400 р.

По этимъ контрактамъ выдано въ періодъ 1867 — 1872 г.:

За вагоны и паровозы. . .	6.112,687 р.
За рельсы	3.613,922 »
<hr/>	
Итого. . .	9.726,609 р.

Изъ вѣдомости о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда въ 1870 году видно, что въ томъ году поступило отъ частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ въ счетъ этой суммы за уступленные имъ желѣзно-дорожныя принадлежности 819,042 р.

Сюда же должна быть отнесена произведенная въ 1868 году выдача 135,000 р. на приспособленіе завода въ Ростовѣ-на-Дону. Объ этой выдачѣ никакихъ подробностей въ отчетѣ контроля нѣтъ; но какъ въ Ростовѣ-на-Дону существуетъ одинъ только значительный машинный заводъ Фронштейна, то остается предположить, что эти деньги были отпущены ему, тѣмъ болѣе, что съ нимъ въ 1868 году заключенъ былъ контрактъ на поставку рельсовъ. По всей вѣроятности эта выдача вошла въ предыдущій итогъ.

Кромѣ того въ числу расходовъ правительства, въ видахъ содѣйствія частному желѣзно-дорожному дѣлу, относятся выдачи:

На производство желѣзно-дорожныхъ изысканій. . .	496,706 р.
На устройство полустанцій и телеграфовъ.	92,120 р.

(Продолженіе будетъ).

Н. Колюпановъ.

¹⁾ Мною приняты въ соображеніе только тѣ контракты по заготовленію желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, по которымъ производилась уплата до 1872 года и которые упомянуты въ смѣтахъ по означенное время.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

ВЪ ЕВРОПѢ и АМЕРИКѢ.

По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.

БЕЛЬГІЯ.

І.—Избытокъ населенія и его послѣдствія.—Забастовки и стачки.

Въ двухъ предыдущихъ очеркахъ, касавшихся положенія рабочей силы въ Германіи и Франціи, мы едва упомянули о явленіи, обращающемъ на себя въ настоящее время серьёзное вниманіе экономистовъ, политиковъ и коммерческихъ людей. Явленіе это, повторяющееся все чаще и чаще въ европейскихъ государствахъ, принимаетъ все болѣе и болѣе крупныя размѣры, производитъ глубокое вліяніе на положеніе рабочей силы въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ имѣетъ мѣсто, и не можетъ не оставлять слѣдовъ на общемъ состояніи мѣстной промышленности. Мы говоримъ о стачкахъ и забастовкахъ рабочихъ, вызывающихъ, если можно такъ выразиться, противу-стачки капиталистовъ и придающихъ весьма активный характеръ борьбѣ труда съ капиталомъ. Особенности этого характера опредѣлились съ достаточною ясностью только за послѣдніе годы, и составить о немъ хотя нѣсколько опредѣленное понятіе возможно, изучивъ экономическое значеніе стачекъ и пружины, ими руководящія, въ Англіи и Бельгіи. Говоря о современномъ положеніи рабочей

силы невозможно было пройти безъ вниманія этотъ предметъ, но возвращаться къ его разсмотрѣнію во всей подробности при описаніи каждаго государства значило бы повторять многое изъ того, что было разъ сказано. Основныя причины, порождающія эти явленія, повсюду весьма схожи между собой въ основныхъ чертахъ, хотя, конечно, и видоизмѣняются въ зависимости отъ характера національности и отъ политическихъ условій, ихъ окружающихъ. Для того, чтобы имѣть руководящую нить при разсмотрѣніи упомянутого нами явленія, слѣдуетъ разсмотрѣть его какъ относительно причинъ, его производящихъ, какъ относительно формы, въ которой оно выражается, такъ и относительно экономическихъ послѣдствій, имъ вызываемыхъ въ такой странѣ, гдѣ явленіе представляется наименѣе усложненнымъ. Хотя рабочее движеніе въ Германіи приняло весьма широкіе размѣры, но возникнувъ и развиваясь почти одновременно съ развитіемъ другого знаменательнаго для этой части Европы явленія, политическимъ объединеніемъ ея, широкимъ внутреннимъ преобразованиемъ,—движеніе это не выдѣляется въ ней съ желаемой отчетливостію, хотя и принимаетъ безусловно весьма крупныя размѣры. Франція представляетъ еще менѣе отчетливыя данныя. Политическое неустройство этой несчастной страны и страшныя бѣдствія, постигшія ее за послѣдніе годы, совершенно поглотили всѣ ея силы и мысли; самыя экономическія теоріи подчинились вліянію исключительно политическому и породили чудовищныя событія. Экономическія теоріи и чисто матеріальныя причины, порождающія стачки въ другихъ государствахъ, вліяли и во Франціи на возникновеніе этихъ событій, но усложненныя такимъ множествомъ постороннихъ факторовъ, что первые почти невозможно выдѣлить и выяснить. Естественно, что и самыя послѣдствія были сложны, неясны и имѣли гораздо болѣе политической, чѣмъ экономической характеръ. Явленія сопровождались ужасающими подробностями, не имѣвшими почти никакой существенной связи съ вопросомъ труда и промышленности; но девизомъ политическихъ драмъ было между прочимъ „улучшеніе положенія народныхъ массъ“, и этотъ девизъ, гдѣ бы онъ ни появлялся, сталъ представляться огромному большинству людей, стремившихся къ мирному развитію прогресса, чѣмъ-то угрожающимъ и страшнымъ предвозвѣстникомъ невиданныхъ народныхъ бѣдствій, разложенія государствъ и кровавой анархіи, словомъ, придавъ вопросу совершенно ложный характеръ. Въ Англіи съ Бельгіей не было ничего подобнаго, несмотря на то, что и тамъ, какъ и въ Германіи, какъ и во Франціи, существовали экономическія условія, вызывающія необходимость пересмотра рабочаго вопроса. Борьба съ капиталомъ не переходила тамъ въ кровавыя народныя драмы, она не услож-

налась политической борьбой до того, что, какъ это было во Франціи, утрачивала всякій экономическій характеръ и переходила въ борьбу не приготовленныхъ къ власти и жаждущихъ могущества цѣлыхъ партій или отдѣльныхъ лицъ между собою. Въ Англіи и Бельгіи эти событія настолько окрашивались политическимъ оттѣнкомъ, насколько измѣненіе нѣкоторыхъ экономическихъ условій необходимо должно было отразиться на внутреннемъ политическомъ строѣ государства, и какія бы попытки перенести вопросъ на почву по преимуществу политическую люди крайнихъ утопическихъ теорій ни дѣлали, событія вращались исключительно въ сферѣ экономической и экономическій характеръ явленій можно было прослѣдить вполне обстоятельно. Въ Англіи огромное развитіе промышленныхъ союзовъ, *trades-unions*, придало большую силу рабочему движенію, и мы коснемся вліянія этихъ учрежденій на положеніе рабочей силы въ статьѣ объ Англіи; но для нѣкотораго уясненія вопроса о стачкахъ остановимся на континентальной Бельгіи, и вотъ по какимъ причинамъ. Во-первыхъ, стачки, — продуктъ разногласій между трудомъ и капиталомъ, — въ Бельгіи имѣютъ гораздо болѣе общій характеръ чѣмъ въ Англіи, потому что въ этой послѣдней странѣ, какъ извѣстно, сосредоточеніе капиталовъ въ весьма немногихъ рукахъ придаетъ вопросу нѣсколько исключительный характеръ; этому же способствуетъ нигдѣ не имѣющее себѣ подобнаго преобладаніе крупной поземельной собственности. Эта послѣдняя причина вовсе не существуетъ для Бельгіи. Затѣмъ въ Бельгіи, какъ и въ большинствѣ континентальныхъ государствъ, имѣютъ косвенное, но весьма серьезное вліяніе на положеніе рабочаго вопроса клерикалы, значеніе которыхъ въ Англіи ничтожно, кромѣ развѣ Ирландіи, и наконецъ главнѣйшіе матеріалы, которыми мы пользуемся при изслѣдованіи избраннаго нами вопроса, составляютъ, какъ мы уже говорили, донесенія англійскихъ дипломатическихъ агентовъ, которые даютъ возможность прилагать одну и ту же безпристрастную мѣрку къ уясненію событій во всѣхъ государствахъ ими описываемыхъ. Ихъ мнѣнія о Бельгіи вполне безпристрастны...

Клерикалы, представляющіе собой крайнюю ретроградную противоположность радикаламъ, цѣлко держатся за свое вредное вліяніе на распространеніе просвѣщенія въ бельгійскомъ народѣ. Потребность въ установленіи обязательности начального образованія давно признана передовыми людьми Бельгіи, вопросъ о немъ поднятъ весьма давно, но усилія его проводниковъ разбидаются постоянно о подводные камни, на которые умѣютъ наводить его кормчіе бельгійскаго правительства, отцы-иезуиты. Что необразованныя и несытыя массы легче увлекаются мечтами, сулящими золотыя горы, въ

этомъ нѣтъ сомнѣнія, а для іезуитовъ выгодно, чтобы частныя взрывы народныхъ страстей, разжигаемыхъ утопистами, повторялись возможно чаще, ибо это даетъ возможность католикамъ запугивать умѣренно-либеральную партію, усиливать реакцію и вызывать значеніе рекомендуемыхъ ими охранительныхъ началъ. Противодействовать нищетѣ возможно не поддерживая наклонности въ праздности и лѣни, а напротивъ, противудѣйствуя развитію этой наклонности и приучая нуждающихся къ труду. Въ Бельгіи же, какъ клерикалы своей благотворительностію, едва ли не нарочно доводимой за предѣлы всякаго благоразумія, такъ частію и интернаціональ, пропитывающая тысячи забастовавшихъ рабочихъ въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, убиваютъ въ характерѣ рабочаго необходимый для экономическаго прогресса элементъ—отсутствіе надежды на постороннюю невидимо приходящую помощь. *Help yourself* — помогай самъ себѣ, американское правило, которое никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, стараясь помочь массамъ улучшить свое матеріальное положеніе. Активная въ этомъ отношеніи помощь со стороны людей высшаго образованія и высшаго нравственнаго развитія, при настоящихъ условіяхъ, существующихъ въ Старомъ Свѣтѣ, безспорно необходима, ибо его обитатели до того привыкли быть руководимы, что и въ дѣлахъ экономическихъ, непосредственно до ихъ матеріальныхъ выгодъ касающихся, они еще не могутъ обойтись безъ руководства; невѣжество, въ которомъ пребываетъ большинство, дѣлаетъ такую помощь еще болѣе существенно важной: но только съ того момента, когда общій уровень образованія распространится настолько, что большинство получить возможность устроить свои дѣла помимо меньшинства, и окончательно обопрется само на себя, можно будетъ считать обеспеченнымъ нормальное разрѣшеніе вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ массъ. Въ Бельгіи же, какъ мы упомянули, о рабочихъ заботятся чрезвычайно много, и правительство и общество, и клерикалы и интернаціональ, а сдѣлано сравнительно весьма мало. Неудовлетворительное матеріальное положеніе бельгійскихъ рабочихъ было подмѣчено едва ли не прежде всего самимъ бельгійскимъ правительствомъ, относившимся къ этому предмету самымъ серьезнымъ, искреннимъ образомъ, взявшимъ на себя инициативу его улучшенія, приступившаго къ изслѣдованію быта рабочихъ и къ пересмотру законодательства по этому предмету, но имѣлъ съ тѣмъ на первыхъ же порахъ впаваго въ весьма непрактическую филантропію. Несмотря однако на очевидную неудачу усиленнаго приложенія благотворительности къ труду, она все-таки приняла въ Бельгіи чрезвычайно широкіе размѣры. Изъ 5 милліоновъ жителей, населяющихъ эту страну, около милліона,

т.-е. цѣлая пятая часть занесены въ списки лицъ, имѣющихъ право на общественную благотворительность и пользуются ею въ различныхъ видахъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ, представленнымъ палатѣ депутатовъ, въ 1853 году числилось во всей Бельгій 909 тысячъ семействъ, изъ нихъ 226 тысячъ получали пособія изъ общественныхъ суммъ. Въ пятидесятыхъ годахъ на пособія таковымъ семействамъ духовенствомъ и нѣкоторыми благотворительными учреждениями, отчеты которыхъ были обнародованы, расходовалось ежегодно до 14 милліоновъ франковъ. Съ 1830 по 1850 годъ въ пользу бѣдныхъ было отказано духовными завѣщаніями до 18 милліоновъ франковъ. Благотворительные фонды нѣкоторыхъ общинъ и филантропическихъ обществъ въ настоящее время такъ велики, что они прискиваютъ сами возможно большее число лицъ, которымъ можно было бы выдавать пособие; у нѣкоторыхъ общинъ есть пенсіонеры (*pensionnaires de la commune*), пользующіеся пенсіонами, обезпечивающими имъ кусокъ хлѣба *de facto* наслѣдственно. Сынъ пенсіонера проводить свое дѣтство въ собираніи милостыни и рассчитываетъ, что по смерти родителя будетъ получать отпущавшееся послѣднему изъ общины пособие. Въ этой развращающей народъ благотворительности клерикалы принимаютъ самое дѣятельное участіе. Духовенство пріобрѣтаетъ большія земли, которыя могли-бы приносить весьма хорошій доходъ, принадлежа частнымъ лицамъ, и ведетъ ихъ обработку на благотворительныхъ началахъ. Милостыня, которая раздается щедрой рукой іезуитовъ и раздается въ оградѣ монастырей, сильно поддерживаетъ въ рабочихъ лѣнь и тунеядство, а главное привычку рассчитывать на постороннюю помощь. Пособія благотворительныхъ обществъ выдаются огромному числу людей его незаслуживающихъ, и бельгійская благотворительность, по отзыву наиболѣе компетентныхъ писателей, составляетъ величайшее государственное зло и приноситъ большой вредъ рабочему классу. Одна изъ самыхъ дурныхъ сторонъ такой благотворительности заключается въ томъ, что, какъ мы уже сказали, пріучаетъ народъ надѣяться не на самого себя, а на постороннюю помощь. Приблизительно такой же характеръ имѣетъ помощь, которая приходитъ къ рабочимъ со стороны интернаціонали. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ наши слова.

Еще весьма недавно, — говоритъ антверпенскій консулъ Гратанъ ¹⁾, — рабочее движеніе выражалось одиночными и частными стачками, происходившими или вслѣдствіе уменьшенія заработной платы, или вслѣдствіе перерыва работъ на фабрикахъ или въ мастерской. Виною этого до извѣстной степени бывали и сами наниматели. Бельгійскіе

¹⁾ Farther Reports. 1872. Belgium, 10.

фабриканты, вследствие весьма могущественной, возникшей въ послѣдніе годы, конкуренціи съ ихъ произведеніями произведеній англійскихъ и германскихъ, бывають поставлены въ невозможность своевременно сбыть издѣлія, отъ которыхъ начинаютъ ломиться кладовыи. Доведенные до такого положенія, они обыкновенно бывають вынуждены уменьшить размѣры дальнѣйшаго производства, т.-е. сократить количество ежедневнаго труда на фабрикѣ, а иногда и вовсе остановить ея дѣйствіе, или, для того чтобъ вознаграждать себя за грозящія потери, уменьшить размѣръ заработной платы. Какъ то, такъ и другое имѣеть для рабочаго населенія положительно разорительныя послѣдствія. За послѣдніе годы конкуренція стала чувствительнѣе чѣмъ прежде и фабриканты чаще стали прибѣгать къ такимъ, какъ-бы ограждающимъ ихъ отъ разоренія мѣрамъ; стачки и непріятныя столкновенія между рабочими и нанимателями, почти частыя возмущенія являются конечно естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей, и интернаціональ не упустила изъ виду возможности вмѣшаться въ это дѣло. Насколько безусловно можно признать хорошимъ положеніе бельгійскаго рабочаго вообще, мы получимъ возможность судить ознакомясь ниже съ относящимися до того цифрами и данными. Теперь укажемъ только, что несмотря на то, что размѣръ заработка въ нѣкоторыхъ городахъ Бельгіи за послѣдніе годы возросъ на 25—30%, сами рабочіе недовольны своимъ положеніемъ и поднимають свои требованія, по словамъ англичанъ, съ каждымъ днемъ все выше и выше. Въ различныхъ промышленныхъ центрахъ Бельгіи стали образовываться стачки и видимо было, что всѣ онѣ состояли въ нѣкоторой связи, что все движеніе велось по какому-то плану и было правильно организовано. Вопросъ принялъ осязательную экономическую форму и заявилъ свои требованія весьма отчетливо и категорически. Бельгійскіе рабочіе, увлекаемые примѣромъ своихъ англійскихъ собратьевъ, тысячами вступали въ только-что образующіеся рабочіе союзы, которые, по увѣренію англичанъ, состояли въ связи съ интернаціоналомъ и слѣпо повиновались повелѣніямъ его руководителей, въ большей части случаевъ совершенно невѣстныхъ самимъ рабочимъ. Въ 1871 и началѣ 72-го, года, разсказываетъ антверпенскій консулъ, стачки появлялись почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и ихъ весьма опредѣленною цѣлію было увеличеніе заработной платы или уменьшеніе рабочаго времени. Наниматели не имѣли возможности претивустоять этимъ требованіямъ и принуждены были уступить.

Въ Антверпенѣ въ 1871 году совершались такіа событія. Каменщики, корабельщики, портные и множество другихъ мастеровыхъ образовали стачки. Наниматели ихъ, владѣя весьма небольшими

оборотными капиталами, не могли совершенно прекратить производства, тѣмъ болѣе, что оно по самому своему существу не допускало перерыва. Въ то же время биржевыя артели рабочихъ, занимающихся нагрузкою и выгрузкою кораблей, объявили коммерсантамъ, что они отказываются работать ночью и по праздничнымъ днямъ, даже и за возвышенную плату. Одновременно съ этимъ образовались стачки между фабричными рабочими въ Гентѣ и Брюсселѣ, а также на антверпенскихъ сигарныхъ фабрикахъ.

Эта послѣдняя стачка настолько характеристична, что, имѣя довольно ясное представленіе о ней, можно легко составить себѣ понятіе о характерѣ многихъ остальныхъ современныхъ ей стачекъ. Въ Антверпенѣ существуетъ до 50-ти мастерскихъ, выдѣлывающихъ исключительно сигары; въ этихъ мастерскихъ занято работой до 10,000 человекъ, въ томъ числѣ и ученики. Недѣльный заработокъ взрослого мужчины простирается обыкновенно отъ 25 до 35 фр., но изъ этой суммы вычитается 5 франковъ, которые уплачиваются ученику, — онъ же и помощникъ взрослого рабочаго. Учениками, *roupretiers*, называются мальчики лѣтъ 10—14, обязанность которыхъ заключается въ томъ, чтобы готовить внутреннюю часть сигары, наблюдающій же за нимъ рабочий оканчиваетъ ее выдѣлку и обертываетъ внѣшнимъ листомъ, что гораздо труднѣе чѣмъ первое. Работа, исполняемая дѣтьми, значительно однако уменьшаетъ и упрощаетъ трудъ взрослыхъ рабочихъ, которые вслѣдствіе этого успѣваютъ выдѣлывать несравненно больше сигаръ, чѣмъ они дѣлали бы безъ помощи мальчиковъ. Мальчики же приучаются этимъ путемъ къ работѣ и мало-по-малу переходятъ въ разрядъ знающихъ дѣло рабочихъ. Дѣтская работа, конечно, удешевляетъ стоимость производства и потому фабриканты весьма ею дорожатъ. Мы весьма сожалѣемъ, что не имѣемъ возможности собрать цифры, уясняющія стоимость производства и продажи цѣны на сырой матеріалъ и готовые сигары, для того чтобы вполне отчетливо представить экономическую сторону дѣла; но если положиться на слова англійскаго консула, то оказывается, что только при такихъ условіяхъ и возможно было фабрикантамъ вести коммерческое дѣло. Относительно, — говоритъ Граттанъ, — заработная плата была очень высока и конкуренція съ германскими и англійскими фабрикантами такъ сильна, что антверпенскія фабрики могли выдерживать ее только приготовляя самыя дешевыя сигары и въ возможно большемъ количествѣ. Между тѣмъ лѣтомъ 1871 г. всѣ рабочіе антверпенскихъ сигарныхъ фабрикъ одновременно забастовали. Предполагаютъ, что они были на нѣсколько времени ранѣе подготовлены къ тому агентами интернаціонала, подъ руководствомъ которыхъ и было организовано все

движеніе. Что оно было организовано и заранее предположено и обдуманно, доказывается тѣмъ, что они, прежде чѣмъ объявить забастовку, составили нѣкоторый запасный капиталъ, котораго все-таки не хватило-бы на все время забастовки; но, судя по всѣмъ видимымъ даннымъ, они получали денежные пособія изъ Англіи и Германіи. Нѣкоторые лица, слѣдующія за вопросомъ о стачкахъ, предполагаютъ, хотя не рѣшаются утверждать положительно, — что заграничные и, въ особенности, англійскіе фабриканты, для которыхъ было выгодно содѣйствовать крушенію бельгійскихъ конкурентовъ, содѣйствовали денежно, чрезъ посредство интернаціонала, поддержанію стачекъ. Сначала требованія забастовавшихъ рабочихъ формулировались такъ: рабочіе должны получать свое недѣльное жалованье (25—35 фр.) сполна, безъ вычетовъ въ пользу учениковъ; ученики должны получать особую плату непосредственно отъ хозяина; учениковъ должны нанимать сами хозяева, и обязанность приводить своего ученика и отвѣчать за доброкачественность его работы снимается съ рабочаго.

Въ существѣ требованія эти клонились къ тому, чтобы была увеличена заработная плата и уменьшена отвѣтственность рабочаго. Фабриканты отказались подчиниться такимъ условіямъ, и рабочіе подняли свои требованія. Они заявили, что возмутся за дѣло только тогда, когда ученическая работа будетъ совершенно устранена, а всѣ мальчики будутъ замѣнены взрослыми рабочими. „Это, совершенно новое требованіе, — говоритъ репортеръ, — явно высказывало твердое намѣреніе забастовавшихъ уменьшить число рабочихъ рукъ, которыми бы могли располагать фабриканты и положить преграду постепенному образованію хорошихъ рабочихъ изъ молодыхъ учениковъ. По ихъ расчетамъ, чѣмъ меньше будетъ рабочихъ, тѣмъ болѣе они будутъ дорожить фабриканты. Мы считаемъ полезнымъ разъяснить, сколь не логична была такая постановка дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что ученики, которыхъ забастовавшіе хотѣли лишить работы являются обыкновенно дѣти, живущіе въ данный моментъ на счетъ труда своей семьи, но надо предвидѣть, что въ весьма непродолжительномъ времени эти дѣти будутъ поставлены въ необходимость зарабатывать хлѣбъ своими руками. Какимъ образомъ они это будутъ дѣлать? Не имѣя возможности поступить на фабрику въ качествѣ учениковъ, потому что этому противятся ихъ взрослые собратія, они не могутъ занять мѣста самостоятельныхъ рабочихъ, потому что еще не подготовлены къ дѣлу, и всей этой молодежи придется вступить въ ряды крайне опасной, для общественнаго порядка и государственной безопасности, шайки праздныхъ по неволѣ людей. Стремленіе настоящихъ рабочихъ изгнать съ фабрикъ ученическія ра-

боты, безспорно весьма выгодно для нихъ лично, хотя самыя выгоды имѣютъ только временный характеръ, но распространеніе такого стремленія на всѣ отрасли промышленности грозитъ большою опасностію въ будущемъ какъ самымъ производствамъ, такъ и подростающему поколѣнію". Чтобы предотвратить эти печальныя послѣдствія капиталисты составили между собой также союзъ, условясь закрыть всѣ заведенія въ случаѣ отказа рабочихъ трудиться въ которомъ-либо одномъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяева рѣшили уступить рабочимъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ, касающихся уменьшенія числа рабочихъ часовъ и возвышенія рабочей платы, но согласились упорно противодѣйствовать всякимъ попыткамъ, клонящимся къ изгнанію съ фабрикъ учениковъ. Рабочіе ходили безъ дѣла и не уменьшали ни-за-что своихъ требованій; фабрики были закрыты, проходили цѣлыя недѣли въ этомъ напряженномъ состояніи. Рабочіе получали со стороны средства къ существованію, фабриканты начинали сильно тяготиться своимъ положеніемъ и понимали, что, продлись такой порядокъ нѣсколько мѣсяцевъ, ихъ конкурренцы займутъ въ торговлѣ ихъ мѣста, и ихъ фабрики поставлены въ полную невозможность съ ними состязаться, — дѣло капиталистовъ должно было погибнуть. Многие изъ нихъ, предвидя разореніе, не выдержали, отступили отъ союза, согласились на требованія рабочихъ и открыли мастерскія. Сила капиталистовъ значительно уменьшилась, за то рабочіе окрѣпли. Нѣкоторые фабриканты попробовали привести рабочихъ изъ Голландіи, но мѣстные сотоварищи ихъ такъ припугнули, что они поспѣшили убраться на родину. Почти та же участь постигла женщинъ, привезенныхъ фабрикантами изъ Меца и Страсбурга. Они желали женской работой замѣнить мужскую, но общая сумма добытаго такимъ образомъ труда оказалась далеко неудовлетворительною. Дѣла рабочихъ были такъ хорошо организованы, пособія, получаемыя изъ разныхъ источниковъ и въ особенности изъ-за границы, такъ обильны, что они могли поддерживать стачку въ теченіи четырехъ съ половиною мѣсяцевъ. Результатомъ этого было слѣдующее: жалованье рабочихъ на всѣхъ табачныхъ фабрикахъ было слегка увеличено; ученики, за весьма рѣдкими исключеніями, повсюду исчезли, часы работы съ 11-ти уменьшились до 9¹/₂. Работы при этихъ условіяхъ возобновились, но промышленность, какъ говорятъ, получила большой ударъ и едва-ли долго выдержитъ конкуренцію съ заграничными фабрикантами, тѣмъ болѣе, что рабочіе, ободренные своимъ успѣхомъ, едва-ли удовольствуются тѣмъ, что завоевали. Они, какъ можно предполагать, желаютъ, чтобы рабочая недѣля, за которую имъ уплачивается 25—35 франковъ, состояла не изъ 5-ти дней, какъ принято нынѣ, а только

изъ четырехъ. Надо замѣтить, что, вслѣдъ за стачками антверпенскихъ сигарныхъ рабочихъ, послѣдовали стачки на всѣхъ табачныхъ фабрикахъ Бельгіи и привели приблизительно къ такимъ же результатамъ.

Вскорѣ послѣ описанныхъ нами событій, а именно зимой 1871—72 года, разнаго рода ремесленники объявили, что прекращаютъ работу, если не послѣдуетъ уменьшенія рабочихъ часовъ и увеличенія дневной платы. При этомъ они заявили, что забастовка произойдетъ не во всѣхъ мастерскихъ за-разъ, а постепенно и одно за другимъ обойдетъ всѣ ремесленные заведенія города, причемъ будетъ длиться для каждаго заведенія до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не согласится на требованія рабочихъ. Во время забастовки рабочіе рассчитывали прожить при помощи своихъ сбереженій. Такая обязательность заставляетъ предполагать, что и въ организаціи этой стачки дѣйствовало вліяніе тайныхъ, но стоящихъ выше до развитію самихъ рабочихъ агентовъ. Хозяева заведеній рѣшились противодѣйствовать требованіямъ рабочихъ, и дали другъ другу слово закрыть всѣ заведенія разомъ въ случаѣ забастовки рабочихъ въ которомъ-либо одномъ. Но оттого ли, что между капиталистами не установилось достаточно прочнаго соглашенія, оттого ли, что требованія рабочихъ были дѣйствительно основательны и не представляли никакого посягательства на законное вознагражденіе капиталистовъ, что хозяева сами сознавали лучше кого-либо другого, эта стачка имѣла самый благополучный, мирный исходъ. Хозяева уступили, и работы не прерывались. То же самое случилось въ Гентѣ менѣе года тому назадъ. Стачка была объявлена рабочими, бургомистръ взялъ на себя посредничество между ними и хозяевами, и дѣло было быстро улажено при помощи взаимныхъ уступокъ.

На этомъ, впрочемъ, не остановилось рабочее движеніе, тѣмъ болѣе, что капитальныя его причины—невѣжество и нищета не устранены и не могутъ быть устранены скоро, а пружины, поддерживающія волненіе, продолжаютъ дѣйствовать съ полной энергіей. Вотъ что говоритъ англійскій консулъ между прочимъ объ участіи, принимаемомъ въ этомъ движеніи интернаціоналю: „Мнѣ кажется, было бы бесполезно утверждать что-либо положительное относительно организаціи въ Бельгіи дѣйствій интернаціональнаго общества рабочихъ, которое, какъ полагаютъ, вообще оказываетъ сильное давленіе на рабочій вопросъ въ этой странѣ. Нельзя сказать ничего опредѣленнаго и точнаго ни о числѣ его послѣдователей, ни о томъ, кто собственно стоитъ во главѣ движенія. Какъ всѣ тайныя общества, оно дѣйствуетъ черезъ посредство второстепенныхъ агентовъ; только эти лица и могутъ быть болѣе или менѣе указаны, но они испол-

няють только приказанія центральной власти, не будучи, статья можетъ, въ свою очередь знакомы съ лицами, въ рукахъ которыхъ она находится. Во всѣхъ стачкахъ, насколько то было доступно, можно было видѣть, что на рабочихъ дѣйствовали непосредственно и говорили съ ними, какъ-бы отъ имени интернаціонала, люди, находящіеся въ ихъ средѣ, надсмотрщики, приказчики или даже простые рабочіе. Но всѣ, кажется, убѣждены въ томъ, что общество это постоянно расширяетъ свои развѣтвленія, захватываетъ всѣ промышленные центры Бельгіи, и что, судя по единодушію, съ которымъ постоянно дѣйствуютъ рабочіе при стачкахъ, между ними есть весьма много послѣдователей интернаціонала.“

Итакъ, судя по приведеннымъ нами фактамъ и выпискамъ изъ англійскихъ донесеній, участіе, и участіе весьма серьезное интернаціональнаго общества въ бельгійскомъ движеніи рабочихъ не подлежитъ сомнѣнію. Но участіе это не составляетъ вовсе причинъ движенія, которыя, какъ мы сказали, кроются гораздо глубже. Англійскія донесенія утверждаютъ, что бельгійскіе фабриканты вообще старались согласовать интересы рабочихъ и ихъ благосостояніе съ требованіями времени, что заработная плата въ послѣдніе годы возросла на 25 и даже на 30%, что требованія рабочихъ, касающіяся уничтоженія ученичества, были и несправедливы и непослѣдовательны, но вмѣстѣ съ тѣмъ признають, что остальные ихъ требованія нельзя считать неосновательными, и предполагають, что сами хозяева признавали справедливость требованій, заявляемыхъ рабочими. Интернаціональ могла налагать свою руку на движеніе рабочихъ только потому, что существовали причины для этого движенія, и причины въ Бельгіи весьма серьезныя. Обрати на нихъ фабриканты вниманіе ранѣе, помоги они правительству произвести своевременно задуманныя имъ еще въ первой половинѣ этого столѣтія реформы, постоянно спотыкавшіяся о преграды, выставляемыя клерикалами и капиталистами-консерваторами, для интернаціонали не было бы въ настоящее время причины существовать, и требованія рабочихъ, если бы они и заявлялись, не могли быть доводимы до абсурда, которому однако иногда приходится уступать. Только путемъ безстрашнаго и безпристрастнаго анализа коренныхъ причинъ и единодушнаго содѣйствія правительству къ ихъ устраненію, возможно уничтожить подземную работу опаснаго и уже, какъ оказывается, довольно сильнаго общества. Ихъ мины слѣдуетъ уничтожить не контръ-минами, а уничтоженіемъ порохового производства на поверхности земли, т.е. недовольства рабочихъ своимъ положеніемъ. Причины эти, какъ мы сказали, заключаются въ невѣжествѣ и нищетѣ; онѣ могутъ быть

раздѣлены на матеріальныя и нравственныя ¹⁾. Обращаясь къ ихъ разсмотрѣнію, мы вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ ознакомиться и съ общимъ положеніемъ рабочей силы въ Бельгіи.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ рабочаго движенія многіе не безъ основанія признають низкую заработную плату. Это несомнѣнно вѣрно, хотя стачка антверпенскихъ сигарочниковъ доказываетъ, что и при хорошей, впрочемъ, относительно только, заработной платѣ, стачки возможны и что причина низкой заработной платы имѣетъ болѣе глубокой корень именно въ несоразмѣрномъ отношеніи между предложеніемъ и спросомъ на работу. Населеніе Бельгіи возрастаетъ быстро, а промышленное развитіе ея, какъ бы быстро оно ни возростало, безусловно не соответствуетъ этому приросту населенія, и кромѣ того, что едва-ли не важнѣе, дѣлаетъ относительно менѣе быстрые успѣхи, чѣмъ развитіе однородныхъ отраслей промышленности въ Германіи, Англіи и Франціи. Число рабочихъ ежедневно возрастаетъ, ихъ требованія также, а выгоды, доставляемыя капиталу производствомъ, вслѣдствіе усиленія заграничной конкуренціи, уменьшаются. Капиталисты стремятся уменьшить число рабочихъ и вообще издержки производства, рабочіе остаются безъ дѣла, предложеніе труда представляетъ весьма опасный избытокъ его, тѣмъ болѣе, что въ Бельгіи, во время вполне нормальнаго состоянія промышленности, этотъ избытокъ постоянно ощущается. Клерикальная благотворительность и субсидіи интернаціонала, не создавая для всѣхъ этихъ лицъ прочнаго матеріальнаго благосостоянія, поддерживаютъ однако ихъ настолько, что они не принимаютъ энергическихъ мѣръ сами для его устройства, кромѣ стачекъ, которые могутъ въ нѣкоторой степени увеличить заработную плату, уменьшить число рабочихъ часовъ, но не могутъ создать новыхъ источниковъ труда и открыть работу для всѣхъ праздныхъ рукъ. Населеніе бельгійскаго королевства превосходитъ своей густотой не только населеніе всѣхъ европейскихъ государствъ, но и всѣхъ остальныхъ. Тогда какъ въ Германіи приходится 4151 житель на каждую квадратную милю, во Франціи 3805, въ Великобританіи 5584, въ Бельгіи густота населенія доходитъ до 9387 жителей на квадратную милю. Работы для всѣхъ жителей недостаточно, а эмиграція изъ Бельгіи въ другія страны весьма слаба. Въ Америку бельгійцы, можно сказать, почти вовсе не переселяются, тогда какъ изъ Германіи и Англіи рабочіе переселяются туда густыми потоками. Въ сосѣднихъ странахъ они ищутъ работы весьма вяло. Валлоны никогда почти не оставляютъ обитаемыхъ ими мѣстностей для того, чтобы за границами своей родины

¹⁾ J. Dauby, Causes de nos crises ouvrières.

найти себѣ заработокъ, а фламандцы въ относительно маломъ числѣ иногда совершаютъ нѣкоторыя путешествія.

Понятно, что такое ненормальное отношеніе предложенія труда къ требованію на него поддерживаетъ населеніе въ весьма напряженномъ состояніи; всякій толчокъ, получаемый вслѣдствіе экономическихъ или политическихъ причинъ какою-либо довольно распространенною въ странѣ промышленностію, вскорѣ потрясаетъ благосостояніе огромнаго числа людей. Доби въ своемъ изслѣдованіи причинъ, вызывающихъ рабочее движеніе, говоритъ, что при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ оказывается, что войны и *вооруженный миръ* непремѣнно играли весьма важную роль во многихъ событіяхъ, потрясавшихъ ту или другую отрасль промышленности и вызывавшихъ справедливое негодованіе рабочихъ массъ. Въ поясненіе своихъ словъ, онъ между прочимъ приводитъ нѣкоторыя интересныя подробности относительно хлопчатобумажнаго кризиса, вызваннаго американской междоусобной войной. Въ февралѣ 1862 года большинство бумажныхъ фабрикъ въ Гентѣ должно было уменьшить размѣры своего производства; нѣкоторыя временно приостановили работу, а самая большая фабрика, на которой работало 500 человѣкъ, была совершенно закрыта. 1150 человѣкъ осталось безъ работы и безъ всякихъ средствъ къ существованію; заработокъ остальныхъ уменьшился, ибо было сокращено общее количество дневной работы; чрезъ двѣ недѣли число лицъ, лишенныхъ работы, увеличилось до 1386, въ апрѣлѣ дошло до 2367, а въ маѣ до 3000 слишкомъ человѣкъ, что составляло три-десятыхъ всего числа рабочихъ этой категоріи. Остальные семь-десятыхъ хотя и имѣли возможность работать, но получали только три-пятыхъ своего прежняго жалованья, пропорціонально уменьшенію рабочаго времени. Легко себѣ представить, въ какомъ ужасномъ положеніи находились въ это время эти 10,000 праздныхъ по-неволѣ и голодающихъ людей, и на что они не были бы способны рѣшиться, чтобы избавиться отъ голодной смерти. Во всякой почти другой странѣ большинство ихъ, хотя съ трудомъ, могло бы пріискать хоть какую-либо работу, но въ Бельгій это было совершенно невозможно.

II. Заработная плата.

„Надо имѣть въ виду, — говоритъ секретарь англійскаго посольства Панччанъ въ своемъ донесеніи, — что рабочимъ низшаго класса постоянно недостаетъ работы, и это обстоятельство поддерживаетъ, можно сказать, непрерывно слишкомъ низкій размѣръ заработной платы. Другими словами, жалованье низшаго класса рабочихъ не удовлетво-

рительно, хотя надобно прибавить, что за это жалованье рабочие въ количествѣ и качествѣ своей работы не даютъ болѣе чѣмъ получаютъ. Это однако не устраняетъ общаго положенія, что заработокъ рабочихъ не соответствуетъ стоимости жизненныхъ припасовъ. Съ увѣренностію можно сказать, что положеніе массы низшихъ рабочихъ весьма плачевно и надо какъ можно скорѣе изыскать средства къ устраненію зла, которое въ будущемъ можетъ грозить большою опасностію“.

„Размѣръ заработной платы,—говоритъ другой репортеръ, антверпенскій консулъ Граттанъ, черезъ годъ послѣ того, когда были написаны вышеприведенныя нами слова,—для всѣхъ ступеней труда несомнѣнно такъ низокъ, что не можетъ удовлетворить совершенно законныхъ потребностей рабочаго населенія“. Граттанъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ слѣдующій расчетъ, относящійся собственно до фабричныхъ рабочихъ. Средній дневной заработокъ фабричнаго рабочаго не превосходитъ 2-хъ франковъ. Принимая въ расчетъ воскресные и праздничные дни, а также тѣ дни, когда вслѣдствіе ли собственной вины, или вслѣдствіе перерыва работъ на фабрикѣ рабочий остается празднымъ, можно безошибочно сказать, что онъ работаетъ въ годъ неболѣе 250 дней и, слѣдовательно, не можетъ получить болѣе 500 фр., т.-е. 42 фр. въ мѣсяцъ или 10—11 фр. въ недѣлю. Если въ семействѣ есть еще лицо, могущее кое-что зарабатывать, напр. жена рабочаго или старшій изъ троихъ, положимъ, дѣтей, то дневной заработокъ поднимается на 1 фр., а недѣльный доходитъ до 16—17 фр. На эту сумму должно содержать цѣлую семью, состоящую изъ 5-ти человекъ, мужа, жены и троихъ дѣтей, а недѣльное содержаніе такого семейства по самому скромному расчету доходитъ до 17—23 фр. и надо имѣть въ виду, что, издерживая 17—23 фр. въ недѣлю, семья не имѣетъ никакой возможности пользоваться мясомъ, пивомъ, сахаромъ, однимъ словомъ чѣмъ-бы то ни было, выходящимъ изъ ряда самыхъ насущныхъ, самыхъ неотложныхъ жизненныхъ потребностей. Если уменьшить въ этихъ расчетахъ семью на одного ребенка и увеличить даже на одну треть жалованье рабочаго, все-таки нельзя себѣ представить, какъ эти люди существуютъ и сводятъ концы съ концами. Семействъ, находящихся въ такомъ положеніи, Граттанъ насчитываетъ до 20,000, а, слѣдовательно, всѣхъ лицъ, находящихся въ такомъ бѣдственномъ состояніи въ Бельгіи около 100 тысячъ. Почти въ такомъ же положеніи находятся рабочие въ каменноугольныхъ копяхъ, на которыхъ въ 1868 году добыто было угля на 133 милліона франковъ. Кромѣ глубокаго невѣжества и безнравственности, рабочие этой категоріи отличаются совершенно нищенскимъ образомъ жизни, ибо заработокъ ихъ, выра-

жающійся среднимъ числомъ приблизительно $2\frac{1}{2}$ —3 фр. ¹⁾), положительно не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ: онъ едва даетъ возможность поддерживать жалкое существованіе семьи въ обыкновенное время, а въ случаѣ какого-либо несчастія или закрытія работъ повергаетъ ее въ совершенно безпомощное положеніе. Къ разряду такихъ несчастныхъ донесенія относятъ около 600 тысячъ жителей обоого пола, занятыхъ землекопными и дренажными работами, дорожными сооруженіями (шоссе и желѣзныя дороги) и другими общественными работами (public works). Стачки и забастовки между ними случаются особенно часто, и также часто они остаются весьма продолжительное время безъ работы. Тогда они переходятъ изъ мѣста въ мѣсто, отыскивая ее, и часто бесполезно тратятъ время на эти поиски.

Для того, чтобы имѣть возможность одѣться, купить топливо и позволить себѣ курить, рабочій долженъ допустить, чтобы жена его трудилась одновременно съ нимъ, чтобы дѣти оставались безъ присмотра въ теченіи нѣсколькихъ дней въ недѣлю. Если же болѣзнь или какія другія причины перерываютъ работу отца семейства—семья приходится умирать съ голоду или прибѣгать къ общественной благотворительности, которую обязательно спѣшатъ предложить прежде всего католическіе монахи. Число бельгійцевъ, находящихся въ такомъ бѣдственномъ положеніи, доходитъ по меньшей мѣрѣ до 1-го милліона, цифра по-истинѣ громадная и тѣмъ болѣе знаменательная, что остальные два милліона, входящихъ въ составъ рабочихъ семействъ, далеко не пользуются удовлетворительнымъ благосостояніемъ, хотя и не находятся въ такомъ страшно стѣсненномъ положеніи. Изъ всего нами сказаннаго ясно, что болѣе половины рабочихъ получаетъ весьма скудную заработную плату, а, слѣдовательно, и не можетъ пользоваться самыми скромными и законными жизненными удобствами, и что пищевое довольство ихъ болѣе чѣмъ плохо. Рабочіе же, получающіе сравнительно болѣе жалованье (относительно не тѣ, которые только-что описаны нами), кормятся довольно хорошо, но огромное большинство какъ по недостатку средствъ, такъ и по безпечности своей ѣдятъ отвратительно приготовленную пищу и состоятъ въ постоянной денежной зависимости отъ разоряющихъ ихъ мелочныхъ торговцевъ, открывающихъ для нихъ пагубный кредитъ, втягивающихъ ихъ въ неоплатные долги и снабжающихъ ихъ дурными припасами. Любимый напитокъ бельгійскаго

¹⁾ Взрослый мужчина, работающій 12 часовъ въ сутки подъ землею, получаетъ въ день 3 фр. 40 с., на поверхности земли $2\frac{1}{2}$ фр.; женщина въ первомъ случаѣ 1 фр. 90 с., во второмъ 1 фр. 40 с.

простолюдина составляет кофей, т.-е. собственно кофей по названію, а въ сущности наваръ цикорія, болѣею частію употребляемый безъ сахару и молва, которые доступны только для рабочихъ высшаго разряда. Чаю въ Бельгіи рабочіе почти не пьютъ. Пиво на дому тоже пьютъ рѣдко, за то съ большимъ наслажденіемъ, если имѣютъ возможность, упиваются имъ въ кабакахъ и харчевняхъ. Бѣлый хлѣбъ ѣдятъ только высшіе рабочіе классы, и то болѣе въ городахъ; во Фландріи же его почти не знаютъ и замѣняютъ полу-пшеничнымъ, полу-ржанымъ. Масло, свиное сало, овощи, зелень, и изрѣдка свинина, составляютъ главнѣйшія приправы въ трапезѣ бельгійскаго рабочаго. Говядину, вообще говоря, рабочіе ѣдятъ не чаще двухъ-трехъ разъ въ недѣлю и то только тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ хорошій заработокъ; остальные совершенно ее никогда не видятъ за своимъ столомъ, а многіе питаются исключительно картофелемъ, приправленнымъ жиромъ, чернымъ, часто очень дурнаго качества, хлѣбомъ и запиваютъ все это цикорнымъ наваромъ. Если прибавить къ этому, что торговцы, у которыхъ рабочіе обыкновенно забираютъ свои сѣстные припасы, стараются эксплуатировать сколько возможно своихъ покупателей и при помощи дурнаго качества товара и при помощи его дороговизны, то легко себѣ составить понятіе о томъ, какъ питаются бельгійцы. Нельзя, конечно, не сознаться, что если нѣкоторые семьи особенно страдаютъ въ этомъ отношеніи, то по преимуществу по винѣ самихъ отцовъ семействъ, забывающихъ о своихъ дѣтяхъ и пропивающихъ въ кабакѣ послѣднюю копѣйку, но это не слѣдуетъ принимать за общее правило, хотя дешевизна водки и пива представляетъ весьма соблазнительную приманку.

Какъ бы то ни было, англичане считаютъ изумительнымъ, что при всѣхъ приведенныхъ нами условіяхъ бельгійскій рабочій находитъ возможнымъ поддерживать существованіе своей семьи, даже получаетъ иногда возможность при помощи нѣкоторыхъ сбереженій приобретать въ собственность мелкіе клочки земли. И въ этихъ свѣдѣтельствахъ о положеніи рабочаго класса въ Бельгіи, какъ и въ донесеніяхъ о другихъ государствахъ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что это происходитъ при строгой бережливости и воздержности рабочихъ. Но на это вліяютъ и нѣкоторыя другія причины. Во-первыхъ, бельгійскій рабочій женится весьма поздно; жена и дѣти, какъ только это дѣлается для нихъ возможнымъ, стараются помогать отцу въ добываніи средствъ къ существованію. Но помимо этого, они дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для того, чтобы уменьшить свои домашніе расходы. Если только рабочій сдумаетъ не попасть въ руки къ мелочному торговцу, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы жизненные припасы обходились ему какъ можно

дешевле. Однимъ изъ средствъ, при помощи которыхъ онъ можетъ надѣяться достигъ своей цѣли, является обработка земли въ малыхъ размѣрахъ. Между ремесленниками очень распространенъ обычай, въ особенности если они живутъ на окраинахъ города, арендовать у поселенъ небольшіе участки земли. Чаще остальныхъ прибѣгаютъ къ этому фламандцы. Платятъ они въ годъ за 400 квадратныхъ футовъ около 1—1½ франковъ, нанимаютъ столько земли, сколько имъ по силамъ нанять и обработать, засаживаютъ ее по преимуществу картофелемъ; на сѣмена употребляютъ остатки отъ запаса предыдущаго года, а иногда и покупаютъ немного новаго. Трудно себѣ представить, съ какимъ стараніемъ обрабатываютъ они землю и ухаживаютъ за своимъ огородомъ. Не только на русскій глазъ, но даже и на англійскій казалось бы, что посѣвъ картофеля такъ ничтоженъ, что игра не стоить свѣчъ, и урожай не можетъ оказать, по своимъ скромнымъ размѣрамъ, никакого вліянія на хозяйство, а между тѣмъ бельгійцы, при помощи такого огорода, запасается овощами на цѣлый годъ, и, уплативъ нѣсколько франковъ ренты, избавляется отъ годового расхода въ 60—75 франковъ и болѣе, что для него весьма важно. И самъ отецъ, и жена его, и всѣ дѣти работаютъ въ огородѣ съ ранняго утра, покуда еще не началась ежедневная работа на фабрикахъ, въ мастерскихъ, и до поздней ночи послѣ окончанія этой работы. Градены холятъ, перекапываютъ, усердно поливаютъ навозной жижей и, смотришь, ничтожный клочокъ земли даетъ превосходный урожай. Случается, что овощей, собираемыхъ съ такого огорода, хватаетъ не только на годовое потребленіе всей семьи, но даже остается для продажи, и вырученною такимъ образомъ суммою оплачивается годовая наемъ квартиры и земли. Эти послѣдніе расходы на квартиру, а также и на топливо, въ особенности для земледѣльческихъ рабочихъ, значительно сокращаются тѣмъ обстоятельствомъ, что многія сельскія общины, владѣя общественными землями, уступаютъ ихъ въ пользованіе своимъ членамъ, а если не могутъ снабдить ихъ обработанною землею, то стараются предоставить въ ихъ распоряженіе часть лѣснаго участка, изъ котораго они могли бы пользоваться топливомъ. Всякій рабочій старается приобрести и содержать какую-либо живность: владѣть свиньей, имѣть отъ нея поросятъ, считается не малымъ счастьемъ, а корова доставляетъ уже истинное блаженство и своего рода славу своему обладателю. Такимъ образомъ эти бѣдныя перебиваются, какъ говорится, съ кости на камень, но не легко достается имъ это перебиванье. Нѣсколько дней болѣзни, — и семья впадаетъ въ безысходную нищету, общественная благотворительность остается единственнымъ для нихъ убѣжищемъ, и нынѣ

въ этомъ отношеніи начинаютъ оказывать немаловажную помощь рабочіе союзы. Впрочемъ, во время болѣзни, въ болѣйшей части случаетъ, рабочіе получаютъ нѣкоторое пособіе. Есть много аптекъ, изъ которыхъ бѣднымъ даромъ отпускаются лекарства. Если рабочий заболѣлъ вслѣдствіе какого-либо несчастнаго случая, врачи обязаны лечить его безвозмездно, а если несчастный случай послѣдовалъ на работѣ, то пострадавшій во время болѣзни продолжаетъ получать содержаніе въ размѣрѣ отъ 40 до 75 сантимовъ въ день, а иногда во время весьма серьезной болѣзни и пищу натурой. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеніяхъ медицинская помощь оказывается бесплатно и въ случаѣ обыкновенной болѣзни, и врачи имѣютъ назначенные дни и часы, въ которые принимаютъ больныхъ. Собственно особы больницы имѣются при весьма немногихъ промышленныхъ заведеніяхъ; заболѣвающихъ или раненыхъ на работѣ людей обыкновенно отвозятъ въ ближайшій окружной госпиталь, гдѣ они пользуются медицинскою помощью и лекарствами. Вообще можно сказать, что если постигшая бельгійскаго рабочаго болѣзнь лишаетъ его возможности получать въ теченіи нѣкотораго времени необходимое содержаніе, то расходовъ на леченіе собственно ему, за рѣдкими исключеніями, не приходится производить. Это уже дѣло общественной благотворительности. Утѣшеніе, конечно, не особенно великое, но все-таки утѣшеніе.

Указавъ на положеніе болѣйшей части бельгійскихъ рабочихъ, находящихся въ крайне незавидномъ положеніи, мы, чтобы покончить съ вопросомъ о заработной платѣ, постараемся сдѣлать краткій очеркъ остальныхъ, большая часть которыхъ находится въ относительно болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Собственно земледѣльческіе рабочіе, поденщики, постоянные рабочіе на фермахъ, скотники, пастухи и другія лица, исполняющія работы, непосредственно связанныя съ земледѣліемъ, находятся въ исключительномъ положеніи. Все число ихъ простирается до 700 тыс., изъ которыхъ одна треть женщинъ и двѣ трети мужчинъ. Постоянные земледѣльческіе рабочіе или земледѣльческая, такъ сказать, прислуга находится въ довольно хорошемъ положеніи. Они имѣютъ обыкновенно готовую квартиру и столъ, и, за расходами на одежду, могли бы сберегать нѣкоторую довольно значительную часть жалованья, если бы болѣйшей части изъ нихъ, въ особенности женщинамъ, не приходилось отдавать свои сбереженія семействамъ, не имѣющимъ иныхъ средствъ къ существованію. Но поденщики этого класса находятся въ совершенно иныхъ обстоятельствахъ: ни квартиры, ни стола отъ хозяина они не получаютъ, а жалованья имъ едва хватаетъ на пропитаніе семьи, если она у нихъ есть, и если дѣти еще сами работать не

могутъ. Затруднительное положеніе усиливается тѣмъ, что потребности въ ихъ трудѣ существуютъ далеко не круглый годъ. Какъ только прекращаются земледѣльческія работы, такъ имъ приходится голодать, если имъ не удалось, что, впрочемъ, очень трудно, отложить копѣйку на черный день. Найти работу въ такую глухую пору представляется для нихъ дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ и много дней приходится имъ провести въ невольной праздности. Рабочіе, занятія которыхъ связаны съ лѣсоводствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, винодѣліемъ и шелководствомъ, не особенно многочисленны: ихъ считается менѣе 20,000 человѣкъ обоого пола и получаютъ они вообще настолько хорошее содержаніе, что могутъ безъ особенныхъ лишеній дѣлать нѣкоторыя сбереженія и обезпечивать себя на случай болѣзни и старости. Надо замѣтить, между прочимъ, что необыкновенно мелкое раздробленіе поземельной собственности въ Бельгіи обуславливаетъ весьма ничтожное относительно число земледѣльцевъ, работающихъ по найму. Такъ, нанимателей, изъ которыхъ большая часть сами обрабатывали землю, считалось въ Бельгіи 968 тыс., а наемныхъ рабочихъ, въ томъ числѣ землекоповъ, рабочихъ на дорожныхъ сооруженіяхъ ¹⁾ и проч., всего 1.233,000 человѣкъ.

Около 150 т. рабочихъ заняты добываніемъ и обработкой минеральныхъ продуктовъ. Мы уже говорили о положеніи рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ; что же касается до остальныхъ рудокоповъ, то они, несмотря на весьма тяжелую работу, живутъ лучше многихъ другихъ рабочихъ. Они получаютъ въ день около 3½ фр. и большинство ихъ владѣетъ небольшимъ домикомъ и клочкомъ земли, которая доставляетъ имъ значительное подспорье. Рабочіе этой категоріи, не имѣющіе собственнаго жилья, платятъ обыкновенно за квартиру отъ 10 до 15 фр. въ мѣсяцъ. Большинство ихъ питается, если не вполне удовлетворительно, то сносно и употребляетъ мясо въ пищу раза два или три въ недѣлю. Безсемейные могутъ имѣть за 1¼ фр. въ день помѣщеніе съ готовымъ столомъ, а если они не требуютъ обѣда, то платятъ всего 60 сант. въ день за квартиру, кофе и полхлѣбку. Несмотря на то, что работа ихъ весьма тяжела, они, вообще говоря, пользуются хорошимъ здоровьемъ и благодаря тѣмъ скромнымъ требованіямъ, съ которыми относятся къ жизни, не испытываютъ большой нужды. Положеніе рабочихъ литейныхъ, желѣзодѣлательныхъ, стальныхъ и другихъ металлургическихъ заводовъ, въ особенности тѣхъ, которые получаютъ хорошее жалованье, можно было бы назвать весьма удовлетворительнымъ, если бы они были обезпе-

¹⁾ Объ этихъ послѣднихъ рабочихъ мы говорили выше.

ченны постоянной работой, но нередко случающіеся перерывы ея дѣлаютъ ихъ положеніе крайне невѣрнымъ, а тѣхъ, которые получаютъ маленькое жалованье и уже рѣшительно никакихъ сбереженій дѣлать не могутъ, ставятъ просто въ безвыходное положеніе. Лютихскіе оружейники получаютъ хорошую плату, обезпечивающую ихъ существованіе вполне, и это обстоятельство нѣкоторые писатели считаютъ за одну изъ причинъ превосходнаго качества выдѣлываемаго въ Лютихѣ оружія, чему впрочемъ главнымъ образомъ способствуетъ раздѣленіе труда. Каждый рабочій, выдѣлывая постоянно какую-либо одну и ту же часть известнаго оружія, достигаетъ высокаго совершенства въ выполненіи своей работы. Выдѣлка стекла занимаетъ въ бельгійской промышленности довольно видное мѣсто.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о рабочихъ, занятыхъ обработкою волокнистыхъ продуктовъ, льна, шерсти и хлопка. Полотнянныя, шерстяныя и хлопчато-бумажныя фабрики встрѣчаются во многихъ городахъ бельгійскаго королевства, но преимущественно въ Гентѣ, Аlostѣ и Вербье и занимаютъ около 250 т. рабочихъ, изъ которыхъ болѣе половины женщинъ. Въ наилучшемъ положеніи находятся рабочіе шерстяныхъ фабрикъ, центромъ которыхъ должно признать Вербье. Издѣлія этого рода находятъ лучший сбытъ чѣмъ льняныя и бумажныя, а число занятыхъ приготовленіемъ ихъ рукъ сравнительно весьма ничтожно, 14 т. мужчинъ и немного болѣе 8 т. женщинъ. Валлонскіе рабочіе этой категоріи вообще болѣе трудолюбивы и энергичны, чѣмъ фламандцы и умѣютъ жить лучше этихъ послѣднихъ, да и выше ихъ по умственному развитію. Высшій размѣръ заработка въ этой отрасли промышленности не превосходитъ 2¼ фр. для мужчины и 1 фр. 20 сант. для женщины. Стоимость квартиръ въ этой части Бельгіи сравнительно не отличается отъ остальныхъ, а пищевое довольство обходится дешевле, и кромѣ того всякій, кто можетъ, старается заняться обработкой хоть крошечнаго уголка земли. Во Фландріи, гдѣ, какъ наприм. въ Аlostѣ, готовится огромное количество швейной бумаги, и въ Гентѣ, составляющемъ центръ льняныхъ фабрикъ, рабочіе живутъ въ большой нуждѣ, ибо едва вырабатываютъ въ день, мужчина 1¼—1½ фр., а женщина 60—75 сантимовъ. Нищета между ними царствуетъ ужасная, а число ихъ, къ сожалѣнію, весьма велико—около 200 т. обоего пола. Этими рабочими мяса почти никогда не приходится видѣть, а живутъ они по преимуществу на черномъ хлѣбѣ и картофелѣ, по временамъ приправляемомъ коровьимъ масломъ или какимъ-нибудь жиромъ. Рядомъ съ льняными фабриками въ Гентѣ и около него весьма развито плетеніе кружевъ, ремесло, которымъ, конечно, исключительно заняты женскія руки, добывающія едва-едва кусокъ насущнаго хлѣба. Ре-

меломъ этимъ стараются овладѣть католическія монахини. Замѣчательно, что поощряя съ одной стороны расточительной благотворительностію тунеядство и лѣность, католическое духовенство старається систематически лишать населеніе, гдѣ возможно, какъ напр. въ разсматриваемомъ случаѣ, правильнаго заработка и подкапывается съ этой стороны подъ его благосостояніе, имѣя тысячу средствъ поддерживать безъ такой безчеловѣчной мѣры существованіе служителей католической церкви.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что большинство бельгійскаго рабочаго населенія, около 2¹/₂ мил., живутъ въ большой нуждѣ; остальная же часть ихъ сравнительно зарабатываетъ хорошія деньги, но, не будучи обезпечена постоянной работой, пользуется весьма непрочнымъ благосостояніемъ. Низкій уровень заработной платы весьма много зависитъ отъ того, что предложеніе труда превосходитъ спросъ на него. Бѣднѣйшіе сводятъ концы съ концами при помощи усиленнаго труда и при помощи общинъ, а главнымъ образомъ при помощи земли. Положеніе тѣхъ, которые могутъ пользоваться ею хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, несравненно лучше остальныхъ.

Замѣчательно, что бельгійцы и, по преимуществу, фламандцы въ противоположность французамъ, стремящимся замѣнить рабочую плату задѣльной, весьма недружелюбно относятся къ этой послѣдней формѣ работы. Англичане приписываютъ это нѣкоторой вѣлости фламандцевъ, не только не желающихъ, но и не умѣющихъ работать проворно. Они только тогда соглашаются работать поштучно, когда надѣются, нимаго не увеличивая количества своего дневного труда, и не напрягая своихъ силъ, заработать гораздо болѣе, чѣмъ при поденной работѣ, и, работая поштучно, не прилагаютъ къ своему труду болѣе вниманія и энергіи, чѣмъ при поденной работѣ, тогда какъ французскій рабочій, какъ мы видѣли, добивается всѣми силами замѣнить поденную плату задѣльной и, достигнувъ этой цѣли, успѣваетъ зарабатывать въ день вдвое болѣе.

III. Промышленное образованіе и нравственныя качества бельгійскихъ рабочихъ.

Законодательство Бельгіи, касающееся промышленности и отношенія рабочей силы къ капиталу, проникнуто прекрасными, гуманными и филантропическими намѣреніями; въ немъ выказывается большая и искренняя забота о поднятіи нравственнаго уровня рабочей массы, о доставленіи ей средствъ въ совершенствованіи своего матеріальнаго и нравственнаго положенія, объ установленіи правиль-

ныхъ отношеній между рабочими и нанимателями, о доставленіи труда средствъ быть возможно производительнымъ. Еще рельефнѣе такое доброжелательное направленіе высказывается въ длинномъ рядѣ законодательныхъ работъ, предпринятыхъ съ цѣлью привести въ нѣкоторую систему крайне не систематическіе и устарѣлые законы, нынѣ дѣйствующие въ Бельгіи. Ближайшею цѣлью, съ которою были предприняты эти работы и произведены, въ сферѣ промышленной, замѣчательныя по своей обстоятельности изслѣдованія, какъ, напри- мѣръ, изслѣдованія 1843 г., касающіяся женской и дѣтской работы, было установленіе правильныхъ отношеній между трудомъ и капита- ломъ, распространеніе между рабочими образованія, развитіе коопе- ративныхъ обществъ и огражденіе дѣтей и женщинъ отъ истощенія чрезмѣрнымъ и несвоевременнымъ трудомъ. Нельзя, конечно, не со- чувствовать такимъ прекраснымъ цѣлямъ и тѣмъ съ большимъ сожалѣ- ніемъ приходится сознаться, что всѣмъ усиліямъ, употребленнымъ для ихъ достиженія, совершенно не соотвѣтствуютъ полученные доселѣ результаты. Изслѣдователи доставляли огромныя массы матеріа- ловъ, проекты законовъ писались весьма усердно, еще усерднѣе об- суждались, разсматривались, видоизмѣнялись, приурочивались къ той или другой теоріи, и все-таки не проходили въ жизнь. Болѣе четверти столѣтія бельгійское правительство носится съ проектами прекрасныхъ законовъ, но, встрѣчая нѣкоторую оппозицію въ кон- серваторахъ и капиталистахъ, откладываетъ ихъ и надѣется, что время, образованіе и примѣръ сосѣднихъ государствъ расположатъ въ ихъ пользу оппонентовъ, въ извѣстной степени даже видятъ, что надежды его оправдываются, но уступки оппонентовъ не соот- вѣтствуютъ бойкому ходу событій. Покуда 7—8-лѣтніе дѣти, о ко- торыхъ отечески озаботилось бельгійское правительство въ 1843 году, не только не воспользовались сами благодѣяніями, на которыя имѣли право рассчитывать, судя по вниманію, съ какимъ относи- лись къ ихъ положенію, но успѣли сдѣлаться отцами семействъ, огрубѣть и безнаказанно злоупотреблять трудомъ своего уже мало- лѣтняго потомства, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ ихъ родители злоупотребляли ихъ молодыми силами. А проектъ, задуманный трид- цать лѣтъ назадъ, все остается проектомъ, цѣлое поколѣніе выросло и возмужало при неблагопріятныхъ матеріальныхъ и нравствен- ныхъ условіяхъ, объ устраненіи которыхъ такъ усердно заботи- лось либеральное правительство во время всего періода этого роста. Не видя помощи съ этой стороны, рабочій, теряя вѣру въ реальность правительственной помощи, начинаетъ опираться на тайнѣ протягиваемую ему враждебную правительственной власти руку, принимать изъ этой руки подаваніе, прислушиваться къ голосу

партіи, которая сулитъ ему много хорошаго и для улучшенія его матеріальнаго и для поднятія его нравственнаго благосостоянія; рабочій рѣшается слѣдовать совѣтамъ своего новаго друга и постепенно разрывать свою связь съ правительствомъ, искренно желающимъ ему содѣйствовать, но дѣлающимъ, къ сожалѣнію, несообразно мало.

Въ самомъ дѣлѣ, лучшія, либеральнѣйшія реформы и мѣры по этому предмету были задуманы въ Бельгіи въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, и будь онѣ своевременно осуществлены и развиваемы, сообразно съ потребностями времени и обстоятельствами, интернаціонали нечего было бы дѣлать. Но законодательство только собирается, и собирается слишкомъ долго, и интернаціональ начинаетъ свою пропаганду. Задумавъ реформу и написавъ, какъ мы сказали, разнородные проекты еще въ сороковыхъ годахъ, бельгійское правительство создало такъ мало новаго, что не далѣе какъ въ 1872 году Бельгія все еще руководилась крайне устарѣлыми законами. Въ ней, какъ и во Франціи, дѣйствовала въ полной силѣ статья 1781 г. гражданскаго уложенія (Code Civil), обязывавшая судебную власть при разбираемыхъ спорахъ хозяевъ съ рабочими, возникающихъ изъ-за жалованья, принимать на вѣру показанія первыхъ и не давать значенія утвержденіямъ вторыхъ. Нельзя сказать, чтобъ отмѣной этого закона очень спѣшили. Законы, опредѣляющіе отношенія рабочихъ къ нанимателямъ, устанавливающіе отношенія учениковъ и обязанности первыхъ относительно вторыхъ, запрещающіе соглашенія между хозяевами съ цѣлью пониженія заработной платы и стачки между рабочими съ обратной цѣлью и проч., изданы 22 жерминаля 11-го года французской республики, т.-е. 12-го апрѣля 1803 года, и за этой старостію, по совершенному несоотвѣтствію современному положенію промышленности, считаются во многихъ своихъ частяхъ какъ-бы не существующими. Напримѣръ, въ нихъ установлены различныя правила, касающіяся учениковъ, а позднѣйшіе законодательные проекты по этому предмету признаютъ отсутствіе всякой въ этомъ отношеніи регламентаціи. Дѣйствительно, на практикѣ отношенія между мастерами и учениками устанавливаются помимо всякихъ указаній устарѣлаго законодательства. Далѣе, законъ о рабочихъ книжкахъ, столь ненавистныхъ французамъ и гораздо болѣе терпимыхъ бельгійцами, изданъ еще въ 1810 году; къ сороковымъ годамъ онъ утратилъ почти всякую силу и частными постановленіями былъ подогрѣтъ въ теченіи этого десятилѣтія, но не измѣненъ органически и только въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ пошла усердная разработка новыхъ, имѣющихъ замѣнить его правилъ. Правила, которыми

опредѣлялась организація рабочихъ ассоціацій, установленны въ 1827 году, по преимуществу для такъ-называемыхъ „*nations*“ — корпорацій, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ нашими биржевыми артелями. Въ отношеніи общественной благотворительности и помощи, оказываемой неимущимъ бельгійцамъ, руководятся основнымъ въ этомъ отношеніи для нихъ закономъ, декретомъ 2-го февраля 1814 года. Едва ли не самымъ новѣйшимъ свѣжимъ узаконеніемъ, кромѣ нѣкоторыхъ узаконеній, изданныхъ за самое послѣднее время и не успѣвшихъ оказать никакого еще вліянія на промышленность и народную жизнь, должно признать учрежденіе промышленныхъ судовъ въ февралѣ 1859 года. Въ Бельгіи, также какъ и во Франціи, это учрежденіе принесло весьма существенную пользу и отстранило много столкновеній, грозившихъ опасными послѣдствіями. Организація ихъ въ этой странѣ ничѣмъ не отличается отъ французской, и поэтому мы не будемъ о ней распространяться. Нельзя, однако, не замѣтить, что на дѣятельность этихъ учреждений не мало вліяютъ организовавшіеся въ разныхъ городахъ Бельгіи такъ-называемые *cercles de patrons*, т.-е. кружки хозяевъ, нѣчто въ родѣ клубовъ, члены которыхъ поставили себѣ цѣлю то же, что имѣло и законодательство при учрежденіи промышленныхъ судовъ, а именно поддержаніе добрыхъ отношеній между хозяевами и рабочими и устраненіе столкновений между ними. Эти клубы имѣютъ во многихъ мѣстностяхъ весьма благотворительное вліяніе на удачный выборъ членовъ промышленныхъ совѣтовъ, ибо они заблаговременно прискиваютъ наиболѣе подходящихъ кандидатовъ, безпристрастныхъ и благонамѣренныхъ людей, и поддерживаютъ ихъ выборъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Какъ по существу самыхъ учреждений, такъ и вслѣдствіе мѣръ, принимаемыхъ этими клубами, дѣятельность промышленныхъ совѣтовъ оказывается весьма благотворною.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что бельгійская благотворительность, а также и законодательство, обратили свое вниманіе на облегченіе могущихъ представиться для людей неимущихъ судебныхъ издержекъ. По бельгійскимъ законамъ всякое лицо, вынужденное вести судебное дѣло, но не располагающее достаточными для того денежными средствами, имѣетъ право, доказавъ свое бѣдственное положеніе, на покрытіе падающихъ на него судебныхъ издержекъ изъ благотворительныхъ и правительственныхъ источниковъ. Такое лицо, если оно представитъ свидѣтельство о бѣдности, носящее названіе *pro Deo*, избавляется отъ уплаты всякихъ судебныхъ пошлинъ, пользуется даромъ услугами нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ и по назначенію суда, въ которомъ разбирается его дѣло, имѣетъ право бесплатно пригласить адвоката. Но возвратимся къ другимъ узаконеніямъ

Бельгін, касающимся рабочаго вопроса. Всѣ они, какъ мы говорили, весьма устарѣли, многія изъ нихъ за давностію лѣтъ утратили свою активную силу, но общій ихъ характеръ изобличаетъ весьма благія, сообразныя съ духомъ времени, въ которое они были изданы, намѣренія, если не всегда цѣлесообразныя, даже можно сказать наивныя и теперь весьма устарѣлыя, то все-таки весьма благія и доказывающія большую заботливость о нѣкоторыхъ сторонахъ существованія рабочихъ. Такъ, напримѣръ, закономъ 6-го октября 1791 года возложено на мѣстные провинціальныя совѣты установленіе на каждый годъ низшихъ поденныхъ рабочихъ цѣнъ. Законъ этотъ дѣйствуетъ и нынѣ, т.-е. провинціальныя совѣты устанавливаютъ ежегодно minimum поденной рабочей платы, но эта формальность рѣшительно ни къ чему не ведетъ, никого не обязываетъ и, конечно, нисколько не обезпечиваетъ положенія рабочаго.

Безплодныя, но трогательныя, законодательныя заботы бельгійскаго правительства о нравственности и добродѣтели рабочихъ простирались до того, что оно въ 1847 году, т.-е. въ самый разгаръ своихъ законодательныхъ трудовъ по рабочему вопросу, не подарившихъ Бельгію ничѣмъ существеннымъ въ теченіи цѣлыхъ 30-ти лѣтъ, установило, между прочимъ, особый орденъ, весьма изящную, красивую, продолговатую, золотую—для первой степени и серебряную для второй звѣзду, окаймленную голубой эмалью и увѣнчанную королевской короной, для награжденія ею ремесленниковъ и рабочихъ, отличающихся искусствомъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Сначала эта награда не предназначалась для земледѣльческихъ рабочихъ, но нынѣ и они имѣютъ право претендовать на это украшеніе и надѣяться, сохраняя добрыя отношенія къ своему хозяину и полиціи, съ помощью этихъ двухъ силъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ представленіе къ наградѣ и аттестація, украсить свою грудь красивой звѣздой, сначала серебряной, а потомъ золотой (первой степени нельзя получить не имѣя второй), а свое жилище артистически разрисованнымъ дипломомъ, при которомъ препровождаются эти *décorations ouvrières*, и на которыхъ прописываются имя и добродѣтели счастливца. Для того, чтобы получить этотъ орденъ, надо заслужить расположеніе хозяина, дѣлающаго представленіе къ наградѣ, и мѣстной полиціи, сообщающей свѣдѣнія объ его поведеніи и характерѣ. Представленіе черезъ министра внутреннихъ дѣлъ докладывается королю и затѣмъ въ официальной газетѣ появляется извѣщеніе о награжденіи такого-то такого-то степенью рабочаго ордена: „А. Морель награжденъ рабочимъ орденомъ второй степени. А. Морель 44-хъ лѣтъ, женатъ, брильянтикъ. Онъ постоянно работалъ въ мастерской антверпенскаго золотыхъ дѣлъ мастера г. Данделуа, у

котораго и учился. Онъ въ теченіи 20-ти лѣтъ исполнялъ въ этомъ заведеніи должность подмастерья, заслуживая полное одобреніе хозяина, который считаетъ себя счастливымъ свидѣтельствовать объ его искусствѣ и прекрасномъ поведеніи“¹⁾).

Англійскій репортеръ говоритъ, что бельгійскіе рабочіе весьма цѣнятъ этотъ орденъ, и что установленіе его имѣло два хорошихъ послѣдствія. Во-первыхъ, для ремесленниковъ онъ сдѣлался весьма полезнымъ, возбуждающимъ къ совершенствованію и трудолюбію средствомъ, а хозяевъ выучилъ дорожить хорошими рабочими и далъ имъ возможность вознаграждать тѣхъ изъ нихъ, которые долге у нихъ прослужили. Быть можетъ, все это справедливо для весьма небольшого числа рабочихъ, получающихъ высокое жалованье и выступившихъ давно изъ рядовъ, что же касается до рядовыхъ тружениковъ, которымъ иногда нечего ѣсть, то едва ли учрежденіе этого ордена имѣло на нихъ, или на ихъ отношенія къ хозяевамъ какое-либо хорошее вліяніе. Получить его могли весьма немногіе сравнительно; число кавалеровъ этого ордена первой степени было ограничено 500, а второй 1200, и тѣ, которые его добивались, должны были стоять въ нѣсколько фальшивомъ положеніи къ своимъ собратіямъ. „Намъ, дескать, платятъ такое жалованье, что мы едва съ голоду не умираемъ, а какой-нибудь сытый Морель, счумѣвшій заслужить расположеніе хозяина, украшается золотой звѣздой“. Кажется, Бельгія единственная страна въ мірѣ, установившая такой орденъ, и было бы весьма полезно, если бы она его уничтожила, вмѣстѣ съ остальными, болѣе или менѣе смѣшными и несовершенными наградами, какъ, напр., премія за опрятность, *prix de propreté*. Въ Бельгіи существуютъ города, гдѣ, при весьма многочисленномъ рабочемъ населеніи, для него нѣтъ общественныхъ банъ и ваннъ, а гдѣ между тѣмъ ежегодно изъ городскихъ суммъ раздаются награды за опрятность. Подъ этимъ, впрочемъ, подразумѣвается опрятность, въ которомъ содержится хозяйство, а не опрятность личная. Хозяйка, получающая премію за такую добродѣтель, можетъ свою особу обмывать не чаще раза въ годъ. Не лучше ли было бы на суммы, назначаемыя въ награду, содержать общественныя ванны съ теплою водою. Странно, но вѣрно, что между бельгійскими рабочими встрѣчается весьма много неопрятныхъ. Нѣкоторые, напримѣръ, моютъ ежедневно, и то не особенно тщательно, только свои руки и почти никогда не моютъ тѣла, развѣ лѣтомъ, купаясь въ рѣкѣ. Мы упомянули о *décoration ouvrière* и *prix de propreté* для того, чтобы указать, въ какую ложную сторону направлены прекрасныя въ су-

¹⁾ Журналъ „Précurseur“ 26-го сентября 1870 г.

ществѣ своемъ нажѣренія бельгійскихъ центральныхъ и мѣстныхъ правителей. Муниципальнымъ совѣтамъ слѣдовало бы озаботиться устройствомъ дешевыхъ общественныхъ купаленъ, а они тратятъ деньги на выдачу премій за опрятность, соблюдаемую какой-нибудь фламандкой въ своей кухнѣ. Правительству, для развитія добрыхъ нравственныхъ качествъ и технического искусства ремесленниковъ, слѣдовало бы спѣшить распространеніемъ технического и общаго образованія, внимать голосу, требующему закона объ обязательномъ образованіи, приводить въ исполненіе хоть по частямъ проекты, клонящіеся къ достиженію такихъ цѣлей, а оно медлитъ съ реформами, держитъ въ своемъ портфелѣ прекрасные проекты такъ долго, что они, наконецъ, становятся никуда негодными, ибо законъ, какъ фруктъ, хорошъ въ свое время,—дорого яичко въ Христову дню,—и надѣется благодѣтельно повліять на нравственность рабочихъ, раздавая имъ звѣзды и дипломы, какъ будто эти звѣзды и дипломы могутъ содѣйствовать нравственному совершенству массы, для которой они установлены. Нравственныя основы характера бельгійскаго рабочаго въ существѣ своемъ такъ хороши, что о нихъ собственно заботиться нечего. Если онъ съ одной стороны выказываетъ расположеніе къ свободѣ и самостоятельности, если онъ весьма чувствителенъ ко всякимъ стѣсненіямъ и притѣсненіямъ и готовъ, по недостатку образованія, видѣть ихъ иногда тамъ, гдѣ они вовсе не существуютъ; то съ другой, онъ умѣетъ цѣнить добрыя къ нему отношенія и заботы, цѣль которыхъ для него понятна, и отличается, въ особенности въ фламандскихъ провинціяхъ, добрымъ, мягкимъ, почти нѣжнымъ сердцемъ. Даже излишнее употребленіе вина не убиваетъ въ немъ добродушія и выпившій фламандецъ никогда не забушуетъ, а скорѣе умилился сердцемъ и, обнимаясь съ первымъ встрѣчнымъ товарищемъ, не прочь мирно поплясать и представить изъ себя живое воплощеніе картинъ Теньера, изображавшаго этихъ добродушныхъ гулякъ. Если бельгіецъ съ одной стороны весьма медленно работаетъ, то съ другой—это не мѣшаетъ ему въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ремесла и промышленности доходить до весьма большого совершенства. Если рабочихъ упрекаютъ въ томъ, что они предаются нерѣдко пьянству, и во всякомъ случаѣ слишкомъ падеи до трактировъ и кабаковъ, въ которыхъ любятъ проводить свободное вечернее время, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, огромному большинству ихъ нельзя не отдать справедливости въ томъ, что при немислимо низкомъ размѣрѣ заработной платы, при весьма частыхъ перерывахъ работъ они не падаютъ духомъ, стараются разными частными средствами, какъ, напр., воздѣлываніемъ овощей для своего обихода и прочими нѣсколько увеличивающими количество ихъ дневного труда

средствами, выводить себя и семью изъ крайней бѣдности. Ясно, что при всѣхъ этихъ нравственныхъ задаткахъ, поднять интеллигенцію и матеріальное положеніе бельгійскаго народа возможно не установленіемъ орденовъ за благонравіе, премій за опрятность и проч. филантропическими игруппками, а мѣрами болѣе радикальными. Наклонность къ пьянству и растратѣ времени въ кабакахъ, а главное склонность видѣть стѣсненіе свободы тамъ, гдѣ этого вовсе не представляется, и вслѣдствіе того искать невѣрные, а иногда опасные пути для отклоненія какъ воображаемыхъ, такъ и дѣйствительныхъ неудобствъ, могутъ быть, конечно, устранены только правильнымъ, чуждымъ клерикально-іезуитскаго характера образованіемъ. Готовность оцѣнить истинное, осязательное добро составляетъ драгоценное нравственное качество, которымъ правительству слѣдуетъ воспользоваться при своевременномъ осуществленіи задуманныхъ реформъ въ промышленномъ законодательствѣ, ранѣе чѣмъ это качество будетъ эксплуатировано помимо его проводниками крайнихъ теорій, которымъ тѣмъ легче дѣйствовать, что въ средѣ огромной массы дурно матеріально обезпеченнаго населенія, давно цѣлымъ рядомъ разныхъ правительственныхъ разслѣдованій были возбуждены самыя радужныя надежды, оправдавшіяся не соразмѣрно мало въ теченіи цѣлыхъ 30-ти лѣтъ. Недовѣріе къ правительству, возникшее по этому поводу, представляетъ весьма опасный элементъ, а между тѣмъ это правительство много трудилось надъ разрѣшеніемъ задачи. Главнѣйшая правительственная работа этого рода, на которую надо обратить вниманіе, была предпринята имъ въ 1843 г. Тогда была учреждена особая коммиссія для изслѣдованія на мѣстахъ условій, въ которыхъ находились рабочія силы страны и въ особенности положеніе женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Изслѣдованія указали, что хотя дѣти и не употребляются въ работу въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ предполагалось, но что тѣ, которые работаютъ, трудятся столько же, сколько и взрослые, то-есть, отъ 8-ми до 15-ти часовъ въ сутки, а среднимъ числомъ не менѣе 12-ти часовъ и получаютъ несоразмѣрно малое вознагражденіе; что, занятые постоянно физическимъ трудомъ, они лишены возможности поступать въ школы, которыхъ, впрочемъ, весьма мало и которыя весьма плохо организованы; что техническое образованіе находится въ неудовлетворительномъ положеніи; что ночная работа и дурное гигиеническое устройство мастерскихъ и заводовъ, а также соединеніе въ мастерскихъ рабочихъ обоеихъ половъ имѣетъ самыя пагубныя послѣдствія для здоровья и нравственности рабочихъ, и что различныя злоупотребленія капиталистовъ, какъ, напримѣръ, злоупотребленіе кредитомъ и плата за работу натурой отягощаютъ, кромѣ

всѣхъ остальныхъ обстоятельствъ, незавидное матеріальное положеніе рабочихъ и уменьшаютъ ихъ средства къ существованію. Итакъ, еще въ 1843 году было выяснено неудовлетворительное состояніе начальнаго и техническаго образованія въ Бельгіи, и потребность усовершенствованія этой стороны народнаго быта была признана обществомъ и правительствомъ. Какъ оказалось, въ наиболѣе просвѣщенныхъ центрахъ Бельгіи отъ 65—70% всего числа фабричныхъ рабочихъ обоюго пола были совершенно безграмотны, менѣе 25% умѣли читать и хоть плохо, но все-таки писали, и только 10% могли читать и писать удовлетворительно и были знакомы со счисленіемъ. Изъ общаго числа женщинъ не болѣе 5% обладало такою довольно умѣренной степенью образованія. Мы не станемъ слѣдить за ходомъ законодательныхъ работъ, относившихся до этого предмета, и перейдемъ прямо къ ихъ результатамъ. Мы увидимъ, что сдѣлано много, но не сдѣлано достаточно, и должны сознаться, что потребности времени слишкомъ опередили мѣропріятія. Въ пятидесятыхъ годахъ общій уровень развитія былъ еще настолько низокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ, благодаря усиленію общаго начальнаго образованія и распространенію общихъ техническихъ свѣдѣній, дѣтя при сравнительно меньшемъ количествѣ дневнаго труда получали возможность зарабатывать такъ много, что ихъ жалованье стало окупать содержаніе семьи,—родители, вмѣсто того чтобы продолжать трудиться, стали предаваться праздности и даже распутству въ такой степени, что правительство, доставлявшее дѣтямъ выгодную работу чрезъ посредство рабочихъ школъ, вынуждено было, вопреки основному принципу, выдавать имъ часть жалованья не деньгами, которыя пропивались родителями, а одеждой и жизненными припасами, чтобы оградить малолѣтнихъ тружениковъ и труженицъ отъ голода и холода, которому безъ жалости подвергали ихъ безпечные отцы. Конечно, часть этихъ преступныхъ, можно сказать, людей въ началѣ сороковыхъ годовъ была уже въ такомъ возрастѣ, когда трудно было повліять на ихъ нравственность начальнымъ образованіемъ, но въ теченіи 10-ти лѣтъ многое можно было сдѣлать для молодыхъ рабочихъ 40-хъ годовъ и устранить заблаговременно указанное нами зло. Переходя къ средствамъ для образованія какъ общаго, такъ и техническаго, которыми могли въ послѣдніе годы и въ настоящее время располагать рабочіе классы въ Бельгіи, мы видимъ, что въ начальныхъ школахъ въ этомъ государствѣ нѣтъ недостатка. Для дѣтей отъ 4-хъ до 7-ми лѣтъ устроены въ промышленныхъ городахъ нѣчто въ родѣ приготовительныхъ классовъ или скорѣе пріютовъ, подобныхъ французскимъ. Собственно начальныя школы существуютъ при помощи тѣхъ же источниковъ, какъ

и эти пріюты, т.-е. пособій правительства, мѣстныхъ обществъ, духовенства и частныхъ лицъ, но въ нихъ принимаются дѣти не моложе 7-ми лѣтъ и должны бы были оставаться въ нихъ, чтобы пройти весь курсъ, состоящій изъ преподаванія французскаго (и фламандскаго во Фландрскихъ провинціяхъ) языка, ариметики, умственнаго счисленія, элементарной географіи, священной и частію всеобщей исторіи, лѣтъ по крайней мѣрѣ до 12-ти, но къ сожалѣнію множество прекрасно устроенныхъ школъ остается безъ учениковъ, или имѣетъ ихъ не соразмѣрно мало. „Необходимость трудиться изъ-за куска насущнаго хлѣба, полнѣйшая нищета, одолеваящая большое число рабочихъ семействъ,—говоритъ англійскій репортеръ,—а также невѣжество самихъ родителей, составляютъ причины, по которымъ большинство дѣтей или вовсе не посѣщаетъ школъ, или посѣщаетъ ихъ урывками, случайно, по преимуществу въ зимнее время и то не далѣе какъ до 10—11-лѣтняго возраста, къ которому чрезмѣрный матеріальный трудъ успѣваетъ ослабить ихъ физическія и умственныя силы“. Несмотря на всѣ старанія поборниковъ народнаго образованія и сравнительно большого матеріальнаго на это дѣло пожертвованія, причины приведенныя англійскимъ консуломъ настолько вредятъ дѣлу, что въ 1871 году изъ всего числа 750 т. дѣтей, имѣющихъ отъ 7-ти до 14-ти лѣтъ, болѣе 160 т. не получали вовсе никакого образованія и совершенно не посѣщали школъ, а изъ остальныхъ большинство училось не регулярно. Какъ полагаетъ репортеръ, такія неблагопріятныя обстоятельства могутъ еще усилиться, если не будетъ введено обязательнаго образованія, которое всѣми просвѣщенными бельгіцами признается крайне необходимымъ средствомъ для общественнаго прогресса, причемъ многіе предлагаютъ лучше поколебать законодательными мѣрами власть невѣжественныхъ родителей и отцовскій авторитетъ, чѣмъ оставлять безъ образованія молодое поколѣніе. Отсутствіе обязательнаго образованія составляетъ, по мнѣнію Доби ¹⁾, опаснѣйшій подводный камень, о который разбиваются всѣ усилія просвѣщенныхъ либераловъ, стремящихся установить для народа правильную, сообразную съ потребностями времени и государственнѣмъ благоустройствомъ систему образованія. Католическая, консервативная партія въ Бельгіи составляетъ главнѣйшее препятствіе къ введенію обязательнаго образованія, а между тѣмъ на основаніи антверпенской конвенціи 1842 года (Convention d'Anvers) начальное образованіе въ Бельгіи подлежитъ надзору духовенства, заботящагося объ укорененіи своего и безъ того сильнаго вліянія на массы и стѣсняющаго его или придающаго ему невѣрное

¹⁾ La question ouvrière en Belgique.

направленіе. Но враждебные истинному просвѣщенію католики не могутъ однако являться явными гасильниками его, и вынуждены бороться въ этомъ отношеніи съ соперничествомъ либераловъ. Такъ, подмѣтивъ, что послѣдніе при помощи публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ спеціально для рабочихъ классовъ, и нѣкоторыхъ другихъ общеобразовательныхъ для простаго народа средствъ, стараются сообщить ему свѣдѣнія, сущность и характеръ которыхъ могутъ быть непріятны и даже опасны для іезуитовъ, послѣдніе постыжили организовать подъ своимъ, ближайшимъ руководствомъ особый союзъ *La fédération des sociétés ouvrières catholiques Belges*, которые изъ гор. Лувена, центра бельгійскаго католицизма, стараются покрыть Бельгію сѣтью своихъ іезуитскихъ учебныхъ заведеній и побороть на этомъ пути либеральную партію, которая, надо сознаться, дѣйствуетъ въ этой борьбѣ съ гораздо меньшей энергіей и искусствомъ, чѣмъ ихъ хитрые противники. Какъ ни неблагоприятны такіа обстоятельства, но общее число лицъ, умѣющихъ читать и писать, постепенно, но замѣтно возрастаетъ съ теченіемъ времени. Такъ, напр., для Антверпена, о которомъ въ англійскихъ донесеніяхъ есть весьма полныя свѣдѣнія, мы имѣемъ слѣдующія цифры. Въ 1847 году на каждые 100 человѣкъ, поступившихъ въ военную службу, умѣющихъ читать и писать приходилось 58, умѣющихъ только читать 7, а совершенно безграмотныхъ 35 человѣкъ; въ 1867 году на каждые 100 человѣкъ первыхъ было 71, вторыхъ 3 и безграмотныхъ всего 26 процентовъ. Для послѣдующихъ за 1867 годовъ цифръ не приведено, но надо полагать, что число грамотныхъ съ тѣхъ поръ возрасло и въ Антверпенѣ, ибо оно возрасло среднимъ числомъ и во всей Бельгіи. Такъ, по среднему выводу для всего государства въ 1867 году поступило въ военную службу 35% безграмотныхъ молодыхъ солдатъ, а въ 1871 г. всего, 27%. Такіе успѣхи однако же нельзя признать вполне удовлетворительными, ибо они далеко не обуславливаютъ желаемой степени развитія простаго народа и не даютъ ему возможности отличать добро отъ зла, не искореняютъ вредныхъ предразсудковъ и фальшивыхъ убѣжденій, препятствующихъ правильному движенію рабочаго вопроса. А предразсудки и фальшивыя убѣжденія этого рода, по словамъ англійскаго донесенія, въ сожалѣнію, распространены въ Бельгіи не только между рабочими, но и въ высшихъ слояхъ бельгійскаго общества. Между лицами высшаго класса, — говоритъ Граттанъ, — они встрѣчаются даже чаще. Въ Бельгіи еще до сихъ поръ на физическій трудъ смотрятъ какъ на что-то позорное, и относятся къ нему почти съ презрѣніемъ. За начальными школами, которыми почти исключительно пользуются дѣти рабочаго класса, слѣдуютъ среднія школы, *écoles moyennes*, въ

которые они проникают только изрѣдка при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ, ремесленные школы, *écoles industrielles*, и учебныя мастерскія, *ateliers d'apprentissage*, самыя названія которыхъ указываютъ на ихъ назначеніе. Среднихъ школъ въ Бельгіи всего около 50-ти; они содержатся также какъ и начальныя при помощи правительственныхъ субсидій и пособій, выдаваемыхъ изъ мѣстныхъ общественныхъ сборовъ, находятся подъ правительственнымъ контролемъ и имѣютъ весьма хорошихъ учителей. Въ нихъ преподаютъ французскій языкъ (и языкъ фламандскій во Фландріи), начальныя правила англійскаго и нѣмецкаго языковъ; затѣмъ: ариметику, географію и исторію. Какъ мы уже сказали, дѣти рабочихъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ пользуются этими средними учебными заведеніями, и если имѣютъ возможность и желаютъ учиться, окончивъ курсъ въ начальныхъ школахъ, то большею частію поступаютъ въ *écoles industrielles* или *ateliers d'apprentissage*, изъ которыхъ послѣднія существуютъ почти исключительно во фландрскихъ провинціяхъ. Заведенія эти съ успѣхомъ замѣнили послѣ 1847 г. неудавшіяся мѣропріятія комиссіи, учрежденной въ 1841 г. для изслѣдованія и поощренія льняной промышленности и основавшей свои дѣйствія почти исключительно на филантропію, о чемъ мы имѣли случай говорить въ первой главѣ. Учрежденія этихъ двухъ категорій доставляютъ возможность желающимъ приобрѣтать хорошія техническія свѣдѣнія и практически изучить избранное ремесло. Большинство ремесленныхъ школъ учреждено на средства городскихъ обществъ, которыя однако не обошлись безъ правительственной помощи. Правительство же, не отказывая въ денежной поддержкѣ, обставило ея нѣкоторыми условіями.

Ateliers d'apprentissage были учреждены по инициативѣ правительства въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Государственная власть поручала ихъ обыкновенно руководству какого-либо промышленника, давала ему денежное пособіе и обязывала содержать извѣстное число рабочихъ-учениковъ и уплачивать имъ жалованье, *minimum* котораго опредѣлялся заранѣе. По окончаніи обученія рабочіе, при содѣйствіи хозяина, получали обыкновенно постороннюю работу, и въ самомъ заведеніи замѣнялись новыми учениками, которыхъ также, какъ и ихъ руководители-промышленники обязаны были ознакомить съ даннымъ промышленнымъ производствомъ и съ совершеннѣйшими приѣмами, употребляемыми для того или другого ремесла. Первоначально эти заведенія были устроены для ознакомленія рабочихъ съ обработкой льна и изготовленіемъ льняныхъ издѣлій, а впослѣдствіи было обращено вниманіе на изготовленіе шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, бархата, мериносовыхъ матерій, кисеи, пер-

чатоѣ, домашней утвари и даже гвоздей. Правильнѣе всего это дѣло велось и ведется во Фландріи, гдѣ оно дало прекрасные результаты, и гдѣ по закрытіи нѣкоторыхъ заведеній этого рода, какъ за недостаткомъ лицъ, которые могли бы ими руководить, такъ и потому, что частная предпримчивость сдѣлала бесполезнымъ ихъ существованіе, доселѣ существуетъ около 50 ateliers d'apprentissages. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подъ руками свѣдѣній о современном положеніи другихъ, родственныхъ только-что описаннымъ нами заведеніямъ, ученическихъ школъ, écoles d'apprentissage, но считаемъ не безынтереснымъ для русскихъ читателей извлечь свѣдѣнія о нихъ изъ сочиненія, изданнаго въ 1865 году и касающагося положенія ихъ въ пятидесятыхъ годахъ. „Эти школы преимущественно предназначены для дѣвушекъ, которыхъ въ теченіи цѣлаго дня занимаютъ разными работами, а также обучаютъ элементарнымъ познаніямъ. Такихъ школъ считалось въ 1851 г. въ восточной Фландріи 369. Изъ нихъ въ 328 обучали исключительно плетенію кружева; въ 32 школахъ кромѣ того обучали шитью и вязанью, а въ остальныхъ девяти занимались исключительно другими руководѣльями, преимущественно пряденіемъ. Школы, устроенныхъ при помощи правительства, въ которыхъ обучали шитью, вязанью, стеганью, вышиванью и пряденію тонкихъ нитокъ, въ 1852 г. считалось 60, съ 4800 ученицами. Во всей же Бельгіи было въ то время 740 рабочихъ школъ съ 45 т. обучающихся, большею частію дѣвочекъ“. Школы эти и до сихъ поръ въ разныхъ видахъ существуютъ во многихъ городахъ Бельгіи. Такъ, въ Антверпенѣ въ 1869 году существовала Ecole dentellière, въ которой молодыхъ дѣвушекъ, числомъ до 200, учили плести кружева, одновременно сообщая имъ и элементарныя научныя свѣдѣнія, соотвѣтствующія курсу начальныхъ училищъ, причѣмъ преподаваніемъ въ этой школѣ занимались до 12 весьма хорошихъ учителей. Конечно, всѣ эти школы и мастерскія, а также устраиваемыя въ послѣднее время вечерніе классы, воскресные классы, популярныя лекціи и кое-гдѣ читальни приносятъ хорошіе плоды, но плодовъ этихъ надо ожидать только въ будущемъ, а тѣ люди, которые въ настоящую минуту составляютъ активную рабочую силу, не пользовались въ свое время большинствомъ этихъ благотѣльных средствъ. Если въ настоящую минуту одна-пятая всего числа дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ вовсе лишена всякаго образованія, и изъ остальныхъ четырехъ-пятыхъ большинство учится кое-какъ и кое-чему, то легко можно себѣ представить, какъ низко, какъ неудовлетворительно развитіе тѣхъ 60—65 процентовъ даже грамотныхъ молодыхъ рабочихъ, которые уже вышли изъ юношескаго возраста, не говоря о тѣхъ, которые старше ихъ. Не слѣдуетъ от-

идь опускать это обстоятельство изъ виду при оцѣнкѣ современнаго движенія, происходящаго въ средѣ бельгійскихъ рабочихъ. Обиліе средствъ, которыми можетъ располагать въ настоящее время рабочій, чтобы образоваться и просвѣтиться и научить уму-разуму своихъ дѣтей, не должно при этомъ вводить въ заблужденіе. Средства эти не были доступны огромному большинству современныхъ взрослыхъ рабочихъ, это большинство чуждо всякаго развитія и образованія; не понимая его благодѣяній, оно слишкомъ мало заботится объ образованіи своихъ дѣтей, и отсюда вытекають многія его ошибки и заблужденія.

Исслѣдованія комиссіи 1843 года доказали также, что не только дѣти, женщины, но и взрослые мужчины заняты въ большинствѣ случаевъ непомерно продолжительною работою. Сокращеніе числа рабочихъ часовъ безъ уменьшенія размѣра дневного заработка, казалось, должно бы было представлять одну изъ ближайшихъ задачъ, которыя подлежали разрѣшенію бельгійскаго законодателя. Для дѣтей представилась бы возможность посѣщать школы, взрослые, еще не отупѣлые отъ работы, могли бы также посвятить часть своего времени умственнымъ занятіямъ, и если бы такая задача была своевременно разрѣшена, въ настоящее время для рабочихъ не представлялось бы поводовъ вести изъ-за уменьшенія рабочихъ часовъ упорную борьбу съ капиталистами, умственное и нравственное развитіе ихъ въ настоящій моментъ было бы несравненно выше дѣйствительнаго, и множество прекрасно организованныхъ школъ не стояло бы пустыми. Мы не утверждаемъ, что большое количество рабочихъ часовъ составляло единственное препятствіе къ развитію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія рабочихъ, но признаемъ, что это составляло одно изъ существеннѣйшихъ препятствій, на которое весьма отчетливо указали исслѣдованія 1843 года. Къ сожалѣнію, указаніями этими воспользовались слишкомъ поздно. Собственно правительство еще въ 1848 году составило проектъ новаго закона объ огражденіи дѣтей и женщинъ отъ обремененія трудомъ, клонившійся вообще къ весьма справедливому облегченію всѣхъ рабочихъ; но проектъ этотъ, будучи сообщенъ на разсмотрѣніе торговыхъ палатъ и разнаго рода специалистовъ, встрѣтилъ такое сопротивленіе, что правительство до поры до времени убрало его въ свой портфель. Замѣчательны главнѣйшія возраженія, которыя сдѣланы были противъ проекта 1848 года, и которыя при разсмотрѣніи ихъ одновременно съ современнымъ положеніемъ вопросовъ имъ затронутыхъ, могутъ показать, какъ много оппозиція вредила полезнымъ либеральнымъ реформамъ. Правительство предлагало мѣры, которыя, будучи приняты, тогда же могли устранить много послѣдующихъ усложненій, замедля-

шихъ естественное развитіе промышленности и установленіе правильныхъ отношеній между гражданами государства, а оппозиція старалась доказать, что мѣры эти принесутъ только вредъ, стѣснятъ промышленность, чуть не грозятъ опасностію государству. Заставивъ правительство медлить приведеніемъ въ исполненіе неотложнаго, консервативная оппозиція теперь, чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, проведенныхъ въ бесполезной борьбѣ съ трудомъ, вынуждена уступать не либеральному правительству, а матеріальной силѣ ожесточенныхъ массъ. Специалисты и торговые палаты, разсматривавшіе проектъ 1848 года, нашли его слишкомъ теоретическимъ, построеннымъ на отвлеченныхъ началахъ и существенные его недостатки находили между прочимъ въ томъ, что онъ предполагалъ ограничить работу взрослыхъ мужчинъ на фабрикахъ двѣнадцатью съ половиною часами. Тогда дѣйствительно не только взрослыхъ, но и дѣтей заставляли работать въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ по 15 часовъ въ сутки. А нынѣ 12-ти-часовая работа составляетъ уже максимумъ работы взрослыхъ, и фабриканты часто готовы уменьшить количество работы до 10, до 9 часовъ, какъ это напр. случилось на антверпенскихъ слесарныхъ фабрикахъ, лишь бы работа шла безостановочно и для нихъ было возможно выдерживать конкуренцію со своими промышленными соперниками. Но путемъ какихъ долгихъ усилій, неудовольствій, раздраженій, несправедливостей съ той и другой стороны и даже матеріальныхъ потерь, какъ для капитала, такъ и для труда, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ дошли до того, до чего можно было дойти давно спокойно и просто. Далѣе, критики находили вопіющею несправедливостію запрещеніе ночной работы, ограниченіе работы малолѣтнихъ рабочихъ шестью съ половиною часами, запрещеніе работы женщинъ и ограниченіе восьми часами работы мужчинъ моложе восемнадцати лѣтъ, въ рудникахъ. Словомъ, обвиняли правительство за такія предложенія, за которыя, будь они приняты своевременно, его можно было бы только благодарить и при осуществленіи которыхъ были бы невозможны безпокойныя движенія и толчки, стѣсняющіе въ настоящее время нормальное развитіе промышленности. Мы полагаемъ, не ошибемся, утверждая, что промедленіе въ осуществленіи признанныхъ на основаніи обстоятельныхъ изслѣдованій необходимыми реформъ, и запоздываніе въ ихъ осуществленіи составляетъ одну изъ капиталнѣйшихъ причинъ ненормальныхъ отношеній, существующихъ въ настоящую минуту въ Бельгіи между трудомъ и капиталомъ, и тѣхъ опасеній, быть можетъ частію преувеличенныхъ, но во всякомъ случаѣ не безосновательныхъ, которыя возбуждены внимательствомъ въ дѣло тайнаго международнаго общества. Мы коснулись только

проекта, истекавшего изъ изслѣдованій комиссіи о дѣтской и женской работѣ, но такой же участи подверглись въ Бельгіи и многіе другіе проекты, касавшіеся промышленности, о которыхъ было бы слишкомъ долго говорить.

IV. Жилища.

Комиссія 1843 года между прочимъ обращалась съ разнаго рода вопросами, касавшимися изслѣдуемаго ею предмета, не только къ торговымъ палатамъ и людямъ знающимъ дѣло съ коммерческой и технической только стороны, но она между прочимъ потребовала различныхъ свѣдѣній и разъясненій отъ медицинскаго совѣта и мѣстныхъ медицинскихъ комиссій. На вопросъ ея, касающійся здоровья рабочихъ, одна изъ комиссій отвѣчала между прочимъ приблизительно слѣдующее: „Жители низменныхъ частей провинціи находятся въ относительно неблагоприятныхъ условіяхъ. Эпидемическая перемежающаяся лихорадка весьма часто тутъ появляется; золотухой поражены сельскіе жители не менѣе чѣмъ городскіе; легочныя страданія также истребляютъ не мало людей и, свирѣпствуя не только въ низменныхъ, но и въ возвышенныхъ песчаныхъ мѣстностяхъ, составляютъ послѣдствія лимфатическаго темперамента жителей; главныя же причины этихъ недуговъ заключаются въ недостаточной и дурной пищѣ и въ нездоровыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ скучиваются рабочіе. Дома, занимаемые ими, вообще говоря, тѣсны, сыры, холодны и мрачны. Невѣжество и безпечность лишаетъ ихъ возможности смягчать эти неблагоприятныя условія какими-либо доступными гигиеническими предосторожностями, хотя бы напр. правильнымъ освѣщеніемъ воздуха. Болѣзни, которымъ по преимуществу подвергаются дѣти, происходятъ также отъ общей слабости организма, вызываемой въ свою очередь бѣдностію, дурной пищей, нездоровыми помѣщеніями и полнымъ невѣжествомъ родителей, не имѣющихъ понятія о благотворности свѣжаго воздуха въ жилищѣ человѣка“. Болѣе четверти столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ были выражены эти мысли, и въ это время много сдѣлано въ Бельгіи для улучшенія этой стороны народнаго быта, и о жилищахъ той самой провинціи, Антверпенской, къ которой относились приведенные нами слова специалистовъ-врачей 1843 года, мы имѣемъ довольно обстоятельныя показанія англійскаго консула, составленныя въ 1871 году, и можемъ судить объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи.

Что касается до самого города Антверпена, то приведеніе въ порядокъ и даже уничтоженіе нѣкоторыхъ каналовъ, упорядоченіе системы водопроводовъ, а главное, декретъ антверпенскаго муниципаль-

наго совѣта отъ 18-го іюня 1866 г. и энергическое выполненіе предписываемыхъ имъ мѣръ мѣстными властями, настолько улучшили гигиеническое состояніе города, что, по словамъ англійскаго консула, капитально повліяли на ослабленіе эпидемій, въ особенности перемежающейся лихорадки, которая, какъ свидѣтельствовали въ 1843 г. мѣстные врачи, жестоко терзала населеніе. Декретъ 18-го іюня 1866 г. предоставлялъ бургомистру и альдерменамъ города, по совѣщаніи съ мѣстной врачебною комиссіей и городскимъ архитекторомъ, право принимать всякаго рода частныя мѣры, клонящіяся къ устраненію вредныхъ для здоровья жителей обстоятельствъ; т.-е. наблюдать, чтобы всѣ помѣщенія города были содержимы сообразно указаніямъ гигиены, требовать отъ хозяевъ домовъ перестроекъ и улучшеній въ случаѣ замѣченныхъ недостатковъ, сырости, нечистоты, недостатка вентилляціи и проч.; въ случаѣ неисполненія домовладѣльцемъ указаній муниципальныхъ властей, имъ предоставлялось право самимъ, за счетъ хозяина, производить признанныя необходимыми перестройки или улучшенія, или даже совершенно запретить жить въ домѣ. Консулъ также придаетъ большое значеніе устройству рабочихъ колоній съ цѣлью доставлять бѣдному классу жителей возможность имѣть дешевыя квартиры. Въ Антверпенѣ такого рода дома недавно воздвигнуты благотворительнымъ обществомъ (*Bureau de bienfaisance*) и рабочіе такъ довольны помѣщеніями, которыя могутъ въ нихъ имѣть, что, сравнивая ихъ съ другими жилищами, отзываются о новыхъ домахъ какъ о дворцахъ. И дѣйствительно, дома эти превосходятъ своими удобствами не только обыкновенныя помѣщенія, занимаемыя рабочими въ частныхъ домахъ, но и тѣ, которыми они могли бы располагать при помощи многихъ благотворительныхъ обществъ. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что такъ какъ тѣ дома построены при помощи благотворительности, то доступъ въ нихъ открытъ только для избранныхъ, признанныхъ *bureau de bienfaisance* достойными благотворенія, рабочихъ, отличающихся доброю нравственностію и изъявляющихъ готовность подчиниться нѣкоторымъ особо установленнымъ условіямъ. Напр., никто изъ жильцовъ дома не имѣетъ права безъ разрѣшенія правленія (*bureau*) передавать свою квартиру кому-либо другому или дозволить въ ней проживать лицамъ неизвѣстнымъ правленію, а также не можетъ, не извѣстивъ его, заниматься какимъ-либо ремесломъ или промысломъ, которымъ не занимался въ то время, когда поселился въ домѣ. Держать голубей, кроликовъ, свиней и вообще какихъ-либо домашнихъ птицъ и животныхъ запрещено безусловно въ видахъ гигиеническихъ. Каждый жилецъ обязанъ внести въ видѣ обезпеченія или 100 фр. единовременно, или по крайней мѣрѣ 25 фр. за разъ, прибавляя къ

имѣть еженедѣльно до накопленія полной суммы (100 фр.) по $\frac{1}{2}$ фр. въ недѣлю. Эти деньги для него не только не пропадаютъ, но онъ пользуется съ нихъ процентами; обыкновенно, правленіе выплачиваетъ 5 процентоѡ. Но особенно заслуживаетъ вниманія эта операція, потому что несмотря на то, что основаніемъ ея служила благотворительность, она представляетъ выгоды чисто коммерческаго характера и, слѣдовательно, можетъ служить образцомъ для устройства подобныхъ же колоній на частныя средства. Надо надѣяться, судя по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, что хорошій примѣръ не останется безъ подражанія. Какъ ни хорошо устройство этой колоніи, но одна она не можетъ удовлетворить все населеніе, нуждающееся въ хорошихъ, здоровыхъ помѣщеніяхъ, которыми, кромѣ жителей этой колоніи въ антверпенскомъ округѣ, пользуются весьма немногіе. Правда, что и помимо этой колоніи въ Антверпенѣ существуютъ дома, специально приспособленные для рабочихъ, но они несравненно ниже домиковъ колоніи. Остальные жилища рабочихъ въ антверпенскомъ округѣ, какъ въ городахъ такъ и въ селеніяхъ, переполнены жильцами, которые тѣсняются въ верхнихъ этажахъ домовъ, въ мансардахъ и почти чердакахъ, и живутъ въ большой духотѣ и нечистотѣ. То, что мы сказали объ Антверпенѣ и его округѣ, можно отнести, не погрѣшая передъ истиною, и къ большинству другихъ городовъ и сельскихъ округовъ Бельгіи. Вообще говоря, рабочіе, получающіе хорошее жалованье ¹⁾, имѣютъ возможность во всякомъ случаѣ, живутъ они въ городѣ или деревнѣ, нанимаютъ цѣлый домъ или только небольшую его часть, — занимать здоровыя, хорошо освѣжаемыя помѣщенія. Но тѣ, которые, получая небольшое содержаніе, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ большую семью, въ городахъ помѣщены весьма дурно; по дороговизнѣ квартиръ приходится нанимать ихъ въ самыхъ нездоровыхъ частяхъ города, обыкновенно загроможденныхъ постройками и почти, можно сказать, недоступныхъ чистому воздуху. Въ деревняхъ такимъ рабочимъ сравнительно представляется болѣе возможности имѣть довольно хорошія квартиры, хотя этого нельзя принять за общее правило, или по крайней мѣрѣ должно сознаться, что правило это имѣетъ весьма много исключеній и что бѣднѣйшимъ рабочимъ приходится нерѣдко жить въ весьма нездоровыхъ почти конурахъ и бороться съ ужасающими атрибутами нищенскаго жилища. Такъ какъ въ Бельгіи многіе рабочіе, какъ мы видѣли, переходятъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая себѣ заработокъ, и проводятъ нѣсколько недѣль въ одномъ мѣстѣ, переходятъ въ другое, то и въ городахъ и въ селеніяхъ для такихъ номадовъ существуютъ особыя

¹⁾ Farther Reports. Belgium, стр. 18.

квартиры, замѣчательно дурно содержимыя: и грязныя, и душныя. Въ нихъ кочующіе работники тѣснятся цѣлыми семьями, тутъ же спятъ, ѣдятъ и хранятъ запасаемую ими обыкновенно на весь періодъ работъ въ данной мѣстности незатѣйливую пищу. Помимо этихъ, правда, весьма многочисленныхъ исключеній, говоритъ англійскій репортеръ, надо сказать, что вообще жилища сельскихъ бельгійскихъ рабочихъ здоровы и содержатся хорошо, хотя ихъ убранство и обстановка по своей скудости оставляютъ еще многого желать; она весьма бѣдна, но за то опрятна, если только хозяйка. жена рабочаго не вынуждена проводить большую часть времени внѣ дома, чтобы заработать кусокъ хлѣба. Судя по всему нами сказанному, нельзя не сознаться, что и въ Бельгій, какъ и въ другихъ странахъ, за послѣдніе 20 — 30 лѣтъ значительно улучшился общій характеръ рабочихъ жилищъ, но нельзя отрицать, что общее состояніе ихъ далеко отъ желаемаго совершенства, и тотъ же антверпенскій консулъ, изъ донесенія котораго (1871 года) мы заимствовали описаніе жилищъ въ этомъ округѣ, въ своемъ донесеніи, помѣченномъ 29 мая 1872 года, причисляетъ неудовлетворительное положеніе этого дѣла къ числу главнѣйшихъ причинъ, возбуждающихъ недовольство рабочихъ своимъ положеніемъ и порождающихъ стачки и борьбу съ капиталомъ. Вотъ общій выводъ, сдѣланный англійскимъ консуломъ.

„Вообще говоря, пишетъ онъ, рабочіе въ этой странѣ весьма дурно помѣщены и очень плохо питаются. Непредусмотрительность и безпечность рабочаго поддерживаютъ плохую, чуждую всякихъ удобствъ и даже можно сказать безусловно нищенскую обстановку, въ которой живетъ его семья. Если бы женщины этого класса были немного болѣе развиты и могли сознательнѣе относиться къ домоводству, можно было бы устранить много разнаго рода неудобствъ и даже бѣдствій. На дурное приготовленіе пищи обращается вообще слишкомъ мало вниманія, также какъ и на дурное качество съѣстныхъ припасовъ, приобретаемыхъ бѣдняками какъ по недостатку средствъ, такъ иногда и по незнанію, какимъ путемъ достать лучшую провизію за ту же цѣну». По мнѣнію консула, было бы весьма полезно бельгійскихъ дѣвушекъ знакомить въ школахъ съ правильнымъ веденіемъ домашняго хозяйства и приучать къ рациональному домоводству. Онъ предлагаетъ даже учрежденіе особыхъ съ этою цѣлью нормальныхъ школъ. «Хорошія жилища, прибавляетъ онъ, соответствующія потребностямъ рабочихъ, жилища, которыя они могли бы нанимать за умѣренную, сообразную съ ихъ средствами, плату, могли бы оказать весьма благотѣльное вліяніе. Но нельзя не имѣть еще въ виду, что помимо всѣхъ другихъ хорошихъ послѣдствій,

удобныя помѣщенія положительно содѣйствуютъ развитію въ рабочемъ привязанности къ домашнему очагу — качества, которое въ социальнѣ далеко не особенно распространено“.

Заключение.

Какъ Доби, авторъ сочиненія „Les crises ouvrières en Belgique“, такъ и англійскіе дипломатическіе агенты одинаково смотрятъ на положеніе рабочей силы въ Бельгій и указываютъ на одни и тѣ же средства для устраненія дальнѣйшихъ усложненій, которыя могутъ возникнуть отъ ненормальности этого положенія. Какъ мы уже упоминали, причины броженія, происходящаго въ настоящее время между бельгійскими рабочими, они раздѣляютъ на экономическія, матеріальныя и нравственныя. Къ первымъ они относятъ: 1) низкую заработную плату; 2) недостатокъ въ рабочихъ предусмотрительности и бережливости; 3) невождержность; 4) расположеніе дѣйствовать скопами, прибѣгать къ стачкамъ; 5) несовершенство податной системы. Къ причинамъ матеріальнымъ они причисляютъ: 1) войны и вредныя послѣдствія вооруженнаго мира; 2) дурныя отношенія, существующія между хозяевами и рабочими; 3) плохую пищу, нездоровыя жилища и отсутствіе семейнаго характера въ жизни рабочаго класса; 4) злоупотребленіе общественной благотворительностію. И, наконецъ, нравственными причинами плохого положенія рабочей силы и дурнаго отношенія ея къ капиталу признаютъ недостатокъ образованія, предрасудки, и социальныя заблужденія. Эти недостатки, которые названы причинами нравственными, признаются принадлежностію не только низшихъ, необразованныхъ и бѣдныхъ классовъ, но ими, по мнѣнію Доби, одержимы и образованныя, богатые сословія. Искорененіе ихъ не одинъ Доби, но и большинство писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ того же предмета, считаютъ главнѣйшимъ средствомъ для устраненія въ будущемъ весьма серьезнаго зла. Коснувшись выше этого предмета, мы не станемъ болѣе о немъ распространяться, также какъ не будемъ вдаваться пока въ разсмотрѣніе другихъ предлагаемыхъ для предупрежденія дурныхъ послѣдствій настоящаго положенія средствъ, предоставляя себѣ возвратиться къ этому предмету по окончаніи нашего труда, т.-е. по ознакомленіи съ положеніемъ рабочей силы во всѣхъ главнѣйшихъ государствахъ Европы и въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки, а теперь ограничимся только исчисленіемъ тѣхъ средствъ, которыя предлагаютъ употребить въ Бельгій англійскіе репортеры вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими писателями для приданія рабочему движенію въ этой странѣ надлежащаго направленія. Средства эти, также какъ и

причины броженія, раздѣляются тѣми, кто ихъ предлагаетъ, на матеріальныя и нравственныя. Ко вторымъ относятся, понятно, образованіе и распространеніе знаній, къ первымъ—возвышеніе заработной платы, соединеніе труда и капитала на кооперативныхъ началахъ, организація изъ хозяевъ и рабочихъ посредствующихъ между трудомъ и капиталомъ комитетовъ и народныхъ кредитныхъ учрежденій, организація кооперативныхъ потребительныхъ обществъ и улучшеніе жилищъ для рабочихъ.

Н. Ф.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ 1873 ГОДА.

I.

Педагогическій отдѣлъ представляетъ лишь одну былинку того дремучаго лѣса, какимъ кажется вѣнская всемірная выставка, занимающая пространство 275 десятинъ, всякому посѣтителю, въ первый разъ ее посѣщающему; вѣрнѣе будетъ сказать, что школьная выставка почти исчезаетъ въ массѣ промышленныхъ произведеній, выставленныхъ въ Вѣнѣ, и если мы говоримъ о педагогическомъ отдѣлѣ, то не въ томъ смыслѣ, чтобы посѣтитель, интересующійся этимъ предметомъ, могъ, не касаясь остальныхъ, встрѣтить на выставкѣ коллекцію вещей, наглядно обрисовывающихъ положеніе учебнаго дѣла въ главнѣйшихъ государствахъ земного шара. Напротивъ, каждая страна включила школьную выставку свою въ общій составъ выставки произведеній этой страны а потому педагогу, желающему прослѣдить школу у различныхъ народовъ, остается лишь предпринять, придерживаясь всемірной выставки, кругосвѣтное плаваніе, избирая мѣстами стоянки педагогическіе отдѣлы разныхъ государствъ; такимъ образомъ обрисуется предъ нимъ болѣе или менѣе фizioномія каждого народа, и только въ концѣ путешествія онъ получитъ возможность судить путемъ сравненія о состояніи науки, о воспитаніи и обученіи въ наше время, насколько оно отражается всемірною выставкою.

Но для того, чтобы характеристика каждого народа оказалась сколько-нибудь вѣрною и чтобы окончательный выводъ былъ сколько-нибудь близокъ къ истинѣ, желательно было бы, чтобы каждый народъ по возможности точнѣе исполнилъ программу педагогической части выставки въ Вѣнѣ; въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ, европейскія государства отнеслись къ дѣлу весьма различно: въ то время, напримѣръ, какъ Америка и Швеція, не говоря о ближайшихъ къ Австріи государствахъ, выставили свою школу чрезвычайно полно, одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей Австріи, Россія, не приняла, какъ увидимъ, почти никакого участія въ педагогической выставкѣ. Вообще говоря, чѣмъ болѣе участіе въ снабженіи вѣнской выставки педагогическими принадлежностями приняло само правительство, тѣмъ полнѣе и оказались педагогическіе отдѣлы, такъ какъ доставка школьныхъ принадлежностей въ Вѣну и соединенные съ этимъ хлопоты нерѣдко превосходили средства частныхъ лицъ и мѣстныхъ учреждений извѣстной страны. Въ подтвержденіе благотворности централизаціи и содѣйствія государства въ данномъ случаѣ, можно указать на чрезвычайно полныя школьныя выставки Швеціи, Германіи, Швейцаріи и Австріи, гдѣ учебное вѣдомство, при пособіи государственной казны, употребило всѣ усилія къ тому, чтобы педагогическая выставка страны, по возможности, не представляла пробѣловъ, не носила на себѣ характера случайности, а представлялась, напротивъ, отраженіемъ существующаго въ дѣйствительности, или въ видѣ общаго правила, или въ видѣ исключенія. Примѣромъ недостаточной рачительности министерства о составѣ учебной выставки можетъ служить Бельгія, въ парламентѣ которой министерство осыпала упреками за небрежное отношеніе къ школьной выставкѣ въ Вѣнѣ, дѣйствительно не соответствующей достоинству Бельгіи, какъ просвѣщенной державы, хотя она, по числу нумеровъ, и превосходить въ пять разъ педагогическую выставку нашего отечества. Англія выставила крайне мало по учебному отдѣлу, хотя и нашла возможнымъ выстроить на выставкѣ школьный домъ; едва ли и это явленіе не служитъ подтвержденіемъ сказаннаго: Англія принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу тѣхъ государствъ, въ которыхъ невѣдѣтельность государства въ воспитаніе подросткающаго поможніи доводится подъ-часъ до абсурда. Напротивъ, Франція, вовсе не могущая похвалиться ни размѣрами, ни качествомъ своего учебного дѣла, представила свою школу довольно полно, чѣмъ обязана своему учебному вѣдомству, не принадлежащему къ числу клерикаловъ и враговъ просвѣщенія и еще не затертому послѣдними. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что для того, чтобы по педагогическимъ отдѣламъ всемірной выставки получить вѣрное представленіе о педагогиче-

скомъ уровнѣ различныхъ народовъ, необходимо знакомство съ послѣдними, независимо отъ выставки, и восполненіе, на основаніи его, пробѣловъ, допущенныхъ въ Вѣнѣ по безучастію нѣкоторыхъ правительствъ къ вопросу о народномъ образованіи. Мы постараемся представить читателямъ всемірную выставку именно съ этой точки зрѣнія, восполняя пробѣлы, если не для всѣхъ, то для многихъ государствъ; понятно, что тѣхъ изъ нихъ, которые вовсе не явились экспонентами по педагогическому отдѣлу, т.-е. XXVI группѣ всемірной выставки, каковы почти всѣ азіатскіе народы, мы вовсе не касаемся и объ остальныхъ будемъ говорить лишь настолько, какъ на то представляется случай международнымъ состязаніемъ въ Вѣнѣ. Говорить же о пользѣ такого состязанія и на поприщѣ педагогики я считаю излишнимъ, такъ какъ слишкомъ ясны благотворные научные результаты его и то уваженіе, которое поселяетъ въ себѣ въ наши дни держава, выступающая въ средѣ собратьевъ не только съ пушками, но и съ орудіями школьнаго учителя и ученика и произведеніями ихъ.

Нужно отдать справедливость дирекціи вѣнской выставки въ томъ, что она отнеслась къ педагогическому отдѣлу съ большимъ вниманіемъ и большимъ знаніемъ дѣла, такъ какъ заблаговременно распространила по всему земному шару чрезвычайно разумно составленную программу этого отдѣла, въ которой не только указала на предметы, могущіе наглядно представить уровень образованія въ странѣ, но и сообщила не мало весьма полезныхъ педагогическихъ указаній. По широко задуманной дирекціею программѣ педагогической выставки, въ составъ послѣдней должны были войти: школьныя помѣщенія и школьныя принадлежности, ученическія книги, учебники и пособія, школьныя бібліотеки и ученическія работы. При этомъ, программа, перечисляя эти отдѣлы, поясняетъ, что желательны не фантастическія картины, но копіи съ дѣйствительности или самыя оригиналы, или, наконецъ, выставка такихъ предметовъ, которые, по своимъ свойствамъ, соотвѣтствуютъ педагогическому идеалу, по понятіямъ извѣстной страны. Особенное вниманіе обращено въ поясненіяхъ къ программѣ на *наглядность* преподаванія и *самодѣтельность* учащихся, на эти два коренныхъ принципа, служащіе основой для всякаго раціональнаго обученія. Такъ, напримѣръ, программа называетъ въ числѣ учебныхъ пособій предметы, модели и картины для „нагляднаго обученія“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, аппараты для преподаванія ариметики съ описаніемъ ихъ, пособія для изученія отчизновѣдѣнія и географіи, коллекціи инструментовъ и образцовъ для изученія химіи, физики, техники, зоологіи, ботаники, минералогіи, сельскаго хозяйства, механики и проч. Про-

грамма, очевидно, обращает вниманіе на самостоятельность учащихся, приглашая всѣ народы выставить въ Вѣнѣ работы дѣтскихъ садовъ, работы учениковъ по ваянію, рисованію, письму, черченію картъ и глыбѣ рельефовъ; при этомъ программа поясняетъ, что въ этомъ случаѣ должны явиться экспонентами не отдѣльные ученики, но цѣлыя школы, для того, чтобы посѣтитель всемірной выставки получилъ понятіе о томъ, насколько преподаваніе отражается на большинствѣ учениковъ, и что при выставкѣ учебныхъ пособій слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на количество ихъ, какъ на хорошій выборъ и систематическое распредѣленіе предметовъ.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ цивилизованныя государства обратили должное вниманіе на программу дирекціи; только весьма немногія явились экспонентами по всѣмъ отдѣламъ педагогической программы; большинство же государствъ выставило лишь по тѣмъ отдѣламъ этой программы, которые оно сочло наиболѣе существенными, а остальные государства, какъ я уже говорилъ, представили просвѣщенному міру только скудное и случайное собраніе различныхъ педагогическихъ предметовъ. Къ числу послѣднихъ относится, какъ я уже говорилъ, и Россія. Изъ нашего отечества оказалось всего 15 экспонентовъ по педагогическому отдѣлу и въ числѣ ихъ вовсе не представлены ни министерство просвѣщенія, ни весьма много послужившее педагогикѣ русское военное министерство, ни духовное вѣдомство, ни земскія учрежденія, ни одно изъ нашихъ обществъ, ни одно изъ русскихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, если не считать одной финляндской учительской семинаріи и двухъ специально-техническихъ заведеній, московскаго и петербургскаго. Мало того: въ числѣ одиннадцати именъ частныхъ экспонентовъ, вы не встрѣчаете и одного педагогическаго. Между тѣмъ, если бы у насъ позаботились объ участіи Россіи въ педагогическомъ отдѣлѣ всемірной выставки, то петербургское педагогическое общество могло бы съ успѣхомъ выступить коллективнымъ экспонентомъ, отправивъ, напримѣръ, по одному экземпляру своихъ протоколовъ и по одному экземпляру сочиненій сочленовъ своихъ; тогда-бы посѣтитель вѣнской выставки, уже по числу специально-педагогическихъ книгъ, написанныхъ членами одного педагогическаго общества, могъ составить себѣ хоть нѣкоторое понятіе о томъ, что въ Россіи работаютъ на поприщѣ воспитанія и обученія. А какое почетное мѣсто на всемірной выставкѣ могли бы занять нѣкоторые изъ нашихъ университетовъ, если бы они выставили коллекцію напечатанныхъ трудовъ профессоровъ и питомцевъ своихъ за извѣстный періодъ времени? Или мы ничему никого бы не научили, если бы выставили въ Вѣнѣ коллекцію учебныхъ пособій элементарной школы Итальянскихъ

въ Николаевѣ, самостоятельно выработанную учредительницами и стоившую имъ нѣсколькихъ тысячъ руб. сер.? Или московское земство не могло бы выставить плана своей учительской семинаріи, если не модель ея, и смѣло выдержать соперничество подобныхъ учреждений въ Европѣ? Или александровскому земству Екатеринославской губерніи пришлось бы краснѣть предъ Европой, еслибы оно соорудило въ паркѣ всемірной выставки сельскую школу на подобіе тѣхъ, какія существуютъ въ этомъ уѣздѣ десятками, и снабдило ее учебными пособиями и принадлежностями буквально такъ, какъ снабжены ими очень многія школы александровскаго уѣзда? Нѣтъ, ему никакъ не пришлось бы краснѣть, а цивилизованный міръ увидѣлъ бы, что есть и сельская школа въ Россіи. Или, наконецъ, ударили ли бы мы лицомъ въ грязь, если бы выставили учебныя пособія харьковской женской воскресной школы, представляющей совершенно исключительное явленіе по числу ученицъ для Россіи, а для Европы по самой организаціи, такъ какъ въ Европѣ не существуетъ иныхъ воскресныхъ школъ, кромѣ школъ рисованія и школъ для получившихъ элементарное образованіе?.. Дѣло не проиграло бы въ глазахъ просвѣщенныхъ судей оттого, если бы статистическое изслѣдованіе о народномъ образованіи въ Россіи, безъ котораго мы на этотъ разъ вовсе обошлись, не послѣдовавъ примѣру многихъ другихъ государствъ,—пояснило, что на всемірную выставку въ Вѣну посланы образцы дѣйствительно существующихъ школъ, но что школъ такихъ еще мало въ Россіи, что для настоящей минуты главнѣйшую потребность нашего отечества составляетъ не указаніе меньшинству возможно лучшихъ способовъ обученія и учебныхъ пособій, но возможно большее *распространеніе* ихъ; судьи наши узнали бы, что мы работаемъ на тѣхъ поприщахъ, на которыхъ многіе насъ опередили, и перестали бы думать, что всѣ наши помыслы направлены на Хиву, и стали бы вѣрить, что у насъ открыты глаза и на Европу и на самихъ себя. Какое же они составляютъ себѣ понятіе о насъ теперь, по настоящему положенію выставки?.. Московское техническое училище, отчасти и петербургскій технологическій институтъ представили весьма замѣчательныя коллекціи ремесленныхъ работъ учениковъ, которыя можно назвать единственными на всемірной выставкѣ образцами, математически выясняющими *методику* обученія дѣлу столярному, слесарному, токарному и кузнечному, *методику ремесленного* обученія, еще крайне мало разработанную въ Европѣ; Владиміръ Бецъ изъ Кіева представилъ еще неизвѣстные въ Европѣ гипсовые оттиски съ мозга чловека и животныхъ, чѣмъ, по мнѣнію иностранной печати, оказавъ существенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе антропологии.

что есть еще на русской педагогической выставкѣ? Есть ли хоть нибудь, напоминающее заботы государства или частных лицъ воспитаніи массы?.. Нѣтъ, для русскаго педагогическаго отдѣла не существуетъ; нѣтъ въ немъ ничего такого, что носило бы на себѣ слѣды заботъ о просвѣщеніи не меньшинства, а большинства населенія, между тѣмъ, какъ всѣми другими государствами на эту сторону дѣла и обращено на выставкѣ особенное вниманіе. Не могутъ подумать иностранцы? Они могутъ подумать, будто и въ самомъ дѣлѣ Россія продолжаетъ воспитывать только наибѣе богатое меньшинство и будто бы для большинства не сдѣлало еще и одного шагу. Но будетъ ли то правдой, и неужели намъ можно пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ Европы? Больно повиситъ намъ за неудачу, постигшую родину на этотъ разъ, и души желаемъ ей того, чтобы на слѣдующей всемірной выставкѣ и въ педагогическомъ отношеніи уже выступила сочленомъ европейской семьи. Въ настоящее же время педагогическій отдѣлъ всемірной выставки не только не выражаетъ сколько-нибудь хороша состояніе учебнаго дѣла въ Россіи, но представляется какъ-то случайнымъ собраніемъ различныхъ предметовъ, безъ опредѣленнаго характера: такъ, кромѣ уже названныхъ экспонентовъ и анатомическихъ и этнографическихъ моделей Гейзера, Красинскаго и Ренбицкаго, мы встрѣчаемся тутъ почему-то съ *одною* русскою школою: „Отвѣты на вопросы дѣтей, изъ чего и какъ что дѣлается“; потомъ видимъ жалкую модель школьной скамьи, армянскіе учебники, музыкальныя сочиненія Виллуэна и курсъ счетоводства Езерскаго; и такая коллекція названа русскимъ педагогическимъ отдѣломъ всемірной выставки!

Голландія заняла своею педагогическою выставкою еще гораздо больше мѣста, чѣмъ Россія, школы своей не представила и тѣмъ не менѣе скудною выставкою своею сообщила цивилизованному міру гораздо болѣе о своемъ учебномъ дѣлѣ, нежели Россія. Не говоря о томъ, что изъ Голландіи доставлены образцы рисованія учениковъ и нѣкоторые питомцевъ института слѣпыхъ, Голландіею выставлена картина большого размѣра, представляющая „рабочій городокъ“ въ Амстердамѣ, съ планомъ 34 семейныхъ и 84 холостыхъ квартиръ для рабочихъ, школы и дѣтница; тутъ хоть сколько-нибудь высказывается заботою страны о просвѣщеніи массы. Но, кромѣ того Голландіею выставленъ весьма замѣчательный предметъ, который освѣдѣтельствуетъ яркимъ свѣтомъ и организацію школъ въ Голландіи, и педагогическій уровень ихъ, и степень образованія народа, а между тѣмъ много можетъ остаться незамѣченнымъ; я говорю о напечатанномъ и тутъ же выставленномъ голландскимъ правительствомъ отчетѣ объ

училищахъ, статистическія данныя котораго доведены до 1-го января 1872 года. По конституціи 1848 года, король голландскій обязанъ ежегодно представлять парламенту отчетъ объ учебномъ дѣлѣ, такъ какъ за послѣднимъ страна слѣдитъ съ живымъ участіемъ; но уже и раньше этого, начиная съ 1816 года, подобные отчеты составлялись крайне внимательно, благодаря чему Голландія владѣетъ теперь такою педагогическою статистикою за обширный періодъ времени, которая, по точности и полнотѣ, можетъ служить образцомъ для многихъ государствъ Европы. Изданный ко времени всемірной выставки отчетъ о низшихъ и среднихъ училищахъ Голландіи предлагаетъ не мало весьма интересныхъ данныхъ; такъ изъ этого отчета, напечатаннаго лишь въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и получающаго распространеніе посредствомъ знакомства съ ними посѣтителей выставки, мы узнаемъ, что уже въ 1806 году для батавской республики, какъ тогда называлось государство, состоявшее изъ Бельгіи и Голландіи, состоялся законъ объ училищахъ, совершенно исключившій догматическое преподаваніе закона Божія изъ учебной программы школы, предоставивъ заботу объ этой части воспитанія дитяти семьѣ и церкви. Когда возникло независимое королевство Нидерландское въ 1813 году, то въ 1815 году состоялся новый училищный законъ, вновь исключившій изъ школы преподаваніе закона Божія и остающійся въ силѣ до сихъ поръ для Голландіи, гдѣ почти двѣ трети населенія протестанты и лишь одна треть исповѣдуетъ католическую вѣру; но Бельгія, въ которой на 5 милліоновъ съ лишнимъ жителей всего десять тысячъ протестантовъ, никакъ не могла помириться съ вытѣсненіемъ духовенства изъ школы и напирала на это особенно сильно и въ 1830 году, когда отдѣлилась отъ Голландіи. Съ тѣхъ поръ въ Бельгіи допущена безусловная свобода преподаванія, которою и воспользовались клерикалы для подавленія школы, а въ Голландіи допущена свобода преподаванія лишь подъ условіемъ контроля государства; хотя въ 1842 г. клерикаламъ и въ Голландіи удалось на время достигнуть такого вліянія, что духовенству было предоставлено право цензуры надъ всѣми учебниками, въ начальныхъ школахъ употребительными, но такая реакція продолжалась недолго, и въ настоящее время свѣтская власть сдѣлала весьма разумную уступку церковной іерархіи въ томъ отношеніи, что законоучитель можетъ располагать училищнымъ помѣщеніемъ въ свободное отъ классныхъ занятій, входящихъ въ составъ программы, время. Но однихъ отрицательныхъ мѣръ на пользу школы, къ которымъ принадлежитъ и независимость голландской школы отъ католическаго духовенства, не достаточно для того, чтобы школа преуспѣвала и чтобы начальное образованіе стало всеобщимъ въ странѣ. Это под-

тверждается и отчетомъ объ училищахъ Голландіи, гдѣ только въ 1860 году приступили къ учрежденію учительскихъ семинарій съ весьма ограниченной программой и гдѣ и по настоящее время не введена обязательность обученія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи законъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ высказываетъ только, что общины обязаны заботиться о воспитаніи своихъ сочленовъ, и статистическія данныя выставленнаго на всемірной выставкѣ отчета до очевидности обнаруживаютъ, насколько даже у протестантовъ, которыхъ первое приобщеніе святыхъ таинъ, соединяемое церковью съ извѣстною степенью умственного развитія приобщающагося, побуждаетъ учиться, необходима обязательность обученія: отъ 1848 года по 1857 годъ число общественныхъ школъ въ Голландіи осталось почти безъ перемены, а съ 1858-го по 1872 годъ увеличилось съ 2516 всего до 2625, несмотря на то, что ихъ далеко не достаточно; еще и въ настоящее время 25% всего числа дѣтей въ Голландіи не получаютъ никакого образованія. Весьма наставительно въ этомъ случаѣ для русскаго наблюдателя, слишкомъ часто склоннаго возмущаться отношеніемъ русской массы къ школѣ, чистосердечное заявленіе голландскаго министерства о томъ, что мальчиковъ отдають охотѣе въ училища, нежели дѣвочекъ; что чѣмъ старше ребенокъ, тѣмъ чаще родители отвлекають его различными работами; что съ наступленіемъ полевыхъ работъ число школьниковъ значительно уменьшается; что родители часто отвлекають дѣтей отъ школы изъ-за самыхъ незначительныхъ, малоцѣнныхъ хозяйственныхъ работъ; что, наконецъ, школа тѣмъ лучше посѣщается, чѣмъ лучше учитель и что только сближеніе послѣдняго съ сельскимъ обществомъ можетъ, при отсутствіи обязательности обученія, возбудить и поддержать симпатію общества къ школѣ. Всѣ эти истины высказываются всенародно голландскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, выставившимъ отчетъ объ училищахъ въ Вѣнѣ; но не то ли самое и мы десятки разъ говорили и писали о Россіи? Если же въ Голландіи, при свободѣ печати, свободѣ совѣсти, свободѣ ассоціаціи, свободѣ науки и развитой политической жизни, въ массѣ населенія проявляется косность, лишь чрезвычайно медленно побуждаемая свободными учрежденіями и воспитывающею силою самой жизни, то что противопоставить Россія этой косности, и возможно ли ей рассчитывать на сколько-нибудь общіе для всего отечества, а потому и осязательные результаты безъ коренныхъ реформъ въ законодательствѣ по отношенію къ народнымъ училищамъ? Греція, болѣе чѣмъ скучно представленная въ педагогическомъ отдѣлѣ всемірной выставки, доказываетъ, что „обязательность обученія“ не составляетъ сама по себѣ такого спасительнаго средства, которое могло бы оказать свое благотворное

дѣйствіе безъ цѣлаго ряда вспомогательныхъ мѣръ: такъ въ Греціи, несмотря на то, что законъ обязываетъ къ посѣщенію школы, послѣдняя посѣщается лишь одною третью всего числа дѣтей, состоящихъ въ учебномъ возрастѣ. Легко даже представить себѣ обязательность обученія приносящую величайшій вредъ, если бы законъ обязалъ дѣтей къ посѣщенію такихъ школъ, въ которыхъ лишь истязуютъ дѣтей, ничему ихъ не научал. Къ чему, напримѣръ, повело бы обязательное посѣщеніе туземныхъ индѣйскихъ школъ, о которыхъ мы на всемірной выставкѣ получаемъ понятіе по фотографіи, изображающей внутренность индѣйской школы? Фотографія, выставленная индѣйскимъ музеемъ Лондона, представляетъ толпы индѣйскихъ ребятишекъ обоого пола, расположенныхъ въ различнѣйшихъ позахъ на землѣ въ тѣни, падающей на нихъ отъ соломенной крыши; при входѣ въ шалашъ сидитъ старикъ учитель, штифтомъ выводящій какіе-то знаки на пальмовомъ листѣ; этимъ же заняты, повидимому, и ученики, тупоумно посматривающіе на учителя. Другая фотографія изображаетъ намъ индѣйскую школьную дисциплину: посреди такъ-называемой школы повѣшенъ за руки одинъ изъ учениковъ, котораго, въ присутствіи товарищей, бьютъ бамбуковою палкой. Если ратуютъ за обязательное посѣщеніе училищъ, то не подобныя училища имѣются въ виду. Такъ и для Голландіи, судя по отчету министерства, весь вопросъ не въ обязательности обученія, потому что еще въ 1857 году, по заявленію отчета, въ *большинствѣ* училищъ Голландіи достигалось лишь машинальное, несознательное чтеніе, и только въ послѣднее время обращено вниманіе на уроки чтенія самими учителями, обыкновенно предоставлявшими ихъ старшимъ ученикамъ; только въ недавнее время, какъ говоритъ министерство, перестали въ Голландіи истязать дѣтей различными вычисленіями надъ милліонами, обратили вниманіе на умственное счисленіе и на наглядное ознакомленіе дѣтей съ единицами мѣры и вѣса и стали преподавать естественныя науки въ народныхъ училищахъ доступными для дѣтей способами. Но крайне было бы несправедливо однако причислять Голландію, вслѣдствіе обстоятельнаго и правдиваго отчета министерства ея, къ такимъ странамъ, въ которыхъ государство относится къ школѣ не какъ мать, но какъ мачиха: государство, напротивъ, опредѣляетъ лишь наименьшіе, а не наибольшіе размѣры учебной программы, всячески поощряетъ съѣзды учителей и училища, какъ частныя, такъ и общественныя, и притомъ не только училища для дѣтей, но и для взрослыхъ, которые желали бы припомнить пройденное въ школѣ или пополнить оставленные послѣднею въ нихъ пробѣлы.

Бельгія, ближайшая сосѣдка Голландіи, и въ дѣйствительности,

и на всемірной выставкѣ, относится къ группѣ тѣхъ государствъ Европы, въ школы которыхъ педагогія еще мало проникла; техническое образованіе, какъ извѣстно, достигло въ этой странѣ высокой степени развитія, но общее образованіе массы, не побуждаемой учиться закономъ объ обязательности обученія, значительно отстаетъ отъ образованія народовъ германской расы, такъ какъ еще въ 1869 году болѣе 20% бельгійскихъ рекрутовъ оказались безграмотными несмотря на статью 17-ю конституціи, провозглашающую: „l'enseignement est libre, toute mesure préventive est interdite“, которою Бельгія настолько дорожитъ и гордится, что выставила ее на всемірной выставкѣ напечатанною красными, трехвершковыми буквами на листѣ бумаги въ десять квадратныхъ аршинъ. Дѣйствительно, великое дѣло свобода въ распространеніи свѣта образованія, которою Бельгія обладаетъ; но остается, судя по педагогической выставкѣ Бельгіи, пожелать этой странѣ того, чтобы свобода создала для нея учрежденія, непосредственно развивающія школу. Въ бельгійскомъ педагогическомъ отдѣлѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ народомъ, считающимъ себя высоко просвѣщеннымъ и которому высокое мнѣніе о самомъ себѣ мѣшаетъ иногда видѣть то, что дѣлается у сосѣдей: при входѣ въ этотъ отдѣлъ васъ поражаютъ не только вышеприведенная статья 17-я, но и фоліанты отчетовъ объ училищахъ съ 1794 г., выставленные въ роскошныхъ переплетахъ; тутъ же на стѣнѣ виситъ прекрасная карта, наглядно представляющая степень образованія различныхъ частей Бельгіи, и все это вмѣстѣ какъ бы говоритъ посетителю: „преклонись предъ народомъ, такъ давно и много работающимъ на поприщѣ народнаго образованія“. Преклоняемся и сердечно радуемся за бельгійцевъ тому, чего они уже успѣли достигнуть и до чего намъ еще далеко, такъ какъ у насъ 90% рекрутовъ еще оказываются неграмотными; но на бѣду нашу мы тутъ же встречаемся съ выставленными русскими вертикальными счетами, снабженными брошюрой съ слѣдующею курьезною надписью: „Arithmètre, Arens. Namur 1873, breveté“. Не забавно ли притязаніе автора этой брошюры на изобрѣтеніе счетовъ, на патентъ на изготовленіе учебнаго пособия, давно извѣстнаго въ цѣлой Европѣ и окрещеннаго изобрѣтателемъ затѣйливымъ названіемъ „ариометра“? Вотъ къ какому невѣдѣнію можетъ вести самонадѣянность и ослѣпленіе успѣхами своей родины! Впрочемъ, педагогу и то уже весьма отрадно видѣть, что въ Бельгіи приступаютъ къ наглядному преподаванію ариметики, единственному возможному на элементарной степени обученія; но для „нагляднаго обученія“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, для предметныхъ уроковъ, безъ которыхъ ни одно начальное училище не можетъ обойтись, Бельгіею не выставлено ни предметовъ,

ни моделей, ни картинъ, если только послѣднія не помѣщены—никакъ нельзя предположить,—въ витринахъ съ учебниками, все наивно запертыми на замокъ и показывающими посетителю их свои переплеты. Очень богатъ этотъ отдѣлъ деревянными, железными и проволочными моделями геометрическихъ тѣлъ для рисунка, но при этомъ нѣкоторые изъ тутъ же выставленныхъ учебниковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что, за исключеніемъ рисованія, методика остальныхъ учебныхъ предметовъ въ Бельгій въ младшихъ классахъ. Такъ, напримѣръ, тутъ выставленъ „элементарный курсъ геометріи“ Аренса съ надписью о томъ, что на парижской выставкѣ онъ удостоенъ большой серебряной медали; курсъ этотъ состоитъ изъ восьми таблицъ, по которымъ дѣти заучиваютъ *безсмысленные* склады, причемъ, послѣ цѣлой строки ничего не выражающихъ слоговъ, читаютъ по одному слову, имѣющему смыслъ, но для нихъ не доступный. Если всемірныя выставки будутъ награждать медалю подобныя руководства, то педагоги, себя уважающіе, будутъ возмущаться поощреніемъ такихъ судей.

А кто оцѣниваетъ педагогическіе успѣхи на вѣнской всемирной выставкѣ?.. Наиболѣе компетентное въ этомъ отношеніи лицо, профессоръ Диттесъ, избранный председателемъ комиссіи, послѣ отказавшись, находя въ средѣ ея слишкомъ мало помощниковъ, цѣлкомъ знакомыхъ съ дѣломъ; по небрежности дирекціи всѣ выборы австрійскихъ присяжныхъ судей (жюри) произведены исключительно поздно; большинство педагоговъ Германіи могло послѣдовать на выставку только по наступленіи каникулъ во вѣренныя имъ школьныхъ заведеніяхъ, а потому не могли попасть въ комиссію, сформировавшуюся во второй половинѣ іюня; вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ составъ педагогическаго жюри входятъ лишь весьма немногія лица, спеціально знакомыя съ теоріею и практикою педагогическою, какъ комиссія избирается изъ наличныхъ экспонентовъ. Не очевидно ли поступили бы на будущее время, если бы различныя всемірныя и народныя комиссіи, избираемыя для приговора надъ выставленными предметами, а въ томъ числѣ и педагогическое жюри всемірныя выставки, заблаговременно назначались законодательными учрежденіями различныхъ государствъ? Въ такомъ разѣ не отъ слѣпой случайности зависѣлъ бы составъ комиссій, и государства получили бы возможность отправить на свой счетъ на всемірную выставку наиболѣе талантливыхъ лицъ по каждой отрасли, а знакомство такихъ съ выставкою содѣйствовало бы не только къ рациональному оцѣниванию выставленныхъ предметовъ, но и къ возможности для каждого государства извлечь для себя пользу отъ международнаго состязанія.

посредствѣ представителей на выставкѣ, которые могли бы, по возвращеніи домой, популяризировать добытыя ими свѣдѣнія.

Но возвратимся къ педагогическому уровню Бельгій, какимъ онъ обрисовывается на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ: меня поразила тутъ таблица, озаглавленная „Универсальною Лексикологіею, дидактическою, синоптической, интуитивною“ (Lexicologie universelle, didactique, sinoptique, intuitive). Чтѣ же это такое? Нарисовано дерево, долженствующее наглядно представить грамматическія формы языка. Но напрасно думаете вы, читатель, чтобы авторъ, представляющій въ видѣ ствола, сучковъ и вѣтвей, различныя части рѣчи, задался вопросомъ о логической зависимости между ними, или о постепенномъ появленіи одной изъ нихъ за другою, по мѣрѣ развитія языка чело-вѣка. Ничуть не бывало: авторъ рисуетъ вамъ стволъ, пустившій на-лѣво сучекъ съ надписью „имя существительное“; затѣмъ слѣдующая вѣтвь налѣво названа „членомъ“ и, продолжая такимъ образомъ слѣва направо, авторъ перечисляетъ вамъ, не мудрствуя лукаво, всѣ части рѣчи *въ томъ порядкѣ, какъ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ въ любой французской грамматикѣ*, оканчивая междометіемъ, какъ низшимъ сучкомъ, выросшимъ изъ лексикологическаго ствола въ правую сторону. Любопытно при этомъ то, что въ универсальную лексикологію введенъ „членъ“ (article), которымъ однако не обладаютъ многіе языки и которымъ остальные пользуются весьма различно, вовсе не придерживаясь тутъ показанныхъ развѣтвленій его, заимствованныхъ изъ рутинной французской грамматики; точно также здѣсь удержано различіе между „adjectif possessif“ и „pronon possessif“, какъ умѣстное въ универсальной лексикологій, между тѣмъ какъ оба понятія суще-ствуютъ во всѣхъ языкахъ, но принимаютъ въ нихъ весьма различныя грамматическія формы. Или и въ такомъ дѣлѣ французскій языкъ, которымъ говорить и Бельгія, все еще „универсальный языкъ“ и только народы, этимъ языкомъ говорящіе, и образуютъ universum, вселенную?.. Самыя примѣчанія къ различнымъ предметамъ бельгійской педагогической выставки, въ официальномъ каталогѣ, носятъ на себѣ характеръ шарлатанства или, по крайней мѣрѣ, стремленія къ эффекту, несовмѣстимаго съ научнымъ отношеніемъ къ дѣлу; такъ, напримѣръ, въ каталогѣ говорится, что такая-то книга выставлена „pour l'excellence et la nouveauté de la méthode“, такой-то „аримометръ“, а по-просту наши школьные счеты „pour la nouveauté de l'invention“. Въ числѣ книгъ выставлены и руководство къ педагогій въ трехъ томахъ Ө. Брауна, профессора одной изъ бельгійскихъ учи-тельскихъ семинарій, редактора педагогическаго журнала „l'Abeille“, издаваемаго уже 19 лѣтъ; тутъ же выставлены и „Методологія“ Брауна, и его книга для матерей, и книги его для класснаго чтенія.

Называю ихъ потому, что Браунъ пользуется большою извѣстностью въ Бельгіи и награжденъ за свои книги медалями въ Брюсселѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Амстердамѣ, а во французской литературѣ научно-педагогическая книга составляетъ такую рѣдкость, что не обратитъ вниманія на книги Брауна. Какъ весьма хорошую книгу я могу рекомендовать тутъ же выставленную книгу Октавіи Массонъ о дѣтскихъ садахъ (Octavie Masson, directrice de l'institut Fraternel et des jardins d'enfants à Liège). Какъ ни далека Бельгія, судя по выставкѣ, въ педагогическомъ отношеніи отъ Швейцаріи, Германіи, Швеции и даже Америки, но нельзя не признать того, что она стоитъ выше Франціи, гдѣ, выражаясь нашимъ школьнымъ языкомъ, въ начальныхъ школахъ еще во всѣхъ отношеніяхъ царятъ „азы и бубны“ между тѣмъ какъ въ Бельгію уже пробивается лучъ свѣта, дѣломъ и словомъ чего служатъ между прочимъ многія, выставленные въ Брюсселѣ, методы для одновременнаго обученія чтенію и письму и наружныя выставкою попытки ея къ наглядному преподаванію математики. Кромѣ того, оцѣнивая воспитывающее значеніе бельгійской школы и ея пріемовъ обученія, никогда не слѣдуетъ упускать виду того, что Бельгія принадлежитъ къ числу государствъ, въ которыхъ жизнь, благодаря предоставляемому политическими учрежденіями простору, существенно содѣйствуетъ къ развитію и тѣмъ лицамъ, которое плохо обучено въ школѣ; свобода пропаганды всѣхъ родовъ, свободная печать, свобода слова съ кафедръ и на площадяхъ, все это врачуетъ организмъ, недоразвитый въ школѣ, благодаря совершенству послѣдней. Хотя въ бельгійскомъ парламентѣ и не говорили, какъ сказано выше, бельгійское министерство народнаго просвѣщенія за небрежное отношеніе его къ всемірной выставкѣ постороннему наблюдателю нельзя не признать, глядя на бельгійскій педагогическій отдѣлъ, что хотя онъ и не отличается желательностью, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Бельгіи слова „народное образованіе“ произносятся не шопотомъ, а громко; что слова эти произносятся тамъ со смысломъ, что не прячется тамъ по закоулкамъ, но, напротивъ, начертана, какъ визъ, на знамени всѣхъ партій, даже и тѣхъ, которыя считаютъ себя закройщиками, а науку безжизненною матеріею, изъ которой призваны скротить, по извѣстной мѣрѣ, платье для подростковъ и поколѣнія. Клерикальнымъ закройщикамъ этимъ предоставлено въ Бельгіи, какъ мы видѣли, полная свобода дѣйствія, но такая же зависимость предоставлена и противникамъ, въ числѣ которыхъ встречаются и питомцы клерикаловъ. Такъ бываетъ часто въ дѣлѣ вѣтанія: мы воображаемъ, что отливаемъ мысль человѣческую по известной, намъ желательной формѣ и ножницы считаемъ союзниками.

науки и нравственности, вмѣсто того, чтобъ заботиться о всестороннемъ и естественномъ развитіи питомца, а послѣдній вырастаетъ изъ скроеннаго для него платья и отлитой для него формы и тогда впадаетъ иногда въ крайности, насъ возмущающія и невозможныя только при естественномъ развитіи челоѣка на просторѣ.

Долгое время Франція считалась самою просвѣщенною страной въ Европѣ, но такую репутацію она удерживала за собою лишь до тѣхъ поръ, пока о степени образованія страны не стали судить по нравственному и умственному уровню массы населенія. Тогда оказалось, что число неграмотныхъ рекрутовъ во Франціи также, какъ и въ Бельгіи, составляетъ приблизительно 20% всего числа молодежи, ежегодно призываемой подъ знамя; въ Пруссіи же только 2% рекрутовъ неграмотны, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи еще меньше того. Въ 1793 году конвентъ обязалъ всѣ сельскія общества, съ населеніемъ болѣе 400 жителей, устроить по крайней мѣрѣ одну школу, изъялъ школы изъ вѣдѣнія духовенства и опредѣлилъ наименьшую норму учительскаго жалованья въ 300 руб. сер.; но всѣ эти благодѣтельныя распоряженія остались мертвою буквою, и во времена директоріи, консульства, имперіи и реставраціи не было сдѣлано ничего на пользу народнаго образованія во Франціи. Только въ 1833 году удалось Гизо и Кузену осуществить законъ, который обязывалъ всякую общину устроить школу, предоставивъ установленіе общиннаго налога въ пользу училища съ тѣмъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда по бѣдности или малонаселенности общины у нея не станетъ средствъ на осуществленіе школы, то она можетъ разсчитывать на пособіе отъ кассы департамента и въ необходимыхъ случаяхъ—отъ государственной казны. Итакъ, въ 1833 году введенъ во Франціи особый видъ обязательности обученія: хотя родителямъ и опекунамъ и не вмѣнено въ обязанность посылать дѣтей въ школу и имъ, напротивъ, предоставлено право губить дѣтей своихъ, но по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ родителей, которые желаютъ обучать дѣтей, предоставлена на то возможность, такъ какъ община обязана содержать школу и, въ случаѣ уклоненія общины отъ исполненія этой обязанности, государство въ правѣ внести въ общинный бюджетъ извѣстную сумму на содержаніе училища. Насколько подобная мѣра была необходима въ 1833 году видно изъ того, что около этого времени изъ 38,000 общинъ только 10,000 общинъ имѣли школы. Извѣстный статистикъ Морисъ Блокъ вычисляетъ, что еще въ настоящее время, въ 1873 году, по крайней мѣрѣ шестьсотъ тысячъ дѣтей во Франціи не получаютъ никакого образованія, и объясняетъ себѣ это прискорбное явленіе тѣмъ, что ультрамонтанамъ до сихъ поръ удавалось не допустить во Франціи обязательности обученія,

которую друзья прогресса пытались провести въ послѣдній разъ въ 1870 году; но они достигли лишь безвозмездности обученія и ассамблеи въ шесть милліоновъ руб. сер., по государственному бюджету на начальныя школы. Европейская пресса, обсуждая степень образованія французскаго народа, съ ужасомъ указываетъ на то, что въ 36 милліоновъ населенія по крайней мѣрѣ 26 милліоновъ или вернее безграмотны, или настолько невѣжественны, что живуть въ умственной атмосферы Европы. Но что сказали бы эти судьи насъ? Вѣдь во Франціи, населеніе которой вдвое меньше населенія Россіи, было около семидесяти тысячъ школъ уже въ 1864 году, когда мы впервые только писали законъ о начальныхъ училищахъ, т.-е. школъ было девять лѣтъ тому назадъ во Франціи втрое болѣе, чѣмъ есть ихъ въ Россіи теперь. Но, насколько мнѣ извѣстенъ педагогическій уровень французской и русской школы, и насколько обрисовывается педагогическимъ отдѣломъ всемірной выставки, хотя и справедливо, что во Франціи болѣе четырехъ милліоновъ учащихся, а у насъ нѣтъ и одного милліона, но въ педагогическомъ отношеніи лучшее меньшинство русскихъ школъ неизмѣримо и соответствующихъ имъ школъ во Франціи. Въ Россіи звуковое, членоразлучное, наглядное преподаваніе всего элементарнаго кулибинскаго и индуктивный методы обученія въ послѣдніе годы распространились съ изумительною быстротою; во Франціи же о такихъ даже болѣе просвѣщенному меньшинству неизвѣстны эти премудрости. Не любопытно ли, напримѣръ, читать насмѣшки такого ученаго, каковъ Блокъ (Ausstellungszeitung, 1873; № 31) надъ усиліями Гросселена не заставлять дѣтей заучивать буквы безсознательно, но показать ему картинку, выражающую удивленіе и напомнить ему катехизическою бесѣдою о томъ, что это чудомъ выражается звукомъ „а“? Не наставительно ли видѣть, что такой учитель, каковъ Морисъ Блокъ, находитъ возможнымъ издѣваться надъ листкомъ, предназначенномъ для посѣтителей всемірной выставки, и Гросселеномъ за то, что послѣдній выводилъ для учащихся изъ „и“ изъ того, какъ кричитъ французскій извозчикъ, погоняя лошадь „hue!“ Вмѣсто того, чтобы привѣтствовать разумную попытку изъ извѣстнаго вывести неизвѣстное, отъ конкретнаго перейти къ абстрактному и машинальное заучиваніе замѣнить сознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу, Блокъ указываетъ на попытку Гросселена, и на доказательство того, что не всегда то, что ново бываетъ и разумно. Какая наивность: приемы Гросселена, подобные вышеприведенныя, составляютъ новосты для первокласснаго французскаго писателя, трактующаго о народномъ образованіи, между тѣмъ, какъ они давно извѣстны въ Россіи всякому сколько-нибудь начатому сельскому

учителю, не говоря о читающей публикѣ нашей. Мало того: во Франціи эти давно извѣстные приемы встрѣчаются съ недоумѣніемъ, какъ какое-то зловерное *новшество*, причемъ Блокъ даже позволяетъ себѣ сожалѣть о томъ, что г-жа Панъ-Карпантье, инспектриса дѣтскихъ садовъ во Франціи, отнеслась сочувственно къ методѣ Гросселена.

Если мы войдемъ теперь въ педагогическій отдѣлъ Франціи на всемірной выставкѣ, то опять будемъ имѣть случай убѣдиться въ томъ, что для этой страны еще не наступало царство педагоги, хотя и въ эту страну уже начинается лучъ свѣта. При всемъ томъ, что педагогическая выставка организована весьма тщательно и французская школа представлена довольно полно, вы не встрѣтите тутъ никакихъ пособій для нагляднаго преподаванія арифметики; только во французскомъ отдѣлѣ изъ всѣхъ сколько-нибудь полныхъ педагогическихъ коллекцій вѣнской всемірной выставки вы не встрѣтите лучшаго изъ подобныхъ пособій, нашихъ *счетовъ*, вошедшихъ во *всеобщее* употребленіе въ школахъ *Европы* и *Америки*. Для ознакомленія дѣтей съ мѣрами здѣсь выставлены ящикъ съ моделями, весьма эффектно названный „nécessaire métrique pour l'enseignement des poids et mesures“. Примѣненіе этого пособия уже представляетъ шагъ впередъ. Точно также порадовали насъ образцы рельефныхъ картъ, сдѣланные учениками; но для преподаванія естественныхъ наукъ мы не встрѣтили здѣсь ничего, кромѣ весьма посредственныхъ картинъ Дейроля, такъ какъ художественно исполненныя картины Конта, по цѣнѣ своей (около ста руб. сер. за коллекцію и одного рубля за картину) недоступныя начальному училищу, здѣсь вовсе не выставлены. Невольно вспомнится при этомъ, какъ недавно критикъ журнала „Le Temps“, привѣтствуя появленіе перевода извѣстнаго сочиненія Брема, писалъ: „всякій школьникъ въ Германіи болѣе свѣдущъ въ естественныхъ наукахъ, чѣмъ многіе изъ воспитанниковъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній“. Нельзя впрочемъ отрицать того, что и въ этомъ отношеніи Франція дѣлаетъ успѣхи, если судить по педагогическому отдѣлу ея на всемірной выставкѣ: такъ однимъ изъ общинныхъ училищъ департамента Соммы выставлены весьма любопытные образцы ученическихъ работъ, которыя указываютъ и на занятія естествознаніемъ. Изъ этого департамента школа, директоромъ которой состоитъ педагогическій писатель Сіамбуэнъ, выставила всю педагогическую жизнь свою такимъ способомъ, который заслуживаетъ величайшаго вниманія и одобренія и, къ сожалѣнію, представляется чуть не исключительнымъ на вѣнской всемірной выставкѣ. Предъ вами прочно-переплетенный фоліантъ съ названіемъ школы; раскрывши его, вы встрѣчаетесь на первыхъ лис-

тахъ съ подробною учебною программю школы, росписаніемъ ученихъ занятій ея и статистическими данными; затѣмъ слѣдуютъ обертки школьных тетрадей, географическія карты, рисованными картинками; за ними, раскрывая фоліантъ дальше, вы знакомитесь переводами, диктовками, рисованіемъ и сочиненіями учениковъ; слѣдніе листы заняты гербаріемъ, составленнымъ учениками. Но самый способъ подобнаго нагляднаго ознакомленія со школою въ цѣлесообразенъ при томъ условіи, чтобы въ подобный томъ вклинись произведенія цѣлаго класса школы, а отнюдь не однихъ лучшихъ учениковъ, то ближайшее знакомство съ предметами, вошедшими въ составъ тома, вновь наводитъ на мысль о томъ, что Франція педагогія въ младенчествѣ: на оберткахъ ученическихъ тетрадей, которымъ школа очевидно придаетъ цѣну,—иначе обертки не могли бы составить предмета выставки,—мы видимъ географическія карты малаго размѣра и объясненіе четырехъ дѣйствій арифметики. Какая педагогическая мысль руководила издателемъ подобныхъ обертковъ? Очевидно тотъ расчетъ, что дѣти, имѣя постоянно предъ глазами научныя данныя, легче освоятся съ ними; но педагоги давно поняли, что дѣти всего меньше обращаютъ вниманія на то, что у нихъ вѣчно предъ глазами, а потому и предпочитаютъ, напримеръ, показывать классу картину за картиной вмѣсто того, чтобы убраться картинками классную комнату; педагоги поняли, что не постоянно предъ глазами данныя какой-нибудь науки столь мало освоить дѣтей съ этой наукой, какъ зеркало, постоянно стоящее предъ судьей, мало окажетъ содѣйствія къ тому, чтобы судья подчинился закону. Еще краснорѣчивѣе высказываются о младенчествѣ педагогич. во Франціи предметы, выставленные въ концѣ томъ наглядно знакомящаго васъ со школою г. Сіамбузна: тутъ видите напечатанные методы чтенія самаго директора, прикрѣпленные къ листамъ фоліанта розовыми ленточками, и что же? Авторъ, видимо, любящій свое дѣло, предлагаетъ ученикамъ на каждой страницѣ по нѣсколько столбцовъ бессмысленныхъ складовъ, советуетъ учителю заставлять читать эти склады „сначала горизонтально, потомъ вертикально“. Тутъ же выставленная машина для образованія складовъ, названная изобрѣтателемъ „syllabateur“, доказывающая до какой машинности еще въ наши дни доводится во Франціи обученіе чтенію. Представьте себѣ, читатель, деревянный стол аршина въ четыре, поставленный вертикально; лѣвая половина стола на извѣстной длинѣ, занята картонною пластинкою, на которой напечатаны различныя согласныя буквы, положимъ „b, br, gl“ и т. п. на правой половинѣ столба скользятъ другая картонная пластинка, прикрѣпленная къ шнурку, проведенному чрезъ блокъ; на этой

слѣдней, напечатаны гласныя буквы. Учитель дернулъ за шнурокъ такимъ образомъ, чтобы „а“ второй пластинки стало противъ „b“ первой, и ученикъ читаетъ „ba“, „bre“; учитель перемѣстилъ, при помощи шнура, вторую пластинку и изъ сочетанія согласныхъ первой пластинки съ гласными второй выходитъ уже не „ba, bre“, но „bi, bru“. Одно изъ официальныхъ лицъ французскаго отдѣла объясняло мнѣ этотъ механизмъ, какъ весьма остроумный; бѣдныя французскія дѣти, жалъ мнѣ васт! Выставка подтверждаетъ то, что было извѣстно и раньше, что рисованіе доводится во Франціи до высокой степени совершенства: это подтверждается и блестящими моделями для рисованія и выставленными ученическими работами, наконецъ и тѣмъ вкусомъ и изяществомъ, съ которыми разставленъ весь французскій отдѣлъ, не исключая педагогическаго. Въмѣсто того, чтобы подобно Бельгіи навалить кучу книгъ въ запертыя витрины, Франція выставила свои учебники на изящныхъ полкахъ съ различными нарядными надписями на послѣднихъ, въ числѣ которыхъ вы встрѣчаете и слово „pedagogie“; присматриваясь къ этому отдѣлу, вы поражаетесь размѣрами его, такъ какъ послѣ знакомства съ выставленными предметами вы не ожидаете того, чтобы педагогія процвѣтала во Франціи; но оказывается, что французы выставили въ этомъ отдѣлѣ библіотеку и педагогическій журналъ „Manuel général de l'instruction publique“ за 35 лѣтъ, отъ 1834-го по 1869-й годъ. Когда и наше отечество получитъ возможность указать на столь продолжительное существованіе какого-либо педагогическаго періодическаго изданія, что (оказало бы, что и у насъ педагогическое движеніе совершается не порывами, но представляетъ постоянный токъ постоянно дѣйствующей силы, питаемой обществомъ и правительствомъ? Пусть эта сила видоизмѣняется въ своихъ проявленіяхъ, сообразно встрѣчаемымъ на пути препятствіямъ, но пусть она не иссякаетъ, и тогда, — наступленіи благоприятныхъ обстоятельствъ, останется лишь позаботиться объ устройствѣ проводниковъ и сила проявитъ себя во всемъ блескѣ. Но не рано ли намъ мечтать о томъ, что мы обладаемъ въ Россіи наукою и матеріальными средствами, образующими въ совокупности силу, проводниками которой служили бы школы? Нѣтъ, это нечета для такой страны, гдѣ въ послѣдніе годы частная инициатива сдѣлала сдѣлать не одинъ плодотворный и раціональный шагъ на пути просвѣщенія массы; пусть же эта сила устоитъ и устоятъ съ не наука и слуги ея, которымъ еще придется послужить русской народной школѣ. Взгляните на несчастную Францію, которой даютъ вздохнуть различныя политическія потрясенія, а меньшинство мыслить и работаетъ на поприщѣ воспитанія массы и, смотри — дѣло подвигается, сила не угасаетъ

и выжидаетъ лишь благопріятныхъ обстоятельствъ для того, чтобы омыть Францію отъ кровавыхъ пятенъ и болячекъ невѣжества въ купели школы.

Россія, почти ничего не выставившая въ педагогическомъ отдѣлѣ всемірной выставки, могла бы утѣшать себя указаніемъ на Англію, выставившую еще меньше. Россія, если бы причины обоихъ явленій были одинаковы, — но въ Англіи очевидно помѣшали успѣху педагогической выставки крайняя децентрализація въ дѣлѣ народнаго образованія и доведенное до крайности невмѣшательство государственной власти въ эту область. Первою мѣрою англійскаго правительства на пользу школы было ассигнованіе имъ въ 1832 г. ста двадцати тысячъ руб. сер. на сооруженіе училищныхъ зданій, а особе министерство просвѣщенія возникло въ Англіи только въ 1856 году. Но какъ въ Бельгіи доведенная до крайности „свобода преподаванія“ повела къ владычеству клерикаловъ надъ школою, такъ въ Англіи „невмѣшательство государства“ въ дѣло народнаго образованія повело къ тому, что въ Англіи масса, по степени просвѣщенія, значительно отстала отъ многихъ соплеменниковъ своихъ, если припомнить, что англійскій народъ представляетъ одно изъ развѣтвленій германскаго корня. Но весьма поучительно при этомъ то, что чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлала свобода въ Англіи, чѣмъ болѣе Англія, по выраженію Бокля, „демократизировалась“, тѣмъ болѣе усиливалось вмѣшательство государства въ дѣло начального обученія, предоставленное до тѣхъ поръ исключительно частной инициативѣ. Слишкомъ поздно видоизмѣнившееся безучастіе англійскаго правительства повело къ тому, что еѣ въ настоящее время около 25% дѣтей въ учебномъ возрастѣ огаются безъ всякаго обученія, несмотря на то, что политическій строй англійской жизни предоставляетъ просторъ всякой силѣ, несмотря на то, что свобода печати и затрата частною инициативою огромныхъ нравственныхъ и вещественныхъ капиталовъ на пользу массы оказывали обширное вліяніе на успѣхи просвѣщенія. Въ 170 году, либеральное министерство Гладстона провело въ парламентѣ законъ, которымъ впервые высказывается, что всякая община *должна* имѣть школу, и что въ случаѣ нерадѣнія ея вступаетъ въ оравленіе ея обязанности училищный совѣтъ, а въ случаѣ нерадѣнія послѣдняго само государство; по этому закону дѣло народнаго образованія въ Англіи нѣсколько централизуется въ рукахъ министерства посредствомъ инспекторовъ народныхъ училищъ, на основаніи свидѣтельствъ которыхъ правительство уже съ 1846 года *вѣдетъ* извѣстныя субсидіи народнымъ училищамъ. Но этотъ законъ еще не успѣлъ дать желанныхъ плодовъ, даже не успѣлъ еще *лучить* надлежащаго при-

и́женія на практикѣ, иначе педагогическая выставка въ Вѣнѣ удалась бы лучше. Вступивъ въ англійскій педагогическій отдѣлъ, я былъ изумленъ количественнымъ и качественнымъ ничтожествомъ его: кромѣ весьма хорошихъ раскрашенныхъ ботаническихъ рисунковъ Джонстона и слишкомъ мелкихъ физиологическихъ картинъ того же автора, обращаютъ на себя вниманіе только пять школьныхъ скамей, тѣмъ отличающихся отъ обыкновенныхъ, что ящики для книгъ ученика устроены подъ сидѣньемъ, а подъ откиднымъ верхомъ стола лишь крайне небольшое помѣщеніе для того, чтобы ученикъ, откинувъ верхъ, могъ свободно стать на своемъ мѣстѣ, а сидя на скамьѣ находился достаточно близко къ краю наклонной доски стола. Но кромѣ названныхъ предметовъ англичанами выставлено лишь весьма немного учебниковъ, сваленныхъ въ кучу. Какъ ни мало тутъ выставлено, а вы по выставленнымъ предметамъ можете составить себѣ понятіе хоть о томъ, что въ Англіи существуетъ народное училище. Между тѣмъ русскій педагогическій отдѣлъ, занятый почти весь только произведеніями механическаго труда учениковъ нашихъ техническихъ училищъ и не дѣлающій даже намека на существованіе въ Россіи общеобразовательной начальной школы, можетъ поселить въ посѣтителѣ крайне невѣрное убѣжденіе, будто бы наша масса осуждена на механическій трудъ и профессиональное образованіе, а для меньшинства нашего существуетъ наука съ ея общеобразовательнымъ значеніемъ; будто бы мы озабочены опасеніемъ, какъ бы наша масса не поднялась выше уровня ремесленника, какъ бы она не знала слишкомъ много. Англією выставлено и училищное зданіе въ натуральную величину, но судить о немъ не берусь, такъ какъ оно еще не было окончено въ то время, когда я посѣщалъ выставку; скажу только, что оно запертано въ такой закоулокъ одного изъ дворовъ, пограничныхъ съ англійскимъ отдѣломъ дворца промышленности, что очень легко не замѣтить его и нужно его искать для того, чтобы его увидѣть.

Съ особеннымъ интересомъ входилъ я въ итальянскій отдѣлъ всемірной выставки для того, чтобы отыскать въ немъ педагогическую часть его. Зная, по личнымъ наблюденіямъ, Италію еще не объединенную, Италію Бурбоновъ и папы, отданную на съѣденіе католическимъ монахамъ, и слѣдивъ затѣмъ издали за возрожденіемъ этого даровитаго народа, я съ трепетомъ приступалъ къ знакомству съ педагогическою выставкою его, ожидая, что она наглядно представитъ мнѣ новую жизнь народа, освобожденіе его отъ гнета свѣтскаго и духовнаго начала; я ожидалъ, что это скажется на выставкѣ статистическими данными о числѣ школъ и успѣхахъ преподаванія естественныхъ наукъ въ народномъ училищѣ, которое выразится ко-

личествомъ и качествомъ учебныхъ пособій. Но каково было мое разочарованіе, когда я на выставкѣ ничего не встрѣтилъ въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ безсистемно разбросанныхъ учебниковъ на различныхъ языкахъ! Затрудняюсь объяснить себѣ этотъ фактъ инымъ соображеніемъ, кромѣ того, что собственно *итальянской* школы еще не существуетъ, а возможно лишь пока представить, не измѣняя дѣйствительности, школу Неаполя и бывшей Папской области, какъ самыхъ невѣжественныхъ частей Италіи, затѣмъ школу сѣверной Италіи, какъ самой просвѣщенной части королевства, и Тосканы, какъ занимающей середину между указанными нормами просвѣщенія. Италіи пришлось бы появиться не единою на выставкѣ педагогической, и вотъ она вовсе не появляется. Объяснять себѣ это отсутствіе равнодушіемъ общества и правительства къ вопросу о народномъ образованіи было бы неумѣстно уже потому, что въ Италіи издается до десятка педагогическихъ журналовъ, находящихъ читателей, и правительствомъ объединенной Италіи принимаются самыя энергическія и благотѣльныя мѣры на пользу школьнаго образованія, не говоря уже о томъ, что свободная печать служить однимъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей просвѣщенія Италіи. Но почему не выставлено хотя бы новѣйшихъ статистическихъ данныхъ? Или данныя эти опоздали и потому я ихъ не видѣлъ, или мы узнаемъ о нихъ впоследствии, когда дирекціе вѣнской всемірной выставки, заблаговременно повсюду разославшей программу для статистико-педагогическихъ свѣдѣній, будетъ составленъ сводъ ихъ? Но за невозможностью подѣлиться съ читателемъ данными за послѣдніе годы, я не могу не сообщить ему хотя бы нѣкоторыхъ свѣдѣній о положеніи школы въ Италіи, такъ какъ невѣжество массы населенія ея достаточно извѣстно русской публикѣ, а послѣдняя не можетъ не интересоваться всякимъ явленіемъ, которымъ выясняется, какія мѣры принимаются правительствомъ страны, погруженной въ невѣжество, для того, чтобы положить конецъ послѣднему и—начало иному порядку вещей. Пьемонтскій законъ 1859-го года постепенно распространенъ на все итальянское королевство, по мѣрѣ присоединенія къ Пьемонту различныхъ частей. Апеннинскаго полуострова и съ видоизмѣненіями въ законѣ сообразно мѣстнымъ условіямъ. Но для всѣхъ гражданъ итальянскаго королевства, состоящихъ въ учебномъ возрастѣ, *обязательно* посѣщеніе начальной школы, а для всякой итальянской общины *обязательно* содержаніе школы, и притомъ „вышей элементарной“ для общинъ съ населеніемъ болѣе 4000 жителей. Въ виду того, что при старомъ режимѣ школа всецѣло, по закону, принадлежала католическому духовенству и что оно, не возбуждаемое соперничествомъ со свѣтскимъ началомъ, подобно бельгійскому, за 50

лѣтъ ровно ничего не сдѣлало для образованія народа, школа въ Италіи изъята изъ вѣдѣнія католическаго духовенства и ввѣрена свѣтскимъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, избираемымъ народомъ; въ то же самое время, какъ извѣстно, весь политическій строй итальянской жизни измѣнился въ смыслѣ предоставленія простора и свободы всякому доброму начинанію на пользу родины. Благотворныя послѣдствія подобныхъ мѣръ правительства не заставили себя ждать: отъ 1863-го года по 1868-й годъ въ итальянскомъ королевствѣ прибавилось болѣе трехсотъ тысячъ учащихся и въ 1868 году въ Италіи, при населеніи до 22-хъ миллионѣвъ, было учащихся около полутора миллионѣвъ, т.-е. приблизительно половина всѣхъ дѣтей, возрастомъ отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ, дѣйствительно получали начальное образованіе. Когда отечество наше достигнетъ такихъ скромныхъ результатовъ, то въ немъ будетъ около пяти съ половиною миллионѣвъ учащихся, а для этого число учащихся, даже только *числящееся* въ настоящее время въ Россіи, должно возрасти болѣе чѣмъ въ пять разъ. Италія нашего времени принадлежитъ, несмотря на всѣ усилія правительства и народа, все еще къ наименѣе просвѣщеннымъ странамъ Европы, и тѣмъ не менѣе въ 1868 году 36% итальянскихъ рекрутовъ оказались грамотными, а въ Россіи оказалось такихъ въ 1869 году только 9%! Но чѣмъ почтеннѣе труды итальянскаго народа въ послѣдніе годы на поприщѣ просвѣщенія, тѣмъ прискорбнѣе то, что они не представлены наглядно на вѣнской всемірной выставкѣ, хотя несомнѣнно то, что если бы Италія и выставила различные типы своихъ народныхъ училищъ, то безпристрастный наблюдатель продолжалъ бы относить Италію къ той группѣ государствъ, въ которыхъ педагогія еще не достигла надлежащаго господства и распространенія.

Чтобы покончить съ тѣми государствами, которые представлены въ педагогическомъ отдѣлѣ всемірной выставки не такъ полно, какъ того требовали бы интересы просвѣщенія, мнѣ остается упомянуть, послѣ Италіи, о Даніи. Переходъ рѣзкій, и притомъ не только по географическому положенію этихъ странъ, но и потому, что, придерживаясь такого порядка, мы переходимъ отъ одного изъ наименѣе просвѣщенныхъ народовъ къ странѣ, масса населенія которой относится къ наиболѣе образованнымъ въ Европѣ, но которая живетъ настолько особнякомъ отъ европейской семьи, что о ней рѣдко заходитъ рѣчь въ печати, что она мало посѣщается иностранцами и вообще пользуется не большою извѣстностію въ Европѣ. Между тѣмъ въ Даніи обязательность обученія существуетъ уже 225 лѣтъ, съ 1647-го года, подъ угрозой взысканій, строгость которыхъ возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ нашему времени, то-естъ чѣмъ

болѣе необходимость обученія проникаетъ въ сознаніе народа и чѣмъ меньше остается въ Даніи неграмотныхъ. Въ послѣднее время обязательность обученія, то-есть всеобщность его до такой степени привилась, что по статистическимъ даннымъ за 1870-й годъ на сто дѣтей въ Даніи, возрастомъ отъ 6-ти до 13-ти лѣтъ, только одно не обучалось; неграмотные въ числѣ взрослыхъ составляютъ въ Даніи самое рѣдкое исключеніе; народный учитель въ Даніи пользуется почетомъ и трудъ его цѣнится болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ въ Даніи учитель народной школы получаетъ отъ 500 до 800 руб. сер. жалованья въ годъ, между тѣмъ какъ для большинства государствъ Европы, заботящихся о школѣ, нормальное жалованье учителя составляетъ лишь около 300 руб. сер. Потому ли, что Данія слишкомъ свыклась съ своею школою, перешедшею въ кровь и плоть ея народа; потому ли, что живетъ этотъ народъ, уединяясь отъ европейской семьи, или потому, какъ мнѣ говорили въ датскомъ отдѣлѣ, что министерство просвѣщенія не исполнило своего долга, но педагогическій отдѣлъ Даніи на всемірной выставкѣ крайне скуденъ, хотя выставленные тутъ работы учениковъ по письму, рисованью, рукодѣлю и рѣзбѣ по дереву и свидѣлствуютъ о томъ, что школьное дѣло въ Даніи стоитъ высоко. Но трудно предположить, чтобы долговременный опытъ не выработалъ въ Даніи такихъ учебныхъ пособій и такихъ способовъ обученія, съ которыми любопытно было бы ознакомиться на выставкѣ; къ сожалѣнію, выставка Даніи представляетъ въ этомъ отношеніи лишь очень незначительное число учебниковъ, доказывающихъ однако, что въ Даніи примѣняются методы обученія, признаваемые въ настоящее время за лучшіе во всей Европѣ. Изъ сказаннаго о Даніи и участіи ея въ педагогической выставкѣ слѣдуетъ, что мы имѣли основаніе обзоромъ этого государства заключить знакомство съ группою тѣхъ народовъ, школьное дѣло которыхъ представлено на выставкѣ не довольно полно, такъ какъ, удѣливъ Даніи такое мѣсто, мы въ то же время поставили ее на рубежѣ между государствами, въ которыхъ лучъ педагогіи лишь начинаетъ пробиваться и такими, въ которыхъ эта наука уже достигла заслуживаемаго ею значенія; теперь мы перейдемъ къ этой послѣдней группѣ и съ тѣмъ большимъ удобствомъ начнемъ со Швеціи, что эта ближайшая сосѣдка Даніи и по исторіи просвѣщенія, и по достигнутымъ результатамъ, представляетъ большое сходство съ нею.

Въ Швеціи, какъ и въ Даніи, школа ведетъ свое начало со временъ реформации, а потому уже въ половинѣ семнадцатаго вѣка встрѣчались такіе мѣстности въ Швеціи, въ которыхъ трудно было найти и одного неграмотнаго. Съ 1686-го года Карлъ XI установилъ

въ Швеціи обязательность обученія деспотическимъ указомъ, которымъ всѣмъ неграмотнымъ запрещалось вступленіе въ бракъ; настоящая же организація училищнаго дѣла основывается на законѣ 1842-го года, которымъ обязательность обученія регламентирована во всѣхъ подробностяхъ и который нельзя не поставить выше другихъ законодательствъ нашего времени въ томъ отношеніи, что законъ предоставляетъ общинѣ и училищному совѣту опредѣленіе начала учебнаго возраста, требуя лишь того, чтобы обученіе ребенка не начиналось ни въ какомъ случаѣ позже девятилѣтняго возраста; обыкновенно въ Европѣ законъ уже съ шестилѣтняго возраста запираетъ дѣтей въ школу въ ущербъ здоровью и умственному развитію ихъ. Швеція, подобно Голландіи, населена почти исключительно протестантами, но въ учебномъ дѣлѣ представляетъ ей прамую противоположность, такъ какъ въ Швеціи приходскій священникъ не только предсѣдательствуетъ въ училищномъ совѣтѣ, и при представленіи совѣтомъ общинѣ кандидата на должность учителя одинъ голосъ предсѣдательствующаго священника имѣетъ по закону значеніе половины голосовъ всей коллегіи, а потому стѣбитъ стать на сторону предсѣдателя лишь одному изъ членовъ коллегіи для того, чтобы эти два голоса получили значеніе болѣе половины голосовъ совѣта, то-есть, чтобы мнѣніе священника, поддержанное лишь однимъ голосомъ, получило перевѣсъ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ данномъ случаѣ школа вѣрена не католическому духовенству, но протестантскому, которое, по изслѣдованіямъ Де-Кандолля (см. статью нашу въ майской книгѣ этого года), всегда съ особеннымъ усердіемъ служило наукѣ; настоящая выставка, доказывающая, что въ шведскихъ народныхъ училищахъ, вѣренныхъ духовенству, обращается особенное вниманіе на предметные уроки и преподаваніе естественныхъ наукъ, можетъ отчасти служить характеристикой шведскаго духовенства. Педагогическая выставка Швеціи не разбросана въ разныхъ частяхъ промышленнаго дворца и парка, подобно педагогическимъ отдѣламъ многихъ другихъ государствъ, но сосредоточена въ одномъ школьномъ домѣ, воспроизводящемъ въ натуральную величину сельскую шведскую школу и построенномъ въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ парка. Внутренность этого училищнаго зданія представляетъ весьма полную педагогическую картину элементарнаго и средняго обученія въ Швеціи, но мы ознакомимся сначала съ официальнымъ отчетомъ о шведскихъ училищахъ для того, чтобы картина, въ обзорѣнїи которой мы затѣмъ приступимъ, получила еще болѣе значеніе въ нашихъ глазахъ. Изъ отчета, напечатаннаго шведскимъ правительствомъ ко времени вѣнской всемірной выставки и тутъ же выставленнаго, мы узнаемъ, что до 1858 года

Швеція обладала постоянными и странствующими народными школами; послѣднія учреждались временно въ бѣднѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ сельскихъ общинахъ и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обучивъ грамотѣ подростшее поколѣніе, переѣзжали изъ одного села въ другое. Съ 1858 года странствующія училища стали преобразовывать въ низшія народныя училища постоянныя, въ такъ-называемыя „малыя школы“; постоянныя народныя училища, и прежде носившія это названіе, обладаютъ болѣе обширною учебною программой, нежели „малыя училища“, ограничивающіяся одною толковою грамотностію. Кромѣ того въ Швеціи возникъ еще третій видъ элементарной школы подъ именемъ „высшихъ народныхъ училищъ“, въ которыхъ обученіе производится уже по довольно обширной программѣ и которыя возникаютъ въ мѣстностяхъ наиболѣе населенныхъ и богатыхъ. Всѣ учащіеся въ Швеціи, а было ихъ къ первому января 1872-го года до семисотъ тысячъ, что составляетъ около 97% всего числа дѣтей въ учебномъ возрастѣ, обучаются закону Божію, чтенію, письму и счету; но географіи, естественнымъ наукамъ и исторіи, какъ видно изъ цифръ весьма рачительно и добросовѣстно составленнаго отчета, обучалась лишь одна треть всего числа учениковъ, а геометріи только одна-восьмая доля приблизительно. Такимъ образомъ шведское правительство, успѣвшее увеличить число учащихся отъ 1865 по 1871-й годъ на 20%, нашло возможность всему населенію безъ изыятія дать грамотность въ обширномъ смыслѣ этого слова и сообщить различнымъ слоямъ населенія извѣстное элементарное образованіе, сообразно мѣстнымъ условіямъ и вопреки тому, что въ Швеціи десяткамъ тысячъ учениковъ приходится ежедневно посѣщать школу за нѣсколько верстъ отъ своего жилья. Войдемъ же въ одну изъ шведскихъ школъ, въ шведскій школьный домъ, сооруженный въ паркѣ выставки.

Мы вступаемъ въ щеголеватый, изъ бревенъ срубленный домикъ, сажень въ восемь длины и сажень въ шесть ширины. Вошедши въ просторныя школьныя сѣни, мы вступаемъ чрезъ дверь налѣво въ классную комнату народнаго училища, уже на самомъ порогѣ которой намъ бросаются въ глаза высота комнаты, освѣщеніе ея и школьныя скамьи. Въ этой классной комнатѣ вовсе нѣтъ горизонтальнаго потолка, съ которымъ свылся нашъ глазъ; потолокъ ея состоитъ изъ подшивки, параллельной сторонамъ крыши и получающей горизонтальное направленіе лишь на извѣстномъ разстояніи отъ гребня или конька крыши; благодаря такой архитектурѣ получается возможность и въ невысокихъ, недорогихъ постройкахъ предоставить ученикамъ школы достаточное количество воздуха, то-есть соблюсти одно изъ существеннѣйшихъ условий здоровья дѣ-

тей. Освѣщеніе классной комнаты столь же безупречно: комната залита свѣтомъ, не утомляющимъ глазъ дѣтей, благодаря тому, что передняя стѣна и правая не имѣютъ оконъ, а въ лѣвой и задней стѣнахъ устроены огромныя подъемныя окна, подоконники которыхъ отъ полу выше роста десятилѣтняго ученика для того, чтобы не дуло на дѣтей. Комната эта наполнена сорока школьными скамьями, по одной на каждого ученика, разставленными такимъ образомъ, что каждый ученикъ можетъ свободно пройти съ своего мѣста къ каѳедрѣ съ обѣихъ сторонъ своей конторки или школьной скамьи. Только въ старшихъ классахъ весьма немногихъ училищъ въ Европѣ можно встрѣтить школьныя скамьи, устроенныя для каждого ученика особо; въ Швеціи же, по словамъ г. Зандберга, переводчика педагога Диттеса на шведскій языкъ, одного изъ лучшихъ знатоковъ шведскаго училищнаго дѣла, такія школьныя скамьи, какія посѣтитель видитъ въ шведскомъ отдѣлѣ всемірной выставки, встрѣчаются въ большинствѣ сельскихъ школъ, благодаря тому, что школьныя зданія и школьная мебель въ Швеціи строятся сельскими обществами почти всегда по рисункамъ и моделямъ, рассылаемымъ правительствомъ. Самое устройство шведской школьной скамьи нельзя не признать вполне цѣлесообразнымъ: главное затрудненіе въ рациональномъ устройствѣ школьной скамьи состоитъ въ томъ, чтобы край наклонной доски, котораго касается ученикъ, не былъ слишкомъ удаленъ отъ сидѣнья и чтобы въ то же время ученикъ могъ удобно стать на своемъ мѣстѣ; это затрудненіе въ послѣднее время пытались устранить устройствомъ выдвижной наклонной доски для письма учениковъ. Директоръ вѣнской педагогической семинаріи Диттесъ, долгое время завѣдывавшій извѣстною учительскою семинаріею въ Готѣ, говорилъ мнѣ, что въ Готѣ онъ испытывалъ различнѣйшія модели школьныхъ скамей и нашелъ, что скамьи Кунце, съ которыми мы еще встрѣтимся въ германскомъ педагогическомъ отдѣлѣ, которыя обыкновенно называются образцовыми, крайне непрактичны по дороговизнѣ ихъ и непрочности, такъ какъ стоить выдвижному верху лишь немного покоситься, что почти неизбѣжно, для того, чтобы такъ-называемая улучшенная скамья Кунце стала нигуда негодною. Шведская школьная скамья удачно избѣгла этого недостатка, такъ какъ выдвижной верхъ стола замѣнила откиднымъ, благодаря чему край доски можетъ быть настолько близко подведенъ къ ученику, чтобы послѣдній, сидя совершенно прямо съ подпертою поясницею, не имѣлъ надобности ложиться грудью на столъ при письменныхъ работахъ и, откинувъ верхъ, могъ совершенно свободно стоять. Просторъ для стоячаго положенія ученика достигается въ томъ, что ящикъ для книгъ гораздо уже откидной доски, его накрывающей;

опирается же ученикъ сзади о наклонную спинку, на которую вѣшается волосомъ набитый валежъ, подпирajući поясницу; при желаніи протянуть ноги, или въ случаѣ особенно быстрого роста ученика, послѣдній можетъ откинуть на шарнирѣ полъ школьной скамьи и поставить ноги, сидя на школьной скамьѣ, прямо предъ собою и столомъ своимъ, непосредственно на полу классной комнаты. Такая школьная скамья, изобрѣтенная г. Зандбергомъ, стояла бы въ Швеціи изъ дубоваго дерева рублей 15, если бы заказывать одну скамью; но такъ какъ въ Швеціи учебная администрація старается удешевить учебныя пособія и школьную мѣбель, заказывая ихъ большими партіями, то и эта школьная скамья, какъ я уже говорилъ, нашла доступъ въ большинство сельскихъ школъ, гдѣ обыкновенно ее дѣлаютъ четырехъ разныхъ размѣровъ, сообразно росту дѣтей.

Мы должны были остановиться нѣсколько долѣе на вопросѣ объ устройствѣ школьныхъ скамей, такъ какъ вопросъ этотъ, какъ и вообще школьная гигиена, составляетъ вопросъ дня въ той части Европы, въ которой педагогія руководить школою; это видно и на вѣнской всемірной выставкѣ, на которую присланы школьныя скамьи изъ очень многихъ государствъ, не исключая Англіи и Америки. Усѣвшись на школьной скамьѣ выставленнаго въ Вѣнѣ шведскаго народнаго училища, мы имѣемъ предъ собою эстраду въ одну ступень высотой, на которой помѣщаются каеэдра учителя и вправо отъ нея фисгармоника, для обученія пѣнію и влѣво столъ, для физическихъ опытовъ. На послѣднемъ стоитъ и аппаратъ для дезинфекціи воздуха: небольшой жестяной ящикъ, вершковъ шесть въ высоту и вершка полтора въ ширину, плотно закрывающійся крышкою, въ которой прикрѣплены пластинки, достигающія дна ящика и окунающіяся, когда ящикъ запертъ, въ дѣготъ, которымъ ящикъ наполненъ; крышка приподнимается до половины длины пластинокъ, со стѣнокъ которыхъ испаряется въ комнату дѣготъ, медленно стекающій по нимъ въ ящикъ. Такимъ образомъ производится дезинфекція въ шведской школѣ, а въ Россіи подобные аппаратъ замѣняютъ сапоги учениковъ, смазанные дѣгтемъ. Но каково бы ни было мнѣніе специалистовъ о дезинфицирующихъ свойствахъ дѣгтя, едва ли кто-нибудь станетъ оспаривать то, что постоянный притокъ въ классную комнату чистаго воздуха, при постоянномъ выходѣ изъ нея воздуха, испорченнаго дыханіемъ и испареніями,—незамѣнимы въ школѣ никакими аппаратами. Стѣны классной комнаты увѣшаны ящикомъ, изъ котораго выкачиваются географическія карты, классною доскою, картами и картинами; тутъ же вы опять встрѣчаетесь съ русскими вертикальными счетами, ариѳметическимъ ящикомъ, моделями для изученія мѣръ. По естествознанію шведская школа, состоящая въ

отдѣлу духовенства, выставила 43 различныхъ учебныхъ пособія, а по преподаванію закона Божія только 20 и въ числѣ ихъ библію въ рисункахъ Шнорра, изъ чего не трудно вывести, что, по мнѣнію шведскаго духовенства, реальное обученіе должно въ раннемъ возрастѣ человѣка преобладать надъ религіознымъ, какъ конкретное надъ абстрактнымъ. Шведскія учебныя пособія очень хороши: почти всѣ учебники печатаются четкимъ латинскимъ шрифтомъ, а не готическимъ; стѣнные карты, изданныя въ Швеціи, не уступаютъ лучшимъ нѣмецкимъ, а школьные атласы нѣсколько хуже по технической отдѣлкѣ; въ числѣ пособій выставлены зоологическія таблицы Шумбурга, ботаническіе рисунки Андерсона, атласъ естественной исторіи Ольсона, глобусъ Гасселгрена, астрономическіе рисунки Менцера, теллуриі и лунаріи Берга, картины для нагляднаго обученія Зандберга, коллекціи физическихъ инструментовъ Лита и различные другія пособія, изданныя въ Швеціи, не упоминая о многихъ переводахъ съ нѣмецкаго языка. У задней стѣны классной комнаты выставлены два пособія, весьма дорогія и весьма сложныя, а потому и не цѣлесообразныя: счетный аппаратъ Флодеруса, стоющій около 40 руб. сер. и не превосходящій обыкновеннаго арифметическаго ящика по приносимой имъ пользѣ, и нѣмая карта Швеціи на черной доскѣ, въ которую забиты гвозди въ тѣхъ точкахъ, гдѣ слѣдовало бы означать города; ученику вручаютъ деревашки съ названіями городовъ, и онъ надѣваетъ ихъ на гвозди сообразно географическому положенію городовъ. Небольшая дверь ведетъ изъ классной комнаты въ школьную бібліотеку, въ которой я замѣтилъ такія книги, которыя сдѣлали бы честь и нѣмецкой, столь обширной литературѣ; таковы — сочиненія: „Andra Bandet“, описывающее въ четырехъ большихъ томахъ съ картинами Швецію, Норвегію и Данію, и „Industrien bok“ Шейца въ двухъ объемистыхъ томахъ со множествомъ картинъ и чертежей, описывающее различные ремесленныя и фабричныя производства. Если вы хотите получить понятіе о работахъ учениковъ, то вы должны подняться во второй этажъ школьнаго дома, гдѣ учительская квартира занята теперь выставленными предметами. Тутъ вы убѣдитесь въ томъ, что въ шведскихъ народныхъ училищахъ рукодѣлье достигло высокой степени совершенства и встрѣтите нѣсколько образцовъ чрезвычайно изящныхъ, но простыхъ и легкыхъ работъ, которыхъ вы не увидите въ педагогическихъ отдѣлахъ другихъ государствъ. Вотъ, напримѣръ, коврикъ, сплетенный воспитанниками института для идіотовъ, изъ разноцвѣтныхъ полосокъ сукна, подобно тому, какъ въ дѣтскихъ садахъ малытки плетутъ изъ бумаги; тутъ выставлена подушечка, сдѣланная въ народномъ училищѣ изъ вертикально расположенныхъ полосокъ сукна, а тамъ вы видите различныя

работы изъ цвѣтныхъ тряпочекъ; чего тутъ нѣтъ! и бѣлье, и чулки шерстяные и нитяные, и башмаки на деревянной подошвѣ, и мотки изъ лучины, и кружево, и вышитыя на холстѣ мѣтки. А вотъ работы глухонѣмыхъ, достигающихъ въ школѣ такого возраста, когда человѣкъ уже обладаетъ потребными для ремесла силами: замки, художественно сдѣланный шахматный ящикъ, изящныя рѣзные рамки, чернильницы, этажерка, мужское платье, сапоги, модели сельско-хозяйственныхъ орудій, модель дома. Наконецъ, спустившись въ нижній этажъ, и тамъ, въ комнатѣ, напротивъ народнаго училища, а частію въ верхнемъ этажѣ вы увидите весьма удовлетворительные образцы рисованья учениковъ, но, къ сожалѣнію, преимущественно копій съ оригиналовъ, а не съ натуры; *моделей* для обученія естественнымъ наукамъ вы не встрѣтите даже въ реальномъ отдѣленіи шведскаго училищнаго дома, но замѣтите тамъ очень хорошіе, раскрашенные, крупные анатомическіе рисунки, довольно жалкую коллекцію насѣкомыхъ и чрезвычайно художественно исполненные въ Швеціи хромофотографированные альбомы. Въ заключеніе обзора шведской педагогической выставки, доказывающей, что шведское школьное дѣло идетъ въ уровень съ развитіемъ въ наши дни науки о воспитаніи, нельзя не припомнить того, какъ покойный король шведскій, въ одной изъ рѣчей своихъ, обращенныхъ къ парламенту, обѣщалъ народу обратить особенное вниманіе на народное образованіе, и сдержалъ свое слово; въ Швеціи правительство и народъ сдѣлали свое для школы, и вотъ красуется возлѣ „павильона жюри“, въ паркѣ выставки, шведское народное училище, наглядно поясняющее, что ни суровый климатъ, ни малонаселенность, ни бесплодность почвы, ни неприступность утесовъ, ни непроходимые лѣса не мѣшаютъ народу достигнуть образованія, если только онъ энергически примется за дѣло и настойчиво будетъ добиваться однажды избранной цѣли, если только народная школа станетъ для него рогакомъ изобилія, а не рабочимъ домомъ, или кабинетомъ для упражненія полицейскихъ агентовъ и шпионовъ и для обезличенія дѣтей.

БАР. Н. КОРФЪ.

27-го іюня (7-го іюля) 1873.

Женева.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое сентября, 1873.

Законъ о земскихъ ходатайствахъ.—Возвышеніе патентнаго сбора на продажу питей.—Правила раздробительной продажи ихъ въ Петербургѣ.—Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1871 г.—Университеты.—Гимназіи.—Начальныя училища.—Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ.—Пріемъ духовныхъ семинаристовъ въ университеты.

Въ Россіи дѣйствуетъ уже шесть лѣтъ мудрый и либеральный законъ, самое существованіе котораго было неизвѣстно обществу. Только изъ опубликованнаго въ прошедшемъ мѣсяцѣ указа правительствующаго сената мы узнали, что ходатайства нашихъ губернскихъ земскихъ собраній могутъ быть оставляемы безъ послѣдствій не иначе, какъ по предварительномъ представленіи о томъ комитету министровъ. Оказывается, что положеніемъ комитета министровъ, состоявшимся согласно представленію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, и высочайше утвержденнымъ 7-го іюля 1867 года, постановлено: „чтобы о всѣхъ оставленныхъ безъ послѣдствій ходатайствахъ губернскихъ земскихъ собраній представляемо было комитету министровъ,—съ изъятіемъ изъ такого порядка дѣлъ, касающихся поступленія денегъ въ казну или денежныхъ изъ нея выдачъ, такъ какъ дѣла эти, по особымъ условіямъ финансоваго управленія, должны оставаться въ прямой отъ министра финансовъ зависимости и производиться соблюдающимся для нихъ порядкомъ“. Законъ этотъ хотя въ свое время обнародованъ не былъ, но былъ введенъ въ дѣйствіе: „объ этомъ положеніи комитета министровъ было для руководства сообщено подлежащимъ министерствамъ, но оно не было распубликовано общеустановленнымъ для правительственныхъ распоряженій порядкомъ. Нынѣ Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе пред-

ставленія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 10-го (22-го) іюля сего года, высочайше соизволилъ на распубликованіе“ приведеннаго положенія.

Въ практическомъ отношеніи нынѣшнее распубликованіе этого закона не измѣнитъ, конечно, соблюдающагося порядка, такъ какъ и доселѣ соблюдался порядокъ, установленный этимъ же закономъ. Однако никакъ нельзя сказать, что распубликованіе его лишено значенія въ практическомъ смыслѣ, такъ какъ теперь земства при своихъ ходатайствахъ будутъ имѣть въ виду и ту опору, какую даетъ имъ законъ, и тотъ положительный предѣлъ, который онъ имъ назначаетъ. Вступая съ ходатайствомъ по какому-либо мѣстнымъ нуждамъ, земство будетъ имѣть въ виду, что устраненіе этого ходатайства зависить не отъ одного министра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ отказъ со стороны комитета министровъ, будетъ знать, что тѣмъ самымъ ходатайству этому полагается окончательный, законный предѣлъ, между тѣмъ какъ доселѣ земство иногда приходило въ нѣкоторыхъ дѣлахъ къ замѣшательству именно потому, что и за отказомъ въ порядкѣ установленномъ закономъ, котораго оно не знало, оно продолжало надѣяться на возможность дальнѣйшаго ходатайства. Однимъ словомъ, приданіе закону гласности достигнетъ общей цѣли законодательства: опредѣлить въ государствѣ съ возможной твердостью и точностью правъ и обязанности.

Но обнародованіе закона 7-го іюля 1867 года имѣетъ еще и другое, большее значеніе, въ смыслѣ подтвержденія принципа важности первостепенной. Оно показываетъ намъ, что по мудрой мысли законодателя, земскія учрежденія должны, подъ сѣнію верховной власти, составлять организмъ самостоятельный отъ администраціи не только въ низшей, но и въ высшей сферѣ своихъ отправленій. Въ отдѣльномъ министрѣ законъ видѣлъ не только лицо, облеченное довѣріемъ верховной власти, но и главу одной изъ отраслей администраціи, естественно имѣющей и свои собственные воззрѣнія, которыми законъ не хотѣлъ безусловно подчинить воззрѣнія земства на его мѣстные интересы. Исходя, очевидно, изъ этой мысли, законъ и поставилъ высшимъ, окончательнымъ судьей надъ разногласіемъ главнаго административнаго начальства и земскаго собранія губерніи—одно изъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Въ этомъ смыслѣ обнародованіе закона 7-го іюля 1867 года представляетъ большое значеніе, какъ уясненіе и утвержденіе коренного принципа всей земской реформы. Оно показываетъ, что неправы были тѣ пессимисты, которые умалали значеніе этой реформы, ссылаясь на мнимый законъ, будто земскія учрежденія прямо подчинены высшимъ органамъ той же администраціи, отъ которой они сдѣланы независимыми въ

низшей сферѣ. Оно, къ искренней нашей радости, укрѣпляетъ насъ въ той мысли, которой мы всегда держались, именно, что земскія учрежденія въ Россіи имѣютъ передъ собой плодотворную будущность. Оно удостовѣряетъ отрадный фактъ, что въ мысли самого законодателя земская реформа, при ея введеніи, имѣла болѣе значеніе, чѣмъ какое ей было придано многими въ обществѣ, и что въ предначертаніи этой реформы входила мысль о дѣйствительной самостоятельности создаваемыхъ общественныхъ органовъ.

Извѣстно, что практика земскихъ учрежденій создала весьма различныя возрѣнія на нихъ въ обществѣ. Поэтому, то изложеніе принципа закона 7-го іюля 1867 года, которое мы представили, хотя намъ оно представляется прямо вытекающимъ изъ его буквы и въ дѣйствительности, единственно возможнымъ, мы все-таки должны впередъ оградить отъ возможнаго возраженія. Намъ могутъ возразить, что законъ 1867 года, хотя и ставитъ высшимъ судьей надъ разногласіемъ мнѣнія министра съ ходатайствомъ земства одно изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій, но ставитъ такимъ судьей не государственный совѣтъ, учрежденіе, не зависящее отъ инстанціи, но комитетъ министровъ, состоящій изъ самихъ высшихъ начальниковъ администраціи, связанныхъ между собою самымъ сходствомъ своего положенія. Но такое возраженіе было бы невѣрно по самому существу дѣла, то-есть вовсе не доказывало бы, что законъ предпочелъ въ этомъ случаѣ одно высшее учрежденіе другому прямо съ цѣлью ограничить самостоятельность земства отъ администраціи. Государственный совѣтъ есть учрежденіе законодательное, а не высшая администрація для дѣлъ административно-общественнаго характера. По смыслу нашихъ учредительныхъ законовъ, разногласія администраціи съ земствомъ могли быть подчинены вѣдѣнію именно только учрежденій специально-правительственнаго характера, каковы, съ одной стороны, административный сенатъ, съ другой—комитетъ министровъ. Само положеніе о земскихъ учрежденіяхъ опредѣляетъ, что въ случаяхъ несогласія министра внутреннихъ дѣлъ съ постановленіемъ губернскаго земскаго собранія, дѣло, подавшее поводъ къ несогласію, поступаетъ на рѣшеніе сената, а также что жалобы правительственныхъ учрежденій вообще на постановленія земскихъ собраній о предметахъ, не подлежащихъ ихъ вѣдомству и превышающихъ предѣлы ихъ власти, разсматриваются сенатомъ. Но относительно земскихъ ходатайствъ невозможно было предоставить отклоненіе ихъ сенату, такъ-какъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе ходатайствъ зависитъ болѣе отъ соображеній возможности и пользы, чѣмъ отъ разъясненія формальнаго смысла закона. Единственной возможной высшей инстанціей въ этихъ случаяхъ и пред-

ставлялся, въ средѣ существующихъ у насъ учреждений, именно комитетъ министровъ. Правда, это учрежденіе состоитъ изъ начальниковъ административныхъ частей или товарищей, заступающихъ ихъ мѣста. Однако, состоя изъ членовъ не только равноправныхъ, но и назначенныхъ въ разное время, нашъ комитетъ министровъ представляетъ весьма существенное различіе съ *советомъ* министровъ, какъ онъ представляется въ иныхъ государствахъ. Само собою разумѣется, что если на разсмотрѣніе гг. Лоу, Бруса, Гренвилля и проч. поступило бы разногласіе какого-либо общества съ г. Гладстономъ, то товарищи премьера почли бы себя обязанными, въ случаѣ его настоянія на своемъ, согласиться съ нимъ, такъ какъ всѣ они назначены болѣе или менѣе въ одно время и въ сущности избраны имъ самимъ. Мы говоримъ это не съ цѣлью сравненій между нашими и чужими учреждениями, но для того, чтобы констатировать фактъ, что члены комитета министровъ у насъ, какъ назначенные въ разное время и болѣе независимые одинъ отъ другого, могутъ весьма безпристрастно относиться къ дѣламъ, въ которыхъ замѣшано мнѣніе одного изъ нихъ же, такъ что представленіе комитету министровъ ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній, предварительно ихъ отклоненія, составляетъ въ дѣйствительности существенную гарантію. Изъ обнародованнаго нынѣ закона не видно одного: восходитъ-ли затѣмъ положеніе комитета министровъ по такимъ дѣламъ на утвержденіе верховной власти, на общемъ основаніи, или же комитету предоставлено было право окончательнаго утвержденія въ этомъ отдѣльномъ случаѣ, подобно тому, какъ такое право ему было предоставлено закономъ 7-го іюня 1872 года по отношенію къ представленіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи выпуска книгъ и номеровъ журналовъ?

Изложенныя нами въ іюльскомъ обзорѣ свѣдѣнія о предстоящемъ возвышеніи патентнаго сбора съ водочныхъ заводовъ и заведеній для продажи крѣпкихъ напитковъ, а также о мѣрахъ къ ограниченію раздробительной питейной торговли въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, оказались вполне вѣрными. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 18-го іюля напечатано было относящееся къ этому дѣлу мнѣніе государственнаго совѣта, высочайше утвержденное 16-го (28-го) іюня, а также и правила раздробительной продажи, высочайше утвержденныя въ тотъ же день. Новое росписаніе патентнаго сбора и правила о раздробительной продажѣ въ Петербургѣ и пригородныхъ участкахъ вводятся въ дѣйствіе съ 1-го января 1874 года, въ видѣ опыта на три года, а министру финансовъ предоставляется неотлагательное соображеніе о возможномъ примѣненіи пра-

ить раздробительной продажи, изданныхъ теперь для Петербурга—къ Москвѣ, Одессѣ и къ нѣсколькимъ уѣздамъ разныхъ губерній, для представленія о томъ комитету министровъ.

Патентный сборъ опредѣляется теперь по мѣстностямъ (раздѣленнымъ на три категоріи): съ водочныхъ заводовъ въ 225—600 р., съ оптовыхъ складовъ 100—600 р., съ ренсковыхъ погребовъ безъ распивочной продажи 70—400 р., съ нихъ же добавочно за распивочную продажу 90—550 р., съ погребовъ, продающихъ исключительно русскія виноградныя вина 5—25 р., съ трактирныхъ заведеній 70—330 р., съ портерныхъ и пивныхъ лавокъ 15—55 р.; наконецъ собственно съ кабаковъ, или питейныхъ заведеній низшаго разряда, какъ-то: питейныхъ домовъ, шинковъ, водочныхъ и штофныхъ магазиновъ, и съ распивочной продажи въ корчмахъ и постоялыхъ дворахъ: въ мѣстностяхъ 3-го разряда 140 р., 2-го разряда 280 р. и 1-го разряда 550 р. (для корчемъ въ балтійскихъ губерніяхъ и низшихъ питейныхъ заведеній въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ размѣръ сбора ниже). Возвышеніе патентнаго сбора въ связи съ возвышеніемъ акцизнаго сбора должно сказаться значительнымъ возрастаніемъ государственнаго дохода съ питей. Что возвышеніе это отзовется и на продажной цѣнности крѣпкихъ напитковъ, весьма вѣроятно. Падая почти исключительно на средства податной массы, возвышеніе питейнаго дохода должно представить собою новый аргументъ въ пользу обращенія доли ежегоднаго возрастанія государственныхъ доходовъ на пониженіе одной изъ другихъ лежащихъ на той же массѣ податей, какъ, напримѣръ, пониженіе подушныхъ сборовъ и уменьшеніе цѣны соли. Въ связи съ такимъ облегченіемъ, увеличеніе питейнаго сбора получило бы характеръ полезнаго, хотя и частнаго преобразованія. Оставаясь же безъ соотвѣтственнаго корректива въ уменьшеніи податнаго бремени, оно означало бы не что иное, какъ увеличеніе его тяжести. Допустимъ, что подъ вліяніемъ въ особенности возвышенія питейнаго сбора, цѣна стакана водки увеличилась бы на копѣйку; на средствахъ трезваго и бережливаго крестьянина это сказалось бы все-таки возвышеніемъ податей на 4—5 рублей въ годъ. Будь одновременно понижена иная подать, результатомъ для такого крестьянина было бы сохраненіе status quo, съ бѣльшимъ побужденіемъ не пить; пьяницъ же не спасешь отъ разоренія никакою дешевизною водки, потому что разоряются они запущеніемъ дѣлъ и растратою денегъ на то что ни попало.

Разсмотримъ ближе изданныя теперь для Петербурга съ его пригородными участками правила раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ, имѣющія быть въ послѣдствіи примѣненными и къ дру-

гимъ большимъ городамъ. Характеристическое правило здѣсь состоитъ въ томъ, что число питейныхъ домовъ въ городѣ и пригородныхъ участкахъ ограничивается и право открытія питейныхъ домовъ „предоставляется желающимъ за патентную въ пользу казны плату, размѣръ коей опредѣляется съ *торговъ*“. Для открытія питейнаго заведенія требуется еще одобрительное свидѣтельство общества о личности. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ создается привилегія на распивочную продажу, и привилегія эта продается съ *торговъ*. Для того же, чтобы привилегія эта не обратилась въ настоящую монополію, напоминающую прежніе откупа, постановляется, что одно лицо можетъ содержать въ Петербургѣ съ окрестностью не болѣе трехъ питейныхъ домовъ, съ тѣмъ притомъ, чтобы они находились въ разныхъ частяхъ города или загородной мѣстности. Можно, конечно, было бы предполагать, что такое ограниченіе на дѣлѣ будетъ обходимо при помощи подставныхъ лицъ, такъ что питейная продажа если не во всемъ Петербургѣ, то въ той или другой части его попадетъ въ дѣйствительности въ руки одного лица. Но возможность этого уже предвидѣна самими правилами, которыя и заключаютъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „въ случаѣ *обнаруженія*, что одно лицо содержитъ болѣе одного питейнаго дома въ одной городской части или въ одной пригородной мѣстности, или же вообще болѣе трехъ питейныхъ домовъ, хотя бы и посредствомъ подставныхъ лицъ,—оно лишается права на торговлю питьями, причемъ выданные сему лицу патенты на питейные дома отбираются“. Это постановленіе предупреждаетъ возможность монополіи, такъ какъ законъ противопоставляетъ ей не одно только формальное свое воспрещеніе, но еще и камерально-слѣдственную мѣру, сопряженную съ лишеніемъ патента, то-есть съ тяжелымъ денежнымъ штрафомъ. Число питейныхъ домовъ для города должно быть опредѣлено градоначальникомъ, а для пригородныхъ мѣстностей губернаторомъ, по сношеніи съ министерствомъ финансовъ. По слѣдовавшему уже затѣмъ распоряженію число питейныхъ домовъ для Петербурга опредѣлено въ 184. Гостинницы, трактиры, рестораны, постоянные дворы и т. д. сохраняютъ право распивочной продажи, но если при освидѣтельствovanіи будутъ признаны „соотвѣтствующими своему назначенію“; впрочемъ, трактирные заведенія, открытыя до 1863 года, сохраняютъ право питейной торговли во всякомъ случаѣ. Ренсковые погреба сохраняютъ право распивочной продажи, если имѣютъ свидѣтельство на трактирный промыселъ, которое даетъ имъ право предлагать закуски; безъ такого свидѣтельства, ренсковые погреба могутъ торговать только на выносъ. Гостинницы, ренсковые погреба и портерныя лавки (которыя могутъ продавать только портеръ, пиво

и медь) могутъ отъкрываться и впредь въ неограниченномъ числѣ. Трактиры, кухмистерскія и рестораны съ продажей ерѣвнхъ напитковъ дозволяется открывать только въ числѣ опредѣленномъ градоначальникомъ или губернаторомъ, постоянныя же дворы, съ правомъ питейной продажи, открываются хотя и не въ опредѣленномъ числѣ, но только съ разрѣшенія градоначальника или губернатора, причемъ продажа питей и съѣстныхъ припасовъ въ нихъ допускается только для постояльцевъ. Харчевни и съѣстные лавки открываются въ неограниченномъ числѣ, но право питейной продажи имъ не предоставляется.

Патентный сборъ для Петербурга и его пригородныхъ мѣстностей опредѣляется: для питейныхъ домовъ — съ торговъ; для заведеній, торгующихъ на выносъ—600 р., для портерныхъ — 25 р., для заведеній, торгующихъ исключительно распивочно, кромѣ питейныхъ домовъ (гостиницы, трактиры, рестораны и кухмистерскія) — 330 р., причемъ сборъ съ нихъ въ этомъ размѣрѣ раскладывается между ними порядкомъ, установленнымъ положеніемъ о трактирныхъ заведеніяхъ, съ буфетовъ отъ 70 до 170 рублей, и съ постоянныхъ дворовъ 550 р. Приведемъ еще нѣсколько новыхъ постановленій относительно устройства собственно питейныхъ домовъ. Питейный домъ долженъ помѣщаться въ нижнемъ этажѣ и долженъ состоять изъ одной комнаты, имѣющей площадь не меньше 16 кв. сажень и высоту не менѣе 3½ арш. Комната эта должна быть совершенно отдѣльная, безъ всякой связи съ другимъ помѣщеніемъ и имѣть всѣ окна на улицу; въ ней не допускается никакое жилье, хотя бы самого хозяина; она должна имѣть двѣ двери на улицу и не вмѣщать никакихъ перегородокъ и никакой мебели, за исключеніемъ назначенной для сидѣльцевъ, поставленной за стойкою.

Смыслъ всего этого положенія представляетъ нѣчто въ родѣ средняго термина между мѣрами, предложенными съ разныхъ сторонъ для уменьшенія пьянства. Основной мыслью его представляется мысль, которую мы всегда признавали основательною, именно, что развитіе пьянства *имѣетъ* связь съ размноженіемъ распивочныхъ продажъ. Но строгое проведеніе этой мысли повело бы просто къ ограниченію числа такихъ продажъ, ограниченію, которое, какъ намъ казалось, удобнѣе всего было предоставить земству, прямо заинтересованному какъ въ уменьшеніи пьянства, такъ и въ охраненіи сбора съ питейныхъ заведеній, съ которыхъ оно само получаетъ долю пропорціональную казенному доходу. Предоставленіе опредѣлять число питейныхъ домовъ начальнику полиціи намъ кажется менѣе мотивированнымъ. Но нынѣшнее положеніе не провело безусловно мысли объ опредѣленіи числа распивочныхъ продажъ. Составители его по-

видимому принимали еще въ соображеніе мнѣніе, заявленное въ коммисіи сельскаго хозяйства, что особенно вредно дѣйствуетъ система спеціализаціи продажи крѣпкихъ напитковъ, что лучше было бы вовсе отмѣнить мѣста продажи одной „голой водки“, не ограничивая распивочной продажи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крѣпкіе напитки составляютъ только одну изъ статей продажи, то-есть предлагаются вмѣстѣ съ кушаньемъ, чаемъ, пивомъ и т. д. Однако осуществить безусловно это мнѣніе составители положенія не рѣшились, такъ какъ въ основу ими была принята все-таки мысль, что развитіе пьянства находится въ связи съ размноженіемъ распивочныхъ продажъ вообще. Поэтому уступку мнѣнію сейчасъ приведенному они сдѣлали только въ томъ, что распивочную продажу въ трактирахъ и ренсковыхъ погребахъ, имѣющихъ, на основаніи взятаго трактирнаго свидѣтельства, право предлагать закуски, они не подвергли высокому патентному сбору, какой долженъ былъ опредѣлиться съ торговъ, открытіе ренсковыхъ погребовъ допустили въ неограниченномъ числѣ и подвергли эти заведенія патентному сбору въ весьма умѣренномъ размѣрѣ 330 р. Такое постановленіе могло быть вызвано еще однимъ мнѣніемъ, которое заявлялось по поводу сильнаго возвышенія цѣны патентовъ и ограниченія числа распивочныхъ продажъ: говорили, что послѣдствіемъ этихъ мѣръ можетъ быть скрытая монополія и произвольное возвышеніе монополистами цѣны вина въ продажѣ. Допуская конкуренцію трактировъ, подлежащихъ низкому патентному сбору, съ питейными домами, составители правилъ, повидимому, хотѣли не только сдѣлать уступку мнѣнію о сравнительной безвредности продажи крѣпкихъ напитковъ вмѣстѣ съ продажей съѣстныхъ припасовъ и чая, но еще найти коррективъ противъ чрезмѣрнаго возвышенія цѣны продажнаго вина въ питейныхъ домахъ, обложенныхъ высокимъ сборомъ, посредствомъ стачки ихъ владѣльцевъ. Принявъ такія предупредительныя мѣры противъ монополіи или стачки питейныхъ домовъ, и соглашаясь съ мнѣніемъ какъ о вредѣ вообще слишкомъ большого числа распивочныхъ продажъ, такъ и съ мнѣніемъ объ особенной вредности продажи „голой водки“, составители правилъ затѣмъ и рѣшились наложить всю тягость мѣръ ограниченія именно на питейные дома.

Опытъ предстоящихъ трехъ лѣтъ покажетъ, насколько совокупность такихъ правилъ, которыя составлены очевидно подъ вліяніемъ весьма различныхъ и отчасти даже противоположныхъ мнѣній, можетъ достигать цѣли. Система отдачи права на открытіе питейныхъ домовъ съ торговъ истекаетъ, естественно, изъ самого опредѣленія ихъ числа; во всякомъ случаѣ она представляетъ ту выгоду, что

при помощи ея опредѣлится возможно большая цѣна патента при ограниченномъ числѣ питейныхъ домовъ. Установленія монополіи одного или нѣсколькихъ лицъ едва ли можно опасаться. Угроза лишенія патента въ случаѣ обнаруженія, что одно лицо содержитъ болѣе трехъ питейныхъ домовъ, хотя бы посредствомъ подставныхъ лицъ — представляется достаточною для предупрежденія монополіи. Произведенные уже торги показали, что монополіи, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, не будетъ. Патенты приобретены совершенно самостоятельными хозяевами изъ зажиточныхъ прежнихъ питейныхъ торговцевъ. Другое дѣло — стачка и возвышеніе ея цѣны на вино. Положимъ, что при правѣ одного лица содержать до 3-хъ заведеній, 184 питейные дома Петербурга остались бы въ рукахъ около 100 лицъ. Попытка монополиста прибрать значительную часть дѣла въ свои руки имѣла бы смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибы онъ могъ на обширномъ пространствѣ скупить *все* питейные дома и затѣмъ произвольно возвысить цѣну вина; но пока въ каждой мѣстности остается хотя одинъ независимый отъ него питейный домъ, произвольное возвышеніе имъ цѣны на вино было бы немислимо. Стачка же, конечно, возможна и между сотнею лицъ; но здѣсь является коррективомъ разьединеніе интересовъ въ самой средѣ распивочныхъ торговцевъ, такъ какъ только тѣ изъ нихъ, которые содержатъ питейные дома взятые съ торговъ, могли бы спекулировать на возвышеніе цѣны стачкою; тѣ же, которые содержатъ трактиры и ренсковые погреба съ распивочною продажей, платя низкій патентный сборъ, должны спекулировать на пониженіе цѣны вина. Въ этомъ смыслѣ освобожденіе трактировъ и погребовъ отъ торговъ на распивочную продажу представляется остроумною комбинаціею. Спрашивается только, не составитъ ли такая конкуренція трактировъ и погребовъ слишкомъ большого подрыва содержателямъ питейныхъ домовъ? Патентная цѣна на питейные дома, при торгахъ, опредѣлилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слишкомъ въ 1300 рублей; трактиры же и погреба съ трактирнымъ свидѣтельствомъ будутъ платить за патентъ всего 330 рублей. При этомъ число трактировъ опредѣлено, но число погребовъ не опредѣлено. Ясно, что спекуляція тотчасъ накинется на открытіе погребовъ съ трактирнымъ свидѣтельствомъ и распивочною продажей. Сверхъ того, такъ какъ всѣ трактиры, открытые до 1-го января 1863 года, во всякомъ случаѣ сохраняютъ право распивочной продажи, то не менѣе ясно, что въ числѣ послѣдствій новыхъ правилъ будутъ: 1) что старые трактиры сильно поднимутся въ цѣнѣ; 2) что какъ старые трактиры, такъ и тѣ новые, которые будутъ допущены до пополненія опредѣленнаго числа трактировъ, будутъ, вслѣдствіе ограниченія числа питейныхъ домовъ и дешевизны рас-

Опыт предстоящих трех
ность таких пра... тория со
весьма различ... на от
жеть достига... е, г
домовъ съ т... (а)
ихъ числа...

вещь не
 размноже-
 курренціи.
 то вслѣд-
 и нѣсколько
 какъ бы ши-
 епремѣнно ве-
 и въ цѣнѣ по-
 тентовъ; но въ
 именно вслѣдствие
 ковъ въ столицахъ
 и менѣе чувстви-
 наго сбора; но тѣмъ
 мѣны падающаго на
 сбора, который вдоба-
 юнально.

народованныхъ въ прош-
 ь отмѣнѣ положенія 1868
 дужбѣ. Эти правила были
 и срока, повелѣніемъ 21-го
 ется прекратить приемъ въ
 ей. Въ отмѣнѣ положенія о
 е приступленіе къ предстоя-
 ной службы. Замѣчательно, что
 въ введенъ законъ о наймѣ за-
 въ сущности тотъ самый законъ,
 1868 года и нынѣ отмѣненъ.
 тати будетъ бросить взглядъ на
 дѣла, какъ оно выражается офици-
 и о мѣропріятіяхъ по учебному вѣ-
 тѣ министерства народнаго просвѣ-
 выдающаяся черта учебной части у
 сняхъ преподаванія, есть—недостатокъ
 тожность наличнаго числа хорошихъ
 точность гимназическаго преподаватель-
 сическихъ языковъ, вызвавшая необхо-
 и „австрійскихъ славянъ“—факты обще-
 ей степени преподаванія, въ сферѣ уни-
 то же явленіе: отъ четверти и почти до
 преподавательскихъ мѣстъ въ нашихъ уни-
 незанятыми. Въ отчетѣ высказано сознаніе
 ля „все еще значительнаго числа“ преподава-

пивочнаго патента для трактировъ, получать большой доходъ, гораздо большій, чѣмъ трактиры имѣли доселѣ; и 3) что число ренсковыхъ погребовъ или такъ-называемыхъ „виноторговлей“ сильно увеличится. Намъ кажется, что опредѣленная для этихъ заведеній цѣна патента слишкомъ низка, и если только-что исчисленные послѣдствія произвели бы еще тотъ фактъ, что представили бы слишкомъ тяжкую для питейныхъ домовъ конкуренцію, тогда и оказалось бы, что средній терминъ между мнѣніями, въ сущности противоположными, неосуществимъ и что слѣдовало или просто отдавать съ торговъ *все* распивочныя продажи, или вовсе отмѣнить распивочную продажу внѣ трактировъ, разрѣшивъ открывать трактиры въ неопредѣленномъ числѣ.

Обнародованіе новыхъ правилъ питейной продажи и произведенныя въ прошломъ мѣсяцѣ торги на питейные дома естественно обратили на себя оживленное вниманіе населенія, такъ какъ перемена эта касается многочисленныхъ интересовъ. Фактъ, что число питейныхъ домовъ въ Петербургѣ уменьшается въ восемь разъ—184 вмѣсто полутора тысячи (1432 въ 1870 году, цифра „Русск. Календаря“), и новыя условія, въ какія подъ вліяніемъ этихъ правилъ становятся домовладѣльцы и хозяева 512 трактировъ, ресторановъ и кухмистерскихъ, не говоря уже о возможномъ возвышеніи цѣны вина, должны отозваться весьма замѣтнымъ образомъ на экономіи Петербурга. Домовладѣльцы лишаются нѣкоторой части дохода, такъ какъ хотя остающіеся питейные дома и будутъ платить за квартиру дороже прежняго, положимъ даже вдвое, но все-таки не въ восемь же разъ. Всѣ тѣ, преимущественно старые дома, въ которыхъ нижній этажъ представляется подваломъ, лишаются лучшаго дохода съ этихъ подваловъ, такъ какъ питейные дома въ нихъ теперь помѣщаться уже не могутъ. За то не мало выиграютъ тѣ домовладѣльцы, которые по устройству своихъ нижнихъ этажей найдутъ возможность отдать помѣщеніе со всѣми окнами и двумя дверями на улицу подъ питейное заведеніе. Не только цѣна помѣщеній удвоится теперь, но она будетъ еще постоянно возвышаться впослѣдствіи, чѣмъ долѣе кабакъ будетъ оставаться въ томъ же домѣ и, какъ говорится, „насиживать мѣсто“. Что касается самихъ питейныхъ домовъ, то содержаніе ихъ изъ рукъ самыхъ мелкихъ торговцевъ и нѣсколькихъ крупныхъ спекулянтовъ, имѣвшихъ значительное ихъ число, перейдетъ въ руки достаточнаго торговаго сословія. Расходъ питейнаго дома на одинъ „правъ“, считая патентъ въ казну, сборъ въ пользу города и торговые свидѣтельства, составитъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до 2 т. р., да на квартиру около тысячи рублей, итого 3 т. руб. сверхъ содержанія прислуги. Тѣмъ не менѣе легко разсчитать, что увеличивъ въ

восемь разъ число своихъ посѣтителей, питейный продавецъ не останется и теперь въ убытѣ, если только трактиры и разнородныя ренсковыя погребовъ не представляютъ большой конкуренціи. Что касается цѣны на вино въ распивочной продажѣ, то вслѣдствіе новыхъ правилъ она, по всей вѣроятности, все-таки нѣсколько поднимется, такъ какъ всякое ограниченіе торговли, какъ бы широки ни оставлены были предѣлы для конкуренціи, непременно ведетъ къ возвышенію цѣны товара. Вино поднимется въ цѣнѣ повсемѣстно, вслѣдствіе возвышенія акциза и цѣны патентовъ; но въ Петербургѣ его вздорожаніе будетъ значительнѣе именно вслѣдствіе ограниченія числа мѣстъ продажи. Высота заработковъ въ столицахъ и большихъ городахъ, конечно, сдѣлаетъ здѣсь и менѣе чувствительнымъ для народа такое возвышеніе питейнаго сбора; но тѣмъ болѣе основанія представляется отнынѣ для отмѣны падающаго на столичныхъ рабочихъ specialнаго адреснаго сбора, который вдобавокъ распределенъ въ высшей степени нераціонально.

Изъ числа правительственныхъ мѣръ, обнародованныхъ въ прошломъ мѣсяцѣ, мы должны упомянуть еще объ отмѣнѣ положенія 1868 года о правилахъ замѣны въ военной службѣ. Эти правила были введены на 5 лѣтъ и теперь, по истеченіи срока, повелѣніемъ 21-го іюля отмѣняются, причемъ предписывается прекратить пріемъ въ сухопутныя войска и флотъ замѣстителей. Въ отмѣнѣ положенія о замѣстителяхъ, слѣдуетъ видѣть первое приступленіе къ предстоящему введенію общеобязательной военной службы. Замѣчательно, что въ Бельгій именно нынѣшнимъ лѣтомъ введенъ законъ о наймѣ замѣстителей самой казною, то-есть въ сущности тотъ самый законъ, который существовалъ у насъ съ 1868 года и нынѣ отмѣненъ.

Къ открытію учебнаго года встаетъ будетъ бросить взглядъ на общее положеніе нашего учебнаго дѣла, какъ оно выражается официальными цифрами и свѣдѣніями о мѣропріятіяхъ по учебному вѣдомству, помѣщенными въ отчетѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1871 годъ. Наиболѣе выдающаяся черта учебной части у насъ, и притомъ на всѣхъ степеняхъ преподаванія, есть—недостатокъ самихъ преподавателей. Ничтожность наличнаго числа хорошихъ сельскихъ учителей и недостаточность гимназическаго преподавательскаго сословія по части классическихъ языковъ, вызвавшая необходимость усиленной выписки „австрійскихъ славянъ“—факты общеизвѣстны. Но и на высшей степени преподаванія, въ сферѣ университетской, замѣчается то же явленіе: отъ четверти и почти до трети штатнаго числа преподавательскихъ мѣстъ въ нашихъ университетахъ остаются незанатыми. Въ отчетѣ высказано сознаніе необходимости замѣщенія „все еще значительнаго числа“ преподава-

знало установленіе бѣльшаго за ними контрола. Для обсужденія этого вопроса была назначена особая коммиссія, которая признала полезнымъ: „сохраняя научный характеръ преподаванія въ юридическихъ факультетахъ (неужели это могло подлежать вопросу?), измѣнить только порядокъ и способъ преподаванія юридическихъ предметовъ“, для чего и поручить юридическимъ факультетамъ составить правила относительно порядка и способа преподаванія, и по утвержденіи примѣнить новыя правила во всѣхъ университетахъ. Правила эти, какъ мы слышали, нынѣ составлены, но остаются пока неизвѣстными, и гадать о нихъ было бы излишне. Замѣтимъ только, что мысль о недостаточности занятій студентовъ юридическихъ факультетовъ, о необходимости усиленія занятій и бѣльшаго за ними контрола, возникла не въ средѣ самихъ факультетовъ. Едва ли она могла возникнуть и въ средѣ, призванной провѣрять на дѣлѣ компетентность университетскихъ юристовъ, то-есть въ средѣ самого судебнаго сословія, которое, конечно, не могло убѣдиться въ превосходствѣ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія предъ университетскими студентами именно въ „самостоятельныхъ занятіяхъ, въ лекціяхъ“, хотя несомнѣнно, что въ училищѣ правовѣдѣнія существуетъ и всегда существовалъ бѣльшій „контроль“ за занятіями учениковъ, чѣмъ въ университетахъ. Несомнѣнно пока одно, именно, что лучшіе адвокаты вышли изъ университетскихъ юридическихъ факультетовъ.

Изъ мѣръ относительно другихъ высшихъ заведеній вѣдомства просвѣщенія, отчетъ за 1871 г. указываетъ между прочимъ на состоявшееся преобразование ярославскаго (Демидовскаго) лицея въ юридическій и предполагавшееся преобразование нѣжинскаго лицея (Безбородко) въ историко-филологическій. О первомъ, какъ о состоявшемся, нечего говорить; учрежденіе вблизи Москвы спеціальнаго юридическаго лицея, въ то время, когда въ московскомъ университетѣ недостаетъ шестнадцати профессоровъ, могло встрѣчать нѣкоторое возраженіе, которое, впрочемъ, можетъ и не оправдаться. Преобразование нѣжинскаго лицея въ историко-филологическій еще только предположено, а потому и безполезно будетъ нѣсколько остановиться на этой мысли. Отчетъ мотивируетъ это предположеніе слѣдующимъ образомъ: „въ кievскомъ учебномъ округѣ ощущается большой недостатокъ въ учителяхъ русскаго языка, а кievскій университетъ далеко не можетъ готовить достаточнаго числа учителей“. Признаемся, намъ неясно, почему же кievскій университетъ не можетъ приготовить ихъ, и почему лицей будетъ въ состояніи сдѣлать то, чего не въ состояніи сдѣлать университетъ? На все число 7251 учащихся въ нашихъ университетахъ, филологи составляютъ 508 чел., т.-е. около $\frac{1}{15}$ общаго числа; въ отдѣльности въ нѣко-

торыхъ университетахъ филологи составляютъ только $\frac{1}{30}$ числа студентовъ, но именно въ кievскомъ университетѣ численное отношеніе наиболѣе благоприятно для филологовъ, которыхъ числилось 99 изъ 1009, т.-е. почти $\frac{1}{10}$. Въ одномъ кievскомъ университетѣ филологовъ больше, чѣмъ во всемъ историко-филологическомъ институтѣ въ Петербургѣ, гдѣ на лицо было только 94 человѣка, изъ которыхъ ни одинъ не учился на свой счетъ, такъ какъ 86 были казеннокоштные, а 8—стипендіаты. Уже одно послѣднее обстоятельство, показывающее, что отдѣльный историко-филологическій институтъ есть учрежденіе, существующее чисто-искусственнымъ образомъ, съ ежегодной надержкою казны свыше 118 т. р.,—такъ что изъ 25 воспитанниковъ, кончающихъ въ немъ курсъ, каждый обходится государству въ 4520 рублей—уже одинъ этотъ примѣръ, хотимъ мы сказать, долженъ, казалось бы, предостерегать противъ созданія другого такого же искусственного учрежденія на югѣ. Да и къ чему же оно, когда, повторяемъ, въ кievскомъ университетѣ филологовъ болѣе, чѣмъ въ иныхъ, болѣе, чѣмъ въ самомъ историко-филологическомъ институтѣ? Едва ли можно чѣмъ-либо подтвердить мнѣніе, будто кievскій университетъ далеко не можетъ готовить достаточнаго числа учителей, а историко-филологическій лицей въ Нѣжинѣ могъ бы. Дѣло въ томъ, что если бы желающихъ заниматься филологіею явилось въ кievскій университетъ двойное и тройное число противъ нынѣ наличнаго—то и всѣ они могли бы быть приготовлены университетомъ въ филологи. Если же болѣе желающихъ не оказывается, то они и въ лицей могутъ явиться не иначе, какъ только если всѣ они будутъ казеннокоштные или стипендіаты, т.-е., если въ Нѣжинѣ устроены будутъ второй историко-филологическій институтъ, доставляющій государству за 4520 р. въ годъ одного филолога.

Свѣдѣнія отчета за 1871 года о гимназіяхъ, понятно, сводятся главнымъ образомъ къ введенію новаго устава, утвержденного въ томъ году, и тѣмъ результатамъ, какіе онъ успѣлъ дать въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ. Такъ какъ срокъ наблюденія былъ ужъ слишкомъ кратокъ, то положительное сужденіе о результатахъ въ отчетѣ за 1871 г. казалось бы слишкомъ преждевременнымъ; во всякомъ случаѣ факты, какіе могли обнаружиться въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ 1871 г., намъ кажутся недостаточными для того, чтобы основывать на нихъ хотя бы возраженіе противъ увѣренности въ успѣхѣхъ, заявляемой министерствомъ народнаго просвѣщенія на основаніи наблюденій за тѣ же 6 мѣсяцевъ. Поэтому, мы и оставимъ безъ возраженія такіе сдѣланные имъ за это краткое время выводы, что введеніе новаго устава (т.-е. преобладанія древнихъ языковъ) произошло „во всѣхъ частяхъ своихъ безъ малѣйшаго замѣшательства для общаго хода

всего учебно-воспитательнаго дѣла“ въ преобразованныхъ заведеніяхъ; что даже „увеличеніе числа окончившихъ курсъ должно быть приписано исключительно новымъ мѣрамъ, которыя были приняты для приданія гимназическому ученю большей основательности“, наконецъ, что „наши гимназіи уже обладаютъ многими отличными преподавателями древнихъ языковъ, этихъ основныхъ предметовъ гимназическаго курса“. Извѣстно, что даже и въ Германіи подобныя лица рѣдки; тѣмъ болѣе слѣдуетъ радоваться успѣху нашего учебнаго вѣдомства въ приисканіи ихъ въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ 1871 года. Мы не можемъ пропустить безъ возраженія только одного замѣчанія составителей отчета, будто въ нашемъ обществѣ „существуетъ еще нынѣ весьма сильное предубѣжденіе противъ основательнаго изученія древнихъ классическихъ языковъ“. Намъ кажется сомнительнымъ, чтобы не только все русское общество, но даже кто-либо въ обществѣ имѣлъ странное предубѣжденіе противъ *основательнаго* изученія древнихъ языковъ; возраженія были направлены противъ принесенія въ жертву древнимъ языкамъ основательнаго изученія всѣхъ прочихъ общеобразовательныхъ предметовъ, какъ, напр., противъ сокращенія числа уроковъ по исторіи и русскому языку въ пользу языка греческаго. Но едва ли не ошибочно предполагать, что разъ обученіе обоимъ древнимъ языкамъ введено въ курсъ, кто-либо могъ имѣть предубѣжденіе собственно противъ *основательнаго* ихъ изученія.

Гимназій было въ 1871 году 126, прогимназій 32, съ общимъ числомъ учениковъ къ 1-му января 1872 года 42,791. Окончили курсъ 1804, выбыли до окончанія курса 7478. Въ отчетѣ упоминается и о новыхъ правилахъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, выработанныхъ особою комиссіею министерства. Но правила эти были примѣнены уже въ 1872—73 учебномъ году, и мы имѣли случай указывать на отношеніе ихъ къ уставу гимназій 1871 года, которымъ рѣшеніе вопросовъ, возникающихъ при экзаменахъ, предоставлено было исключительно педагогическимъ совѣтамъ самихъ гимназій, между тѣмъ какъ правилами предоставлено весьма значительное вліяніе депутатамъ отъ попечителей. Изъ новыхъ мѣръ, упоминаемыхъ въ отчетѣ, заслуживаютъ полнаго одобренія успѣшное исполненіе тѣхъ требованій устава, которыя касаются учрежденія классныхъ наставниковъ и соединенія съ должностями директора и инспектора должности преподавателя одного изъ учебныхъ предметовъ. Вообще отчету мы должны отдать справедливость, что въ немъ на первомъ планѣ является примѣненіе къ дѣлу однажды избранной учебной системы, т.-е. само учебное дѣло, а не какія-либо соображенія о внѣшнемъ порядкѣ и благоустройствѣ. Каково бы ни было различіе нашихъ взглядовъ на самую систему, мы всегда готовы отнестись съ уваже-

какъ къ силѣ убѣжденія и хотя бы даже къ нѣкоторому оптимизму относительно добытыхъ результатовъ, исходящему изъ этого почтеннаго источника.

Нельзя также не порадоваться успѣху министерства народнаго просвѣщенія въ усиленіи средствъ на содержаніе гимназій; исходятайствованная имъ на этотъ предметъ въ 1871 году прибавка представляетъ сумму въ 244,600 рублей. Общая же сумма на содержаніе гимназій и прогимназій составляетъ самую крупную изъ всѣхъ цифръ бюджета этого министерства, и именно, изъ государственнаго казначейства 3 милл. 215 т. р., а вмѣстѣ со всѣми прочими средствами, какъ-то: изъ платы за ученіе, общественныхъ и другихъ суммъ, всего 4.467,644 р. Одинъ изъ немаловажныхъ ресурсовъ даетъ здѣсь и плата за содержаніе воспитанниковъ. Уставъ 1871 года отмѣнилъ, между прочимъ, и въ виду увеличенія средствъ гимназій, ограниченіе устава 1864 года, въ силу котораго въ пансіоны при гимназіяхъ принимались только ученики трехъ низшихъ классовъ. Нельзя не замѣтить однако, что пансіоны для взрослыхъ учениковъ имѣютъ серьезныя неудобства, и вѣскія возраженія, высказанныя Пироговымъ противъ содержанія взрослыхъ молодыхъ людей въ пансіонахъ, остаются истинами, которыя не опровергаются даже и удостовѣреніемъ отчета, что пансіоны „находятся въ удовлетворительномъ состояніи“, что „между воспитанниками ихъ процентъ успѣвающихъ вообще былъ больше, чѣмъ между приходящими учениками“ и что „къ пансіонамъ примѣнялись съ полною добросовѣстностью, какъ и прежде, всѣ мѣры, могущія содѣйствовать умственному и нравственному развитію воспитанниковъ“.

Относительно успѣшнаго преподаванія русскаго языка, особенно въ виленскомъ округѣ, отчетъ полагается на содѣйствіе воспитанниковъ историко-филологическаго института въ Петербургѣ; замѣчательно, что изъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ этого же института, петербургское гимнастическое общество, за значительное денежное содѣйствіе отъ министерства, приготовило 8 учителей гимнастическаго искусства для гимназій. Такъ какъ на воспитанниковъ этого же института возлагается ожиданіе, что они окажутъ существенное содѣйствіе въ снабженіи гимназій хорошими учителями древнихъ языковъ, то нельзя не замѣтить, что къ воспитанникамъ этихъ примѣняются довольно разнообразныя требованія. Но возвращаясь къ изученію русскаго языка, и преимущественно въ западномъ краѣ, мы приведемъ два мѣста изъ отчета за 1871 годъ, которыя нуждаются въ нѣкоторомъ разъясненіи. „Въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, — сказано въ отчетѣ, — въ виленскомъ и кievскомъ учебныхъ округахъ, заключающихъ въ себѣ смѣшанное населеніе: польское, ли-

товское и русское, особенное вниманіе было обращено въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ на водвореніе между учащимися основательнаго знанія русскаго языка и на сообщеніе правильнаго взгляда отъ тельно событій отечественной исторіи“. Далѣе, свидѣтельствуется, что принятія для достиженія этой цѣли мѣры „исполнялись со всею точностію и сопровождались плодотворными результатами“. Что въ мѣстностяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ обращалось особое вниманіе на усвоеніе учениками русскаго языка (усвоеніе его учениками очевидно еще болѣе желательно, чѣмъ водвореніе его между учениками)—это вполнѣ понятно. Но какія мѣры могли быть приняты для сообщенія здѣсь правильнаго взгляда на событія русской исторіи, кромѣ общаго наблюденія за одинаковою правильностію преподаванія русской исторіи по всей имперіи — вотъ что не совсѣмъ понятно. Въ другомъ мѣстѣ отчета сказано: „независимо отъ преподаванія на русскомъ языкѣ, съ употребленіемъ русскихъ учебниковъ и руководствъ, для доставленія русскому языку большаго простора, во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ *варшавскаго* округа, въ настоящемъ отчетномъ году, русскому языку дано значеніе и языка разговорнаго, на которомъ происходили сношенія учащихся съ учащимися и сихъ послѣднихъ *между собою* въ стѣнахъ самихъ заведеній“. Слово „происходили“ означаетъ ли здѣсь, что ученикамъ гимназій въ *варшавскомъ* округѣ, въ томъ числѣ и взрослымъ юношамъ—запрещено было говорить между собою по-польски, подъ опасеніемъ наказанія?—вотъ что требуетъ разъясненія. Трудно объяснить себѣ такой фактъ, что варшавскіе ученики никогда не говорили бы между собою по-польски, если бы это не было запрещено. А между тѣмъ надо надѣяться, что такого запрещенія не было, потому что подобная мѣра, очевидно, имѣла бы уже не учебный характеръ, и притомъ едва ли бы могла произвестъ тѣ послѣдствія, на которыя была бы рассчитана. Мы уже не разъ высказывали и повторяемъ убѣжденіе, что именно для того, чтобы поляки убѣдились въ неотмѣнности мѣръ, принятыхъ къ обрусенію русскихъ западныхъ губерній, намъ слѣдуетъ отказаться отъ попытокъ обрусить поляковъ въ самой Польшѣ. Стремленіе къ такой цѣли, переходя границы политики реальной, практической, только оставило бы полякамъ поводъ предполагать, что мѣры обрусенія ослабѣютъ въ своемъ дѣйствіи вездѣ, когда неудобоосуществимость ихъ въ самой Польшѣ обнаружится въ достаточной степени.

Переходя къ свѣдѣніямъ отчета объ училищахъ низшихъ, упомянемъ относительно уѣздныхъ училищъ, которыя преобразовываются въ городскія училища, съ учрежденіемъ особыхъ учительскихъ институтовъ для приготовленія ими учителей — только цифры уѣздныхъ училищъ и ихъ учениковъ за 1871-й годъ: уѣздныхъ училищъ было

424, а учащихся въ нихъ къ 1-му января 1872-го года 27,830 чел.; число окончившихъ въ нихъ курсъ въ 1871 году 2964, т.-е., болѣе 10%, всего числа учившихся. Относительно начальныхъ народныхъ училищъ встрѣчаемъ въ отчетѣ неожиданно крупныя цифры, какъ ихъ числа, такъ и числа учениковъ въ нихъ. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ попечителями, народныхъ школъ, къ концу 1871-го г. было приблизительно до 24,000 и до 875,000 учащихся въ нихъ, причемъ отчетъ принимаетъ, что въ теченіи одного года открылось до двухъ тысячъ училищъ. Какъ ни скромно относится затѣмъ отчетъ къ такимъ успѣхамъ, оговариваясь, что за сравнительно небольшимъ числомъ исключеній, начальныя училища „стоятъ на низкой степени простыхъ школъ механической грамоты“, но все-таки весьма утѣшительнъ фактъ существованія у насъ до 24,000 начальныхъ народныхъ училищъ. Остается только жалѣть, что изъ этого числа меньшая половина, а именно всего около 10 т. школъ приходится на наибольшую массу населенія, т.-е., на тѣ центральныя русскія 33 губерніи, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Учительскихъ семинарій къ началу 1871-го года состояло 15, въ томъ году открыто 10 и разрѣшено открытіе еще 8-ми (по числу учебныхъ округовъ, за исключеніемъ дерптскаго, но съ устройствомъ для казанскаго округа 2-хъ семинарій). Общая стоимость содержанія всѣхъ начальныхъ училищъ, на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ попечителями округовъ, простиралась въ 1871 г. до 8.415,188 рублей, т.-е., по числу 24 т. училищъ, примѣрно по 142 р. на каждое (въ петербургской губерніи есть училища, получающія по 25 р. и 10 р. въ годъ). Сумма на содержаніе народныхъ училищъ покрывается главнымъ образомъ средствами самихъ городскихъ и сельскихъ обществъ—1.271,825 р.; затѣмъ земствомъ—766,642 р. и уже только въ наименьшей степени казною—703,541 р. или около 20%. Если же исключить издержки министерства по устроеннымъ школамъ на окраинахъ и взять только издержки его на этотъ предметъ въ центральныхъ губерніяхъ, то участіе его въ бюджетѣ начального обученія русскаго народа выразится еще гораздо менѣе значительнымъ процентомъ. За то изъ суммы 334,351 р., издерживаемой на приготовленіе учителей для начальныхъ училищъ, большая часть—216,329 р., т.-е., около 64% ассигнуется министерствомъ, къ счастью отказавшемуся, повидимому, отъ мысли, что духовныя семинаріи достаточно обезпечиваютъ начальнымъ школамъ учителей.

Женскихъ учебныхъ заведеній въ вѣдѣніи министерства было 186, съ 23,404 учащихся; изъ нихъ — гимназій и равныхъ съ ними училищъ 56, прогимназій и близкихъ къ нимъ школъ 2-го разряда 130. Относительно расходовъ министерства здѣсь повторяется по-

всюду замѣчаемое явленіе: 11 гимназій, 11 прогимназій и 2 высшихъ женскихъ училища въ округахъ кievскомъ, дерптскомъ, варшавскомъ и виленскомъ — которые имѣютъ большое число женскихъ пансіоновъ и вообще болѣе средствъ къ образованію — содержатся почти исключительно на суммы министерства; а 43 гимназій и 97 прогимназій въ прочихъ округахъ учреждены на счетъ обществъ и земства, и отъ казны получаютъ только незначительное пособіе.

Такъ какъ мы сдѣлали обзоръ отчета министерства народнаго просвѣщенія, то уместно будетъ здѣсь же упомянуть о двухъ опубликованныхъ въ недавнее время мѣрахъ по тому же вѣдомству. Первая изъ нихъ представляется закономъ, другая есть распоряженіе самого министерства. Положеніемъ государственнаго совѣта, высочайше утвержденнымъ 24-го апрѣля нынѣшняго года, всѣ существующія нынѣ въ прибалтійскомъ краѣ и имѣющія быть открытыми православныя училища, а также обученіе въ домахъ православныхъ жителей, въ селеніяхъ и вообще въ мѣстностяхъ внѣ городовъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ — подчинены съ 1-го минувшаго іюля, въ учебномъ отношеніи, вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Въ общемъ принципѣ, школы, кѣмъ бы онѣ учреждены ни были, должны бы, конечно, подлежать контролю министерства, и нѣтъ основанія дѣлать исключеніе въ этомъ отношеніи хотя бы и для школъ лютеранскихъ, состоящихъ подъ руководствомъ лютеранскаго духовенства. Вѣдь за крайней границею прибалтійскаго края, тамъ, гдѣ евангелическая церковь даже признается господствующею, а именно въ Пруссіи, школы, учрежденныя лютеранскимъ духовенствомъ, подлежатъ же контролю министерства народнаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ это министерство охотно приняло бы на себя контроль надъ лютеранскими народными школами въ балтійскомъ краѣ; достаточно напомнить, что изъ 24 т. насчитываемыхъ имъ школъ, только меньшая половина находится въ самомъ адрѣ Россіи, и что чѣмъ ближе къ западной окраинѣ, тѣмъ болѣе народныхъ школъ, устроенныхъ министерствомъ. Но это самое обстоятельство указываетъ и на возможность нѣкоторыхъ преувеличеній со стороны иныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Дѣятельность политическая требуетъ болѣе широкаго взгляда и большаго развитія, чѣмъ сколько можно ожидать и требовать со стороны всѣхъ инспекторовъ начальныхъ училищъ. Вотъ почему подчиненіе лютеранскихъ школъ въ балтійскомъ краѣ инспекціи министерства, хотя со стороны принципа, и не могло бы вызвать возраженій, но со стороны практической пользы могло бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не оправдаться на дѣлѣ. Иная статья — подчиненіе министерству въ балтійскомъ краѣ школъ православныхъ, не находившихъ, конечно, сочувствія и

поддержки въ мѣстномъ обществѣ; подчиненіе ихъ контролю министерства должно принести пользу, такъ какъ оно равнозначуще съ оказаніемъ постоянного покровительства такимъ школамъ, которыя находили доселѣ развѣ только случайныхъ покровителей.

Вторая мѣра по тому же вѣдомству представляется постановленіемъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія относительно опредѣленія порядка допущенія въ университеты воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Министерство получило свѣдѣнія о нѣсколькихъ случаяхъ перехода учениковъ высшаго класса гимназій въ философскій классъ духовныхъ семинарій, „съ явнымъ намѣреніемъ этимъ, болѣе легкимъ и скорымъ путемъ проникнуть въ университетъ“. Рассмотрѣвъ возникшій по этому предмету вопросъ, совѣтъ министерства полагалъ допускать приемъ въ университеты воспитанниковъ духовныхъ семинарій на основаніи только испытаній, произведенныхъ въ самихъ семинаріяхъ и повѣрочныхъ испытаній въ университетахъ—только до весны 1876 года, а затѣмъ воспитанниковъ семинарій, кончившихъ курсъ, подвергать для приема въ университетъ экзамену въ гимназіяхъ изъ обонихъ древнихъ и русскаго языковъ; некончившихъ же полнаго семинарскаго курса подвергать экзамену наравнѣ съ воспитанниками гимназій; наконецъ такихъ воспитанниковъ семинарій, которые перешли въ эти заведенія изъ высшихъ классовъ гимназій и затѣмъ желаютъ поступить въ университетъ, подвергать выпускному экзамену въ гимназіяхъ наравнѣ съ посторонними лицами.

Извѣстно, что за усиленіемъ требованій по древнимъ языкамъ для поступленія въ университетъ и установленіемъ новыхъ правилъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, число поступающихъ въ университеты изъ гимназій крайне уменьшилось и на первыхъ курсахъ университетовъ сталъ весьма значителенъ контингентъ духовныхъ семинаристовъ. Теперь изъ домосеній попечителей округовъ обнаруживается—и ранѣе впрочемъ общезвѣстный фактъ, что семинаристы оказывались „болѣе или менѣе недостаточно подготовленными въ русскомъ и латинскомъ языкахъ и въ математикѣ“, а потому и признаются необходимыми мѣры, „которыя бы оградили университеты отъ прилива тѣхъ изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, которые для сего мало приготвлены“. Вопросъ этотъ, конечно, могъ быть разрѣшенъ только въ смыслѣ „огражденія“. Но менѣе легко отвѣтить на другой вопросъ: кто же будетъ теперь поступать въ университетъ, то-есть, не можетъ ли представиться такое небывалое доселѣ явленіе, что первый курсъ въ университетахъ будетъ малочисленнѣе четвертаго?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1873.

Заключеніе всемірной выставки въ Вѣнѣ: присужденіе наградъ. — Сліяніе двухъ линій Бурбонскаго дома; настроеніе орлеанской партіи въ виду этого сліянія. — Борьба прусскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ. — Уличныя беспорядки въ Лейпцигѣ; протесты въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Поѣздка прусскаго крон-принца въ Данію и Швецію; ожиданіе Виктора-Эммануила въ Берлинъ. — Испанскія дѣла. — Положеніе министерства Гладстона.

Всемирная выставка въ Вѣнѣ, формальное открытіе которой было 1-го мая, вступила теперь въ заключительный періодъ; 18-го августа (н. с.) происходило торжественное объявленіе о присужденіи наградъ. Это торжество было устроено не въ зданіи выставки, по недостатку свободнаго мѣста, но въ зимнемъ манежѣ, въ присутствіи старшаго брата императора, эрцгерцога Карла-Людвига и нѣсколькихъ другихъ эрцгерцоговъ, въ числѣ которыхъ былъ и президентъ комитета выставки, эрцгерцогъ Райнеръ. Эрцгерцогъ Райнеръ представилъ эрцгерцогу Карлу-Людвигу докладъ комиссіи по присужденію наградъ, сказавъ при этомъ нѣсколько словъ объ усердіи и безпристрастіи этой комиссіи въ оцѣнкѣ результатовъ дѣятельности „достойнѣйшихъ изъ достойныхъ“. Эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ, разрѣшая прочтеніе именъ получающихъ награды экспонентовъ, назвалъ выставку „созданіемъ силъ всѣхъ народовъ, долженствующимъ оживить международные обороты и своимъ мирнымъ значеніемъ укрѣпить дружественныя между народами отношенія“. Послѣ прочтенія затѣмъ именъ лицъ, получившихъ почетныя дипломы, продолжавшагося около часа, одинъ изъ австрійскихъ экспонентовъ, Лейтенбергеръ, сказалъ благодарственную рѣчь, въ которой упомянулъ о всемірной культурной пользѣ, ожидаемой отъ выставки и о той особенной пользѣ, какую она должна принести Австріи. При этой церемоніи присутствовало болѣе 3 т. чел. Обращая вниманіе читателей на спеціальную статью по поводу вѣнской выставки, помѣщенную въ

настоящей книгѣ, мы ограничимся здѣсь нѣсколькими замѣтками о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія были вынесены изъ нея корреспондентами иностранныхъ газетъ. Выставка открылась въ дѣйствительности гораздо позже 1-го мая, и нѣкоторые отдѣлы оставались не вполне открытыми или неустроенными въ теченіи почти мѣсяца. Сѣвядь иностранцевъ былъ весьма значителенъ, хотя и не такъ великъ, какъ на всемірныя выставки, бывшія въ Лондонѣ и Парижѣ, чему на этотъ разъ отчасти воспрепятствовали двѣ державшіяся въ Вѣнѣ, хотя и не въ сильной степени, но все-таки въ замѣтныхъ размѣрахъ эпидеміи—оспа и холера. Особенно послѣдняя была вовсе не такъ незначительна въ Вѣнѣ, какъ то можно было думать по молчанію о ней вѣнскихъ газетъ: изъ списковъ смертности, печатающихся въ вѣнской „Presse“ съ означеніемъ причины каждаго смертнаго случая, въ послѣднее время было видно, что большинство паціентовъ умерло именно отъ тѣхъ причинъ, которыя являются главными симптомами холеры, хотя самое названіе этой эпидеміи не упоминалось даже и въ этихъ спискахъ. Другое бѣдствіе, гораздо меньшее, приключившееся съ выставкой въ Вѣнѣ, было затопленіе нѣкоторыхъ пунктовъ вслѣдствіе сильныхъ дождей, отъ котораго наиболѣе пострадалъ отдѣлъ французскій. Мѣсто для выставки — въ Пратерѣ, огромномъ паркѣ, примыкающемъ къ новѣйшей части города, Леопольдштадту—было избрано весьма удачно и постройка по проекту англійскаго архитектора Скотта-Росселя была изящна и—сравнительно съ грандіозными размѣрами—была выполнена съ необыкновенною быстротой. Что касается самого содержанія выставки, то многіе жаловались на недостатокъ системы въ расположеніи предметовъ, мѣшавшій обозрѣнію, и вообще замѣтно проявлялось мнѣніе, что если поучительность такихъ всемірныхъ смотровъ промышленности и искусства должна главнымъ образомъ состоять въ обнаруженіи новыхъ крупныхъ результатовъ, достигнутыхъ промышленностью разныхъ странъ, то такой поучительности настоящей выставкѣ нѣсколько недоставало. Она, повидимому,—мы говоримъ съ чужихъ словъ,—не обнаружила такихъ новыхъ и крупныхъ результатовъ, со времени парижской выставки 1867-го года, которые были бы до нея неизвѣстны. Громадныя силы промышленности старыхъ промышленныхъ странъ на вѣнской выставкѣ, повидимому, представились въ прежнемъ отношеніи и наиболѣе поучительный результатъ, обнаруженный ею, представлялся быть можетъ тѣмъ фактомъ, что промышленность Франціи, несмотря на потрясающіе кризисы, чрезъ которые прошла эта страна въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, не только не ослабѣла, но не отстала въ успѣхахъ отъ дѣятельности другихъ странъ, безспорно удержавъ за собою свои прежнія качества—изящества, прочности и сравнительной

дешевизны. Успѣхи создававшегося въ Россіи и сильно развивающегося въ Германіи, Австріи и Швеціи механическаго дѣла были извѣстны и безъ вѣнской выставки; прочія страны явились съ результатами еще болѣе извѣстными. Нѣкоторые обозрѣватели замѣчали вмѣстѣ и громадность этого промышленнаго смотра, крайне затруднявшаго сведеніе наблюденій, и неполноту отдѣловъ нѣкоторыхъ странъ по отраслямъ производства, несомнѣнно имъ принадлежащихъ; короче, приходили къ мысли, что всемірныя выставки вообще могутъ служить болѣе для дилеттантовъ, чѣмъ для специалистовъ, и что полезно было бы специализировать международныя выставки для приданія имъ вмѣстѣ и болѣе полноты и системы. Противъ этого, вонечно, можно возразить, что въ нынѣшнемъ видѣ всемірная выставка имѣетъ значеніе уже именно тѣмъ, что представляетъ огромный международный съѣздъ или конгрессъ, по поводу соревнованія въ области промышленности и искусства. Эти съѣзды представляютъ въ своемъ чисто-современномъ значеніи ту самую идею единства, какую представляли олимпійскія игры въ древней Греціи, или, какъ выразился эргерцогъ Карлъ-Лудвигъ, „своимъ мирнымъ значеніемъ укрѣпляютъ дружественныя между народами отношенія“. Правда, ни выставка 1862-го г., ни выставка 1867-го г. не предупредили послѣдовавшихъ за ними страшныхъ европейскихъ войнъ. Тѣмъ не менѣе, всемірныя выставки, именно въ своемъ популярномъ значеніи, реально представляютъ собою ту мысль, что между отдаленнѣйшими или наиболѣе враждебными взаимно народами Европы существуетъ полное сходство основныхъ нравственныхъ условій и полная солидарность реальныхъ интересовъ, и тѣмъ самымъ выставки неизбѣжно должны наводить массу своихъ посѣтителей на мысль, что вражда между народами, связанными одной европейской культурою, во имъ второстепенныхъ различій, пристрастія къ той или другой изъ чертъ общихъ имъ всѣмъ, есть аномалія, которая когда-нибудь должна исчезнуть. Въ этомъ смыслѣ всемірныя выставки могутъ служить истинными „конгрессами мира“.

Сліяніе французскихъ вѣтвей дома Бурбоновъ есть одна изъ тѣхъ вещей, которыя хотя въ теоріи совершенно ясны — на практикѣ трудно-осуществимы. То, что называется сліяніемъ старшей и младшей линіи, есть въ сущности не что иное, какъ изъясненіе орлеанской линіею покорности старшему въ родѣ Бурбоновъ, представителю начала незыблемости монархическаго принципа; отреченіе орлеанской линіи отъ права революціи, нѣкогда создавшаго эфемерное царствованіе этой линіи. Итакъ, всѣ уступки въ этомъ сближеніи должны были быть сдѣланы со стороны орлеанской линіи, и сліяніе можетъ имѣть смыслъ только въ такомъ смыслѣ, что графъ Парижскій

нѣтъ свои права и свое дѣло съ правами и дѣломъ легитимизма. Никакихъ уступокъ со стороны Генриха V-го ожидать было нельзя и, равное, нераціонально было ихъ требовать. Какой смыслъ могло бы имѣть возстановленіе монархіи во Франціи, во имя какой потребности могла бы эта страна обратиться къ монархическому образу правленія? Неужели любой изъ трехъ графовъ-претендентовъ на корону Франціи—графъ Шамборъ, графъ Парижскій и графъ Пьеррфонъ—точно способнѣе въ дѣлахъ управленія, чѣмъ Тьеръ, Макъ-Магонъ, Ламбетта? Каковы бы ни были личныя способности претендентовъ несуществующихъ еще, но предполагаемыхъ ихъ потомковъ-наслѣдниковъ, слишкомъ ясно, что во всякое данное время, во Франціи трудно будетъ найти человѣка болѣе умнаго, болѣе опытнаго, болѣе популярнаго, чѣмъ они, и избрать его главою правленія. Очевидно, въ пользу возстановленія наслѣдственной монархіи могло бы говорить не предпочтеніе такой или иной личности или фамилии, но потребность страны, жившей почти цѣлое столѣтіе среди революцій,—включить революціонную эпоху, поставить правленіе на основѣ исторической, прочной и неоспоримой, и затѣмъ хлопотать уже только о правленіи правительственной власти, но не о періодической смѣнѣ. Противъ такой потребности можно спорить, можно доказывать, что Франція способна обходиться и безъ такой незыблемой основы, что историческаго авторитета во Франціи не существуетъ, такъ какъ вѣстная народу исторія начинается со времени первой революціи, что стало-быть если какая-либо форма правленія имѣетъ за себя въ глазахъ массы народа наибольшую, памятную ей давность, то это — форма республиканская. Все это, повторяемъ, можно доказывать аргументами, которые не хуже приводимыхъ монархистами, но доказывать это значитъ доказывать, что Франція не нуждается въ возстановленіи монархіи. Если же потребность въ возстановленіи монархіи существуетъ, то она можетъ объясняться именно только желаніемъ приобрести основу, не подлежащую спору и смѣнѣ, въ этомъ смыслѣ можетъ быть удовлетворена только отреченіемъ отъ принципа и права революціи и возстановленіемъ права историческаго. Представителемъ этого права является Генрихъ V-й и никакихъ условій, которыми обставлено было бы возстановленіе историческаго престола, онъ принять не можетъ, никакихъ формальныхъ обязательствъ дать не можетъ. *Resta conventa* принадлежить къ извѣстной, а не къ наслѣдственной монархіи. По праву историческому, если Франція отречется отъ революціи и возстановитъ это право, во Франціи нѣтъ иной власти, кромѣ власти королевской и никакихъ правъ народа, кромѣ тѣхъ, которыя были предоставлены народу королемъ Людовикомъ XVIII въ его хартии. Воцарив-

шись, Генрихъ V-й можетъ расширить права народа, но это будетъ актомъ его милости. Затѣмъ народъ можетъ, опираясь на неотмѣнность льготъ, предоставленныхъ ему королемъ, добиваться путемъ законной оппозиціи, дальнѣйшаго расширенія своихъ правъ. Вотъ единственный, логическій путь возстановленія монархіи во Франціи, и только при соблюденіи такихъ условій монархія, возстановленная въ ней, можетъ быть сильна по крайней мѣрѣ своимъ принципомъ— ради котораго она и была бы призвана. Монархія въ исторической законности не имѣетъ смысла. Возстановить имперію значило бы признавать въ одно и то же время и право революціи и право наслѣдственности, принципъ верховной власти народа и право государственнаго переворота. Монархія бонапартовъ не представляла бы рѣшительно никакого залога прочности; столько же смысла, какъ воцареніе графа Наполеона де-Шьеррфонъ, имѣло бы и воцареніе маршала Макъ-Магона, герцога Маджентскаго. Это была бы коронованная революція или игра революціею въ короны. Выраженіе права революціи естественное и сообразное съ мирнымъ развитіемъ представляетъ одна республика. Вполнѣ выражая собою отрицаніе историческаго и наслѣдственнаго права, и виѣсть съ тѣмъ устанавливая закономъ правильную періодическую смѣну правительствъ, республика во Франціи такъ сказать создаетъ берега, между которыхъ можетъ течь мирно революціонная рѣка, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ противорѣчивыхъ, неподатливыхъ устоевъ, и неся на себѣ поочередно одну правительственную смѣну за другою, осуществляемая мирными выборами.

Если образованное французское общество страшится такого теченія, боится слишкомъ большой быстроты его, не полагаясь на свои силы и — продолжимъ аллегорію еще на минуту — хочетъ застѣсть якоремъ, то якорь можетъ быть только одинъ—принципъ исторической, наслѣдственной монархіи. Монархія орлеанская вмѣщаетъ въ себѣ то же основное противорѣчіе, какъ и монархія бонапартистская, соглашеніе несогласимаго: право революціи раздавать короны и права династіи наслѣдовать корону. Но, сверхъ того, хотя источникъ орлеанской монархіи и чище, чѣмъ источникъ бонапартовской узурпаціи, но за то и мельче. Когда на право революціи и народовластія ссылаются бонапарты, они конечно лгутъ, такъ какъ ими совершены чудовищныя насилія надъ принципомъ народовластія: ими совершены 18-го брюмера и 2-го декабря. Но все-таки они имѣютъ за себя хоть величавые призраки: неоднократную подачу милліоновъ голосовъ, великую славу и хотя бы великій позоръ, въ которомъ трижды пала съ ними Франція, сражаясь съ увлеченіемъ за одно съ ними дѣло — господство на континентѣ. Орлеанская же монархія

была мелкимъ эскамотажемъ короны у революціи во имя тѣхъ самыхъ правъ, противъ которыхъ революція была сдѣлана. Какъ принцы бурбонскаго дома—а единственно въ этомъ качествѣ они получили корону—орлеанскіе принцы были настоящіе похитители; какъ избранники революціи, они представляли собой волю одной палаты депутатовъ, и всякое право ихъ на царство ниспровергнуто всѣми тѣми палатами депутатовъ, которыя перебивали во Франціи съ 1848 года.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что графъ Парижскій поступилъ добросовѣстно, покорившись главѣ бурбонскаго дома. Говорятъ, онъ ослабилъ этимъ надежды многочисленныхъ либеральныхъ монархистовъ, которые рады возстановить монархію, но не желаютъ монархіи Генриха V-го. Но здѣсь-то мы и приходимъ къ настоящему ключу положенія, къ обстоятельству, отъ котораго и зависитъ, что вещь, въ теоріи очевидная, на практикѣ трудно осуществима. Въ теоріи ясно, что „либеральные монархисты“ должны сообразить, что имъ дороже: либерализмъ или монархія, и затѣмъ, смотря по внутреннему влеченію, или обратиться къ единственной монархіи, обѣщающей прочность, или, если она кажется имъ несомнѣстной съ требованіями либерализма—обратиться къ республикѣ, къ либерально-консервативной республикѣ Тьера. Но въ томъ-то и дѣло, что за принципомъ монархической законности, монархической демократіи и монархическаго парламентаризма стоятъ не только три династіи, ихъ представляющія, но еще цѣлые составы партій не отвлеченныхъ убѣжденій или стремленій, а конкретныхъ интересовъ. Свободнѣе другихъ претендентовъ отъ своей партіи представляется графъ Шамборъ потому именно, что партія людей, лишившихся вліянія, мѣсть, доходовъ въ 1830 году, успѣла давно разсѣяться. Графу Шамбору сочувствуютъ духовенство и дворянство, но у него нѣтъ готовой партіи администраторовъ, чиновниковъ, военныхъ, ждущихъ повышения, поставщиковъ, содержателей оброчныхъ статей съ ихъ родственниками и товарищами по дѣламъ. За принцами орлеанскими и за принцами бонапартами стоятъ именно такія арміи, лишившіяся положенія, понесшія жертвы, иногда потерявшія даже средства къ жизни, и вотъ эти-то многочисленные, по самому устройству бюрократической, централизованной Франціи, партіи стремятся къ возстановленію своихъ кандидатовъ, не столько ради принциповъ, сколько для возвращенія себѣ прежняго положенія и вліянія. Вотъ почему примиреніе орлеанскаго кандидата съ представителемъ исторической монархіи, хотя оно представляется благоразумнымъ даже съ точки зрѣнія интересовъ самого графа Парижскаго въ смыслѣ его шансовъ передъ страной — для готовой *партіи* орлеанистовъ имѣетъ смыслъ отреченія отъ нея. Главный вождь орлеанистовъ, нынѣшній

министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Брольи, хорошо представляетъ въ своемъ лицѣ такіе отдѣльные интересы самой партіи, независимо отъ интересовъ кандидата, котораго имя служить ей знаменемъ. Герцогъ Брольи въ своихъ общихъ политическихъ принципахъ несколько не консервативнѣе Тьера и Дюфора, какъ вообще вліятельнѣйшіе орлеанисты въ общихъ принципахъ ничѣмъ не отличаются отъ консервативныхъ республиканцевъ. Правый центръ и лѣвый центръ составляли бы одну партію, если бы не могло быть рѣчи о перемѣнѣ формы правленія, такъ какъ убѣжденія по дѣламъ управленія ихъ весьма сходны. Но мысль Тьера о соединеніи центровъ потому и осталась мечтою, что орлеанистамъ нуженъ не тотъ или иной порядокъ управленія, а перемѣна *правленія*, возстановленіе такой монархіи, въ которой они получили бы въ свои руки всѣ правительственныя преимущества, начиная съ поста президента совѣта для г. Брольи и кончая привилегированной табачной лавочкой для какого-нибудь отставного скорохода двора Людовика-Филиппа. Герцогъ Брольи, хотя и не отличался отъ людей тьеровскаго кабинета въ общихъ политическихъ убѣжденіяхъ и даже принадлежалъ къ ихъ числу, въ качествѣ посла Франціи въ Лондонѣ, добивался большаго для себя вліянія на внутреннія дѣла, смотрѣлъ на свой постъ въ Лондонѣ, какъ на почетное изгнаніе, и не безъ основанія, такъ какъ можно думать, что Тьеръ дѣйствительно имѣлъ въ виду удалить изъ Парижа опаснаго интригана, который безпрестанно пріѣзжалъ въ Парижъ и засѣдалъ въ собраніи, наконецъ сложилъ съ себя дипломатическое званіе, мѣшавшее ему „исполнять обязанности депутата“. Въ соглашеніи, начертанномъ извѣстною комиссіею Тридцати, ему принадлежала главная роль, за которую онъ, по слухамъ, ожидалъ предоставленія себѣ главнаго мѣста въ кабинетѣ Тьера. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ сдѣлался душою той интриги, которая 24-го мая низвергла Тьера. Какъ бы велико ни было предполагаемое участіе іезуитовъ въ этой, доселѣ еще не вполне разъясненной внезапной перемѣнѣ декораціи, но по правилу: „сдѣлалъ тотъ, кому оказалось выгодно“, можно, до полнаго разъясненія событія 24-го мая, думать, что главнымъ виновникомъ этого событія, душою интриги былъ именно герцогъ Брольи, который сдѣлался вслѣдствіе ея главою управленія, съ титуломъ вице-президента совѣта. Еще одинъ шагъ—провозглашеніе монархіи, съ помощью легимитистовъ, и затѣмъ избраніе самимъ собраніемъ монарха, то-есть графа Паризскаго—такъ какъ по провозглашеніи монархіи республиканцамъ оставалось бы только поддержать кандидата орлеанистовъ—и г. Брольи сдѣлался бы столпомъ возстановленной династіи, а вся добыча

административныхъ мѣстъ и преимуществъ досталась бы орлеанистской партіи, голодающей уже болѣе двадцати лѣтъ.

Теперь спросимъ себя, можетъ ли герцогъ Броли быть доволенъ изъясненіемъ графомъ Парижскимъ покорности графу Шамбору? Разумѣется, нѣтъ; пусть этотъ актъ былъ внушенъ принцу внутреннимъ убѣжденіемъ и даже дальновидною политикой, не все то, что хорошо для графа Парижскаго, хорошо для его партіи. Пусть графъ Парижскій считаетъ болѣе прочнымъ для своихъ интересовъ положеніе дофина Франціи, чѣмъ орлеанистскаго кандидата; пусть онъ думаетъ, что лучше стать сперва хоть пониже, но по-прочнѣе. Для его партіи это есть вопросъ о существованіи. Какъ дофинъ Франціи, графъ Парижскій не нуждается въ орлеанистской партіи и ей приходится слиться въ свою очередь съ легитимистами на неравныхъ правахъ, отречься отъ вождѣннаго преобладанія и отсрочить дѣлежъ добычи на долгое время, на цѣлое царствованіе Генриха V-го. Вотъ въ чемъ настоящее дѣло, а не въ трехцвѣтномъ знамени. Понятно, что поѣздка графа Парижскаго въ Вѣну и ея послѣдствія пришлись весьма не по вкусу герцогу Броли и ослабили его рвеніе къ возстановленію монархіи.

Этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что династическое сліянiе, которое доселѣ считалось труднѣйшимъ, даже едва-ли возможнымъ дѣломъ, осуществилось неожиданно легко; но сліянiе партій и затѣмъ уговоръ между ними для немедленнаго созванія собранія и возстановленія монархіи — однимъ словомъ все, что доселѣ представлялось естественно истекающимъ изъ сліянiя династій — оказалось гораздо болѣе труднымъ дѣломъ. Непреодолимое препятствіе возстановленію монархіи — такъ говорили прежде — представляется тѣмъ, что кандидатовъ въ монархи трое. Теперь ихъ оказывается только двое и одинъ изъ нихъ, графъ Пьеррфонъ, можетъ разсчитывать всего на какихъ-нибудь 25 голосовъ въ собраніи, между тѣмъ, какъ приверженцы обѣихъ бурбонскихъ линій, при слабой поддержкѣ со стороны лѣваго центра, могутъ составить въ ней большинство. За чѣмъ же теперь дѣло стало? Дѣло стало за тѣмъ, что орлеанисты выше патріотизма, выше консерватизма, выше даже своей монархической преданности къ кандидату, котораго они должны почитать законнымъ королемъ, ставятъ свои личные интересы — неприкосновенность вліянiя своихъ вождей и сохранность всей той административной добычи, которую имѣютъ въ виду раздѣлить между собою рядовые этой партіи. Поѣздка въ Вѣну и заявленіе покорности Генриху V-му со стороны графа Парижскаго состоялись легко, какъ дѣло совершенное по внушенію личнаго импульса. Но герцогъ Броли и его друзья оказываются менѣе склонными къ отреченію отъ своихъ

правъ; они оказываются „болѣе орлеанистами“, чѣмъ самъ наследникъ герцога Орлеанскаго.

До сихъ поръ не разъясненъ вопросъ, въ какой мѣрѣ дяди графа Парижскаго были солидарны съ его шагомъ. Многіе думаютъ, что они не солидарны съ нимъ, и вотъ почему теперь возникаетъ подозрѣніе, что Брольи, лишившись собственнаго кандидата въ короли, хочетъ ухватиться за собственнаго кандидата въ президенты республики: упрочить республику на нѣсколько лѣтъ, поставивъ во главѣ ея герцога Омальскаго съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, устранивъ Шамбора такъ или иначе, перейти все-таки къ орлеанской монархіи. Комбинація эта, очевидно, лишена уже всякаго политическаго смысла и если бы она могла осуществиться, то пришлось бы признать, что во Франціи возможны вещи, наименѣе оправдываемыя здравымъ смысломъ. Какъ бы то ни было, но въ настоящее время въ средѣ коалиціи 24-го мая господствуетъ выжидательное настроеніе, такъ что о немедленномъ восстановленіи монархіи нѣтъ болѣе рѣчи. Естественно, что наименѣе склоненъ торопиться теперь именно герцогъ Брольи, съ которымъ графъ Парижскій сыгралъ такую шутку, избѣгнувъ распростертыхъ ему объятій и перебѣжавъ на сторону противника. На обѣдѣ у префекта Эрскаго департамента, по поводу сессіи генеральнаго совѣта, герцогъ Брольи, членъ этого совѣта, произнесъ рѣчь, въ которой упомянулъ только о „борьбѣ съ принципами разрушающими общественный порядокъ“, но не проронилъ ни слова, которое имѣло бы отношеніе къ сліянію. Онъ только зывалъ къ согласію большинства и упомянулъ о „рѣшеніи важныхъ политическихъ вопросовъ собраніемъ, когда наступитъ для того время“, выразилъ увѣренность, что собраніе рѣшитъ ихъ въ духѣ „согласія“. Затѣмъ, онъ восхвалялъ нынѣшняго главу правительства, маршала Макъ-Магона, какъ-бы нарочно для указанія, что въ настоящее время можно вполне удовольствоваться и этимъ правителемъ, который пользуется непосредственнымъ содѣйствіемъ самого г. де-Брольи. Герцогъ Брольи не явился кандидатомъ на избраніе въ президенты генеральнаго совѣта своего департамента, какъ говорятъ, потому, что опасался пораженія. Сессія генеральныхъ совѣтовъ, отрывшаяся 18-го августа, не отличилась ничѣмъ особеннымъ; замѣчательно, что при выборахъ бюрô этихъ собраній, и затѣмъ и ихъ постоянныхъ комиссій, отношеніе партій осталось почти прежнее, несмотря на господство коалиціи разныхъ монархическихъ партій; въ нѣсколькихъ генеральныхъ совѣтахъ внесено было предложеніе о заявленіи признательности Тьеру за освобожденіе территоріи, но предложенія эти были отклонены, какъ имѣвшія политическій характеръ. За то Тьеръ лично видѣлъ восторженные заявленія сочувствія къ нему на поѣздѣ

во французскій Эльзасъ; въ Мюльгаузенѣ и Бельфорѣ демонстраціи въ честь его имѣли особенно торжественный характеръ.

Въ Пруссіи, и болѣе или менѣе и въ остальной Германіи, продолжается борьба правительства съ католическимъ духовенствомъ. Правительство требуетъ, чтобы духовныя семинаріи подчинились его контролю и отказывается признавать въ священномъ санѣ воспитанниковъ такихъ семинарій, которыя не удовлетворили требованіямъ закона; оно также отказывается признавать всѣ перемѣщенія и новыя назначенія приходскихъ священниковъ, произведенныя безъ его согласія; закрываетъ нѣкоторыя семинаріи; наконецъ, привлекаетъ епископовъ къ суду за назначеніе священниковъ на мѣста безъ согласія свѣтской власти. Епископы въ суды не являются, но суды приговариваютъ ихъ заочно къ штрафамъ; такъ епископъ фюльдскій приговоренъ судомъ къ штрафу въ 400 талеровъ, а архіепископъ гнѣзненскій къ штрафу въ 200 талеровъ. Между тѣмъ, насколько можно судить, доселѣ епископы не намѣрены уступать, и наоборотъ предполагаютъ дать должности всѣмъ вновь получившимъ священнослужительскій санъ. Въ этой борьбѣ правительство вышло изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ оно могло бы безусловно настаивать на своемъ, такъ что теперь исходъ борьбы на этомъ сомнительномъ полѣ будетъ уже зависѣть только отъ того, которая изъ сторонъ выкажетъ болѣе энергіи въ самомъ началѣ. Дѣло въ томъ, что если епископы будутъ, несмотря на штрафы, раздавать должности всѣмъ, получившимъ священнослужительскій санъ, и населеніе будетъ призывать этихъ священниковъ—какъ то дѣлается доселѣ—для совершенія всѣхъ требъ, то правительство должно будетъ не признавать законности совершенныхъ этими священниками крещеній и вѣнчаній. Такимъ образомъ, чрезъ нѣкоторое время, предполагая неопредѣленное продолженіе борьбы въ нынѣшнемъ видѣ, правительство въ концѣ концовъ все-таки должно будетъ отступить передъ очевиднымъ абсурдомъ, такъ какъ значительное число населенія будетъ лишено гражданскихъ правъ. Такимъ образомъ, вышло бы нѣчто похожее на то положеніе, въ какое администрація у насъ пришла по отношенію къ раскольникамъ, съ тою только разницею, что въ Пруссіи лица, поставленныя такимъ образомъ въ положеніе незаконныхъ дѣтей или лицъ, живущихъ въ прелюбодѣянніи, потому что бракъ ихъ не признанъ свѣтской властью, окажутся менѣе равнодушны къ подобному положенію, чѣмъ масса нашихъ раскольниковъ, легко найдутъ доступъ ко двору и устрашать, наконецъ, совѣсть нынѣшняго или будущаго короля. Такое неудобство относительно собственности гражданскихъ правъ было бы предупреждено, если бы правительство сперва провело законъ объ обязательности юридическаго

(гражданскаго) брака. Но извѣстно, что религіозныя убѣжденія высшей сферы были причиною того, что этотъ законъ пока не состоялся. Если эти религіозныя убѣжденія помѣшаютъ проведенію закона и въ будущей сессіи, то уже будутъ насчитываться сотни, а со временемъ и тысячи людей, лишенныхъ гражданскихъ правъ, и тогда, безъ сомнѣнія, тѣ же религіозныя убѣжденія побудятъ правительство отступить въ предпринятой имъ борьбѣ. Сущность дѣла въ томъ, что никакое правительство не можетъ, продолжая держаться пѣтизма въ какомъ бы то ни было исповѣданіи, примѣнять „либеральныя“ ученія только въ смыслѣ отрицанія требованій другого исповѣданія. Между пѣтизмомъ и либерализмомъ нѣтъ середины, и надо или отречься отъ либеральныхъ взглядовъ по отношенію къ одному католицизму, или открыто стать на точку зрѣнія той партіи, которая близкими къ высшей сферѣ органами еще недавно называемая была „жидовствующею“ и „идолопоклонническою“ демократіею.

Въ Лейпцигѣ происходили въ теченіи нѣсколькихъ дней уличныя безпорядки, которые 26-го августа приняли, наконецъ, такіе размѣры, что пришлось употребить вооруженную силу, причемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Газеты не разъясняютъ удовлетворительно этихъ смутъ, относясь къ нимъ, какъ къ франкфуртскимъ безпорядкамъ, бывшимъ весною, съ пренебреженіемъ, какъ-будто тѣ и другіе были просто дѣломъ нѣсколькихъ негодяевъ. Но въ связи съ постояннымъ возростаніемъ эмиграціи, эти безпорядки представляются все-таки протестомъ противъ увеличенія народныхъ тягостей вслѣдствіе объединенія. Правда, протестъ этотъ не имѣетъ положительной политической цѣли, и сверхъ того нельзя не замѣтить, что такое великое дѣло, какъ объединеніе, не могло и совершиться не вызвавъ какъ увеличенія тягостей, такъ и мѣстныхъ протестовъ по временамъ противъ этого явленія. Совсѣмъ иной характеръ имѣлъ отказъ отъ принесенія присяги членовъ многихъ окружныхъ совѣтовъ во вновь присоединенной имперской землѣ Эльзасъ-Лотарингіи. Это было уже не подлежащее сомнѣнію заявленіе противъ соединенія съ Германіею. Изъ 20 окружныхъ сеймовъ (Kreistage), созванныхъ въ Эльзасъ-Лотарингіи въ августѣ, 7 были закрыты потому, что число членовъ, отказавшихся отъ присяги, было такъ велико, что остальные не могли составить числа, требуемаго закономъ. Впрочемъ, здѣсь заслуживаетъ вниманіе и тотъ фактъ, что двѣ-третьи всего числа этихъ сеймовъ все-таки состоялись. Стало быть, германское правительство держится принципа, что несмотря на явную вражду, выказываемую весьма значительной частью населенія, прочное обладаніе насильно присоединенной областью все-таки можетъ установиться не иначе, какъ путемъ соглашенія съ населеніемъ вносѣд-

стей, и потому довѣрчиво вручаетъ ему самому управленіе хозяйственными мѣстными дѣлами, рассчитывая, что съ благоразумными требованіями со временемъ все-таки примирится населеніе, которое осталось бы враждебно въ виду одной силы.

Внѣшняя политика германской имперіи продолжаетъ свидѣлствовать о необыкновенномъ умѣ управляющаго ею человѣка. Слѣна начальника германской эскадры въ испанскихъ водахъ—обстоятельство само по себѣ мелкое—можетъ, между прочимъ, служить для характеристики политики Бисмарка. Онъ избѣгаетъ всего, что, доставляя безплодное удовлетвореніе національнаго самолюбія, способно раздражать другія націи, но за то считаетъ ни во что чью-либо раздражительность, когда становятся на пути осуществленія его практическихъ плановъ. Отнимая у Даніи, изъ военныхъ видовъ, гораздо болѣе, чѣмъ могло быть оправдано этнографическими соображеніями, онъ не обратилъ никакого вниманія на раздражительность Англіи; не возвращая Даніи сѣверной полосы Шлезвига, несмотря на обѣщаніе, выраженное трактатомъ по настоянію Наполеона III, не уступая ему никакой части германской земли, въ вознагражденіе за нейтральность, наконецъ противясь присоединенію Люксембурга къ Франціи, онъ не боялся раздраженія Наполеона, но по вопросу о гогенцоллернской кандидатурѣ на испанскій престолъ былъ готовъ уступить ему. Отнимая у Франціи Эльзасъ и Лотарингію и налагая на Францію громадную контрибуцію въ пять миллиардовъ, которая нынѣ вся уплачена (послѣдніе 250 милліоновъ должны были быть заплачены въ первыхъ числахъ сентября н. с.), онъ не боялся усилить раздраженіе французовъ и вызвать порицаніе общественнаго мнѣнія всей Европы. Еще недавно, въ частномъ разговорѣ съ депутатомъ отъ сѣвернаго Шлезвига въ германскомъ сеймѣ, Кригеромъ, онъ открыто объявилъ ему, что возвращеніе Даніи этой области невѣроятно, такъ какъ за нимъ, Бисмаркомъ, стоятъ 40 милл. нѣмцевъ, которыхъ мнѣніе въ этомъ дѣлѣ весьма важно,—откровенно заявляя такимъ образомъ намѣреніе не исполнять пражскаго трактата, несмотря на всю щекотливость подобнаго признанія. Но въ такомъ безплодномъ дѣлѣ, какъ „подвигъ капитана Вернера“, Бисмаркъ готовъ принять прежде всего соображеніе о неудобствѣ вызывать (даромъ) чью-либо раздражительность, готовъ даже пожертвовать этому соображенію національнымъ самолюбіемъ. Мы уже замѣчали, что „подвигъ“ былъ почти подсказанъ капитану Вернеру нѣмецкою либеральной печатью, которая и по совершеніи этого подвига настойчиво защищала капитана, съ гордостью прописывала его біографію и т. д., а когда онъ былъ смѣненъ, высказала нѣкоторую обидчивость по этому предмету. Все это было оставлено канцлеромъ безъ

всякаго вниманія, такъ какъ никакихъ „подвиговъ“, совершаемыхъ даромъ, онъ не любитъ. Благодаря такой политикѣ, Бисмаркъ успѣлъ достигнуть того, что несмотря на три войны, веденныя имъ въ теченіи менѣе десятка лѣтъ, изъ которыхъ двѣ были положительно завоевательныя, а третья, хотя была оборонительною вначалѣ, но все-таки окончилась завоеваніемъ—Европа убѣдилась въ миролюбіи германской имперіи. Со времени послѣдней войны прошло около 2½ лѣтъ, и въ теченіи этого времени германская политика, въ его рукахъ получивъ явное преобладаніе въ Европѣ, не воспользовалась этимъ преобладаніемъ для принятія матаморфскаго, вызывающаго тона въ международныхъ сношеніяхъ, такъ что даже малыя сосѣднія государства, сперва сильно встревоженныя установленіемъ имперіи, Данія, Швеція, Голландія, Швейцарія замѣтно успокоились нынѣ насчетъ дальнѣйшихъ видовъ имперской политики. Этимъ мы, разумѣется, не хотимъ высказать положительнаго убѣжденія, что германская имперія не будетъ, при Бисмаркѣ, вести никакой новой войны въ пользу реальныхъ интересовъ германской расы; мы хотимъ только сказать, что князь Бисмаркъ не имѣетъ равнаго себѣ политика по ясности ума и опредѣленности намѣреній.

Поездка наслѣднаго принца германскаго въ Швецію, Норвегію, Данію и ожидаемое посѣщеніе королемъ Викторомъ-Эммануиломъ Берлина представлятъ новыя успѣхи германской политики. Приемъ, оказанный крон-принцу въ скандинавскихъ земляхъ, доселѣ весьма враждебно настроенныхъ по отношенію къ Германіи, послужить къ установленію дружественныхъ отношеній, по меньшей мѣрѣ между дворами, что во всякомъ случаѣ значитъ не мало. Уже есть извѣстіе, что датскій король ѣдетъ въ Германію. Съ другой стороны болѣе или менѣе извѣстно, что король Италіи до сихъ поръ не собрался посѣтить вѣнскую выставку только потому, что не хотѣлъ заѣхать въ Берлинъ, какъ то представлялось бы естественнымъ при посѣщеніи имъ Вѣны. Нѣмецкія газеты—которыя, подобно русскимъ, весьма безцеремонно обращаются къ иностраннымъ дѣятелямъ, и въ томъ же предположеніи конечно, а именно, что тѣ ихъ еще не читаютъ—по этому поводу стали доказывать, что пусть Викторъ-Эммануилъ не любитъ Пруссіи, но что пріѣхать въ Берлинъ онъ непремѣнно *долженъ*; что только пріѣздомъ туда онъ разъяснитъ, на чью сторону онъ станетъ въ случаѣ новой войны Германіи съ Франціей, и тѣмъ самымъ заручится покровительствомъ Германіи на случай, еслибы клерикальная Франція напала на Италію для возстановленія папы и т. д. Положимъ, все это праздныя соображенія, такъ какъ подобнаго нападенія Франціи на Италію невозможно ожидать, хотя бы во Франціи царствовалъ самъ Генрихъ V-й; времена

„трокадерской“ экспедиціи прошли, какъ прошли времена Бронцелла. Высадка французовъ въ Италіи, для возстановленія свѣтской власти папы, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ была бы столь же желѣла, какъ и мобилизація прусской арміи для возстановленія власти Австріи надъ Ломбардіею. Тѣмъ не менѣе однако въ Италіи есть партія, которая, зная расположеніе короля къ Франціи, въ видахъ оппозиціи, показываетъ видъ, будто вѣрить въ опасность со стороны Франціи, и поѣздка короля Виктора-Эммануила имѣла бы смыслъ заявленія, что онъ лично ничего не имѣетъ противъ сближенія съ Германіею. Такимъ образомъ съ сѣвера и востока до центра Европы, представляемаго Австріею, и юга ея, представляемаго Италіею, германская политика сгруппировала бы, кромѣ Франціи, ослабленной и Англіи апатичной, всю остальную Европу вокругъ одного центра—Берлина.

Положеніе дѣлъ въ Испаніи замѣтно улучшилось въ послѣднее время. Анархія на югѣ подавлена генералами Павіа и Мартинесъ-Кампосомъ. Возстановивъ порядокъ въ Севильѣ и взявъ Кадисъ, генералъ Павіа долженъ теперь направиться къ Картахенѣ, на соединеніе съ генераломъ Мартинесъ-Кампосомъ, который, усмиривъ Валенсію и Мурсію, осадилъ Картахену, въ то время, какъ эскадра адмирала Лобо блокировала картархенскій портъ. Анархія на югѣ въ настоящее время догораетъ въ Картахенѣ, къ которой направляются и всѣ военныя силы, отряженныя для ея усмиренія. Мартинесъ-Кампосъ впрочемъ еще не началъ обстрѣливать Картахену по недостатку въ осадной артиллеріи, доставка которой изъ Мадрида или Севилли займетъ не мало времени. Кромѣ того, у него и войска мало; даже тогда, когда Павіа соединится съ нимъ, въ распоряженіи обоихъ генераловъ будетъ не болѣе 15 т. чел. Что касается эскадры адмирала Лобо, то появившись передъ Картахеною, она вскорѣ ушла отсюда, потому что состояла изъ деревянныхъ судовъ и ничего не могла сдѣлать противъ сильныхъ укрѣпленій Картахены. Еслибы у мятежника Контрераса, который, разбитый Кампосомъ при Чинчиллѣ, все еще командуетъ въ Картахенѣ, были морскіе офицеры, то онъ легко могъ бы уничтожить эту эскадру, такъ какъ всѣ главныя броненосныя суда Испаніи „Альманса“, „Виторія“, „Мендесъ-Нуньесъ“, „Фердинандъ Католическій“, „Нумансія“ и „Тетуанъ“, находились въ распоряженіи картархенскаго возстанія. Первые два изъ этихъ судовъ были захвачены германскою и англійскою эскадрами, и остаются пока невыданными испанскому правительству. Командиръ германской эскадры Вернеръ былъ смѣненъ своимъ правительствомъ, такъ какъ доставленные имъ объясненія относительно захвата „Вихиланты“ были признаны неудовлетворительными. Между тѣмъ, въ Картахенѣ подо-

или нѣсколько англійскихъ, французскихъ, итальянскихъ судовъ и одно американское. На сѣверѣ карлисты продолжаютъ совершать всякія безчинства и жестокости, несмотря даже на формальныя запрещенія самого претендента, но не подаются впередъ. Они не только не взяли Бильбао, но не овладѣли вновь и оставленною ими Бергою. Главнокомандующимъ сѣверной арміею назначенъ теперь генераль Санчесъ Брегва. Новыя значительныя стычки съ карлистами произошли при Дикастильо, въ Наваррѣ, гдѣ карлисты одержали верхъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ главныя ихъ силы, съ самимъ донъ-Карлосомъ, заняли городъ Эстеллю, и въ Каталоніи при Касеррасѣ и Тортелльѣ, гдѣ сперва были отброшены донъ-Альбранъ и Сабалльсъ, а потомъ понесли и значительное поражение.

Авторитетъ правительства Сальмерона возрастаетъ. Кортесы утвердили огромнымъ большинствомъ законъ о призывѣ на службу 80 т. чел. изъ резерва. Затѣмъ, правительство внесло въ собраніе предложенія объ отсрочкѣ его засѣданій до 20-го октября, съ назначеніемъ постоянной комиссіи для разрѣшенія министерскихъ кризисовъ и о предоставленіи правительству права приостановлять дѣйствіе конституціонныхъ гарантій, во время перерыва сессіи, въ мѣстностяхъ, гдѣ произошло возстаніе. Въ собраніи большинства депутатовъ, происходившемъ 29-го августа, Сальмеронъ объявилъ, что если проектъ объ отсрочкѣ сессіи не будетъ принятъ, то правительство подастъ въ отставку. Тогда большинство согласилось на закрытіе засѣданій кортесовъ съ 20-го августа по 20-е октября.

Послѣ пораженія, понесеннаго министерствами Гладстона въ главномъ вопросѣ нынѣшней сессіи, а именно въ вопросѣ объ ирландскомъ университетѣ, кабинетъ хотя и долженъ былъ остаться въ управленіи, но влчилъ довольно печальное существованіе. При большинствѣ новыхъ, отдѣльныхъ избраній, для замѣщенія парламентскихъ вакансій, министерская партія испытывала неудачи. Система закрытой подачи голосовъ, отъ которой ожидали уменьшенія торійскаго вліянія, повидимому, оказывалась благопріятною именно торійской партіи. Однако, нѣкоторыя болѣе или менѣе либеральныя газеты объясняли, что тори имѣютъ успѣхъ на выборахъ вовсе не потому, что страна сочувствуетъ имъ, но именно потому, что она не сочувствуетъ Гладстону. Къ концу сессіи замѣчалось даже довольно необыкновенное въ Англіи явленіе — положительное охлажденіе общества къ парламентской дѣятельности, замѣтное равнодушіе къ парламенту и дѣламъ его. Все это, впрочемъ, довольно естественно. Когда въ концѣ долгаго существованія кабинета Ланца-Селла въ Италіи, въ палатѣ депутатовъ этой страны порою выражались жалобы, что „министерство не ведетъ палату“, то газеты тѣхъ странъ, ко-

торы не имѣютъ правленія въ самомъ дѣлѣ парламентскаго, не разъ забавлялись такимъ недовольствомъ итальянскихъ депутатовъ. А между тѣмъ, оно было въ природѣ вещей и повторилось къ концу нынѣшней сессіи и въ англійской парламентской жизни. Въ парламентскихъ странахъ министерство есть кружокъ людей, который, опираясь на извѣстную партію, взялся осуществить такую-то программу. При осуществленіи ея, кружокъ этотъ встрѣчаетъ противо-дѣйствіе со стороны партіи, осуждающей эту программу или и самыя ея принципы, изъ коихъ она вытекла. Такимъ образомъ происходитъ борьба, обращающая на себя вниманіе всего общества, котораго матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ она касается. Но бываютъ времена такого затишья, когда министерство все то изъ своей программы, что могло быть исполнено, уже исполнило, когда затѣмъ оно остановилось только передъ невозможностью и довершить безу-словно все начатое, и отказаться отъ управленія, за которое против-ники не хотятъ браться.

Такой именно періодъ наступилъ для Гладстона послѣ того, какъ онъ провелъ новый поземельный законъ въ Ирландіи, законъ объ управленіи народными школами, законъ о закрытой подачѣ голо-совъ на выборахъ, издалъ распоряженіе объ отмѣнѣ покупки офи-церскихъ мѣстъ въ арміи и, наконецъ, не могъ, по отказу пар-ламента, провести законъ объ устройствѣ невѣроисповѣднаго уни-верситета въ Ирландіи. Онъ остался, такъ сказать, съ пустыми ру-ками, онъ болѣе ничего не обѣщаетъ странѣ, ничѣмъ болѣе не во-одушевляетъ своихъ приверженцевъ, ничѣмъ болѣе не угрожаетъ своимъ противникамъ. Однимъ словомъ, онъ стоитъ, а не „ведетъ“ болѣе страну, и страна чувствуетъ, что ее не ведутъ, что у нея осталась администрація, но въ настоящій моментъ нѣтъ уже прави-тельства въ парламентскомъ смыслѣ этого слова. Отсюда—охлажде-ніе къ парламентской дѣятельности и совершенное паденіе автори-тета правительства, то-есть министерства.

Правда, англичане имѣютъ всѣ причины хвалить Гладстона и быть ему благодарными: подати ихъ не возрастаютъ, но, наоборотъ, уменьшаются, живутъ они со всѣми въ мирѣ и продолжаютъ бога-тѣть. Но когда авторитетъ правительства ослабленъ, не трудно найти поводы къ недовольству: нелѣпымъ уашигтонскимъ тракта-томъ Англія связала себѣ руки и ни за что уплатила Америкѣ кон-трибуцію; дипломатическое вмѣшательство ея въ средне-азиатскій вопросъ повело скорѣе къ увеличенію ея обязательствъ передъ Рос-сією, чѣмъ наоборотъ; на континентѣ Европы о вліяніи и мѣнѣи англійскаго правительства нѣтъ и помину; англійскія военныя суда тонуть; на сухопутныхъ маневрахъ происходитъ путаница, не обѣ-

щающая ничего хорошаго въ случаѣ войны; разработка рудниковъ понесла огромныя потери отъ стачекъ, а запасъ каменно-угольныхъ залежей истощается; наконецъ торговые обороты по нѣкоторымъ статьямъ въ послѣдній годъ уменьшились. Вотъ какую картину рисуетъ общественное недовольство, порожденное застоємъ политической жизни.

Какъ хорошо умѣлъ предвидѣть подобное настроеніе покойный Пальмерстонъ, и какой неистощимый запасъ возбудительныхъ средствъ онъ имѣлъ для сильнаго возбужденія нервовъ общества, когда оно начинало скучать бездѣйствіемъ внутренней политики и готово было „охать“ по этому поводу на все, какъ теперь — „и здѣсь, молъ, болить, и здѣсь ломить“. Бывало, онъ вдругъ сочинитъ опасность внезапнаго нашествія Наполеона на Англію. Нашествіе Наполеона III на Англію — теперь смѣшно и подумать объ этомъ, а между тѣмъ, какая отъ подобныхъ выходокъ Пальмерстона начиналась возня: печать бросить все и кричить въ одинъ голосъ объ укрѣпленіи береговъ, общество займется колоссальною агитаціею для учрежденія арміи волонтеровъ; богачи, которыхъ въ Англіи сотня тысячъ, выѣзжаютъ на дорогихъ коняхъ въ ряды импровизованной кавалеріи или съ увлеченіемъ патріотизма маршируютъ съ ружьемъ на плечѣ и ранцемъ на спинѣ въ лагерѣ пѣхотныхъ защитниковъ отечества. Или затѣветъ Пальмерстонъ, въ самомъ дѣлѣ, ссору съ какимъ-нибудь государствомъ изъ-за пустяковъ — изъ-за торгаша-миссіонера Притчарда или португальскаго еврея Пасифико, напишетъ ноты, пошлетъ флотъ, однимъ словомъ взволнуетъ не одну Англію, но всю Европу. И вотъ въ жилахъ британцевъ быстрѣе обращается кровь, общественный пульсъ бьется сильнѣе, начинаютъ вновь преобладать всѣ признаки здоровья, энергіи, общество чувствуетъ, что оно къ чему-то идетъ.

Гладстонъ слишкомъ добросовѣстенъ для подобныхъ маневровъ: внѣшняя политика его обезпечиваетъ націи не удовлетвореніе истиннаго надменности, но просто — легко сказать — благосостояніе. И вотъ, въ моментъ затишья и апатіи, именно безцвѣтность внѣшней политики обращается въ главный укоръ ему. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, сознавая невозможность предстать предъ парламентомъ въ новой сессіи съ прежнимъ составомъ министерства, Гладстонъ произвелъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что прежніе министры, такъ сказать, пересѣли на новыя мѣста, помѣнявшись ими между собою. Министръ внутреннихъ дѣлъ Брусъ возведенъ въ пэры, съ титуломъ лорда Эбърдэръ, и сдѣланъ президентомъ тайнаго совѣта; на его мѣсто пересѣлъ канцлеръ казначейства, суровый нравомъ, г. Лоу, поссорившійся со своимъ помощни-

комъ Бокстеромъ; прежній президентъ совѣта, маркизъ Рипонъ, авторъ уашингтонскаго трактата, освободилъ кабинетъ отъ своей доли непопулярности, выйдя въ отставку. Эйртонъ, министръ публичныхъ работъ, сдѣланъ генеральнымъ адвокатомъ, т. е. генераль-аудиторомъ арміи, а на его мѣсто поступилъ Адамсъ, одинъ изъ младшихъ лордовъ казначейства. Чильдерсъ, канцлеръ герцогства Ланкастерскаго, вынужденъ изъ кабинета и на его мѣсто назначенъ Брайтъ. Канцлеромъ казначейства сдѣлался самъ Гладстонъ, остающійся и первымъ лордомъ казначейства, т. е. премьеромъ. Изъ этихъ перемѣнъ важнѣйшія, именно — принятіе Гладстономъ въ свои руки портфеля финансовъ и включеніе въ составъ кабинета Брайта; оба эти назначенія популярны, и вслѣдъ за вступленіемъ Брайта въ кабинетъ либеральная „лига народнаго обученія“, которая доселѣ подавала на выборахъ голоса противъ министерства, такъ какъ считаетъ недостаточнымъ нынѣшній законъ о народномъ обученіи, объявила, что будетъ поддерживать правительство. Прочія перемѣненія не особенно важны и печать осуждаетъ особенно новое назначеніе Лоу, замѣчая, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ онъ будетъ имѣть еще болѣе случая проявлять свою строптивость, чѣмъ въ управленіи финансовъ. Впрочемъ, къ осени ожидаютъ еще дальнѣйшихъ перемѣнъ въ составѣ кабинета: говорятъ, что вмѣсто Лоу внутреннія дѣла будутъ поручены г. Боуверю, рѣшительному врагу ультрамонтанства, и что генераль почтдиректоръ Монсаль (ирландецъ-католикъ) выйдетъ изъ кабинета и т. д. „Observer“ впрочемъ объявилъ неосновательными слухи о дальнѣйшихъ перемѣнахъ, которыя тѣмъ не менѣе вѣроятны. Замѣчательно, что въ составъ нынѣшняго кабинета, на мѣсто хранителя хартій (Master of the Rolls) назначенъ сэръ Джорджъ Джессаль — еврей, исповѣдующій Моисеевъ законъ. Спрашивается, будетъ ли онъ возведенъ въ пэры, какъ то обыкновенно бывало съ занимавшими эту должность?

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24-го августа, 1873.

МОНАРХИЧЕСКАЯ РЕСТАВРАЦІЯ ВО ФРАНЦІИ.

Если-бы когда-нибудь новый Шекспиръ вздумалъ воспользоваться современнымъ положеніемъ Франціи для драматическихъ хроникъ, то въ сенсационныхъ сценахъ и неожиданныхъ театральныхъ эффектахъ не было бы недостатка. Мы теперь только это и видимъ. Но мнѣ кажется, что сцена, на которой такой поэтъ всего охотнѣе остановился бы—это недавнее пресловутое свиданіе въ Фрошдорфѣ графа Парижскаго и графа Шамбора. Ниже я коснусь причинъ, которыя могли побудить представителя конституціонной монархіи преклониться предъ принципомъ божественнаго права, но очевидно, что этотъ шагъ былъ для него не легокъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не только отрекся отъ самого себя, онъ отрекся отъ завѣщанія своего отца, который запрещалъ ему всякіе компромиссы съ божественнымъ правомъ и обязывалъ его служить дѣлу революціи; онъ косвенно призналъ, что его дѣдъ Луи-Филиппъ былъ узурпаторомъ. Благородный человѣкъ, вынужденный, по слабости характера или подъ давленіемъ обстоятельствъ, поступить такимъ образомъ, является личностью трагической и чисто Шекспировскимъ героемъ. Графъ Парижскій человѣкъ порядочный и честный человѣкъ. Поставленный судьбою въ обыкновенныя условія, онъ вышелъ бы изъ нихъ съ честью и во всякомъ случаѣ уважалъ бы память своихъ родителей. Но рокъ сдѣлалъ его принцемъ и претендентомъ, и это мѣняетъ все дѣло: если бы онъ могъ надѣяться на личный успѣхъ въ силу фамиліальныхъ традицій, то продолжалъ бы ихъ почитать, и съ другой стороны заботливо держалъ бы въ изгнаніи того, передъ кѣмъ онъ теперь преклонился. Отчаявшись въ личномъ успѣхѣ, онъ попраля ногами свои традиции и политическую честь и отправился на поклонъ къ графу Шамбору. Перенесенный въ сферу частной жизни и отдѣленный отъ всякаго политическаго интереса, связаннаго съ нимъ, его поступокъ показался бы просто чудовищнымъ.

Но существуетъ много смягчающихъ обстоятельствъ. Графъ Парижскій и Орлеанскіе принцы вообще сдѣлали ту ошибку, что дѣйствовали не прямо. Ихъ прошедшее, и ясное сознаніе настоящаго положенія и его требованій, должно было бы обратить ихъ къ рес-

публикѣ, вслѣдъ за Тьеромъ, который совершилъ такую же эволюцію. Есть основаніе думать, что они не чувствовали къ этому ни малѣйшей охоты, но они могутъ также возразить, что республиканцы никогда не приняли бы ихъ, хотя вообще интересы республики требовали бы ихъ обращенія. Что касается либеральной монархіи, которую они представляютъ, то ни собраніе, все болѣе и болѣе увлекаемое крайностями, ни страна, очевидно соблазненная кажущейся простотой республиканскаго порядка, не могутъ провозгласить ее. Принцы могли бы возстановить ее только путемъ заговора и насильственного переворота, на что у нихъ не хватило бы мужества, если бы даже и хватило средствъ. Дѣло въ томъ, что они лишь въ слабой степени надѣлены добродѣтелью своего званія, то-есть честлюбіемъ. Они мало честлюбивы и порою даже убѣждаютъ себя, что и вовсе не честлюбивы. Когда, напримѣръ, они захотѣли вернуться во Францію, послѣ Седанской катастрофы, и вступить въ ряды защитниковъ страны, отказавшись отъ всякаго личнаго честлюбія, то нѣтъ сомнѣнія, что они были вполне искренни. Это не помѣшало бы имъ, разумѣется, съ удовольствіемъ выслушивать тѣхъ, кто сталъ бы къ нимъ обращаться, какъ къ претендентамъ. Такія противорѣчія вполне естественны у дюжинныхъ людей. Но несомнѣнно одно: что прежде всего и помимо всякихъ претензій на престолъ, они страстно желали вернуться во Францію, и теперь, когда они въ нее вернулись, они не менѣе страстно желаютъ въ ней остаться потому, что любятъ свою родину и находятъ жизнь въ ней пріятной. Между тѣмъ, чтобы вернуться во Францію и остаться въ ней, они не могли обойтись безъ содѣйствія легитимистовъ, такъ какъ правительство Тьера и республиканская партія были противъ отмены законовъ объ изгнаніи. Легитимисты поставили свои условія, изъ которыхъ первымъ было то, что графъ Парижскій посѣтитъ графа Шамбора. Это условіе было принято и, быть можетъ, было бы выполнено тогда же, если бы графу Шамбору не пришла въ голову удивительная мысль обнародовать свой манифестъ о бѣломъ знамени. Этотъ манифестъ произвелъ различное дѣйствіе; онъ смутилъ орлеанскихъ принцевъ, но вызвалъ также неудовольствіе и во многихъ умѣренныхъ легитимистахъ, которые сказали графу Парижскому, что послѣ такого страннаго документа поѣздка въ Фрошдорфъ кажется имъ невозможной и что они считаютъ ихъ свободными отъ даннаго слова. Съ тѣхъ поръ графъ Шамборъ обнародовалъ нѣсколько другихъ манифестовъ, заявляя въ нихъ чувства и мнѣнія, крайне враждебныя всему, что можетъ быть названо современнымъ духомъ. Поэтому сближеніе казалось все болѣе и болѣе труднымъ. Но, съ другой стороны, орлеанскіе принцы успѣли одуматься, и, задавшись вышеупомянутой мною мыслью,

а именно желаніемъ оставаться во Франціи, должны были сказать себѣ, что такъ или иначе, а временный порядокъ не можетъ долѣе продолжаться во Франціи, что онъ естественно приходитъ къ концу; что лично у нихъ нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ; что, въ случаѣ, если бы республика была окончательно провозглашена, республиканская партія, ставъ во главѣ дѣла, не потерпитъ ихъ присутствія во Франціи; что если-бы восторжествовала имперія, то она тоже поспѣшитъ изгнать ихъ и что, слѣдовательно, вѣрнѣйшимъ средствомъ для нихъ остаться во Франціи—это создать единство монархической партіи. Я увѣренъ, что эти соображенія играли важную роль въ окончательномъ рѣшеніи графа Парижскаго и въ согласіи на его поѣздку, изъясненномъ его дядями. Я нахожу также, что они до нѣкоторой степени оправдываютъ ее.

Говорятъ также, что графъ Парижскій, какъ и многіе консерваторы, былъ смущенъ избраніемъ Бародэ. Последнее потрясло будто бы его и произвело внутренній переворотъ: онъ счелъ своимъ долгомъ пожертвовать собой, чтобы спасти Францію отъ бездны, въ которую готовились увлечь ее радикалы. Я сообщая этотъ слухъ, не ручаясь за его достовѣрность. По моему мнѣнію, главнымъ мотивомъ поступка графа Парижскаго было давленіе обстоятельствъ.

Теперь остается узнать, каковы будутъ политическія слѣдствія семейнаго примиренія. Однимъ изъ неизбѣжныхъ и прямыхъ послѣдствій является то, что коалиція, низвергнувшая Тьера, теперь разстроена. Бонапартисты, оказавшіе свое содѣйствіе 24-го мая, не могутъ быть довольны: они громко заявляютъ о своемъ негодованіи и ловко воспользовались этимъ случаемъ, чтобы организовать въ Чизлгёрстѣ нѣкоторого рода контръ-демонстрацію противъ Фрошдорфскаго свиданія. Маленькаго императорскаго принца заставили произнести нѣсколько ловко составленныхъ фразъ о трехцвѣтномъ знамени и народномъ самодержавіи. Но въ настоящую минуту бонапартисты даромъ потратятъ свои силы. Позднѣе, конечно, они неизбежно низвергнутъ легитимную монархію, если только она будетъ учреждена; но въ настоящее время они проиграли свое дѣло. Голоса, которые они могутъ изъять изъ реакціоннаго большинства собранія, будутъ, несомнѣнно, съ избыткомъ замѣнены дезертирами изъ лѣваго центра, если только графъ Шамборъ сдѣлаетъ кое-какія уступки. А онъ долженъ ихъ сдѣлать, если хочетъ имѣть успѣхъ. Франція, противъ желанія, но не имѣя силы сопротивляться, предающая себя во власть клерикальнаго чудовища, захочетъ получить хоть какое-нибудь формальное удовлетвореніе. Она, какъ женщины, желающія измѣнить мужу, захочетъ, чтобы ей дали какой-нибудь предлогъ. Такъ, напримѣръ, она ни за что не признаетъ бѣлаго знамени, о не-

любимой привязанности къ которому заявлялъ графъ Шамборъ. Ловкіе люди, ведущіе эту кампанію, придумали слѣдующую комбинацію. Знамя націи и арміи останется трехцвѣтнымъ, но королю, королевскому дому и королевской гвардіи присвоивается бѣлое знамя; національное же, трехцвѣтное знамя, украсится бѣлой повязкой.

Такой король, какимъ желаетъ быть Генрихъ V-й, не можетъ также принимать никакихъ условій, а слѣдовательно и конституціи, вотированной собраніемъ; но парламентская и конституціонная фракція роялистской партіи, то-есть орлеанисты праваго центра не могутъ также, несмотря на все желаніе, отвергнуть вполне принципъ народнаго самодержавія и по-просту, безъ затѣй, признать абсолютнаго короля. Изъ этого затрудненія придумали выпутаться путемъ, сильно отзывающимся иезуитизмомъ, а именно: собраніе для виду займется обсужденіемъ конституціи, но въ тотъ самый моментъ, какъ оно къ этому приступить, Генрихъ V-й, въ силу заранѣе составленнаго договора, издастъ хартію, совершенно согласную съ тѣмъ, что думало создать собраніе. Тогда собраніе откажется отъ составленія конституціи, такъ какъ *король* предупредилъ ея намѣреніе. Личный авторитетъ короля будетъ спасенъ въ глазахъ чистыхъ легитимистовъ, и парламентскія угрызенія совѣсти улягутся, такъ какъ король только опередилъ намѣренія собранія.

Вотъ планъ, который можетъ быть приведенъ въ исполненіе, какъ скоро собраніе возобновитъ свои засѣданія, и который, по всей вѣроятности, удастся, если только графъ Шамборъ окажется мало-мальски податливымъ. Всякое промедленіе кажется невозможнымъ, потому что собраніе опредѣлило, по возобновленіи своихъ засѣданій, приступить къ обсужденію конституціонныхъ законовъ, составленныхъ комиссіей тридцати и вотированіе которыхъ равнялось бы признанію республики. Избѣжать этихъ преній можно лишь провозгласивъ монархію и вотировавъ ее большинствомъ, правда слабымъ, но которымъ рѣшили удовлетвориться и оспаривать которое будетъ невозможно, если справедливо, какъ говорятъ, что маршалъ Макъ-Магонъ участвуетъ въ заговорѣ. Если армія, съ своимъ начальникомъ во главѣ, перейдетъ на сторону легитимной монархіи, республиканская партія, какъ бы ни была она многочисленна, не посмѣетъ ничего сдѣлать и не рѣшится даже что-либо предпринять. Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что никакая партія не бываетъ абсолютно сильна и что масса народа всегда признаетъ совершившійся фактъ.

Итакъ, достаточно будетъ какого-бы то ни было большинства, то-есть союза правой и праваго центра съ нѣсколькими членами лѣваго центра, чтобы перенести Францію изъ республики въ монар-

хию безъ всякаго затрудненія и съ соблюденіемъ легальной вѣѣности. А поддержка лѣваго центра, повторяю, несомнѣнна, если только графъ Шамборъ сдѣлаетъ формальныя уступки, указанныя мною выше.

Уже *Journal des Débats*, который казался искренно пристать къ республикѣ въ послѣдніе два года, безъ особенной церемоніи повернулъ въ сторону монархіи. *Revue des deux Mondes* точно также дѣлаетъ видъ, что готово обратиться на путь истинный. Великіе дѣльцы этой хитрой махинаціи, которая, повидимому, готова увѣчаться успѣхомъ — это епископъ орлеанскій, монсеньоръ Дюпанлу, и человекъ, который уже принесъ великое зло Франціи въ другую эпоху, де-Фаллу, ловкій питомецъ іезуитовъ и свѣтскій глава католической партіи. Онъ, будучи министромъ народнаго просвѣщенія во время президентства Луи-Наполеона, ввелъ систему преподаванія, которая дала такіе бѣдственные результаты и подчинила большую часть французскаго юношества клерикальнымъ вліяніямъ. Со всѣмъ тѣмъ, предоставленные собственнымъ силамъ, епископъ орлеанскій и де-Фаллу, конечно, не успѣли бы расположить графа Шамбора къ уступкамъ, которыя очевидно необходимы. Легитимный претендентъ связанъ своими заявленіями и, кромѣ того, онъ выказываетъ полнѣйшее презрѣніе къ людской ловкости и наивно вѣрить въ чудо, которое обезпечить успѣхъ его партіи. Онъ охотно поэтому предоставилъ бы Провидѣнію чудеснымъ вмѣшательствомъ возвести его на престолъ и спасти Францію. Не такъ давно еще онъ, какъ вы бытъ можете помните, рѣзко и по-королевски распѣкъ епископа орлеанскаго, совѣтовавшаго ему войти въ сдѣлку. Но если онъ умѣетъ по-королевски третировать простаго епископа, за то преисполненъ почтенія и послушанія къ Ватикану. Между тѣмъ кажется, что Ватиканъ, вмѣшався въ дѣло и совѣтуетъ уступить. Ватикану некогда ждать; онъ спѣшитъ объединить и сгруппировать всѣ силы, на которыя онъ можетъ рассчитывать. Онъ желаетъ возстановленія легитимной монархіи въ Испаніи и во Франціи, и ничѣмъ не пренебрежетъ для достиженія своихъ цѣлей. Графъ Шамборъ не рѣшится вѣроятно сопротивляться совѣтамъ, а быть можетъ и приказаніямъ, идущимъ изъ такого источника. Если же бы онъ вздумалъ сопротивляться, то все дѣло рушилось бы и клерикальныя силы обратились бы тогда на сторону бонапартизма, гораздо болѣе уступчиваго и готоваго написать на своемъ знамени во всякій моментъ все, что угодно. Всякая власть, которая низвергнетъ республику, будетъ силою вещей подчинена клерикаламъ, безъ которыхъ ей нельзя будетъ обойтись и которымъ въ свою очередь настоятельно нужна Франція въ рѣшительной борьбѣ, которую они затѣяли.

Много толкуютъ о симпатіи, какую будто-бы встрѣтить въ Европѣ реставрація легитимной монархіи. Говорятъ, что Россія, Австрія и даже Англія совершенно готовы дружелюбно встрѣтить Генриха V-го и составить съ нимъ самый тѣсный союзъ для возстановленія свѣтской власти папы и разрушенія германской имперіи. Я полагаю, что толки эти весьма преувеличены и прежде всего устранимъ изъ дѣла Россію и Англію. Последняя держава, не охотно вмѣшивавшаяся въ континентальныя дѣла, ужъ, конечно, не выйдетъ изъ своего пассивнаго состоянія для заключенія папистской коалиціи. Что касается союза съ Россіей, то онъ представляется не менѣе химеричнымъ благоразумнымъ людямъ, не только вслѣдствіе тѣсной дружбы, связывающей русскаго и германскаго императоровъ, но и потому еще, что неизбежнымъ слѣдствіемъ триумфа въ Европѣ католическаго дѣла было бы оживленіе польскаго вопроса. Остается Австрія, управляемая въ настоящую минуту либеральнымъ министромъ, но гдѣ несомнѣнно существуютъ весьма сильныя реакціонныя и ультрамонтанскія вліянія, которыя могутъ питать надежду воспользоваться для личныхъ цѣлей легитимной реставраціей во Франціи. Вамъ извѣстно, что офиціозныя берлинскія газеты обвиняли эти вліянія въ томъ, что они не оставались чуждыми примиренію, совершившемуся между двумя отраслями бурбонскаго дома. И кажется, что эти обвинения не лишены основанія. Но допустивъ даже, что благодаря легитимной реставраціи во Франціи, партія реакціи выступила бы во главѣ управленія въ Австріи, она неизбежно была бы парализована во всемъ, что касается внѣшней политики австрійской монархіи, несомнѣннымъ противодѣйствіемъ Венгрии. Слѣдовательно система католическихъ силъ, которыя Ватиканъ стремится организовать въ Европѣ, ограничилась бы въ концѣ концовъ Франціей и Испаніей, если бы только легитимному претенденту въ этой послѣдней странѣ удалось достичь своей цѣли. Этихъ силъ было бы очевидно недостаточно для борьбы съ Германіей, постоянно вооруженной съ головы до ногъ, и Италіей, которая въ этомъ случаѣ составила бы союзъ съ Германіей на жизнь и на смерть. А между тѣмъ легитимная монархія не можетъ возстановиться во Франціи безъ того, чтобы не быть вынужденной немедленно сыграть ва-банкъ въ пользу папы и его свѣтской власти. Оставляя въ сторонѣ всѣ вопросы о католическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, ужасаешься мысли о новыхъ опасностяхъ, которымъ подвергло бы Францію вступленіе на престолъ Генриха V-го, и тѣмъ страстище желаешь, чтобы графъ Шамборъ оставался до конца непоколебимъ. Но можетъ ли онъ сопротивляться Ватикану? Да и наконецъ, еслибы онъ и вздумалъ сопротивляться, еслибы онъ продолжалъ дѣлать себя невозможнымъ, то клерикалы все-таки оста-

лись бы не въ проигрышѣ и власть въ концѣ концовъ останется за ними, съ той только разницей, что они не нашли бы другого такого послушнаго орудія, какъ графъ Шамборъ. Всякое другое правительство, кромѣ правительства легитимнаго короля, хотъ какими-нибудь сторонами своими будетъ соприкасаться съ современнымъ міромъ, между тѣмъ какъ Генрихъ V-й, даже даровавъ конституцію, тѣмъ не менѣе останется воплощеніемъ *Syllabus*. Итакъ, дай Богъ, чтобы онъ не уступалъ! Дай Богъ, чтобы онъ продолжалъ изолироваться и превращаться въ мумію, кутаясь въ складен бѣлаго знамени.

Но, скажете вы, откуда происходитъ во Франціи, въ странѣ революціи, эта постоянно растущая сила католицизма? Она обусловливается не только могущественной организаціей, признаваемой всѣми за католицизмомъ, но еще и тѣмъ, что послѣдній дѣйствительно является единственной органической и живучей силой, между тѣмъ какъ все остальное увядаетъ и разсыпается прахомъ. Революція желала бы идти впередъ и не можетъ; она истощена; она не въ силахъ ни ограничить всеобщей подачи голосовъ, ни перешагнуть за ея предѣлы. А между тѣмъ всѣ разумные люди прогрессивной партіи очень хорошо признаютъ, но только *in petto*, не осмѣливаясь заявить объ этомъ громко, что революція умираетъ именно отъ всеобщей подачи голосовъ, потому что послѣдняя предастъ ее во власть бессмысленной толпы. Но это не все: революція кончила тѣмъ, что противопоставляетъ совершенно отрицательный фанатизмъ положительному фанатизму ультрамонтановъ, и нація поставлена между безумцами, грозящими искоренить всѣхъ, кто не вѣритъ въ непогрѣшимость папы и въ безпорочное зачатіе, и другими безумцами, которые стремятся искоренить всякое вѣрованіе, каково бы оно ни было. Между тѣмъ человѣческая природа такъ устроена, что положительный фанатизмъ всегда возьметъ верхъ надъ отрицательнымъ. Погребенія безъ участія духовенства умножаются, но и поклоненія пилигримовъ тоже умножаются, и въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ, и раздуваютъ искру фанатизма, которая можетъ разгорѣться страшнымъ пламенемъ.

Какое несчастье, что такая печальная перспектива открывается передъ нами когда разъ въ ту самую минуту, когда чужеземныя войска оставляютъ предѣлы Франціи, и послѣдней слѣдовало бы только радоваться и собираться съ новыми силами. Наше правительство отнеслось болѣе чѣмъ странно къ этому великому событію: оно, повидимому, исключительно занялось тѣмъ, какъ бы сдержатъ и подавить весьма естественныя проявленія общественной радости. Почти вездѣ въ освобожденных департаментахъ, которые особенно отличаются своимъ патріотическимъ духомъ, собирались праздновать возвращеніе

французскихъ солдатъ, столь долго оплакиваемыхъ; къ несчастію, въ то же самое время тамъ готовились, что совершенно впрочемъ естественно — чествовать Тьера, который несомнѣнно можетъ назваться настоящимъ освободителемъ территоріи. Этого не могли вынести его преемники. Отсюда явились такія распоряженія и такія предосторожности, которыя совсѣмъ смѣшны и недостойны правительства, уважающаго себя. Французскіе солдаты вынуждены были войти незаметно, какъ-бы украдкой, чтобы избѣжать овацій, съ которыми несомнѣнно было бы связано имя Тьера. Или же офицеры получали приказанія, внушавшія имъ не отвѣчать на лестный пріемъ жителей. Это обстоятельство вызвало, напримѣръ, въ Бельфорѣ весьма горестныя столкновенія. Бельфоръ и его территорія составляютъ ту незначительную часть Эльзаса, которая осталась въ рукахъ Франціи, чѣмъ эта послѣдняя, какъ это всѣмъ извѣстно, обязана исключительно усиліямъ Тьера. Много эльзасцевъ поселилось въ ней, желая остаться заодно и эльзасцами и французами. Еще больше эльзасцевъ явилось изъ отчужденныхъ провинцій, чтобы привѣтствовать французскія войска и засвидѣтельствовать своимъ присутствіемъ, что официальная перемѣна національности осталась безъ всякаго вліянія на ихъ чувства. Дамы желали усыпать цвѣтами путь солдатъ, но были грубо удалены офицерами, которымъ, конечно, были даны приказанія, и войска вошли точно въ покоренный городъ. Эльзасцы вернулись къ себѣ весьма недовольные, и это обстоятельство, въ связи съ открывающейся перспективой клерикальной реакціи и легитимной реставраціи во Франціи, вызываетъ у многихъ размышленія, отъ которыхъ ихъ патриотизму не поздоровится.

Несмотря на предосторожности, принятыя правительствомъ, Тьеръ чествовали почти повсемѣстно и онъ получилъ очень много адресовъ отъ властей освобожденныхъ мѣстностей. Города Нанси и Люневилль приглашали его на празднества, которыя намѣревались устроить въ честь его, но Тьеръ не счелъ возможнымъ принять это приглашеніе и къ тому же слишкомъ шумныя демонстраціи ему не по вкусу и не по нраву. Со всѣмъ тѣмъ, такъ какъ онъ не пренебрегаетъ вполне оваціями, а тѣ, которыхъ онъ могъ ожидать въ этомъ случаѣ, были вполне законны и заслужены, то онъ вдругъ измѣнилъ своему обычному пристрастію къ сельской жизни и предпринялъ небольшое путешествіе въ Швейцарію, которое привело его въ Бельфоръ. Здѣсь онъ весьма кстати почувствовалъ себя утомленнымъ и нездоровымъ, и поэтому вынужденъ былъ остановиться на нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть, что однако не помѣшало ему проѣхать по улицамъ, украшеннымъ флагами, и затѣмъ принимать значительное сборище друзей и патриотовъ. Этотъ маленький

триумфъ Тьера въ Бельфорѣ весьма разгнѣвалъ правительство, неудовольствіе котораго еще усилится, если бывшій президентъ по возвращеніи изъ Швейцаріи рѣшится пройти черезъ Нанси и Люневилль. Его уговариваютъ на это республиканцы, и сами радикалы, говорятъ, обѣщали отказаться отъ всякой агитаціи на время парламентскихъ каникулъ, — что было-бы весьма большой заслугой съ ихъ стороны, — если только Тьеръ возьметъ на себя возбуждать общественный духъ и противодействовать монархическимъ интригамъ. Я сомнѣваюсь, чтобы Тьеръ согласился на это. У него натура отнюдь не трибуна и его положеніе требуетъ кромѣ того большой сдержанности. Но само собой разумѣется, что если вопросъ о формѣ правленія поднимется въ собраніи, то Тьеръ не преминетъ вмѣшаться въ борьбу и долженъ будетъ или побѣдить, или пасть вмѣстѣ съ республикой. Лица, выдавшія его въ послѣднее время, находятъ, что онъ утратилъ отчасти свою надежду на сохраненіе республики, вслѣдствіе маневровъ партіи сліянія, но не упалъ духомъ окончательно.

Страстная рѣчь герцога де-Броули, вице-президента совѣта министровъ въ генеральномъ совѣтѣ Эры, толкуется на разные лады и дѣйствительно допускаетъ нѣсколько толкованій. Главный министръ маршала Макъ-Магона снова взывалъ къ объединенію всѣхъ консерваторовъ, какъ и 24-го мая, включая сюда конечно и бонапартистовъ. Онъ увѣрялъ, что правительство вовсе не возстаетъ противъ республики, но противъ несправимыхъ противниковъ нравственнаго порядка. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ консервативныя партіи отказались отъ всякихъ личныхъ притязаній; наконецъ заключилъ пышными похвалами маршалу Макъ-Магону, умоляя консерваторовъ сгруппироваться вокругъ него, но не скрывая однако, что собранію, по всей вѣроятности, придется рѣшить вопросъ о формѣ правленія. Республиканцы выводятъ изъ всего этого заключенія, быть можетъ, слишкомъ поспѣшныя. Если, говорятъ они, министръ требуетъ, чтобы консервативныя партіи отказались отъ личныхъ притязаній и симпатій, когда собранію придется обсуждать великія политическія задачи, то это потому, что онъ уже предвидитъ необходимость снова обратиться къ республикѣ и законамъ, которымъ предназначено ее упрочить. Точно такъ и похвалы, болѣе напыщенныя, чѣмъ приличныя, которыми герцогъ осыпаетъ маршала Макъ-Магона, свидѣлствуютъ о смущеніи министерства, вынужденнаго замѣнить продленіемъ президентскаго полномочія монархію, которую ему не удалось возстановить. Быть можетъ, все это скороспѣлые выводы. Герцогъ де-Броули не могъ открыто обсуждать въ генеральномъ совѣтѣ Эры вопросъ о монархической реставраціи. Онъ

однако настолько высказался, что даетъ право заключить, что правительство участвуетъ въ заговорѣ. Его обращеніе *ко всемъ консерваторамъ* исполнѣ естественно, потому что онъ, конечно, не отвергъ бы бонапартистскіе голоса, еслибы послѣдніе захотѣли высказаться за Генриха V-го. Наконецъ, панегирикъ маршалу Макъ-Магону могъ быть такъ же хорошо рассчитанъ въ виду той роли, которая естественно выпадаетъ маршалу Макъ-Магону въ этомъ дѣлѣ, потому что, повторяю, монархія, провозглашенная слабымъ большинствомъ и непопулярнымъ собраніемъ, потребуеъ извѣстной поддержки отъ арміи, чтобы водвориться съ нѣкоторымъ блескомъ.

Но каково отношеніе дѣлового міра ко всему тому, что подготавливается? Это отношеніе можетъ резюмироваться въ одномъ словѣ: дѣловые люди утомлены неопредѣленностью положенія; они требуютъ рѣшенія, какое бы оно ни было. Они стояли вмѣстѣ съ Тьеромъ за консервативную республику, но они точно также станутъ на сторону всякаго другого порядка, если только онъ будетъ заявлять о своей прочности. Дѣловой міръ всегда отличается отсутствіемъ принциповъ. Дѣла идутъ вяло въ настоящую минуту; они оживятся въ тотъ день, когда будетъ провозглашена какая-бы то ни было, но только окончательная форма правленія, будетъ-ли то республика или монархія. Быть можетъ, они оживятся не надолго, но спекулянты и даже производители и серьезные коммерсанты не умѣютъ заглядывать дальше завтрашняго дня. Кто обезпечить имъ этотъ завтрашній день, за того они и будутъ. Но что можетъ особенно затруднить первые шаги новаго правительства, такъ это плохой урожай. Какъ скоро урожай хлѣба не соответствуетъ потребленію и какъ скоро хлѣбъ дорожаетъ въ цѣнѣ, такъ положеніе дѣлъ во Франціи становится критическимъ и всегда будетъ критическимъ для всякаго правительства. Между тѣмъ кажется, что урожай нынѣшняго года не удовлетворитъ на одну-пятую, а быть можетъ и на цѣлую четверть потребленіе. Я слышалъ, что промышленность и земледѣліе точно также пострадали и въ отчужденныхъ провинціяхъ. Урожай тамъ далеко не удовлетворителенъ, и кромѣ того промышленность въ Мюльгаузенѣ очень страдаетъ. До сихъ поръ французскій рынокъ оставался для нея открытымъ, благодаря крайне умѣренной пошлинѣ. Но теперь она подпадаетъ общимъ законамъ, регулирующимъ иностранный ввозъ; она можетъ доставлять во Францію лишь нѣкоторые предметы роскоши и далеко не завоевала, какъ надѣялась, нѣмецкаго рынка. Нѣмцы требуютъ предметовъ плохого качества, но крайне дешевыхъ, и Мюльгаузену трудно будетъ конкурировать въ этомъ отношеніи съ нѣмецкими фабриками.

На этихъ дняхъ мы лишились благороднаго ветерана нашихъ

политическихъ тревоженій, Одилона Баррб, вице-президента государственнаго совѣта, который умеръ слишкомъ восьмидесяти лѣтъ. Баррб былъ прежде всего честный, отличный человекъ; онъ былъ также весьма талантливымъ юрисконсултомъ. Но будучи человекомъ богатымъ, мало занимался адвокатурой, и поэтому ябедничество не успѣло исказить его умъ и заразить его софизмами, какъ это обыкновенно бываетъ съ нашими адвокатами, политическими людьми. То былъ крайне добросовѣстный, прямой, свободный и даже оригинальный умъ въ томъ смыслѣ, что умѣлъ соединить съ патриотизмомъ отсутствіе многихъ національных предрасудковъ. Такимъ образомъ Баррб понималъ правосудіе скорѣе на манеръ англичанъ, съ точки зрѣнія свободы личности и интересовъ защиты, чѣмъ общественнаго возмездія, какъ его понимаютъ французскіе юристы. Еще въ прошломъ году, уже почти на закатѣ своихъ дней, онъ представилъ въ академію гуманитарныхъ наукъ мемуаръ, въ которомъ трактовалось о нѣкоторыхъ, весьма радикальныхъ юридическихъ реформахъ. Онъ требовалъ въ немъ, между прочимъ, гласности главнаго слѣдствія и примѣненія суда присяжныхъ къ гражданскимъ дѣламъ,—реформы, которыя еще долго не осуществляются во Франціи.

Какъ политическій дѣятель и парламентскій ораторъ, Баррб особенно блисталъ во время іюльской монархіи. Въ теченіи семнадцати лѣтъ, какъ существовала эта монархія, онъ былъ въ палатѣ депутатовъ безспорнымъ главой оппозиціи, которая звалась династической той, оппозиціи, которая желала демократизировать и сдѣлать либеральнымъ правительство, не низвергая его. Она желала этого, но не умѣла за это взяться, потому что несомнѣнно, что Баррб содѣйствовалъ, и даже въ сильной мѣрѣ, паденію того порядка, который онъ желалъ упрочить. Слишкомъ честный и быть можетъ слишкомъ наивный для политической среды, онъ часто бывалъ безсознательнымъ орудіемъ враждебныхъ партій. Такимъ образомъ его убѣдили принять дѣятельное участіе въ знаменитой кампаніи политическихъ банкетовъ 1847 г., которая была непосредственной причиной революціи 1848 г. Послѣ этой революціи Баррб, устрешенный не въ мѣру, вступилъ въ реакціонный союзъ побѣжденныхъ партій, который назывался великой партіей порядка и который подготовилъ и поддержалъ, къ несчастію для Франціи, кандидатуру принца Луи-Наполеона Бонапарта. Затѣмъ онъ былъ первымъ министромъ новаго президента и реакція была рада воспользоваться его уважаемымъ именемъ, чтобы обезпечить свои первые шаги. Онъ принялъ на себя отвѣтственность за римскую экспедицію, послѣ чего президентъ, найдя, конечно, что онъ выжалъ изъ него весь сокъ, безъ церемоніи вытѣснилъ его изъ кабинета. Баррб, само

собой разумѣется, протестовалъ противъ государственнаго переворота 2-го декабря и пребывалъ въ эпоху имперіи въ почетномъ уединеніи, изъ котораго однако охотно-бы вышелъ, еслибы могъ, такъ какъ онъ сохранилъ живой интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Онъ разъ или два выступалъ кандидатомъ въ законодательный корпусъ, но правительство сильно агитировало противъ него, а оппозиція, которая не простила ему римской экспедиціи, вяло его поддерживала, а потому попытки его не увѣнчались успѣхомъ. Тьеръ охотно желалъ бы имѣть его въ своихъ рядахъ во время парламентской кампаніи, которую онъ велъ въ послѣдніе годы имперіи. Уступая, какъ ораторъ, Гизо, Беррье и самому Тьеру, Барро не имѣлъ себѣ равнаго какъ парламентскій тактикъ. Никто не умѣлъ лучше него маневрировать въ пылу спора, покрывать неудачный приступъ, находить быстрыя и дѣльные возраженія. Я передаю здѣсь личное мнѣніе самого Тьера. Одилонъ Барро оставилъ мемуары, которые вѣроятно будутъ въ непродолжительномъ времени изданы и будутъ конечно весьма интересны.

Незамѣтно мы приближаемся къ эпохѣ, когда долженъ, наконецъ, начаться процессъ маршала Базена и по мѣрѣ того, какъ мы къ нему приближаемся, затрудненія и опасности этого процесса, сдѣлавшагося теперь неизбежнымъ, все усложняются.

Оправданіе, какъ и осужденіе кажутся равно невозможными, и каковъ бы ни былъ исходъ процесса, онъ будетъ бѣдственный. Воспоминанія самыя болѣзненные, самыя мучительныя будутъ оживлены во время процесса, всѣ генералы будутъ притянуты къ дѣлу, армія глубоко потрясена, революція 4-го сентября привлечена на скамью подсудимыхъ вмѣстѣ съ маршаломъ. Все это слишкомъ, быть можетъ, тяжело скажется на темпераментѣ Франціи. Еслибы маршалъ, который, какъ говорятъ, чувствуетъ себя нездоровымъ въ послѣднее время, вздумалъ умереть до открытія судебныхъ преній, онъ, мнѣ кажется, оказалъ бы великую услугу всѣмъ.

Въ литературномъ и театральномъ мірѣ царствуетъ полнѣйшее затишье. Бесплодіе въ той и другой сферѣ обозначается все сильнѣе и сильнѣе. Что касается театра, то слѣдуетъ замѣтить, что лѣто никогда ему не благопріятствуетъ, а настоящее лѣто всего меньше, ибо отличалось совсѣмъ необычными жарами.

Н.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НЕДОВѢРІЕ КЪ НАУЧНОМУ ДОСТОИНСТВУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Essays in Political Economy, theoretical and applied. By *I. E. Cairnes*, M. A. Emeritus professor of Political Economy in University College, London. (Статья по политической экономіи, теоретической и въ примѣненіяхъ. Док. *Е. Карнеса*, профессора политической экономіи въ лондонскомъ университетѣ). London, Macmillan and Co, 1873.

Политическая экономія, какъ наука, ведетъ свое начало съ прошлаго столѣтія, со времени появленія въ свѣтъ знаменитаго изслѣдованія Адама Смита о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Дѣло Смита продолжали и совершенствовали многіе замѣчательные ученые. Вскорѣ выводы политической экономіи стали примѣняться къ государственной жизни, а такъ какъ эти выводы касались столь существенныхъ сторонъ общественнаго быта, какъ производство и распредѣленіе богатства, то понятно, что примѣненіе ихъ на практикѣ должно было встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны друзей стараго порядка. Съ своей стороны, сторонники новой науки впадали, при первыхъ же практическихъ шагахъ, въ важныя ошибки отчасти потому, что слишкомъ узко ставили свои задачи, отчасти же оттого, что старались находить въ политической экономіи отрицаніе или утвержденіе такихъ теорій, которыя не входили въ область этой науки. Само собою разумѣется, эти ошибки не остались безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ науки, на ея доброе имя какъ въ ученomъ мѣрѣ, такъ и въ массѣ публики. Друзья прежняго экономическаго порядка, прежнихъ воззрѣній на благосостояніе народовъ, воспользовались этими ошибками, чтобы возбудить къ выводамъ политической экономіи недовѣріе и даже вражду въ цѣлыхъ классахъ общества, которые, при иныхъ обстоятельствахъ, оставались бы спокойными зрителями этого спора изъ-за научныхъ принциповъ и метода. Такимъ образомъ въ предѣлы политико-экономической критики вторглись мало-по-малу политическія страсти и сословные интересы, и одно время казалось, что сама наука совершенно теряетъ свое ученое достоинство и становится орудіемъ одной могущественной касты. Правда, что въ ея области непрерывно трудились люди высokaго ума, и са-

на наука постоянно совершенствовалась, но такъ какъ крунныхъ и оригинальныхъ изслѣдователей было весьма мало, а около нихъ шумѣла и волновалась громадная клика приверженцевъ буржуазной касты, то даже такіе свѣдущіе, добросовѣстные и остроумные критики, какъ Огюсть Контъ, приходили къ отрицанію политической экономіи, какъ науки.

Недовѣріе къ политической экономіи продолжается и до сихъ поръ, хотя въ ея выводахъ и методѣ произошли значительныя перемѣны къ лучшему. Правда, въ послѣднія десятилѣтія она стала уже предметомъ изученія и преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но это преподаваніе идетъ еще довольно слабо. Профессоръ Кэрнсъ, самъ весьма искусный изслѣдователь въ этой области, жалуется, что даже въ Лондонѣ, „этомъ крупномъ центрѣ англійской торговой и политической жизни, политическая экономія — этотъ по преимуществу англійскій продуктъ, эта наука, созданная англійскими мыслителями и примѣненная къ жизни англійскими государственными людьми съ поразительнымъ успѣхомъ, находится, какъ предъ жетъ хорошаго воспитанія, почти въ полномъ пренебреженіи“ (стр. 236). Кэрнсъ столь сильно озадаченъ этимъ обстоятельствомъ, что посвящаетъ разъясненію причинъ его три большихъ статьи, на которыя мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

У насъ, въ Россіи, политическая экономія тоже не пользуется доброю репутаціей: и у насъ есть цѣлая масса публицистовъ, которые отвергаютъ не только научную достовѣрность выводовъ и положеній политической экономіи, но и самую возможность такой науки... Между прочимъ, эта наука возбуждала недовѣріе и вслѣдствіе приписаннаго ей политическаго характера: она слыла долгое время за научную разработку пресловутаго принципа *laissez faire, laissez passer* и считалась основнымъ орудіемъ для распространенія свободы не только въ мірѣ промышленности и торговли, но и на политическомъ поприщѣ. Понятно, слѣдовательно, что приверженцы старыхъ воззрѣній не могли смотрѣть на политическую экономію равнодушными глазами, такъ какъ ея проповѣдь съ экономической почвы легко переходить и на политическую, и такъ какъ экономическая свобода въ окончательномъ смыслѣ этого слова немыслима безъ свободы политической. Изъ европейскихъ государствъ только самые либеральные въ политическомъ отношеніи установили у себя наибольшую свободу и въ экономической жизни гражданъ. Протекціонизмъ Соединенныхъ Штатовъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго факта, такъ какъ американскіе граждане, въ своей дѣятельности внутри государства пользуются столь же полною экономической свободою, какая существуетъ вездѣ,

гдѣ экономическая свобода обезпечивается политической: тамъ всѣхъ воленъ заниматься какиѣмъ промысломъ онъ хочетъ и на какиѣ ему угодно условіяхъ; тамъ люди труда свободны и не поставлены въ какія-либо обязательныя отношенія къ капиталистамъ.

Но кромѣ ненависти людей строго консервативныхъ, политическая экономія возбуждала противъ себя недовѣріе и со стороны прогрессивной партіи: даже въ нашихъ либеральныхъ органахъ нечасто встрѣчались нападки на политическую экономію, какъ на науку ложную, созданную капиталистскимъ интересомъ въ защиту ея эгоистическихъ притязаній на порабощеніе людей труда. Русский переводъ сочиненій Адама Смита былъ встрѣченъ съ значительнымъ недовольствомъ нѣкоторыми изъ нашихъ черезъ край прогрессивныхъ рецензентовъ. Даже благороднѣйшій ученый представитель политической экономіи, покойный Джонъ Стюартъ Милль, подвергался въ нашей либеральной литературѣ самымъ жестокимъ обвиненіямъ въ пристрастіи къ интересамъ буржуазіи. Разумѣется, подобныя нападки доказывали только незнакомство обвинителей съ дѣйствительными цѣлями политической экономіи и съ трудами такихъ мыслителей, какъ Адамъ Смитъ, или Милль; но, съ другой стороны въ этихъ нападкахъ нельзя не слышать простого отголоска экономическихъ споровъ въ западной Европѣ. Тамъ, буржуазная клика говорила рабочему человѣку, какъ рассказываетъ профессоръ Кэрнсъ, „что политическая экономія будто-бы осуждаетъ стачки, колеблется относительно артельного начала (cooperation), косо поглядываетъ на предложенія объ ограниченіи часовъ рабочаго дня, но одобряетъ накопленіе капитала и санкціонируетъ рыночный уровень заработной платы“. Нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ, представляетъ профессоръ, что на эти заявленія отвѣчали въ такомъ родѣ: — „такъ какъ политическая экономія противъ рабочаго человѣка, то рабочему человѣку слѣдуетъ быть противъ политической экономіи“ (стр. 261). Въ нашей либеральной журналистикѣ приняли именно этотъ взглядъ на политическую экономію, благодаря отчасти тому обстоятельству, что у насъ нашлось не мало столь невѣжественныхъ приверженцевъ политической экономіи, что они представляли ее русской публикѣ какъ науку, нарочито созданную для оправданія всѣхъ видовъ капиталистскаго стяжанія. Въ политической экономіи эти господа старались найти доказательства въ пользу освобожденія крестьянъ безъ земли! Не честнаго ученаго, въ родѣ Милля, а ловкаго діалектика Бастіа представляли намъ, какъ лучшаго и способнѣйшаго толкователя ученій Адама Смита и его вѣрныхъ послѣдователей...

Теоріи того же самаго Бастіа или экономистовъ ему подобныхъ

были причиною, по мнѣнію Кэрса, охлажденія и англійской публики къ судьбамъ политической экономіи. Между тѣмъ, года три тому назадъ, въ Лондонѣ появился отличный переводъ сочиненій Бастіа, и Кэрсъ поспѣшилъ направить противъ него одну изъ своихъ статей. Впрочемъ, появленіе Бастіа даже въ отличномъ переводѣ произвело на англійскую публику лишь слабое впечатлѣніе, хотя и заставило періодическую литературу провѣрить свои свѣдѣнія и понятія въ экономической теоріи.

Теорія Бастіа — это теорія *laissez-faire, laissez-passer*, которую проповѣдывали буржуазные публицисты и до Бастіа и послѣ него; изложеніе Бастіа отличается лишь чисто внѣшними свойствами: бойкимъ остроуміемъ, блистательною діалектикою и замѣчательно смѣлою софистикою. Главную сущность своихъ ученій Бастіа заимствовалъ у американскаго софиста Кэри, который проповѣдывалъ уже въ тридцатыхъ годахъ, что всѣ интересы въ мірѣ гармоничны. Бастіа тоже утверждалъ, что все въ экономическомъ мірѣ должно придти само собою къ наилучшему разрѣшенію, если только всѣ интересы будутъ предоставлены самимъ себѣ, на собственный свой страхъ, — и такъ какъ онъ ни однимъ словомъ не упоминалъ о своемъ заимствованіи, то въ чадѣ экономическаго спора между буржуазными и социалистическими органами печати во Франціи всѣ полагали, что Бастіа излагаетъ какую-то новую теорію, имъ самимъ изобрѣтенную: никому тогда (во время второй республики) и въ голову не приходило, что объ этой „гармоніи интересовъ“ разсуждалъ уже нѣмѣтъ въ свое время незамѣченный Кэри. Лишь очень недавно нѣмецкій приверженецъ Кэри, берлинскій профессоръ Дюрингъ, обнаружилъ эту недобросовѣстную продѣлку Бастіа. Ту же недобросовѣстность найдемъ мы и въ самой діалектикѣ Бастіа, въ самомъ его желаніи „соединить вмѣстѣ и слить въ одно два различныхъ воззрѣнія: факта и права“, какъ выражается его біографъ Фонтенэ, и „доказать, что то, что существуетъ, въ его нынѣшней совокупности и еще болѣе въ его прогрессивномъ стремленіи, соответствуетъ тому, что должно быть по предписаніямъ всеобщей совѣсти“.

Самъ Бастіа излагаетъ свое ученіе слѣдующимъ образомъ. Я стараюсь — говорить онъ — „доказать, что въ законахъ Провидѣнія, управляющихъ человѣческимъ обществомъ, существуетъ гармонія“, такъ какъ „всѣ принципы, всѣ побужденія, всѣ источники дѣятельности, всѣ интересы содѣйствуютъ другъ другу въ достиженіи великаго конечнаго результата... постояннаго приближенія всѣхъ классовъ къ вѣчно возвышающемуся уровню, или другими словами, — въ уравненіи отдѣльныхъ личностей посредствомъ общаго улучшенія... Окончательный выводъ экономистовъ — свобода. Но для того, чтобы

этотъ выводъ овладѣлъ умами и сердцами людей, необходимо упрощать его на томъ основномъ принципѣ, что *интересы, предоставленные самимъ себѣ, стремятся къ гармоническимъ сочетаніямъ и къ прогрессивному возвышенію общаго блага*“.

Переводя эту тему на болѣе простой языкъ, все ученіе Бастіа представится въ такой формѣ. Допустивъ тотъ общій принципъ политической экономіи, что люди, по природѣ своей, управляются въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ инстинктомъ самосохраненія или собственной личной пользы, и принявъ человѣчество такимъ, какимъ оно представляется теперь въ настоящемъ его нравственномъ и умственномъ развитіи, — принявъ, далѣе, всѣ тѣ физическія условія, среди которыхъ люди живутъ въ данный историческій моментъ, и допустивъ, наконецъ, устройство частной собственности на тѣхъ началахъ, на какихъ она основана и признана въ большинствѣ современныхъ государствъ;—буржуазное ученіе *laisser-faire* утверждаетъ, что личный интересъ людей поведетъ ихъ во всемъ, что касается матеріальнаго благосостоянія, самымъ ближайшимъ и вѣрнымъ путемъ ко всему, что можетъ быть лучшаго для всѣхъ вообще и для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

Всматриваясь внимательнѣе въ буржуазную тему Бастіа и его школы, не трудно замѣтить, что она заключаетъ въ себѣ два важныхъ предположенія. Она утверждаетъ, во-первыхъ, что интересы отдѣльныхъ личностей въ сущности одинаковы; что то, что способствуетъ развитію интересовъ одного человѣка, способствуетъ развитію интересовъ и всѣхъ другихъ людей. Она утверждаетъ еще, что отдѣльныя личности понимаютъ свои собственные интересы, свое личное благо въ этомъ именно смыслѣ, въ какомъ эти интересы совпадаютъ съ интересами другихъ людей, и что стоить только удалить изъ общества всѣ помѣхи и препятствія къ преслѣдованію людьми личной пользы, личныхъ интересовъ, какъ тотчасъ же люди станутъ стремиться къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей такимъ образомъ, чтобы ихъ личные интересы всегда совпадали съ интересами другихъ людей. Признавъ вѣрность этихъ двухъ предположеній, пришлось бы допустить и всю теорію *laisser-faire*, то-есть полное удаленіе государственной власти отъ всѣхъ дѣлъ, касающихся матеріальнаго благосостоянія подданныхъ.

Что касается до первой гипотезы, профессоръ Кэрсъ признаетъ ее вполне; онъ предостерегаетъ только своихъ читателей не смѣшивать человѣческихъ интересовъ вообще съ интересами сословными. Каждый человѣкъ стремится къ своему личному благу, каждый хочетъ наслаждаться жизнью, — въ этомъ отношеніи интересъ всѣхъ людей, по сущности своей, одинъ и тотъ же. Но не всѣ люди, при

дѣхъ настоящемъ нравственномъ и умственномъ развитіи, даже въ самыхъ образованныхъ странахъ, стремятся къ достиженію своего счастья одинакимъ образомъ и съ соблюденіемъ общихъ интересовъ. Нынѣшніе люди понимаютъ и преслѣдуютъ свои личные интересы вовсе не такъ, какъ учить теорія Бастіа: они отдѣляютъ свои личные интересы отъ общественныхъ и весьма часто стремятся достигнуть своего личнаго счастья наперекоръ и въ ущербъ благосостоянію не только другихъ отдѣльныхъ личностей или которой-либо изъ общественныхъ группъ, но и цѣлаго общества, всего человѣчества даже. Что люди, въ стремленіи достигнуть личнаго матеріальнаго благосостоянія, слѣдуютъ своимъ интересамъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они понимаютъ ихъ, — это доказать легко; но чтобы они понимали эти интересы именно въ смыслѣ интересовъ общаго благосостоянія, — этого никогда не было, хотя, можетъ быть, такъ будетъ когда-нибудь въ будущемъ, при высшей степени нравственнаго и умственнаго развитія. И теперь встрѣчаются отдѣльныя личности, которыхъ полная, безусловная преданность общественному благу находится внѣ всякаго сомнѣнія, но цѣлыя массы людей, стоящихъ на всѣхъ степеняхъ умственнаго развитія, если отождествляютъ свои личные интересы съ общественными, то лишь въ вопросахъ второстепенныхъ и небольшой важности. Профессоръ Карнсъ рисуетъ намъ картину различныхъ слоевъ англійскаго и американскаго обществъ, изъ которой видно, какъ всѣ они, въ томъ или другомъ общественномъ вопросѣ, прямо противодействовали лучшимъ реформамъ своего времени, руководствуясь въ своей оппозиціи исключительно личными интересами, понимаемыми не въ общечеловѣческомъ смыслѣ, а въ словесномъ. Такъ, англійскіе землевладѣльцы отстаивали несправедливый законъ о таможенныхъ пошлинахъ на ввозный хлѣбъ, а между тѣмъ отмена этого закона способствовала благосостоянію не только всей страны, но и самихъ землевладѣльцевъ. Къ такого же рода нелѣпой оппозиціи принадлежитъ ихъ нынѣшнее противодействіе отменѣ майората и другимъ землевладѣльческимъ реформамъ. Также нелѣпо поступали фабриканты, возставая противъ уменьшенія часовъ рабочаго дня на фабрикахъ; также неблагоприятно дѣйствуютъ тѣ рабочіе союзы, которые возстаютъ противъ урочной работы и требуютъ одинаковой заработной платы для умѣлыхъ и неумѣлыхъ, лѣнливыхъ и трудолюбивыхъ и т. п. Та же несостоятельность ученія Бастіа оказывается и при обзорѣнн *общихъ* результатовъ экономической жизни цѣлой страны. „Можетъ ли кто-нибудь, при серьезномъ изученіи настоящаго положенія обитателей этихъ острововъ, — восклицаетъ нашъ авторъ передъ лицомъ британской публики, — этихъ острововъ, гдѣ промышленная свобода, въ продолженіи почти цѣлой

половины столѣтія, развивалась гораздо сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде и въ какой-либо другой странѣ, и гдѣ также крайнія проявленія богатства и нищеты находятся въ болѣе рѣзкомъ контрастѣ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было,—гдѣ одинъ человѣкъ съѣдаетъ въ одинъ обѣдъ столько цѣнностей, сколько достаточно для того, чтобы цѣлая семья другого могла кормиться и одѣваться въ продолженіи цѣлаго мѣсяца,—гдѣ вся земля составляетъ собственность менѣе одной сотни тысячъ людей изъ населенія въ тридцать милліоновъ душъ,—гдѣ на каждые двадцать гражданъ приходится по одному нищему, гдѣ громадное большинство сельскаго населенія, въ молчаливомъ самоотреченіи, видитъ передъ собою въ старости одну лишь общественную богадѣльню, между тѣмъ какъ рабочее населеніе въ городахъ попадаетъ разъ въ каждые десять лѣтъ въ страшную коммерческую катастрофу, которая влечетъ къ гибели сотни тысячъ людей,—можетъ ли, спрашиваю я васъ, кто-нибудь серьезно изучать такое состояніе вещей, успокаиваться съ безусловнымъ довольствомъ и довѣріемъ на своемъ правилѣ *laisser-faire*?...“ (стр. 248, 249).

Грозный вопросъ нашего автора, обращенный къ Англіи, можетъ быть обращенъ, еще съ большимъ удобствомъ, ко всякой другой странѣ, такъ какъ въ Англіи государственная власть, допуская самую широкую свободу въ экономическихъ дѣлахъ, старалась въ то же время смягчать разными мѣрами рѣзкость промышленныхъ переворотовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ правительство не только не старалось объ отраженіи разныхъ неудобствъ въ промышленной жизни, но еще стѣсняло экономическую свободу въ пользу не общественныхъ, но сословныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что въ современномъ обществѣ безконтрольное предоставленіе людей преслѣдованію своихъ личныхъ интересовъ въ промышленности, земледѣліи и торговлѣ не можетъ само собою привести людей къ общему благосостоянію; — этотъ выводъ подтверждается опытомъ всего цивилизованнаго міра, и Англіи въ особенности. Слѣдовательно, и доктрина *laisser-faire* не имѣетъ никакого научнаго значенія. Еслибы это ученіе составляло всю сущность политической экономіи, то, разумѣется, и сама политическая экономія лишилась бы всякаго права на званіе науки.

Отрекаясь отъ Бастіа и школы *laisser-faire*, профессоръ Кэрнсъ отрекается и отъ коммунистовъ, отъ всей школы отеческой опеки государства, какими бы возвышенными и прекрасными цѣлями эта опека ни задавалась. Онъ утверждаетъ совершенно справедливо, что дѣло политической экономіи, какъ науки, заключается не въ сочиненіи тѣхъ или другихъ плановъ общественнаго устройства и не въ рекомендаціи политики вмѣшательства или невмѣшательства, — а въ разъясненіи

причинъ происхожденія или послѣдовательности тѣхъ или другихъ экономическихъ фактовъ. Ни астрономія, ни химія, ни фізіологія, ни одна наука вообще не имѣютъ въ виду *опредѣленныхъ* практическихъ дѣлей, наприкладъ, измѣненія вещей въ физическомъ мірѣ;—главная дѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы раскрыть и разъяснить законы природы, въ силу которыхъ явленія, входящія въ область ихъ изслѣдованія, слѣдуютъ одно за другимъ, какъ дѣйствіе за причиною, или сосуществуютъ вмѣстѣ. Также точно и политическая экономія излагаетъ законы, въ силу которыхъ явленія богатства народо́въ существуютъ другъ съ другомъ или взаимно обуславливаются одно другимъ. Политическая экономія, поэтому, должна стоять внѣ всякихъ социальныхъ системъ и плановъ,—она можетъ сказать только, какое вліяніе можетъ имѣть тотъ или другой планъ на извѣстныя общественныя отношенія, составляющія предметъ этой науки. И въ этомъ случаѣ она даетъ свои мнѣнія въ томъ самомъ нейтральномъ духѣ, въ какомъ механика относится къ различнымъ планамъ постройки желѣзныхъ дорогъ, или фізіологія къ противоположнымъ между собою системамъ врачебнаго искусства, и т. п. Нашъ авторъ настойчиво отвергаетъ обвиненіе политической экономіи въ томъ, будто-бы она, занимаясь изложеніемъ теоріи заработной платы, прибыли и ренты, тѣмъ самымъ одобряетъ и освящаетъ нынѣшнюю форму промышленной жизни съ тремя разными классами людей: рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Наука излагаетъ законы этой организации общества лишь потому, что такая организациа существуетъ, но это изложеніе нисколько не обязываетъ ее утверждать, что никакая другая организациа невозможна. Напротивъ, какъ всѣ науки, касающіяся общественной жизни, политическая экономія никогда не перестанетъ совершенствоваться и принимать въ себя новый матеріалъ, по мѣрѣ поступательнаго развитія общественной жизни. Какъ разъ въ настоящій историческій моментъ, политической экономіи приходится съизнова перерабатывать свой матеріалъ. „Пока создавали экономическія ученія, занимающія теперь главное мѣсто въ нашихъ руководствахъ, — говоритъ профессоръ Кэрнсъ, — въ Англіи и другихъ странахъ упрочивалась новая форма промышленной организации. *Кооперациа* стала теперь дѣйствительностью и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, серьезно обѣщаетъ преобразовать въ значительной степени нашу индустрію. Характеристическій признакъ кооперации, разсматриваемой съ экономической точки зрѣнія, тотъ, что она соединяетъ въ одномъ лицѣ и рабочаго и капиталиста, между тѣмъ какъ существующія до сихъ поръ теоріи индустріальнаго вознагражденія предполагаютъ рабочаго и капиталиста отдѣльными агентами. Очевидно, что наши существующія теоріи неспособны про-

лить свѣтъ на положеніе вещей, отличное отъ того, которое онѣ разъясняли. Намъ необходимо, такимъ образомъ, новое изложеніе закона индустріальнаго вознагражденія,—изложеніе, которое соотвѣтствовало бы такому положенію вещей, гдѣ добыча производителей является не въ формѣ заработной платы, прибыли и ренты, а сливается въ одну сложную сумму... Конечно, это вопросъ открытый — по *этому* ли направленію движется индустріальное общество; — и я знаю, что есть люди, которые полагаютъ, что движеніе стремится не въ кооперацію, а скорѣе къ „капитанамъ индустріи“: къ организаціи рабочихъ на воинскій образецъ. Можетъ быть и такъ,—въ такомъ случаѣ экономическая задача будущаго будетъ иная, но тѣмъ не менѣе одной экономической задачей станетъ больше“.

Употребляя выраженіе „капитаны индустріи“, Кэрнсъ бросаетъ стрѣлу въ лагерь нынѣшнихъ англійскихъ *конттистовъ*, которые, по примѣру своего учителя, продолжаютъ отвергать научное достоинство политической экономіи, и ждутъ, что наступитъ пора, когда весь цивилизованный міръ организуется по тѣмъ фантастическимъ планамъ, которые съ полною подробностью разработаны Огюстомъ Контомъ. Нашъ авторъ вѣрить въ кооперацію, но, желая поразить непріятную для него теорію воинской организаціи индустріи, онъ нападаетъ не на утопическія идеи Конта, разбить которыя весьма легко, но на самыя существенныя стороны *позитивизма*, на Контовъ методъ изученія общественныхъ явленій. Нельзя не признать за Кэрнсомъ, въ этомъ отношеніи, большой добросовѣстности, но атака его тѣмъ не менѣе увѣнчалась успѣхомъ лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ: ему удалось разбить всѣ прямыя нападенія Конта на научное достоинство политической экономіи, но доказать нецѣльность Контова метода изученія общественныхъ явленій онъ не успѣлъ, такъ какъ онъ опровергаетъ по поводу этого вопроса такія положенія, которыя Конту приписывать невозможно. Правда, языкъ Конта въ опровергаемыхъ Кэрнсомъ лекціяхъ (47-я и 48-я IV-го тома „Cours de Philosophie Positive“), нѣсколько теменъ и двусмысленъ, но изъ общаго изложенія позитивизма все-таки нельзя вывести тѣ заключенія и толкованія, какія позволяетъ себѣ Кэрнсъ. Мы думаемъ, что Кэрнсъ вполне правъ въ своей защитѣ научнаго достоинства политико-экономическихъ выводовъ, но онъ нисколько не доказываетъ несостоятельности надеждъ Конта на созданіе особой, *соціологической* науки, которая станетъ изучать общественныя явленія со всѣхъ сторонъ разомъ: съ матеріальной, умственной и нравственной, руководствуясь въ своихъ изслѣдованіяхъ какою-либо общою идеей позитивнаго свойства. Замѣчательно, что самъ Контъ допускаетъ возможность распаденія его соціальной науки на отдѣльныя части, но это распаденіе должно со-

стояться *послѣ* созданія социологій; разъединеннаго состоянія ея онъ вовсе не допускаетъ, хотя есть основаніе предполагать, что это разъединенное состояніе уже существуетъ, и что политическая экономія составляетъ часть социологій на подобіе того, какъ физиологія составляетъ часть біологій.

Главные аргументы Конта противъ научнаго характера политической экономіи заключались въ томъ, что въ ней нѣтъ будто-бы развитія и что она бесплодна въ практическомъ отношеніи. „*Истинно научныя концепціи*“—говоритъ Контъ, всегда плодотворны и способны къ развитію. Онъ признаетъ плодотворность и научность изысканій Адама Смита. „Если наши экономисты, въ дѣйствительности, научные послѣдователи Адама Смита, такъ пусть они покажутъ намъ, въ чемъ именно серьезно усовершенствовали и дополнили они ученіе этого бессмертнаго учителя, какія по-истинѣ новыя открытія прибавили они къ его первоначальнымъ удачнымъ взглядамъ (*aperçus*), которыя, напротивъ, были существеннымъ образомъ обезображены тщеславною и ребяческою выставкою научныхъ формъ“. Контъ знаетъ не хотеть ни Рикардо, ни Тука, ни Милля,—онъ твердитъ, что послѣ Смита объ экономическихъ вопросахъ писали будто-бы лишь какіе-то *адвокаты* или *литераторы*, „по своему воспитанію неизбѣжно чуждые, даже при изученіи мельчайшихъ явленій, всякой мысли о научномъ наблюденіи, всякаго понятія объ естественномъ законѣ, всякаго чувства истинной убѣдительности“. Но Кэрсъ рядомъ убѣдительныхъ фактовъ и доводовъ доказываетъ прямо противоположное, то-есть, что политическая экономія, со временъ Адама Смита, значительно подвинула впередъ свои научныя понятія и открытія, и что примѣненіе на практикѣ политико-экономическихъ выводовъ было плодотворно для общественной жизни цивилизованнаго міра.

Что касается до научнаго развитія политической экономіи, Кэрсъ довольствуется четырьмя примѣрами: въ теоріи производства, въ теоріи цѣнности, въ вопросѣ внѣшней торговли, и въ теоріи денегъ. Въ каждомъ изъ этихъ вопросовъ Рикардо и Джонъ Стюартъ Милль совершили нѣсколько важныхъ открытій, исправили нѣкоторыя погрѣшности Смита и дополнили его ученіе. Адамъ Смитъ говорилъ лишь о „раздѣленіи труда“ въ выгодахъ производства, а теперь разбирается уже принципъ „коопераци“, заключающій въ себѣ, какъ часть въ цѣломъ, принципъ раздѣленія труда. Смитъ полагалъ, что трудъ составлялъ „первую цѣну“ вещи въ однихъ лишь первоначальныхъ обществахъ; Рикардо распространилъ это опредѣленіе цѣнности на всѣ степени промышленнаго развитія. Рикардо же установилъ теорію ренты, а Милль — уравненіе международнаго обмѣна. Смитъ понималъ ту важную и основную истину, что „потребленіе со-

ставляетъ единственную цѣль производства“, но въ своемъ изложеніи вѣншей торговли смотрѣлъ на вещи скорѣе глазами производителя, чѣмъ потребителя; Рикардо и Милль дополнили и очистили основную мысль Смита отъ его неловкихъ выводовъ. Теорія денегъ у Смита также оказывается неудовлетворительною въ сферѣ международнаго обмѣна; опять Рикардо и отчасти Тукъ являются дополнителями теорій Смита.

Когда Контъ писалъ свою филиппику противъ политической экономіи, эта наука еще не успѣла приложить свои выводы къ жизни въ достаточно широкихъ размѣрахъ, чтобы оказать особенно замѣтное вліяніе на жизнь народовъ. Но теперь, когда почти во всемъ цивилизованномъ мірѣ уничтожены цеховыя корпораціи; когда принципъ свободной торговли признанъ и въ значительной степени осуществленъ почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ; когда Англія совершенно измѣнила свою колониальную политику и произвела множество реформъ въ своихъ финансахъ, монетной системѣ и законѣ о призрѣніи бѣдныхъ,—когда тамъ же, въ Англіи, рабочій приобрѣлъ полную возможность, и лично и цѣлымъ союзомъ, искать въ борьбѣ съ капиталомъ высшій уровень заработной платы, а государство, съ своей стороны, приступило къ уничтоженію наиболѣе выдающихся злоупотребленій фабричной системы,—можно ли теперь отвергать плодотворность политической экономіи, когда нѣтъ никакого сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ реформахъ государственные люди руководились ея ученіями? Но профессоръ Кэрнсъ не признаетъ научнаго достоинства въ подобной *практической* плодотворности; онъ видитъ въ практическомъ приложеніи научныхъ принциповъ лишь „случайное послѣдствіе научнаго знанія“. Главная сила научнаго знанія заключается, по его мнѣнію, не въ этомъ, а въ его способности раскрывать тайны природы, объяснять явленіе въ окружающей насъ жизни. Не то важно, научила ли насъ политическая экономія тому или другому практическому дѣлу;—научная важность ея опредѣляется лишь тѣмъ, увеличила ли она нашу способность разяснять факты промышленной и торговой жизни, или нѣтъ? А что она увеличила эту способность—въ этомъ сознается даже самъ Контъ. Но онъ недоволенъ тѣмъ, что разясняя тѣ или другіе факты, политическая экономія не даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ къ уничтоженію дурныхъ общественныхъ послѣдствій разясняемыхъ ею экономическихъ вліяній. Такъ, когда политическая экономія показываетъ, что введеніе и распространеніе машинъ должно имѣть благотворное вліяніе на производство и распредѣленіе богатства и на прогрессъ человечества вообще, то Контъ, указывая на тотъ фактъ, что, при замѣнѣ въ какомъ-либо промыслѣ ручного труда, машиннымъ, гибнуть вре-

менно многія семьи рабочихъ людей, занимавшихся прежде этими промыслами, находятъ выводъ политической экономіи „по-истинѣ смѣннымъ“ и провозглашаетъ „полное общественное безсиліе этой науки“. Кэрнсъ отвѣчаетъ на эту выходку Конта, что если уже жаловаться на политическую экономію за то, что она не можетъ предотвратить бѣдствій рабочихъ въ данномъ случаѣ, то не менѣе логично было-бы жаловаться на физику за то, что молнія, несмотря на громоотводы, сжигаетъ иногда дома и бьетъ людей, или на механику за то, что сталкиваются желѣзно-дорожные поѣзды, или на астрономію, зачѣмъ она бессильна предупредить затмѣніе солнца. „Политическая экономія—прибавляетъ профессоръ—не обладаетъ надеждою къ излеченію общественныхъ бѣдствій, но она предлагаетъ то, что предлагаетъ всякая другая наука: освѣщеніе причинъ этихъ бѣдствій, насколько онѣ обуславливаются экономическими агентами. Она открываетъ законы, по которымъ производится, накапливается и распределяется богатство, увеличивается капиталъ, падаетъ прибыль, возрастаетъ рента и колеблется заработная плата, цѣны и проценты,—по которымъ, однимъ словомъ, управляются экономическія явленія;—она увеличиваетъ, слѣдовательно, нашу способность объяснять природу и, „повинуясь ей, побуждать ее“; и поступая такимъ образомъ, эта наука даетъ очевидныя доказательства своей плодотворности въ единственномъ смыслѣ, въ какомъ вообще возможно требовать плодотворности отъ науки“ (стр. 299 и 300).

Отвѣтъ Кэрнса Конту кажется намъ вполне убѣдительнымъ и неострашимымъ. Кэрнсъ фактически доказываетъ, что политическая экономія вполне способна выдержать оба испытанія на званіе науки, а такъ какъ она достигла такого развитія посредствомъ того самаго метода, которымъ руководствуются въ своихъ изысканіяхъ всѣ другія науки, то ей нѣтъ никакой надобности мѣнять его на контовскій *ensemble*. Тѣмъ не менѣе мы должны замѣтить, какъ уже упоминали выше, что Кэрнсъ неправильно толкуетъ разсужденія Конта о его соціологическомъ методѣ, который примѣняется Контомъ и къ біологіи.

Посмотримъ, въ чемъ заключается сущность этого спора. И Контъ, и экономисты признаютъ, что экономическія явленія въ обществѣ обуславливаются извѣстнаго рода законами, но экономисты надѣются раскрыть и разъяснить эти законы тѣмъ самымъ методомъ, которымъ открываются законы природы въ естественныхъ наукахъ, а Контъ предлагаетъ иной методъ. Экономистъ беретъ сложный общественный фактъ и разбиваетъ его на элементы, изъ которыхъ онъ состоитъ, и затѣмъ изучаетъ каждый элементъ въ отдѣльности; экономистъ не утверждаетъ, что его выводы суть общественные законы,

но онъ не сомнѣвается въ томъ, что только такимъ отдѣльнымъ изученіемъ элементовъ общественнаго строя и общественной жизни возможно опредѣлить, наконецъ, дѣйствительные общественные законы. Контъ не только отвергаетъ этотъ методъ, но еще порицаетъ его. По его мнѣнію, общество слѣдуетъ изучать въ общности (ensemble) его элементовъ, такъ какъ экономическіе факты происходятъ въ дѣйствительной жизни лишь въ самомъ тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ съ фактами всѣхъ другихъ порядковъ: умственного, нравственнаго и политическаго; каждое общественное явленіе есть неразрывное сочетаніе всѣхъ этихъ порядковъ, и что бы ни говорили экономисты, и Кэрнсъ въ томъ числѣ, что они не имѣютъ притязанія возвести политическую экономію на степень цѣлой общественной науки, тѣмъ не менѣе факты, ими изучаемые, и выводы политической экономіи рѣшаютъ или стремятся рѣшить настоящіе соціологическія задачи, касаясь разомъ какъ экономической формы общества, такъ и всѣхъ другихъ. Когда Кэрнсъ показываетъ намъ, какъ политическая экономія вліяла на законодательство разныхъ странъ, онъ собственно признаетъ соціологическое вліяніе политико-экономическихъ выводовъ.

Контъ писалъ свой курсъ положительной философіи какъ разъ въ то время, когда политическую экономію отождествляли съ теоріей *laisser-faire*, и онъ понималъ, разумѣется, къ какимъ губительнымъ вліяніямъ на практикѣ можетъ повестъ эта теорія, провозглашавшая себя тогда солидною наукою; видя ложность и пагубность ея соціологическихъ выводовъ и приписывая появленіе ея одностороннему изученію экономическихъ фактовъ, Контъ сразу осудилъ не только методъ политической экономіи, но и ея научное достоинство. Встрѣчаясь въ планахъ и толкованіяхъ тогдашней буржуазной школы во Франціи съ безнравственными восхваленіями человѣческаго эгоизма, неразумными выводами и недобросовѣстною политикою, Контъ приписалъ все это несоостоятельности самаго изученія экономической стороны общественныхъ явленій независимо отъ другихъ сторонъ: умственной, нравственной и политической, и сталъ искать новаго метода. Онъ видѣлъ, что „современные метафизики“ возвели въ логическій догматъ тотъ, „въ сущности эмпирическій афоризмъ“, что во всевозможныхъ предметахъ изученіе должно идти *отъ простаго къ сложному*. Но такой путь, по мнѣнію Конта, плодотворенъ лишь въ наукахъ неорганическихъ, — что же касается до всѣхъ наукъ вообще, общимъ правиломъ для ихъ изысканій можетъ служить только путь *отъ извѣстнаго къ неизвѣстному*. Если простое извѣстно прежде сложнаго, то слѣдуетъ идти отъ простаго къ сложному; если же наоборотъ, то слѣдуетъ идти отъ сложнаго къ простому. Въ неорга-

нических наукъ известно простое и открываютъ сложное; въ органическихъ же, а слѣдовательно и въ социологіи, известно сложное и слѣдуетъ открывать простое: тамъ, въ неорганическомъ мірѣ, „элементы почти всегда болѣе извѣстны, чѣмъ сложность ихъ“, между тѣмъ какъ въ органическомъ, гдѣ *человѣкъ и общество* составляютъ главный предметъ изученія, цѣлое изучаемаго предмета гораздо болѣе извѣстно, чѣмъ его разныя части. „При изученіи вѣшняго міра, — говоритъ Контъ, — если что неизбежно скрывается отъ насъ и остается глубоко непонятнымъ, то главнымъ образомъ общности (*l'ensemble*), какъ я уже доказалъ, преимущественно во второмъ томѣ этого трактата, гдѣ мы признали, что идея о *вселенной*, по своей сущности, никогда не можетъ стать истинно позитивною, такъ какъ самое сложное изъ всѣхъ понятій, доступныхъ (въ неорганическомъ мірѣ) нашимъ способностямъ, есть понятіе о *сомнѣнной сущности*. Напротивъ, въ философіи биологической, недоступными для изученія оказываются именно подробности, какъ только мы начинаемъ слишкомъ специализировать наши изысканія; это ясно подтверждается тѣмъ наблюденіемъ, что въ этой второй половинѣ естественной философіи, существа вообще тѣмъ лучше извѣстны, чѣмъ они сложнѣе и выше, такъ что, напримѣръ, общая идея о животномъ въ настоящее время несомнѣнно яснѣе менѣе сложной идеи о растеніи, и она становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе подвигаемся мы къ человѣку, главной биологической единицѣ, понятіе о которой, хотя самое сложное изъ всѣхъ, всегда составляетъ необходимую точку отправленія въ подобной общности изысканій“¹⁾. Имѣя въ виду это различіе между неорганическимъ міромъ и органическимъ, Контъ полагаетъ, что и изученіе ихъ должно происходить разными путями: тамъ, начиная съ элементовъ, здѣсь же съ цѣлаго, съ общности.

Профессоръ Кэрнсъ, вмѣсто того, чтобы прямо подвергнуть Контъ методъ тому же самому испытанію, какому подвергаетъ Контъ политическую экономію, нападаетъ на самую теорію Конта о методѣ и пытается доказать, пользуясь двусмысленностью термина „*solidaire*“, что Контъ самъ не зналъ, что онъ предлагалъ. Контъ говоритъ, что чѣмъ сложнѣе становятся явленія, тѣмъ стороны его становятся болѣе неразрывными между собою, болѣе *solidaires*: онѣ солидарны, слитны, нераздѣльны съ существованіемъ самаго явленія. Между тѣмъ Кэрнсъ приходитъ къ тому нелѣпому заключенію, что будто бы Контъ говоритъ, что явленія, становясь болѣе сложными, становятся

¹⁾ Ср. Cours de la Philosophie Positive par Auguste Comte, т. IV, стр. 258, 259. Изданіе 1864 года, Литтрэ.

въ то же время болѣе прочными относительно своихъ элементовъ, и затѣмъ опровергаетъ это мнѣніе рядомъ фактовъ въ такомъ родѣ: вода въ химическомъ отношеніи менѣе сложное тѣло, чѣмъ соединеніе ея съ известью (гидратъ), однако она прочнѣе послѣдняго, такъ какъ разложеніе ея на водородъ и кислородъ происходитъ несравненно труднѣе разложенія гидрата извести на воду и известь. Контъ говоритъ, что самое явленіе, подвергаясь разложенію, тѣмъ легче перестаетъ быть явленіемъ, чѣмъ сложнѣе оно, а Кэрнсъ толкуетъ о прочности однихъ лишь элементовъ. Контъ допускаетъ методъ отъ простаго къ сложному, если разложеніе сложнаго явленія на элементы не ведетъ къ распаденію самого явленія, напримѣръ, изученіе солнечной системы, какъ части всей вселенной. Но въ явленіяхъ органическихъ онъ уже требуетъ другого метода, такъ какъ тамъ жизнь цѣлаго организма имѣетъ не то значеніе, что жизнь каждой его части. Такъ и въ общественной жизни каждый экономическій фактъ является въ то же время фактомъ во всѣхъ другихъ общественныхъ отправленіяхъ: онъ и умственный фактъ, и нравственный, и политическій; всѣ эти отправленія такъ тѣсно слиты, такъ солидарны между собою въ каждомъ общественномъ явленіи, что отнимите одно изъ нихъ, и само явленіе становится немыслимымъ, невозможнымъ. Солнечная система составляетъ одинъ изъ элементовъ вселенной, она проще и болѣе опредѣлена, чѣмъ вселенная, но экономическое явленіе не можетъ быть отдѣльнымъ элементомъ общественнаго, такъ какъ оно неизвѣстно и невозможно внѣ общественной жизни. Контъ, слѣдовательно, правъ, когда утверждаетъ, что чѣмъ сложнѣе какое явленіе въ своей цѣлости, тѣмъ солидарнѣе, тѣмъ нераздѣльнѣе оно вообще.

Какъ бы то ни было, Контовъ методъ не имѣетъ пока никакого значенія для изслѣдованій въ области біологій и общественной жизни. Самъ Контъ создалъ одни лишь утопическіе планы, отъ которыхъ отверживается цѣлая половина его послѣдователей, съ Литтре во главѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, никто еще изъ его приверженцевъ не успѣлъ ни усовершенствовать доктрину учителя, ни открыть какой-либо соціологическій законъ. Все же, что въ наукѣ сдѣлано въ этомъ смыслѣ со времени Конта, совершено обыкновеннымъ путемъ, по которому развивалась и политическая экономія. Контовъ методъ оказывается неуспѣшнымъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ.

Кромѣ разобранныхъ нами статей, въ книгѣ Кэрнса есть еще нѣсколько интересныхъ очерковъ съ политико-экономическимъ содержаніемъ: въ одной изъ нихъ авторъ пытается показать возможность введенія въ Англію налога на поземельную ренту; въ другой

онъ рассказываетъ любопытные факты объ артельной организаціи труда въ шиферныхъ ломкахъ въ сѣверномъ Уэльзѣ; затѣмъ вся остальная, большая половина книги, посвящена вопросу объ экономическомъ вліяніи усиленной добычи золота. Вопросъ о золотѣ разработанъ съ большимъ искусствомъ, и всѣ предположенія автора, высказанныя при самомъ открытіи австралійскихъ россыпей, вполне оправдались въ дѣйствительной жизни. Въ то время общее мнѣніе капиталистовъ и промышленниковъ, а также экономистовъ торговаго міра, утверждало, что открытіе золотыхъ россыпей, понижая цѣну денегъ, отзовется однообразнымъ дѣйствіемъ на всѣ цѣны, то-есть не то, чтобы цѣны всѣхъ предметовъ непременно повышались *ровнымъ шагомъ*, но согласно съ вліяніемъ на нихъ увеличеннаго пространства денегъ. Кэрнсъ возсталъ противъ этого мнѣнія и факты оправдали его: нѣкоторые предметы сильно вздорожали, другіе поднялись въ цѣнѣ умеренно, третьи весьма мало или вовсе не дорожали. Этого мало; цѣны поднимались въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ предсказывалъ Кэрнсъ, основываясь на ученіяхъ экономической науки. Только Соединенные Штаты и Остѣ-Индіа не оправдали вполне предсказаній профессора: въ первомъ изъ этихъ государствъ выводы автора были разбиты экономической катастрофой междоусобной войны, а во второмъ отчасти тоже тою же войною, но главнымъ образомъ громаднымъ развитіемъ желѣзно-дорожнаго дѣла и широкимъ распространеніемъ кредитной системы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что выводы политической экономіи способны удовлетворять даже высшему назначенію науки: предсказанію событій. Разумѣется эти предсказанія только относительныя, но общественныя явленія по самой своей сущности — неповторяемости — не могутъ быть предметомъ столь точныхъ предсказаній, какъ явленія, изучаемыя точными науками.

Les grandes écoles de France, par Mortimer d'Okagaw. (Высшія школы во Франціи, соч. Мортимера д'Окава). Paris, L. Hetzel et Cie, 1873.

Интересное сочиненіе для всѣхъ, кто занимается изученіемъ высшего образованія во Франціи. Книга составлена весьма добросовѣстно и даетъ довольно подробныя свѣдѣнія о всѣхъ школахъ, военныхъ и гражданскихъ, которыя имѣютъ предметомъ дать воспитанникамъ высшее специальное образованіе. Замѣчательно, что почти всѣ эти школы — заведенія закрытыя; только въ очень немногихъ, и то лишь въ послѣднее время допускаютъ „приходящихъ“. Всего больше воен-

ныхъ школъ, очень мало земледѣльческихъ (только три), и всего двѣ-три промышленныхъ. Медицина и юриспруденція изучаются во Франціи не въ университетѣ, а тоже въ особыхъ школахъ.

Порядокъ описанія каждой школы таковъ: исторія учрежденія, программа вступленія въ нее, условія вступленія, число воспитанниковъ, цѣна, жизнь и преподаваніе въ заведеніи, экзамены: вступительный, изъ класса въ классъ и окончательный, и карьера школы.

Авторъ не забылъ о новомъ военномъ законѣ во Франціи, и вездѣ, при каждой школѣ, напоминаетъ условія отбыванія воинской повинности и льготы, допускаемыя въ пользу воспитанниковъ.

Rapport spécial sur l'immigration, accompagné de renseignements pour les immigrants par *Edw. Joung*, Ph. D., chef du bureau des statistiques. (Спеціальный докладъ о переселеніи, съ приложеніемъ свѣдѣній для переселенцевъ). Washington, Imprimerie du gouvernement. 1872.

Въ послѣднее время на страницахъ нашихъ журналовъ нерѣдко стали появляться въ видѣ писемъ или въ иной формѣ описанія судьбы и быта переселенцевъ въ Сѣверную Америку; статьи эти видимо заинтересовывали общество, особенно когда онѣ написаны бывали нашими соотечественниками. Поэтому, не безъинтересно, думаемъ мы, взглянуть на переселенія въ сѣверную Америку съ точки зрѣнія болѣе общей, съ точки зрѣнія тѣхъ выгодъ, которыя извлекаютъ Соединенные Штаты изъ этого явленія и тѣхъ потерь, которыя несутъ страны, снабжающія ихъ переселенцами. Книга, заглавіе которой выписано выше, даетъ къ тому нѣкоторую возможность. Она составлена начальникомъ статистическаго отдѣленія, состоящаго въ вѣдѣніи сѣверо-американскаго министерства финансовъ, Эдвардомъ Юнгомъ, и напечатана съ разрѣшенія конгресса, съ цѣлью распространить между европейцами точныя свѣдѣнія о тѣхъ выгодахъ, которыя можетъ представить имъ Америка. Съ цѣлю большаго распространенія этихъ свѣдѣній, на первой же страницѣ, слѣдующей за заглавнымъ листомъ, напечатана просьба о передать книги, по прочтеніи ея, другимъ лицамъ, чтобы такимъ образомъ она имѣла возможно большій кругъ читателей.

Книга состоитъ собственно изъ двухъ главныхъ частей: изъ краткаго отчета г. Юнга министру финансовъ о ходѣ переселенія въ Соединенные Штаты и изъ приложеній, заключающихъ сводъ справочныхъ данныхъ, которыя могутъ быть пригодны для переселяющихся въ Америку.

До 1820 года въ Соединенныхъ Штатахъ не велось никакой ре-

гистрации иностранцамъ, прибывающимъ въ Союзъ. По предположеніямъ американскихъ статистиковъ, около трети населенія Союза, при началѣ войны за независимость состоявшаго изъ 3 милліоновъ, принадлежала къ числу европейскихъ выходцевъ, родившихся за океаномъ, то-есть въ Европѣ, остальные же двѣ трети произошли отъ первоначальныхъ переселенцевъ. Съ 1776 до 1820 года, приливъ иностранныхъ переселенцевъ опредѣляютъ въ 250,000 человекъ. Съ изданіемъ 2-го мая 1819 года такъ-называемаго Passenger Act, началась правильная регистрація всѣхъ прибывающихъ въ Союзъ лицъ, съ обозначеніемъ ихъ числа, возраста, пола, національности, рода занятій, съ раздѣленіемъ ихъ на гражданъ Союза возвращающихся и на иностранцевъ, причемъ послѣдніе дѣлятся на прибывающихъ съ цѣлю водворенія въ Союзѣ и на посѣщающихъ Союзъ только по дѣламъ или для удовольствія. Обработка этихъ свѣдѣній принадлежитъ къ обязанностямъ статистическаго отдѣленія. Со введенія этой регистраціи, именно съ 1-го октября 1819, по 31-е декабря 1870 года, прибыло переселенцевъ въ Соединенные Штаты 7.553,865, что съ 250,000 переселившимися съ основанія Союза до 1820 года и съ 346,938 прибывшими въ теченіи 1871 года, составитъ 8.150,803 человекъ—приращеніе населенія Союза въ 95 лѣтъ.

Разсматривая переселеніе по десятилѣтнимъ періодамъ мы найдемъ, что всего переселилось:

До 1820 г.	250,000 чел.
Съ 1820 до 1830 г.	151,824 "
" 1831 " 1840 "	599,125 "
" 1841 " 1850 "	1.713,251 "
" 1851 " 1860 "	2.598,214 "
" 1861 " 1870 "	2.498,451 "
Въ 1871 году	346,938 "

По годамъ возрастаніе числа переселеній шло весьма быстро, хотя и не всегда правильно и равномерно. Въ началѣ 20-хъ годовъ оно составляло отъ 6-ти до 8-ми тысячъ въ годъ, въ концѣ 20-хъ достигло уже 20-ти тысячъ слишкомъ; въ 30-хъ годахъ число переселеній съ 22-хъ возросло до 84-хъ тысячъ въ годъ, въ 40-хъ съ 80-ти до 310-ти тысячъ; въ 50-хъ годахъ оно достигло своего максимумъ—427,833 въ 1854 году, но въ концѣ 50-хъ годовъ, передъ американскою войною и во время самой войны, число переселеній начало значительно падать: въ 1858 году оно составляло 123,126, въ 1859 году 121,282; а въ 1861 и 1862 годахъ было менѣе 92,000 въ годъ. По окончаніи войны Сѣвера съ Югомъ переселеніе приняло прежніе размѣры: въ 1865 году переселилось 249,062, въ 1869—395,922.

Франко-прусская война замедлила нѣсколько приливъ въ Америку переселенцевъ, простиравшійся въ томъ году до 378,796, а въ 1871 году—до 346,938.

Изъ 7.553,865 лицъ, переселившихся въ Соединенные Штаты, болѣе половины, именно 3.857,850 чел., принадлежать по происхожденію Великобританіи, и притомъ изъ нихъ около двухъ-третей (2.700,493 чел.)—Ирландіи. Въ отношеніи англійскихъ выходцевъ Юнгъ замѣчаетъ, что всѣ они, зная мѣстный языкъ и будучи нерѣдко знакомы съ законами и учрежденіями Америки, легко и скоро сливаются съ мѣстнымъ населеніемъ.

Нѣмецкіе выходцы составляютъ вторую категорію, наиболѣе многочисленную послѣ англичанъ; они представляютъ не менѣе двухъ-третей всѣхъ не-англійскихъ переселенцевъ, именно 2.267,500. Ихъ считаютъ весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ для Союза, вслѣдствіе ихъ трудолюбія и смѣлости. Значительная часть изъ нихъ поселяется въ земледѣльческихъ округахъ Запада или Юга и содѣйствуютъ развитію и разработкѣ естественныхъ богатствъ этихъ мѣстностей; другіе же, обладая разными ремесленными и техническими знаніями, поселяются въ городахъ и большихъ мануфактурныхъ центрахъ.

Народы латинской расы мало содѣйствуютъ приращенію населенія Союза. Число переселенцевъ изъ Франціи достигаетъ правда въ 50 лѣтъ цифры 245,812 чел.; но главныя переселенія были между 40-мъ и 60-мъ годами, когда переплыло въ Америку болѣе 150,000 французовъ; въ послѣднее же десятилѣтіе число это упало до 37,749. Изъ Италіи считается 23,998 переселенцевъ, изъ Испаніи 23,214, изъ Португаліи 4695.

Довольно значительнымъ считается переселеніе изъ Скандинавскихъ странъ, именно: изъ Швеціи и Норвегіи—153,928 и изъ Даніи 23,425; но замѣчательно, что болѣшая часть этихъ переселенцевъ водворились въ послѣдніе только годы. Между 1860 и 1870 г. переселилось изъ Швеціи и Норвегіи 117,799 и изъ Даніи 17,885. Многіе изъ нихъ успѣли уже устроить довольно значительныя промышленныя заведенія, а потому скандинавскихъ переселенцевъ встрѣчаютъ въ Америкѣ весьма радушно, какъ трудолюбивыхъ, трезвыхъ и бережливыхъ работниковъ.

Въ послѣднія два десятилѣтія усилился приливъ переселенцевъ изъ Китая и уже достигаетъ въ общемъ итогъ 109,502; въ томъ числѣ переселившихся съ 1851—1860-й—41,397, а съ 1861—1870-й—68,059. Нѣкоторые смотрятъ въ Америкѣ пессимистически на этихъ переселенцевъ, опасаясь неблагоприятнаго вліянія ихъ на мѣстную промышленность и мѣстные обычаи, но цифра переселенія ни въ

одинъ годъ не превышала 15,000, а потому она и не можетъ считаться опасной, особенно пока переселенія эти добровольны. Заимчивательно одно, что въ числѣ переселяющихся изъ Китая женщины составляютъ не болѣе 7%, а оттого сохраненіе этой расы въ чистотѣ весьма трудно, и слитіе ея съ мѣстнымъ населеніемъ неминуемо.

Число славянскихъ переселенцевъ, по отзыву Юнга, ничтожно: оно достигаетъ за 50 лѣтъ, для Россіи 4045 и для Польши 4038, въ томъ числѣ:

	Съ 1820 до 1830:	Съ 1831 до 1840:	Съ 1841 до 1850:	Съ 1851 до 1860:	Съ 1861 до 1870:
Изъ Россіи. . . .	89	277	551	457	2671
Изъ Польши . . .	21	369	105	1164	2379

Наибольшее число прибыло изъ Россіи въ послѣдніе три года: въ 1869 году—580, въ 1870—766 и въ 1871—1005.

По возрастамъ, не болѣе 25% изъ всѣхъ прибывающихъ моложе 15-ти лѣтъ, и не болѣе 15% старѣе 40 лѣтъ; слѣдовательно около 60% переселенцевъ находятся въ наилучшемъ возрастѣ для труда. Число женщинъ между переселенцами въ общемъ выводѣ не превышаетъ 40%, но оно весьма измѣняется по національностямъ; между китайцами оно не болѣе 7%, между ирландцами оно достигаетъ 45%.

Наибольшая часть прибывающихъ переселенцевъ, именно 4.801,537, отмѣчены были не имѣющими никакой профессіи или неизвѣстно какой; затѣмъ 1.398,516 считались поденными рабочими; 976,579 земледѣльцами; 571,518 ремесленниками, безъ обозначенія ремесла, но которые, прилагая свой трудъ и отчасти и пріобрѣтенныя на родинѣ знанія, все-таки оказываются весьма полезными работниками. Около 10% принадлежать къ купеческому сословію и приносятъ съ собою уже накопленные ими капиталы.

Наименѣе значительно число лицъ съ научнымъ и артистическимъ образованіемъ; лицъ духовнаго званія 7443, врачей 10,353, артистовъ 6159, адвокатовъ 4221, наставниковъ 3637, художниковъ 2131, актеровъ 256.

Оцѣнивая cadaго переселенца, какъ производительную силу равную извѣстному капиталу, одни статистики считали его въ 1000 или 1125 долларовъ; но Юнгъ вычисляетъ, что по расчету производительной работы обыкновеннаго поденнаго рабочаго, каждый изъ нихъ доставляетъ странѣ, и какъ производитель, и какъ потребитель около 40 долл. дохода, что по капитализаціи изъ 5% равняется капиталу въ 800 долларовъ. На этомъ основаніи Юнгъ разсчитываетъ, что національное богатство его страны отъ однихъ переселенцевъ увеличилось въ послѣднее полу столѣтіе на 6,243,880,800

долларовъ, и въ одномъ 1870 году—на 285,000,000 долларовъ, причѣмъ оны сознають, что тѣ усѣхи на поприщѣ умственнаго и матеріальнаго развитія Сѣверной Америки, которыми Союзъ обязанъ талантамъ и знаніямъ многихъ выдвигавшихся изъ ряду переселенцевъ, какъ напр. Эриксонъ, не подлежатъ и не поддаются никакому числовому и денежному разсчету.

Насколько выгодно такое приращеніе богатства вслѣдствіе переселеній Соединеннымъ Штатамъ, настолько же невыгодно отзывается выселеніе на тѣхъ странахъ, которыя высылають туда своихъ добровольныхъ переселенцевъ. Еслибы страны эти могли сбывать этимъ путемъ въ Америку весь контингентъ своихъ самыхъ неимущихъ или самыхъ безпокойныхъ гражданъ, то это было бы еще прямою для нихъ выгодною; но, къ сожалѣнію, не всегда эти элементы выселяются въ Новый Свѣтъ: люди совершенно неимущіе, уже въ силу этого самаго, не могутъ двинуться съ мѣста и остаются на плечахъ общества, среди котораго живутъ. Въ переселеніе пускаются, часто, конечно, весьма необдуманно, и люди, сколотившіе хотя небольшую копѣйку на дорогу и на существованіе въ первое время по прибытіи на мѣсто до присканія работы.

Что въ работѣ для новыхъ переселенцевъ еще на долгое время не будетъ недостатка въ Союзѣ, объ этомъ свидѣлствуютъ тѣ многочисленныя приложенія, которыя напечатаны Юнгомъ при его отчетѣ. Они заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о продажныхъ и наемныхъ цѣнахъ на земли, о главныхъ источникахъ производства и средствахъ сбыта, о рабочихъ, на которыхъ существуетъ наибольшій запросъ въ западныхъ и южныхъ штатахъ, и наконецъ сравнительныя цѣны на разнаго рода работы въ Англіи и въ Америкѣ.

Изъ этихъ послѣднихъ таблицъ, между прочимъ, оказывается, что разница между заработной платой въ Америкѣ и въ Англіи составляетъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ, на разнаго рода работы, отъ 10 и 20% до 50% и даже 142%, болѣею же частію она около 50%; на шерстяныхъ отъ 8 до 75%, болѣею же частію около 30%; на писчебумажныхъ отъ 46% до 155%, болѣею же частію около 75%.

Понятно, что при такихъ условіяхъ труда и при тѣхъ широкихъ способахъ распространенія подобнаго рода свѣдѣній, которыя принимаются сѣверо-американскимъ правительствомъ, а равно и при тѣхъ мѣрахъ возможнаго огражденія переселенцевъ отъ обмана, притѣсненій и эксплуатаціи, какъ во время пути, такъ и по приѣздѣ въ Америку, переселеніе туда будетъ не уменьшаться, а увеличиваться съ каждымъ годомъ. Книга Юнга можетъ быть не мало полезна для новыхъ переселенцевъ.

ПОДДѢЛКА ГОГОЛЯ.

ЗАМѢТКА ВТОРАЯ (И ПОСЛѢДНЯЯ).

Мы принуждены возвратиться еще къ этой исторіи, отчасти за-
тѣмъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ отношеніи „печати“ къ
дѣлу, въ которомъ играетъ роль имя Гоголя, отчасти потому, что
обнаруживаются нѣкоторые новые факты для объясненія самаго дѣла.

Изъ первой нашей замѣтки можно было видѣть, почему „Вѣст-
никъ Европы“ не имѣлъ возможности сказать объ этой исторіи въ
іюльскомъ номерѣ. Заявленіе г. Ястржембскаго (20-го іюня) съ са-
маго начала казалось намъ не совсѣмъ вѣроятнымъ, относительно
самой *сущности дѣла* (принадлежности или полной непринадлежно-
сти 3-го варианта Гоголю); но мы ничего не знали,—и естественно
должны были ждать разъясненія „Русской Старины“,—о томъ, дѣй-
ствительно ли такова была *исторія происхожденія рукописи*, какъ ее
разсказывалъ г. Я—ій. Отвѣтъ „Русской Старины“ (въ самомъ дѣлѣ
подтверждавшій наши сомнѣнія о точности показаній г. Я—го) явился
28-го, и „Вѣстникъ Европы“, конечно, не могъ говорить объ этомъ
дѣлѣ въ іюльской книжкѣ журнала, такъ какъ 26-го іюня эта книжка
уже должна была находиться въ цензурѣ.

Это было, кажется, достаточно ясно; но газета „Голосъ“ не по-
няла этого, и продолжаетъ не понимать (№ 218-й), усиливаясь об-
винить „Вѣстникъ Европы“, что онъ „умалчивалъ“ объ этой исто-
ріи въ іюльской книжкѣ. Предоставляемъ газетѣ это дѣтское удоволь-
ствіе. Но главнаго, существеннаго указанія нашей замѣтки, газета,
очевидно, даже не уразумѣла.

Въ нашей замѣткѣ приведены были различныя основанія, по ко-
торымъ показанія г. Я—го являлись недоказанными и невѣроят-
ными и, наконецъ, приведено сличеніе, en regard, изъ котораго ока-
зывалось, что *единственная* большая прибавка 3-го варианта противъ
двухъ прежде извѣстныхъ, — сочиненная будто бы г. Я—мъ въ
1859 г., — очень извѣстна теперь по воспоминаніямъ лицъ, слышав-
шихъ чтеніе 2-й части „Мертвыхъ душъ“ отъ самого Гоголя, вос-
поминаніямъ, которыми однако г. Я—ій пользоваться не могъ при

„своемъ“ сочиненіи, такъ какъ воспоминанія эти явились въ печати уже въ 1862 году ¹⁾. Для людей съ здравымъ смысломъ ясно было что показаній г. Я—го о происхожденіи упомянутой прибавки принять *нельзя*; можно было съ *уверенностью* сказать, что происхождение это было не таково, какъ утверждаетъ г. Я—ій, и съ *вѣроятностью* можно было думать, что прибавка принадлежала самому Гоголю и взята (такъ или иначе) изъ его собственной черновой тетради. Мы не брались угадывать, какъ именно это было, но полагали, что для читателя сколько-нибудь серьезнаго будетъ понятно, насколько были достовѣрны показанія г. Я—го и чѣмъ могло бы быть достигнуто полное разъясненіе дѣла.

Это соображеніе было, повидимому, не сильно газетѣ „Голосъ“. Она находитъ, что это только „запутало“ дѣло (прежде оно было ясно?). Фельетонистъ газеты выражается такъ: „я позволю себѣ называть его (это дѣло) просто глупымъ дѣломъ“. Мы видимъ, что относительно „Голоса“ оно вышло дѣйствительно глупо.

Оно глупо относительно его и въ другомъ смыслѣ. Итакъ, г. Я—ій еще не доказалъ своими заявленіями, что онъ дѣйствительно самъ сочинилъ прибавки къ Гоголю; дальше мы увидимъ, что въ своей послѣдней статьѣ („Спб. Вѣдомости“, № 220) онъ не находится сказать ни слова противъ замѣчаній, поставленныхъ ему въ „Вѣстникѣ Европы“. Дѣло *пока* остается еще нерѣшеннымъ; но въ немъ были черты, требовавшія серьезнаго вниманія печати.

Дѣяніе г. Я—го во всякомъ случаѣ имѣло очень непривлекательный видъ. Поддѣлка не была бы ничѣмъ кромѣ шутки, еслибъ она дѣйствительно произошла такъ, какъ г. Я—ій ее объясняетъ; но если дѣло происходило совсѣмъ иначе, а именно такъ, какъ говорить объ этомъ г. Б—ій, — если рѣчь идетъ о дѣйствительномъ вариантѣ Гоголя, который, въ томъ или другомъ видѣ, присвоивается себѣ плагиаторомъ по какимъ-нибудь личнымъ соображеніямъ, то дѣло перестаетъ быть шуткой. Оно становится непозволительнымъ шутковствомъ противъ одного изъ величайшихъ писателей русской литературы, и газета, которая столько разъ съ видомъ оскорбленной благонамѣренности возставала противъ неуваженія „Вѣстн. Европы“ къ писателямъ, „составляющимъ гордость“ нашей литературы и пр., потратила на это столько „благороднаго“ негодованія, — могла бы найти здѣсь гораздо больше повода защищать достоинство литера-

¹⁾ Советуемъ нашимъ критикамъ, а также и г. Ястржембскому [•]познакомиться съ этими любопытными воспоминаніями. Это — воспоминанія г. Арнольди, напечатанныя въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1862, № 1, стр. 64—95.

туры. Въ своей замѣткѣ мы именно указывали сомнительныя обстоятельства дѣла. Газета „Голосъ“ не поняла этого.

Другая газета („Вирж. Вѣдомости, № 208), говоря о нашей замѣткѣ, видитъ въ ней „догадку, что г. Я—ій не поддѣлалъ вандантовъ, а старается присвоить себѣ написанное Гоголемъ“, и находитъ, что эта догадка „не лишена нѣкоторого вѣроятія“. Затѣмъ, газета оспариваетъ мнѣніе г. Чицова и автора „Характеристикъ“ о томъ вариантѣ, высказываетъ свои собственные мысли о томъ, какому времени можетъ принадлежать этотъ вариантъ, а въ заключеніе нежданымъ образомъ замѣчаетъ: „впрочемъ, разборъ этихъ вариантовъ (какъ говорится) по существу — *неумѣстенъ* (!) въ настоящее время, въ виду заявленной ихъ подложности“.

Неумѣстенъ — когда *заявленія* о подложности оказываются очень показательными; когда г. Я—ій началъ называть своимъ сочиненіемъ даже то, что несомнѣнно принадлежитъ самому Гоголю; когда является сильное подозрѣніе, подкрѣпляемое *фактическими* указаніями, что весь или часть „варианта“ можетъ точно также принадлежать Гоголю, и когда *сама газета* находитъ вѣроятіе въ томъ, что г. Я—ій „старается присвоить себѣ написанное Гоголемъ!“ И если теперь, въ виду еще не доконченнаго вполне разъясненія дѣла, не слѣдуетъ пока принимать 3-го варианта за основаніе для сужденій о Гоголѣ, то разборъ его не только очень умѣстенъ, но необходимъ, чтобы опредѣлить наконецъ его происхожденіе и принадлежность. Изъ-за того, что мы не хотѣли употреблять рѣзкихъ выраженій относительно этого дѣла, наши критики вообразили, что мы только желаемъ дѣлать „догадки“; ироническія выраженія о томъ, что г. Я—ій изумительно изучилъ Гоголя, они приняли за чистую монету!

Читатель помнитъ, на чемъ стояло дѣло мѣсяцъ тому назадъ, и какого отвѣта мы ждали отъ г. Я—го. Съ тѣхъ поръ явился и отвѣтъ, а также и другія указанія, которыя очень подтверждаютъ высказанный нами взглядъ на это дѣло.

Во-первыхъ, „Рус. Старина“, изложивши всю исторію и указавъ постоянныя противорѣчія въ словахъ г. Я—го, противорѣчія, послѣ которыхъ трудно принимать и его послѣднія утвержденія, — сообщила также отзывъ г. Богоявленскаго объ обстоятельствахъ, при которыхъ передана ему была рукопись г. Я—мъ. Оказывается, по объясненію г. Богоявленскаго, что тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ разсказываетъ г. Я—ій, *вовсе не было*, что „никакихъ литературныхъ споровъ съ г. Я—мъ ни о Гоголѣ, ни о какомъ другомъ писателѣ, въ 1859 г., прежде и послѣ, г. Богоявленскій не имѣлъ; ничѣмъ и никогда не подавалъ повода г. Я—му вводить его въ мистификацію“:

г. Я—ій просто предлагалъ ему часто книги, и такъ какъ не всѣ эти книги интересовали г. Б—го, то разъ г. Я—ій совершенно случайно предложилъ ему и рукопись, списокъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, и никогда, до 1861, не заявлялъ никакихъ сомнѣній въ принадлежности ея Гоголю. Наконецъ, г. Б—ій не печаталъ этой рукописи раньше, до 1872, только потому, что „разсказанный въ вариантѣ анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ могъ быть принятъ, хотя, конечно, ошибочно, за характеристику весьма нѣкогда извѣстнаго и сильнаго, по своему положенію, вельможи, но за нѣсколько лѣтъ до своей смерти оставшагося не у дѣлъ“ (Р. Стар., авг. стр. 251).

Такимъ образомъ самая исторія о литературныхъ спорахъ и о „шуткѣ“, устроенной г. Я—мъ съ своимъ пріятелемъ, въ 1859, оказывается чистымъ сочиненіемъ!

Далѣе, въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ (№ 210) напечатано было письмо г. Данилевскаго, который разсказываетъ, что доставши по смерти Гоголя списокъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ и находя въ немъ много пробѣловъ, онъ не разъ говорилъ о нихъ съ друзьями Гоголя, и отъ нихъ слышалъ, что во 2-й части, какъ читалъ ее самъ Гоголь, *находились* именно нѣкоторыя подробности, которыя теперь г. Я—ій выдаетъ за написанныя имъ. „Помню, что въ числѣ мѣстъ, пропущенныхъ въ доставшемся мнѣ тогда списокѣ второй части „Мертвыхъ Душъ“¹⁾, мнѣ указывали и на анекдотъ о милостивыхъ побранкахъ графа Сидора Андреевича и на разговоръ Бетрищева съ Чичиковымъ о Михайловскомъ-Данилевскомъ, военномъ историкѣ двѣнадцатаго года. Оба эти мѣста, какъ извѣстно, явились нынѣ въ оспариваемыхъ (т.-е. приписываемыхъ себѣ) г. Ястржембскимъ отрывкахъ“.

Такимъ образомъ является новое фактическое свидѣтельство, отсутствіе котораго г. Я—ій выставялъ въ доказательство своихъ притязаній,—и этого фактического доказательства, какъ и другихъ, г. Я—ій никакъ обойти не можетъ.

Наконецъ, самъ г. Я—ій отозвался на замѣтку „Вѣстника Европы“ („Спб. Вѣд.“, № 220). Его отзывъ довольно удивителенъ. Г. Я—ій находитъ нашу замѣтку, которая вовсе не была къ нему особенно любезна, „дѣльной и добросовѣстной“, говоритъ, что это и „обязываетъ“ его отвѣчать на сдѣланные въ ней вопросы: но онъ все-таки отвѣчаетъ далеко не на всѣ вопросы, и не отвѣчаетъ именно на самые главные. Въ сущности онъ повторяетъ, съ разными мелкими поправками, свои прежнія показанія, и на этихъ повтореніяхъ

¹⁾ Т. е. въ извѣстномъ, послѣ напечатанномъ текстѣ 2-й части.

останавливаться мы не будемъ. Замѣтимъ только, что о Прокоповичевомъ спискѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Рукопись второй части „Мертвыхъ Душъ“ сообщилъ мнѣ, для снятія копія, Н. Я. Прокоповичъ, въ сороковыхъ годахъ (кажется, въ 1848 году). Снявъ копію, я возвратилъ подлинникъ, и куда онъ дѣвался—мнѣ неизвѣстно.“

Да это все равно, куда дѣвалась рукопись самого Прокоповича. Вопросъ относился къ *подлинному тексту* (еще не передѣланному г. Я—мъ), который могъ сохраниться и въ копіи:—куда же дѣвалась эта копія?

Г. Я—ій говоритъ, что рукопись, имъ полученная отъ Прокоповича, была сходна съ появившеюся впоследствии, въ 1855 г., второю частью „М. Душъ“, изданною Трушковскимъ. Какъ же знаетъ это г. Я—ій: онъ подробно и во всѣхъ частяхъ сличалъ свою рукопись съ печатнымъ изданіемъ, или судилъ о сходствѣ только на взглядъ ¹⁾? Было ли въ рукописи только три главы или всѣ извѣстныя главы второй части?

„При составленіи моихъ вариантовъ, — продолжаетъ г. Я—ій, — я не имѣлъ подъ рукою печатнаго экземпляра второй части „Мертвыхъ Душъ“, и писалъ варианты по копіи съ рукописи, данной мнѣ Прокоповичемъ“. Значитъ, копія была еще цѣла въ 1859 году: куда же, спрашиваемъ опять, дѣвалась она послѣ поддѣлки?

Эти вопросы, очень существенные, остаются за г. Я—мъ, а главное, онъ ничего не нашелся отвѣчать на вопросъ о томъ удивительномъ совпаденіи его „поддѣлки“ съ тѣмъ, что несомнѣнно было у настоящаго Гоголя (какъ это показано въ нашемъ сличеніи en regard): какъ онъ могъ это отгадать? Онъ ничего не отвѣчалъ и на прямые улики: какимъ образомъ онъ присвоивалъ себѣ даже частности, которыя находятся прямо у самого Гоголя ²⁾?

Молчаніе г. Я—го можетъ заставитьъ подумать, что ему нечего отвѣчать...

Не скроемъ, что если это такъ, если онъ не можетъ удовлетворительно объяснить этихъ странныхъ обстоятельствъ, на него дѣйствительно можетъ пасть обвиненіе, что онъ присвоиваетъ себѣ написанное Гоголемъ и тѣмъ совершаетъ плагиатъ, т.-е. присвоеніе чужой литературной собственности.

¹⁾ Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ошибиться было очень легко, когда весь 3-й вариантъ состоитъ въ прибавкѣ 6—7 страницъ въ разныхъ мѣстахъ на 80 страницъ подлиннаго гоголевскаго текста, остающихся въ вариантѣ безъ перемѣны.

²⁾ Прибавляется теперь еще вопросъ: какимъ образомъ онъ прибавилъ анекдотъ о Сидорѣ Андреевичѣ или слова о Михайловскомъ-Данилевскомъ, находившіяся на самомъ Гоголѣ?

Г. Я—ій долженъ понять, что насъ интересуеѣтъ (какъ и читающую публику должно интересовать) въ этомъ дѣлѣ вовсе не его собственное сочинительство, а именно тотъ подлинный текстъ (прокоповичевскій списокъ), который былъ у г. Я—го въ его настоящемъ, не перепорченномъ видѣ, былъ имъ списанъ и служилъ ему текстомъ для его „передѣлокъ“; мы указали прежде, почему можно было въ Прокоповичевомъ спискѣ предполагать текстъ, вовсе не „сходный“ съ напечатаннымъ, и этотъ текстъ желательно было бы розыскать.

„Отвѣтъ“ (гдѣ же?) на вопросы, сдѣланные мнѣ „Замѣткою“—говорить далѣе г. Я—ій, — я повторяю еще разъ: варианты писаны мною, и никакія доказательства (?) не заставляютъ меня признать въ нихъ перо Гоголя (онъ все не понимаетъ, что теперь ему слѣдуетъ представлять доказательства)... Кто, подобно мнѣ, несмотря на всѣ высказываемыя сомнѣнія, стоитъ на своемъ, тотъ или наглѣ до крайности, или помѣшанъ, или слишкомъ твердо увѣренъ въ истинѣ разъ имъ сказаннаго“. Категоріи весьма рѣшительныя; и г. Я—ій налагаетъ на публику очень непріятный выборъ въ томъ случаѣ, если онъ „твердо увѣренъ“, а она будетъ вовсе не твердо увѣрена...

Поэтому, еще разъ приглашаемъ г. Я—го, отвѣтить на упомянутые выше вопросы. Только доказательствами онъ можетъ убѣдить читающую публику, что варианты писалъ „не Гоголь“, и только тогда она можетъ „простить ему неумѣстную мистификацію“, и не прибѣгать къ выбору между категоріями...

Но можетъ быть еще одна категорія: — людей, не знающихъ, чтó они творять. Быть можетъ, дѣйствительно г. Я—ій занимался какимъ нибудь сочинительствомъ надъ рукописью Гоголя (мы считали это возможнымъ и прежде); но онъ могъ ошибиться относительно полного „сходства“ имѣвшагося у него списка съ напечатаннымъ текстомъ. Подлинникъ Прокоповича могъ заключать настоящіе гоголевскіе варианты, и г. Я—ій могъ только спутать и перепортить ихъ своимъ кропаніемъ, котораго теперь и самъ не разберетъ.

Но въ дѣлѣ во всякомъ случаѣ остаются некрасивыя стороны, и отъ самого г. Я—го будетъ зависѣть, въ какую категорію должна будетъ читающая публика отнести его „мистификацію“.

20-го августа.

PS. Наша замѣтка была уже набрана и готова къ печати, когда мы прочли въ „Голосѣ“ (№ 233) отвѣтъ г. Я—го г. Данилевскому (а отчасти и „Вѣстн. Европы“), по словамъ г. Я—го посланный имъ

въ редакцію „Спб. Вѣдомостей“, но не напечатанный ею по неизвѣстной ему причинѣ.

Новая статья г. Я—го ничего не измѣняетъ въ содержаніи предыдущей замѣтки, и намъ остается только передать читателю новыя разсужденія г. Я—го. Вопросы, нами поставленные, требуютъ отвѣта по прежнему.

Г. Я—ій съ большой развязностью отвергаетъ всякія возраженія. Главное содержаніе статьи заключается въ общихъ разсужденіяхъ, *по существу*, отчего 3-й вариантъ не можетъ принадлежать Гоголю, по характеру его убѣжденій въ послѣднее время (въ томъ же родѣ, какъ разсуждали объ этомъ „Бирж. Вѣдомости“), а особенно—въ томъ указаніи, что главнымъ образомъ его передѣлка Гоголя состояла „*въ исключеніи* изъ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ того, что тамъ отзывалось Перепискою съ Друзьями“. Г. Я—ій приводитъ примѣры подобныхъ исключеній. Онъ—выбросилъ похвальный гимнъ образцовому наставнику Тентетникова, онъ выбросилъ „недоучившаго студента“, онъ заставилъ Тентетникова остановить крестьянъ, пришедшихъ къ нему съ рабскими поклонами. Этимъ, впрочемъ, и кончаются фактическія указанія г. Я—го.

Это прекрасно,—и пожалуй могло бы служить нѣкоторымъ отвѣтомъ на сдѣланныя возраженія. Но къ сожалѣнію, мы и въ настоящемъ случаѣ встрѣчаемся у г. Я—го съ неточностями и неполнотой, которыми,—не можемъ скрыть,—очень вредятъ его объясненіямъ.

Напримѣръ, г. Я—ій замѣчаетъ, что его критиками „почти все не замѣчено“, что главное въ передѣлкѣ его не вставки, а исключенія; нѣсколько дальше онъ уже смѣло утверждаетъ вообще, что „*н. литераторы не замѣтили*“ этого. Утвержденіе г. Я—го несправедливо, потому, что въ нашей 1-й замѣткѣ объ *исключеніяхъ* было *именно* *говорено*; кромѣ того, въ вариантѣ г. Я—го важны не одни исключенія, но очень важны и вставки, а именно та *длинная вставка*, которая приведена была въ нашей первой замѣткѣ съ воспоминаніями г. Арнольди en regard. — По поводу *исключеній*, на которыя теперь опирается г. Я—ій (какъ прежде опирался на *прибавки*, теперь имъ *умалчиваемыя*) и которыя *должны* были удалить изъ 2-й части то, что отзывалось Перепиской съ Друзьями, можно еще замѣтить, что удалено къ сожалѣнію не все: удаленъ *намекъ* на Бѣлинскаго, но не удаленъ *намекъ* на Граховскаго.

Но къ удивленію, и на этотъ разъ г. Я—ій ничего не отвѣчаетъ на тѣ фактическіе вопросы, съ которыми мы къ нему обращались: онъ не объясняетъ ни удивительнаго сходства упомянутой сейчасъ вставки съ разсказомъ, который читанъ былъ самимъ Гоголемъ; ни

того, что возражали ему по поводу анекдота о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, о Михайловскомъ-Данилевскомъ; ни того, что ему сказано было по поводу выраженія о „скукѣ“; г. Я—й опять не объясняетъ, куда дѣвалась копія, снятая имъ со списка Прокоповича.

Намъ очень пріятно слышать отъ г. Я—го, что намекъ на то, что онъ присвоиваетъ себѣ произведение Гоголя, считаетъ онъ въ высшей степени оскорбительнымъ и не можетъ переносить его равнодушно; мы готовы послѣдовать его просьбѣ—„вѣрить искренности его словъ“. Но повторяемъ, что для этого онъ долженъ отвѣчать правдиво на тѣ вопросы, которые нами поставлены, и если на нѣкоторые изъ нихъ онъ не въ состояніи отвѣчать, то пусть также правдиво въ этомъ сознается.

Д.

20-го августа.

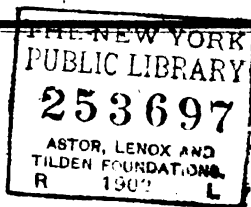

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ мы находимъ „слухъ“, будто изданіе „Вѣстника Европы“ прекращается. Извѣстіе это, повторенное потомъ и другими газетами, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и мы не сочли бы даже нужнымъ опровергать его, еслибы не получили нѣсколько вопросовъ, вызванныхъ этимъ „слухомъ“.

ПОПРАВКИ.

Въ августовской книжкѣ слѣдуетъ читать: стран. 480, стр. послѣдняя—rolniczych; 481, стр. 22—domu, próżniacy... stworzeni; 484, стр. 25—koniec, darniui; 489, стр. 28—zagrodzie... wojewodzie; 494, стр. 41—demokratycznego; 498, стр. 18—Niemiec; 500, стр. 5—kropidło; 500, стр. 14—niemieckim kazaniu; 500, стр. 18—wzachrajstwo; 502, стр. 22—nierycerski, nieszlachetny; 505, стр. 11—jako; 505, стр. 12—powstających najwłasciwsza.

М. СТАСЮЛВИЧЪ.

ЮНОШЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

Повѣсть Лермонтова, предлагаемая ниже читателямъ, получена редакціей «Вѣстника Европы» отъ Ю. В. Толстого. Подлинная черновая рукопись принадлежитъ Ек. Павл. Веселовской, а ея получена была отъ извѣстной бабушки Лермонтова, Е. А. Арсеньевой, которая, по смерти Лермонтова, раздала оставшіеся отъ него рукописи и рисунки его родственникамъ, на память о покойномъ поэтѣ.

Рукопись, на сѣрой, толстой бумагѣ, представляетъ спитую тетрадь, въ листъ, 48 л., очевидно черновую. Она писана извѣстнымъ почеркомъ Лермонтова, здѣсь еще очень неровнымъ, съ довольно многими помарками, нерѣдко очень неразборчиво. Повѣсть не имѣетъ заглавія. Первая страница листа, служившаго обложкой, вся покрыта рисунками перомъ, рисунками довольно бойкими, изображающими фантастическія и каррикатурныя сцены и фигуры, сраженія, мужскія и женскія лица, и т. д. Отдѣльные очерки встрѣчаются въ двухъ-трехъ мѣстахъ и въ срединѣ рукописи. Быть можетъ, авторъ рисовалъ между прочимъ тѣ самыя фигуры, которыя носились въ его воображеніи въ самой работѣ надъ повѣстью.

Эта повѣсть, очевидно, произведеніе очень ранней поры Лермонтова, не лишенное однако извѣстной относительной цѣнности, какъ историческій матеріалъ для того, кто станетъ слѣдить за развитіемъ таланта Лермонтова, съ его первыхъ проявленій. Читатель замѣтитъ, какъ въ этой юношеской повѣсти Лермонтовъ еще находится подъ вліяніемъ обычной манеры тогдашняго историческаго романа; но любопытно во всякомъ случаѣ видѣть путь, которымъ пробивался этотъ великій талантъ къ дальнѣйшимъ ступенямъ сво-

его развитія, къ своему позднѣйшему оригинальному творчеству. Читатель увидитъ также, что здѣсь у Лермонтова уже видны одѣко основныя черты того взгляда на вещи и той поэтической манеры, которыя стали потомъ столь извѣстной чертой его литературнаго характера: такъ, сливаются здѣсь идеализмъ и невѣріе въ жизнь, высокія стремленія и вражда къ обществу — противоположности, сначала полупонятныя, иногда аффектированныя, и которыхъ онъ никогда не могъ помирить или побѣдить. Наконецъ, въ этой юношеской работѣ нерѣдко видна сила поэтическаго изображенія, въ которой угадывается ея позднѣйшее блестящее развитіе.

Въ этомъ смыслѣ, юношеская повѣсть Лермонтова представляетъ свой историческій интересъ, какъ образчикъ внутренняго развитія и первыхъ работъ писателя, успѣвшаго такъ высоко стать въ литературѣ въ столь немногіе годы жизни и дѣятельности.

Ред.

ГЛАВА I.

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечернѣ; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантии съ порохомъ обметали пылъ вслѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладона трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣснились вокругъ сѣрыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости отъ богомольцевъ; они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посконныхъ мѣшкахъ; это были люди, отвергнутые природой и обществомъ (только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природой); это были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надеждъ, олицетворенные упреки Провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому

но они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющіе ни одной добродѣтели, потому что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ костистыхъ волѣнкахъ; углубленія въ лицахъ казались чертѣ обыкновеннаго; у cadaго на челѣ было написано вѣчными буквами: нищета! Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или въ улыбкѣ!

Въ толгѣ нищихъ былъ одинъ—онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на расписанныя святые врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привычными къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ, какъ лобъ ученаго, мраченъ какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы тонкія, блѣдныя были растягиваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда; они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастье; демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, отвратителенъ, но не это пугало ихъ; въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію, уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную, его душа еще не жила по настоящему, но собирала всѣ свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ сложа руки и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими красками¹⁾, и внутренне сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: «еслибъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоятъ-ли они, чтобъ ихъ соблазняли изгнанникъ райа, соперникъ Бога!.. Другое дѣло человѣкъ; чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти».

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами: все было согласно въ чертахъ нищаго, одна страсть владѣла его сердцемъ или, лучше, онъ владѣлъ одною только страстью,—но за то совершенно!

«Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому... Хри-

¹⁾ Слова два не разобраны.

ста ради конфетку!» раздался крикъ его товарищей. Онъ вздрогнулъ, обернулся—и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что-же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына—не больше.

[ГЛАВА II].

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ Анненскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, запряганныя въ огромные сапоги, производили непріятный звукъ, ступая на пыльные камни; онъ шелъ съ важностью, размахивая руками и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливые нищіе обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобострастіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и, оттолкнувъ нищихъ, воскликнулъ: «Прочь ихъ! лѣнтяи—экіе молодцы—а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію—только чуръ, не перекусайтесь за него».

Между тѣмъ горбатый нищій молча приблизился и устремилъ яркіе черные глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ остановившаяся молнія и человекъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ; если магнетизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнетизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его.

Палицынъ обернулся. «Что тебѣ надобно?»

— Очень мало. Я хочу работы...

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣднякъ ни мало не смутился и остался хладнокровнымъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца,—нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ мѣткости руки своей.

— Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенести труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ. Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

— Хочешь-ли быть моимъ слугою?

Нищій въ одну минуту принялъ видъ смиренія и съ жаромъ

поцѣловать руку своего новаго покровителя — изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ — ужели даромъ? — и какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность, вослѣдствіемъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

— Твое имя?

— Вадимъ.

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла; подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

— Слѣдуй за мной! — сказала Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатая стѣна, башни и церковь плоскими черными городами, безъ всякихъ отбѣнокъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величій земномъ и небесномъ и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижный памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

ГЛАВА III.

Поздно, поздно вечеромъ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его громкимъ лаемъ и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строеніе; вѣтеръ шума качалъ ветелки, насажденные вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскій раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а можетъ быть что-нибудь получше. Палицынъ вошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, оконницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлана во вкусъ XVIII-го вѣка; разноцвѣтные обои; три круглые стола, передъ каждымъ небольшое канапе; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печами, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въѣздъ Петра I-го

въ Москву послѣ Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина зѣвая по сторонамъ, добрая женщина... Жирѣть, зѣвать, бранить служанокъ, прикащика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ, какая завидная жизнь!.. и все это продолжается сорокъ лѣтъ продолжится еще столько же... и будутъ оплакивать ея кончину и будутъ помнить ее и хвалить ея ангельскій нравъ и жалѣть. Чудо, что за жизнь! особливо какъ сравнишь съ нею наши... бурно поглощающія цѣлые гды, и что еще ужаснѣе, обрывающія чувства человѣка, какъ листы съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи ¹⁾ Сергѣевны (такъ я называю жену Палицына) сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница. Это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человечествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озарила ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ. Остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда дребезжа свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а наяву почти никогда. Грудь тихо колебалась, порой она нагибалась голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя космы волосъ вырывались изъ-за ушей и падали на глаза; иногда выходила на свѣтъ бѣлая ручка съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиною.

Борисъ Петровичъ вошелъ; обѣ встали. — «Я привезъ новаго холопа», — сказалъ онъ — «кладь!.. нищій, который захотѣлъ работать... онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ... это видно по лицу... но за то будетъ послушенъ... вотъ ты увидишь сама. Эй, Вадимка!.. живо.» Вошелъ безобразный нищій. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманія, какъ краденый товаръ... «Какой уродъ!» воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ — его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жаленькѣ, хозяйственныхъ дѣлахъ и вовсе забыли о нищемъ; онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ, что думалъ? онъ открылъ новую струну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованію; цѣлый часъ онъ простоялъ, никто не замѣтилъ; Наталья Сергѣевна ушла въ свою комнату и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ.

— Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?

¹⁾ Это имя пишется и „Наталья“ и „Настасья“.

— Уродъ!—отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что-то похожее на скрежетъ зубовъ.—Охота приводить такихъ пугаль,— продолжала она — намъ бѣднымъ плѣннымъ птичкамъ и безъ нихъ худо...

— Отъ того худо, что ты не хочешь согласиться, возразилъ Борисъ Петровичъ, и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, какъ ты прекрасна: развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ?—А было бы тебѣ хорошо!.. если бы—выслушай... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскіе платки; у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У васъ нѣтъ стыда!—отвѣчала Ольга. Палицынъ посмотрѣлъ на нее — и вспыхнулъ, но услыжавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

— Боже!.. Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищій все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, вѣтъ и недвижимъ—на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ быть первая слеза—и слеза отчаянія!.. ¹⁾

Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту миллионъ сладкихъ надеждъ! Они для одного человѣка, что былъ Наполеонъ для все-ленной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

— Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга?—сказалъ Вадимъ.

— Станный вопросъ... отвѣчала она.

— Знаешь ли ты ихъ?—повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза, какъ-будто припоминая нѣчто давнее, давно прошедшее.

— Я сирота, и мой отецъ меня оставилъ, когда я была ребенкомъ—и отправился Богъ знаетъ куда—вѣрно очень далеко, потому что онъ не возвращался. — Чело Вадима омрачилось и горькая язвительная улыбка придавала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчой, что-то демонское.

— Хочешь ли знать, куда?

— Хочу — и влажные глаза ея ярко заблестили.

— Подумай, я для тебя человѣкъ чужой... можетъ быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди,

¹⁾ Послѣ этого поставлено „Глава IV“, но опять зачеркнуто.

заражающіе своимъ дыханіемъ счастье другихъ: все, что ихъ любить и ненавидить, обречено погибели; берегись того и другого—узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ руки опаснаго человѣка: онъ не съумѣетъ лелѣять цвѣтокъ этотъ — онъ изомнетъ его...

— Хочу знать непременно, — воскликнула неопытная дѣвушка.

Она посмотрѣла вокругъ — нишаго уже не было въ комнатѣ.

ГЛАВА IV.

Прошло двое сутокъ — Вадимъ еще не объявлялъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ-нибудь въ отдаленной пустой комнатѣ Вадима, и странно! она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найти — и тогда просьбы, ласки, всѣ хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разными рассказами — но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для рабства: и это заставило ее имѣть къ нему довѣренность; не мудрено, — власть разлучаетъ гордыя души, а неволя ссди-няетъ ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразенъ, — воскликнулъ Вадимъ; она пустила его руку. — Да, продолжалъ онъ, — я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто-нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь... на что мнѣ беречь тебя. О, еслибъ... не укоряй за долгое молчанье... быть можетъ, настанетъ время и ты подумаешь: «зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ, — если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?»

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я объясню его сколько можно слѣдующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:

— Замѣть, Федька, что кто изъ грязи вышелъ, такъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загордился — этакой уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ прикажишь

меня всегда отличаетъ, да и къ барину какъ умѣть подольститься: словно щенокъ!—Экой вѣкъ сталъ нехристіанской...

— Не скажу, дядя Ипатъ!.. онъ всегда со мной ласковъ, паренъ лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку подцѣпить — вонъ наприимѣрь вчера...

— Что вчера?..

— Я тебѣ расскажу эту штуку, дядя, слушай... Вчера баринъ разгнѣвался на Олешку Шушерина и приказалъ ему вѣлѣть 25 палокъ; повели Олешку на конюшню—самъ прикащикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ, да и говорить: это за барина,—а вотъ за меня—и занесъ руку... Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу: брови его сходились и расходились... въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ прикащику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ... на губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить — и не могъ.

— Жаль!—возразилъ старикъ,—не доживетъ этотъ человѣкъ до сѣдыхъ волосъ. — Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ, какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забираетъ вмѣсто ихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія высокія деревья и падить пни столѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ? — на это отвѣчаю: происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевского.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно поворны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею — и тогда горе побѣжденнымъ!..

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина и простить въ немъ скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII-мъ столѣтіи дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать — не умѣло перемѣнить поведенія: вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ пугачевскій годъ!

[ГЛАВА V].

Но обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Суры, на высокой горѣ, кончающейся къ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по берегу построены избы дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ линію по краямъ дороги, капищія, кланяющіяся прохожимъ; по ту сторону рѣки видны въ отдаленіи березовыя рощи, и еще далѣе лѣсистыя холмы съ чернѣющими елями; нѣтъ низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, танется гладкою покатостью и далеко-далеко синѣютъ холмы какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенныя рѣзныя ставни, колеблемыя вѣтромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ стариннаго дома обходить деревянная рѣзной работы галдарейка, служащая вмѣсто балкона. Здѣсь, сидя за работою, Ольга часто забывала свое питье и наблюдала синія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флагерами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ—и новыя надежды; пѣсни крестьянъ, идущихъ съ сѣнокоса, отдаленный колокольчикъ часто развлекали ея вниманіе—кто ѣдетъ: купецъ, баринъ, почта?... но на что ей?... не все ли равно... а все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галдарейку... чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка... Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена въ монастырь слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолковъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей навстрѣчу? Это Вадимъ. Она вздрогнула; она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

— Что съ тобою, — сказалъ онъ.

— Ничего...

— А! понимаю... онъ закусилъ губы... ты меня испугалась.

— Зачѣмъ мнѣ бояться тебя, — отвѣчала гордо Ольга.

— Тѣмъ лучше, — продолжалъ онъ... Это уже много значить—такъ я тебѣ не страшень, не отвратителень... о, мой Создатель! вотъ великое блаженство, право, мнѣ кажется это первое... Онъ остановился.

— Послушай, что, если душа моя хуже моей наружности?

но развѣ я виноватъ... я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба—они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшку... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда—берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здѣсь? — спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.

— А я совсѣмъ не для того...

— Опять, опять!—воскликнулъ Вадимъ.—Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи: я завистливъ, я золь, я все, что ты хочешь... но пощади меня.—Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: онъ, человѣкъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе чѣмъ онъ беззащитной, сожалѣнія—или нѣтъ... меньше... онъ просилъ, чтобы она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала непріятное молчаніе.— Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ?

Онъ задумался.

— Обѣщая никогда не укорять меня за то, что я тебѣ открылъ свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отецъ былъ дворянинъ, богатъ, счастливъ—и подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...

— О, если это ничего, то не продолжай.

— Нѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ, его другъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его, — сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою — чтожъ... развѣ этого не довольно для гибели чело-вѣка? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, текущій въ моихъ жилахъ, перельется въ тебя... слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ: съ этой минуты началась непримиримая вражда—5 лѣтъ спустя твой отецъ ужъ не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!... Другъ твоего отца отрылъ старинную тѣжу о земляхъ, и выигралъ и отнялъ у него все имѣніе. Я видѣлъ отца твоего передъ кончиной... его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на мнѣ

пронзительный вжоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... и мнѣ она осталась въ наслѣдство, и его проклятіе живо, живо и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ? Какъ, небо!... въ продолженіи 17-ти лѣтъ ни одинъ языкъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови—твоей—его крови!—и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщенія... безъ уродливаго нищаго, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадимъ, что сказала ты?

— Благодарность! продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ,— благодарность: слово изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово превращенное въ чувство! О, Премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой-нибудь пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, подающую мнѣ остатки пира... о, благодарность...

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки, — и казалось забыть, что не сказалъ имени боярнаго злодѣя... и казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страхъ неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, геній блисталъ на челѣ его, — и глаза, еслибъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели бы дѣйствіе глазъ василиска, но они были обращены вверхъ!...

— Я отгадала!—воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостью къ Вадиму: я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками...

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отцу юной Ольги—и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ ее какъ рабу и хвалился своею бла-

готовительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ея кудри, забавлялся ея ребячествами, и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... кто бы подумалъ! столько страданій за то, что одна собака обогнала другую... какъ ничтожны люди!... какъ вѣрять общему мнѣнію! Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человекомъ во всемъ околоткѣ, и точно! онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому-то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами и лучъ ея сливался съ лучемъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и камнями. Передъ иконою Богоматери упала Ольга на колѣни; спина и плечи ея отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампады озарялъ и лицо вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ, которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземного существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я не виновата... Ты, Ты самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ сдѣлать меня рабой, своей рабой... Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна... но не требуй болѣе, Боже! Еслибъ Ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ благодѣтелемъ — я и Тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежатъ Тебѣ, Создатель, и кому Ты хочешь — но сердце въ моей власти...

Слезы покатались изъ глазъ ея; она склонила голову; рука ея дрожала въ рукѣ Вадима...

— Я твой братъ! — воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ будто ужаснулась... руки ея опустились, какъ руки умершей, и сомкнутыя уста удерживали дыханіе.

— Я твой братъ! — повторилъ онъ дрожащимъ, страшнымъ голосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя

за голову и вышелъ, но выходя остановился у двери... и въ продолженіи одной минуты онъ думалъ раздробить свою голову косякъ... но эта безумная мысль скоро пролетѣла... онъ вышелъ.

— Братъ!—сказала Ольга, смотря ему во слѣдъ,—братъ!
И безъ силъ она упала на стулъ.

ГЛАВА VI.

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горбачемъ (такъ въ домѣ называли Вадима). Горбачъ почти всѣмъ слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, — исполнялъ его малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ, однимъ словомъ дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суровомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства, всѣ, кромѣ одного любимого сокровища, хранимаго на черный день. Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого-нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которые жесточе и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ воображалъ; — а когда недосказанный совѣтъ его былъ исполненъ, то хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе двора, — взглядомъ, движеньями помогая имъ осуждать господина. Но никогда ничего не говорилъ такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его — къ неудовольствію рабовъ или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не знаю зачѣмъ, Палицынъ велѣлъ его позвать; искали горбача — не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжелѣли ежечасно, и сипія, покрытая туманомъ, уже показывались на дальнемъ небосклонѣ. На берегу рѣки была развалившаяся баня, врытая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нея валялись груды кирпичей, между коими выростала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебелькахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ; одинъ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣни рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянными арабесками и придавали ему видъ таинственный; золотой лучъ солнца, скользя мимо соломенной крыши, упалъ на его колѣнку и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пляской пылинокъ, которыя кружились и подымались къ солнцу.

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ онъ нашелъ ее, онъ вѣтилъ съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбели, на-
епъ... О! чудна природа!.. далеко ли отъ брата до сестры?
какое различіе! Эти ангельскія чувства, эта демонская наруж-
ность... впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ произошли не отъ од-
но начала?..

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордость, сход-
ство съ его душой, которое обѣщало ему много... обѣщало со-
менемъ и любовь... эта надежда была для него нѣчто новое;
хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстаться съ нею на одно
мгновеніе — и вотъ зачѣмъ онъ удалился въ уединенное мѣсто,
плескъ волны не могъ развлечь думы его. Онъ не зналъ,
есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе за ними ухаживаютъ, тѣмъ
болѣе отвѣчаютъ стараніямъ садовника; онъ не зналъ, что слиш-
комъ привязавшись къ мечтѣ, мы теряемъ существенность, а въ
существенности было одно мщеніе.

Постепенно мысли его становились туманнѣе и онъ, полусон-
ный, легъ на траву — и нечаянно взоръ его упалъ на лиловый
мокошечникъ, надъ которымъ вились двѣ бабочки, одна сѣрая
с черными крапинками, другая испещренная всѣми красками
дуго, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумруд-
ными крыльями, отдѣланный въ золото и оживленный какою-
нибудь волшебницею. Оба мотылька старались сѣсть на лиловый
мокошечникъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко,
второй относилъ его прочь; наконецъ разноцвѣтный мотылекъ
сталъ побѣдителемъ, усѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно
другой кружился надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться...
Вадима былъ прутикъ въ рукѣ; онъ ударилъ по цвѣту и
имѣлъ счастливое насѣкомое... и съ какимъ-то восторгомъ наблю-
далъ его послѣдній трепетъ!..

И Богъ знаетъ, отчего въ эту минуту онъ вспомнилъ свою
младость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ,
обсаженный ветлами... все, все... и отецъ его представился его
воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, поте-
рѣвъ свое дѣло и принужденный продать все, что у него оста-
лось, дабы заплатить страпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ
его лежащаго на жествой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... ка-
чалось, слышалъ его тяжелое дыханіе и слова: «отомсти, сынъ
мой, извергу, чтобы никто изъ его семьи не порадовался краде-
нныи кускомъ...» И вспомнилъ Вадимъ его похороны: необитый
гробъ, поставленный на телѣгѣ, качался при каждомъ толчкѣ;
онъ съ образомъ шелъ впередъ... дылчекъ и священникъ сзади; они

пѣли дрожащимъ голосомъ... и прохожіе снимали шляпы... стали опускать въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, пылъ взвился.

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шопотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ даже онъ готовъ былъ все выносить... но сестра!.. если... о! тогда она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... шился погубить невинное сердце, которое больше чувствомъ нежели понимало: странно! онъ любилъ ее—или не почиталъ онъ ненависть добродѣтелю?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ арапниковъ, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ вскочилъ Вадимъ... передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами.

Кланаясь слушалъ онъ и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынымъ въ домъ, гдѣ слуги встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

ГЛАВА VII.

Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Семеновна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрила и разрумянилась; столъ въ гостиной устали вареньями, ягодами сушеными и свѣжими; Геннадій Василитчъ Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки съ сластями; онъ бралъ изъ каждой и немножку и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго роста, блѣлокъ, и вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя того вѣка; и это потому, быть можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампанцахъ; 25-ти лѣтъ выпеде въ отставку, онъ женился и жилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговорами о хозяйствѣ, о Москвѣ, и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще если человекъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ, истощивъ разговоръ, они не знали что начать, зѣвали въ руки, вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но болливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

— Малый! Египетскаго! закричалъ онъ, въ восторгѣ от своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки, начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловать.

щекъ ихъ разгорѣлись и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

— Потѣшнѣ-ли тебя, сосѣдъ любезный! воскликнулъ Пилипъ.

— А что!

— Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть дѣвочка—чудо... а какъ пляшетъ! Жжетъ, а не пляшетъ!.. Я не монахъ, и ты не монахъ, Васильчъ...

— Избави, Христось...

— И точно такъ!

— Ну что же?

— Да ужъ то!.. мать моя, жонушка, Наталья Сергѣвна, — вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святошный сарафанъ, да выдти поплясать, а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ-то намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо... Онъ захохоталъ, самъ вѣрно не зная чему и началъ подпирать руки, заранѣе наслаждався успѣхомъ своей выдумки; — этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣвна приказала собираться пѣсельникамъ, а сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты, она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала; она еще не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день идти къ нему сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его.

Со свѣчей въ рукѣ взошла Наталья Сергѣвна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшанныя платями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столикъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекала половина жизни молодой дѣвушки прекрасной, пылкой... Здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимой шумѣла мятелица и снѣгъ бѣлыми клоками упалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернутая въ теплую шубейку, на бѣлыя степи, сѣрое небо и ветлы, обвѣшенные инеемъ и колеблемыя вѣздемъ и впередъ, и тайныя, неизъяснимыя желанія, какія бываютъ

у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ, волновали кровь ея и досади заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ...

— Вставай, Ольга! закричала Наталья Сергѣевна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

— Что, спалъ, лѣнивая...

— У меня голова болить.

— Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣть голова болѣть... Просто лѣнь... ужъ такъ бы и говорила... а то еще лжетъ... отвѣчай: спалъ, лѣнтяйка?

— Я никогда не лгу.

— Какъ! еще смѣть отвѣчать, когда я говорю... спорить... ахъ, грубиянка! Да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... не благодарная! Нѣтъ! этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодареній! какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рожи, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись, — ты забываешь, кто я?

Ольга хотѣла что-то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ, потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющейся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

— Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!.. вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала — но вся вспыхнула... и еслибъ Наталья Сергѣевна не удалилась, то она не вытерпѣла бы далѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозрѣваютъ, упрекаютъ? и въ чемъ?.. о!.. гдѣ ея братья! пускай придетъ онъ и выслушаетъ ея клятву: помогать ему во всемъ, что дышетъ местию и разрушеніемъ, пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство, — она готова!..

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожитъ ея твердости; — эта улыбка имѣла въ себѣ что-то неземное: она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ

намереніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ, она вошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны, а маленькая ножка, показываясь по временамъ, общала тайныя совершенства, которыя ищутъ молодые люди, глядя на женщину какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, если бы не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она вошла и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести, но она не смутилась, не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изобличала совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданность судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую. «Начинай же, Оленька!» закричалъ Палицынъ, «не стыдись!» Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго и всѣ обиды, всѣ несправедливости, (утнетенія?) рабства; однимъ словомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Если бы можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго существа, то трудно бы вы повѣрили, что она лишилась разсудка, потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатые дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха. «Что же! красотка моя, начинай! не бойсь! ты такъ хороша сегодня!» кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли?

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтила ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней — они завидовали. Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе.

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны, даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуту вдохновеннаго страданія бросаая

божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому-то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающіе глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія...

Она посмотрѣла вокругъ, ужаснулась, махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, послѣдовалъ за нею; раскаленные щеки его обнаруживали преступное желаніе и съ дрожащихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ; ключъ разскочился. Она стояла на коѣняхъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала какъ онъ взошелъ, потому что произнесла слѣдующія слова: «отецъ мой не вини меня...»

— Теперь ты не вывернешься! воскликнулъ захохотавши Борисъ Петровичъ. Я человѣкъ добрый — и ты человѣкъ добрый... слѣдовательно...

Она вскочила, и устремивъ на него мутный взоръ, казалось не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться — не могла; сѣвъ на постелѣ, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ, — и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако, Наталья Сергѣевнѣ, благодаря виннымъ парамъ, удалось вывести мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и пронзительный дискантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ, все утихло и Ольга тогда только уѣрилась, что всѣ ее оставили.

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце и чувствовала странную боль въ шеѣ; бѣдная дѣвушка!.. немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!.. Всталъ мѣсяцъ; скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ тѣсную комнату и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не

прибавилъ къ ея блѣдности и красное пятно не могло утонуть въ его сіяніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ приемной пробило одиннадцать.

ГЛАВА VIII.

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?.. На темномъ чердагѣ, простертый на соломѣ, лицомъ вверхъ, сложивъ руки, онъ уносился мыслію въ вѣчность, — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которыя представлялись ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много сѣрнаго и ничего жалкаго. Его душа расpirялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Чтѣ такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра; Вадимъ привсталъ; луна ударяла прямо въ слуховое окно и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломонокъ, упалъ на противную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ рассмотреть на ней всѣ скважины, каждый клочекъ моха, высунувшійся между брусками. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни — наконецъ, они утомляли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ бы треснуть... о! давно ли ему было дозволено одной ненависти!

Маленькая дверь скрипнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

— Братъ! сказалъ кто-то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣняхъ.

— Все понимаю, воскликнулъ онъ, примѣтивши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

— Точно? отвѣчала Ольга измѣнившимся голосомъ; точно? — Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!

Другъ мой! Впервые существо земное такъ называло Вадима; онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ сновидѣнiя; улыбка остановилась на устахъ его и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ миллионъ, и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобы не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко—вотъ мой отвѣтъ: любовь—вездѣ любовь, т.-е. самозабвенiе, сумасшествiе, назовите какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мiрѣ, кто-бы оно ни было: мать, сестра или дочь, его любовь сильнѣе всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ, въ крови, чужда всякаго тщеславiя... но если къ ней примѣшается воображенiе, то горе несчастному!—По какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣститъ его въ себѣ не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой, но часто самолюбiе беретъ перевѣсъ и божество падаетъ передъ смертнымъ.

— Братъ! слушай! продолжала Ольга; я все обдумала и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни тебѣ, ни мнѣ не возвратиться... но все равно... они всѣ ведутъ къ смерти, но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Братъ! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись, я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое; станешь лелѣять его, пока оно вырастетъ и созрѣетъ и смоетъ мой позоръ страданьями и кровью... да, позоръ... онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... не правда-ли, ты готовишь ему ужасную казнь...

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь уловенуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновенiе на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

— Клянусь этимъ Богомъ, который создалъ насъ несчаст-

ными, клянусь Его святыми таинствами, его крестомъ спасительнымъ,—во всемъ, во всемъ тебѣ повиноваться.—Я знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудемъ руки твоей... о! ты великій человѣкъ!

— Да, теперь, потому что ты меня любишь.

Она ничего не отвѣчала.

— Успокойся, опомнись, сказать Вадимъ, ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить странную душу мою... ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

«Помню, какъ послѣ смерти отца, я покидалъ тебя, ребенка въ колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы,—а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная—ты протянула ко мнѣ свои рученки, улыбалась... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

«Меня взяли въ монастырь, изъ состраданія, кормили, потому что я былъ не собака и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душевныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣньемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молитесь!.. у меня въ сердцѣ были одни проклятія. Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою;—она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять свою мысль все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я не выпущу отсюда, довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...

«Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества; я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ—смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глупые отъ рожденія или отъ старости, неспособные ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и по неволѣ сталъ презирать его; душа

ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣтѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь; не видѣть ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой-то книгѣ...

«Можно придти въ отчаянѣ!»

«Однажды, Ольга, я замѣтилъ безногаго нищаго, который, не вмѣшиваясь въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ:—ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору.

— «Я безъ ногъ», отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ. Это меня поразило: я ошибся! однако продолжалъ свои вопросы.—Что былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?

— «Нищій!—отвѣчалъ онъ, рожденъ нищимъ и умру нищимъ, только разница въ томъ, что я рожденъ съ ногами, а умру безногой.

— «Отчего-же? — Отчего! — тутъ онъ призадумался; потомъ продолжалъ равнодушно:—я былъ проводникомъ одного слѣпого; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не даромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня возятъ на тележкѣ и—даютъ деньги...

— «Зналъ-ли ты своихъ родителей?—спросилъ я поспѣшно.

— «Какъ-же!

— «А кто были они?

— «Нищѣ!—Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю, что было въ его улыбкѣ, насмѣшка надъ судьбой или надо мною, потому что я слушалъ его съ видомъ полной довѣренности.

«Итакъ, есть состояніе, въ которомъ безобразіе не порождаетъ, подумаю я.

«На другой день бѣжалъ изъ монастыря и сдѣлался нищимъ». Вадимъ остановился.

— Понимаю тебя! воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это зналъ!.. развѣ ты не сестра мнѣ? возразилъ Вадимъ.

— Послушай, вѣрно само небо хочетъ, чтобы мы отомстили за бѣднаго отца. Какъ оно согласило всѣ обстоятельства, какъ оно привело тебя къ цѣли...

— Небо или адъ... а можетъ быть и не они; твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ природѣ и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался нищимъ, какой-то бѣшеный демонъ по-

селся въ меня, но онъ не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви, странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ отдаленіи; но чтобъ достигнуть рая, надобно было перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился: кому завѣщать свое мщеніе? кому его уступить?

«Долго я бродилъ безъ крова и пристанища, преданный зимнимъ мятелямъ, какъ южная птица, оставшая отъ подругъ своихъ; долго жить—было цѣлью моей жизни.

«Но судьба мнѣ послала человѣка, который случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься у Палицына, что онъ богатъ, доволенъ, счастливъ—это меня взорвало... Я не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ счастливъ—и не будетъ отнынѣ; въ этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона; его дыханіе—чума для счастливцевъ, чума... Сестра! ты мнѣ простишь... о! я преступникъ... вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ, безъ меня не потеряла бы свою безпечность... теперь все кончено, отъ моего прикосновенія ували твои надежды, махни рукой твоему спокойствію... Цвѣты не растутъ посреди бунтующаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога...»

— Какъ! воскликнула Ольга, — неужели ты раскаяваешься! Правда, я женщина—но развѣ всякая женщина промѣняетъ печали и безпокойства на блистательный позоръ... блистательный! о! быть любовницей старика, злодѣя моего семейства... ты желать этого, Вадимъ, не правда-ли?

— Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя.

— А теперь кто мѣшаетъ?

— Теперь? теперь... Онъ опустилъ глаза въ землю и замолкъ. Глубокое страданье было видно въ слѣдующихъ словахъ: —Теперь, убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоихъ колѣняхъ... плакать! о! это величайшее наслажденіе для того, чей смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!.. Нѣтъ, я еще не такъ дурень, какъ ты полагаешь; — человѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ.

— Меня убить—значить сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ,—отвѣчала Ольга улыбаясь, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

— А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ, когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятіемъ?

— Я удивляюсь тебѣ, другъ мой.

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обѣими руками.

ГЛАВА IX.

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой Оки? Кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣдныя воспоминаніями, богатыя природнымъ, собственнымъ блескомъ! Читатель! не онѣ-ли были свидѣтелями твоего счастья или кровавой гибели твоихъ прадѣдовъ! Но нѣтъ! волна, окропленная слезами твоего восторга или ихъ кровью, теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣли и надежды, или въ минуту гнѣва разшиблась объ утесъ гранитный! Она потеряла дорогой слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется надъ перемѣнами столѣтій, протекающихъ надъ нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно;—сдѣлавшись могилой какого-нибудь несчастнаго сердца, она не теряетъ своей прелести, живого, безповойнаго своего нрава, и въ ея погребальномъ ропотѣ больше утѣшеній нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синимъ, холоднымъ волнамъ, подвластнымъ одному закону природы, который для насъ не годится съ тѣхъ поръ, какъ мы выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подѣ густою липой, и упоительный запахъ разливался вокругъ его головы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго напряженія души, растаяли постепенно,—и отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятія природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду, и давъ ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокоевіемъ разсматривалъ рѣчные травы и густой хмѣль, который яркими зелеными кудрями висѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ курганы, можетъ быть, могилы татарскихъ наѣздниковъ, подымались, выходили изъ полосатой пашни; еловые, березовыя рощи казались опрокинутыми въ воды, и мрачный цвѣтъ первыхъ пріятно отдѣлялся желтоватой зеленью и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣки есть что-то схожее съ колыбельной пѣснью, съ разсказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домъ, который нѣкогда былъ нашимъ и гдѣ теперь мы должны про-

ль подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится незъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, несомый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины; — онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ назывался между кустовъ и гдѣ дорога, желтая, терялась за кустами; тамъ сѣрая пыль клубилась вслѣдъ за простою кибиткой... «Не къ намъ-ли, подумалъ Вадимъ; но этого не можетъ быть! кому?..» Его тревожилъ колокольчикъ и непонятное предвѣстіе, какъ свинецъ, упало на его душу; онъ побрелъ вдоль рѣкъ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колокольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ?—Тамъ также слышали колокольчикъ—но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого непріятнаго вліянія; Наталья Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, вступилъ къ другому. Они ждали сына въ отпускъ—вѣрно это онъ!..

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны, или лучше сказать, ея не существовали совсѣмъ; родные посылали ходока къ дѣдамъ, посвященнымъ царской службѣ... но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ однажды мать сошлала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ вышла замужъ за другого; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ въ новобрачныхъ въ постель; она моя—говорилъ онъ—и слова его были вѣтеръ гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестомъ и святой водою и выгнали опоздаващаго гостя, и выходя онъ заплакалъ — но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его; — ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, и супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего Юриньки! Мѣсяцъ тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о скоромъ прибытіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко, топотъ, крикъ ямщика, шумъ колесъ... кибитка въѣхала въ ворота... вся дворня столпилась... это онъ... въ военномъ мундирѣ... и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодаль и плакалъ... это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ, такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидаль кибитку, поймалъ нѣкоторые отрывистыя рѣчи... и догадался. Съ досадою смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какіе-то упреки... и потомъ, обратившись въ дому, сказалъ: «такъ точно! слухъ этотъ не лживъ... черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь, и больше; почему они не заплатятъ за долготѣнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья! Для чего *они* любимцы неба, а не я! — О! Создатель! еслибъ ты меня любилъ, какъ сына, — нѣтъ, — какъ пріемыша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... но ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я проявлю твое владычество, въ часъ моей кончины...»

Неподвиженъ стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, все тѣснилось, кричало, смѣялось...

— Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ — воскликнулъ кто-то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

ГЛАВА X.

Смерклося; подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣднюю комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкафы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ, у дверей, на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія, — и больше нежели пустое любопытство понудило ее къ этому. Юрій былъ такъ хорошъ!.. именно таковыя лица нравятся женщинамъ; что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ не былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинныя русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ «матушкой» и которая каждому гвардейскому солдату позволяла цѣловать свою руку... онъ говорилъ объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ

онъ разсказывалъ о городскихъ весельствахъ, о красавицахъ, раз-
раженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя платья.

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее.
«Еслибъ обо мнѣ такъ говорили, еслибъ и на мнѣ блистали
кружева и дорогіе камни... о! я была бы счастливей!» и всякой
18-ти-лѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли бы въ
голову. Наряды необходимы счастью женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не
замѣтилъ ея любопытства: маленькая гордость дышала въ этомъ
опасеніи.

Однако-жъ какъ уйти? Юрій говоритъ такъ пріятно; въ зву-
кахъ его голоса такъ ясно выражались благородныя чувства, что
еслибъ даже невозможно было разобрать словъ его, то — ей ка-
залось... она поняла бы смыслъ разговора!..

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но
имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо,
котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба
должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже
знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ го-
лосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обма-
нуться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому свя-
тому, таинственному влеченію... оно существуетъ, и должно су-
ществовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе
душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно пита-
лось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды че-
ловѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго
сочувствія между народомъ и царемъ? Возьмите Наполеона и его
войско! долго-ли они прожили другъ безъ друга?

О! какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту само-
познанія, сколько жизни невинной, общающей жизни было въ
стѣсненномъ дыханіи этой полной груди, гдѣ билось сердце, общ-
щенное мукамъ и созданное для райскаго блаженства.

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась.

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упала на
губы, скривленныя ужасной, оскорбительной улыбкой; все
крутомъ покрывала темнота—этого было ей довольно, чтобы тот-
часъ узнать брата... на синихъ его губахъ сосредоточилась вся
жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ однѣ были освѣщены.

Онъ приблизился: отъ него вѣяло холодомъ.

— Поздравляю, Ольга...

— Съ чѣмъ?

— Не правда-ли, какъ хороша собою молодой твой господинъ!..

— И твой! обидѣвшись возразила Ольга.

— Ни мало... я добровольно стать слугою... я не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты! о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!

Она вздохнула.

— И эта прекрасная голова упадетъ подъ рукою казни,— продолжалъ попономъ Вадимъ;— эти мягкіе, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не сплывомъ ли ты поторопилась... О, мой отецъ! мой отецъ!.. Скоро настанетъ минута, когда безпокойный духъ твой, плавая надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ,—скоро, скоро...

— Скоро!..

— Я вижу твоё восхищеніе!—холодно возразилъ ей братъ;— скоро!—мы довольно ждали... но за то не напрасно! Богъ потрясаетъ цѣлый народъ для нашего мщенія; я тебѣ расскажу, слушай и благодари: на Дону родился дерзкій безумецъ, который выдаетъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носить бороду, говоритъ какъ мужикъ, обратился къ нему; дворяне гибнутъ; надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздники не праздники! вино безъ крови для нихъ стало слабо... ты дрожишь отъ радости, Ольга.

Она молча поникла головою и удалилась. У нея въ сердцѣ ужъ не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего, хотѣла молиться,—ни одна молитва не предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризною, звукомъ напраснаго раскаянія. «Какой красавецъ сынъ моего злодѣя»,—думала Ольга, и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами; она не могла прогнать другихъ, только покрыла ихъ полусвѣтлой пеленою; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, зато кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремля тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія; и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красотою молодого Палицына и такъ забылся, что не слышалъ какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ: „эй, малый... Вадимъ!“ Опомнясь, онъ взмошелъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Ва-

дымъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

— Какъ тебѣ нравится мой горбачъ, — сказалъ Борисъ Петровичъ, — преуморительный!

— Каждый человѣкъ, батюшка, — отвѣчалъ Юрій, — имѣть недостатки; онъ не виноватъ, что изувѣченъ природой.

— Если ты будешь хорошо мнѣ служить, — продолжалъ онъ, обратясь въ мрачному Вадиму, — то будь увѣренъ въ моей милости... теперь ступай.

— Пошелъ вонъ! — воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогался съ мѣста: онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его; — и зависть возвратилась въ его душу только тогда, какъ онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась, усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безобразную тѣнь; — мучительное чувство... Какъ бѣшенный, онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собою огромнаго волка: — блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножомъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворянскія окружила Вадима; даже господа вышли подивиться его отважности. Наконецъ и онъ насладился минутой торжества! «Ты будешь моимъ стремяннымъ,» — сказалъ Борисъ Петровичъ.

ГЛАВА XI.

Борисъ Петровичъ отправился въ отъѣздное поле съ новымъ своимъ стремяннымъ и большою свитою, состоящею изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно, сбѣшивъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію, въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать-ли за отцемъ? Нѣтъ! онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными; онъ остался дома, бродить по комнатамъ, ищетъ разсѣянія, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что-то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ любимой, тотъ вѣрно пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очарованнаго воздуха, который породнился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ на себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди — этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга! — сказала засмѣявшись молодой Палицынъ; — вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣнью, — и какъ обмануть!..

— Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить какъ тѣнь, то-есть, очень мало... и потомъ...

— Ради Бога, — не мало, любезная Ольга! — я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаетъ, — ради Неба, говори, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!..

— Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ! думайте объ нихъ, это васъ займетъ.

— Думать объ нихъ — и говорить съ тобою, Ольга? это нѣдетъ вмѣстѣ.

— А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? что я видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лекарствомъ отъ скуки; всякое лекарство, со всей своей пользой, очень непріятно.

— Ты не въ духѣ сегодня, — воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть; — ты сердилъ на меня или на матушку... если тебя кто-нибудь обидѣлъ, — скажи мнѣ; клянусь честью, этому человеку худо будетъ.

— Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... оставьте мою руку! Вы хотите забавляться, призовите другихъ, болѣе покорныхъ чѣмъ я, болѣе способныхъ настраивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да сверхъ того я не раба ваша... и такъ...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота, — но умна, прекрасна, — въ моихъ словахъ нѣтъ лести; они идутъ прямо отъ души; чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда-то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжался... я здѣсь одинъ среди получеловѣковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился

мнѣ ангелъ и хочеть, чтобъ я къ нему не приближался, не сморгнѣлъ на него, не внималъ ему? Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приликаясь къ губамъ, засыхаетъ!..

— Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ, я не спорю, все это очень ново для меня... со всѣмъ тѣмъ я прошу васъ оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели, и потому ни мало не расположенную забавлять васъ... повѣрьте слову: гибель вокрутъ меня...

— Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!..

— Вы меня не поняли... я кажусь вамъ странною теперь, быть можетъ, но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы! — съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

— Не сердись! возразилъ Юрій, и улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взявъ въ руки ея длинную темную косу, упавшую на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; онъ взглянулъ на нее пристально, и на этотъ разъ удивительная рѣшимость блистала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

— Перестаньте, сказала Ольга съ важностью, — мнѣ надо быть одной.

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки — помучить; ему не удалось!

— Ты довольна будешь мною, сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе всегда было одно и то же; и еслибъ они читали эти разговоры въ какомъ-нибудь романѣ XIX-го вѣка, то заснули бы отъ скуки, но въ блаженномъ XVIII-мъ и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочеть пробудить погаснувшія силы; этотъ гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человѣчество; оно приблизилось къ кончинѣ своей, пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? зачѣмъ прискакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга, стараніемъ утаить свою любовь, еще болѣе ее обнаруживала; Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ и выученъ привычкою, читать въ ея глазахъ больше, чѣмъ они осмѣливались читать въ собственной душѣ. Она думала о немъ и боялась думать о любви своей; ужась обнималъ сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ ужась Макбета, когда, готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ пира, онъ увидалъ на немъ окровавленную тѣнь Банко... но этотъ ужась не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ; то же самое случилось и съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ нѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти, — но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣпь скуетъ до гроба его существованіе съ участіемъ этой женщины:

Когда не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его, но приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя и благословлялъ свой плѣвъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты. — Пожалѣйте объ немъ.

ГЛАВА XII.

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея притворная холодность все болѣе и болѣе воспламеняли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству, но чаще по недовѣрчивости, свойственной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать уже полного признанья... или получить совершенный отказъ.

Какое ребячество! скажете вы; но въ томъ-то и прелесть любви, она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны какъ игрушки; и, разбиваясь, эти игрушки въ минуту досады доставляютъ не мало удовольствія, особливо когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ вошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не противилась, не отвела глазъ отъ лица своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она всё обдумала, всё... и не нашла спасенія; она безропотно пре-

далась своей участи, задержала будущее чернымъ покрываломъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

— Ольга! сказалъ Юрій невѣрнымъ голосомъ, — я люблю тебя.

— Знаю, отвѣчала она.

— Знаю, знаю! только-то! и я больше отъ тебя не услышу!

— Что же вамъ больше!.. я слушаю... молчу...

— О, разумѣется, этого слишкомъ много! я недостойнъ даже приблизиться къ тебѣ, я-бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто спорить; но развѣ это дастъ право не имѣть сердца?

— Я у Бога ни того, ни другого не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться.

— Какъ легко, сдѣлавъ человека несчастнымъ, сказать ему: будь счастливъ! — Все на свѣтѣ можетъ поправиться!.. Ольга! слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь... О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь, какихъ жертвъ?

— Забыть меня! — воскликнула Ольга съ удивительною твердостью.

— Нѣтъ! никогда... я совершу невозможное, чтобы обладать тобою, — но забыть... нѣтъ власти...

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрылъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обернулся и сказалъ: — Я ошибался, признаюсь въ томъ откровенно — я ошибался... ахъ! Это была минута, но райская минута, это былъ сонъ — но сонъ божественный; о, теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ ложныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра, любовь и счастье... Ольга, прощай — ты меня обманывала — обманъ всегда обманъ; не все-ли равно глаза или языкъ? Чего желала ты? не знаю... можетъ быть... о, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя...

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобы выйти, видая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми кажется стѣны должны бы были рушиться; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести до-

лѣе, вскочила и рыдая упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ под-
нять онъ ее, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выгово-
рить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное,
молодое, любящее со всѣмъ усердіемъ первой любви. Они сѣли,
смотрѣли въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не
говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ,
вихорь, упоеніе неопредѣленное, какое не всякій испыталъ и ни-
кто изъяснить не можетъ; неконченныя рѣчи въ безпорядкѣ от-
рывались отъ ихъ трепещущихъ губъ и каждое слово стоило
поэмы... Само по себѣ незначущее, но одушевленное звукомъ го-
лоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ — каждое слово было цѣлое
блаженство.

— Я любимъ, любимъ, любимъ, говорилъ Юрій;—я буду
повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услы-
шатъ и позавидуютъ...

— Пускай же ангелы—только не люди.

— Отчего же, мой ангелъ?

— Тогда, можетъ быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги...

— Ты прекрасна! что за пустой страхъ? ты моя, моя...

— Не раба! надѣюсь!

— Больше, сокровище!

— О, мой милый... цалуй, цалуй меня... я не хочу быть
сокровищемъ скупого... пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... на-
добно же заплатить судьбѣ... я счастлива! не правда-ли?

— Ты счастлива! позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче...

— Почему же нѣтъ! отдавъ тебѣ душу, могу-ли отказать въ
чемъ-нибудь.

— Эти волосы... прочь ихъ! вотъ такъ! чтобы твои поцалуй
и мои слились въ одинъ.

— Боже, Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!..

ГЛАВА XIII.

— Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ
счастье...

— Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обоимъ,—
отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ
лодка скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣн-
стый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья
горной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба

сидѣли рядомъ и по веслу было въ рукѣ каждаго; студеная влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ и потомъ уступала, составляя быстрые круги, которые постепенно исчезали въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазь, отдѣлялась на синемъ сводѣ и свѣжая роса ужъ падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плователи, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобъ рассердить, испугать свою подругу; она умѣла отомстить за это невинное коварство, непременно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ его усилія дѣлались тщетны и челнокъ останавливался, вертѣлся... Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія, все такъ отзывалось чистотой души, что если бы демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ; она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный кровавый день... и Небо должно было заплатить ей за будущее—въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ; по крайней мѣрѣ хотѣла жить — пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенилъ бы все ея блаженство; гдѣ взять онъ эту власть?

— Будетъ ли вонецъ нашей любви! — сказалъ Юрій, переставъ гребти и положивъ къ ней на плечо голову; нѣтъ, о, нѣтъ! — она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и если бы наши души не были бессмертны, то она сдѣлала бы ихъ бессмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанья—дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, бери же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?

Вмѣсто отвѣта она запѣла въ полголоса слѣдующую пѣсню:

Воеетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ:
Дѣвушка плачетъ —
Милый въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ:
Мѣсяцъ потаснетъ,
Милый измѣнитъ! —

— Прочь эту пѣсню, — воскликнулъ Юрій, — кто тебя ей выучилъ?

— Никто, сама.

— Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?

— Нѣтъ; однако ты слишкомъ общаешься — мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...

— О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца...

— Три мѣсяца! Боже! — Она содрогнулась и сердце обжалося холодою.

— А потомъ, — сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого: Боже! — потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!.. онъ далъ мнѣ жизнь, а ты меня даришь миллиономъ жизней въ каждой улыбкѣ.

— Три мѣсяца, три мѣсяца, и нѣсколько дней, — повторила не слушая Ольга. Ея умъ остановился на этой пагубной, неизмѣнной мысли.

Они причащали къ берегу; ужъ было очень темно; деревянная церковь съ своей странной колокольней рисовалась на полу-свѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и попере-мѣнно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій вѣтельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и поравнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубый голоса.

— Посмотримъ, что такое... шепнула Юрій. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли? — спросилъ первый голосъ.

— На дняхъ; ужъ въ округѣ начинается мутерма; да будетъ ли у васъ готово, — сказалъ другой.

— Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ, и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...

— Ну, пожалуй...

— Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ...

— Не вѣдаю, только будетъ болѣе хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслушалъ.

— Да, Вадимъ былъ у насъ, — сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлеклась за собою Палицина.

— Куда ты? — сказалъ онъ съ удивленіемъ, — что съ тобой?

— Скорѣй, скорѣй! — больше она не могла выговорить.

«Это должны быть воры!» подумалъ Юрій, и пересталъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталя Сергѣвна встрѣтила сына и съ улыбкой намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ? Теперь мужъ ея вѣрно не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она, — молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому стареку такимъ вещамъ придти въ голову. Знаетъ Царь небесный!

— Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка, — сказала она вопедшему сыну: — Борисъ Петровичъ еще долго пропорохтѣетъ... куда я рада, что ты не въ него!..

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣвнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ лѣстилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной — иные нравы!

ГЛАВА XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ видѣнъ издалека и солнце утра золотило ея соломенные крыши прежде нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхать въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ и одинъ волкъ отбилъ; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ, и протяжный крикъ ловчаго, который лишилъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ полграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и беспокойно; собаки, раздѣленные по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на соломѣ и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять востелъ съ кашей, чтобъ нагайками подымать ихъ. День былъ ясень и свѣжъ, сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ

неба и вершины лѣсовъ шумѣли, подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ слуги, расположась подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разные извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ — и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ, къ сожалѣнію, къ большой приверженности; вино, буйство, охота — ихъ единственные занятія не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей, и если между ними и былъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича. «Вздоръ», — сказала онъ, — «какъ это можетъ быть?» — Такая безпечность погубила многихъ нашихъ пращуровъ; они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

— Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, — здѣсь намъ рассказывали, что какой-то удалецъ, котораго казаки величаютъ *Красной шапкой*, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу, ха, ха, ха! — Что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посоветоваться... видно хватъ! — Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванію Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

— Я его знаю, — отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой, — и вы его скоро увидите! — Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что по-неволѣ старый ловчій вздрогнулъ. «Ты чортъ или Гуммель», — сказала Фильдъ, когда въ первый разъ услыхала этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

— Когда?! — воскликнули многіе и между тѣмъ глаза ихъ недоувѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ — и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

Куда? зачѣмъ? — Еслибъ рассказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтеръ-Скотта и терпѣніе его читателей!

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налѣво разстились кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные — и въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытыя мохомъ болота обманчивой

яркой зеленью манили неосторожного путника. Вадимъ ѣхалъ скоро — и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Пролетая, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная песня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... Песня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная,
Кручиннушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья хоть люди
Не хотять къ этой груди
Прижаться,
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена,
Вольность-волюшка ¹⁾,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.

Съ ней нашлись — другіе у меня
Мать, отецъ и семья.
А моя мать — степь широкая,
А мой отецъ — небо далекое,
А братья мои въ гѣсахъ —
Березы да сосны.

Скачу ли я на конѣ —
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой —
Небо свѣтитъ луной;
Мои братья въ жаркій день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ мѣръ необъятное!

Такъ пѣлъ казакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ поводъ и сложа руки; конь привычный не требовалъ понужденія и молодой казакъ на свободѣ предавался мечтаніямъ своимъ; его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце билось такимъ же.

¹⁾ Въ рукописи: „волюща“.

Не пѣсня, но видъ казака сильно подѣйствовалъ на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

— Стой,—сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подѣхавшаго казака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голосъ или взоръ, но казакъ остановился и хотѣлъ ухватиться за саблю.— Не нужно,—продолжалъ Вадимъ;—поѣзжай, скажи Бѣлбородкѣ, что послѣ-завтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не долго прибавить третью... Итакъ, послѣ-завтра... Скажи, что *Красная шапка* ему кланяется. Ступай!

При имени *Красной шапки*, казакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Вадиму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнулъ головой, ударилъ нагайкой лошадь... и ускорилъ.

Надобно имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобъ такъ играть жизнью и смертью... Однимъ словомъ, Вадимъ убилъ семейство! И что же онъ такое? вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной, окровавленной толпѣ! Не самъ-ли онъ создалъ свое могущество? Какая слава, если бы онъ избралъ другое поприще, если бы то, что сдѣлалъ для своей личной мести, если бы это терпѣніе, кроткое терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ... Какая слава, если бы, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... а теперь? имѣя въ виду одну цѣль—смерть трехъ человекъ, изъ коихъ одинъ только виновень, теперь онъ со всѣмъ своимъ гениемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужели онъ родился только для ихъ казни! Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и (были то случай?) непримѣтно подѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свои услуги Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь опять онъ здѣсь, теперь, когда, видя близкій конецъ своего ужаснаго

предпріятія, онъ едва можетъ перенести тягость одной насмѣшки самолюбія—спрашиваю, случай-ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій вой колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатыми коврами;—кто же здѣсь? вѣрно Наталья Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало—одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово—и человѣкъ дѣлается снова демонъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; свѣозъ длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою пылью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упала на нихъ и вечернія мошки жужжали крутомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распуша радужный хвостъ, неподвиженъ какъ новый памятникъ. Не знаю съ какою дѣлю, но эта птица находится почти во всѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищія—прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать... но Вадимъ почувствовалъ неизъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя, подобно червямъ, ползаютъ у ногъ богатства, которыя, безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!... Но люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься; какъ знать? можетъ быть и чувства святѣйшія—одна привычка, и еслибъ зло было также рѣдко, какъ добро и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой!

Вадимъ, сказалъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько грошей, онъ каждому бросалъ по одному—они благодарили на распѣвъ давно затверженными словами и даже не поднимая глазъ, чтобы рассмотреть подателя милостыни... Это равнодушіе напомнило Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ идти далѣе, но востислая рука вдругъ остановила его за плеча. «Постой, постой, кормилецъ»,—пищала хриплый женскій голосъ сзади его. И рука нищенки все вѣрѣе сжимала свою добычу; онъ обернулся—и отвратительное зрѣлище представилось его глазамъ: старушка,

низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ сказать, повисла на немъ; ея засученныя рукава обнажали двѣ руки, похожія на грабли и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гачихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какою-то неизъяснимой нивостью, какою-то гниlostью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили въ сравненіи съ глазами нищенки; вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными каймами: ни рѣсницъ, ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ, тяготящій на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное состояніе! Вадимъ не былъ суевѣръ — но волосы у него встали дыбомъ; онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ чертахъ цѣлую повѣсть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаянье; не мудрено — онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя на высшей степени несчастія такъ умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ всѣ способности, кромѣ первой и послѣдней: жить!

— Ты позабылъ меня, дорогій, позабылъ — дай копѣечку — не для Бога, для чорта... дай копѣечку... или позабылъ меня! Не гордись, что ты холопъ барскій... чай недавно валялся вмѣстѣ.

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ! — кричала въ бѣшенствѣ старуха: — чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черви твой языкъ подточили, чтобы вороны глаза проклевали, чтобы тебѣ ходить — спотыкаться, пить — захлебнуться — горбатый, уродъ, холопъ... проклятъ, проклятъ!...

И снова она уцѣпилась за полу Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничъ на каменное крыльцо; голова ея стукнула, какъ что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ Вадимъ не слышалъ, потому что онъ поспѣшно взмошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣніемъ всенощную. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра, нынче, и они, крестясь и кланяясь въ землю, поталивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина и готовы были растерзать его на мѣстѣ, но еще не смѣли, еще ни одинъ казакъ не привозилъ кровавыхъ приказаній въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самаго влироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокій, вы-

включенный иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ и громажныя паникадила, висящія посреди церкви, бросали сквозь щели задона таинственные лучи на блестящую рѣзбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготящія тѣни; у стѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, еслибъ голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантия и влобуекъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенные на груди крестомъ, подобились тѣмъ жуть востамъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ жались уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали сліяніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унижительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣй, чѣмъ исчислить, и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину передъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, неизъяснимое и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую-нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ пестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ, и озаренные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному живому, вѣчно-движущемуся существу; однимъ словомъ, это была—толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна и къ тому же всѣ мысли его, сосредоточенныя на одинъ предметъ, не отражали впечатлѣній внѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти,

достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ, и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный занавѣсъ.

Направо, между царскими и боковыми дверьми былъ нерукотворенный образъ Спасителя, удивительной величины; позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ и множество свѣчей, разставленныхъ на висячемъ паникадилѣ, кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка, — это была милость у ногъ Спасителя — и надъ ней внизу образа было написано крупными, выпуклыми буквами: *приидите ко мнѣ вси труждающіеся и азъ успокою вы.*

Многіе приближались къ образу, и приложившись послѣ земного поклона, кидали въ кружку жѣдныя деньги, которыя, упавая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. Не мудрено, что завтра, подумалъ Вадимъ, эта богатая женщина будетъ издыхать на висѣлицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на нее дѣтямъ своимъ — и отвернувшись онъ хотѣлъ идти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ — и онъ зналъ эту женщину...

Ея кровь — была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье — не было его счастьемъ, потому что она любила другого, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое неприятие, за искреннее *люблю*, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумирь — свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и со всѣмъ тѣмъ чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью, потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ ей открылъ свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя,

это была ея единственная молитва 1).

Перекрестясь она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣйствительнаго дыханія, и когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемѣна, довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность; это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула, какъ алмазъ, и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобы удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ. Его огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы; каждая жилъ ея сердца вздрогнула, дыханье остановилось:

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяньемъ (все это время дѣячскъ читалъ возлившимъ голосомъ ²⁾) и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа зѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія?)

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: *приидите ко мнѣ вси труждающіеся и азъ успокою вы*. Что дѣлать! онъ вѣрилъ въ Бога—но также и въ дьявола!

И выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру; возлѣ нея стоялъ Юрій, небрежно чертя на песокъ разные узоры своей пшпайгой и она, прислонясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ неизвѣстной мѣлы... можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстаться навсегда. Но разлѣвъ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ и любовь потеряла надежду?..

«Итакъ, она точно его любитъ»,—шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому-то судорожному движенію такъ глубоко вѣзались въ тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ, какъ безумный, посмотрѣлъ на нихъ молча, страхнулъ кровавыя капли на землю и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди ихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

«Какой-то проходящій толкнулъ ее; мы думали, что онъ шутить... она упала, да и окачурилась, чортъ ее зналъ! вольно-жъ было не закричать!» Такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повто-

¹⁾ Выпущено строки двѣ, неудобныхъ для печати.

²⁾ Выпущено три слова.

рали его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что онъ толкнулъ старуху.

— Итакъ, она его любитъ!—бормоталъ онъ сжавъ зубы, садясь на нетерпѣливаго коня.—Итакъ, она его любитъ!

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла приобрести неограниченную власть. Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

ГЛАВА XV.

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-гдѣ показывались казацкія шапки, блистали копы и ружья; часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышавія мятежемъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохоть, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту—подъгулъ Іуды. Что-то ужасное созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемою своеволіемъ, возбужденною новыми пришельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи и раздавалось молитвенное пѣніе.

Своро въ церкви пробѣжалъ зловѣщій попотъ; по-немногу мужики стали изъ нея выбираться, одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные — такъ, потому что сосѣдъ сказалъ: пойдѣмъ, потому что... какъ не посмотрѣть, что тамъ дѣлается?

Народъ, столпившійся предъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный, величественный ревъ, подобный непрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ понялъ бы, что такое народъ: камень, висящій на полуторѣ, который можетъ быть сдвинуть усиліемъ ребенка, но несмотря на то сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсь и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ невѣжественный и нечувствующій себя хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая

всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говорить непристойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета—душа порока и преступленій; теперь настала часть ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь надсмѣхаться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали съ нихъ пятна грязи; это былъ пурпуръ въ своемъ родѣ: чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе; надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданій хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было—обида; одинъ—но смертельный.

Когда служба въ монастырѣ отошла и пріѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ итежной, какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ шкредомъ, и неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подавъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ не болѣе, который, заграждая путь какой-то толстой барынь, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначущій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобы совершенно обнаружить свою ненависть. Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостію своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобы суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря

нѣсколько прежде Натальи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ; чувствуя теплоту дѣвственнаго тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся; онъ обвилъ круглый станъ Ольги одною рукою, а другой отодвинувъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова. Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой засохшей отъ старости ветлы, коей черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходитъ у монастыря, воскликнула Ольга; — моя душа предчувствуетъ... О, Юрій! Юрій! еслибъ ты зналъ, мы гибнемъ... Ты замѣтилъ-ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ церкви, и замѣтилъ-ли эти дикія лица нищихъ, которые радовались и веселились... о, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются.

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери или остаться здѣсь, стоялъ вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его свергнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ съ помощью толстыхъ сучьевъ взобрался почти на самый верхъ.

— Что видишь ты?—спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвался, но рука Юрія какъ-бы машинально впилась въ безчувственное дерево. Наконецъ онъ слѣзъ, молча сѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками. — Что видѣлъ ты, — говорила дѣвушка, — отчего руки твои такъ холодны и лицо такъ влажно? — «Это роса», отвѣчалъ Юрій, отирая холодный потъ съ чела и вставая съ земли.

— Все кончено... напрасно... я безсиленъ противъ этой толпы... она погибла... о, Провидѣніе! — что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій, воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе и Ольга, ухватясь за своего

друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разносимымъ по полю, возрастающимъ съ вѣтромъ; вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались на дорогѣ; они постепенно приближались и вскорѣ подъѣхалъ къ нашимъ странникамъ мужикъ въ пустой телѣгѣ; онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую-то нескладную пѣсню. Поровнявшись съ Юріемъ, онъ приостановилъ свою буланую лошадь. «Что, бояринъ», — сказалъ онъ, насмѣшливо поглаживая рыжую бороду, — «аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то... да еще пѣшечкомъ; сядь-ка доведу!»

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ уздцы. «Что ты, что ты, бояринъ!» закричалъ грубо мужикъ, — «ужъ не впрямы-ли хочешь со мною съѣздить; экъ, всполошился», — продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвиснувъ; добрый конь рванулся... но Юрій, коего силы удвоило отчаяніе, такъ крѣпко вцѣпился въ узду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телѣги сильно ударилося о камень и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ возжи; онъ уже занесъ ногу, чтобъ опять вскочить въ телѣгу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергъ его на землю и сильная рука вырвала возжи... «Разбой!» заревѣлъ мужикъ опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадить ее въ телѣгу, повернуть лошадь и ударить ее изо-всей мочи; она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать: «разбой!» — колесо переѣхало ему черезъ грудь — и онъ замолкъ — вѣроятно — навѣки.

Ужасна была эта ночь; — толпа шумѣла почти до разсвѣта, и кровавые потѣшныя огни встрѣтили первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валялись на полянѣ, иные изъ нихъ ужъ собирались кучами и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черныя пепель показывали мѣста угасшаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три не болѣе... одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но обезображенный, онъ едва походилъ на бранные остатки чело-вѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

ГЛАВА XVI.

Я попрошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ съ своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя ее центромъ своихъ операціонныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачная; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досадуя на то, что его стрелянной, Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка-вдова, солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, и потому вы легко отгадаете, что старый нашъ прелюбодѣй, несмотря на серебристую отбѣнку волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Уже давно лучина была погашена; ужъ пѣтухъ, хлопая крыльями, собирался въ первый разъ пропѣть свою синоватую арію; ужъ кони, сытые по горло, изрѣдка только жевали остатки хрупкаго овса и въ избѣ на полатахъ, рядомъ съ полногрудой хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ непомилуванно; вѣроятно, утомленный трудами дня и (вѣроятноже) упоенный сладкой водочкой и поцѣлуями полногрудой хозяйки, и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, если бы вдругъ, среди глубокой тишины, сильная, невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота, такъ что они затрепали; собаки жалобно залаяли и хозяйка, вздрогнувъ, проснулась, перекрестилась и протирая кулаками опухшіе глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: «Господи, Боже мой! да кто это тамъ! наше мѣсто свято!.. да что это какъ стучать!...» Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую потную грудь, и она, съ досадою высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и плетѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. «Отопри проворнѣе», закричалъ онъ громовымъ голосомъ. — «Экой скорой!» пробормотала солдатка, захлопнувъ окно, — «подождешь, не замерзнешь... не спится видно тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый». Она надѣла шубу, вышла, разбудила работ-

ника и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, браня приѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался во дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

— Батюшка! сказалъ Юрій, котораго вы вѣроятно узнали, примѣтно-измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощупывая предметы, — проснитесь, гдѣ вы! проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти. Послушай, — продолжалъ онъ шопотомъ, обратясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло, — гдѣ мой отецъ? что вы съ нимъ сдѣлали? — «Помилуй, баринъ, что ты, рехнулся што ли... я закричу... да пусти... пусти меня, окаянный... да развѣ не слышишь, какъ онъ на полатахъ-то храпитъ, и задыхаясь, она старалась вырваться изъ рукъ Юрія.

— Что за шумъ! кто тамъ разговаривался! Петрушка, Терешка, Фотья! эй, вы!.. закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая подобно лютому звѣрю.

— Батюшка! — говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину, — сойдите скорѣе... жизнь и смерть... говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человѣкъ? — бормоталъ Борисъ Петровичъ, сползая съ печи.

— Я! вашъ сынъ... Юрій...

— Юрій... что это значить... объясни... зачѣмъ ты здѣсь... и въ это время!..

Онъ въ испугѣ схватилъ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ.

— Батюшка! мы погибли!.. народъ бунтуетъ! да! и у насъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ церкви толпились кучи народа... и нѣкоторыя восклицанія, долетѣвшія до меня, показываютъ, что они ждутъ, если не самого Пугачева... то казаковъ его... спасайтесь!..

— А Наталья Сергѣевна!.. а вещи мои...

— Матушка... не говорите объ ней... она... Спасайтесь! сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала какъ искра на щеку старика и обожгла ее...

— О!.. завопилъ онъ, — кто-бъ могъ подумать, повѣрить! кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ грѣшныхъ! О, Господи! Господи! куда мнѣ дѣваться! всѣ противъ насъ... Богъ и

люди... и кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ судить... кого же? русское дворянство! простой казакъ... Боже мой! святыя отцы!

— Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться,—сказалъ быстро Юрій.

— Нѣтъ! нѣтъ! никого нѣтъ!

— Фотья Агуевъ?

— Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналью!

— Терешка?..

— Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники! антихристы!.. О, спаси меня, сынъ мой!

— Мы погибли!—молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу.—Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!.. Молитесь Ему, если можете.

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣни и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца и унесетъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридевять земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: *я спасу тебя.*

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгарается искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего ему не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ. Есть простая пословица: *Москва горѣла отъ копеечной свѣчки.*

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спать стремянной Палицына и осторожно спустились на дворъ по четыремъ сѣрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо: собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ и изрѣдка лишь фыркали сытые кони или охотникъ произносилъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на соломѣ подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали анбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ, соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, устѣяннымъ капустой, коноплями, рѣдкой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ влады, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посерединѣ, то раздался чей-то голосъ, вѣроятно одного изъ пробудившихся псарей. «Кто тамъ?» спросилъ онъ.—Развѣ не видишь, что хозяйка,—отвѣчала солдатка. Замѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь,

какъ-бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладно-кровно остановилась у воротъ.

— А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ? ска-заль почесывая бока пьяный псарь, и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

— И, батюшка, что я за красавица! съ нашей работы-то не больно разжирѣешь!

— Ужъ не ломайся, знаемъ мы! экая гладкая! У барина видно губа не дура... Экъ ты прижала себѣ стараго чорта... да не бойся! не одобровать ему... высчитаемъ мы ему наши слѣзки... дай срокъ!.. батюшка Пугачевъ ему рыло-то обещеть... пусть себѣ не вѣрить... а ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась и нашъ проворный рыцарь съ-пьяна натенулся на оглоблю телѣги, споткнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ, не знаю, по крайней мѣрѣ не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и сынъ ожидали конца этой непріятной сцены. Наконецъ, они вышли въ огородъ и удвоили шаги; сильно бились сердца ихъ, стѣсненные непонятнымъ предчувствіемъ; они шли удерживая дыханіе, скользя по росистой травѣ, пробираясь между коноплей и вязкихъ градь, зацѣпляя поминутно ногами или за кирпичъ, или за хворостъ; вороньи пугалы казались имъ людьми и каждый разъ, когда полевая крыса кидалась изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали; Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій за шпагу... Но къ счастью всѣ ихъ страхи были напрасны и они благополучно приблизились къ темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одному темному углу, гдѣ находились два сусѣка,—одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломою.

— Полѣзай сюда, баринъ, — сказала солдатка, указывая на второй, — да заройся хорошенько съ головой въ солому и кто бы ни приходилъ, что бы тутъ ни дѣлали... не вылѣзай безъ меня, а я, коли жива буду, тебя не выдамъ, что бы ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу.

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій, вмѣсто того, чтобы слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ: «прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословеніе! можетъ быть, мы больше не увидимся». Онъ повернулся и

быстро пустился назадъ по той-же дорогѣ; взойдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакалъ гумно, махнулъ рукой удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и перескочивъ черезъ ветхій обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ, какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различить мѣрный топотъ скачущаго коня, — онъ постепенно становился тише и тише, и наконецъ совершенно слился съ попутнымъ листвеѣмъ дубравы.

«Куда это въ верченый пустился! — подумала удивленная хозяйка, — видно голова крѣпка на плечахъ, а то, кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на казаковъ, и поминай какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ! больно меня раздумье беретъ!.. спрятала-то я стараго спрятала, а какъ станутъ меня бить да мучить... Ну, ужъ коли на то пошло, такъ берегись, баба!.. не давши слова держись, а давши крѣпись... только-бы онъ самъ не оплошалъ!..»

ГЛАВА XVII.

Въ эту же ночь, богатую событіями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу, но конь, уставъ продира́ться сквозь колючій кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу въ село Палицына.

Задумавшись, ѣхалъ мрачно горбачъ, сложа руки на груди и повѣся голову; его охотничья плеть моталась на передней лѣлкѣ казацкаго сѣдла и добрый степной конь его, горячій, щекошливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ покойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать... Вадимъ опомнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу присѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю.

— Куда торопишься, чему обрадовался, лихой товарищъ? сказалъ Вадимъ; но тебя ждетъ покой и теплое стойло... ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получилъ отъ благихъ небесъ этой чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дивныхъ страданіяхъ... О, еслибъ я могъ вырвать изъ души своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ! — и онъ

наклонясь вырвать изъ земли высокій стебель полыни. — Но нѣтъ! продолжалъ онъ, — одной капли яда довольно, чтобы отравить чашу, полную чистѣйшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ... Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ; невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются; два раза шапка чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка поталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужъ и село... и церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкаютъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжить говоръ по пьяной толпѣ. Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу. Эти огни, эти пѣсни — все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго праздника и даже въ пѣсняхъ часто повторяемые имена «Дидо и Ладо» могли-бы ввести въ это заблужденіе неопытнаго чужестранца.

— Ну, Вадимка! сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной: какъ слышно... скоро-ли нашъ батюшка-то пожалуетъ?..

— Завтра, въ обѣдъ — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

— Ой-ли, подхватилъ другой, такъ стало быть не нонче, а завтра; такъ... такъ! А что, какъ слышно, чай много съ нимъ рати военной... чай казаковъ-то видимо-невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ-то...

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ, забубенная башка, сказалъ третій, покачивая головой; — эо диво серебряный... чай не только кафтанъ, да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подносить станетъ хлѣбъ съ солью? чай все старики...

— Вѣстимо. — Послушай, братъ Вадимъ, продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами, — гдѣ нашъ баринъ-то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить... ужъ я бы его попотчивалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою лѣгъ...

«Нѣтъ, нѣтъ! подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ, — это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія, — кромѣ меня... Онъ мой... я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіи коихъ мысленно я пожиралъ всѣ возможные чувства,

чтобы подѣ конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ—подлые рабы!»

Онѣ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ большой гремучій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ было все тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался, позади небольшого сада, господскій домъ съ многочисленными службами... онѣ былъ тѣмъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу.—Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами... Ему показалось, что онѣ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозъ замокъ двери; онѣ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ...

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подѣ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противъ всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилося, какъ орелъ въ желѣзной клеткѣ, при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, если бы среди зимней ночи ударилъ громъ... Онѣ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: «спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!.. Но къ чему теперь? развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори...» и онѣ задержалъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай, мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ, если бы на этомъ порогѣ было написано судьбою: *смерть*, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Міръ безъ тебя? что такое? храмъ безъ божества... зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ Провидѣніе не достигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть.

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!.. прощай... чрезъ вѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли и слышно было, какъ дверь бани скрипнула,

отворяясь, и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ, перескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающій оврагъ и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее; защелка внутри сорвалась и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ вышелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился; на полу стоялъ фонарь и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ... Ольга!

Убийственная мысль, какъ молнія, озарила умъ бѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ и сжатые губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ Провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленныя стекла слабо озарялъ нижнія части лица бѣдной дѣвушки: ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподнималась, и длинная полуразвита коса упала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ извительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложивъ руки онъ ожидалъ, чтобы она къ нему обернулась, но она осталась въ прежнемъ положеніи, хотя молила прерывающимся голосомъ:

— Чего ты отъ меня еще хочешь?..

— Еще?.. а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?—говори, Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя произнести клятву... ты помнишь... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?..

— О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!

— Ольга! твой отецъ былъ мой отецъ...

— Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ гибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... нѣтъ, ты не братъ мой... Прочь! я ненавижу, презираю тебя!..

— Ненавидѣть, такъ... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня... Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

— Вадимъ!.. ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣтъ смертнымъ холодомъ...

— Нѣтъ, Ольга!.. я останусь здѣсь цѣлую ночь...

— Боже!—прошептала вздрогнувъ несчастная дѣвушка; сердце ея сжалось и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣни.

— Послушай!—сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру и посадивъ ее на лавку. Онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ:—Послушай, было время, когда я думалъ твоей любовью освятить мою душу... были минуты, когда глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня—тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ... какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангелъ, тебя не любить—невозможно... я это знаю... О, да посмотри на меня... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему!.. да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долею твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О, да, это невозможно тебѣ постигнуть... если бы я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ тебѣ на колѣни... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя умирая...

— Проклинай!—отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ, неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донинѣ иногда въ степи заводжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

— Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставляю... это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай—между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ, мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ бичъ небеснаго правосудія. Но... довольно!.. довольно!.. послушай!.. если бы бѣдная собака, изсохшая, полуживая отъ голода и жажды, съ визгомъ

приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя бы былъ кусокъ хлѣба, одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?..

— Сердце—не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...

— А! не въ твоей власти!.. А! но развѣ я это у тебя спрашивала?

— Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала...

— Въ тебѣ нѣтъ жалости!..

— А въ тебѣ есть жалость?

— Такъ ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свѣтѣ...

— А! больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!

— Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ...

— Ошибаешься, — воскликнулъ съ громкимъ хохотомъ горбать, — онъ непременно долженъ умереть... и очень скоро!..

— Я умру вмѣстѣ съ нимъ...

— О, нѣтъ, ты не умрешь... не надѣйся!..

— Я надѣюсь на Бога... онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ себѣ или спасетъ его, несмотря на всю твою злобу...

— Не говори мнѣ про Бога!.. онъ меня не знаетъ; онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву — ему все равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами?.. Ха, ха, ха!.. Ольга, Ольга!.. Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ, ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову... Онъ отвернулся, хотѣлъ повидимому что-то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его, онъ закрылъ лицо руками и выѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе или невольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе...

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытіи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери.

ГЛАВА XVIII.

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ кромѣ для медвѣдей, волковъ и самыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцовъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 году; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя нѣсколько верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уведены въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына. Народъ далъ ей прозваніе «Чортово Логовище», а суевѣрные преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть рѣку и версты двѣ идти болотистой долиной, усѣянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высокимъ камышомъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мховъ обманывала неопытнаго путника и высокій тростникъ скрывалъ ямы и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и спусться съ него поворачивала по кособогу въ густой и мрачный лѣсъ; на опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось простирали огромныя вѣтви, чтобъ заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ латинскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта: «*lasciate ogni speranza voi ch'entrate*». Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ; наконецъ, лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми высокими цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ сѣна, воздвигнутый тру-

долюбіемъ какого-нибудь бѣднаго мужика; грозно-молчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидуя ей свѣжести, будто намѣреваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до «Чортова Логовища», но тропинки уже нѣтъ нигдѣ... и должно идти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія; хотя лѣсъ не такъ высокъ, но колючіе кусты, хмѣль и другія растенія переплетаютъ неразрывною сѣтью корни деревьевъ, такъ что за 3 сажени нельзя почти различить стоящаго человѣка; когда встрѣчаются глубокія ямы, гнѣзда бурю вырванныхъ деревьевъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющемъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, преграждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимой косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ образомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ, непривыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ; тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить крутой и глубокій оврагъ. Его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые, нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездной длинными хвостами; глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые безпечно принялись на новой почвѣ; на днѣ оврага, если подойти къ самому краю и наклониться придерживаясь за надежныя деревья, можно различить небольшой родникъ, но чрезвычайно быстро катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая бѣлѣе пуха лебяжьего останавливается влубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечена стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и рассыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рытвины, и, наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ ужъ въ своей норѣ; но тутъ отерывается маленькая поляна, уставленная нѣсколькими высокими дубами; посерединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ; покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ-нибудь древнихъ татарскихъ князей или набѣдн-

ровъ, но, взойдя въ середину между нихъ, мнѣніе наблюдателя перемѣняется при видѣ отверстій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галлерей; отверстія такъ малы, что едва на колѣняхъ можеть вполнѣ человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и, наконецъ, три человѣка могутъ идти рядомъ безъ труда, не задѣвъ почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ повидимому въ разныя стороны, сначала довольно круто спускаясь внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галлерей, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько сажень она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачивается направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію — она оканчивается обрывомъ или лучше сказать, поворачивается вертикально внизъ: должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобы спрыгнуть туда, — какъ ни говори — двѣ сажени не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искусственныя препятствія; она идетъ назадъ параллельно верхней своей части и въ одной съ нею вертикально плоскости, потомъ склоняется налѣво и попадаетъ въ широкую круглую залу, куда также примыкають двѣ другія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей (niches); посерединѣ одинъ четвероугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть можетъ служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ сихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы, слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, но маленький ключъ, который, выходя изъ отверстія, сдѣланнаго вѣроятно съ намѣреніемъ въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и, наконецъ, скрываясь въ другомъ отверстіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ; немолчный ропотъ безпояранныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсни узника оживляютъ безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ, камни и земля — все поросло мохомъ: при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ нѣры земляныхъ крысъ и другихъ безопасныхъ звѣрцовъ, любителей мрака и неизвѣстности; индѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подлѣзая къ нему, хотя не

осмѣлился проникнуть во внутренность мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то «Чортова Логовище», несмотря на это адское прозваніе, представилось его мысли какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овинѣ, такъ близко отъ спящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, милые слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти! Чувство, равно свойственное человѣку и собакѣ, вообще всѣмъ животнымъ... но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, обнимая все минувшее, была готова, подобно преступнику осужденному испанской инквизиціей, упасть въ колючія объятія мадонны до-лорѣзы (madonna dolorosa), этого искаженного, богохульнаго, страшнаго изображенія святѣйшей святыни... о, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который, въ первый разъ обшаривая пустые карманы, слышитъ за дверями шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, чтó прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти; Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ,—слово *смерть*, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпамятѣлъ, но его спасло именно отдаленіе всякой помощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть! смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ, то грозная, высокая, съ распростертыми руками, какъ висѣлица; то неожиданная, внезапная, какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по влажнымъ его членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга... Наконецъ, Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же?... молитвой!.. но напрасно!.. уста его шептали затверженные слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неутомннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій порохъ въ соломѣ, произведенный торопливостію большой крысы или другого столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастье—женщина: боли полно

бить вдругъ сначала, такъ разлюбить подъ конецъ. Борисъ Птровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подругѣ... волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понималъ молчаніе сына при имени, онъ объяснилъ себѣ его трепеть... въ его памяти проносились картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ; они пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы сорванные вихремъ съ березы, мелькая мимо насъ, обманывая взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ, и упадаютъ; очарованные ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ... и не находимъ ни красокъ, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листы!..

Между тѣмъ, дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу, гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей?.. никого, рѣшительно никого! Онъ плакалъ о бѣшенствѣ! Къ тому же, кто его туда проводить? какъ выйдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалятъ... и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?..

На разсвѣтъ ему послышался лай, топотъ конскій, крики, брань и по временамъ призывный звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса, наконецъ, все утихло; прошло еще полчаса, вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ: «баринъ! баринъ!—вставай.. да отвѣчай же! не спишь-ли ты?»

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледенѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба,—и выльзъ изъ сусѣка.

— Это ты, хозяйка! пролепеталъ онъ невнятно.

— Я, я!.. да не бойсь... они всѣ уѣхали, поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...

— Хозяйка,—прервалъ Палицынъ,—ужь свѣтасть... Послушай... я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто... говорятъ недоброе... да это все равно... ты знаешь «Чортово Логовище?»

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась, посмотрѣла пристально на Палицына.—Охъ, кормилецъ! бѣда, сатанинское это гнѣздо...

— Нѣтъ другого!—возразилъ онъ въ отчаяніи.

— Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то

правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что началъ, то кончу... ужъ мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платье, сѣнь-ка свой балахонъ... а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенецъ, да за то не болтливъ и ужъ противъ материнскаго слова не пойдетъ...

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканные онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился мадой, лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь. Онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо, показывая затылокъ и кивая головой; онъ зѣвалъ безпощадно и только по временамъ отвѣчалъ: «хорошо, мацька!» Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужъ былъ готовъ. «Съ Богомъ!» — прошептала имъ вслѣдъ хозяйка... Они вышли въ поле чрезъ заднія ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень вѣстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ пробирающихся къ грозному «Чортову Логовищу», обоихъ дрожащихъ какъ листъ: одинъ — опасаясь погони, другой — боясь духовъ и привидѣній... оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

ГЛАВА XIX.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, приустановилъ усталую лошадь и поѣхалъ рысью; тысячи предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснилось въ умъ его, но спасти Ольгу или по крайней мѣрѣ погибнуть возлѣ нея было первымъ чувствомъ, господствующею мыслию его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже не заслуживавшая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возрасла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, по узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій; его шпага, ударяясь объ бока лошади, непримѣтно возбуждала ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть молодые нивы — какъ молодой народъ, они волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись — налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими

очами выгмывавалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногій лѣшій. Все молчало кругомъ, иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночного сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ прохожихъ лучше всякаго часового. Но вдругъ Юрій слышалъ другіе звуки: это былъ конскій топотъ, который немовѣрно быстро приближался. Юрій хотѣлъ-было своротить съ дороги, слѣдуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дома на всякій случай, осмотрѣлъ кремьень, взвелъ курокъ и приготовился къ храброму отпору; скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль и, наконецъ, появился всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніе 50-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

— Стой! — закричалъ Юрій, — не приближайся! или я разможжу тебѣ голову. Кто ты таковъ?

— Или ты не узналъ меня, баринъ, — отвѣчалъ хриплый голосъ: — неужели ты хочешь убить вѣрнаго своего раба?

— Какъ? Это ты Федосей? — воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его черты; — но зачѣмъ ты здѣсь? — продолжалъ онъ строго, — мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?.. Говори...

— Эхъ, баринъ, баринъ!.. ты грѣшишь; я видѣлъ, какъ ты приѣзжалъ... и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укоряла... Я все знаю, батюшка... времена тяжкія... да ужъ Федосей тебя не оставитъ; гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ; меня спроситъ на томъ свѣтѣ: служилъ-ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ... а кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать? Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, но я не изъ нихъ; Юрій Борисовичъ... прикажи только отецъ родной... и въ воду и въ огонь кинусь для тебя... ужъ таково дѣло холопское, ты меня поилъ и кормилъ до сей поры... теперь пришла моя очередь... сгину, а господъ не выдамъ...

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Если ты говоришь правду, Федосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою; но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...

— Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ-одинехонекъ...

— Оедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ скрыться... и ѣду. — Юрій призадумался и наконецъ отворотаясь, молвилъ отрывисто—я хочу видѣться съ Ольгой.

«Вотъ что! — подумалъ Оедосей, поглаживая усы, — время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ». — И, баринъ, молвилъ онъ осмѣлившись, — брось ее! что теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ... пожалуй, на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...

— Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... и только тогда буду заботиться объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...

— Плохо, — пробормоталъ Оедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ, ни другой не умѣя или не желая возобновить разговора. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потому что дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потому что всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

— Баринъ, — воскликнулъ вдругъ Оедосей, — посмотри-ка, какись, наши гумна видѣются... Такъ, такъ!.. остановись-ка, баринъ; послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу... я пойду и приведу ее, а ты подожди меня здѣсь у забора съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ петлю добровольно... береженаго Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...

Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ. «Какъ! — думалъ онъ, — и я для нея побкоюсь пожертвовать этой глупой жизнью...» Но скоро, съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и, увы! согласился... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Оедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я! противъ правды словъ нѣтъ. Я уже прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга, онъ былъ чловѣкъ, какъ и другой—просто добрый, умный юноша—что дѣлать?

Когда Оедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой ветлѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю; напрасно онъ думалъ, что холодный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладить кровь, успокоитъ волнующуюся грудь... всѣ призраки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ

несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все далѣе и далѣе, какъ иногда блуждающій огонекъ, обманчивый фонарь какого-нибудь зловреднаго гения, заводитъ путника къ самому краю пропасти...

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ картинъ будущаго, обратилъ ее на прошедшее. Такъ врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянные средства — но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ: «уже-ли ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являются ко мнѣ?» И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ, или сожалѣніе, и онъ могъ, по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разбросанныя, растерянные имъ на дорогѣ жизни, но увы! эти чувства не принесли плода; одни, какъ сѣмена притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потоптаны странниками, инны упали на камень и сгнили отъ дождей бесполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокуримъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчишкой, любимцемъ-баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитанникомъ природы, играющимъ на колынахъ няни, трепещущимъ при словѣ «бука»; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы и какъ невозвратно они погибли.

Но вотъ настала возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдають воспитываться къ старой и богатой бабкѣ. — Анюте, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣщаній — какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! — Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны, какъ таинственны были эти первые свиданія въ темномъ коридорѣ, въ темной бесѣдѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рощѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и подъ конецъ преступные поцѣлуи; какъ разгорались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетянутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ кѣлочатымъ платьемъ, когда уста его впились въ ея грудь, опаленную солнечнымъ зноемъ.

Но ему говорить, что пора служить... онъ спрашиваетъ, за-
тѣмъ! Ему грозно отвѣчаютъ, что 15-ти лѣтъ его отецъ былъ
сержантомъ гвардіи, что ему уже 16-тъ; итакъ... итакъ, зало-
жили бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на
дорогу и большое письмо къ какому-то правнучатному дядюшкѣ...
ударилъ бить, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости воля и роши и
поля, прости счастье, прости Анюта! Садясь въ бричку, Юрій
встрѣтилъ ея глаза, неподвижные, полные слезами; она изъ-за две-
рей долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти,
поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щеки, онъ какъ вихорь
промчался мимо нея, вырвалъ свою руку изъ холодныхъ рукъ
Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... «О,
какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ
смѣло она можетъ теперь презирать меня!» думалъ онъ тогда...
но что же! Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы! она сдѣлалась
дужею толстой бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ
ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратитель-
ными рѣчами... очарованіе разлетѣлось какъ дымъ; настоящее
отравило прелесть минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вооб-
разить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной жен-
щиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ
умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую дѣвочку... и
принесъ эту жертву своему самолюбію, почти безъ всякаго со-
жалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли, по-
бѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ
первое впечатлѣніе... Слава!.. вотъ его кумирь... Война!.. вотъ
его наслажденіе... Походъ въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ
кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ
попирать разрубленные низверженные чалмы поклонниковъ ко-
рана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ
его по плечу и молвитъ: «молодецъ! хватъ! лучше меня!.. По-
милуй Бого!» Суворовъ вѣрно ему скажетъ что-нибудь въ этомъ
родѣ, когда онъ первый валетитъ, сквозь огонь и градъ пуль
турецкихъ, на окровавленный валь и, колеблясь, истекая кровью
отъ глубокой, хотя бездѣльной раны, водрузитъ въ чуждую землю
первое знамя съ двуглавымъ орломъ! О, какія поздравленія, какія
объятія послѣ битвы!..

Но войска перешли черезъ границу русскую, — и пылаютъ села
невѣрныхъ на берегу Дуная, который, подымая берега свои, ши-
рокой зеленой волной катится черезъ дикія поляны... О! какъ
жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный воздухъ, какъ

страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо! Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любопытныхъ и несверомныхъ? Кто она? О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ ¹⁾

Онъ напелъ ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его и онъ поднялъ Зару, — и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ незрима и прекрасна, какъ ангелъ; въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ; ея душа была или чиста и ясна, какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленія, или черна, какъ эти очи, какъ эти волосы, рассыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій, и предался прекрасной мусульманкѣ, предался тѣломъ и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не былъ пресыщенъ подвѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь... Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампада догорала въ углу и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабель, отбитыхъ у врага и живописно развѣшенныхъ надъ ложемъ юноши. Юрій спалъ, но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ ненасытно любилъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ все свое имущество! Въ одно мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя—но турчанка не испугалась, не смутилась... она отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая

¹⁾ Выпущена одна строка.

принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно всё упреки, всё обиды... въ ней точно кипѣла южная кровь!

— Неблагодарная, змѣя!—воскликнулъ Юрій:—говори, развѣ смертью платять у васъ за жизнь? Развѣ на всё мои ласки ты не знала другого отвѣта, какъ ударъ винжала? Боже! Создатель! такая наружность и такая душа! О, если всё Твои ангелы похожи на нее, то какая разниа между адомъ и раемъ? Нѣтъ, Зара! нѣтъ! это не можетъ быть... отвѣчай смѣло: я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! говори, чего ты хочешь?

— Я хочу свободы,—отвѣчала Зара.

— Свободы!... а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ минаретахъ, о своей хижинѣ — но они сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчизной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара!... Божій міръ великъ... найди себѣ домъ, друзей... ты видишь, и безъ моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое, какъ бѣлый туманъ, обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользила по травѣ... вотъ скрылась вдаль за палаткой... вотъ мелькнула и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный, съ мутнымъ взоромъ, безпокойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только-что начинало разгораться и проникать одежду... вдругъ въ одномъ шатрѣ Юрій слышитъ ропотъ поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи; онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорванномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый!... онъ узнаетъ свою Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстителемъ, но злоба, но глубокая печаль проникла въ его душу... онъ много, много плакалъ... хотѣлъ умереть— и не умеръ, рѣшился забыть Зару и... друзья мои,... забыть ее!

Наконецъ кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной—чрезвычайно покойная и умная выдумка!... Не одна 30-лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить одну его улыбку... Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій съ злобною радостью старался ссорить своихъ красавицъ и потомъ, когда онъ замѣчалъ, что одна изъ нихъ

начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходитъ, склонялся къ ней, и съ этой небрежной ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и всѣ ея соперницы блѣднѣли. О! какъ Юрій забавлялся сей тайной, но убійственной войною! Но что ему осталось отъ всего этого? воспоминавія? да, но какія? горькія, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепелъ, сухой, горячій пепелъ! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факель, окропленный водою, съ усиленіемъ и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось въ груди его, какъ агнепокъ подъ ножомъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплести, перерубить, подобно Александру.

ГЛАВА XX.

Федосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и наконецъ спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли; казалось, незримая рука отталивала его отъ низенькой двери и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту онъ оставался неподвиженъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь—и взмошелъ; не переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся—и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить и формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что это или злой духъ или злой человѣкъ. Когда Федосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ; его дикое и грубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такого страданія; на полу сидѣла, или лучше сказать, лежала Ольга, преклонивъ голову на нижнюю ступень полка и поддерживая ее правою рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестройно, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ. Можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коринфсевой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который неумолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызетъ желѣзо, а сердце 18-лѣтней

дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе досады туманить его какъ стекло, каждое прикосновеніе судьбы оставлять на немъ глубокіе слѣды, какъ блѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья. Ручей—это надежда; покуда она свѣтла и жива, то въ нѣсколько мгновеній слѣды изглажены, но если однажды надежда испарилась, вода утекла, то кому нужда до этихъ ничтожныхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоръ, когда взмохъ Ѳедосей. Фонарь съ умирающей своей свѣчкою стоялъ на лавкѣ и дрожащій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленныя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспушенная коса бросала зеленоватую тѣнь на круглое гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой роскошной груди; два мягкіе шара, бѣлые и холодные, какъ снѣгъ, почти совсѣмъ обнаженные, не волновались, какъ прежде: вѣсь мужчины безпрепятственно покоился на нихъ, ни малѣйшая краска не пробѣгала ни на шеѣ, ни на ланитахъ. Женщина, (только) потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ, это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ ней стоялъ уполномоченный посланникъ Юрія; наконецъ онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

— Вставай, вставай—время дорого.

— Ты опять здѣсь!—прошептала она не приподнимая головы.

— Какой чортъ опять! да ты меня не узнала, што-ли? Вставай—время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... не равно безъ меня чтó случится...

— О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... О, Вадимъ, дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатить...

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Ѳедосей — чай меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...

Какъ пробужденная отъ сна вскочила Ольга, не вѣря глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдого ловчаго и наконецъ воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ: — Такъ онъ меня не забылъ! такъ онъ меня любитъ? любить? онъ хочетъ бѣжать со мною, далеко, далеко—и она пры-

гала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника, — и смѣялась и плакала... Нѣтъ, продолжала она, немного успокоившись, — нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили, нѣтъ! Онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ, вездѣ мой; я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня, — нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки...

— Я этого ничего не знаю, прервалъ хладнокровно Федосей, — ужъ вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что намъ пора... если ужъ не повдно...

— Но куда? какъ?

— Ужъ это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?

— Федосей, если ты обманываешь, оборони Боже...

— Что я за басурманъ... да скорѣе... Юрій Борисовичъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ... чай глазыньки проглядѣтъ...

— Я готова...

Федосей, подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отворилъ ее до половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что-то про себя и ужъ готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукой за шею, вытянулся и въ судорогахъ упалъ на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать... не могла... Передъ нею Федосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и грѣбъ ее ногтями, а надъ нимъ съ топоромъ въ рукѣ на самомъ порогѣ стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій: онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Гераклъ, побѣдившій змѣю; улыбка, ядовито-сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе—да, сожалѣніе палача, который не по собственной волѣ, но по повелѣнію высшей власти наносить смертный ударъ.

— Ты видишь! сказалъ наконецъ Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ, — я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на искаженные черты, нѣкогда молодого, свѣтлаго лица... Это онъ!.. тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать, — для кого и ты бы ихъ покинула, еслибъ имѣла... Это онъ! бѣдный, глупый юноша! который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхож-

денемъ, который съ такимъ самодовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мундиръ, который, окруженный лестію, сыпалъ деньги своимъ лъстецамъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія — да! — что же онъ теперь! окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды, — и Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ: — Какъ отвратителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга, я не хочу смѣтать душу этимъ зрѣлищемъ; посмотри, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза... Творецъ небесный!.. кто же все это сдѣлалъ, кто превратилъ прекрасное созданіе Бога въ глыбу грязи? кто напиталъ эти кудри багрянымъ напиткомъ? кто разбрызгалъ по стѣнѣ этотъ бѣлый, чистый мозгъ? кто?.. а, я, я, ха! ха! ха! презрѣнный нищій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ! да! да! неужели это такъ удивительно?.. Я говорилъ тебѣ, Ольга, не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя общанія; ты мнѣ не повѣрила: онъ обѣщалъ тебѣ счастье — мечту, а я обѣщалъ мечь и вѣрную мечь. Ты выбрала первое; ты смѣла подумать, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнуть Богомъ, что онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи... Я твой братъ, Ольга, братъ! господинъ, повелитель, царь твой — насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства — мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣстъ любви твоей... Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала на воздухѣ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ: — Свершилось — первое мое желаніе — онъ палъ, вотъ онъ — убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, грабитель моего перваго блаженства — ненавижу тебя и въ могилѣ и берегись, если мы когда-нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга, — ты ступай, куда кочешь, между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ — живи, умри — мнѣ все равно — прощай сестра! — прощай и ты, бѣдный юноша!»

И Вадимъ, пожавъ плечами, приподнялъ голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо — вздрогнулъ; взглянулъ еще ближе и пристальнѣе — вдругъ закричалъ и отскочилъ какъ бѣшеный — голова, выпущенная изъ

рукъ, ударилась о-землю какъ камень; это было мгновеніе, но въ семь мгновеніи заключалась цѣлая ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ удержаться на ногахъ; блѣдный, страшный, онъ присѣлъ на скамью—и какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ, да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами.

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру, ни на мертвого: Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что, закрывъ лицо руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ казалось понялъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ Провидѣніемъ и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купить побѣду; но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить: и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка? Воля—заключаетъ въ себя всю душу; хотѣть—значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, еслибы волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающіи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытіи Вадимъ, но когда онъ поднималъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры; свѣтлый вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платьемъ убитаго и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой, такъ высоко взвѣвались рыжіе волосы на челѣ его, увлажненномъ густой, полупакшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Ѳедосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнулъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно и розовый блескъ змѣей обрисовывалъ нижнія части большого сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крылами, держащаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отбѣл-

лись предметы на дальнемъ небосклонѣ и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто—а въ груди Вадима такая буря!

ГЛАВА XXI.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ и гибкіе верхи деревъ едва колебались, перешептываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка напѣвали странствующие птицы, изрѣдка вѣщая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто-сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два чловека: мужчина и женщина; ихъ руки были испарананы волочими вѣтвями и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ, молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую отъ росы, обтирала концомъ большого платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, выдалъ разсѣянные взгляды, то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса. По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умъ его; по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза — и если въ это время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, какъ будто бы пораженные яркимъ лучемъ солнца.

— Ты задумчивъ! — сказала она, — но отчего?—опасность прошла; я съ тобою... ничто не противится нашей любви..... ¹⁾ Богъ милостивъ!.. зачѣмъ грустить, Юрій! — Это правда, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но за то, какъ они, свободны—пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы—нашими наставниками; посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ гнѣздахъ...

¹⁾ Слово не разобрано.

— Да, — отвѣчалъ Юрій, — счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои пути иногда для меня мучительны!..

— Развѣ лучше, если я буду плавать!..

— Ольга! ты мой ангелъ утѣшитель! О, если бы ты знала, какія грозныя предчувствія тѣснятся въ душѣ моей! и какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ нагло разливались въ народѣ? — Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? а теперь! русскіе дворяне гибнуть и скрываются въ дѣсахъ отъ простаго казака, подлаго самозванца и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ, которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ, о, змѣи! змѣи! Если бы я зналъ, я бы раздавилъ васъ... и вдругъ, въ одну ночь все погибло... мать, отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... здѣсь ждетъ голодъ, холодъ, жизнь нищаго — а тамъ висѣлица, пытки, позоръ... Боже! что мы сдѣлали? — о, казни меня самъ, но зачѣмъ поручить орудье казни этой грязной, подлой толпѣ рабовъ?

— Юрій! успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царю, ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца, ни матери... При сихъ словахъ, произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею: дѣвственныя груди облились румянцемъ, заволновались, стараясь вырваться изъ-подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прилѣпился къ нимъ, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

— Ты права! — говорилъ онъ, — чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ!.. чего болѣе для меня... я видалъ смерть близко на ратномъ полѣ и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою... Но если надобно умереть, я умру не вздрогнувъ, не простонавъ... клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ сключилъ волюнтерство передъ низкими палачами...

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали и пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ изломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листьяхъ, коими усыяна была земля.

— Пойдемъ по этому слѣду, Ольга, — сказалъ онъ подумавъ немного, — онъ приведетъ насъ куда-нибудь... быть можетъ къ мѣсту спасенія...

— Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голоду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значить, что онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ...

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и забросанные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысканій они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревьями возвышались намъ уже знакомые три кургана.

— Что это значить? — воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіе выходы пещеръ.

— Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари Провидѣніе... мы спасены.

— Но что такое? я не понимаю тебя!

— Я слышала много разсказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ этими курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самыя смѣлые охотники прокрадывались... но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ Юрій, осматривая мѣсто, — если всѣ эти разсказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь... или другой нетостерпимый пустынный.

Подойдя къ одному изъ отверстій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма; онъ всунулъ туда голову — точно! но что это значить? ужъ не занята ли ихъ квартира? — Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула: — Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не медли ни минуты...

— Идти... но куда же? ты забыла, что у насъ кромѣ снято неба и темнаго лѣса нѣтъ ни кровли, ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы? что намъ за дѣло... если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять... если изгнанники, подобно намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... къ тому же въ теперешнія времена злодѣи

и убійцы не боятся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица въ народѣ...

— Но я боюсь, Юрій, — твои убѣжденія ничтожны — я боюсь...

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и устремивъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенокъ! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи въ пещеру, пойдемъ далѣе... это западня... какъ тамъ темно, какъ страшно...

— Послушай... если мы пойдемъ далѣе, то не зная окрестностей, забредемъ Богъ знаетъ куда и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбежно погибъ, — развѣ ты хочешь моей смерти?

— Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?

— Итакъ, пусти меня... или лучше пойдемъ вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ что суждено!

Съ этими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣняхъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоносное оружіе и ощупывая, подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было идти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь; порою дымъ валилъ ему навстрѣчу, и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ; сердце его забилося ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвести какъ можно менѣе шума и готоваясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана!

Когда Юрій взошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четвероугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобы хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казался не обращать на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Кто здѣсь?.. вставай!.. что ты за человѣкъ?.. другъ или недругъ?.. отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался вѣроятно несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь; красные уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли на всѣ стороны.

— Остановись, — сказалъ Юрій, — или я тебя понижу на сѣвозѣ.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: кто ты?

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ: сынъ мой! сынъ мой!

Они упали другъ другу въ объятія; они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и мотаетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волченка, а Борисъ Петровичъ былъ человѣкъ, какъ вамъ это извѣстно, то-есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ натуралисты и философы; эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы грѣшные наши утреннія и вечернія молитвы — сравненіе чрезвычайно справедливое.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо имъ совершенно чуждое, — существо забытое, но прекрасное, нѣжное, — женщина съ огненной душой, съ душой чистой и свѣтлой какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ, сѣвозъ рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ съ помощью бѣдной, но гостепріимной солдатеи, онъ былъ отвѣденъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ: «Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. — Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ пухъ и въ прахъ — это необходимо. Но что мо-

жемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобы посмотрѣть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на висѣлицѣ?... ахъ и проклятіе! кто-бы ожидалъ!..

— Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ наше глупое народѣ!

— Слухи, слухи! а кто имъ вѣрилъ? напасть Божія на насъ грѣшныхъ, да и тольео!.. Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ и не смѣй носа высунуть... сиди, не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня поутру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!.. чай солнце уже закатилось, Юрій? а, Юрій?

Юрій не слышалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висящія на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулася отъ него, не отвѣчала, не шевелилася, какъ восковая кукла; неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею случилось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки: миллионъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ и нервѣдо и лицо и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма — наоборотъ!

— Здравствуй, Оленька, — сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ, — ты въ пору зачванилася, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ имущества...

— Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе, — отвѣчала она отрывисто.

— А развѣ нѣтъ... Охъ... много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ поцѣловались... ты перемѣнилася, поблѣднѣла... а все еще красавица, хоть куда.

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ, но Юрій, покраснѣвъ, схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца; отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Если хотите быть моимъ отцомъ, имѣть во мнѣ покорнаго сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыханіе оставитъ вѣчныя пятна... Вы меня поняли... простите меня... моя кровь кипитъ при одной мысли... я измѣряю слова на аршинъ приличій..

вы согласились на мое предложеніе... въ противномъ случаѣ все, все забыто... уваженіе имѣть границы, а любовь—никакихъ.

ГЛАВА XXII.

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился искать сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду — вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Неудача за неудачей! Досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей въ гѣсъ мимо крестьянскихъ гуменъ; поровнявшись съ ними и случайно поднявъ глаза, онъ видитъ буланую лошадь въ шлеѣ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у подошвы забора, и вдругъ взоръ его упалъ на что-то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ репейниковъ... Точно! это кушакъ!.. точно!.. онъ узналъ, узналъ! это цвѣтной шелковый кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! она бѣжала: это ясно — но съ кѣмъ? съ кѣмъ! развѣ нужно спрашивать? О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія, вся кровь Вадима превращается въ желчь. «Нечего дѣлать!» думалъ горбачъ, скрежеща зубами, — «тебѣ удалось меня поддѣть, ты изъ рука моихъ вырвалъ добычу, ты посмѣялся надъ уродливымъ ничи́мъ,—дерзкій, безумецъ—но будетъ и на нашей улицѣ праздники!» Онъ вскочилъ на лошадь и ударами принудилъ измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе... въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпился народъ въ праздничныхъ кафтанахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30-ти казаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тянули ковшами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмѣльного напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ по четыре и болѣе, держа другъ друга за руку, ходили взадъ и впередъ по улицѣ ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни, а молодые парни, слѣдуя за ними, перешептывались и порою громко отпускали лихія шутки на счетъ дородности и румянца красавицъ; вино и брага примѣтно распоряжали ихъ словами и мыслями; они примѣтно позволяли себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и женщины были примѣтно снисходительнѣй. Но оставимъ буйную молодость и послу-

шаемъ, объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдобродами старшинами? отгадать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали... увы!—къ несчастію казаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія; они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже поднималъ свою толстую плеть надъ головою старосты и его товарищи ужъ произносили слово пытки; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ и вскорѣ возвратились, таща прикащика на арканѣ. Урядникъ, по прозванію Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокий, крѣпкій сложеніемъ, усатый, съ черной бородкой и румянными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на блѣднаго прикащика, который, произнося несвязныя слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

— Что это за птица, Грицко! — сказалъ урядникъ маленькому казаку, — что это за клякуша?.. отчего реветъ, какъ волъ? ужъ не онъ-ли здѣшній господинъ?

— А бисъ его знаетъ! — отвѣчалъ Грицко, — говорить што прикащикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плѣтки толку не добьешься... я его напелъ подъ лавкой въ кухнѣ и насили выкурить головешкой оттуда.

Улыбка показалась на устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ казака прочесть свой приговоръ.

— Такъ ты прикащикъ? — спросилъ Орленко, обращаясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить, и заикнулся.

— Что-жъ ты молчишь, собачій сынъ? я тебѣ этимъ винжаломъ разцѣплю зубы...

— Виноватъ! я прикащикъ...

— А! такъ ты виноватъ! сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться: — въ чемъ же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь! — Онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

— Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! ваше-жъ благородіе! помилуй...

— Ты у меня запираешься!...

— Виноватъ! опять заревѣлъ прикащикъ, — скажитесь... я отъ страху не знаю, что говорю... я прикащикъ... Если бы я зналъ,

гдѣ господѣ, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался на ихъ висѣлицу! я бы самъ ихъ сжегъ на костре, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...

— Будто-бы! точно-ли?

— Да убей меня Богъ! если я бы хоть одинъ волосокъ за нихъ отдалъ, злодѣевъ!

— Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?

— Борода?.. да такъ... а что, родимый?

— Ей, ребята! я замѣчаю, что это плутъ большой руки...

— Ваше превосходительство! сказать прикащикъ привстаѣтъ, съ большою увѣренностью, — извольте спросить у всѣхъ мірянъ: любилъ-ли я господъ своихъ...

— Ей, вы! правду ли онъ говорить?

Мужики переминались, почесывали затылокъ, кашляли.

— Видишь, молчать! сказать насмѣшливо Орленко, — да я подозреваю... ужъ не самъ-ли ты Палицынъ! борода-то мнѣ подозрительна... ей, мужички! какъ вы думаете? ха, ха, ха!

Увы! народъ молчалъ.

Прикащикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ, и не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губы и, не зная что дѣлать, закричалъ: «Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не прикащикъ Матвѣй Соколовъ; развѣ въ первый разъ вы меня видите... что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы каналы — развѣ забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется...»

Лукавые мужики покашливали; наконецъ, одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ: — Пороть-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... теперь-то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... а теперь не хочешь-ли на себѣ примѣрить?

— Что же? ты его признаешь за барина своего? спросилъ Орленко.

— Баринъ-то онъ не совсѣмъ баринъ, — сказалъ мужикъ, — да яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; куда пошь — туда и попова собака!

— Что-жъ я буду съ нимъ дѣлать?

— А что хочешь, кормилецъ! намъ все-равно... какъ присудишь, — заговорило нѣсколько голосовъ.

Прикащикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ: — «Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряной... что я тебѣ сдѣлалъ...

не ужъ-то нашъ батюшка велить губить вѣрныхъ слугъ своихъ...

— А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты! вашей братьею только улицы мостить... Ей, мужички, возьмите его себѣ... я вамъ его дарю на животъ и на смерть... дѣлайте изъ него, что хотите!

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова: «смерть», «висѣлица», отдѣлялись по временамъ отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались, всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести; сколько обидъ припомнилъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею.

Вдругъ толпа раздалась, расхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея, и человѣкъ уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь въ поту, въ изорванной одеждѣ, явился передъ казаками... Когда урядникъ его увидаль, то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знакомому, но Вадимъ, — ибо это былъ онъ, — не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ: «отойдите подальше, мнѣ надо поговорить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами...» Мужики посмотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу и побужденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучку.

Тогда Вадимъ обернулся къ уряднику.

— Здравствуй, Орленко, — сказалъ онъ отрывисто, — звѣра я сослѣдилъ, а поймать ваше дѣло.

— Ужъ ты молодецъ, Красная шапка, знаемъ мы тебя... Съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ-ли однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

— Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю, только съ условіемъ... и чортъ даромъ не трудится...

— Только укажи слѣдъ, — сказалъ улыбаясь Орленко, — а ужъ за наградой дѣло не станетъ; сколько бы денегъ на немъ ни нашли, — вотъ тебѣ крестъ, — десятую долю тебѣ.

— Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ...

— Чего-жъ ты хочешь... крови?..

— Да, крови! — съ дикимъ хохотомъ отвѣчалъ горбачъ.

— Что-жъ, и за этимъ дѣло не станетъ...

— О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертию... а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду? стоять и смотрѣть? Нѣтъ, отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобы я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова, чтобы я насытился его мученіями... одинъ... слышите-ли... одинъ, чтобы ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства... О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка... слышите-ли?

Нѣкоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, на которомъ такъ недавно стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей! Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его тѣлодвиженіями.

— Ахъ ты уродъ,—сказалъ урядникъ;— ну, кто бы ожидалъ отъ тебя такую прыть! ха, ха, ха!

Вадимъ поблѣднѣлъ, бросилъ на казака тотъ взглядъ, который былъ его главнымъ оружіемъ, топнулъ ногою, заскрежеталъ, отвернулся, чтобы не могли прочесть его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Коня! — закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна,—дайте мнѣ коня... я васъ проведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ вся честь и слава... мнѣ же... Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ казаковъ и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ; мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась и слѣдъ простылъ...

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный призраки на удаляющуюся толпу казаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколіемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его или застрѣчь, или уморить голодомъ въ холодномъ анбарѣ; послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому анбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сѣи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобы описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на завалинкахъ и запѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада съ топотомъ, пылью и блеяньемъ, возвращаясь съ паствы, разсыпались по улицѣ и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отстающими овцами и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесетъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

ГЛАВА XXIII.

Вадимъ ѣхалъ передъ казаками по дорогѣ, ведущей въ ту большую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ. Онъ безмолвствовалъ, онъ мечталъ о сестрѣ, о родной кровлѣ... онъ прощался съ этими мечтами—наѣвѣи! Казалось, его задумчивость, какъ облако тѣготѣло надъ веселыми казаками; они также молчали; иногда вырывалось нутливое замѣчаніе, за нимъ появлялись три-четыре улыбки—и только! Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ: «Стой, братцы! Кто это намъ ѣдетъ навстрѣчу, слышите тонотъ... видите пыль, тамъ за изволокомъ... ужъ не наши ли это изъ села Краснаго... то-то я думаю была пожива,—не то, что мы, — чай пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э!.. да посмотрите... вѣдь точно видно они! Ахъ! разбойники... черти ихъ душу возьми... Эвъ сколько телѣгъ за собой везутъ, цѣлый обозъ!»

И точно, толпа, подвигающаяся къ нимъ навстрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала; впереди ѣхало человекъ 50 казаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ сѣдымъ наѣздникомъ на сѣрой борзой лошади; за ними шло человекъ десять мужиковъ съ связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однихъ рубахахъ; потомъ слѣдовало нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ поклажею, виномъ, вещами, деньгами и наконецъ двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, рассмотреть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ казаковъ окружали сіи кибитки. Когда Орленко съ своими казаками приблизился къ нимъ сажень на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, приударилъ коня нагайкой и подсккалъ къ каравану. «Здравствуй, молодецъ,—сказалъ ему сѣдой наѣздникъ съ привѣтливой улыбкой,—откуда и куда путь держишь».

— А мы изъ села Краснова, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлбородѣ... онъ имъ советъ пенъковое озерелье... не будутъ въ другой разъ бунтовать...

— Я отгадавъ, старый, что ты вѣрно въ Красномъ шировалъ... да кажется и теперь не съ пустыми руками...

— Да, нельзя пожаловаться на судьбу... бочки три вина веземъ къ Бѣлбородѣ.

— Къ Бѣлбородѣ! Все ему? А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодецы, кабы вмѣсто того, чѣмъ везти туда, мы его роспили за здоровье родной земли! Что бы вамъ моихъ каза-

ровъ не поподчивать? У нихъ горло засохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся...

Старый обратился къ своимъ и молвилъ: «Ей, ребята, какъ вы думаете? Вѣдь намъ до вечера не добратся къ мѣсту... аль слѣзть привалъ... своихъ обдѣлать не надо... мы попируемъ, отдохнемъ... тамъ что будетъ, то будетъ: утро вечера мудренѣе...»

«Стой!» раздалось по всему каравану.

Стоя! скрипучія колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телѣги, съ завистью слушали рассказы послѣднихъ про богатые добычи и про упрямыхъ господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою собственность; между тѣмъ нѣкоторые отправились къ рощѣ, возлѣ которой пробѣгала небольшой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для привала; вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телѣги и кибитки, и наконецъ остальные казаки, ведя въ поводу лошадей своихъ...

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отысканія невѣрной добычи, особенно имѣя передъ глазами двѣ милостивныя бочки вина, то, подѣхавъ къ Орленѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ: «Итакъ, сегодня нѣтъ надежды!»

— Да, братъ, наврядъ; — да признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужъ я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ, скорѣе сочту волосы въ хвостѣ моего коня.

Вадимъ круто повернулъ въ сторону, отѣхалъ прочь, слѣзъ, привязавъ коня къ толстой березѣ и сѣлъ на землю; прислонясь къ березѣ, сложивъ руки на груди, онъ смотрѣлъ на приготовления казаковъ, на ихъ беззаботную веселость; вдругъ его взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута и онъ увидѣлъ... О, еслибъ вы знали, что онъ увидѣлъ? Во-первыхъ, изъ нея показалась сѣдая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда рождается съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятнана кровью, да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ поплытымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не подвигавъ меча за право собственности... но рокъ из-

мѣннѣ... онъ уже перешагнулъ двѣ ступени къ гибели: сопротивленіе, плѣтъ, — теперь осталась третья — висѣлица!

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматривался въ эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, исчерченные ногтями времени и страданій, старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе удары судьбы не оставили никакого слѣда на члѣ старика; его большіе сѣрые глаза, ослѣненные тяжелыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину, развернутую передъ ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть, ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойнаго всепроникающаго взгляда; но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки, и что-же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольно выбѣжали на сѣдыя рѣсницы и чуть-чуть не упали на поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голова, женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, иссушенный полднемъ, измятый гровою и стопами прохожаго, и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала одна печаль близкой разлуки, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ страсти, святая печаль, попечительное сожалѣніе отца, опасенія балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнаго боярина; первая сидѣла и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на колѣняхъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпа веселыхъ казаковъ посыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... они однако не смѣли подойти къ старику: его строгій, пронзительный взоръ поражалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ казаки разложили у берега рѣчки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатили первую бочку, — началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣгалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, рассказы, все сливалось въ одну нестройную, неполную музыку, но скоро шумъ началъ возрастать, возрастать какъ грозное кресцендо оркестра; хоръ сдѣлался

согласіе, сильнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія буйныя, вольныя! какія разноцвѣтныя группы. Яркое пламя костровъ согласно съ догорающимъ западомъ оваряло картину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

— За здравіе пана Бѣлбородки!—говорилъ одинъ, выпивая разомъ полный ковшикъ,—онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!

— Чортъ его побери!—отвѣчалъ другой покачиваясь:—славный малый! пьетъ, какъ бочка, дерется, какъ звѣрь... и умнѣ монаха.

— Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ нынѣшній день на тѣхъ зарубкой, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!..

— Ахъ, ты хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за анбаромъ, ха, ха, ха!

— А ты, рыжій, гдѣ спрятался, признайся, когда старикъ-то заперся въ свѣтелѣ, да началъ отстрѣливаться?

— Я? а гдѣ бишь... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же, если не я подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна...

— Да это было прежде... ну, а если ты былъ тутъ, то скажи, что сдѣлалъ старый бояринъ, когда нашъ Грицко удалый повалилъ его сына?

— Что? ничего...

— Такъ врешь! онъ положилъ его поперекъ окна и прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятскаго... вотъ повалилъ-то! какъ снакъ! Уже я цѣлилъ, цѣлилъ въ его меньшую дочь... вѣдь разбойница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ, да заряжаетъ ружья... по крайней мѣрѣ двѣ другія лежали безъ памяти у себя на постеляхъ...

— А много вапихъ легло?

— Да человекъ десятокъ есть... за то ужъ мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покروшили, кромѣ господъ... да этимъ суждено умереть немолодецкой смертью...

— Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть...

— Да власти нѣтъ... старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлбородкѣ!

— Эхъ, кабы я былъ старшина...

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заковотали сильнѣе и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

— Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить!—развѣ боитесь своихъ старшихъ? сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха.— «Кто мѣшаетъ заревѣли пьяные казаки,—кто смѣетъ намъ мѣшать! мы дѣлаемъ то, что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми! Убить, да, убить! мы мстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте ребята!» И толпа съ воиринами ринулась къ киботкамъ; несчастный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все понял!..

— Чего вы хотите? сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— А, старый воронъ! старый филинъ!.. мы тебя выучили воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда... Да выходи же... сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ киботки, дочь выпрыгнувъ вслѣдъ за нимъ, уцѣпилась обѣими руками за его платье.— «Не бойся,—шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой,—не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же... онъ отвернулся... О! какъ изобразить выраженіе лица блѣдой дѣвушки! сколько презрѣній, сколько отчаянія!

— Разнимать ихъ! закричалъ одинъ кривой исполинъ, приготавливая петлю,—что они лижутся!

Ихъ хотѣли растащить, но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокою руку. «Перестань,—сказалъ отецъ твердымъ голосомъ,—ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ басурману...» — Не можетъ быть, не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь... «Отчего же дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ! молись...» Она отпрявисто качнула головой—и заплакала... Боже! какія слезы!

Несмотря на это, ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнувъ двухъ казаковъ—прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непорочное тѣло.

— Теперь пойдемте,—сказалъ старикъ. Его глаза заблистали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... ему надѣли на шею петлю, перевинули конецъ веревки черезъ толстый стволъ и—раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взялся къверху; мученикъ сорвался, ударился о-земь и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился воелѣ трупа своей дочери. «Убийцы—прохрипѣлъ онъ,—вотъ вамъ мое проклятіе, пр-

клятье! — Затяни ему горло, — связать Орленко. Это было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика и онъ умолкъ.

Когда казаки захотѣли увѣриться въ его кончину, стали поднимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впились въ нее костяными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно... Они смѣялись!

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ — и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить изотлѣвшая — разорвалось... ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не уладило отлета души твоей рѣзвой, чистой, какъ радужный мотылекъ, невинной, какъ первый вздохъ младенца; грозныя лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака дымныя, багряныя, лиловыя гурьбой собираются на западѣ, свиваются въ столпы огненные, сплещаются въ фантастическіе хороводы, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный, какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ, и разлетѣлись облака, и упадаютъ росой на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты, да ангелъ твой хранитель споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощанья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика такъ же равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физическій опытъ, онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуется душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ — и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка — и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенести никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидеть слезы, раскаяніе Палицына — увидеть его у ногъ своихъ грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха — надежда усадительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала и многіе ужъ спали беззаботно. Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи вьющейся рѣчки и туманную отдаленность; черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложъ руки и утрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

— Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ, сердить, задумчивъ, горбачъ?—сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

— Ты не видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виситъ надъ мѣсяцемъ?—отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ презрительной усмѣшкой.

— Вижу.

— Ну, а какъ ты думаешь, чтó таится въ глубинѣ его?

— Чтó? по-моему, громъ и молнія... вишь какъ насыпилось...

— И ты спрашиваешь, зачѣмъ я утрюмъ и молчаливъ?

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

ГЛАВА XXIV.

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу казаковъ и перенесемся въ знакомую намъ деревеньку, въ избу бѣдной солдатки. Дѣло подходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенные кровли дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокій, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина и по временамъ раздавался рѣзкій грубый голосъ солдатки, коему отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый — и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка была своего сына.

Я бы съ великимъ удовольствіемъ пропустилъ эту неприятную, пошлую сцену, еслибъ она не служила необходимымъ изясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателейъ должную степень любопытства, то не считаю за необходимость долѣе извиняться.

— Ахъ, ты лѣнтяй! чтобъ тебѣ сдохнуть... собачій сынъ! говорила мать, таская за волосы своего дѣтища.

— Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная... не буду!... ревѣлъ длинный балбѣсъ, утирая глаза кулаками. — Я вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мячка, я шелъ... шелъ... да меня лѣпшій и обошелъ... а я усталъ, да и легъ спать въ кусты, мячка... Вотъ когда я проснулся... мнѣ больно ѣсть захотѣлось... я все и съѣлъ...

— Ахъ ты разбойникъ... эвова болвана выпростила... запорю тебя до смерти... И удары снова градомъ посыпались ему на го-

лову.—Ахъ онъ, мой голубчикъ,—продолжала солдатка, — тамъ либо съ голоду померь, либо вышель да попался душегубамъ... а ты нечесаная голова и не подумай объ этомъ... Да знаешь-ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ живого зажарятъ... вотъ родила я какого негодяя на свою голову... ужъ кабы знала, не видать бы твоему отцу отъ меня ни в...а! И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который, прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! по милости негодяя бѣдные изгнанники болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вѣряться въ ихъ души! И въ самомъ дѣлѣ, какъ выдти, гдѣ искать помощи, когда по всѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы?

Между тѣмъ пока солдатка била своего парня, кто-то перелезъ черезъ заставокъ, ощупью пробрался черезъ дворъ, заставленный дровами и колодами и взошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во всѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь — и взошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его блѣдное, исхудавшее лицо: не говоря ни слова, онъ въ изнеможеніи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незваннаго гостя, но вскорѣ, вѣроятно узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участія.

— Что съ тобою, мой кормилецъ? Ахъ Матерь Божія! да какъ ты зашелъ сюда... слава Богу! Я думала, что тебя злодѣй-то давнымъ-давно извели!...

— Случайно я нашелъ батюшку въ Чортовомъ Логовищѣ,—отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ,—ты его спасла! благодарю... я пришелъ за хлѣбомъ...

— Ахъ я проклятая! ахъ я безумная! а вы тамъ, чай, родимые, голодали, голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прошу... А ты, болванъ неотесанный,—закричала она, обратясь къ сыну,—все это по твоей милости... собачій сынъ... И снова удары посыпались на бѣдняка.

— Дай мнѣ чего-нибудь! сказалъ Юрій.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное; она вынула изъ печи хлѣба, поставила передъ нимъ горшокъ снятого молока и онъ съ жадностью кинулся на предлагаемую пищу; въ эту минуту онъ забылъ все: долгъ, любовь, отца, Ольгу, все, что не

касалось до этого благодатнаго молока и хлѣба. Если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30-ти шагахъ, то несчастный еще подумалъ бы: оставить ли этотъ неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодь и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца, — онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоценный часъ востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальніе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду; когда Юрій, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собрался выйти изъ гостепріимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку; она подбѣжала къ окну, всплеснула руками и простодушное загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

— Дѣлать нечего, — сказалъ Юрій, призывая на помощь всю свою твердость, — не правда ли, я погибъ! говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности...

Но хозяйка не отвѣчала; она приподняла половицу возлѣ печи и указала на отверстіе пальцемъ; Юрій понялъ сей выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, устроенный домашней утварью.

— Что бы ты ни слыхалъ, что бы въ изобѣ ни говорили со мной, баринъ, — не выходи отсюда прежде двухъ днѣй, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квась и хлѣбъ, на два дни станеть... и тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печи, какъ-будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ и вошли казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

— Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками? — спросилъ Вадимъ у солдатки, — гдѣ они?

— На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!

— Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.

— И, помилуйте отцы родные, да что имѣ его прятать... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...

— Въ томъ-то и сила, что не твой! подхватилъ Орленко, ударивъ ее плетью, продолжалъ:

— Ну, живо поворачивайся, укажи гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...

— Дѣлайте со мною, что угодно, — сказала хозяйка, повѣсивъ голову, — а я знать не знаю, вотъ вамъ Христось и Святая Богородица! Ищите, батюшки, а коли не найдете, не пеняйте на меня грѣшную.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приставивъ палецъ ко лбу, казался погруженнымъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ-будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя: — Онъ здѣсь, непременно здѣсь...

— Отчего же ты въ томъ увѣренъ? сказалъ Орленко.

— Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь, — я это чувствую... я отдаю вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!..

— Хорошъ подарокъ! замѣтилъ кто-то сзади.

— Но какія доказательства и какъ его найти? спросилъ Орленко.

Грицко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: пытка, она примѣтно поблѣднѣла, но при тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ быть можетъ новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами.

— Пытать, такъ пытать, — подхватили казаки, и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку и перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій полати, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились и съ улыбкою взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

— Что, разбойница, — сказалъ Орленко, — теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?

Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ нагайки.

— Хоть зарѣжьте, не знаю, отвѣчала несчастная женщина.

— Тащи выше! было приказаніе Орленки, и въ двѣ минуты она подыалась отъ земли на аршинъ; глаза ея налились кровью; стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ноги ея

разложили кучку горячихъ угольевъ; отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги и она громко застонала, моля о пощаду.

— Ага! таки-наконецъ разжала зубы, проклятая... не бойся, какъ начнемъ жарить, такъ не только языкъ, сами пятки загораютъ... Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?

— Да, гдѣ онъ? повторилъ горбачъ.

— Охъ, охъ, батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... опустите на землю...

— Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ, охъ, Господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее, сказалъ Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вдохнула свободно, то казакъ повторилъ прежніе вопросы.

— Онъ убѣжалъ!—сказала она,—въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по оврагу... больше, вотъ вамъ Христосъ, я ничего не знаю.

Въ эту минуту два казака ввели въ избу рыжаго, замасленнаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

— Кто ты таковъ? спросилъ Орленко.

— Петруха, отвѣчалъ парень.

— Да, дурачина, кто ты таковъ?

— А почему я знаю... говорятъ, что матчинъ сынъ...

— Хорошо!—сказалъ захохотавъ Орленко, — да гдѣ вы его нашли?

— Зарылся въ солому по уши около анбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы... Вотъ мы его оттуда... да за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодеу съ отмели...

— Послушай, Орленко,—перерывалъ Вадимъ,—мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы—его матери.

Казакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ.

— И то правда. Выведите-ка его на дворъ,—сказалъ Орленко,—а эту чертовку мы запремъ здѣсь.

Услышавъ это, хозяйка вспыхнула; глаза ея засверкали.

— Послушай, Петруха,—закричала она звонкимъ голосомъ,—если скажешь хоть единое словцо, я тебя прокляну, стѣны со двора, заморю, убью!

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса; онъ

не, произведенное въ немъ присутствіемъ столькихъ незнакомыхъ лицъ, еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться; сопроводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздался на дворѣ удары плети, ругательства казаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вскорѣ мысль, что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всѣмъ ея существомъ; она и молилась, и плакала и бѣгала по избѣ, въ нерѣшимости, что ей дѣлать; даже было мгновеніе, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ, сперва утихли крики... потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ казаки выходили одинъ за другимъ за ворота и на улицѣ, собравшись въ кружокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать, содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

ВЪ ОРГАНИЧЕСКОМЪ МІРѢ.

Три публичныя лекціи.

I.

Со времени трактата Чарльза Дарвина «о происхожденіи видовъ» въ наукѣ и въ литературѣ все чаще и чаще стало попадаться выраженіе *борьба за существованіе*. Явленіе, обозначенное этими словами, давно извѣстно и сознано впервые не Дарвиномъ. Каждый естествоиспытатель, который не ограничивался узкими предѣлами своей специальности, имѣлъ о немъ болѣе или менѣе ясное представленіе. Но Дарвинъ указалъ на громадное значеніе борьбы за существованіе въ измѣняемости органическихъ формъ, и этимъ самымъ возвелъ это явленіе на должную высоту.

Каждый организмъ стремится занять всю земную поверхность. Отсюда — непрестанная, ожесточенная и вѣчная борьба организмовъ, въ которой безъ сомнѣнія участвуетъ и человѣкъ. Но такъ какъ каждое изъ живыхъ существъ въ различной степени вооружено способностью приурочиваться къ окружающимъ условіямъ, то въ каждомъ данномъ случаѣ тотъ организмъ остается побѣдителемъ, который вооруженъ указанною способностью лучше и сильнѣе.

Вотъ въ краткихъ словахъ выраженіе явленія, называемаго борьбою за существованіе. Оно опредѣляетъ для организмовъ необходимость измѣняться, сообразно измѣненіямъ, происходящимъ въ окружающихъ условіяхъ, ибо на землѣ все измѣняется, хотя и съ непомерною медлительностью, но непреклоннымъ роковымъ образомъ. Еслибы одни организмы не измѣнялись, то они въ извѣстный моментъ оказались бы окруженными одними только вредоносными силами и погибли бы подобно тѣмъ своеобразнымъ человѣческимъ обществамъ, которыя найдены были европейцами въ Новомъ Свѣтѣ, при его открытіи. Внезапно окруженные условіями новой цивилизаціи, они не имѣли времени измѣниться, приспособиться къ этимъ новымъ условіямъ, и исчезли навсегда.

Такъ по Дарвину. Борьба за существованіе повелѣваетъ измѣняться подъ страхомъ смерти. Необходимость управляетъ міромъ. Такое ученіе, выведенное на основаніи огромнаго числа фактовъ, добытыхъ естествознаніемъ, придаетъ очевидно и первенствующее значеніе самому явленію борьбы. Тѣмъ не менѣе явленіе это занимаетъ второстепенное мѣсто въ дарвинизмѣ; оно есть, правда, одинъ изъ главныхъ столбовъ этого ученія, но потому самому изучается только съ цѣлію развить и укрѣпить теорію, а не само по себѣ. Если нѣкоторые и останавливаются исключительно на его изученіи, то все же они не удаляются отъ того о немъ представленія, которое установлено гениальнымъ англійскимъ естествоиспытателемъ.

Вдумываясь однако же въ сущность дѣла, отрѣшаясь отъ частной идеи объ измѣняемости формъ и жизни организмовъ, мы придемъ къ тому заключенію, что представленіе о такъ-называемой борьбѣ за существованіе подлежитъ великому упрощенію. Съ этой-то точки зрѣнія я и желаю обратить здѣсь вниманіе на избранное мною для моихъ бесѣдъ сложное явленіе. Постараюсь прежде всего установить о немъ точное и опредѣлительное понятіе, съ указанной мною точки зрѣнія.

Быть или не быть—вотъ въ чемъ вопросъ. Борьба происходитъ изъ-за бытія. Въ чемъ же заключается отдѣльность бытія каждой неорганической массы, также какъ и cadaго организма? Наука прочно установила законъ сохраненія вѣчности матеріи и силъ, иначе называемый закономъ вѣчности матеріи и

силѣ ¹⁾. На основаніи этого великаго закона, ни матерія, ни сила не исчезаютъ, онѣ только измѣняютъ форму. Слѣдовательно, отдѣльность бытія заключается только въ формѣ. Все во вселенной остается неколебимымъ, измѣняется только одна форма. Изъ-за формы и происходитъ борьба. Съ этой точки зрѣнія, которая одна допускаетъ однако же правильную постановку вопроса, борьба за существованіе проявляется повсюду въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Солнце, матеріальное средоточіе, управляющее всѣмъ живымъ и мертвымъ нашей системы, стремится притянуть къ себѣ каждую изъ своихъ планетъ. Если бы это произошло, то къ массѣ его присоединилось бы нѣсколько капель той-же самой матеріи, изъ которой оно само состоитъ; форма этихъ капель измѣнилась бы, но ни одинъ атомъ изъ нихъ не исчезъ бы. Вещество ихъ расплавилось бы или превратилось въ пары, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силы, имъ присущія, приняли бы только новыя формы. Но планеты нашей солнечной системы одарены своимъ собственнымъ движеніемъ; оно-то и есть то оружіе, посредствомъ котораго онѣ борются за свое бытіе, за форму свою противъ солнца.

Останавливая вниманіе наше на землѣ, мы и о ней скажемъ, что она находится въ постоянной борьбѣ съ солнцемъ. Земной шаръ одаренъ собственною силою, опредѣляющею его движеніе по прямой, касательной къ его орбитѣ. Но солнце, какъ и всѣ тѣла вселенной, одарено притягательною силою и влечетъ къ себѣ землю, по направленію угловому къ направленію собственной силы земли. Пусть эта сила перестала бы дѣйствовать хоть на одно мгновеніе: земля упала бы на солнце, составила бы съ нимъ одно цѣлое и перестала бы существовать, какъ отдѣльное цѣлое, какъ обособленная форма. Она погибла бы въ борьбѣ за существованіе.

Ядро, пущенное изъ пушки по горизонтальному направленію, стремится впередъ, благодаря приобрѣтенной силѣ, сообщен-

¹⁾ Для большинства образованныхъ читателей, желающихъ познакомиться съ теоріею единства силъ, укажу на слѣдующія два сочиненія: *Соотношеніе силъ*, Гросс, переводъ Заленскаго и Мечникова, съ предисловіемъ проф. Н. Н. Бекетова. Харьковъ, 1864. *L'Unité des forces physiques*, par Secchi, 1869 (русскій переводъ, Павленкова, изданъ въ Вяткѣ). Въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій предметъ развитъ гораздо полнѣе, но необходимо предостеречь читателя касательно того, что говоритъ авторъ о теоріи превращенія видовъ Дарвина. Секки, не будучи специалистомъ, очевидно не познакомился самъ съ твореніемъ Дарвина, а знаетъ его лишь по страннымъ возраженіямъ Флурана.

ной ему внезапнымъ расширеніемъ пороховыхъ газовъ. Эта-то его приобрѣтенная сила соотвѣтствуетъ собственной силѣ земли, о происхожденіи которой мы ничего не знаемъ. По мѣрѣ того, какъ ядро подвигается впередъ, линія его полета изъ прямой превращается въ кривую, потому что на него дѣйствуетъ тяжесть, т.е. притяженіе земли. Оно борется помощью приобрѣтенной силы съ землею и наконецъ падаетъ, побѣжденное. Если бы мы могли придать орудію такіе громадныя размѣры, при которыхъ оно могло бы сообщить ядру силу, равную силѣ притяженія земли, то наше ядро, пущенное изъ такого орудія, при устраненіи остальныхъ препятствующихъ условій, стало бы вращаться вокругъ земли, также какъ сама земля вращается вокругъ солнца. Такимъ образомъ борьба между солнцемъ и землею представляется намъ взаимодѣйствіемъ силъ, результатомъ котораго является въ крайнемъ случаѣ присоединеніе меньшей массы къ большей, меньшей силы къ большей, и притомъ съ превращеніемъ формы матеріи и силы, а иногда даже безъ такого превращенія, но во всякомъ случаѣ съ сохраненіемъ равновѣсія системы. То, что мы называемъ картинно, но не точно, борьбою между землею и солнцемъ, есть не что иное, какъ частное проявленіе закона всеобщаго тяготѣнія.

Планеты нашей системы, подобно землѣ, одарены всѣ своимъ собственнымъ движеніемъ; посредствомъ него борются онѣ съ солнцемъ изъ-за отдѣльности своего бытія, своей формы. Вся наша солнечная система, въ свою очередь, вмѣстѣ со своимъ средоточіемъ, движется неудержимо впередъ, но притяженная болѣе могучимъ солнцемъ, совершаетъ вокругъ него свое движеніе; она вся цѣликомъ находится въ борьбѣ съ этимъ, еще не извѣданнымъ солнцемъ, и т. д. и т. д.

Итакъ, солнечная система и небесныя тѣла, разбѣянные по всей вѣроятности повсюду въ безконечности пространства, представляютъ намъ явленіе борьбы за существованіе, за свои формы, въ самыхъ широкихъ, безконечныхъ размѣрахъ. Но въ то же время эта борьба въ безконечности представляется намъ въ простѣйшемъ, удобопонятномъ видѣ, ибо при настоящемъ состояніи нашего ума и нашихъ познаній, мы можемъ схватывать дѣятельность, происходящую въ космическихъ пространствахъ, лишь въ самыхъ крупнѣйшихъ ея проявленіяхъ, во всей величавой простотѣ общихъ силъ ¹⁾.

¹⁾ Та часть астрономіи, которая называется *физическою* и состоитъ въ изученіи строенія каждаго небеснаго тѣла въ отдѣльности, до сихъ поръ еще была слабо развита. Только со времени недавняго изобрѣтенія спектральнаго анализа можно

По отношенію къ явленіямъ, совершающимся въ космическихъ пространствахъ, мы находимся въ положеніи наблюдателя, обзрѣвающего съ горной вершины страну, разстилающуюся внизу. Теченіе рѣкъ, распредѣленіе лѣсовъ и человѣческихъ жилищъ представляются этому наблюдателю съ полною отчетливостію и ясностью; но пусть онъ спустится въ ту страну, пусть войдетъ въ одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые ему видѣлись узорчатыми пятнами съ вершины, и онъ потеряется. Въ такомъ именно положеніи оказывается естествоиспытатель, спускающійся мысленно на свою землю: все здѣсь, повидимому, спутано, смѣшано и раздроблено, такъ что различеніе дѣятельности общихъ силъ, среди этого кажущагося хаоса, представляется съ перваго раза невозможнымъ. Наука внесла однако же свой анализъ и въ эти туманные предѣлы.

На земной поверхности мы прежде всего нападаемъ на взаимодѣйствіе массъ, не одаренныхъ жизнью. Прежде всего представляется намъ такъ-называемая борьба стихій между собою. Съ одной стороны воды, отъ самаго начала вѣковъ, стремятся размыть, разсѣять, растворить и такимъ образомъ поглотить твердыя вещества нашей планеты. Цѣлый рядъ геологическихъ явленій свидѣлствуетъ объ этой борьбѣ, въ которой побѣдительницею остается то та, то другая стихія. Съ другой стороны, атмосфера своими движеніями, своею способностью проникаться водяными парами, опредѣляетъ безпрестанное вывѣтриваніе каменныхъ породъ, образованіе источниковъ и рѣкъ, общую циркуляцію водъ. Опять картина борьбы между воздушнымъ океаномъ и его дномъ. Еще болѣе поражаютъ насъ явленія постепенныхъ и внезапныхъ подвиговъ цѣлыхъ материковъ и острововъ; расколотые и переброшенные пласты твердыхъ породъ, выступаніе расплавленныхъ или полурасплавленныхъ массъ изъ нѣдръ земныхъ — свидѣтельства о борьбѣ коры нашей планеты съ выполняющими ее массами. Анализъ всѣхъ этихъ явленій принадлежитъ геологii, и если вникнуть въ каждое изъ нихъ, то борьба стихій окажется опять взаимодѣйствіемъ обще-физическихъ силъ, и тутъ

было приступить къ химическому анализу вещества солнца и небесныхъ тѣлъ вообще. Результаты наблюденій, произведенныхъ въ этомъ направленіи до сихъ поръ показали, что космическія тѣла содержатъ въ своемъ химическомъ составѣ тѣ же вещества, которыя имѣются и на землѣ. Всѣ земныя вещества тамъ еще не открыты, но новыхъ никакихъ не найдено. Эти факты, слѣдовательно, не только не подтверждаютъ, но отрицаютъ законъ единства матеріи и силъ. См. *Le Soleil. Exposé des principales découvertes modernes sur la structure de cet astre etc.* par Secchi. 1870.

все сохраняется, исчезать может одна форма. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Обширные солончаки прикаспійскихъ и другихъ странъ состоятъ изъ глины, пронитанной поваренной солью. Соль эта, въ видѣ мелкихъ кристалловъ, мѣстами покрываетъ бѣлымъ налетомъ поверхность почвы или перемежается съ землею. Дождь и снѣга, орошающіе по временамъ тѣ страны, растворяютъ соль. Изъ кристаллическаго состоянія она превращается въ жидкое и увлекается водою въ озера и моря. Въ озерахъ, подъ вліяніемъ жаркаго лѣта, вода опять испаряется и соль снова осаждается мелкими кристаллами. Тутъ имѣемъ мы примѣръ борьбы соляныхъ массъ съ атмосферными водами. Мы можемъ сказать, что соляные кристаллы борются ради сохраненія своей формы съ водою, которая стремится уничтожить эту форму; борьба кончается сначала побѣдою воды, но при содѣйствіи солнца перевѣсъ опять переходитъ на сторону соляныхъ кристалловъ. Борьба сводится здѣсь на взаимодѣйствіе физико-химическихъ силъ кристаллической соли и капельно-жидкой воды. При этомъ то соль, то вода измѣняютъ свою форму, и теплота переходитъ то въ скрытое, то въ свободное состояніе.

Другой примѣръ. Потоки расплавленныхъ минеральныхъ массъ прорвались сквозь щель вулканическаго кратера и стремительно текутъ по его скатамъ. Если принять температуру плавленія лавы въ 1300° Ц. (приблизительно), то большая часть минеральныхъ веществъ, не говоря уже объ органическихъ, сжигаются или расплавляются ею, теряя такимъ образомъ свою форму. Одни только огнеупорныя вещества, напримѣръ, золото, платина, жѣлѣзо, успѣшно борются съ разрушающей лавой. Здѣсь мы имѣемъ еще болѣе наглядное проявленіе взаимодѣйствія силъ.

Анализъ каждаго геологическаго явленія приводитъ насъ постоянно къ одному и тому же общему выводу: перемѣны, происходящія постоянно, но непрерывно на поверхности и въ нѣдрахъ нашей планеты, сводятся къ взаимодѣйствію обще-физическихъ силъ, съ исчезаніемъ и возникновеніемъ новыхъ формъ при превращеніи силъ. Эта-то безпрестанная смѣна одной формы другою и подаетъ постоянно поводъ говорить о борьбѣ среди неорганической природы,—выраженіе иносказательное, которое не должно насъ вводить въ заблужденіе. Притомъ же необходимо имѣть въ виду, что всѣ перемѣны, изучаемыя геологіею, имѣютъ результатомъ равновѣсіе системы, то-есть въ данномъ случаѣ составныхъ элементовъ земного шара. Равновѣсіе это очевидно должно поддерживаться до тѣхъ поръ, пока измѣненіе всей земли (частной

системы) не сдѣляется необходимымъ для поддержанія равновѣсія высшей (общей) солнечной системы.

Послѣ этихъ бѣглыхъ соображеній, предстоитъ мнѣ показать, что и въ мірѣ организмовъ можно и должно сводить сложное явленіе, называемое борьбою за существованіе, къ взаимодѣйствию силъ. Только ставъ на эту точку зрѣнія, думаемъ мы, наука приметъ правильный путь и будетъ дѣйствовать въ смыслѣ гѣхъ идей, которыя заложены въ основаніе великихъ теорій Ламарка и Дарвина.

II.

Въ царствѣ растений мы въ первый разъ встрѣчаемся съ тѣмъ специальнымъ значеніемъ, которое придано борьбѣ за существованіе Дарвиномъ. Мнѣ предстоитъ показать, что этотъ специальный смыслъ обозначаетъ только частный случай того общаго явленія, которое я старался охарактеризовать подъ именемъ взаимодѣйствія силъ.

Ярче всего проявляется борьба растенія съ окружающимъ міромъ при переселеніи его въ новую для него страну. Представимъ себѣ, что сѣмя какого-нибудь европейскаго растенія попало въ Новый Свѣтъ, и, совершенно здоровое и полное, очутилось на благопріятной для него почвѣ и подъ климатомъ подобнымъ климату его далекаго отечества. Вопросъ заключается въ томъ, успѣетъ ли оно благополучно прорости и довести до зрѣлости свои сѣмена, а затѣмъ—успѣютъ ли эти сѣмена дать начало новымъ растеніямъ и такимъ образомъ обезпечить существованіе вида своего на будущія времена среди новой страны? Съ какими, спрашивается, условіями ему предстоитъ бороться? Условія почвы и атмосферы приняты нами тѣ же, что и въ первоначальномъ отечествѣ нашего растенія; но животныя и растенія, среди которыхъ оно вдругъ оказалось, совершенно другія. Если оно подвергнется вдругъ нападенію такихъ насѣкомыхъ, улитокъ или травоядныхъ звѣрей, которыхъ не было въ его отечествѣ, то можно предвидѣть, что оно не выдержитъ этого нападенія, не имѣя приспособленій для защиты себя отъ новыхъ враговъ. Еще опаснѣе будутъ для него сосѣди изъ царства растений. Будучи древними жителями новой для нашего переселенца страны, они, очевидно, гораздо лучше его приспособлены ко всевозможнымъ ея условіямъ, а въ томъ числѣ и къ окружающему ихъ міру организмовъ. Представимъ себѣ хоть таковой случай. Пусть наше растеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя неспособны къ самоопыле-

плю, что оно, подобно многимъ, нуждается для этого въ помощи насекомыхъ. Оно благополучно возросло и распустило свои многочисленные цвѣты, какъ-бы ожидая обычнаго въ его дальнемъ течествіи прилета какой-нибудь бабочки, которая бы перенесла плодотворную пыль его тычинокъ на пестики. Но чуждые цвѣты не привлекаютъ мѣстныхъ бабочекъ къ незнакомцу, и они януть не принося плодовъ. Если оно многолѣтнее, то ему еще дана возможность устоять на будущее время и есть надежда, что бабочки постепенно привыкнутъ къ невиданной формѣ цвѣтовъ. Между тѣмъ сосѣди растенія успѣли заготовить цѣлыя массы сѣмянъ, и на слѣдующій же годъ около пришлеца появилась цѣлая куча молодыхъ ростковъ, которые его тѣснятъ, давятъ и глушатъ, отнимая изъ почвы ту самую пищу, которая нужна для него. Такимъ образомъ, эти растенія опаснѣе для переселенца, тѣмъ всѣ остальные вредоносныя условія, хотя онѣ и не вступаютъ съ нимъ въ прямую непосредственную борьбу. Эта глухая битва состоитъ только въ томъ, что одни организмы лучше другихъ приспособлены ко всевозможнымъ случайностямъ окружающей среды. Такъ двѣ скаковыя лошади, несущіяся рядомъ къ флагу, не подозрѣваютъ, что онѣ борются между собою, а между тѣмъ ихъ къ тому подготавливали всю жизнь, и въ этой борьбѣ одна изъ нихъ рано или поздно погибнетъ.

Представимъ себѣ другой случай. Пусть переселившееся растеніе относится къ такимъ, которыя по своей питательности съ жадностью разыскиваются травоядными животными. Тогда, какъ уже замѣчено, его существованію грозитъ величайшая опасность. При первомъ появленіи его стебля съ листьями, оно почти неминуемо будетъ срѣзано зубами какой-нибудь овцы или вола. Но и тутъ главными врагами являются не травоядныя, а сосѣди-растенія. Такъ какъ онѣ не въ такой степени привлекательны для животныхъ, какъ переселившееся, а главное, такъ какъ онѣ произрастаютъ во множествѣ съ давнихъ поръ, то для нихъ несравненно меньше вѣроятности быть истребленными до тла. Своею тривиальностью и многочисленностью подавляютъ они пришлеца, который выдѣляется между ними своими особенностями и тѣмъ самымъ привлекаетъ пасущихся животныхъ.

Но если мы теперь представимъ себѣ, что и климатъ, и почва не совершенно подходятъ къ климату и почвѣ первоначальнаго отечества переселившагося растенія, то тогда только явится передъ нами во всей полнотѣ та борьба, которую ему приходится выдерживать. Борьба растеній съ обще-физическими условіями проявляется въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ на полярныхъ и гор-

ныхъ предѣлахъ ихъ распространенія. Каждое растеніе стремится разселиться какъ можно дальше по всѣмъ направленіямъ; подвигаясь постепенно къ полюсу, или поднимаясь на горы, оно наконецъ доходитъ до такихъ предѣловъ, на которыхъ климатъ чересчуръ различенъ отъ климата его родины. Тутъ-то начинается самая замѣтная для наблюдателя борьба съ суровостью новыхъ для него зимъ, съ ранними и поздними морозами, съ обиліемъ снѣгопада и пр. и пр... Рѣдко удастся естествоиспытателю сослѣдить побѣду растенія надъ всѣми этими враждебными условіями; но и тутъ, если вникнуть въ дѣло, то окажется, что самыми опасными врагами являются все-таки сосѣди-растенія, окружающія переселенца. Давно уже привычныя къ суровости полярныхъ зимъ и другимъ условіямъ полярной природы, они благополучно растутъ и множатся, тѣснят пришельца, прижавшагося къ мшистой землѣ, запускаютъ сильныя корни въ эту самую почву, глушатъ пришельца и окончательно его изгоняютъ.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, переселившееся растеніе гибнетъ преимущественно отъ того соперничества, въ которое оно вступаетъ по переселеніи съ другими растеніями, лучше его приспособленными къ окружающему міру. Это соперничество и есть та борьба, на которой особенно настаиваетъ дарвинизмъ. Чтобы ее анализировать, мы должны вникнуть въ дѣло съ болѣею подробностью.

Я старался выставить до сихъ поръ характеристическія черты борьбы за существованіе въ царствѣ растений, взявъ въ примѣръ переселившійся въ новую страну растительный организмъ ¹⁾.

¹⁾ Переселеніе растений сѣменами, часто на далекія разстоянія, не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій. Декандоль (*Géographie botanique raisonnée*, T. II. 1835. P. 613—804, и въ моемъ отчетѣ объ этомъ сочиненіи, „Вѣстникъ Географическаго Общества“, XVI и XVII т. 1855) разобралъ этотъ предметъ съ большою точностью и подробностью.

Чрезвычайно любопытный примѣръ переселенія растений представляетъ въ послѣднее время появленіе испанскихъ, алжирскихъ, русскихъ и другихъ растений во Франціи послѣ недавней войны. Во время войны фуражъ для лошадей выписывался часто изъ далекихъ странъ и тамъ, гдѣ долго стояла кавалерія, на экипю, истощанную и уваженную лошадями, падали, напр., съ овсомъ, полученнымъ изъ Россіи, сѣмена русскихъ травъ, совершенно чуждыхъ Франціи; гдѣ сѣно или ячмень были привезены изъ Алжира, тамъ засѣялись алжирскія растенія и т. д. Послѣ войны вдругъ появились мѣстами невѣдомыя растенія и притомъ въ такомъ изобиліи, что они образовали изъ себя особія заросли. Въ одномъ департаментѣ Луары и Шеръ Франше намѣлъ 199 новыхъ для той страны растений, описанъ которыхъ они и представлялъ французскому ботаническому обществу (*Bull. d. la S. B. de France*. T. XIX. *Comptes rendus des séances*. 3. 1872. p. 195 et s.). Франше замѣчаетъ, что число

Въ этомъ видѣ борьба является намъ во всей своей сложности. При взглядѣ на взаимодѣйствіе силъ въ космическихъ пространствахъ и среди неорганическаго міра, можно ни на минуту не упускать изъ вида обще-физическихъ силъ; но здѣсь совершенно иное. Въ борьбѣ, происходящей среди міра растений, бросается въ глаза разомъ и отношеніе этихъ организмовъ къ обще-физическимъ силамъ и отношеніе ихъ къ другимъ организмамъ. Мало того, соотношеніе самихъ организмовъ является здѣсь обстоятельствомъ первой важности, заслоняющимъ собою всѣ остальные.

Прежде всего долженъ я напомнить, что жизнь растенія, какъ и всякаго организма, складывается изъ двухъ главныхъ моментовъ: изъ питанія и полового размноженія. Питается организмъ для своего индивидуальнаго, такъ-сказать, личнаго сохраненія, размножается—для сохраненія своего вида на землѣ. Хотя эти двѣ стороны жизни растенія и немыслимы другъ безъ друга, но мы имѣемъ полное право сказать, разумѣется въ самомъ общемъ смыслѣ, что органы питанія служатъ растенію орудіями борьбы за существованіе его особи, а органы размноженія — орудіями для борьбы за существованіе всего вида. Но такъ какъ послѣдніе совершенно немыслимы безъ первыхъ, а питаніе даннаго растенія вовсе не нуждается въ органахъ размноженія, то вся суть борьбы за существованіе въ растительномъ мірѣ и въ мірѣ организмовъ вообще все-таки заключается въ органахъ питанія. Остановившись на этомъ, мы уже достигаемъ значительнаго упрощенія рассматриваемаго явленія.

этихъ растеній было бы значительно, если бы многія изъ нихъ не погбли прежде-временно подъ заступомъ рабочихъ или подъ зубами скота, который-съ жадностью на нихъ бросался. Замѣчательно также, что нѣкоторыя изъ вновь переселившихся растеній (особенно алжирскія бобовныя) оказались гораздо менѣе прихотливыми къ почвѣ, чѣмъ растенія туземныя. Такъ, напримѣръ, прежнее учебное поле около Буа, совершенная песчаная пустыня, вдругъ превратилось въ настоящее луговое пастбище послѣ двухлѣтняго пребыванія тамъ французскихъ войскъ. Овцы, говорить Франце, скоро открыли этотъ оазисъ, но несмотря на ихъ постоянное тамъ пребываніе, мѣста палатокъ и лошадиныхъ стойнокъ означены чертами зелени.

Примѣромъ растенія, удачно борющагося съ условіями новой страны, служить водная трава *Элодея* (*Eloдея canadensis* Rich. et Mich.). Она очень обильна въ Сѣверной Америкѣ, но въ Европѣ не была извѣстна до 1847 года. Въ этомъ году она найдена въ первый разъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи и Шотландіи. Съ тѣхъ поръ она необыкновенно размножилась, а въ началѣ шестидесятихъ годовъ перешла въ Германію, гдѣ распространялась вѣроятно изъ ботаническихъ садовъ. У насъ она растетъ очень хорошо въ прудахъ и, напримѣръ, въ ботаническомъ саду здѣшняго университета въ небольшомъ прудѣ выдержала зиму подо льдомъ. Такъ какъ каждый кусокъ ея стебля, попавъ въ воду, способенъ разрастаться, то она, вѣроятно, распространится постепенно по всему матеріку Старога Свѣта.

Каждое растеніе представляет примѣръ того вооруженія, въ которомъ является оно для борьбы со стихійными силами ¹⁾; вооруженіе это не что иное, какъ приспособленія къ окружающей средѣ съ цѣлями питанія. Разберите любое дерево нашихъ холмистыхъ странъ: почки его, содержащія побѣги будущаго года, одѣты плотными смолистыми чешуями, выложенными нерѣдко густыми волосами; листья, состоящіе изъ нѣжной ткани, опадаютъ передъ началомъ морозовъ и рубчики, оттого происходящіе, тотчасъ покрываются особою защитительною тканью ²⁾; древесина его, сочная въ теплое время года, теряетъ большую часть влаги къ началу зимы и получаетъ въ этому времени свою наибольшую плотность. Растенія жаркихъ и сухихъ странъ опять такъ приспособлены, чтобы возможно лучше выдерживать продолжительную засуху: онѣ часто снабжены чрезвычайно глубокими корнями ³⁾, или одѣты такими плотными ⁴⁾ покровами, черезъ которые съ трудомъ испаряется ихъ внутренняя влага. Другія быстро вы-

¹⁾ Приспособленія растений къ условіямъ климата и почвы особенно подробно разобраны въ известномъ сочиненіи Гризебаха: *Die Vegetation der Erde nach ihrer klimatischen Anordnung*. Leipzig. 1872. 2 B. (Первая часть, подъ именемъ *Растительность земного шара*, вышла на русскомъ языкѣ въ переводѣ, сдѣланномъ мною). Очень важны по этому поводу также и изслѣдованія Декандоля въ сочиненіи выше названномъ. Касательно приспособленій растений къ міру животныхъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе на сочиненія Дарвина („О происхожденіи видовъ“, въ переводѣ Рачинскаго и пр.), Дельпина и Гильдебранда. Въ только что вышедшемъ сочиненіи Германа Мюллера: *Die Befruchtung der Blumen durch Insekten und die gegenseitigen Anpassungen beider*, Leipzig. 1873 — собрано все, что относится до приспособленій цвѣтовъ къ оплодотворенію посредствомъ насѣкомыхъ.

²⁾ Мюль первый основательно изслѣдовалъ механизмъ отпаденія листьевъ осенью. Онъ доказалъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ листь отваливается, образуется внутри роль пробковой ткани, въ которой исчезаетъ сокъ и остается одинъ воздухъ. По направленію слоя этой-то ткани и происходитъ отдѣленіе листа отъ вѣтви.

³⁾ Такъ, напримѣръ, глубокимъ корнемъ снабжена виноградная лоза. Поэтому она покрыта зеленью въ такое время, когда всѣ остальные растенія стоятъ или безъ листьевъ, или покрыты отъ засухи вѣтвями, усохшими листьями.

⁴⁾ Кактусы представляютъ лучший примѣръ растений, сохраняющихъ обильную влагу, несмотря на продолжительную засуху, благодаря плотной кожницѣ, ихъ одѣвающей. Такъ Гумбольдтъ, въ своихъ „Картинахъ природы“, описывая южно-американскіе льянос, говоритъ, что когда засуха истребитъ всѣ травы и высушитъ всѣ воды, кактусы (мелокатусы) сохраняютъ внутри себя освѣжительную мякоть. Пастухи въ тѣхъ странахъ животныхъ (именно лошаки) пользуются этимъ мякотью для утоленія своей жажды.

Изъ садовой практики хорошо извѣстно, что куски кактусовъ могутъ лежать на солнцѣ цѣлыя мѣсяцы не засохнувъ и не потерявъ способности разрастаться при посадкѣ ихъ въ землю.

пускаютъ изъ подземныхъ, глубоко скрытыхъ частей скоропреходящія весенніе побѣги, которые развиваются, цвѣтутъ и приносятъ плоды до наступленія засухи, а между тѣмъ готовятъ подъ землею новыя части, полныя питательнаго вещества; части эти (луковицы, клубни, толстыя корневища) остаются недвижимыми во все время засухи, а съ наступленіемъ сырости снова трогаются ¹⁾. Словомъ сказать, жизнь и строеніе растений представляетъ огромный интересъ съ точки зрѣнія ихъ приспособленій къ окружающимъ ихъ обще-физическимъ условіямъ. Я еще не упоминаю о тѣхъ многочисленныхъ оборонительныхъ средствахъ, которыми надѣлены растенія противъ нападенія животныхъ ²⁾.

¹⁾ Въ странахъ съ бездожднымъ лѣтомъ, каковы, напримѣръ, страны при Средиземномъ морѣ, частію наши южныя и юговосточныя степи, Закавказье и пр., много растений, цвѣтущихъ въ концѣ осени, даже зимою и въ самомъ началѣ зимы. Вся эта флора прохладнаго и суроваго времени года состоитъ изъ растений, снабженныхъ подземными частями, наполненными обильнымъ крахмаломъ или другими запасными питательными веществами. Такъ, напримѣръ, жители нашихъ степей хорошо извѣстны тѣ миллионы разнообразныхъ тюльпановъ, которые распускаются тотчасъ послѣ схода снѣговъ. Многія изъ этихъ растений прежде всего выпускаютъ цвѣты, часто чрезвычайно гнѣзные и красивые (нафраны, подснѣжки и пр.), а ужъ затѣмъ вырастаютъ ихъ листья, которые черпаютъ воздушную пищу и переводятъ ее въ глубокое скрытое подземное закладъ.

²⁾ Тѣ самые кактусы, о которыхъ было сказано выше, сильно защищены отъ нападенія животныхъ обильными колючками. Лошаки, вскрывающіе ихъ копытами, верѣяко получаютъ раны, отъ которыхъ они долго не могутъ излечиться. Еще опаснѣе огромныя колючки, которыми усажены, напримѣръ, стволы, листья и даже цвѣточныя обертки многихъ пальмъ. Такъ саговая пальма, содержащая внутри себя много нѣжнаго крахмала, идущаго на приготовленіе *саго*, защищена въ молодости длинными и острыми шипами, превосходно предохраняющими ее отъ кабановъ, живущихъ тамъ же, гдѣ растетъ эта пальма. Когда пальма вырастетъ и наружная древесина ея окрѣпнетъ, тогда опадаютъ и шипы. О знаменитой пальмѣ Пальмиръ, по словамъ Зеемана, существуетъ на тамильскомъ нарѣчій слѣдующая поговорка: „Увидѣвъ я змѣю; уложилъ же меня листъ пальмиры“. Колючій кустарникъ, названный русскими на Кавказѣ Держи-деревомъ (*Polygala aculeatus*), усаженъ по всей длинѣ и ширинѣ острыми колючками длиною вершка въ полтора. Отъ растеть густо на сухихъ холмахъ и горныхъ отлогостяхъ и сквозь него пробраться почти невозможно, не оставивъ часть своего платья. Я видѣлъ летучую мышь, понававшую на одну изъ колючекъ этого кустарника и влѣзшую на ней безъ жизни.

Но, кромя шиповъ и колючекъ, растенія имѣютъ и другого рода оборону противъ животныхъ. Особенно замѣчательны необыкновенно прочныя скорлупы нѣкоторыхъ плодовъ или сѣмянъ. Такъ одна трава, извѣстная у насъ подъ названіемъ *соробынаго сѣмени* (*Lithospermum argense* L.), имѣетъ плодъ съ известковою каменистою скорлупою; всѣмъ извѣстны также прочныя косточки персиковъ, сливъ, боярышниковъ, которыя, будучи даже проглочены птицами, остаются совершенно удобными для проростанія и даже прорастаютъ скорѣе, если побывали въ желудкѣ и кишкахъ птицы, такъ какъ оболочка ихъ размягчается.

Съ другой стороны, многочисленность плодовъ и сѣмянъ, громадное изліиство цвѣтовъ и плодотворной пыли, безчисленныя приспособленія для облегченія оплодотворенія, для удобства перенесенія плодовъ или сѣмянъ — вотъ оружія, которыми надѣлены съ избыткомъ растенія на защиту своего вида. Гибель безчисленныхъ зародышей, изъ числа ежегодно появляющихся, какъ бы ни была значительна, не въ состояніи нарушить общаго числового равновѣсія ¹⁾.

Но не въ этомъ заключается послѣднее, самое сложное проявленіе борьбы въ мірѣ растеній; проявленіе, которое, повидимому, одно только признается нѣкоторыми за настоящую борьбу за существованіе. Слѣдящій за моимъ изложеніемъ уже понялъ, что это послѣднее проявленіе состоитъ въ антагонизмѣ самихъ растеній между собою.

Такъ, сосновые и еловые лѣса сѣвера исключаютъ всякую другую растительность кромѣ грибовъ, лишайниковъ да микроскопическихъ водорослей. Еще въ началѣ, пока лѣсъ молодъ и рѣдокъ, пока густые шатры деревьевъ не успѣли сомкнуться, находимъ мы межъ его стволами цѣлыя зарости брусничниковъ, грушевокъ, ландышей и другихъ лѣсныхъ травъ, кое-гдѣ попадаетъ въ немъ жидкая березка или рябинка; но въ старомъ хвойномъ лѣсѣ земля вовсе обнажена, она словно утоптана и покрыта скользкимъ слоемъ опавшихъ иголъ. Съ другой стороны, въ нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ видимъ мы преобладаніе травъ, мѣстами даже преобладаніе какого-нибудь одного вида, напримѣръ, ковыля. Но пусть только физическія условія мѣстности измѣнятся, и передъ нами совершится вытѣсненіе сосны и ели другими деревьями, вытѣсненіе ковыля — другими травами, или даже кустарниками. Если сосна и ель будутъ

¹⁾ Нѣкоторые ботаники считали цвѣты пальмъ, у которыхъ соцвѣтія бываютъ рѣдко огромныхъ размѣровъ. На одной саговой пальмѣ насчитано было 624,000 цвѣтѣвъ, въ одномъ финиковомъ початкѣ 12,000 цвѣтовъ; у другой пальмы (*Attalea amygdalina*) насчитано 207,000 цвѣтовъ въ одномъ соцвѣтіи. Но это ничто по сравненію съ объемомъ цвѣтовъ и плодовъ нашихъ березъ, ветель, ольхъ и пр. Въ каждой березовой сережкѣ заключается по меньшей мѣрѣ 500 плодиковъ, а число сережекъ на 50-ти или 60-ти-лѣтнемъ березовомъ деревѣ не меньше 10,000. Такимъ образомъ одна единственная берева производитъ 5 миллионовъ плодовъ.

Крючковатія прищипки, легкіе волосатые хохолки, липкость оболочекъ плодовъ или сѣмянъ служатъ превосходными средствами для перенесенія сѣмянъ и плодовъ. Все это изучено Декандолемъ по отношенію къ переселеніямъ растеній, а теперь изслѣдуется съ особою подробностью, благодаря значенію, которое получила каждая малѣйшая подробность организаціи растеній послѣ творенія Дарвина.

истреблены пожаромъ, то можно почти навѣрное сказать, что онѣ не скоро воротятся на прежнее мѣсто. Обгорѣлые пни ихъ заростутъ высокими травами, кустами, а затѣмъ явится осина или береза. Дѣло въ томъ, что почва, долго истощаемая хвойнымъ лѣсомъ, стала благоприятнѣе для чернолѣся, чѣмъ для краснаго лѣса, и красный лѣсъ не въ силахъ бороться съ осиною, которая прежде допускалась только на его опушку. Если бы часть лѣсной почвы стала по какой-нибудь причинѣ сырѣть и превращаться въ болото, то мы увидѣли бы, какъ это бываетъ подъ Петербургомъ, вытѣсненіе деревьевъ стелящимся нѣжнымъ мхомъ болотнымъ.

Въ степяхъ ковыль исчезаетъ лишь только распахутъ поле, и не потому, что она истреблена плугомъ и бороною, а потому, что разрыхленная почва благоприятна для сотни травъ, растущихъ быстрѣе и сильнѣе ковыля. Но если пашню оставить въ залежь, то мало-по-малу ковыль начинаетъ опять появляться и скоро опять вытѣснитъ поселившіеся на его мѣстѣ травы, такъ какъ почва для нихъ снова сдѣлалась менѣе благоприятною, чѣмъ для ковыля.

Продолжая дагѣе вникать въ соотношенія растений между собою, дарвинизмъ находитъ, что борьба между растениями тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе стоятъ они другъ къ другу по своей организаціи, такъ что особи даннаго вида находятся въ самой сильной борьбѣ между собою. Требуя для своего существованія одинаковыхъ жизненныхъ условий, они вредятъ другъ другу тѣмъ уже, что существуютъ совместно. Такъ всѣ сосны какого-нибудь лѣса находятся между собою въ непрестанной, самой ожесточенной борьбѣ изъ-за пищи. Каждое дерево, вытягивая изъ земли воду съ тѣми самыми питательными веществами, которые нужны его сосѣдямъ, тѣмъ самымъ мѣшаетъ ихъ полному питанію. Сѣмена, падающія ежегодно милліонами на почву лѣса, проростають, укореняются, тянутъ опять ту же пищу и вступаютъ въ ряды борющихся. Результатомъ таковой борьбы прежде всего является угнетеніе многихъ деревьевъ и ежегодная гибель огромнаго числа молодыхъ. Наконецъ, почва, истощенная вѣковымъ пребываніемъ на ней лѣса, не даетъ уже нужной пищи, — древнія деревья начинаютъ гибнуть, боръ начинаетъ рѣдѣть, но на мѣсто его появляются другія деревья, требующія изъ почвы другихъ веществъ, и сосна или ель замѣняются букомъ, дубомъ, осиною и другими, смотря по странамъ¹⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что одни лѣсные деревья болѣе или менѣе извѣстны каждому,

Слѣдую той же логикѣ, мы придемъ къ тому заключенію, что каждое растеніе само по себѣ представляетъ картину ожесточенной борьбы за существованіе. Дѣйствительно, дерево, кустарникъ, или многолѣтняя трава справедливо считаются за колонію особыхъ существъ, соединенныхъ между собою общимъ стволомъ. Каждый побѣгъ есть особь, которая можетъ быть отдѣлена и дать начало новому растенію. Всѣ они получаютъ однакоже пищу чрезъ общій стволъ и каждый, получая свою долю, этимъ самымъ лишаетъ всѣ остальные нѣкоторой доли питательнаго вещества. Если дерево равномѣрно освѣщено со всѣхъ сторонъ, если корни его, простираясь въ землѣ, находятъ повсюду одинаковое количество воды и пищи, то все кажется находится въ равновѣсіи и незамѣтно той глухой борьбы, которая ведется между составляющими его побѣгами. Но если условія освѣщенія, притока воздуха или пищи распределены не совершенно ровно, то и борьба проявится во всей силѣ. Лучше освѣщенные побѣги растутъ сильнѣе остальныхъ, сильнѣе тянутъ къ себѣ воду съ питательными веществами и чрезмѣрно увеличиваются на счетъ менѣе освѣщенныхъ побѣговъ, которые оттого чахнутъ и даже иногда вовсе засыхаютъ и отваливаются, оставляя на стволѣ опасныя для него впадины, грозящія превратиться въ дупла. Пусть насѣкомое хоть слегка повредитъ одну изъ почекъ, и она начнетъ чахнуть: сосѣднія тотчасъ этимъ воспользуются и заберутъ въ себя питательный сокъ, направлявшійся къ чахлой почкѣ, способствуя тѣмъ къ ея окончательной гибели.

Такимъ образомъ мы видимъ въ мірѣ растеній постоянный антагонизмъ, постоянную, неумолимую битву, которая, правда, ведетъ къ выработкѣ болѣе сложныхъ формъ, какъ то доказываетъ дарвинизмъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчаемся мы повсюду съ этой нескончаемой борьбой за существованіе. Взглянемъ однако же еще разъ на разныя степени этой борьбы и попробуемъ ихъ свести къ болѣе простымъ началамъ.

Борьба между частями одного и того же дерева напоминаетъ намъ борьбу желудка съ остальными частями человѣческаго тѣла. Побѣги дерева находятся, собственно говоря, между собою въ такомъ же противодѣйствіи, въ такой же борьбѣ, въ какой находятся между собою обѣ чапки вѣсовъ: уничтожьте одну изъ чашекъ, и другая останется побѣдительницею, но только вѣсы теряютъ свое

живущему въ лѣсной сторонѣ. Но на этотъ счетъ существуютъ теперь нѣкоторые точныя изслѣдованія. Результаты этихъ точныхъ изслѣдованій можно найти въ сочиненіяхъ Декандоля и Гризебаха, названныхъ выше.

значение, они не будут болѣе вѣсами. Побѣгъ, разрастающійся сильнѣе другихъ и въ ущербъ другимъ, вредитъ всему дереву, и если онъ чрезмѣрно разрастется, то можетъ опредѣлить гибель всего сложнаго организма. Такимъ образомъ разоблачается парадоксальность этой борьбы побѣговъ одного и того же растенія между собою, — здѣсь очевидно антагонизмъ имѣеть результатомъ сохраненіе равновѣсія, а не гибель той или другой части.

Борьба между деревьями одного и того же лѣса или между травами одного и того же поля, напоминаетъ пожирающихъ другъ друга мореплавателей, потерпѣвшихъ крушеніе и носимыхъ вѣтромъ по океану на тѣсномъ плотѣ, безъ пищи и прѣсной воды. Она сводится къ элементарному закону матеріальной природы, по которому одно и то же пространство не можетъ быть одновременно занято двумя тѣлами. Земля наша есть утлый плотъ, а космическія пространства представляютъ безконечный океанъ, среди котораго она носится; но только плотъ не способенъ производить, какъ земля, органической матеріи. Сходство заключается однакоже въ слѣдующемъ. Пространство на земной поверхности ограничено, а число организмовъ въ этомъ пространствѣ не можетъ быть безконечно. Между тѣмъ число растительныхъ и животныхъ зародышей, ежегодно появляющихся, такъ громадно, что на каждую точку земли приходится ихъ по нѣскольку. Отсюда очевидно источникъ постоянной борьбы и гибели организмовъ. Регуляторомъ и предѣломъ этой борьбы и тутъ является равновѣсіе, что, безъ сомнѣнія, ясно само собою; ибо, если на одномъ пунктѣ земной поверхности сосна вытѣсняется букомъ, то на другомъ, наоборотъ, букъ вытѣсняется сосною, и т. д. относительно всѣхъ видовъ растительнаго царства, пока не измѣнятся обще-физическія условія всей нашей планеты въ цѣлости, или не выѣпается посторонняя сила, дѣйствующая въ смыслѣ измѣненія этихъ условій. Къ нимъ то, т.-е. къ такъ-называемой борьбѣ растеній со стихіями, мы въ концѣ-концовъ и принуждены возвратиться, для разъясненія всей сложности отношеній организмовъ между собою ¹⁾.

¹⁾ Въ одной изъ прежнихъ статей своихъ (*Гармонія въ природѣ*, въ собраніи общедоступныхъ статей—*Изъ жизни природы и людей*) старался я доказать, что равновѣсіе или гармонія природы выражается именно въ многочисленныхъ приспособленіяхъ организмовъ къ окружающей средѣ. Не зная тогда перваго сочиненія Дарвина, которое еще не было обнародовано, я указалъ однакоже на исчезновеніе нѣкоторыхъ органическихъ формъ (растеній и животныхъ), какъ на слѣдствіе измѣнявшихся обще-физическихъ условій. Измѣняемость органическихъ формъ была мною и тогда вполне признана, и я прямо указывалъ на физическую необходимость, какъ

Давно уже прошло время, когда растенію придавалась особая *жизненная* сила, ставившаяся на ряду съ тяжестью, теплотою, химическимъ сродствомъ и т. д. Теперь уже ни одинъ естествоиспытатель, или по крайней мѣрѣ физиологъ не сомнѣвается въ томъ, что силы, дѣйствующія внутри растенія, тѣ же, которыя дѣйствуютъ и въ неорганической природѣ; разница только въ большей сложности вещества, а слѣдовательно и самихъ силъ, коими оно проявляется. Вся жизнь растенія можетъ быть сведена къ питанію, потому что и самое оплодотвореніе, а тѣмъ болѣе образованіе сѣмянъ есть то же самое питаніе, только специализированное. Съ другой стороны, питаніе растенія заключается въ постоянномъ вращеніи воды, содержащей въ своемъ растворѣ минеральныя вещества, изъ почвы черезъ растеніе въ атмосферу и обратно черезъ почву въ растеніе, причемъ растеніе задерживаетъ въ себѣ извѣстное количество питательныхъ веществъ и съ помощью поглощаемыхъ газовъ подвергаетъ ихъ химико-физической переработкѣ, придавая имъ новую форму. Слѣдовательно, жизнь растенія заключается во взаимодѣйствіи силъ съ ихъ превращеніемъ и съ переходомъ матеріи изъ одной формы въ другую, а изъ этого непременно слѣдуетъ, что и отношенія растеній между собою представляютъ только частный случай взаимодѣйствія силъ. Такъ какъ, съ другой стороны, Дарвинъ показывалъ, что формы растеній представляютъ приспособленія, возникшія какъ подъ вліяніемъ обще-физическихъ условій, такъ и подъ вліяніемъ остальныхъ организмовъ, то разъясненіе способа происхожденія и формированія этихъ приспособленій прямо входитъ въ число задачъ физиологіи и морфологіи. Слѣдовательно и борьба за существованіе или антагонизмъ растеній между собою есть только частный случай взаимодѣйствія силъ, и какъ таковой входитъ въ область физиологіи, которая сама есть приложеніе обще-физическихъ наукъ къ разъясненію жизни организмовъ. Такимъ образомъ мы наконецъ доходимъ до того результата, что борьба за существованіе въ мірѣ растеній есть явленіе по существу своему совершенно тождественное съ взаимодѣйствіемъ силъ, проявляющимся между неорганическими массами земной поверхности и космическихъ пространствъ.

на причину этого измѣненія. Выбѣтъ съ тѣмъ я полагаю, какъ полагаю и теперь, что главнымъ результатомъ дѣятельности организмовъ должно считать равновѣсіе, а вовсе не ихъ гибель.

Въ этой статьѣ читатель найдетъ довольно много фактовъ касательно приспособленія растеній и животныхъ къ окружающей средѣ, фактовъ, мною не повторенныхъ въ текстѣ, но вполне подходящихъ къ предмету.

Заслуга Дарвина, указавшаго на борьбу за существованіе, какъ на причину измѣняемости органическихъ формъ, заключается не въ томъ, что этимъ будто-бы дано механическое объясненіе возникновенія и образованія этихъ формъ, а въ томъ, что онъ этимъ самымъ начерталъ путь, которымъ должна слѣдовать наука для разысканія физическихъ объясненій возникновенія и формованія организмовъ. Если мы будемъ довольствоваться тѣмъ, что всякую форму и всякое приспособленіе будемъ объяснять необходимостью ради борьбы за существованіе, то мы будемъ довольствоваться одними словами. Еще не довольно воскликнуть: необходимость управлять міромъ! и на томъ успокоиться. Наука должна раскрыть, какія именно обще-физическія силы комбинируются, и какъ онѣ комбинируются для образованія болѣе сложныхъ силъ, а затѣмъ уже приступить къ анализу взаимнодѣйствія этихъ послѣднихъ. Мы убѣждены вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что зимнія почки деревьевъ образовались подѣ влияніемъ необходимости защищаться отъ холода, что страшныя колючки многихъ пальмъ сформировались подѣ давленіемъ необходимости защищаться отъ нападенія животныхъ, жадныхъ до обильнаго крахмала, заключеннаго въ стволахъ этихъ растений; мы убѣждены, что цвѣты огромнаго числа растений ярко окрашены изъ необходимости привлекать насѣкомыхъ, способствующихъ ихъ опыленію, что сладкій сокъ, отдѣляемый цвѣтами, вырабатывается подѣ влияніемъ той-же необходимости, и пр. и пр. Но это только шагъ къ объясненію, указаніе пути къ этому объясненію, замѣна прежняго объясненія, состоявшаго только въ указаніи цѣли, новѣе, болѣе рачіональнымъ; это вовсе еще не механическое объясненіе, къ которому должна стремиться наука и до котораго она дойдетъ, если не ограничится собираніемъ (впрочемъ, въ высшей степени важныхъ) фактовъ, касающихся разнообразныхъ приспособленій организмовъ, ради такъ-называемой борьбы за существованіе. Это собираніе будетъ только тогда вполнѣ плодотворнымъ, когда при этомъ ни на минуту не будетъ упущено изъ вида, что борьба за существованіе есть не что другое, какъ взаимнодѣйствіе обще-физическихъ силъ, болѣе или менѣе осложненныхъ.

III.

Обращаясь къ царству животныхъ, я прежде всего напому, что тѣло животнаго есть извѣстнымъ образомъ сформированная матерія, дѣйствующая на основаніи тѣхъ же обще-физическихъ законовъ, на основаніи которыхъ дѣйствуетъ каждое растеніе, каждый минераль, каждая неорганизованная масса. Произвольное движеніе, чувствительность, даже способность мыслить, не въ состояніи ни на одно мгновеніе устранить животное отъ тяготѣющихъ надъ всѣмъ веществомъ непреложныхъ законовъ. Такимъ образомъ, мы прямо подводимъ явленіе борьбы за существованіе въ мірѣ животныхъ подъ ту общую ея характеристику, которая достаточно разъяснена прежде.

Въ царствѣ животныхъ борьба за существованіе является одинаково во всей своей полнотѣ и сложности, и я хочу указать здѣсь на ея главные черты.

Первымъ вступительнымъ примѣромъ послужать намъ одни изъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ — инфузоріи. Эти микроскопическія существа, какъ извѣстно, такъ малы, что на одну булавочную головку ихъ приходится по нѣскольку тысячъ. Несмотря на это, онѣ довольно сложно построены. Тѣло ихъ одѣто нѣжною кожицею и снабжено особыми рѣсничками для движенія; у нихъ есть отверстіе рта и отверстіе для выбрасыванія остатковъ пищи; онѣ двигаются съ величайшею быстротою и питаются то другими микроскопическими животными, то растеніями; всѣ онѣ живутъ въ водѣ или во внутреннихъ жидкостяхъ другихъ животныхъ, что впрочемъ рѣдко. Слѣдовательно вода, извѣстное количество тепла и свѣта, да присутствіе другихъ мелкихъ организмовъ — вотъ главные условія ихъ бытія. Милліоны милліоновъ ихъ живутъ въ самоматѣйшей лужѣ, хотя попадаютъ они также въ моряхъ и океанахъ. Небольшой, мелкій прудъ представляетъ уже цѣлый міръ инфузорій. Если прудъ этотъ высохнетъ, то этимъ самымъ сразу уничтожается возможность бытія всего этого населенія. Но инфузоріи снабжены противъ этого вредоноснаго дѣйствія обще-физическихъ силъ сильнѣйшимъ оружіемъ. Поверхность ихъ тѣла высачиваетъ изъ себя густое вещество, которое твердѣетъ вмѣстѣ съ высыханіемъ воды и превращается въ твердую скорлупку. Подъ этою скорлупкою сохраняется мягкое тѣло животнаго въ оцѣпенѣломъ состояніи. Такіе микроскопическіе коконы или *цисты* остаются на днѣ высохшаго пруда, вмѣстѣ съ

пылью до наполненія его новою водою, или же поднимаются вѣтромъ въ воздухъ и носятся тамъ, пока не упадутъ, напр., вмѣстѣ съ дождемъ на землю. Вновь попавши въ благопріятныя условія, цисты опять вызываются къ жизни. Явленіе это, положительно дознанное наукою, представляетъ намъ наглядный примѣръ борьбы нѣжнаго организма съ могучею теплотою солнца. Образующаяся отъ высыханія скорлупка служить худымъ проводникомъ тепла, и этого уже достаточно для предохраненія отъ гибели довольно сложнаго организма. Такое простое явленіе напоминаетъ однакоже цѣпеніе высшихъ животныхъ на зиму, или на время засухи. Оно можетъ разсматриваться какъ приспособленіе для сохраненія самой особи, хотя въ то же время служить и для сохраненія вида.

Другое проявленіе борьбы за существованіе, свойственное инфузоріямъ и служащее прямо для сохраненія вида, заключается въ необыкновенной быстротѣ ихъ размноженія. Оно совершается дѣленіемъ, отпрысками и яйцами. Всякій, занимавшійся микроскопическими изслѣдованіями, знаетъ, съ какою быстротою вода, заключающая въ себѣ въ началѣ мало инфузорій, наполняется ими до кипенія. Такимъ образомъ, если каждая инфузорія чрезвычайно легко подвергается истребленію, такъ-какъ, напр., водяная птица съ каждымъ глоткомъ уничтожаетъ ихъ нѣрѣдко милліонами, то съ другой стороны—существованіе самаго вида, къ которому она принадлежитъ, съ излишествомъ обезпечено быстротою размноженія, являющагося слѣдовательно сильнѣйшимъ орудіемъ борьбы противъ вредоносныхъ окружающихъ условій.

Во всемъ царствѣ животныхъ, какъ и въ царствѣ растений, видимъ мы ту двоякую борьбу, о которой уже говорено прежде: борьбу изъ-за сохраненія особи и борьбу изъ-за сохраненія вида. Необходимо однакоже замѣтить, что особи, борясь за свое собственное существованіе, борются и за сохраненіе видовъ. Поэтому, тѣмъ успѣшнѣе борьба особей, тѣмъ лучше обезпечиваетъ она и сохраненіе вида. Отсюда происходитъ то обстоятельство, что растенія и животныя, надѣленные наисильнѣйшими орудіями для борьбы, за свою—такъ сказать—личность, надѣлены менѣе сильными, менѣе разнообразными орудіями для сохраненія вида. Впрочемъ, рѣзкое отдѣленіе того, что здѣсь относится къ особи, отъ того, что относится къ виду, невозможно, потому что самое понятіе о видѣ есть только понятіе логическое.

Въ каждомъ изъ большихъ, а затѣмъ и въ болѣе мелкихъ отдѣлахъ царства животныхъ можемъ мы убѣдиться, что болѣе сильные организмы, наиболѣе способные къ самозащитѣ, снаб-

жены слабою способностью къ размноженію и наоборотъ. Всѣ низшія, лишенные твердыхъ покрововъ, каковы полипы и черви, могутъ размножаться не только яйцами, но еще отпрысками и дѣленіемъ. Это не замѣчается у морскихъ звѣздъ и у ежевожковыхъ вообще, защищенныхъ крѣпкими известковыми скорлупами. Между членистоногими (напр. насѣкомыми), снабженными обильными средствами самозащиты, размноженіе совершается почти исключительно яйцами. То же самое у моллюсковъ, прикрытыхъ по большей части раковинами. Всѣ позвоночныя размножаются только яйцами или живорожденіемъ; притомъ же мелкія, слабыя и менѣе защищенные, производятъ и болѣе многочисленное потомство. Такъ между рыбами сельди, такъ легко подвергающіяся истребленію, стали знамениты многочисленностью своихъ яицъ и особей, тогда какъ хищныя и сильно вооруженныя акулы кладутъ только по нѣскольку десятковъ яицъ или производятъ даже немногочисленныхъ живыхъ дѣтей. Между птицами меньше всего несутъ яицъ хищники, а между млекопитающими менѣе плодовиты большія травоядныя и толстокожія (слоны, бегемоты, киты). Однако же орудія, служащія животнымъ въ ихъ борьбѣ за существованіе, только тогда являются въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, когда можно вникнуть въ подробности жизни и организаціи каждаго животнаго. Тогда-то оказывается то безчисленное множество приспособленій, которое поражаетъ наблюдателя своею точностью и, можно сказать, необыкновенною отдѣлкою приспособленій, такъ хорошо подмѣченныхъ и истолкованныхъ въ твореніяхъ Дарвина и Воллеса ¹⁾.

¹⁾ Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на сочиненія Воллеса, который одновременно и совершенно независимо отъ Дарвина высказалъ тѣ же самыя мысли о происхожденіи видовъ, которыя развиты въ „Происхожденіи видовъ“. Я могу указать здѣсь на слѣдующія: *Малайскій архипелагъ*, первый томъ котораго вышелъ на русскомъ языкѣ подъ моею редакціею, и затѣмъ, знакомое мнѣ по нѣмецкому переводу: *Beitrag zur Theorie der natürlichen Zuchtwahl*, von Alfred Russel Wallace. 1870. Въ этомъ, въ высшей степени интересномъ сборникѣ, заключается много превосходныхъ наблюденій и важныхъ замѣчаній. Воллесъ, защищая теорію происхожденія видовъ, сводитъ въ слѣдующей таблицѣ доказательства въ ея пользу, вычеркнуты имъ изъ Дарвина.

Доказательства.

*Быстрое размноженіе организмовъ.
Постоянство общаго числа особей.*

*Борьба за существованіе.
Наследственность съ измѣняемостью*

Необходимыя слѣдствія, служащія затѣмъ доказательствами.

Борьба за существованіе. Среди нихъ числомъ умираетъ столько же, сколько рождается.

Переживаніе наилучше приспособленныхъ или естественная отборка; въ об-

Здѣсь я не могу на нихъ останавливаться, но долженъ указать на то, что и въ царствѣ животныхъ, согласно дарвинизму, можно различать тѣ же категоріи борьбы, которыя различены мною при взглядѣ на борьбу въ царствѣ растений, и что онѣ подлежатъ точно такой-же оцѣнкѣ. Но въ царствѣ животныхъ все усложняется въ высшей степени произвольностью движеній при способности перемѣщенія, чувствительностью и наконецъ умомъ.

Борьба между животными различныхъ видовъ до того бросается въ глаза, проявляясь нерѣдко настоящею дракою и гибелью одного изъ дерущихся, что нѣкоторые наблюдатели, повидимому, понимаютъ ее именно въ смыслѣ драки. Собака и кошка, кошка и мышь, соколъ и цапля представляютъ съ этой точки зрѣнія лучшіе примѣры борьбы за существованіе, происходящей между видами животныхъ. Хищныя постоянно нападаютъ на травоядныхъ, которыя обороняются отъ этихъ нападений всевозможными средствами. Но если вникнуть нѣсколько поглубже въ это явленіе, то окажется, что бессознательный антагонизмъ, существующій между животными, питающимися одними и тѣми же веществами, сильнѣе дѣйствуетъ на установленіе предѣловъ къ ихъ размноженію, чѣмъ эта вѣчная драка. Вполнѣ точныхъ изслѣдованій тутъ не имѣется, но многіе рѣзкіе примѣры подтверждаютъ, повидимому, высказанное положеніе. Такъ между низшими животными видимъ мы безчисленные милліоны разныхъ насѣкомыхъ, переносащихся въ воздухѣ или на землѣ, для разыскыванія пищи, и гибнущихъ въ этихъ переселеніяхъ не столько отъ своихъ истребителей, сколько въ борьбѣ со стихіями. Будь онѣ менѣе многочисленны, онѣ бы могли найти себѣ пропитаніе безъ всякихъ передвиженій. Тогда онѣ были бы въ болѣе безопасности не только отъ непогодъ, но и отъ нападенія своихъ враговъ. Гусеницы нѣкоторыхъ бабочекъ размножаются въ нѣкоторые годы такъ несоразмѣрно, что онѣ плотными массами по-двигаются по полямъ и лугамъ, вынужденныя къ тому голодомъ.

или общее сходство при индивидуальныхъ различіяхъ между родителями и дѣтьми.

Переживаніе наилучше приспособленія.

Измѣненіе въ окружающихъ условіяхъ, постоянное и всеобщее.

Такимъ образомъ и Вольтъ вмѣстѣ съ Дарвиномъ указываетъ на равновѣсіе (гармонію), какъ на цѣль (въ смыслѣ результата) дѣятельности организмовъ.

щемъ и цѣломъ это просто значить, что въ живыхъ остаются лишь тѣ, которые къ тому болѣе способны.

Измѣненіе органическихъ формъ для сохраненія ихъ въ гармоніи съ измѣнившимися условіями и пр.

Безчисленные ихъ враги, и въ томъ числѣ челоуѣкъ, не въ состояніи ихъ истребить, но для этого достаточно иногда переменъ погоды. Не то же ли представляютъ тучи саранчи, подвергающіяся всякаго рода опасностямъ изъ-за отыскиванія пищи? Сюда же относится извѣстное явленіе перелета птицъ, и странствованіе большихъ и малыхъ травоядныхъ млекопитающихъ, гибнущихъ на пути нерѣдко цѣлыми станицами или стадами.

Какъ бы то ни было — принимать ли, что борьба между видами животныхъ проявляется главнымъ образомъ взаимнымъ ихъ истребленіемъ, или глухимъ, скрытымъ антагонизмомъ, — регуляторомъ и предѣломъ ея здѣсь, какъ и въ мірѣ растений, является равновѣсіе, ибо полное исчезаніе той или другой животной формы есть рѣдкое обстоятельство, вызываемое кореннымъ измѣненіемъ оуружающихъ условій. Отношеніе организмовъ къ этимъ условіямъ служить и здѣсь основою разсматриваемаго нами явленія.

Понятно, что въ царствѣ животныхъ скрытый антагонизмъ усиливается съ усиленіемъ сходственности между организмами, и что онъ достигаетъ своего высшаго предѣла въ борьбѣ между особями одного и того же вида, какъ то можно вывести изъ указанныхъ примѣровъ. Мы и здѣсь усматриваемъ равновѣсіе, какъ предѣлъ антагонизма.

Въ борьбѣ особей между собою, какъ и въ борьбѣ видовъ, усматриваемъ мы, кромѣ того, главнымъ опредѣляющимъ моментомъ ограниченность пространства при излишествѣ размноженія.

Наконецъ, здѣсь мы опять встрѣчаемся съ антагонизмомъ частей одного и того же организма между собою, антагонизмомъ, который лучше всего насъ убѣждаетъ въ томъ, что не драка для драки, не ратоборство, а равновѣсіе есть цѣль (въ смыслѣ результата) такъ-называемой борьбы за существованіе.

Чѣмъ выше поднимаемся мы по тому генеалогическому дереву, которое, начинаясь отъ простѣйшаго организма, кончается челоуѣкомъ, тѣмъ замѣтнѣе становится постепенное усиленіе особенностей; среди низшихъ животныхъ формъ мы едва въ состояніи отдѣлать понятіе объ особи отъ понятія о видѣ. Такъ, медленно ползущая органическая слизь, которая нерѣдко покрываетъ гниющіе листья нашихъ лѣсовъ и которую одновременно причисляютъ къ царству животныхъ и растений, собирается неподвижными комками только для того, чтобы произвести опять пятна такой же слизи. Организмы, представляющіеся въ видѣ такой слизи, названы де-Бари *грибо-животными*, и при благоприятныхъ условіяхъ могутъ сильно разрастаться. Если ихъ раздроблять, то они отъ того ни мало не терпятъ; если они встрѣчаются, то сли-

ваются между собою, подобно двумъ водянымъ струямъ, сталкивающимся въ своемъ теченіи. Если бы всѣ организмы даннаго вида этихъ *грибо-животныхъ*, разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ земного шара, могли сползтись вмѣстѣ, то они несомнѣнно образовали бы одно громадное слизистое пятно, въ которомъ особи и видъ имѣли бы одно значеніе ¹⁾. Въ корненожкахъ и инфузоріяхъ мы еще замѣчаемъ довольно слабое разграниченіе вида отъ особи. Тамъ еще существуетъ размноженіе дѣленіемъ и такъ-называемая копуляція, или слитіе отдѣльныхъ организмовъ. Кораллы, отличающіеся болѣе сложною организаціею, представляютъ настоящее изображеніе дерева, всѣ части котораго пользуются произвольнымъ движеніемъ и чувствительностью. Отдѣльныя особи подобны вѣтвямъ и почкамъ дерева, такъ какъ онѣ соединены между собою общимъ стволомъ. Онѣ находятся между собою въ такомъ же антагонизмѣ, въ какомъ находятся и побѣги каждаго дерева. Равновѣсіе есть результатъ этого антагонизма. Но переходя постепенно отъ коралловъ къ болѣе сложнымъ животнымъ, мы замѣчаемъ, что антагонизмъ этотъ, вслѣдствіе раздѣленія физиологическихъ работъ, переносится отъ особей, органически соединенныхъ, къ различнымъ органамъ. Такимъ образомъ мы логически доходимъ до антагонизма или взаимной борьбы частей тѣла самыхъ сложныхъ животныхъ и самаго человѣка, а тутъ-то съ особою ясностью представляется намъ то равновѣсіе, на которое я уже не разъ указывалъ, какъ на слѣдствіе антагонизма, называемаго борьбою за существованіе.

Представленіе о борьбѣ за существованіе въ царствѣ животныхъ останется однакоже не полнымъ, если я не напому о томъ значеніи, которое имѣетъ она въ измѣняемости животныхъ формъ.

Еще недавно всѣ приспособленія организмовъ къ окружающимъ ихъ условіямъ объяснялись тѣми цѣлями, которыя ими достигались. Говорили, напримѣръ, такъ: когти и острые зубы даны тигру для того, чтобы онъ могъ питаться живою добычею, когти его помощію особаго устройства загнбаются кверху и прячутся для того, чтобы они не тупились. Этимъ и довольствовались. Но

¹⁾ *Грибо-животныя* или *слизистые грибы* изучены съ особою основательностью Де-Бари и Ценковскимъ. Совершенно полное понятіе объ этихъ организамахъ, стоящихъ на предѣлахъ между царствами растеній и животныхъ, можно получить изъ сочиненія Де-Бари: *Морфологія и физиологія грибовъ, лишайевъ и миксомикетовъ*, переведеннаго подъ моею редакціею, 1872. См. также Haeckel, *Biologische Studien*, 1870.

объясненіе въ родѣ приведеннаго не заключаетъ въ себѣ собственно вовсе объясненія, ибо вопросъ не въ томъ, *для* чего у тигра когти и острые зубы, а въ томъ, *какъ* возникли эти когти и зубы совместно съ силою, гибкостью и всѣми атрибутами организациі хищника?—Что бы сказалъ физикъ, если бы кто издумалъ говорить, что вода испаряется потому, что безъ этого она не могла бы собираться облаками и падать дождемъ? Великая заслуга Дарвина и Воллеса заключается именно въ томъ, что они указали на борьбу за существованіе и на наслѣдственность, какъ на ближайшія причины естественной отборки, помощью которой вырабатываются организмами всевозможныя приспособленія къ окружающимъ условіямъ, а слѣдовательно опредѣляется самая измѣняемость органическихъ формъ.

Борьба даетъ первый толчекъ измѣненію; наслѣдственность передаетъ, развиваетъ и укрѣпляетъ это измѣненіе, если оно полезно животному, и такимъ образомъ совершается самое выдѣленіе вновь возникшей формы изъ среды ей подобныхъ. Привожу примѣръ. Въ данной мѣстности, отдаленной и дикой, пасутся стада антилопъ. Тревожимыя постоянно хищниками, напр. львами и пантерами, онѣ не только осторожны и чутки, быстры и выносливы на бѣгу, но и формы ихъ отличаются стройностью и легкостью. Между ними и хищниками издавна ведется борьба. Даже и тутъ видимъ мы не простую драку: левъ однимъ ударомъ лапы обыкновенно валитъ на землю робкаго звѣря, онъ, слѣдовательно, уничтожаетъ животное безъ сопротивленія съ его стороны, подобно искусному мяснику. Если бы антилопа и захотѣла сопротивляться, то это бы продолжалось не долго; но она борется гораздо дѣйствительнѣе прежде указанными качествами, быстрою и выносливостію; вотъ главные орудія ея, онѣ-то и выработались въеями.

Если бы львы и другіе хищники почему-нибудь исчезли изъ той мѣстности, то антилопы вскорѣ сдѣлались бы менѣе осторожны и гораздо менѣе подвижны. Вслѣдствіе рѣдкаго упражненія своихъ органовъ чувствъ, онѣ стали бы менѣе чутки, а уменьшеніе подвижности повело бы постепенно къ исчезновенію той быстроты бѣга, которая была ихъ главнымъ орудіемъ защиты. Онѣ стали бы менѣе стройны и ноги ихъ вѣроятно сдѣлались бы короче. Такое превращеніе могло бы совершиться можетъ быть въ нѣсколько столѣтій, а если бы хищники появились тогда снова, то имъ не трудно бы было овладѣвать тѣми тяжелыми и медлительными звѣрями, которые замѣнили бы прежнихъ антилопъ и которымъ стало бы угрожать неминуемое и скорое истребленіе.

Но вотъ, между неповоротливыми травоядными случайно нарождается нѣсколько паръ болѣе легкихъ и быстроногихъ. Эти пары, вступивъ въ глухой антагонизмъ, который есть сильнѣйшее проявленіе борьбы за существованіе, съ остальными особями своей породы, легче станутъ избѣгать преслѣдованія хищниковъ. Онѣ передадутъ своему потомству, по закону наслѣдственности признаковь, вновь приобрѣтенныя качества. Качества эти станутъ усиливаться и развиваться посредствомъ упражненія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ и пока тяжелые, неповоротливые соплеменники вновь образующейся породы гибли бы подъ ударами хищниковъ, новая порода мало-по-малу размножилась бы и, наконецъ, осталась бы одна, и снова началась бы между ею и хищниками прежняя борьба съ помощью болѣе ровнаго вооруженія.

Такимъ образомъ борьба за существованіе, въ томъ сравнительно узкомъ значеніи, въ которомъ ее принимаетъ дарвинизмъ, занимаетъ первостепенное мѣсто въ теоріи образованія видовъ посредствомъ естественной отборки. Но мною уже указано въ самомъ началѣ, что явленіе борьбы въ царствѣ животныхъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ, представляется тѣмъ же взаимодѣйствіемъ силъ, какимъ оно оказывается не только въ царствѣ растений, но и въ средѣ неорганическаго міра. Въ концѣ-концовъ тѣ безчисленныя соотношенія организмовъ, которыя такъ резко высказываются приспособленіями ихъ другъ къ другу и къ окружающей средѣ, должны быть сданы въ область физиологіи, которая одна имѣетъ средства къ изслѣдованію механическихъ причинъ, опредѣляющихъ и такъ-называемую борьбу за существованіе, и самую естественную отборку.

Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ занимающаго насъ явленія въ приложеніи къ человѣку, обратимся однакоже еще разъ къ прежнему, съ тѣмъ чтобы проникнуть до его коренной основы, насколько это возможно при настоящемъ состояніи нашего ума и нашихъ познаній.

Подражая геометрамъ, которые нерѣдко, ради удобства доказательства, предполагаютъ сначала невозможное, представимъ себѣ, что матерія внезапно лишилась силы: тяжесть, слѣдствіе взаимнаго притяженія, исчезаетъ; не колеблются частицы эѳира, не распираются тѣла отъ теплоты, и т. д. Тогда прекратилось бы всякое движеніе и все осталось бы въ неподвижномъ оцѣпенѣніи *in statu quo*. Планеты, совершающія свое движеніе вокругъ солнца, остановились бы въ тѣхъ точкахъ и въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ застало ихъ исчезновеніе силы, насталъ бы полный, абсолютный покой и абсолютная тишина. Воды на землѣ остано-

вились бы въ своемъ теченіи, и капли дождя повисли бы въ пространствѣ на тѣхъ точкахъ, гдѣ ихъ застало исчезновеніе силы. Организмы превратились бы въ неподвижныя формы и жизнь исчезла бы на землѣ. Нѣтъ силы—нѣтъ движенія, нѣтъ взаимнодѣйствія и нѣтъ того, что называется борьбою.

Но матерія безъ силы немыслима, также какъ сила безъ матеріи. Матерія извѣстна намъ только по ея проявленіямъ, а проявляется она силами. Предположить, что исчезла сила все равно, что предположить исчезновеніе самой матеріи. Итакъ, сама матерія, будучи источникомъ силъ, есть въ то же время и источникъ ихъ взаимнодѣйствія, называемаго борьбою за существованіе, или, вѣрнѣе, за форму. Гдѣ есть хотя два атома матеріи, тамъ есть и взаимодѣйствіе силъ,—борьба. Проявленія этой борьбы не что иное, какъ слѣдствія общихъ свойствъ вещества и, какъ таковыя, необходимы и вѣчны. Онѣ могутъ усложняться, колебаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, но исчезнуть не могутъ, также какъ и само вещество.

Если мысль, мною руководившая, выражена съ достаточною ясностью, то мнѣ будетъ не трудно указать на главные характерныя черты борьбы за существованіе въ человѣчествѣ, ибо по своей организаціи человѣкъ, какъ извѣстно, прямо примыкаетъ къ царству животныхъ. Человѣческое тѣло есть собраніе матеріальныхъ частицъ, соединенныхъ въ видѣ чрезвычайно сложной формы. Форма эта поддерживается постояннымъ въ ней совершающимся движеніемъ и постояннымъ воздѣйствіемъ на окружающія силы (борьбою съ внѣшними силами) природы. Человѣческая форма, какъ и всякая другая, стремится одна занять всю поверхность земнаго шара. Другими словами,—эта форма, помощью силъ, ей присущихъ, постоянно превращаетъ матерію въ то состояніе, въ которомъ находится матерія, ее составляющая. Если бы силы, присущія человѣку, были достаточно велики, то вся матерія, способная организоваться, вращалась бы безъ перерыва только чрезъ одно тѣло человѣческое. Въ этомъ заключается мысленно возможный результатъ дѣятельности человѣческаго, также какъ и всякаго органическаго тѣла. Посмотримъ-же, какими орудіями снабженъ человѣкъ для достиженія этой его физической цѣли. Тѣло его несравненно нѣжнѣе, чѣмъ тѣло ближайшихъ къ нему по организаціи животныхъ; оборонительныя и наступательныя орудія его ничто въ сравненіи съ такими же орудіями другихъ животныхъ. Все это такъ извѣстно, что не требуетъ разъясненія. Слѣдовательно, человѣкъ надѣленъ несравненно хуже другихъ

ютныхъ для борьбы за свое личное существованіе. Плодовитъ его, если принять при томъ во вниманіе долговременность дѣтства и поздно наступающую половую зрѣлость—ничтожна сравненію съ другими животными. Словомъ сказать, непосредственныя орудія его для борьбы за существованіе доведены до меньшаго. Если бы онъ обладалъ только этими непосредственными орудіями, то не могъ бы существовать.

Но разумъ и самосознаніе—эти посредствующія, скрытыя для самообороны и нападенія, будучи доведены въ остальныхъ тѣхъ животныхъ до минимума, въ человѣкѣ достигли своего кимума. Это-то обстоятельство, какъ всякій понимаетъ, и считать не только главное отличіе человѣка отъ остальныхъ животныхъ, но выдѣляеть его изъ ихъ среды, доставляя ему власть надъ всѣмъ органическимъ. Но прежде чѣмъ перейти главному орудію человечества въ его борьбѣ за существованіе, мнѣ слѣдуетъ показать, что въ его средѣ дѣйствительно поражаются тѣ же явленія борьбы, на которыя указано касательно альной природы.

Человѣческій организмъ представляетъ типъ цѣлаго, составнаго изъ гармонически относящихся другъ къ другу частей, тѣмъ не менѣе въ немъ замѣчается тотъ же антагонизмъ этихъ тѣлъ, на который указано при характеристикѣ борьбы въ средѣ альныхъ организмовъ. Здѣсь еще съ болѣею рѣзкостью выкается тотъ результатъ физиологическаго антагонизма, о которомъ говорено прежде, т.-е. равновѣсіе. Выраженіе—борьба, которое совершенно логично можетъ быть примѣнено и здѣсь въ мѣстѣ дарвинизма, выясняется здѣсь во всей своей иносказательности, во всей своей парадоксальности. Такъ какъ человѣческое тѣло представляетъ двустороннюю симметрію, то мы прежде то находимъ антагонизмъ правой и лѣвой стороны этого тѣла. Антагонизмъ этотъ такъ силенъ, что у всѣхъ людей, упражняющихъ правую руку и ногу больше чѣмъ лѣвую, вся правая сторона сильнѣе развита. Мы почти всѣ представляемъ примѣръ кой побѣды правой половины тѣла надъ лѣвой. Нѣкоторые рѣшеники, принужденные къ тяжелой работѣ посредствомъ правой стороны, представляютъ указанную асимметрію еще въ болѣе степени. Если у человѣка ампутирована, напр., одна нога, все тѣло, получая лишнее питаніе, ненормально тучнѣетъ: это же явленія, которыя замѣчаются въ деревѣ, у котораго отнята лупная вѣтвь. Такимъ образомъ мы доходимъ до того представленія, что правая рука борется съ лѣвою, правый глазъ—съ лѣвымъ и т. д. Очевидные парадоксы и абсурды, которые разъяс-

няются съ одной стороны иносказательностью выраженія—борьба, съ другой тѣмъ, что физиологическій антагонизмъ частей имѣеть нормальнымъ результатомъ не гибель одной изъ частей цѣлаго, а равновѣсіе этихъ частей.

Малытусъ высказалъ, какъ извѣстно, ту мрачную мысль, что человѣчество должно рано или поздно погибнуть отъ недостатка пищи на землѣ. Такъ какъ народонаселеніе увеличивается въ геометрической прогрессіи, а средства къ существованію только въ арифметической, то долженъ, очевидно, наступить такой моментъ, когда нечего будетъ ѣсть. Это есть краткая, но не вѣрная характеристика борьбы за существованіе на землѣ имѣется съ помощью промышленности, торговли и разлившии человекъ войнами. Во всякомъ случаѣ въ каждомъ Отсюда съ помощью людей отъ внутренней, чѣмъ отъ вѣншей посредствени чужеземности и неравн потребляютъ то же органическое вещество, чѣмъ питается человекъ; но въ этой борьбѣ человекъ въ концѣ концовъ остается постоянно побѣдителемъ. Самою отчаянною и вредоносною борьбою остается, поѣтому, для человека борьба, происходящая между самими людьми. Мало того, борьба въ челоѣческомъ родѣ, согласно этому воззрѣнію, становится все опаснѣе и опаснѣе, по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ борьбы между самыми крупными обществами людскими—государствами, къ борьбѣ между естественными областями данной страны, между городами, селами, между односельцами и т. д. Войны между государствами далеко не такъ разрушительны, какъ войны междоусобныя, уже по одному тому, что онѣ дольше продолжаются. Но не въ войнахъ дѣло, онѣ представляютъ только самое яркое изъ проявленій борьбы за существованіе, не будучи вовсе самыми вредоносными. Накопленіе людей въ большихъ селахъ, городахъ, чрезмѣрность населенія государствъ—вотъ при чемъ оказывается тотъ глухой и, частію, безсознательный антагонизмъ, который составляетъ сущность борьбы за существованіе и который состоитъ собственно въ противудѣйствіи вѣншимъ разрушительнымъ силамъ природы. Тѣ изъ народовъ, которые лучше приспособлены къ окружающимъ ихъ условіямъ, остаются побѣдителями между народами. То же можно сказать о населеніяхъ городовъ, селъ, мелкихъ общинъ и, наконецъ, о членахъ одного и того же семейства. Необходимо помнить однакоже, что, разсуждая о борьбѣ за существованіе въ средѣ челоѣчества, не слѣдуетъ принимать за основу разсужденія политическое раздѣленіе странъ, съ ихъ населеніемъ, на государства. Это раздѣленіе, разумѣется, не можетъ быть опущено при подробномъ анализѣ хода

явленія, но оно во всякомъ случаѣ есть элементъ, только усложняющій дѣло, опредѣляющій извѣстнаго рода колебанія, но не имѣющій общаго значенія. Кто бы, повидимому, съ точки зрѣнія политической исторіи, ни остался побѣдителемъ, напр., въ войнахъ между неграми и бѣлыми, негры центральной Африки все-таки останутся тамъ преобладающимъ племенемъ, такъ какъ бѣлые не выдерживаютъ климата тропической Африки. То же можно сказать объ индусахъ и англичанахъ, о малайцахъ и голландцахъ и пр. Этотъ антагонизмъ народовъ между собою нельзя сравнивать съ борьбою между отдѣльными, даже близкими между собою вилаутскими племенами, особенно теми, которые между собою ведутъ борьбу за существованіе. Среди насъ можно видѣть только нѣкоторые орудія всего болѣе характеризуетъ этотъ видъ. Такъ издается особенностями всякому проявленію человѣческихъ, введенныхъ въ данную страну, бездонную пропасть между подавляющею та, которая лучше выдерживаетъ климатъ это. Результатомъ этой борьбы является гибель, исчезновеніе той или иной породы, который менѣе одаренъ, при равенствѣ остальныхъ условій. Гибель краснокожихъ въ сѣверной Америкѣ, гдѣ европейцы оказались въ тѣхъ же физическихъ условіяхъ, въ которыхъ они находились у себя дома, но имѣютъ несравненно болѣе средствъ въ борьбѣ съ этими условіями. Гибель, исчезновеніе той или другой человѣческой породы понимается однакоже вовсе не вѣрно, такъ какъ явленіе это никогда не было изслѣдовано точнымъ образомъ. Если бы населеніе краснокожихъ до открытія Америки было извѣстно въ точности, и если бы теперь можно было сдѣлать между ними полную перепись, принявъ во вниманіе поселившихся въ города и смѣшавшихся съ бѣлыми, то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что краснокожіе исчезаютъ не столько вслѣдствіе дѣйствительнаго истребленія ихъ войною, сколько вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ бѣлыми. Исчезаетъ народный типъ, но не пропадаетъ самъ народъ, онъ только входитъ, какъ подчиненный элементъ, въ составъ болѣе сильнаго или болѣе одареннаго народа. Примѣръ еще болѣе наглядный представляютъ намъ евреи. Когда они были самостоятельнымъ народомъ, тогда число ихъ было самое незначительное, — это была скорѣе особая горсть людей, особая небольшая порода семитовъ. Теперь они исчезли какъ самостоятельный народъ, но если бы можно было сдѣлать перепись разбѣяннымъ по всему земному шару евреямъ, то, по всей вѣроятности, оказалось бы, что они размножились больше, чѣмъ всякій другой народъ.

Словомъ сказать, результатомъ борьбы между народами является то равновѣсіе, о которомъ говорено и прежде; дѣйстви-

тельное истребленіе, гибель въ абсолютномъ смыслѣ—есть явленіе частное, второстепенное въ ходѣ общаго антагонизма племенъ и народовъ.

Въ средѣ самихъ народовъ антагонизмъ, называемый борьбою, упорнѣе. Тутъ соплеменники стѣснились на опредѣленномъ, болѣе или менѣе строго ограниченномъ пространствѣ, и каждый изъ нихъ добивается получить возможно большую часть изъ того, что производить занятый ими участокъ земли. Равновѣсіе поддерживается частными, болѣе или менѣе многочисленными жертвами, если же поддержаніе его помощью внутренняго антагонизма невозможно, то наступаетъ усиленный антагонизмъ съ остальными народами, ведущійся помощью промышленности, торговли и разражающійся нерѣдко войнами. Во всякомъ случаѣ въ каждомъ народѣ гибнетъ болѣе людей отъ внутренней, чѣмъ отъ внѣшней борьбы: отъ недостаточности и неравномѣрности распредѣленія богатствъ.

Разсуждая далѣе въ томъ же строго-логическомъ порядкѣ, мы доходимъ до того, что члены семейства находятся между собою еще въ несравненно большемъ антагонизмѣ, чѣмъ члены общины, села, города, государства. При этомъ необходимо только помнить, что здѣсь можетъ идти и идти рѣчь лишь о большинствѣ чело-вѣчества. Тогда окажется, что, дѣйствительно, всѣ вредоносныя влиянія, которыя неизбѣжны при большемъ или меньшемъ набо-леніи въ опредѣленномъ пространствѣ, суммируются въ семействѣ и такимъ образомъ непреложно будетъ слѣдовать, что члены семьи, потребляя часть даннаго, опредѣленнаго количества пищи и дру-гихъ физическихъ потребностей, отнимаютъ тѣмъ самымъ часть этого необходимаго у всѣхъ остальныхъ. Родители борются съ дѣтьми своими и обратно, братья и сестры борются между собою и т. д. Смерть малолѣтнихъ, совершенно лишенныхъ орудій для борьбы, повторяющаяся гораздо чаще, чѣмъ смерть взрослыхъ членовъ семьи—подтверждаетъ какъ нельзя лучше представленную характеристику, которая, впрочемъ, прямо слѣдуетъ изъ представ-ленія о борьбѣ за существованіе. Парадоксальность этого пред-ставленія исчезаетъ при указаніи на иносказательность самаго вы-раженія *борьба*. Картина отца и любимаго имъ сына, доведен-ныхъ до неистовства голодомъ и вступающихъ въ кровавую борьбу изъ-за глотка воды, не есть правильное представленіе о томъ взаимодействіи силъ, которое проявляется въ средѣ чело-вѣческой, также какъ и въ средѣ организмовъ вообще въ остальной все-ленной. Это-то же, что борьба правой руки съ лѣвой, праваго глаза съ лѣвымъ. Она проявляется лишь при отнятіи одного изъ

симметрическихъ органовъ или при недостаткѣ общаго питанія. Это есть крайнее отклоненіе явленія отъ его типа, который заключается въ *антагонизмъ ради равновѣсія*.

Такимъ образомъ, взглянувъ на человѣчество, мы открываемъ и въ немъ тѣ же категоріи борьбы за существованіе, которыя указаны мною при взглядѣ на царства растений и животныхъ. Основою явленія, здѣсь какъ и тамъ, служитъ элементарный законъ несовмѣстимости матерій, — самое явленіе есть антагонизмъ въ борьбѣ съ внѣшними условіями ¹⁾.

Обращаюсь теперь къ оцѣнкѣ дѣятельности самосознанія и разума въ борьбѣ за существованіе среди человѣчества. Дѣятельность этихъ орудій всего болѣе характеризуетъ, всего болѣе придаетъ особенности всякому проявленію человѣческой жизни, нологая, повидимому, бездонную пропасть между человѣкомъ и остальными организмами.

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ именно напомнить, что если пропасть, отдѣляющая человѣка отъ остальныхъ организмовъ, и велика, то ее нивакъ нельзя назвать бездонною. Разумъ и сознание свойственны не одному человѣку: эти силы начинаютъ свое слабое мерцаніе еще у животныхъ сравнительно простой организаціи, не говоря уже о такихъ сложныхъ существахъ, каковы, напр., слонъ, собака, обезьяны. Тамъ, гдѣ начинается хотя еще и слабое мерцаніе разума, тамъ онъ уже служитъ сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ. Но въ человѣчествѣ онъ является вдругъ въ такомъ развитіи, что становится главнымъ его атрибутомъ и, можно сказать, до безконечности усиливаетъ тѣ слабыя орудія обороны и нападенія, которыми мы обладаемъ. У самаго грубаго дикаря разумъ безконечно выше, чѣмъ у самой совершенной обезьяны.

Съ другой стороны необходимо помнить, что если психическія явленія, въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, и не подлежатъ разъясненію, будучи вопросомъ о сущности, то они не въ состояніи ни на іоту нарушить общихъ законовъ, управляющихъ веществомъ. Слѣдовательно взаимодѣйствіе силъ, какъ-бы оно ни было сложно въ своемъ проявленіи, называемомъ борьбою, не можетъ ими быть извращено или задержано ни на одно мгновеніе.

¹⁾ Въ книгѣ Волеся, выше названной, указаны ясно различія, существующія между борьбою за существованіе въ человѣчествѣ и животныхъ. Онъ полагаетъ, что въ человѣчествѣ дѣйствіе естественной отборки ограничивается почти только развитіемъ духовныхъ способностей и весьма незначительными физическими измѣненіями.

Но оно можетъ быть ими направляемо, сдержано и ограничено въ его нормальномъ (типическомъ) ходѣ, результатомъ котораго является равновѣсіе. Въ этой-то возможности заключается все преимущество человѣка передъ остальными организмами въ борьбѣ за существованіе. Подробное и всестороннее изученіе взаимодѣйствія силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, со включеніемъ борьбы за существованіе, какъ сложнаго проявленія этого взаимодѣйствія, становится краеугольнымъ камнемъ прогрессивнаго совершенствованія человѣчества и еще разъ возвышаетъ естественное, вся задача котораго именно и заключается въ изученіи дѣятельности силъ вселенной.

Остановимся же на минуту для формулированія той задачи, которая указана человѣчеству сознаниемъ того непрерывнаго взаимодѣйствія силъ, которое совершается въ немъ самомъ и вокругъ него. Борьба за существованіе, сказали мы, есть взаимодѣйствіе силъ при ихъ превращеніи и при переходѣ одной формы матеріи въ другую. Человѣкъ, какъ всякая другая органическая форма, переводитъ чрезъ свое тѣло способную организоваться матерію. Его физическая задача состоитъ въ томъ, чтобы вся матерія, способная организоваться, непосредственно вращалась чрезъ его тѣло. Вотъ цѣль, которая преслѣдуется человѣчествомъ безсознательно отъ самаго начала. Это есть цѣль общечеловѣческая, преслѣдуемая ради сохраненія вида. Она достигается помощью борьбы съ внѣшними силами. Но такъ какъ съ одной стороны, по мѣрѣ размноженія человѣчества, борьба эта становится все труднѣе и труднѣе, а съ другой сами внѣшнія силы измѣняются, постоянно усложняясь, то человѣкъ долженъ измѣняться или, иными словами, совершенствоваться. Такимъ образомъ развитіе разума является для насъ роковою необходимостью, образованіе становится первою потребностью даже съ чисто физической, матеріальной точки зрѣнія. Разсуждаемъ далѣе. Антагонизмъ въ человѣчествѣ и во всемъ органическомъ мірѣ происходитъ не только между видами и ради сохраненія вида, но и между индивидуумами, ради сохраненія самого индивидуума. Эта борьба столь же непреложна, какъ и борьба изъ-за сохраненія вида. Слѣдуя неуклонно по своему пути, она обращается неминуемо на сохраненіе всего человѣчества. Если же указанный антагонизмъ особей подвергается непрерывнымъ колебаніямъ, то, очевидно, этимъ самымъ извращается нормальный ходъ всего явленія, подобно вѣсамъ, одна изъ чашекъ которыхъ неосторожно затронута грубою рукою. Долго колеблются они на своей агазовой подставкѣ, пока не наступитъ равновѣсіе. Такимъ образомъ является роковая необо-

димость возможнаго уравниенія въ распредѣленіи благъ земныхъ между всѣми индивидуумами рода человѣческаго, возможно равное распредѣленіе грузовъ по всѣмъ чашамъ вѣсовъ человѣчества. Въ этому, безъ сомнѣнія, мы и стремимся, и стремимся опять роковымъ образомъ въ силу физическаго закона взаимодѣйствія силъ; но самое могущественное средство для уничтоженія вредныхъ колебаній въ ходѣ антагонизма особей, есть то свойство человѣческой природы, которое мы называемъ *симпатію*.

Однимъ изъ величайшихъ результатовъ новѣйшей науки нужно считать ученіе о естественномъ происхожденіи всѣхъ атрибутовъ человѣческаго организма. Согласно этому ученію самыя высокія качества чловѣка—самосознаніе, разумъ и наконецъ лучшій продуктъ этихъ великихъ основъ чловѣчности—симпатія, не могутъ считаться исключительною принадлежностью чловѣка. Дѣйствительно, мы находимъ слѣды весьма ясно выраженной симпатіи въ большинствѣ высшихъ животныхъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоить только вспомнить взаимную привязанность совмѣстно живущихъ птицъ и млекопитающихъ, привязанность лошади и собаки къ чловѣку и даже къ другимъ животнымъ. Симпатія между социальнo живущими млекопитающими или птицами такъ велика, что доходитъ иногда до самопожертвованія; она имѣетъ сильное вліяніе на поддержаніе и укрѣпленіе наклонности къ общежитію, и тѣмъ самымъ служитъ сильнымъ орудіемъ самозащиты. Но въ средѣ животныхъ она почти никогда не выходитъ изъ предѣловъ вида и даже ограничена по большей части нѣкоторымъ числомъ особей, живущихъ вмѣстѣ.

Основная причина этого сложнаго явленія коренится, безъ сомнѣнія, опять во взаимодѣйствіи силъ, но ближайшими причинами его должно считать: влеченіе половъ другъ къ другу, материнскую привязанность, а главное совмѣстную жизнь. Въ послѣднемъ случаѣ помощь, оказываемая другъ другу въ защитѣ, пробуждаетъ хотя смутное сознаніе во взаимной необходимости и развиваетъ потребность находиться вмѣстѣ со своими соплеменниками, словомъ, привычку другъ къ другу. Передаваемая отъ поволенія къ поволенію въ продолженіи многихъ тысячелѣтій, она до того укрѣпилась, что сдѣлалась самостоятельнымъ качествомъ, не уничтожаемымъ никакими средствами, такъ что если бы животнымъ, отторгнутымъ отъ стада тотчасъ послѣ рожденія, была дана свобода, когда они сдѣлаются взрослыми, то они бы навѣрное прикнули къ первому попавшемуся стаду своихъ соплеменниковъ. Такъ лошади, перевезенныя европейцами въ степи южной Америки и живущія тамъ въ полудикомъ состояніи, собираются

такими же табунами, какими живутъ разные дикіе виды лошадей въ Азіи и Африкѣ (тарханы, зебры и пр.).

У дикарей, раздробленныхъ на мелкіе народцы, видимъ мы симпатію, доведенную почти до такого же безсознательнаго проявленія, какъ у высшихъ животныхъ. Но уже у тѣхъ народовъ, которыхъ мы называемъ варварскими (стѣпные азіатскіе кочевники, жители средне-азіатскихъ государствъ), племенная симпатія доходитъ до высокаго развитія: ими смутно сознается и симпатія къ остальному человѣчеству. У цивилизованныхъ народовъ древности симпатія хотя и не ограничивалась вполне одними соотечественниками, но въ принципѣ была часто признаваема таковою; мы видимъ однако же, что уже въ браминизмѣ симпатія распространяется не только на все человѣчество, но и на все живущее. Наконецъ, христіанство ставитъ принципъ любви къ ближнему основаніемъ своей нравственности и съ тѣхъ поръ симпатія, возведенная на степень христіанской любви, растетъ, укрѣпляется и становится главнѣйшимъ атрибутомъ человѣческой природы.

Такимъ образомъ, высокій принципъ христіанской любви къ ближнему является выраженіемъ естественно присущаго человѣчеству качества, развившагося въ теченіе многихъ тысячелѣтій подъ вліяніемъ окружающихъ условій, изъ тѣхъ слабыхъ слѣдовъ взаимной симпатіи, которые замѣчаются въ самыхъ грубыхъ дикаряхъ и которые близко граничатъ съ тѣмъ, что проявляется даже въ высшихъ животныхъ.

Если такъ, если симпатія, будучи основою христіанской любви къ ближнему, есть дѣйствительно нѣчто присущее человѣку въ той же степени, въ которой ему свойственъ, напр., даръ слова, если будетъ окончательно доказано наукою, что симпатія есть не только отвлеченный принципъ нравственности, но законъ природы, не повиноваться которому значило бы то же, что не подчиняться законамъ всеобщаго тяготѣнія, тогда выводъ науки сойдется съ основою христіанской нравственности.

Борьба за существованіе въ средѣ человѣчества имѣетъ своимъ результатомъ равновѣсіе въ этой средѣ, но такое равновѣсіе достигается помощью огромныхъ жертвъ. Симпатія является самымъ могущественнымъ регуляторомъ этой борьбы, этому взаимодѣйствію сложныхъ силъ, присущихъ человѣку. На ней, на любви къ ближнему основываются проповѣдники всеобщаго мира и братства. Если всѣ эти проповѣди являются утопіями въ настоящее время, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что основа, или избранная, любовь къ ближнему, непоколебима. То измѣненіе, которому человѣчество подвергается роковымъ образомъ, помощью

естественной отборки, совершается именно въ смыслъ развитія и распространения всеобщей симпатіи, человѣчности, христіанской взаимной любви.

Не мнѣ развивать это положеніе, но я прибавлю только, что Мальтусъ и его послѣдователи упустили изъ виду именно родовую необходимость измѣненія рода человѣческаго въ смыслъ его усовершенствованія. Они разсуждали объ отдаленномъ будущемъ, не видя что въ природѣ все измѣняется не только количественно, какъ они принимали, но и качественно. Въ главѣ же этого прогрессивнаго движенія, этого совершенствованія стоитъ человѣкъ ¹⁾.

А. Бекетовъ.

¹⁾ Вопросы о борьбѣ за существованіе въ человѣческомъ родѣ касались многие ученые, преимущественно по поводу естественной отборки. Въ любопытной книгѣ Декандоля (*Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles etc.* 1873) заключается также разсмотрѣніе вопроса о естественной отборкѣ въ человѣческомъ родѣ. Тутъ, также какъ у Воллеса, предлагаются даже соображенія касательно будущности человѣка.

Подобныя предположенія могутъ быть представлени, безъ сомнѣнія, только въ самихъ главныхъ, общихъ чертахъ, но Декандоль дѣлаетъ ту ошибку, что вѣдася въ измѣненія подробности не только относительно человѣка, но и относительно будущаго состоянія земного шара. Вѣрно, мнѣ кажется, только то, что человѣкъ подверженъ измѣняемости съ той же непреложностью, съ которой ей подвержены и остальные организмы, и что эта измѣняемость совершается въ смыслѣ развитія его интеллектуальныхъ способностей. Но такъ какъ развитіе интеллекта ведетъ за собою необходимое, хотя для насъ, можетъ быть, едва замѣтное измѣненіе тѣлесныхъ способностей, то мы должны принимать и постепенное измѣненіе человѣческаго тѣла.

При настоящемъ состояніи мы можемъ утверждать только это, не отрицая, что съ развитіемъ науки можно будетъ выработать болѣе опредѣленныя и подробныя данныя касательно хода физическаго измѣненія человѣка.

ГНѢВЪ САМСОНА

Поэма Альфреда де-Виньи ¹⁾.

Средь грозной тишины, въ степи, въ песчаномъ морѣ,
Гдѣ рыщутъ львы одни — одинъ, на всемъ просторѣ,
Бѣлѣть, приводя въ недоумѣнье взоръ,
Рукою смѣлою раскинутый шатеръ.
Все тихо, но чтобъ пылъ клубящимся туманомъ
Поднялась, какъ роса, надъ степью-океаномъ —
Довольно легкаго дыханья вѣтерка...
Настала ночь, какъ день удушливо-жарка.
За складками шатра, средь темноты унылой,
Гостепріимный свѣтъ въ яйцѣ строфогомила
Для путника вдали-вдали блеститъ звѣздой —
И очеркъ двухъ тѣней бросаетъ предъ собой.

Въ одной спокойствіе и сила; тѣнь другая
У ногъ ея лежитъ, какъ статуя живая.
Ужасный силою божественной Самсонъ
Рабыней слабою, Далилой, покоренъ.
Своя, могучая, въ рабынѣ этой сила!
Какъ леопардъ стройна — прекрасная Далила:
Густую прядь волосъ откинувъ отъ чела,
Она, какъ змѣями, руками обвила
Какъ камень, твердыя колѣни господина.
Въ большихъ глазахъ ея, открытыхъ въ половину,

¹⁾ Изъ книги «Судьбы — философія поэмы».

И вызовъ на любовь безумную, и власть —
 Зажечь и утолить любого сердца страсть.
 Отъ самыхъ плечъ и бедръ, стройнѣй чѣмъ у газели,
 Покрыль прозрачный дождь браслетовъ, ожерелій,
 Контуры страстныхъ ногъ, блестящихъ наготой,
 И крѣпкихъ смуглыхъ рукъ, съ ихъ влажной теплотой.
 На шеѣ въ ладонкахъ символы заклинаній
 И цѣломудренно покровъ сирійской тѣани
 Грудь юную замкнулъ вплотную по краямъ —
 Какъ предписалъ законъ гатзорскимъ дочерямъ.

Какъ изваяніе египетскаго бога,
 Величественъ Самсонъ въ покоѣ силы строгой.
 Далила, страстно истомою полна,
 Подъ мощною рукой склонилась въ нѣгѣ сна.
 И тихо онъ заплѣлъ. И смыслъ зловѣще-странный
 Далъ пѣснѣ взглядъ его и выговоръ гортанный.
 Далилѣ чуждъ языкъ той пѣсни. Но Самсонъ
 Поетъ и ровный ритмъ наводитъ легкій сонъ:

«Во всѣ дни и по всѣмъ землямъ Господня царства
 Упорно съ кротостью ведетъ борьбу коварство:
 Мужъ кроткій и жена коварная. Жена —
 Нечистою въ душѣ и въ плоти создана.
 Гдѣ-бъ ни былъ отъ жены рожденный — вѣчной жажды
 Любви и женскихъ ласкъ исполненъ смертный каждый,
 Съ тѣхъ поръ, какъ, возлюбивъ въ своемъ младенцѣ кровь
 И плоть свою, ему внушаетъ мать любовь.
 Свободу дѣйствія и замысла смущая,
 Мечта въ немъ верхъ возьметъ надъ мыслью, вызывая
 Обманами всѣхъ чувствъ — зовущій къ нѣгѣ взглядъ,
 Дыханья и кудрей волнистыхъ ароматъ,
 И поцѣлуевъ ядъ и жажду въ сладкомъ гнѣтѣ
 Благоухающей и теплой женской плоти.
 И образъ женщины, носясь предъ нимъ вездѣ,
 Смутить его въ бою, въ молитвѣ и въ трудѣ.
 И въ городъ онъ пойдетъ нетвердыми шагами,
 И дѣвы тамъ его опутаютъ сѣтями.
 И чѣмъ сильнѣе онъ, тѣмъ гибнетъ онъ. Вѣрнѣй;
 Широкая рѣка волнуется сильнѣй.
 Съ природой, съ ближними борьба для человѣка
 Создателемъ его назначена отъ вѣка

И ищетъ онъ жены сочувственную грудь,
Гдѣ могъ бы головой усталою прильнуть.
И начинается затѣмъ борьба иная,
Подъ сердцемъ, подъ рукой, незримая, глухая.
И гибнуть онъ въ борьбѣ позорной осужденъ —
Далила — имя всѣхъ бывшихъ и сущихъ женъ.

• Въ своей рассчитанной холодности Далила
Въ круту своихъ подругъ кичливо говорила,
Что, красотой гордясь, не любить никого —
И въ хохотъ ея звучало торжество.
Но лучшей изъ подругъ она призналась грубо:
• Мнѣ милъ не человѣкъ; мнѣ наслажденье любо.
• Безъ страсти, безъ любви, я отдыхаюсь рабой,
• Но только сильному — и тотъ, кто въ часъ ночной
• До ложа моего дотронется съ любовью,
• Заплатить за него своею чистой кровью...
• Любовь, сокровища — все праздныя мечты
• Передъ побѣдою, надъ силой, красоты».

— Вотъ онъ, врагъ сильнаго во образѣ рабыни,
Соединеніе коварства и гордыни!
И къ ней-то, къ злой женѣ, стремится духъ и плоть!
И тайну жизни въ ней Ты положилъ, Господь!
Все злѣй она съ тѣхъ поръ, какъ въ вѣкѣ Авраама
Ты отвратилъ свой взоръ отъ нечести и срама.
И скоро страшный часъ пробьетъ для всѣхъ племенъ —
Содомотъ для мужей, Гоморрою для женъ.
И дрогнетъ вся земля отъ гнѣвнаго глагола,
И оскудѣетъ жизнь, и вымрутъ оба пола!

• Ты вѣдаешь одинъ — Богъ сильныхъ! — что во мнѣ
Питала бодрый духъ одна любовь къ женѣ;
Что больше чѣмъ волосъ божественныхъ вся сила
Любовь къ ней въ грудь мою святой отваги влила.
Вотъ, подъ рукой моей, у ногъ моихъ змѣя...
Суди насъ, Мститель-Богъ, земныхъ судей судья!..

• На ложѣ вырвала обманомъ ласкъ Далила
Признанье у меня. И трижды измѣнила.
И трижды продала меня моимъ врагамъ.
И трижды плакала — но не могла глазами
Дать покаянный взглядъ. И мысль, что, вмѣсто мщенья,

Упало на нее величіе прощенья
 Обидной карою—въ ней пересиливъ страхъ,
 Сверкнула бѣшенствомъ въ потупленныхъ глазахъ.
 Такъ тяжело надъ женой, безсильной и лукавой,
 Давленіе кротости и силы величавой.
 Богъ сильныхъ! Я усталъ... Темнѣетъ свѣтъ въ глазахъ...
 Я безъ усилій могъ на вѣшнихъ раменахъ,
 Какъ камень или мѣдъ, держать основы зданья —
 И падаю теперь подъ бременемъ страданья.
 У сердца моего за мной слѣдитъ она
 И мыслить — десять разъ нечистая жена! —
 Что злые умыслы и скрытый ядъ ехидны
 Въ чертахъ лица ея за красотой не видны.
 Я больше не могу не видѣть, не рыдать!
 Мнѣ въ сердцѣ раненомъ гнѣвъ грозный не сдержать:
 Какъ изъ святой святыхъ, изъ Скинии свидѣнья,
 Онъ хлынетъ пламенемъ святого очищенья! —
 Пусть прахъ мой по вѣтру развѣетъ Богъ до тла;
 Я тайну высказалъ: Далила продала.
 И страшный день придетъ опредѣленнымъ срокомъ.
 Я жду. Да сбудется реченное пророкомъ».

Онъ кончилъ и сомкнулъ отяжелѣвшій взоръ,
 И воины вошли, дрожа, въ его шатеръ
 — Имъ на вѣсь золота достался каждый волосъ —
 И выколовъ глаза, но все не смѣя голосоу
 Возвысить передъ нимъ, поволокли въ свой храмъ
 Окровавленнаго, и плотно по рукамъ
 И по ногамъ сковавъ тяжелыми цѣпями,
 Едва поднятыми двѣнадцатью волами.
 И передъ идоломъ во храмъ былъ Самсонъ
 Поставленъ на ноги. И дважды тяжкій стонъ
 Раздался и погнулъ сѣдалище Дагона...
 И дважды поблѣднѣвъ отъ идольскаго стона,
 Жрецы упали ницъ. Потомъ своимъ богамъ
 Въ побѣдномъ торжествѣ курили ошмѣмъ
 И пиръ устроили — и въ непроглядной дали
 До высочайшихъ горъ ихъ крики досягали.

И вознесенная въ побѣдныхъ пѣсняхъ ихъ,
 Смертельно-блѣдная, въ уборахъ дорогихъ,
 Продажная жена — богиней и царицей —

Посажена была предъ жертвенной телицей,
 Но отгоняя мысль, что живъ еще Самсонъ,
 Шептала, вся дрожа: «*онъ не увидитъ онъ!*»

Земля и небеса! Веселимъ великимъ
 Исполнились-ли вы, когда, съ испутомъ дикимъ,
 Въ слѣдахъ двухъ страшныхъ глазъ—вперивъ невольно взоръ—
 Доносица прочла кровавый приговоръ,
 И силу воспріявъ, тяжелыми столбами
 Самсонъ взмахнулъ—и храмъ, и все, что было въ храмѣ,
 Мгновенно раздавилъ: три тысячи враговъ
 Покрывъ осколками ихъ глиняныхъ боговъ?

Земля и небеса! Исполнитесь святою
 И страшной карою, во всѣ вѣка, надъ злою
 Измѣною любви, довѣрчивой всегда,
 И тайнамъ, вырваннымъ изъ сердца, безъ стыда,
 Въ лобзаньи, похотью притворной воспаленномъ,
 На ложѣ, умысломъ доноса оскверненномъ!

В. Курочкинъ.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

ВЪ

АМЕРИКѢ.

• Картины и рассказы.

Prose and poetry, by Bret Harte. Authorized Edition. In two volumes. Leipzig, Bernhard Tauchnitz. 1872.

Франсисъ Бретъ Гартъ, молодой американскій писатель, снискалъ себѣ въ Новомъ-Свѣтѣ громкую славу, отголоски которой начинаютъ проникать и въ Старый-Свѣтъ.

Этотъ необыкновенно даровитый писатель рисуетъ, въ цѣломъ рядѣ очерковъ, окраины американской цивилизаціи. Міръ, въ который онъ вводитъ, міръ отдаленныхъ поселковъ на рубежѣ, населенныхъ бѣлыми, мѣстностей и пустынь, гдѣ вочують краснокожіе, міръ золотыхъ россыпей, съ ихъ своеобразнымъ, бродячимъ, хищническимъ населеніемъ, среди котораго найдется и бѣглый каторжникъ, и промотавшійся кутила и игрокъ! Казалось бы, что въ такомъ мірѣ не мѣсто для поэта, что такая жизнь можетъ дать развѣ только матеріалъ для грубыхъ, сенсационныхъ романовъ. А между тѣмъ это не такъ. Во-первыхъ, то своеобразное общество, которое изображаетъ Бретъ Гартъ, представляетъ также и свои свѣтлыя стороны; борьба его съ разнообразными условіями дикой, иногда суровой природы, поэтична и привлекательна. Во-вторыхъ, Бретъ Гартъ истинный поэтъ, неподдѣль-

ный художникъ съ великой, гуманной душой, богатымъ юморомъ и тонкимъ пониманіемъ всего прекраснаго какъ въ природѣ, такъ и въ человѣческой натурѣ.

Изображая грубые нравы и грубыхъ людей, онъ съ тонкой ироніей и блестящимъ юморомъ показываетъ, что искра небеснаго огня теплится и въ самыхъ грубыхъ, испорченныхъ натурахъ, и часто ожидаетъ одного только дуновения, чтобы разгорѣться яркимъ, согревающимъ пламенемъ. Самые лучшіе рассказы его именно тѣ, гдѣ онъ показываетъ, какъ подъ грубой оболочкой таится нерѣдко обильный родникъ самоотверженія и преданности. Герои его оригинальны, какъ сама природа, окружающая ихъ. Отъ нихъ вѣетъ силой, присутствіе которой чувствуется даже у бездѣльниковъ и подкупаетъ въ ихъ пользу. Мы не встрѣчаемся здѣсь съ тѣми утонченно-развратными и до мозга костей испорченными личностями, которыя, какъ ядовитые грибы, вырастаютъ на гнилой почвѣ европейскихъ большихъ центровъ. Бретъ Гартъ нерѣдко рисуетъ намъ подонки американскаго общества, но сквозь грубую наружную оболочку чувствуется, что у этихъ людей совѣсть не въ конецъ погибла, что имъ доступны и чувство состраданія и великодушные порывы. Это скорѣе дикари, чѣмъ негодяи. Въ самыхъ грубыхъ проявленіяхъ у нихъ сквозитъ нѣкоторое величіе. Когда суровый законъ «линча» настигаетъ ихъ, они умираютъ какъ римскіе герои, безмолвно и съ чувствомъ собственнаго достоинства. О нѣкоторыхъ изъ нихъ Бретъ Гартъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «они являются типами цивилизаціи, которая въ семнадцатомъ столѣтіи была бы называлась геройской, но въ девятнадцатомъ называется попросту безпутной».

Бретъ Гартъ, какъ истинный поэтъ и художникъ, никогда не морализируетъ: онъ достигаетъ своей цѣли, повѣствуя о дѣйствіяхъ и страданіяхъ своихъ героев.

«Я надѣюсь, — говоритъ авторъ въ предисловіи къ собранію своихъ сочиненій, — что воздержался въ предлагаемыхъ эскизахъ отъ всякой возложительной морали. Я могъ бы изобразить своихъ бездѣльниковъ черными красками, такими черными, что сами оригиналы стали бы, пожалуй, смотрѣть на нихъ съ негодованіемъ оскорбленной добродѣтели. Я могъ бы отнять у нихъ всякую возможность совершить какой-либо добродѣтельный или великодушный поступокъ, и такимъ образомъ избѣгнуть нравственной путаницы, которая легко возникаетъ при созерцаніи смѣшанныхъ побужденій и характеровъ. И въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы принять на себя отвѣтственность въ ихъ созданіи, въ

чему я, какъ скромный романистъ, не чувствую ни малѣйшей охоты.

«Я боюсь поэтому, что мнѣ не слѣдуетъ претендовать на какия бы то ни было высшія цѣли и ограничиться намѣреніемъ освѣтить эру, которая до сихъ поръ въ исторіи Калифорніи изобиловала скорѣе событіями, чѣмъ характеристикой дѣятелей,—эру, рисуя которую панегиристы слишкомъ часто довольствовались общими комплиментами современникамъ,—эру, которая такъ еще недалеко отошла отъ насъ, что, пытаюсь оживить ея поэзію, я сознаю, что бужу также и прозаическія воспоминанія этихъ современниковъ,—эру, которая тѣмъ не менѣе дышетъ извѣстной, героической, греческой поэзіей, всего менѣе сознаваемой, быть можетъ, ея героями. И я буду вполне доволенъ, если мнѣ удалось собрать здѣсь матеріалъ для Иліады, которая еще ждетъ своего пѣвца».

Бретъ Гартъ родился въ Альбани и рано лишился отца, богатого человѣка, учителя въ женской школѣ. Окончивъ образованіе въ элементарной школѣ, Бретъ Гартъ поступилъ на время приказчикомъ въ одинъ складъ товаровъ въ Нью-Йоркѣ, но затѣмъ семнадцати лѣтъ отъ роду переѣхалъ съ своей матерью въ Калифорнію, гдѣ сначала добывалъ себѣ хлѣбъ учительствомъ. Онъ пробовалъ также заниматься добываніемъ золота на россыпяхъ, но безъ большого успѣха, пока наконецъ не попалъ на свое истинное призваніе и не посвятилъ себя литературной дѣятельности. Эту послѣднюю онъ началъ съ того, что въ разбросанномъ среди лѣса поселкѣ сталъ издавать политическую еженедѣльную газету, причѣмъ соединялъ въ своемъ лицѣ редактора, писателя и наборщика. Въ то же самое время онъ занимался изученіемъ англійской и американской литературы и старался пополнить свое образованіе.

Переѣхавъ впослѣдствіи въ Санъ-Франциско, онъ участвовалъ въ изданіи нѣсколькихъ газетъ и написалъ тѣ рассказы, которые прославили его въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Его картины природы, описаніе различныхъ временъ года въ Калифорніи, изображеніе таинственнаго утра, вечера и ночи, Сьерры и ея отроговъ, наводненій, тумана, окутывающаго берега, маленькихъ поселковъ и городковъ въ округахъ золотыхъ россыпей, представляютъ цѣлую галерею художественныхъ эскизовъ, увлекающихъ своей свѣжестью и поэтичностью.

I.

Удача Гремучаго-Лагеря.

Сегодня въ Гремучемъ-Лагерѣ царствовало необыкновенное оживленіе. Весь лагерь былъ на ногахъ и столпился у бѣдной хижины на окраинѣ поселка. Люди шепотомъ переговаривались между собой и на всѣхъ устахъ вертѣлось женское имя. То было имя слишкомъ хорошо извѣстной въ лагерѣ проказки — Салли.

Чѣмъ меньше о ней говорить, тѣмъ, быть можетъ, лучше. То была грубая и, боямся, не очень ли грѣшная женщина. Но она была единственной особой женскаго пола въ Гремучемъ-Лагерѣ и лежала теперь въ жестовыхъ мукахъ, при которыхъ ей была бы крайне нужна женская помощь. Какъ ни была она порочна, безпутна и неисправима, но терпѣла такую злую пытку, какую трудно перенести даже и тогда, когда женщину окружаютъ нѣжныя женскія попеченія: теперь же, въ ея безпомощномъ одиночествѣ, пытка эта представляла нѣчто ужасающее. Проклятіе, постигшее первую женщину, постигло и ее при той же первобытной обстановкѣ одиночества, которое должно было служить такой странной карой первой грѣшницѣ. Быть можетъ, искупленіемъ ея грѣховъ служило то, что въ настоящій моментъ, когда она особенно нуждалась въ женскомъ уходѣ, она видѣла кругомъ себя лишь полупрезрительныя мужскія лица. Однако, полагаю, что многіе изъ зрителей ощутили жалость къ ея страданіямъ. Санди Типтонъ полагалъ, что «бѣдной Салли приходится очень плохо», и собогѣзнованіе объ ея безпомощномъ состояніи заставило его даже позабыть о томъ обстоятельстве, что онъ засунулъ въ рукавъ туза и двухъ валетовъ.

Читатель, конечно, догадывается, что такое положеніе дѣлъ было новинкою для лагеря. Смерть была знакомымъ явленіемъ въ Гремучемъ-Лагерѣ, но рожденіе человѣка — небывалымъ. Случалось, что люди навѣки покидали лагерь, но впервые въ него являлось существо *ab initio*. Отсюда и волненіе!

— Пошелъ бы ты туда, Стѣмпи, — сказалъ одинъ изъ именитѣйшихъ гражданъ лагеря «Кентузь», обращаясь къ одному изъ зѣвакъ. Пошелъ бы ты туда и помогъ бы, насколько умѣешь. Ты вѣдь опытенъ въ этихъ вещахъ.

Быть можетъ, выборъ былъ недуренъ. Стѣмпи подъ другими небесами — такъ по крайней мѣрѣ гласила молва — считался главой двухъ семействъ; въ сущности, Гремучій Лагерь — убѣжище

всякихъ бѣглецовъ — былъ обязанъ его присутствіемъ подобному нарушенію закона. Толпа одобрила выборъ и Стѣмпи былъ настолько благоразуменъ, что подчинился желанію большинства. Дверь затворилась за импровизованнымъ акушеромъ, и Гремучій-Лагерь усылся вокругъ хижины, закуривъ трубки, и сталъ ожидать исхода.

Въ собраніи насчитывалось около ста человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ уклонились отъ правосудія, иные были преступники и всѣ — люди безпутные. Наружность ихъ однако не выдавала ни ихъ прошлаго, ни ихъ образа мыслей. Величайшій изъ негоднѣвъ надѣленъ былъ лицомъ Рафаэля и обиліемъ бѣлокурыхъ волосъ. У Окгѣрста, игрока, было задумчивое и глубокомысленно-разсѣянное лицо Гамлета. Самый хладнокровный смѣльчаекъ былъ всего пяти футовъ ростомъ, говорилъ тоненькимъ голосомъ и былъ застѣнчивъ съ виду. Первый силачъ не досчитывался двухъ пальцевъ на правой рукѣ, а первый стрѣлокъ былъ кривъ.

Таковы были фizioноміи у людей, разсѣвшихся вокругъ хижины. Лагерь помѣщался въ трехъугольной долинкѣ, между двумя холмами и рѣкой. Единственнымъ путемъ къ нему служила крутая тропинка, которая вилась по гребню холма, напротивъ хижины, и въ настоящую минуту озарялась луной. Страдалица могла видѣть ее съ грубой скамьи, на которой она лежала... видѣть, какъ она вилась серебристой ниточкой, пока не терялась вверху, среди звѣздъ.

Костеръ изъ сухихъ еловыхъ вѣтокъ придавалъ нѣкоторую уютность собранію. Мало-по-малу обычное оживленіе вернулось. Завязывались паріи касательно исхода событія: трое держали противъ пятерыхъ, что «Салли благополучно перенесетъ передрагу», и даже, что дитя останется въ живыхъ; затѣмъ держали паріи касательно пола и цвѣта волосъ ожидаемаго пришельца. Въ разгарѣ самыхъ оживленныхъ споровъ донеслось восклицаніе тѣхъ, которые сидѣли всего ближе къ дверямъ хижины, и весь лагерь умолкъ и сталъ прислушиваться. Ропотъ и стонъ качающихся елей, журчаніе быстрой рѣчки и трескъ горящихъ вѣтокъ вдругъ заглушились рѣзкимъ, жалобнымъ крикомъ... кривомъ, непохожимъ на всѣ другіе звуки, которые доселѣ раздавались въ лагерь! Ели стихли, рѣка смолкла, и горящія вѣтви притаились. Казалось, вся природа сдержала свое дыханіе и также прислушивалась.

Лагерь вскочилъ на ноги, какъ одинъ человѣкъ! Послышалось предложеніе сжечь боченокъ пороху, но тутъ же было отвергнуто во вниманіе къ состоянію матери и дѣло ограничилось

всего двумя выстрѣлами изъ револьвера: благодаря ли грубой медицинской помощи, или по другимъ какимъ причинамъ, но только проезжка Салли быстро отходила. Прошелъ часъ, и она уже перешла по той крутой тропинкѣ, которая вела къ звѣздамъ, и навѣки покинула Гремучій-Лагерь съ его стыдомъ и позоромъ. Не думаю, чтобы эта вѣсть особенно разстроила его обитателей, которыхъ теперь занимала участь ребенка.—Можетъ ли онъ теперь остаться въ живыхъ? спрашивали у Стѣмпи. Отвѣтъ былъ сомнителенъ. Единственное существо одного пола съ прокезкой Салли во всемъ поселкѣ—была ослица. Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній опытъ кормленія былъ произведенъ. Онъ былъ менѣе загадоченъ, чѣмъ вскормленіе Ромула и Рема и, повидимому, столь же успѣшенъ.

Когда все было приведено въ порядокъ, на что потребовался еще добрый часъ, дверь отворилась и озабоченная толпа гускомъ потянулась въ хижину. Возгъ низкой свамьи, на которой обрисовывалась окоченѣвшая фигура матери, прикрытая одѣяломъ, стоялъ столь изъ еловаго дерева. На немъ стоялъ ящикъ изъ-подъ свѣчей и въ немъ лежалъ, завернутый въ красную фланель, новый припелецъ въ Гремучій-Лагерь. Возгъ ящика стояла шляпа. Назначеніе ея вскорѣ объяснилось.—«Джентельмены,—такъ распоряжался Стѣмпи съ странной примѣсью авторитета и *ex officio* въ голосѣ,—покорнѣйше прошу васъ входить въ переднюю дверь, обходить кругомъ стола и выходить черезъ заднюю дверь. Желающіе пожертвовать что-нибудь сироткѣ, найдутъ шляпу, поставленную съ этой цѣлью». Первый вошедшій былъ въ шляпѣ; онъ снялъ ее, однако, когда оглядѣлся и такимъ образомъ безсознательно подаль примѣръ другимъ. Въ подобной средѣ какъ хорошіе, такъ и дурные поступки заразительны. По мѣрѣ того, какъ процессія проходила, слышались различныя замѣчанія: «такъ вотъ онъ!», «какая крошка», «да онъ не больше пистолета» и проч. Пожертвованія были также характеристичны: серебряная табакерка, дублонъ, револьверъ съ серебряной отдѣлкой, кусокъ самороднаго золота, прелестно вышитый дамскій носовой платокъ (отъ Окгѣрста, игрока), брилліантовая булавка, брилліантовый перстень, библия (жертвователь остался неизвѣстенъ), золотая шпора, серебряная чайная ложка (вензель, я долженъ замѣтить съ сожалѣніемъ, не принадлежалъ жертвователью), пара хирургическихъ ножицъ, ланцетъ, билетъ англійскаго банка въ пять фунтовъ стерлинговъ и около двухсотъ долларовъ золотой и серебряной монетой. Во время этой процессіи Стѣмпи хранилъ такое же невозмутимое безмолвіе, какъ и покойница, лежавшая у него по

лѣвую руку, и такую же серьезность, какъ и новорожденный, поковившійся по правую руку. Только одно маленькое происшествіе нарушило однообразіе этой любопытной сцены. Въ то время, какъ Кентуэ съ любопытствомъ наклонился надъ ящикомъ, дитя пошевелилось и судорожно ухватилось за его палецъ, который съ минуту не выпускало. Кентуэ смутился и сконфузился. Нѣчто въ родѣ краски появилось на его огрубѣломъ лицѣ: — «Ахъ ты пострѣленокъ!» пробормоталъ онъ, высвобождая палецъ съ бѣльшей осторожностью и нѣжностью, чѣмъ отъ него можно было ожидать. Онъ съ любопытствомъ оглядѣлъ палецъ, отходя прочь. Осмотръ кончился тѣмъ же восклицаніемъ. Оно, повидимому, ему очень понравилось. — «Онъ ухватился за мой палецъ, — замѣтилъ онъ Типтону, поднося ему палецъ къ самому носу, — ахъ онъ пострѣленокъ!»

Было уже четыре часа утра, когда лагерь, наконецъ, успокоился. На слѣдующій день прожезу Салли похоронили съ простотой, приличной Гремучему-Лагерю. Послѣ того, какъ тѣло ея предано было землѣ, весь лагерь сошелся на митингъ, чтобы обсудить, какъ поступить съ ея ребенкомъ. Намѣреніе усыновить его было высказано съ энергіей и восторгомъ. Оживленный споръ завязался послѣ того, какимъ образомъ вскормить его. Замѣчательно, что въ этомъ спорѣ не слышалось той изступленной ярости, какою обыкновенно сопровождалась споры въ Гремучемъ-Лагерѣ. Типтонъ предложилъ послать ребенка въ Редъ-Догъ — мѣстность, отстоявшую на сорокъ миль, гдѣ можно было найти женскій уходъ. Но это злополучное предложеніе встрѣтило жестокую и единодушную оппозицію. Было очевидно, что никакой планъ, который бы повлекъ за собой разлуку съ питомцемъ, не будетъ принятъ. — «Къ тому же, замѣтилъ Томъ Рейдеръ, молоды въ Редъ-Догъ какъ разъ обмѣнять намъ ребенка и подсунуть другого». Недовѣріе къ честности другихъ лагерей царствовало въ Гремучемъ-Лагерѣ, точно такъ, какъ и въ другихъ поселкахъ.

Приглашеніе нянѣж-женщины въ лагерь было тоже отвергнуто. Заявлялось, что ни одна порядочная женщина не пойдеть въ Гремучій-Лагерь, а «другихъ имъ больше не надобно». Нелюбезный намѣвъ на покойную мать питомца, не смотря на его казущуюся жестокость, былъ первымъ проявленіемъ чувства приличія — первымъ симптомомъ нравственнаго возрожденія лагеря. Стѣши ничего не говорилъ. Быть можетъ, онъ считалъ недовѣрчивымъ вмешиваться въ это дѣло. Но когда его мнѣніе было спрошено, онъ твердо заявилъ, что онъ и «Джинни», вышеупомянутое млекопитающее, берутся воспитать дитя. Въ этомъ планѣ было нѣ-

что оригинальное, независимое, героическое, что понравилось лагерю. Стэмпи былъ утвержденъ нянькой. За нѣкоторыми вещами для ребенка послано было въ Сакраменто. — «Помни, замѣтилъ казначей, вкладывая въ руку посланца мѣшочекъ съ золотымъ пескомъ, намъ нужно все лучшее... кружева, филигранная работа, всякія тамъ оторочки, чортъ побери!»

Странно сказать, но дитя процвѣтало. Быть можетъ, живительный горный воздухъ вознаграждалъ за другія матеріальныя лишения. Природа приняла на свое обширное лоно приемыша. Въ разрѣженной атмосферѣ горныхъ вершинъ, у подошвы Сьерры; въ томъ воздухѣ, исполненномъ бальзамическаго благоуханія, и возбуждающемъ и подкрѣпляющемъ силы, находилъ онъ необходимую для себя пищу, а не то, быть можетъ, тонкая химическая сила претворяла молоко ослицы въ необходимые известъ и фосфоръ. Стэмпи вѣрилъ въ послѣднее и въ хорошій уходъ. — «Я и эта ослица, — говаривалъ онъ, — замѣнили ему отца съ матерью! Смотри, не вздумай когда-либо повернуться къ намъ спиной», прибавлялъ онъ, обращаясь къ безпомощному существу, лежащему передъ нимъ.

Когда дитяти исполнился мѣсяцъ отъ рожденія, то необходимость надѣлать его какимъ-нибудь прозвищемъ стала очевидна. Его до сихъ поръ звали безразлично «Козленокъ», «мальчикъ Стэмпи» и даже, по примѣру Кентува, «пострѣленнымъ». Но все это было неудовлетворительно и вскорѣ отвергнуто подъ новымъ вліяніемъ. Игроки и авантюристы вообще суевѣрны, и Огѣрстъ объявилъ однажды, что *baby* принесъ «удачу» Гремучему-Лагерю. Несомнѣнно, что въ послѣднее время имъ особенно везло. Поэтому выборъ остановился на прозвищѣ «Удача», причемъ для удобства порѣшено предпослать ему имя Томми. И вотъ, назначили день для крестинъ. Что подразумѣвалось подъ этой церемоніей, читатель легко можетъ себѣ представить, такъ какъ вообще уже получилъ понятіе о полномъ безбожіи Гремучаго-Лагера. Церемоніймейстеромъ назначенъ былъ нѣкій «Бостонъ», вѣстный шутникъ, для котораго настоящій случай былъ истиннымъ праздникомъ. Этотъ остроумный сатирикъ цѣлыхъ два дня употребилъ на то, чтобы сочинить шутку, долженствовавшую служить пародіей богослуженія. Хоръ былъ обученъ, какъ слѣдуетъ, и Санди Типтонъ назначенъ былъ въ крестине отцомъ. Но когда процессія съ музыкой и развернутыми знаменами направилась къ лѣсу и дитя уже положили на столъ, долженствовавшій изображать алтарь, Стэмпи выступилъ впередъ и смѣло сказалъ собравшейся толпѣ: — «Не въ моемъ обычаѣ смущать людское веселье,

господа, но мнѣ кажется, что вы затѣяли непутное. Глупо вѣдъ шутить шутки надъ младенцемъ, который ничего не понимаетъ. И если кто имѣетъ здѣсь право быть ему крестнымъ отцомъ, то кажется мнѣ, что человѣкъ этотъ — я».

За рѣчью Стѣмпи наступило молчаніе. Къ чести всѣхъ юмористовъ замѣчу, что первый, кто призналъ ея справедливость, былъ сатирикъ. — «Но, продолжалъ Стѣмпи поспѣшно, замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное его словами, — мы собрались здѣсь для крестинъ — и онъ перекрестилъ дитя. — Я провозглашаю тебя Томасомъ Удачей, на основаніи законовъ Соединенныхъ Штатовъ и штата Калифорніи, и съ помощью Божіей!» Впервые имя Бога призвано было въ Гремучемъ-Лагерѣ не ради богохульства. Обрядъ крещенія оказался, быть можетъ, еще комичнѣе, чѣмъ предполагалъ сатирикъ. Но страннымъ образомъ, никто не нашелъ его смѣшнымъ и никто не засмѣялся. «Томми» былъ окрещенъ также серьезно, какъ бы это было подъ любой христіанской крышей, и при этомъ кричалъ и былъ успокоиваемъ такимъ же точно правовѣрнымъ способомъ.

И вотъ какимъ образомъ началось нравственное возрожденіе Гремучаго-Лагеря. Едва примѣтная переменъ совершалась въ поселкѣ. Хижина, отведенная «Томми Удачѣ» или просто «Удачѣ», какъ его чаще называли, носила слѣды улучшенія. Она содержалась въ безукоризненной чистотѣ и была оштукатурена. Затѣмъ, мало-по-малу въ ней сдѣланъ былъ полъ, потолокъ, и она оклеена была обоями. Колыбель изъ розоваго дерева — привезенная за восемьдесятъ миль на спинѣ у мула — по выраженію Стѣмпи «убивала всю остальную мебель». Такимъ образомъ усовершенствованіе хижины стало необходимою. Люди, имѣвшіе привычку частенько заходить въ Стѣмпи, чтобы поглядѣть, «какъ поживаетъ Удача», повидимому цѣнили эту переменъ, и соперничающее заведеніе «Кабачекъ Тутля» поспѣшилъ обзавестись ковромъ и зеркалами. Отраженіе въ нихъ фигуръ обитателей Гремучаго-Лагеря побудило этихъ послѣднихъ больше заботиться о своей наружности. Къ тому же Стѣмпи держалъ на почтительномъ разстояніи нерахъ, желавшихъ подержать на рукахъ «Удачу». Это жестоко обижало Кентука, который съ безпечною широкой натуры привыкъ смотрѣть на платѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на вторую шкуру, вторая, подобно змѣиной, должна была спадать сама собой, когда приходила въ совершенную негодность. Однако такъ сильно было вліяніе нововведеній, что Кентукъ сталъ регулярно появляться въ чистой рубашкѣ и съ вымытымъ до чиста лицомъ. Нравственными, какъ и санитарными задачами перестали

пренебрегать. «Томми», который, какъ предполагалось, долженъ былъ спать день-деньской, не могъ страдать отъ шума. Гвалтъ и крики, которые заслужили лагерю его прозвище, не допускались на извѣстномъ разстояніи отъ жилища Стѣмни. Люди бесѣдовали шопотомъ, или курили съ индѣйской степенностью. Брань и ругательныя слова, въ силу безмолвнаго договора, изгнаны были изъ этой священной обители. Вокальная музыка не была возбранена, такъ какъ полагали, что она обладаетъ свойствомъ успокоивать и укрощать, и одна пѣсня, которую пѣвалъ «Вопиственный Джекъ», англійскій матросъ изъ австралійскихъ колоній ея британскаго величества, очень почиталась, какъ колыбельная пѣсня. То было угрюмое повѣствованіе о подвигахъ «Аретузы», семидесяти-четырехъ-пушечнаго судна, въ уныломъ минорномъ тонѣ, и каждый стихъ оканчивался протяжной замирающей нотой: «На-ю-о-о-ра-а-блѣ Арету-у-у-зѣ». Приятно было видѣть, какъ Джекъ качивалъ Томми, подражая качкѣ корабля. Эта ли качка, или длиннота пѣсни—въ ней было девяносто куплетовъ, которые Джекъ обыкновенно добросовѣстно дотягивалъ до конца—была тому причиной, но только желанное дѣйствіе никогда не заставляло себя ждать. Когда «Удача» засыпалъ, люди растягивались подъ деревьями, въ мягкомъ лѣтнемъ полусвѣтѣ, курия трубки и вслушиваясь въ мелодическіе звуки пѣсни. Смутное сознаніе, что въ этомъ заключается патріархальное счастье, охватывало лагерь.

Въ длинные лѣтніе дни «Удачу» приносили обыкновенно въ то ущелье, изъ котораго поселенцы Гремучаго-Лагеря добывали свое золото. Тамъ лежалъ онъ обыкновенно на шерстяномъ одѣялѣ, растянутомъ подъ вѣтвями елей, пока люди работали. Позднѣе дѣлаемы были попытки устроить ему бесѣдку изъ цвѣтовъ и благоухающаго кустарника. Обыкновенно тотъ или другой изъ поселенцевъ приносилъ ребенку букетъ изъ жимолости или азалій. Поселенцы внезапно сознали фактъ, что въ тѣхъ мелочахъ, мимо которыхъ они до сихъ поръ проходили безъ всякаго вниманія, таится извѣстная прелесть и извѣстный смыслъ. Кусочекъ пестраго кварца, красивый кремень изъ русла ручья стали казаться прекрасными просвѣтленнымъ очамъ и поѣтому ихъ слѣдовало непременно принести «Удачѣ». Удивительно, сколько сокровищъ доставляли лѣсъ и горы, сокровищъ, которыя всѣ предназначались для Томми. Окруженный игрушками, которыми никогда не игравали другія дѣти, кромѣ развѣ въ сказкахъ, Томми, надо полагать, былъ доволенъ. Онъ несомнѣнно казался счастливымъ, хотя въ его круглыхъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилась какая-то дѣтская серьезность и задумчивость, которая порою хватала Стѣмни

за самое сердце. Такъ росло дитя. Природа была его кормилицей и товарищемъ его игръ. Для него пропускала она золотистые лучи сквозь листву древесныхъ вершинъ, и эти лучи падали какъ разъ на его маленькое личико, такъ что онъ могъ ихъ ловить руками. Къ нему подсылала она вѣтерокъ, напоенный ароматами лаврового дерева и смолы. Ему привѣтливо кивали высокія деревья, его убаюкивало жужжаніе пчелъ и карканье воронъ.

Такъ протекало золотое лѣто въ Гремучемъ-Лагерѣ. Поселенцамъ везло и «Удача» не покидала ихъ. Добыча золота удесятирилась. Лагерь ревниво оберегалъ свои права и привилегіи и подозрительно глядѣлъ на всякаго пришельца. Иммиграція не пооприлась, и для того, чтобы еще болѣе обезпечить свое одиночество, они приобрѣли законнымъ порядкомъ землю, лежавшую по обѣ стороны горъ, окружавшихъ лагерь. Это обстоятельство и слава, приобретенная ими по части искусства владѣть револьверомъ, дѣлали то, что никто и не пытался потревожить ихъ уединеніе. Почтарь — единственное звено, соединявшее ихъ съ окружающимъ міромъ — рассказывалъ изумительныя вещи про лагерь. Такъ онъ говорилъ: «у нихъ въ Гремучемъ-Лагерѣ есть такая улица, которой ни одна улица въ Редъ-Догъ и въ подметки не годится. Дома у нихъ увиты виноградной лозой и цвѣтами, и они моются по два раза на дню. Но они чертовски грубы съ иностранцами и поклоняются индѣйскому младенцу».

Вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ лагера явилось желаніе къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ. Предложено было построить къ будущему лѣту отель и пригласить нѣсколько приличныхъ семей на жительство, съ тѣмъ, чтобы «Удача» могъ водиться съ ними, такъ какъ женское общество можетъ быть для него полезно. Успѣхе, котораго стоила эта уступка слабому полу нашимъ поселенцамъ, вообще питавшимъ сильныя сомнѣнія насчетъ добродѣтели и полезности этого пола, можетъ быть объяснено только ихъ любовью къ Томми. Немногіе лишь воспротивились этому рѣшенію. Но такъ какъ его нельзя было привести въ исполненіе раньше трехъ мѣсяцевъ, то меньшинство добродушно покорилось, рассчитывая, что какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство помѣшаетъ всему дѣлу.

Такъ и случилось.

Зима 1851 г. будетъ долго памятна въ той мѣстности. Снѣгъ покрывалъ толстымъ слоемъ вершины Сьерры и каждый ручеекъ превратился въ потокъ, каждый потокъ въ озеро. Всѣ ущелья и овраги наполнились водой, которая съ шумомъ катилась съ холмовъ, съ корнемъ вырывая деревья и неся обломки въ долины.

Редъ-Догъ былъ уже дважды подъ водой и Гремучій-Лагерь предвкушалъ ожидающую его участь. «Вода намыла золото въ ущелья, говаривалъ Стѣмпи. Она уже была здѣсь однажды и снова побываетъ!» И въ эту самую ночь сѣверный рукавъ рѣки вышелъ изъ своихъ береговъ и разлился по трехъугольной долинѣ Гремучаго-Лагеря. Среди хаоса бурно несущейся воды, падающихъ деревьевъ, трескающихся бревенъ и ночного мрака, который казалось вмѣстѣ съ водой затоплялъ милую долину и стремился погубить ее,—трудно было собрать разбросанный лагерь. Когда наступило утро, то оказалось, что хижина Стѣмпи, стоявшая всего ближе къ рѣкѣ, исчезла. Повыше, въ ущельѣ найдено тѣло ея злополучнаго обладателя; но гордости, надежды, радости, «Удачи» Гремучаго-Лагеря нигдѣ не было видно. Съ удрученными сердцами отошли поселенцы отъ этого мѣста, какъ вдругъ громкій крикъ донесся съ рѣки. То былъ спасительный челнокъ, приплывшій далеко съ того берега рѣки. Люди, сидѣвшіе въ немъ, говорили, что подобрали за двѣ мили отсюда плывшаго мужчину и маленькое дитя, которые совсѣмъ почти выбились изъ силъ. Не знаетъ ли кто здѣсь ихъ, и не здѣшніе ли они?

Одного взгляда поселенцамъ было достаточно, чтобы удостовѣриться, что передъ ними лежалъ Кентукъ, жестоко истерзанный, но все еще державшій въ своихъ рукахъ Удачу Гремучаго-Лагеря. Нагнувшись надъ оригинальной четой, поселенцы увидѣли, что дитя уже похолодѣло, а пульсъ его пересталъ биться.—«Онъ мертвъ», сказалъ одинъ. Кентукъ открылъ глаза.—«Мертвъ?» повторилъ онъ слабымъ голосомъ.—«Да, мой другъ, да и ты тоже при смерти». Улыбка засвѣтилась въ глазахъ умирающаго Кентука.—«При смерти! повторилъ онъ.—Онъ беретъ меня съ собой. Скажите молодцамъ, что Удача осталась при мнѣ». И сильный мужчина, держась за слабого ребенка, какъ утопающій хватается за соломенку, уплылъ по той тѣнистой рѣкѣ, которая исповонъ вѣковъ катитъ свои воды въ невѣдомое море, и по которой мы всѣ поплывемъ.

II.

Изгнанники Поверъ-Флата.

М-ръ Джонъ Окгёрстъ, картежникъ по профессіи, прогуливаясь 23-го ноября 1850 г. по главной улицѣ Поверъ-Флата, почуялъ въ воздухѣ недоброе. Два-три прохожихъ, оживленно бесѣдовавшихъ другъ съ другомъ, умолкли при видѣ его и об-

тѣнились многозначительными взглядами. Въ воздухѣ носилось нѣчто торжественное и... такъ сказать грозное.

Спокойное, красивое лицо м-ра Окгёрста не выказало и тѣни смущенія, хотя весьма вѣроятно причина такого необыкновеннаго явленія не осталась для него непонятной. «Надо полагать,—подумалъ онъ про себя,—что они на кого-то ополчились; весьма возможно, что это на меня!» Онъ обмахнулъ носовымъ платкомъ красную пыль Покеръ-Флата съ своихъ щегольскихъ сапоговъ и безмятежно продолжалъ путь.

Въ самомъ дѣлѣ Покеръ-Флатъ «на кого-то ополчился». Въ послѣдніе дни городокъ лишился нѣсколькихъ тысячъ долларовъ, двухъ дорогихъ лошадей и именитѣйшаго изъ своихъ гражданъ. Поселокъ пришелъ въ благородное негодованіе. Собрался тайный комитетъ и порѣшилъ очистить городокъ отъ всѣхъ подозрительныхъ личностей. Двое изъ осужденныхъ уже висѣли на сучьяхъ явора, растущаго въ ущельѣ, а остальные приговорены были къ изгнанію. Съ сожалѣніемъ долженъ упомянуть, что въ числѣ послѣднихъ были и дамы. М-ръ Окгёрстъ не ошибся, предполагая, что попалъ въ категорію осужденныхъ. Нѣкоторые изъ членовъ комитета предлагали повѣсить его, находя, что такимъ способомъ скорѣе всего вернуть проигранныя ему деньги. Но другіе, болѣе добросовѣстные, которымъ случалось и выигрывать у м-ра Окгёрста, возстали противъ такого узкаго, чисто личнаго направленія.

М-ръ Окгёрстъ выслушалъ свой приговоръ съ философскимъ спокойствіемъ, тѣмъ болѣе, что очень хорошо сознавалъ, что судьи его смущены. Онъ былъ игрокъ, а слѣдовательно и фаталистъ. Жизнь въ его глазахъ была азартной игрой, и онъ покорно склонилъ голову въ настоящемъ случаѣ передъ проигрышемъ.

Отрядъ вооруженныхъ людей сопровождалъ до границы поселка изгоняемый изъ Покеръ-Флата порокъ. Кромѣ м-ра Окгёрста, который пользовался репутаціей смѣлаго и отчаяннаго человѣка, и для устрашенія котораго собственно и предназначался вооруженный конвой, партія изгнанниковъ состояла изъ молодой женщины, извѣстной въ обществѣ подъ именемъ «Герцогини», ея подруги, именуемой «теткой Шиптонъ» и «дяди Билли», состоявшаго въ сильномъ подозрѣніи, какъ вора и заѣдомаго пьяницы. Кавалькада не вызвала никакихъ замѣчаній со стороны зрителей; конвой тоже безмолвствовалъ. Но когда ущелье, служившее границей поселка, было достигнуто, то предводитель конвоя произнесъ краткое и выразительное внушеніе. Изгнаннымъ воспрещалось возвращаться подъ страхомъ смерти. Когда конвой серылся изъ виду, изгнанники дали волю чувствамъ, одушевлявшимъ ихъ: Герцогиня

разразилась истерическимъ плачемъ, тётка Шиптонъ изрекла нѣсколько ругательствъ, а дядя Билли послать отряду вслѣдъ цѣлый залпъ болѣе или менѣе энергическихъ словъ. Одинъ Оггёрстъ оставался невозмутимо спокоенъ. Дорога въ Санди-Баръ, — лагерь, котораго еще не коснулся духъ реформы, снизшедшій на Поверъ-Флатъ, и который, слѣдовательно, могъ служить падающимъ для нашихъ изгнанниковъ, — лежала по ту сторону горъ, который казались добраться до него, предстояло довольно тягостное путешествіе, которое должно было занять цѣлыя сутки. Въ настоящее позднее время года, наши путешественники скоро перешли изъ влажнаго, умѣренного пояса долины въ сухую, холодную, рѣзкую температуру Сьерры. Тропинка была узка и крута. Въ полдень Герцогиня, скатившись съ сѣдла на землю, заявила о своемъ твердомъ рѣшеніи не дѣлать шага далѣе, и караванъ слѣдуетъ привалъ.

Мѣсто, на которомъ они находились, было живописное и живописное. Амфитеатръ, поросшій лѣсомъ и окруженный съ трехъ сторонъ крутыми скалами изъ обнаженного гранита, съ четвертой склонялся надъ пропастью и владычествовалъ надъ долиной. Безъ сомнѣнія, мѣсто это было очень удобно для привала, еслибы только привалъ вообще былъ желателенъ. Но м-ръ Оггёрстъ зналъ, что врядъ ли полшута до Санди-Баръ было пройдено, а у нихъ не было ни провизіи, ни теплой одежды, которая могла бы дозволить имъ мѣшкать.

Онъ указывалъ на это обстоятельство своимъ спутникамъ съ философскимъ замѣчаніемъ, «что-де глупо складывать руки прежде, чѣмъ игра выиграна». Но у спутниковъ имѣлась въ запасъ вода, которая въ настоящемъ случаѣ замѣняла имъ пищу, тепло, отдыхъ — и предусмотрительность. Не взирая на его укоризны, они не замедлили подпасть вліянію винныхъ паровъ. Дядюшка Билли быстро перешелъ изъ воинственнаго настроенія въ безчувственность, Герцогиня принялась хныкать, а тётка Шиптонъ захрапѣла. М-ръ Оггёрстъ одинъ пребывалъ невозмутимымъ и, прислонясь къ скалѣ, спокойно наблюдалъ за своими спутниками.

М-ръ Оггёрстъ не пилъ. Этого не допускала его профессія, требовавшая хладнокровія, невозмутимости и присутствія духа; онъ, говоря его собственными словами, «не могъ дозволить себѣ такой роскоши». Между тѣмъ, какъ онъ глядѣлъ на своихъ распростертыхъ по землѣ товарищей изгнанія, — одиночество, неразлучное съ существованіемъ паріи, его привычки, самые пороки впервые мучительно отзывались въ его сознаніи. Онъ поспѣшилъ разсѣять себя и принялся чистить свое платье, вымыть руки и

лицо, и вообще занялся своей внѣшностью, которою онъ никогда не пренебрегалъ, и на минуту разсѣялъ тоску. Мысль покинуть своихъ слабѣйшихъ и жалкихъ товарищей совсѣмъ не приходила ему въ голову. Онъ поглядѣлъ на мрачныя стѣны, возвышавшіяся на тысячу футовъ въ вышину надъ амфитеатромъ сосенъ, тѣснившаго думалъ онъ его, на небо, заволоченное грозными тучами, на возможно приставившуюся подъ его ногами и уже окутанную сумракомъ. Въ эту минуту кто-то произнесъ его имя.

Всадникъ тихо спускался по тропинкѣ. Въ свѣжей, открытой физиономіи новаго пришельца м-ръ Окгёрстъ призналъ Тома Симсона, по прованью «Простота», изъ Санди-Бара. Онъ встрѣтилъ его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ за карточнымъ столомъ и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ выигралъ все состояніе—доходившее до сорока долларовъ у этого невиннаго юноши. Когда въ ихъ личностяхъ м-ръ Окгёрстъ отозвалъ юнаго спекулянта за дверь и сунулъ ему съ слѣдующей рѣчью: «Томми, вы хорошій малый, но ни бельмеса не понимаете въ картахъ: не повторяйте опыта»,—затѣмъ онъ сунулъ ему обратно его деньги, тихонько вытолкнувъ его за дверь и такимъ образомъ приобрѣлъ преданнаго раба въ Томѣ Симсонѣ.

Воспоминаніе о прошломъ слышалось въ восторженномъ и радостномъ привѣтствіи Тома Симсона. Онъ направляется, объяснилъ онъ, въ Покеръ-Флатъ, искать счастья.—Одинъ?—Нѣтъ, не совсѣмъ; говоря по правдѣ, онъ убѣждалъ съ Пинни Вудсъ. Помнить ли м-ръ Окгёрстъ Пинни? Она обыкновенно прислуживала въ обществѣ тревости? Они давно уже обручились, но старый Джекъ Вудсъ не позволялъ имъ жениться, поэтому они убѣжали и отправляются въ Покеръ-Флатъ, гдѣ и намѣрены обвѣнчаться. Они такъ устали, и что за счастье, что нашли мѣстечко для привала и товарищей. Все это Простота высказалъ скороговоркой, между тѣмъ какъ Пинни, статная, красивая дѣвушка, лѣтъ пятнадцати, показала изъ-за деревьевъ, гдѣ она невидимо краснѣла, и поѣхала рядомъ съ своимъ женихомъ.

М-ръ Окгёрстъ рѣдко задумывался о чувствахъ, тѣмъ менѣе о причинахъ; но въ немъ смутно шевельнулась мысль, что Томми попалъ не особенно удачно. Совсѣмъ тѣмъ онъ сохранилъ настолько присутствія духа, чтобы ткнуть ногой дядюшку Билли, который собирался что-то сказать; дядюшка же Билли оказался настолько трезвъ, чтобы признать въ ударѣ м-ра Окгёрста первостепеннаго силача, съ которымъ шутки плохи. Затѣмъ м-ръ Окгёрстъ сталъ убѣждать Тома Симсона продолжать свой путь, но напрасно. Онъ даже сослался на то, что у нихъ не было

ничего съѣстного и никакихъ приспособленій для ночлега. Но въ несчастію Простота возразилъ на это, что съ нимъ есть мулъ, нагруженный съѣстными припасами и къ довершенію всего открылъ нѣчто въ родѣ грубаго «бловгауза» возлѣ тропинки. — Пинни побудеть съ миссисъ Окгёрстъ, прибавилъ Простота, указывая на Герцогиню, а я ужъ какъ-нибудь устроюсь.

Только спасительный ударъ ногой м-ра Окгёрста помѣшалъ дядюшкѣ Билли разразиться громкимъ хохотомъ. Такимъ образомъ онъ вынужденъ былъ отойти подальше, пока у него не пройдетъ охота смѣяться. Тутъ онъ на свободѣ подѣлился забавной шуткой съ высокими соснами, похлопалъ себя нѣсколько разъ по ногѣ и искривилъ лицо; но, вернувшись въ каравану, напелъ всѣхъ сидящими вокругъ огня — воздухъ сталъ ощутительно рѣзокъ и все небо заволокло тучами — и въ дружеской бесѣдѣ. Пинни съ откровеннымъ, дѣтскимъ видомъ рассказывала что-то Герцогинѣ, которая слушала съ необычнымъ интересомъ и оживленіемъ. Простота съ такимъ же успѣхомъ занималъ м-ра Окгёрста и тѣтку Шиптонъ, которая вдругъ стала любезна. «Ишь, ты чортовъ пинникъ!» проворчалъ дядюшка Билли, съ язвительной усмѣшкой наблюдая за безпечной группой, сверкающимъ костромъ и спутанными животными на заднемъ планѣ. Вдругъ какая-то мысль промелькнула въ его головѣ, отуманенной винными парами. Мысль была, повидимому, забавнаго свойства, потому что онъ снова потеръ свою ногу и зажалъ кулакомъ ротъ.

Когда ночь медленно спустилась надъ горой, легкой вѣтерокъ заколыхалъ верхушки сосенъ и застоналъ среди ихъ длинныхъ, прямыхъ стволовъ. Полуразвалившаяся хижина, покрытая сосновыми вѣтвями, была приготовлена для дамъ. Женихъ и невѣста, прощаясь другъ съ другомъ, обмѣнялись такимъ честнымъ и звонкимъ поцѣлуемъ, что онъ покрылъ собой шумъ вачающихся сосенъ. Изгнѣженная Герцогиня и злорадная тетка Шиптонъ были вѣроятно такъ поражены этой простотой, что ушли въ хижину, не произнося ни слова. Въ костеръ положили новыхъ сучьевъ, мужчины растянулись у дверей и черезъ нѣсколько минутъ всѣ уснули.

М-ръ Окгёрстъ спалъ чутко. Подъ утро онъ проснулся весь ооченьившій. Въ то время, какъ онъ старался оживить потухающій огонь, его щеки коснулась нѣчто, отъ чего кровь застыла въ его жилахъ: — то былъ *снѣгъ*! Онъ вскочилъ на ноги, собираясь разбудить спавшихъ, потому что времени нельзя было терять ни минуты. Но оглянувшись на то мѣсто, гдѣ спалъ дядюшка Билли, онъ не нашелъ его. Подозрѣніе мелькнуло въ

его головѣ и вызвало проклятіе на его уста. Онъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ привязаны были мулы; ихъ тамъ больше не было. Слѣды ихъ быстро исчезли помяв валившимъ снѣгомъ. Минутное возбужденіе вернуло м-ру Окгёрсту его обычное спокойствіе. Подойдя къ костру, онъ не разбудилъ спящихъ. «Простота» мирно дремала съ улыбкой на своемъ свѣжемъ, добродушномъ лицѣ; дѣвственная Пинни такъ же сладко почивала возлѣ своихъ грѣшныхъ сестеръ, какъ если бы сонъ ея охраняли ангелы-хранители, и м-ръ Окгёрстъ, накинувъ свое одѣяло на плечи, погладилъ свои усы и сталъ дожидаться разсвѣта. Медленно наступилъ разсвѣтъ, среди крутящихся облаковъ снѣга, который залѣплялъ глаза. Ландшафтъ, насколько его можно было видѣть, магически измѣнилъ свой характеръ. М-ръ Окгёрстъ, поглядѣвъ на долину, и резюмировалъ настоящее и будущее въ двухъ словахъ: «занесть сныюма!»

Тщательный осмотръ провизіи, которая, къ счастью для каравана, была внесена въ хижину и такимъ образомъ избѣжала воровскихъ рукъ дядюшки Билли, показалъ, что при осмотрительности и благоразуміи ее могло хватить дней на десять. «То-есть въ томъ случаѣ,—прибавилъ м-ръ Окгёрстъ *sotto voce*, обращаясь къ «Простотѣ»,—если вы согласны кормить насъ. Если же вы не согласны—и, быть можетъ, вы будете правы—то мы можемъ дожидаться, пока дядюшка Билли вернется съ провизіей». По какой-то таинственной причинѣ м-ръ Окгёрстъ не рѣшился обнаружить негодяйство дядюшки Билли и высказалъ предположеніе, что послѣдній заблудился и случайно отвязалъ животныхъ. Герцогинѣ и тетѣ Шиптонъ, которыя разумѣется поняли, въ чемъ дѣло, онъ посоветовалъ держать языкъ за зубами. — «Они догадаются, кто мы такіе,—прибавилъ онъ многозначительно,—если узнаютъ, что за птица дядюшка Билли, а теперь не время пугать ихъ».

Томъ Симсонъ не только предоставилъ весь свой запасъ провизіи въ распоряженіе м-ра Окгёрста, но, повидимому, радовался вынужденному заключенію. — «Мы удобно проживемъ въ нашемъ лагерьѣ съ недѣлю, а затѣмъ снѣгъ растаетъ и мы вернемся всѣ выѣстѣ». Добродушная веселость молодого человѣка и хладнокровіе м-ра Окгёрста сообщались остальнымъ. «Простота», съ помощью сосновыхъ сучьевъ, устроилъ крышу надъ хижиной, а Герцогиня выказала столько вкуса и такта во внутреннемъ убранствѣ хижины, что Пинни вытаращила свои большіе голубые глаза. — «Должно быть у васъ тамъ въ Покеръ-Флатъ привыкли къ хорошимъ вещамъ», сказала Пинни. Герцогиня поспѣшно отвернулась, чтобы скрыть краску, пробивавшуюся у ней на щекахъ севозы профессо

циональныя румяна, а тѣтка Шиптонъ замѣтила Пинни, «чтобы она не болтала пустяковъ». Но когда м-ръ Овгёрстъ вернулся послѣ утомительныхъ поисковъ, въ какомъ направленіи шла тропинка, онъ слышалъ веселый смѣхъ, которому вторило эхо. Онъ остановился въ нѣкоторой тревогѣ, и мысли его естественно обратились къ водѣ, которую онъ благоразумно припряталъ. — «А между тѣмъ здѣсь какъ будто и не пахнетъ виски», замѣтилъ игрокъ. Но когда онъ увидѣлъ костеръ, сверкавшій сквозь бушующую смѣжную мглу, и группу, возсѣдавшую за костромъ, то окончательно убѣдился, что «дѣло совсѣмъ чисто».

Наступили третьи сутки, и солнце, заглянувъ изъ-за бѣлаго покрывала, которымъ была одѣта долина, увидѣло, какъ изгнанники дѣлили свой мало-по-малу уменьшавшійся запасъ провизіи. Одна изъ особенностей этого горнаго климата заключалась въ томъ, что лучи солнца ярко озаряли зимній ландшафтъ, какъ-бы собогѣзнуя о прошломъ. Но тѣ же лучи освѣщали горы смѣга, громоздившіяся вокругъ хижины—и то безнадежное, необъятное, бездорожное бѣлое море, растилавшееся подъ скалистыми берегомъ, къ которому прибило нашихъ изгнанниковъ. Сквозь изумительно прозрачный воздухъ доносился дымъ патриархальнаго поселка Покеръ-Флата, отстоявшаго на нѣсколько миль. Тетка Шиптонъ увидѣла этотъ дымъ и послала съ своей неприступной высоты послѣднее проклятіе въ ту сторону. То была ея послѣдняя злобная выходка, и, быть можетъ, по тому самому она была не лишена нѣкотораго величія. Это облегчило ея душу, какъ она сообщила по секрету Герцогинѣ. — «Ступайте, облегчите душу проклятіемъ и увидите, что станетъ легче». Послѣ этого тетя Шиптонъ принялась занимать «малютку», какъ она и Герцогини прозвали Пинни; Пинни вышла уже изъ дѣтскихъ лѣтъ, но онѣ хотѣли выразить этимъ названіемъ, что она не призываетъ имъ Божія всуе и не говоритъ непристойностей.

Когда ночь снова ступила надъ ущельями, изгнанники занялись музыкой и пѣніемъ, которыя обыкновенно помогали имъ убивать время. У Томми отыскался аккордеонъ, на которомъ Пинни умѣла играть нѣсколько мелодій и аккомпанировать гимны. Но на этотъ разъ музыка не клеилась, и Пинни предложила новое развлеченіе... рассказывать исторіи. Такъ какъ ни м-ръ Овгёрстъ, ни его спутницы не чувствовали особой охоты повѣствовать о своей жизни, то этотъ планъ не удался бы, если бы не выручилъ «Простота». За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, ему попался въ руки остроумный переводъ Иліады, Попа. Онъ предложилъ теперь передать главнѣйшіе эпизоды этой поэмы. И вотъ,

Гомеровскіе полубоги снова сошли на землю. Троянскіе и греческіе герои огласили воздухъ своими рѣчами, и высокія сосны какъ-бы сочувственно кивали, внимая ярости сына Пелеева. М-ръ Окгёрстъ слушалъ съ большимъ удовольствіемъ; въ особенности заинтересовала его судьба «Ахилла», какъ упорно называть «Простота» быстроногого Ахиллеса.

Такъ пронеслась недѣля надъ головой странниковъ, плохо питавшихся, но угощавшихся музыкой и Гомеромъ. Солнце снова позабыло о нихъ, и снова снѣжные вихри закрутились въ воздухѣ. День за день все тѣснѣе суживался вокругъ нихъ заколдованный снѣговой кругъ, пока, наконецъ, ослѣпительно бѣлыя стѣны не выросли на двадцать футовъ надъ ихъ головой. Все труднѣе и труднѣе становилось поддерживать огонь, даже при помощи упавшихъ деревьевъ, которыя заносило снѣгомъ. И совсѣмъ тѣмъ никто не жаловался. Влюбленная парочка отворачивалась отъ грознаго будущаго и черпала силы во взглядѣ милыхъ глазъ. М-ръ Окгёрстъ хладнокровно готовился проиграть свою послѣднюю игру. Герцогиня, веселѣе чѣмъ когда-либо, ухаживала за Пинни. Только тетка Шиптонъ, — нѣкогда самая сильная изъ всѣхъ членовъ каравана — какъ будто таяла. Въ полночь на десятый день, она подозвала къ себѣ Окгёрста. — «Я умираю, произнесла она слабымъ, хотя и ворчливымъ голосомъ, но не говорите никому объ этомъ. Не разбудите ребятковъ. Возьмите у меня изъ-подъ подушки свертокъ и откройте его». М-ръ Окгёрстъ повиновался. Въ сверткѣ лежали нетронутые порціоны тетки Шиптонъ за послѣдніе дни. — «Отдайте ихъ малютокъ», продолжала она, указывая на спящую Пинни. — «Вы уморили себя голодомъ?» спросилъ игрокъ. — «Да, люди такъ это называютъ», отвѣтила женщина сердито, отворачивая лицо къ стѣнѣ и выпуская духъ.

Аккордеонъ отложенъ былъ на сегодняшній день и Гомеръ позабытъ. Когда тѣло тетки Шиптонъ было схоронено въ снѣгу, м-ръ Окгёрстъ отвелъ «Простоту» въ сторону и показалъ ему пару лыжъ, которыя онъ смастерилъ изъ стараго вьючнаго сѣдла. — «У васъ есть только одинъ шансъ спасти ее, — сказалъ онъ, кивнувъ на Пинни; — это спасеніе тамъ, прибавилъ онъ, указывая по направленію къ Покеръ-Флату: — если вамъ удастся добраться туда въ два дня, она спасена». — «А вы сами?» спросилъ Томъ Симсонъ. — «Я останусь здѣсь», коротко отвѣчалъ онъ.

Влюбленные простились долгимъ поцѣлуемъ. — «Но вы не уходите?» спросила Герцогиня, увидя, что Окгёрстъ готовился сопровождать Томми. — «Я проведу его только до ущелья», отвѣчалъ

онъ. Затѣмъ внезапно повернулся и поцѣловалъ Герцогиню, блѣдное лицо которой вспыхнуло, а дрожащія ноги подкосились отъ изумленія.

Ночь пришла, но м-ръ Оггёрстъ не вернулся. Ночь опять принесла съ собою бурю и крутящіеся снѣжные вихри. Герцогиня, подкладывая хворосту въ огонь, увидѣла, что кто-то заготовилъ позади хижины запасъ хворосту, достаточный на нѣсколько дней. Слезы навернулись у ней на глазахъ, но она срыла ихъ отъ Пинни.

Обѣимъ женщинамъ не спалось въ эту ночь. Утромъ, поглядѣвъ другъ другу въ блѣдное лицо, онѣ прочитали на немъ свой приговоръ. Ни одна не промолвила ни слова; но Пинни придвинулась къ Герцогинѣ и охватила рукой ея талію. Въ этомъ положеніи онѣ оставались весь день. Ночью буря разыгралась съ небывалой яростью, и разметавъ спасительныя сосны, проникла въ хижину. Подъ утро онѣ увидѣли, что не въ силахъ поддерживать огонь, который постепенно угасалъ. Когда горящіе уголья почернѣли, Герцогиня прижалась къ Пинни и нарушила продолжительное молчаніе: «Пинни, можешь ли ты молиться?» — «Нѣтъ, дорогая», отвѣчала Пинни просто. Герцогиня, сама не зная почему, почувствовала облегченіе, и положивъ свою голову на плечо Пинни, умокла навѣки. И въ этой позѣ, младшая поддерживая на своей дѣвственной груди голову своей грѣшной сестры, обѣ женщины уснули непробуднымъ сномъ. Вѣтеръ стихъ, словно боясь разбудить ихъ. Пушинки снѣга, отряхаемыя длинными вѣтвями сосенъ, летали точно бѣлокрылыя птички и опускались на спящихъ. Луна изъ-за разорванныхъ облаковъ глядѣла внизъ на бывший лагерь. Но вся человѣческая нищета и слабость, всѣ слѣды земного труда и горя—все было скрыто чистымъ покрываломъ, милостиво наброшеннымъ на все окружающее.

Онѣ спали весь этотъ день и весь слѣдующій, и ихъ не разбудили шаги и голоса, внезапно нарушившіе безмолвіе лагеря. И когда сострадательныя руки раскидали снѣгъ съ ихъ измощенныхъ лицъ, то врядъ ли бы вы угадали, по безматежному выраженію спящихъ, которая изъ двухъ была грѣшницей. Даже законъ Покеръ-Флата призналъ это и оставилъ ихъ обѣихъ въ объятіяхъ другъ друга.

Въ концѣ ущелья, на одной изъ самыхъ большихъ сосенъ нашли червоннаго туза, прибитаго къ корѣ большимъ складнымъ пожемъ. На немъ стояла слѣдующая надпись, написанная карандашемъ, но твердымъ почеркомъ:

Подъ этимъ деревомъ
покоится тѣло

Джона Окѣрста,
который проигралъ игру
23-го ноября, 1850 г.

бросилъ добровольно свои карты
7-го декабря, 1850 г.

И безжизненный, холодный, рядомъ съ пистолетомъ, лежавшимъ на землѣ и съ пулей въ сердцѣ, но спокойный, какъ и при жизни, лежалъ тотъ, кто былъ нѣкогда сильнѣйшимъ и вѣстъ съ тѣмъ слабѣйшимъ изъ изгнанниковъ Покеръ-Флата.

III.

Уличный мальчишка.

Предметъ настоящей статьи стоитъ въ эту минуту, прислонившись къ дереву, напротивъ моего окна. Онъ сдвинулъ свою шапку на затылокъ, очевидно безъ всякой разумной цѣли, а единственно лишь затѣмъ, чтобы выказать свою грязную мордашку во всей ея красѣ. Одежда его, которая свидѣтельствуетъ о явномъ пренебреженіи къ пуговицамъ, носить пріятные слѣды чередующихся временъ года, которые напоминаются ея разнообразными пятнами. Носъ уличнаго мальчишки вздернутъ вверхъ и придавленъ на концѣ. Я замѣчалъ то же самое у многихъ уличныхъ мальчишекъ и склоняюсь думать, что это результатъ ранней любознательности—привычка глазѣть сквозъ оконныя стекла и сквозъ заборы, а можетъ быть также и жадности, съ какою пожираются громадные яблоки. Тотъ уличный мальчишка, о которомъ идетъ теперь рѣчь, замѣчательнъ еще своей нахальной фамильярностью. Это его качество, пріятности котораго я испыталъ на себѣ, побудило меня написать настоящую статью.

Знакомство мое съ нимъ началось въ минуту слабости. У меня есть злополучная замашка интересоваться оригинальностью въ людяхъ, даже и тогда, когда она проявляется у порочныхъ субъектовъ. Но такъ какъ мнѣ не достаетъ твердости и ловкости, какія обыкновенно сопровождаютъ эту замашку въ другихъ людяхъ и дѣлаютъ ихъ способными разрывать всякое знакомство, какъ скоро

оно станетъ несноснымъ, то я и окружилъ себя различными, неудобными друзьями, въ числѣ которыхъ находится и этотъ уличный мальчишка. Онъ совершенно случайно привлекъ мое вниманіе. Онъ игралъ на улицѣ, когда возница проѣзжавшаго мимо экипажа огрѣлъ его ударомъ бича. Уличный мальчишка мгновенно вскочилъ на ноги и послалъ вслѣдъ своему мучителю выразительное ругательство. Я воздержусь отъ повторенія его, потому что подозреваю, что оно здѣсь будетъ нестати. Сколько мнѣ помнится, въ немъ въ весьма краткихъ словахъ выражалось сомнѣніе о законности рожденія возницы; оно намекало на безчестность его отца, бросало тѣнь на доброе имя его матери; оно заявляло скептическое сомнѣніе о личныхъ качествахъ возницы, объ его опрятности и о будущемъ спасеніи его души. Въ ту минуту, какъ юныя уста изрекали послѣдніе звуки, глаза уличнаго мальчишки встрѣтились съ моими. Выраженіе моихъ глазъ, должно быть, ободрило его и онъ кивнулъ мнѣ головой. Я не отрекся отъ поклона и отъ сообщничества, какое онъ устанавливалъ между нами. Съ этой минуты я очутился во власти уличнаго мальчишки, и съ тѣхъ поръ онъ не даетъ мнѣ покоя.

Онъ преслѣдуетъ меня на улицахъ и на перекресткахъ. Онъ съ отвратительной вольностью заговариваетъ со мной, когда я нахожусь въ обществѣ друзей. Онъ стережетъ меня у воротъ моего дома, когда я выхожу по дѣлу. Разстояніе преодолеваетъ онъ простой силой своихъ легкихъ и окликаетъ меня за версту. На дняхъ встрѣтилъ меня въ театрѣ и потребовалъ мою контрамарку съ развязностью грабителя большихъ дорогъ. Я, какъ дуракъ, отдалъ ему ее, но войдя въ театръ, нѣсколько минутъ спустя, и усѣвшись покойно въ партеръ, имѣлъ удовольствіе слышать, какъ мое имя прокричали съ галереи съ присовокупленіемъ къ нему игриваго прозвища. То отличался уличный мальчишка. Во время представленія, онъ бросалъ въ меня свернутыми въ трубочку афишами и забавлялся бѣглыми замѣчаніями о фигурантахъ.

Сегодня, очевидно, ему не повезло. Я замѣчаю, что онъ насвистываетъ народныя пѣсни не такъ бойко и громко, какъ обыкновенно. Провидѣніе, однако, не совсѣмъ прогнѣвалось на него и посылаетъ ему жертву въ видѣ двухъ миленькихъ; маленькихъ мальчиковъ, которые въ настоящую минуту показались на нашей улицѣ. То блѣлые дѣти, одѣтые совсѣмъ одинаково и отличающіеся какимъ-то особенно чопорнымъ и приличнымъ видомъ, котораго уже достаточно, чтобы пробудить антагонизмъ въ уличномъ мальчишкѣ. Вздохъ удовольствія вырывается у него изъ груди. Однако, что же онъ теперь предприметъ? Другой мальчишка

удовлетворился бы тѣмъ, что просто на-просто сбилъ бы шляпы съ ненавистныхъ головъ, и такимъ образомъ, изливъ свою злобу, ускорилъ бѣгство непріятеля. Но у нашего мальчишки свои эстетическія соображенія; онъ желаетъ не только оскорбить, но и изобидѣть и въ сопротивленіи жертвы найти нѣкоторое оправданіе своему насилию. Миленькіе маленькіе мальчики замѣчаютъ грозящую имъ опасность, и ближе тѣснятся другъ къ другу. Уличный мальчишка начинаетъ съ ироніи. Онъ дѣлаетъ видъ, что пораженъ великодушіемъ ихъ костюмовъ. Онъ обращается ко мнѣ (черезъ улицу и сквозь закрытое окно) и спрашиваетъ: нѣтъ ли у насъ по сосѣдству цирка? Затѣмъ ласково осведомляется о здоровьи ихъ родителей. Онъ высказываетъ опасеніе, что матушка ихъ можетъ встревожиться ихъ отсутствіемъ. Онъ предлагаетъ проводить ихъ домой. Одинъ изъ маленькихъ мишенькихъ мальчиговъ слабо возражаетъ; но, увы! его правильное произношеніе, его грамматическая точность и его умѣренные эпитеты только вызываютъ взрывъ насмѣшекъ у уличнаго мальчишки, который теперь мѣняетъ тактику. Оскорбленные потокомъ его бранныхъ словъ, они легко попадаютъ въ разставленную имъ ловушку. Жалобный вопль оглашаетъ нашу улицу. Но такъ какъ предметъ настоящей статьи требуетъ болѣе строгаго урока, тѣмъ тотъ, какой я было-намѣревался ему дать, то я нахожу вынужденнымъ покинуть свой покойный постъ у окна, хватаю шляпу, открываю наружную дверь и пускаю въ ходъ болѣе суровую методу воспитанія дѣтей.

IV.

Покинутые мною околотки.

1.

Полукруглое окно съ нишей остановило однажды мой выборъ на одномъ домѣ и вознаграждало за его многія неудобства. Когда каминъ дымился, когда двери хлопали и скрипѣли, или разбухали до того, что отказывались отпираться и запираться, или когда на потолкѣ появлялись въ дождливые дни подозрительныя пятна,—полукруглое окно служило утѣшеніемъ и заставляло примиряться со всѣмъ этимъ. И видъ изъ окна былъ прекрасный...

Хотя вначалѣ предполагалось, что полукруглое окно съ нишею будетъ предоставлено въ мое исключительное владѣніе и будетъ хранить лишь мои письменныя принадлежности, однако, въ силу

какого-то органическаго закона, оно сдѣлалось мало-по-малу всеобщимъ убѣжищемъ. Однажды въ нипѣ найдены были качалка и рабочая корзинка. Затѣмъ *baby* случалось запирались въ ея укромные уголки, гдѣ онѣ искали убѣжища за ретраншементами изъ цвѣтной фланели и мотковъ съ шерстью, изъ-за которыхъ его выживали лишь послѣ формальной осады и уносили плачущаго въ пѣвнѣ. Непреодолимая мечтательность овладѣвала всѣми, кто подходилъ къ окну. Засадить кого-нибудь у окна за серьезную работу было нелѣпостью. Плывшій мимо корабль, видъ воды, облако, висѣвшее въ небѣ — этого было достаточно, чтобы развлечь вниманіе. Хотя бы вы читали или писали, а полукруглое окно всегда доставляло вамъ интересное зрѣлище. Къ несчастію, это зрѣлище бывало не всегда пріятно, но полукруглое окно безпристрастно отрывало его, не взирая на его качество.

Окрестный ландшафтъ не былъ усовершенствованъ культурой, но и не могъ назваться сельскимъ. Прилегающіе къ дому участки земли очевидно были только-что расчищены изъ-подъ деревьевъ, но еще не застроены домами. Съ одной стороны видъ замыкался пріютомъ для пьяницъ—неособенно веселымъ строеніемъ, но которое бы могло въ нѣкоторомъ родѣ служить нравственнымъ урокомъ. Однако, это зданіе не сдерживало того, чтѣ обѣщало. Восторженные члены моего семейства, надѣявшіеся, что узрять его посѣтителей у оконъ въ различной степени опьяненія, какъ это не разъ изображалось каррикатуристами-сатириками—были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Пріютъ строго хранилъ свои тайны.

Госпиталь, который тоже былъ видѣнъ изъ полукруглаго окна, проявлялъ гораздо больше жизни. Въ иные часы дня выздоравливающіе дефилировали передъ окномъ, отправляясь на прогулку. Это зрѣлище производило особенно тяжелое впечатлѣніе отъ страннаго отсутствія общительности, которое повидимому господствовало между ними. Каждый изъ нихъ, казалось, замкнулся въ непроницаемой атмосферѣ собственныхъ страданій. Они не разговаривали и не гуляли другъ съ другомъ. Изъ окна я видѣвалъ, какъ нѣсколько человѣкъ грѣлся на солнышкѣ, прислонясь къ стѣнѣ въ нѣсколькихъ шагахъ одинъ отъ другого, но, повидимому, забывая даже о существованіи другъ друга. Хотя бы они поссорились или подрались—все было, кажется, легче, чѣмъ эта ужасающая апатія.

Нижній конецъ улицы, на которую выходило полукруглое окно, капризно уклонялся отъ модной площади и, заманивъ доверчиваго прохожаго въ свои пространства, неожиданно упирался въ ужасающую пропасть. По воскресеньямъ, когда наплывъ толпы

былъ особенно великъ, полукруглое окно наслаждалось зрѣлищемъ злополучныхъ пѣшиходовъ, которымъ приходила въ голову несчастная мысль повернуть въ эту улицу, въ надеждѣ сократить путь. Забавно было видѣть, какъ этотъ людъ, подойдя къ пропасти, неизмѣнно оглядывался на полукруглое окно и старался принять безпечный видъ, прежде чѣмъ обратиться вспять, громко посвистывая, какъ-бы давая знать, что заранѣе знаетъ о существованіи этой пропасти. Одинъ смѣлый молодой человекъ, подзадоренный парой блестящихъ глазокъ, глядѣвшихъ изъ окна, рискнулъ даже спуститься въ эту ужасающую пропасть, къ великой опасности для своей жизни и для своихъ рукъ и ногъ, и къ очевидному вреду своего праздничнаго костюма.

Собаки, козлы и лошади составляли *фауну* нашего околота. Наслаждаясь необузданной свободой, присущей ихъ нормальному состоянію, они не успѣли заразиться нѣжной привязанностью къ человѣку и его жилищу. Рѣзвые кони устраивали *ex tempore* скачки вдоль нашей улицы, превращая послѣднюю въ миниатюрное *Corso*; собаки дрались на перекресткахъ, между тѣмъ какъ съ холма, расположеннаго возлѣ дома, козелъ мирно глодалъ герани моей жены, красовавшіяся въ горшкахъ на окнѣ второго этажа. Жаль мнѣ было разочаровывать одного сосѣда, который перебрался въ домъ рядомъ съ нашимъ, когда онъ сталъ приходить въ неистовый восторгъ отъ ландшафта и отъ санитарныхъ условий нашей мѣстности. Такимъ образомъ я промолчалъ о козлахъ, которые имѣли обыкновеніе пользоваться его домомъ, какъ подвозкой, для того, чтобы забираться на близлежащій холмъ.

Но мѣстность была замѣчательно здорова. Вентиляція была совершеннѣйшая. Стоило открыть полукруглое окно, чтобы возстановить теченіе здороваго воздуха, который уносилъ всѣ вредныя испаренія, вмѣстѣ съ занавѣсами, дверными петлями и оконными ставнями. Благодаря этой особенности, нѣкоторые изъ моихъ писаній приобрѣли обширное обращеніе и извѣстность въ околоткѣ, которыхъ бы имъ не дожидаться долгіе годы въ другой мѣстности. Нѣкоторыя принадлежности нашего туалета таинственно перенеслись изъ нашего гардероба въ гардеробъ бѣднаго, но честнаго сосѣда—вотъ еще несомнѣнный результатъ этихъ санитарныхъ вѣтровъ. Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на всѣ эти преимущества, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я нашелъ необходимымъ перебраться изъ этого мѣста. Результатъ такого передвиженія сообщу въ другомъ мѣстѣ.

2.

«Отдается въ наймы домъ съ красивымъ садомъ и обширнымъ огородомъ, въ приличномъ кварталѣ» — вотъ, сколько помню, общія выраженія одного объявленія, которое однажды привлекло мое вниманіе на одну квартиру. Я долженъ прибавить, что это случилось въ ранній періодъ моей хозяйственной опытности, когда я еще вѣрилъ въ объявленія. Съ тѣхъ поръ я узналъ, что самые прямодушные люди склонны выражаться нѣсколько преувеличенно, когда описываютъ свои владѣнія, словно они полагаютъ, что бумага все терпитъ. Но я вполне освоился съ этимъ фактомъ гораздо позже, лишь тогда, когда, повѣривъ объявленію, сулившему тысячу удобствъ, нанялъ домъ, изъ котораго меня выжили тысячи неудобствъ.

«Красивый садъ», о которомъ упоминалось въ объявленіи, былъ не великъ, но содержалъ нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ необыкновенно странной формы. Меня сразу поразило оригинальное сходство ихъ съ тѣми бараньими котлетами, которыя подаются за столомъ въ отеляхъ и ресторанахъ — сходство особенно поразительное благодаря пучкамъ петрушки, въ изобиліи росшимъ на на этихъ клумбахъ. Владѣлецъ былъ человекъ съ оригинальными эстетическими взглядами. Какъ бы то ни было, а пріятно было бродить послѣ обѣда по дорожкамъ, усыпаннымъ пескомъ, куря сигару или вдыхая ароматы петрушки, останавливаясь порою затѣмъ, чтобы сорвать цвѣтокъ рожи, которая въ изобиліи росла въ саду. Плодоносность этого растенія сильно безпокоила насъ, потому что хотя жена въ первомъ порывѣ энтузіазма и засѣяла нѣсколько клумбъ различными цвѣточными сѣменами, но ничто на нихъ не произрастало, кромѣ рожи, и хотя, движимый тѣми же похвальными чувствами, я досталъ себѣ «Руководство къ Садоводству» и нѣсколько садовыхъ инструментовъ и по нѣскольку часовъ работалъ въ саду, но усилія мои точно также ни къ чему не повели.

«Обширный огородъ» состоялъ изъ нѣсколькихъ чахлыхъ деревьевъ. Въ числѣ ихъ находилась одна жалкая молодая плакучая ива, такая вялая и кислая, что, очевидно, стремилась оправдать свою репутацію и потому была подвязана къ дому, долженствовавшему служить ей опорой. Сырость, господствовавшая въ этой части дома, обыкновенно приписывалась присутствію этого плачевнаго растенія. Къ этому прибавьте пару весьма сомнительнаго достоинства деревьевъ, извѣстныхъ кажется подъ именемъ *Malva*, которыя щеголяли дешевымъ цвѣтомъ, безпрестанно осы-

павшимся, и одинъ или два чахлахъ дуба, съ жалкими листьями и вообще невзрачной наружности, и вы получите полное понятіе о нашемъ пресловутомъ огородѣ.

Приличность квартала сильно страдала отъ злополучнаго со-
сѣдства такъ-называемаго Мауэ-Джинова двора. Этотъ дворъ
былъ чѣмъ-то въ родѣ *cul-de-sac*, проникнувъ въ который вы
открывали первобытное населеніе, жившее въ состояніи варвар-
ской свободы и очевидно проводившее большую часть своего
времени на порогѣ своего жилища. Многія изъ подробностей че-
ловѣческаго туалета, которыя въ другихъ мѣстностяхъ общій пред-
разсудокъ ограничиваетъ уборной, здѣсь совершались на откры-
томъ воздухѣ безъ страха и безъ упрека. Въ началѣ каждой не-
дѣли дворъ окутывался удушливымъ, ѣдкимъ паромъ, подымав-
шимся изъ безчисленныхъ проѣзжихъ. Затѣмъ два-три дня спу-
стя слѣдовала чрезвычайная выставка носильныхъ принадлежно-
стей всѣхъ цѣитовъ и фасоновъ. Было также очевидно, что этотъ
дворъ оказываетъ деморализирующее вліяніе на весь околотовъ.
Одинъ оптимистъ-собственникъ выстроилъ красивый домъ на углу
улицы и поселился въ немъ; но хотя онъ нерѣдко появлялся на
балконѣ, облеченный въ яркій пунцовый халатъ, который прида-
валъ ему сходство съ тропической рѣдкой птицей, онъ дождался
только обидныхъ прозвищъ со стороны мальчишекъ этого двора.

Вскорѣ послѣ того онъ выѣхалъ изъ дому и проѣзжая
однажды мимо него, я замѣтилъ объявленіе, гласившее «отдаются
въ наймы комнаты со столомъ», которое красовалось на одной
изъ коринскихъ колоннъ портика великолѣпнаго дома. Мауэ-
Джиновъ дворъ восторжествовалъ. Однажды намъ довелось быть
свидѣтелями обмѣна любезностей между прислугой великолѣпнаго
дома и нѣкоторыми изъ его жильцовъ съ юнымъ поколѣніемъ
двора. Долетѣвшія до насъ площадныя выраженія окончательно
убѣдили насъ съ этой минуты, что мы должны оставить всякія
претензіи на приличность квартала, въ которомъ живемъ...

3.

Вскорѣ затѣмъ я переселился въ Счастливую Долину, и меня
поразила неудачность такого названія. Хотя калифорнійцы вообще
щедрѣе на эпитеты, но этотъ послѣдній звучалъ какъ иронія.

Нашъ домъ, расположенный въ улицѣ Лаура-Матильда, по-
ходилъ на игрушечный швейцарскій шале. Немногія деревья,
окружавшія его, напоминали тѣ, которыя обыкновенно заключены

въ овальныхъ рождественскихъ коробкахъ, съ игрушками сельскаго характера, и даже самые люди, сидѣвшіе у оконъ, отличались какой-то чопорностью, придававшей имъ удивительно не-реальный и искусственный видъ. Маленькая собачка, принадлежавшая одному сосѣду, прослыла у членовъ моего семейства подъ названіемъ «Стеклышка», по общему подозрѣнію, что она выдута изъ этого матеріала. Быть можетъ, я нѣсколько преувеличиваю характеръ щепетильной аккуратности нашего околота — аккуратности и жеманности, которыя, какъ мнѣ кажется, клонятся къ тому, чтобы принизить, умалить, ограничить весь ихъ кругозоръ. По крайней мѣрѣ мы постепенно заражались мелочными интересами и узкостью идей и до нѣкоторой степени слились съ міромъ, ограниченнымъ правильными линіями улицы Лаура-Матильда.

Одною изъ причинъ этого дѣланнаго и неискренняго характера нашего околота могло быть и то, что самая почва его была искусственная. Улица Лаура-Матильда была проведена на болотѣ. Земля, не вполне еще осушенная, постоянно боролась съ своимъ стариннымъ врагомъ. Вскорѣ послѣ того, какъ мы поселились въ нашемъ домѣ, мы открыли въ немъ стараго жильца, не вполне еще утратившаго свои права.

Онъ иногда заявлялъ о своемъ существованіи сочившеюся сыростью на стѣнахъ нижняго этажа, и влажное дыханіе его холодило нашу столовую, а ночью онъ наполнялъ смертельнымъ холодомъ весь домъ. Никакіе патентованные замки не могли удерживать его, никакіе исполнительные листы не могли изгнать его. Зимой присутствіе его было осизательно; онъ подтачивалъ корни деревьевъ, онъ струился подъ поломъ кухни, онъ одѣлъ нездоровой плѣсенью стѣны веранды. Лѣтомъ онъ становился невидимкой, но тѣмъ не менѣе вліяніе его было ощутительно во всемъ околотѣ. Онъ порождалъ колюще въ спящѣ, пробуждалъ застарѣлые ревматизмы и порою укладывалъ жильцовъ швейцарскаго дома въ постель. Онъ соблазнялъ маленькихъ дѣтей поиграть съ собой, но такія игры оканчивались обыкновенно скарлатиной, дифтеритомъ, коклюшемъ и корью. Порою онъ приставалъ къ взрослымъ, сильнымъ мужчинамъ, пока они не изнемогали и не протягивали ногъ. Но онъ держалъ въ порядкѣ растенія и такъ любилъ зелень, что одѣвалъ ея крышки и мостовую, стѣны и камни. Онъ вообще былъ невидимкой, какъ я уже сказалъ; но нѣсколько времени спустя послѣ моего переезда, я увидѣлъ однажды, какъ онъ распростираетъ съ холма свои сѣрые крылья надъ долиной, подобно какому-то баснословному вампиру, который всю ночь сосалъ здоровую кровь сонныхъ обитателей и отяжелѣлъ отъ своего

пришествія. Тогда-то я призналъ въ немъ *malaria* и узналъ, что жилищемъ ему служить ужасная долина мѣзмовъ, неправильно названная Счастливей Долиной!

Въ будни веселыя мелодіи неслись изъ литейныхъ заводовъ, нагнѣваемые паровиками, а газовые заводы, расположенные по сосѣдству, порою наполняли воздухъ своими ароматами. Наша улица была обыкновенно тиха, но стоило только оступиться прохожему, чтобы привлечь всѣхъ обитателей къ окнамъ, и неосторожному разинѣ приходилось проходить мимо батарей голубыхъ и черныхъ глазъ, устремленныхъ на него съ обѣихъ сторонъ улицы. Провѣжающій экипажъ заставлялъ дрожать домъ и звенѣть посуду на столѣ. Хотя вообще сравнительно вѣтеръ мало тревожилъ насъ, однако порою порывы вихря залетали и въ нашу улицу и безумно свирѣпствовали въ ней, пока не утихали. До сихъ поръ въ моей памяти живо сохранилось зрѣлище одного шарманщика, который былъ подхваченъ шаловливымъ вихремъ на одномъ концѣ улицы и буквально вытолкнутъ съ другого конца, не взирая на всѣ усилія найти твердую точку опоры.

Въ нашемъ околоткѣ люди жили въ тѣснотѣ, но не отличались общительностью. Изъ оконъ моей спальни я могъ ясно отличить, какія купанья подавались за столомъ у моего сосѣда, между тѣмъ какъ онъ съ своей стороны могъ тоже безпрепятственно ознакомиться съ тайнами моего туалета. Совсѣмъ тѣмъ этотъ «низкій порокъ — любопытство» регулировался извѣстными законами и своего рода рыцарство сдерживало нашу наблюдательность. Одна хорошенькая дѣвушка, спальня которой служила маякомъ для всѣхъ сосѣднихъ глазъ, однажды попала въ фокусъ зрительной трубки, находившейся въ рукахъ одного изъ нашихъ остроумныхъ юношей; но этотъ поступокъ вызвалъ такое поспѣшное и единодушное порицаніе со стороны всѣхъ женатыхъ мужчинъ и холостяковъ, не имѣвшихъ зрительной трубы, что болѣе не повторялся.

Этимъ краткимъ очеркомъ я заключаю свой отчетъ объ околоткахъ, которые я повиновъ. Съ тѣхъ поръ я уже разстался со многими другими, но они вообще представляли общія черты съ тѣми тремя, которые я пытался здѣсь описать. Я предлагаю ихъ какъ типы, заключающіе рельефныя особенности всѣхъ остальныхъ. Пусть неосторожный читатель не спѣшитъ съ перемѣной квартиры. Мой опытъ купленъ не дешево. Перевозчики обогатились на мой счетъ. Квартирные агенты узнали меня и остались мною довольны, хозяева домовъ радушно пріѣмляли меня. Сила привычки все еще побуждаетъ меня заглядывать во всѣ

объявленія, которыя мнѣ попадаются на улицахъ, и даже телеграммы съ театра войны не могутъ отвлечь моего вниманія отъ страницы объявленій въ моей газетѣ. Ковры мои выкраивались на всѣ лады, чтобы подойти къ комнатамъ самой оригинальной формы, начиная съ параллелоипеда и кончая шестиугольникомъ. Много мебели посѣялъ я на прежнихъ квартирахъ. Мои члены покоились на непокрытыхъ коврами полахъ, мое тѣло летало съ плохо уставленной кровати. Мнѣ доводилось обѣдать въ пріемной и ночевать въ кухнѣ. И между тѣмъ результатъ всѣхъ этихъ жертвъ и испытаній я могу вкратцѣ выразить въ извѣщеніи, что нахѣжусь наваянунѣ того, чтобы распрощаться съ моимъ *теперешнимъ околкомъ*.

V.

Идиллія Редъ-Гоча.

Санди былъ очень пьянъ. Онъ лежалъ подъ кустомъ азалій, почти въ той же позѣ, въ какой свалился подъ кустъ, нѣсколько часовъ тому назадъ. Какъ долго пролежалъ онъ въ этомъ видѣ—онъ и самъ не зналъ, да и не печалился объ этомъ. Долго-ли еще пролежитъ онъ тутъ—это его также мало заботило. Спокойная философія, результатъ физической организаціи, руководила его нравственными качествами.

Зрѣлище пьянаго человѣка вообще, а этого пьянаго въ особенности, не было, замѣчу съ сожалѣніемъ, настолько ново въ Редъ-Гочѣ, чтобы возбудить чье-либо вниманіе. Рано поутру какой-то мѣстный сатирикъ воздвигнулъ временный памятникъ надъ головой Санди, съ слѣдующей надписью: «Дѣйствіе *виски* Макъ-Кореля, — убиваетъ въ сорока шагахъ», и нарисованной рукой, указывавшей по направленію въ питейному заведенію Макъ-Кореля. Но это, полагаю, подобно большинству мѣстныхъ сатиръ, была чистѣйшая личность. За исключеніемъ этого путника, никто не беспокоилъ Санди. Мулъ, бродившій на волѣ, обѣлъ скудную траву, росшую возлѣ него и любопытно глазѣлъ на распростертаго человѣка; бездомная собака, съ той глубокой симпатіей, которую питаетъ ея порода къ пьянымъ людямъ, облизала его пыльные сапоги и свернувшись у его ногъ, мигала на солнце.

Тѣмъ временемъ тѣни отъ сосенъ медленно протянулись до противоположной стороны дороги. Солнце опускалось все ниже и ниже, а Санди все еще лежалъ неподвижно. Но вотъ, покой философа, подобно тому, какъ это бываетъ со многими философами, былъ нарушенъ вторженіемъ не-философскаго пола.

«Миссъ Мери», какъ ее звало вѣренное ей небольшое дѣтское стадо, которое она только-что распустила изъ школы, совершала свою послѣ-обѣденную прогулку. Замѣтивъ необыкновенно красивую вѣтку азалий, она перешла черезъ улицу, чтобы сорвать ее, причемъ осторожно приподняла свое платье, пробираясь по красной пыли не безъ отвращенія и копающихся хватокъ.

И вотъ, вдругъ она наткнулась на Санди!

Само собой разумѣется, она испустила отрывочный крикъ, свойственный ей полу. Но отдавъ такимъ образомъ дань своей физической слабости, она ободрилась и остановилась — въ шести футахъ разстоянія отъ распростертаго чудовища, — собравъ складки своего бѣлаго платья вокругъ себя и готовая каждую минуту убѣжать. Но ни звука, ни движенія чудовище не издавало.

Тогда она толкнула ножкой сатирическую надпись и прошептала: «животныя!» — эпитетъ, который въ настоящую минуту вѣроятно характеризовалъ въ ея умѣ все мужское населеніе Редъ-Гоча. Потому что миссъ Мери, у которой были свои собственные строгіе принципы, еще не научилась цѣнить по достоинству откровенную любезность, которою по праву славятся калифорнійцы и, какъ прїѣзжая, прослыла между туземцами за «недотрогу».

Но въ то время, какъ она стояла и поглядывала, она замѣтила, что косые лучи солнца опасно припекаютъ голову Санди, между тѣмъ какъ шляпа его благополучно валяется на землѣ. Поднять ее и надвинуть ему на глаза было дѣломъ, требующимъ извѣстнаго мужества, тѣмъ болѣе, что глаза его были открыты. Однако она сдѣлала это и обратилась въ бѣгство. Но, оглянувшись машинально назадъ, увидѣла, что шляпа снята, а Санди сидитъ и что-то бормочетъ.

По правдѣ сказать, въ глубинѣ души своей Санди былъ доволенъ, что солнечные лучи падаютъ ему прямо на носъ; онъ съ дѣтства возставалъ противъ того, чтобы отдыхать въ шляпѣ; по его мнѣнію, только непроходимые дураки носили шляпы, и право его не походить на нихъ казалось ему священнымъ. Вотъ что подсказывало ему внутреннее сознание. Къ несчастію, вѣншнее выраженіе его было нѣсколько неопредѣленно и ограничивалось повтореніемъ слѣдующей формулы:

— Н-не бѣ-да, что сол-л-нышко! Чт-то за бѣ-да! Н-ну вотъ! Н-не бѣ-да!

Миссъ Мери остановилась и почерпая мужество въ разстояніи, которое ее отъ него отдѣляло, спросила, что ему надо.

— Ч-то за бѣ-да? ч-то н-н-ужно! продолжалъ Санди громче.

— Вставайте, ужасный человекъ! проговорила миссъ Мери, вспыхнувъ отъ гнѣва:—вставайте и ступайте домой.

Санди поднялся на ноги. Онъ былъ шести футовъ ростомъ, и миссъ Мери задрожала. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и затѣмъ остановился.

— За-зачѣмъ я пойду домой? внезапно спросилъ онъ съ большой серьезностью.

— Ступайте и выкупайтесь, возразила миссъ Мери, окидывая презрительнымъ взглядомъ его запыленную фигуру.

Къ ея величайшему испугу, Санди внезапно сбросилъ съ себя сюртукъ и жилетъ, скинулъ сапоги и бросился со всѣхъ ногъ къ рѣкѣ.

— Милосердый Боже! Онъ утонетъ! проговорила миссъ Мери, и затѣмъ съ женской нелогичностью убѣжала въ школу и заперлась на ключъ.

Въ этотъ вечеръ, сидя за ужиномъ съ своей хозяйкой, женой кузнеца, она робко спросила: напивается ли когда-нибудь ея мужъ?

— Абнеръ? задумчиво отвѣчала миссисъ Стиджеръ:—постойте: Абнеръ не былъ пьянъ съ послѣднихъ выборовъ. Миссъ Мери хотѣлось спросить: любить ли онъ въ такихъ случаяхъ ваяться на солнцѣ и повредила ли бы ему холодная ванна? Но это повлекло бы къ объясненію, котораго она предпочитала не давать. Такимъ образомъ она прекратила этотъ разговоръ. Но на слѣдующій день написала своей пріятельницѣ въ Бостонъ: «мнѣ кажется, что пьющая часть здѣшняго населенія еще менѣе несносна, чѣмъ другая. Разумѣется, душа моя, я говорю про мужчинъ. Что касается женщинъ, то онѣ невыносимы».

Черезъ какую-нибудь недѣлю миссъ Мери позабыла объ этомъ эпизодѣ и только машинально избирала другую дорогу для своихъ послѣ-обѣденныхъ прогулокъ. Она замѣтила, однако, что каждое утро свѣжій букетъ азалій красовался среди другихъ цвѣтовъ на ея пюпитрѣ. Это не удивляло ее, потому что ея маленькіе ученики знали о ея любви къ цвѣтамъ и постоянно украшали ея пюпитръ анемонами, сиренью и лупинами; но когда она спросила, кто поставилъ азалии, всѣ отвѣчали, что не знаютъ. Нѣсколько дней спустя, мальчикъ Джонни Тиджеръ, столикъ котораго стоялъ всего ближе къ окну, вдругъ разразился безпричиннымъ повидимому смѣхомъ, который грозилъ нарушить порядокъ въ классѣ. Миссъ Мери могла только добиться отъ него, что кто-то сейчасъ заглянулъ въ окно. Разсерженная и негодующая, она вышла на улицу, намѣреваясь сразиться съ докучливымъ нарушителемъ класснаго благочинія. Обогнувъ уголъ школьнаго

на, она прямо наткнулась на пьяницу, встрѣченнаго ею нѣ-
олько дней тому назадъ. Только теперь онъ былъ совсѣмъ
езвъ и имѣлъ видъ человѣка, совсѣмъ виноватаго и словно въ
ду опущеннаго.

Миссъ Мери не замедлила съ женской ловкостью воспользо-
ваться этимъ обстоятельствомъ. Но было нѣсколько конфузно за-
нять, что «животное», не взирая на нѣкоторые, слабые при-
амы безнорядочной жизни, былъ очень красивъ—настоящій бѣ-
курый Самсонъ, золотистая, шелковистая борода котораго оче-
дно не знавала до сихъ поръ ни бритвы цирюльника, ни нож-
тъ Далилы. Рѣзкія слова, которыми она готовилась поразить
равновеннаго, замерли на ея губахъ и она удовольствовалась
тѣмъ, что выслушала его робкое извиненіе, поднявъ брови и со-
авъ вокругъ себя складки своего платья, словно боялась за-
раться. Когда она вернулась въ школу, глаза ея упали на
алии и она поняла въ чемъ дѣло. Тогда она засмѣялась и весь
двѣастный ей маленькій народъ тоже принялся смѣяться, и всѣ
чувствовали себя безсознательно счастливыми.

Немного спустя, въ одинъ жаркій день два мальчугана,
шнувшись за порогъ школы, опрокинули ведро съ водой, ко-
рую они съ трудомъ притащили изъ источника, и миссъ Мери
страдательно взяла ведро и сама отправилась за водой. У по-
швы холма чья-то тѣнь пересѣкла ей дорогу и чья-то ловкая
ла нѣжно освободила ее отъ ея бремени. Миссъ Мери смути-
сь и разсердилась.

— Еслибы вы побольше употребляли воды на свою соб-
венную персону, дѣло было бы лучше,—проговорила она услуж-
вой рукѣ, не удостоивая поднять свои рѣсницы на ея облада-
я. Поворное молчаніе, какимъ встрѣчена была ея выходка,
оставило ее раскаты въ ней и она такъ ласково поблагода-
рила его у дверей, что онъ споткнулся. Это вызвало взрывъ
тѣха у дѣтей, который заразительно подѣйствовалъ и на миссъ
Мери, блѣдныя щеки которой заалѣли. На слѣдующій день кадка
съ водой таинственно появилась у дверей школы, и съ тѣхъ поръ
уже таинственно наполнялась свѣжей водой каждое утро.

Съ безсознательной правильностью чередовалась надъ Редъ-Г'о-
емъ однообразная вереница солнечныхъ дней, краткихъ суме-
екъ и звѣздныхъ почей. Миссъ Мери полюбила прогулки по
единеннымъ лѣсамъ. Быть можетъ, она увѣровала вмѣстѣ съ мис-
съ Стиджеръ, что бальзамическій запахъ сосенъ «полезенъ для
а груди»; и несомнѣнно, что легкій кашель, которымъ она стра-
ала, сталъ рѣже, а походка ея тверже; быть можетъ, она уразу-

мѣла нескончаемые уроки, которые терпѣливыя сосны не устаютъ преподавать внимательнымъ и невнимательнымъ ушамъ. Такимъ образомъ она затѣяла разъ пикникъ на капитановъ холмъ и забрала съ собой всѣхъ дѣтей. Вдали отъ пыльных улицъ, разбросанныхъ хижинъ, желтыхъ шахтъ, шума никогда не успокоивающихся машинъ, дешеваго блеска лавочныхъ выставокъ, яркой краски вывѣсокъ, которыя характеризуютъ варварство подобныхъ мѣстъ—какъ хорошо чувствовали они себя! Когда исчезли изъ виду послѣдніе слѣды человѣческихъ рукъ—какъ радушно приняли ихъ лѣсъ подъ свою гостепріимную сѣнь! Съ какимъ восторгомъ устремились дѣти на лоно матери-природы—быть можетъ потому, что еще не разучились понимать ея языкъ,—наполняя воздухъ своимъ смѣхомъ, и сама миссъ Мери, во всеоружіи своихъ безуворизненныхъ юбокъ, воротничка и манжетокъ, тѣмъ не менѣе увлеклась и помчалась во главѣ своего стада, точно насѣдка, пока наконецъ утомленная, смѣющаяся и раскраснѣвшаяся, съ выбившейся прядью темныхъ волосъ и свалившейся шляпой, которую придерживали ленты у шеи, не наткнулась какъ разъ... на злополучнаго Санди.

Мы не станемъ передавать здѣсь объясненій, извиненій, ни бесѣды, не отличавшейся особенной мудростью, которая затѣмъ воспослѣдовала. Какъ бы то ни было, но можно было заключить, что миссъ Мери свела знакомство съ экс-пьяницей. Словомъ сказать, онъ былъ принятъ въ компанію, а дѣти съ тѣмъ инстинктомъ, которымъ Провидѣніе надѣляетъ слабыхъ, признали въ немъ друга и принялись играть его бѣлокурой бородой, длинными шелковистыми усами и позволять себѣ другія вольности... какъ это всегда склонны дѣлать слабые. А когда онъ сложилъ и зажегъ востеръ и посвятилъ ихъ въ другія тайны лѣсной жизни, восторгу ихъ не было границъ. По истеченіи двухъ безумныхъ, праздныхъ, счастливыхъ часовъ онъ увидѣлъ себя лежащимъ у ногъ школьной учительницы, задумчиво глядя ей въ лицо, между тѣмъ, какъ она, сидя на склонѣ холма, свивала вѣнки изъ цвѣтовъ.

Я полагаю, что Санди смутно сознавалъ, что недостойнъ своего счастья. Я знаю, что ему страстно хотѣлось совершить какой-нибудь подвигъ... убить медвѣдя, скальпировать дикаря или какъ-нибудь пожертвовать собой для этой школьной учительницы съ блѣднымъ лицомъ и сѣрыми глазами. Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось бы показать его въ геройскомъ положеніи, то рука моя съ великимъ трудомъ воздерживается отъ введенія подобнаго эпизода и лишь вслѣдствіе твердаго убѣжденія, что подобные эпизоды никогда не случаются во-время. И я надѣюсь, что пре-

красная читательница, припомнивъ, что въ дѣйствительной жизни въ подобныхъ случаяхъ героемъ всегда является прозаическій полицейскій или какой-нибудь неинтересный незнакомецъ, простить мнѣ это упущеніе.

Итакъ, они сидѣли мирно. Надъ ихъ головой долбили дятлы, а изъ оврага пріятно доносились дѣтскіе голоса. Чтѣ они говорили другъ другу—не важно. Чтѣ они думали—могло бы быть интересно, но не высказывалось ими. Дятлы узнали только, что миссъ Мери была сирота, что она оставила домъ дяди, чтобы ѣхать въ Калифорнію, въ погоню за здоровьемъ и независимостью; что Санди былъ тоже сирота, что онъ пріѣхалъ въ Калифорнію за развлеченіемъ, что онъ велъ безпутную жизнь, но что рѣшился исправиться, и другія подробности, которыя дятламъ несомнѣнно должны были казаться ужасными пустяками. Но и эти пустяки помогли незамѣтно провести время, и когда дѣти были всѣ собраны, а Санди съ деликатностью, которую школьная учительница оцѣнила по достоинству, простился съ ними на опушкѣ лѣса, ей повезало, что еще ни одинъ день въ ея жизни не пролеталъ такъ быстро.

Когда долгое, сухое лѣто изсякло до самыхъ корней, то учебный періодъ въ Редъ-Гочѣ, употребляя мѣстное выраженіе, тоже «изсякъ». Черезъ день миссъ Мери будетъ свободна и на цѣлый годъ, по крайней мѣрѣ, Редъ-Гочъ не увидитъ ее больше. Она сидѣла одна въ школѣ, опершись щекой на руку, съ полузакрытыми глазами и въ томъ мечтательномъ состояніи, въ которое миссъ Мери — боюсь, въ ущербъ для школьной дисциплины, — часто впадала въ послѣднее время. На колѣняхъ у ней лежали мохъ, папоротники и другія лѣсные принадлежности. Она была такъ занята этими предметами или своими собственными мыслями, что не слыхала легкаго стука въ дверь. Когда наконецъ послѣдній сталъ явственнѣе, она встала съ покраснѣвшими щеками и отворила дверь. На порогѣ стояла женщина, нескромный нарядъ которой представлялъ странный контрастъ съ ея робкимъ, застѣнчивымъ видомъ.

Миссъ Мери сразу признала двусмысленную мать одного своего безымяннаго ученика. Быть можетъ, она была разочарована, а быть можетъ, и просто высокомерна, но холодно пригласивъ эту даму войти, она машинально оправила свой воротникъ и маншеты и плотнѣе подобрала цѣломудренныя складки своего платья. Быть можетъ, вслѣдствіе этого сконфуженная гостя, послѣ минутнаго колебанія оставила свой роскошный зонтикъ за дверью, безъ церемоніи бросивъ его въ пыль, и ушла на дальнемъ

концѣ длинной лавки. Голосъ ея былъ глухъ, когда она начала:

— Я слышала, что вы уѣзжаете завтра, и мнѣ трудно было дать вамъ уѣхать, не поблагодаривъ васъ за доброту, съ какою вы относились къ моему Томми.

Миссъ Мери отвѣчала, что Томми хорошій мальчикъ и заслуживаетъ больше, чѣмъ простое вниманіе, какое она могла оказать ему.

— Благодарю васъ, миссъ, благодарю васъ! вскричала незнакомка, вспыхнувъ даже подъ слоємъ румянъ, которыя Редъ-Гочъ насмѣшливо звалъ ея «воинственной татуировкой», и пытаясь въ своемъ смущеніи ближе придвинуть длинную скамью къ школьной учительницѣ. — Благодарю васъ за это, миссъ! И хотя я его мать, но нельзя найти болѣе кроткаго, милаго, дорогого мальчика. И хотя мои слова и не имѣютъ никакой цѣны, а я все-таки скажу, что болѣе кроткой, доброй, ангельской учительницы, чѣмъ вы, не найти въ мірѣ.

Миссъ Мери, чопорно возсѣдавшая за своимъ пюпитромъ, съ линейкой на плечѣ, широко раскрыла свои сѣрые глаза, но ни слова не промолвила.

— Такой, какъ я, не пристало хвалить васъ, я знаю, — продолжала она поспѣшно. — Я не должна была бы смѣть даже и входить сюда, среди бѣлаго дня, но я пришла просить милости.. не для меня, миссъ... не для меня, но для моего дорогого мальчика.

Черная мужество во взглядѣ молодой школьной учительницы и сложивъ свои руки, обтянутыя лиловыми перчатками, на колѣняхъ, она продолжала тихимъ голосомъ:

— Видите ли, миссъ, у мальчика нѣтъ никого близкаго, кромѣ меня, а я не гоюсь ему въ воспитательницы. Я думала въ прошломъ году отослать его далеко отсюда, въ школу въ Фриско, но когда начали поговаривать о томъ, чтобы пригласить сюда учительницу, я подождала, пока не увижу васъ, а какъ увидѣла, то успокоилась и подумала, что могу продержатъ еще моего мальчика съ собой. И, ахъ! миссъ, онъ такъ любитъ васъ! и еслибъ вы могли слышать, какъ онъ говоритъ о васъ! и если бы онъ самъ своимъ милымъ голосомъ сталъ просить васъ о томъ, о чемъ я собиралась васъ просить, то вы не могли бы отказать ему.

— Оно и понятно, — продолжала она поспѣшно, голосомъ, въ которомъ слышалась странная смѣсь униженія и гордости, — оно и понятно, что онъ привязался къ вамъ, миссъ, потому что

отецъ его, когда я впервые съ нимъ познакомилась, былъ джентльменъ... и мальчикъ долженъ позабыть меня рано или поздно... и мнѣ не слѣдуетъ печалиться объ этомъ. Вѣдь я пришла просить васъ взять моего Томми... Боже, благослови моего дорогого мальчика,... взять... взять его съ собой.

Она встала и, схвативъ руку молодой дѣвушки, упала передъ ней на колѣни.

— У меня много денегъ, и всѣ онѣ ваши и его. Отдайте его въ какую-нибудь хорошую школу, гдѣ бы вы могли видѣться съ нимъ и помогите ему... помогите ему... позабыть свою мать. Дѣлайте съ нимъ, что хотите. Худшее, что онъ узнаетъ съ вами, будетъ счастьемъ, сравнительно съ тѣмъ, что его ждетъ со мной. Только увезите его отъ этой безпутной жизни, отъ этого жестокаго мѣста, отъ этого обиталища стыда и горя. Вы согласны; я знаю, что согласны, не правда ли? Вы не можете, не должны говорить «нѣтъ». Вы сдѣлаете его такимъ же чистымъ, такимъ же кроткимъ, какъ вы сами, и когда онъ вырастетъ, вы сообщите ему имя его отца... имя, которое цѣлые годы не произносились мною... имя Александра Мортонна, котораго всѣ здѣсь зовутъ Санди! Миссъ Мери! не отнимайте у меня вашей руки! Миссъ Мери, скажите хоть слово! Вы возьмете моего мальчика? Не отворачивайтесь отъ меня. Я знаю, что вамъ не слѣдъ глядѣть на такихъ, какъ я. Миссъ Мери! Боже, скалься надо мной! она уходитъ отъ меня!

Миссъ Мери встала и, среди сгущавшихся сумерекъ, подошла къ открытому окну. Она остановилась тамъ, прислонясь головою къ косяку и устремивъ глаза на послѣдніе розовые лучи, угасающіе на западномъ небосклонѣ. Отблескъ ихъ заигралъ на ея чистомъ молодомъ лбѣ, на бѣломъ воротничкѣ, на сложенныхъ бѣлыхъ рукахъ, медленно угасаая. Просительница на колѣняхъ подползла къ ней.

— Я знаю, что вамъ надо подумать. Я прожду здѣсь всю ночь; но я не могу уйти, пока вы не объявите мнѣ своего рѣшенія. Не отказывайте мнѣ теперь. Вы согласны!... Я читаю это на вашемъ кроткомъ личикѣ... такое личико я лишь во снѣ видала. Я читаю это въ вашихъ глазахъ, миссъ Мери!... вы берете моего мальчика!

Послѣдній красный лучъ ярко вспыхнулъ, сообщивъ глазамъ миссъ Мери часть своего блеска, задрожалъ, поблѣднѣлъ—и потухъ.

Солнце закатилось надъ Редъ-Гочемъ.

Среди мрака и безмолвія кротко прозвучалъ голосъ миссъ Мери:

— Я возьму съ собой мальчика. Пришлите мнѣ его съ вечера.

Счастливая мать прижала къ губамъ конецъ платя миссъ Мери. Ей хотѣлось спрятать свое разгоряченное лицо въ его дѣвственныхъ складкахъ, но она не смѣла. Она приподнялась съ колѣнъ.

— Знаетъ ли... этотъ человѣкъ... о вашемъ намѣреніи? — спросила внезапно миссъ Мери.

— Нѣтъ, да онъ о немъ и не заботится. Онъ нивогда даже не пришелъ взглянуть на ребенка.

— Такъ ступайте же къ нему... сегодня же вечеромъ... сейчас! Скажите ему о томъ, что вы сдѣлали. Скажите ему, что я беру съ собой этого ребенка... и скажите ему... чтобы онъ... нивогда... не смѣлъ видѣться съ ребенкомъ. Чтобы онъ не смѣлъ туда являться, гдѣ будетъ ребенокъ; чтобы онъ не смѣлъ слѣдовать за нимъ туда, куда я беру его съ собой. Да! теперь ступайте, прошу васъ!... Я устала... и у меня еще много дѣла.

Онъ вмѣстѣ дошли до двери. На порогѣ женщина обернулась.

— Прощайте.

Ей хотѣлось упасть къ ногамъ миссъ Мери. Но въ эту самую минуту молодая дѣвушка раскрыла объятія, прижала грѣшницу къ невинной груди, затѣмъ затворила и заперла на ключъ дверь.

На слѣдующее утро кучеръ почтовой кареты, «безбожный Билль», какъ его называли, съ сознаниемъ великой отвѣтственности взялъ возжи въ руки, потому что шеольная учительница находилась въ числѣ его пассажировъ. Когда онъ выѣхалъ на большую дорогу, то услышалъ кроткій голосъ изнутри кареты, остановилъ лошадей и почтительно дожидался, пока Томми по приказанію миссъ Мери выпрыгнулъ изъ кареты.

— Не этотъ кустъ, Томми, а слѣдующій.

Томми вынулъ свой новый перочинный ножикъ и срѣзавъ вѣтку съ высокаго куста азалій, подаль миссъ Мери.

— Теперь все исправно?

— Да.

И дверь почтовой кареты захлопнулась за идилліей Редъ-Гоча.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИЕОЛОГІЯ

И

ЕЯ МЕТОДЪ.

Zoological Mythology, by Angelo De Gubernatis. London. Trübner. 1872. 2 vv.

I.

Наука сравнительной миеологии какъ-то не особенно счастлива въ послѣднее время. Она еще такъ недавно заявила свое пришествіе въ семью другихъ, сродныхъ съ нею наукъ извѣстной книгой Куна, блестящими этюдами Макса Мюллера и многихъ его подражателей — но на этомъ все и остановилось. Являлись другіе подражатели, работники второй руки, увѣровавшіе, закрывъ глаза, въ два-три положенія, высказанныя учителями, и стѣпившіе приложить ихъ въ какой-нибудь специальной задачѣ, не заботясь о провѣркѣ принциповъ. И въ наукѣ есть свои увлеченія, мода. Какъ прежде наивно вѣровали въ историческую подкладку всякаго миеа, такъ теперь, увлекшись сравнительнымъ приѣмомъ, всякую обыденную исторію наровили обратить въ миеъ. Стоило только отыскать, что въ той или другой лѣтописи, былинѣ, сказаніи есть общія мѣста, встрѣчающіяся въ другихъ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, чтобы тотчасъ же заподозрить ихъ достовѣрность и выдвинуть ихъ изъ исторіи. Ихъ думали объяснить иначе — либо заимствованіемъ, перенесеніемъ нѣкоторыхъ безразличныхъ подробностей изъ одного памятника въ другой, либо миеомъ. Но заимствование приходилось бы доказать для каждаго даннаго случая, а гипотеза миеа такъ удобна! Общія мѣста, мотивы и положенія, повторяющіеся тамъ и здѣсь, иногда

на такихъ разстояніяхъ и въ такихъ обстоятельствахъ, что между ними нѣтъ видимой, услѣдимой связи — что это такое, какъ не мѣны, какъ не осколки одного какого-нибудь общаго мѣна? Стоить только однажды стать на эту точку зрѣнія, а воссозданіе этого мѣна и объясненіе его—дѣло легкое, при податливости матеріала, съ которымъ обращается мионическая экзегеза. Такимъ образомъ и Роланда, сподвижника Карла Великаго и героя очень реальной *chanson de geste*, хотѣли не такъ давно обратить въ германскаго бога, потому что у того и другого нашлись сходныя черты ¹⁾. Понятно, почему противъ подобныхъ увлеченій начинаютъ возставать теперь не только мѣнологи классическаго зачала, которымъ всегда были не по сердцу нѣсколько широкіе приемы новой школы, но и люди, всегда относившіеся къ ней симпатично и съ надеждою ожидавшіе ея отерovenій.

Но что болѣе всего повредило ея дѣлу въ глазахъ серьезныхъ дѣятелей—были преждевременныя обобщенія, попытки популяризаціи. Еще наука не опредѣлилась, не выяснила себѣ ни свойствъ своего матеріала, ни приѣмовъ изслѣдованія: она едва успѣла выставить нѣсколько вопросовъ, задаться двумя-тремя гипотезами—а уже книги Кокса и Бюрнуфа спѣшаютъ познакомить публику съ ея результатами, которыхъ еще нѣтъ, съ цѣлою системою, когда она еще въ работѣ и можетъ еще перестроиться такъ или иначе, смотря по даннымъ, какія принесетъ съ собою изученіе какого-нибудь спеціальнаго ряда фактовъ. Публика дѣйствительно получаетъ въ этихъ книгахъ нѣчто похожее на общіе выводы, на организмъ; присмотрѣвшись ближе, не трудно убѣдиться, что подъ тѣмъ и другимъ скрываются тѣ же двѣ-три гипотезы, которыя слѣдовало бы еще подтвердить или опровергнуть, а онѣ поставлены во главу угла, искусно убраны фактами, общими мѣстами, и впечатлѣніе выходитъ такое, какъ будто вся эта цѣльность получена строго научнымъ способомъ; развернулась логически изъ ряда вполне доказанныхъ истинъ. Но это не истины, а гипотезы, и все развитіе—діалектическое. Если наука сравнительной мѣнологіи пойдетъ такимъ путемъ, она можетъ броситься въ объятія той метафизической дисциплины, которая давно заподозрѣна подъ названіемъ «философіи религіи» — и новой рубрики не будетъ нужно.

Я не отрицаю окончательно пользы подобнаго рода скоропѣлыхъ обобщеній — для массы читателей; но это польза односторонняя и смѣшная съ большою долей гора. Полезно во вся-

¹⁾ Къ такому толкованію склоненъ и г. Де-Губернатисъ, I, 555—7.

вомъ случаѣ, что обыкновенный читатель; не заглядывающій въ спеціальныя книжки, узнать, что народилась на свѣтъ новая наука, задающаяся изслѣдованіемъ развитія религіознаго сознанія, собирающая сказки, отыскивающая въ народномъ суевѣріи перлы первобытнаго міеа. Но когда тому же читателю придетъ охота собирать эти сказки, записать эти суевѣрія, тогда эти книжки могутъ только обить его съ толву: онъ приступитъ къ дѣлу съ предвзятой системой, заманивающей своей широтой, но лишенной научнаго значенія; система будетъ опредѣлять его выборъ, направлять толкованіе—когда задача всякаго, серьезно интересующагося сравнительной міеологіей, можетъ быть пока одна: собирать все и только собирать; если матеріала накопится много, группировать его, не по предвзятымъ гипотезамъ, а по чисто внѣшнимъ категоріямъ: по содержанію, нѣкоторымъ общимъ признакамъ, сочетанію мотивовъ, эпическимъ приемамъ, символическимъ подробностямъ. Отъ этого можетъ получиться на первыхъ порахъ слѣдующее: умноженіе матеріала увеличить средства сравненія и дать болѣе устойчивости статистическимъ выводамъ; внѣшняя группировка фактовъ, ненаучная сама по себѣ, можетъ привести къ ряду частныхъ обобщеній и самостоятельныхъ гипотезъ, которыя либо увеличатъ число тѣхъ немногихъ, отъ которыхъ отправляется обыкновенно міеическое изысканіе, либо провѣрятъ ихъ и отмѣнятъ инныя, какъ недоказанныя. Чѣмъ болѣе будетъ появляться такихъ частныхъ, скромныхъ работъ, тѣмъ болѣе шансовъ, что выровняются наконецъ, при взаимной повѣркѣ, и общіе приемы изслѣдованія, и субъективизмъ изслѣдователей уступитъ мѣсто точному методу. Съ методомъ—явится и будущая наука міеологін, задачи которой я не иначе могу опредѣлить себѣ, какъ назвавъ ее напередъ — психологіей міеическаго процесса. Я не вижу, чтобы въ современныхъ трудахъ, посвященныхъ этой области, эти задачи особенно выставлялись на видъ. Всякое сходство міеическихъ типовъ, проявляющееся въ сказкахъ, повѣрьяхъ, обрядахъ, объясняется либо историческимъ перенесеніемъ изъ одной области въ другую, либо возведеніемъ къ одному до-историческому типу, изъ котораго развились элементы, сохранившіе въ равной степени родственныи обликъ. Но это объясненіе возможно и понятно, пока сходство остается въ предѣлахъ одной расы, одной исторической традиціи. Съ тѣхъ поръ, какъ разработка народной литературы распространила кругъ изученія на всевозможныя расы и національности, чаще стали представляться такіе случаи, что какая-нибудь эскимосская сказка показываетъ черты сходныя съ африканской, или древній римскій об-

чай сохраняется на островахъ Полинезiи. Такъ, напр., въ Новой Зеландiи разсказывается, что Рона, идя по-воду, спотенулась въ темнотѣ и выбрала мѣсяцъ, скрывшійся въ то время за тучи, а разгнѣванный мѣсяцъ спустился и похитилъ ее вѣсть съ дерева, на которомъ она вздумала искать убѣжища. И Рону и дерево теперь еще можно видѣть въ томъ, что намъ кажется пятнами мѣсяца ¹⁾. Но то же преданiе встрѣчается и въ Эдѣ и у бурятъ. Въ такихъ случаяхъ ученые ограничиваются простымъ сближенiемъ — что, конечно, гораздо благоразумнѣе; или же пускаются въ туманныя соображенiя, которыя нигуда не приводятъ, такъ что за ними и слѣдовать нечего. Между тѣмъ слѣдующiй вопросъ ставится довольно естественно: какъ въ языкахъ, при различii ихъ звукового состава и грамматическаго строя, есть общiя категорiи (напр. числительныхъ именъ), отвѣчающiя общимъ приѣмамъ мышленiя, такъ и сходство народныхъ вѣрованiй, при отличii расъ и отсутствii историческихъ связей, не можетъ ли быть объяснено изъ природы психическаго процесса, совершающагося въ человѣкѣ? Чѣмъ иначе объяснить, что въ сказкахъ и обрядахъ народовъ, иногда очень рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга и въ этнологическомъ и въ историческомъ отношенiяхъ, повторяются тѣ же мотивы, тѣ же задачи и общiя очертанiя дѣйствiя? Что заставляло всѣхъ и всегда разсказывать о братьяхъ, обыкновенно трехъ или двухъ, изъ которыхъ двое считаются умными, а третiй — простакомъ, оказывающiйся подъ конецъ мудрѣе умниковъ? Или о сестрахъ, изъ которыхъ одна, падчерица, находится въ загонѣ и потомъ изъ замарашки становится принцессой, торжествуетъ? Или о братѣ, преслѣдующемъ сестру, объ отцѣ, преслѣдующемъ дочь и т. п.? Это мотивы слишкомъ распространенные, слишкомъ правильно повторяющiеся, чтобы можно было не видѣть въ нихъ извѣстной народно-психологической законности. Отыскать эту законность можно будетъ, разумѣется, не путемъ метафизическихъ построенiй, а тѣмъ торнымъ путемъ, по которому стремятся идти всѣ современныя науки: необходимо начать съ начала, съ собиранiя фактовъ въ наибольшемъ числѣ, сказокъ, повѣрiй, обрядовъ, подбирая сказки по мотивамъ и сочетанiямъ ихъ, повѣрiя по содержанiю, обряды по годовымъ праздникамъ, или тѣмъ обыденнымъ отношенiямъ (свадьба, похороны и т. п.), къ которымъ они бывають привязаны. Такое расположенiе въ перспективѣ лучше выяснитъ внутреннюю закон-

¹⁾ Anthropologie der Naturvölker von Dr. Th. Waitz, fortgesetzt v. Dr. G. Gerland. IV Theil (Leipzig, 1872), стр. 89.

ность народно-поэтического организма, чѣмъ всевозможные эксперименты теоретиковъ надъ этой «землей незнаемой». Можно сказать болѣе: только такое собирательное изученіе повѣрій и обрядовъ подарить насъ со временемъ наукой міеологіи, какъ подобное же изученіе сказокъ и легендъ создать науку народно-поэтической литературы. Первое уже нѣсколько лѣтъ какъ затѣяно Маннгардомъ, второе недавно предпринято Эстерлеемъ. Я разумѣю его бібліотеку восточныхъ сказокъ и повѣстей, первый томъ которой вышелъ въ Бреславлѣ ¹⁾. Вотъ что пишетъ редакторъ объ общихъ задачахъ своего труда: «Отъ внимательнаго наблюдателя не скрылось то обстоятельство, что съ нѣкотораго времени значительное число филологовъ и историковъ литературы въ Германіи и Франціи, Бельгіи, Италиі и Англіи, равною заняты дѣломъ скромнымъ и непритязательнымъ съ виду, но обещающимъ со временемъ породить новую науку. Основанія этой науки только-что положены, и то не вездѣ; еще много нужно собирать, ломать, обтесывать камни, потому что зданіе готовится обширное и грандіозное. Никто не знаетъ архитектора и лишь немногіе видѣли планъ, а несмотря на то, всѣ строго работаютъ въ одномъ направленіи, хотя безсознательно, какъ будто по инстинкту: это работа пчелъ и муравьевъ... Это зданіе, эта новая наука назовется сравнительной исторіей литературы, или исторіей народной литературы, и ея задачей будетъ: опредѣленіе путей развитія, по которымъ слѣдовалъ духовный матеріалъ всякой литературы, т.-е. поэтическіе мотивы, какъ во времени, въ теченіи столѣтій, такъ и въ пространствѣ, въ общеніи странъ и народовъ» ²⁾. Я уже сказалъ, что наука сравнительной міеологіи можетъ получиться лишь въ результатъ подобнаго же рода пригготовительныхъ работъ.

Соображенія, высказанныя мною, объясняютъ и мои требованія отъ всякой міеологической работы, и мои отношенія къ книгѣ г. Де-Губернатиса.

Книга г. Де-Губернатиса представляетъ весьма обширный сборникъ народно-литературнаго или, если хотите, міеологическаго матеріала. Авторъ тоже собиратель, и въ этомъ его главная заслуга. Разумѣется, матеріалъ не вездѣ собранъ ровно, чего и требовать невозможно при обширныхъ размѣрахъ труда. Такъ,

¹⁾ Bibliothek orientalischer Märchen und Erzählungen in deutscher Bearbeitung, mit Einleitung, Anmerkungen und Nachweisen von Hermann Oesterley. 1-es Bändchen: Bāṭāl pachiāi oder die 25 Erzählungen eines Dämon. Leipzig, 1878.

²⁾ Gott. Gel. Anz. 1872. H. 40, стр. 1584—5.

напримѣръ, разсмотрѣны подробно Веды и индѣйскія поэмы, а на остальной Востокъ обращено сравнительно мало вниманія. Еще бѣднѣе вышелъ западный отдѣлъ, разумѣется, за исключеніемъ Италіи, народными повѣрьями и сказаніями которой авторъ занимался специально ¹⁾; но средневѣковая литература осталась почти нетронутой. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что романы, бестиаріи и баснословныя преданія о животныхъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ представляютъ богатый источникъ свѣдѣній именно для животной міеологіи. Авторъ, очевидно, зависѣлъ отъ своей библіотеки и потому не пользовался ни *Bochart's* (*Hierozoikon*), ни даже такой доступной книгой, какъ «Тератологія» *Berger de Xivrey*. Въ главѣ о кукушкѣ извѣстная монографія Маннгарда даже не названа. Всѣ эти недостатки искупаются тѣмъ, что такъ рѣдко встрѣчается въ европейскихъ сочиненіяхъ о сравнительной міеологіи: обильными ссылками на славянскій, преимущественно русскій матеріалъ. Авторъ извлекъ содержаніе почти всего сборника Аванасьева, и въ этомъ отношеніи его книга будетъ такимъ же откровеніемъ для европейской науки, какъ извѣстный этюдъ Рольстона о народной русской повѣсти. До сихъ поръ русская сказка и русская пѣсня забѣгали на Западъ случайно, отрывками, въ плохихъ переводахъ. Бенфей пользовался сказкой о Маландрахъ Ибрагимовичъ. Книга г. Де-Губернатиса впервые укажетъ западнымъ изслѣдователямъ, какой богатый источникъ сравненія они найдутъ въ литературѣ русской сказки. Но только укажетъ — не болѣе: на пользу той науки будущаго, о которой мечтаетъ не одинъ Эстерлей, было бы желательно, чтобы вмѣсто короткихъ отчетовъ г. Де-Губернатиса, опредѣлявшихъ отчасти міеологическими задачами его труда, всѣ сказки Аванасьева были переведены, или по крайней мѣрѣ изданы въ извлеченіи. Я слышалъ, что профессоръ Юльгъ уже нѣсколько лѣтъ какъ затѣялъ подобный трудъ.

Слабой стороной сочиненія г. Де-Губернатиса представляется мнѣ та, въ которой онъ по всей вѣроятности полагаетъ свою наибольшую силу: я говорю о его міеологическихъ идеяхъ. Я не понимаю, почему, обладая такими обширными познаніями по восточной литературѣ и вообще столь богатымъ міеологическимъ матеріаломъ, онъ самовольно наложилъ на себя руки, отказавшись отъ всякой попытки къ самостоятельнымъ выводамъ. Идея

¹⁾ Укажу на наданіи имъ тосканскія сказки, съ руководящимъ предисловіемъ: (*Novellino di San Stefano di Calcinaia*) и на его книгу: *Storia comparata degli usi nuziali in Italia e presso gli altri popoli indoeuropei*. Milano. 1869.

Куна и Макса Мюллера — его идеи, и онъ ограничился тѣмъ, что подобрать къ нимъ множество новыхъ сравненій. Но этихъ идей не много и что ихъ недостаточно для объясненія всего запаса миеологическихъ представленій, про то знаетъ всякій, кто когда-либо занимался въ этой области. Когда подъ руками было столько новаго, зачѣмъ было не попытаться на новое обобщеніе? Это только увеличило бы количество руководящихъ идей и облегчило бы дѣло будущему работнику. Г. Де-Губернатисъ предпочелъ записаться въ школу, и этотъ отказъ отъ самостоятельности отразился видимо для всѣхъ въ той противоположности, какая замѣчается между заглавіемъ его книги и ея содержаніемъ. Намъ обѣщаютъ животную миеологию, между тѣмъ вы читаете десятки страницъ, и васъ не испугаетъ по дорогѣ ни одно миеологическое животное. Въ первой части книги эта несообразность особенно замѣтна. Объясняется она такимъ образомъ: по идеямъ школы, всѣ сказочные сюжеты — миеическаго характера, и ихъ первообразъ находится въ древнихъ миеахъ, особенно свѣжо сохранныхъ намъ ведійскими гимнами. Въ этихъ гимнахъ преобладаютъ зооморфическіе образы: облачныя коровы, облачныя змѣи, баранъ, козель, конь и т. п. Это и дало планъ животной миеологии, и объясняетъ распредѣленіе въ ней сказочнаго матеріала по животнымъ ¹⁾ по тому принципу, что все находящееся въ сказкѣ должно найтись и въ ведійскомъ миеѣ. Распредѣленіе иногда выходитъ совершенно внѣшнее: иногда въ сказкѣ упоминается корова, не играющая тамъ, впрочемъ, никакой существенной роли, можетъ быть, внесенная туда совершенно случайно, но по этому поводу вся сказка помѣстится во главу о миеической коровѣ; съ другой стороны, тамъ же собраны

¹⁾ Вотъ это распредѣленіе. *Животныя суши*: 1) корова и быкъ, 2) конь, 3) оселъ, 4) овца, баранъ и козель. Это содержаніе I г. Во II продолжаются сначала тѣ же животныя: 5) свинья, кабанъ и ежъ, 6) собака, 7) кошка, ласта, мышь, кротъ, улитка, кнѣзмонъ, скорпионъ, муравей, стрекоза и кузнечикъ, 8) заяцъ, кроликъ, горностай, бобръ, 9) антилопа, олень, лань и газель, 10) слонъ, 11) обезьяна и медвѣдь, 12) лиса, шакалъ и волкъ, 13) левъ, тигръ, леопардъ, пантера и хамелеонъ, 14) паукъ. *Животныя воздуха*: 1) птицы, 2) соколъ, орелъ, коршунъ, фениксъ, гарпія, strix (?), летучая мышь, грифъ и сирена, 3) королень, жукъ и свѣтлякъ, 4) пчела, оса, муха, комаръ, mosquito, оводъ и цикада, 5) кукушка, цапля, тетеревъ, куропатка, соловей, ласточка, воробей и нотатунка, 6) сова, ворона, сорока и журавль, 7) дятель и martin (?), 8) жаворонокъ и перепелъ, 9) вѣтухъ и курица, 10) голубь, утка, гусь и лебедь, 11) попугай, 12) павлинъ. *Водныя животныя*: 1) рыбы, особенно щука, the sacred fish or fish of St. Peter (?), карпъ, дорсъ, сельдь, угорь, золотая рыбка, морской ежъ, огуль, лебъ, дельфинъ и китъ, 2) крабъ, 3) черепаха, 4) лягушка, жерипа и жаба, 5) зѣля и водяное чудовище.

всѣ сказки о нашемъ Иванушкѣ-дурачкѣ. Въ нихъ нѣтъ ничего животнаго, тѣмъ не менѣе и онѣ должны подчиниться системѣ: слѣдуетъ только увѣрить себя, что нѣтъ ничего легче и естественнѣе, какъ обратиться изъ быка въ прекраснаго молодого принца (how natural it is to pass from the bull to the handsome hero prince. I, 257), или коровѣ обратиться въ принцессу. Нашъ Иванушка-дурачекъ былъ несомнѣнно быкомъ, иначе его генеалогія не доходила бы до ведійскаго періода. Въ угоду этой животной теоріи сказки сортируются такъ, что обрывки ихъ можно найти по разнымъ главамъ, по поводу упоминанія въ нихъ разныхъ животныхъ, и читатель не можетъ составить себѣ понятіе объ ихъ цѣльномъ составѣ, что было бы особенно необходимо, если бы у кого-либо явилось желаніе воспользоваться ими съ иной точки зрѣнія, или распределить ихъ по инымъ принципамъ. Укажу здѣсь же на одну логическую несообразность въ методѣ г. Де-Губернатиса: ведійскіе гимны представляютъ очень мало цѣльности въ сюжетахъ; ее приходится восстанавливать, причемъ авторъ пользуется сказками, исходя изъ аксіомы (которую требуется еще доказать), что между Ведами и сказкой есть генетическая связь. Восстановивъ Веда при помощи сказокъ и найдя въ нихъ въ зародышномъ состояніи всѣ позднѣйшіе сказочные сюжеты (двѣ сестры, мачиха и падчерица, преслѣдованіе дочери отцомъ, сестры братомъ; три брата; слѣпой и хромою и др.) онъ беретъ первыя за основу дѣленія и, самъ не замѣчая того, возвращается въ заколдованномъ кругѣ. Но такъ какъ дѣло идетъ объ уясненіи сказокъ, причемъ Веда являются только подспорьемъ, было бы рациональнѣе принять самыя сказки за точку отправленія, расположивъ ихъ по руководящимъ сюжетамъ. Тогда не пришлось бы искать Ивана-царевича въ главѣ о быкѣ, съ которымъ у него лишь та общая черта, что Иванъ-царевичъ пьетъ и быкъ пьетъ (I, 194). Но тогда разрушено было бы и самое заглавіе «животной мифологіи».

Заглавіе—не самая книга, и сочиненіе г. Де-Губернатиса останется по прежнему богатой энциклопедіей сказокъ, расположенныхъ и объясненныхъ по принципамъ Куна и Макса Мюллера. Въ исторіи ихъ школы она займетъ не послѣднее мѣсто, и надо признаться, что г. Де-Губернатиса можно упрекнуть развѣ въ крайней послѣдовательности, съ какою онъ прилагаетъ ея принципы. Послѣ него въ сказкѣ не останется живого мѣста, которое не было бы объяснено мифически, даже подъ опасеніемъ натяжекъ и историческихъ невѣрностей. Послѣднее—дѣло обычное: не всякому дано все знать, и чѣмъ шире задачи, тѣмъ скорѣе

найдутся промахи, недосмотры. Последніе особенно часто встрѣчаются въ разборѣ древне-скандинавскихъ вѣрованій. Русскіе читатели знаютъ попытку г. Буслаева объяснить загадочнаго Трояна Слова о полку Игоревѣ: онъ сближалъ это сказаніе съ сербскимъ повѣрьемъ о царѣ Троянѣ, и то и другое съ скандинавскимъ Alvismal, гдѣ Торъ препирается съ мудрымъ карликомъ Альвисомъ и съ умысломъ продолжаетъ бесѣду до разсвѣта: едва показалось утро, какъ Альвисъ окаменѣлъ, потому что онъ принадлежитъ къ породѣ черныхъ эльфовъ, чуждающихся дня. Въ этомъ объясненіи едва-ли можно сомнѣваться: оно коренится въ представленіяхъ Эдды о черныхъ эльфахъ, döckralfar. Г. Де-Губернатисъ такъ увлекся своей міеологической теоріей, что изъ-за нея забылъ факты: онъ сравниваетъ Альвиса съ дѣввой-семилѣтней русской сказки (Аванасьева VI, 41), въ которой онъ видитъ Аврору, все видящую и знающую (стало быть мудрую), защищающую бѣдняка отъ богача, невиннаго противъ виновнаго ¹⁾). Alwis — тоже Аврора, и въ угоду своему объясненію авторъ такъ пересказываетъ мифъ: «когда онъ (то-есть Альвисъ) кончилъ свои отвѣты, занялся день и показалось солнце» (I, 207). Если такъ, то отождествленіе его съ Авророй вѣроятно; но необходимо было прибавить, что Альвисъ обратился въ камень подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, и отождествленіе пропадаетъ. Въ другомъ мѣстѣ (I, 260—1), г. Де-Губернатисъ называетъ того же Альвиса двойникомъ Тора. Столь же неудачны—съ точки зрѣнія спеціально скандинавскихъ представленій — объясненія извѣстныхъ мифовъ Эдды о созданіи перваго человѣка и рыбной ловлѣ Тора (I, 224—5): авторъ вездѣ видитъ солнце и Аврору. Это ужъ не недосмотръ, а натяжки и увлеченія человѣка, отыскивающего во что бы то ни стало подтвержденіе своей системѣ. И онъ находитъ это подтвержденіе, благодаря тому особому обращенію съ своимъ матеріаломъ, на которое уже было мною указано. Разрывая цѣльность сказки, рассматривая ее по частямъ, онъ облегчаетъ себѣ міеологическое толкованіе въ смыслѣ своей теоріи. Но точность объясненія подозрительна: значеніе фразы понятно только въ контекстѣ и только въ немъ получаетъ надлежащую оцѣнку; вырвите ее изъ связи, и она очутится въ вапихъ рукахъ общимъ мѣстомъ, которому легко вмѣнить тотъ или другой смыслъ—какой хотите. Такъ и съ сказкой и съ мифомъ: изучайте сказку

¹⁾ Во II т. стр. 276 авторъ снова возвращается къ той же сказкѣ и опять ее толкуетъ. Семилѣтка прѣзжаетъ къ отцу верхомъ на зайцѣ, съ перепелкой въ рукахъ. Последняя—символъ пара-солнца, семилѣтка—Аврора (или весна), прѣзжающая къ солнцу на зайцѣ, т.-е. на лунѣ, сквозь мракъ ночи или зимы.

но мелочамъ, выдвиньте мнѣ изъ того организма, въ который сложились особо повѣрѣя германско-скандинавскаго, славянскаго, греческаго племени—они отвѣтятъ вамъ на любое объясненіе. Но едва ли этотъ приѣмъ логиченъ и его результаты доказательны. Вы хотите изучать мнѣологическое содержаніе сказки, мнѣа? Возьмите сказку въ ея цѣльности, изучите въ ней сплавъ разнообразныхъ мотивовъ, рассмотрите ее въ связи съ сказками того же народа, опредѣлите особенности ея физиологическаго строя, ея народную индивидуальность, и затѣмъ переходите къ сравненію съ сказкой и сказками другихъ народовъ, которыя съ своей стороны подлежатъ такому же предварительному выясненію. Такъ же надобно поступать и съ собственно-религіозной силой, съ мнѣомъ: путь долженъ идти отъ особеннаго къ сродному и общему; отъ сказокъ можно будетъ дойти и до Ведъ. Мнѣологическія увлеченія г. Де-Губернатиса объясняются главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ предпочелъ шествовать обратно, принявъ за точку отправленія ведійскіе мнѣы, которые предварительно подстроилъ сказками—и еще кое-какія теоретическія соображенія о восприимчивости первобытнаго человѣка и особенномъ характерѣ мнѣическаго процесса, совершавшагося въ его головѣ. Въ послѣднемъ отношеніи я не могу не высказаться противъ его идей. Если вѣрить г. Де-Губернатису и еще кое-кому изъ современныхъ изслѣдователей по сравнительной мнѣологій, то наши пастушескіе праотцы не только не были первобытно-наивны, но и во многомъ перешагивали людей XVIII-го и XIX-го столѣтія. Чтобы встрѣтить такое тонкое пониманіе природы и ея красоту, какое раскрываютъ намъ въ основѣ ихъ мнѣовъ—надо перешагнуть черезъ средніе вѣка прямо къ Бернардену де-Сенъ-Пьеръ, Бюфону и Лэкистамъ; чтобы умѣть такъ ловко подмѣтить всякую мелочь, всякую тѣнь въ облакѣ, осмыслить всякій шагъ солнца по небесному своду—нужно было быть безстрашнымъ, холодно-сознательнымъ аллегоризаторомъ, и мы опять мѣтимъ въ XVIII-й вѣкъ, и намъ не вдомекъ, что вся эта сознательность и искусственность встрѣчается уже при первомъ проявленіи человѣческой мысли на землѣ—въ мнѣѣ. Г. Де-Губернатисъ сближаетъ Бертю—широкую ступню, Фрею—лебединую ногу нѣмецкихъ повѣрій, съ Авророй, воссѣдающей на широкой колесницѣ: и колесница и ступня—широкія, потому что заря занимаетъ большое мѣсто, появляясь на небѣ (I, 253). «Мнѣы, основанные на непостоянныхъ явленіяхъ неба, породили наибольшее количество легендъ», говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, по поводу ведійскаго мнѣа объ Асвинахъ. «Постоянные переходы тѣней, полу-

свѣтовъ, мерцаній, отъ глухой ночи къ серебряному мѣсяцу, отъ мѣсяца къ сѣрому тону утренняго разсвѣта, который врѣшнеть и сливается съ зарей; отъ зари къ солнцу; и такая же смѣна, только въ обратномъ порядкѣ, вечеромъ, когда зашедшее солнце уступаетъ мѣсто багряной зарѣ, заря—опять полусвѣту и мѣсяцу и темной ночи: всѣ эти превращенія цвѣтовъ и освѣщеній, то встрѣчающихся, то сливающихся другъ съ другомъ, породили представленія о небесныхъ товарищахъ, друзьяхъ, родственникахъ, которые живутъ то въ мирѣ, то во враждѣ, то сходятся въ любви и ласкѣ, то бросаются другъ на друга во враждѣ и гнѣвѣ, являясь поочередно жертвами и преслѣдователями, соблазнительными и соблазненными, обманщиками и обманутыми. Гдѣ есть семейство, тамъ есть любовь, являются примѣрные братья, мужья, жены, сыновья и дочери, отцы и матери, исполненные нѣжности, но тутъ же встрѣчается оборотная сторона медали: гдѣ есть родственники, тамъ бываютъ ссоры, ревность и зависть, злые свекрови и мачихи, отцы-тираны и коварныя жены. Если трудно объяснить психологически эти противоположныя чувства въ человѣкѣ, то тѣмъ труднѣе ихъ анализъ въ миеѣ, которому быстрый порывъ воображенія придаѣтъ животный образъ, также быстро исчезающій» (I, 319—321). Но въ психическомъ процессѣ, который изображаетъ намъ г. Де-Губернатисъ, я не столько усматриваю полетъ воображенія, сколько сознательныя наблюденія колориста надъ тѣнями вечерняго и утренняго неба. Миеологи сравнительной школы меньше всего отдали себѣ отчетъ въ той степени сознательности, какая предполагается миеическимъ творчествомъ и на какой находился человѣческій индивидуумъ въ пору этого творчества. Оттого ихъ объясненія генезиса миеовъ часто выходятъ такіа, что хоть-бы подѣ стать нашей рефлектирующей и естественно-научной порѣ. Бюрнуфъ въ своей *Science des religions* предполагаетъ въ нашихъ праотцахъ предвѣшаніе такихъ истинъ, какъ единство силъ, или химическое вліяніе солнечныхъ лучей на земную жизнь. Все это они ясно выразили въ своихъ миеахъ. Г. Де-Губернатисъ, толкуя пословицу, что корова обогнала зайца, находитъ въ ней ученіе о лунномъ затмѣніи; заяцъ—символъ луны, корова—это или ночь, или Аврора, или земля; по-санскритски го означаетъ и корову и землю; корова, обогнавшая промчавшагося мимо зайца—это земля, проходящая мимо мѣсяца и застилающая его (I, 24). Тѣмъ же отсутствіемъ точныхъ представлений о характерѣ культуры, среди которой только и мыслимо зарожденіе миеовъ, я объясняю себѣ то обстоятельство, что миеическое толкованіе простирается иногда въ такую область и

на такія явленія, съ которыми мы привыкли считаться какъ съ сознательными, принадлежащими личному вымыслу.

Шварцъ, какъ извѣстно, не прочь былъ отыскивать мноѳ въ пѣсняхъ Гейне. Г. Де-Губернатисъ, отыскиваетъ ихъ въ Раблѣ, тамъ именно, гдѣ его юморъ расходился на счетъ гигантскаго аппетита его героевъ: Гаргамелла, будучи беременной Гаргантюа, съѣдаетъ несмѣтное количество бычачьихъ рубцовъ; Гаргантюа, только-что родился и проситъ пить: молоое 17,913 коровъ утоляетъ его жажду. Все это приводится въ связь съ мнѳическимъ отношеніемъ быка къ родамъ и беременности! Не лучше объясненіе любви Эсмеральды въ Notre Dame de Paris къ чудовищному Квазимодо: это нимфа Галатея, любящая Фавна; Фавнъ, какъ извѣстно, козлоногій; Эсмеральда ходитъ съ козочкой (I, 421). Я позволю себѣ привести по этому поводу нѣсколько словъ предостереженія изъ замѣчательной книги Тейлора: *Переобытная культура* ¹⁾. «При первомъ знакомствѣ съ возрѣніями новѣйшей школы миеологовъ и иногда даже послѣ долгаго и тщательнаго изученія ихъ, многіе нерѣдко относятся полускептически къ изяществу и простотѣ ихъ объясненій, и спрашиваютъ—неужели это правда? Неужели возможно объяснить такую значительную часть классической, варварской и средневѣковой европейской поэзіи, все тѣмъ же изображеніемъ солнца и неба, утренней и вечерней зари, дня и ночи, лѣта и зимы, облаковъ и бури. Исслѣдованіе природной миеологіи съ настоящей точки зрѣнія говоритъ въ пользу этихъ объясненій—по крайней мѣрѣ относительно руководящаго начала... Въ то же время слѣдуетъ ясно сознавать, что вѣрность такого общаго начала не можетъ служить ручательствомъ за вѣрность частныхъ толкованій, которыя нѣкоторые миеологи думаютъ основать на немъ, такъ какъ многія изъ этихъ толкованій крайне умозрительны, а многія безнадежно нелѣпы. Дѣйствительно, природный миеъ требуетъ признанія своего обширнаго значенія въ легендарной поэзіи человѣка, но лишь настолько, насколько это притязаніе поддерживается основательными и достовѣрными доказательствами... Къ поспѣшнымъ выводамъ, которые вслѣдствіе видимаго сходства выводятъ эпизоды миеа изъ эпизодовъ природы, слѣдуетъ относиться съ крайнимъ недоверіемъ, такъ какъ ученый, не имѣющій другаго, болѣе строгаго критерія для своихъ миеовъ о солнцѣ и небѣ и разсвѣтѣ, найдетъ ихъ вездѣ, гдѣ только думаетъ искать ихъ. Достаточно простого испи-

¹⁾ Первобытная культура, исслѣдованія развитія миеологіи, философіи, религіи, искусства и быта, Эдуарда Тейлора. Перев. съ англійск. Д. А. Корольчскаго. Сиб. I-й т. 1872, стр. 292—4.

ія, чтобы видѣть, куда можетъ повести такой методъ; чѣтъ легенды, аллегоріи или дѣтской пѣсни, которая была бы въ опасности отъ герменевтики всюду проникающаго міеолога-ретика». Стоить только захотѣть и дѣтская пѣсня о шестипенсовомонетѣ (song of sixpence) очутится небеснымъ міеомъ, Кортесъ, оживающійся въ Мексикѣ, будетъ солнцемъ, и жизнь Юлія цезаря подойдетъ подъ схему солнечнаго міеа. «Въ какую-бы ану онъ ни являлся, онъ приходитъ, видитъ, и побѣждаетъ; покидаетъ Клеопатру, устанавливаетъ солнечный годъ и уми-ть отъ руки Брута, подобно Сигфриду въ пѣснѣ о Нибелун-тъ, умирающему отъ руки Гагена, и, падая подъ множествомъ провъ, обогранный кровью, онъ завертывается въ тогу, чтобы ереть во тѣмѣ. Говоря языкомъ солнечнаго міеа, слѣдующіе схи могли бы быть болѣе примѣнены къ Цезарю, чѣмъ къ его ищѣ Кассію:

«...O setting sun;

As in thy red rays thou dost sink to-night,

So in his red blood Cassius'day is set;

The sun of Rome is set!»

Сравнительная міеологія такъ часто дѣлаетъ набѣги въ об-сть историческихъ фактовъ, такъ небрежно обходится съ цѣль-стью народнаго преданія, что подобнаго рода благоразумныя поминанія могутъ быть приняты только съ благодарностью. амъ г. Де-Губернатисъ раздѣляетъ эти идеи, по крайней мѣрѣ въ инципѣ. «Относительно нѣкоторыхъ міеовъ — говорить онъ — я должны ограничиться лишь общими доказательствами, пока явятся новыя, положительныя данныя, на которыхъ можно удетъ съ увѣренностью основать объясненія міеологическихъ актовъ» (I, 321).

II.

Я ограничился немногими примѣрами изъ сочиненія г. Де-Губернатиса, предоставляя себѣ привести другіе, когда мнѣ при-ется говорить о его толкованіи русскихъ сказокъ. Я долженъ, прочемъ, теперь же оговориться: примѣры искусственнаго, натя-зутаго толкованія міеовъ не столько служатъ для характеристики книги г. Де-Губернатиса, сколько для уясненія герменевтиче-скихъ приемовъ школы, къ которой онъ принадлежитъ. Сама по себѣ, его книга — весьма почтенный трудъ, богатый матеріалами и остроумными сближеніями, надъ которыми невольно остановится человекъ, даже неприязненно настроенный противъ его объясни-

тельной системы. И здѣсь мнѣ приходится еще разъ поспѣловать на автора. Онъ могъ отказаться отъ самостоятельныхъ вождѣній и пойти по торной дорогѣ,—въ этомъ его добрая воля; но свою систему, основные приемы своей экзегезы ему слѣдовало бы пояснить. Между тѣмъ онъ этого нигдѣ не дѣлаетъ, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, разсѣянныхъ въ книгѣ, онъ вездѣ даетъ намъ одни результаты и построенія — какъ будто и вопросъ не можетъ подняться, такъ ли это, и нѣтъ ли обмолвки въ самомъ принципѣ объясненія, въ пути, которому оно слѣдовало? Не предполагаетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ, что ученія сравнительно-миеологической школы—тѣ же аксіомы, что о нихъ и спорить нечего—когда еще возможенъ споръ о томъ, есть ли такая специальность, какъ сравнительная миеологія и можетъ ли она быть признана наукой? Г. Де-Губернатисъ, объяснившій въ своей книгѣ цѣлыя сотни миеовъ, имѣлъ подъ руками всѣ средства, чтобы провѣрить и миеологическую теорію, послѣдователемъ которой онъ является, и методъ ея изслѣдованія, насколько онъ успѣлъ выясниться въ тѣхъ специальныхъ трудахъ, которые прилагали ее къ фактамъ. Недостатокъ этой обобщающей части въ трудѣ г. Де-Губернатиса побуждаетъ меня предложить на слѣдующихъ страницахъ нѣсколько вопросовъ и соображеній, касающихся теоріи и метода. Примѣры мнѣ дастъ главнымъ образомъ та же книга.

Первыми вопросами, какіе задаетъ себѣ каждый, приступающій къ изученію народныхъ вѣрованій, представляются мнѣ слѣдующіе: какіе отдѣлы народно-поэтической литературы должны подлежать миеологическому толкованію? На чемъ основана исходная точка этого толкованія?

Народная поэзія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, богата родами: она обнимаетъ и сказку и пѣсню, обрядовое и мѣстное повѣрье, загадку и пословицу и суевѣрный заговоръ. Къ чему изъ всего этого долженъ съ самаго начала обратиться миеологъ? Несомнѣнно къ тому, къ чему самъ народъ еще относится, какъ къ своему вѣрованію—стало быть, къ обряду, обрядовой и дѣтской пѣснѣ, къ заговору; въ нихъ мы вѣрнѣе всего найдемъ отголоски того непосредственнаго отношенія къ природѣ, къ міру животныхъ и человѣка, которое должно было лежать въ основаніи древнихъ народныхъ религій. Это и есть основной матеріалъ для миеической экзегезы, матеріалъ не одинаковаго достоинства, почему съ нимъ и должно обращаться разное: заговоры давно стали тайновѣдѣніемъ, принадлежностью немногихъ; въ нихъ опаснѣе искать слѣдовъ *народнаго* миеа, тогда какъ обряды, привязанные

къ извѣстнымъ отношеніямъ пастушескаго или земледѣльческаго быта, всегда были общимъ достояніемъ народа, выражая присущую ему потребность—идеализировать обиходную сторону своей трудовой жизни. О нихъ невозможно предположить, чтобы они были переняты отъ кого-нибудь; они такъ крѣпко приросли къ самому быту, что могли быть заимствованы только вмѣстѣ съ нимъ; но быть не заимствуется, а создается—и мы принуждены искать начало нашихъ обрядовъ при началѣ цивилизаціи, когда обряды были вмѣстѣ и религіей, выражали практическую сторону мѣа. Итакъ, отъ обряда, обрядовой пѣсни, заговора—долженъ отправиться изслѣдователь, желающій воссоздать общія черты древнѣйшей миеологии, причемъ все равно, вздумаетъ ли онъ ограничиться одной народной особью, или распространить свое обозрѣніе на вѣрованія цѣлой расы. Только придя къ нѣкоторымъ цѣльнымъ выводамъ на основаніи указанныхъ матеріаловъ, можетъ онъ обратиться къ другимъ родамъ народной поэзіи, напр. сказкамъ, отыскивая въ нихъ тѣ же мотивы, слѣды той же миеологической системы. Но ему необходимо помнить, что народъ въ сказкѣ не видитъ даже были, не только вѣрованія, что она для него складка, иногда даже не имъ сложенная, а занесенная неизвѣстно откуда. Извѣстно, что существуетъ цѣлая гипотеза, лишленная нѣкотораго основанія, по которой большая часть сказокъ, вращающихся въ Европѣ, не европейскаго, а восточнаго происхожденія; это мнѣніе распространяется даже на тѣ сказки, которыя по своему непосредственно-наивному тону всего легче принять за народные. Если, по мысли Вебера, эзоповскія басни довольно рано проникли въ Индію, то, наоборотъ, индѣйскіе сборники обогатили своимъ содержаніемъ европейскія литературы, прошли изъ книги въ народъ; рядомъ съ Рейнгартомъ, въ которомъ нѣмецкая животная сказка сложилась въ цѣлый эпосъ, становится таковой же эпосъ, но только заимствованный изъ индѣйскихъ источниковъ, въ *Libre de Maravelles* Раймонда Луллія; и, можетъ быть, многія изъ европейскихъ животныхъ сказокъ придется оставить подъ сомнѣніемъ: насколько онѣ *народны*, т. е. насколько онѣ могутъ отвѣтить на вопросъ о народныхъ началахъ мѣа.

Г. Де-Губернатиса, впрочемъ, мало касались и эти сомнѣнія и вся теорія о переходѣ сказокъ. Съ его точки зрѣнія все равно: заимствована ли, напримѣръ, русская сказка съ Востока, или нѣтъ; откуда бы ни пошла она и куда бы ни пришла, содержаніе ея осталось то же, въ главныхъ чертахъ—и это содержаніе мѣическое; онъ его и толкуетъ, и толкуетъ исключительно одні

сказки: обрядовая поэзія занимаетъ въ его книгѣ столь незначительное мѣсто, что о ней и говорить нечего. Или лучше, нѣтъ остается повторить сказанное выше,—что въ мифической экзотикѣ сказки должны играть второстепенную роль и не съ нихъ должно начинаться закладка системы. Но г. Де-Губернатисъ нигдѣ не высказался, въ какихъ границахъ онъ понимаетъ свой мифологическій матеріалъ. Это отразилось не только въ неопытномъ для меня предпочтеніи сказокъ передъ остальными произведеніями народной поэзіи, но и въ другомъ, не менѣе важномъ вопросѣ. Читателю вѣроятно интересно было бы узнать, въ чему ведено это сравненіе, не вѣдающее ни географическихъ, ни историческихъ границъ, сравненіе сказокъ иранскихъ и туранскихъ. Ведь съ Калевалой, сюжетовъ изъ собранія Радлова съ итальянскими сказочными новеллами XVII вѣка? Они группируются по мифическимъ идеямъ, которыя выясняются изъ ихъ совокупности, такъ что финскій эпосъ досказываетъ иногда недосказанное Зендавесты. Такая группировка заставляетъ предположить въ авторѣ очень опредѣленный взглядъ на отношенія мифологіи къ этнологіи; но изъ этого взгляда онъ нигдѣ не высказалъ вполне, хотя онъ и заслуживалъ бы обсужденія. Сходство мифовъ, стало-быть, не обусловливается единствомъ племенныхъ, границы расы и языка ему не писаны? Или не объяснить ли это сходство заимствованиемъ однимъ народомъ повѣрій и разсказовъ у другого? Или, быть можетъ, оно восходитъ къ первобытному единству расъ и народовъ, раздѣленныхъ теперь и языкомъ, и обликомъ? Относительно иранцевъ и туранцевъ, по крайней мѣрѣ, авторъ склоняется къ послѣднему предположенію; финскій эпосъ представляетъ много мифовъ, родственныхъ съ иранскими, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: таковы разказы о воскресшемъ героѣ, о добываніи красавицы, о трехъ сестрахъ и скатерти-самобранкѣ (Sampo) и т. п., — что доказываетъ, что первоначально туранцы и иранцы болѣе походили другъ на друга, чѣмъ представляется намъ теперь, благодаря разности языковъ и отчасти различной степени образованности (I, 150). Но это только частное рѣшеніе, послѣ котораго потребуются и другія: мы видѣли, что новозеландскія повѣрья встрѣчаются въ Эддѣ и у бурятъ. Какъ быть въ этомъ случаѣ?

За вопросомъ о матеріалѣ долженъ слѣдовать, какъ я уже сказалъ, вопросъ о принципахъ мифологическаго толкованія, — другими словами, вопросъ о методѣ. Такъ какъ г. Де-Губернатисъ является въ этомъ отношеніи послѣдователемъ известной школы, то сомнѣнія, которыя я предложу на слѣдующихъ страницахъ,

будутъ опять касаться самой системы толкованія, которой вообще слѣдуютъ теперь сравнительные миеологи.

Главная черта, характеризующая психическую (а, стало-быть, миеическую) дѣятельность первобытнаго человѣка, — это его склонность къ олицетворенію. Такъ намъ говорятъ, и съ этимъ положеніемъ нельзя не согласиться. Изученіе народной поэзіи въ древнѣйшихъ ея остаткахъ раскрываетъ вездѣ одну и ту же наивную точку зрѣнія: вся природа представлялась живущею, то-есть думающею, страдающею, любящею, ненавидящею, какъ люди; у животныхъ такая же индивидуальная жизнь, какъ у людей: та же борьба за существованіе, преслѣдованіе слабого сильнымъ, тѣ же победы и пораженія. Въ деревьяхъ, горахъ и рѣкахъ также подзрѣвали признаки личной жизни, хотя въ нихъ менѣе замѣтно проявлялось то, что составляетъ главное отличіе личности: свобода воли, сказывающаяся въ движеніяхъ. За то гдѣ было движеніе, смѣна явленій, тамъ предполагалось самое сильное присутствіе жизненнаго начала, и олицетвореніе входило въ силу: заря всходила и сходила съ неба, солнце то любилося съ луной, то преслѣдовало ее; въ явленіяхъ облачнаго неба, въ громѣ и молніи, въ тучахъ то пасмурно замкнутыхъ, то изливающихся благодатнымъ дождемъ, — во всемъ этомъ было слишкомъ много драмы, чтобы первобытный человѣкъ не постыѣвшись объяснить ее по-своему. Что-то такое двигалось тамъ, боролось; вѣтры гнались за тучами, кто-то выстрѣлилъ молніей и разверзъ облако. Тамъ, очевидно, была жизнь, потому что были ея признаки, было движеніе и страстные порывы, которые первобытный человѣкъ могъ наблюдать въ человѣкѣ же или въ животныхъ, которыхъ онъ не слишкомъ рѣзко отдѣлялъ отъ самого себя. На вопросъ самому себѣ: кто это тамъ живетъ и борется, онъ инстинктивно отвѣтилъ, населивъ небо полу-человѣческими, полу-животными образами: облако напомнило ему гигантскую корову, дающую молоко — дождь; долго она не давала ему дождя — молока; видно, кто-нибудь похитилъ ее и заперъ въ твердыню; ему плохо приходится, да и не ему одному: въ облачномъ небѣ происходитъ движеніе, борьба, раздается ударъ молніи и воды, гдѣ-то затворенныя до тѣхъ поръ, проливаются на землю. Облачныя коровы освобождены. Пастушеская драма, вѣроятно, довольно обычная въ пастушескомъ народѣ, цѣлкомъ перенесена въ облака; олицетвореніе проникло и на небо, съ образами болѣе грандіозными, чудовищными. Явленія, совершавшіяся на небѣ, были не подъ стать земнымъ: человѣку нельзя было совладать съ ними, они наводили на него ужасъ страшнымъ проявленіемъ мощи, и вѣстѣ съ тѣмъ

держали его въ зависимости, могли напоить и накормить его, или же уничтожить; оттого его отношенія къ нимъ сложились на половину изъ суевѣрнаго страха и полудѣтскаго упованія. Оставаясь все въ той же волѣ олицетвореній, подозрѣвая личность въ стихійныхъ явленіяхъ, онъ старался войти съ ними въ близкія связи,—чтобы умолить ихъ или умилостивить, отвратить ихъ гнѣвъ или призвать любовь. Такъ родилась натуралистическая религія: населивъ небо своею же жизнью, знакомыми образами, человѣкъ призналъ эти образы богами. Оттого всевозможные Олимпы находятся въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ небомъ; между ними ведійскій олимпъ самый древній, онъ представляетъ намъ еще ту стадію миѳическаго олицетворенія, когда оно еще не вышло къ антропоморфизму и облака безразлично наполнялись животными и человѣческими формами.

Но небесныя явленія не только грандіозныя и страшныя, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыя постоянныя. Какое-нибудь событіе въ жизни человѣка или животныхъ совершается и пройдетъ, повторенія рѣди; земная борьба умираетъ вмѣстѣ съ личностью гдѣ-нибудь въ глуши лѣса. Между тѣмъ, солнце и луна совершаютъ правильно свой круговоротъ; грозное небо вѣчно то же, и можно быть увѣреннымъ, что все въ немъ произойдетъ по прежнему, та же смѣна явленій повторится сегодня и завтра, и такъ на безконечное время. О нихъ вѣчно можетъ идти одна и та же старая пѣсня, одинъ и тотъ же ведійскій гимнъ; оттого рассказы о борьбѣ и преслѣдованіи, любви и ненависти, которыми въ періодъ олицетворенія наполнялся весь живущій и неодушевленный міръ, прилѣплялись преимущественно къ фактамъ облачнаго неба: они одни не знали переменъ и представляли вмѣстѣ съ тѣмъ отвлеченную среду, въ которой всѣ жизненные сюжеты идеализировались, получая извѣстную легендарную прочность. Такъ создались первыя миѳическія легенды, съ облачнымъ содержаніемъ, съ животными и человѣческими образами; онѣ легли въ основу миѳологіи и вмѣстѣ съ ней развивались и падали. Когда человѣкъ ощутилъ себя центромъ созданія и утратилъ часть своего суевѣрнаго страха передъ природой—его образъ занялъ на Олимпѣ переднее мѣсто, животныя исчезли, когдѣ притаившись въ видѣ символическихъ спутниковъ того, либо другого божества, въ разсказахъ объ обращеніи божествъ въ звѣрей. Тогда и миѳическія легенды приняли другой характеръ, и въ первоначально-облачной драмѣ начали участвовать антропоморфическіе боги и герои; самый смыслъ драмы сталъ измѣняться. Затѣмъ наступило время, когда люди начали понимать

божество духовное, освобождая его отъ плотскихъ формъ и людскихъ отношеній; тогда природные мѣны были уже не у мѣста, ихъ или не понимали болѣе, или стыдились. Но они слишкомъ прочно засѣли въ памяти, чтобы ихъ можно было забыть сразу—да они и не сразу отрѣшились отъ всякаго отношенія въ религіи, вступавшей въ новую пору развитія. Наконецъ, они слишкомъ долго просуществовали, чтобы не просуществовать еще нѣсколько столѣтій и не дожить до насъ—въ формѣ сказокъ. Облачная животная сказка прошла черезъ форму антропоморфическаго мѣна и снова очутилась сказкой, сохранивъ въ себѣ черты разнообразныхъ житейскихъ превращеній: животныхъ, напоминающихъ пору облачной борьбы, и Ивана-царевича—антропоморфическаго бога. Содержаніе ея осталось то же самое, хотя темное для всякаго, кто не позаботится освѣтить его собственной его исторіей, сравнивая сказки съ греческими и скандинавскими мѣнами, съ гимнами Ведъ. Только сравненіе обнаруживаетъ ихъ единство, и сказочный царевичъ, отправляющійся въ тридцатое государство за живой водой—все тотъ же старый богъ, отправлявшійся въ облачное небо за молокомъ небесныхъ коровъ.

Если я точно пересказалъ принципы миеологическаго толкованія, которымъ слѣдуетъ г. Де-Губернатисъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ выяснились основанія, по которымъ онъ считаетъ себя вправе истолковывать миеически содержаніе сказокъ. Я могу теперь предложить нѣкоторые сомнѣнія относительно безусловной приложимости этой объяснительной системы.

Замѣчу прежде всего, что сообщенное мною объясненіе миеологическаго генезиса страдаетъ односторонностью, что не можетъ не отразиться и на дальнѣйшемъ его приложеніи, напр., въ толкованіи сказокъ. Облачные мѣны играютъ большую роль при началѣ разныхъ миеологій; это—одни изъ основныхъ мѣновъ; но они не единственные. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, облачные мѣны, какъ не одно изъ выраженій того психическаго акта, который всю природу создалъ живою, дѣйствующею по законамъ личной жизни? Явленія неба были несомнѣнно величественнѣе, чудеснѣе другихъ, таинственнѣе въ своей роковой законности; понятно, что олицетвореніе овладѣло ими съ особенною любовью; но оно проникало также на лѣсъ и воды. Оно отыскивало въ лѣсу дѣльный особый міръ, столь же таинственный и столь же страшный для первобытнаго человѣка. Тамъ жила община звѣрей по своимъ нравамъ и обычаямъ; у нихъ свой языкъ и мудрость, которая старымъ людямъ казалась вѣщимъ знаніемъ, которую мы называемъ инстинктомъ; они ходятъ на

промыселъ, роднятся и борются; у нихъ свой царь, медвѣдь или левъ, и у него служилые люди. Совѣсть какъ у людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то особое. Звѣри могли вредить человѣку или жить съ нимъ въ мирѣ, ихъ можно было умолить; наши охотничьи заговоры сохраняютъ въ новой, отчасти книжной формѣ, слѣды этого стараго лѣснаго страха. Тутъ, стало быть, были всѣ элементы для фантастическаго олицетворенія, для развитія религіознаго трепета, однимъ словомъ, для созданія особаго міеологическаго цикла, который можно бы назвать животнымъ. Рядомъ съ облачными міеами становились міеи животныя, міеи растений и т. п. Развитие міеологии я представляю себѣ не изъ одного центра, а изъ многихъ центровъ. Въ странахъ, гдѣ явленія неба не были особенно рѣзки и не ярко поражали воображеніе, какой-нибудь другой міеологическій циклъ могъ выступить на первый планъ и дать окраску религіознымъ представленіямъ. Но и тамъ, гдѣ облачные міеи легли въ основу религіи, другіе циклы продолжали существовать совмѣстно съ ними и должны были опредѣлять въ извѣстной мѣрѣ содержаніе народной міеологии. Я говорю о совмѣстности, не о зависимости другъ отъ друга; тѣ и другіе міеи произошли самостоятельно, въ различныхъ кругахъ представленій, и должны были развиваться не ровно. Скорѣе всего могли утратить религіозное значеніе міеи о животныхъ: съ животными человѣкъ скорѣе освоился, чѣмъ съ явленіями грозы, дня и ночи; скорѣе понялъ ихъ—и тогда всякая религія къ нимъ исчезла; онъ выучился бороться съ ними, иныхъ изъ нихъ сдѣлалъ домашними; вѣщую мудрость онъ толковалъ хитростью (лиса), а грубая сила мышцъ начала поражать его своей неповоротливостью (медвѣдь). Когда комическій элементъ внесенъ былъ въ религію, животный міеъ сталъ животнымъ эпосомъ, сказкой, между тѣмъ, какъ облачные міеи еще продолжали висѣть надъ Олимпомъ. Животная сказка—прямое продолженіе животнаго міеа; къ облачному ее нельзя привязать; сходныя черты, усматриваемыя между ними, объясняются не происхожденіемъ животнаго міеа отъ облачнаго, а общими приемами психическаго процесса, который мы называли олицетвореніемъ. Когда было стремленіе вездѣ и во всемъ видѣть проявленіе одного и того же жизненнаго начала, понятно, почему иной разъ то же рассказывалось и объ облачномъ животномъ и о звѣрѣ, гулявшемъ по очень реальному лѣсу. Генетической связи между ними нѣтъ никакой.

Изъ всего сказаннаго, мое заключеніе можетъ быть лишь одно: что животныя сказки, прямо вытекшія изъ животнаго міеа,

нельзя объяснить цѣликомъ изъ миеовъ облака и грозы. Несмотря на всѣ старанія г. Де-Губернатиса привязать сказочнаго медвѣдя къ обезьянѣ, усмотрѣнной имъ въ облачныхъ гимнахъ Ведъ (т. II, гл. II), я не могу себя увѣрить, чтобы всѣ продѣлки нашей Лисы-Патрикѣвны когда-либо имѣли мѣсто въ облакахъ, а не въ курятникѣ. Но, по мнѣнію автора, лиса, неудачно обольщающая пѣтуха въ русской сказкѣ у Аеанасьева (IV, 3)—не что иное, какъ ночь, старающаяся удержатъ въ своей власти солнце (солнечнаго пѣтуха), которое все-таки торжествуетъ надъ ней (II, 137), какъ день торжествуетъ надъ ночью.

Но обратимся отъ животныхъ сказокъ къ сказкамъ вообще и спросимъ себя, точно ли все въ нихъ можетъ быть объяснено миеически? Если, напр., въ сказкѣ говорится о трехъ братьяхъ, двухъ сестрахъ, о лисѣ и волкѣ—имѣемъ ли мы право предполагать, что все это непременно рассказывалось когда-то о небѣ и аврорѣ, солнцѣ и мѣсяцѣ? Я удерживаю этотъ вопросъ даже въ томъ случаѣ, когда въ сказкѣ и въ собственно религіозномъ миеѣ *одного* какого-нибудь народа повторились одни и тѣ же мотивы, причемъ идея о внутренней связи между ними можетъ придти довольно естественно. Но и въ такихъ случаяхъ я позволяю себѣ отрицать не возможность, а *необходимость* этой связи. Вспомнимъ только, какъ создались небесные миеы: въ ихъ образахъ мы открываемъ земныя формы, въ ихъ мотивахъ житейскія отношенія. Чтобы узрѣть въ облакѣ корову или какое-нибудь другое миеическое животное, необходимо было человѣку увидѣть эту корову, либо первообразъ этого животнаго вблизи, на землѣ, стать съ ними въ извѣстныя отношенія, познать ихъ вредъ или пользу въ своемъ собственномъ бытѣ. Только при подобныхъ условіяхъ возможна была ихъ дальнѣйшая идеализація въ миеѣ. Точно также, если въ небѣ ходятъ и борются боги, отецъ преслѣдуетъ дочь, Индра Вритру—то все это прежде усмотрѣно было и въ жизни, тѣ же движенія и тѣ же страсти. Миеѣ только закрѣплялъ въ болѣе широкіе образы обыденныя и общественныя отношенія и долѣе сохранилъ ихъ благодаря своей космической основѣ, тогда какъ въ жизни они либо не обращали на себя вниманія, либо уступали мѣсто другимъ и забывались. Но инныя изъ нихъ могли спастись отъ забвенія и другимъ путемъ, помимо миеа. Я представляю себѣ, что какое-нибудь изъ тѣхъ несложныхъ житейскихъ событій, которыя такъ часто переносились въ миеѣ, въ сильной степени овладѣло вниманіемъ первобытнаго клана: ссѣднее ли племя сдѣлало набѣгъ, два витязя вступили въ единоборство, или совершилась кровавая драма въ семьѣ старшины, дѣ-

вешка была увезена и кто-нибудь отправился добывать ее и т. п. Объ этомъ должны были рассказывать или пѣть, фактъ, самъ по себѣ обычный, запечатлѣвался въ памяти благодаря ассоціаціи съ историческими именами или обстоятельствами, имѣвшими мѣстный или племенной интересъ. Такимъ образомъ слагался эпическій рассказъ или пѣсня — зародышъ народнаго эпоса. Немудрено, что въ ней мы найдемъ общія черты съ тѣмъ или другимъ обычнымъ мифомъ, въ которомъ, если не тотъ самый фактъ, то цѣлая категория сходныхъ фактовъ нашла себѣ идеальное просвѣтленіе. Какъ видно, подобное сходство между мотивами облачнаго мифа и эпической пѣсни могло состояться безъ всякой генетической связи между тѣми и другими. Но пойдемъ далѣе. Мифъ забывался, утрачивая постепенно свой религіозный характеръ и переходя въ сказку; но и съ эпической пѣснью случилось то же историческія имена выпадали, выцвѣтали мѣстныя указанія, и оставался легендарный остовъ — опять же сказка. Если вмѣстѣ со мною признаютъ вѣроятность подобной схемы развитія, то согласятся и съ слѣдующимъ: не все, что въ сказкахъ напоминаетъ мотивы облачнаго мифа, вышло необходимо изъ него; многое изъ нихъ принадлежитъ области житейскихъ отношеній, возбуждавшихъ когда-то особый интересъ и утратившихъ его лишь тогда, когда народная память имъ измѣнила и эпосъ разбился на сказки. Въ Рамаянѣ и Магабараѣ, въ Илиадѣ и Нибелунгахъ, безъ сомнѣнія, много примѣшалось мифическаго элемента; въ послѣднихъ по памяти, въ первыхъ потому, что, зародившись въ эпоху сильно развитыхъ религіозныхъ интересовъ, они не могли не отразить на себѣ господствующаго міровоззрѣнія, не принять его образъ и легендъ. Но отрицать въ нихъ всякую фактическую или, если хотите, историческую подкладку, разрѣшая индѣйскія поэмы въ гимны Ведъ, Сигфрида въ Кришну, то же самое, что отрицать возможность самостоятельнаго зарожденія народной пѣсни или рассказа по поводу факта, случившагося на землѣ, а не на небѣ. Опредѣлить точно эту историческую канву мы теперь не въ состояніи, и г. Де-Губернатисъ былъ правъ, когда въ сочиненіи, вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (*Le fonti vediche dell'epopea*) указывалъ на безплодность попытокъ привязать событія и народныя имена, упоминаемыя въ Рамаянѣ и Магабараѣ, къ точной исторіи и къ картѣ Киперта. Но онъ не остановился на отрицаніи и пошелъ далѣе, чѣмъ, можетъ быть, для него было опасно: въ индѣйскихъ поэмахъ онъ узрѣлъ все содержаніе Ведъ, только перенесенное на землю. Въ настоящей своей книгѣ онъ защищаетъ ту же теорію: только въ Рамаянѣ и Магабараѣ

присоединилось теперь и Шахъ-Намэ. Границы миѡа и эпоса, неба и земли нарушены, и ничто не мѣшаетъ идти далѣе, отъ Шахъ-Намэ къ Сиддикюру, Арджи-барджи, по всей литературѣ Новелль, и согласно съ тѣмъ же воззрѣніемъ отрицать житейское происхожденіе пословицъ, открывая и въ нихъ осколки все того же миѡа. Человѣкъ предполагается настолько связаннымъ миѡическими воспоминаніями, что онъ не можетъ сдѣлать ни одного реального наблюденія надъ жизнью, чтобы не войти въ колею Ведъ. Я не отрицаю, чтобы въ нѣкоторыхъ старыхъ пословицахъ не проглядывали старыя миѡическія представленія, въ образахъ, оборотахъ; но для меня несомнѣнно, что самый складъ пословицы принадлежитъ области другихъ воззрѣній: это вѣковая мудрость, сводъ немудреныхъ наблюденій, все, что хотите, но всего менѣе миѡе. Венгерцы говорятъ: и у черной коровы молоко бѣлое (I, 167), нѣмцы: и у красныхъ коровъ молоко бѣлое (I, 228); варіанцій на эту тему можно представить себѣ довольно много. Смыслъ этой пословицы довольно ясенъ: это просто заявленіе обыденнаго факта, въ родѣ того, напр., что *la nuit tous les chats sont gris*. Но г. Де-Губернатисъ предпочитаетъ истолковывать ее миѡически, сближая венгерскую поговорку съ ведійскимъ миѡомъ о черной коровѣ, принесшей бѣлоголоваго теленка: это ночь, рождающая мѣсяцъ. Тутъ же онъ приводитъ другую венгерскую пословицу: въ темнотѣ всѣ коровы черны, и отказывается отъ миѡологическаго объясненія — но черезъ нѣсколько страницъ методъ вступаетъ во всю свою силу. Чтобы выразить что-нибудь невозможное, нѣмцы говорятъ, что коровъ не перегнать зайца; но это — не невозможность, а миѡе! Мы говоримъ: снявши голову по волосамъ не плачутъ; нѣмцы: запираетъ стойло, когда корова уведена. Это опять миѡе о юношѣ, освободившемъ изъ заперти дѣвушку или корову, которую уводятъ его братья или товарищи, заключивъ напередъ освободителя (см. особенно I, 220 и слѣд.)! Далѣе въ миѡологическихъ толкованіяхъ идти невозможно.

Я, впрочемъ, сдѣлаю уступку автору и его школѣ, и предположу на время, что въ сказкахъ преобладаетъ миѡическій матеріалъ и что ихъ слѣдуетъ толковать именно съ этой точки зрѣнія. Но слѣдуетъ ли ихъ толковать *сплошнъ*, отъ перваго до послѣдняго слова, съ одной излюбленной точки зрѣнія — вотъ вопросъ. Г. Де-Губернатисъ дѣлаетъ это постоянно; иногда въ немъ рождается сомнѣніе, что сказка собрана изъ разныхъ эпизодовъ, что она спивная, но онъ тотчасъ же успокоиваетъ себя такимъ увѣреніемъ: «эта сказка содержитъ въ себѣ нѣсколько *аналогическихъ*

миеовъ, происшедшихъ самостоятельно» (I, 167). Это опять вопросъ метода, слишкомъ важный, чтобы на немъ не остановиться.

И у религіознаго міеа, и у сказки есть своя исторія, аналогическая, развивавшаяся въ параллельныхъ рядахъ формъ и превращеній. Міеъ Зевса въ Иліадѣ или у Гезіода представляетъ уже сложную форму: онъ — результатъ сѣвленія нѣсколькихъ областныхъ и племенныхъ типовъ, сходящихся въ одинъ цѣль, въ одну народную религію, по мѣрѣ того, какъ въ греческихъ племенахъ возникала сильнѣе идея общей, народной связи. Но и областные міеы сложились въ свою очередь точно такимъ же путемъ: кругомъ немногихъ коренныхъ мионическихъ образовъ и легендъ группировались другіе, служебные по отношенію къ нимъ, — либо происшедшіе самостоятельно, либо развившіеся по аналогіи съ предыдущими. Эти образы и легенды спавались тѣмъ легче, что по извѣстному намъ процессу олицетворенія на нихъ тотчасъ же перенесена была самая естественная изъ извѣстныхъ древнему человѣку объединяющихъ идей: идея семьи, рода. Явилась семья, генеалогія боговъ и міеовъ; составлялся областной мионическій цѣль, который самъ по себѣ былъ продуктомъ осложненія. Уже въ гимнахъ Ведъ можно, мнѣ кажется, усмотрѣть слѣды этого осложненія, постепенныхъ наростовъ, однимъ словомъ исторіи. Я заключаю это изъ двойственнаго, или лучше, двуличнаго характера, который въ нихъ придается тому или другому мионическому образу. Такъ облака — коровы Индры; какъ таковыя, онѣ причастны его свѣтлой природѣ, поэтому онѣ являются также символомъ луны и авроры; Индра освобождаетъ ихъ отъ злого демона Вритры, который ихъ похитилъ. Но въ иныхъ случаяхъ онѣ представляются страшными, чудовищными, и тогда изображаютъ собою мракъ и темную силу (см. I, 15, 47—48, 175 и passim). По индѣйскому повѣрью, встрѣча съ короной днемъ знаменуетъ счастье, но видѣть ее во снѣ — дурное предзнаменованіе. Г. Де-Губернатисъ объясняетъ эту двойственность той уловкой, что коровы, похищенные демономъ, змѣемъ, становятся подручными ему, непріязненными свѣтлому герою освободителю; сами — изъ свѣтлыхъ — темными. Такъ въ сказкахъ дѣвушка влюбляется въ похитившее ее чудовище и, сдѣлавшись его женою, вмѣстѣ съ нимъ начинаетъ строить козни противъ брата или витязя, который хочетъ освободить ее. Но та же двойственность повторяется и въ ведійскихъ міеахъ объ аврорѣ: она то прекрасная, благотворная, то злая, причиняющая бѣды, такъ что самъ Индра выступаетъ противъ нея и уничтожаетъ ее. И она вошла въ дружбу съ чудовищемъ ночи и вступаетъ съ нимъ въ заговоръ противъ брата-солнца. «Кто

когда-либо наблюдать зловѣщій видъ вечерняго неба, окрашеннаго въ багровый цвѣтъ, найдетъ этотъ образъ очень естественнымъ», говорить по этому поводу авторъ (I, 211). Такихъ толкованій, приводящихъ двойственность значенія къ единству типа, я могъ бы выписать еще нѣсколько; но они слишкомъ остроумны, чтобы быть естественными, и кромѣ того не отвѣчаютъ требованіямъ самаго обыденнаго, не то что первобытнаго символизма. Когда я смотрю на облачное небо, и мелкія облака кажутся мнѣ барашками, я не могу въ то же время представить ихъ себѣ деревьями или горой. Въ другой разъ, при другомъ настроеніи, впечатлѣніе можетъ быть другое, и я представляю себѣ именно дерево или гору вмѣсто барашковъ. Я даже могу сдѣлать надъ своимъ воображеніемъ извѣстное усиліе и свести всѣ эти различныя впечатлѣнія въ одинъ цѣлый образъ — но онъ очевидно будетъ продуктомъ не первичнаго воспріятія, а нѣсколькихъ повторенныхъ воспріятій. Точно также, если ночной мракъ поражаетъ меня, какъ что-то злое, таинственное, страшное, я не могу въ то же время представить его себѣ началомъ добра и свѣта, родителемъ дня. Впослѣдствіи я раскрою и эти символическія отношенія, но уже отъучившись отъ страха ночи, отнесясь къ ней какъ къ понятію, какъ къ общему мѣсту, безъ всякой ассоціаціи съ идеями зла. Или какой-нибудь человекъ смѣшонъ мнѣ своею пошлостью, точно аршинъ проглотилъ; я такъ и внесу его въ карикатуру; но при другомъ случаѣ онъ поразитъ меня своимъ сходствомъ съ какимъ-нибудь животнымъ — и моя карикатура выйдетъ другая. Однимъ словомъ, я не въ состояніи усмотрѣть въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же образѣ свѣтлое и темное, доброе и злое, кривое и прямое. Всякій разъ, когда подобная двойственность представленій встрѣтится мнѣ въ миеническомъ символѣ, я могу прямо сказать, что только одно изъ этихъ представленій первичное, что другое развилось позднѣе, не изъ него самого, а лишь при томъ же образѣ, и что между тѣмъ и другимъ необходимо предположить еще третью степень развитія: прежде чѣмъ перейти къ противоположному значенію, образъ долженъ былъ поступиться реальностью своего первоначальнаго смысла, стать общимъ мѣстомъ, приблизиться къ отвлеченному понятію. Только предположивъ эту посредственную, отвлеченную форму, можно естественно объяснить себѣ, какимъ образомъ свѣтлая аврора сдѣлалась темною, коровы Индры — коровами Вритры. Стараться истолковать эти противоположности изъ одного первичнаго впечатлѣнія, которое сразу дало содержаніе цѣлому миену, значитъ отрицать его исторію.

Помимо указанного *раздвоенія*, большую роль въ развитіи мифологии играло *осложненіе* мифовъ, вслѣдствіе ихъ совмѣстнаго развитія. Явленія неба, жизнь лѣса и водъ вызывали въ воображеніи человѣка цѣлыя, независимыя другъ отъ друга циклы образовъ и сказаній. Но смѣшеніе должно было начаться очень скоро. Облачная ли легенда говорила о звѣряхъ—другая легенда, зародившаяся въ чащѣ лѣса, знала о нихъ другія подробности, и онѣ могли переноситься въ символизму, съ которой первоначально у нихъ не было ничего общаго. Позднѣе, въ пору сложения областныхъ и народныхъ мифическихъ цикловъ, смѣшеніе поддерживалось вновь привлеченными въ нихъ генеалогическими идеями, такъ какъ боги неба породнились съ божествами земли и преисподней. Въ настоящее время мы по большей части имѣемъ дѣло съ такими мифами, осложнившимися эпизодами или символизмомъ, заимствованнымъ изъ другихъ круговъ представленій. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это осложненіе не можетъ быть доказано фактически — что всегда трудно — необходимо имѣть въ виду эту возможность, чтобы не увлечься въ истолкованіи цѣлага мифа изъ одной будто бы присущей ему идеи.

Всѣ тѣ же явленія повторялись и въ исторіи сказки, и повторяются еще у насъ на глазахъ, почему и здѣсь требованіе осторожности какъ нельзя болѣе у мѣста.

Кто не знаетъ, какъ милы былинѣ и сказкѣ такъ-называемыя эпическія *повторенія*? Ъдетъ ли витязь на подвиги, его снаряженіе и прощаніе описывается всякій разъ и по большей части одними и тѣми же чертами. Онъ ъдетъ добывать красавицу—и не одинъ разъ, а нѣсколько; это опять та же фигура; обыкновенно и встрѣчи ему на дорогѣ однѣ и тѣ же, и подвиги сходные. Или вмѣсто одного витязя является нѣсколько; почему ихъ чаще всего три, я не знаю, точно также какъ не знаю, почему про одного героя часто рассказывается, что онъ совершилъ три поѣздки. Но легко представить себѣ, что три героя — такое же повтореніе, какъ и три поѣздки одного; если только послѣднему изъ нихъ удастся исполнить, чего не сдѣлали два другіе, то это только требованіе симметріи: развязка сказки, совершеніе подвига должно быть непременно въ концѣ; это и предоставлено одному герою; другіе не сумѣли ничего сдѣлать, они завидуютъ первому и, далѣе, начинаютъ враждовать съ нимъ. Антагонизмъ доблести и трусости, добра и зла, могъ естественно развиваться со временемъ изъ самого хода сказки, не будучи данъ въ ея основаніи. Такъ итальянскіе романы карловингскаго цикла обратили въ цѣлую расу измѣнниковъ, фаталистически враждебныхъ Карлу Великому и его пала-

намъ, Ганелона и подобные ему образы старой французской оперы. Можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ этотъ антагонизмъ слѣдуетъ предположить и болѣе древнимъ, лежащемъ въ самомъ заислѣ типовъ. Но мнѣ всегда представлялся вопросъ: почему и вѣязи, изъ которыхъ одинъ всегда добрый, свѣтлый, другіе—не, обыкновенно названы *братьями*, почему такая противоположность проявляется именно между *сестрами*? Въ этихъ родственныхъ названіяхъ можно, пожалуй, видѣть также признаки пическаго повторенія: когда одинъ герой уступилъ мѣсто нѣзолькимъ, совершающимъ одни и тѣ же подвиги, естественно можно назвать ихъ братьями или сестрами. Развитие сказочнаго ожета, на которое я только-что указалъ, приводило ихъ въ неужелюбныя отношенія другъ къ другу—и тогда явились братья сестры добрые и злые. Такимъ образомъ, только принимая въ азсчетъ нѣкоторые общіе приемы, замѣчаемые въ народной повѣзін, несомнѣнно игравшіе большую роль въ ея исторіи, легко объяснить себѣ инны символическія подробности сказокъ, не прибѣгая къ сравненію съ миеомъ.

Но еще болѣшую роль играетъ въ исторіи сказки процессъ, который, говоря о миеахъ, мы назвали процессомъ *осложненія*. Поставьте любого сказочника или «сказителя» повторить вамъ нѣзолько разъ, и еще лучше, въ разное время одну и ту же бытину или сказку. Всякій разъ онъ введетъ въ свой рассказъ, иногда не замѣтно для себя, нѣчто новое, какую-нибудь подробность или лишнюю повѣзду. Онъ не сочиняетъ, а только путаетъ. У неумѣлыхъ сказочниковъ это путанье доходитъ до того, что иной разъ сказки не узнаешь, такъ много сказокъ онъ смѣшиваетъ за-разъ, по забывчивости, по бессознательному подбору одной подробности къ другой. Но вѣдь и тѣ сказки, которые мы считаемъ за хорошо сохраненныя и читаемъ въ печатныхъ изданіяхъ, сложились точно такимъ же путемъ. Большая часть изъ нихъ такія же сводныя, или, если хотите, осложненныя, какъ и тѣ миеы, съ которыми приходится возиться миеологу. И этотъ сводъ совершался очень естественно, и, можетъ быть, въ довольно раннюю пору. Сказка, напр., шла о богатырѣ, которому помогали въ его подвигахъ разныя животныя; но о нихъ существовали особые рассказы, животный эпосъ; и вотъ поводъ къ смѣшенію, по крайней мѣрѣ, къ внесенію нѣкоторыхъ постороннихъ подробностей или эпизодовъ. Или герой, помогающійся руки красавицы, долженъ исполнить разныя трудныя задачи: достать живой и мертвой воды, или какую-нибудь другую эпическую рѣдкость. Но объ этихъ диковинкахъ, о шапкѣ-невидимкѣ, са-

погахъ-скороходахъ говорилось и особо; если иная изъ нихъ переносилась по родству въ сказку о трудныхъ задачахъ, то вмѣстѣ съ ней могъ переселиться и приросшій къ ней эпизодъ. Такимъ образомъ составлялась сводная сказка, въ которой неровности свода сглаживались въ постоянныхъ пересказахъ, такъ что теперь трудно въ нихъ открыть гдѣ-нибудь существованіе паза. Приведу примѣры. Подъ № 23, II т. сборника Рудченко, рассказывается о поповичѣ Ясатѣ. У одного попа было три сына: двое разумныхъ, а третій Ясать-дурень. Царь клечеть по всей землѣ клечь: кто достанетъ ему коня, чтобы одна шерстинка была золотая, а другая серебряная, тому онъ отдастъ дочь и половину царства. Ясать съ братьями берется исполнить эту задачу, предварительно выбравъ себѣ коней изъ пригнаннаго табуна, причемъ Ясать выбираетъ себѣ самую жалкую водовозную клячу. Ъдутъ они; по дорогѣ въ хлѣву видятъ—три змѣихи прикованы. На вопросъ братьевъ одна изъ нихъ отвѣчаетъ, что къ ней подѣ полночь прилетаетъ змѣй съ тремя головами; вторая, что къ ней въ самую глухую полночь прилетаетъ змѣй съ шестью головами, а къ третьей—съ двѣнадцатью, какъ только полночь минетъ. Разспросили и побѣхали; а по дорогѣ стоитъ домъ, и покои, и конюшня—все стеклянное. Братья не хотятъ заѣзжать туда, но по совѣту Ясата завернули, легли спать возлѣ коней, а Ясать посередѣ двора: говорить, что ему нездоровится, авось полегчаетъ на вѣтру. Братья заснули, а онъ пошелъ подѣ мостокъ. Еще нѣтъ полночи, а земля стукотитъ; ѣдетъ на конѣ змѣй съ тремя головами; конь спотыкается, собака воетъ, соколъ о-землю бьется. «Стой, конь, не спотыкайся; собака, не вой; не бейся о-землю соколъ; тутъ не-кому съ нами поиграть; есть за тридцать земель поповичъ Ясать, тотъ бы и поигралъ съ нами, да сюда и костей его воронъ не занесетъ». Тогда выльзъ Ясать и давай съ змѣемъ биться.—«Подожди, говорить змѣй, пойдемъ биться вонъ на ту гору. Дохни на нее, чтобы она стала каменной».—Дохни ты, проклятый, если у тебя такая сила, отвѣчаетъ Ясать. Тотъ дохнулъ и гора стала каменной. Начинается борьба. Ясать убиваетъ змѣя, сжигаетъ его и пускаетъ по вѣтру, его коня поставилъ на конюшню, а самъ снова прижался подѣ мосткомъ.

Битва со вторымъ (шестиглавымъ) змѣемъ рассказывается съ тѣми же эпическими подробностями и оборотами рѣчи. Только гора отъ дыханія змѣя становится на этотъ разъ желѣзной, какъ въ третій разъ, въ битвѣ съ двѣнадцатиглавымъ змѣемъ—оловянной. Борьба съ послѣднимъ—самая трудная. Готовясь къ ней, Ясать вѣшаетъ на перекадину палку, подставивъ подѣ нее

тарелку, и говорить братьямъ: «какъ начать кровь капать съ палки, бѣгите на такую-то гору мнѣ на помощь». Ясать какъ ударилъ змѣя, такъ тотъ и погрузъ въ олово по колѣна, а Ясать отъ удара змѣева ушелъ въ него по самый пахъ. Просить у змѣя отдыха на три часа—не подойдутъ ли братья; а они спятъ. Тогда онъ снялъ съ себя красный сапогъ и какъ пустить его, такъ прямо и пробилъ конюшню. Проснулись братья, смотреть, а кровь не то что капаетъ съ палки, а и вся тарелка въ ней плаваетъ. Братья идутъ на помощь Ясату, одолѣваютъ и третьего змѣя и, забравъ змѣевыхъ коней, хотятъ идти домой. Но Ясать говорить, что забытъ на ночлегъ шейный платокъ, надо за нимъ вернуться; какъ ни отговаривали братья, пошелъ-таки, обернулся краснымъ пѣтухомъ и сѣлъ на изгороди. А змѣихи тутъ какъ тутъ. «Кабы знала я, кто моего убилъ, обернулась бы я ему по дорогѣ колодеземъ: какъ напился бы, такъ бы и лопнулъ». — «А я бы яблоней съ яблоками; какъ наѣлся бы, такъ бы и лопнулъ». — «А я бы огнемъ испалила бы его». Ясать догоняетъ братьевъ, не даетъ имъ напиться изъ колодезя, отвѣдать яблоковъ, но передъ огнемъ его конь всталъ, а змѣиха ихъ догоняетъ. Ясать прячется въ кузню. — «Отдай мнѣ Ясата», говорить змѣиха ковалю. — «Пролижи дверь, я его тебѣ на языкъ посажу». Та уже и дырку пролизала, а кузнецъ раскалилъ клещи, да ее за языкъ. Тутъ ее и убили. Вернувшись домой, Ясать отдаетъ царю коня и женится на его дочери ¹⁾).

Но какого коня? Царь требовалъ, чтобы ему доставили такого, чтобы одна шерстинка была золотая, другая серебряная, и за нимъ именно отправился Ясать. Въ сказкѣ, очевидно, либо выпало что, — либо забыта какая-нибудь подробность, или дѣло шло въ началѣ о добытїи коня одного изъ змѣевъ. Теперь это неясно. Сказка вознаградила себя тѣмъ, что вставила совершенно лишній эпизодъ, хорошо извѣстный изъ другихъ повѣстей: я говорю о выборѣ братьями коней, причемъ Ясать, какъ Ерусланъ Лазаревичъ, какъ многіе другіе богатыри, выбираетъ себѣ влячу. Въ этихъ рассказахъ этотъ эпизодъ у мѣста, потому что вляча оказывается впоследствии конемъ на-диво и сослуживаетъ своему хозяину богатырскую службу. Въ сказкѣ о Ясатѣ она только упомянута, чтобы потомъ ни разу не являться на сцену. Мо-

¹⁾ У Аванасьева, II, № 30, та же сказка и почти также рассказанная объ Иванѣ. Змѣй одинъ, но съ двѣнадцатью головами, почему и пѣтъ тройкой битвы; девять головъ обиваетъ самъ Иванъ, три остальные при помощи братьевъ. На дорогѣ ихъ преслѣдуетъ змѣиха съ тремя дочерьми, обращаясь въ колодезь, яблоню и постель (какъ въ слѣд. малорос. вариантъ). Въ концѣ эпизодъ съ кузницей.

жетъ быть, такимъ же приставнымъ эпизодомъ слѣдуетъ признать и послѣднюю въ сказкѣ подробность о змѣихѣ и кузнецѣ ¹⁾).

Но перейдемъ въ дублету той же сказки, помѣщенному въ томъ же сборникѣ Рудченко, непосредственно за предыдущей (II, 24: Лови). Разъ осенью поѣхалъ панъ на охоту; холодная, дождливая ночь застала его въ лѣсу вмѣстѣ съ охотниками. «Какъ намъ теперь хата теплая, постель бѣлая, хлѣбъ мягкій, да квасъ кислый—нечего бы и горевать: сказывали бы сказки до самаго утра». Глядь—стоитъ хата, на столѣ хлѣбъ и квасъ; хата теплая, постель бѣлая. Вошли, помолились, повечеряли, да и легли спать. Только одинъ не спитъ. Слышитъ, около полуночи приходитъ кто-то подъ окно и говорить: «Вотъ, растакіе, говорили, что была бы у нихъ хата, теплая, постель бѣлая, хлѣбъ мягкій да квасъ кислый—нечего бы и горевать, сказывали бы сказки до свѣта. А теперь и забыли! Пойдите: какъ поѣдетъ панъ домой, будетъ у него по дорогѣ яблонь, попробуетъ съ нея яблочковъ, такъ и лопнетъ. А кто подслушаетъ это, да ему скажетъ, по-колѣна окаменѣетъ». А тотъ, не спавшій, слушаетъ и говорить: бѣда. Затѣмъ, еще кто-то приходитъ во второй и третій разъ; тѣ же укору и угрозы: стать по дорогѣ колодезю, или кроватью съ периной; какъ напьется панъ или ляжетъ на постель, такъ ему и конецъ. А кто ему про то скажетъ, тотъ по грудь, а потомъ по шею, камнемъ станеть.

На другой день по дорогѣ всѣ сказанныя встрѣчи, но подслушившій рубить яблонь, колодезь и кровать съ периной: яблонь такъ цепломъ и «взялась», колодезь кровью, постель углемъ. Панъ сердится на охотника и, прибывъ домой, требуетъ его къ отвѣту; тотъ проситъ привести себѣ дрянную влячу и, сѣвъ на нее, передаетъ подслушанный имъ ночной разговоръ—отчего каменѣетъ не онъ, а лошадь. Какъ дошло до третьяго вопроса, онъ и прыгъ съ лошади, а она окаменѣла по горло.

Отношенія этой сказки къ предыдущей ясны. У нихъ одинъ общій эпизодъ: недобрыя встрѣчи по дорогѣ, смыслъ которыхъ подслушанъ случайно ночью. Змѣи и змѣихи пропали—во второй, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое мотивированіе разсказа—задачами, которыя даетъ царь, послѣ чего Ясать съ братьями отправляется на поиски. Это сказочное начало замѣнено во второй редакціи другимъ—несказочнымъ, почевкой въ лѣсу, а конецъ развитъ приставкой новаго эпизода, заимствованнаго изъ другого цѣла:

¹⁾ Г. Де-Губернатисъ, II, 397, прим. 8, склоненъ истолковать этотъ эпизодъ мифически: дѣло идетъ о небесномъ кузнецѣ, расплавленная кузня—багровое утреннее или вечернее небо.

о томъ, что герой выдаетъ тайну, чтобы спасти другихъ, и самъ отъ того погибаетъ, обращается въ камень.

Есть еще третья, галицкая сказка (въ «Русской Читанкѣ» О. Партицкаго. Львовъ 1871, II, стр. 187—191: *Корибуры-Попелюхъ*), гдѣ нѣкоторые эпизоды предыдущихъ двухъ осложнены еще большимъ количествомъ новаго матеріала. Мы перескажемъ ее вкратцѣ, разбивъ на составныя части.

1) У одного царя три сына: двое разумныхъ, третій дурень; звали его *Попелюхъ*, потому что всегда въ пеплѣ валялся. Морское стадо травить каждую ночь царскую пшеницу. Ни одному изъ старшихъ братьевъ не удалось устеречь его; идетъ Попелюхъ устроилъ себѣ на яблони, что возлѣ моря стояла, терновую постель, чтобы не задремать, и устеречь на первую ночь коня—всего въ звѣздахъ, на другую—коня съ мѣсяцемъ, на третью—коня съ солнцемъ. На каждомъ изъ нихъ онъ проѣхался вдоль и поперекъ свѣта, и всякій разъ конь говоритъ ему: теперь ты мой панъ, а я твой конь. Онъ ставитъ ихъ къ себѣ на конюшню.

2) Другой царь шлетъ изъ-за червонаго моря письмо: кто доскочитъ до его дочери до второго этажа, тотъ возьметъ ее за себя. Братья готовятся ѣхать, и Попелюхъ съ ними—на клятвѣ; оставъ отъ нихъ, онъ возвращается домой, идетъ на конюшню, посмотрѣлъ коню въ ухо: стала на немъ вся одежда золотая. На этомъ конѣ онъ доскакиваетъ до царевны, надѣлъ ей на палецъ перстень, отдалъ половину платка, да и былъ таковъ. Позже, готовясь ѣхать на свадьбу, онъ даетъ младшему брату звѣзднаго коня, второму мѣсячнаго, самъ взялъ солнечнаго. Въ этомъ эпизодѣ есть черты, напоминающія выборъ коней въ началѣ первой изъ приведенныхъ сказокъ.

3) Три потаныхъ царя собрались войною на Попелюха: одинъ съ двумя головами, другой съ тремя, третій съ четырьмя. Ёдетъ Попелюхъ съ братьями, добрались до лѣсу, до моста оловяннаго; Попелюхъ спрятался подъ мостъ, а братьямъ говоритъ: молитесь, чтобы я не погибъ, будетъ у меня война. Вотъ наѣхалъ царь о двухъ головахъ, конь у него на мосту спотыкнулся. «Ворону бы напиться твоей крови, говоритъ царь; не ѣлъ ты что-ли, или не пилъ? Нѣтъ такого, кто бы меня побѣдилъ—развѣ Попелюхъ, да сюда и костей его вѣронъ не завесеть». Попелюхъ отвѣчаетъ изъ-подъ моста, и въ слѣдующей затѣмъ борьбѣ побиваетъ царя. Братья отправились далѣе, а Попелюхъ на желѣзномъ мосту убиваетъ трехглаваго царя. Еще далѣе—мостъ каменный и царь о четырехъ головахъ. Братья заснули: Попелюхъ наказываетъ имъ, чтобы они шли къ нему на помощь, если сухая миска, ко-

тору ю онѣ предѣ ними ставить, наполнится кровью. Попелюхъ обернулся краснымъ пѣтухомъ, царь чернымъ; потомъ Попелюхъ бѣлымъ пламенемъ, царь синимъ. Битва идетъ, уже полмиски наполнилось кровью, а братья спятъ. Воронъ летаетъ надъ ними и каркаетъ. «Омочи твои крылья въ морѣ и затупи бѣлое пламя», говоритъ царь ворону: «я дамъ тебѣ голову и трупъ». А Попелюхъ сулитъ ему двѣ головы и два трупа, если онѣ, омочивъ крылья, покропитъ братьямъ въ глаза. Воронъ исполняетъ это; братья проснулись и помогли дованать недруга.

Это—эпизодъ о трехъ змѣяхъ первой сказки, только вмѣсто змѣй — цари, вмѣсто *каменной, желѣзной и оловянной тѣры* — *оловянный, желѣзный и каменный мостъ*. Какъ Ясатъ обращается въ пѣтуха, такъ здѣсь то же рассказано о Попелюхѣ и четырехглавомъ царѣ, только въ другомъ приуроченіи.

4) На обратномъ пути стоитъ на дорогѣ дворъ. Одинъ Попелюхъ туда заходить, обернулся котомъ и подслушалъ разговоръ трехъ царичъ, женъ убитыхъ имъ царей. Одна обѣщаетъ стать имъ на дорогѣ колодеземъ, другая яблоней, третья нагнать и проглотить Попелюха. Весь этотъ эпизодъ, какъ и слѣдующая за нимъ развязка, совершенно такіе же, какъ и въ сказкѣ о Ясатѣ: и здѣсь въ заключеніи та же подробность о кузницѣ.

Я предложилъ бы теперь сличить приведенныя три сказки и попробовать придти относительно ихъ къ какому-нибудь общему заключенію. Что это—редакція одной и той же сказки, съ однимъ общимъ сюжетомъ, который одинъ разъ былъ недосказанъ, въ другой развитъ неумѣстными приставками? Или всѣ три сказки сложились путемъ случайнаго подбора подробностей, причемъ одна отправилась отъ одного мотива, другая отъ другого, который казался ей болѣе существеннымъ? Какъ бы ни заключали о нихъ, всѣ онѣ представляются результатомъ агломерации, такъ что нельзя и сказать, чтобы у нихъ былъ одинъ основной типъ. Если бы съ указанной точки зрѣнія изучить варианты цѣлаго ряда сказокъ, былины, даже обрядовыхъ пѣсенъ, онѣ оказались бы по большей части такими же сводными, т.-е. такими, въ которыхъ составныя части спаяны случайно, по внѣшнему поводу. Кажущееся разнообразіе сказокъ объясняется не столько богатствомъ ихъ мотивовъ, сколько разнообразіемъ и случайностью сводовъ, вызывавшихъ все новые и новые варианты. Иногда достаточно было одного небольшого измѣненія въ рассказѣ, замѣны одной подробности другою, чтобы вмѣстѣ съ прежней исчезли всѣ мелкія, связанныя съ нею черты, и явились новыя, обусловленные но-

вызываетъ образомъ: однимъ словомъ, новый вариантъ. Извѣстна распространенная въ славянствѣ богомильская сказка о томъ, какъ Богъ и дьяволъ творили міръ, причемъ дьяволъ ныряетъ въ море и выноситъ со дна песокъ и камень, изъ которыхъ Господь создаетъ землю и т. д. Въ одной галицкой колядѣ, напечатанной въ «Правдѣ» (за 1868, стр. 82), вмѣсто Бога и дьявола являются два брата — несомнѣнно, очень древняя черта; но подробности творенія потеряны:

Ой якъ то було зъ початку свѣта,
Ой якъ не було святої землі,
Ой по на мори павутиноньки,
Ой тамъ братоньки радоньку радять:
Якъ-бы намъ, брате, свѣтъ обснувати?
Пустися, брате, въ глибокі води,
Тогди ми, брате, свѣтъ обснуемо,
Свѣтъ обснуемо и наситимо,
Свѣтъ наситимо и наповнимо.

Позднѣе, сущность богомильскаго вѣрованія была забыта — а цѣльность легенды удерживалась, потому что выступали съ новымъ значеніемъ второстепенные образы, и непонятное въ нихъ толковалось по эвгемеристическимъ пріемамъ. Дьяволъ явился въ образѣ плавающего «гоголя», вызванный образомъ моря, какъ въ одной редакціи богомильскаго сказанія; надо было какъ-нибудь объяснить себѣ загадочныхъ братьевъ, творящихъ свѣтъ *на морѣ*, приурочить ихъ къ требованіямъ пѣсенной вѣроятности — и вотъ, изъ моря поднялся зеленый яворъ, какъ въ другой галицкой колядѣ (у Головацкаго, Христоматія, стр. 343), и на немъ голуби раду радятъ, какъ свѣтъ основать: они добываютъ со дна песокъ и золотого камня. Голубя не два, какъ бы слѣдовало по смыслу дуалистическаго повѣрья, а три. Наконецъ, въ третьей редакціи той же колядки («Правда», 1868 г.) нѣтъ даже мотива творенія, хотя пѣснь также начинается «зъ початку свѣта, якъ ще не було неба ні землі». Вмѣсто двухъ братьевъ три товарища: ясное солнце, ясный мѣсяцъ, дробный дождикъ. Каждый изъ нихъ хвалится тѣмъ, что онъ сдѣлаетъ на пользу людей.

Еслибъ мы не знали, что всѣ эти колядки — разновременныя видоизмѣненія одной и той же космической легенды о твореніи міра Богомъ и дьяволомъ — мы легко могли бы увлечься самой искаженной изъ нихъ и приняться за мифическое истолкованіе голубей на зеленомъ яворѣ. Точно также, если не дать себѣ отвѣта въ собирательномъ принципѣ, который внесъ въ наши былинны такое разнообразіе редакцій, ничего не стоить отдаться

идей, что изъ сопоставленія ихъ вариантовъ выйдетъ въ перво-бытной цѣльности поэтическая біографія того или другого героя, какъ задумать ее народъ. Методъ требуетъ, наоборотъ, не сопоставленія, а выдѣленія того, что привлечено въ нихъ случайно. О сказкахъ слѣдуетъ сказать то же самое: предположите, что кто-нибудь, не разобравъ сложнаго генезиса иной сказки, возьмется объяснить ее силою, какъ цѣльное выраженіе одного какого-нибудь сюжета, мифическаго или нѣтъ; результаты могутъ получиться и получались самые плачевные. Я укажу лишь на одинъ изъ нихъ. Исслѣдователь изучилъ, положимъ, нѣсколько сказокъ о волкѣ, сблизилъ ихъ съ облачными мифами и пришелъ въ заключенію, что волкъ — символъ темной, демонической силы. Но вотъ, является рядъ другихъ рассказовъ, гдѣ волкъ помогаетъ герою, кормить его своимъ молокомъ, охотится за него, однимъ словомъ долженъ быть признанъ существомъ благотѣльнымъ (см. De-Gubernatis, II, гл. XII). Какъ тутъ быть исслѣдователю? Если онъ не считается съ исторіей, то выходитъ ему одинъ: признать въ волкѣ двойственную символическую натуру. Онъ такъ и сдѣлалъ, и не съ однимъ какимъ-нибудь животнымъ символомъ, а почти со всѣми: нѣтъ почти ни одного животного, которое не было бы въ одно и то же время добрымъ и злымъ, бѣлымъ и чернымъ, помощникомъ дня и свѣта, или другомъ ночи и мрака (голубь, лебедь, пѣтухъ, сойка, воронъ, и даже жаба и змѣя). Съ такимъ удобнымъ принципомъ въ рукахъ можно весьма удобно истолковать любой мифъ или сказку въ ту или другую сторону, и даже сблизать между собой двѣ сказки, не слишкомъ заботясь о томъ, напр., что символика въ нихъ нѣсколько различная: такъ какъ всякое животное можетъ имѣть по нѣскольку значеній, то легко допустить, что, въ извѣстныхъ границахъ, каждое изъ нихъ могло вступать въ роль другого. Но всякому должно быть ясно, что съ такимъ эзегетическимъ принципомъ мы не далеко ушли отъ приемовъ старыхъ этимологовъ, по которымъ можно было, при небольшомъ усилии воображенія, произвести любое слово изъ любого другого. Стоило только увѣрить себя вмѣстѣ съ Менажемъ, что изъ лат. *mus* произошло сначала *muratus*, потомъ *ratus*, навонецъ франц. *rat*; изъ лат. *faba* — *fabaricus*, потомъ *fabaricotus*, *aricotus* отсюда — *haricot*. Такимъ образомъ *rat* производилось отъ *mus* и *haricot* отъ *faba*! Иныя объясненія сравнительныхъ мифологовъ ничѣмъ не хуже этихъ.

Между тѣмъ ларчикъ открывается еще проще, большая часть этихъ слишкомъ остроумныхъ измышленій оказывается по крайности лишнею. Для меня несомнѣнно, что только въ нѣкоторыхъ

сказкахъ животныя или другіе сказочныя образы удержали свой *исконный* символическій смыслъ; въ другихъ, гдѣ они являются съ противоположнымъ значеніемъ, они введены позднѣе, изъ другихъ цикловъ сказаній, какъ припшая подробность и общее мѣсто—почему ихъ невозможно толковать въ связи съ фактами, среди которыхъ они помѣстились совершенно случайно. Такимъ образомъ мнимая двойственность разрѣшается въ послѣдовательность превращеній и наростовъ, которой не миновало ни одно произведение народнаго слова, осужденное переходить изъ устъ въ уста и искажаться. Весь вопросъ въ томъ, какъ отличать эти позднія приставки отъ того, что въ сказкахъ можетъ быть признано кореннымъ и неслучайнымъ. На это можетъ быть тотъ же старый отвѣтъ: надо предварительно изучить *содержаніе* народныхъ сказокъ вообще съ точки зрѣнія главныхъ мотивовъ, которыми онѣ пользуются. Чѣмъ въ большемъ количествѣ сказокъ повторенъ будетъ одинъ и тотъ же мотивъ, тѣмъ ближе мы къ цѣли критики: изъ сличенія различныхъ редакцій одного и того же разсказа легко будетъ вывести заключеніе о его общихъ, неизмѣняемыхъ чертахъ, и съ другой стороны о тѣхъ, которыми онъ видоизмѣнялся тамъ или здѣсь. Первые должны быть признаны принадлежащими къ основнымъ сказочнымъ типамъ, и я понимаю, что можетъ явиться идея сблизить ихъ съ народными мѣрами и даже объяснить изъ нихъ происхожденіе всей сказочной литературы. Что до вторыхъ, то подобное объясненіе касаться ихъ не должно, они принадлежатъ собственной исторіи сказки, ея стилистикѣ. Только когда это раздѣленіе будетъ сдѣлано, миеологическая экзегеза ощутитъ впервые твердую почву подъ ногами. Задача не легкая: отдѣлать во множествѣ иногда спутанныхъ вариантовъ чистое золото отъ олова. Но и въ народной сказкѣ вѣдьма задаетъ загнанной падчерицѣ не менѣе трудную задачу: разобрать за день четверть пшеницы отъ примѣшавшейся къ ней чернушки. И нашлись же помощные звѣри, муравьи или мыши, которые это сдѣлали.

III.

Я уже сказалъ, что самую оригинальную часть книги г. Де-Губернатиса составляютъ многочисленныя выдержки изъ русскихъ сказокъ, которыя въ такомъ количествѣ никогда еще не являлись на судъ европейскаго читателя. Къ нимъ онъ обращается всего чаще, такъ что если бы удалить изъ его книги выбранныя изъ нихъ свѣдѣнія, она сократилась бы по крайней мѣрѣ на одну треть.

Собраніемъ Рудченко (третій томъ котораго, какъ я слышала, долженъ появиться въ непродолжительномъ времени) онъ пользовался рѣдко, но книжка Эрленвейна дала ему 13 сказокъ, а изъ обширнаго сборника Афанасьева извлечено почти все интересное. Если я не ошибся въ счетѣ, то авторъ заимствовалъ изъ него до 159-ти №№, и вѣроятно болѣе — громадный процентъ, если взять въ расчетъ, что на 350 №№ Афанасьевского собранія, сказокъ (не считая вариантовъ) приходится всего 220.

Посмотримъ, какъ воспользовался авторъ богатымъ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи.

Начну съ мелочей, если хотите придираюсь — хотя русскому человѣку какъ-то и не подѣстать приставать съ школьными замѣчаніями къ иностранцу, имѣвшему терпѣніе проработаться сквозь сотни сказокъ, записанныхъ на языкѣ, столь малознакомомъ европейцамъ, какъ русскій. Но дѣло въ томъ, что если западная наука начинаетъ обращаться къ нашимъ текстамъ и нашимъ матеріаламъ, то кому же и установить здѣсь научное преданіе, какъ не намъ? Въ виду этого я позволю себѣ обратить вниманіе на транскрипцію русскихъ словъ, употребляемую авторомъ: онъ пишетъ ихъ, какъ они произносятся, забывая этимологию, напримѣръ, *ahota*, *bagatir*, *svetazor*, *salavei*, *Popovic*, *parok* (—порогъ), *vsiaakovo vstrechnavo*, и т. д. Это то же, что писать по-французски *o*, *cho* вм. *eau*, *chaud*. Всего страннѣе, что то же фонетическое правописаніе прилагается и къ малороссійскимъ словамъ, гдѣ, какъ извѣстно, *o* безъ ударенія не переходитъ въ *a*. Я полагаю, что именно эта, вовсе не научная система, и привела автора къ той несчастной этимологіи, которую мы читаемъ у него на 405-й стр. I-го тома. По поводу одной русской сказки (Афан. II, 4; IV, 17), гдѣ коза телится подъ яблоней, мы узнаемъ, что по-гречески *mélon* — козелъ и яблоня, по-санскритски *petvas* муж. р. — баранъ, а *petvam* сред. р. — амбросія. «Мионическая яблоня имѣетъ такое же отношеніе къ облачной амбросіи, какъ рогъ изобилія мионическаго козла, и мнѣ кажется, что, не сходя съ славянской почвы, можно усмотрѣть такую же аналогію между русскимъ *oblaka*, во множ. *ablakà*, и *iablony*, во множ. *jablogna*, *jablok*».

Справка въ словарь Мицлошича могла бы спасти его отъ этого этимологическаго мнѣя, а словарь Даля удержалъ бы его отъ слѣдующаго опредѣленія: *golmb*, or brown, violet, and azure, is a name given in Russia to the dove (II, 337 прим.). Иныя погрѣшности въ правописаніи могутъ, впрочемъ, принадлежать и корректору (Gory I, 177 вм. Горе, дѣйствующее въ сказкѣ лицо; Froh and Laver I, 264 = Фроль и Лавръ; *dievki cernavke* I, 342

вм. дѣвка чернавка), какъ неудачная передача собственныхъ именъ. лицомъ, руководившимъ переводомъ. Почему, напр., Алеша Поповичъ переведенъ *Alessino* (такъ въ англійскомъ текстѣ) *Parovic*, а Емеля — *Emilius* (I, 195 и 202); или жаръ-птица = *burning bird*, т.-е. горящая (I, 213), *gučlebedi* (II, 307) = *goose-swans*.

Какъ всегда случается съ иностранцемъ, впервые приступившимъ къ области, полное познаніе которой предполагаетъ не только книжное изученіе, но и знакомство съ народомъ, такъ не разъ случалось и съ авторомъ. Онъ часто впадаетъ въ ошибки по незнанію живого языка и пускается въ сближенія, отъ которыхъ благоразумно воздержался бы русскій изслѣдователь.

▲ Такъ, преслѣдуя миеологическій типъ Ивана-дурачка, онъ находитъ его въ Алешѣ Поповичѣ, въ Балдаѣ и Василии Бесчастномъ, и въ Ильѣ Муромцѣ и даже въ Огнѣ Беренниковѣ. Онъ, можетъ быть, не знаетъ, что «ясный соколъ» общее эпическое выраженіе русскихъ пѣсенъ и былинь и что означаетъ оно не болѣе, какъ молодца, красиваго парня. Въмѣсто того, чтобы сказать: понравился сатана лучше краснаго молодца, говорятъ: понравился сатана лучше яснаго сокола (II, 192, прим.). Г. Де-Губернатисъ считаетъ эту связь сатаны съ соколомъ почему-то необходимой и объясняетъ, что дьяволъ часто принимаетъ образъ этой птицы, какъ, напр., въ англійской легендѣ объ Эндо. Не лучше того миеическое истолкованіе присказки: «синичка летаетъ и говоритъ: синь да хорошъ» (II, 176). Но мы рѣшительно недоумѣваемъ, изъ какихъ источниковъ почерпнуто свѣдѣніе, будто Владиміръ-красное-солнышко — одинъ изъ покровителей рыцарскихъ орденовъ? Вотъ что говоритъ авторъ (I, 355—6): «Когда христіанство обратило старыхъ языческихъ боговъ въ святыхъ... миеическій конь также перешелъ подъ покровительство различныхъ угодниковъ, начиная отъ сициліанскаго St. Aloï до русскихъ св. Фрола и Лавра, не говоря уже о славныхъ витязяхъ св. Георгіи, св. Михаилѣ, св. Яковѣ, св. Маврикіи, св. Стефанѣ, св. Владимірѣ, (St. Vladimir) и св. Мартинѣ, которыхъ особенно почитали воины и въ честь которыхъ учреждены были въ Европѣ главные рыцарскіе ордена». Орденъ св. Владиміра дѣйствительно былъ учрежденъ, но, какъ извѣстно, довольно поздно. Но г. Де-Губернатисъ вообще не разбравшись въ своихъ источникахъ и особенно въ ихъ хронологіи, и я давно долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ главномъ «принципіальномъ» недостаткѣ его книги. Нельзя пользоваться Крыловымъ и Ершовымъ (авторомъ Конька-Горбунка) наравнѣ съ народными сказками, и цитовать заодно сборникъ Гримма и прилизанные, охорошенные пересказы M-me d'Aulnoy,

тѣмъ менѣе объяснять миѳическія подробности современнаго ей костюма (*oiseau bleu, couleur du temps*, II, 175), въ который ей пріятно было одѣвать старыхъ сказочныхъ героевъ.

Съ другой стороны, какъ иностранецъ, г. Де-Губернатисъ обладалъ преимуществами, которыя рѣдко даются русскому ученому: надо жить на Западѣ и часто обращаться съ книгами, о которыхъ у насъ почти никогда и не упоминаютъ, чтобы найти инныя сравненія, которыми русскій ученый воспользуется съ благодарностью. Кому пришло бы въ голову порыться въ Павлѣ Іовин, чтобы доискаться въ немъ упоминанія русской сказки? Г. Де-Губернатисъ цитуетъ его по Альдрованди. «Московский посолъ Дмитрій, отправленный въ Римъ, рассказывалъ не такъ давно своей сосѣдѣ про крестьянина, который, отправившись искать медъ, провалился въ дупло одного огромнаго дерева, по горло въ медъ. Имъ онъ кормится два дня; мѣсто было пустынное и некому было услышать его криковъ и просьбы о помощи. Онъ уже совсѣмъ отчаялся, какъ его спасла медвѣдица, спустившаяся въ дупло за той же добычей: онъ схватился сзади за ея шерсть, а она, испугавшись, бросилась вонъ и вытащила его». Г. Де-Губернатисъ видитъ въ этомъ русскую сказку—и едва-ли не справедливо, хотя сравненіе, которое онъ подыскалъ къ ней, касается не русской сказки, а славянской, приведенной Афанасьевымъ въ примѣчаніяхъ къ I-му тому его сборника, и притомъ нѣсколько разнящейся отъ рассказа посла Дмитрія: медвѣдь, обманутый зайцемъ, застрѣлъ въ дуплѣ; проходитъ мимо крестьянинъ, котораго медвѣдь проситъ освободить его—въ награду онъ обѣщаетъ показать ему улей. Мужикъ его освобождаетъ и возвращается домой съ медомъ (II, 110). Предоставляю другимъ судить о сходствѣ.

Какъ бы то ни было, еслибъ авторъ собралъ побольше такихъ сравненій, онъ сослужилъ бы не малую службу не только русскимъ ученымъ, но и тѣмъ западнымъ, которымъ изданіе Афанасьева недоступно. Для послѣднихъ была бы даже полезнѣе простая передача богатаго запаса варіантовъ и пересказовъ, украшающихъ примѣчанія Афанасьева, и болѣе того—возможно *цѣльная* передача напечатанныхъ имъ сказокъ. Вѣдь не всякій читатель согласенъ а priori съ экзегетическимъ методомъ г. Де-Губернатиса, а попытаться на новое объясненіе съ его матеріалами ему тѣмъ труднѣе, чѣмъ они разрозненнѣе. Сказки переданы отрывочно, не всѣ части одинаково полно—потому что не всѣ одинаково укладывались въ систему автора; наконецъ, пересказъ поминутно прерывается миѳическими толкованіями частныхъ, отчего трудно

прослѣдить его въ цѣломъ составѣ. Это, впрочемъ, вопросъ изложенія, и я на немъ останавливаться не буду.

Интереснѣе самыя толкованія г. Де-Губернатиса. Что они миеогическія, и притомъ въ спеціальному смыслѣ облачнаго миеа—того ожидаетъ всякій, кто потрудился прочесть предыдущее изложеніе. Вездѣ одно и то же, нельзя ступить ни шагу, чтобы не встрѣтить авроры, мѣсяца или «лѣса ночи», «млечную влагу ночи» и т. п. Авторъ выработалъ себѣ особую терминологию, въ которой нельзя не признать поэтическаго колорита, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстной туманности. Она годится для общей характеристики миеологическаго міросозерцанія, но едва ли у мѣста въ изслѣдованіи его частныхъ. Читатель удостовѣрится въ этомъ самъ изъ слѣдующихъ извлеченій.

Въ одной русской сказкѣ у Аванасьева (VI, 54) у одной старухи три безобразныхъ дочери, одна съ однимъ глазомъ, другая—съ двумя, третья съ тремя; онѣ только ѣдятъ и ничего не дѣлаютъ, а у падчерицы Марьи работы черезъ край, и ѣды мало. Марья идетъ пасти корову, а мачиха задаетъ ей урокъ: пять фунтовъ пряжи, которую она должна спрять, смотать и выбѣлить за одну ночь. Плачущую дѣвушку утѣшаетъ корова: войди ко мнѣ въ одно ухо, выйди въ другое, и все будетъ сдѣлано. Въ итальянскомъ вариантѣ этой сказки, говоритъ г. Де-Губернатисъ, корова прыдетъ на своихъ рогахъ пряжу, заданную дѣвчонкѣ, пока она чешетъ голову старухѣ, волшебницѣ или мадоннѣ. Въ этой старухѣ авторъ узнаетъ луну. Луна, какъ и солнце, представлялась въ связи съ зарей, въ особенности вечерней, которую она сопровождаетъ; она — хозяйка, руководительница, покровительница вечерняго героя или героини, заблудившихся или преслѣдуемыхъ въ ночи; за вечерней зарей всходитъ мѣсяцъ, какъ за утренней показывается во всемъ блескѣ солнце. Ведійская аврора называется очистительницей; отсюда легко было перейти къ образу дѣвушки, очищающей, чешущей голову старухѣ или мадоннѣ; отъ зари, т.-е. послѣ нея, выходить на свѣтлое небо мѣсяцъ—оттого изъ волосъ мадонны выпадаютъ перлы; когда же въ другой разъ мачиха посылаетъ на поле вмѣсто падчерицы свою (злую) дочь, и она чешетъ голову старухи, тогда изъ волосъ выпадаютъ вши: это мѣсяцъ, который не можетъ проявить своего свѣта во тьмѣ облачной, черной ночи. Какъ здѣсь корова является символомъ свѣта, такъ въ другой сказкѣ (Аванас. V, 35) она — существо демоническое: Иванъ, котораго царь осудилъ быть пастухомъ, долженъ поцѣловать ее подъ хвостъ; и въ той же сказкѣ говорится о старой вѣдьмѣ, высасывающей

груди красивой дѣвушки, которая должна въ то же время искать у ней въ головѣ. И корова и вѣдьма — символы темной ночи; объясненіе подтверждается тѣмъ, что пастухъ — герой Котома, красивый и проворный, убиваетъ подъ конецъ корову, безстыдно задравшую хвостъ; утреннее солнце, пастухъ свѣтлыхъ коровъ, сдираетъ кожу съ темной коровы глухой ночи.

Существуетъ рядъ русскихъ и западныхъ сказокъ (къ которымъ слѣдуетъ присоединить извѣстный рассказъ 1001-й ночи) о чудесныхъ яблокахъ, которыхъ если отвѣдать, то у поѣвшаго вырастаютъ рога. Въ 15-й сказкѣ у Эрленвейна третій братъ Иванъ приходитъ къ яблонѣ съ красными яблоками; изъ нихъ онъ съѣдаетъ четыре, и четыре рога вырастаютъ у него на головѣ, столь высокіе, что они мѣшаютъ ему войти въ лѣсъ. Они исчезаютъ, какъ скоро онъ съѣлъ четыре бѣлыхъ яблока съ другого дерева. Значеніе такое: солнечный герой приближается вечеромъ къ яблонѣ съ красными яблоками, т. е. къ вечерней зарѣ, и тотчасъ же становится безобразнымъ, теряясь во мракѣ ночи; при свѣтѣ мѣсяца и утренней зари онъ приходитъ къ дереву съ бѣлыми яблоками, теряетъ рога и снова становится молодымъ и прекраснымъ. Въ другомъ рассказѣ (Аеан. VI, 57) Ивану царевичу даетъ молодильные яблоки сестра солнца, въ жилище которой онъ проникаетъ слѣдующимъ образомъ: у Ивана (солнце) сестра (несомнѣнно отъ другого отца или матери) — змѣя, вѣдьма (ночь), которая уже успѣла пожрать его отца и мать (т. е. солнце и вечернюю зарю, которыя и порождаютъ ночь и поглощаются ею). Вѣдьма преслѣдуетъ своего маленькаго брата Ивана и хочетъ съѣсть его; онъ бѣжитъ, но она нагнала его по близости жилища сестры солнца (авроры, настоящей сестры Ивана). Вѣдьма предлагаетъ Ивану повѣшаться на вѣсахъ; только-что съѣлъ онъ, какъ вѣдьма его перетянула, и онъ очутился у солнечной сестры. Прекрасный мифъ, толкуетъ авторъ; смыслъ его очевиденъ: Иванъ — солнце, аврора — его сестра; утромъ, вблизи жилища авроры, т. е. на востокѣ, *падаютъ* ночныя тѣни и солнце *поднимается* на небо; мифически это выражается въ образѣ *вѣсовъ*. Такъ и въ христіанскихъ повѣрьяхъ св. Михаилъ вѣситъ человѣческія души, причемъ тѣ, что перевѣшиваются, отправляются въ адъ, легкія же въ рай (I, 179—183).

Троичность нашихъ сказочныхъ братьевъ обратила на себя вниманіе г. Де-Губернатиса. Обыкновенно третій братъ зовется Иваномъ: Иванъ-царевичъ, Иванъ-королевичъ, или же Иванъ-дуракъ, дурачокъ, что не мѣшаетъ ему обыкновенно устроиться умнѣе и выгоднѣе умныхъ. Иногда онъ называется и Емелей,

какъ въ сказкѣ у Аванасьева (V, 55). Онъ соглашается ѣхать по-воду, потому что сестра обѣщала ему въ награду красные сапоги. У него слабость до этого цвѣта: поиднѣ царь одѣваетъ его всего въ красное. Объ этой страсти сказочныхъ героевъ и героинь знаютъ не однѣ русскія, но и эстонскія и итальянскія сказки. Красные башмачки—это видоизмѣненіе сандаліи авроры, потерявшей ее, когда она бѣжала отъ преслѣдовавшаго ее солнца; или третьей сестры замарашки, когда, удаляясь поспѣшно съ праздника, она обронила свой крошечный башмачокъ, который никто не можетъ обуть кромѣ нея, почему она и узнана (Аван. VI, 30). Авторъ привязываетъ въ этому мнѣю обычай европейскихъ дѣвушекъ—бросать подъ новый годъ башмакомъ, чтобы угадать по направленію, въ какомъ онъ ляжетъ, въ какой сторонѣ имъ быть замужемъ. Но возвратимся вмѣстѣ съ авторомъ къ Емелѣ: побѣхавъ по-воду, онъ поймалъ щуку, которую отпускаетъ, когда она обѣщала ему—исполнить всѣ его желанія. На первый разъ «по щучьему велѣнію, по моему прошенью» бочка съ водою сама отправляется домой (въ ведійскихъ гимнахъ облако изображается бочкой; оно движется само собою, какъ бочка Емели; герой, пока онъ заключенъ въ облакъ, остается дурнемъ). Въ другой разъ, когда Емелю посылаютъ въ лѣсъ по-дрова, ему стоить только приказать, и дрова сами рубятся, накладываются и везутся домой (интересныя видоизмѣненія мнѣю объ идущемъ лѣсѣ или облакѣ). Когда царь присылаетъ за Емелей, онъ отправляется къ нему, опять же по щучьему велѣнію, на печи. Забѣтивъ, что царевна слюбилась съ дуракомъ, царь велитъ ихъ обоихъ запереть въ бочку и пустить по водѣ (это опять бочка—облаво). Они пристають къ острову, гдѣ Емеля, ставшій красивымъ и богатымъ, счастливо зажилъ съ царевной въ великолѣпномъ дворцѣ (Аврора и вечернее солнце, брошенные вмѣстѣ въ океанъ ночи, пристають къ счастливому острову востока, и снова возстають во всей красѣ). Одна изъ самыхъ обычныхъ проказъ сказочнаго дурня та, что оставшись дома одинъ, онъ выпускаетъ изъ бочки вино или пиво (Аван. V, 4)—это Индра, пронзающій молніей облачную бочку, изъ которой выходитъ дождевая влага (I, 195—8).

По поводу Иванушки-дурачка и Емели авторъ говоритъ о смыслѣ сказочнаго атаксизма и толкуетъ его: «законъ атаксизма сказывается въ поколѣніяхъ мифическихъ героевъ, какъ и въ поколѣніяхъ людей. У глупаго отца родится умный сынъ, у котораго въ свою очередь сынъ глупый. Я не знаю, какъ объяснить этотъ законъ въ естественной исторіи; въ миеологіи онъ вполне объяснимъ: за свѣтлымъ днемъ слѣдуетъ темная ночь, за темною

ночью свѣтлый день, за лѣтомъ зима, за зимой лѣто; бѣлое смѣняется чернымъ, и наоборотъ, и также чередуется тепло и холодъ» (I, 200). Если такова мнѣйшая подкладка въ сказкахъ, гдѣ легко предположить наибольшее участіе свободного юмора, то въ другихъ, съ содержаніемъ болѣе серьезнымъ, въ сказкахъ объ увозахъ, превращеніяхъ, чудовищахъ — она должна сказываться еще сильнѣе. Царевна-лягушка (Аван. II, 23), становящаяся красавицей, пока ея мужъ спитъ (т.-е. ночью) — это мѣсяцъ; когда ея кожа сожжена, она удаляется въ *тридцатое* царство, въ тридцатое государство, т.-е. въ адъ, или ночной мракъ, куда сврывается аврора и мѣсяцъ, откуда послѣдній выступаетъ снова, обновляясь въ періоды *27-ми дней* (II, 377—8).

Я не буду говорить здѣсь, какъ я отношусь ко всѣмъ этимъ объясненіямъ. Что до общихъ идей и вопросовъ метода — я думаю, что достаточно высказался объ этомъ предметѣ въ предыдущей главѣ, и мнѣ пришлось бы повторять все то же, еслибы я вздумалъ пуститься теперь въ критику частныхъ. Она только привела бы насъ вторично къ тому заключенію, къ которому я раньше пришелъ относительно разбираемой книги. «Весьма возможно ошибиться въ классификаціи и въ частномъ истолкованіи мнѣйшихъ фактовъ, — говорить въ одномъ мѣстѣ г. де-Губернатисъ (II, 422), — и я не поручусь, что тамъ или здѣсь я не предложилъ какое-либо неудачное объясненіе. Въ такихъ случаяхъ вина, можетъ быть, моя: я могъ быть недостаточно приготовленъ, недостаточно проникателенъ; неудача, во всякомъ случаѣ, не должна быть отнесена на счетъ основныхъ истинъ, которыя позволяютъ сравнительной миеологіи заявить себя такой же положительной наукой, какъ и другія, и, какъ онѣ, наставлять и получать». Я думаю, что эту фразу слѣдуетъ переставить, сдѣлавъ напередъ автору первое предостереженіе за излишнюю скромность. Его нельзя упрекнуть ни въ недостаткѣ остроумія, ни въ томъ, что онъ мало начитанъ, или былъ не довольно трудолюбивъ. Бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что такъ-называемыя «основныя истины» требуютъ пересмотра, что методъ, которому слѣдуютъ до сихъ поръ сравнительные миеологи, ихъ исходная точка зрѣнія, требуютъ новой провѣрки. Въ свое время этотъ методъ сдѣлалъ великое дѣло, поставивъ изученіе народныхъ повѣрій на научную почву; но для того, чтобы миеологія сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ положительной наукою, ему необходимо обновиться — постановкою новыхъ вопросовъ и болѣе критическимъ разборомъ матеріала, надъ которымъ онъ работаетъ. Вопросы, поднимаемые сравнительной миеологіей, такъ важны; представляютъ такой общечело-

вѣщескій интересъ, что всякому покажутся естественными наши требованія отъ новаго дѣателя на этомъ поприщѣ: не тратить силъ на собраніе данныхъ, съ цѣлью подвести ихъ подъ установленныя категоріи, которыя, можетъ быть, еще подлежатъ отмѣнѣ, а заняться новой разработкой метода. Это было бы несомѣнно полезно и удалило бы многія существующія предубѣжденія противъ самаго дѣла.

Сравнительную миеологию люди старой школы отрицаютъ, какъ ненаучную, какъ самозванную науку. Противъ нея они продолжаютъ выставять ряды частныхъ монографій и учебниковъ, сработанныхъ въ искони установленномъ стилѣ—но вмѣстѣ съ тѣмъ и такія книги, какъ сочиненія Бахофена и Брауна, гдѣ произволъ толкованій и «чаромутіе» достигаютъ предѣловъ, до какихъ никогда еще не доходилъ ни одинъ миеологъ сравнительнаго направленія, какъ бы онъ ни былъ боекъ.

Сравнительная миеологія стала даже предметомъ пародіи. Смѣются надъ ея приѣмами, надъ ея односторонностью и неразборчивостью въ матеріалахъ. Въ 1856 году она дала поводъ покойному Вавернагелю въ довольно злой и ученой, хотя по-нѣмецки тяжеловѣсной шуткѣ. Она перепечатана недавно въ первомъ томѣ его собранныхъ сочиненій ¹⁾, гдѣ всякій можетъ прочесть ее. Въ Базелѣ, видите ли, говорятъ о человѣкѣ, всегда опаздывающемъ, обо всемъ, что случается или приходится не въ пору, когда все кончено и горчица не нужна послѣ ужина: онъ припелъ, или это такъ же впору, какъ брецвильская собачка. И въ томъ же Базелѣ ходитъ еще другая легенда, записанная еще въ XVII вѣкѣ, о собачкѣ изъ Бреттена, которая кормила своего умиравшаго съ голоду хозяина колбасами, похищенными въ лавкахъ. Однажды мясникъ подстерегъ ее на мѣстѣ преступленія, отрубилъ ей хвостъ и вложилъ его поперекъ въ морду вмѣсто колбасы. Собачка, по старой привычкѣ, побѣжала къ своему хозяину, сунула ему въ руки хвостъ и тутъ же околѣла. Вавернагель вооружается всей классической и скандинавской ученостью, воображаетъ себя на время переселившимся въ тѣло какого-нибудь сравнительнаго миеолога, и такъ начинаетъ толковать эту сентиментальную легенду. Собака—старый хооническій символъ, символъ смерти: вспомнимъ Цербера, привратника ада, Гелату, окруженную черными собаками; она и сама представлялась съ собачьей головой, подобно подземному Анубису. Актеонъ,

¹⁾ Kleinere Schriften von Wilhelm Wackernagel. 1-er Band. Leipz. 1872, S. 432—434: Die Hündchin von Bretzwil und von Bretten

узнѣвшій купавшуюся Діану, разорванъ собаками; онъ умираетъ потому, что подлежить смерти всякій, увидѣвшій бога или богиню смертными очами; и его смерть изображена—собаками. Въ Веттамсвидѣ Одинъ ѣдетъ въ Нифльгеймъ, царство Гелм, гдѣ на него бросается съ лаемъ страшный песь богини смерти. На одной изъ прелестнѣйшихъ гравюръ Дюрера изображенъ верхомъ рыцарь, рядомъ съ нимъ тащится на влѣчѣ костлявая смерть, а между ними бѣжитъ, коварно притаившись, собака: это опять тотъ же образъ, и рыцарь не Францъ фонъ-Зикенгенъ—такъ могутъ толковать лишь ограниченные люди—а тотъ же старый Одинъ, не знаю въ какомъ изъ своихъ многочисленныхъ превращеній.—Итакъ, собака объяснена; остается еще колбаса. Древніе изображали вѣчность, безсмертіе въ образѣ змѣи, закусившей свой хвостъ; почему бы колбаса, связанная своими концами, не могла представить того же? Наши предки были непосредственнѣ насъ и, относясь реальнѣ къ жизни, не такъ изнѣженно разборчивы въ образахъ. Но если змѣя, закусившая хвостъ, являлась символомъ безсмертія, то почему бы не собака: собаки часто кусаютъ, ловятъ свой хвостъ. Разумѣется, собачка изъ Бреттена закусила его по неволѣ, потому что хвостъ у нея отрубленъ—но это уже искаженіе легенды. Въ этомъ стилѣ объясненіе идетъ далѣе, пересыпанное цитатами и сближеніями, такъ что если бы не юмористическій тонъ рѣчи, легко было бы принять шутку за дѣло, т.-е. за одно изъ сравнительно-мифологическихъ измышленій, выдаваемыхъ за серьезныя.

Но мнѣ кажется, что къ сравнительной мифологіи можно и слѣдуетъ отнестись серьезно. Какъ во всякомъ новомъ направленіи, такъ и здѣсь могутъ быть увлеченія, то, что я называлъ бы учеными опечатками. Отъ нихъ не свободна и книга г. Де-Губернатиса, дѣлающая столько же чести ея автору, сколько современной итальянской наукѣ. Къ такимъ увлеченіямъ я отношу его послѣдовательность, его безконечную вѣру въ нѣсколько принциповъ—и все это въ области, гдѣ пока и слѣдовать мало чему, гдѣ еще пути не проѣзжены. Въ такой вѣрѣ есть своего рода героизмъ и нравственный подвигъ: не такъ-то легко быть послѣдовательнымъ, когда всякій излишекъ въ этомъ смыслѣ можетъ вызвать улыбку на устахъ ближняго, недоумѣвающего, чтобы лягушка могла изображать собою—аврору.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕСЕЛОВСКІЙ.

Флоренція.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ

ГАЛИЦІИ

(Окончаніе).

II *).

«Народная» партія въ Галиціи (она же и «молодая», «свѣтская») отложила въ сторону политиканство и стала на правительскій путь — не вдругъ: еще и теперь ей предстоитъ не мало работы надъ собою, начиная съ языка, чтобъ стать и на дѣлѣ народною. Она въ свое время также занималась «высшею политикою», возлагала большія надежды на наше украинофильское движеніе и даже отчасти на польское, а также и на австрійское правительство, и на собственныхъ совѣтниковъ и владыкъ. Но въ послѣднее время направленіе «народной партіи» сильно измѣнилось, и она, отказавшись возлагать надежды на международныя катастрофы и начавъ усиленно работать надъ поднятіемъ нравственнаго уровня своего народа, — оказалась и болѣе благоразумною, и болѣе патристическою. Дѣйствительно, чѣмъ мы далѣе отходимъ отъ 1866 года, тѣмъ болѣе замѣчаемъ упадокъ вкуса у галицкихъ «народовцевъ» во внѣшне-политическихъ дѣлахъ, и большее сосредоточиваніе вниманія на вопросахъ литературно-научныхъ и народномъ образованіи, — хотя все еще можно пожелать галицкимъ

*) См. выше: сент. 240 стр.

народовцамъ еще болѣе практическаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе независимости въ провозглашеніи ихъ идей и въ ихъ исполненіи.

Зеркаломъ нравственной жизни галицко-народной партіи служить журналъ «Правда», который съ 1866 выходилъ непрерывно до лѣта 1870 г. и потомъ, послѣ перерыва, во время котораго сотрудники его принимали участіе въ «Основѣ», возобновился съ апрѣля прошедшаго года и выходитъ ежемѣсячно небольшими книжками отъ 3 до 4-хъ листовъ печатныхъ, за весьма небольшую плату (4 гульдена въ годъ) съ эпиграфомъ изъ Шевченка: «въ свой хаті своя правда и сила и воля». «Правда» познакомила галицкую публику не только съ многими напечатанными уже въ Россіи (по-русски и по-малорусски), но и не напечатанными повѣстями малорусскихъ беллетристовъ, преимущественно рисующихъ жизнь народа на югѣ Россіи, которыя имѣютъ для Галиціи значеніе примѣровъ произведеній «натуральной школы», утвержденной въ Россіи Гоголемъ, и которая должна и въ Галиціи нанести смертельный ударъ безплодной старинной беллетристикѣ и поэзіи, представляемой виршами по истинѣ достойными временъ Симеона Полоцкаго, или недалеко отъ нихъ успѣшными поэмами на такія темы, какъ Сонъ Князя Льва, Буй-Туръ-Всеволодъ, Конюшій и т. п.¹⁾ Галицко-русской литературѣ,

¹⁾ Повѣрить ли читатель, что въ 1838 еще году галицко-русскій литераторъ напечаталъ поэму подъ такимъ заглавіемъ: „Воззрѣніе страшилища въ Пестѣ и Булѣ наступающаго мѣсяцемъ мартомъ 1838 года, во время разлитія Дуная, Симеономъ Теофіи. Лисиненкиемъ Галиціаниномъ теперь кес. корол. сожителіа Вѣденскаго питомцемъ въ Мало-Рускимъ языку (!) изображенное!“ Вотъ курьеза ради начало этой поэмы:

Тутъ прохаживащій удивляю,
На что всюду челіки суть возставленны?
Но теперь бурю си вспоминаю
Где бували здѣшніи оскорбленны.

Буря та! зломощіа причина.
Кал, осмѣ гѣтъ ужъ, когда бѣсѣла
Но есть осторожности новина
И расположенія правила.

Пусть читатель возьметъ приведенную въ „Исторіи славянскихъ литературъ“ г. Пипина выдержку изъ перваго манифеста галицкой Матицы въ 1849 г., — и онъ увидитъ тамъ точно такой же яко бы малорусскій языкъ, только еще испещренный коллизмами, — и вспомнить, что мы говорили выше о томъ, какъ галицкіе литераторы въ 1848 г. не могли и знать, что такое малорусскій и что русскій языкъ. — А вотъ выдержка изъ оды къ императору австрійскому, напечатанной въ „Вѣсткѣ русиной на обжинки“ И. Головацкаго въ 1849 г.

Що же! безсилен задумавъ я лѣти
Величественни дѣла:
Ох, радъ бы я соколомъ взлетѣти,
Проглянути ихъ чысла!

Але годѣ! Не вдашь, духу мой плѣнный,
Ген-ген! подъ солнце съ взнести,
Взрѣти сихъ дѣлъ вже бы образъ гнѣнный,
Зъ полднебесной высотѣ.

даже въ лицѣ молодыхъ писателей, много еще нужно труда, чтобы избавиться отъ стариннаго археологизма (еще недавно одинъ не старый еще писатель напечаталъ драму въ 5 актахъ «Настася», основанную на преданіи изъ исторіи Галицкой Руси изъ второй половины XII вѣка, — въ коей князья, бояре, мѣщане говорятъ длиннѣйшія и скучнѣйшія рѣчи), да при этомъ поуменьшить вообще страсть къ стихотворству и морализаціи. Самая малорусская литература изобиліемъ Маниловскаго стихокропательства, библейскимъ аллегоризмомъ, часто встрѣчающимся у Шевченка, и его же смѣшеніемъ браторства съ поэзіей, задерживаетъ отчасти развитіе литературныхъ идей галичанъ въ томъ направленіи, которое она же и внесла въ Галицію, а именно въ направленіи «живописанія быта», которое одно и можетъ быть теперь существенною задачею поэзіи.

Не мало вредить торжеству реализма въ литературѣ галичанъ еще и возрастающее вліяніе нѣмецкое, — такъ какъ и въ нѣмецкой литературѣ сильно еще злоупотребляютъ стихотворствомъ, разсужденіями въ стихахъ, а также переложеніемъ лѣтописей въ драмы. Мы думаемъ, что полезное вліяніе на галицкую беллетристику оказало бы основательное изученіе (кромѣ англійскихъ романистовъ) Гоголя, если бы они, по украинофильскому узкоглядію, не смотрѣли на него какъ на «московского» писателя, а также знакомство съ русскою литературою послѣ Гоголя. Во всякомъ случаѣ въ «Правдѣ» было не мало помѣщено разсказовъ

Не владѣла съ бутностію, ани пихота
В *Велич'ствѣ* Вашог' Престола;
С сердечностію побратала съ' простота:
Двора в томъ *Вашог'* роздѣи (?).

Дальше авторъ не только называетъ императора Франца II въ 1849 году „Вы защита всѣхъ идей!“ — но и увѣряетъ, что его „*Имя* радо вопіѣетъ“, между прочимъ и „*Талиане*“.

Вотъ нѣсколько стиховъ о „Буй-Турѣ Всеволодѣ“ изъ поэмы г. Дѣдицкаго, напечатанной въ 1860 г.:

„Той князь на Руси такъ прославился,
Такъ съ ей врагами насильно (!) бился,
И такъ Половцамъ дался во знаки,
Же щебетали о немъ и птаки!“

Не правда ли, не великъ прогрессъ со времени „Воззрѣнія Страшилища“. Замѣтимъ, что въ Галиціи поклонники и противники г. Дѣдицкаго говорятъ, что онъ подражалъ Пушкину (!), а у насъ доктринеры „Русскаго Вѣстника и Современной Лѣтописи“ ставили малорусскимъ писателямъ времени Шевченка и др. въ образецъ галицкихъ литераторовъ съ г. Дѣдицкимъ въ главѣ, воображая, что такое виршеплетство можетъ быть названо русской литературой!!

изъ народной жизни, представляющихъ уже ясныя начатки реального направленія, между которыми выдаются рассказы изъ жизни и преданій буковинскихъ г. Федьковича,—но, увы! не его драматическіе опыты, въ которыхъ даже иконы разговариваютъ! Кромѣ художественной своей стороны, такого рода рассказы имѣютъ и политическую: они знаменуютъ, что классы интеллигентныя все болѣе обращаютъ вниманіе на массу народа.

Еще болѣе видно это вниманіе въ умноженіи въ послѣдніе годы въ Галиціи книгъ для первоначальнаго образованія народнаго и чтенія, религіознаго и свѣтскаго, написанныхъ народнымъ языкомъ. Самую характерную и богатую послѣдствіями новизну въ этомъ родѣ составляютъ переводы священнаго писанія и молитвъ на чисто-народный языкъ. Еще Маркіянъ Шапкевичъ, говорятъ, работалъ надъ переводомъ евангелій на народный галицкій языкъ, но его работа не только не была напечатана, но даже такъ-было куда-то затерялась, что ее наизусть разыскали въ настоящемъ году. Въ 1869 г. «Правда» напечатала опытъ перевода «Пятикнижія» Моисея, стихотворный переводъ Іова, который вышелъ въ 1870 г. и отдѣльно, равно какъ и полный стихотворный переводъ Псалтыря. Въ 1871 же году въ Вѣнѣ былъ отпечатанъ южно-русскій переводъ четырехъ евангелистовъ. Тогда же и тамъ же напечатанъ переводъ молитвъ, спеціально приспособленный къ галицкому народу и галицкому нарѣчію южно-русскаго языка. По поводу этого послѣдняго произошла переписка между духовными властями и переводчиками, столь характерно рисующая отношенія строго-уніатскихъ клерикаловъ къ галицкому украинофильству, или народному направленію, что мы считаемъ необходимымъ привести изъ нея выдержку въ подтвержденіе сказаннаго нами выше объ этихъ отношеніяхъ.

Переводчикъ «Молитвослова» отправилъ рукопись изданія своего на разсмотрѣніе митрополита, который обѣщалъ одобрить его, если тамъ не будетъ ничего противнаго католической вѣрѣ. Но вмѣсто того ректоръ вѣнской уніатской семинаріи получилъ отъ крылошанина Малиновскаго изъ Львова слѣдующее письмо, которое мы приведемъ въ подлинникѣ, чтобъ дать возможность читателю видѣть, за какой литературный языкъ стоитъ противъ украинскаго клерикальный элементъ въ Галиціи. Вотъ письмо кр. Малиновскаго:

«Высокопріподобный господине! Изъ препорученія ихъ Высокопреосвященства зволить Ваше Впреподобіе завозвати до себе Ивана Пулюя, оукон. богослова и слыш. философін на оуниверзитетѣ Вѣденскомъ и заявити ему, изъ ихъ высокопреосвященъ-

ство не только не даютъ имени своего, но также совсемъ не соглашаются, абы написанный нимъ молитовникъ напечатался, и та рукопись по праву каноническому назначенна достала до оунічтоженія.—1) И. Пулюй поклікуеся (ссылается) на 1. Кр. XIV. 18. 19 (1 Посл. къ Коринѣ.,—въ которомъ Апостолъ говорить, что лучше въ церкви сказать пять словъ понятныхъ всѣмъ, нежели десять тысячъ чужимъ языкомъ) и думаетъ, что такъ званна оукраинщина и кулишовка суть якимось тайнымъ ключемъ, отворити разумѣніе церковного языка и церковныхъ нашихъ молитовъ и службъ, где властиво святохоронячи нашъ обрядъ потребно филологическихъ и богословскихъ толкованій словъ и положеній ¹⁾).

П) Очевисто намѣреніемъ его есть перенести агитацію для оукраинщины и кулишевки на поле церковное, а даючи при славянскомъ текстѣ переводы на такъ званну оукраинщину съ кулишевою, хоче на томъ поставити, щобы вѣрни приняли звычай по оукраински молиться (напомнимъ, что галицкое народное нарѣчіе самыми ничтожными чертами отличается отъ украинскаго, и что въ молитвенникѣ г. Пулюя, который самъ не украинецъ, а галичанинъ, переводъ сдѣланъ приблизительно къ галицкому нарѣчію,—такъ что очевидно «оукраинщина» тутъ ни при чемъ, а ихъ высокопреосвященство просто не хочетъ, чтобъ народъ понималъ молитвы и богослуженіе, и слѣдуетъ просто фарисейской и іезуитской политикѣ), то оуже иде о тое, не только сорвати съ нашою малорусскою литературою, но также съ нашими церковными книгами, съведенными на ладъ нашего малорусскаго языка, о колько то было возможно,—на корысть оукраинщины и кулишевки, которы суть нововведеніемъ безъ подстави якъ оу насъ, такъ на Оукраинѣ (итакъ, ихъ впр-ство не только открыли какую-то «Малороссію» отдѣльную отъ «Оукраины», но даже увѣряютъ, что «Оукраинщина» есть нововведеніе и на «Оукраинѣ»!) и которы еще оу насъ не оправдились, абы оуже и церковь наша гонила за пустымъ вѣтромъ.» — Въ III пунктѣ впр. крылошанинъ заботится, какъ бы старовѣры въ Россіи не соблазнились писаніемъ слова Исусъ по кулишовкѣ,—хотя они до сихъ поръ не

¹⁾ Замѣтимъ, что пока собирались высокоумные богословы на филологическія и богословскія толкованія словъ и положеній молитвъ и литургій, даже жены ихъ и вообще семьи патріотовъ русинскихъ ходили въ церкви съ польскими католическими молитвенниками,—и сама Ставропигіальная типографія еще въ 1860 году напечатала Канонъ Воскресный съ польскимъ переводомъ. Молитвенникъ, изд. г. Пулюя, есть первый образецъ польско-русскаго молитвенника въ Галиціи, — и высокоумные богословы, нападая на него за то, что онъ написанъ понятною и простолудну рѣчью,—просто помогаютъ или машинальному стоянію въ церкви, или полонизаціи русиновъ.

соблазнялись такимъ же писаніемъ у сербовъ; въ IV, спорить о переводѣ г. Пулюемъ нѣсколькихъ словъ, причемъ въ одномъ случаѣ указываетъ дѣйствительную ошибку, а въ двухъ самъ ошибается. V пунктъ гласитъ такъ: «Що ино есть сваволя на поли мирской литературы, а що ино есть церковна литература: ту оуже повиненъ Иванъ Пулуй оставити власти церковной потребное зараждати, и до толка молитовъ и служеній церковныхъ потребно священника (,) на котораго ординаріатъ спуститися може, що тою роботою совѣсно и працевито займєся, маючи страхъ передъ вѣтрєнностію и легкомыслностію.—Поручаєся зъ причини того приклада Вашему Впреподобію наблюдати на тое абы питомци наши въ тамошней семинаріи въ церковны, обрядовы предметы не мѣшали оукраинцины и кулишовки и занималися совѣсно и трудолюбиво литературою церковно-славянскою и малорусскою, якъ они изъ давна намъ переданни суть.»

Надѣмся, читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что мы заставили его прочесть десятокъ-другой строкъ, писанныхъ варварскимъ языкомъ, — такъ какъ этотъ языкъ и духъ письма впр. крылошанина, его аргументація, покажетъ ему нагляднѣе, чѣмъ всѣ наши разсужденія и разсказы, нѣкоторые стороны галицкой жизни. Онъ увидитъ, что въ борьбѣ противъ «оукраинщины» въ Галиціи вовсе не идетъ дѣло о сохраненіи единства развитія литературы и духа всѣхъ частей русскаго племени, и, думаемъ, согласится съ тѣмъ, что стремленія приверженцевъ «оукраинщины» находятся въ гораздо большемъ согласіи съ стремленіями нашего образованнаго общества и его прогрессивной литературы, чѣмъ идеи значительной части ихъ противниковъ,—а, слѣдовательно, несмотря на различіе языка, употребляемаго нашею прогрессивною литературою, когда она берется за дѣло народнаго образованія, съ языкомъ галицкой народной партіи, (какъ видимъ мы, въ письмѣ впр. крылошанина языкъ тоже не тотъ, какимъ пишемъ мы), дѣйствія этой послѣдней суть выраженія гораздо большаго единства цѣлей образованныхъ представителей всѣхъ русскихъ племенъ, чѣмъ дѣйствія представителей достойныхъ ордена иезуитовъ впр. крылошанъ, какъ бы они себя ни называли: «рутенцами», «рускими», «малоруссами» или «русскими».

Въ особенности нельзя не отнести съ сочувствіемъ къ дѣятельности устроившагося въ 1868 г. товарищества «Просвѣта». Товарищество это образовалось, по примѣру чешской «Матицы», — которая по временамъ издаетъ книги для народнаго чтенія въ 18 тысячахъ экземпляровъ. Мысль о необходимости направить

литературно-издательскую дѣятельность на приготовленіе преимущественно книгъ для народнаго чтенія и для элементарнаго образованія была поднята г. Качалой, по возвращеніи изъ Праги, гдѣ онъ познакомился нагляднѣе съ дѣятельностью чеховъ, но заявленіе этой мысли въ существующей давно уже «Матицѣ Руской» въ Львовѣ повело только къ раздражительнымъ спорамъ. Тогда явилась у нѣкоторыхъ лицъ, преимущественно «младшей» партіи, мысль объ основаніи особаго съ этою цѣлью общества «Просвѣта». Намѣстничество отказалось утвердить проектъ общества, но министерство утвердило. Товарищество начало свою дѣятельность съ большимъ тактомъ и терпимостью, — несмотря на то, что съ самаго начала встрѣтило со стороны нѣкоторыхъ лицъ весьма вызывающее обращеніе. Такъ, напр., два священника въ Львовѣ отказались отслужить въ церквахъ своихъ молебень передъ открытіемъ товарищества, и одинъ прямо сказалъ, что у него нѣтъ мѣста въ церкви для «ляхофиловъ», — упрекъ, безусловно ничѣмъ не заслуженный товариществомъ, котораго устава не захотѣло и утвердить польское намѣстничество. Вѣроятно это, по галицкимъ обстоятельствамъ очень чувствительное, оскорбленіе подало поводъ краковскому обществу «Oswiata» и львовскому «Przyjacioł oswiaty ludowej» предложить «Просвѣтѣ» соединить свою дѣятельность съ дѣятельностью польскихъ обществъ. Разумѣется, «Просвѣта» отказалась отъ этихъ предложеній, предпочитая сохранять полную самостоятельность, хотя бы и при скудныхъ средствахъ. Съ такимъ же тактомъ новое товарищество отнеслось и къ вопросамъ, раздѣляющимъ между собою русиновъ, — и показало для галицкаго общества даже удивительное безпристрастіе, заявивъ, что будетъ употреблять въ изданіяхъ для сельскихъ школъ и первоначальнаго чтенія такъ-называемую «историческую» правопись, а въ изданіяхъ научныхъ, по желанію авторовъ, историческую или фонетическую. Кромѣ того «Просвѣта» неоднократно заявляла желаніе вести дѣло изданія первоначальныхъ книгъ въ согласіи съ членами партіи «старыхъ» русиновъ, изъ коихъ г. Наумовичъ сначала и принималъ участіе въ изданіяхъ «Просвѣты». Однакожь болѣе никто изъ «старыхъ» не принялъ участія въ этихъ изданіяхъ, — и даже въ ихъ собраніяхъ товарищество обзывалось измѣнническимъ. Между тѣмъ оно сдѣлало въ короткое время и съ небольшими средствами столько для первоначальнаго народнаго чтенія и для школъ русскихъ вообще, какъ ни одно изъ старыхъ обществъ, гораздо болѣе богатыхъ, какъ, напр., «Матица», или «Институтъ Ставропигіальный», главная заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ имѣетъ рус-

скую типографію, до настоящаго года единственную во Львовѣ. Для сельскаго чтенія «Просвѣта» издаетъ, кромѣ календарей, еще небольшіе сборнички подъ названіемъ «Зоря», — какихъ съ 1869 г. выдано шесть книжекъ. Книжки эти заключаютъ житія святыхъ, болѣе чтимыхъ въ народѣ (Николая, Пантелеймона), рассказы изъ физической географіи, мѣстной исторіи и географіи, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ животныхъ, объ удобреніи, народныхъ сказки, стихи и т. п. Можно пожелать большей систематичности состава книжекъ, по крайней мѣрѣ большей послѣдовательности и связи одной съ другою въ статьяхъ научныхъ, меньше благодушества въ литературныхъ, и большей разборчивости въ выборѣ вещей изъ народной же словесности: такъ, напр., въ одной изъ книжекъ перепечатаны изъ записокъ о Южной Руси повѣрья «объ умершихъ», — рассказанныя очень хорошимъ языкомъ, однакожь гораздо болѣе умѣстныя въ этнографическомъ, чѣмъ въ педагогическомъ изданіи, потому что все-таки вѣдь это «суевѣрія», хотя бы и «не лишеныя поэзіи», но не вяжущіяся съ рассказами изъ физики и естественной исторіи. Кромѣ календарей и «Зори», «Просвѣта» издала не лишенный юмора рассказъ о приключеніяхъ пары крестьянъ на ярмаркѣ, и очень любопытную брошюру г. Качалы «Що насъ губить и що намъ помогти може?» о пьянствѣ и пропинаціи. Количество обыкновенно печатаемыхъ «Просвѣтою» экземпляровъ бываетъ 2—3000. Товарищество постепенно открываетъ въ провинціальныхъ городахъ свои отдѣленія и агенціи, и въ настоящемъ году уже имѣло 246 членовъ и болѣе 2,600 гульд. приходу, да на 4,878 гульд. книгъ. Въ этому имуществу, какъ мы видѣли, въ прошломъ году коммиссія сейма должна была прибавить и годовую субсидію въ 1000 гульд. Только бібліотека товарищества не можетъ похвалиться богатствомъ, имѣя всего 126 сочиненій. Въ распоряженіе товарищества начинаютъ поступать пожертвованія на литературныя цѣли и на стипендіи учащимся; товарищество открываетъ отъ себя подписку на стипендіи, напр. на стипендію Шевченка. Въ предѣлахъ своего предмета товарищество начинаетъ вступать и въ политику: такъ въ этомъ году оно подало министерству петицію объ учрежденіи въ львовскомъ университетѣ каведры русской исторіи (будетъ читать въ зимнемъ семестрѣ проф. Шараневичъ), объ учрежденіи третьей инспекціи народныхъ школъ, спеціально русинскихъ, и объ исполненіи распоряженія министерскаго о введеніи русскаго языка въ смѣшанные семинаріи, — и сеймовой коммиссіи о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ V-мъ классѣ львовской русской гимназіи. Для введенія въ гимназіи

преподаванія на русскомъ языкѣ товарищество «Просвѣта» оказало самыя серьезныя услуги. До сихъ поръ всякаго рода министерскія распоряженія и петиціи русинскихъ депутатовъ о введеніи русскаго языка въ гимназіи не могли принести плодовъ по той простой причинѣ, что не было русскихъ учебниковъ, такъ что, если, напр., прежде 1867 г. галицкія гимназіи не были, какъ говорится, такъ ополячены, какъ послѣ этого года, такъ это не столько потому, что онѣ были русскія, а потому, что были нѣмецкія. Поэтому нечего удивляться, что всякаго рода рекламациі русиновъ о предоставленіи имъ полныхъ гимназій не могли получать удовлетворенія, пока они не наготовили учебниковъ для этихъ гимназій. Вотъ «Просвѣта» и взялась за это дѣло,—и выдала сначала Хрестоматіи для упражненій въ русскомъ языкѣ учениковъ I—IV классовъ русской гимназіи и русскихъ учениковъ въ другихъ (Руска Читанка для низшихъ класъ среднихъ школъ. Часть I. 1871, ред. Романчука. Часть II. 1871. ред. Партицкаго), и преподаванія исторіи русинской литературы ученикамъ высшихъ классовъ, V—VIII (Руска Читанка для высшій гимназій, I—III. 1870—71; ред. Ал. Барвинскаго). Хрестоматіи состоятъ изъ отрывковъ изъ малорусскихъ писателей отъ Котляревскаго и галицкихъ отъ Марк. Шашкевича, и изъ народной южно-русской словесности, а Хрестоматіи г. Барвинскаго имѣютъ и историко-критическія примѣчанія о писателяхъ. Эти Хрестоматіи имѣютъ двойное значеніе, такъ какъ въ семействахъ учениковъ, особенно въ селахъ, они часто составляютъ единственное чтеніе, и особенно для женщинъ. Въ послѣднихъ своихъ собраніяхъ комитетъ «Просвѣты» объявилъ, что онъ уже имѣетъ оригинальные и переводные курсы ариѳметики, геометріи, географіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, физики, грамматики отечественной, греческой и нѣмецкой, исторіи всеобщей, частію уже одобренныхъ школьнымъ совѣтомъ (18 книгъ), частію представленныхъ или долженствующихъ быть представленными къ одобренію.

Рядомъ съ изданіями «Просвѣты» для сельскаго чтенія надо помянуть изданія, которыя почти всецѣло принадлежатъ одному человеку, сначала также принимавшему участіе въ изданіяхъ «Просвѣты», но теперь, кажется, совершенно удалившемуся отъ общества. Лицо это—г. Наумовичъ, который издаетъ въ маленькомъ городѣ Коломыѣ народную газету «Русская Рада», выходящую въ мѣсяцъ два раза, нумерами въ 1 небольшой печатный листъ (цѣна 3 гульд. въ годъ), и ежемѣсячный журналъ «Наука» въ три печатныхъ листа (ц. 4 г. въ годъ), и кромѣ того обѣщаетъ выдать въ годъ шесть небольшихъ книжечекъ, подъ назва-

ніемъ «Читальня» (1 г. 50 кр.). Такимъ образомъ, — въ особенности, если взять во вниманіе, что г. Наумовичъ не разъ уже принимался за изданіе народныхъ журналовъ, — надо сказать, что не только никакое другое лицо, но и никакое другое учрежденіе и общество въ Галиціи не работаетъ столько для популярной литературы, какъ г. Наумовичъ, — съ которымъ теперь раздѣляютъ труды г. Бѣлоусъ, хотя и находится въ почетномъ изгнаніи, директоромъ гимназій въ чисто-польской Бохнѣ. Вообще, г. Наумовичъ — одна изъ самыхъ энергическихъ и талантливыхъ личностей русскаго общества въ Галиціи, — и нельзя не найти счастливою его мысль написать свою автобіографію, которую онъ началъ печатать въ «Науѣ» и съ которою въ свое время можетъ познакомиться и наше общество. Г. Наумовичъ вышелъ изъ бѣдности (какъ и г. Бѣлоусъ), прошелъ черезъ нищету самую крайнюю, живетъ и до сихъ поръ въ бѣдности, какъ сельскій священникъ (только этимъ лѣтомъ онъ получилъ приходъ, который, кажется, обезпечитъ ему безбѣдное существованіе), — но въ теченіе всей своей жизни не переставалъ самымъ усерднымъ образомъ работать, преимущественно на пользу сельскаго люда, какъ священникъ, депутатъ въ сеймѣ, издатель самыхъ разнообразныхъ статей и газетъ, организаторъ хозяйственныхъ обществъ, подаватель совѣтовъ и т. п. И, — что, признаемся довольно рѣдко въ краѣ, гдѣ система семинарскаго воспитанія забивала, а не развивала людей, — во всемъ, что дѣлалъ и писалъ г. Наумовичъ, видно не только усердіе, но и талантъ, который чувствуется и въ самомъ лицѣ его, весьма интеллигентномъ, и въ языкѣ, которымъ онъ пишетъ. Но именно, въ виду несомнѣнной талантливости, энергіи, горячей любви къ народу и безкорыстія г. Наумовича, становится тѣмъ болѣе досадно за ту школу, которую пропелъ онъ и которая заковала его міросозерцаніе въ узкія рамки семинарщины.

Философія всѣхъ помянутыхъ изданій г. Наумовича весьма несложна. Въ религіозномъ и національномъ отношеніи о. Наумовичъ высказывается самымъ отъявленнымъ фанатикомъ: жида и поляки у него — прежде всего враги русской вѣры, потомъ народности, и наконецъ эконоимическіе эксплуататоры (противъ сего послѣдняго, конечно, никто и спорить не станетъ). Когда читаешь у г. Наумовича его рѣзкихъ фразъ противъ жидаевъ, какъ нехристей, то какъ-то странно становится вдругъ встрѣтить въ извѣстіяхъ его газеты слова: «какіе-то бездушники» зарѣзали семейство еврея-пинкаря такого-то, и затѣмъ восклицаніе: «Господи! чего только не дѣлается на свѣтѣ». Возростаніе числа пре-

ступлений г. Наумовичъ объясняетъ дозволеніемъ торга въ праздничные дни; по его словамъ, въ Англіи оттого и цивилизація и благосостояніе стоятъ высоко, что въ праздничные дни закрыты и лавки, и театры и т. п. Онъ объявляетъ даже, что свобода въроисповѣданія введена въ Галиціи преждевременно, и чуть ли не желаетъ предоставленія духовенству судебно-распорядительныхъ правъ. Плохое положеніе, въ которомъ теперь находится народъ галицкій, о. Наумовичъ объясняетъ тѣмъ, что «мы правдивыхъ добродѣлей панъ-отцевъ не слушаемъ», — хотя самъ же не разъ говоритъ о такихъ панъ-отцахъ, которые держатъ сторону помещиковъ-поляковъ и думаютъ больше о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о русскомъ народѣ и народности. Часто поставляя русскому народу въ примѣръ нѣмецкихъ колонистовъ, г. Наумовичъ на первый планъ выдвигаетъ то обстоятельство, что колонисты, первое дѣло (?), назначаютъ хорошее жалованье пастору. Само собою разумѣется, что о «владыкахъ» и «митрополитѣ» г. Наумовичъ говоритъ, какъ объ истинныхъ святыхъ отцахъ народа, хотя послѣдніе владыки галиціе въ этомъ отношеніи очень сомнительны. Изданное въ Вѣнѣ евангеліе на народномъ языкѣ не нравится журналу г. Наумовича, который говоритъ, что для такого дѣла надо епископа, что издатели перевода поступаютъ какъ «лютры и кальвины», а потому переводъ ихъ «цѣлкомъ еретиченъ» и «клять», и кто его купилъ, долженъ съечь и т. д. Въ рѣчи о полякахъ у г. Наумовича видно не только совершенно справедливое негодованіе на непризнаніе ими правъ русскаго народа и народности, но, и принципиальное отрицаніе правъ поляковъ и ихъ національныхъ стремленій, доходящее до одобренія нѣмецкой централистической партіи, тѣмъ болѣе страннаго, что самъ же онъ передаетъ факты, какъ не добромъ ложилось на русскій народъ и господство нѣмцевъ въ прежней Австріи. Мы, конечно, не станемъ отрицать, что гражданская борьба и защита русскаго народа въ Галиціи противъ давящихъ его поляковъ и жидовъ составляетъ обязанность русскаго патріота, и что возбужденіе въ тамошнихъ массахъ народнаго и національнаго самосознанія есть первая основа для возбужденія въ народѣ стремленія къ самоорганизациіи съ цѣлью самозащиты, — но только эту гражданскую борьбу надо бы вести, для избѣжанія упрековъ въ такой же несправедливости, въ какой мы обвиняемъ поляковъ и жидовъ, подъ другими, болѣе «человѣческими» знаменами, чѣмъ религіозный и національный фанатизмъ. Этотъ фанатизмъ тѣмъ болѣе неудобенъ, что вѣдь такъ или иначе, а русскому народу въ Галиціи все же придется вести дѣло и жить съ инновѣ-

цами и людьми другой національности; притомъ же факты, которые приводятся въ самыхъ же изданіяхъ г. Наумовича, — напр. сочувственный его полезной практической дѣятельности адресъ, подписанный и «латинцами», какъ и русскими поселянами и мѣщанами, показываютъ, что согласное житіе и работа для народа и человѣка возможна въ Галиціи и для людей разныхъ вѣръ и національностей, — и потому, защищая человѣческія права русскаго народа и народности, не лучше ли стараться ослаблять національныя и религіозныя ненависти, чѣмъ усиливать ихъ? Мы понимаемъ также, что при конституціонной борьбѣ необходимо входить въ соглашенія съ разными политическими силами, но нѣтъ никакой надобности, въ конституціонномъ государствѣ, безсловно полагаться на кого бы то ни было, и наоборотъ, необходимо возбуждать въ народѣ идею самоуваженія и независимости, а потому тотъ языкъ, какимъ говорятъ изданія г. Наумовича о вѣнскихъ высокихъ сферахъ, кажется намъ болѣе идолопоклонническимъ, чѣмъ политическимъ; надежды же на нѣмецкіе централистическіе элементы и министерства пора бы уже давно бросить серьезнымъ галицкимъ патріотамъ, въ особенности такимъ, какъ г. Наумовичъ. Этотъ идолопоклонническій языкъ и эти надежды тѣмъ болѣе странны, чѣмъ чаще въ Австріи мѣняются вѣтры въ высокихъ сферахъ и падаютъ министерства, — изъ коихъ каждое навязывается и коронѣ свои идеи и планы. Благодаря этому, г. Наумовичу приходится такъ часто противорѣчить себѣ, что посторонній наблюдатель долженъ заподозрить его или въ недогадливости, или въ неискренности, — такъ какъ въ одномъ номерѣ читаемъ, что «найсвѣтлѣйшій монарха, нашъ батько, — щоби въ здоровлю та щастю панували многая лѣтъ, — растягнули свою доброту» и «рады всѣ народы участливѣти», для чего и дали нынѣ дѣйствующую конституцію (которая однакожъ не очень-то благоприятна русскому народу); то черезъ два-три номера читаемъ, что «найсвѣтлѣйшій монарха хотать» утвердить польскую резолюцію, еще болѣе невыгодную для русиновъ.

Отношенія изданій г. Наумовича къ русской народности и землѣ, въ настоящемъ и прошломъ, весьма наивны, равно какъ и его философія русской исторіи, а слѣдовательно и политическіе идеалы, которые онъ проповѣдуетъ галицкому народу. «Наша земля самая лучшая въ свѣтѣ» — на эту фразу то-и-дѣло натыкаешься въ изданіяхъ г. Наумовича. Вотъ, напр., начало одной изъ статей «Русской Рады»: «Колись мы були славнымъ народомъ (въ другомъ мѣстѣ — «самымъ сильнымъ народомъ въ свѣтѣ») и не було богатшого краю, якъ нашъ русскій край. За

у пшеничку, за наше житце, за наши воли плыло давными ми золото и сребро до насъ зъ цѣлого свѣта. Оу князей ихъ, оу боярь (газета г. Наумовича печатается пополамъ ровнымъ шрифтомъ, пополамъ гражданкою) нашихъ были мѣреннѣ богатства и люде наши не были бѣднѣ, бо хоть ю бывало, но каждый русинъ бувъ тогда якъ не купецъ, земледѣльцемъ, а земля русска така, що въ свѣтѣ ровной ей а. Теперь свѣтъ перевернулся. Тамтѣ народы збогатѣли, а збѣднѣли. Чому мы збѣднѣли? Бо земля наша русска оупала въ Польшу, а Польша знала, що Русь велика и красна, такъ з нею робити? Треба ю спольщити. И таке зробилося, що звали на боярь русскихъ есендзовъ, іезуитовъ... Такъ нашъ скій народъ теперь не має своихъ пановъ, а чужихъ, що его языкомъ говорятъ, а брыдаются его языка, що не таки итвы мовлять онъ, а свои окремнѣ, що вразъ з нимъ не тѣ до церкви, вразъ зъ нимъ не святкують свята, що зъ нашего русскаго краю не дивляться на Русь, но на Варшаву, а и бы, щобы зъ Руси зробилася Польша, що бы русское ямо и русскій языкъ перейшовъ на польскій. Инакше оу тихъ народовъ, и для того други народы щастливѣ, бо тамъ панъ, и мужикъ, и мѣщанинъ, и ремѣсникъ все якъ Нѣмцѣ, Нѣмцѣ, якъ Чехи, то Чехи (?), якъ Италіане, то Италіане, Французы, то Французы...» Не думая нисколько отрицать, какъ удобно, для развитія въ высшихъ классахъ партіи съ общенароднымъ направленіемъ такое національное и религіозное различіе, кое существуетъ между аристократіей и народомъ въ Галиціи, все же нельзя не улыбнуться, читая эти наивныя строки. Какой водъ примѣнительно къ политикѣ можетъ вывести послушный гатель газеты г. Наумовича, а особливо галицкій селянинъ?—ъ, что для возстановленія утеряннаго рая надо откуда-нибудь брать пановъ въ Галиціи, которые бы праздновали одно «свято» русскимъ народомъ? Только гдѣ-жъ ихъ взять? А если негдѣ, не поискать ли другихъ средствъ для улучшенія положенія рода русскаго, чѣмъ сѣтованія о тѣхъ временахъ, когда русинъ князьямъ и боярамъ плыло золото, если только точно плыло ю когда-нибудь въ такомъ количествѣ, какъ мерещится г. Наумовичу.

Мы уже говорили, что г. Наумовичъ въ 1867 г. присоединился къ тѣмъ изъ «старыхъ» русиновъ, которые сочли политичнымъ, для противудѣйствія усиленію поляковъ въ Галиціи, вратиться въ Россіи. Разумѣется, что въ своихъ изданіяхъ Наумовичъ охотно рассказываетъ галицкому народу о Россіи.

Но разумѣется, что выборъ предметовъ для этихъ разсказовъ, а равно и общій характеръ отношенія г. Наумовича къ Россіи вполне соответствуетъ характеру выписанныхъ выше строкъ. Такъ г. Наумовичъ объявляетъ, что какъ «великъ русскій народъ, такъ велики и его колокола», и восторженно говорить о московскихъ колоколахъ. Такъ какъ Россія имѣетъ и теперь русскихъ бояръ, то она изображается г. Наумовичемъ такими же райскими красками, какъ и древняя галицкая Русь, даже безъ прибавленія словъ: «всяко бываетъ». «Въ Россіи,—по словамъ г. Наумовича,—и вельможи, и селяне, и солдаты живутъ, какъ братья»; русскую крестьянскую избу г. Наумовичъ описываетъ, какъ нѣчто лучшее, чѣмъ даже сельскіе дома фермеровъ въ Англіи или крестьянъ-собственниковъ въ Норвегіи. «Отъ ябьсите заѣхали въ Россію,—говоритъ одна статья въ «Наука»,—и ябьсите пустилися въ край глубше, то чѣмъ близше до Москвы, тѣмъ богатшій народъ и села дуже красні и богаті. Хаты великі, выгодні, а що деревянни,—то теплі, бо тамъ красный край и лѣса достаткомъ и тамъ нема жидовъ, а вся торговля, всѣ маети суть въ рукахъ народа. Въ хатахъ въ серединѣ тамъ такъ, якъ у насъ въ паньскихъ повояхъ, особенно суть тамъ прекрасні образа вызолочовані, и каждый, кто вступитъ до хаты, закимъ еще поздоровитъ домашнихъ, на передъ поклоняется образамъ. Що край, то обычай».

Что край,—то обычай! скажемъ и мы. У насъ, напр., всякій, кто прочитаетъ эти строки въ журналѣ г. Наумовича, разсмѣется и воскликнетъ: «дай Богъ намъ устами галицкаго писателя медъ пить!» У насъ врядъ ли кто пойметъ, для чего могутъ быть нужны и полезны такого рода описанія, не соответствующія дѣйствительности нигдѣ, а особенно въ странѣ, гдѣ большинство сельского люда живетъ въ курныхъ избахъ.

Если мы прибавимъ къ помянутымъ чертамъ писаній г. Наумовича еще весьма наивное восхваленіе «своихъ»,—то исчерпаемъ почти всѣ черты «старосвѣтскости» этихъ писаній, общія большинству галицкой литературы. Но если такимъ образомъ философская сторона изданій г. Наумовича въ нашемъ читателѣ, воспитанномъ въ идеяхъ нашего времени, можетъ возбудить только улыбку, а галицкому народу мало даетъ идей, которыхъ бы и онъ самъ не имѣлъ по преданію, мало способна дать твердыя руководящія начала политикѣ народной,—то аналитическая сторона писаній г. Наумовича не можетъ не возбуждать интереса и сочувствія, не можетъ не приносить пользы народу. Тѣ сельско-хвойственныя наставленія (медицина г. Наумовича,

впрочемъ, страдаетъ гомеопатіей), разсужденія о иннеахъ, о гіпокахъ, читальняхъ, кассахъ, выборахъ и т. п. практическихъ нуждахъ народа, осмѣяніе и обличеніе пьянства, лѣни и другихъ пороковъ, заѣдающихъ нашего крестьянина, хроника замѣчательныхъ случаевъ въ жизни края и народа,—все это излагается у г. Наумовича живо (можно возразить развѣ противъ злоупотребленія діалогической формой) и должно приносить не малую пользу народу. То же надѣ сказать и о статьяхъ, популяризирующихъ свѣдѣнія изъ географіи, исторіи (гдѣ, впрочемъ, можно бы поменьше говорить о разныхъ князьяхъ и князькахъ) и даже изъ церковной исторіи и житій святыхъ. Отдѣлъ корреспонденціи, въ коей попадаются и поздравительственные стихи, присылаемые г. Наумовичу его подписчиками-крестьянами и мѣщанами, показываетъ, что между издателемъ и его публикою существуетъ живая связь и взаимное сочувствіе, которое облегчается, быть можетъ, и тѣмъ, что по основнымъ началамъ міровоззрѣнія издатель самъ не очень высоко стоитъ надъ своею публикою. Живости и вліянію журналовъ г. Наумовича способствуетъ живость языка, который у г. Наумовича почти чисто мѣстный народный, чуть кое-гдѣ тронутый церковно-славянизмами, полонизмами и латинизмами. Вообще, языкъ изданій г. Наумовича, именно по своей близости къ народному, одна изъ самыхъ русскихъ, чистыхъ и живыхъ рѣчей, какія мы встрѣчаемъ въ галицкой литературѣ. То же надѣ сказать и о складѣ стихотвореній, принадлежащихъ какъ лично г. Наумовичу (который написалъ даже нѣчто въ родѣ поэмы въ обличеніе пьянства), такъ и его крестьянамъ-корреспондентамъ: эти стихотворенія не Богъ знаетъ какого высокаго поэтического значенія, но, по крайней мѣрѣ, они удобопонятны и чужды той мертвечины и риторического безобразія, какимъ отличается галицкая лирика и эпика, особенно недавно-прошедшаго времени,—благодаря именно своей близости къ народнымъ пѣснямъ и полународнымъ виршамъ. Вообще, какъ въ языкѣ изданій г. Наумовича, такъ и въ приемахъ стихотвореній его и его сотрудниковъ и корреспондентовъ, видно, что, volens-polens, сознательно или безсознательно,—они подчинились вліянію такъ-называемой «хлопоманіи», вліянію Шевченка и другихъ малорусскихъ писателей,—благодаря чему на практикѣ г. Наумовичъ и его сотрудники являются «народовцами» и укрainофилами, часто даже въ большей степени, чѣмъ тѣ, кто самъ себя причисляетъ къ этому направленію, хотя въ теоріи г. Наумовичъ и принадлежитъ скорѣе къ «старой» клерикальной, чѣмъ къ новой, народной партіи. Фактъ очень любо-

пытный, который показывасть, какъ практическая дѣятельность для народа и сила естественныхъ законовъ развитія общественнаго и литературнаго, подъ вліяніемъ демократическихъ идей времени, дѣласть все болѣе и болѣе невозможнымъ для живыхъ людей вѣрность мертвому «рутенизму» старой галицкой партіи, какія бы онѣ формы ни принималъ.

Мы знаемъ, что найдутся у насъ люди, которые именно въ энергіи товарищества «Просвѣта», въ какіе-нибудь три года приготовившаго курсы для гимназій и учительскихъ семинарій, дѣло, на которое не собрались галицкіе дѣятели стараго поколѣнія съ самаго 1848 г., — усмотрять основанія къ осужденію этого товарищества. Они скажутъ, что товарищество работаетъ надъ раздѣленіемъ литературы русскихъ племенъ, приготовляя книги не только для элементарнаго образованія и чтенія простолюдиновъ, но и для получающихъ среднее и высшее образованіе, книгъ особымъ отъ тѣхъ, какія употребляются у насъ въ Россіи, — а по особенному родству народа и языка галицкаго съ нашимъ южно-русскимъ населеніемъ, уготовляетъ такимъ образомъ литературный «сепаратизмъ» не только для галицко-русскаго, но и для южно-русскаго населенія вообще. У насъ кромѣ людей, безусловно неодобряющихъ всякую попытку писать иначе, какъ на господствующемъ въ Россіи литературномъ нарѣчій, есть и такіе, которые дозволяютъ писать на разныхъ русскихъ нарѣчій стихи, повѣсти, пожалуй даже книги для сельскаго чтенія, — но не дальше. Такъ, напр., во время пресловутаго спора о галицкой и украинской словесности, г. Вл. Ламанскій, который вообще не одобряетъ слишкомъ строгаго великорусскаго централизма въ литературѣ, высказался за необходимость и пользу особой малорусской, а особенно галицкой словесности, но въ то же время высказалъ (въ газ. «День» 1862 г.), что языкомъ высшаго образованія въ Галиціи «можетъ и долженъ быть только нашъ литературный языкъ».

Чтобъ уяснить себѣ правильную точку зрѣнія на пользу или вредъ дѣятельности галицкихъ писателей по части заготовленія популярныхъ и учебныхъ книгъ, мы должны оставить всякія апріорныя воззрѣнія и посмотрѣть на дѣло прежде всего съ точки зрѣнія интересовъ галицкаго общества и народа въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они находятся теперь. Посмотрѣвъ же на это общество и этотъ народъ, мы прежде всего увидимъ, что въ Галиціи ни народъ, ни общество не могутъ относиться къ нашему литературному языку, какъ къ родному, по той простой причинѣ, что они не участвовали въ выработкѣ его, не слышали его

и не слышать въ обыденной жизни: Галиція отдѣлилась отъ насъ раньше, чѣмъ образовался нашъ литературный языкъ, — и при этомъ преимущественно на подкладѣ нарѣчія великорусскаго (мы считаемъ основателями литературнаго языка Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина, — Гоголь былъ реформаторомъ направленія нашей литературы, но не учителемъ языка). Въ Европѣ это не единственный примѣръ: голландцы, по ученой этнографической классификаціи, причисляются къ ниже-нѣмецкому племени, однакожъ никто не видитъ неестественнаго, что у нихъ въ школахъ учать не на нарѣчіи Шиллера и Гете, на которомъ учать въ нижней Германіи. Что массу народа въ Галиціи невозможно съ успѣхомъ учить по книгамъ, по какимъ учать во Владимірской губерніи, это въ Галиціи сознають и высказываютъ и тѣ, кто утверждаетъ необходимость литературнаго единства съ Россіей. Объ этомъ въ Галиціи и не спорять. Значить, и мы можемъ считать вопросъ о книгахъ на галицкомъ народномъ нарѣчьи для первоначальнаго народнаго образованія и чтенія съ галицкой точки зрѣнія порѣшеннымъ, а другой точки зрѣнія мы и не имѣемъ права имѣть на галицкія, все-таки чужія намъ дѣла.

Перейдемъ теперь къ учебникамъ для среднихъ и высшихъ школъ. Изъ примѣровъ, какъ пишутъ даже тѣ галицкіе писатели, которыхъ у насъ и въ Галиціи считаютъ москвофилами, видно, что и въ стоящемъ выше простолюдиновъ обществѣ Галиціи не умѣютъ говорить и писать на нашемъ литературномъ языкѣ, — а это уже одно дѣлаетъ тамъ обученіе по нашимъ учебникамъ по меньшей мѣрѣ затруднительнымъ. Къ этому надо прибавить, что мѣстныя обстоятельства, цѣли и уставы школъ у насъ и въ Австріи настолько имѣютъ отличій, что и по содержанию нельзя было бы безъ измѣненій преподавать въ Галиціи по тѣмъ же учебникамъ, по какимъ преподають у насъ. Вѣдь не намъ же составлять учебники для Галиціи, — а предоставивъ это дѣло галицкимъ литераторамъ и педагогамъ, надо быть готову, что тѣ изъ нихъ, которые по языку постараются наиболѣе приблизиться къ нашему литературному, напишутъ такъ, какъ написанъ «Буй-Туръ-Всеволодъ», т. е. напишутъ языкомъ и не нашимъ, и въ то же время все-таки далекимъ отъ ежедневнаго галицкаго. Кто-жъ при этомъ останется въ выигрышѣ? — Слѣдуетъ прибавить, что ни австрійское центральное правительство, ни галицко-польское мѣстное не позволятъ преподаванія въ галицкихъ школахъ по нашимъ учебникамъ, — а, слѣдовательно, кто противъ мѣстныхъ галицкихъ учебниковъ, тотъ просто желаетъ, чтобъ галицко-русское юношество учили не иначе, какъ по польскимъ и нѣмецкимъ книгамъ, —

впредь, пока Галицію не завоюетъ Россія,—а этого скоро не предвидится. Но желанный ли это результатъ для того, кто хочетъ возрожденія русскаго элемента въ Галиціи даже въ видахъ единенія русскихъ племенъ въ Австріи и въ Россіи? Не болѣе ли согласно съ видами этого возрожденія и даже единенія, если группа мѣстныхъ галицко-русскихъ дѣятелей задается мыслію составить учебники на языкѣ, наиболѣе подходящемъ къ языку массы галицко-русскаго народа, который не можетъ же не быть признанъ русскимъ, въ особенности со стороны того, кто говоритъ о близости между всѣми частями русскаго племени,—и еще подъ вліяніемъ нашего украинскаго языка и языка украинскихъ писателей, еще болѣе родственнаго и нашему литературному,—по идеямъ нашихъ украинскихъ писателей, которые все-таки—порожденіе нашего процесса общественнаго развитія? Что бы ни было въ будущемъ,—а въ настоящее время мы считаемъ, что даже съ самой строгой «москвофильской» точки зрѣнія, члены товарищества «Просвѣта» дѣлаютъ достойное благодарности всѣхъ русскихъ племенъ дѣло, если задались мыслію составить учебники для Галиціи въ наиболѣе приноровленной къ мѣстнымъ условіямъ формѣ и на языкѣ, наиболѣе приближенномъ къ мѣстному народному языку. Сольются ли литературы въ Россіи и у русскихъ въ Австріи въ одну, или галичане останутся въ такомъ отношеніи къ Россіи, какъ голландцы къ Германіи, или жизнь породитъ какое-нибудь третье явленіе,—но по инициативѣ товарищества «Просвѣта» мы будемъ имѣть въ Галиціи народъ и общество образованное, и образованное по-своему, т.-е. по-русски,—а это самое главное, какъ съ гуманной, такъ и съ русской точки зрѣнія.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сочиненія Шевченка и друзей его возбудили и въ Галиціи тотъ энтузіазмъ къ простонародью, который у насъ соотвѣтствовалъ времени проектовъ объ эманципации крестьянъ, и ту оппозицію противъ польскихъ притязаній съ чисто народной, а не «исторической» только точки зрѣнія, оппозицію, которой смыслъ потомъ затемнился въ наступившіи послѣ времена «обрусенія». А безъ энтузіазма къ народнымъ массамъ, безъ радикальнаго отрицанія принципа «историческаго», т.-е. завоевательнаго, права въ народныхъ отношеніяхъ, какую бы почву имѣлъ русскій патріотизмъ въ Галиціи? Сначала въ спорахъ съ поляками, а потомъ съ своими «рутенцами» разныхъ оттѣнковъ, галицкіе литераторы народнаго направленія обратились за данными о языкѣ, бытѣ и исторіи галицкаго и южно-русскаго народа вообще къ литературѣ и наукѣ въ Россіи,—и нашли ихъ писанными не только на общемъ въ Россіи литера-

турномъ языкѣ, но и въ сочиненіяхъ даже не малоруссовъ по рожденію. Съ 1862 г., въ галицкихъ журналахъ, а особенно съ 1867 г. въ «Правдѣ», мы находимъ перепечатки и переводы или резюме статей не только гг. Костомарова, Максимовича, Котляревскаго, Кулиша, но и гг. П. Лавровскаго, Даля, Гильфердинга, Ешевскаго, Кавелина, Пыпина, Стасова, статей изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Отеч. Записокъ», «Вѣстн. Европы» и т. п. Галицкіе народовцы полемизировали, иногда далеко не съ большимъ достоинствомъ, «съ несытою Москвою», — а въ то же время нашли въ Россіи научныя работы по филологіи и исторіи, произведенныя по правиламъ европейской науки, а не по приѣмамъ временъ Мелетія Смотрицкаго, ни той науки, которая, какъ флюгеръ, извивается сообразно дуновеніямъ въ сферахъ министерствъ и кардинальскихъ канцелярій. И, volens-nolens, галицкіе литераторы народной партіи должны отдать справедливость этой наукѣ въ Россіи. Будучи недовольны тѣми перепечатками изъ нашей литературы, которыми ихъ кормили «Слово» и «Боянъ», — молодые литераторы галицкіе стали искать въ Россіи болѣе живой литературы, — и первый опытъ перевода въ «Правдѣ» одного изъ разсказовъ Щедрина («Два Генерала») такъ понравился въ Галиціи, что внесенъ даже въ хрестоматію. Слыша въ послѣднее время въ Вѣнѣ и Львовѣ толки о единствѣ литературы не только во всѣхъ вѣтвяхъ русскаго племени, но и даже во всемъ славянствѣ, и не видя подъ рукою ниже одной порядочной книжки «россійской» (г. Боборыкинъ года полтора назадъ разсказывалъ, какъ онъ въ Вѣнѣ, думая удовлетворить желанію не только чешскихъ, но и галицкихъ студентовъ кружка «Русская Основа», выучиться читать по-русски и ознакомиться съ русскою литературой, не нашелъ ниже одной книжки изъ сочиненій сколько-нибудь читаемыхъ въ Россіи авторовъ), товарищество галицкихъ студентовъ въ Вѣнѣ «Сѣчь», — кружокъ народовцевъ, — озаботилось приобрести нѣсколько сочиненій, которыя бы могли дать свѣдѣнія какъ о Малороссіи, такъ и о Россіи вообще, и образцы книгъ для элементарнаго образованія въ Россіи, которыя бы могли быть приняты при составленіи подобныхъ книгъ и для галицкаго народа, которое желаетъ взять на себя молодежь «Сѣчи». Товарищество приобрѣло въ 1871 г. монографіи г. Костомарова, труды по исторіи юго-западной Россіи кievской археографической комиссіи, исторію славянскихъ литературъ г. Пыпина, «Новѣйшую русскую литературу» г. Водовозова, сочиненія Гоголя, Тургенева, «Отечественновѣдніе» г. Семенова, «Родное Слово» Ушинскаго, книгу для первоначальнаго чтенія г. Водовозова, «Нашъ Другъ»

и «Русскую народную школу» бар. Корфа, «Русскую Грамоту» г. В. Добровольскаго. Представляя общему собранію членовъ «Сѣчи» отчетъ о приобрѣтеніи поименованныхъ книгъ, распорядитель отъ имени комитета сказалъ, что комитетъ руководствовался стремленіемъ «прійти къ болѣе широкому взгляду на отношенія между людьми, принадлежащими къ разнымъ общественнымъ группамъ, такъ запутаннымъ невѣжествомъ и фанатизмомъ, и дѣйствовать изъ желанія узнать и уважать честныхъ и просвѣщенныхъ людей въ Россіи и ея прогрессивную словесность, а не ту, которую намъ выдаютъ за русскую и которой не хочется знать Россіи». Собраніе «признало важность и для галичанъ» такой словесности и журналистики, которая дѣйствительно представляетъ лучшія стремленія общества въ Россіи, — и въ настоящее время, едва ли въ какомъ-либо славянскомъ кружкѣ молодежи въ Австріи есть такая обильная коллекція книгъ, напечатанныхъ въ Россіи и о Россіи, какую имѣетъ товарищество, носящее столь «неблагонамѣренное» названіе, какъ «Сѣчь».

Болѣе близкое знакомство съ нашею литературою и журналикою, съ тѣми газетами, которыя представляютъ собою Россію, желающую трудиться надъ своимъ развитіемъ, а не пожинать лавры Марса, исполняя разныя фантастическія миссіи, — произвело уже и теперь полезное вліяніе на отношенія въ Россіи среди галицкой народной партіи. Въ новыхъ своихъ №№ «Правда» смѣется надъ тѣми польскими изданіями, которыя желаютъ возбуждать галичанъ противъ Россіи, надъ тѣми пропагандистами, которыя рассказываютъ мазурамъ, будто бы «москали съ однимъ глазомъ и бѣдятъ живыхъ дѣтей» (галицкій авторъ говоритъ, что онъ самъ часто слышалъ подобныя вещи, и разъ даже отъ одного бернардина), — и высказываетъ, что нѣтъ ничего болѣе гибельнаго для Австріи и въ особенности для населенія Галиціи, польскаго и русскаго, какъ возбужденіе вражды противъ Россіи.

Взаимное знакомство между нами и нашими соплеменниками, распространеніе въ Галиціи свѣдѣній о нашей литературѣ, несомнѣнно повліяетъ полезно на уменьшеніе разногласій между тамошними партіями даже по вопросу объ отношеніи литературы русской, малорусской и галицко-русской: тѣ, которые стоятъ за особую литературу галицко-малорусскую, увидѣли бы, что болѣшая часть литературныхъ продуктовъ въ Россіи теперь по праву, а не вслѣдствіе какого-то давленія, являются общими сѣверу и югу Россіи, потому что выражаютъ собою типы, идеи и интересы общіе всѣмъ племенамъ въ Россіи, и что эта общая въ Россіи

литература, въ лицѣ своихъ наиболѣе характерныхъ представителей, всегда сочувственно относилась къ развитію мѣстной словесности, какъ проявленію жизненныхъ потребностей искусства и педагогики, тамъ, гдѣ они не могутъ быть удовлетворены общою въ Россіи литературой, — что тѣмъ паче имѣетъ значеніе для Галиціи, какъ страны, не жившей съ нами общою политико-культурною жизнью. Съ другой стороны тѣ, кто стоитъ въ Галиціи за единство литературы съ Россіей и кто тамъ возлагаетъ надежды на Россію, увидятъ, что стремленія нашей литературы и приемы нашего искусства, какъ обще-русскаго (Гоголь, Тургеневъ и т. д.), такъ и специально великорусскаго (Островскій) и малорусскаго (Шевченко), не имѣютъ ничего общаго съ стремленіями и приемами временъ Симеона Полоцкаго; что издѣлія въ родѣ «Буй-Тура-Всеволода», «Ровсоляны» и т. п. могутъ найти себѣ у насъ аналогію развѣ въ «Битвѣ русскихъ съ кабардинцами»; что для дружбы съ нами не требуется безразличное восхваленіе и того, отъ чего мы сами желаемъ избавиться, и что поддержка заграничными похвалами и симпатіями разнаго рода нашихъ отсталыхъ идей и элементовъ въ обществѣ нашемъ только возбуждаетъ въ лучшихъ представителяхъ его антипатію и къ нашимъ соплеменникамъ, и что поклоняясь идеямъ и элементамъ «старой» Россіи, наши соплеменники оказываютъ дурную услугу и намъ и самимъ себѣ, — такъ какъ оказать имъ хоть нравственную помощь можетъ только Россія развивающаяся, а не застоявшаяся. Мы думаемъ, что узнавъ истинныя стремленія русской литературы, хоть дѣйствительно искренняя часть и теперешней партіи русскаго единства въ Галиціи обратится къ работѣ надъ своимъ народомъ, воспроизводя его быть въ искусствѣ, приближая къ его быту и потребностямъ науку, — и образуетъ другую фракцію народной партіи, — если обѣ не сойдутся на разумномъ компромиссѣ, — предоставивъ не-исправимымъ обскурантамъ и мертворожденнымъ «рутенцамъ» «погребать своихъ мертвецовъ».

Такимъ образомъ, вслѣдствіе взаимнаго обмѣна мыслей и взаимнаго ознакомленія между разными частями и партіями въ мірѣ русскихъ племенъ можетъ, мы думаемъ, очень легко выработаться единство идей и цѣлей, — служба русскому народу, его просвѣщенію, богатству и свободному внутреннему развитію, — а вѣдь только такого рода единство и существенно и желательно. Стремиться же къ единообразію всѣхъ формъ жизни и средствъ дѣятельности свойственно только ограниченнымъ натурамъ, шедринскимъ Угрюмъ-Бурчеевымъ, — но вѣдь люди такого рода мо-

гуть не объединять, а только разрушать, и чрезъ то еще больше разъединять ¹⁾.

¹⁾ Въ первой статьѣ нашей упомянуто было о помѣщеніи, въ галицкомъ изданіи, повѣсти г. Тургенева „Жидъ“. Считаемо не лишнимъ дополнить сдѣланное нами замѣчаніе другими фактами. Въ недавнее время „Слово“ напечатало въ своихъ фельетонахъ цѣликомъ „Первую Любовь“ Тургенева, а потомъ „Призраки“. Послѣ „Жиды“—„Первая Любовь“, конечно, большой шагъ впередъ, но все-таки до лучшихъ, совершенно „русскихъ“ вещей Тургенева еще далеко,—а перепечатываніе носило даже „Первой Любови“ „Призраковъ“ показываетъ, что при всей доброй волѣ, редакция „Слова“ изъ „рутенскихъ“ литературныхъ вкусовъ не скоро выбьется. Въ этомъ мы особенно убѣждаемся, вида, что рядомъ съ разсказами Тургенева печатается такая вещь, какъ „Шляхтичъ и мѣщанинъ“. Повѣсть изъ давнѣйшихъ временъ. По нѣмецкому первотвору передѣлана Б. А. Д-тъ. О содержаніи этой повѣсти можно составить понятіе уже по тому, что повѣсть, въ которой дѣйствіе происходитъ на Волынѣ, передѣлана съ нѣмецкаго,—а въ образецъ стиля и языка вотъ нѣсколько словъ: „Одного разу Роевичъ побѣхалъ съ вельможнымъ паномъ въ сусѣдній лѣсъ на тетереви, которую-то довью онъ пристрастно былъ полюбилъ... Тутъ то Роевичъ избился съ тропу и страшилъ изъ виду такъ серну, ажъ и своего вельможного то-варича. Солнце уже зашло, а онъ все еще давалъ знакъ трубкою, но не одерживалъ ніякого отвѣта, кромѣ отомона власной трубки и т. д.“. Прибавимъ, что судя по весьма прозрачной подписи автора, онъ—авторъ брошюры: „Въ одинъ часъ малорусину выучиться по великорусски“. Между тѣмъ, изъ приведенныхъ строкъ видно, что авторъ съ 1866 г., за семь лѣтъ, не только не выучился по великорусски, но совершенно „избился“ даже со всякаго славянскаго языка, такъ какъ такую фразу, какъ „избился съ тропу“ можно услышать развѣ отъ польскаго жиды. Очевидно, что галицкій авторъ или учился русскому языку у бердичевскихъ балагулъ, или же, пишучи, въ сомнительныхъ случаяхъ, руководствуется тѣмъ правиломъ, что какъ-нибудь перековеркай форму, лишь бы не малорусская, такъ и будетъ великорусская. На бѣду, „избился съ тропу“ было бы правильно и по-малорусски и по-великорусски, а „избился съ тропу“—по-бердичевски! Подобныхъ приніровъ особаго „рутенскаго“ языка, выдаваемого въ Галиціи за „великорусскій“ и „общерусскій“ и отдаваемого подъ покровительство нашимъ славянофиламъ, можно бы привести изъ многого № „Слова“ сколько угодно. Думаемо, что „Слово“ не можетъ находить мусу даже въ такого рода русскихъ вещахъ Тургенева, какъ „Призраки“, а перепечатало ихъ только, чтобъ не отстать отъ „Правды“, которая въ началѣ этого года напечатала переводъ нѣсколькихъ разсказовъ изъ „Записокъ Охотника“ съ порядочною характеристикой Тургенева. Жалко, что „Правда“ остановилась на этихъ разсказахъ. Знакомство съ лучшими вещами Тургенева, Островскаго, Некрасова и т. п.,—авось бы помогло и органу „народной“ партіи въ Галиціи окончательно измѣниться отъ „рутенскихъ“ литературныхъ вкусовъ, которые заставляютъ и литераторовъ этой партіи писать такіа скучныя псевдо-историческія драмы, какъ вышедшая въ 1872 г. „Настася“ (дѣйствіе въ XII в.), или какъ напечатанная тогда же въ „Правдѣ“, передѣлка въ драму безъ всякой жизни и характеровъ народной пѣсни про Бондирівну, или еще хуже, передѣлка безъ всякой мѣры въ грубости и безъ всякаго смысла „Укрощенія своенравной“ Шекспира; передѣлка, до которой упалъ самый талантливый галицкій поэтъ Федьковичъ. Изъ Россіи славянскій комитетъ, какъ слышно, высылаетъ въ Галицію русскія книги. Не ужъ-то онъ не высылалъ до сихъ поръ Го-

По поводу нашей первой статьи: «Русскіе въ Галиціи», которая, какъ видитъ читатель, находится въ тѣсной связи съ настоящимъ очеркомъ, появилась въ нашей печати довольно ожесточенная полемика. Конечно, само собою вышло уже такъ, что новый нашъ очеркъ можетъ служить отвѣтомъ на возраженія противъ насъ; но мы считаемъ не лишнимъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы дать и прямой отвѣтъ, не оставляющій никакого сомнѣнія.

Къ намъ обращено «Письмо изъ Львова» въ 167-мъ № «Голоса» и, послѣдовавшій за замѣткой редакціи «В. Европы» о характерѣ этого письма, новый отзывъ въ томъ же «Голосѣ» въ № 185-мъ. Мы очень рады, что замѣтки наши обратили на себя вниманіе въ Галиціи, такъ какъ мы весьма многое въ этихъ замѣткахъ писали не столько для нашей публики, — которой могутъ быть интересны развѣ факты изъ галицкой жизни, но которая настолько превосходитъ, конечно, своимъ развитіемъ галицкую, что многія наши разсужденія могли показаться ей слишкомъ банальными и ясными безъ доказательствъ. То, что о нашихъ замѣткахъ отовывались и польскія газеты (*Czas* и *Dziennik Poznański*), которыя, — принимая, конечно, по-своему съ удовольствіемъ нашу строгую критику галицко-русскихъ клерикаловъ, — въ то же время жалуются на наше «пристрастіе», и отозвался г. И. Л.—тъ «изъ Львова», — это уменьшаетъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ вину той скуки, которую мы должны были навести на нашу публику «широковѣщательными» разсужденіями по поводу часто лилипутскихъ дѣлъ нашихъ галицкихъ соплеменниковъ, поляковъ и русскихъ, или же дѣлъ хотя и болѣе серьезныхъ, но безъ большого труда разрѣшимыхъ, если только отрѣшиться отъ провинціального, національнаго и кружкового узколюбія, губящаго нравственную жизнь этихъ соплеменниковъ.

Приваедемся, кромѣ того, что намъ доставила неподдѣльное удовольствіе та злость, съ какою говорить о нашихъ замѣткахъ нашъ львовскій враждатель, — который усматриваетъ въ нихъ «тонкій ядъ» и «завистливую насмѣшку», кою авторъ будто бы преслѣдуетъ несимпатичное ему галицко-русское племя! Мы видимъ изъ этихъ словъ, что попали дѣйствительно въ больное мѣсто среди галицко-русскаго племени (которое, племя, все не можетъ быть намъ несимпатично потому, что глупо было бы отказывать въ симпа-

гола, Тургенева, Островскаго, Некрасова, Щедрина, Достоевскаго (конечно не только), Рѣшетникова, Бѣлинскаго, Добролюбова? Если высказать, то значить въ Галиціи ихъ не читаютъ, если могутъ писать такіа вещи, какъ „Шляхтичъ и мѣщанинъ!“

тии миллионамъ людей, а особенно ближайшихъ нашихъ современниковъ), что мы положили палецъ на дѣйствительно несимпатичный наростъ на бѣдномъ галицко-русскомъ племени, наростъ, образовавшійся изъ самыхъ дурныхъ соковъ, развитыхъ неблагоприятной политической и культурной исторіей несчастной Галичины: но то бурсако-греко-латино-славяно-поляко-австро-угро-рутенское племя, которое выльзло навѣрхъ галицко-русскаго племени, и принимая по временамъ то австро-рутенскую, то русинско-украинскую, то московско-всероссійскую кличку, остается въ большинствѣ субъектовъ болѣе или менѣе наивно обскурантнымъ, а въ крайнихъ своихъ побѣгахъ прямо... *ташкентскимъ*, какъ это начинаютъ понимать уже и въ самой Австріи, и въ самой Галиціи, куда уже успѣлъ проникнуть меткій терминъ г. Щедрина.

Спорить намъ съ г. И. Л.—нымъ не о чемъ: все его письмо, несмотря на свой не малый объемъ и несмотря на то, что онъ общимъ приговоромъ обвинилъ насъ въ незнаніи, искаженіяхъ и т. п., не только не представляетъ ни одного опроверженія противъ разсказанныхъ нами фактовъ, но представляетъ и въ цѣломъ и въ частностяхъ самую лучшую *pièce justificative* для нашихъ выводовъ объ умственномъ и нравственномъ уровнѣ тѣхъ галицкихъ сферъ, кои взялся защищать нашъ «за-кордонный братъ»-возражатель.

Во-первыхъ, онъ не понялъ ничего, или притворился, что не понялъ ничего во всей нашей статьѣ: въ первомъ случаѣ далъ *testimonium* рутенскаго умственного развитія, во-второмъ — нравственнаго; а по всему видно, что нашъ «братъ» отличился и по одной части и по другой. Только затѣмъ же онъ по себѣ судилъ о нашей публикѣ, которой онъ взялся жаловаться на насъ? Вѣдь статьи наши не за горами, а только за пятью-шестью мѣсяцами, и публика наша можетъ отличить черное отъ бѣлаго и даже отъ сѣраго. Г. И. Л.—нъ усматриваетъ въ насъ поляка, желающаго подорвать въ глазахъ публики въ Россіи національное галицко-русское возрожденіе, борьбу русиновъ съ поляками, идею братства ихъ съ русскими въ Россіи и т. п.; плачется, что мы совѣтуемъ галичанамъ замирать летаргическимъ сномъ и становиться поляками. Бѣдный г. И. Л.—нъ не понялъ, что мы только хотѣли показать фактами, — и надѣмся, что показали ясно: злоба г. И. Л.—на тому порукою, — что восхваляемые имъ галицко-русскіе «проводирі», по своему умственному и нравственному уровню, не въ состояніи понять, чѣмъ ведется племя къ вѣрному возрожденію и самоуправленію, не умѣютъ вести

борьбы съ польскою аристократіей, съ тактомъ и съ яснымъ и съ логичнымъ слѣдованіемъ принципамъ народности; не умѣютъ держать себя съ тактомъ и передъ нѣмецкимъ правительствомъ; не понимаютъ, какъ и съ чѣмъ въ Россіи полезно единеніе галичанъ; не умѣютъ связать себя даже съ собственнымъ народомъ, и кромѣ того дѣйствуютъ такъ мало, точно находятся въ самомъ дѣлѣ, если не въ летаргическомъ снѣ, такъ въ просонкахъ,—совершенно, впрочемъ, естественныхъ при томъ скудномъ образованіи, какое они получаютъ, и при необходимой разобщенности ихъ интересовъ съ живыми интересами дня и самаго ихъ народа. Богъ бы съ ними, съ «проводирами»—мы бы сказали съ Гоголевымъ городничимъ: «можетъ быть, оно тамъ, — въ уніатскихъ ставропигіяхъ, — такъ и нужно». «Проводирі» и ихъ протежѣ такъ-скажъ, — но все-таки держатся на свѣтѣ, а иные такъ и пользуются кое-чѣмъ то въ Вѣнѣ, то въ Львовѣ, то Питерѣ, Москвѣ и Киевѣ;—а вотъ бѣда, что галицко-русскому народу съ каждымъ днемъ становится все хуже, какъ по винѣ, конечно, австро-нѣмцевъ (коимъ теперь вновь поютъ хвалы «проводирі») и поляковъ (съ коими еще въ 1862—63 г. нынѣшніе «москвофилы» въ Львовѣ братались и даже иные толковали объ образованіи «казако-русской державы», союзной съ Польшей), такъ и по винѣ самихъ галицкихъ вожаковъ. Вотъ именно съ точки зрѣнія пользы этого галицко-русскаго народа, который точно нашъ соплеменникъ, точно нашъ, малоруссъ, русскій,—и потому забыть нами быть не можетъ, мы и попробовали критиковать дѣятельность австро-рутенскихъ политиковъ, литераторовъ и вообще интеллигенціи, и не наша вина, если наша критика не вышла мягкой ¹⁾).

¹⁾ Г. И. Л.—тѣ напрасно, вырывая безъ связи, и слѣдовательно съ искаженіемъ смысла, наши слова о томъ, что «наши галицкіе соплеменники похожи больше на словаковъ, поляковъ, нѣмцевъ и т. п., чѣмъ на нашихъ малороссовъ», — получаетъ насъ въ этнографіи и филологіи. Мы тамъ же, откуда г. И. Л. вырвалъ это мѣсто, сказали, что говоримъ не о народѣ, а объ австро-рутенской интеллигенціи. Что такое народъ въ Галиціи, — это мы знаемъ и безъ уроковъ г. И. Л.—на, коему въ отвѣтъ советуемъ прочитать хоть первыя главы «Исторической Грамматики» г. Буславца и послѣднія главы «Ист. Христомати» того же автора, или хоть статью о малорусскомъ нарѣчій такъ выхваляемаго г. И. Л.—нымъ г. П. Лавровскаго въ Журн. Мин. Нар. Пр. (восхваляемаго даже въ ущербъ не только Миллюшичу, но, — затѣмъ такая немилость?! — и г. Головацкому). Г. И. Л.—въ тогда не напишетъ однимъ духомъ такой фразы: «областные говоры, какъ нарѣчія малорусское, бѣлорусское, новгородское, московское, востромское, и проч.» — которая простительна для галичанина, но за которую у насъ въ Россіи могутъ и ученику гимназіи поставить непеводный баллъ изъ русскаго языка и логики. О томъ же, какое значеніе имѣеть

Г. И. Л—нъ и самъ видитъ, что какъ-то наши замѣтки не вяжутся съ его заявленіемъ, будто авторъ ихъ полякъ, враждебный галицко-русскому племени и его возрожденію, и сближенію съ Россіей, и потому оговаривается, что мы наговорили противорѣчій и всяческихъ нелогичностей. Такъ-то способенъ онъ понять взгляды, выходящіе изъ узкихъ рамокъ галицкихъ партій и кружковъ польскихъ и русскихъ, которыя для насъ, *россіанъ*, совсѣмъ не обязательны!—«Знаемъ мы и это!»—такъ выйдетъ изъ затруднительнаго положенія передъ такимъ новымъ для него отношеніемъ сотрудника *россійскаго* журнала, нашъ галицкій противникъ: г. М. Т—овъ не что иное, какъ ловкій «краковскій іезуитъ!»—Ну, конечно!—«Вѣдь сильнѣе кошки зѣбра нѣтъ!»—скажемъ мы ему на эту догадку.

Но этимъ не ограничивается нашъ «за-кордонный братъ» въ своемъ усердіи подтвердить наглядно справедливость того, что мы говорили объ австро-рутенской интеллигенціи. Онъ взялся доказывать фактическую невѣрность нашихъ сообщеній о Галиціи. Самый тяжелый упрекъ, какой мы дѣлаемъ галицко-русскимъ политикамъ, и упрекъ, какъ чувствуетъ г. И. Л—нъ, очень сильный въ глазахъ нашего общества, — есть именно тотъ, что они ничего не сдѣлали для народнаго образованія тогда, когда были въ силѣ у вѣнскихъ централистовъ, и ничего не дѣлаютъ теперь, когда, хотя эти централисты бросили ихъ полякамъ, какъ ничтожную вещь, но когда все-таки возможность работать на пользу народнаго просвѣщенія галичанъ не отнята, несмотря на всѣ препятствія, — ибо все-таки существуютъ русскія учено-литературныя общества, и преподаваніе въ народныхъ школахъ въ Восточной Галичинѣ на русскомъ языкѣ осталось не нарушеннымъ. Г. И. Л—нъ думаетъ снять это обвиненіе, сообщивъ, что прежде, въ часы Баха, Шмерлинга и т. д., галицкіе клерикалы (которыхъ онъ тутъ и называетъ) открыли до 500 школъ, гдѣ, какъ онъ говоритъ, учили по-русски и по-нѣмецки, — но что теперь, когда дѣло народнаго образованія отдано въ руки польской школьной рады, «галицкіе проводырі, конечно, равнодушны къ народному образованію, ибо по ихней логикѣ (а по вашей какъ?), пусть лучше народъ остается въ невѣжествѣ, нежели подвергаться ему въ школѣ глубокой деморализаціи, нравственной и національной». Насколько теперь все-таки не отнята возможность работать для русской народной школы въ Галиціи, мы говорили

выше, — значить, нечего говорить о томъ, какъ похвально то равнодушіе галицкихъ вожаковъ къ народному образованію, которое, равнодушіе, признаетъ и ихъ защитникъ. Нечего, надѣмся, говорить и о томъ, сколько логики въ заботѣ о народной нравственности и предоставленіи народа оставаться въ невѣжествѣ, или сколько смысла въ фразѣ «національная деморализація». Остановимся лучше на 500 школахъ, открытыхъ послѣ 1849 г. стараніями будто бы галицкихъ «проводирей», и на ихъ прежнемъ цвѣтущемъ состояніи, которымъ думаетъ поразить насъ г. И. Л—нъ. Дѣятельность школы, неправда ли? характеризуется школьною литературою, учебниками. А гдѣ они, — эти учебники для галицко-русскихъ школъ, г. И. Л—нъ? Почему галицко-русская «Матица», имѣющая 20,000 гульд. капитала, собраннаго съ бѣдныхъ «хлоповъ», издала за 25-ть лѣтъ два-три молитвенника да жалкихъ буквара на неимовѣрномъ языкѣ? Потому, что старые галицкіе патріоты держались и держатся принципа, высказаннаго Зубрицкимъ тогда, когда и «краковскіе іезуиты» уже боялись высказывать гласно такіе принципы, — что *«для черни довольно молитвенника и псалтыря»*. Мы бы совѣтовали г. И. Л—ну, вмѣсто всякихъ разглагольствъ о пользѣ дѣятельности старой партіи галицкой для народнаго просвѣщенія и для направленія «галицко-русскаго возрожденія въ нормальномъ русскомъ духѣ», — послать въ редакцію «Голоса» коллекцію книгъ, по коимъ учили въ «рутенскихъ» школахъ «Восточнаго Тироля» послѣ 1848 г.; а то почтенная редація и читатели газеты въ самомъ дѣлѣ полагаютъ, что въ Галиціи учили по «Родному Слову» Унинскаго и писали языкомъ Пушкина и Тургенева, пока тому не помѣшали злостные поляки и созданные ими украинофилы. Драгоцѣнное признаніе г. И. Л—на, что въ галицкихъ школахъ въ часы до злостной польской рады учили и по-русски и по-нѣмецки, — ибо «нѣмцы-де не то, что поляки, они не хотѣли уничтожить русскую народность» (послѣ Шварценберга-то!). Признаніе это даетъ возможность и читателямъ «Голоса» наглядно представить себѣ ту школу, которая должна была не только насадить просвѣщеніе, укрѣпить нравственность галицкаго хлопа, но и дать нормальный русскій (обще-русскій) характеръ галицко-русскому возрожденію. Вообразимъ себѣ, что гдѣ-нибудь у насъ въ селѣ дѣячка заставили бы учить русскихъ мальчиговъ, кромѣ часослова и псалтыря, еще по грамматикѣ XVII-го вѣка, да еще уніатской, — а рядомъ посадили бы перваго встрѣчнаго нѣмца, который бы вдавливалъ по-нѣмецки несчастнымъ мальчишкамъ «Lesebuch», изданный по благословенію кардинала Раушера во

время дѣйствія баховскаго конкордата съ папой. Не правда ли, завидная, настоящая русская школа! ¹⁾

Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ отразилась въ Галиціи отмѣна конкордата, — это тѣмъ болѣе необходимо, что въ нашей печати часто говорятъ объ оноляченіи шкোলъ въ Галиціи, а между тѣмъ это оноляченіе есть отчасти послѣдствіе именно этой отмѣны конкордата, который, какъ извѣстно, предоставлялъ завѣдываніе школами главнымъ образомъ духовенству. Въ силу этого ультрамонтанско-іезуитскаго конкордата, — и духовенство нашихъ братьевъ-галичанъ завѣдывало школами. Каковы были эти школы, — мы видѣли; каковъ могъ быть прокъ отъ нихъ, — говорить нечего. Конкордатъ Баха — вещь, осужденная всѣмъ образованнымъ свѣтомъ; не думаемъ, чтобъ у насъ самъ «Голосъ», напр., желалъ введенія чего-либо подобнаго, или чтобъ онъ, напр., не одобрялъ новыхъ бисмарковскихъ законовъ, которые отмѣнили систему Мюлера и т. д. Вотъ почему, пока русскій характеръ шкোলъ держался въ Галиціи только въ силу конкордата, онъ не представлялъ не только ничего прочнаго, но и симпатичнаго, — ибо школы существовали прежде всего, какъ клерикальныя, потомъ какъ нѣмецкія, а послѣ уже, какъ русскія, т. е. какъ рутенскія. Когда въ 1867 г. завѣдываніе школами въ Галиціи перешло отъ духовенства къ сейму и назначенной имъ школьной радѣ, — это, конечно, было шагомъ къ полонизаціи шкোলъ, ибо поляки составляли большинство въ сеймѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это была и секуляризація ихъ, т. е. открытіе воротъ для педагогически-научной методы преподаванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для живой народности школы. Мы, конечно, не станемъ писать панегирика галицкой школьной радѣ: эта рада состоитъ въ большинствѣ изъ поляковъ, и при томъ въ доброй долѣ довольно невинныхъ въ наукахъ, — не больше впрочемъ, чѣмъ и галицкіе крылошане; — эта рада, такими мѣрами, какъ переводъ способныхъ директоровъ и учителей русскихъ «на мазуры», т. е. въ западную Галичину, медленностью и пристрастіемъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ о русскихъ классахъ и школьномъ дѣлѣ вообще, неблагоприятными стараніями превратить въ смѣшанныхъ округахъ школы въ польскія и католическія, попытками завести въ русскихъ школахъ сначала латинскій шрифтъ, а потомъ и польскій языкъ, — всѣмъ

¹⁾ Вообразите-жъ себѣ, что недавно „Русская Рада“, чтобъ угодить нѣмцамъ, которые ея вѣрно-конституціонныхъ нѣжностей „совсѣмъ не примѣчаютъ“, рѣшила ходатайствовать о введеніи опять нѣмецкаго языка въ народныя школы Галиціи!

ЭТИМЪ и другимъ подобнымъ школьная рада заслужила справедливыя жалобы русиновъ всѣхъ партій. Но въ принципѣ школьная рада представляетъ учрежденіе все-таки болѣе способное къ усовершенствованію, чѣмъ баховская система, — въ ней все-таки есть люди компетентные, изъ нея не исключены и русины, и она все-таки не мѣшаетъ существованію русскихъ народныхъ школъ. Этихъ послѣднихъ все-таки остается около 500, — правда, въ нихъ не учатъ по-нѣмцеи, но за то учебники и книги для чтенія, употребляемые теперь въ нихъ, изданные товариществомъ «Просвѣта», хотя и оставляютъ еще многого желать и со стороны свѣтской, научно-педагогической и народной, но все-таки не могутъ быть сравниваемы съ тою дьячковскою дребеденью и австро-славянско-рутенскою тарабарщиною, которую оплакиваетъ г. И. Л—нъ. Повторяемъ, не думая вовсе отрицать трудностей положенія русскаго народнаго возрожденія въ Галиціи, что все-таки нѣсколько кафедръ въ университетѣ, русская гимназія въ Львовѣ, русскіе классы въ восточныхъ гимназіяхъ Галичины, 500 народныхъ школъ представляютъ еще достаточно поля для умной дѣятельности галицко-русскихъ патріотовъ. Г. И. Л—нъ, упрекая насъ въ оптимизмѣ, говоритъ, между прочимъ, что русскіе классы въ восточныхъ гимназіяхъ существуютъ только въ нашемъ воображеніи. Если въ какомъ оптимизмѣ можно упрекнуть насъ, такъ это развѣ въ томъ, что мы надѣемся отъ галицко-русской интеллигенціи, что она сумѣетъ наполнить трудомъ своимъ тѣ, правда, не широкія рамки дѣятельности, какія ей оставлены теперешнимъ польскимъ господствомъ въ Галиціи, но и не очень узкія, сравнительно съ тѣми, какое давало нѣмецкое господство своимъ союзникамъ, русинскимъ клерикаламъ. Мы уже упоминали, что русины не умѣютъ заставить школьный совѣтъ открывать, согласно закону, параллельные русскіе классы тамъ, гдѣ наберется 25 учениковъ. А теперь мы видимъ, что корреспондентъ изъ Львова не знаетъ даже, что въ восточной Галичинѣ русскимъ ученикамъ предоставлено право посѣщать уроки русскаго языка и литературы, на какой случай существуетъ и учитель. Конечно, этого мало; въ иныхъ мѣстахъ учителя сами не знаютъ по-русски, — но вѣдь въ Галичинѣ и иные «русскіе» литераторы въ русскомъ языкѣ не крѣпки и все ищутъ русскаго языка. Мы не знаемъ, во всѣхъ ли гимназіяхъ восточной Галичины существуютъ такіе русскіе классы, но по закону они должны существовать, — и на то есть русскіе депутаты въ сеймѣ, чтобъ добиться ихъ открытія и замѣщенія людьми достойными; и кто же виноватъ, что эти депутаты, которые дѣлаютъ запросы о лишеніи каноникѣ въ Львовѣ

скомъ соборѣ, или горячатся въ пользу министерской политики, чтобъ добыть концессию на банкъ,—молчать въ сеймѣ о такихъ вещахъ, какъ русскіе классы. Мы навѣрно знаемъ, что, напр., въ Станиславовѣ существуютъ такіе классы,—и знаемъ по тому скандалу, который подняли недавно «старые» русины противъ молодого учителя русскаго языка и литературы въ этомъ городѣ. Скандалъ вышелъ изъ-за того, что учитель, преподающій по хрестоматіи, составленной изъ галицкихъ и украинскихъ писателей,—которыхъ и самъ г. И. Л.—нѣ удостоиваетъ одобренія,—не приходилъ въ восторгъ по поводу виршей одного мѣстнаго пѣвца изъ старыхъ. Послѣдніе печатно въ «Словѣ» и частно подбивали учениковъ протестовать противъ учителя и требовать «замѣны безнравственной казацкой (!) хрестоматіи, настоящей рутенской» (??) или чтобъ они не ходили на уроки, и такимъ образомъ закрыли бы классы. Значитъ, по крайней мѣрѣ Станиславовскіе русскіе классы существуютъ не въ нашемъ воображеніи. Отъ самихъ русиновъ въ значительной степени зависитъ, чтобъ они существовали и въ другихъ мѣстахъ. Если бы даже сеймъ и рѣшился не дать вовсе средствъ на русскіе классы,—то тѣхъ денегъ, которыя лежатъ (если только лежатъ еще) бесполезно въ кассѣ «Матицы», и тѣхъ, на которыя строится совершенно излишняя, при другихъ, новая церковь въ Львовѣ,—которая потребуетъ и новыхъ канониковъ,—достаточно было бы на основаніе цѣлой русской гимназіи. Вообще, если кризисъ перехода отъ клерикальной, іезуитской системы организации школъ къ свѣтской обошелся не совсѣмъ выгодно для русиновъ, и сопровождался перевѣсомъ поляковъ,—тому виною не только неблагоприятное коварство нѣмецкихъ централистовъ и нетерпимость поляковъ (которой мы и не отрицаемъ), но и малая развитость русиновъ, которые не припасли въ прошломъ ни свѣтской педагогической литературы, ни даже должнаго количества свѣтско-образованныхъ людей, которые могли бы конкурировать съ поляками на должности учителей, директоровъ, членовъ школьнаго совѣта и т. д. Можно сказать, что и это вина не русиновъ, а несчастной ихъ исторіи,—но надо же признать это обстоятельство, далеко не непоправимое, а не только плакаться на враговъ. А между тѣмъ вслѣдствіе рутинны, узкаго утилитаризма и ложнаго направленія стипендій, находящихся въ распоряженіи русинскихъ клерикаловъ, и теперь большинство студентовъ-русиновъ — теологи, а потомъ юристы,—а между тѣмъ галиціе политики стараго лагеря предпочитаютъ плачь на враговъ всякому практическому дѣйствію надъ усиленіемъ свѣтской культуры въ своемъ обществѣ, и своимъ вліяніемъ на молодежь

способствуютъ ей эмиграціи въ Россію, — гдѣ она, будучи въ болѣе-шинствѣ случаевъ по развитію ниже мѣстной, вовсе не усиливаетъ культурнаго элемента, исключая развѣ холмскаго края, а принося съ собою узкій эмигрантскій утилитаризмъ и польско-нѣмецкіе взгляды на Россію, приращенные національнымъ (тоже скорѣе польскимъ и нѣмецкимъ, чѣмъ русскимъ) фразерствомъ, подрываетъ ту симпатію къ родственной намъ Галичинѣ, какая должна бы быть у насъ къ обоюдной выгодѣ. Не стократъ ли патриотичнѣе, чѣмъ эти моральные и физическіе абсентеисты, поступаютъ тѣ изъ галичанъ, которые, какъ гг. Бѣлоусъ и Наумовичъ изъ старыхъ, и товарищество «Просвѣта» изъ молодыхъ, работаютъ дома, — какъ можно при данныхъ условіяхъ, — для образованія народа и слѣдовательно для возрожденія народности? Передъ русинами стоитъ наглядный примѣръ — словинцы. Тамъ тоже національное возрожденіе связалось сначала, — въ противность между прочимъ и прошлому страны, — съ ультрамонтанствомъ и реакціей. Тамъ тоже новая конституція и отмѣна клерикальнаго строя школы выдвинула впередъ нѣмцевъ. Но тамъ, кромѣ старо-словинской партіи — которая хотя и имѣетъ аналогію съ галицкими святоюрцами, но все-таки превосходитъ ихъ развитіемъ и дѣятельностью, — привязавшей свой націонализмъ къ девизу: «католицизмъ, отечество и король», — выдвинулась партія молодая, которая взяла себѣ девизомъ «свобода, образованіе и народъ» и не только не плакала надъ отмѣной конкордата, а приветствовала его. Младо-словинцы, не отказываясь отъ славянской солидарности, не оставляли однакожъ домашней работы ради пан-славянскихъ упованій; не проповѣдая вражды къ нѣмцамъ за то только, что они нѣмцы, не отрекались однакожъ отъ своей народности, — и переживъ періодъ вражды и клеветъ отъ старой партіи (похожихъ на тѣ, какими угощаютъ святоюрцы народовцевъ) и двусмысленныхъ похвалъ, смѣняемыхъ ожесточенною бранью нѣмецкихъ централистовъ (отношенія, — похожія на отношенія поляковъ къ народовцамъ), сумѣли поддержать словинство и въ новомъ государствѣ и въ новой школѣ, — и теперь выступаютъ, какъ сила, съ которою должны считаться и нѣмцы. А галичанамъ-то какъ не одолѣть партію польскихъ централистовъ, слабыхъ въ сущности культурою, угрожаемыхъ со всѣхъ сторонъ, оторванныхъ отъ собственнаго народа, — какъ не одолѣть ихъ умною домашнею работою и умно-понятымъ общеніемъ съ Россією, т. е. съ свѣжимъ и народнымъ въ Россіи?

Мы привели не мало примѣровъ тому, что въ Галиціи весьма смутно понимаются отношенія къ Россіи, и что собственно

тѣ, кто болѣе всего кричить о своемъ желаніи слиться хоть нравственно съ Россіей ¹⁾, тѣ дальше всего стоятъ отъ Россіи, дальше даже народовцевъ, или галицкихъ украинофиловъ. Мы указали, что первое живое звено между Россією и Галичиною была украинская литература и украинофильство, — второе, по нашему, есть такое же произведеніе Россіи, какъ и московское славянофильство, или великоруссофильство, такой же необходимый народный источникъ для оживленія и обнаруживанія русско-европейской культуры, какъ и это великоруссофильство, хотя, такъ же какъ послѣднее, по временамъ способный впадать въ ошибки партикуляризма. Мы указали вмѣстѣ съ тѣмъ, что украинская литература въ Галиціи произвела первый зародышъ свѣтскаго и живо-народнаго русскаго направленія и въ литературѣ и въ политикѣ, — зародышъ еще очень несовершенный, иногда еще сильно смахивающій на само старое рутенство, — но все-таки напоминающій нѣчто свѣжее, способное къ прогрессу — и что она тамъ явилась конкурентомъ не русской литературы, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается у насъ, въ Россіи (ибо тамъ, въ Галиціи, этой литературы не было и нѣтъ), а польской и рутенской, — сравнительно съ которою украинская литература явилась и является прямымъ и сильнымъ авангардомъ русской литературы въ нашемъ смыслѣ слова, — что поляки отлично и поняли. Доказательство этого положенія мы считаемъ особенно важнымъ для устраненія множества печальныхъ, вредныхъ успѣшному ходу русскаго возрожденія въ Галичинѣ и отчасти даже въ западномъ краѣ, недоразумѣній. Разумѣется, что эта мысль не можетъ, особенно съ перваго раза, быть по зубамъ старовѣрамъ, какъ рутенскаго, неправильно принимаемаго за русскій, такъ и украинскаго лагеря въ Галиціи. Понятно, что г. И. Л.—ну наша аргументація могла показаться съ одной стороны сепаратистическою, а съ другой — іезуитскою. Но онъ самъ подтверждаетъ наше положеніе. Неизвѣстно, почему накинувшись на насъ за то, что мы считаемъ русскій театръ въ Галичинѣ хотя и не упроченнымъ, но все-таки сильнымъ орудіемъ русскаго возрожденія, — нашъ возражатель говорить: «на русскій театръ

¹⁾ Г. И. Л.—нъ требуетъ и политическаго присоединенія къ ней, въ то время, какъ защищаемые имъ вѣрноконституціонные „проводирѣ“ кланутся въ Вѣнѣ въ своей австро-рутенской лояльности, обвиняють черезъ Neue Freie Presse органъ народовцевъ „Правду“ въ полученіи субсидій отъ кievскаго славянскаго комитета для пропаганды федерализма и панславизма, — а въ Allgemeinezeitung даже общають Австріи помощь 12 милліоновъ „рутенцовъ“ (малороссовъ) противъ Россіи въ градушемъ столкновеніи изъ-за восточнаго вопроса.

ассигновали-было поляки значительную (?) субсидію въ тѣхъ расчетахъ, что онъ послужитъ орудіемъ галицко-украинской пропаганды во вредъ нормальному русскому направленію нашей интеллигенціи, — но какъ только замѣтили, что на подмосткахъ этого театра даются не одні только пьесы мѣстнаго издѣлія, на галицкомъ простонародномъ жаргонѣ, но и комедіи (?) вашихъ украинскихъ поэтовъ, Артемовскаго (?), Основяненка, Котляревскаго, — то субсидіи эти тотчасъ прекратили. Тутъ, если устранимъ неимовѣрно наивную, — отъ невѣдѣнія ни нашей литературы, ни ея языка, или отъ смѣлаго расчета на то, что наша публика незнакома съ галицкою литературою, — терминологию, то и окажется, что нашъ возражатель только подтверждаетъ то, что мы говорили; а уяснить эту терминологию надо, ибо иначе выйдетъ безсмыслица, — будто поляки захотѣли учредить украинскій театръ, а когда оказалось, что онъ украинскій, то они и перестали выдавать ему субсидію. Кромѣ того, читатель въ Россіи подумаетъ, будто въ Львовѣ давали «Горе отъ ума», или «Ревизора», прежде чѣмъ поляки издумали завести театръ галицко-украинскій, чтобъ повредить «русскому направленію» тамошней интеллигенціи. А между тѣмъ не только ничего подобнаго не бывало, но не бывало въ Галиціи и пьесъ на галицкомъ простонародномъ нарѣчьи, — все въ силу того, что тамъ не могли уразумѣть ничего живого въ литературѣ, ни такого, какъ Гоголь, ни такого, какимъ бы, напр., явился Островскій, еслибъ сталъ писать пьесы изъ галицкой простонародной жизни. Если тамъ были пьесы «мѣстнаго издѣлія», какъ говоритъ авторъ, и на «жаргонѣ», — то тотъ жаргонъ былъ именно мѣстнаго издѣлія языкъ, который въ Львовѣ называли по мѣрѣ надобности то австро-рутенскимъ, то малорусскимъ, то русскимъ, — и который есть собственно нѣчто въ родѣ смѣси тредьяковщины съ польскими и простонародными галицкими выраженіями, но вовсе не русскій, не украинскій, не галицкій народный языкъ. Самъ же г. И. Л. — нѣ нѣсколько строкъ далѣе выражается о языкѣ одного изъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ авторитетовъ галицкихъ: «языкъ, которымъ *обходился* профессоръ Г.» Вотъ на такомъ жаргонѣ мѣстнаго издѣлія мѣстные литераторы, тѣ самые, которыхъ М. Л. — нѣ называетъ представителями нормального русскаго направленія, — компоновали нелѣпыя историческія драмы, передѣлывали съ нѣмецкаго и съ польскаго водевили и фарсы въ родѣ «Парижскій уличникъ», «Адамъ и Ева» и т. п. Конечно, такая драматическая литература полякамъ казалась нестрашною, и когда представился случай сдѣлать демонстрацію «противъ Москвы» и покричать о «згодѣ съ братьями-русинами», —

то они и дали нѣсколько сотенъ гульденовъ на такой русинскій театр. Но когда, какъ рассказываетъ и г. И. Л—нъ, въ Львовѣ стали давать настоящія украинскія народныя пьесы, то поляки перепугались вліянія и этихъ слабенькихъ водевилей и опереттъ, которыя при всей своей слабости все-таки представляли въ Галиціи нѣчто неслыханно живое русское, и возбуждавшее вниманіе и любовь къ русскому «хлопу»: поляки напали на украинскій театръ какъ на «хлопоманско-революціонный» и вмѣстѣ «московскій»,—такъ точно какъ они нападаютъ теперь, какъ рассказываетъ г. И. Л—нъ, на малорусскія выѣски на лавкахъ, обзывая ихъ тоже «московскими». Все это доказываетъ именно, что руссизмъ «мѣстнаго издѣлія» въ Львовѣ, хотя бы онъ и назывался «нормальнымъ русскимъ направленіемъ», менѣе страшенъ полякамъ, и менѣе «московскій» по ихнему, чѣмъ народное украинское направленіе. Чтб и требовалось доказать!

Очевидно, что съ такими свойствами опроверженій, съ какими выступилъ противъ насъ г. И. Л—нъ, онъ и самъ чувствовалъ, что далеко не уйдетъ. А потому онъ занялся, вмѣсто фактическихъ опроверженій, выловленіемъ и вырываніемъ въ нашихъ статьяхъ фразъ, съ цѣлью показать нашу неблагонамѣренность и даже сообщилъ львовскую сплетню, что авторъ-де зловердныхъ статей о Галиціи—неблагонадежный чиновникъ—«видное лицо учебнаго вѣдомства, исповѣдующее (?) украинофильство» (точно это и впрямь вѣроисповѣданіе какое!). Г. И. Л—нъ утѣпалъ себя очевидно сладкой мыслью: ничего, если и плоха моя аргументація, все-таки авось автора обличающихъ насъ статей отпирать «на мазуры». Во всемъ этомъ г. И. Л—нъ опять-таки явилъ себя характернымъ австро-рутенцемъ и далъ доказательство именно того обиднаго и невѣжественнаго австрійскаго мнѣнія о Россіи, какое имѣютъ, какъ мы и говорили, въ Австріи, а особенно въ Галиціи, не только нѣмцы и поляки, но и «братья» наши. Г. И. Л—нъ не знаетъ, что русская публика настолько европейски образована, что можетъ отличить независимость взгляда и отсутствіе кружковыхъ односторонностей отъ іезуитской изворотливости, что Россія не Австрія и не галицкая Польша, и что великому русскому народу нѣтъ ни малѣйшей надобности стирать ни народности малыхъ народовъ, ни особенности собственныхъ разнovidностей, которыя могутъ только питать и расширять общерусскую культуру; что въ Россіи, гдѣ литературные и ученые труды Квитки, Метлинскаго, Максимовича, Бодянскаго, Костомарова, Кулиша, Шевченко, М. Вовчеа и др. пользуются общимъ уваженіемъ великорусской, какъ и малорусской публики,—украин-

нофильство вовсе не может считаться *staatsgefährlich*, какъ въ разношерстно-нѣмецкой Австріи, или опасною хлопотаніемъ, какъ въ магнатской Галиціи; не сообразилъ нашъ австро-рутенецъ и того, что русскія министерства—не школьная рада въ Львовѣ и что имъ есть дѣла поважнѣе, чѣмъ слушаніе сплетенъ львовскихъ Кербочекъ.

Редакція «Вѣстника Европы» сочла необходимымъ указать «Голосу» неблаговидность поведенія его львовскаго корреспондента и протестовать противъ его доносовъ. Мы бы, на мѣстѣ редакціи, признаемся, ограничились товарищескимъ указаніемъ «Голосу»—а протесты противъ львовскихъ доносовъ и сплетенъ сочли бы лишними; развѣ для вящаго ограниченія доносчиковъ и сплетниковъ сказали бы: «ошибаетесь: нашъ сотрудникъ не только не *особа*, но вовсе не чиновникъ... А кто онъ?.. *Cherchez!*» Но редакція «Вѣстника Европы» сдѣлала, что сдѣлала. «Голосу» ничего не оставалось, какъ промолчать и быть впередъ осторожнѣе. Но фельетонистъ «Голоса» (№ 185) захотѣлъ свернуть съ больной головы на здоровую и заговорилъ въ такомъ жалостномъ тонѣ: «какъ не стыдно «Вѣстнику Европы» видѣть доносы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ,—ругаться, вмѣсто того, чтобы опровергать факты». По словамъ фельетониста, г. И. Л.—нѣ выступилъ только противъ «прекраснодушія», съ какимъ мы смотримъ на Галицію,—и «опровергая всѣ радужныя мечтанія наши рядомъ фактическихъ доказательствъ притѣсненія галицко-русскаго народа со стороны галицкихъ поляковъ,—заподозрилъ насъ въ польскомъ происхожденіи и тѣмъ объяснилъ наши симпатіи къ галицко-польскимъ порядкамъ». Это что такое? остается спросить намъ. *Was für eine Wendung?*—Это уже что-то третье въ спорѣ! Да вся наша, очень далекая отъ прекраснодушія, статья наполнена фактами о притѣсненіяхъ галицко-русскаго народа отъ поляковъ и нѣмцевъ,—мы только не раздѣляемъ радужныхъ мечтаній, распускаемыхъ незнающими или предубѣжденными людьми о галицко-русской интеллигенціи,—и снимая съ нея туманъ прекраснаго далѣка, показали, что въ своемъ большинствѣ она тоже своего рода польская шляхта и австро-нѣмецкая бюрократія; что она не хочетъ и не умѣетъ работать для галицко-русскаго народа, не умѣетъ бороться съ поляками, лакействуетъ передъ нѣмцами, не умѣетъ пользоваться для борьбы за народность и работы для народа, и тѣми орудіями, которыя достались ей отъ разныхъ системъ конституціонной исторіи Австріи,—не умѣетъ, наконецъ, пользоваться силами Россіи, о родствѣ съ коей такъ много кричить... не въ *Neue Freie Presse*, конечно,

въ коей она отрекается отъ Россіи. Г. И. Л—нъ, не смогши опровергнуть нашихъ фактовъ, объявилъ, что мы іезуитъ-полякъ, или неблагонамѣренный чиновникъ. А теперь фельетонистъ «Голоса», очевидно, не читавшій ни нашихъ статей, ни даже письма г. И. Л—на, увѣряетъ насъ въ томъ, что мы рассказали полнѣ и его, и г. И. Л—на,—что галичане дѣйствительно угнетены,—а мы «мечтатель» и все-таки, вѣроятно, польскаго происхожденія. И вотъ, какъ дѣлають общественное мнѣніе!

Мы не станемъ препираться съ «Голосомъ». Признаемся даже, что хотя онъ и очень немилостивъ къ намъ, а мы только ради его и его читателей,—которые слишкомъ многочисленны, чтобъ не вызывать къ себѣ вниманія, и которые могли соблазниться сладкими рѣчами и смѣлыми протестами корреспондента «съ мѣста»,—а вовсе не ради г. И. Л—на лично, написали весь этотъ постскриптувъ. «Голосъ» едва ли не усерднѣе всѣхъ нашихъ газетъ слѣдитъ за австро-славянскими дѣлами и въ частности за галицкими,—и это служитъ, конечно, къ чести петербургской газетѣ. Съ своей стороны, наблюдая за славянскими дѣлами не со вчерашняго дня, и даже не со времени знаменитаго конгресса 1867 г. въ Москвѣ, мы думаемъ, что толки о славянской солидарности, о славянскомъ призваніи Россіи, особенно о роли Россіи по отношенію не только къ русской, но и польской Галичинѣ (ибо и она связана съ нами черезъ Польшу), затрогиваютъ интересы гораздо серьезнѣе, чѣмъ на первый разъ кажется и любителямъ, и противникамъ этихъ толковъ, и что всѣ эти толки, конечно, могутъ у нѣкоторыхъ выливаться въ пустую фразеологию, или вести къ шовинизму, вредному и для насъ, и для нашихъ соплеменниковъ,—но могутъ послужить и серьезно и нашему развитію внутреннему, и возрожденію нашихъ соплеменниковъ и улаживанію ихъ, въ сущности, довольно мелкихъ разногласій. Только для этого надо, чтобы печать величайшаго и, такъ или иначе, но единственнаго самостоятельно организованнаго славянскаго народа отнеслась къ своему призванію вполне серьезно,—чтобъ обсуждала славянскія дѣла, исходя изъ такихъ началъ, которыя бы оказались шире всѣхъ споровъ славянъ съ чужими и между собой. Въ наши времена нечего долго искать такихъ началъ. Они: просвѣщеніе и народъ. Изъ этихъ началъ выходитъ всякая серьезная газета и въ Россіи, когда говорить о дѣлахъ, партіяхъ, литературѣ въ Англіи, Франціи, Пруссіи,—когда говорить о дѣлахъ внутреннихъ краевъ Россіи. Мы ничего другого не сдѣлали въ нашихъ статьяхъ, какъ только посмотрѣли на Галицію,—на поляковъ и русскихъ, на ихъ

споры, дѣятельность, литературу съ тѣхъ самыхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ у насъ говорятъ объ Англіи, Германіи, о владимірской, или астраханской губерніи, о Гоголѣ, Островскомъ, Далѣ, — съ одной стороны, или о «Битвѣ русскихъ съ кабардинцами» и т. п. — съ другой. Касаясь политически-національных вопросовъ въ Галиціи, мы говорили о полякахъ и русскихъ, руководясь тѣми началами, какихъ держится всякій образованный чело­вѣкъ въ Россіи, говоря, напр., о нѣмцахъ и чехахъ въ Богеміи. «Голосъ» самъ не можетъ же рекомендовать намъ другихъ точекъ зрѣнія. Вѣдь смѣется же онъ надъ «Маякомъ», «Гражданиномъ», возмущается эгоизмомъ и невѣжествомъ тѣхъ «отцовъ» въ какой-нибудь гродненской, или полтавской губерніи, которые агитируютъ противъ школъ, притѣсняютъ народъ, подають доносы и т. п. (см. 186 № «Голоса»); потѣшается же онъ надъ пьесами г. Аверкіева, который — «Монбланъ предъ Пулковской горой» въ сравненіи съ галицкими литераторами; хвалить же статьи г. Белюстина: — за чѣмъ же онъ изображаетъ въ розовомъ цвѣтѣ какое-нибудь «Слово» или «Роксоляну» или крилошанъ львовскихъ? Вѣдь строгъ же «Голосъ» къ иезуитамъ католическимъ, къ шовинистамъ нѣмецкимъ, польскимъ, — за что же онъ будетъ требовать отъ насъ симпатіи къ обскурантамъ уніатскимъ, къ фанатикамъ и шовинистамъ русскимъ, или къ рутенскимъ китайцамъ? Или «Голосъ» скажетъ, что хорошо быть разборчиву, когда есть изъ чего выбирать, — что жестоко быть строгимъ къ тѣмъ, кто тебѣ дионирамбы пишетъ (и въ Neue Freie Presse отъ нихъ отказывается), кто къ тебѣ за помощью обращается (и опять-таки въ нѣмецкихъ газетахъ заявляетъ, что теперь уже *ruthenische Führer* разорвали связь съ московскими панславистами). Но это будетъ держаться теоріи, что «тѣмъ горькихъ истинъ дороже сладкій обманъ». Повторяемъ, пусть «Голосъ» относится къ польскимъ, галицкимъ и вообще дѣламъ въ славянщинѣ и на нашихъ западныхъ окраинахъ, жизнь которыхъ такъ связана съ вопросомъ славянско-польско-нѣмецкимъ, съ такой же точки зрѣнія, какъ и къ дѣламъ внутреннимъ и европейскимъ, — и онъ послужитъ и Россіи, и славянамъ, и галичанамъ. Но только онъ не напишетъ тогда другого о Галиціи, кромѣ того, что написали мы.

М. Т-овъ.

ВЗЯТІЕ ХИВЫ

И

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1873 ГОДА

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПОХОДА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Къ 18 марта почти весь отрядъ Оренбургскаго округа собрался въ Эмбенскомъ постѣ, не прибыла только большая часть тяжестей, которыя необходимость заставила разбросать почти по всей дорогѣ по причинѣ ужаснаго пути, глубокаго снѣга и бурановъ. Иногда по нѣскольку часовъ не было возможности выбраться съ повозкой изъ рытвинъ и ухабовъ, такъ что эшелоны останавливались и помогали вытаскивать повозки. Несмотря на крайне утомительный и тяжелый переходъ, всѣ люди были веселы и здоровы; лишь нѣсколько человѣкъ страдали болѣзнью глазъ отъ яркаго отраженія солнечныхъ лучей на снѣговой степи и отъ дыма въ кибиткахъ. До 26 числа марта, подвозили отставшія тяжести, а люди упражнялись въ стрѣльбѣ и приготавливались къ предстоящему походу. 26 марта выступилъ авангардъ въ составѣ 2-хъ казачьихъ сотенъ и 25 человѣкъ саперной команды отъ 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона, которому приказано, поднявшись на Усть-Ургъ, остановиться на уроч. Арысь-Бурте и въ ожиданіи главныхъ силъ отряда выслать разъѣзды къ уроч.

*) См. выше: авг. 588 стр.

Джебыске и мысу Чаграй. На обязанность авангарда былъ возложенъ также предварительный осмотръ и приведеніе по возможности въ порядокъ путей.

Нѣсколько солнечныхъ дней въ мартѣ еще болѣе испортили путь, такъ, что авангардъ испытывалъ неимоверныя затрудненія, переходя по оврагамъ, въ которыхъ было до $2\frac{1}{2}$ арш. снѣгу подтаявшаго снизу и столь рыхлаго, что люди и лошади буквально утопали въ немъ; къ тому же совершенная безкормица и очень сильные морозы по ночамъ и утромъ до того изнурили верблюдовъ, что животныя едва волокли ноги и съ трудомъ поднимали грузъ въ 17 пудовъ. 30-го марта вышелъ изъ Эмбенскаго поста и весь отрядъ, а 31 транспортъ съ продовольствіемъ и другими тяжестями отряда, подъ прикрытіемъ одной роты и двухъ сотенъ. Весь запасъ продовольствія, вышедшій съ этимъ транспортомъ, состоялъ изъ провіанта на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, по 15 іюня, и овса на 2 мѣсяца по 5 іюня, сверхъ того, запасъ его еще въ 500 четвертей. Затѣмъ 1-й тыльный запасъ (провіанта на мѣсяць и овса на $\frac{1}{2}$ мѣсяца), а также часть тяжестей, не взятыхъ за недостаткомъ въ Эмбенскомъ постѣ нужнаго количества верблюдовъ, выступили въ концѣ мая, а 2-й тыльный запасъ двухъ-мѣсячной пропорціи провіанта и овса и сверхъ того 1000 четвертей на случай замѣны сѣномъ, вышелъ изъ Эмбы 15 іюня. Съ полученія его весь отрядъ обезпечивался по 15 сентября. Оба эти транспорта конвоировались казачьими сотнями.

Вмѣстѣ съ выступленіемъ нашего отряда, изъ Хивы получено было свѣдѣніе, что по всему ханству собираютъ людей, снабжаютъ каждого лошадей, саблей и ружьемъ; сборнымъ пунктомъ ихъ къ сторонѣ Оренбургской степи были назначены окрестности Кунграда, откуда ихъ перевели въ Джаны-Калы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ отправилъ чрезъ Чамбай въ Казалинскъ посланца и съ нимъ 21 человѣка нашихъ плѣнныхъ. Вскорѣ стало извѣстно и то, что Аральская флотилія, которая должна была подойти къ юго-западному берегу моря для открытія сообщенія съ оренбургскимъ отрядомъ, за неимѣніемъ топлива не можетъ направиться по этому пути, а потому отправлена прямо къ устьямъ Аму-Дары.

4-го апрѣля, отрядъ нашъ послѣ дневки на Аты-Джаексы, едва сдѣлавъ 65 верстъ отъ Эмбенскаго поста, достигъ горы Намазтау; сначала глубокій снѣгъ, потомъ сильная грязь изнурили верблюдовъ, страдавшихъ еще и отъ безкормицы; переходы чрезъ лощины, наполненные водой, возможны были только утромъ, когда вода нѣсколько спадала. На каждомъ переходѣ по нѣсколь-

десятею вѣрблюдовъ ложились, и приходилось бросать ихъ, перевоза тяжести на запасныхъ; смѣнить ихъ свѣжими не было возможности, такъ какъ по всему пути слѣдованія и въ окрестностяхъ не было кочевовъ и жилья.

Какъ вообще въ степи, зима быстро смѣняется лѣтомъ, здѣсь промежутка, называемаго весной, совсѣмъ не бываетъ и отъ сильнѣйшаго холода переходъ въ такому же зною, явленіе обыкновенное: отъ 12° морозу въ началѣ апрѣля, въ 17 числу того же мѣсяца жаръ доходилъ уже до 36° Реом. Къ 11 апрѣля дороги уже совершенно высохли и движенія войскъ значительно облегчились, къ тому же показавшійся кормъ много освѣжилъ вьючныхъ животныхъ. 11 апрѣля отрядъ достигъ уроч. Арысь, на Усть-Уртѣ, далѣе отрядъ двигался до уроч. Исенъ-Чагылъ у южной оконечности песковъ «Большіе Барсуки», не вдалекѣ отъ сѣверо-западныхъ береговъ Аральскаго моря, и выждавъ здѣсь нѣсколько дней оставшій транспортъ, слѣдовалъ оттуда чрезъ Каратамакъ четырьмя эшелонами, — первый: изъ 2 сотенъ казаковъ, 3 ротъ пѣхоты и 4 конныхъ орудій; второй: сотни казаковъ, 3 роты пѣхоты, 2 конныхъ орудій и 2 мортиры; третій: 2 сотенъ казаковъ, 2-хъ ротъ пѣхоты и ракетной батареи, и четвертый: 2 сотенъ казаковъ, роты пѣхоты, 2 орудій и 2700 вѣрблюдовъ съ запаснымъ провіантомъ. Раздѣленіе отряда на эшелоны сдѣлано было потому, что на пути отъ Арыса чрезъ Косъ-булакъ на Касарму не было достаточнаго количества воды (по этому пути двигалась правая колонна отряда). Люди и лошади выносили походъ превосходно, всѣхъ больныхъ было 8 человекъ. Изъ Хивы доходили самыя противорѣчивыя извѣстія: говорили, что нѣсколько тысячъ человекъ посланы на уроч. Дау-Кара и на Ургу, что на Касармѣ имѣется небольшой наблюдательный постъ, что въ хивинскихъ владѣніяхъ дѣлается нарядъ на службу по 1 человеку съ 5 домовъ и что туркмены повидимому уклоняются отъ содѣйствія хану, который притомъ не довѣряетъ и нашимъ бѣглецамъ-киргизамъ, такъ какъ между ними замѣтно колебаніе и желаніе явиться съ повинною.

Съ уроч. Исенъ-чагылъ отрядъ двигался совершенно благополучно и 25 апрѣля достигъ уроч. Касармы. Въ водѣ изъ вырываемыхъ войсками колодцевъ недостатка не встрѣчалось, а мѣстами въ ущельяхъ Чинка былъ даже снѣгъ. Хотя со стороны хивинцевъ и не было замѣтно никакихъ оборонительныхъ или охранительныхъ мѣръ, но до Исенъ-Чагыла отрядъ нашъ не встрѣтилъ ни одиночныхъ людей, ни каравановъ; было очевидно, что никого изъ ханства не пускали. Здѣсь же генераль-лейте-

нантъ Веревкинъ получилъ первое извѣстіе отъ начальника мангиплакскаго отряда полковника Ломакина, изъ котораго онъ узналъ, что отрядъ этотъ долженъ по расчету прибыть на Айбугиръ 4 или 9 мая, но генераль Веревкинъ послалъ приказаніе выдти кавказцамъ на соединеніе съ нимъ на Ургу.

Такъ какъ кавказскія войска полковника Ломакина за немѣніемъ верблюдовъ не въ состояніи были взять съ собою продовольствія болѣе какъ на три мѣсяца, то оренбургское окружное начальство распорядилось послать въ Иргизъ чиновника для найма перевозочныхъ средствъ и отправки изъ тамошняго запаснаго магазина, по числу 2400 человекъ и 950 лошадей кавказскаго отряда, 659 четвертей сухарей, 114 четвертей крупъ и 1300 четвертей овса. Продовольствіе это отправлялось въ Каратамакъ съ такимъ расчетомъ, чтобы одновременно прибыть съ тыльными запасными транспортами, отправляемыми въ отрядъ, или въ Ургу, изъ Эмбенскаго поста.

28-го апрѣля выступивъ изъ урочища Касармы, въ 5-му мая весь отрядъ сосредоточился въ укр. Джана-Кала на Ургѣ, въ 900-хъ верстахъ отъ Эмбенскаго поста ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь генераль Веревкинъ отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ отряда:

„Вчерашняго числа, вѣранный мнѣ отрядъ, достигнувъ укрѣпленія Урга, выполнилъ съ точностію Высочайшую волю: чтобы, въ началѣ мая, войска Оренбургскаго военнаго округа находились на границѣ хивинскихъ владѣній. При этомъ войскамъ пришлось перенести не мало трудовъ и лишеній: вслѣдъ за зимнимъ походомъ отъ Оренбурга, Уральска и Орска къ Эмбѣ они должны были сдѣлать переходъ около 600 верстъ отъ Эмбенскаго поста, изъ которыхъ половину по дорогамъ, испорченнымъ весеннею распутицей, другую же — по безводнымъ и безплоднымъ пустынямъ Усть-Урга, еще недавно считавшимися недоступными для русскихъ отрядовъ.

„Рѣдко случалось русскимъ войскамъ дѣлать походы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ; но, несмотря на это, походъ совершенно исполнѣнъ благополучно: люди сохранили бодрость и силу, больныхъ и слабыхъ между ними очень мало, лошади сбережены въ удивлительной видѣ, и, сверхъ всего этого, въ теченіе всего похода не было ни одного случая, который обнаружилъ бы упадокъ духа, нарушение дисциплины или нерадѣніе въ исполненіи служебныхъ обязанностей.

„Хотя подобныя результаты были подготовлены заботливыми и предусмотрительными мѣрами со стороны главнаго начальства, тѣмъ не менѣе я не могу не признать, что легкость, съ которою перенесенъ столь трудный походъ, главнѣйшимъ образомъ, обусловлена молодецкимъ духомъ нижнихъ чиновъ и заботливостію со стороны ближайшихъ начальниковъ о сохраненіи порядка во вѣранныхъ имъ частяхъ. Въ особенности, не могу не сознаться, что нѣкоторые части отряда вполне поддерживали, издавна признанную за русскою пѣхотою, славу лучшихъ въ мірѣ ходяковъ.

„А потому, поздравляю вѣранный мнѣ отрядъ съ окончаніемъ самой трудной части похода, объявляю мою душевную благодарность всѣмъ начальствующимъ лицамъ за ихъ труды и усердное содѣйствіе въ моихъ заботахъ о наилучшемъ выполненіи Высочайше указанной намъ задачи; нижнимъ же чинамъ отряда, за ихъ безукориз-

Джана-Кала находится въ 6-ти верстахъ отъ мыса Урга, на днѣ совершенно высохшаго Айбугирскаго залива у канала Джана-Джанъ, проведеннаго отъ Аму-Дарьи три года назадъ хивинцами, и возведено ими почти одновременно съ другимъ укрѣпленіемъ, находящимся нѣсколько выше, по этому же каналу. Укрѣпленіе Джана-Кала имѣетъ видъ квадратнаго редута съ мелкимъ и узкимъ (вообще неправильнымъ) рвомъ; длина фасовъ около 100 саж. Прикрытіе состоитъ изъ стѣны вышиною въ $2\frac{1}{2}$ саж. и толщиною въ основаніи около $1\frac{1}{2}$ саж., и въ верхней части имѣющей форму стѣнки съ зубцами и бойницами не болѣе 1-го фута. Вся постройка сдѣлана изъ глины. Оба эти укрѣпленія найдены пустыми; первое изъ нихъ, по показаніямъ, полученнымъ впослѣдствіи, занято было каракалпаками и сартами въ числѣ отъ 500 до 800 человекъ, которые ушли изъ крѣпости дня за два до прибытія отряда. Въ этихъ укрѣпленіяхъ, кромѣ ста никуда негодныхъ кибитовъ, никакого имущества и никакихъ запасовъ не найдено.

За нѣсколько дней до прихода на Ургу, генералъ Веревкинъ разослалъ чрезъ лазутчиковъ къ каракалпакамъ и туреманамъ и находящимся въ Хивѣ киргизамъ прокламацію, призывающую къ покорности тѣхъ киргизовъ, которые отпочевали изъ русскихъ областей въ хивинскія владѣнія ¹⁾).

менное поведеніе, молодецкое перенесеніе походныхъ лишеній и трудовъ, объявляя спасибо отъ всего сердца. Вполнѣ увѣренъ, что и дальнѣйшій походъ совершится съ тѣмъ же успѣхомъ.

„Приказъ этотъ прочесть людямъ во всѣхъ частяхъ отряда“.

¹⁾ Вотъ эта прокламація:

„Киргизы разныхъ родовъ и отдѣленій, живущіе въ хивинскихъ предѣлахъ!

„По волѣ Его Императорскаго Величества Государя Всероссійскаго хивинское правительство и его подданные должны понести наказаніе, заслуженное ими разными враждебными дѣйствіями противъ могущественной Россіи, какъ-то: вторженіемъ во оруженныя шакы въ русскіе предѣлы, подстрекательствомъ русскихъ подданныхъ киргизовъ къ мятежу и неповиновенію законной власти, грабежами, задержаніемъ и плѣну русскихъ подданныхъ и многими другими подобными поступками.

„Наказаніе постигнетъ всѣхъ тѣхъ жителей хивинскихъ владѣній, которые захотятъ встрѣтить русскія войска съ оружіемъ въ рукахъ или будутъ какимъ-либо другимъ образомъ противудѣйствовать ихъ успѣхамъ и не исполнять приказаній русскихъ военачальниковъ. Но гораздо суровѣе, чѣмъ для другихъ, наказаніе это будетъ для тѣхъ киргизовъ, выходящихъ въ хивинскихъ предѣлахъ, которые, забывъ Бога и данную ими или ихъ предками присягу на вѣрность Россійскому Императору, не раскаются и на этотъ разъ и будутъ дѣйствовать заодно съ врагами Его Величества.

„Однако-жъ Государь Всероссійскій справедливъ и многомилостивъ. Онъ желаетъ, чтобы казни соотвѣтствовала винѣ и чтобы невинные не пострадали. Его Величеству извѣстно, что нѣмъ изъ киргизовъ, отпочевавшихъ въ Хиву по своимъ хозяйственнымъ надобностямъ, задержаны тамъ хивинскими властями, другіе переселились туда и

Быть можетъ, что прокламація эта была одной изъ причинъ того, что еще до прихода нашего на Ургу явился къ генералу Веревкину посоль съ изъясненіемъ полной покорности со стороны важнѣйшихъ нашихъ измѣнниковъ изъ киргизовъ, которые въ 1869 и 1871 годахъ ушли въ хивинскіе предѣлы, а вслѣдъ за приходомъ на Ургу явились въ отрядъ: Азбергенъ Мунайпасовъ, Хангалій Араслановъ, Кутебаръ Айдекеневъ, Каратау Утербаевъ, Рыспай Асмантаевъ и др. менѣе важные. Всѣ они были оставлены для службы при отрядѣ, такъ какъ генералъ Веревкинъ надѣялся извлечь изъ нихъ не мало пользы какъ при движеніи отряда, такъ и при заготовленіи продовольствія; одинъ только Араслановъ, болѣе другихъ виновный въ измѣнѣ, какъ чиновникъ русской службы, былъ сданъ на поруки помощнику иргизскаго уѣзднаго начальника Исету Кутебарову и Аликену Сазанову.

По заявленію Асбергента и другихъ, всѣ кочующіе въ хивинскихъ предѣлахъ киргизы ожидали прихода русскихъ войскъ съ полною покорностію. По ихъ показаніямъ, всѣ запасы продовольствія, на которые русскія войска могли рассчитывать, сосредоточивались въ городахъ Хивѣ и Кунградѣ; притомъ запасы эти состояли исключительно изъ ячменя, джугары и дженушки и, насколько можно было вѣрить, не превышали 5 — 6 тысячъ пудовъ зерна.

Всѣ эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ тѣми, какія были доставлены прежними рекогносцировками и разспросами, много способствовали опредѣленію плана дальнѣйшихъ дѣйствій отряда нашего.

прежнія времена, не могли возвратиться на свою родину или по бѣдности, или потому, что обзавелись тамъ постояннымъ хозяйствомъ, третьи, наконецъ, ушли или по наученію неблагонамѣренныхъ людей, или изъ страха наказанія за какіе-либо противузаконные поступки, а потому уже возвратиться не смѣли.

„Поэтому объявляется нынѣ всѣмъ проживающимъ въ хивинскихъ предѣлахъ киргизамъ, чтобы они не уходили отъ русскихъ отрядовъ, а сидѣли бы съ аулами на своихъ мѣстахъ и немедленно высылали ко мнѣ своихъ старшинъ съ изъясненіемъ покорности. Тѣ изъ нихъ, которые изъяснятъ покорность и ни въ чемъ противузаконномъ ни прежде, ни теперь виновны не будутъ, не подвергнутся никакому наказанію или насилію, и за все, что они захотятъ продать русскимъ войскамъ, получатъ наличныя деньги; тѣ же, которые имѣютъ за собою какую-либо вину, могутъ рассчитывать на снисхожденіе, какъ добровольно явившіеся.

„Если же найдутся между ними такіе, которые захотятъ сражаться съ русскими войсками или какимъ-либо другимъ образомъ дѣйствовать заодно съ врагами нашими, то съ подобными людьми будетъ поступлено безъ всякой пощады и жалости, не только какъ съ врагами, но какъ съ измѣнниками своего законнаго Государя.

„Вникните, киргизы, хорошо въ мои слова: они истекаютъ изъ истиннаго желанія вамъ добра“.

Извѣстія объ измѣненіи очертанія береговъ Аральскаго моря совершенно подтвердились: Айбугиръ оказался совершенно сухъ; островъ Токманъ-ата соединился съ материкомъ и отъ Аму-Дары къ Ургѣ проведенъ каналъ, по которому пролегаетъ теперь путь въ хивинскіе предѣлы не только кратчайшій и удобнѣйшій, но едва ли не единственный,—такъ какъ дорога вдоль западнаго берега Айбугира, и прежде отличавшаяся безводіемъ и бесплодіемъ, теперь совершенно оставлена. По каналу этому и его окрестностямъ сосредоточивается и большая часть населенія сѣверной части ханства, какъ осѣдлаго такъ и кочевого: по этой же дорогѣ хивинцы ожидали и вторженія войскъ Оренбургскаго округа, и по слухамъ, въ Кунградѣ собирались нѣсколько тысячъ узбековъ и туремень съ артиллеріей. Что же касается затрудненій, которыя, по предположеніямъ, должны были представить для движенія войскъ болота и каналы лѣваго берега Аму-Дары, то первыя существуютъ, и то въ незначительной степени, лишь при лѣтнихъ разливахъ рѣки, каналы же удобопроходимы при незначительныхъ работахъ.

По этимъ соображеніямъ, для дальнѣйшаго движенія вглубь хивинскихъ владѣній генералъ Веревкинъ рѣшился избрать путь на Кунградъ и Куна-Ургенчъ, или на Ходжейли и Бендъ. Путь этотъ, кромѣ того, что съ перваго же перехода приводилъ отрядъ въ населенную страну, представляющую средства обезпечить войска порціоннымъ скотомъ и фуражемъ, въ то же время сближалъ отрядъ и съ аральской флотиліей, которая стояла въ это время въ Аму-Дарѣ ниже Кунграда, и давалъ возможность оказать болѣе дѣятельное содѣйствіе войскамъ Туркестанскаго округа при переправѣ чрезъ Аму-Дарю. Устроивъ складочный пунктъ на Ургѣ, такъ какъ укрѣпленіе Джана-Кала по своей величинѣ и конструкціи не могло быть приспособлено къ оборонѣ для прикрытія оставляемыхъ тамъ войскъ, былъ возведенъ небольшой редутъ полевой профили, хивинское же сооруженіе разорено. Для охраненія склада были оставлены одна рота и одна сотня съ 2-мя ракетными станками; что же касается 2-хъ пѣшихъ орудій, которыя предполагалось прежде здѣсь оставить, то они взяты съ войсками для вооруженія, въ случаѣ надобности, Кунграда, такъ какъ не было получено никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій о движеніи мангышлакскаго отряда и нельзя было надѣяться, что онъ окажетъ своевременное содѣйствіе. Здѣсь же оставленъ чиновникъ для принятія и транспортированія къ войскамъ запасовъ продовольствія, которые доставлялись къ Ургѣ, какъ выше сказано: для перевозки же ихъ оставлено 1200 верблюдовъ, наиболѣе

слабыхъ изъ числа состоящихъ при отрядѣ, которые до прихода транспорта успѣвали поправиться.

Съ приходомъ отряда на Ургу, воля Государя Императора: чтобы оренбургскія войска къ началу мая достигли хивинскихъ предѣловъ, была выполнена вполнѣ, несмотря на непредвидѣнныя задержки въ выступленіи и на чрезвычайную трудность пути по маловоднымъ и безводнымъ пустынямъ Усть-Урта. Самая трудная часть возложенной на отрядъ задачи исполнена съ полнымъ успѣхомъ; здоровье и силы людей и лошадей были вполнѣ сбережены, бодрость духа сохранена и войска ждали встрѣчи съ непріателемъ съ полной увѣренностію въ успѣхѣ. Результаты эти, безъ сомнѣнія, въ самой значительной степени обезпечены были предусмотрительностію и заботливостію предварительныхъ распоряженій, но нельзя не отдать также справедливости какъ энергіи войскъ, такъ и опытности начальника этого отряда генерала Веревкина.

Выступивъ 6-го мая изъ укр. Джана-Кала, 8-го числа отрядъ генерала Веревкина достигъ города Кунграда. Мѣстность по этой дорогѣ, хотя изрытая множествомъ арыковъ, не представляла, однакожъ, слишкомъ значительныхъ затрудненій: потребовалось только исправить нѣсколько мостовъ и срыть нѣсколько спусковъ, для удобнѣйшаго слѣдованія обоза. Послѣдній передъ Кунградомъ ночлегъ отрядъ имѣлъ на уроч. Асъ-бергенъ-Бакъ, верстахъ въ 13-ти отъ Кунграда, выславъ авангардъ изъ 3-хъ казачьихъ сотенъ съ ракетными станками верстъ за 5 впередъ, для охраненія имѣющихся здѣсь мостовъ чрезъ арыки. Дня за четыре до прибытія отряда къ Кунграду, городъ былъ занятъ передовымъ отрядомъ хивинскихъ войскъ (по различнымъ показаніямъ), отъ 500 до 1500 человекъ безъ артиллеріи, подъ начальствомъ Джасаула Мамыта, узбека, родомъ изъ Кунграда. Скопище это, не занимая города (жители котораго, еще на Ургу выславшіе къ генералу Веревкину депутацію съ изъявленіемъ покорности, при приближеніи хивинцевъ разбѣжались), расположилось правымъ флангомъ къ городу, нѣсколько сзади, выславъ передовыхъ всадниковъ къ канавамъ и небольшимъ садамъ, верстахъ въ 2-хъ впереди города. При приближеніи нѣсколькихъ человекъ джигитовъ, посланныхъ отъ нашего отряда къ городу для развѣдокъ, эти передовые люди обратились въ бѣгство.

Приостановивъ на нѣсколько минутъ движеніе отряда, чтобы дать ему возможность выстроиться въ порядѣ при выходѣ изъ дефила, образуемаго, верстахъ въ трехъ отъ Кунграда, арыками съ высокими насыпями и садами, посланы были впередъ 3 казачьихъ сотни, чтобы открыть расположеніе непріятеля, а въ слѣдъ

чаѣ его бѣгства преслѣдовать немедленно. Однако-жъ оказалось, что скопище обратилось въ поспѣшное бѣгство, не выждавъ даже появленія сотенъ; захвачено было лишь два человѣка отсталыхъ и выпущено въ догонку около 50-ти ружейныхъ выстрѣловъ и 2 ракеты. Преслѣдовавъ верстъ 8 далѣе Кунграда, по дорогѣ на Ходжейли, отрядъ остановился, такъ какъ дальнѣйшее преслѣдованіе по изрытой арыками мѣстности найдено совершенно бесполезнымъ. Разѣзды, посланные впередъ, не открыли непріятеля на разстояніи 15-ти верстъ: по свѣдѣніямъ, скопище, разбѣжавшееся отъ Кунграда, верстахъ въ 30-ти отъ этого города встрѣтило хивинскій отрядъ тысячи въ три человѣкъ, при двухъ орудіяхъ, который подъ начальствомъ мехтера (хивинскаго визиря) шелъ къ нимъ на поддержку, но также обратился въ бѣгство, собравшись затѣмъ на протокъ Карабайли верстахъ въ 50-ти отъ Кунграда, по дорогѣ въ Ходжейли.

Оставивъ авангардъ изъ 3-хъ сотенъ на мѣстѣ, отрядъ отошелъ назадъ къ Кунграду, около котораго и расположился лагеремъ. Городъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ въ ханствѣ, имѣющій до 6000 жителей, найденъ почти совершенно пустымъ. Жители, какъ сказано выше, разбѣжались, имущество вывезено, самый городъ представляетъ почти развалины. Городская стѣна и часть жилищъ, послѣ разрушенія ихъ, произведеннаго лѣтъ за 15 передъ симъ во время междоусобной войны хивинцевъ съ туркменами, не возобновлялись; ханскій дворецъ, составляющій мѣстопробываніе кунградскаго бека, въ совершенномъ упадкѣ. Но мѣстность здѣсь, прорѣзанная всюду каналами, съ обиліемъ воды въ р. Аму-Дарьѣ — весьма привлекательна; природныя богатства поражаютъ своимъ обиліемъ, но мусульманскій деспотизмъ убиваетъ все, чѣмъ такъ щедро надѣлила природа страну древняго Ховарезма. Приказавъ разрушить ханскій дворецъ и домъ, принадлежавшій начальствовавшему надъ хивинскими войсками въ Кунградѣ Джасаулу Мамыту, генералъ Веревкинъ занялъ городъ карауломъ и нарядилъ комиссію для изслѣдованія, какое имѣется въ Кунградѣ и его окрестностяхъ имущество, принадлежащее ханской казнѣ и ханскимъ чиновникамъ, и какія могутъ быть сдѣланы заготовленія для войскъ отряда. Жители города вскорѣ начали собираться въ городъ и приводить для продажи быковъ и барановъ. Здѣсь войска начали пользоваться прѣсною водою, что также много облегчило ихъ положеніе: жаръ доходилъ уже до 40° по Реом.

По приходѣ въ Кунградъ получено чрезъ киргизовъ извѣстіе, что съ пароходовъ Аральской флотиліи, которая зашла въ одинъ

изъ протоковъ Аму-Дарьи и стоять верстахъ въ 25-ти отъ Кунграда, не имѣя возможности двигаться далѣе по мелководью, выслана была команда изъ 8 русскихъ и 4 киргизовъ, для осмотра плотины, препятствующей движенію пароходовъ. Плотины эту вызвался указать кочующій здѣсь сыр-дарьинскій киргизъ Чилинскаго рода Утень. Пригласивъ команду къ себѣ для угощенія, Утень далъ знать объ этомъ хивинцамъ, занимавшимъ Бунградъ, которые явились сюда и, захвативъ людей, 10 человекъ зарѣзали, а двухъ увезли съ собой. Немедленно по полученіи объ этомъ извѣстія генераль Веревкинъ послалъ команду для захвата аула означеннаго Утень, который, по слухамъ, самъ ушелъ съ хивинцами, и для того, чтобы отереть мѣсто гдѣ находилась флотилія. Указать этотъ аулъ вызвался Асбергень Мунайтнасовъ, который взялся также провести флотилію къ Кунграду или, если это невозможно, указать плотины, запружающія русло рѣки. Вообще Асбергень, Хангалій, Кутебаръ и др. жившіеся съ повинною, весьма усердно и съ пользою служили при отрядѣ.

Объ отрядѣ полковника Ломакина здѣсь получено было тоже отъ киргизовъ извѣстіе; что онъ разгромилъ одинъ Адаевскій аулъ гдѣ-то около Айбугира и движется къ Куны-Ургенчу. Еще прежде посланы были ему два предписанія двигаться на Ургу, но такъ какъ было неизвѣстно, получены ли были они, и такъ какъ преслѣдованіе адаевцевъ могло приблизить его къ Куны-Ургенчу, то генераль Веревкинъ снова послалъ ему предложеніе отъ Куны-Ургенча идти на Ходжейли, куда рѣшился двинуть и ввѣренный ему отрядъ. Это было нужно, во-первыхъ, для преслѣдованія хивинцевъ, собирающихся подъ начальствомъ Мехтера, около Ходжейли, во-вторыхъ, для того, чтобы оказать наибольшее содѣйствіе аральской флотиліи, при ея движеніи вверхъ по Аму и переправѣ войскъ туркестанскихъ, о мѣстѣ нахождения которыхъ не получалось точныхъ свѣдѣній, изъ чего можно было заключить, что они находятся за Аму-Дарьей ¹⁾. Ханское правительство, по-видимому, не принимало почти никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ для защиты своей территоріи: войска хивинскія бѣжали до встрѣчи съ отрядомъ, мосты по арыкамъ почти нигдѣ не разрушались для наводненія мѣстности, которое весьма легко было бы произвести и которое значительно затруднило бы дви-

¹⁾ По киргизскимъ слухамъ, войска Туркестанскаго округа шли за Аму-Дарьей дѣло съ хивинскимъ скопищемъ, подъ начальствомъ Садмеа, которое и разбито. Самъ Садмеа возвратился въ свой аулъ около м. Ургенча.

женіе войскъ; наконецъ укрѣпленія, которыя, какъ, напр., Джана-Кала, могли бы защищаться хотя нѣкоторое время, не приведены въ оборонительное состояніе, — словомъ, видно было полное неустройство и отсутствіе руководства. Нельзя было не отнести этого къ тому, что киргизы, каракалпаки и туремены, за немногими исключеніями, отказали въ своемъ содѣйствіи хану, быть можетъ, убѣдившись изъ прокламацій генерала Веревкина въ безопасности своей жизни и своего имущества со стороны русскихъ отрядовъ.

Простоявъ въ Кунградѣ три дня, 12 мая отрядъ выступилъ по дорогѣ къ Ходжейли. Наканунѣ выступленія отряда, выдвинуть былъ на одинъ переходъ авангардъ изъ трехъ казачьихъ сотенъ съ ракетной командой, который расположился на берегу р. Талдыка, при истокѣ высохшаго канала Угузъ, въ 25 верстахъ за Кунградомъ. Здѣсь, въ ночь на 12 мая, партія хивинцевъ, силою до 300 человекъ, воспользовавшись темнотою и крайне пересѣченною мѣстностью, произвела нападеніе на авангардъ, но была отбита съ полнымъ успѣхомъ. Подробности этого дѣла заключались въ слѣдующемъ:

Лагерь авангарда, расположеннаго въ видѣ каре, примыкалъ однимъ боковымъ фасомъ къ р. Талдыкъ; передній фасъ занимала 1-я уральская, боковой — 2-я уральская сотни, задній фасъ — 2-я оренбургская сотня; ракетный взводъ былъ расположенъ въ углу, между 1 и 2 уральскими сотнями. Верблюды и тяжести были расположены передъ своими фасадами. На аванпостахъ стояла часть 2-й оренбургской сотни. Около 3 часовъ ночи, 12 мая, дежурный по аванпостамъ донесъ начальнику авангарда, что къ одному изъ нашихъ пиветовъ подъѣзжало нѣсколько человекъ, которые, послѣ оклика, бросились назадъ, почему пиветный казакъ сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ. Не успѣлъ полковникъ Леонтьевъ (начальникъ авангарда) отдать приказаніе собираться всѣмъ сотнямъ и послать къ сторонѣ, откуда показался непріятель, усиленный разѣздъ, какъ хивинцы, съ громкимъ гиканьемъ, кинулись на 2-ю оренбургскую и 2-ю уральскую сотни; но, встрѣченные выстрѣлами уже собравшихся казаковъ, они быстро отступили. Черезъ нѣсколько времени непріятель снова кинулся на 1-ю уральскую сотню, но и здѣсь былъ отбитъ ружейными выстрѣлами, послѣ чего онъ обратился въ бѣгство. Полковникъ Леонтьевъ преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля 1-ю уральскою и 2-ю оренбургскою сотнями, по ходжейлинской дорогѣ, верстъ на десять, и убѣдившись, что хивинцы совершенно разсѣались, возвратился къ своему лагерю. Потери въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны не было, кромѣ одной лошади; непріятель же, пользуясь ночною тем-

нотой, успѣлъ увести своихъ убитыхъ и раненыхъ. Шайка, производившая нападеніе, была вся конная и состояла преимущественно изъ колычужниковъ.

Получивъ извѣстіе, что отрядъ полковника Ломакина (въ составѣ 10 ротъ, четырехъ сотенъ, двухъ полевыхъ и двухъ горныхъ орудій) долженъ былъ прибыть 12-го мая въ Кунграду, генералъ Веревкинъ призналъ возможнымъ оставить въ Кунградѣ, для поддержанія спокойствія и прикрытія нашихъ сообщеній, одну роту (3-го оренбургскаго линейнаго баталіона) и одну сотню (3-ю уральскую), которыя онъ усилилъ одною сотнею и двумя горными орудіями изъ отряда полковника Ломакина. Начальствованіе надъ упомянутыми войсками, а также надъ всей занятой страной, поручено особому лицу, въ помощь, которому, для управленія мѣстнымъ населеніемъ, назначенъ Исеть Кутебаровъ, съ четырьмя помощниками изъ представителей различныхъ народностей: киргизовъ, каракалпаковъ и узбековъ.

Здѣсь же подтвердилось свѣдѣніе о прискорбномъ случаѣ въ командѣ, высланной отъ аральской флотиліи. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: 7-го мая, съ флотиліи послана была команда изъ девяти рядовыхъ, одного унтеръ-офицера и топографа, которой было поручено осмотрѣть плотины, построенныя на Улькунъ-Дарѣ и войти въ сношеніе съ генераломъ Веревкинымъ. Провести упомянутую команду вызвался откочевавшій изъ Сыръ-Дарьинской области чиклинецъ Утенъ. Затѣмъ, команда эта въ отрядъ не возвратилась, а по розыскамъ, верстахъ въ 10-ти отъ Кунграда, были найдены 11-ть обнаженныхъ и обезглавленныхъ ихъ труповъ, въ числѣ которыхъ, по нѣкоторымъ признакамъ, можно предполагать и трупъ офицера. Тѣла убитыхъ были перевезены въ лагерь и преданы христіанскому погребенію, для раскрытія же подробностей дѣла предписано произвести дознаніе. Къ сожалѣнію, Утенъ, который, по увѣренію киргизовъ, измѣнически выдалъ команду непріятелю, успѣлъ бѣжать ранѣе прибытія посланныхъ для его арестованія людей; захвачены только его семейство (жена и двое малолѣтнихъ дѣтей) и имущество, и задержаны также заложниками три киргиза изъ сосѣдняго аула, въ которомъ Утенемъ взяты были для команды лошади, и жителямъ котораго приказано его представить подъ опасеніемъ истребленія аула и разстрѣлянія заложниковъ. Изъ перваго дознанія по упомянутому убійству оказывалось, что нападеніе на команду сдѣлано было, повидимому, врасплохъ, во время отдыха, такъ какъ тѣла убитыхъ найдены лежащими въ порядкѣ, какъ бы во время сна, на берегу рѣки, вблизи развалинъ какого-то зданія,

удобнаго для обороны, между тѣмъ, признаковъ борьбы около тѣлъ не видно; между тѣмъ, люди, по донесенію начальника аральской флотиліи, были вооружены ружьями и револьверами, и имѣли при себѣ достаточное число патроновъ.

Аральская флотилія остановилась вслѣдствіе мелководія въ Улькунъ-Дарьѣ, верстахъ въ 25-ти не доходя Кунграда. Мелководіе въ рѣкѣ происходитъ отъ запруженія ея плотинами, выше мѣста нахождения флотиліи, почему лучшимъ средствомъ было бы разрушеніе этихъ плотинъ; но такъ какъ разрушеніе ихъ, по заявленію мѣстныхъ жителей, лишило бы воды значительную часть населенія и въ то же время, по ихъ же словамъ, представлялась возможность провести пароходы вверхъ, но только не заходя въ Кунградъ, а прямо на Ходжейли, то начальникъ экспедиціоннаго отряда, прежде чѣмъ рѣшиться на уничтоженіе плотинъ, поручилъ одному изъ каракалпаевскихъ старшинъ провести пароходы по указываемому имъ пути на Ходжейли.

12-го мая, прибылъ къ отряду генерала Веревкина полковникъ Ломакинъ, оставивъ свой отрядъ въ Кунградѣ. При дальнѣйшемъ движеніи, мангышлавскому отряду, за исключеніемъ частей, оставленныхъ въ Кунградѣ (одной сотни и двухъ горныхъ орудій), назначено было двигаться въ одномъ переходѣ за войсками оренбургскаго отряда. Мангышлавскій отрядъ, до соединенія съ оренбургскимъ, потерялъ на пути, отъ изнуренія, до 400 верблюдовъ.

13-го мая, оренбургскій отрядъ, продолжая движеніе на Ходжейли, имѣлъ ночлегъ на каналѣ Кіать-джаріанѣ, въ 45 верстахъ за Кунградомъ, въ густомъ лѣсу, который тянется, съ небольшими перерывами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, почти отъ Кунграда до Ходжейли. Затрудненій для движенія войскъ лѣсъ не представлялъ, такъ какъ по немъ проходила хорошая широкая дорога. 14-го мая, отряду предстояло сдѣлать большой переходъ верстъ въ 30, до протока Карабайли, гдѣ, по свѣдѣніямъ, находился лагерь хивинскихъ войскъ. На серединѣ перехода отряду сдѣланъ былъ привалъ, но едва войска успѣли остановиться, какъ изъ арріергарда прислано было извѣстіе, что на прапорщика корпуса топографовъ Лойко, производившаго, подъ прикрытіемъ 15 казаковъ № 3-й оренбургской сотни, въ тылу отряда маршрутную съѣмку, сдѣлано нападеніе. Немедленно были посланы къ мѣсту нападенія 1½ сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Леонтьева, который, прибывъ къ мѣсту нападенія шайки, когда непріятель уже обратился въ бѣгство, нашелъ невозможнымъ преслѣдовать бѣгущихъ по болотистымъ лѣснымъ

зарослямъ. По разъясненіи дѣла оказалось, что съёмочная партія, верстахъ въ двухъ отъ арріергарда, была внезапно окружена шайкою до 100 чел., появившеюся изъ лѣса. Казаки успѣли собраться въ двѣ кучки и, открывъ огонь по непріятелю, выдержали нѣсколько его натисковъ; между тѣмъ, есаулъ Толстовъ, съ полусотней № 2-го сотни уральскаго войска, находившейся въ боковомъ развѣздѣ, услышавъ въ тылу выстрѣлы, поскакалъ на нихъ. Но непріятель, не выждавъ этого нападенія, бросился въ лѣсъ, захвативъ до 10 человѣкъ своихъ раненыхъ и оставивъ на мѣстѣ свалки три убитыхъ лошади. Съ нашей стороны изрубленъ былъ казакъ, занесенный лошадыю въ ряды непріятеля; кромѣ того, ранены тяжело два казака, и ранены легко: 1 офицеръ и два казака, и потеряно семь лошадей.

Часа черезъ три послѣ этой стычки, отрядъ выступилъ далѣе; но не успѣла голова колонны пройти версту, арріергардъ же только тронуться съ мѣста, какъ въ тылу снова раздались выстрѣлы. Немедленно дано было войскамъ колонны такое направленіе, чтобы нападеніе могло быть отражено одновременно со всѣхъ сторонъ, въ тылъ же былъ направленъ взводъ № 2-го конно-артиллерійской бригады и двѣ сотни.

Нападеніе на арріергардъ происходило слѣдующимъ образомъ. Едва № 3-го оренбургская сотня, находившаяся въ арріергардѣ, сѣла на коней, какъ изъ сосѣднихъ кустовъ и камышей послышалось гиканье и на сотню, съ тыла и съ фланговъ, понеслась густая цѣпь всадниковъ, силою въ 500 человѣкъ. Начальникъ сотни на рыскахъ приблизился къ хвосту обоза, предупредивъ казаковъ, что сотня будетъ спѣшена. Выѣхавъ на удобную позицію, сотня быстро спѣшилась и, сбавовавъ лошадей, встрѣтила залпомъ насккивающего на нее непріятеля, который вслѣдствіе этого приостановилъ свой натискъ. Въ это время подоспѣлъ къ арріергарду полувзводъ 4-й роты 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона. Непріятельская цѣпь, усилясь новыми толпами, бросилась снова въ атаку, но была отражена огнемъ 3-й сотни и вышеупомянутаго взвода. Между тѣмъ, къ арріергарду прибыли подкрѣпленія: сначала полувзводъ уральской № 3-го сотни, бывшей въ боковомъ патрулѣ, а затѣмъ, 1-я уральская и 6-я оренбургскія сотни, которыя и бросились преслѣдовать отступившаго во всѣ стороны непріятеля. Преслѣдованіе по мѣстности, покрытой кустами и густымъ камышомъ и изрѣзанной канавами, продолжалось верстъ на 9, и прекратилось только тогда, когда сотни загнали непріятеля въ болотистые камыши, слѣдованіе по которымъ было почти невозможно. Число убитыхъ и раненыхъ у не-

пріятеля было значительно. Съ нашей стороны, при отраженіи нападенія, потери въ людяхъ не было; убито только въ арріергардѣ два верблюда.

Затѣмъ отрядъ продолжалъ безостановочно дальнѣйшее движеніе, и прибылъ на ночлегъ къ предполагаемому мѣсту, у истока Карабайди изъ Аму-Дарьи. Здѣсь былъ найденъ обширный укрѣпленный лагерь хивинскихъ войскъ, обнесенный земляною насыпью со рвомъ, глубиною и шириною около сажени. Лагерь этотъ, по своему протяженію и по числу шалашей, могъ вмѣщать не менѣе трехъ тысячъ войскъ, построенъ былъ, какъ видно, недавно, а судя по остаткамъ свѣжаго камыша, брошенъ хивинцами только за нѣсколько дней. Здѣсь находились, по показаніямъ окрестныхъ жителей, главныя силы хивинскихъ войскъ, числомъ отъ трехъ до пяти тысячъ при трехъ-пяти орудіяхъ, подъ начальствомъ узбека Якубъ-Бая; при упомянутыхъ войскахъ находились и важнѣйшіе сановники ханства: мехтеръ и инакъ. Очистивъ лагерь, хивинцы направились къ Ходжейли, выславъ для нападенія на тылъ отряды охотниковъ, большею частію изъ туркменъ-іомудовъ и адаевцевъ; въ числѣ послѣднихъ въ нападеніи на отрядъ принимали участіе Гафуръ-Калбанъ, Иса и Дусанъ.

Къ ночи 14-го мая, къ оренбургскому экспедиціонному отряду присоединились войска мангышлакскаго отряда, выступившія изъ Кунграда 13-го мая. Хотя полковнику Ломакину, какъ упомянуто выше, предложено было отъ Кунграда двигаться вслѣдъ за войсками оренбургскими, сообразуя маршъ съ состояніемъ войскъ и давъ имъ, если онъ признаетъ нужнымъ, въ Кунградѣ отдыхъ, но, уступая желанію войскъ вѣреннаго ему отряда, принять скорѣйшее участіе въ столкновеніи съ непріателемъ, полковникъ Ломакинъ продолжалъ движеніе безостановочно, и сдѣлалъ въ послѣдній переходъ около 50 верстъ. Несмотря на такіа чрезвычайныя усилія, войска кавказскія найдены генераломъ Верекинмъ вполне бодрыми и горящими желаніемъ вступить въ бой съ непріателемъ.

15-го мая, соединеннымъ отрядамъ предстоялъ переходъ около 30 верстъ къ городу Ходжейли, занятому хивинскими войсками. Оба отряда выступили съ мѣста ночлега одновременно и были направлены двумя колоннами (правая изъ войскъ кавказскихъ), имѣя впереди кавалерію. Обозъ былъ соединенъ въ одну общую колонну подъ прикрытіемъ: трехъ ротъ 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона, двухъ сотенъ казаковъ и одной роты съ двумя пѣшими орудіями отъ мангышлакскаго отряда.

До половины перехода, войска не встрѣчали признаковъ не-

пріятеля. Но при выходѣ на опушку кустарниковъ, на обширномъ болотистомъ и заросшемъ густымъ камышомъ лугу, тѣнущемся къ городу, показалось нѣсколько сотъ непріятельскихъ всадниковъ, противъ которыхъ была немедленно выдвинута вдоль берега рѣки сотня дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни кубанскаго казачьяго войска, съ ракетными станками и съ цѣпью наѣздниковъ впереди; для поддержанія же ихъ была выдвинута вправо 2-я уральская и 2 и 3-я оренбургскія сотни съ ракетной командой, съ приказаніемъ, развернувшись, охватить лѣвый флангъ непріятельскихъ наѣздниковъ; въ то же время было послано приказаніе конной артиллеріи, задержанной на переправѣ черезъ арыкъ, ускорить движеніе.

Замѣтивъ наступленіе нашихъ войскъ, непріятельскіе наѣзники начали подаваться назадъ. Сотни же, посланныя въ обходъ лѣваго фланга хивинцевъ, были задержаны болотистою мѣстностью, также какъ и сотни, направленные для атаки непріятели съ фронта. А потому приказано было, до прибытія артиллеріи, преслѣдовать отступающаго непріятели ракетами. Когда же конная артиллерія догнала голову отряда, то она была поставлена на позицію, на берегу р. Аму-Дарьи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлала изгибъ и давала возможность поражать отступающаго непріятели во флангъ и въ тылъ. Отерывъ огонь съ 1200 саж., артиллерія принудила непріятели въ быстрому отступленію. Достигнувъ болѣе удобной для кавалерійскихъ дѣйствій мѣстности, генераль Веревинъ пустилъ сотни въ атаку. Нѣсколько верстъ казаки и дагестанцы гнались за непріятели, но густые камыши снова вынудили остановить быстрое преслѣдованіе. Между тѣмъ открылись городскіе сады, до которыхъ оставалось около пяти верстъ. Такъ какъ войска сдѣлали безъ привала 25 верстъ, то былъ данъ полутора-часовой отдыхъ, во время котораго непріятельскіе всадники продолжали гарцовать впереди отряда, а изъ города было пущено нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій.

Около трехъ часовъ пополудни, снова начато было наступленіе. Мѣстность впереди Ходжейли представляла низменную равнину, покрытую камышомъ и заливыми полями и изрѣзанную канавами; дорога отдѣлялась отъ р. Аму-Дарьи вправо; между дорогой и рѣкой, по полученнымъ свѣдѣніямъ, находилось болотистое озеро, правѣе дороги тянулся широкій арыкъ, впадающій въ другой, на которомъ былъ расположенъ городъ и черезъ который въ городъ имѣлся мостъ, составляющій единственную переправу для отступавшаго непріятели. За городскимъ арыкомъ вправо тянулись сады и отдѣльныя строенія.

Для атаки города войскамъ было дано слѣдующее направление: мангипшакскій отрядъ, составляя правое крыло, двинуть былъ небольшимъ обходомъ вправо, съ тѣмъ, чтобы, двигаясь садами вдоль городскаго арыка, подойти къ городу съ западной стороны, одновременно съ тѣмъ, какъ оренбургскія войска займутъ сѣверную часть города, если бы городъ не защищался; мангипшакскій отрядъ долженъ былъ занять въ городѣ мостъ, съ тѣмъ, чтобы пересѣчь путь отступленія непріятелю, лагерь котораго находился лѣвѣе города, между р. Аму-Дарьей и болотистымъ озеромъ. Войска оренбургскія двигались по дорогѣ, имѣя на правомъ флангѣ 2-й оренбургскій линейный баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ въ двѣ линіи, въ центрѣ шесть конныхъ орудій, а на лѣвомъ флангѣ двѣ казачьи сотни въ развернутомъ фронтѣ; оренбургская же № 2-го сотня направлена была еще лѣвѣе, въ промежутокъ между рѣкой и озеромъ, по направленію на непріятельскій лагерь. Въ общемъ резервъ оставленъ былъ одинъ изъ баталіоновъ кавказскихъ войскъ.

Замѣтивъ рѣшительное наступленіе нашихъ войскъ, непріатель быстро обратился въ бѣгство; только кавказскія войска, подойдя къ городскимъ садамъ, встрѣчены были изъ нихъ выстрѣлами, но ружейный и артиллерійскій огонь заставилъ непріателя очистить опушку садовъ, оставивъ на мѣстѣ одного убитаго и одного раненаго. Къ сожалѣнію, войска мангипшакскаго отряда, встрѣтивъ при наступленіи чрезвычайныя затрудненія отъ глубокихъ и широкихъ арыковъ, достигли города въ то время, когда онъ занятъ былъ безъ выстрѣла оренбургскими войсками, и потому кавказскія войска своевременнымъ занятіемъ городскаго моста не могли отрѣзать непріятелю путь отступленія.

У городскихъ воротъ генералъ Веревкинъ былъ встрѣченъ депутаціей отъ городскихъ жителей, заявившихъ совершенную покорность. Мѣстное населеніе, состоящее почти исключительно изъ ходжей ¹⁾, отличается совершенно мирнымъ характеромъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимало никакого участія, напротивъ, и само терпѣло притѣсненія отъ стоявшей здѣсь хивинской арміи. На этомъ основаніи, генералъ Веревкинъ оставилъ городъ въ цѣлости; войска же, пройдя городъ, были остановлены на ночлегъ въ городскихъ садахъ. Вскорѣ къ отряду присоединилась сотня, направленная къ непріятельскому лагерю. Лагерь этотъ, обнесенный земляною насыпью со рвомъ, былъ брошенъ непріателемъ; на рѣкѣ же видны были лодки, на которыхъ переправлялись по-

¹⁾ Узбековъ, считающихъ себя потомками Магомета.

мѣдніе хивинцы; пальбой, открытой по лодкамъ, убито было нѣсколько человѣкъ. Въ лагерь было найдено около 1000 пудовъ муки и джунгары (отданныхъ кавказскимъ войскамъ), нѣсколько палатокъ, ядеръ и небольшое количество пороха.

Городъ Ходжейли—торговый пунктъ, куда пріѣзжаютъ изъ окрестныхъ ханствъ купцы и кочевники; городъ обнесенъ землянымъ валомъ и имѣетъ трое воротъ; чрезъ городъ течетъ Арыкъ-канава и есть ханскій домъ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ занятія города, къ войскамъ подошелъ и обозъ, по которому, когда онъ приближался къ городу, открыта была стрѣльба съ праваго берега Аму-Дары, имѣющей въ этомъ мѣстѣ ширины около 100 сажень. Выстрѣлами шайки, успѣвшей переправиться чрезъ рѣку, ранены два рядовыхъ при обозѣ, причемъ одинъ изъ нихъ упалъ въ рѣку и утонулъ. Нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій шайка была разсѣяна.

Хивинскія войска, въ числѣ до 6,000 челов., съ нѣсколькими орудіями, послѣ отступленія изъ лагеря на Карабайли, рассчитывали удержаться въ лагерь при Ходжейли и въ самомъ городѣ, но рѣшительное наступленіе нашихъ войскъ заставило ихъ обратиться въ бѣгство. Большая часть хивинскихъ войскъ ушла по направленію къ Хивѣ; часть же, преимущественно каракалпаки, бросилась въ лодки и вплавъ на правый берегъ Аму-Дары, причемъ многіе изъ нихъ потонули. При поспѣшномъ отступленіи хивинскими войсками было оставлено одно полевое орудіе (мѣдное, подходящее, по размѣрамъ, къ 12-фунтовой облегченной пушкѣ), которое и взято нашими войсками.

Потери въ нашихъ войскахъ, 15 мая, кромѣ двухъ упомянутыхъ рядовыхъ, было; потеря непріятеля не могла быть въ точности опредѣлена.

Давъ въ Ходжейли двухдневный отдыхъ войскамъ, генералъ Веревкинъ предполагалъ 18 мая двинуться далѣе вдоль Аму-Дары, на Мангытъ, откуда, если не получится точныхъ извѣстій о положеніи туркестанскихъ войскъ, намѣренъ былъ продолжать движеніе на Новый Ургенчъ, чтобы скорѣе войти въ связь съ войсками генерала фонъ-Кауфмана.

Въ Ходжейли не предполагалось оставлять никакого гарнизона; для обезпеченія же сообщеній генераломъ Веревкинымъ объявлено жителямъ и лицу, назначенному изъ нихъ же начальникомъ города, что, въ случаѣ появленія въ окрестностяхъ непріятельскихъ шаекъ и нападенія на нашихъ чабаровъ и транспорты, городъ будетъ преданъ разграбленію.

По занятіи Ходжейли 15 мая и двухдневномъ отдыхѣ, вой-

ска оренбургскаго и мангышлакскаго отрядовъ выступили далѣе вверхъ по лѣвому берегу Аму, по дорогѣ на Мангытъ.

Почти, во все время движенія, войска соединеннаго отряда были неоднократно атакованы хивинскими скопищами, но всѣ эти нападенія были отбиты, и городъ Мангытъ, жители котораго (узбеки) принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ отряда, былъ взятъ съ боя нашими войсками.

При дальнѣйшемъ движеніи отъ Мангыта къ гор. Китаю, была сдѣлана хивинцами попытка ворваться въ обозъ отряда, но прикрытіе его успѣшно отразило смѣлое нападеніе непріятеля.

22 мая, на переходѣ по крайне стѣсненному каналами, садами и зданіями дефиле къ гор. Гурлену, отрядъ былъ снова встрѣченъ значительнымъ скопищемъ хивинцевъ и іомудовъ, которое, послѣ энергическаго сопротивленія, было разбито и разсѣяно съ большимъ урономъ.

Отъ Гурлена генераль Веревинъ двинулся съ вѣренными ему отрядомъ прямой дорогой на Хиву чрезъ Кятъ и Кошъ-Купырѣ (лежащій въ одномъ переходѣ отъ Хивы), къ которому и прибылъ 25 мая.

Выступивъ 18 мая изъ Ходжейли, гдѣ отрядъ, какъ сказано выше, имѣлъ двухдневный отдыхъ, войска наши имѣли ночлегъ на каналѣ Суюнды; верстахъ въ 15 отъ Ходжейли, въ густомъ кустарникѣ, который, начинаясь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города, тянется вверхъ по Аму, верстъ на 30. На разсвѣтѣ, 19 мая, хивинская шайка наткнулась на одинъ изъ нашихъ передовыхъ постовъ и, встрѣченная выстрѣлами, разсѣялась; но когда вслѣдъ затѣмъ высланъ былъ авангардъ изъ 2 сотенъ (2-й оренбургской и дагестанской конно-иррегулярной) и саперной команды, для устройства моста на пересѣкавшемъ дорогу арыкѣ, то шайка эта, засѣвъ въ кустахъ, встрѣтила сотни выстрѣлами. Сотни, однакожъ, продолжали безостановочно движеніе, перестрѣливаясь съ отступавшимъ непріятелемъ, который, достигнувъ болѣе открытаго мѣста, обратился въ бѣгство¹⁾.

Въ этотъ день войска остановились на ночлегъ на берегу Аму, на уроч. Джелангачъ-теганакъ, верстахъ въ восьми выше истока Лаудана и того пункта, гдѣ на картахъ показана крѣпость Бенджъ²⁾. Вечеромъ, чрезъ лазутчиковъ получено было изъ

¹⁾ При этой перестрѣлкѣ легко раненъ одинъ рядовой.

²⁾ На рукавѣ Лауданъ построена была въ этомъ мѣстѣ плотина, въ настоящее время полуразрушенная; выше и ниже плотины, русло рукава почти совершенно сухо. Около самой плотины, на берегу сухого русла, находится развалины небольшого укрѣпленія или, лучше сказать, башни, длина фасовъ которой не превышаетъ 10 саж.

вѣстіе о томъ, что туркмены намѣрены произвести ночное нападеніе на лагерь, почему приняты были мѣры къ его отраженію. Ночь прошла, однакожъ, спокойно, и на другой день (20 мая), войска выступили далѣе по дорогѣ на Мангытъ.

Мѣстность на этомъ переходѣ представляетъ почти открытую равнину, лишь въ немногихъ мѣстахъ слегка холмистую и заросшую невысокими камышами. Арыки и сады имѣются лишь въ сосѣдствѣ города; послѣдніе тянутся полукругомъ по каналу, пересекающему городъ; дорога, вскорѣ по выступленіи съ мѣста ночлега, удаляется отъ рѣки на нѣсколько верстъ. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, города Мангытъ и Кинчакъ заняты были нѣсколькими тысячами отступившихъ изъ-подъ Ходжейли хивинскихъ войскъ, главнымъ образомъ состоявшихъ изъ туркменъ-іомудовъ. Но, имѣя въ виду, прежде всего возможно скорое приближеніе съ войсками генерала Кауфмана, ген. Вережкинъ рѣшился оставить Кинчакъ въ сторонѣ, предполагая, что съ занятіемъ Мангыта Кинчакъ будетъ очищенъ хивинцами. Такъ какъ упомянутыя топографическія условія допускали возможность кавалерійскихъ атакъ и быстрыхъ охватовъ со стороны непріятеля, то войскамъ дано было слѣдующее направленіе: вся кавалерія обоихъ отрядовъ (сотни: 2-я уральская, 2 и 6-я оренбургскія, двѣ терско-кубанскія и дагестанская конно-пререгулярная) уступами, сотня за сотней, съ обоихъ фланговъ, двинута была въ первой линіи, имѣя конную артиллерію въ срединѣ расположенія; два баталіона (2-й оренбургскій линейный и апшеронскій) во второй линіи, и въ общемъ резервѣ третій баталіонъ (соединенный изъ ротъ самурскаго и ширванскаго полковъ), съ двумя пѣшими орудіями. Войска оренбургскія составляли лѣвое, кавказскія—правое крыло общаго расположенія; ближайшее начальство надъ послѣднимъ поручено было полковнику Ломакину. Обозъ отдѣленъ былъ въ особую колонну, которой, дабы не связывать движенія войскъ, дано было вполне самостоятельное прикрытіе изъ четырехъ ротъ и двухъ сотенъ, при двухъ пѣшихъ орудіяхъ.

Когда голова отряда отошла на пол-перехода отъ мѣста ночлега, впереди и влѣво, на возвышеніяхъ, замѣчены были густыя толпы непріятельскихъ всадниковъ. Прежде чѣмъ войска приблизились къ нимъ на дальность орудійнаго выстрѣла, толпы раздалися въ обѣ стороны и длинною цѣпью старались охватить оба фланга общаго расположенія и зайти въ тылъ. Дабы сблизить линіи боевого порядка и подпустить непріятеля на расто-

Это укрѣпленіе, вѣроятно, и нанесено на наші карты подъ названіемъ крѣпости Бенда. Другого Бенда жители не знаютъ.

яніе хорошаго ружейнаго выстрѣла, ген. Веревкинъ замедлитъ движеніе головныхъ частей, выславъ впередъ охотниковъ, въ видѣ фланкеровъ, которымъ приказалъ, между прочимъ, захватить живымъ, если удастся, кого-нибудь изъ наиболѣе смѣлыхъ одиночныхъ батырей; а между тѣмъ, замѣтивъ, что непріятель насѣдаетъ на лѣвый флангъ, приказалъ кавказскимъ сотнямъ выѣхать впередъ по дорогѣ, чтобы ударить ему въ тылъ въ то время, какъ оренбургскія сотни атакуютъ его съ фронта. Но прежде чѣмъ сотни эти успѣли выѣхать на надлежащую дистанцію, непріятельскіе наѣздники, встрѣченные огнемъ 6-й оренбургской и атакой 2-й уральской сотенъ, бросились въ разсыпную вѣвво, такъ что дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ признано было безпольнымъ.

Между тѣмъ въ фланкерской цѣпи произошло нѣсколько одиночныхъ схватокъ. При этомъ подпоручикъ 3-го резервнаго сапернаго баталіона Саранчовъ, выѣхавшій въ цѣпь охотниковъ, увлеченный преслѣдованіемъ нѣсколькихъ турементъ, съ четырьмя казаками былъ оруженъ значительною непріятельскою толпою. Въ это время подъ нимъ убита была лошадь, и онъ едва спасся отъ плѣна.

Въ это же время непріятельскія толпы показались на флангахъ второй (пѣхотной) боевой линіи и резерва. Видя это, полк. Ломакинъ направилъ ширванскія роты вправо, ашшеронскій же баталіонъ съ двумя орудіями изъ резерва развернулся вѣвво и, совмѣстно съ ротами 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона, мѣткимъ огнемъ заставилъ разсѣяться скопище, нѣсколько разъ бросавшееся съ гикомъ въ атаку. Часть его собралась снова впереди отряда, другая же бросилась на обозъ, стараясь ворваться, пользуясь неизбежной растянутостью его, при движеніи по мѣстности, пересѣченной канадами. Несмотря, однакожь, на то, что попытки атаковать обозъ продолжались весьма упорно, онъ остались совершенно безуспѣшными.

Между тѣмъ, голова отряда достигла высотъ, господствовавшихъ надъ всею мѣстностью до Мангыта. Немедленно выдвинуты были на позицію четыре орудія и нѣсколькими, весьма удачными, выстрѣлами заставили разсѣяться густыя толпы непріятеля, снова собравшагося впереди города; часть его бросилась въ городъ, другая заняла туременскія зимовки, расположенныя отъ него вправо.

Поручивъ полковнику Ломакину съ лѣвымъ крыломъ двигаться прямо къ городу, ген. Веревкинъ съ правымъ крыломъ принялъ вправо, чтобы очистить зимовки. Но непріятель не выждалъ нашего приближенія и бросился къ городу. Тогда, пославъ

часть войскъ для его преслѣдованія и для сожженія зимовокъ (принадлежащихъ іомудамъ, которые дѣйствовали противъ насъ), ген. Веревкинъ направилъ весь отрядъ въ городу, который и былъ занятъ по слѣдамъ непріятеля. Войска встрѣченны были здѣсь выстрѣлами изъ домовъ, во дворахъ найдено много раненыхъ и убитыхъ, а также всюду видны были осѣдланная и взмыленные лошади: все это показывало, что жители (узбеки) принимали участіе въ дѣйствіяхъ противъ отряда; при занятіи города нѣкоторые изъ нихъ заплатились за это жизни, а дома ихъ были разорены.

Въ дѣлѣ при Мангытѣ непріятель выказалъ чрезвычайную энергію, упорство и неустрашимость: толпы неоднократно возобновляли натискъ и хотя, благодаря своимъ лошадямъ, могли быстро разбѣгаться, но столь же быстро вновь собирались для новыхъ стремительныхъ нападений; одиночные храбрецы подсакивали къ войскамъ на самое близкое разстояніе, и, вообще, только недостатокъ сомкнутости, стойкости и единства мѣшалъ ему быть весьма опаснымъ соперникомъ. Въ дѣлѣ этомъ у насъ убитъ на мѣстѣ 1 офицеръ, неосторожно выѣхавшій впередъ.

Потери наши въ этотъ день составляли: убитыми одинъ оберъ-офицеръ и два казака, и четверо раненыхъ. Потери непріятеля были весьма значительны, хотя съ точностію опредѣлены быть не могутъ.

На другой день (21 мая), отрядъ выступилъ по дорогѣ на городъ Китай. Непріятеля впереди не было замѣтно; но во время привала, на переправѣ черезъ широкій каналъ Аталыкъ, изъ лѣсу справа появились непріятельскіе всадники въ значительномъ числѣ; вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе, что на обозъ (слѣдовавшій сзади подъ прикрытіемъ четырехъ ротъ и двухъ сотенъ) сдѣлано сильное нападеніе. Нѣкоторыя части отряда вслѣдствіе этого были направлены вправо и въ тылъ, а полковнику Саранчову поручено пройти съ полусотней къ обозу, чтобы дать соотвѣтствующее направленіе частямъ для отогнанія шаекъ. Встрѣченный огнемъ ротъ ширванскаго и самурскаго полковъ и оренбургской ракетной команды, непріятель, дѣлавшій попытку противъ головы отряда, быстро скрылся въ лѣсу, но тѣмъ съ большимъ упорствомъ сталъ насѣдать на обозъ, растянувшійся на нѣсколько верстъ по причинѣ множества дефиле, образуемыхъ арыками. Но попытка ворваться въ обозъ и произвести въ немъ безпорядокъ не повела ни къ чему. Чтобы облегчить движеніе обоза, полк. Саранчовъ съ ближайшими частями прикрытія произвелъ наступленіе вправо, чѣмъ заставилъ непріятеля удалиться и онъ болѣе не беспокоилъ войска въ этотъ день.

При выступленіи изъ Мангыта, получивъ извѣстіе, что часть туркменъ, нападавшихъ на отрядъ 20 мая, отступила по дорогѣ на Клычъ-ніазъ-бай, ген. Веревкинъ, одновременно съ движеніемъ главныхъ силъ на Китай, выслалъ летучій отрядъ изъ двухъ сотенъ; при ракетныхъ станкахъ, по дорогѣ на Клычъ, для разсѣянія находившихся здѣсь шаякъ и для уничтоженія туркменскихъ зимовокъ, что и исполнено вполне успѣшно и безъ потерь съ нашей стороны.

На ночлегъ войска остановились на каналѣ Каракузъ, верстахъ въ 2-хъ отъ Китая, жители котораго, какъ и другихъ лежащихъ на пути городовъ: Яши-яба, Гурлена и Кята, выслали депутатовъ съ изъявленіемъ полной покорности.

На другой день (22-го мая) войскамъ предстояло сдѣлать переходъ мимо Яши-яба и Гурлена по мѣстности, представляющей сплошное дефиле изъ мостовъ, каналовъ, садовъ и отдѣльных зданій, изъ которыхъ каждое, будучи обнесено высокой и толстой зубчатой стѣной, могло быть превращено въ самостоятельное укрѣпленіе. Въ рукахъ сколько-нибудь опытнаго противника, подобнаго рода мѣстность могла представить непреодолимые затрудненія для атаки. Имѣя это въ виду и получивъ извѣстіе, что непріятель, въ числѣ не менѣе 10,000 челов., собирается возобновить нападеніе, ген. Веревкинъ двинулъ войска съ мѣста въ боевомъ порядкѣ, имѣя шесть конныхъ и два пѣшихъ орудія и баталіоны 2-й оренбургскій, соединенный ширванско-самурскій, въ ротныхъ колоннахъ въ первой боевой линіи, четыре казачьихъ сотни, уступами за обоими флангами пѣхоты, во второй, и въ общемъ резервѣ три роты апшеронскаго полка и двѣ сотни, при 2-хъ пѣшихъ орудіяхъ. На резервъ возложена была обязанность оказывать, въ случаѣ надобности, содѣйствіе какъ главнымъ силамъ, такъ и обозу, который слѣдовалъ сзади особой колонной, съ сильнымъ прикрытіемъ. Такое, весьма широкое по фронту и въ то же время представляющее связь между всѣми частями отряда, расположеніе принаровнено было къ тактикѣ противника, дѣйствующаго преимущественно на фланги и тылъ, но не выдерживающаго натиска съ фронта: поэтому центръ расположенія могъ быть ослабленъ безъ всякаго опасенія прорыва.

Едва головныя части отряда углубились въ сады, начавшіеся съ первой же версты отъ мѣста ночлега, какъ впереди, за арками и киплаками, стали показываться толпы непріятеля. Къ счастью, онъ не сумѣлъ воспользоваться вполне выгодами своей позиціи; хотя во многихъ зданіяхъ пробиты были бойницы, но только нѣкоторыя изъ нихъ заняты были спѣшившимся непріа-

телемъ, который, при приближеніи нашихъ войскъ, по большей части спѣшилъ сѣсть на коней и ускакать.

Такимъ образомъ, преодолевая на каждомъ шагѣ препятствія, войска медленно, но въ порядкѣ, на разстояніи 10-ти верстъ, подвигались впередъ, тѣсняя непріятели и поддерживая рѣдкую перестрѣлку, пока не достигли выхода на открытое мѣсто. Здѣсь, на обширной полянѣ, непріятель собралъ всѣ свои силы, въ числѣ не менѣе 10,000 всадниковъ, имѣя въ виду обрушиться на насъ при выходѣ изъ лѣса.

Опушка въ этомъ мѣстѣ имѣла косвенное направленіе къ пути движенія отряда, такъ что правое крыло боевого порядка (войска кавказскія, подъ начальствомъ полк. Ломакина) флангомъ своимъ должно было достигнуть ея раньше лѣваго. Когда кавказская цѣпь вышла такимъ образомъ на опушку, резервы ея находились еще далеко сзади, будучи задержаны на переправѣ, по мосту, черезъ глубокій и широкий арыкъ, отдѣленный отъ цѣпи болотистымъ и топкимъ полемъ. Видя, что цѣпь очутилась лицомъ къ лицу съ нѣсколькими тысячами всадниковъ, продолжавшихъ наступленіе, несмотря на частую пальбу, полк. Ломакинъ потребовалъ резервъ и тотчасъ подошедшія двѣ роты, самурская и ширванская, огнемъ удержали натискъ непріятели.

Находясь вмѣстѣ съ штабомъ въ центрѣ цѣпи, ген. Верекинъ подѣхалъ въ это время къ опушкѣ и увидѣлъ все поле впереди и вправо усыяннымъ гарцующими всадниками. Въ это время изъ кишлака, расположеннаго на самой опушкѣ, открыта была непріателемъ стрѣльба по свитѣ генерала, почему приказано было полувзводу цѣпи выбить непріятели изъ кишлака, а заводъ конной батареи направленъ къ правому крылу, гдѣ слышна была сильная пальба, въ то время, какъ два орудія поставлены были на позицію въ центрѣ расположенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣвое крыло цѣпи съ своими резервами, которымъ при движеніи въ лѣсу приказано было держаться какъ можно ближе, подошло по опушкѣ. Меткая стрѣльба пѣхоты и перекрестный огонь артиллеріи на обоихъ флангахъ и въ центрѣ заставили непріятели обратиться въ самое поспѣшное бѣгство, оставивъ на равнинѣ болѣе 100 человекъ убитыми.

Одновременно съ нападеніемъ на голову отряда, непріятель произвелъ нападеніе на правый флангъ резерва и на обозъ. Огонь артиллерійскаго завода и стрѣлковой роты ашшеронскаго полка отразили это нападеніе. Получивъ между тѣмъ извѣстіе, что колесный обозъ, двигавшійся сзади, подвергся нападенію въ узкомъ дефиле, двѣ полусотни, сунженская и № 3-го оренбургская, по-

скакали на выручку и принудили непріятеля отступить отъ головы обоза, въ то время, какъ хвостъ его былъ защищаемъ саперной и обозной командой 1-го баталіона.

Неоднократныя и стремительныя нападенія на верблюжій обозъ отражены были также съ полнымъ успѣхомъ.

Когда голова отряда вышла на опушку, непріятеля уже не было видно. Преслѣдованіе его ген. Вережкинъ призналъ бесполезнымъ, такъ какъ въ верстѣ разстоянія снова начинались савы и арыки. Поэтому, прошедши еще нѣсколько верстъ, начальникъ отряда остановилъ войска на ночлегъ.

Потери наши въ этотъ день состояли изъ одного убитаго унтеръ-офицера и двухъ раненыхъ (въ обозѣ) казаковъ; кромѣ того, вышло изъ строя шесть казачьихъ лошадей и два отбитыхъ верблюда съ выюками.

Потери непріятеля были сравнительно огромны: въ дѣсу и на равнинѣ насчитано было не менѣе 200 труповъ, брошенныхъ имъ, вопреки коренного обычая азіатцевъ увозить своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Дѣло это должно было произвести сильное впечатлѣніе на непріятеля: здѣсь собраны были имъ всѣ наличныя силы, онъ употребилъ въ дѣло всю свою энергію и, по показаніямъ лазутчиковъ, рассчитывалъ на побѣду, такъ какъ іомуды обѣщали хану не возвращаться безъ полного успѣха. Дальнѣйшіе факты подтверждаютъ это заключеніе: послѣ дѣла 22-го мая, разстроенные іомуды разошлись по своимъ домамъ и окрестнымъ кишлакамъ для грабежей.

Вслѣдъ за этимъ дѣломъ послѣдовали также и заявленія со стороны хана: въ этотъ же день явился къ ген. Вережкину посланецъ съ письмомъ хана, въ которомъ послѣдній, ссылаясь на условія, будто бы заключенныя имъ съ ген. фонъ-Кауфманомъ, просилъ пріостановить движеніе войскъ, но начальникъ отряда отвѣчалъ на это письмо отказомъ.

Выступивъ утромъ 23-го мая, въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, отрядъ встрѣчалъ впереди лишь одиночныхъ людей, которые быстро удалялись при приближеніи войскъ.

Но, достигнувъ канала Клычъ-ніазъ-бай, войска встрѣтили нерожданное препятствіе: непріятель догадался при отступленіи сломать мостъ на этомъ широкомъ и глубокомъ арыкѣ. Пустивъ въ догонку быстро ухидившей отъ моста толпѣ два удачныхъ артиллерійскихъ выстрѣла, отрядъ былъ остановленъ на ночлегъ, такъ какъ имѣющихся при отрядѣ понтонныхъ принадлежностей оказалось недостаточно для быстрой наводки моста, устройство же моста изъ сырыхъ матеріаловъ должно было занять не менѣе

полу-сутокъ времени. Люди, немедленно приступивъ къ работѣ, продолжали ее въ теченіе цѣлой ночи и въ утру мостъ, длиною въ 27 сажень, былъ готовъ.

Въ то время, какъ войска расположились уже лагеремъ, съ другого берега арыка слышались фальшкетные выстрѣлы, направленные, повидимому, изъ небольшого лѣса, лежавшаго въ полу-верстѣ разстоянія. Чтобы очистить этотъ лѣсъ отъ непріятеля и занять мостъ на рѣчкѣ, верстахъ въ 6-ти впереди лагеря, начальникъ отряда послалъ три сотни съ саперной командой въ бродъ и вплавъ чрезъ арыкъ. Непріятель ушелъ, не выждавъ удара и не успѣвъ испортить мостъ.

24-го мая, совершивъ весьма затруднительную переправу чрезъ Клычъ-ніазъ, ген. Веревкинъ двинулся далѣе, выславъ впередъ авангардъ изъ двухъ сотенъ для занятія моста на каналѣ Ярмышъ въ Каты-Кунградъ. Авангардъ успѣлъ захватить мостъ въ то время, какъ небольшая непріятельская шайка готовилась его уничтожить. Отрядъ двигался совершенно спокойно въ походномъ порядкѣ; всѣ промежуточные мостики и канавы исправлены были мѣстными жителями, по приказанію начальника отряда. У гор. Каты, послѣ переправы чрезъ Ярмышъ, отрядъ, сдѣлавъ переходъ не болѣе 12-ти верстъ, остановленъ былъ на ночлегъ, что было совершенно необходимо, такъ какъ обозъ, задержанный переправой, сильно отсталъ отъ отряда; авангардъ же, усиленный еще одною сотнею, выдвинутъ былъ къ слѣдующей переправѣ чрезъ каналъ Шахъ-абатъ, гдѣ и расположился на ночлегъ, отогнавъ мелкія непріятельскія партіи, собиравшіяся зажечь мостъ.

25-го мая, переходъ до Кошъ-Купыра совершенъ былъ также спокойно; авангардъ едва успѣлъ захватить мостъ на каналѣ Казаватъ: наѣзтники изъ линейныхъ казаковъ, не доходя до города, наткнулись на непріятельскій пикетъ и, ворвавшись на его плечахъ въ брошенный жителями городъ, подоспѣли къ мосту въ то время, когда часть его уже была разобрана, а другая подожжена. Непріятель, засѣвшій въ садахъ на противоположномъ берегу, былъ выбитъ оттуда спѣшными взводами № 9-го оренбургской сотни. Какъ только подошла голова отряда, поврежденія моста были быстро исправлены, такъ что отрядъ, несмотря на значительный переходъ, успѣлъ съ обозомъ переправиться въ тотъ же день черезъ каналъ. Городъ Кошъ-Купыръ найденъ совершенно пустымъ: жители вмѣстѣ съ семействами перебрались въ Хиву, по приказанію хана, для ея защиты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СВЕРХСМѢТНЫЕ КРЕДИТЫ

ВЪ

НАШЕМЪ БЮДЖЕТѢ *).

Сверхсметные кредиты на постройку желѣзныхъ дорогъ.

(Продолженіе).

Д. Расходы по реализаціи.

Эти расходы не составляютъ затратъ собственно на желѣзнодорожное дѣло, но вытекаютъ изъ условій самой операціи, т.-е. изъ ея прихода. Поэтому, я остановлюсь на нѣкоторое время отвѣтомъ на первый заданный мною вопросъ и поставлю рядомъ съ нимъ другой, для совмѣстнаго разъясненія. Я предположилъ объяснить съ самаго начала, сколько истрачено въ періодъ 1866—1872 годъ на желѣзнодорожное дѣло? Читатели видѣли уже до сихъ поръ, что истрачено слишкомъ 300 милліоновъ. Конечно, при такомъ выводѣ родился вопросъ: откуда же они взялись? вотъ на этотъ вопросъ я теперь и буду отвѣчать. Для читателей любопытно не кассовое движеніе изъ года въ годъ суммъ, важное съ точки зрѣнія контроля, но общій приходо-расходный балансъ, выведенный съ возможною ясностью и дающій наглядное понятіе о сущности и значеніи операціи. Такъ я и постараюсь сдѣлать. Отвѣчая одновременно на оба вопроса о приходѣ и расходѣ желѣзнодорожныхъ суммъ, я въ концѣ сдѣлаю общій сводъ результатовъ для вывода баланса и тогда уже объясню самое значеніе финансовыхъ операцій правительства по желѣзнодорожному дѣлу.

Итакъ, какіе источники имѣло правительство для покрытія желѣзнодорожныхъ расходовъ?

*) См. выше: сент. 269 стр.

Въ объяснительной запискѣ государственнаго контроля за 1868 годъ значится (стр. 66): «до 1866 года расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ производились преимущественно изъ суммъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа; но такъ какъ заемъ этотъ былъ назначенъ для воспособленія государственному банку въ его операціяхъ, то по открытіи въ 1868 году 2-го внутренняго съ выигрышами займа, суммы, израсходованныя на желѣзныя дороги изъ перваго займа, въ количествѣ 27.075,650 р. были возвращены въ онъ изъ суммъ, поступившихъ отъ реализаціи втораго займа». Это значитъ, что на постройку желѣзныхъ дорогъ изъ перваго займа не было истрчено почти ничего и что заемъ этотъ весь употребленъ на покрытіе дефицитовъ въ смѣтный періодъ до 1866 года. И дѣйствительно, кассиромъ государственнаго казначейства по желѣзно-дорожнымъ расходамъ служить государственный банкъ и, слѣдовательно, за разрѣшеніемъ вопроса должно обратиться къ его отчетамъ. Первый заемъ былъ разрѣшенъ 13-го ноября 1864 года, слѣдовательно расходы изъ него производились уже въ 1865 году; и дѣйствительно, съ 1865 года въ отчетахъ государственнаго банка открыта особая операція за счетъ казны, подъ названіемъ «авансы за счетъ государственнаго казначейства на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ». По этой операціи значится

	выдано банкомъ:	поступило изъ гос. казн.:
въ 1865 году . .	25.236,000	1.500,000 р. ¹⁾
въ 1866 году . .	4.905,922	28.642,486 р.

Это значитъ, что въ 1865 году, когда производились расходы, которые могли бы удовлетвориться суммами 2-го займа,—ихъ казначейство банку не передало и банкъ производилъ эти расходы изъ своихъ средствъ, зачисливъ долгомъ за государственнымъ казначействомъ, и долгъ этотъ,—за исключеніемъ 1.500,000,—весь покрытъ только въ концѣ 1866 года перечисленіемъ суммъ изъ 2-го займа.

Указомъ 31-го октября 1866 года заключенъ былъ второй 5% англо-голландскій заемъ на 6.000,000 ф. ст., для обезпеченія заграничныхъ платежей государственнаго казначейства. По реализаціи этого займа, произведенной по курсу 83% чрезъ посредство банкировъ бр. Берингъ и К^о въ Лондонѣ и Гоше и К^о въ Амстердамѣ, поступило въ 1866, 67 и 68 годахъ 38.362,694 р. Въ числѣ расходовъ, произведенныхъ изъ этого займа, истрчено,

¹⁾ Къ сожалѣнію, у меня отчета банка именно за 1865 годъ не оказалось, и я привелъ цифру по труду г. Кауфмана, „Статистика русскихъ банковъ“, табл. XXXII

какъ мы видѣли, на заказъ рельсовъ для правительственныхъ дорогъ и уплату гарантіи по частнымъ дорогамъ 4.730,949 р.

Второй выигранный заемъ разрѣшенъ 14-го февраля 1866 года «для безостановочнаго распространенія сѣти желѣзныхъ дорогъ и для возврата банку позаймствованныхъ у него на сооруженіе дорогъ суммъ, а равно для предоставленія государственному казначейству средствъ на покрытіе другихъ лежащихъ на немъ расходовъ». Въ банкирскомъ смыслѣ — это была одна изъ самыхъ удачныхъ операций: заемъ реализованъ государственнымъ банкомъ, за счетъ государственнаго казначейства по курсу $107^{65}/100$ за сто и требуетъ поѣтому оплаты только $4^{64}/100^0/0$. Первоначально банкъ велъ счетъ этому займу особо отъ другихъ суммъ государственнаго казначейства и всѣ расходы изъ него на общія потребности показывалъ произведенными заимообразно. Но вдругъ, въ концѣ 1868 года, послѣдовало особое министерское распоряженіе, по которому суммы 2-го займа были слиты съ прочими средствами государственнаго казначейства и всѣ заимообразныя выдачи на текущія потребности разомъ обращены въ безвозвратный расходъ. Въ отчетности государственнаго контроля за 1868 годъ (приложеніе 10-е) помѣщена вѣдомость о приходѣ и расходѣ суммъ второго займа, со времени открытія по 1-е января 1869 года. По этой вѣдомости значится:

1. Приходъ:

	Р у б л н.
Поступило по реализаціи.	107.104,884
Въ возвратъ ссудъ отъ желѣзныхъ дорогъ.	4.874,626
Итого.	111.979,510

2. Расходъ:

	Р у б л н.	
На расходы государственнаго казначейства	34.920,523	} 75.850,503
На постройку казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.	62.575,233	
Въ ссуду обществамъ частныхъ жел. дорогъ.	11.303,639	
На покупку акцій козловско-воронежской жел. дор.	1.971,631	
Выпускскимъ горнымъ заводамъ	250,000	
На постройку въ Лисичанскѣ домы.	100,000	
Расходы по реализаціи	120,752	
Остатокъ	737,731	
Итого	111.979,510 ¹⁾	

Изъ остатка въ 737,731 р. перечислено суммъ 2-го займа въ желѣзно-дорожный фондъ въ 1869 году 42,746 р. Оставшия

¹⁾ Расчетъ, выведенный въ объяснительной запискѣ контроля (об. зан. за 1868, стр. 86) почему-то не сходится съ вѣдомостью. Вообще вся отчетность за 1868 годъ состоитъ изъ разноурѣчій и подаетъ поводъ къ безпрестаннымъ вопросамъ.

сторонѣ ссуду, выданную изъ этого займа обществамъ част-
хъ желѣзныхъ дорогъ въ 11.303,639 р. въ сторонѣ, по при-
мамъ изложеннымъ выше, мы возьмемъ въ расчетъ слѣдующія
цифры:

	Р у б л и.
расходовано на постройку казенныхъ желѣз. дорогъ. .	62.575,233
> на покупку акцій козловско-ворон. ж. д.	1.971,631
> перечисленныхъ въ 1869 году.	42,746 (безъ %).
Итого.	64.589,610

Отсюда мы вычтемъ зачисленные въ погашеніе старыхъ рас-
хотъ за счетъ суммъ 1-го займа 26.583,850 (по кассовому своду
66 года) и получимъ въ остаткѣ 38.005,760 р., которые и
идемъ въ приходный балансъ, какъ итогъ затратъ на желѣзно-
рожные расходы изъ суммъ 2-го займа за періодъ 1866 —
72 года.

Текущіе расходы 1866 и большинство произведенныхъ въ
67 году по желѣзно-дорожнымъ сооружениямъ произведены
изъ суммъ 2-го займа, но въ 1867 году начались обли-
гаціонные займы подъ обезпеченіе желѣзныхъ дорогъ.

18-го іюля 1861 года разрѣшенъ былъ выпускъ 600,000
тырехпроцентныхъ облигацій, по 125 р. каждая, всего по
рицательной цѣнѣ на 75.000,000 р., подъ обезпеченіе пред-
значенной уже въ то время къ продажѣ николаевской желѣз-
ной дороги, съ условіемъ, чтобы суммы, вырученныя отъ продажи
ихъ облигацій были обращаемы исключительно на сооруженія
желѣзныхъ дорогъ. Это и послужило основаніемъ спеціальнаго
желѣзно-дорожнаго фонда. Облигаціи эти были реализованы въ
367 и 1868 году въ Парижѣ, чрезъ посредство банкировъ Го-
нгеръ и К^о и учетной конторы по 59³⁷/₁₀₀ съ нарицательной
цѣны, въ Лондонѣ, чрезъ банкировъ бр. Берингъ и К^о по 62¹/₂,
въ Амстердамѣ чрезъ банкировъ Гоппе и К^о по 61¹⁴/₁₀₀ 0/0. Реа-
лизація ихъ дала правительству 54.318,692 р. Заемъ этотъ при-
надлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ. Въ курсовомъ альма-
хѣ, издаваемомъ редакторомъ берлинской биржевой газеты
Амнгомъ (Die Börsen-Papiere, III Jahrg. 1871) сказано: «заемъ
не удался, только ²/₃ выпуска были подписаны за-границею; всѣ
гарантіи русскаго правительства склонить къ участию въ немъ
берлинскіе дома, оказались тщетны» (стр. 144). Второй и по-
сѣдній выпускъ облигацій подъ залогъ николаевской дороги по-
лучивъ 25-го марта чрезъ посредство тѣхъ же банкировъ (и
Abel jun. въ Штеттинѣ): онъ состоялъ изъ 555,555 четырехъ-
процентныхъ облигацій по 125 р. каждая (500 фр., 20 ф. ст.

236 гул. голл.), на номинальную сумму 69.437,500. Облигаціи эти реализованы были въ Парижѣ по 63¹/₂, въ Амстердамѣ 63¹/₄, въ Лондонѣ 63⁰/₁₀. Изъ числа этихъ облигацій правительство оставило при подпискѣ за собой 116,000, которыя проданы были съ барышомъ въ томъ же и слѣдующемъ году въ Парижѣ. Реализація по подпискѣ и продажа бумагъ принесла правительству 68.716,937 р. Такимъ образомъ николаевская дорога, стоившая правительству до 500 милліоновъ, пошла за 123.035,629 р., да и тѣхъ Главное общество не платитъ. Въ уплату процентовъ и погашенія по обоимъ этимъ выпускамъ общество обязалось уплачивать правительству ежегодно по 7.200,000 р., слѣдовательно съ 1-го января 1869—1872 годъ оно обязано было заплатить за три года 21.600,000, а уплатило, какъ видно изъ контрольных отчетовъ, 18.568,195 р., отговариваясь тѣмъ, что «обществомъ отчислены значительныя суммы для образованія оборотнаго капитала дороги». Гдѣ помѣщена эта недоимка, не видно, ибо въ счетъ долговъ общества по передачѣ ему дороги въ вѣдомости о недоимкахъ за 1871 годъ (прил. 6) показано 5.426,544 р., а общество по одной ссудѣ за расторженіе контракта съ Уайнсомъ должно правительству 5.000,000. Между тѣмъ общество получило отъ правительства по условіямъ продажи безвозвратно на ремонтъ дороги 13¹/₂ милліоновъ, и теперь, — накопивши за собой около 100 милліоновъ долгу, рѣшилось изъ недоимокъ предъ правительствомъ образовать для себя оборотный капиталъ.

Въ 1867 и 1868 годахъ реализованы были облигаціи курско-киевской дороги и принесли правительству 15.990,601 р.; въ условіяхъ этой реализаціи въ свѣдѣніяхъ контроля ничего не содержится, а невыгодность ея въ банкирскомъ отношеніи для правительства показана нами выше.

Въ 1868 году поступили въ желѣзно-дорожный фондъ суммы, внесенныя правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за уступку имъ русскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ. За покрытіемъ расходовъ, сопряженныхъ съ передачею этихъ владѣній, получено отъ сѣверо-американскаго правительства чрезъ банкировъ бр. Берингъ и К° по реализаціи 10.571,582 р.

Съ 1870 года начались выпуски 5⁰/₁₀ консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій, подъ обезпеченіе казенныхъ и частныхъ дорогъ, вошедшихъ въ сдѣлку съ правительствомъ чрезъ покупку казенныхъ дорогъ или реализацію выпущенныхъ ими бумагъ, на условіяхъ, которыя выше нами изложены. Первый выпускъ разрѣшенъ указомъ 9-го января 1870 года на нарицательную сумму 12.000,000 ф. стерл. (75.000,000 милл. руб.),

ь обращеніемъ изъ нихъ на счетъ приобретенныхъ правительствомъ по условленному нормальному курсу облигацій иваново-внешемской, либавской, грязе-царицынской и воронежско-ростовской дорогъ на сумму 7.625,728 ф. стерл. и съ зачисленіемъ стальныхъ (4.374,272 ф.) на счетъ казенной московско-курской дороги. Облигаціи эти были реализованы домами Ротшильдовъ въ Парижѣ и Лондонѣ, по равной части, не ниже 76⁰%, считая ф. стерл. въ 25 фр. 20 сант. По реализаціи этихъ облигацій юступило въ 1870 году 73.982,021 кр. р. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Залингомъ, подписка на эти облигаціи была чрезвычайно благопріятна: она была открыта у Ротшильдовъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Франкфуртѣ, у Блейхредера въ Берлинѣ и у Беккера и Рудьда въ Амстердамѣ, причемъ въ Берлинѣ по разверсткѣ едва пришлось получить 3⁰% противъ подписки. Мы выведемъ банкирскую прибыль правительства по этой операціи, что для читателей весьма важно, чтобы не оставлять ихъ въ недоразумѣніи, тѣмъ болѣе, что мы указали уже, насколько правительство понесло убытковъ по реализаціи курско-кіевскихъ облигацій, а также и то обстоятельство, что прибыль, полученную при реализаціи облигацій тамбовско-саратовской дороги, правительство, по условію, передало самому обществу. Расчетъ этотъ я сдѣлаю слѣдующимъ образомъ: изъ 12 милліоновъ фунтовъ номинальной суммы займа приходится на частныя желѣзныя дороги 63,55⁰%, а на казенную московско-курскую 36,45⁰%; по реализаціи получено 73.982,021 кр. р., слѣдовательно, на частныя дороги по реализаціи пришлось 46.992,083 кр. р. Сколько же въ то число выдало правительство и сколько оно обязано отпустить по условіямъ реализаціи, заключеннымъ съ сказанными дорогами? Правительство выдало по этимъ дорогамъ 44.473,623 кр. р. и обязано выдать 3.261,711 мет. р., что по расчету 75 за 100 составитъ 4.348,948 кр. р., такъ что всего вмѣсто 46.992,083 кр. р., полученныхъ по реализаціи, правительство обязалось отпустить частнымъ желѣзнымъ дорогамъ 48.822,571 р., или на 1.830,488 р. больше, нежели само оно получило ¹⁾.

¹⁾ Расчетъ сдѣланъ мною слѣдующимъ образомъ. Изъ первой графы Прил. 14 (прил. къ отч. за 1871 годъ) видно, что дорогамъ либавской, ивановско-внешемской, воронежско-ростовской и грязе-царицынской (по облигаціонному капиталу) слѣдовало выдать 38.144,165 мет. руб. Изъ первой графы прилож. 15-го видно, что въ то число этимъ дорогамъ выдано до 1-го января 1872 года всего 34.882,454 мет. р., слѣдовательно, подлежитъ къ выдать 3.261,711 мет. р. По переводу, во второй графѣ 15-го приложения обозначено, что 34.882,454 мет. р., слѣдующіе къ выдѣлѣ желѣзнымъ дорогамъ, составляютъ 44.473,623 р. Какимъ образомъ сдѣланъ расчетъ, мнѣ неизвѣстно.

Удача перваго 5⁰/₀ желѣзно-дорожнаго займа ободрила правительство на этомъ пути и повела къ быстрому развитію желѣзно-дорожнаго дѣла и связанныхъ съ ними долговъ. Второй выпускъ 5⁰/₀ консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій разрѣшенъ былъ 17 февраля 1871 года чрезъ тѣ же дома Ротшильдовъ въ Парижѣ и Лондонѣ на ту же сумму (12 милл. ф. ст. или 75 милл. р.). На этотъ выпускъ отнесены облигаціи дорогъ московско-брестской, риги-болдерааской, тамбовско-саратовской и поти-тифлисской на сумму 7.325,905 ф. ст., а остальные (4.674,095 ф. ст.) поступили за счетъ казенной одесской дороги, уступленной русскому пароходному обществу. По контракту банкиры обязались реализовать эти облигаціи по курсу не ниже 79%, т.е. на 3% выше перваго выпуска: правительство получило по нимъ въ 1871 году 71.422,063 р. Такимъ образомъ курсъ упалъ настолько, что реализація 75.000,000 по 76% дала въ 1870 г. 73.982,021 р., а въ 1871 г. по 79% только 71.422,063 р. Повторяя тотъ же самый расчетъ относительно этихъ дорогъ, получимъ, что правительство, — въ счетъ полученныхъ по реализаціи за счетъ этихъ дорогъ 45.131,997 кр. р. выдало по 1-е января 1872 года 48.609,468 р. и сверхъ того осталось къ выдачѣ 1.924,346 мет. р.; сверхъ того, въ частныя руки перепили правительственныя сооруженія по поти-тифлисской дорогѣ.

Когда имѣются въ виду только голословные валовые итогъ финансовой операціи и нѣтъ возможности изучить ее съ должной основательностію во всѣхъ подробностяхъ ¹⁾, тогда надо быть очень осторожнымъ въ выводѣ окончательнаго заключенія. Тѣмъ не менѣе, на основаніи всѣхъ выше приведенныхъ расчетовъ, я думаю, что *банкирская помощь, оказанная правительствомъ частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, обошлась не безъ убыли для пра-*

По условіямъ, вѣсь этимъ дорогамъ слѣдовало расчесть металлическіе рубль по 75 за 100. На этомъ основаніи, напр., ливавской дорогѣ за 5.571.055 мет. р. приходилось $\frac{5.571.055 \times 100}{75} = 7.428,073$ кр. р., а въ приложеніи 15-мъ показано по переводу 7.063,004 кр. р. Какъ бы то ни было, итогъ кредитныхъ рублей, составившихся по расчету относительно выдачъ, произведенныхъ по 1-е января 1872 года, взять мною изъ контрольнаго отчета за 1871 г. и составлять 44.473.623 кр. р., показанные въ текстѣ. Затѣмъ оставшіеся къ выдачѣ 3.261,711 р. переведены обыкновеннымъ способомъ $\left(\frac{3.261,711 \times 100}{75} = 4.348,948 \right.$ кр. р.).

1) Въ прилож. къ Отч. за 1871 г. усмотрѣно мною слѣдующее необъясненное различіе: въ прил. 14 графѣ 1-й сказано, что московско-брестской дорогѣ слѣдовало выдать *всего* 14.647,500 мет. р., а въ прил. 15 графѣ 1-й той же дорогѣ *выдано* по 1-е января 1872 г. 15.985.836 р. — Отчего такая разниа?

вительства и не без пожертвования со стороны общества въ пользу частных акціонеровъ. Если это такъ, то невыгодно такое положеніе дѣла, котораго легко бы можно было избѣжать, не назначая такой высокій процентъ, при расчетѣ съ желѣзными дорогами, реализаціи. Если саратовская дорога согласилась на реализацію по 60 за 100, то отчего не могли принять этихъ условій другія? Частные акціонеры все-таки остались бы въ выгодѣ, ибо безъ помощи правительства они вовсе не могли бы реализовать своихъ бумагъ.

Третій выпускъ консолидированныхъ 5% желѣзнодорожныхъ облигацій произведенъ былъ уже въ 1872 году и сюда не относится. Выпускъ разрѣшено произвести на нарицательную сумму 15 милл. ф. ст. или 93.750,000 р.; въ составъ этого выпуска входятъ облигаціи частныхъ дорогъ кіево-брестской, лозово-севастопольской, ланцварово-роменской и харьково-ніколаевской, а также дополнительныя облигаціи ростовско-воронежской и грязе-царицынской на сумму 14.956,215 р., а 43,185 р. поступаютъ за счетъ одесской дороги.

Таким образом основной капитал желѣзно - дорожнаго фонда составитсѣ изъ:

Суммъ полученныхъ за Сѣв.-Американск. владѣнія .	10.571,582	
Облигаціонныхъ займовъ никол. ж. д. 1-го вып. (4%) .	54.318,692	
" " курско-киевск. дороги (?) .	15.990,601	
" " никол. ж. д. 2-го вып. (4%) .	68.716,937	284.430,314
" " 5% консол. обл. ж. д. 1-го вып.	73.982,021	
" " " " " " 2-го вып.	71.422,063	
Израсходовано изъ суммъ 2-го съ выигр. займа . . .	38.005,760	
" " " 2-го 5% англо-голланд. займа.	4.730,949	
Итого . . .	337.738,605	

Но этот основной капитал обращался и потому слѣдуетъ въ нему приложить *оборотный приходъ*, который, по свѣдѣніямъ государственнаго контроля, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) *Банкирский приходъ*, подъ которымъ разумѣются проценты съ обращающагося по текущему счету у иностранныхъ банкировъ и въ государственномъ банкѣ депозита изъ основнаго капитала, премій при реализаціи, прибыли при продажѣ принадлежащихъ правительству бумагъ и пр., которыхъ показано съ 1868—1872 г. 1.488,625 р.

2) *Курсовой баланс*, или разность колебаній курса изъ года въ годъ, причисляемая къ приходу, если она увеличиваетъ депозитъ или къ расходу, если она напротивъ его уменьшаетъ. Курсовыя измѣненія показаны въ трехъ послѣднихъ отчетахъ, да и

то въ 1870 году непоследовательно; въ приходѣ и расходѣ, за одинъ и тотъ же годъ: по расчету за все время депозитъ отъ курса стоялъ къ 1-му января 1872 года выше на 1.088,941 р.

3) *Возвратные расходы*, которые, по характеру вышепоясненныхъ операций, должны быть слѣдующіе:

а) По реализаціи бумагъ, проценты, условленные по концессіи за выдачу облигаціонныхъ ссудъ и авансовъ. Эта статья опять переходитъ въ область потемокъ, съ одной стороны по разнообразію условий, выторгованныхъ тѣмъ или другимъ обществомъ, а съ другой потому, что не видно дѣйствительнаго поступления процентовъ. Въ графѣ 4-й вѣдомости о расчетахъ правительства съ обществами желѣзныхъ дорогъ (прил. 14), гдѣ стоитъ заголовокъ «причислено 0/0» — за какое время, неизвѣстно, поставлено въ общемъ итогѣ по реализаціи 4.394,358 р. и 1.287,217 р. кред., такъ что эта цифра, внесенная безъ всякаго объясненія и о которой ничего не говорится въ запискѣ, непонятна. Между тѣмъ въ вѣдомости о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда и объяснительной запискѣ за 1871 годъ (стр. 88 и 89) показаны поступившими:

Отъ общества грязе-царицынской дороги по возврату акцій .	54,000 р.
Въ возвратъ авансовъ отъ тамбовско-саратовской и московско-брестской дорогъ	3.064,759 »
Ошибочно выданныхъ кіево-брестской дорогѣ	31,449 »

Итого 3.150,208 р.

Здѣсь опять недоразумѣніе. Мнѣ кажется, авансы въ счетъ реализаціи не подлежатъ возврату, а всякій авансъ съ обязательствомъ возврата составляетъ *краткосрочную ссуду*. Между тѣмъ о выдачѣ краткосрочныхъ ссудъ тамбовско-саратовской и московско-брестской дорогамъ нигдѣ не говорилось и на счетахъ ихъ не значится. Откуда же этотъ возвратъ? Коммиссія, приводящей въ извѣстность счета правительства съ желѣзными дорогами, надо обратить особое вниманіе на порядокъ выдачи суммъ по реализаціи и по уплатѣ гарантіи, тутъ что-то неясно, и все заставляетъ предполагать выдачу подъ этимъ названіемъ *скрытыхъ ссудъ*, что и очень возможно, потому что вѣдь эти такъ-называемые *доли* подлежатъ уплатѣ въ неопредѣленномъ будущемъ, слѣдовательно, и на повѣрку этихъ счетовъ мало обращается вниманія. Какъ бы то ни было, итогъ этотъ, какъ дѣйствительное поступленіе, подлежитъ включенію въ приходорасходный балансъ.

б) Возвратъ краткосрочныхъ ссудъ и уплата по нимъ процентовъ: мы уже вычислили выше, что уплата эта составляетъ 14.061,486 р.

с) Уплата процентовъ и погашеніе по долгосрочнымъ ссудамъ: по нимъ причислено (неизвѣстно за какой срокъ), по вѣдомости «о расчетахъ правительства съ желѣзными дорогами за 1871 годъ» (прил. 14), всего 1.521,637 р. мет. и 1.503,437 кр. р.; поступления какъ видно не было.

д) По снабженію частныхъ дорогъ заказанными отъ правительства желѣзно-дорожными принадлежностями поступило, какъ выше сказано, 819,042 р.

Складывая всё эти итоги дѣйствительнаго поступленія, получимъ:

Общій итогъ оборотнаго прихода въ 20.608,302 р.

Слѣдовательно, приходный балансовый счетъ оборотнаго капитала даетъ:

Основнаго капитала	337.738,605 кр. р.
Оборотнаго прихода	20.608,302 » »
Всего	358.346,907 кр. р.

Опредѣливши такимъ образомъ приходъ, мы вернемся назадъ и докончимъ анализъ расходовъ; тогда мы точно такимъ же образомъ сведемъ балансовый счетъ расхода и на основаніи его получимъ въ разности *балансъ наличности желѣзно-дорожнаго фонда*.

Намъ остается рассмотреть четвертую группу расходовъ, такъ-называемые расходы *по реализаціи*. Сюда относятся:

1) Банкирскіе расходы по реализаціи: приготовленіе и пересылка облигацій, переводъ суммъ, банкирская провизія, уплата штемпельной пошлины въ иностранныхъ государствахъ и т. д.

2) Уплата по облигаціоннымъ купонамъ $\%$ и погашенія: за непоступленіемъ этихъ суммъ отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, уплата эта производилась или изъ самого фонда, или изъ суммъ государственной росписи сверхсметнымъ кредитомъ. Определить, сколько по всѣмъ вновь заключеннымъ займамъ приходится въ ежегодной уплатѣ процентовъ и погашенія, я не имѣю возможности, ибо это расчетъ довольно сложный, для котораго нужно знать въ подробности условія реализаціи и состояніе курса во времени перевода; но чтобы дать приблизительное понятіе, я представляю расчетъ $\%$ обыкновенный коммерческій съ нарицательной суммѣ займовъ, съ надбавкою 20 $\%$ для перевода металлическихъ рублей въ кредитные. Такимъ образомъ получится:

4 $\%$ по облигаціямъ ник. жел. дор.

1-го выпус. съ номинальной цѣн. 75.000,000 мет. р. Прог. 3.600,000 кр. р.

4 $\%$ по облигаціямъ ник. жел. дор.

2-го выпус. съ номинальной цѣн. 69.487,500 » » » 3.383,000 » »

5% (?) по облигаціямъ курско-киевской желѣзной дороги	21.093,750 мет. р.	Прод.	1.054.687 кр. р.
5% консолидированныя жел. дор. облигаціи 1-го выпуска	75.000,000	» » »	4.500,000 » »
5% консолидированныя жел. дор. облигаціи 2-го выпуска	75.000,000	» » »	4.500,000 » »
Итого	315.531,250 мет. р.	Прод.	16.987,687 кр. р.

Сюда надо присоединить уплату процентовъ по 2-му займу, падающую на общія средства государства. Второй заемъ былъ распределенъ между обыкновеннымъ бюджетомъ и желѣзно-дорожнымъ такимъ образомъ, что изъ 107 милліоновъ общей суммы займа 35 милл., истрачено на общіе расходы, а остальные поступили въ желѣзно-дорожный фондъ; слѣдовательно, по справедливости, двѣ трети текущихъ платежей по 2-му займу должно отнести къ желѣзно-дорожнымъ расходамъ. Мы полагаемъ, что это есть требованіе самой элементарной справедливости, ибо если государство, занявши деньги, употребило ихъ на пользу частной желѣзно-дорожной дѣятельности, а не на прямыя народныя нужды, то и проценты по этому займу должна уплачивать воспользовавшаяся имъ промышленность, иначе отчего же не возложить на государственный бюджетъ уплату и остальныхъ 17-ти милліоновъ по желѣзно-дорожнымъ облигаціоннымъ займамъ?! Между тѣмъ двѣ трети процентовъ по 2-му займу, дѣйствительно уплаченныхъ въ теченіи 1866—1872 годъ, составляютъ 24.357,000 р.!

Кромѣ того, сюда же относится уплата процентовъ и погашенія по прежде заключеннымъ займамъ на постройку казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Сюда относятся:

1) Займы для окончанія петербурго-московской дороги:

а) Второй 4% заемъ, чрезъ посредство банк. Штиглица, заключенный 4-го августа 1842 г. въ 8.000,000 р. сер.; облигаціи этого займа были реализованы на весьма выгодныхъ условіяхъ (90,41%).

б) Третій—въ 8.000,000 р., 26-го апрѣля 1843 г.—реализованъ по 91,57%.

с) Четвертый—въ 12.000,00 р. 20 сентября 1844 г.—реализованъ по 92,25%.

д) Пятый—въ 14.000,000 р. 22-го августа 1847 г.—реализованъ по 90,37%; но заемъ этотъ, хотя и вписанный вполнѣ въ долговую книгу, реализованъ былъ только до 11.236,000 кр. р., вслѣдствіе биржевой паники, произведенной революціею 1848 г.

е) 9-го декабря 1849 года заключенъ заемъ въ Лондонѣ у банкировъ Берингъ и К^о въ облигаціяхъ по 4 1/2% суммою въ

5.500,000 фунт. ст. или 35.750,000 р., реализованныхъ по 90,5% (а по иностраннымъ извѣстіямъ по 93%).

Всѣ эти займы принадлежатъ къ числу выѣшнихъ безсрочныхъ, по которымъ уплата капитала впередъ утверждена условіями выкупа по тиражу, въ опредѣленномъ ежегодномъ размѣрѣ.

2) Десять серій билетовъ государственнаго казначейства, на сумму 30.000,000 р. сер., выпущенныхъ въ 1861 году, для ускоренія окончанія варшавской и нижегородской дорогъ.

Уплата процентовъ и капитала можетъ быть введена только по займамъ для николаевской дороги, ибо уплата по серіямъ показывается вообще и нельзя вычислить, сколько должно быть отнесено собственно на желѣзно-дорожное дѣло.

3) Приобрѣтеніе правительствомъ за свой счетъ процентныхъ бумагъ, какъ финансовая операція, было уже нами разъяснено, по 2-му выпуску облигацій николаевской дороги, гдѣ правительство оставило за собою 116,000 собственныхъ облигацій, въ видахъ болѣе выгоднаго сбыта. Какъ пособіе желѣзнымъ дорогамъ, этотъ видъ не затронуть государственнымъ контролемъ. Пособіе это состоитъ въ томъ, что правительство, желая облегчить реализацію бумагъ извѣстной дороги, приобретаетъ за свой счетъ извѣстное число ея акцій, то-есть выдаетъ по номинальной цѣнѣ ту сумму, которая по концессіи опредѣлена для оплаты акцій. Изъ смѣты департамента государственнаго казначейства (§ 3) по перечисленію акцій, которыя хранятся въ портфель правительства и доходъ съ которыхъ поступаетъ въ общій приходный бюджетъ, видно, что такимъ образомъ приобрѣтено 25,000 акцій возловско-воронежской дороги, по 100 руб. каждая, на сумму 2.500,000 р. и 3743 акціи динабургско-витебской, по 100 ф. ст., на сумму 373,700 ф. По этимъ акціямъ заплачено изъ суммъ 2-го выигрышнаго займа 1.971,632 р. и изъ общихъ средствъ бюджета 1.068,050 руб. Въ счетахъ оказывается разница на 7 акцій, не считая выпедшихъ въ тиражъ.

Такъ какъ реализаціонные расходы производились изъ трехъ разныхъ источниковъ и государственнымъ контролемъ надлежащимъ образомъ не сведены, то я изложу ихъ въ нижеслѣдующей таблицѣ, за періодъ 1867—1872 годъ.

ОЗНАЧЕНІЯ ПРЕДМѢТА РАСХОДОВЪ.	Изъ желѣзно-до- рожнаго фонда.	Изъ общихъ средствъ казн- тейства.	Особо изъ суммъ 2-го выигрышнаго займа.	Итого.
1) Банкирскіе расходы. На приготовленіе облигацій, пош- лины и проч.	3.042,011	—	—	3.042,011

Въ кредитныхъ рублѣхъ.

2) Уплата процентовъ.

По облигац. никол. жел. д. 1 вып.	5.561,329	21.481,756	—	} 27.043,065
» » » » 2 »	—	—	—	
По акціямъ и облигаціямъ курско-киевской дороги	4.041,659	—	—	4.041,659
По облигаціямъ поти-тифлисской дороги	1.050,541	—	—	1.050,541
По 5% консолидированнымъ облигаціямъ 1 выпуска	2.518,434	4.722,389	—	7.240,823
Двѣ-трети % по 2-му выигранному займу	—	24.357,000	—	24.357,000
По прежнимъ займамъ на постройку николаевской дороги.	—	23.794,247	—	23.794,247
Итого . . .	13.171,963	74.355,392	—	87.527,355

3) Приобрѣтеніе бумагъ.

На приобрѣтеніе за счетъ правительства облигацій никол. жел. дороги 2-го выпуска . .	11.498,538	—	—	11.498,538
На переводъ банкирамъ Ротшильду и сыну по оплатѣ 3750 акцій динабургско-витебской жел. дороги за счетъ правительства (сверхсмитн. кредитъ въ 1866 и 1867 гг.)	—	1.068,050	—	1.068,050
На покупку акцій козловско-воронежской желѣзной дороги.	—	—	1.971,632	1.971,632
Итого . . .	11.498,538	1.068,050	1.971,632	14.538,220

4) Нераздѣленные расходы.

Расходы по реализаціи облигацій 1-го выпуска никол. жел. дор. и уплата процентовъ на срокъ 1867 года въ 1867 году.	2.266,748	—	—	2.266,748
Всего . . .	29.979,260	75.423,442	1.971,632	107.374,334

Окончивъ такимъ образомъ разборъ расходовъ, я могу приступить къ составленію свода ихъ для вывода баланса; при этомъ для удобства и наглядности балансированія я отдѣлю расходы, подлежащіе покрытію изъ желѣзно-дорожного фонда отъ упавшихъ непосредственно на общія средства государства.

А) Изъ желѣзно-дорожного фонда и особо изъ суммъ 2-го внутреннего и англо-голландскаго займа 1866 года.

	кр. руб.
Постройка правительственныхъ дорогъ	120.448,659
Пособіе частнымъ желѣзнымъ дорогамъ:	
Расходы по реализаціи ихъ бумагъ	145.078,030
Краткосрочные авансы на постройку дорогъ	13.924,846
Долгосрочныя ссуды	22.213,481

Снабженіе желѣзно-дорожными принадлежностями	9.726,609
Расходы по реализаціи	31.950,895
Уплата гарантій изъ суммъ англо-голландскаго займа	3.179,322
Итого . . .	346.521,739

В) Изъ общихъ средствъ государственной росписи.

Пособіе частнымъ желѣзнымъ дорогамъ:

	кр. руб.	
Долгосрочныя ссуды желѣзнымъ дорогамъ	99,341	43.713,229
Уплата гарантій	43.613,888	
Расходы по реализаціи	75.423,442	
Итого . . .	119.136,671	
Всего . . .	465.658,410	

Возьмемъ прежде всего балансъ желѣзно-дорожнаго фонда:

	руб.
Приходъ	358.346,907
Расходъ	346.521,739
Балансъ +	11.825,168

Прежде всего замѣчу, что выведенный мною балансъ не сходится съ показаннымъ въ контрольномъ отчетѣ: тамъ значится свободныхъ средствъ желѣзно-дорожнаго фонда въ 1-му января 1872 года—31.710,800 р., слѣдовательно разница на 20 милліоновъ. Разница эта происходитъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Относительно прихода разница произошла въ счетъ суммъ 2-го займа. Счетъ его, очевидно, былъ неясенъ еще въ государственномъ казначействѣ, вслѣдствіе того, что распоряженіе министерства о сліяніи суммъ 2-го займа съ общими средствами казначейства послѣдовало *въ концѣ года*, когда кассовое движеніе было въ ходу и, слѣдовательно, совершенно правильно и своевременно провести измѣненіе счетовъ по всѣмъ кассамъ не было возможности; точно также согласить цифры особой вѣдомости о движеніи займа съ данными, показанными въ кассовыхъ сводахъ и въ вѣдомостяхъ о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда,—не было никакой возможности. Между тѣмъ я считалъ вѣдомость о движеніи займа, какъ окончательный выводъ, болѣе вѣрною для опредѣленія дѣйствительной затраты суммъ этого займа на желѣзно-дорожные расходы и основываясь на ней ввелъ въ приходъ не кассовое перечисленіе, до котораго мнѣ, съ моей точки зрѣнія, дѣла нѣтъ, а *дѣйствительное поступленіе въ видѣ исполненной затраты*. Что же касается до возвратныхъ ссудъ, показанныхъ въ вѣдомости о движеніи займа на 11 милліоновъ, то я ихъ не ввелъ, такъ какъ неизвѣстно, гдѣ онѣ помѣщены.

2) Относительно расхода, я держался вѣдомости о суммахъ, выданныхъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ (прил. 15, отч. 1871 г.). Не моя вина, что эта вѣдомость не сходится съ вѣдомостями о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда и притомъ въ данныхъ, совершенно однородныхъ. Напримѣръ, всѣ контракты по заказу вагоновъ и паровозовъ заключены въ 1868 году, слѣдовательно и расходъ могъ производиться только съ 1868 года, то-есть за время, за которое помѣщены отдѣльныя вѣдомости о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда. Складывая ежегодные итоги затратъ на этотъ предметъ по вѣдомостямъ о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда, получится въ общей сложности 6.253,765 р., а по вѣдомости № 15-й итогъ этотъ значится 6.112,687 р. и т. п. Кромѣ того контроль имѣлъ въ виду по преимуществу расходы или дѣйствительно покрытые желѣзно-дорожными средствами, или предназначенные къ перечисленію на счетъ этого фонда *по сметамъ*. Я же вводилъ всѣ расходы, которые, по существу своему и, такъ сказать, по финансово-юридическому значенію, должны упадать на средства этого фонда. Впрочемъ, данныя для этого я извлекъ изъ свѣдѣній самого контрольнаго отчета, — гдѣ послѣдній всѣ эти расходы признаетъ самъ *подлежащими покрытію изъ желѣзно-дорожнаго фонда*. Какъ бы то ни было, — я смѣю думать, что употребленный мною приемъ для вывода баланса вѣренъ, и очень буду радъ если найдутъ возможнымъ оспорить его. Между тѣмъ вотъ послѣдствія въ бухгалтерскомъ отношеніи образованія *спеціальныхъ фондовъ*. Основаніе и достоинство всякой бухгалтеріи суть единство и простота, откуда вытекаютъ ясность и порядокъ; у насъ, въ государственной бухгалтеріи, напротивъ, *спеціализированіе фондовъ* и осложненіе, что можетъ породить только сбивчивость и запутанность счетовъ.

Пока я остановлюсь на томъ общемъ у меня съ контрольнымъ отчетомъ результатѣ, что въ кассѣ желѣзно-дорожнаго фонда къ 1-му января были собственныя наличныя средства, и слѣдовательно по этой операціи дефицита не существовало.

Перехожу къ балансированію суммъ изъ общихъ средствъ казначейства. Здѣсь пока не видно прихода — былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ?

Доходы, которые могутъ балансировать въ общемъ государственномъ бюджетѣ затраты его на желѣзно-дорожное дѣло, заключаются въ поступленіяхъ отъ получившихъ изъ этого источника пособие частныхъ дорогъ и въ чистомъ доходѣ отъ эксплуатаціи казенныхъ дорогъ.

Сначала о послѣднемъ.

Казенныя дороги принесли въ государственный доходъ, за вычетомъ изъ валового всѣхъ издержекъ по управленію, содержанію и ремонту, чистый доходъ до времени передачи ихъ частнымъ обществамъ въ слѣдующемъ видѣ:

Николаевская до конца 1868 года:	
Въ 1866 году	3.376,302 руб.
> 1867 >	4.516,933 >
> 1868 >	3.465,024 >
Итого	11.358,259 >

Московско-курская (по 1-е августа 1871 г.).

1867	1.246,275 (до Тулы).
1868	1.580,710 (открытъ участокъ между Тулой и Курскомъ).
1869	2.201,029 (до Курска).

Въ 1870 году московско-курская дорога принесла убытку 1.853,809 р., слѣдовательно балансъ ея чистаго дохода по открытіи движенія опредѣляется въ 3.174,205 р. Убытокъ этотъ объясненъ въ запискѣ контроля (объясн. зап. 1870 г. стр. 27) тѣмъ, что движеніе по этой дорогѣ хотя и усилилось, но далеко не достигло того развитія, которое предполагалось по соображеніямъ министерства путей сообщенія.

Одесско-балтско-елисаветградская (до половины 1870 года).

1867	722,966 (отъ Одессы до Балты).
1868	25,752 (до Елисаветграда съ вѣтвью къ Тирасполю).
1869	139,492 (съ открытіемъ вѣтви къ Куальницкому Лиману).
1870	677,782 (до Кременчуга).

Итого 1.565,992 р.

Кіево-балтская, открытая правительствомъ отъ Кіева до Жмеринки, съ вѣтвями на Бердичевъ и Волочискъ, въ половинѣ 1870 года передана была обществу, привавшему на себя ея продолженіе, и въ первый годъ открытія движенія (въ 1870 г.) принесла казнѣ убытокъ въ 1.715,753 р.

Въ 1871 году, — въ годъ окончательной передачи казенныхъ дорогъ въ руки частныхъ обществъ, въ расходной смѣтѣ министерства путей сообщенія по дѣйствительному исполненію росписи, помѣщенному въ контрольномъ отчетѣ за 1871 годъ, — существуетъ какая-то странная и необъяснимая запутанность. Елисаветградско-кременчугская дорога въ 1871 году оставалась въ распоряженіи правительства, по ней поступило 117,222 р. валового дохода, но въ расходную смѣту никакихъ по ней затратъ не введено, какъ будто она эксплуатировалась безъ всякихъ издержекъ, за то введена особая статья (§ 15): «Расходы экстраординарные, не относящіеся къ обыкновенному содержанію дороги» (какой, не извѣстно), и по этой статьѣ показана расходомъ крупная цифра въ

1.521,417 р. Спрашивается,—на что нужна была эта необыкновенная затрата, когда было положительно извѣстно, что дороги не останутся въ рукахъ правительства и поступаютъ на мало выгодныхъ для правительства условіяхъ въ руки частныхъ обществъ? Какъ бы то ни было, сосчитывая весь расходъ и весь валовой доходъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ за 1871 годъ, все-таки въ балансѣ получается чистый доходъ въ 331,792 р.

Итакъ, въ общей сложности, съ 1866 года по день передачи частнымъ обществамъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, внесено въ государственный приходъ чистаго дохода, всего 15.714,495 руб.; этому приходу соотвѣтствовалъ *одинъ расходъ на уплату гарантіи*, возложенный на общія средства государства обыкновеннымъ порядкомъ и въ опредѣленномъ размѣрѣ, — цифра котораго объяснена нами выше. Остальные расходы,—на производство долгосрочной ссуды и на покупку желѣзно-дорожныхъ акцій произведены были сверхсмытнымъ кредитомъ въ 1866, 1867 и 1868 годахъ,—въ то время, когда уже существовалъ дорожный фондъ, для того исключительно предназначенный и въ кассѣ его лежалъ громадный денежный запасъ.

Посмотримъ теперь, какое вліяніе оказала на бюджетъ уступка дорогъ частнымъ обществамъ.

Николаевская желѣзная дорога продана была Главному обществу съ условіемъ уплачивать ежегодно на платежи по облигаціямъ 7.200,000 кр. руб. и уступать правительству извѣстную часть чистаго дохода. Чистый доходъ опредѣляется по отчисленіи изъ валового: а) *пятидесяти* процентовъ на эксплуатацію; б) 7.200,000 на уплату процентовъ по облигаціонному займу; и с) 1½% на постепенную замѣну деревянныхъ мостовъ желѣзными.

По счету уплаты процентовъ по займамъ съ Главнаго общества приходилось получить по условію съ конца 1868 года по 1-е января 1872 года 23.600,000 р., получено же дѣйствительно 20.721,402 р., т.-е. недоплачено обществомъ 2.878,598 р., которые, какъ я уже замѣтилъ, на счетахъ нигдѣ не числятся.

При этомъ, за счетъ платежей по облигаціоннымъ займамъ николаевской желѣзной дороги значится уплаченнымъ по 1-е января 1872 года:

По счету желѣзно-дорожнаго фонда	7.061,329 р. ¹⁾
Изъ обыкновеннаго бюджета	21.481,766 »
Итого	28.543,085 »

¹⁾ Отсчитывая изъ нераздѣльных расходовъ по реализаціи за 1867 годъ 766,748 р. собственно на банкирскіе расходы, что слишкомъ, Google

Или въ этомъ итогѣ какіе-нибудь платежи сосчитаны вдвойнѣ, или Главное общество не покрываетъ своими платежами обязательствъ, принятыхъ на себя правительствомъ по облигаціонному займу, ибо итогъ дѣйствительныхъ платежей оказывается *больше* оклада, слѣдующаго съ Главнаго общества на этотъ предметъ, по условіямъ уступки ему дороги!

Кромѣ того, Главное общество обязалось, въ теченіи трехъ лѣтъ уплатить правительству выданные и неотработанные, по содержанию дороги до передачи, задатки и авансы, которыхъ оказалось на сумму 662,691 р.; а равно уплатить за переданные обществу матеріалы, которыхъ оказалось (въ 1870 году) приблизительно на 776,300 р. Исправность платежей такова:

	Посчитано по сметѣ:	Дѣйствительно уплачено:
Въ 1869 году	404,162 руб.	15,761 руб.
» 1870 »	555,164 »	18,398 »
» 1871 »	451,434 »	— »

Между тѣмъ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ общество выговорило отъ правительства на ремонтъ дороги 13.250,000 р., въ счетъ которыхъ и получило изъ желѣзно-дорожнаго фонда, въ 1869 и 1870 г., 11.442,065 р., да заняло на неопредѣленное время у правительства 5.000,000 и получило безвозвратно для расчета съ Уайненсомъ 500,000 р. Такимъ образомъ продажа николаевской дороги принесла государственному казначейству въ 3 года:

Хроническаго недобора	2.878,598 руб.
Переплаты процентовъ изъ бюджета	760,354 »
Хроническаго долга	1.404,832 »
Выдачи въ ссуду на неопредѣленное время	5.000,000 »
Безвозвратно оказаннаго пособия	11.992,065 »
Итого въ три года убытку	22.035,849 »

Я не буду излагать здѣсь условій уступки другихъ правительственныхъ дорогъ въ частныя руки, ибо здѣсь я касаясь этого вопроса только стороною; я укажу только, что и другія частныя общества не замедлили воспользоваться этимъ примѣромъ. Едва только совершилась передача дорогъ, какъ уже въ 1871 году они накопили слѣдующіе долги:

	За 1871 годъ слѣдова- ло по росписи:	Дѣйствительно поступило:
Съ русскаго пароходнаго общества (по- лучившаго одесскую желѣзную дорогу):		
Уплаты на 5% облигаціонный капиталъ	2.686,600 р.	1.125,264 р.
За матеріалы и принадлежности	100,000 »	100,000 »
Недопоступило	—	1.561,335 р.

Съ общества кіево-брестской дороги за участокъ отъ Кіева до Жмеринки и до Бердичева.

Уплаты на 5% облигаціонный капиталъ . .	823,000 р.	—	р.
За матеріалы и принадлежности	100,000 >	16,681	>
Недопоступило		—	р.
		906,318	р.

Вслѣдствіе того, къ 1-му января 1872 года, въ счетѣ о долгахъ и недоимкахъ, по контрольному отчету показано долговъ по передачѣ обществамъ казенныхъ дорогъ:

За Главнымъ обществомъ	5.426,544 р.
> пароходнымъ обществомъ . . .	369.521 <
> общ. кіево-брестской дороги . .	568.793 >
Итого	6.364,858 р.

По счетъ этотъ очевидно неполный.

Между тѣмъ, въ 1871 году на уплату процентовъ и погашенія 5% консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій изъ бюджета употреблено 4.722,389 р. Мы видѣли, что въ счетъ этихъ облигаціонныхъ займовъ введены и дороги одесская и кіево-брестская; почему же проценты и погашеніе за нихъ должны ложиться на бюджетъ или на средства страны? И что, если такимъ образомъ по 500,000 милліонамъ всѣхъ желѣзно-дорожныхъ займовъ уплата процентовъ и погашенія, вся или большею частью, ляжетъ на государственное казначейство, которое и теперь платитъ ихъ изъ общихъ средствъ страны по 2-му выигрышному займу, несмотря на то, что двѣ-трети этого займа разошлись по карманамъ желѣзно-дорожныхъ предпринимателей, въ видѣ ссудъ на постройку или на оплату переданныхъ имъ дорогъ? Это составитъ десятки милліоновъ, и внутренніе благопріятелі обойдутся намъ дороже внѣшнихъ враговъ, для которыхъ мы заготовляемъ нарѣзные орудія и игольчатые ружья...

Наконецъ, въ періодъ 1866—1872 по желѣзно-дорожному приходу поступило:

- 1) Отъ общества рижско-динабургской дороги въ воз-
вратъ выданнаго ему пособія въ 1861—1870 г. по-
ступило въ 1871 году 163,546 р.
- 2) Доходовъ отъ варшавско-вѣнской жел. дороги съ
1868 года. 1.070,000 >
- 3) Доходы съ акцій жел. дор., прибрѣтенныхъ по под-
пискѣ. 834,530 >

Итого 2.068,076 р.

Мы уже видѣли, сколько прибрѣтено правительствомъ акцій частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Доходъ по этимъ бумагамъ поступаетъ крайне неисправно: такъ, въ 1870 году по контрольному отчету показаны *непоступившими* съ общества возловско-воронежской дороги предположенные по смѣтѣ 125,000 р., тогда какъ это составляетъ только 5%, то-есть, *гарантированный доходъ*, который дорога не могла не выдать всѣмъ своимъ акціонерамъ и котораго недостатокъ она покрывала отпускомъ правительственной гарантіи.

Такимъ образомъ, собственно по бюджету, расходу соотвѣтствуетъ приходъ за время 1866—1871 г.

Чистаго дохода отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ . . .	15.714,495 р.
Процентовъ и погашенія по облигаціоннымъ займамъ . . .	21.846,666 >
Въ возвратъ казенныхъ затратъ при передачѣ дорогъ . . .	150,840 >
% съ желѣзно-дорожныхъ акцій	834,530 >
	<hr/>
	38.546,531 р.

Я не ввожу сюда прихода по продажѣ ненужнаго казеннаго имущества по дорогамъ, ибо онъ съ *избыткомъ* покрываетъ значительные расходы по содержанію оставшагося на попеченіе правительства прежняго управленія и другіе расходы по передачѣ дорогъ. Расходы эти по николаевской дорогѣ составили 149,150 р. въ три года (1869—1872).

Итакъ, балансъ по государственному бюджету ^{относительно} желѣзно-дорожнаго дѣла такой:

Приходъ	38.546,531 кр. р.
Расходъ	119.136,671 > >
Дефицитъ	80.590,140 кр. р.

Ни одна отрасль государственной промышленной дѣятельности не даетъ такого огромнаго дефицита. Въ виду его, да позволено мнѣ будетъ изложить нѣкоторыя соображенія, которыя ближайшимъ образомъ могутъ повести къ его сокращенію. Соображенія эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Прежде всего необходимо, чтобы Главное общество, русское пароходное общество и tutti quanti перестали собирать въ свою пользу подати и за приобретаемыя ими выгодныя статьи вносили изъ собственного кармана, какъ всѣ остальные русскіе люди, а не на счетъ подушныхъ. Необходимо, чтобы по приведеніи комиссіей, учрежденной по заявленію государственнаго контроля, въ извѣстность желѣзно-дорожныхъ долговъ, счетъ этихъ долговъ, съ исчисленіемъ подлежащей уплаты и процентовъ, вносился въ смѣту государственнаго казначейства и былъ въ виду государственнаго совѣта при утвержденіи росписи; необходимо, чтобы во взысканіи подлежащей уплаты правительство поступало съ желѣзно-дорожными обществами наравнѣ со всѣми

другими плательщиками. Главное общество, напр., какъ мы видѣли, представляетъ отговоркою, что оно, останавливая правительственные платежи, изъ недоимокъ предъ казною заготавливаетъ для себя оборотный капиталъ. Но развѣ подобная отговорка можетъ быть принята отъ какого-либо другого плательщика? Развѣ дѣйствительная крайность останавливаетъ казенныя взысканія? Развѣ у крестьянина не продаютъ всего его имущества, кромѣ послѣдней коровы и носильнаго платья, для пополненія выкупныхъ платежей по круговой поруцѣ? И между тѣмъ, акціонеры желѣзно-дорожныхъ обществъ считаютъ себя вправе поступать съ правительствомъ такъ, какъ ни одинъ должникъ не поступилъ бы съ частнымъ кредиторомъ.

2) Необходимо, чтобы всѣ скрытыя ссуды, выдаваемыя въ видѣ аванса гарантіи частнымъ обществамъ, были прекращены, а вмѣстѣ съ тѣмъ и затраты изъ бюджетныхъ суммъ на приобрѣтеніе бумагъ желѣзно-дорожныхъ обществъ и всякое имъ пособіе, ибо для этого слишкомъ достаточно суммъ, обращающихся въ желѣзно-дорожномъ фондѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы всѣ до сихъ поръ сдѣланныя затраты на этотъ предметъ были пополнены изъ специальныхъ ресурсовъ прежде, нежели правительство отероетъ изъ этого источника новыя ссуды желѣзно-дорожнымъ обществамъ.

3) Специализированіе желѣзно-дорожнаго фонда должно быть уничтожено, и войдя въ общій составъ бюджетныхъ суммъ, обращающихся въ государственномъ казначействѣ и подчиненныхъ ревизіи на законномъ основаніи государственнаго контроля, фондъ этотъ долженъ покрывать обыкновенныя смѣтныя назначенія, а не отпускаться превышающимъ ихъ въ семь разъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ, причемъ должны быть установлены общія правила для условій по реализаціи бумагъ и выдачѣ ссудъ и авансовъ, а не теперешняя система самыхъ разнообразныхъ и часто для правительства невыгодныхъ сдѣлокъ. Желѣзно-дорожныя общества, очевидно, смотрятъ на правительство, какъ на привилегированнаго своего банкира, отъ котораго они *имѣютъ право* получать кредитъ во всякое время и при всякой встрѣтившейся имъ потребности, причемъ каждое общество употребляетъ *все* возможные средства, чтобы получить кредитъ или пособіе на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Не спору, что съ точки зрѣнія желѣзно-дорожныхъ обществъ это совершенно естественно и весьма выгодно; но въ томъ ли же видѣ представляется вопросъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ? Вѣдь государство можетъ оказывать желѣзнымъ дорогамъ пособія только

въ видахъ общественной пользы, а не въ смыслѣ частнаго банкира, для котораго важны только гарантія займа и размѣръ получаемыхъ процентовъ, а затѣмъ, онъ покорнѣйшій слуга публики! Общественная же польза есть такой опредѣленный критеріумъ, на основаніи котораго и можно, и должно установить постоянныя и опредѣленныя правила выдачи ссудъ и всякаго рода пособій, а равно размѣръ и условія вознагражденія.

4) Необходимо, чтобы уплата процентовъ по займамъ, заключеннымъ исключительно съ цѣлью воспособленія желѣзно-дорожнымъ предпріятіямъ, упала на нихъ самихъ, а не на плательщиковъ государственныхъ податей. Вотъ поэтому существенно важно, чтобы возвратъ ссудъ, платежъ по нимъ процентовъ и взносы въ счетъ облигаціонныхъ займовъ поступали *бездоимочно* и *своевременно* въ государственный доходъ, вызывая въ противномъ случаѣ всю строгость взысканія, которой подчиняются неоплатные должники. Изъ этихъ взносовъ должны погашаться и двѣ-трети платежей по второму выигрышному займу, употребленные на желѣзно-дорожное дѣло. Если же желѣзно-дорожныя поступления будутъ зачисляться въ специальный фондъ и затѣмъ снова раздаваться желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ, то вѣдь это будетъ бочка Данаидъ, изъ которой все, въ нее вложенное, уходитъ въ бездонные карманы и сундуки нашихъ *railways'* лордовъ ¹⁾.

Покончивъ такимъ образомъ съ балансомъ по государственному бюджету, возвращаюсь къ балансу по желѣзно-дорожному фонду.

Прежде всего замѣчу, что выведенный мною балансъ есть балансъ *кассовый*, а не *операционный*. Между тѣмъ и другимъ большая разница. Въ данную минуту въ кассовой наличности можетъ лежать денежный фондъ извѣстнаго размѣра, но самое дѣло можетъ находиться въ невыгодномъ положеніи. Наоборотъ, касса можетъ быть совсѣмъ пуста, а дѣло въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Поэтому по желѣзно-дорожной правительственной операціи мнѣ слѣдовало бы вывести балансъ *операционный*. Но я его вы-

¹⁾ Счеты по поступленію платежей съ желѣзно-дорожныхъ обществъ по реализаціи ихъ бумагъ представляются въ смѣтѣ на 1878 годъ въ слѣдующемъ видѣ:

Первоначальная цифра долга.	220.608,208 р.	
Къ 1-му января 1878 г. числилось.	220.372,577 „	
Ожидалось къ поступленію въ 1872 году:		
Оклада.	11.250,298 р.	} 13.910,385 р.
Недоимки.	2.660,087 „	

Сколько именно поступило въ 1872 году, ведомости нѣтъ, ибо контрольный отчетъ за этотъ годъ еще не вышелъ.

вести не берусь, потому что не имѣю для того необходимыхъ данныхъ, которыхъ нѣтъ даже въ государственномъ контролѣ. Поэтому я могу только указать, чего именно не достаетъ.

Въ приходѣ не достаетъ счета долговъ и неизвѣстно поэтому, совершенно ли полонъ счетъ процентныхъ бумагъ, находящихся въ портфель министерства.

Контроль самъ заявилъ о неясности счетовъ правительства съ желѣзными дорогами и необходимости ихъ повѣрить чрезъ особую комиссію. Если въ предыдущемъ моемъ изложеніи я указалъ на 11.000,000 р. ссудъ изъ второго займа, о которыхъ нѣтъ помину въ надлежащихъ счетахъ,—то трудно дѣлать выводы съ убѣжденіемъ въ ихъ правильности и учитывать операцію, до такой степени не повѣренную.

Изъ бумагъ, полученныхъ правительствомъ, по вышеприведеннымъ сдѣлкамъ съ частными желѣзными дорогами, въ портфель правительства послѣ 3-го выпуска консолидированныхъ облигацій въ 1872 году остались совершенно нетронутыми акціи курско-киевской, харьковско-николаевской и грязе-борисоглѣбской дорогъ и облигаціи московско-ярославской. Затѣмъ, въ портфель находятся остатки отъ процентныхъ бумагъ послѣднихъ разрѣшенныхъ дорогъ, не вошедшія въ реализацію 3-го выпуска.

Государственный контроль (объясн. зап. 1871 г., стр. 115) опредѣляетъ количество оставшихся въ портфель правительства бумагъ къ 1-му января 1872 года на сумму 1.125,000 ф. ст. и 150.276,294 мет. и кр. рублей; а сумму долговъ, числившихся за желѣзными дорогами, съ наросшими % въ 36,782,927 р. Изъ числа этихъ бумагъ въ третій выпускъ облигаціоннаго займа въ 1872 г. вошло на 15.000,000 ф. ст., слѣдовательно въ 1872 г. у правительства старыхъ бумагъ осталось на 1.200,000 ф. ст. и 66,526,294 р.

Я всегда строго держусь фактической почвы и не прибѣгаю ни къ какимъ гадательнымъ предположеніямъ, ибо область эта весьма обширна и неопредѣленна и даетъ въ результатъ только безконечные и бесполезные споры. Такъ я поступлю и на этотъ разъ, не позволяя себѣ дѣлать никакихъ предположительныхъ выводовъ о возможномъ исходѣ для правительства предпринятой имъ обширной, не оконченной и не сосчитанной финансовой операціи. Но я не могу не заявить, что отъ учета и продолженія, въ *банкирскомъ* смыслѣ, положеніе дѣла можетъ только *улучшиться*, но не ухудшиться. Тѣмъ справедливѣе и тѣмъ настоятельнѣе представляется желаніе, чтобы изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ ресурсовъ спеціальнаго фонда покрыты были прежнія

затраты на этотъ предметъ изъ общаго бюджета и сложена тяжесть, лежащая на немъ безъ достаточнаго основанія, по крайней мѣрѣ въ видѣ уплаты процентовъ по займамъ, сдѣланнымъ съ цѣлью воспособленія желѣзно-дорожнымъ обществамъ. Но не разсматривая исходъ этой операціи въ частности, я не могу не указать *общее ея финансовое значеніе*, нисколько не зависящее отъ размѣра кассовыхъ оборотовъ, равно справедливое, остается ли въ наличности кассы 10 милліоновъ или 100.

Свѣтлую сторону этой операціи я изложилъ въ самомъ началѣ статьи; я упомянулъ, что желѣзныя дороги, составляющія *необходимое условіе* современной промышленности, не могли быть отложены въ дальній ящикъ и немедленное ихъ устройство было самою настоятельною потребностью, на которую народъ не могъ отказать въ своихъ пожертвованіяхъ. Я выразилъ также, что обойтись безъ правительственной помощи въ этомъ дѣлѣ оказывалось невозможно, по самой силѣ вещей. Промышленный русскій человѣкъ до сихъ поръ не стоитъ на своихъ ногахъ и не дѣлаетъ для этого никакихъ усилій,—ему до сихъ поръ нѣтъ вѣры за-границей, онъ до сихъ поръ рассчитываетъ ходить на помочахъ, и—ходить!... Помню я, въ 1863 г., въ Лондонѣ, познакомившись съ однимъ изъ англійскихъ банкировъ, пошелъ я съ нимъ осматривать англійскую биржу; долго мы бродили по громаднымъ пустымъ заламъ, гдѣ каждому народу земного шара отведенъ свой уголокъ и, наконецъ, пришли въ одну изъ самыхъ небольшихъ и отдаленныхъ. «Всматривайтесь пристальнѣе въ это помѣщеніе,—сказалъ мнѣ проводникъ,—здѣсь обдѣлываются ваши дѣла; но вы здѣсь не встрѣтите вашихъ соотечественниковъ, ваши дѣла въ нашихъ рукахъ!» Обидно и грустно мнѣ стало, когда процѣдилъ сквозь зубы, съ примѣтной улыбкой, эти слова англичанинъ, но что же дѣлать...

Но, обсуживая всякое жизненное явленіе и показывая его свѣтлыя стороны, нельзя умалчивать и о темныхъ: только тогда, когда съ обѣихъ сторонъ взвѣшена финансовая операція, всякій можетъ вывести по своему усмотрѣнію и степени развитія балансъ, независимый отъ положенія кассы и величины ея оборотовъ.

Мы видѣли, что правительство сосредоточило въ своемъ портфельѣ всѣ бумаги, выпущенныя частными желѣзно-дорожными компаниями и приняло на себя роль исключительнаго ихъ банкира. Но правительство исполнило свою задачу несравненно шире. Банкиръ есть простой посредникъ между продавцемъ и покупателемъ кредита: у васъ есть свободный капиталъ, а у меня потребность въ кредитѣ, и тогда я выпускаю облигаціи и получаю отъ васъ

деньги, а вы приобретаєте мою облигацію и за нее записываете на мнѣ соответствующій долгъ. Банкиръ за свое посредничество взялъ свое вознагражденіе, банкирскую провизію; затѣмъ онъ умываетъ руки,—мы съ вами оба имѣемъ непосредственныя отношенія по долгу; ни касса банкира, ни его имущество не отвѣчаютъ за проданную вамъ мою облигацію, если я окажусь несостоятельнымъ. Правительство, реализуя на свое имя бумаги частныхъ обществъ, себя и общество *сдѣлало ответственнымъ* за ихъ долги. Такимъ образомъ, въ самой обширной русской промышленности,—въ желѣзно-дорожной,—правительство сдѣлалось капиталомъ-держателемъ и отвѣтственнымъ лицомъ въ операциі, веденіе которой оно поручило въ руки заинтересованныхъ въ свою личную пользу, но для правительства постороннихъ должниковъ. Это и связалось на самомъ дѣлѣ; частныя общества деньги и дороги взяли, но долговъ не платятъ. Выгодно ли такое положеніе!... До сихъ поръ въ практическомъ смыслѣ оно сопровождалось слѣдующими послѣдствіями:

1) Сосредоточивъ въ рукахъ правительства громадныя оборотныя средства, желѣзно-дорожный фондъ этимъ самымъ облегчилъ возможность немедленнаго удовлетворенія изъ наличности всѣхъ рождающихся потребностей и такимъ образомъ способствовалъ запутанности нашихъ финансовъ, для которыхъ единственный якорь спасенія есть—*бережливость*! Это видно изъ слѣдующаго. Пока сдѣлки правительства съ частными обществами не достигли особенно значительныхъ размѣровъ, желѣзно-дорожный фондъ постоянно считалъ къ концу года непокрытый долгъ за государственнымъ казначействомъ, т.-е. употреблялъ свои суммы не для желѣзно-дорожныхъ надобностей, а на покрытіе текущихъ расходовъ, назначенныхъ по росписи, ассигнованныхъ сверхъ смѣты и др. Такъ изъ отчетовъ контроля видно, что изъ желѣзно-дорожнаго фонда было затрачено на такіе расходы:

въ 1867 году . . .	2.782,395 р.	(Прил. къ отч. 1867 г. стр. 180 и 181).
> 1868 > . . .	5.685,597 >	(Прил. къ отч. 1868 г. стр. 230).
> 1869 > . . .	1.931,924 >	(Прил. 1869 г. стр. 226).

Итого . . . 10.579,916 р.

Между тѣмъ въ вѣдомости о движеніи желѣзно-дорожнаго фонда за 1870 годъ показано долгу за государственнымъ казначействомъ по счетамъ тѣхъ же суммъ всего только 7.435,295 р., т.-е. на 2.964,621 р. менѣе. Это произошло оттого, что расходы 1868 зачтены сполна, за 1869 годъ почему-то зачтено на 182,226 р. менѣе, а 1867 годъ не зачтенъ вовсе. Между тѣмъ

но, что укрылось отъ баланса государственнаго контроля, должно считать безслѣдно исчезнувшимъ.

2) Въ указахъ о выпускахъ 5⁰/₀ консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ заявлено со стороны русскаго правительства, что онѣ *навсегда* освобождаются отъ *всякихъ* налоговъ; такимъ образомъ, переписавшись на имя правительства, главная масса бумажныхъ цѣнностей *навсегда* укрылась отъ привлеченія къ участию въ государственныхъ расходахъ. Сила вещей заставила правительство возбудить вопросъ объ облегченіи тягостей, непомерно лежащихъ на крестьянскомъ населеніи. Общество отнеслось, какъ извѣстно, къ этому вопросу самымъ сочувственнымъ образомъ; съ одной стороны указывали на землю, а съ другой на капиталъ. Исслѣдованія, предпринятые въ послѣднее время министромъ государственныхъ имуществъ доказали, что земля и безъ того во многихъ мѣстахъ обложена весьма высоко, слѣдательно поземельная подать не можетъ быть возвышена настолько, чтобы принести для крестьянъ существенное облегченіе тѣмъ болѣе, что на землю почти исключительно падаютъ всѣ земскія повинности, и въ поземельномъ налогѣ, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ установленъ, примутъ значительное участіе тѣ же крестьяне, какъ собственники или безсрочные владѣльцы самаго большого пространства воздѣланныхъ и слѣдовательно самыхъ цѣнныхъ земель.

3) Но все это ничто предъ осуществившеюся практически, какъ мы уже видѣли, опасностью обремененія бюджета платежемъ процентовъ и погашенія за принятый на себя правительствомъ желѣзно-дорожный долгъ, до сихъ поръ въ полмиллиарда металлическихъ рублей. Такимъ образомъ, желѣзно-дорожные предприниматели на насъ самихъ сложили отвѣтственность за долгъ по своимъ собственнымъ расходамъ въ два миллиарда франковъ, и съ этой поры всякій желѣзно-дорожный кризисъ, каждое злоупотребленіе и безпорядокъ въ частной желѣзно-дорожной промышленности болѣзненно отзывается на нашемъ бюджетѣ; они потребуютъ приплаты, приплаты изъ кармановъ тѣхъ, кто и безъ того обремененъ, приплаты, размѣръ которой предвидѣть трудно, но которая можетъ совершенно истощить платежныя силы страны.

Пусть теперь каждый, взвѣсивая порознь свѣтлыя и темныя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла, выводитъ для себя нравственный балансъ этой финансовой операціи... Мое же мнѣніе таково: правительство, при осуществленіи настоятельной для насъ потребности въ желѣзныхъ дорогахъ, избрало тотъ наиболѣе доступный путь, который былъ ему указанъ силою вещей, положеніемъ, въ

которомъ поставило себя само общество въ заинтересованныхъ слояхъ,—и потому, въ настоящемъ случаѣ роптать не на что и не на кого. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, я совершенно безпристрастно и безъ всякой задней мысли могу подвести итогъ. Если правительство, приведя въ извѣстность долги частныхъ желѣзно-дорожныхъ компаній, заставить ихъ въ точности исполнить принятыя ими на себя предъ правительствомъ обязательства, и если остающіяся въ рукахъ правительства по желѣзно-дорожному фонду наличныя суммы и поступления въ него, вслѣдствіе прежнихъ сдѣлокъ, войдя въ общую систему государственныхъ доходовъ,—прежде удовлетворенія новыхъ требованій со стороны желѣзно-дорожныхъ обществъ, будутъ обращены на соразмѣрное облегченіе обыкновеннаго, текущаго бюджета,—то это не останется безъ благихъ послѣдствій для поправленія нашихъ финансовъ.

Н. Колупановъ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

ВЪ ЕВРОПѢ и АМЕРИКѢ.

По доведеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

I.

Знакома читателя съ положеніемъ рабочей силы въ континентальныхъ государствахъ Европы: Германіи, Франціи и Бельгіи, мы не имѣли возможности сдѣлать особенно утѣшительныхъ выводовъ насчетъ ея настоящаго положенія. Рядомъ съ отрадной картиной, которую представляла одна сторона какого-либо предмета, приходилось указывать другую, часто весьма мрачную; нѣсколько удовлетворительныхъ цифръ заслоняется другими, освѣщавшими горькую картину во всей ея отталкивающей наготѣ. Рядомъ съ массою благотворительныхъ учрежденій, созданныхъ и правительствомъ, и частными благотворителями, и общественной инициативой, господствуетъ нужда, доходящая до нищеты, невѣжество, доходящее до дикости; рядомъ съ усиліями лучшихъ людей доставить народу средства къ образованію, молодыя силы убиваются чрезмѣрной работой и дурнымъ содержаніемъ; работницы, выдѣлывающія драгоцѣнные кружева, просяживаютъ за разрушающимъ зрѣніемъ и надрывающимъ грудь трудомъ по 18-ти часовъ въ сутки, едва добы-

вая себѣ хлѣбъ насущный. Цѣлый, чуть не полувѣковой, періодъ законодательныхъ, предпринятыхъ для облегченія рабочихъ, трудовъ приводитъ къ ничтожнымъ результатамъ и не предотвращаетъ толковъ, колеблющихся благосостояніе десятковъ тысячъ народа и приводящихъ въ упадокъ цѣлыя отрасли промышленности. Въ одно время съ радостными, побѣдными пѣснями германцевъ раздаются ихъ же крики, требующіе хлѣба, а въ Бельгіи и Франціи одновременно съ рѣчами людей, требующихъ образованія для народа, слышится шипѣніе іезуитовъ, какъ червей, подтачивающихъ прогрессъ и словно магическими заклинаніями вызывающихъ красные призраки. Прогрессъ и цивилизація дѣлаютъ свое дѣло, но пролетаріатъ его обгоняетъ и картина сохраняетъ свой мрачный, суровый колоритъ. Но она измѣняется, когда отъ описанныхъ нами странъ мы обратимся къ Швейцаріи.

Это маленькое государство съ $2\frac{1}{2}$ всего милліонами жителей, гнѣздящихся въ ущельяхъ горъ, лѣнящихся свои хижины по берегамъ небольшихъ, глубокихъ озеръ и шумныхъ рѣчекъ, отрѣзанное отъ моря горами и людьми, наперекоръ обще-европейскимъ порядкамъ живетъ въ большомъ довольствѣ. Бюджетъ его едва доходитъ до какихъ-нибудь 28—30 милл. фр. Цифра почти ничтожная, а между тѣмъ оно находитъ возможнымъ на одно народное образованіе, при помощи разныхъ источниковъ, тратить сумму, чуть не превосходящую весь его государственный бюджетъ. Войско союзъ содержитъ тоже миниатюрное, издерживаетъ на него несравненно меньше, чѣмъ на народное образованіе, и остается цѣль, никто его не разрываетъ на части, не дѣлитъ на національности. Что воинственные сосѣди оставляютъ его въ покоѣ, — дѣло понятное: на это есть свои политическія причины; но что разнородныя національности очень дружно между собою уживаются—это обстоятельство съ перваго взгляда не совсѣмъ ясно. Мы, въ особенности за послѣдніе 25 лѣтъ, такъ привыкли видѣть непримиримую вражду національностей, что становимся при первомъ взглядѣ въ тѣни, какъ въ маленькой Швейцаріи мирно подъ однимъ общимъ правленіемъ уживаются французы съ нѣмцами, и итальянцы съ французами и нѣмцами ¹⁾. Всѣ уживаются совершенно, несмотря на полное отсутствіе централизаціи. Будучи ультра-континентальной, совершенно лишенной всякаго удобнаго сообщенія съ моремъ, страной, Швейцарія успѣла завести торговыя сношенія съ такими отдаленными странами и въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какіе едва доступны многимъ прибрежнымъ го-

¹⁾ Нѣмцевъ около 1 милл. 800 тыс., французовъ нѣсколько меньше 600 тыс., а итальянцевъ около 180 тысячъ.

ударствамъ. Ея часы, ленты, соломенные и деревянные издѣлія вѣдутся въ Китай, Остѣ-Индію, Калифорнію, въ Бразилію и республики южно-американскаго материка, а шелковыя и нѣкоторыя другія издѣлія, несмотря на запретительные тарифы и всякаго рода стѣсненія, которыми ихъ распространеніе окружаютъ государства, опасаящіяся промышленнаго соперничества Швейцаріи, проникаютъ на рынки своихъ соперниковъ съвозъ строй суроваго тарифа и продаются все-таки дешевле мѣстныхъ того же рода издѣлій. Въ другой странѣ какое-нибудь отдаленное политическое обстоятельство неблагопріятно повліяетъ на ту или другую отрасль промышленности, руки, кормившія его, останутся безъ дѣла; опустится и цѣлый край, и десятки лѣтъ не можетъ выбиться изъ бѣдственнаго положенія, какъ это, напримѣръ, случилось съ льноткацкой промышленностью въ Верхней Силезіи при Фридрихѣ Вильгельмѣ III ¹⁾. Въ Швейцаріи этого никогда не случается, — отдѣльныя лица и цѣлые кантоны необыкновенно стойко умѣютъ переносить кризисы и находятъ для себя новые источники существованія, если старые, какъ бы они ни были выгодны и удобны, ускользаютъ изъ рукъ. Во всѣхъ государствахъ, съ которыми мы ознакомились уже, насколько это было возможно, между капиталистами и рабочими шла и идетъ застарѣлая, то скрытая, то откровенная борьба; правительство готово было, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи, дать труду большую свободу и словно боялось ее дать, смѣшивая свободу экономическую съ политическою распущенностью. Въ Швейцаріи хозяинъ и его рабочіе, если не сливаются окончательно воедино своихъ интересовъ, живутъ, однако, въ большой дружбѣ; они ведутъ ее и за кружкой пива на досугѣ, и за рабочимъ станкомъ на фабрикѣ, и за обсужденіемъ общественныхъ дѣлъ въ общинныхъ собраніяхъ.

Все населеніе Швейцаріи, какъ мы сказали, простирается приблизительно до 2½ миллионѣвъ жителей обоаго пола. Почти безъ исключенія, каждый швейцарецъ, который только можетъ работать, работаетъ, но собственно къ числу лицъ, снискивающихъ пропитаніе для себя и своей семьи промышленнымъ или ремесленнымъ трудомъ (часто, впрочемъ, прилагаемыхъ къ собственной или, состоящей въ пользованіи, общественной землѣ) относится 24% всего населенія, т.-е. около 600 тысячъ человекъ; изъ нихъ фабричною работою специально занято мужчинъ 92 т., женщинъ 62 т. и дѣтей около 10 т., остальные работаютъ на дому, часто въ перемежку съ домашними занятіями. Большинство этихъ рабочихъ имѣетъ или собственный клочокъ земли, или пользуется общественными, прихо-

¹⁾ „Вѣстн. Евр.“ іюнь 1873 г. Полож. раб. силъ, стр. 777.

дящимися на ихъ долю, угодыми, такъ что свое время они дѣлятъ между трудомъ ремесленнымъ (или фабричнымъ) и земледѣльческимъ. Принимая все это во вниманіе, можно предположить, что рабочія силы, посвященныя фабричному и заводскому дѣлу и ремесламъ, въ этой маленькой странѣ такъ ничтожны сравнительно съ силами большихъ государствъ, что послѣдніе безъ всякаго страха могли бы съ ними конкурировать; между тѣмъ оказывается, что Швейцарія съ большимъ успѣхомъ выдерживаетъ конкуренцію съ могущественными въ политическомъ и промышленномъ отношеніи націями, замѣчательно быстро развиваетъ и укрѣпляетъ всякую промышленность, которая ей придется по вкусу, и выдерживаетъ съ безприкѣрной стойкостью всякіе торговые кризисы. Хлопчато-бумажная промышленность служить явнымъ тому доказательствомъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія швейцарцы довели выдѣлку бумажныхъ матерій до такой степени совершенства, что Англія и другія европейскія государства стали опасаться ихъ соперничества. И, дѣйствительно, какъ при помощи таможенныхъ пошлинъ, такъ и быстрого примѣненія къ хлопчато-бумажному дѣлу машиннаго производства, Англія едва не подавила Швейцарію, но послѣдняя не упала духомъ и къ концу періода республиканскихъ войнъ поставила хлопчато-бумажное дѣло на такую твердую ногу, что ея не могли болѣе поколебать никакія внутреннія, никакія внѣшнія невзгоды. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ она обрабатывала огромное количество хлопка, болѣе 25 милл. пудовъ, тогда какъ, напримѣръ, весь таможенный союзъ, имѣвшій въ 13 разъ болѣе жителей, чѣмъ она, и также имѣвшій интересъ въ развитіи этого рода промышленности, перерабатывалъ едва вдвое болѣе ¹⁾. Но не одна масса обрабатываемаго хлопка, а и самое достоинство и разнообразіе издѣлій обращали на себя зависть конкурентовъ. На парижской выставкѣ, по официальнымъ отзывамъ экспертовъ, ни одна страна не представила такихъ прочныхъ, красивыхъ и дешевыхъ бумажныхъ издѣлій, какъ Швейцарія. Шелковыя издѣлія ея отличались также прочностью, добротностью и дешевизною: въ особенности же замѣчательна прочность, которою иные сорта гладкихъ матерій превосходятъ французскія издѣлія. Запросъ на эти ткани и ленты (приготавлиемыя въ Базелѣ) изъ Англіи, Америки, Германіи, Бельгіи, Голландіи и даже самой Франціи, такъ великъ, что ихъ вывезено было изъ Швейцаріи въ 1862 г. до 35½ т. центнеровъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ цѣнность всѣхъ шелковыхъ тканей, изготовляемыхъ въ Швейцаріи, простиралась до 24½ милл. рублей, до чего далеко не достигала въ то же время Россія. Если не въ

¹⁾ Около 58 милліоновъ пудовъ.

гашихъ размѣрахъ, то въ такомъ же цвѣтущемъ состояніи находятся промышленности второстепенныя: вышиванье, плетеніе кружевъ, соломенные надѣлія всякаго рода и не имѣющія почти доступа въ европейскія государства по высокой на нихъ привозной пошлинѣ, и отправляемые огромными массами на заатлантическіе рынки; деревянныя издѣлія, льняныя и шерстяныя матеріи, ювелирныя вещи, которыми особенно славится Женева. Выдѣлка машинъ началась въ Швейцаріи только въ сороковыхъ годахъ, ранѣе ею вовсе не занимались, а вначалѣ шестидесятихъ—Швейцарія выдѣлывала уже всѣ роды машинъ, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ; швейцарская машина была существенно усовершенствована здѣсь же; всѣ механическіе станки, употребляемые при выдѣлкѣ часовъ, весьма разнообразныя и чрезвычайно сложныя, приготовлялись исключительно въ Швейцаріи и, главнымъ образомъ, въ Невшательскомъ кантонѣ, центрѣ часовой промышленности. Только въ началѣ прошлаго вѣка были сдѣланы слесарнымъ ученикомъ, Жанъ Ришаромъ, первые часы въ Невшательскомъ округѣ, и эти первые часы проложили въ весьма немного лѣтъ дорогу колоссальному производству; ничтожныя деревушки, неизвѣстныя прежде даже по названію, Локль и Лапо-де-Фонъ, стали цвѣтущими промышленными городами, почти нищіе жители Невшательскаго кантона обезпечили себя весьма выгодной и производительной работой. Франція, которая хотѣла запереться отъ швейцарскихъ часовъ запрети-тельными системами, не успѣла этого сдѣлать, несмотря на всѣ свои усилія, и должна была къ концу восемнадцатаго вѣка уступить мѣсто исключительно швейцарскимъ часовщикамъ, ограничивъ дѣятельность своихъ мастеровыхъ только сборкой механизмовъ, выдѣлываемыхъ въ Швейцаріи же. Швейцарскіе мастера вначалѣ должны были выписывать самые простые, но необходимыя для нихъ дѣла, инструменты изъ Франціи и Англіи, а немного лѣтъ спустя и Франція, и Англія не только стали употреблять исключительно швейцарскіе часы, но и швейцарскіе инструменты для ихъ сборки и починки. Когда въ концѣ XVIII-го столѣтія локльскій уроженецъ Жанере изобрѣлъ машины для фабрикаціи нѣкоторыхъ частей часового механизма, то, движимый чувствами недалековиднаго патріотизма, онъ боялся ихъ сдѣлать извѣстными на своей родинѣ. Онъ предполагалъ, что введеніе машинъ въ это дѣло, которымъ занято нѣсколько тысячъ рукъ, повергнетъ въ нищету цѣлыя селенія, чуть не весь Невшательскій кантонъ. Для того, чтобы предотвратить такое бѣдствіе, онъ продалъ свой секретъ во Францію одному фабриканту, основавшему въ Бокурѣ¹⁾ часовую мастерскую. Но осторожность

¹⁾ Въ департаментѣ Верхняго Рейна.

изобрѣтателя только временно предотвратила страшный кризисъ, постигшій швейцарскихъ часовщиковъ въ тотъ моментъ, когда эти машины проникли-таки, несмотря на всѣ предосторожности Жанере, въ предѣлы его родины. Едва ли можно найти въ исторіи промышленности болѣе потрясающій примѣръ кризиса, произведеннаго замѣною ручного труда машиннымъ, какъ тотъ, который былъ вызванъ изобрѣтеніемъ Жанере въ Невшателѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не найдется въ Европѣ мѣстности, гдѣ бы вызванный подобными причинами кризисъ былъ перенесенъ съ такимъ мужествомъ, такъ скоро и такъ счастливо, какъ его перенесли невшателъцы, хотя, конечно, не обошлось безъ нѣкоторыхъ жертвъ, всегда неизбѣжныхъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Надежды Франціи исхитить дѣло изъ рукъ своей сосѣдки скоро были окончательно и едва ли не навсегда разрушены; швейцарцы быстро сумѣли воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ: предоставляя машинамъ выполнение грубаго тяжелаго труда, они приложили ручную работу къ тонкой отдѣлкѣ. Отъ этого общій результатъ ея выигралъ въ качествѣ и производство приняло такіе колоссальные размѣры, что въ половинѣ текущаго столѣтія въ Швейцаріи выдѣлялось около 1½ милл. часовъ въ годъ. Совершенство ихъ много выиграло отъ примѣненія машинъ къ грубымъ сторонамъ работы и отъ раздѣленія труда. Раздѣленіе это, дѣйствительно, доведено было до чрезвычайныхъ размѣровъ. Въ Лашо-де-Фонъ, на примѣръ, существуетъ 1,422 часовыхъ заведенія, и между ними нѣтъ ни одного, въ которомъ приготавливались бы всѣ части механизма. Одни готовятъ только матеріалъ для часовъ въ грубомъ видѣ, другіе выдѣлываютъ зубчатые колеса, третьи — пружины, четвертые — волоски, пятые — пружины для запиранія часовъ, шестые — маятники, седьмые — стрѣлки; для полированія стальныхъ частей есть особыя заведенія, для вставки стеколъ, для повѣрки часовъ и т. д., словомъ, прежде, чѣмъ часы поступаютъ въ продажу, они по частямъ или уже цѣликомъ побываютъ, по крайней мѣрѣ, въ 40—50 разныхъ специальныхъ мастерскихъ. Специализація доходитъ до того, что каждая отдѣльная мѣстность приготовляетъ особый родъ часовъ. Одна мѣстность изготовляетъ по преимуществу золотые часы, другая — серебряные, одна съ горизонтальнымъ ходомъ, другая съ вертикальнымъ, третья съ маятниками, четвертая хронометры и т. д.; такая специализація работы ведетъ къ чрезвычайно искусному ея выполнению и къ усовершенствованію каждой ея части, и, кромя того, усиливаетъ производительность ручного труда рабочаго, который, упражняясь въ производствѣ одной и той же работы, достигаетъ большой быстроты въ ея выполненіи, не говоря уже о чистотѣ отдѣлки. Разнообразие, до ко-

того доходить швейцарскія издѣлія этого рода, не имѣтъ себѣ подобнаго. Они умѣютъ угодить и на вкусъ китайскаго императора¹⁾, и на вкусъ простаго германскаго и американскаго рабочаго. Чрезвычайное разнообразіе швейцарскихъ издѣлій открываетъ для нихъ доступъ во всѣ страны свѣта. Если Европа ихъ покупаетъ у Швейцаріи въ огромномъ количествѣ, то Америка, особенно Сѣверная, несравненно болѣе, да не мало и Азія. Швейцарцы образовали компаніи съ значительными складочными капиталами, цѣль которыхъ распространеніе торговли швейцарскими часами повсюду; агентовъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, можно встрѣтить въ Сингапурѣ и въ Японіи, не говоря о болѣе доступныхъ для европейской торговли мѣстностяхъ Азіи, Америки или Африки. Это состояніе часового производства характеризуетъ вообще швейцарскую промышленность, умѣющую быстро и прочно развиваться, не боясь никакихъ толчковъ и кризисовъ, иногда столь разорительныхъ въ другихъ странахъ. Этотъ характеръ промышленности не могъ не отразиться на всемъ экономическомъ и финансовомъ строѣ страны и на индивидуальныхъ особенностяхъ большинства ея гражданъ.

„Нѣтъ въ мірѣ народа,—говоритъ англійскій консулъ въ Бернѣ Бонаръ,—который бы зналъ лучше швейцарцевъ цѣну деньгамъ. И въ то же самое время никакая страна, кромѣ Швейцаріи, не представляетъ такого поразительнаго примѣра, какъ при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, но при усердномъ, стойкомъ трудѣ, связанномъ съ строгой бережливостью, могутъ быть достигнуты колоссальные результаты. Страна эта вовсе не богатая, но она процвѣтаетъ и своимъ цвѣтущимъ состояніемъ обязана вовсе не какимъ-либо исключительнымъ условіямъ, географическому положенію, плодородію почвы или минеральному богатству, а единственно постепенно и усердно накопленному и накопленнымъ результатамъ трудовъ, стойкихъ, неуклонно энергическихъ, промышленныхъ жителей. Не будучи вовсе богатой страной, она по всѣмъ вѣроятіямъ способна гораздо лучше, чѣмъ другая, переносить финансовыя и коммерческія кризисы, порождающіе въ другихъ государствахъ разрушеніе и отчаяніе. Ея народъ всегда можетъ опереться на свои сбереженія; ни отдѣльные жители, ни все государство выѣстъ не увлекаются никакими предпріятіями, имѣющими спекулятивный характеръ, они не занимаютъ ни у кого денегъ, никому ихъ не даютъ въ займы и не находятся въ исключительной зависимости отъ какой-либо отрасли земледѣлія, промышленности или торговли. И, наконецъ, не будучи богатой стра-

¹⁾ На выставкѣ въ 1855 г. въ Парижѣ находились огромные фантастически украшенные часы, предназначенные для китайскаго богдыхана.

ной, она пользуется кредитомъ первокласснымъ, потому что ея расходы не только безусловно, но и относительно, ничтожны, потому что она не обременена государственнымъ долгомъ“.

II.

Швейцарія представляетъ изъ себя не столько федеративную республику, сколько совокупность нѣсколькихъ мелкихъ республикъ, пользующихся обширной политической автономіей. Но широкая политическая самостоятельность, предоставленная кантонамъ и общинамъ (Gemeinden, communes), не могла бы сама по себѣ имѣть большого значенія, если бы она не была связана съ самостоятельностью экономической. Установленіе, взиманіе и расходваніе большей части денежныхъ сборовъ, содержаніе церквей, духовенства, школъ, исправленіе дорогъ, призрѣніе бѣдныхъ, — все это лежитъ на органахъ мѣстнаго, кантональнаго и общиннаго управленія. Затѣмъ швейцарская община доставляетъ своимъ членамъ, т.-е. огромному большинству жителей, средства въ существованію и облегчаетъ лежащее на нихъ бремя налоговъ, извлекая значительныя суммы, необходимыя для покрытія общественныхъ расходовъ, изъ имуществъ ей принадлежащихъ. Этимъ швейцарская община отличается отъ американской, и въ этой особенноти заключается преимущество ея передъ послѣдней. Такой способъ пользованія общественной собственностью представляется въ наиболѣе рельефномъ, хотя и не исключительномъ видѣ, въ Гларусскомъ кантонѣ. Большинство принадлежащихъ общинамъ этого кантона земель, въ особенности альпійскихъ пастбищъ, отдается тамъ съ торговъ въ аренду на нѣсколько лѣтъ лицамъ постороннимъ или, если они пожелаютъ, самимъ членамъ общины. Прежде часть аренды уплачивалась натурой въ видѣ масла, которое распредѣлялось между общинниками, козъ, поставляемыхъ арендаторомъ на каждую случившуюся въ кантонѣ свадьбу и проч., но нынѣ все это вывелось и доходы поступаютъ въ общественную кассу исключительно въ видѣ денегъ, употребляемыхъ на общественныя потребности, за удовлетвореніемъ которыхъ, остатокъ, если онъ оказывается, распредѣляется между членами общины. Не одинъ Гларусскій кантонъ, но и многіе другіе держатся такой же системы. Нѣкоторые, кромѣ пастбищъ, сдаютъ въ аренду и значительную часть принадлежащихъ имъ лѣсовъ. Но такой способъ пользованія общественными имуществами, даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ преобладаетъ, какъ напримѣръ въ Гларусѣ, не исключаетъ заботы общины о доставленіи средствъ для личнаго существованія отдѣльныхъ ея

членовъ. Въ томъ же Гларусскомъ кантонѣ, на который мы только что указали, каждый общинникъ имѣетъ право пользоваться лично небольшимъ участкомъ земли вблизи принадлежащаго ему жилища; эти клочки обрабатываются пользующимися ими членами съ такою заботливостію и тщательностію, что обращаютъ въ прелестный садъ всю долину. Участки обработанной земли распределяются почти повсемѣстно поровну между членами общины, хотя въ одной мѣстности онѣ обширны, какъ, напр., въ Ури, въ другой, какъ, въ Гларусѣ—весьма не велики, но горныя пастбища предоставляются часто въ пользованіе каждому домохозяину въ зависимости отъ количества скота, которое онъ содержитъ зимой. А такъ какъ это количество зависитъ отъ количества корма, который всякій можетъ припасти на зиму для скота (сѣно можно снять только со своихъ частныхъ земель или съ арендованныхъ луговъ), то оказывается, что общинники пользуются пастбищами пропорціонально своимъ частнымъ средствамъ, а не въ силу того, что принадлежать къ составу общины, владѣющей пастбищемъ. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ за пользованіе пастбищемъ взимается небольшая плата, и тогда каждый имѣетъ право выгонять на него сколько хочетъ головъ крупнаго рогатаго скота, а козъ продовольствовать даромъ; а такъ какъ коза въ Гларусѣ, напр., служитъ значительнымъ источникомъ дохода, доставляя особый родъ сыра, то льготы эти весьма не маловажны. Весьма значительную пользу приносятъ также принадлежащіе общинамъ лѣса. Правда, что несмотря на всю аккуратность и бережливость швейцарцевъ, лѣсныя богатства ихъ сильно истощились и большинство кантоновъ вынуждено было установить самыя строгія правила, опредѣляющія порядокъ пользованія ими. Цѣль этихъ правилъ заключается въ томъ, чтобы оградить лѣса отъ окончательнаго расхищенія и даже по возможности возстановить утраченное богатство. Съ тою же цѣлью общины обратили большое вниманіе на торфяныя болота, эксплуатируя которыя для топки, они сберегаютъ лѣса. Надо однако замѣтить, что употребленіе торфа на топливо прививается весьма туго, и что съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ распространилось употребленіе угля, такъ что тамъ, гдѣ сохранилось еще достаточное количество лѣсного матеріала, пользованіе имъ для топлива и постройки предоставляется каждому общиннику. Есть кантоны, гдѣ каждый рѣшительно членъ общины имѣетъ право вывезти на дрова отъ 120 до 180 куб. фут., въ другихъ — каждый членъ получаетъ такое количество лѣсу, какое ему необходимо по размѣрамъ его хозяйства. У кого хозяйство большое, кто имѣетъ два дома, и въ горахъ и въ долинѣ, скотный дворъ и сыроварню или какое-нибудь другое заведеніе, требующее топлива, тотъ

получаетъ гораздо больше лѣсного матеріала, чѣмъ мелкій хозяинъ, а этотъ послѣдній въ свою очередь больше бобыля, живущаго въ чужомъ домѣ. Первые, напр., въ Ури имѣютъ право вырубать въ годъ шесть большихъ сосенъ, а послѣдніе всего три. Количество лѣса, необходимаго для ремонта и построекъ, опредѣляется по приговору знающихъ людей (экспертовъ), которыхъ община избираетъ особо. Заботливость общины о благосостояніи отдѣльныхъ своихъ членовъ доходитъ до того, что даже въ кантонахъ, гдѣ большая часть общественнаго имущества сдается въ аренду, онѣ стараются, чтобы никто изъ членовъ общества не былъ лишенъ возможности пользоваться хоть въ малыхъ размѣрахъ землей и ея произведеніями. По мѣрѣ увеличенія населенія она прикупкою земли расширяетъ границы своихъ владѣній; если вслѣдствіе какихъ-нибудь экономическихъ соображеній она продастъ или уступить въ частныя руки, чаще всего подъ фабрику или заводъ, участокъ своей земли, она спѣшитъ вознаградить себя покупкою за эту утрату. Вдова, сироты, живущіе вмѣстѣ, всѣ имѣютъ право участвовать въ общественномъ пользованіи, лишь бы только зимой они имѣли свой собственный огонь и свѣтъ (*feu et lumière, Feuer und Licht*), хотя бы жили и не въ собственномъ домѣ. Большинство лицъ пользуется землею въ теченіи десяти, двадцати и даже тридцати лѣтъ,—это зависитъ отъ мѣстныхъ обычаевъ; по истеченіи опредѣленнаго срока совершаются передѣлы земли, ни мало не препятствующіе успѣху ея обработки. Лицо, не желающее пользоваться отведеннымъ ему участкомъ земли, можетъ оставить его въ распоряженіи общины и получить за это извѣстное вознагражденіе. Есть однако кантоны, гдѣ нѣкоторыя угодья никогда не подвергаются дѣлежу и обрабатываются всѣми членами общества. Въ одномъ кантонѣ, наприм., лѣсными участками каждый пользуется по жребію; пользованіе выгономъ находится въ зависимости отъ числа содержаимаго зимою скота, но виноградники, а въ нѣкоторыхъ общинахъ и земли подъ зерновыми хлѣбами, представляютъ собой нѣчто въ родѣ общественныхъ запашекъ. Каждый общинникъ обязанъ отработать на нихъ извѣстное число дней, и за то имѣетъ право пользоваться плодами общественнаго труда. Часть сборовъ съ этихъ угодій покрываетъ общественные расходы, на остатокъ отъ нихъ закушается сыръ и другія провизіи, которая вмѣстѣ съ виномъ, выдѣланнымъ тутъ же, и съ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ воздѣланной общественными трудами ржи или пшеницы, составляетъ основаніе пиршествъ, въ которыхъ участвуетъ вся община, и называемыхъ *gemeindetrinket*. Эти пиршества напоминаютъ, по мнѣнію Лавеле, общественныя трапезы древней Спарты, Крита или вечера первыхъ христіанъ. На нихъ господствуютъ самыя дружественныя отношенія,

придающія празднику какой-то братскій характеръ, гдѣ богатый сходится съ бѣднякомъ, хозяинъ съ рабочимъ. Впрочемъ, это общеніе между лицами, пользующимися въ различныхъ размѣрахъ благами земными, не ограничивается одними этими пиршествами. Швейцарскій простолюдинъ сталкивается съ своимъ хозяиномъ и на работѣ, и въ засѣданіяхъ разнаго рода обществъ, да кромѣ того самое управленіе общиной и кантономъ приводитъ ихъ въ соприкосновеніе, отождествляющее ихъ интересы. Всѣ дѣла общины, распредѣленіе земель между ея членами, выборъ исполнительныхъ властей, установленіе правилъ относящихся до содержанія духовенства, церквей, школъ, дорогъ, бѣдныхъ и проч. рѣшаются въ большинствѣ случаевъ на общихъ сходкахъ, на которыя имѣетъ право являться каждый гражданинъ. Право участія въ общественномъ управленіи даже легче приобретается, чѣмъ право пользованія всѣми удобствами, представляемыми общественною поземельною собственностію. Для перваго достаточно приобрести пребываніемъ въ одномъ мѣстѣ жительства права гражданства, для втораго — надо принадлежать къ семейству, издавна (въ нѣкоторыхъ кантонахъ около ста лѣтъ, въ другихъ до начала текущаго столѣтія) пользовавшагося правомъ на общественную землю. Хотя въ послѣднее время и простымъ осѣдымъ жителямъ, число которыхъ впрочемъ ограничено, предоставляются нѣкоторыя льготы, ихъ скотъ пускается на пастбище, имъ дается топливо, но они еще далеко не уравнены съ остальными. Но такое экономическое отличіе не мѣшаетъ имъ пользоваться общими политическими правами и участвовать въ извѣстной степени въ управленіи кантономъ. Особенно ярко обрисовывается общинность въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ все верховное управленіе (за исключеніемъ немногихъ функцій, относящихся до центральнаго правительства) лежитъ исключительно на общей сходкѣ. Эти кантоны — Ури, Швицъ, Унтервальденъ и два Аппенцельскихъ кантона. Тамъ каждую весну всѣ, безъ исключенія, взрослые жители мужескаго пола собираются на открытомъ воздухѣ рѣшать посредствомъ общей подачи голосовъ свои общественныя дѣла, устанавливать сборы и мѣстные законы, выбирать исполнителей ихъ и проч. Древніе германскіе воины сходились для рѣшенія общественныхъ дѣлъ на такъ-называемомъ *майскомъ полѣ*, и вмѣсто подачи голосовъ ударяли въ ножнахъ своими мечами и до сихъ поръ жители нѣкоторыхъ кантоновъ сохранили обычай являться на этихъ сборищахъ опоясанные старой саблей или древней рапирой, оружіемъ, составляющимъ довольно забавный контрастъ съ ихъ черными суконными сюртуками современнаго покроя и огромными дождевыми зонтиками, которыми запасаются на всякій случай почтенные отцы семействъ, отправляясь рѣшать судьбы своей родины.

III.

Швейцарецъ, какъ и всякій рабочій, заботится, чтобы его заработокъ былъ для него постояннымъ источникомъ по возможности безбѣднаго существованія, но за большимъ размѣромъ заработной платы онъ не гонится. Дешевизна съѣстныхъ припасовъ въ Швейцаріи, простота жизни, поземельная и общественная собственность, служащая большимъ матеріальнымъ подспорьемъ для рабочаго, чрезвычайно уменьшаютъ его требовательность относительно жалованья. Надо замѣтить, что множество фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ принадлежитъ къ составу описанныхъ нами въ предыдущей главѣ общинъ. Высокій размѣръ жалованья имѣетъ для швейцарца гораздо менѣе значенія, чѣмъ для французскаго или англійскаго пролетарія, а потому онъ и довольствуется сравнительно немногимъ. Заработная плата въ Швейцаріи, вообще говоря, 33-мя и даже 40 процентами ниже англійской, и 10% или 15% ниже французской, что не мѣшаетъ швейцарцу быть ею вполне довольнымъ. Среднимъ числомъ швейцарскій рабочій получаетъ въ день отъ 1 до 1¼ шилл. Различіе между заработкомъ мужчины и женщины гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ другихъ странахъ, какъ мы, напримѣръ, видѣли во Франціи. Приведенныя нами цифры составляютъ средній выводъ изъ заработной платы, получаемой и мужчинами и женщинами, а только для однихъ мужчинъ выводъ этотъ обратится въ 1 ш. 6 п. Разница весьма ничтожная въ среднемъ выводѣ, хотя въ частности она бываетъ иногда довольно ощутительна. Въ Швейцаріи, и только въ одной Швейцаріи, мы встрѣчаемся съ особенной системой оплаты женскаго труда, котораго держатся въ нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ кантонахъ, гдѣ распространено механическое тканье разнаго рода матерій. Ручной трудъ, безъ приложенія котораго не обходится и машинная работа, возлагается тамъ по преимуществу на женщинъ. Женщины семейныя и пожилыя расчитываются обыкновеннымъ порядкомъ, а молодыя дѣвушки за свой трудъ получаютъ отъ хозяина готовое помѣщеніе, столъ и одежду, такъ что всѣ необходимыя житейскія потребности удовлетворяются помимо всякихъ съ ихъ стороны денежныхъ расходовъ, и небольшое жалованье, которое имъ выплачивается въ размѣрѣ отъ 50 до 100 фр. въ годъ, остается ими совершенно нетронутымъ. Онѣ или передаютъ его цѣликомъ своей семьѣ, или, если семейство въ немъ не нуждается, копятъ себѣ на приданое. Всѣ дѣвушки, работающія при такихъ условіяхъ, отличаются прекрасною нравственностью, несмотря на то, что въ нерабочее время пользуются совершенной свободой и

обыкновенно проводить его въ кругу своихъ родныхъ. Во время же работы онѣ находятся подъ надзоромъ пожилыхъ смотрительницъ, принадлежащихъ къ особой протестантской религіозной корпораціи. Смотрительницы эти имѣютъ весьма доброе вліяніе на находящихся подъ ихъ надзоромъ молодыхъ особъ, и даже при поступленіи дѣвушекъ въ заведеніе обращаютъ вниманіе на ихъ нравственность и характеръ. Всякій швейцарецъ охотно женится на такой дѣвушкѣ, онъ увѣренъ въ ея добрыхъ наклонностяхъ, трудолюбіи, честности, а также и въ томъ, что за ней возьметъ нѣкоторое приданое. Нечего и говорить, что эти работницы получаютъ весьма хорошее содержаніе, но надо сознаться, и всѣ остальные рабочіе въ Швейцаріи, за весьма только рѣдкими исключеніями, совершенно не знаютъ нужды. Сравнивъ среднія цифры заработной платы въ различныхъ мѣстностяхъ этой республики и въ различныхъ отрасляхъ промышленности съ суммой необходимаго расхода, мы увидимъ, что швейцарецъ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ полную возможность свести концы съ концами и жить безбѣдно. Если и оказываются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кажущіеся дефициты въ бюджетѣ рабочаго при отнесеніи къ доходу только его денежнаго заработка, а къ расходу различныхъ предметовъ пищевого довольства, квартиры, отопленія, освѣщенія и проч., то происходитъ это отъ того, что, благодаря распространенію въ Швейцаріи пользованія землею, рѣдко можно встрѣтить рабочаго, котораго бюджетъ слагался бы по этому образцу, прилагаемому къ большинству французскихъ, бельгійскихъ, уже не говоря о массѣ англійскихъ рабочихъ. Смету доходовъ швейцарскаго ремесленника и фабричнаго рабочаго значительно увеличиваютъ выгоды, доставляемыя ему его землею. Зелень, овощи, молоко, мясо, топливо, дѣсь для ремонта построекъ, все это, получаемое безвозмездно благодаря пользованію собственною или общественною землею, значительно уменьшаетъ его издержки; возможность жить внѣ города, пользоваться постоянно свѣжимъ воздухомъ и наслаждаться прекрасной природой, — все это содѣйствуетъ развитію его благосостоянія, дѣлаетъ его трудъ плодотворнѣе и поддерживаетъ въ немъ чувство довольства, возбуждаемое отсутствіемъ гнетущей работника-пролетарія нужды. Пищей онъ пользуется весьма здоровой и питательной. Она состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣба, сыра, овощей и фруктовъ. Говядины, правда, швейцарцы ѣдятъ немного, одинъ-два раза въ недѣлю, и то въ весьма умѣренномъ количествѣ, хотя жители городовъ и въ особенности холостяки, обѣдающіе въ кухмистерскихъ, потребляютъ ее сравнительно болѣе, чѣмъ деревенскіе жители, но недостатокъ мясной пищи вполне вознаграждается большимъ количествомъ молока, которое употребляютъ швейцарцы. И'бо

гатые, и бѣдные, и люди средняго состоянія въ Швейцаріи питаются почти одинаково. Въ особенности ничтожно различіе между такъ называемыми низшими и средними классами. Для большинства кофе съ хлѣбомъ составляетъ утренній завтракъ, которымъ они поддерживаютъ себя передъ отправленіемъ на работы. Кто зарабатываетъ много, позволяетъ себѣ нѣкоторую роскошь, ѣсть сыръ, масло, жареный картофель и проч. Между 11 и 1 часомъ вся Швейцарія отъ богатаго до нищаго, отъ мала до велика, обѣдаетъ, т.-е. ѣсть супъ, картофель, зелень, хлѣбъ, и все это запиваетъ кофеомъ. Если кофе пьютъ съ молокомъ, въ него не кладутъ сахару, а если съ сахаромъ, то не прибавляютъ молока. Ужинъ составляетъ повтореніе обѣда. Это составляетъ обычный типъ швейцарской трапезы. Разницы вызываемыя временемъ года, условіями растительности и сельскаго хозяйства и самымъ достаткомъ жителей, весьма незначительны. Въ Фрибургскомъ кантонѣ, напримѣръ, больше чѣмъ въ остальныхъ ѣдятъ мяса, въ Тессино итальянцы предпочитаютъ всему остальному свою маисовую похлебку (polenta). Въ французской Швейцаріи жители пьютъ довольно много легкаго дешеваго вина, а нѣмцы вмѣсто него наслаждаются пивомъ, иногда сидромъ, но не забываютъ и простой хлѣбной воды. Если городскимъ рабочимъ и случается, вслѣдствіе разрыва съ общиной или недостатка своей земли, тратить на свою пищу болѣе чѣмъ ихъ пользующіеся землею сотоварищи, или питаются хуже ихъ, то различнаго рода ассоціаціи и общества, въ которыхъ они и сами часто состоятъ дѣятельными членами, стараются доставить рабочимъ и дешевый обѣдъ, и хорошую провизію, и другія средства для улучшенія его пищи.

Что же касается до жилищъ, то, по словамъ англичанъ, мало можно найти на земномъ шарѣ мѣстностей, гдѣ бы простой народъ пользовался такими хорошими помѣщеніями. Строятъ они ихъ весьма прочно, по весьма удобному, соответствующему всѣмъ хозяйственнымъ и семейнымъ потребностямъ, плану и избираютъ для нихъ самыя здоровыя мѣстности, причемъ избѣгаютъ скучивать много построекъ вмѣстѣ, что имѣетъ большія выгоды въ санитарномъ отношеніи. Несмотря на то, что всѣ они построены изъ дерева, они теплы, опрятны и благодаря, множеству большихъ оконъ, со всѣхъ сторонъ пропускаютъ въ себя солнечный свѣтъ, и когда это нужно, свѣжій воздухъ. Подвальныхъ жилыхъ помѣщеній въ Швейцаріи вовсе не встрѣчается. Относительно менѣе удовлетворительны жилища простого народа въ Гларусскомъ кантонѣ, гдѣ населеніе весьма скучено, и въ наиболѣе гористыхъ округахъ другихъ кантоновъ. Даже въ городахъ, тѣ изъ рабочихъ, которые не ночуютъ въ ближайшихъ селеніяхъ, пользуются весьма хорошими квартирами и благодаря на-

онаселенности самыхъ промышленныхъ городовъ Швейцаріи (напримѣръ Женева, самый обширный городъ союза, имѣетъ только 42 тысячи жителей) пользуются весьма удовлетворительнымъ свѣжимъ воздухомъ. Развитіе общиннаго землевладѣнія, распространеніе мелкой поземельной собственности, содѣйствуя по преимуществу развитію сельской жизни, оказываетъ весьма хорошее вліяніе на эту сторону быта швейцарскаго рабочаго люда. При этомъ какъ сами фабриканты, городскія общины, такъ и особня общества и союзы весьма внимательно относятся къ этому предмету и вездѣ, гдѣ только проявляется недостатокъ въ недорогихъ и хорошихъ помѣщеніяхъ для рабочихъ, эти лица и учрежденія спѣшатъ ихъ соорудить.

IV.

По мнѣнію англійскихъ репортеровъ, положеніе швейцарскаго рабочаго не можетъ быть даже сравниваемо съ положеніемъ простолюдина въ какой-либо другой европейской странѣ. Кромѣ благопріятныхъ послѣдствій мѣстнаго хозяйственнаго и частію политическаго самоуправленія, исключающаго всѣ неудобства, вытекающія изъ чрезмѣрной централизаціи, господствующей въ другихъ государствахъ, а особенно во Франціи; кромѣ развитія въ Швейцаріи сельской жизни вмѣсто городской, причѣмъ большинство рабочихъ живетъ въ своихъ собственныхъ домахъ, обрабатываютъ въ свободное время свою собственную землю, не разлучаясь съ семьей,—кромѣ всего этого англичане видятъ одну изъ причинъ цвѣтущаго положенія рабочей силы въ Швейцаріи въ правильныхъ, разумныхъ отношеніяхъ, существующихъ между хозяевами и рабочими. Если послѣдніе, какъ мы видѣли, не гонятся за высокимъ жалованьемъ, то и первые въ свою очередь не хлопочутъ о быстромъ обогащеніи, а также, какъ и простые рабочіе, создаютъ свое благосостояніе не при помощи какихъ-либо блестящихъ спекуляцій и счастливыхъ случайностей, а при помощи трудолюбія, аккуратности, экономіи и честнаго разчета. „Хотя повидимому невѣроятно,—говоритъ англійскій консулъ,—но достовѣрно, что швейцарскіе заводчики, несмотря на всю свою расчетливость и сравнительно низкое жалованье, уплачиваемое рабочимъ, не получаютъ болѣе 6 процентовъ съ капитала, затраченнаго на предпріятіе, тогда какъ обыкновенный процентъ, который даютъ въ Швейцаріи капиталы, доходитъ до 4 и 4½. Такимъ образомъ капиталистъ, употребившій свои деньги на фабрику или заводъ, жертвуетъ всѣмъ своимъ временемъ и всѣмъ своимъ трудомъ ради скромнаго возвышенія доходности своего капитала на 1½ или

2 процента". Правда, умѣренность эта объясняется большими неудобствами, съ которыми сопряжено доставленіе на фабрики сырого матеріала, машинъ и топлива, а также перевозки готовыхъ издѣлій. Отсутствіе водяныхъ путей сообщеній играетъ въ этомъ отношеніи весьма большую роль; но и помимо этого, скромныя потребности капиталистовъ не остаются безъ вліянія на невысокій сравнительно размѣръ доходности. Одно это обстоятельство приравниваетъ въ извѣстной степени нанимателя къ рабочимъ и уничтожаетъ одну изъ главнѣйшихъ преградъ, лежащихъ между этими двумя классами въ другихъ европейскихъ государствахъ. „Исчисляя благопріятныя обстоятельства, въ которыхъ находится швейцарскій рабочій,—говоритъ англійское донесеніе,—надо поставить на видное мѣсто широкое примѣненіе демократическаго принципа. Каковы бы ни были вредъ и опасность, которыя съ политической точки зрѣнія могло бы представить крайнее развитіе демократическихъ началъ, нельзя не признать, что въ Швейцаріи экономическіе результаты ихъ примѣненія приносятъ пользу, упрочивая благосостояніе рабочихъ классовъ, разрушая преграды, отдѣляющія ихъ отъ прочихъ, содѣйствуя установленію дружественныхъ отношеній между лицами, занимающими различныя общественныя положенія. Эти отношенія укрѣпляются еще болѣе широко раскинутой сѣтью разнаго рода ассоціацій и обществъ, образовавшихся съ цѣлю обезпечить взаимные интересы лицъ въ нихъ участвующихъ и поднять благосостояніе народа". Самый образъ жизни швейцарскаго капиталиста сближаетъ его съ рабочимъ. Роскошная обстановка, нерасчетливая трата денегъ въ Швейцаріи почти неизвѣстны. По образу своей жизни миллионеръ мало чѣмъ отличается отъ скромнаго труженика, зарабатывающаго изъ дня въ день свой хлѣбъ насущный. Хозяева крупныхъ промышленныхъ заведеній цѣлый день проводятъ въ средѣ своихъ рабочихъ, и ни мало не стѣсняются принимать участіе въ ихъ трудѣ. Въ мелкихъ же заведеніяхъ, въ особенности если хозяинъ не женатъ, рабочіе и ученики работаютъ и живутъ съ нимъ вмѣстѣ, подъ одной кровлей ѣдятъ, пьютъ и веселятся, также какъ и работаютъ. Какъ членъ какаго-либо отдѣльнаго класса, швейцарскій рабочій собственно говоря и не существуетъ, въ политическомъ и общественномъ смыслѣ онъ равенъ всѣмъ окружающимъ его лицамъ. Онъ пользуется тѣми же политическими правами и несетъ тѣ же общественныя обязанности, какъ и всѣ остальные граждане, хотя пользованіе правами и выполненіе обязанностей достаются ему все-таки дороже, чѣмъ остальнымъ болѣе обезпеченнымъ классамъ. Для человѣка, имѣющаго капиталъ, или ведущаго выгодное промышленное предпріятіе, далеко не такъ чувствительно, какъ для простаго рабочаго, отбываніе воинской по-

винности или обязательное участіе въ кантональномъ и общественномъ управленіи, неминуемо отрывающихъ его временно отъ работы. Если капиталистъ и теряетъ что-либо при этомъ, то терять конечно несравненно менѣе, чѣмъ рабочій. Впрочемъ различіе, существующее въ этомъ отношеніи, не особенно рѣзко и не затмѣиваетъ остальныхъ привелирующихъ обстоятельствъ. Каждый рабочій, если онъ честолюбивъ, можетъ надѣяться не безъ основанія занять вліятельное и высокое положеніе въ обществѣ, всѣ они получаютъ достаточное начальное образованіе и, если желаютъ, могутъ значительно расширить его, потому что имъ предоставлены всѣ для того средства, и воспользоваться или не воспользоваться ими въ большей части случаевъ зависитъ отъ самого рабочаго. При этомъ онъ не можетъ не сознавать, что средства эти, т. е. учебныя заведенія и источники для ихъ содержанія явились большею частію благодаря заботливости о нихъ ихъ хозяевъ и капиталистовъ, хотя не обошлось и въ этомъ случаѣ безъ участія самихъ рабочихъ и фондовъ общественныхъ. Въ Швейцаріи всѣ стороны жизни рабочаго указываютъ на тѣсное и дружное общеніе между капиталомъ и трудомъ, на взаимное пониманіе ими общихъ выгодъ, на искреннее желаніе хозяевъ существенно упрощить положеніе рабочихъ. Нѣтъ ни одного общества, организованнаго съ цѣлію улучшить ту или другую сторону жизни простолюдина, въ которомъ одновременно съ самими рабочими не принимали бы дѣятельнаго участія хозяева, и съ другой стороны, нѣтъ обществъ организованныхъ по инициативѣ хозяевъ, въ которыхъ не состояли бы членами рабочіе. Кромѣ огромнаго числа потребительныхъ обществъ, доставляющихъ по удешевленнымъ цѣнамъ предметы пищевого довольствія, и отчасти одежду, обществъ, устроенныхъ для доставленія дешевыхъ квартиръ, чтенія, учебныхъ пособій, средствъ къ обученію музыкѣ и пѣнію, въ Швейцаріи существуютъ почти въ каждомъ кантонѣ sociétés d'utilité publique, имѣющія чрезвычайно обширный и разнообразный кругъ дѣятельности. Такъ, напримѣръ, базельское общество этого рода, владѣющее въ настоящее время капиталомъ около 150 тыс. франковъ, содержитъ или на свой счетъ, или на средства, собираемыя по его инициативѣ, множество весьма разнообразныхъ учрежденій и исполняетъ весьма разнородныя, частію благотворительныя функціи. Подъ его управленіемъ процвѣтаютъ нѣсколько дѣтскихъ пріютовъ, начальныхъ, ремесленныхъ и приготовительныхъ школъ, больницы, заведенія для призрѣнія и образованія глухонѣмыхъ, нѣсколько сберегательныхъ кассъ, народный банкъ; оно оказываетъ покровительство заслуживающимъ того преступникамъ, устраиваетъ популярныя лекціи и разнаго рода праздничныя развлечения, доставляетъ рабочимъ мѣста, удобныя и недорогія жи-

лица и проч. Имѣющее свой центръ въ Цюрихѣ, но распространяющее свои дѣйствія на всю республику *société suisse d'utilité publique*, также замѣчательно по разнообразію своей дѣятельности, которая впрочемъ имѣетъ болѣе теоретическій, чѣмъ практический характеръ, ибо общество это заботится главнымъ образомъ о распространѣніи въ массахъ знаній и правильныхъ воззрѣній на нѣкоторые вопросы посредствомъ книгъ, брошюръ и лекцій, чѣмъ о доставленіи своимъ членамъ матеріальныхъ удобствъ. На право участія въ этомъ обществѣ имѣетъ каждый, внесшій въ теченіи года 5 франковъ. Сумма небольшая и доступная почти для всякаго бережливаго и трудолюбиваго семьянина. Засѣданія этого общества поочередно назначаются то въ одномъ, то въ другомъ кантонѣ. Кромѣ этихъ обществъ есть множество учреждений, содѣйствующихъ рабочимъ, остающимся безъ работы, въ принсканіи ея и выдающихъ ссуды въ счетъ имѣющейся въ виду работы. Впрочемъ надо замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ учреждений ¹⁾, именно, выдающихъ ссуды въ счетъ жалованья, взимаютъ за эти ссуды такой высокій процентъ—12 и даже 18, что польза, приносимая ими, весьма ничтожна, тѣмъ болѣе, что вообще говоря кредитъ, оказываемый личному труду въ Швейцаріи, такъ широкъ и такъ доступенъ, что принося, съ одной стороны, несомнѣнную пользу большинству, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Солотурнѣ и Локлѣ, гдѣ легкость займа доведена до крайности, служитъ многимъ во вредъ, вовлекая ихъ часто въ долги безъ всякой особенной въ томъ надобности. Хозяева весьма охотно выдаютъ рабочимъ впередъ жалованье, если только они увѣрены, что рабочий не собирается отъ нихъ отойти; общества городскія и сельскія и разнаго рода корпорации также даютъ ссуды нуждающимся, и наконецъ къ услугамъ нуждающихся существуетъ множество кредитныхъ учреждений. Гораздо болѣе пользы лицамъ, не имѣющимъ постоянныхъ занятій или по какому-либо случаю ихъ лишившимся, приносятъ такъ-наз. *Gewerbe-hallen*, существующія въ Базелѣ, Аарау, Коирѣ, Фрибургѣ, Люцернѣ и Солотурнѣ и во многихъ другихъ даже весьма скромно населенныхъ мѣстностяхъ, пользующихся не только содѣйствіемъ частныхъ лицъ, общинъ, но даже и матеріальною поддержкою со стороны центрального правительства. Это въ сущности торговые заведенія, принимающія отъ рабочихъ, не имѣющихъ опредѣленнаго сбыта для своихъ произведеній, или за утратою постоянного мѣста вынужденныхъ работать дома и продавать отъ себя свои издѣлія, разнаго рода предметы, на комиссію для продажи; заведенія эти при приѣмѣ вещи выдаютъ его соб-

¹⁾ Въ Женевѣ, Базелѣ, Швицѣ и С.-Галленѣ.

твеннику небольшой задатокъ, который разумѣется удерживаютъ при окончательномъ разсчетѣ по продажѣ ея. Мы не станемъ исчислять и описывать множества обществъ доставленія дешевыхъ жилищъ, дешевой пищи и проч., организація которыхъ весьма сходна съ лучшими учрежденіями этого типа, существующими въ Германіи, Франціи и Бельгіи и описанныхъ вами. Отличіе швейцарскихъ обществъ этого рода заключается въ ихъ обилии и въ сравнительно бѣльшей пользѣ, которую они успѣли принести. Но мы не можемъ не упомянуть объ общественныхъ прачешныхъ, которыя, несмотря на свое повидимому весьма скромное назначеніе, играютъ серьезную и очень благотѣльную роль въ домашней жизни швейцарскаго народа. Не только большіе города и селенія, но даже многіе мелкіе устроили частію на счетъ общественныхъ суммъ, а частію и при содѣйствіи специальныхъ обществъ, прачешныя, въ которыхъ каждая хозяйка за самую ничтожную плату ¹⁾ имѣетъ возможность выстирать, высушить, выгладить, а если нужно, и выбѣлить бѣлье. Благотѣльная сторона этихъ заведеній заключается въ томъ, что благодаря имъ жилища швейцарскихъ простолюдиновъ ни мало не страдаютъ отъ пара, сырости и грязи, которыя неминуемо влечетъ за собой стирка бѣлья на дому. Это не только сохраняетъ жилища, но не остается безъ добраго вліянія и на здоровье ихъ обитателей. Но кромѣ всѣхъ исчисленныхъ нами учреждений и разнаго рода кредитныхъ установленій, о которыхъ мы упоминаемъ ниже, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ матеріальному быту рабочаго, какъ сами рабочіе, такъ и ихъ хозяева не забыли и нравственной его стороны. „Одно изъ многихъ преимуществъ, которыя имѣетъ, сравнительно съ рабочими другихъ странъ и въ особенности Англіи, швейцарскій простолюдинъ,—говоритъ репортеръ,—заключается въ томъ, что благодаря полученному имъ образованію онъ можетъ находить удовольствіе и проводить свободное время въ занятіяхъ, недоступныхъ остальнымъ, вынужденнымъ искать развлеченія въ полной праздности и всякаго рода безчинствахъ, даже распутствѣ“. Для доставленія ему полезныхъ занятій въ досужее время, въ Швейцаріи также организовано множество обществъ. Общества эти устроили почти повсемѣстно, въ уголкахъ даже весьма отдаленныхъ отъ промышленныхъ и политическихъ центровъ, въ мелкихъ городкахъ и скромныхъ селеніяхъ, летучія бібліотеки, въ составъ которыхъ входятъ тщательно избранныя сочиненія, исполнѣ соотвѣтствующія понятіямъ и потребностямъ среды, для которой они предназначаются. Въ одномъ Женевскомъ кантонѣ въ 1866 году су-

¹⁾ 1½ пенса за часъ стирки, 1 пенсъ за часъ глаженія и ³/₄ за сушку.

ществовало 43 такихъ библіотеки, обладавшихъ 30,000 томами; въ Люцернскомъ кантонѣ ихъ въ то же время было 41. Разнаго рода сборники и періодическія изданія, предназначаемыя спеціально для простолюдиновъ, играютъ при этомъ значительную роль. Эти библіотеки устраиваютъ также въ праздничные дни публичныя чтенія, на которыхъ лекторами въ селеніяхъ являются обыкновенно, за недостаткомъ спеціалистовъ, священники, школьные учителя, а иногда даже и простые рабочіе. Затѣмъ, множество обществъ, состоящихъ по преимуществу изъ рабочихъ, имѣетъ характеръ клубовъ, куда сходятся читать журналы, обсуждать разнаго рода вопросы, давать драматическія представленія, играть въ разнаго рода игры, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, при помощи ряда систематическихъ лекцій, можно иногда научиться иностраннымъ (живымъ) языкамъ, бухгалтеріи, рисованію, исторіи и проч. Общества этого рода обращаютъ большое вниманіе на музыку, въ особенности вокальную. Пѣніе составляетъ обязательный предметъ обученія въ народной начальной школѣ, оно служитъ однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій взрослыхъ швейцарцевъ, и почти нельзя найти деревушки, въ которой не существовало бы общества хорового пѣнія, а нѣкоторые селенія имѣютъ даже цѣлыя инструментальныя оркестры. Въ этомъ отношеніи особенное вниманіе обращаютъ на себя сельскіе округа Люцерна. Въ этомъ маленькомъ уголѣ образовалось шестнадцать обществъ хорового пѣнія, семнадцать музыкальных обществъ, тринадцать драматическихъ и двадцать-пять оркестровъ инструментальныхъ. Ленцбергъ, маленькій городокъ съ населеніемъ, не превосходящимъ 2000 жителей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ могъ похвалиться 200 роялей и фортепьянъ. Въ совершенно неизвѣстныхъ деревушкахъ драматическія представленія устраиваются самими крестьянами. Общества эти организуютъ также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ періодическія празднества въ воспоминаніе какихъ-либо знаменательныхъ для ихъ родины событій. Состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль и нѣчто въ родѣ олимпійскихъ игръ присоединяется иногда къ подобнымъ празднествамъ, а иногда устраиваются самостоятельно. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ, также какъ и въ организации обществъ, ихъ устраивающихъ, принимаютъ участіе всѣ классы, причемъ хозяева ничѣмъ не отличаются отъ рабочихъ. Сталкиваясь по-дружески на праздникѣ или хоровой спѣвѣ, они также дружелюбно сходятся вмѣстѣ для обсужденія различнаго рода дѣлъ болѣе крупныхъ обществъ, какъ, на примѣръ, Sociétés d'utilité publique. Годовыя собранія цюрихскаго общества, о которомъ мы говорили выше, поочередно назначаются въ разныхъ городахъ швейцарскаго союза. Эти собранія всюду встрѣчаются съ большимъ энтузіазмомъ—по словамъ англичанъ—и дѣйствительно доставляютъ возможность самаго

дружественнаго общенія между людьми весьма разнороднаго общественнаго положенія, самыхъ различныхъ оттѣнковъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій. Эти собранія составляютъ нейтральную почву, на которой всѣ эти люди могутъ подавать другъ другу руку, съ живымъ участіемъ относиться къ общему для всѣхъ, одинаково близкому предмету—благосостоянію народныхъ массъ.“ Всѣ эти сходки и празднества важны не только какъ средства общенія между трудомъ и капиталомъ; они по самому предмету своихъ занятій раскрываютъ передъ хозяиномъ мелкія подробности быта и потребностей рабочаго класса, а передъ рабочимъ условія, въ которыхъ находится наниматель, и при которыхъ возможно процвѣтаніе данной отрасли промышленности. Благодаря этимъ обществамъ, участію въ общественномъ управленіи и ничтожному различію въ образѣ жизни разнородныхъ классовъ въ Швейцаріи, они легче чѣмъ гдѣ-либо доходятъ до яснаго уразумѣнія своихъ взаимныхъ интересовъ. Трудъ знаетъ, что онъ для капитала необходимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что и ему безъ капитала пришлось бы весьма трудно жить. Капиталистъ въ свою очередь, сознавая все свое значеніе, ясно видитъ, что безъ рабочихъ рукъ ему нельзя процвѣтать и понимаетъ, что при условіяхъ швейцарской жизни для него не только невыгодно, но просто невозможно эксплуатировать рабочаго. Онъ знаетъ, что забота объ улучшеніи быта этого послѣдняго должна носить весьма серьезный характеръ, и что, разыгрывая роль благодѣтеля, онъ поставилъ бы себя сначала въ неудобное, а потомъ въ враждебное отношеніе къ простолюдину, отъ котораго ему было бы даже трудно скрыть свои заднія мысли, благодаря тѣмъ непрестаннымъ толкованіямъ, къ которымъ приводятъ его условія швейцарской жизни. Мы готовы вѣрить писателямъ, утверждающимъ, что швейцарскій хозяинъ совершенно добросердечно и искренно заботится о благосостояніи рабочаго, но полагаемъ, что эта искренность или, лучше сказать, прямота ихъ поступковъ въ этомъ отношеніи не изъуда нѣкотораго разсчета. Капиталисту рабочій нуженъ также, какъ и рабочему капиталистъ, но въ Швейцаріи первый находится въ гораздо меньшей зависимости отъ второго, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ господствуетъ пролетаріатъ. Въ Англіи, Бельгіи, Франціи, напр., и въ особенности въ Англіи, не только цѣлыя семейства, но и цѣлыя поколѣнія рабочихъ живутъ изо-дня въ-день заработной платой, получаемой отъ какого-либо фабриканта. Упала промышленность, которой они кормятся, закрылась или уменьшила размѣръ производства фабрика, на которой они работаютъ и даже просто заикарился хозяинъ ея, желая потѣснить фабричныхъ,—и они рискуютъ остаться безъ куска хлѣба подъ открытымъ небомъ, съ того самаго

момента, когда прекратится или уменьшится ихъ жалованье. Въ Швейцаріи каждый почти рабочій, будучи обезпеченъ землею, весьма легко можетъ перенести лишенія, которымъ на первое время могутъ подвергнуть его притѣсненія хозяина, и по самому складу своего характера и условіямъ швейцарской жизни, безъ большого труда съумѣетъ найти для себя новый источникъ существованія. Уменьшеніе или прекращеніе выдачи заработной платы не оставляютъ его безъ крова и безъ куска хлѣба; онъ ихъ найдетъ на первое время въ своей хижинѣ, на своей землѣ, а денежные средства, необходимыя для того, чтобы пристроить себя къ какому-либо новому режиму, доставитъ ему который-нибудь изъ многочисленныхъ источниковъ кредита. Понятно, что при такихъ условіяхъ хозяева поставлены въ необходимость дорожить своими рабочими и не имѣютъ даже возможности, если бы захотѣли, увеличить размѣръ своихъ прибылей насчетъ размѣра заработной платы ремесленниковъ или фабричныхъ. Какъ бы то ни было, послѣдствіемъ всего этого являются весьма добрыя и правильныя отношенія между нанимателями и ихъ рабочими, и вниманіе первыхъ къ нуждамъ послѣднихъ достойно полного уваженія. „Неутомимая энергія и добросердечныя усилія хозяевъ, заботящихся объ улучшеніи быта рабочихъ, проявляются въ большей или меньшей степени во всемъ союзѣ“, говоритъ англійское донесеніе, и въ подкрѣпленіе своихъ словъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которыя по его мнѣнію могутъ служить вполне удовлетворительными доказательствами.

Въ Аппенцелѣ, на примѣръ, во время упадка вслѣдствіе какихъ-либо причинъ промышленности, при необходимости уменьшить размѣры фабричнаго производства, хозяева, въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ, стараются доставить фабричнымъ работу. Хозяева и рабочіе сходятся періодически въ разныхъ мѣстахъ кантона для обсужденія связанныхъ съ ихъ общимъ интересомъ вопросовъ. Хозяева стараются каждому рабочему, нуждающемуся въ томъ, дать полезный и практическій совѣтъ, а испытаннымъ хорошимъ рабочимъ никогда не отказываютъ и въ матеріальной помощи. Въ Гларусѣ, который, несмотря на то, что огромное большинство его жителей пользуется землею, составляетъ весьма промышленный уголокъ республики, англійскія донесенія находятъ образцовыя добрыя отношенія между рабочими и нанимателями. Тамъ также, какъ и въ Аппенцелѣ, фабриканты дѣлаютъ постоянно щедрыя пожертвованія на устройство больницъ, школъ, для образованія пенсіонныхъ касъ и капиталовъ. Въ Невшательскомъ кантонѣ, фабриканты, несмотря ни на какія затруднительныя обстоятельства, несмотря на промышленные и финансовыя кризисы, никогда не прекращаютъ работу, чтобы не лишать

фабричныхъ заработка. Мало того, что они доставляютъ рабочимъ дешевыя и удобныя квартиры, помогаютъ деньгами больнымъ и старымъ труженикамъ, они стараются всѣхъ малолѣтнихъ пристроить въ школы и облегчить въ этомъ отношеніи заботы и расходы родителей.

Но какъ на образецъ разумнаго отношенія фабрикантовъ къ нуждамъ рабочаго, глубокаго пониманія тѣсной связи, существующей между интересами труда и капитала, можно указать на слѣдующій фактъ, далеко не одиночный. Въ Невшатальскомъ кантонѣ между прочимъ существовала суконная фабрика весьма крупныхъ размѣровъ. Хозяинъ этой фабрики, долго ею управлявшій, умеръ, оставивъ ее сыну, человѣку весьма просвѣщенному, хорошо знакомому съ бытомъ швейцарскаго рабочаго и съ состояніемъ швейцарской промышленности. Новый хозяинъ, вникнувъ въ дѣло, нашелъ, что для него гораздо выгоднѣе ликвидировать дѣла по суконному производству и употребить свои деньги на выдѣлку часовъ въ крупныхъ размѣрахъ. Найти рабочихъ для осуществленія новаго задуманнаго имъ плана онъ, быть можетъ, и не затруднился бы, ибо въ Невшателѣ выдѣлка часовъ—работа весьма распространенная, но онъ не хотѣлъ оставить безъ заработка семьи, трудившіяся на суконной фабрикѣ его отца и задумалъ перейти отъ одного дѣла къ другому исподволь, подготавливая къ тому не только самого себя, но и своихъ рабочихъ. Съ этою цѣлью онъ всѣмъ дѣтямъ и молодымъ людямъ, работавшимъ на его суконной фабрикѣ, доставилъ возможность выучиться часовому дѣлу, и, по мѣрѣ пріобрѣтенія ими требуемыхъ свѣдѣній и умѣнья, покупать инструменты, нанимать со стороны мастеровъ и ставить ихъ на работу. Такимъ образомъ, все молодое поколѣніе совершенно незамѣтно перешло отъ суконнаго дѣла къ часовому. Тогда какъ послѣднее, благодаря притоку новыхъ силъ, съ каждымъ годомъ расширялось, суконное производство принимало все меньшіе и меньшіе размѣры вслѣдствіе оставленія фабрики старѣющимися рабочими, и наконецъ совершенно исчезло, когда число рабочихъ сократилось настолько, что хозяинъ безъ всякаго затрудненія и безъ всякаго матеріальнаго для себя ущерба могъ найти имъ другое занятіе. Дѣло обошлось безъ малѣйшихъ матеріальныхъ потрясеній для рабочихъ и система, съ которой былъ совершенъ капиталистомъ переходъ отъ одного производства къ другому, по своей постепенности не представляла никакого риска для самого фабриканта.

Ближайшимъ результатомъ всѣхъ этихъ разумныхъ и человѣчныхъ отношеній нанимателей къ нанимаемымъ является отличное поведеніе рабочихъ. Въ мѣстностяхъ, особенно отличающихся въ этомъ отношеніи, проступки рабочихъ не только встрѣчаются рѣдко, но они

даже вовсе не извѣстны. Фабричные и ремесленники, работающіе въ одномъ и томъ же заведеніи, будучи весьма дружны между собой, относятся вмѣстѣ съ тѣмъ къ своему хозяину или управляющему фабрикою не какъ къ начальнику, а скорѣе какъ къ отцу, они прибегаютъ къ его разбирательству въ случаѣ какихъ-либо, правда, рѣдко имѣющихся мѣсто, ссоръ и раздоровъ между собою и безусловно подчиняются его рѣшеніямъ. Но не одно хорошее поведеніе рабочихъ, а прочность коммерческой стороны предпріятія, отсутствіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ всякихъ со стороны хозяина опасеній въ томъ, что рабочіе могутъ, вооружась противъ него, нанести большой вредъ его интересамъ, составляетъ главнѣйшую награду для капиталистовъ. Мы говоримъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, потому что, несмотря на всѣ весьма утѣшительныя условія, Швейцарія, какъ и другія страны, не избѣжала нѣкоторыхъ проявленій борьбы труда и капитала, и Швейцаріи, какъ Германіи и Англіи, извѣстны стачки и забастовки; но кромѣ того, что ихъ сравнительно было очень мало, самое значеніе ихъ для Швейцаріи было совершенно ничтожно и они не представляли для ея промышленности ни малѣйшей опасности. Базельскія и женевскія стачки, случившіяся въ 1868 году, весьма быстро окончились, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. „Эти возмущенія работниковъ противъ работодателей, — говоритъ англійское донесеніе—не мѣстнаго, а иностраннаго происхожденія и были подготовлены усиліями интернаціональнаго общества рабочихъ“. Къ дѣятельности же интернаціоналя англійскія донесенія, какъ мы имѣли случай указывать въ предъидущихъ статьяхъ, относятся далеко не симпатично, но въ Швейцаріи, какъ видно, общество это не можетъ принести никакого вреда ни промышленности, ни общественному порядку. Благотворительную сторону дѣятельности этого общества въ Швейцаріи, его заботы объ улучшеніи матеріальнаго положенія рабочихъ, англійскій репортеръ заключаетъ въ одну рамку съ другими, помимо этого общества принимаемыми съ тою же цѣлію мѣрами, и въ этомъ отношеніи ставитъ его въ рядъ не только съ нѣкоторыми существующими въ Швейцаріи политическими, но даже религіозными обществами, а специально политическаго значенія не придаетъ ему совершенно, хотя находитъ, что существованіе этого общества трудно совмѣстимо съ политическими учрежденіями другихъ государствъ. Англійскій репортеръ упоминаетъ другое общество, Грютли, которое по словамъ его носить на себѣ гораздо болѣе яркій политическій оттѣнокъ и происхожденія специально швейцарскаго. „Это общество также ознаменовало свое существованіе основаніемъ многихъ весьма полезныхъ учреждений, какъ, напримѣръ, сберегательныхъ кассъ, дешевыхъ столовыхъ, обществъ взаимнаго вспоможенія,

а также устройствомъ разнаго рода увеселеній для простаго народа. Рядомъ съ этими обществами существуютъ другія, имѣющія чисто религіозный характеръ, нѣкоторыя изъ нихъ протестантскія, нѣкоторыя католическія. Цѣль ихъ—способствовать развитію народнаго образованія и упроченію матеріальнаго благосостоянія массъ. Общества эти дѣйствуютъ по преимуществу чрезъ посредство печати, при помощи которой распространяютъ въ Швейцаріи редижируемыя или составляемыя ихъ членами разнаго рода статьи, отчеты, книги и періодическія изданія. Къ сожалѣнію, эти изданія рѣдко читаются внѣ того небольшого кружка читателей, къ которому ихъ непосредственно обращаютъ, и такъ какъ польза, ими приносимая, ограничена только нѣкоторыми мѣстностями, то и плоды ихъ далеко не такъ обильны, какъ того можно было бы ожидать при ихъ болѣе широкомъ распространеніи“.

Такимъ образомъ, рабоче движенье, опасное въ странахъ, пропитанныхъ пролетаріатомъ, является безвреднымъ тамъ, гдѣ рабочій пролетаріатъ не существуетъ, гдѣ прочность политической организациі страны совершенно не поддается его уязвленіямъ, и гдѣ общій уровень развитія массы настолько высокъ относительно, что ее не особенно легко увлечь въ революціонный потокъ. Мы не утверждаемъ, чтобы всѣ швейцарцы отличались высокимъ образованіемъ и чтобы ихъ политическій горизонтъ былъ такъ широкъ, что большинство могло бы критически относиться къ социальнымъ теоріямъ и вопросамъ. Но нельзя однако отрицать, что общій уровень развитія и общая сумма знаній, которыми пользуется Швейцарія, несравненно выше, чѣмъ въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи и даже, быть можетъ, въ Германіи. Обязательность начальнаго образованія и крупныя суммы, ассигнуемыя на этотъ предметъ правительствомъ, кантонами, общинами, и жертвуемыя частными лицами, принесли прекрасные плоды. По швейцарскимъ законамъ каждый гражданинъ обязанъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, посѣщать начальную школу. Только Женевскій кантонъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Но хотя въ этомъ кантонѣ не существуетъ закона объ обязательномъ начальномъ образованіи, дѣти въ Женевѣ также аккуратно посѣщаютъ начальныя школы, какъ и въ другихъ кантонахъ. Каждая швейцарская община непремѣнно имѣетъ свою начальную школу, и случаи непосѣщенія классовъ учениками встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Сознаніе въ необходимости аккуратнаго посѣщенія классовъ не сразу получило въ Швейцаріи право гражданства, но въ настоящее время такъ укоренилось, что наказанія, установленныя за нарушеніе закона, штрафы и арестъ, примѣняются въ настоящее время крайне рѣдко, и тѣ немногіе случаи, въ которыхъ приходится

прибѣгать къ наказаніямъ или принудительнымъ мѣрамъ, вызываются или крайней бѣдностью родителей, для которыхъ дѣтскій заработокъ составляетъ большой расчетъ въ хозяйствѣ, и которыя поэтому стараются посылать дѣтей на работу чаще, чѣмъ въ школу, или отдаленностію школы отъ мѣста жительства дѣтей, въ особенности въ горныхъ округахъ, гдѣ часто и небольшія разстоянія можно проходить съ большимъ трудомъ. Возрастъ, въ которомъ для каждаго ребенка посѣщеніе школы дѣлается обязательнымъ, не одинаковъ. Каждый кантонъ устанавливаетъ на этотъ счетъ свои правила, но, вообще говоря, дѣти 6—7 лѣтъ уже обязаны посѣщать школу, и продолжать свои учебныя занятія по крайней мѣрѣ до 15-ти или 16-ти лѣтъ. Моложе 6-ти лѣтъ въ школы дѣтей не принимаютъ, а старѣе 16-ти не оставляютъ ихъ тамъ. Въ Унтервальденѣ, напри- мѣръ, законъ не воспрещаетъ дѣтямъ оставлять школу по дости- женіи ими 12-ти лѣтъ, но обычай предоставляетъ право школьнымъ учителямъ удерживать учениковъ долѣе этого возраста. Цѣль швей- царскихъ законовъ заключается въ томъ, чтобы заставить каждаго ребенка получить надлежащіе элементарныя познанія (въ началь- ныхъ школахъ, кромѣ обученія чтенію и письму, преподаютъ счи- сленіе, географію, исторію), но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишать семью выгоды, которая можетъ доставить работа подростка. Поэтому, за- конъ и обычай довольно снисходительно относятся къ неаккурат- ному посѣщенію школъ дѣтьми, достигшими одиннадцати или двѣ- надцати лѣтъ, т.-е. такого возраста, когда они могутъ уже прини- маться за работу. Самыя программы преподаванія и время, которое дѣти обязаны проводить въ школѣ, рассчитано для старшаго воз- раста такъ, что переходъ отъ школы къ фабричной или ремеслен- ной работѣ совершается постепенно. Собственно къ фабричной ра- ботѣ дѣти допускаются не ранѣе 13-ти, 15-ти и даже 16-ти лѣтъ; въ разныхъ кантонахъ по этому предмету существуютъ различныя правила, но вездѣ законъ требуетъ отъ хозяина, принявшаго въ ра- боту малолѣтняго, чтобы онъ предоставлялъ ему всѣ средства про- должать неоконченный курсъ ученія, посѣщать въ опредѣленные часы школу и готовить заданные уроки. Стѣсненіе въ этомъ отношеніи рабочихъ дѣтей наказывается по закону весьма строго, тѣмъ болѣе, что установленное мѣстными законами число учебныхъ часовъ для дѣтей, достигшихъ возраста, въ которомъ они могутъ приняты за работу, менѣе, чѣмъ для остальныхъ, и самое время ученія пригоняется, по возможности, такъ, чтобы оно не мѣ- шало работѣ. Для такихъ дѣтей существуютъ видоизмѣненные на- чальные школы, называемыя повторительными (*de répétition*) и ве- черними. О постепенности, съ которою совершается переходъ

отъ школьной жизни къ рабочей, отъ уязки къ самостоятельности, можно судить по слѣдующему примѣру, относящемуся до законодательства въ Шафгаузенскомъ кантонѣ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ поступленія въ школу, каждый ребенокъ обязанъ посѣщать ее ежедневно и не пропускать ни одного класса. Въ слѣдующіе три года онъ можетъ приходить въ школу лѣтомъ не болѣе, какъ на шесть часовъ въ недѣлю, а зимой на тридцать часовъ. Въ послѣдніе два-три года начальная школа замѣняется школой повторительной, въ которой каждый мальчикъ долженъ пребыть въ теченіе недѣли не болѣе шести часовъ, а дѣвочки не болѣе трехъ, и то въ теченіе полугода (съ іюля по февраль). Относительно женскаго образованія надо замѣтить, что швейцарцы отъ женщинъ требуютъ менѣе, чѣмъ отъ мужчинъ. Они предоставляютъ имъ право рѣже, чѣмъ мальчикамъ, посѣщать школу и ранѣе ее оставлять. Собственно повторительныя и вечернія школы, состоя въ тѣсной связи съ начальными, стоятъ по программѣ преподаванія уже нѣсколько ихъ выше; далѣе идутъ нормальныя школы, нѣчто въ родѣ нашихъ учительскихъ семинарій, которыя хотя по одной имѣетъ каждый почти кантонъ, и затѣмъ множество такъ-называемыхъ промышленныхъ (industriels) школъ, основанныхъ въ наиболѣе населенныхъ центрахъ республики и примѣненныхъ по преимуществу къ мѣстнымъ потребностямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ готовятъ просто коммерческихъ людей или даютъ общее образованіе, но большинство ихъ предназначается для образованія искусныхъ, знающихъ ремесленниковъ и рабочихъ. Каждая школа приспособлена къ потребностямъ и къ образу занятій мѣстныхъ жителей; въ Женевѣ, напримѣръ, все ученіе направлено такъ, чтобы образовывать хорошихъ часовщиковъ и ювелировъ, въ Лугано особенное вниманіе обращено на примѣненіе химіи къ ремесламъ и промышленности, въ Лозаннѣ и Солотурнѣ процвѣтаютъ рисовально-лѣпныя школы. Однимъ словомъ, въ средствахъ для образованія себя швейцарскій народъ нуждается не можетъ, онъ ихъ находитъ на каждомъ шагѣ. Надо замѣтить, что содержаніе всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній и въ особенности начальныхъ школъ, весьма не дешево обходится швейцарцамъ. Хотя обязательное обученіе и не остается бесплатнымъ, но плата взимается такая ничтожная, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ общинахъ не болѣе одного или двухъ франковъ за право годового посѣщенія начальной школы. Дѣйствительно, бѣдные отцы семейства такъ легко могутъ выхлопотать право бесплатнаго обученія дѣтей или найти благотворительные источники для покрытія учебныхъ издержекъ, что безъ ошибки можно признать, что начальное образованіе получается въ Швейцаріи бесплатно. Школы содержатся на счетѣ

общинъ, кантоновъ, правительства и отчасти частныхъ лицъ. Исключительно на счетъ республики содержится только одно высшее учебное заведеніе—политехническая школа. Всѣ остальные содержатся или исключительно на счетъ мѣстныхъ сборовъ, или на счетъ ихъ же, съ нѣкоторымъ пособіемъ отъ центрального правительства. Такъ, по исчисленію англійскаго репортера, въ 1864 году Швейцарія употребила на народное образованіе до 11-ти милліоновъ франковъ, изъ нихъ 6 милліон. было собрано въ видѣ мѣстныхъ общинныхъ сборовъ, $4\frac{1}{2}$ милліона было ассигновано кантональными управленіями и только 500 тыс. франк. центральнымъ правительствомъ. Размѣръ ежегодныхъ пособій, получаемыхъ отъ частныхъ лицъ въ видѣ временныхъ взносовъ, или доходовъ съ пожертвованныхъ въ пользу школъ капиталовъ и доходовъ, простирается среднимъ числомъ отъ 15-ти до 20-ти милл. франковъ. Капиталисты, хозяева различныхъ промышленныхъ заведеній участвуютъ весьма крупными взносами въ этой послѣдней суммѣ и вообще, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, частная и общественная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Швейцаріи играетъ столь же важную роль, какъ и правительственная (мѣстная или центральная). Она отражается весьма благопріятно на распространеніе начальнаго образованія, но оказываетъ еще болѣе существенное вліяніе на подготовленіе хорошихъ мастеровыхъ, доставляя возможность получить удовлетворительное специальное, ремесленное образованіе молодымъ людямъ, не располагающимъ достаточными средствами, чтобы оплатить свое ремесленное ученичество. Швейцарскій мастеровой пріучается къ своему ремеслу, и обучается ему или у себя дома подъ отцовскимъ надзоромъ, или, что случается чаще, подъ руководствомъ хозяина или управляющаго промышленнымъ заведеніемъ (фабрикой, заводомъ). Но такъ какъ хозяева за подготовку учениковъ, въ большей части случаевъ, требуютъ платы, а ученики и ихъ отцы далеко не всегда располагаютъ достаточными средствами, то на помощь имъ является почти повсемѣстно общественная благотворительность. Множество обществъ и корпорацій оказываетъ матеріальную помощь молодымъ людямъ, доставляя имъ или средства обучаться безвозмездно, или выдавая имъ денежныя пособія безвозвратно или замѣною, смотря по уставу общества и по матеріальному положенію самого ученика. Помимо частныхъ обществъ, самыя общины оказываютъ въ этомъ отношеніи значительныя пособія нуждающимся молодымъ людямъ, и нѣкоторыя изъ этихъ общинъ владѣютъ особыми капиталами, накопленными при посредствѣ разнаго рода пожертвованій или остатковъ отъ мѣстныхъ сборовъ. Доходы съ этихъ

капиталовъ употребляются исключительно на пособіе молодымъ людямъ, нуждающимся въ специально-ремесленномъ образованіи.

Повторяемъ, что швейцарецъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ учебныхъ и образовательныхъ средствъ; но не входя въ критическую оцѣнку самыхъ способовъ и программъ преподаванія, нельзя не вывести того общаго заключенія, что хотя начальное и элементарное образованіе и распространено въ Швейцаріи, что хотя оно приноситъ несомнѣнную пользу, но что общій его уровень далеко не высокъ. Длинный рядъ годовъ, который каждый ребенокъ обязанъ провести въ начальной школѣ, не упрочиваетъ его знаній настолько, чтобы онъ могъ руководиться имъ въ теченіе всей своей жизни. Твердо усваиваются свѣдѣнія, имѣющія непосредственное практическое значеніе, а остальные весьма скоро ступшеваются жизнью, преисполненной заботъ и труда. Тѣ лица, для которыхъ доступно пользованіе летучими библіотеками, періодическими изданіями, слушаніе публичныхъ лекцій и даже цѣлыхъ курсовъ, устраиваемыхъ для взрослыхъ, освѣжаютъ свои познанія и не теряютъ связи съ приобрѣтенными въ школѣ свѣдѣніями; для множества же остальныхъ фактическая сторона этихъ знаній довольно легко пропадаетъ. Это доказываетъ, что система преподаванія далеко не вездѣ удовлетворительна. Правительства нѣкоторыхъ кантоновъ, съ Цюрихскимъ во главѣ, не далѣе какъ въ 1871 году проектировали расширить кругъ обязательнаго образованія, признавая неудовлетворительнымъ настоящій его объемъ, но общее кантональное собраніе (въ Цюрихѣ—первое) отклонило осуществленіе этого проекта. Главнѣйшіе мотивы, которыми руководились противники этого проекта, заключались въ томъ, во-первыхъ, что это потребуетъ значительнаго расширенія времени, употребляемаго на ученіе въ ущербъ работѣ, необходимой для поддержанія матеріальнаго существованія ихъ самихъ и ихъ семействъ; во-вторыхъ, что это значительно увеличитъ общественные сборы на народное образованіе, которые и безъ того не безъ затрудненія выплачиваются большинствомъ небогатыхъ лицъ—и въ-третьихъ, что получая слишкомъ высокое общее образованіе, рабочіе начнутъ тяготиться и даже пренебрегать механическимъ, часто весьма искуснымъ трудомъ. Руководясь этими соображеніями, цюрихцы отвергли предложенный имъ проектъ, но намъ кажется, что вмѣстѣ съ тѣмъ имъ слѣдовало принять мѣры, чтобы та сумма познаній, которая нынѣ приобрѣтается дѣтьми въ начальныхъ школахъ, усваивалась ими болѣе прочно, чѣмъ въ настоящую минуту. Швейцарія теперь не столько нуждается въ расширеніи программы обязательнаго начальнаго образованія, сколько въ улуч-

шеніи его системы, судя по послѣднимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ объ этомъ предметѣ людьми компетентными.

V.

Послѣ всего нами сказаннаго, мы полагаемъ, не предстоить никакой надобности доказывать, что сбереженія швейцарскаго рабочаго могутъ быть весьма значительны и увеличиваться съ быстротой, едва ли возможной въ какой-либо другой странѣ. Множество народныхъ кредитныхъ учрежденій, ассоціацій потребительныхъ, взаимной помощи и проч., въ которыхъ рабочіе принимаютъ весьма значительное, а иногда и исключительное участіе, и цвѣтущее состояніе ихъ денежныхъ операцій краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ и словъ могутъ убѣдить въ томъ, что общая масса швейцарскаго народа пользуется значительнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, относящихся до упомянутыхъ нами учрежденій.

Изъ потребительныхъ обществъ прежде всего останавливаетъ вниманіе цюрихское. Оно было основано въ 1851 году при оборотномъ капиталѣ въ 75 франковъ, и въ 1865 году производило свои обороты на 5¼ миллион. франковъ и владѣло собственностью, цѣнность которой простиралась до 500 тыс. франк. Другія потребительныя общества успѣхами своими мало чѣмъ уступаютъ цюрихскому, хотя и не ведутъ своихъ дѣлъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ. Есть общества, собирающія съ рабочихъ въ теченіи лѣта небольшія суммы съ тѣмъ, чтобы зимой снабжать своихъ вкладчиковъ топливомъ и другими припасами, необходимыми въ холодное время года. Въ 1866 году, средній размѣръ взносовъ на каждого члена въ базельскомъ обществѣ достигалъ до 22 слишкомъ франковъ. Общества взаимной помощи насчитываютъ въ Швейцаріи до 608; въ составъ ихъ входятъ около 100,000 человекъ, исключительно рабочихъ; общая сумма капитала, принадлежащаго всѣмъ этимъ обществамъ, составляетъ безъ малаго 8 милл. франковъ, ежегодный доходъ 1½ милл. слишкомъ, а расходъ едва превосходитъ миллионъ. Изъ большого числа народныхъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита, мы имѣемъ свѣдѣнія о 43, которые въ 1867 году имѣли 7½ миллион. складочнаго капитала, 900 тыс. запаснаго, и на 27 миллионѣвъ вкладовъ. Сберегательныя кассы, назначеніе которыхъ заключается исключительно въ доставленіи людямъ экономнымъ и аккуратнымъ возможности не безъ выгоды сберегать накопленные на черный день деньги, представляютъ еще болѣе яркія цифры. Учрежденія эти принимаютъ на храненіе самыя мелкія суммы. Весьма немногія за минимумъ вклада прини-

мають 5 франковъ, большинство 1 франкъ и нѣкоторыя, желая поощрить бережливость въ дѣтскомъ возрастѣ, когда заработная плата очень низка, принимаютъ на вкладъ буквально по нѣсколько сантимовъ. Въ 1862 году этихъ кассъ въ Швейцаріи было 320. Всѣхъ вкладчиковъ насчитывали до 400 тысячъ человѣкъ, такъ что почти на каждые 7 жителей республики приходилось по одному вкладчику, а на каждого вкладчика среднимъ числомъ по 371 франку, на каждого же жителя по 52¼ франк. Число вкладчиковъ въ теченіи десяти лѣтъ удвоилось, а сумма вкладовъ болѣе чѣмъ удвоилась. Этотъ фактъ даетъ основаніе предполагать, что благосостояніе населенія возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ его численность. Семь жителей на одного вкладчика составляетъ средній для всего швейцарскаго союза выводъ, а въ частности отношеніе это доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Цюрихѣ, до того, что вкладчики составляютъ почти треть всего населенія. Въ 1852 году всѣхъ вкладчиковъ въ сберегательныя кассы Цюрихскаго кантона было 43,007, а въ 1870—84,584. Каждый вкладчикъ среднимъ числомъ располагалъ въ 1852 году 144 франк., а въ 1870—225. Значитъ, число вкладчиковъ увеличилось вдвое, а общая сумма вкладовъ возрасла почти вчетверо. Но изумительные результаты представляютъ кредитныя учрежденія, имѣющія по своему уставу нѣкоторое сходство съ русскими ссудо-сберегательными товариществами. Они носятъ названіе *caisses d'épargne obligatoires*; ихъ родина Юрскій кантонъ, гдѣ первое изъ этихъ учреждений было основано въ 1865 году со вкладочнымъ капиталомъ въ 50,000 франк. Въ настоящее время ихъ въ кантонѣ существуетъ нѣсколько, причемъ общая сумма принадлежащаго всѣмъ имъ капитала простирается до 1½ миллион. франк.—цифра громадная, въ особенности принимая въ соображеніе, что все населеніе кантона не достигаетъ 25,000. Полагаемъ, что немногія цифры, приведенныя нами, весьма убѣдительны. Нельзя сомнѣваться, что швейцарскому рабочему живется несравненно лучше, чѣмъ англійскому, французскому, бельгійскому и германскому, хотя Швейцарія и не могла уйти совершенно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, присущихъ другимъ странамъ. Въ общемъ итогѣ, какъ мы видимъ, швейцарецъ просвѣщеннѣе бельгійца или француза, но система обязательнаго образованія по видимому не удовлетворительна, если знанія, приобретаемыя въ начальныхъ школахъ, слишкомъ скоро утрачиваются. Пользованіе общинною поземельною собственностію оказываетъ громадное вліяніе на благосостояніе простонародья, но распредѣленіе пользованія ею не вездѣ по видимому равномѣрно, и борьба между богатыми и бѣдными, не совсѣмъ чужда швейцарской общинѣ, хотя форма этой борьбы здѣсь совершенно иная, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, и глав-

ное отличіе ея отъ подобныхъ распрей, происходящихъ въ другихъ странахъ, заключается въ томъ, что люди достаточные въ Швейцаріи составляютъ большинство, а бѣдные меньшинство. Но какъ бы то ни было, борьба существуетъ и хотя меньшинство выдѣляетъ изъ себя постепенно единоличныхъ членовъ, увеличивающихъ ряды достаточныхъ людей, но не имѣетъ возможности войти въ ихъ составъ цѣлкомъ, такъ что, несмотря на прекрасныя отношенія, существующія между рабочими и капиталистами и на пониманіе взаимныхъ интересовъ, они еще не дошли до полного къ другъ другу довѣрія и попытки организаціи промышленныхъ предпріятій на коопераціи труда и капитала имѣютъ въ Швейцаріи весьма небольшой успѣхъ. Но съ другой стороны капиталисты и рабочіе не поддаются и побужденіямъ, склоняющимъ ихъ къ взаимной враждѣ. Стачки, какъ мы видѣли, въ Швейцаріи составляютъ явленія рѣдкія, не имѣющія корней въ швейцарской почвѣ и не оставляющія глубокихъ слѣдовъ.

Несмотря однако на неудовлетворительность начальнаго образованія, на не вполне рациональное распредѣленіе общественной собственности между членами общины, несмотря на борьбу недостатка съ недостаткомъ, нельзя не признать, что положеніе рабочей силы въ Швейцаріи находится, относительно найма, въ цвѣтущемъ состояніи, и что этимъ цвѣтущимъ состояніемъ Швейцарія обязана частию самой себѣ, а частию тѣмъ географическимъ и историческимъ условіямъ, въ которыя поставила ее судьба. Не столько политическая, сколько экономическая децентрализація, распространеніе мелкаго землевладѣнія, обширное практическое примѣненіе принципа общественной собственности, добрыя отношенія рабочихъ къ капиталисту и обратно, и обязательное начальное образованіе, составляютъ, повторяемъ, основныя причины, созданныя самими швейцарцами. Возможность употреблять большія относительно денежные средства на обширное развитіе и усиленіе промышленности страны, средства, которыя во всякомъ другомъ государствѣ поглощались бы военными издержками, для Швейцаріи почти ненужными, и ненарушаемый весьма продолжительное время никакими потрясеніями миръ, должны быть отнесены къ причинамъ отъ самихъ швейцарцевъ независимымъ, къ счастливымъ условіямъ, которыя для другихъ государствъ доступны были бы только тогда, когда бы они нашли возможнымъ упрочить мирныя другъ къ другу отношенія и перековать свои изъ году въ годъ дорожающіе мечи на орудія, необходимыя для воздѣлыванія обдѣлѣвшей почвы.

Но когда можетъ осуществиться такая сладостная мечта миролюбцевъ,—Богъ вѣсть. Сама Швейцарія, которую никто ничѣмъ не страшаетъ и скорѣе берегутъ, какъ естественную нейтральную евро-

пейскую крѣпость, не прочь щегольнуть своей воинственностью и безъ всякой нужды сочла полезнымъ показать на всемірной выставкѣ настоящаго года смертоносныя орудія, выдѣланныя среди ея мирныхъ горъ.

Н. Ф.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ 1873 ГОДА.

II *).

Прежде знакомства съ педагогическими отдѣлами Швейцаріи, Германіи и Австріи, представляющими наибольшій педагогическій интересъ, благо мы теперь въ паркѣ выставки, перейдемъ отъ шведскаго школьнаго дома къ американскому, которымъ впрочемъ не ограничивается педагогическая выставка Америки, такъ какъ ею занято еще не малое пространство въ самомъ дворцѣ промышленности.

Училищное зданіе, выставленное въ Вѣнѣ Сѣверо-Американскими Штатами, гораздо больше шведскаго, но гораздо менѣе привѣтливо и, по наружному виду, гораздо болѣе напоминаетъ обширный балаганъ, чѣмъ школу, представляя не одинъ изъ тѣхъ роскошныхъ школьныхъ домовъ, которыми Америка такъ богата и съ которыми посѣтитель промышленнаго дворца въ Вѣнѣ знакомится по моделямъ и рисункамъ, но временную постройку, не изящную, но чрезвычайно просторную.

Хотя и очень трудно говорить объ американской школѣ вообще, такъ какъ типъ школы до-нельзя видоизмѣняется въ различныхъ штатахъ федераціи, но нельзя, вступая въ училищное зданіе, выставленное однимъ изъ штатовъ, не припомнить хотя вкратцѣ, въ какомъ положеніи находится дѣло народнаго образованія во всей федераціи въ настоящее время. Крайне ошибочно поступаютъ тѣ, которые указываютъ на американскую школу, какъ на могущую служить образцомъ Европѣ въ педагогическомъ отношеніи; сильную сторону

*) См. выше: сент. стр. 348.

организации учебнаго дѣла Америки составляетъ готовность всѣхъ штатовъ къ предоставленію такихъ огромныхъ матеріальныхъ средствъ школъ, о которыхъ мы не имѣемъ понятія: одинъ штатъ Нью-Йоркъ, напримѣръ, при населеніи въ 4.382,759 жителей, расходуетъ ежегодно около двѣнадцати милліоновъ руб. сер. на содержаніе своихъ школъ, что составило бы для Россіи, пропорціонально населенію ея, приблизительно около двухсотъ милліоновъ руб. сер. въ годъ. Возможность подобныхъ затратъ объясняется убѣжденіемъ американца въ неизбѣжности и высокой производительности расхода на школу, благосостояніемъ американца и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи американскаго общества. Но если бы этихъ элементовъ было достаточно для того, чтобы вся масса получала образованіе; если бы одно благосостояніе наконецъ, какъ говорятъ нѣкоторые, вело ко всеобщности образованія, то въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ давно не должно бы оставаться ни одного неграмотнаго; между тѣмъ по счисленію 1870 года оказалось, что въ самой просвѣщенной части федерации, въ сѣверныхъ штатахъ, на сто лицъ, возрастомъ старше десяти лѣтъ, было почти шесть неграмотныхъ, а въ южныхъ штатахъ число это доходило почти до тридцати. Число школъ во многихъ штатахъ Америки громадно; даже въ рабовладѣльческомъ штатѣ Тенесси до 1867 года почти ничего не дѣлалось для образованія, а въ 1869 году въ этомъ штатѣ было уже до четырехъ тысячъ училищъ; такъ какъ ученики остаются въ американскомъ училищѣ часто до восемнадцатилѣтняго возраста, то число учениковъ въ школахъ Америки весьма значительно и общее число учащихся во всей федерации превосходитъ восемь милліоновъ, т.-е. почти доходитъ до нормы одного ученика на пять жителей, между тѣмъ какъ въ Саксоніи, гдѣ обязательно обучаются *все* дѣти только отъ шести до тринадцати лѣтъ, эта норма доходитъ лишь до шести съ половиною жителей на ученика. Тѣмъ не менѣе въ сѣверо-американской республикѣ было въ 1870 году 5.660,074 неграмотныхъ лицъ, старше десятилѣтняго возраста, причѣмъ около шести-семихъ этого опаснаго населенія родились въ Америкѣ, не принадлежали къ иностранцамъ и одна половина его принадлежала къ бѣлому населенію, а другая половина къ черному, объ образованіи котораго стали заботиться лишь недавно. Это явленіе перестанетъ удивлять насъ, когда мы узнаемъ, что въ 1865 г., въ Массачусетсѣ, гдѣ образованіе *наибольше* распространено въ *массѣ*, около 20% всего числа дѣтей, состоящихъ въ учебномъ возрастѣ, *вовсе не обучалось*, приблизительно столько же, какъ въ Бельгіи, гдѣ не существуетъ и теперь *обязательности* обученія, необходимость которой уже *сознана и введена* Массачусетсомъ. Въ Пенсильваніи, одномъ изъ древнѣйшихъ шта-

товъ, гдѣ слѣдовательно образованіе уже успѣло пустить корни, только 64% всего числа дѣтей въ учебномъ возрастѣ посѣщаютъ школу, при отсутствіи обязательности обученія. Но въ послѣднее время и въ сѣверо-американской федераціи общественное мнѣніе все болѣе и болѣе высказывается за понужденіе закономъ всѣхъ родителей и опекуновъ посылать дѣтей своихъ въ школу, такъ какъ существовавшія до сихъ поръ мѣры — обязанность общинъ имѣть школу и права родителей жаловаться въ судъ въ случаѣ непринятія ребенка ихъ въ школу — признаются недостаточными. Только съ 1867 года существующее федеральное министерство народнаго просвѣщенія ведетъ энергическую агитацію въ законодательныхъ собраніяхъ, на митингахъ и въ печати въ пользу *обязательнаго обученія*, доказывая, что огромные расходы штатовъ на школу не приносятъ желаемой пользы безъ понудительныхъ мѣръ со стороны закона; въ недавнее время введена обязательность обученія въ сѣверной и южной Каролинѣ, двухъ штатахъ, гдѣ еще недавно обученіе чернаго составляло преступленіе; въ штатѣ Коннектикутъ школы также посѣщаются обязательно, и не долго ждать того времени, когда во всей федераціи законъ поставитъ общественное благо, т.-е. всеобщность образованія, выше безнравственнаго произвола родительской власти, подвергающей опасности все общество недопущеніемъ ребенка въ школу. Весьма любопытно при этомъ, что въ сѣверо-американской республикѣ стали обращать особенное вниманіе на учительскія семинаріи и вообще на улучшеніе педагогическаго состоянія школъ почти одновременно съ началомъ пропаганды въ пользу обязательнаго обученія; и дѣйствительно, эти два движенія должны всегда идти рука объ руку, параллельно, если страна желаетъ, чтобы обязательное посѣщеніе школы дало хорошіе плоды, которые окупили бы и издержки, и хлопоты, и ограниченіе личной свободы во имя общественнаго блага. Трудно теперь представить себѣ, какихъ замѣчательныхъ результатовъ достигнуть американскія школы, когда мѣры правительствъ на пользу *педагогическаго* улучшенія ихъ уже успѣютъ отразиться на ученикахъ и когда къ вѣрѣ американца въ школу, къ поклоненію его этому учрежденію, къ готовности его жертвовать несмѣтными богатствами для школы даже въ самые бѣдственные годы междоусобной войны и разоренія страны опустошеніями послѣдней — присоединится обязательность обученія, какъ гарантія того, что начальное образованіе станетъ удѣломъ *всѣхъ* гражданъ и что число учащихся, благодаря исправному посѣщенію ими школы, будетъ выражать число *дѣйствительно обучающихся*.

Если мы, послѣ сказаннаго, войдемъ въ американское училище, выстроенное на западной окраинѣ вѣнской всемірной выставки, то

насъ не должна поражать относительная простота отдѣлки весьма обширной классной комнаты: американцы народъ практическій, а потому гоняются не за роскошью, а за удобствомъ; но, всматриваясь въ классную комнату американца, мы не можемъ не пожелать болѣе вкуса и изящества, при простотѣ, въ устройствѣ класса; мы видѣли простую и изящную обстановку въ шведской школѣ и сочувствуемъ ей, такъ какъ школа не должна пренебрегать ни одною мелочью, могущею подѣйствовать на эстетическое чувство дитяти. Эта комната, съ особымъ входомъ для мальчиковъ и особымъ для дѣвочекъ, обучающихся совмѣстно съ первыми, освѣщена неудовлетворительно съ трехъ сторонъ узкими, длинными окнами, крайне не изящно размѣщенными. Школьные скамьи весьма оригинальны, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заслуживаютъ подражанія: подобно шведской, американская школьная скамья предназначена лишь для одного ученика, но отличается отъ всѣхъ, выставленныхъ въ Вѣнѣ скамей, тѣмъ, что состоитъ изъ дерева и чугуна.

Тотъ, кто когда-нибудь видѣлъ садовую скамью, состоящую изъ двухъ чугунныхъ подставокъ, къ которымъ привинчены деревянные доски, образующія спинку и сидѣнье, легко представить себѣ устройство американской школьной скамьи: къ верхней части двухъ чугунныхъ подставокъ, изогнутыхъ такъ, чтобы образовать основаніе для спинки и для сидѣнья и ножки скамьи, привинчена на шарнирахъ наклонная доска, обращенная назадъ и затѣмъ горизонтальная доска, *впереди* первой, для сидѣнья; для того, чтобы ученикъ могъ писать, нужно поставить одну скамью предъ другою и тогда ученикъ, приближая къ себѣ переднюю скамью, не связанную съ сидѣньемъ, на которомъ находится ученикъ, приблизитъ къ себѣ наклонный столъ передней скамьи, обращенной назадъ, т.-е. къ ученику, по мѣрѣ надобности; мнѣ кажется, что стоило бы и въ Европѣ подумать о томъ, не выйдете ли устройство школьныхъ скамей изъ дерева и чугуна, такъ какъ устойчивѣе, прочнѣе подобной скамьи трудно себѣ представить что-нибудь, и такъ какъ возобновленіе подобныхъ скамей, т.-е. замѣна двухъ дощечекъ новыми можетъ совершаться чрезвычайно скоро и за самыя ничтожныя деньги. На школьныхъ скамьяхъ американской классной комнаты, въ которой мы видимъ и учительскій столъ, и фисгармонику, разложены различныя учебныя пособия, въ числѣ которыхъ опять встрѣчаемъ русскіе счеты, но на этотъ разъ не крупныя, вертикальныя, но довольно мелкія, горизонтальныя, съ дюжиною восточекъ изъ разноцвѣтнаго стекла на каждой проволоцѣ, такъ какъ счетъ дюжинами очень распространенъ въ Америкѣ. Стѣны классной комнаты увѣшаны хорошими географическими картами, зоологическими таблицами Пранга, съ которыми мы еще встрѣ-

тимся во дворцѣ промышленности, недурными анатомическими рисунками Коттера (Cutter) и весьма хорошими картинами для нагляднаго обученія Вильсона (Marcius Wilson, familiar colours), представляющими самые обыденные предметы, и слишкомъ мелкими и пестрыми зоологическими и ботаническими таблицами того же автора. Весьма оригинальное учебное пособие, имѣющее экономическое и педагогическое значеніе, если бы только значительно увеличить его размѣры, выставлено здѣсь Appleton and C^o изъ Нью-Йорка: представимъ себѣ передній фасъ аптечнаго шкафа съ тремя столбцами ящичковъ, но размѣромъ всего около полу-аршина въ длину, при нѣсколькой меньшей ширинѣ и глубинѣ въ одинъ вершокъ; то, что имѣетъ видъ передняго фаса ящичковъ, не что иное, какъ подвижныя досечки, прикрывающія нѣсколько таблицъ съ напечатанными на нихъ словами и предложеніями; какъ бы вы ни передвинули досечки, вы всегда получаете по одному или нѣсколько словъ въ каждомъ столбцѣ, относящихся, какъ отрывочныя слова или какъ связныя предложенія, къ незатѣйливой и недостаточно крупной картинкѣ, занимающей верхнюю часть таблицы, девять-десятыхъ которой, занятая текстомъ, прикрыта досечками, описанными выше, туго скользящими по углубленіямъ въ рамкахъ этого аппарата и двухъ вертикальныхъ планокъ, раздѣляющихъ столбцы досечекъ. Если изготовить такой аппаратъ большого размѣра, то получится *неуносимая* книга для первоначальнаго чтенія, *одного* экземпляра которой достаточно на цѣлый классъ, книга, по которой не прочтется ни одного слова, значеніе котораго не было бы представлено на картинѣ; такая книга, которая облегчаетъ вниманіе начинающихъ учениковъ, такъ какъ она представляетъ ученику не цѣлую страницу текста, или цѣлую строку, но, если нужно, лишь по одному слову; наконецъ книга, не допускающая ни на минуту безсознательнаго чтенія, такъ какъ ученику не предстоитъ даже переворачивать страницъ для того, чтобы текстъ относить къ рисунку, и оба *непрерывно* и *неразрывно* у него предъ *глазами*. Въ настоящемъ же видѣ описанное мною пособие Апплетона, какъ годное только для одного ученика или очень небольшой группы учащихся, представляется мнѣ слишкомъ дорогимъ для народнаго училища, которое никогда не должно забывать, что служить большинству и что пособия его должны быть доступны средствамъ большинства.

Переходя къ педагогической части американскаго отдѣла во дворцѣ промышленности, мы прежде всего остановимся на выставленныхъ тутъ изъ Бостона хромолитографированныхъ изображеніяхъ животныхъ Пранга (Prang's Natural History series. Boston), такъ какъ это изданіе зоологическихъ картинъ представляетъ слишкомъ еще рѣд-

кую въ наше время попытку устраненія одного изъ главнѣйшихъ недостатковъ всѣхъ зоологическихъ картинъ, употребляемыхъ въ школахъ: всякому извѣстно, что даже рисунки Шрейбера даютъ слишкомъ мелкія, для класснаго употребленія, изображенія животныхъ, а очень крупныя были бы настолько дороги, какъ говорилъ мнѣ профессоръ Карлъ Фогтъ, сносившійся по этому вопросу со многими издателями Германіи, что были бы недоступны для школъ. Прангъ въ Бостонѣ даетъ чрезвычайно крупное, раза въ четыре крупнѣе до сихъ поръ существующихъ, изображеніе лишь *одного* представителя *каждаго* зоологическаго семейства, и затѣмъ всѣ остальные виды *того же* семейства печатаютъ красками на карточкахъ такого размѣра, какъ фотографическія карточки; послѣднія такъ дешевы, что могутъ быть даны каждому ученику въ руки послѣ того, что основные признаки семейства изучены по весьма крупному, классному рисунку. Я нѣсколько разъ обращался къ комиссарамъ американскимъ, прося пояснить мнѣ стоимость прекрасныхъ рисунковъ Пранга, но не получилъ удовлетворительнаго отвѣта, узнавъ только, что эти рисунки Пранга распространены въ начальныхъ школахъ, изъ чего можно отчасти заключить о томъ, что они должны быть не дороги; желательно было бы видѣть на карточкахъ не только изображеніе цѣлыхъ животныхъ, но и изображеніе частей ихъ въ натуральную величину, а иногда и въ увеличенномъ размѣрѣ. Хотите вы заглянуть въ классныя комнаты американскихъ училищъ, наполненныя учебными пособиями, то обратите вниманіе на стереоскопъ, выставленный въ педагогическомъ американскомъ отдѣлѣ, и онъ покажетъ вамъ не мало классныхъ комнатъ и фасадовъ училищныхъ зданій, которые напоминаютъ жителю Россіи гораздо больше дворцы, нежели училища. Вотъ преобладающая модель Франклиновской школы въ Вашингтонѣ, имѣющей 160 футовъ длины, при ширинѣ въ 110 футовъ, и представляющей здѣсь въ одну-тридцать-вторую натуральной величины; модель эта представляетъ изящное четырехъ-этажное изданіе, занята школою, какихъ нѣтъ десяти тому назадъ почти не бывавшей, Европѣ и какія теперь уже встрѣчаются часто въ государствахъ Европы, обратившихъ надлежащее вниманіе на народное образованіе. Географическія карты изъ Нью-Йорка превосходны не только по исполненію, но и потому, что чрезвычайно велики; раскрашенные анатомическіе рисунки и другія таблицы, тутъ выставленныя, указываютъ на то, что въ школахъ Америки обращается вниманіе на естествознаніе. Но тутъ же вы встрѣчаете и такія учебныя пособия, которыя намекаютъ на то, что машинальность обученія еще не вполне изгнана изъ американской школы: къ такимъ я отношу коллекцію аспидныхъ досокъ, выставленную отъ Бостона. Въ этихъ доскахъ все дѣло

въ бѣлыхъ деревянныхъ рамкахъ ихъ; на этихъ рамкахъ напечатаны азбука, названія мѣсяцевъ, дни недѣли, предварительныя рукописныя упражненія, линіи, площади съ ихъ названіями, и доски съ этими изображеніями предназначены для низшей степени обученія; для высшаго обученія въ элементарной школѣ на рамкахъ аспидныхъ досокъ напечатаны: рукописный алфавитъ, знаки ариметическихъ дѣйствій, мѣры времени, изображенія геометрическихъ тѣлъ и различные рисунки, могущіе служить образцами для учащихся рисованью. Нельзя не признать того, что эти рамки, принимая во вниманіе дешевизну ихъ, исполнены съ художественною отчетливостію; но трудно не согласиться и съ тѣмъ, что распространеніе подобныхъ аспидныхъ досокъ, на которое указываетъ и вѣнская выставка,—такъ какъ на нее прислано множество такихъ досокъ съ образцами ученическаго письма, — свидѣтельствуетъ о томъ, что американская школа еще не строго относится къ развивающимъ методамъ: потому что въ рациональной школѣ ученикъ пріобрѣтаетъ всѣ свѣдѣнія, прописанныя на рамкахъ бостонскихъ аспидныхъ досокъ изъ уроковъ *нагляднаго* преподаванія различныхъ предметовъ, а отнюдь не путемъ механическаго заучиванія; почему и надписи на доскахъ по меньшей мѣрѣ излишни въ рациональной школѣ. Но если вдуматься въ различные пособія, выставленныя Америкой, то отнюдь нельзя заключить по нимъ, подобно тому, какъ мы заключили, напримѣръ, по бельгійскимъ и французскимъ, что въ Америкѣ наука о воспитаніи еще то младенчество. Напротивъ, сопоставляя различные предметы американской педагогической выставки, вы ясно видите, что въ Америкѣ педагогія завоевала себѣ уже довольно почетное мѣсто: такъ, напримѣръ, чрезвычайно интересны таблицы для *звукового* обученія чтенію, доказывающія, что *звуковое* обученіе настолько естественно не столько превосходитъ *буквослагательный* методъ по развивающей силѣ и быстротѣ результатовъ, что его пытаются примѣнить даже обученію чтенію на англійскомъ языкѣ, представляющемъ въ предѣлѣ отношеніи огромныя трудности, такъ какъ одна и та же буква то произносится, то не произносится, и произносится, напримѣръ, то „и“, то „е“. Таблицы, о которыхъ идетъ рѣчь, напечатаны на коричневой прочной бумагѣ, причемъ въ каждомъ словѣ напечатаны чернымъ шрифтомъ только тѣ буквы его, которыя произносятся, а остальные напечатаны бѣлымъ, малозамѣтнымъ шрифтомъ; такъ, напримѣръ въ словѣ „whole“ (цѣлый, весь) первая и послѣдняя буква изображены бѣлымъ шрифтомъ, также точно и въ словѣ „knee“ (колѣно), такъ какъ буквы эти вовсе не произносятся въ этихъ словахъ, а остальные сохраняютъ свое нормальное значеніе. При такомъ способѣ изображенія словъ для начинающихъ двойная выгода: вы облегчаете чтеніе и въ

то же время облегчаете и изученіе правописанія, избѣгая при томъ невѣрныхъ образцовъ для такихъ учениковъ, *которые съ вторыми еще не знакомы*; такъ, напримѣръ, если бы мы, вмѣсто того, чтобы печатать для начинающихъ слово „братъ“ безъ твердаго знака, напечатали его „братъ“, отличивъ послѣднюю букву отъ остальныхъ лишь по шрифту, то мы поступили бы рациональнѣе, хотя справедливо и то, что къ русскому языку полезный приѣмъ американскихъ таблицъ для чтенія примѣнимъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Кромѣ этихъ таблицъ и другихъ пособій, могли бы еще указывать на рациональную работу въ американскихъ школахъ и многочисленные, выставленные въ Вѣнѣ, образцы письма и рисованья; но первые теряютъ свою цѣну, какъ образцы слога и правописанія, такъ какъ на выставку посланы набѣло переписанныя работы, безъ поправокъ учителя. Что же касается почерка, то и въ американскихъ школахъ онъ достигаетъ такого же совершенства, какъ и въ огромномъ большинствѣ школъ всѣхъ государствъ Европы, кромѣ Россіи, гдѣ мы до сихъ поръ еще не можемъ понять того, что умѣть писать значитъ, прежде всего, умѣть четко изображать звуки извѣстными знаками; мы же пренебрегаемъ почти всегда красотою почерка въ школѣ, а потому у насъ изъ ста взрослыхъ образованныхъ людей, большая половина пишетъ такъ, что разобрать трудно, не говоря уже о томъ, что девяносто окажется пишущихъ съ орфографическими ошибками, между тѣмъ какъ въ Германіи, Швейцаріи, Швеціи, Даніи и Америкѣ вы рѣдко встрѣтите ошибку въ письмѣ чедовѣка, получившаго лишь элементарное образованіе. Если бы лучшіе приѣмы обученія намъ не были извѣстны, то нельзя было бы и удивляться подобнымъ результатамъ; но какъ мириться съ тѣмъ, что мы пока не только не обучаемъ большинство въ Россіи, а меньшинство, но и при обученіи послѣдняго не обращаемъ должнаго вниманія на *элементарное* образованіе, и вотъ появляются у насъ литераторы и ученые, которые не въ силахъ написать и десяти строкъ безъ орфографическихъ ошибокъ, появляются кандидаты университетовъ, въ образованіи которыхъ замѣчаются вопіющіе пробѣлы; и писать мы не умѣемъ, и ставимъ такіе каракули, что хотъ палеографа призывай для разбора нашихъ рукописей. Въ Америкѣ, какъ я уже говорилъ, замѣчается сильное движеніе въ пользу всеобщности образованія и педагогическаго улучшенія школы; послѣднее весьма замѣтно тому, кто, обозрѣвая педагогическую американскую выставку въ Вѣнѣ, припомнитъ при этомъ, что писали нѣсколько лѣтъ тому назадъ люди компетентные о педагогическомъ уровнѣ американской школы; ею сдѣланъ огромный шагъ впередъ въ самое короткое время, и будетъ сдѣланъ еще не одинъ, такъ какъ американцы не считаютъ себя просвѣщеннѣйшимъ народомъ въ мірѣ,

недовольны состояніем своихъ школъ, неустанно работаютъ надъ улучшеніемъ ихъ, обладаютъ необходимыми на то просторами, и принимаютъ различныя мѣры къ тому, чтобы жизнь не заглушила добрыхъ сѣмянъ, брошенныхъ въ ученика школою.

Вполнѣ естественно будетъ перейти отъ за-атлантической республики къ федеральной швейцарской республикѣ, такъ какъ Швейцарія представляетъ не только социальное сходство съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, но и по заботамъ о народной школѣ и готовности затрачивать на нее значительныя средства напоминаетъ Америку; что же касается швейцарской элементарной школы, то въ педагогическомъ отношеніи она стоитъ несравненно выше американской. Впрочемъ, я спѣшу напомнить читателю о томъ, что говоря такимъ образомъ, я разумѣю большинство кантоновъ, такъ какъ собственно швейцарской школы нѣтъ, какъ нѣтъ американской, и типы школы видоизмѣняются чуть не въ каждомъ кантонѣ. Кантоны Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Граубюнденъ, Тессино, Валисъ, Люцернъ, значительно отстали отъ другихъ кантоновъ въ образованіи, благодаря продолжительному гнету католическаго духовенства; во французскихъ протестантскихъ кантонахъ, Жюневѣ, Ваадтѣ и Невшателѣ масса населенія достигла замѣчательнаго развитія, но гораздо болѣе благодаря развивающему вліянію самой жизни, нежели школы, которая въ педагогическомъ отношеніи представляетъ весьма существенныя недостатки и, съ значительною потерей времени и при помощи несовершенныхъ способовъ обученія, даетъ питомцамъ своимъ лишь толковую грамотность, встрѣчающую примѣненіе и дальнѣйшее развитіе въ жизни. Наконецъ въ такъ-называемой нѣмецкой Швейцаріи, а въ особенности въ кантонахъ Берна, Цюриха, Ааргау, Аппенцеля, Шафгаузена и Базеля наблюдатель встрѣчаетъ почти повсемѣстно училища, образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ, хотя социальныя результаты ихъ еще не тождественны во всѣхъ кантонахъ, такъ какъ дѣло поставлено рационально не вездѣ одновременно и въ нѣкоторыхъ кантонахъ лишь недавно, и не во всѣхъ кантонахъ сельскія школы стоятъ въ уровень съ городскими; во всякомъ случаѣ всѣ лучшія школы названныхъ нѣмецкихъ кантоновъ представляютъ то сходство другъ съ другомъ, что всѣ могутъ быть названы образцовыми въ педагогическомъ отношеніи, хотя въ организации учебнаго дѣла существуютъ между кантонами существенныя различія. Въ Швейцаріи школа управляется не союзнымъ законодательствомъ, но кантональными, а потому въ Швейцаріи и не существуетъ еще по настоящее время союзнаго министерства просвѣщенія, подобнаго тому, которое, какъ мы видѣли, возникло въ сѣверо-американской республикѣ; въ каждомъ кантонѣ школа и законодательство, обуславливающее существо-

ваніе ея, развивались сообразно *мѣстнымъ* условіямъ, видоизмѣняясь довольно часто и вступивъ въ періодъ преуспѣянія только въ концѣ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія. Но при полной самостоятельности кантоновъ, при кулътѣ ихъ къ автономіи, при отсутствіи всякаго централизующаго, руководящаго начала въ училищномъ дѣлѣ, изъ 22-хъ кантоновъ 19 пришли къ необходимости введенія обязательности обученія, принципъ которой въ настоящее время вносится и въ федеральную конституцію для того, чтобы побудить и наиболѣе заѣденные католическимъ духовенствомъ кантоны: Швицъ, Ури и Унтервальденъ ввести у себя *обязательность* обученія и гарантировать всѣ остальные кантоны отъ возможности возврата къ *необязательному* посѣщенію школы. Чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлала свобода въ Швейцаріи, тѣмъ болѣе ощущалась потребность въ обязательности обученія, такъ какъ тѣмъ болѣе опасность представляло пользование политическими правами со стороны невѣжественныхъ гражданъ, избирателей и законодателей. Не то существенно, что въ Цюрихѣ ученики обязательно посѣщаютъ ежедневную школу отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ и затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, посвящаютъ до восьми часовъ въ недѣлю такъ-называемой „дополнительной школѣ“, а въ Бернѣ дѣти ежедневно посѣщаютъ начальную школу до наступленія пятнадцати лѣтъ; не то важно, что учебная программа школы значительно видоизмѣняется по кантонамъ, но то, что во *всѣхъ* кантонахъ школа снабжаетъ *всякаго* гражданина орудіемъ къ образованію и въ очень многихъ — прочнымъ элементарнымъ образованіемъ.

Обращаясь къ участію Швейцаріи въ педагогическомъ отдѣлѣ вѣнской всемірной выставки, я не могу не пожалѣть о томъ, что посѣтитель выставки не видитъ ни одного швейцарскаго училищнаго зданія въ натуральную величину и слишкомъ мало встрѣчаетъ плановъ и фасадовъ швейцарскихъ школъ, такъ какъ на школьные дома такой страны, гдѣ какой-нибудь городокъ Аарау въ пять тысячъ жителей затрачиваетъ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ руб. сер. на зданіе для городскихъ училищъ, стоило бы взглянуть. Въмѣсто училищнаго зданія вы увидите на выставѣ прекрасную, двухъ-этажную швейцарскую избу, и въ ней-то помѣщается слишкомъ тѣсно педагогическая выставка Швейцаріи. Если бы на самой всемірной выставѣ искать подтвержденія того, что сказано мною выше о необходимости участія центральной власти для успѣха *педагогической* выставки, то стоило бы только присмотрѣться къ швейцарскому отдѣлу: педагогическая выставка Швейцаріи, пропорціонально пространству и населенію страны, чрезвычайно богата, но въ ней участвуютъ министерства народнаго просвѣщенія (Erziehungs-direction) 14-ти кантоновъ, 2 официальныхъ учрежденія, 7 обществъ и около 30-ти частныхъ лицъ.

Трудно представить себѣ страну менѣ бюрократическую, чѣмъ Швейцарія; трудно вообразить себѣ государство менѣ централизованное, и тѣмъ не менѣ правительства 14-ти кантоновъ, т.-е., всѣхъ кантоновъ, въ которыхъ дѣло народнаго образованія уже достигло надлежащаго развитія, приняли непосредственное участіе въ педагогической выставкѣ, благодаря чему эта выставка и оказалась полною картиною педагогическаго уровня каждаго кантона. Такъ, напримѣръ, Женевскій кантонъ и другіе кантоны французской Швейцаріи не выставили ни одного пособия для нагляднаго обученія, если не считать географическихъ картъ, а кантонъ Цюрихъ представилъ, напротивъ, чрезвычайно богатые коллекціи пособій; такая картина на выставкѣ совершенно вѣрна дѣйствительности, такъ какъ во французскихъ кантонахъ, какъ я уже говорилъ, школы неудовлетворительны въ педагогическомъ отношеніи, а кантонъ Цюрихъ стоитъ въ этомъ отношеніи впереди весьма многихъ, если не всѣхъ кантоновъ. Но цюрихскимъ кантональнымъ министерствомъ просвѣщенія выставлены предметы, которые не только свидѣтельствуютъ о высокомъ педагогическомъ уровнѣ цюрихской школы, но и вносятъ *новый*, весьма богатый вкладъ въ педагогическую литературу Европы; я разумѣю выставленные изъ Цюриха картины для нагляднаго обученія Ветштейна, изданныя ко времени всемірной выставки и превосходящія все, существовавшее до сихъ поръ въ Европѣ въ этомъ родѣ. Вся коллекція картинъ состоитъ изъ 103 листовъ, въ 18 вершковъ длины и 13 вершковъ ширины каждый; эти огромные листы наполнены *чрезвычайно крупными* и отчетливыми рисунками, частію черными, частію раскрашенными, по ботаникѣ, зоологіи и физикѣ. Если вы представите себѣ раскрашенный рисунокъ разрѣза стебля, выясняющій строеніе въ двѣ тысячи разъ увеличенной клѣточки, такой рисунокъ, занимающій почти весь листъ въ 18 вершковъ длины и 13 вершковъ ширины, тогда вы получите нѣкоторое понятіе о таблицахъ Ветштейна, рисованныхъ преимущественно съ натуры, и о значеніи ихъ для начальной школы, для которой онѣ предназначены. Изъ числа 103 таблицъ, 39 посвящены ботаникѣ, преимущественно же анатоміи и физиологіи растенія, такъ какъ систематика этой науки изучается всего удобнѣе не по книгамъ или таблицамъ, но практически во время экскурсій; впрочемъ, изученію характеристическихъ признаковъ главнѣйшихъ семействъ растительнаго царства Ветштейнъ посвящаетъ пять таблицъ, а на остальныхъ представляетъ проростаніе растенія, формы корней и стеблей, почки, формы листьевъ, тычинки, формы цвѣтка, плоды, клѣточки, волокна, утолщеніе стѣнъ клѣточки, сосуды, крахмалъ различныхъ растеній и размноженіе растеній посредствомъ прививки и окулировки. Зооло-

гн Ветштейнъ посвящаетъ 40 таблицъ, причемъ почти вовсе не даетъ изображеній различныхъ видовъ животныхъ, предлагая лишь чрезвычайно крупные, раскрашенные рисунки различныхъ частей животныхъ всѣхъ классовъ, часто снятые съ микроскопическихъ препаратовъ; такъ, напримѣръ, тутъ встрѣчается разрѣзъ мускула въ восемь тысячъ разъ увеличеннаго и во столько же разъ увеличеннаго кровяного шарика. Первые двѣ зоологическія таблицы посвящены человѣческимъ расамъ, затѣмъ слѣдуютъ: скелетъ, мускулы, нервы, органы обонянія, слуха, зрѣнія, пищеваренія, кровообращенія, дыханія и отдѣленій. Семь таблицъ посвящены выясненію основныхъ признаковъ всѣхъ классовъ животнаго царства, а за ними слѣдуютъ таблицы, наглядно поясняющія анатомію и фізіологію млекопитающихъ, птицъ и насѣкомыхъ. Наконецъ, 23 таблицы Ветштейнъ удѣлилъ рисункамъ по физикѣ, иногда настолько крупнымъ, что одинъ рисунокъ занимаетъ два листа; тутъ мы видимъ маятникъ, мукомольную мельницу, гидравлическій прессъ, различные насосы, пожарную трубу, различные системы водяныхъ колесъ, солнечный спектръ со многими линіями Фраунгофера, перегонный аппаратъ, различные системы паровой машины и части послѣдней, и телеграфныя аппараты. Если къ сказанному я добавлю о таблицахъ Ветштейна, что сто три огромныя таблицы съ небывалыми до сихъ поръ по размѣрамъ рисунками, чисто раскрашенными и всегда отличающимися замѣчательною ясностію и совершенною научною точностію, стоятъ всего только около тринадцати руб. сер. по теперешнему курсу русскаго рубля, т.-е., всего пятьдесятъ франковъ, то читатель пойметъ, почему я долженъ былъ такъ долго остановиться на этихъ замѣчательныхъ таблицахъ и какое я имѣлъ основаніе назвать ихъ *новыми* и *драгоценнымъ* вкладомъ въ педагогическую литературу Европы. Если бы страны, знающія цѣну наглядности обученія естествознанію въ народной школѣ, вступили въ сношеніе съ цюрихскимъ министерствомъ просвѣщенія, издавшимъ таблицы Ветштейна, то цѣль международной выставки пособій была бы достигнута, такъ какъ замѣчательное педагогическое произведеніе одного народа стало бы всеобщимъ достояніемъ; подобныя сношенія, при значительности заказовъ, повели бы, какъ мнѣ говорили, къ удешевленію этой коллекціи таблицъ, дѣлающей честь нашему вѣку, призванному популяризовать науку. Въ самомъ кантонѣ Цюрихъ съ текущаго года не будетъ и одной начальной школы, которая не была бы снабжена таблицами Ветштейна; онѣ продаются министерствомъ, безъ всякой прибыли, сельскимъ обществамъ и городскимъ, причемъ министерство не требуетъ уплаты всѣхъ тринадцати рублей въ одинъ разъ, но разсрочиваетъ ихъ на нѣсколько лѣтъ—вотъ какъ поступаютъ

тамъ, гдѣ желаютъ и умѣютъ служить пользѣ большинства не на словахъ, а на дѣлѣ и гдѣ считают недостойнымъ ограничиваться „либеральными“ рѣчами о самоуправленіи и децентрализациі, но поддерживаютъ и питаютъ самоуправленіе изъ центра, повсюду разносящаго свѣтъ науки, т.-е., свободу, соединенную съ понятіями о законности и необходимости дѣльнаго, гармоническаго, постепеннаго развитія. Цюрихское министерство просвѣщенія единственное изъ всѣхъ кантональныхъ правительствъ Швейцаріи, напечатавшее ко времени выставки статистическія данныя за 1872-й годъ о положеніи учебнаго дѣла въ кантонѣ; изъ нихъ мы узнаемъ, что въ настоящее время въ кантонѣ, простирающемся всего на 31 квадратную милю, съ населеніемъ, приблизительно, равнымъ половинѣ населенія С.-Петербурга (по переписи 1870-го года въ кантонѣ Цюрихъ всего 284,786 жителей), дѣти отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ обучаются въ 366, а дѣти отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ въ 398 *народныхъ училищахъ*; а сколько элементарныхъ школъ въ нашемъ Петербургѣ, 60% населенія котораго *неграмотны*, если относить къ грамотнымъ и „безграмотныхъ“? Училища Цюриха снабжаются, кромѣ таблицъ Ветштейна, чрезвычайно полезными коллекціями, выставленными въ Вѣнѣ; таковы: физико-химическая коллекція изъ 41-го прибора, стоящая всего 25 руб. сер.; ботаническая коллекція изъ 93-хъ предметовъ, зоологическая коллекція изъ 33-хъ предметовъ и минералогическая изъ 55 образцовъ; названныя три послѣднія коллекціи, уложенныя въ шесть ящиковъ, стоятъ около 35-ти руб. сер. Наконецъ, тутъ же выставлена весьма интересная коллекція микроскопическихъ препаратовъ изъ царства растений и животныхъ, которая, состоя изъ 65 экземпляровъ, уложенныхъ въ ящикъ, продается всего за восемь руб. сер. Въ этой коллекціи вы видите препарированную для микроскопа клѣточку дерева, волокно конопли, разрѣзъ стебля кукурузы, грибокъ плесня, разрѣзы кости и мускула, заднюю ногу пчелы, трихинъ, шерсть, шелкъ, блоху и т. п. Кто изъ друзей массы не позавидуетъ послѣ этого цюрихскому народному училищу, на тою чистою завистью, которая радуется чужому успѣху и стремится не унижить противника, а поднять себя самого до высоты соперника? Изъ кантона Цюрихъ выставлены чрезвычайно интересные предметы не только министерствомъ, но и частными лицами. Въ числѣ послѣднихъ почетнѣйшее мѣсто несомнѣнно принадлежитъ г. Бейсту, директору частной элементарной школы въ Готтингенѣ, талантливому продолжателю Фребеля, выставившему въ Вѣнѣ чрезвычайно интересные рельефныя карты, сдѣланныя самими учениками по новому способу изъ пластинокъ дерева и картона, и цѣлую коллекцію придуманныхъ г. Бейстомъ пособій для нагляднаго преподаванія ари-

метики, во многомъ напоминающую музей элементарной школы Ильныхъ въ Николаевѣ, хотя и уступающую послѣднему. Кантонъ Ааргау оказалъ существенную услугу элементарному обученію въ Европѣ выставкою женскихъ работъ ученицъ народныхъ училищъ, организованною министерствомъ просвѣщенія. Если обозрѣніе работъ ученицъ въ шведскомъ, германскомъ и другихъ отдѣлахъ познакомитъ васъ съ результатами обученія, достигаемыми въ школѣ, то ааргауская выставка руководѣля посвятитъ васъ въ методику обученія, выяснитъ вамъ, по выставленнымъ альбомамъ руководѣля, въ какой послѣдовательности ученица переходить отъ одной работы къ другой; тутъ же выставленныя работы учительницъ руководѣля покажутъ вамъ, до какого изумительнаго совершенства можетъ быть доведено искусство руководѣльницы по вязанью, шитью, латанью, вышиванью и кройкѣ; наконецъ здѣсь же вы увидите выставку матеріаловъ руководѣля въ различной степени обработки, напримѣръ, шелкъ отъ кокона до кружева. Изъ Базеля профессоръ Іенни прислалъ свое руководство къ обученію гимнастикѣ дѣвицъ, заслуживающее особеннаго вниманія, такъ какъ г. Іенни, какъ я въ томъ лично убѣдился въ Базелѣ, съ рѣдкимъ искусствомъ умѣетъ соединять, при обученіи гимнастикѣ дѣвушекъ отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ, развитіе силы и ловкости съ развитіемъ вкуса, граціозности и сдержанной веселости. А вотъ и руководство къ гимнастикѣ въ двухъ томахъ, вышедшее лишь въ 1872 году, старика Нигглера изъ Берна, котораго въ Швейцаріи называютъ „отцомъ гимнастики“. Тутъ же вы видите изданія швейцарскихъ обществъ: общества исторіи, бернского общества естественныхъ наукъ, швейцарскаго альпійскаго клуба, швейцарскаго „общепользнаго общества“, общества пѣвцовъ, швейцарскаго тюремнаго общества. Къ сожалѣнію, только въ рукописи выставлены въ высшей степени интересные труды федеральной комиссіи, избранной для разработки школьной статистики Швейцаріи ко времени вѣнской всемірной выставки. Нельзя не остановиться въ изумленіи передъ количествомъ учебныхъ книгъ, выставленныхъ различными кантонами Швейцаріи: я вычислилъ, что кантональными министерствами народнаго просвѣщенія Швейцаріи выставлено до пяти сотъ учебниковъ, написанныхъ швейцарцами и напечатанныхъ въ Швейцаріи, не считая отдѣльно изданныхъ картъ. Не изумительна ли подобная производительность на педагогическомъ поприщѣ, количественно не вполнѣ выясняемая выставками, такъ какъ на послѣднюю посланы лишь учебники, въ настоящее время примѣняемые въ школахъ, со стороны населенія въ 2,700,000, шестьдесятъ девять процентовъ котораго говорятъ нѣмецкимъ языкомъ, т.е. языкомъ того народа, который ежегодно печатаетъ до один-

надцати тысячъ книгъ, въ томъ числѣ и огромное количество педагогическихъ, и наводняетъ ими оба полушарія! Но таковъ естественный ходъ вещей: тамъ, гдѣ есть школа, не можетъ не быть педагогической литературы, которая питается школою, такъ какъ педагогія наука опытная, которой нельзя сочинять въ кабинетѣ, и которая только съ той поры получаетъ жизненность, когда берется за нее просвѣщенный народный учитель, умѣющій наблюдать, умѣющій изъ практики выводить теорію, знакомый съ теоріею педагогіи и умѣющій провѣрять ее практикою. Не могу разстаться съ вопросомъ о швейцарскихъ изданіяхъ на пользу народнаго училища и швейцарскою педагогическою выставкою вообще, не указавъ на чрезвычайно изящныя хромофотографированныя картины для нагляднаго обученія, выставленныя въ Вѣнѣ г. Антоненомъ изъ Берна; эти картины, размѣромъ приблизительно въ аршинъ длины и три четверти аршина ширины, представляютъ, когда все изданіе будетъ окончено, семью, школу, кухню, домъ и его окрестности, садъ, лѣсъ, весну, лѣто, осень и зиму. Каждая картина изъ появившихся до сихъ поръ настолько изящна, что извѣстныя картины для нагляднаго обученія Винкельмана изъ Берлина, представляются, по сравненію съ картинами Антонена, чуть не лубочнымъ произведеніемъ, а стоить каждая картина Антонена всего около полутора руб. сер., нѣсколько дешевле картинъ Винкельмана, которыя очень немного крупнѣе ихъ. Я слышала, что книгопродавецъ Антоненъ продаетъ описанное выше изданіе свое „*Bilderwerk für den Anschauungsunterricht*“ безъ всякой прибыли, довольствуясь возвращеніемъ затраченнаго капитала и предпринимая изданіе исключительно съ тою цѣлю, чтобы послужить родному народному училищу. Счастлива та страна, въ которой патріотическое чувство проявляется въ такой прекрасной формѣ, а не въ стремленіи „шапками закидать“ чуть не весь міръ, или въ пренебреженіи ко внутренней жизни народа во имя воображаемаго внѣшняго значенія его. И живутъ, благодаря разумному патріотическому чувству, въ Швейцаріи по-братски три различныя національности, французская, нѣмецкая и итальянская, сознавая все болѣе и болѣе, что народная школа составляетъ тотъ несокрушимый цементъ, который ихъ связываетъ въ одну неразрывную силу, исходящую изъ матеріально крайне ничтожной страны.

Германская имперія заняла подъ педагогическую выставку настолько обширный павильонъ, что въ немъ можно было бы удобно помѣстить педагогическія коллекціи всѣхъ другихъ государствъ, участвующихъ въ вѣнской всемірной выставкѣ, за исключеніемъ только Австріи, педагогическій отдѣлъ которой чрезвычайно богатъ. Никто не станетъ удивляться размѣрамъ педагогической выставки

Германіи изъ тѣхъ, кто знаетъ, насколько разрослось въ этой странѣ дѣло народнаго образованія; весьма любопытны въ этомъ отношеніи статистическія данныя, официально обнародованныя въ времени всемірной выставки и получающія теперь всеобщее распространение, благодаря тому, что они напечатаны въ самомъ каталогѣ выставки. По этимъ извѣстіямъ, появляющимся въ первый разъ въ отношеніи ко всей Германіи въ совокупности, за исключеніемъ изъ нихъ одной лишь Австріи, населеніе приблизительно въ сорокъ миліоновъ обладаетъ слѣдующими учебными заведеніями: 21 университетъ, 536 классическихъ гимназій, прогимназій и лицеевъ (въ Россіи, обладающей населеніемъ, вдвое бѣльшимъ населенія германской имперіи, гимназій и прогимназій всего 153, т.-е. слишкомъ вътрое меньше, чѣмъ въ германской имперіи), 270 реальныхъ учебныхъ заведеній, 47 торговыхъ и промышленныхъ училищъ, 12 техническихъ и политехническихъ училищъ, 260 высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, сходныхъ съ нашими женскими гимназіями, 143 учительскихъ гимназій (не насчитаны, повидимому, женскія) и шестьдесятъ тысячъ народныхъ школъ съ шестью милліонами учащихся въ послѣднихъ; при этомъ вовсе не принимались въ расчетъ частныя учебныя заведенія всѣхъ разрядовъ. Читателю извѣстно, что во многихъ мѣстностяхъ Германіи заботы правительства объ образованіи восходятъ къ XVI вѣку, и что въ началѣ нашего столѣтія они стали болѣе или менѣе всеобщими. Не излагая весьма интересной исторіи этого дѣла, приведшей, какъ извѣстно, къ тому, что во всей Германіи начальныя училища посѣщаются *обязательно*, — я не могу однако не указать на тѣ теченія, которыя обозначились въ послѣднее время на океанѣ нѣмецкаго учебнаго дѣла, испытывавшаго разныя бури и непогоды и все болѣе приближающагося къ нормальному состоянію. Если принять во вниманіе только послѣднія десятилѣтія, то нельзя не замѣтить того, что германское общество высказалось за реальное образованіе, за образованіе женщины и за улучшеніе начальнаго образованія. Первое изъ этихъ стремленій, которое правительства и успѣли удовлетворить, выясняется цифрами, говорящими краснорѣчивѣе словъ: такъ въ Пруссіи возникло съ 1800 года всего 68 классическихъ гимназій, и 89 реальныхъ; въ Саксоніи за тотъ же періодъ времени открыто 10 реальныхъ на 7 классическихъ гимназій; весьма замѣчательно при этомъ, что всѣ упомянутыя выше реальныя учебныя заведенія возникли за послѣднія сорокъ лѣтъ. Точно также выясняется цифрами и стремленіе германскаго общества къ высшему женскому образованію, такъ какъ учебныхъ заведеній, удовлетворяющихъ этой потребности, почти вовсе не было до 1838 года, какъ не было **реальныхъ учебныхъ и**

веденій до 1832 г. Наконецъ, что касается народных училищъ, то за послѣднія десять лѣтъ пересмотрѣно училищное законодательство почти всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, въ смыслѣ расширенія учебной программы народнаго училища вообще и усиленія преподаванія въ немъ естественныхъ наукъ, въ смыслѣ увеличенія содержанія учителей и улучшенія ихъ общаго образованія. Позднѣйшій изъ такихъ законовъ, состоявшійся въ 1873 году въ Саксоніи, *обязываетъ* всѣхъ мальчиковъ, посѣщавшихъ начальную школу отъ 6 до 14 лѣтъ, посѣщать дополнительную школу (Fortbildungsschule) до наступленія *восемнадцатилѣтняго* возраста, если только они не перейдутъ въ среднее или высшее учебное заведеніе; это узаконеніе доводитъ жалованье народнаго учителя до 550 руб. сер. въ годъ въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ, и вмѣняетъ въ обязанность *всякому* народному училищу обученіе по слѣдующей программѣ: законъ Божій, родной языкъ, ариметика, геометрія, исторія, географія, естественная исторія, физика, пѣніе, рисованіе, гимнастика и рукодѣлье для дѣвочекъ. По закону саксонскому, лучше другихъ олицетворяющему стремленія современной Германіи,—такъ какъ онъ состоялся лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—лица, окончившія курсъ въ реальныхъ училищахъ перваго разряда, допускаются въ университетъ для изученія математики, естественныхъ наукъ, новѣйшихъ языковъ и педагогики.

Возвращаясь къ участію Германіи въ педагогическомъ отдѣлѣ всемірной выставки, скажу, что въ количественномъ отношеніи педагогическая коллекція, выставленная германскою имперією, соотвѣтствуетъ положенію учебнаго дѣла въ Германіи, но въ качественномъ отношеніи могла бы быть гораздо лучше и полнѣе. Такъ, на примѣръ, въ центральной залѣ педагогическаго павильона вы видите чрезвычайно эффектно составленную изъ несмѣтнаго множества глобусовъ колоссальную пирамиду, которая напоминаетъ вамъ однако гораздо болѣе нарядную выставку товара въ окнахъ магазиновъ, нежели педагогическую выставку, такъ какъ вы въ состояніи разсматрѣть только нижнюю часть пирамиды изъ глобусовъ. Большинство стѣнъ педагогическаго павильона чрезвычайно изящно убраны работами учениковъ начальныхъ, дополнительныхъ и специальныхъ школъ по рисованью, рѣзбѣ по металлу и дереву, токарному производству и рукодѣлью; но и вся эта часть выставки очевидно бьетъ на эффектъ: вы удивляетесь совершенству работъ ученическихъ, которое трудно и представить себѣ, не полюбовавшись этими произведеніями, но вы спрашиваете себя, почему на педагогической выставкѣ вы не можете наглядно ознакомиться съ тѣмъ, въ какой постепенности достигаются въ школѣ поражающіе насъ на выставкѣ

результаты? Или, стоя предъ выставкою изданій для дѣтей и юншества книгопродавцевъ Спамера, Шрейбера, Гофмана и другихъ, вы конечно имѣете возможность наглядно убѣдиться въ необъятности издательской дѣятельности и даже достоинствъ изданій, — во вы желали бы того, чтобы книги были разставлены систематически и такимъ образомъ дана была бы вамъ возможность судить и о томъ, въ какую сторону преимущественно направляются потребности подросткающаго поколѣнія и издателей, стремящихся доставить имъ удовлетвореніе. Ко всему сказанному прибавлю, что только въ началѣ іюля появился въ печати такой каталогъ, который вѣрно поясняетъ нумера на выставленныхъ предметахъ, но перечисляетъ послѣдніе часто только подъ общими названіями, вовсе не выясняя назначенія каждаго пособия. Всего этого мы вправѣ требовать отъ Германіи тѣмъ болѣе, что это исполнено Саксоніею и Вюртембергомъ, напечатавшими обстоятельные отчеты за 1872 годъ и обстоятельные каталоги. Въ этомъ случаѣ едва ли не дурно понятая централизація и стремленіе выставить не только школу, но и столь юное еще *единство* Германіи повредила дѣлу: щепетильность въ охранѣ единства и на выставкѣ доходила до того, что на различныхъ группахъ предметовъ вы встрѣчаете, рядомъ съ надписями „Саксонія, Баварія, Гамбургъ“ и проч., ярлыки, на которыхъ читаете: „представлены здѣсь *германскою генеральною агентурою*.“ Между тѣмъ, отъ этого стремленія къ „германской генеральности“ потерпѣло дѣло, такъ какъ въ павильонѣ саксонская школа заняла особое помѣщеніе, вюртембергская и баварская разбросаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что ступшевываетъ характеръ каждой изъ нихъ, а въ каталогѣ *Германской имперіи* отдѣлы „Саксонія, Баварія, Вюртембергъ“ и проч. вовсе не допущены и предметы размѣщены не такъ, какъ въ педагогическомъ павильонѣ, но систематически, по однородности ихъ. Между тѣмъ какъ на дѣлѣ „германское единство“ вовсе не пострадало бы отъ того, если бы каждая часть территоріи, школа которой имѣетъ свою опредѣленную фizioномію и свою исторію, которой нельзя стереть ярлыками о единствѣ, появилась бы и на педагогической выставкѣ отдѣльнымъ типомъ; норазмѣститъ такимъ образомъ предметы на выставкѣ и въ каталогѣ помѣшало, говорятъ, соперничество Пруссіи съ Саксоніею и другими частями имперіи. Впрочемъ, такъ какъ я на этотъ разъ пишу не для специалистовъ, то едва ли меня упрекнутъ за то, что я не представляю, на основаніи всемірной выставки, характеристики каждой изъ частей германской имперіи въ отдѣльности, а ограничусь лишь указаніемъ наиболѣе выдающагося въ германскомъ педагогическомъ павильонѣ вообще. Начну при этомъ съ Саксоніи, выставка которой представ-

ляется наиболее цѣльною и законченною и заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ выставка одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ, а потому и самыхъ нравственныхъ и дышащихъ благосостояніемъ уголковъ Европы.

Саксоніею выставлено болѣе *восьмисотъ* учебныхъ пособій, произведенныхъ исключительно *саксонскими* учеными, художниками, педагогами и техниками; чтобы хоть сколько-нибудь пояснить этотъ многозначительный фактъ, я долженъ указать на то, что въ Лейпцигскомъ университетѣ, пользующемся такою славой, что въ 1872 году въ немъ обучались 1580 студентовъ не-саксонцевъ—собственно слушателей изъ Саксоніи состоитъ 900; по этому расчету въ Россіи должно бы быть 27 тысячъ студентовъ, а у насъ ихъ всего около 7500. Что касается саксонской выставки собственно книгъ учебныхъ, то я, по необходимости, долженъ ограничиться указаніемъ на то, что весьма многіе изъ саксонскихъ авторовъ, труды которыхъ тутъ выставлены, имѣютъ европейское имя; таковы Бертельсъ, Клаувель, Мазіусъ, Нимейеръ, Видеманъ, Фогель, Гуге, Гоммель, Овербекъ, Дресслеръ, Лейтеманъ, Шауфусъ, Бокъ, и другіе. Но вотъ предъ нами новинка, предъ которой нельзя не остановиться: это гипсовыя анатомическія модели доктора Бока въ натуральную величину. Эта замѣчательная коллекція изъ 26 моделей,—изъ которыхъ очень многія различаются подобно моделямъ изъ напѣ-маше, недоступнымъ по дороговизнѣ,—съ художественною точностію воспроизводитъ изъ гипса, окрашеннаго различными цвѣтами, главнѣйшія части человѣческаго организма: ухо, глазъ, кожу, зубы, голову (3 модели), легкія, мозгъ (5 моделей), глотку (4 модели), сочлененія (7 моделей) и туловища, разбирающееся на части, и вся эта коллекція стоитъ всего около 65 руб. сер., т.-е. не болѣе *четвертой* части того, что подобныя вещи стоили до сихъ поръ, причемъ продается и каждый предметъ изъ этой коллекціи отдѣльно за весьма незначительную цѣну. Всякій, понимающій все значеніе естествознанія въ элементарномъ обученіи и все преимущество модели предмета надъ графическимъ изображеніемъ его, вмѣстѣ съ нами оцѣнитъ по достоинству огромную услугу, оказанную шкѣ профессоромъ Бокемъ. Рядомъ съ этимъ пособіемъ для нагляднаго обученія выставлено другое—коллекція профессора Шауфуса, пріобрѣтеніе которой *обязательно* для всякаго саксонскаго народнаго училища; эта коллекція пріобрѣтается общиною на собственные средства съ тѣмъ, что ежегодно община платитъ лишь по одному рублю серебромъ до наступленія шестого года, когда общество уплачиваетъ г. Шауфусу всю остальную сумму; г. Шауфусъ можетъ выжидать такъ долго уплаты потому, что государство гарантируетъ ему сбытъ *извѣстнаго*

числа коллекцій и исправное поступленіе суммъ отъ обществъ, что и дало возможность профессору Шауфусу производить по пятисотъ экземпляровъ одного предмета сразу и продавать всю зоологическую коллекцію, съ укладкою ея, за пятьдесятъ руб. сер. Въ составъ этой коллекціи входятъ: шкафъ съ выдвижнымъ столикомъ и шестью ящиками, руководство къ зоологіи Лейниса, скелеть млекопитающаго, скелеть птицы; чучела рукокрылаго, грызуна и плотояднаго животнаго, птицы хищной, воробьиного семейства и болотной птицы; въ спиртѣ змѣя, ящерица, лягушка и рыба; около пятидесяти видовъ моллюсковъ, морской сѣжъ, два коралла, модель полипа, ракъ, восемь видовъ дерева, 50 насѣкомыхъ, 50 минераловъ, 50 геогнозо-палеонтологическихъ предметовъ, анатомическій препаратъ и сто засушенныхъ растений. Все это приобрѣтается, повторяю, въ видѣ самыхъ лучшихъ образцовъ, за пятьдесятъ р. сер. Почему бы этимъ не воспользоваться Россіи, хотя бы для нѣкоторыхъ изъ народныхъ училищъ, и почему бы на этотъ предметъ не обратить вниманія жертвователямъ нашимъ, нерѣдко тратающимъ значительныя средства на школу, не оказывая послѣдней желаемыхъ ими услугъ по невозможности приобрѣсти для школы дѣйствительно полезные предметы. Профессоръ Шауфусъ составляетъ коллекціи для гимназій за 200 руб. сер., и за 1,100 руб. снабжаетъ высшія учебныя заведенія изящными музеями, занимающими два большихъ шкафа; подобную коллекцію читатель также можетъ увидѣть на выставкѣ. Удешевленіе учебныхъ пособій хорошаго качества составляетъ такой существенный вопросъ для всякаго народнаго училища вообще, а для русскаго въ особенности, что читатели наши вѣроятно со вниманіемъ остановились бы на недавно начатомъ Эссеромъ изданіи картинъ для преподаванія естественной исторіи; въ этомъ изданіи животныя изображаются разъ въ пять крупнѣе весьма извѣстныхъ въ Россіи картинъ Шрейбера, и судя по ботаническому отдѣлу, выставленному въ Вѣнѣ, съ такимъ изяществомъ, которое превосходитъ все, бывшее до сихъ поръ; чрезвычайно крупныя ботаническіе рисунки, по черному фону, мало уступающіе художественнымъ, но крайне дорогимъ произведеніямъ Конта, стоятъ только *три* рубля сер. за двадцать таблицъ съ рисунками. Почетный членъ нашего педагогическаго общества, извѣстный Августъ Любенъ выставилъ атласъ естественной исторіи, рисованный подъ его руководствомъ Лейтеманомъ, кисть котораго у насъ очень извѣстна по рисункамъ въ сочиненіяхъ Брема; атласъ этотъ очень хорошъ и недорогъ, изображенія крупны, но едва ли онъ выдержитъ соперничество таблицъ Эссера, хотя далеко оставляетъ за собою всѣ изданія Шуберта, которыми довольствуются въ тѣхъ изъ русскихъ гимназій, гдѣ подобныя пособія еще не вышли изъ употребленія

послѣ новѣйшихъ измѣненій въ учебной программѣ въ классическомъ направленіи. Присмотритесь на выставкѣ къ изящно хромофотографированному географическому атласу изъ 31 карты Ланге, и вы вѣрно не угадаете того, что это пособие, выставленное Пруссіею, стоить всего 27 (sic!) коп. сер. А вотъ Саксонія выставяетъ коллекцію физическихъ приборовъ Лукаса, а Вюртембергъ такую же, составленную профессоромъ Боппомъ; та и другая предназначены для *народныхъ* училищъ. Для всѣхъ начальныхъ училищъ Вюртемберга обязательны коллекціи физическихъ и химическихъ приборовъ Боппа, и минералогическая коллекція Гаука; коллекція физическихъ инструментовъ Боппа, стоящая всего 13 руб. сер., вполне достигаетъ цѣли, достаточна для выясненія наиболѣе существеннаго изъ физики; коллекція же Лукаса, стоящая 18 руб. сер. и признанная „нормальною“ саксонскимъ правительствомъ для народныхъ училищъ Саксоніи, состоя изъ 25 приборовъ, можетъ быть названа уже довольно полною. Весьма интересны вюртембергскія картины, представляющія болѣзнь картофеля и винограда во всѣхъ ихъ фазисахъ, затѣмъ въ 32, нѣсколько мелкихъ, но отчетливыхъ, раскрашенныхъ рисункахъ скотоводство Вюртемберга и коневодство его. Къ сожалѣнію, германская выставка очень бѣдна образцами такихъ коллекцій, которыя могутъ быть составляемы самимъ учителемъ, при помощи учениковъ, безъ всякихъ денежныхъ затратъ; въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія выставленные Гестерманомъ изъ Гамбурга коллекціи стекла, бумаги, шерсти и шелка, представляющія различныя степени обработки этихъ продуктовъ отъ сырого матеріала до самыхъ разнородныхъ фабричныхъ издѣлій. Моделей различныхъ машинъ и орудій на выставкѣ также не много, и тѣмъ съ болѣе большимъ наслажденіемъ можно остановиться на въ высшей степени изящныхъ и точныхъ моделяхъ паровозовъ и различныхъ механизмовъ вообще, выставленныхъ Мевіусомъ изъ Кёнигсберга. Рельефныя карты Шотте изъ Берлина не составляютъ новости на выставкѣ, но привлекаютъ зрителя изяществомъ и вполне основательно ожидаемою отъ нихъ пользою для дѣтей; у Шотте значительный выборъ такихъ географическихъ картъ: каждая часть свѣта отдѣльно, главнѣйшія государства Европы и Палестина. Но каждая изъ указанныхъ картъ стоитъ около десяти руб. сер., при разиѣрѣ нѣсколько менѣе квадратнаго аршина; слѣдовательно, эти карты не только чрезвычайно дороги, но пестрота и мелкость рисунка значительно ослабляютъ пользу рельефа; народному училищу оставалось бы приобрести рельефную карту полушарій (за 12 руб. оба полушарія), или еще лучше за ту же цѣну *рельефный* глобусъ Шотте въ 16 дюймовъ въ діаметрѣ (требовать его, при заказѣ у Шотте, подъ названіемъ № 24); Шотте оказалъ значительную услугу элементарному

обученію тѣмъ, что за тѣ же 12 руб. предлагаетъ *рельефный* глобусъ политическими дѣленіями, указанный выше, или же глобусъ тѣ же размѣра для преподаванія оро- и гидрографіи (№ 44). Тѣмъ же искусству можно назвать рельефный глобусъ Шотте аршинъ и три четверти въ діаметрѣ, но стоитъ онъ 250 между тѣмъ какъ уже за 40 руб. сер. можно получить крупный глобусъ, діаметромъ въ аршинъ, ~~останавливаясь на весьма изящныхъ бота~~ и плотоядного ~~и болотной пти~~ nische Wandtafeln. Ahles), на полумоделяхъ ~~мо пятидесяти~~ изъ П сін, на чрезвычайно точныхъ моделяхъ кост. ~~зреловъ, зарод~~ изъ гипса, профессора Флейшмана, изъ Баваріи, мы присмотрѣлись чрезвычайно крупной и художественной, по полнотѣ и изяществу модели гимнастическ. ~~раю, мы, со всѣми принадлежностями, присла~~ въ Вѣну изъ Гусъ съ ~~какъ гимнастика~~ еще вовсе не прои во многія русскія ~~заведенія, а въ западной Европѣ полу~~ все большее ~~вне~~ значеніе не только при воспитаніи ~~мал~~ ковъ, но и ~~п~~ ~~амъ, а въ~~ нѣ дѣвочекъ. Затѣмъ обратимся къ ~~план~~ училищныхъ ~~мы, бл~~ числѣ которыхъ есть планъ, представляющій насколько мнѣ извѣстно по моимъ многочисленнымъ педагогическимъ путешествіямъ, *новую*, еще мало распространенную мысль въ области школьной архитектуры. Такой планъ, замѣчательный не только оригинальностью, но и по представляемымъ имъ удобствамъ, представленъ въ Вѣнѣ дирекціе строительнаго училища въ Штутгартѣ. Не стану описывать ни размѣровъ штутгартскаго строительнаго училища, ни изящнаго фасада этого трехъ-этажнаго дворца, такъ какъ то другое можетъ и должно видоизмѣняться сообразно потребностямъ и средствамъ строителей; я обращаю вниманіе только на основную мысль плана этого учебнаго заведенія, въ превосходствѣ которой имѣлъ случай убѣдиться на дѣлѣ въ бытность мою въ Штутгартѣ. Мысль эта чрезвычайно проста: при сооруженіи училищнаго зданія въ нѣсколько классныхъ комнатъ нельзя избѣжать корридоровъ, которые не могутъ, при извѣстной длинѣ, не быть полутемными и обыкновенно подвергаютъ учениковъ сквозному вѣтру: для того, чтобы избѣжать этихъ недостатковъ, можно, подражая плану штутгартскаго строительнаго училища, придать всему училищному зданію прямоугольнаго четырехугольника, вдоль сторонъ котораго жить классныя комнаты, оставить въ серединѣ дворикъ, ~~стеклянной крышей и отапливаемый, какъ всякое жилое~~ этотъ-то внутренний теплый, свѣтлый дворикъ, служащій ~~ной залой, и выводятся двери изъ всѣхъ классныхъ ком~~ зданіе двухъ-этажное или трехъ-этажное, то въ верхнихъ эта

спускаются въ верхнихъ этажахъ въ аркады, совершенно открытыя на утренній дворъ, снабжающій ихъ свѣтомъ и тепломъ; въ на-
ради этихъ дворъ трехъ-этажнаго строительнаго училища въ Штутгартѣ
точно поддерживается зимою температура въ 13 градусовъ по

27 (sic!) по Цельсию. Обзоръ германскаго педагогическаго отдѣла
техническихъ приборовъ, какъ, я могъ бы указать на то, что и здѣсь
ую профессоромъ Боуи, въ экземплярахъ русскіе счеты и другія
мъ училищъ. Для преподаванія ариметики, на огромный вы-
коллекціи физическаго и географическаго атласовъ, на обиліе учебниковъ по
отраслямъ естественной исторіи, чрезвычайно рационально составленныхъ; но,
одной стороны, это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а съ дру-
слишкомъ извѣстно всеюму, что германская школа и швейцар-
представляютъ возможно лучшее осуществленіе требованій
и о воспитаніи и обученіи. Изъ этого вытекаетъ однако того,
бы не было существеннаго различія между германской и швей-
ской школой, и чтобы этимъ школамъ было болѣе слѣ-
и шага впередъ. Что касается различія между двумя
ами школъ, то оно состоитъ не въ учебныхъ методахъ, кото-
кажутся мнѣ тождественными, но въ воспитательномъ значеніи
мы: съ грустію долженъ я сказать, при всемъ уваженіи моему
германской педагогикѣ, что германская школа могла бы опозорить
ся предъ лицомъ всего міра, если бы она, воспроизводя дѣйстви-
тельность, пополнила свою педагогическую выставку коллекціею рем-
и палочекъ, которыми, подъ охраною закона, бьютъ учениковъ
въ народныхъ училищахъ значительнаго большинства мѣстностей
Германиі; швейцарская школа не вѣруетъ въ принципъ телесныхъ
наказаній и не допускаетъ ихъ, а потому и лучше нѣмецкой воспи-
тываетъ въ ученикѣ сознаніе собственнаго достоинства и отвращеніе
отъ грубой силы. Та и другая школа часто соединяетъ гимнастику
въ школѣ съ маршировкою подъ ружьемъ, но нѣмецкая школа зака-
ляетъ такимъ средствомъ учениковъ только въ повиновеніи, соблазняя
дѣтей идеею о славѣ отечества, а швейцарская школа закаляетъ
своихъ питомцевъ только въ мужествѣ, воодушевляя ихъ мыслию
исключительно о защитѣ отечества; изъ нѣмецкой школы часто вы-
ходить только солдаты, а изъ швейцарской—всегда граждане. Въ
педагогическомъ отношеніи обоимъ этимъ, наиболѣе совершеннымъ
амъ школы нашего времени, предстоитъ въ будущемъ,—я въ томъ
ренъ—коренное преобразование, которое потребуетъ отъ человѣ-
ва новыхъ, значительныхъ матеріальныхъ затратъ: школѣ пред-
стаетъ такъ организоваться, чтобы, согласно мысли Фрѣбеля, удѣлять
ую часть времени обученію наукамъ и ежедневно затрачивать

нѣкоторое время на различныя *механическія* работы учащихся отъ 6—16-лѣтняго возраста ихъ; эти работы, видоизмѣняясь сообразно возрасту и соотвѣтствующимъ возрасту силамъ учащимся, не будутъ задаваться цѣлью создать ремесленниковъ, но должны снабдить насъ людьми, крѣпкими духомъ и *тѣломъ*, людьми *всесторонне* развитыми, близкими къ жизни, сильными *самопомощію* и уважающими, на основаніи собственного опыта, производительный трудъ *всякаго рода*. До сихъ поръ подобный идеалъ школы осуществляется лишь въ весьма немногихъ учебныхъ заведеніяхъ, къ сожалѣнію не представленныхъ на вѣнской всемірной выставкѣ, а огромное большинство школъ нашего времени такъ организовано, что дѣтямъ некогда иногда заняться клеюкою, лѣпкою, выпиливаніемъ и другими столярными работами, шитьемъ обуви и платья, ковкою и другими мастерствами, повторяю, не съ цѣлью, изученія послѣднихъ, но съ цѣлью ознакомленія съ ними, примѣненія къ нимъ научныхъ знаній и всесторонняго воспитанія. Затѣмъ, германской школѣ остается еще сдѣлать такой шагъ впередъ, который уже сдѣланъ нѣкоторыми кантонами Швейцаріи, а въ особенности Цюрихомъ: въ Германіи дѣти различныхъ слоевъ общества, отдѣляются другъ отъ друга лѣтъ десяти; кто поступаетъ въ классическую, а кто въ реальную гимназію, а кто въ народную школу; не такъ въ Цюрихѣ: программы *всѣхъ* училищъ одинаковы до четырнадцатилѣтняго возраста учащихся, и всѣ слои общества получаютъ, гдѣ бы они ни учились, одно и то же элементарное образованіе. Только по наступленіи такой организаци и для германскихъ училищъ можетъ исчезнуть въ Германіи то социальное неравенство людей, равныхъ между собою по закону, которое непріятно поражаетъ въ странѣ настолько просвѣщенной, какъ Германія.

Австрійская школа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ прямую противоположность германской школѣ: въ послѣдней уже успѣла почти повсемѣстно установиться рациональная практика, между тѣмъ какъ въ Австріи, подобно Россіи, есть нѣсколько школъ, могущихъ выдержать соперничество съ лучшими школами въ Германіи и доказывающихъ, что въ Австріи теорія науки вполне разработана, но, подобно Россіи, большинство австрійскихъ училищъ еще не поднялось до уровня вполне рациональной школы: *средній* уровень школъ значительно ниже германскаго и разстояніе отъ лучшей школы до худшей несравненно больше въ Германіи, гдѣ противоположныя крайности встрѣчаются рѣдко и гдѣ на практикѣ значительное *большинство* училищъ удовлетворительно. Такой комментарий къ австрійскому педагогическому отдѣлу всемірной выставки необходимъ, такъ какъ при отсутствіи его австрійская педагогическая выставка, по полнотѣ и ра-

циональности своей, легко могла бы ввести въ заблужденіе посѣтителя: послѣдній ошибся бы, если бы по образцовой выставкѣ этой онъ заключилъ объ уровнѣ большинства школъ Австріи; но онъ не ошибется, взглянувъ на интересную въ высшей степени педагогическую коллекцію Австріи, какъ на отраженіе уровня науки о воспитаніи въ Австріи, какъ на выраженіе педагогическихъ принциповъ, къ осуществленію которыхъ стремятся въ Австріи нашего времени. Что касается историческихъ судебъ австрійскаго школьнаго дѣла, то послѣ сказаннаго мною въ другой статьѣ (январь „Новая Вѣна“), я считаю излишнимъ возвращаться къ этому вопросу, такъ какъ читатели, вѣроятно, еще помнятъ, что только весьма недавно австрійская школа освобождена отъ гнета католическаго духовенства и что раціональная школа, всесторонне воспитывающая человѣка, а не дрессирующая его въ опредѣленномъ направленіи, еще очень молода въ Австріи, а потому на практикѣ и не могла получить обширнаго распространенія. Не углубляясь въ исторію Австріи, не представляющей иной отрады, кромѣ многочисленныхъ доказательствъ недолговѣчности оковъ, налагаемыхъ на мысль человѣческую, нельзя не остановиться съ живымъ сочувствіемъ на педагогической выставкѣ Австріи, съ особеннымъ тщаніемъ и замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и вкусомъ составленной министерствомъ просвѣщенія, не пощадившемъ на нее ни средствъ, ни труда.

Австрійская педагогическая выставка помѣщена въ одномъ изъ дворовъ, окаймляемыхъ галереями дворца промышленности, въ пристройкѣ со входомъ изъ дворца, въ которой она занимаетъ площадь приблизительно въ 180 квадратныхъ сажень, не принимая въ расчетъ площади наружныхъ стѣнъ и внутреннихъ перегородокъ, которыя также уставлены и увѣшаны различными пособіями и которыя въ свою очередь представляютъ почти такую же площадь, какъ и полъ; слѣдовательно, всего занято педагогическою выставкою австрійскаго министерства около 360 квадратныхъ сажень. При входѣ въ залу, вы останавливаетесь на эстрадѣ, съ которой можете видѣть почти всѣ предметы, выставленные въ залѣ, причемъ ваше вниманіе останавливается на бюстахъ Амоса Коменскаго и Песталоцци и на изящныхъ, весьма крупныхъ надписяхъ, раздѣляющихъ всѣ выставленные предметы, по длинѣ залы, на три группы: народныя училища, среднія и высшія учебныя заведенія; вправо и влѣво отъ главной залы — боковыя помѣщенія, занятые преимущественно училищными планами, ученическими работами и предметами, выставленными отъ институтовъ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, пособіями при преподаваніи музыки и гимнастики и статистическими трудами; главная же зала отведена преимущественно пособіямъ по наглядному обученію

и для преподаванія естественныхъ наукъ въ элементарной средней и высшей школѣ. Такимъ образомъ размѣщена выставка австрійскаго министерства просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго, по официальнымъ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ специальномъ каталогѣ педагогической выставки, обязательно обучались въ однихъ народныхъ училищахъ въ 1871 году до двухъ милліоновъ дѣтей обоего пола, на населеніе приблизительно въ 20 милліоновъ (Венгрія не считается, такъ какъ управляется особо), т.-е. почти вдвое больше, чѣмъ въ Россіи, населеніе которой почти вчетверо больше населенія цислейтанскихъ провинцій Австріи, но которое обладаетъ свободой и правомъ не учиться.

Посѣтителю австрійской педагогической выставки не можетъ не броситься въ глаза разноплеменность Австріи, благодаря тому, что министерство просвѣщенія не только не старалось ступсывать различныя національности или затереть ихъ нѣмцею, но размѣстило предметы такимъ образомъ, что часто педагогическая выставка служитъ какъ-бы выраженіемъ чешской и другихъ національностей Австріи. Кромѣ того, выставка министерствомъ нѣкоторыхъ предметовъ доказываетъ, что австрійская школа не боится сепаратизма и поощряетъ *мѣстныхъ* нарѣчій, обяывая лишь къ тому, чтобы каждымъ австрійскимъ подданнымъ изучался, кромѣ родного языка, и нѣмецкій языкъ. Тахъ тутъ выставлены 30 учебниковъ, написанныхъ для народныхъ училищъ на нѣмецкомъ языкѣ и рядомъ 25 на чешскомъ, 24 на польскомъ, 21 на кроатскомъ, 27 на словенскомъ, 19 на итальянскомъ, 3 на русинскомъ, 14 на румынскомъ и 7 на еврейскомъ языкѣ. Кромѣ того, въ отдѣлѣ „музыки и пѣнія“ мы встрѣчаемъ здѣсь гораздо больше сборниковъ для пѣнія учениковъ на *славянскихъ* нарѣчіяхъ, нежели на *нѣмецкомъ* языкѣ, какъ и собранія пѣсень румынскихъ; особнякомъ выставлены и шесть педагогическихъ журналовъ, появляющихся въ Богеміи на чешскомъ языкѣ, при населеніи въ два милліона, между тѣмъ какъ соплеменный чехамъ русскій народъ, въ сорокъ разъ многочисленнѣе своего собрата, владѣетъ лишь четырьмя педагогическими изданіями, не считая официальныхъ. Другой отличительный признакъ австрійской педагогической выставки состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что вы не встрѣтите ни въ одномъ изъ двѣнадцати педагогическихъ отдѣловъ всемірной выставки такого обилія коллекцій, составленныхъ самими учителями и такого разнообразія ученическихъ работъ, какъ въ австрійскомъ. Таковы, напримѣръ, заслуживающія подражанія и величайшаго сочувствія коллекція народнаго учителя Гриммеля изъ Бадена, близъ Вѣны: вотъ, напримѣръ, его коллекція, озаглавленная „къ статьѣ для чтенія объ овцѣ“; тутъ вы видите собраніе учите-

лемъ ногу овцы, зубы, рогъ, шерсть, кожу, сало, мыло, сукно, гребни и проч.; точно также составлены имъ коллекціи къ статьямъ „о хлопчатой бумагѣ, о льнѣ, о шелковичномъ червѣ“; присмотритесь къ выставленнымъ тѣмъ же учителемъ одиннадцати образцамъ въ спиртѣ различныхъ степеней развитія пчелы, и вы тогда поймете, какое благодарѣніе можетъ оказать народной школѣ учитель составленіемъ коллекцій, для осуществленія которыхъ нужны не деньги, но знаніе дѣла, любовь къ дѣлу и трудъ. А вотъ выставленные чешскими и моравскими народными школами коллекціи различныхъ товаровъ, для изученія домоводства; вотъ оттуда же присланныя коллекціи съмянъ. Всѣ учителя высшаго народнаго училища выставили нарисованную ими для старшаго класса вѣренную имъ школы специальную карту, весьма крупную и художественно исполненную, марграфства Моравіи; вы найдете на этой выставкѣ еще нѣсколько специальныхъ картъ незначительныхъ мѣстностей и представляющихъ лишь окрестности народной школы, нарисованныхъ для школы самими учителями, который пользуется такой картой для уроковъ родиновѣдѣнія, предшествующихъ преподаванію географіи. Тутъ народный учитель выставляетъ коллекцію жуковъ, тамъ коллекцію птичьихъ яицъ, бабочекъ, а учительница изъ Линца г-жа Кольманъ прислала въ Вѣну чрезвычайно изящный гербарій для народнаго училища, расположивъ растенія по мѣсяцамъ, въ которые они цвѣтутъ. Что касается ученическихъ работъ, то, не говоря о томъ, что въ составленіи многихъ изъ выше указанныхъ коллекцій участвовали дѣти, вы встрѣчаете въ австрійскомъ педагогическомъ отдѣлѣ работы учащихся всѣхъ степеней обученія: вы видите тутъ работы дѣтскихъ садовъ, наклеенныя на ширмочки, и въ числѣ послѣднихъ различныя фигуры изъ одноцвѣтныхъ и разноцвѣтныхъ треугольниковъ, плетенье, выкладываніе фигуръ изъ треугольниковъ и палочекъ, вышиванье рисунковъ; особеннымъ изяществомъ отличаются работы дѣтскихъ садовницъ, выставившихъ настолько художественно исполненные (булавками) рельефные рисунки и такія геометрическія тѣла въ ребрахъ изъ лучинъ и гороху, что нужно видѣть эти образцы, для того чтобы представить себѣ совершенство ихъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ работы питомцевъ одного изъ дѣтскихъ садовъ въ Крайніѣ потому, что онѣ свидѣтельствуютъ о стремленіи дирекціи придумать для такъ-называемыхъ Фрѣбелевскихъ работъ практическое примѣненіе: такъ въ этомъ учебномъ заведеніи плетенька изъ бумаги служитъ изящной рамкой для календаря, изъ лучинокъ сдѣланы дѣтскими ящичекъ для платьевъ куклы и т. п. Такое направленіе дѣтскихъ работъ чрезвычайно важно потому, что рядомъ съ эстетическимъ чувствомъ въ дитяти развиваетъ въ немъ

потребность въ производительномъ трудѣ и стремленіе къ самостоятельности и самопомощи. Изъ народныхъ училищъ высланы въ Вѣну не только ученическія тетради цѣлыхъ классовъ съ сочиненіями дѣтей и сдѣланными учителемъ поправками, но образцы рисованія, лѣпки изъ глины и гипсу, географическія карты, модели орудій, гербарій и т. п. Одна изъ вѣнскихъ гимназій выставяетъ 85 добытыхъ въ ея лабораторіи кристалловъ, другая—геометрическіе чертежи цѣлаго класса, третья систематически подобранные образцы стенографическаго письма учениковъ, а министерство выставяетъ отчеты всѣхъ гимназій за 22 послѣднихъ года, обстоятельно оцѣнивающіе ученическія работы; не говорю о томъ, что низшими и средними учебными заведеніями выставлены образцы ученическаго рисованія, причемъ обыкновенно — не отборные листы, но тетради цѣлаго класса. Вѣнское строительное училище выставяетъ портфели съ рисунками столярныхъ и плотничныхъ работъ; изъ Прагскаго промышленнаго училища мы видимъ исполненные учениками рисунки цвѣтовъ, пейзажей, орнаментовъ и пластическихъ моделей; рисунки золотыхъ дѣлъ мастеровъ, систематически расположенные чертежи по механикѣ, столярные конструкторскіе чертежи, начальные архитектурные рисунки, чертежи слесарей и наконецъ издѣлія учениковъ изъ металла, дерева, гипса и глины. Повторяю, что за умѣнье привлечь на выставку работы учителей и учениковъ, за умѣнье выставить все это не для эффекта и привлечь на выставку не дорого стояща, но чрезвычайно полезныя пособія, австрійское министерство заслуживаетъ величайшей признательности всякаго, кому близки интересы воспитанія, и министерству обязана педагогическая выставка Австріи тѣмъ, что она систематичностью и полнотою значительно превосходитъ германскую. Хотите вы, напримѣръ, прослѣдить за преподаваніемъ естественныхъ наукъ въ Австріи, то можете, придерживаясь выставки, начать съ дѣтскихъ садовъ и подняться до университетовъ. Уже работы дѣтскихъ садовъ Австріи, воспроизводящія посредствомъ вышиванья и иными способами очертанія растений и животныхъ, указываютъ на стремленіе школы сблизить ребенка съ природой. Для народнаго училища здѣсь выставлены чрезвычайно крупныя модели цвѣтовъ Бранделя, кромѣ того нѣсколько изданій рисунковъ животныхъ и растений, изданныхъ въ Прагѣ и Вѣнѣ, недурныхъ, но слишкомъ мелкихъ; очень хороши, по выбору сюжетовъ, картины для нагляднаго обученія Либина изъ Праги, но исполнены онѣ плоховато. Къ сожалѣнію, довольно неудобно выставленъ здѣсь изданный государственной типографіей „Зоологическій Атласъ позвоночныхъ животныхъ“, Гризингера, состоящій изъ 200 слишкомъ листовъ съ очень крупными изображеніями

животныхъ, такъ изящно хромофотографированныхъ, что каждая картина годится подъ стекло; при такомъ изяществѣ этотъ атласъ чрезвычайно дешевъ, такъ какъ стоитъ всего около 35 руб. сер., переплетенный въ четыре тома; тѣмъ не менѣе этого пособия, по цѣнѣ его, уже нельзя относить къ числу пособій для народнаго училища, точно также, какъ и весьма замѣчательныя модели грибовъ Гартингера. До изданія Ветштейномъ, въ Цюрихѣ, анатомическихъ рисунковъ, недавно изданные въ Вѣнѣ рисунки такого рода можно было считать и по размѣрамъ, и по цѣнѣ единственными; но въ настоящее время анатомическіе рисунки Кундрата остаются лишь весьма замѣчательнымъ образцомъ хромофотографіи, но не крупнѣе весьма точныхъ рисунковъ Ветштейна, которые мы видѣли въ швейцарскомъ отдѣлѣ, и настолько дороже послѣднихъ, что не выдерживаютъ съ ними, по пользѣ для элементарнаго обученія, и самаго отдаленнаго сравненія. Весьма интересна коллекція извѣстнаго австрійскаго ученаго, Пожорнаго, „натуральныхъ оттисковъ“ листьевъ всѣхъ деревьевъ, встрѣчающихся въ Австріи; по этому простому и въ высшей степени точному способу печатанія, примѣняемому и государственною типографіею въ Вѣнѣ, листъ дерева кладутъ подъ прессъ на такую мягкую металлическую пластинку, на которой всѣ жилки листа могли бы вдавить впадинки, т.-е. запечатлѣться; затѣмъ эту пластинку съ вогнутыми контурами листа покрываютъ краской и печатаютъ. Выставленные въ отдѣлѣ „высшихъ училищъ“ анатомическіе препараты профессора Гиртля и „миниатюрные вулканы изъ сѣры“ профессора Гохштеттера оказываютъ огромную услугу наукѣ; профессоръ Гиртль выставилъ скелеты различныхъ животныхъ и части животнаго организма, сохраненные посредствомъ инъекціи, причемъ достигъ такой точности и такого изящества препаратовъ, о которыхъ до него не могли и мечтать. Профессоръ Гохштеттеръ выставилъ вулканы изъ сѣры, но не слѣженныя этимъ ученымъ, а самостоятельно происшедшіе посредствомъ извѣстныхъ химическихъ процессовъ: на содовыхъ заводахъ остается много сѣры, и Гохштеттеромъ сдѣлано наблюденіе, что если растопить сѣру и затѣмъ дать ей остыть, то на поверхности образуется кора, подъ которой остается жидкая сѣра; послѣдняя стремится проникнуть сквозь трещины коры, образуя изверженіе, при продолжительности котораго образуется вокругъ отверстія, кратера, холмикъ, подобно тому, какъ на вулканахъ; постепенно образуется потокъ расплавленной сѣры изъ кратера, напоминающій потокъ лавы и текущій, подобно послѣднему, по одному изъ боковъ вулкана. Такимъ образомъ почтенному ученому удалось воспроизвести въ лабораторіи во всѣхъ подробностяхъ вулканическія изверженія, и такимъ-то образомъ происшедшіе „ми-

иатюрные вулканы" и выставлены имъ въ педагогическомъ отдѣлѣ всемірной выставки Австріи. Большимъ пробѣломъ этой выставки, сравнительно съ германскою, я считаю отсутствіе коллекцій физическихъ и химическихъ приборовъ для народныхъ училищъ; что же касается зоологическихъ коллекцій, то выставленные здѣсь, хотя и состоятъ изъ весьма отчетливо исполненныхъ чучелъ, но не имѣютъ большой цѣны, такъ какъ не принаровлены къ учебному курсу и къ матеріальнымъ средствамъ народнаго училища.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что австрійская педагогическая выставка, составленная съ величайшимъ знаніемъ дѣла, представляетъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ въ ученomъ и учебномъ отношеніи предметовъ и, представляя разносторонній и полный педагогическій музей, бѣднѣе германской и швейцарской *изданиями и въ продажъ существующими* коллекціями для нагляднаго преподаванія всѣхъ предметовъ элементарнаго курса; это объясняется недавнимъ существованіемъ въ Австріи школы, свободной отъ ига, мѣшавшаго преуспѣянію педагогической дѣятельности. Тѣмъ любопытнѣе встрѣтить здѣсь *единственный* во всей всемірной выставкѣ и, сколько мнѣ извѣстно, и въ торговлѣ, *раскрашенные* и довольно *крупныя* картины для преподаванія всеобщей исторіи, не дорого стоящія (Bilder aus der Geschichte. Hartinger). Но не долго ждать Австріи до появленія обширной педагогической дѣятельности, которая отразится и на количествѣ и качествѣ учебныхъ пособій, издаваемыхъ для школы; за это ручается то, что теперь состоявшаяся педагогическая выставка какъ нельзя яснѣе свидѣтельствуешь о томъ, что въ австрійской школѣ есть жизнь, что народный учитель работаетъ, *создаетъ*, и если это происходитъ еще не вездѣ, то уже во многихъ мѣстностяхъ, которыя прольютъ свѣтъ и на всѣ остальные; это сбудется, если только не наступитъ вновь для Австріи такого времени, когда правительство ея сочтетъ школу за разсадникъ революціи и не станетъ угнетать ее различными мѣрами, недолговѣчными по сравненію съ жизнію народа, но временно отражающимися на школѣ весьма прискорбными послѣдствіями. Преуспѣяніе австрійской школы возможно только при дружныхъ усиліяхъ правительства и самого общества; доказательствомъ того, что общество не относится безучастно къ дѣлу, является на вѣнской всемірной выставкѣ австрійскій школьный домъ, сооруженный на восточной окраинѣ парка австрійскимъ „обществомъ друзей школы": эта двухъ-этажная, довольно обширная постройка, въ которой посѣтитель видитъ классныя комнаты съ учебными пособіями, комнату для руководства и учительскую квартиру; неказистая по наружному виду, внутри она удобна и окружена такимъ школьнымъ садикомъ, какого остается пожелать всякой школѣ.

Если не ошибаюсь, то читателю дано понятие о наиболее замѣчательныхъ явленіяхъ педагогическаго отдѣла вѣнской всемірной выставки 1873 года и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о положеніи дѣла народнаго образованія въ главнѣйшихъ государствахъ Европы и Америки. Хотя, какъ видѣлъ читатель, различные народы нашего времени далеко не одинаково отнеслись къ международному педагогическому состязанію, но послѣднее представляетъ, тѣмъ не менѣе, не мало поучительнаго, свидѣтельствуя объ успѣхахъ наиболее потрудившихся и о стремленіи почти всѣхъ остальныхъ поравняться съ первыми. Вѣнская педагогическая выставка во всякомъ случаѣ настолько полна, что есть намъ чему на ней поучиться; точно также, какъ едва ли не достаточно приведенныхъ мною въ этой статьѣ фактовъ для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что въ наше время только очень немногія государства обходятся безъ обязательности обученія, и что для успѣха школы необходимо теплое участіе общества, поощреніе правительствомъ частной инициативы и непосредственное участіе его самого въ распространеніи образованія.

БАР. Н. КОРЪ.

27 іюня (7 іюля) 1873.

Женева.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое октября, 1873.

Уголовная статистика Россіи за 1872 г. — Собираніе данныхъ. — Судимость въ мировыхъ учрежденіяхъ. — Судимость въ общихъ судахъ. — Вліяніе грамотности, занятій и т. д. — По какимъ преступленіямъ рѣже и по какимъ чаще оправдываютъ присяжные.

Одна изъ самыхъ важныхъ отраслей статистики вообще представляется статистикою уголовной, которая изслѣдуетъ отношеніе между числомъ преступленій всякаго рода и условіями, присущими личности правонарушителей и ихъ быту. Если бы эта статистика приближалась къ идеалу, который начертанъ этимъ опредѣленіемъ, то она дала бы ключъ къ разгадкѣ законовъ, управляющихъ нравственными болѣзнями общества. По самой сущности дѣла, однако, уголовная статистика вынуждена ограничиваться немногими общими шаблонами, подъ которые она подводитъ неуловимое, безконечное разнообразіе условій, при которыхъ преступленія совершились, и такимъ образомъ она должна оставаться весьма далеко отъ идеала. Тѣмъ не менѣе, если бы уголовная статистика вполне осуществляла то, что она осуществить можетъ, т.-е. представляла бы точный и однообразный цифровой сводъ, хотя по такимъ крупнымъ и можно сказать грубымъ фактамъ, какъ численность въ странѣ преступленій по главнымъ ихъ родамъ, возрастъ, полъ и занятія осужденныхъ, наконецъ число судебныхъ дѣлъ въ отношеніи къ числу констатированныхъ случаевъ преступленія, — то она давала бы драгоценный матеріалъ для законодателя и для моралиста. Если бы, напримѣръ, данными уголовной статистики разныхъ странъ можно было безусловно рѣшать вопросы въ родѣ того, имѣетъ ли тягость положенной въ законѣ кары непосредственное вліяніе на число преслѣдуемыхъ

этой карою преступленій—то и тогда криминальная статистика могла бы сдѣлаться важнѣйшей, фактической основой для самой теоріи уголовного права.

Къ сожалѣнію, уголовная статистика, въ томъ видѣ, какъ она представляется доселѣ, не удовлетворяетъ и этимъ, вполне осуществимымъ требованіямъ. Такъ, напр., отношеніе числа судебныхъ дѣлъ къ числу удостовѣренныхъ фактовъ преступленія доселѣ не выяснено съ точностью нигдѣ; вліяніе же тяжести кары на число преступленій, во-первыхъ, не можетъ быть обнаружено безъ уясненія вопроса о томъ, сколько случаевъ преступленія избѣгаютъ всякой кары; во-вторыхъ, не можетъ быть изслѣдуемо путемъ сравненія криминальных цифръ по разнымъ странамъ, потому что самыя эти цифры выводятся далеко не однородно. Въ одной странѣ имѣются только цифры судебныхъ дѣлъ, въ другой цифры обвиняемыхъ лицъ, въ третьей число дѣйствительныхъ осужденій, въ четвертой только цифры слѣдствій. Необходимость однообразія приемовъ по собиранію данныхъ криминальной статистики давно признана публицистами и не разъ была указываема на международныхъ конгрессахъ. Само собою разумѣется, что достовѣрность и точность данныхъ еще важнѣе, чѣмъ однообразіе. Если общія данныя будутъ выводиться изъ вѣдомостей, кое-какъ составленныхъ писцами, для исполненія требуемой формальности, то вся работа не можетъ имѣть значенія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, именно въ отношеніи точности и достовѣрности данныхъ, система, принятая въ недавнее время у насъ въ Россіи, представляетъ вполне надежную гарантію. Вмѣсто извлеченія общихъ выводовъ изъ отчетныхъ вѣдомостей, представляемыхъ судебными мѣстами, какъ то дѣлается почти вездѣ въ Европѣ, у насъ теперь принята система отдѣльныхъ списковъ по каждому дѣлу, какъ о самомъ движеніи его въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и о личности судимыхъ; затѣмъ вся статистическая работа, то-есть группированіе и перечисленіе единичныхъ фактовъ и извлеченіе общихъ выводовъ по принятымъ подраздѣленіямъ — исполняется въ особомъ, центральномъ учрежденіи — статистическомъ отдѣленіи департамента министерства юстиціи. На основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ въ 1871 году, по каждому дѣлу, возникшему съ 1 января 1872 г. въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, судебный слѣдователь, при началѣ дѣла, посылаетъ уведомленіе о немъ въ статистическое отдѣленіе и вмѣстѣ подшиваетъ къ дѣлу бланкъ съ подраздѣленіями, на которомъ потомъ всѣ мѣста, къ которымъ переходитъ дѣло, отмѣчаютъ его движеніе; на особомъ статистическомъ листѣ при бланкѣ

тотъ членъ суда, которому поручено изложеніе приговора, отмѣчаетъ всѣ требуемыя свѣдѣнія о личности подсудимаго, все равно, былъ ли онъ оправданъ или обвиненъ. Эти бланки, т.-е. вѣдомость о движеніи дѣла и статистическій листокъ, по окончаніи дѣла вышиваются изъ него и отправляются въ статистическое отдѣленіе департамента министерства юстиціи. Если же къ началу новаго года дѣло еще не окончено, то судебное мѣсто или лицо, у котораго оно въ то время находится, посылаетъ въ статистическое отдѣленіе копію съ вѣдомости о движеніи дѣла. Такимъ образомъ, министерство имѣетъ самыя точныя свѣдѣнія о всѣхъ производящихся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ дѣлахъ (по первоначальному увѣдомленію), о порядкѣ движенія дѣлъ оконченныхъ по разнымъ судебнымъ инстанціямъ (по подлинной вѣдомости производства дѣла), о личности судившихся (по статистическому листу) и о дѣлахъ, оставшихся къ 1-го января нерѣшенными во всѣхъ общихъ судебныхъ установленіяхъ имперіи (по копіямъ съ вѣдомостей, остающихся при неоконченныхъ дѣлахъ). Ясно, что такой системою достигается, во-первыхъ, точность единичныхъ данныхъ, во-вторыхъ, правильность статистическихъ выводовъ, порученныхъ спеціальному мѣсту, въ-третьихъ наконецъ — удобство контроля надъ самымъ производствомъ дѣлъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ никакой обременительной работы на судебныхъ мѣста эта система не возлагаетъ, такъ какъ занесеніе краткихъ отмѣтокъ въ бланки цѣлымъ рядомъ лицъ, въ разное время, на практикѣ менѣе обременительно, чѣмъ составленіе цѣльныхъ отчетныхъ вѣдомостей съ классификаціей и вычисленіями.

Изданный недавно министерствомъ юстиціи сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, возникшимъ въ 1872 году, заключаетъ въ себѣ интересныя данныя, въ достовѣрности которыхъ ручается самый способъ собиранія свѣдѣній, изложенный выше. Собственно о рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ этотъ первый статистическій сводъ не могъ дать полныхъ цифръ потому, что въ него вошли только свѣдѣнія о дѣлахъ, возникшихъ въ 1872 году и, стало быть, поступившихъ въ окружныя суды, и тѣмъ болѣе въ высшія инстанціи, только со второй половины и даже съ конца 1872 г., такъ какъ судебныя мѣста могли приступить къ разсмотрѣнію дѣлъ только по окончаніи слѣдствій, составленіи обвинительныхъ актовъ и минованіи установленныхъ сроковъ. Понятно, что чѣмъ выше инстанція суда, тѣмъ менѣе дѣлъ, возникшихъ въ 1872 году, могло дойти до нея въ теченіи 1872 г.; чѣмъ выше инстанція, тѣмъ болѣе въ ней остава-

лось въ 1872 году въ производствѣ дѣлъ, возникшихъ въ прежніе годы; а потому мы оставимъ въ сторонѣ цифры о числѣ дѣлъ, производившихся въ разныхъ инстанціяхъ, такъ какъ онѣ на нынѣшній разъ не могутъ еще представить собою полной картины дѣятельности судебныхъ мѣстъ за истекшій годъ. Обратимся прямо ко 2-й части книги, содержащей въ себѣ свѣдѣнія о лицахъ, судившихся въ 1872 г. въ мировыхъ учрежденіяхъ, и лицъ, судившихся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, и начнемъ со статистики мировой юстиціи, которая обнимаетъ 41 губернію съ населеніемъ въ 55½ милл. лицъ обоого пола. Собранныя здѣсь данныя касаются только такихъ преступленій, за которыя мировыми учрежденіями налагаются наказанія не ниже тюремнаго заключенія; судимость по проступкамъ, подлежащимъ меньшимъ наказаніямъ, оставлена здѣсь въ сторонѣ.

Число подсудимыхъ въ мировыхъ учрежденіяхъ по такимъ, болѣе крупнымъ дѣламъ, возникшимъ въ 1872 г., простиралась до 36,368 лицъ, что составляло въ сравненіи съ цифрою населенія отношеніе 1 подсудимаго на 1,528 жителей. Отношеніе это весьма неодинаково по различнымъ мѣстностямъ. Такъ, въ Петербургской губерніи 1 подсудимый приходился на 369 жителей, въ Московской 1 на 530 жителей, въ Херсонской губерніи на 695; между тѣмъ, какъ въ губерніяхъ Волинской, Минской и Подольской приходился 1 подсудимый на 4000 жителей, а въ землѣ Войска Донскаго даже 1 подсудимый на 8000 жителей. Изъ приведеннаго итога 36,368 подсудимыхъ, огромное большинство, а именно 26,589, судились по обвиненію въ кражѣ; затѣмъ слѣдуютъ подсудимые по обвиненію въ покушеніи на кражу — 3,836; далѣе по порядку цифръ по обвиненію въ присвоеніи и растратѣ чужого имущества, въ нищенствѣ, въ обманѣ при торговлѣ, обманахъ иного рода, покупкѣ краденаго, присвоеніи находки или вклада и наконецъ въ укрывательствѣ отъ рекрутства (всего 15 подсудимыхъ, по послѣднему обвиненію).

Замѣчательнъ фактъ, что почти двѣ-трети подсудимыхъ состояли въ бракѣ (21,697 женатыхъ, 10,766 холостыхъ и 2,381 вдовыхъ обоого пола), и такое отношеніе оказывается не только въ совокупности подсудимыхъ всѣхъ мѣстностей, но и по отдѣльнымъ мѣстностямъ неизмѣнно. А такъ какъ огромное большинство преступленийъ этой категоріи составляетъ кража, то изъ приведеннаго отношенія видно, какъ мало обезпеченъ у насъ въ массѣ семейный бытъ, и вмѣстѣ какъ мало онъ оказываетъ вліянія въ смыслѣ болѣе правильной и сдержанности жизни. Цифры свода относительно процента неграмотныхъ въ числѣ подсудимыхъ мы никакъ не мо-

жемъ принять въ томъ значеніи, какое имъ придаютъ авторы свода. Изъ того факта, что 26,944 или почти $\frac{3}{4}$ числа подсудимыхъ были совершенно безграмотны, авторы выводятъ заключеніе, что „неграмотность, дѣйствительно, оказывается вліятельнымъ факторомъ преступленія“. Европейская статистика показываетъ, что одна грамотность, если имѣетъ вліяніе на число такихъ преступленій, какъ мелкая кража и обманъ, то скорѣе въ томъ смыслѣ, что грамотныхъ бываетъ обвиняемо въ нихъ болѣе, чѣмъ приходилось бы по проценту грамотныхъ въ числѣ населенія. То же оказывается и у насъ изъ самыхъ цифръ свода. Если цѣлая четверть, судимыхъ, главнымъ образомъ, за кражу и обманъ, оказывается грамотныхъ, то явленіе это неблагопріятное. Изъ рекрутскихъ списковъ извѣстно, что грамотные мужчины составляютъ въ Россіи 11% населенія; принявъ въ расчетъ женщинъ, этотъ процентъ долженъ сильно понизиться; между тѣмъ, въ числѣ судимыхъ за мелкую кражу и обманъ оказывается до 25% грамотныхъ, стало-быть неправильно заключать, что „неграмотность оказывается вліятельнымъ факторомъ преступленія“ (т.-е. именно этого рода преступленій). Что 75% подсудимыхъ были неграмотны, зависѣло просто оттого, что болѣе 90% населенія неграмотны, и сравненіе этихъ двухъ цифръ показываетъ, что неграмотныхъ обвинялось въ кражѣ сравнительно гораздо меньшее число, чѣмъ грамотныхъ.

Если же взять отдѣльно цифры для губерній, то оказывается, что въ тѣхъ двухъ губерніяхъ, гдѣ процентъ грамотныхъ въ населеніи можно предполагать выше средняго уровня, именно въ губерніяхъ Петербургской и Ярославской, подсудимыхъ грамотныхъ было 40% общаго числа—процентъ весьма неутѣшительный. Повторяемъ, что эти выводы согласны съ тѣми, какіе представляетъ криминальная статистика другихъ странъ Европы. Общій законъ, насколько онъ могъ выясниться далеко не вполне точными и не вполне однородными данными по разнымъ странамъ, состоитъ, повидимому, въ томъ, что первоначальное умственное развитіе, какое представляется грамотностью, уменьшаетъ только случаи грубаго насилія, но случаевъ похищенія не уменьшаетъ, а, наоборотъ, умножаетъ случаи обмана и вообще тѣхъ преступленій, въ которыхъ видно обращеніе злой воли къ самому умственному развитію, какъ средству уменьшить опасность преступленія.

Цифры свода о числѣ подсудимыхъ въ мировыхъ учрежденіяхъ по роду занятій въ своей совокупности также не даютъ повода къ выводамъ, потому что огромное число подсудимыхъ естественно при-

надлежали къ людямъ занятій, наиболѣе распространенныхъ среди населенія, какъ-то: хлѣбопашамъ (14,276), поденщикамъ (7,924), ремесленникамъ и т. д. По родамъ преступленій оказывается, что въ числѣ судимыхъ за нищенство было наиболѣе поденщиковъ—явленіе вполнѣ естественное, такъ какъ поденщики наименѣе обеспечены въ средствахъ существованія. Замѣчательно, что число лицъ, обвинявшихся въ нищенствѣ въ Московской губерніи, составляло почти *половину* всѣхъ нищихъ, судившихся въ остальныхъ губерніяхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Такой фактъ былъ бы поистинѣ поразителенъ, если бы мы могли принять, что во всѣхъ губерніяхъ нищенство преслѣдуется равномѣрно; тогда указанное явленіе представлялось бы даже невѣроятнымъ по своимъ размѣрамъ. Но допуская, что въ болѣе отдаленныхъ отъ столицъ мѣстностяхъ нищенство преслѣдуется гораздо слабѣе, мы все-таки должны признать, на основаніи приведеннаго факта, огромное развитіе нищенства въ Московской губерніи и можемъ догадываться о двухъ главныхъ причинахъ этого явленія. Во-первыхъ, Московская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди губерній фабричныхъ, и цѣлая треть подсудимыхъ въ Московской губерніи оказываются поденщики. Во-вторыхъ, большое число церквей и монастырей, около которыхъ стекаются нищие, и существующій въ Московской губерніи еще прочнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, восточный взглядъ на благотворительность, представляющій дѣломъ богоугоднымъ всякое подаваніе, независимо отъ лица, которому оно предоставляется, составляютъ, по всей вѣроятности, другую дѣйствующую здѣсь причину.

Авторы свода, которые, при обсужденіи вліянія неграмотности на число преступленій, упустили изъ виду отношеніе числа неграмотныхъ къ общему числу населенія, воздержались, однако, отъ подобныхъ же выводовъ, когда пришли къ распредѣленію подсудимыхъ по исповѣданіямъ; иначе имъ пришлось бы толковать въ прямомъ же смыслѣ огромное преобладаніе въ числѣ подсудимыхъ — лицъ православнаго исповѣданія, т.-е. фактъ, зависящій, очевидно, только оттого, что вся масса народа принадлежитъ къ православію, какъ мы выше замѣтили, что вся масса народа неграмотна. Здѣсь авторы свода справедливо замѣчаютъ, что „вліяніе религіи на преступность выразилось бы яснѣе при сравненіи цифръ судебной статистики съ статистикою населенія“. Это еще слишкомъ слабо сказано; слѣдуетъ сказать, что только послѣ такого сравненія и можно бы дѣлать какое-либо заключеніе о вліяніи того или другого исповѣданія на преступность (въ смыслѣ уменьшенія числа преступленій, конечно). Чтобы

сдѣлать такое сравненіе, надо помнить, что рѣчь идетъ не о всемъ населеніи Россіи, но только о 55¹/₂ милл. населенія губерній, имѣющихъ мировыя учрежденія. Изъ цифръ, приводимыхъ въ сводѣ: на 37,368 подсудимыхъ 28,382 — православныхъ, 1,738 евреевъ, 1,735 лицъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, 1,171 магометанъ, и 810 раскольниковъ, заслуживаютъ вниманія только двѣ цифры — 1,738 евреевъ и 810 раскольниковъ. Во всей Европейской Россіи евреевъ считается только 1.631,766 душъ, иновѣрныхъ христіанъ 2.083,152 д. и раскольниковъ (официальная цифра) 801,745. Если съ этими цифрами сравнить приведенныя цифры судимости, то окажется, что подсудимыхъ раскольниковъ приходилось примѣрно 1 чел. на 1,000 душъ населенія, подсудимыхъ иновѣрныхъ христіанъ примѣрно 0,9 на 1,000 душъ, евреевъ же примѣрно 1,1 на 1,000. Итакъ, наиболѣе благопріятно отношеніе у иновѣрныхъ христіанъ, затѣмъ у раскольниковъ и наименѣе благопріятно у евреевъ. Но такъ какъ официальная цифра раскольниковъ, какъ извѣстно, далеко ниже дѣйствительной (по всей вѣроятности, въ 10 или 12 разъ ниже), и такъ какъ на судѣ фактъ принадлежности подсудимыхъ къ расколу долженъ былъ обнаруживаться гораздо легче, чѣмъ при переписи населенія, то мы, очевидно, должны допустить, что наиболѣе благопріятное отношеніе судимости къ числу населенія должно предполагать именно у раскольниковъ. Здѣсь статистика можетъ только подтвердить общезвѣстный изъ частныхъ наблюденій фактъ, что въ кражѣ, обманѣ, нищенствѣ и др. видахъ преступленія, подлежащихъ мировой юстиціи и влекущихъ за собой наказанія не ниже тюремнаго заключенія, наши раскольники обвиняются весьма рѣдко. Затѣмъ остается замѣчательный фактъ высокой цифры судимости среди евреевъ, тѣмъ болѣе замѣчательный, что евреевъ, обвинявшихся въ одномъ изъ главныхъ видовъ преступковъ, — въ нищенствѣ, было весьма мало (всего 11), такъ что судились евреи, главнымъ образомъ, за кражу (1,200), покушеніе на кражу (175) и разные виды обмана (228). Эти факты объясняются совершенно просто положеніемъ евреевъ: скученные массами въ городахъ немногихъ губерній, со слабымъ спросомъ на ремесла, евреи (мы говоримъ о массѣ) находятся въ положеніи худшемъ, чѣмъ поденщики въ Московской губерніи; надежды на подаваніе отъ христіанъ они имѣть не могутъ, если бы тому не препятствовала уже самая ихъ религія; затѣмъ совершенно понятно, что ихъ правонарушенія и обращаются почти исключительно на присвоеніе чужой собственности кражей или обманомъ.

Перейдемъ теперь къ преступленіямъ болѣе важнымъ, а именно цифрамъ судимости не въ мировыхъ учрежденіяхъ, но въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. По дѣламъ, возникшимъ въ 1872 году, ружными судами и судебными палатами въ теченіе того же года постановлено было приговоры о 3,777 лицахъ. Наибольшее число зиняемыхъ было въ петербургскомъ окружномъ судѣ (425), затѣмъ пензенскомъ (205), одесскомъ (200) и т. д. Изъ общаго числа зиняемыхъ, т.-е. изъ 3,777 лицъ осуждено 2,851, т.-е. почти 76%, въ нихъ при участіи присяжныхъ 1822, т.-е. около 64%, и безъ участія присяжныхъ 1,029 (около 36%). Оправдано 926 (болѣе 24%), томъ числѣ 720 при участіи присяжныхъ и 206 безъ участія ихъ. Для того, чтобы правильно судить о томъ, каково бываетъ отношеніе числа оправданій къ числу осужденій, надо взять иныя цифры. Само собою разумѣется, что число осужденій, какъ и число оправданій, при участіи присяжныхъ, бываютъ значительнѣе, просто потому, что большинство дѣлъ производится при участіи присяжныхъ. Если мы возьмемъ цифры приговоры отдѣльно по дѣламъ, судившимся съ присяжными и безъ присяжныхъ, для примѣра, по тремъ дѣламъ: петербургскому, московскому и одесскому. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ присяжные осудили 237 чел., а 98 (т.-е. менѣе трети его числа) оправдали; безъ участія же присяжныхъ осуждено 72, только 18 (т.-е. одна пятая) оправданы. Въ московскомъ судѣ присяжные осудили 81 чел., а 42 (т.-е. треть) оправдали; безъ участія же присяжныхъ осуждено 63, а оправдано только 5 (т.-е. $\frac{1}{13}$). Въ одесскомъ судѣ присяжные осудили 72 чел., а 43 оправдали (т.-е. около трети); безъ участія же присяжныхъ осуждено 61 и оправдано 24 (менѣе трети). Изъ этихъ примѣровъ видно, что, вообще говоря, судъ безъ присяжныхъ судить строже, но что присяжные вовсе уже не произносятъ такъ много оправдательныхъ приговоровъ, какъ то иногда говорится.

Если теперь мы просмотримъ оправдательные вердикты присяжныхъ, то увидимъ, что всего строже присяжные судятъ за оскорбленіе религіозныхъ понятій, затѣмъ за кражу, потомъ за всѣ виды личнаго насилія и жестокости уже гораздо слабѣе, наконецъ, за преступленія противъ разныхъ правилъ (паспортныхъ, полицейскихъ и другихъ), а также за нѣкоторыя преступленія, съ которыми слишкомъ освоился народъ, напр., кровосмѣшеніе, мздоимство и лихоимство—всего слабѣе. Мы составили изъ цифръ осужденій и оправданій, произнесенныхъ присяжными во всѣхъ губерніяхъ, слѣдующую таблицу по 18 видамъ преступленій, въ которой сравнительная стро-

гость присяжныхъ выражена отношеніемъ числа осужденій къ числу оправданій въ формѣ дробей, имѣющихъ въ числитель цифру осужденій, а въ знаменатель — цифру оправданій. Величина этихъ дробей и показываетъ степень строгости присяжныхъ къ разнымъ видамъ преступленія, которые и приведены нами въ той постепенности, какъ они, повидимому, вызываютъ строгость присяжныхъ.

Минимумъ 3 осужденія на 1 оправданіе.

1) Богохуленіе и порицаніе вѣры.	$\frac{2}{0}$	осужденій. оправданій.
2) Оскорбленіе святыни	$\frac{1}{0}$	
3) Кража.	$\frac{1414}{421}$	
4) Умышленное убійство.	$\frac{57}{18}$	
5) Растлѣніе.	$\frac{3}{1}$	

Отъ 2 до 1 осужденія на 1 оправданіе.

6) Святотатство.	$\frac{14}{7}$	осужденій. оправданій.
7) Разбой	$\frac{10}{6}$	
8) Изнасилованіе	$\frac{3}{2}$	
9) Грабежъ	$\frac{121}{78}$	
10) Преступленіе противъ повинности военной службы. }	$\frac{8}{6}$	
11) Нанесеніе ранъ и увѣчья	$\frac{33}{25}$	
12) Умышленный поджогъ.	$\frac{31}{24}$	
13) Сопротивленіе и неповиновеніе рас- поряженіямъ правительства. . . }	$\frac{5}{5}$	

Осужденій меньше, чѣмъ оправданій.

14) Ереси и расколы	$\frac{3}{5}$	осужденій. оправданій.
15) Праздношатаваніе и нарушеніе по- становленій о паспортахъ. . . }	$\frac{13}{25}$	
16) Поддѣлка кредитныхъ билетовъ. .	$\frac{1}{4}$	
17) Мздоимство и лихоимство	$\frac{2}{8}$	
18) Кровосмѣшеніе.	$\frac{0}{4}$	

Само собою разумѣется, что при небольшомъ числѣ дѣлъ, по нѣкоторымъ видамъ преступленій, успѣвшемъ окончиться въ нѣсколько гѣснцевъ въ окружныхъ судахъ, настоящія цифры не могутъ еще служить прочными данными для выводовъ. Однако разница въ отношеніи осужденій къ оправданіямъ по нѣкоторымъ преступленіямъ толь велика (напр., за кражу относительно вдвое болѣе осужденій, чѣмъ за увѣчья), что нѣкоторыя и изъ этихъ цифръ имѣютъ уже безспорное значеніе. Во всякомъ случаѣ, впредь до полученія картины болѣе широкой, мы можемъ принять и эту таблицу за наглядный очеркъ возрѣній русскаго средняго общества, представляемаго присяжными, на разные преступления. Тягчайшимъ преступленіемъ представляется богохуленіе, которое западно-европейскими законодательствами вовсе и не преслѣдуется, какъ подлежащее единственно церковнымъ карамъ. Затѣмъ, присяжные строже всѣхъ преступленій относятся къ кражѣ. Взглядъ этотъ обусловленъ тѣмъ, что у насъ въ составѣ присяжныхъ преобладаютъ городскіе торговцы и крестьяне, которые рѣшаютъ согласно съ ними. А для городского торговца, что хуже кражи? Отъ разбоя, грабежа убежаться можно—не ходи пѣшкомъ по дорогамъ; отъ нанесенія увѣчья хуже—не ходи въ такія мѣста, гдѣ дерутся, а если увѣчье нанесется дома мужемъ женѣ или родителями дѣтямъ—мужу и родителямъ должна принадлежать власть карать подвластныхъ и мало ли кому, даже богатому кунцу, случается во хмѣлю ударить покрѣпче, чѣмъ бы надо. Другое дѣло—кража; отъ нея нѣтъ спасенія, и не дай Богъ оправдать въ самомъ дѣлѣ вора; лучше оправдать виновнаго во всякой жестокости, потому что кража дѣло повадное, а въ истязаніи кому користь?

Что таковъ именно взглядъ присяжныхъ, обнаруживается цѣлымъ рядомъ вердиктовъ по отдѣльнымъ уголовнымъ дѣламъ, и подтверждается лучше всего сравненіемъ между числомъ оправданій по обвиненію въ кражѣ и числомъ оправданій по обвиненію въ нанесеніи ранъ и увѣчья, потому именно, что указанное нами отношеніе осужденій къ оправданіямъ въ обоихъ этихъ случаяхъ не можетъ быть объясняемо ничѣмъ, кромѣ нравственнаго мотива. Мы можемъ, на примѣръ, допустить, что оправданія весьма часты по обвиненію въ умышленномъ поджогѣ и въ поддѣлкѣ и выпускѣ кредитныхъ билетовъ собственно потому, что въ обоихъ этихъ случаяхъ трудно доказать виновность. Но виновность въ нанесеніи увѣчья доказывается весьма легко и еще гораздо легче, чѣмъ виновность въ кражѣ; а между тѣмъ, обвиненный въ нанесеніи увѣчья имѣетъ предъ

присяжными 2 шанса на 5-ть быть оправданнымъ, между тѣмъ какъ обвиненный въ кражѣ имѣетъ только менѣе 1-го шанса на 4-ре быть оправданнымъ. А если сообразить, что всѣ случаи самаго возмутительнаго тиранства надъ женщинами и дѣтьми относятся именно къ категоріи нанесенія ранъ и увѣчья, а между тѣмъ по числу осужденій этотъ видъ преступленій занимаетъ въ нашей таблицѣ 11-е мѣсто, то и приходится признать, что средняго русскаго челоуѣка фактъ жестокости и насилія самъ по себѣ возмущаетъ сравнительно еще весьма мало. Мы видимъ, что даже умышленное убійство занимаетъ въ нашей таблицѣ только 4-е мѣсто по смыслу вердиктовъ, что къ убійству, растлѣнію, изнасилованію присяжные относятся менѣе строго, чѣмъ къ кражѣ, не говоря уже о богохуленіи и оскорбленіи святыни. Эти факты говорятъ, разумѣется, не противъ суда присяжныхъ: народъ долженъ судиться по понятіямъ лучшихъ своихъ людей. Но эти факты показываютъ, что должно быть приложено всякое стараніе къ тому, чтобы въ составъ присяжныхъ, дѣйствительно, входили лучшіе люди народа, т.-е. наиболѣе образованные, что порядокъ составленія списковъ присяжнымъ долженъ подлежать значительному улучшенію, какъ мы уже говорили о томъ однажды, при обсужденіи значенія большаго числа оправданій, произносимыхъ нашими присяжными по нѣкоторымъ родамъ преступленія.

Таблица наша показываетъ еще, что присяжные, столь строгіе въ дѣлахъ оскорбленія вѣры, между тѣмъ относятся снисходительно къ расколу, и что въ числѣ преступленій, къ которымъ они склонны относиться наиболѣе мягко, находятся такіа, какъ нарушеніе правилъ о паспортахъ, мздоимство и лихоимство и кровосмѣшеніе. Какъ ни малы еще собранныя доселѣ цифры, но мы видимъ уже изъ этихъ послѣднихъ фактовъ, что обозначаемая ими картина все-таки вполне соотвѣтствуетъ условіямъ русскаго народнаго быта.

Выводъ свода объ отношеніи грамотныхъ и неграмотныхъ въ числѣ судившихся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ также не убѣдителенъ, какъ тотъ же выводъ свода касательно судимости въ мировыхъ учрежденіяхъ.

Неграмотныхъ осуждено 1997 (70%), грамотныхъ 744 (около 27%), а получившихъ высшее образованіе 3 (1/2%). „Не говоря уже о громадной разницѣ между числами неграмотныхъ и получившихъ высшее образованіе“, замѣчено въ сводѣ, „даже число первыхъ къ числу грамотныхъ относится почти какъ 8 къ 3“. Но это, все-таки, происходитъ главнымъ образомъ оттого, что число неграмотныхъ въ

населеніи къ числу грамотныхъ относится болѣе чѣмъ какъ 90 къ 10. Здѣсь, чтобы получить сколько-нибудь поучительныя цифры, надлежитъ различать роды преступленій. Мы не хотимъ утомлять читателей слишкомъ длиннымъ рядомъ цифръ, но замѣтимъ, что по всѣмъ родамъ преступленій процентъ грамотныхъ, относительно говоря, весьма великъ. Насколько можно судить по этимъ первымъ цифрамъ, въ отношеніи къ Россіи не оправдывается и тотъ замѣченный въ Европѣ законъ, что грамотность имѣетъ вліяніе на уменьшеніе наиболѣе грубыхъ видовъ насилія. Въ числѣ осужденныхъ за убійство грамотные составляли болѣе 27%¹⁾, въ числѣ осужденныхъ за грабежъ 23%. Изъ этого, однако, нелѣпо было бы выводить заключеніе, что грамотность ведетъ къ умноженію числа преступленій.

Упомянемъ еще нѣкоторыя изъ цифръ свода, имѣющихъ значеніе. Въ числѣ осужденныхъ общими судебными мѣстами женщины составляли всего 9%. Изъ 58 лицъ, осужденныхъ за умышленное убійство, 11 были супругами убитыхъ ими—число поразительно большое. Изъ 58, признанныхъ виновными въ умышленномъ убійствѣ, 38 осуждены были въ каторжныя работы; затѣмъ, сослано на поселеніе и житье 12 лицъ, заключено въ рабочій домъ 2, въ тюрьму 2, а 4 только подвергнуты аресту; 23 лицамъ изъ 58 наказаніе было уменьшено въ виду признанія облегчающихъ обстоятельствъ. Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ 4 умышленныхъ убійцъ подвергнуты только аресту, такъ какъ поединки въ число умышленныхъ убійствъ не входятъ, но считаются особо. Въ заключеніе нельзя не сказать, что вѣдомости свода составлены превосходно, по раціональной системѣ, такъ что включаютъ дѣленія именно по наиболѣе важнымъ вопросамъ криминалистики, и такъ какъ при принятomъ порядкѣ собиранія данныхъ въ точности и достовѣрности ихъ не можетъ быть малѣйшаго сомнѣнія, то при продолженіи такого полезнаго дѣла мы будемъ имѣть, чрезъ нѣсколько лѣтъ, вполне достаточное и твердое основаніе для сужденій окончательныхъ по всѣмъ вопросамъ, которыхъ нынѣ, при малости нѣкоторыхъ цифръ, можно было коснуться только болѣе или менѣе гадательно.

¹⁾ 16 на 58; въ сводѣ по ошибкѣ поставлено 3%.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое октября, 1873.

Виды реставраціи во Франціи. — Новѣйшее заявленіе гр. Шамбора. — Приѣздъ Виктора-Эммануила въ Вѣну и Берлинъ. — Италія между Франціею и Германіею.

Самыя простыя вещи иногда вызываютъ наиболѣе удивленія. Такъ, большинство европейской печати, надѣливъ сперва французскаго претендента, графа Шамбора, такими намѣреніями, которыхъ не могъ имѣть человекъ въ здоровомъ умѣ, какой бы фанатикъ онъ ни былъ, — въ прошломъ мѣсяцѣ много удивлялось тому „неожиданному повороту“, какой будто бы совершился въ образѣ мыслей главы легитимизма. Дѣло въ томъ, что изъ Фросдорфа получены были извѣстія, что Генрихъ V воевать съ Италіею для возстановленія нами не хочетъ, не забылъ, что Людовикомъ XVIII дана была Франціи конституціонная хартія, и не намѣренъ октроировать новой, менѣ либеральной конституціи, но напротивъ, полагаетъ, что конституція 1814 года должна быть подвергнута нѣкоторымъ измѣненіямъ въ „современномъ духѣ“; наконецъ, вовсе не предлагаетъ французамъ бѣлое знамя вмѣсто самого себя, но говорить о своихъ правахъ на престолъ, а о знамени хотя и не говорить ничего яснаго, но не придаетъ и вопросу о немъ первостепеннаго значенія. До какой степени въ наше время трезвость и правда въ оцѣнкѣ людей и положеній исчезли за преувеличеніями партій — видно уже изъ того всеобщаго удивленія, какое возбудило такое „неожиданное настроеніе“ графа Шамбора, ставшее извѣстнымъ вслѣдствіе поѣздки въ Фросдорфъ членовъ правой стороны Мервелль-Дювиньё и де-Сюни, которые потомъ сообщили свои впечатлѣнія парижскому корреспонденту газеты „Times“. Всѣ заговорили о „неожиданномъ поворотѣ“. Между тѣмъ, никакого поворота въ томъ, что до сихъ поръ сообщено, еще нѣтъ, и удивляться тутъ рѣшительно нечему. Надо полагать, что всякій, кто хоть сколько-нибудь вѣрилъ въ воз-

возможность воцаренія Генриха V во Франціи, предполагать въ претендентѣ хотя бы и фанатика, но не сумасшедшаго человѣка. Вести же Францію на войну въ пользу свѣтской власти папы на Италію, т.-е. единственнаго союзника, на котораго могла бы разсчитывать Франція, имѣя еще противъ себя всю силу германской имперіи, и отрицать конституцію 1814 года, которая была дана Франціи легитимнымъ же королемъ, дѣдомъ претендента,—объ этомъ могъ бы помышлять только сумасшедшій. Пусть радикальная печать въ Италіи показываетъ видъ, будто Италіи грозитъ опасность со стороны Франціи; пусть нѣмецкая печать, при каждомъ упоминаніи имени Шамбора, говоритъ о неминуемости похода клерикальнаго короля и клерикальнаго общества Франціи въ защиту папы, ясно, что итальянскіе радикалы говорятъ это изъ оппозиціи своему королю и своему правительству, а нѣмецкая печать поддерживаетъ этимъ германскаго канцлера въ его борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ въ самой Германіи, стараясь придать нѣмецкому ультрамонтанству измѣнническій характеръ союза съ Франціею. „Кельнская Газета“, напримѣръ, постоянно твердитъ, что только страхъ передъ карамъ закона о печати удерживаетъ католическую печать Германіи отъ открытаго заявленія ея надежды на Францію для разрушенія великаго дѣла германскаго единства. Понятно, что съ другой стороны клерикальная печать во Франціи представляетъ дѣло графа Шамбора своимъ дѣломъ, и это вѣрно, такъ какъ, безъ сомнѣнія, правленіе Генриха V было бы самымъ клерикальнымъ изъ всѣхъ возможныхъ во Франціи правленій. Но, связывая дѣло третьей реставраціи во Франціи съ дѣломъ свѣтской власти папы, и клерикальныя газеты идутъ далѣе того, чему сами могутъ вѣрить въ дѣйствительности. Имъ хотѣлось бы, чтобы воцареніе Генриха V было обставлено такъ, чтобы онъ впоследствии былъ обязанъ, если не вести войну съ Италіею, то все-таки дѣйствовать въ пользу свѣтской власти папы путемъ представленій и посредствомъ союза съ вѣнскимъ дворомъ. Вся республиканская, орлеанистская и бонапартистская печать во Франціи совершенно сходится въ настоящемъ случаѣ съ нѣмецкими національными органами, и самымъ безусловнымъ образомъ связываетъ возстановленіе легитимной монархіи съ мыслью о войнѣ противъ Италіи за папу, потому, что разсчитываетъ вредить этимъ успѣху кандидатуры гр. Шамбора во Франціи. Англійская консервативная печать дѣйствуетъ точно также подъ вліяніемъ стараго протестантскаго антагонизма католичеству, которому реставрація, во всякомъ случаѣ, была бы благопріятна; либеральная англійская печать твердитъ то же согласно съ французскими республиканцами, которымъ сочувствуетъ, а либеральная печать въ Бель-

гін еще больше старается помѣшать кандидатурѣ Шамбора, потому что клерикализмъ силенъ въ самой Бельгій и теперь, когда на границѣ этой страны еще не видно бѣлаго знамени потомка св. Людовика.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ, изъ самыхъ различныхъ, а отчасти прямо противоположныхъ видовъ, вся вліятельная европейская печать твердитъ одно и то же: друзья Мадзини сходятся съ друзьями Дизраэли, черная фаланга іезуитовъ вопіетъ то же, что кричать обожатели деревъ свободы; друзья Гамбетты, друзья Бисмарка, и приверженцы третьяго Наполеона разъ въ жизни всѣ сошлись въ одномъ общемъ крикѣ: реставрація означаетъ войну Франціи съ Италіею за папу! Но всѣ эти авгуры, предрекающіе ближайшую будущность Франціи, очень хорошо знаютъ, что дѣлають, и при взглядѣ другъ на друга, еще сильнѣе взаимной ненависти, ихъ долженъ разбирать общій смѣхъ.

Для чего мы останавливаемся на этомъ странномъ явленіи и стараемся разъяснить противоположныя причины кажущагося согласія общественнаго мнѣнія всей Европы? Не съ той цѣлью конечно, чтобы возбуждать въ русскомъ читателѣ какое-либо сочувствіе къ графу Шамбору, или хотя бы уменьшить антипатію къ этому претенденту. Пусть графъ Шамборъ не есть сумасшедшій и потому не будетъ воевать съ Италіею, однако несомнѣнно, что если онъ воцарится во Франціи, то будетъ клонить ее назадъ, къ старому порядку, къ средневѣковому фанатизму, въ ту мрачную, дѣпящую холодомъ тѣнь, которая столько вѣковъ падала на человѣчество со скалы св. Петра въ Римѣ. Насколько одинъ человѣкъ, но—король, можетъ сдвинуть свою страну въ иную умственную сферу, настолько Генрихъ V безъ всякаго сомнѣнія постарался бы закабалить умъ Франціи католицизму. Что воцареніе его во Франціи не было бы желательно въ интересъ человѣчества вообще — это слишкомъ очевидно. Но не этотъ общечеловѣческій интересъ слышится въ страстномъ отношеніи европейской печати къ французскому претенденту; друзья Мадзини, іезуитовъ, Гамбетты, Бисмарка, смотрятъ на общіе интересы человѣчества весьма различно и никогда не сошлись бы въ своихъ заявленіяхъ, если бы побуждались одними философскими соображеніями; только курьёзное совпаденіе личныхъ цѣлей могло заставить ихъ всѣхъ въ данную минуту твердить одно и то же. Что касается насъ, то, стоя вдалекѣ отъ дѣлъ, мы просто считаемъ полезнымъ отъ времени до времени указывать, какимъ образомъ „дѣлается“ современная исторія.

Гг. Мервельль и де-Сюнь ѣздили въ Фросдорфъ въ качествѣ уполномоченныхъ правой стороны для объясненій съ гр. Шамборомъ.

Свѣдѣнія, привезенныя ими, имѣли характеръ не только личныхъ впечатлѣній, такъ какъ они подали значительной группѣ большинства поводъ къ рѣшеніямъ. Очеркъ этихъ свѣдѣній, помѣщенный въ парижской корреспонденціи „Times“, можно считать положительно вѣрнымъ, такъ какъ онъ признанъ достовѣрнымъ всѣми французскими газетами, никѣмъ не былъ опровергнутъ, и сверхъ того вѣренъ психологически, то-есть вполне соответствуетъ и положенію и личному характеру графа Шамбора. Въ то время какъ мы пишемъ, этотъ очеркъ, представляетъ то, что называется *le dernier mot de la situation*, и поэтому мы приведемъ его по возможности точно, пропуская только то, что не имѣетъ вліянія на смыслъ. Уполномоченные видѣлись съ претендентомъ два раза. При первомъ свиданіи говорили они одни, при второмъ говорилъ имъ графъ Шамборъ, который такимъ образомъ имѣлъ цѣлый день для приготовления своего отвѣта. Уполномоченные объявили принцу, что они пріѣхали не для сообщенія ему ультиматума, но для изясненія положенія дѣла, какъ оно представляется въ собраніяхъ ихъ партій; они обратили его вниманіе на религіозный вопросъ, вопросъ о конституціи и вопросъ о знамени. Въ своемъ отвѣтѣ гр. Шамборъ благодарилъ ихъ и показался весьма обиженнымъ (*très affecté*) усиліями противниковъ его дѣла распространить мнѣніе, будто возвращеніе его послужило бы сигналомъ къ религіозной войнѣ. Онъ объявилъ, что по его мнѣнію политика Франціи должна быть политикой мира и самососредоточенія (*de paix et de recueillement*), и что хотя онъ католикъ по убѣжденію, но не считаетъ себя вправе рисковать судьбою Франціи за какое-либо дѣло, какъ бы священно оно ни казалось ему самому (*d'engager les destinées de la France pour une cause quelque sacrée qu'elle fût à ses yeux*).

По вопросу о конституціи, графъ Шамборъ объявилъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія октроировать хартію (то-есть сочинить конституцію по своему усмотрѣнію), а также не считаетъ себя обязаннымъ и принять какую-либо изготовленную конституцію. Онъ далъ понять, что хартія 1814 года, приспособленная къ настоящимъ обстоятельствамъ и обсужденная вмѣстѣ съ собраніемъ (*débatteue avec l'Assemblée*), по его мнѣнію могла бы удовлетворить всѣхъ. Онъ прибавилъ однако, что относительно вопросовъ о всенародномъ голосованіи и о децентрализаціи онъ имѣетъ свои воззрѣнія, которыя ему трудно было бы оставить.

Что же касается вопроса о знамени, то графу Шамбору, повидимому, непонятна вся важность этого вопроса, и уполномоченные вѣрять въ возможность уладить это дѣло, потому что когда гр. Шамборъ сказалъ имъ, что монархію должно возстановить нынѣшнее со-

браніе, а не иное, и уполномоченные возразили ему— „но это собраніе не сдѣлаетъ монархію иначе какъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ“, то графъ Шамборъ отвѣтилъ: „я это знаю“.

Смыслъ этихъ объясненій претендента весьма ясенъ: онъ стоитъ на почвѣ историческаго права, ни больше, ни меньше; все остальное слѣдуетъ отсюда. Онъ убѣжденъ, что французская корона принадлежитъ ему по праву и считаетъ излишнимъ всякое обращеніе къ народу для подтвержденія или возобновленія права, которое по его воззрѣнію существуетъ всецѣло и нынѣ. Онъ ждетъ только призыва, который далъ бы ему возможность возвратиться во Францію и занять престолъ, и полагаетъ, что призвать его должно нынѣшнее собраніе, а не то, которое вышло бы изъ новыхъ выборовъ; еслибы произнестъ выборы для предложенія новому собранію вопроса о возстановленіи монархіи, то это значило бы возстановлять монархію Бурбоновъ посредствомъ плебисцита; это былъ бы въ сущности тотъ самый *appel au peuple*, котораго требуютъ бонапартисты. О томъ, что новые выборы не могли бы дать для возстановленія монархіи и того большинства, на какое она можетъ рассчитывать въ нынѣшнемъ собраніи, мы уже не говоримъ. Но независимо отъ такого, чисто-практическаго соображенія, графъ Шамборъ, съ своей юридической точки зрѣнія, долженъ считать излишнюю и неумѣстную всякую ратификацію своего права посредствомъ обращенія къ народу, а такое значеніе непременно имѣли бы новые выборы, произведенные въ виду призыва Генриха V на французскій престолъ.

Затѣмъ, графъ Шамборъ, стоя на почвѣ исторической законности, не можетъ произвольно избирать, на какомъ пунктѣ ему желательно оборвать исторію французскаго дома въ соединеніи съ исторіею Франціи; она остановилась на томъ пунктѣ, гдѣ судьбы Франціи и законной династіи разошлись: на 1830 годѣ. Стало быть все, что было сдѣлано королями и признано народами, или сдѣлано народами и признано королями, обязательно какъ для Франціи, такъ и для преемника тѣхъ королей. Итакъ, хартія 1814 года не предпочитается графомъ Шамборомъ по такой или иной ея особенности, но потому, что онъ считаетъ ее актомъ обязательнымъ и для французскаго народа и для себя. Онъ не можетъ требовать себѣ безусловной власти, не можетъ измышлять никакихъ новыхъ октроированій, потому что онъ не вправе отвергать хартію 1814 года, по силѣ которой онъ долженъ быть конституціоннымъ королемъ Франціи. Эта хартія составляетъ неотъемлемую часть всей исторической законности, на которую онъ ссылается. По возстановленіи въ дѣйствіе этой хартіи, она можетъ быть, съ обоюднаго согласія и палатъ, замѣнившихъ прежніе генеральные штаты, под-

вергнута какимъ угодно измѣненіямъ, „принаровлена къ настоящимъ обстоятельствамъ“ какъ угодно: такъ, чтобы король былъ въ дѣйствительности только наслѣдственный президентъ, или такъ, чтобы король снова, какъ при Людовикѣ XIV, вмѣщалъ въ себѣ лицо всего государства. Но все это можетъ быть, для соблюденія исторической законности, сдѣлано не иначе, какъ путемъ правильнаго обоюднаго соглашенія (*débatte avec l'Assemblée*), а не посредствомъ новой конституціи, созданной en bloc однимъ ли собраніемъ, или однимъ представителемъ королевской власти. Графъ Шамборъ былъ такъ точенъ въ своихъ выраженіяхъ, отвѣчая уполномоченнымъ собраніемъ, что не сказалъ даже: всенароднаго голосованія и децентрализаціи я не допущу; онъ сказалъ только, что трудно будетъ побудить его отказаться отъ мнѣній его по этимъ двумъ вопросамъ, т. е., заявляя, въ качествѣ конституціоннаго короля, готовность дѣлать уступки, но откровенно указавъ на двѣ уступки, которыхъ будетъ „трудно“ добиться отъ него.

Затѣмъ, опровергая нелѣпое обвиненіе, будто онъ намѣренъ вовлечь Францію въ войну для защиты папы, претендентъ и по этому вопросу высказался вполне ясно и откровенно: какъ бы священно ни было дѣло папы въ моихъ глазахъ, я не имѣю права располагать въ пользу его судьбами Франціи. Если бы графъ Шамборъ, котораго глубокая преданность католицизму извѣстна, ограничился простымъ обѣщаніемъ не воевать за папу, то это было бы менѣе откровенно и менѣе убѣдительно. Но когда онъ прямо говоритъ, что дѣло папы, по его личнымъ убѣжденіямъ, священно, но что располагать судьбою Франціи, по побужденію личнаго чувства, онъ не считаетъ себя вправѣ, то можно только сожалѣть о религіозномъ ослѣпленіи претендента, но нельзя не уважать его искренности и итъ причины не вѣрить его словамъ. Изъ нихъ видно, что хотя онъ вѣруетъ какъ фанатическій католикъ, но думаетъ какъ конституціонный король.

Менѣе ясно передано уполномоченными то, что графъ Шамборъ сказалъ имъ о знамени. Они вѣрятъ въ возможность соглашенія потому, что графъ Шамборъ согласился съ ними, что собраніе, которое должно провозгласить монархію, не захочетъ отказаться отъ трехцвѣтнаго знамени, а между тѣмъ все-таки полагаетъ, что это собраніе должно провозгласить монархію. Вслѣдствіе того распространилось мнѣніе, что претендентъ готовъ уступить въ вопросѣ о знамени, между тѣмъ какъ прежде онъ торжественно заявлялъ, что „Генрихъ V-й не можетъ отречься отъ знамени Генриха IV-го“. Отсюда серьезный переполохъ въ либеральномъ лагерѣ, въ которомъ доселѣ приверженность претендента къ бѣлому цвѣту считалась са-

мымъ надежнымъ препятствіемъ къ воцаренію его. Произошло опять одно изъ комичныхъ явленій той фальши принциповъ, которою такъ богато наше время. Либеральныя газеты, въ родѣ „Temps“, „Indépendance Belge“ и др., которыя въ то время, когда прежними своими заявленіями о бѣломъ знамени графъ Шамборъ, по ихъ мнѣнію, окончательно похоронилъ свое дѣло, сами подтрунивали надъ претендентомъ, говоря о немъ какъ о маниакѣ, который помѣшался на пустякѣ, на какой-то тряпкѣ, — теперь не на шутку обезпечились новѣйшими свѣдѣніями, и вдругъ серьезно обращаются къ графу Шамбору съ напоминаніемъ его прежнихъ заявленій, вызываютъ къ его чувству чести, короче, придаютъ самое большое значеніе той самой „тряпкѣ“, которою онѣ желали бы устранить претендента отъ Франціи. „Temps“ даже буквально пропечатываетъ всѣ прежнія деклараціи графа Шамбора о *étendard d'Alger, d'Henri IV, de François I et de Jeanne d'Arc*. „Неужели претендентъ понимаетъ въ сентябрѣ чувство чести иначе, чѣмъ въ февралѣ?“ спрашиваетъ „Temps“, котораго заботливость о неприкосновенности чести графа Шамбора довольно забавна. Но вѣдь изъ отвѣта графа Шамбора видѣтъ скорѣе отказъ съ его стороны въ этомъ вопросѣ, чѣмъ согласіе. Все, что можно предположить на основаніи объясненій гг. Мервелль и де-Сюни, это — что графъ Шамборъ не хочетъ и теперь отказаться отъ бѣлаго знамени, но что если собраніе, призвавъ его на престолъ, выразитъ желаніе сохранить трехцвѣтное знамя, то претендентъ подчинится этому рѣшенію и сохранить „цвѣтъ лилій“ только въ штандартѣ королевскаго дома. Разумѣется, это будетъ хотя не отреченіе, но уступка, и подобное соглашеніе было бы нелогично съ обѣихъ сторонъ, и прежде всего со стороны самой Франціи. Вѣдь восстановленіе исторической законности не имѣетъ иного смысла, кромѣ какъ отреченія отъ революціи. Франція призываетъ Генриха V потому, что хочетъ замкнуть эпоху различныхъ фазисовъ своей революціи; но, въ такомъ случаѣ, для чего же сохранять ея знамя? Этотъ вопросъ о знамени во Франціи имѣетъ большее значеніе, чѣмъ онъ имѣлъ бы на Сѣверѣ, потому что у южныхъ народовъ политика, какъ и религія, непремѣнно воплощается въ декораціяхъ. Но каково бы ни было преувеличеніе, въ которое здѣсь впадаютъ французы, подобный вопросъ не былъ бы совершенно индифферентнымъ нигдѣ, и въ особенности германскимъ газетамъ, которыя любятъ забавляться по этому поводу надъ мелочностью французовъ, не мѣшало бы вспомнить, что германская „триколора“ (*Schwarz-roth-gold*), которою съ 1849 года украшались всѣ національныя сѣзды и союзы, была отвергнута германскою имперіей,

которая согласилась принять изъ нея только одинъ цвѣтъ, въ до-
полненіе къ двумъ цвѣтамъ прусскимъ.

Вслѣдствіе сообщеній гг. Мервелль и де-Сюньи, происходило 24
сентября собраніе вліятельнѣйшихъ членовъ правой стороны у гер-
цога Деказа, который, какъ извѣстно, унаслѣдовалъ свой титулъ отъ
второй реставраціи. Это собраніе признало, что извѣстія, привезен-
ныя изъ Фросдорфа, благопріятны для окончательнаго сплоченія мо-
нархическихъ партій, и рѣшило созвать на 5 ноября болѣе много-
численное собраніе монархистовъ для того, чтобы обсудить образъ
дѣйствій, какова имъ слѣдуетъ держаться при возобновленіи сессіи
національнаго собранія. Вотъ все положительное, что имѣется по во-
просу о реставраціи въ то время, когда мы пишемъ эти строки. Все
остальное, чѣмъ наполнены французскія газеты и вообще извѣстія
изъ Франціи, принадлежитъ къ категоріи догадокъ или слуховъ. Тол-
куютъ различно о томъ, какимъ образомъ произойдетъ окончатель-
ное соглашеніе съ графомъ Шамборомъ; гадаютъ, сколько голосовъ
могутъ быть собраны въ національномъ собраніи въ пользу немед-
леннаго провозглашенія монархіи и т. д. Есть еще одинъ достовѣр-
ный фактъ, это—полный разрывъ бонапартистовъ съ остальными мо-
нархическими фракціями. Иначе и быть не могло; но затѣмъ раз-
сказываютъ, будто въ самомъ бонапартистскомъ лагерѣ произошелъ
разрывъ, будто часть бонапартистовъ собранія намѣрена подать го-
лоса за реставрацію, другіе присоединятся къ республикѣ и т. д.
Органъ Гамбетты, „*République française*“, съ своей стороны объяв-
ляетъ, что никакого союза съ бонапартистами республиканцы заклю-
чать не намѣрены.

Если, оставивъ принципы, обсудить дѣло единственно съ прак-
тической точки зрѣнія, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ пользу
реставраціи можетъ состояться въ собраніи только слабое большин-
ство, которое образуется изъ какихъ-нибудь 50 членовъ, колеблю-
щихся между опредѣленными партіями. Притомъ, и такое большин-
ство можетъ состояться только въ такомъ случаѣ, если нынѣшнее
правительство не будетъ противодействовать этому дѣлу. Легити-
мисты, входящіе въ составъ кабинета, разумѣется, будутъ послуш-
ными орудіями своей партіи; бонапартистамъ, которые находятся въ
кабинетѣ, останется только выйти въ отставку. Самъ глава каби-
нета, герцогъ Броли можетъ быть удовлетворенъ легитимистами
такъ или иначе. Но весьма существенный вопросъ касается самого
президента—маршала Мак-Магона. Если онъ — какъ теперь гово-
рятъ—не согласится на продленіе своей власти, то это будетъ зна-
чить, что онъ, отбросивъ свою личную солидарность съ имперіею,
предался преданіямъ своей фамиліи, и рѣшился поддержать легити-

мистовъ. Въ такомъ случаѣ, и слабого большинства въ національномъ собраніи будетъ достаточно для совершенія реставраціи, потому что Мак-Магонъ сохранилъ свою популярность въ арміи и единственный генераль-республиканецъ, Шанви, который могъ бы быть опасенъ задуманному перевороту, — другъ Мак-Магона, и уже удовлетворенъ постомъ генераль-губернатора въ Алжирѣ. Но безъ согласія Мак-Магона, и тѣмъ болѣе вопреки его волѣ, трудно допустить, чтобы большинство нѣсколькихъ десятковъ голосовъ собранія, очевидно употребляющаго во зло свое безусловное избраніе, могли совершить настоящій государственный переворотъ; мало популярный во всей странѣ и несомнѣнно непопулярный въ арміи. Для того, чтобы реставрація могла состояться, необходимо, чтобы авторы ея могли вполнѣ разсчитывать на поддержку Мак-Магона, такъ какъ только его авторитетъ въ арміи можетъ служить порукою, что въ случаѣ возстанія республиканцевъ, армія будетъ готова подавить его.

Правы, совершенно правы либеральныя французскія газеты, когда онѣ говорятъ, что возстановленіе монархіи Бурбоновъ означало бы реакцію, принесеніе въ жертву идеѣ общечеловѣческаго развитія принципу стараго порядка. Но развѣ французскія партіи состоятъ изъ философовъ, развѣ пришло то время, когда для всякаго народа на первомъ планѣ будутъ стоять общіе интересы человѣчества? Нѣтъ, на первомъ планѣ и въ современной Франціи стоятъ интересы національнаго могущества, и всѣ французскія партіи состоятъ изъ націоналовъ. Всѣ партіи во Франціи основываютъ свое право управлять ею прежде всего на тѣхъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ услугахъ, какія онѣ оказали, или способны оказать дѣлу національнаго могущества, національнаго самолюбія: бонапартисты — на величій Франціи въ Европѣ при первомъ Наполеонѣ, на вѣнскихъ успѣхахъ Наполеона III-го, на томъ предположеніи, что если бы онъ не былъ преждевременно свергнутъ, то еще побѣдилъ бы Германію, при помощи Австріи и Италіи; радикальные республиканцы на томъ, что первая республика побѣждала l'Europe coalisée, а Гамбетта спасъ военную честь Франціи послѣ Седана, и даже, какъ онъ самъ недавно сказалъ въ Перигѣ, „побѣдилъ бы Германію, если бы республикѣ не помѣшали продолжать войну“; умѣренные республиканцы на томъ, что республика при Тьерѣ освободила территорію отъ непріятеля, какимъ-то волшебствомъ собравъ громадную сумму контрибуцій и проявивъ тѣмъ, въ утѣшеніе Франціи, величіе ея богатства и кредита. Самъ графъ Шамборъ, въ одной изъ лучшихъ своихъ прокламацій, очевидно прямо вылившейся „отъ избытка сердца“, говорилъ: „подъ этимъ знаменемъ свершилось національное единство; съ этимъ знаменемъ ваши предки, предводимые Монм, возво-

рыли тотъ Эльзась и ту Лотарингію, *которыя вѣрность* составить утѣшеніе намъ въ нашихъ несчастіяхъ. Оно побѣдило варварство на почвѣ Африки, свидѣтелици первыхъ военныхъ подвиговъ моего дома; оно же *побѣдитъ* новое варварство, угрожающее міру“. Однимъ словомъ, куда ни взглянемъ, вездѣ, на первомъ планѣ, стоитъ вовсе не вопросъ о болѣе или менѣе либеральности, но вопросъ о національномъ могуществѣ, національномъ самолюбіи, военной славѣ. Вердѣнъ былъ очищенъ германскими войсками 13-го сентября; 16-го сентября послѣдніе нѣмецкіе солдаты вышли изъ Франціи, и что же?—не было ни одной французской газеты, которая по этому поводу не высказала бы, болѣе или менѣе ясно, задушевнѣйшей мысли, что утерянны провинціи будутъ возвращены, что величіе Франціи возродится и слава французскаго оружія будетъ восстановлена. Всѣ „галлы“ пѣли тотъ хоръ, который они исполняютъ въ извѣстной Беллиниевской оперѣ: „скроемъ злобу, соберемся съ силами, выждемъ день, и горе завоевателю, когда раздастся звукъ священнаго щита!“

При такомъ общемъ настроеніи удивительно ли, если либеральный принципъ и общечеловѣческій интересъ будутъ принесены въ жертву созданію крѣпкой власти; кто готовится къ бою, тому нужна дисциплина, а не философія. И развѣ прусскіе либералы не отреклись отъ оппозиціи Бисмарку, когда онъ повелъ ихъ къ національному единству; развѣ прусская палата депутатовъ не принесла въ жертву принципъ парламентскаго правленія національному принципу — осуществленію единства?

Есть поводы думать, что само германское правительство смотритъ на возможность восстановленія крѣпкой власти во Франціи именно съ такой точки зрѣнія. Казалось бы страннымъ, если бы императоръ Вильгельмъ, который при своей коронаціи счелъ долгомъ напомнить, что власть свою онъ получилъ не отъ народа, что право его безусловно, напомнить тотъ самый принципъ, который провозглашается графомъ Шамборомъ,—чтобы этотъ государь болѣе сочувствовалъ республикѣ, чѣмъ восстановленію законной монархіи. А между тѣмъ, есть достаточныя основанія полагать, что сочувствія германскаго правительства никакъ не на сторонѣ законнаго наследника французской короны. Усиленныя приглашенія въ Берлинъ, которыми, наконецъ, уступилъ король Италіи, необыкновенно дружественный пріемъ, оказанный въ Берлинѣ тому монарху, противъ котораго Пруссія въ 1859 году мобилизовала свою армію, и котораго потомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ она не хотѣла признать королемъ Италіи; наконецъ значеніе, какое придала этому посѣщенію прусская оффиціозная печать—все это не оставляетъ сомнѣнія, что

при берлинскомъ дворѣ на кандидатуру графа Шамбора смотрятъ далеко неблагосклонно и рѣшительно предпочли бы—во Франціи—республику установленію крѣпкой королевской власти.

Официозная „Провинціальная Корреспонденція“ помѣстила по поводу пріѣзда короля Виктора-Эммануила въ Берлинъ одну изъ тѣхъ статей, въ которыхъ явно высказывается, какимъ образомъ правительство желаетъ, чтобы намѣренія его были понимаемы въ публикѣ. Упомянувъ о прежнихъ свиданіяхъ монарховъ, происходившихъ въ Берлинѣ и другихъ городахъ, и имѣвшихъ значеніе для сближенія интересовъ ихъ державъ, официальный органъ придаетъ такое же значеніе посѣщенію Берлина королемъ Італіи. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Очевидно, что пріѣздъ короля Італіи въ Вѣну и Берлинъ могъ состояться не иначе, какъ при взаимныхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и пріѣздъ Виктора-Эммануила въ Вѣну въ этомъ смыслѣ имѣетъ еще болѣе значенія, чѣмъ пріѣздъ его въ Берлинъ. Въ Берлинѣ король ѣхалъ къ „старому союзнику“, какъ онъ выразился самъ, но въ Вѣнѣ его принималъ бывший противникъ, нѣкогда казавшійся непримиримымъ, государь, изъ рукъ котораго въ дѣйствительности вся верхняя и средняя Італія, въ томъ числѣ двѣ богатя провинціи, непосредственно принадлежавшія Австріи, перешли въ руки сардинскаго короля. Велико-герцогская тосканская фамилія, герцогскія фамиліи Модены и Пармы—родственники, окружающіе императора Франца-Іосифа, за ними весь вѣнскій дворъ, вся аристократія, не говоря уже о все еще сильномъ въ Австріи епископатѣ, должны относиться враждебно къ Виктору Эммануилу. Однако, императоръ Францъ-Іосифъ устоялъ противъ всѣхъ домашнихъ вліяній, дружески привѣтствовалъ своего бывшего врага, назвалъ его своимъ братомъ и другомъ, пилъ за здоровье короля Італіи, нынѣшняго обладателя Ломбардіи и Венеціи. Здѣсь торжествовалъ, конечно, Викторъ-Эммануилъ, но истинная и великая честь подобала не ему, а Францу-Іосифу, который совершилъ настоящій долгъ монарха, принесъ всѣ свои личныя чувства въ жертву правильно-понятому интересу своего государства. Встрѣча въ Вѣнѣ имѣла, въ самомъ дѣлѣ, историческое значеніе въ смыслѣ окончательнаго признанія императоромъ австрійскимъ событій, совершившихся въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ.

Что касается свиданія въ Берлинѣ, то и оно, разумѣется, свидѣтельствуетъ о дружественныхъ отношеніяхъ привѣтствовавшихъ другъ друга монарховъ, но въ какой мѣрѣ эта дружба можетъ имѣть практическое значеніе—это еще относится къ области предположеній. „Для принятія какихъ-либо опредѣленныхъ дипломатическихъ соглашеній“, говоритъ прусскій официозный органъ, „могъ бы

представиться поводъ только въ томъ случаѣ, если бы миру на дѣлѣ угрожала опасность. По счастью этого въ настоящую минуту нѣтъ. Если же вслѣдствіе нѣкоторыхъ политическихъ стремленій и обнаруживающихся въ иныхъ государствахъ переменъ и возникаютъ нѣкоторыя опасенія за миръ Европы, то съ другой стороны новыя свиданія монарховъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ имѣютъ значеніе, которое будетъ признано и оцѣнено повсюду. Этого будетъ достаточно, чтобы заглушить сѣмена новыхъ безпокойствъ". Здѣсь указано настолько ясно, насколько ясность допускается оракульскимъ тономъ оффиціозной печати, что берлинскій кабинетъ смотритъ неблагоприятно на возможность воцаренія Бурбоновъ во Франціи, что со стороны Бурбоновъ можетъ угрожать опасность войны итальянскому королевству и германской имперіи и что союза державъ, въ которомъ принимаетъ участіе и Италія, вполне достаточно для отвращенія такой опасности. Вдобавокъ рассказываютъ, что германскому посланнику въ Версалѣ поручено прямо высказать ту же мысль французскому правительству.

Сомнительно впрочемъ, чтобы лучшимъ средствомъ для отвращенія французовъ отъ монархіи было враждебное къ ней отношеніе со стороны нѣмцевъ. Скорѣе можно думать наоборотъ, что и монархія и самъ католицизмъ съ его чудесами и процессіями стали менѣе непопулярны во Франціи отчасти потому, что германская имперія относится къ нимъ враждебно. Нельзя не повторить, что насильственное присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи создало въ центрѣ Европы прочный очагъ ненависти и одинъ изъ вѣрныхъ поводовъ къ дальнѣйшимъ войнамъ. Что касается собственно Италіи, то здѣсь должно сдѣлать нѣкоторое различіе между сочувствіями короля Виктора-Эммануила и стремленіями итальянскихъ націоналовъ. Викторъ-Эммануилъ хранитъ совершенно естественную привязанность къ Франціи. Вѣдь изъ тѣхъ двухъ державъ, которыя нынѣ ласкаютъ его, одна въ продолженіи вѣковъ давила Италію, нанесла жестокія пораженія его отцу, котораго горе преждевременно свело въ могилу, а впослѣдствіи совершила на самого Виктора-Эммануила самое дерзкое, ничѣмъ невызванное нападеніе, когда онъ еще былъ королемъ Сардиніи. Другая изъ нихъ, когда помощью Франціи началось освобожденіе Италіи отъ нѣмцевъ, своими военными приготовлениями заставила Наполеона III прекратить войну за Италію на половинѣ, оставивъ Венецію въ рукахъ Австріи. Однажды лишивъ такимъ образомъ Италію возможности освободить Венецію, Пруссія впослѣдствіи подарила Италіи за военное содѣйствіе ту самую Венецію, которую Италія получила бы въ 1859 году, если бы Пруссія сама этому не помѣшала. Эти столь недавніе факты какъ будто забыты въ настоящее время, но ихъ не могъ забыть король

Италіи. Никакой параллели между объединеніемъ Италіи и объединеніемъ Германіи—параллели, которую теперь такъ любятъ проводить,—правильно начертано быть не можетъ, ни въ физическомъ, ни даже въ нравственномъ смыслѣ. Въ пространствѣ объединеніе Италіи совершилось противъ нѣмцевъ, а объединеніе Германіи противъ французовъ и славянъ. Въ смыслѣ нравственномъ, объединеніе Италіи впервые послѣ долгихъ вѣковъ создало Италію, которая до того, въ самомъ дѣлѣ, была только „географическимъ терминомъ“, по выраженію Меттерниха. Это была Италія, томившаяся въ рабствѣ, ничтожная, несчастная; почти не проходило года, чтобы австрійцы не разстрѣливали кого-либо изъ ея дѣтей; порою они избивали цѣлые кварталы, какъ было въ Брешіи. Итальянскіе владѣтели были полицейскіе агенты иностранной державы—Австріи, которая держала и въ мирное время гарнизоны въ нѣкоторыхъ итальянскихъ городахъ. На нѣмецкомъ языкѣ раздавалась въ этихъ городахъ команда „пали!“ при экзекуціяхъ, и тюремщикъ Сильвіо Пеллико въ Шпильбергѣ, по странному совпаденію, назывался Шиллеръ. Положеніе Италіи было совершенно отчаянное, какъ то показали ея опытъ „справиться самой“, *far da se*, въ 1848—1849 годахъ; никогда она не вышла бы изъ этого положенія ничтожества, рабства, разоренія и несчастія, безъ объединенія, никогда не могла бы пойти къ объединенію раньше, чѣмъ австрійцы были изгнаны изъ нея французами.

Какая же нравственная параллель между объединеніемъ Италіи и объединеніемъ Германіи? Германія и до единства процвѣтала, была независимою, была великою страной. Изъ пяти великихъ державъ Европы двѣ были германскія государства. Германію объединило національное чувство, какъ и Италію, это правда, но въ ней при этомъ говорило уже только одно національное чувство, а не желаніе избавиться отъ чужеземнаго ига, рабства, разоренія и казней: для нѣмца вопросъ единства былъ вопросомъ національнаго величія, но не вопросомъ о сохраненіи своей головы на плечахъ и своего цванцигера въ карманѣ.

Понятно, что Викторъ-Эммануилъ, который не только носитъ итальянскую корону, но самъ работалъ надъ ней, рискуя всѣмъ, что имѣлъ, рискуя и жизнью въ главныхъ сраженіяхъ трехъ войнъ съ Австрією, не могъ забыть того, какимъ образомъ ковалась эта корона. Но, можно подумать, что такъ какъ и итальянскіе націоналы прошли ту же школу испытаній, какую прошелъ ихъ король, то и они должны бы чувствовать такъ же. Это однако не совсѣмъ вѣрно. Недавно изданная генераломъ Ла-Марморою книга „Нѣсколько болѣе свѣту на событія 1866 года“, обнаружила ясно только одинъ

фактъ, а именно, до какой степени остаются еще необъясненными политическія комбинаціи послѣдняго десятилѣтія. Викторъ-Эммануилъ знаетъ многое, что остается неизвѣстнымъ итальянскому обществу. Наиболѣе ревностные націоналы въ Италіи — радикалы. Они заявляютъ себя противниками Франціи прежде всего уже потому, что стоятъ въ оппозиціи. Имъ извѣстна склонность къ Франціи короля и всѣхъ главныхъ политическихъ людей Италіи: покойныхъ Кавура и Раттацци, Ризазоли, Перуцци, Мингетти, Висконти-Веносты, Ла-Мармори, Нигры и пр., изъ которыхъ ни одинъ къ радикальной партіи не принадлежитъ. И вотъ, они отождествляютъ радикализмъ и націонализмъ съ ненавистью къ Франціи. Они хотятъ видѣть далѣе того человѣка, который былъ главнымъ дѣятелемъ всего освобожденія Италіи — Виктора-Эммануила, и полагаютъ, что въ союзѣ съ Германіею Италія могла бы возвратить себѣ Савойю и Ниццу, „измѣннически преданныя“ Франціи, по выраженію Гарибальди. Ихъ программа выходитъ недурно — на бумагѣ; клерикальная Франція непременно нападетъ на Италію, Италія, въ союзѣ съ Германіею, отразитъ нашествіе и при дѣлежѣ новой добычи, отнятой у Франціи, получить Ниццу и Савойю. Но Викторъ-Эммануилъ не можетъ не спрашивать себя, захотятъ ли еще савойцы и ниццары возвратиться къ Италіи, а между тѣмъ, въ случаѣ новаго пораженія, нанесеннаго Германіею Франціи, что станется не только съ Франціею, но и съ самой Италіею? Германская имперія, даже безъ особаго къ тому желанія, но просто по силѣ обстоятельствъ, будетъ совершенно держать въ своихъ могущественныхъ рукахъ весь западъ континента Европы. Гибеллины окончательно восторжествуютъ надъ гвельфами, гогенцоллерны станутъ выше, чѣмъ стояли гогенштауфены, но вѣдь и гогенштауфены располагали Италіею по своему усмотрѣнію, о чемъ помнятъ и Миланъ, и Римъ, и самая Сицилія. Существованіе сильной Франціи для Италіи гораздо важнѣе, чѣмъ возвращеніе Савойи и Ниццы. Этого не можетъ не сознавать не только Викторъ-Эммануилъ, но и всякій будущій король Италіи.

Что касается личныхъ отношеній Виктора-Эммануила къ французскимъ партіямъ, то въ настоящее время они должны быть довольно безразличны. Конечно, онъ не можетъ сочувствовать Бурбонамъ, зная ихъ вражду къ себѣ, но онъ можетъ не опасаться этой вражды, когда Бурбоны будутъ сидѣть на французскомъ престолѣ, если этому суждено случиться. Волею-неволею король Франціи долженъ былъ бы забыть обиды графа Шамбора, какъ другой король забывалъ обиды герцога орлеанскаго. Претендентъ можетъ высказывать личное убѣжденіе, что дѣло папы священно, но ставъ королемъ, могущество будетъ ему дороже каноническихъ воззрѣній.

стоять мессы“, сказалъ Генрихъ IV, и отрекся отъ протестантизма. Могущество Франціи стоятъ свѣтской власти папы, принужденъ будетъ сказать себѣ Генрихъ V, и долженъ будетъ признать, не только, что рисковать судьбою Франціи за папу было бы нелѣпо, вело бы прямо къ паденію только-что возстановленнаго престола, но еще и то, что Италія должна быть сильною, если французскій король хочетъ быть могущественнымъ государемъ въ Европѣ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что если реставрація совершится, король Франціи еще провозгласитъ когда-либо тостъ за здоровье своего „брата и друга, короля Италіи“, царствующаго въ Римѣ, какъ нынѣ императоръ австрійскій пилъ за здоровье своего брата и друга, царствующаго въ Тосканѣ, Моденѣ, Пармѣ, Ломбардіи и Венеціи. Обстоятельства, то-есть интересы, сильнѣе людей, то-есть личныхъ сочувствій и несочувствій.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24-го (12-го) сентября.

Итоги послѣдней войны.

Въ теченіи нынѣшняго мѣсяца вся нѣмецкая оккупационная армія, до послѣдняго солдата, выступила изъ предѣловъ Франціи; вся французская военная контрибуція до послѣдняго франка уплачена Германіи, и настоящій моментъ, полагаю, какъ нельзя болѣе удобенъ для того, чтобы обозрѣть, какія послѣдствія имѣла до сихъ поръ минувшая война для Германіи, какія перемѣны въ политическомъ положеніи, въ матеріальныхъ отношеніяхъ, въ сферѣ литературы и искусства она вызвала. При этомъ конечно возможно лишь представить небольшой этюдъ, такъ какъ для того, чтобы нарисовать цѣлую и законченную картину еще не достааетъ матеріала. Но именно теперь, въ послѣднюю минуту затишья передъ возобновленіемъ парламентской жизни, которая неизбѣжно принесетъ съ собой свои страсти и заботы, и возможно заняться такимъ обзоромъ. Послѣднимъ мотивомъ къ нему можетъ наконецъ послужить то обстоятельство, что текущій мѣсяцъ начался открытіемъ памятника, который можно разсматривать какъ художественный эпилогъ войны, и заканчивается

посѣщеніемъ короля Виктора-Эммануила, событіемъ несомнѣнной важности.

Начнемъ съ того, что политическое положеніе данной минуты можетъ вообще назваться весьма благопріятнымъ. Возстановленныя дружескія отношенія съ Австріей ничѣмъ не омрачались и представляютъ ту выгоду для Германіи, что служатъ поддержкой либеральному элементу въ Австріи, и если не обезпечиваютъ вполне отъ возврата къ феодальной и ультрамонтанской политикѣ, то все же затрудняютъ его: подобная переменна политической системы въ Австріи неизбѣжно поставила бы ее во враждебное отношеніе къ Германіи и сблизила бы съ Франціей. Последнее совершилось бы особенно легко, еслибы въ послѣдней странѣ произошла монархическая реставрація. Отношенія Германіи къ Англіи стали весьма хороши; въ Даніи, со времени послѣдняго посѣщенія германскаго кронъ-принца, прежнее ожесточеніе противъ Пруссіи улеглось; въ Голландіи недоувѣріе съ мнимымъ завоевательнымъ планамъ Германіи весьма ослабло. Наконецъ Италія, которая уже въ прошломъ году могла бы присоединиться къ намъ въ моментъ свиданія трехъ императоровъ, носившаго самый миролюбивый характеръ, но не рѣшилась оттого, что итальянское правительство не хотѣло навлечь на себя подозрѣнія во враждебности къ Франціи, — теперь одумалась, хотя конечно это можно считать не столько заслугой прусской политики, сколько результатомъ крайне неблагоприятнаго поведенія французскихъ клерикаловъ и легитимистовъ, которые не дѣлаютъ тайны изъ своего намѣренія разрушить единство Италіи и возстановить свѣтскую власть папы. Каковы бы ни были вообще религіозныя или политическія воззрѣнія короля Виктора-Эммануила, одно несомнѣнно, а именно: что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы не дать погубить своего дѣла, въѣнцомъ котораго является Римъ какъ итальянская столица.

Какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда король принялъ окончательное рѣшеніе посѣтить Вѣну и Берлинъ, одинъ изъ наиболѣе приверженныхъ друзей французскаго союза съ Италіей, генералъ Ла-Мармора издалъ книгу, которая была предназначена возбудить недоувѣріе между Германіей и Италіей, и которою занимается вся нѣмецкая пресса. Съ нѣмецкой стороны обнародовано мало или почти ничего о дипломатическомъ походѣ, предшествовавшемъ военному союзу съ Италіей въ 1866 г. Но за то итальянцы не уставали дѣлать разоблаченія, и генералъ Ла-Мармора превзошелъ всѣхъ остальныхъ. Здѣсь въ официальныхъ сферахъ прошли это обстоятельство глубокимъ молчаніемъ, согласно съ обыкновеніемъ князя Бисмарка въ такихъ случаяхъ, когда дѣло коснется нескромныхъ разоблаченій. Изъ всего, что доселѣ обнародовано касательно дипломати-

ческаго пролога къ войнѣ 1866 г., ясно одно только, что Пруссія и Италія относились другъ къ другу съ величайшимъ недовѣріемъ, что вполне объясняется ихъ прежними отношеніями. Въ 1859 г. Пруссія была готова вступить за австрійское господство въ Италію, да и позднѣе политика либеральнаго министерства новой эры была вообще легитимно-тенденціозна! Но тожество положенія и тожество интересовъ берутъ вездѣ верхъ надъ подобными затрудненіями, и послѣ того, какъ союзный договоръ былъ заключенъ между Пруссіей и Италіей, онъ уважался обѣими сторонами. Ла-Мармора конечно дѣлаетъ попытку представить дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы Бисмаркъ готовъ былъ однажды измѣнить договору. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля мѣсяца Ла-Мармора тревожился опасеніями, какъ бы Австрія (которая, несмотря на грозныя обстоятельства, не была готова къ войнѣ) не напала на Италію, и сдѣлалъ поэтому запросъ князю Бисмарку: считаетъ ли себя Пруссія обязанной по договору объявить въ такомъ случаѣ войну Австріи? Между тѣмъ такой случай дѣйствительно не былъ предусмотрѣнъ въ договорѣ, который обязывалъ только Италію объявить Австріи войну, какъ скоро король прусскій возьмется за оружіе, чтобы силой провести реформу германскаго союза противъ желанія Австріи. Это обстоятельство, повидимому несообразное, объясняется тѣмъ фактомъ, что все политическое положеніе того времени было таково, что дѣлало совершенно невѣроятнымъ нападеніе Австріи на Италію. Итакъ, Бисмаркъ отвѣчалъ на сдѣланный ему запросъ, что хотя Пруссія не обязана по тексту договора объявить Австріи войну въ упомянутомъ случаѣ, но что министерство дѣлаетъ кабинетный вопросъ изъ вопроса объ оказаніи помощи Италіи. Король, правда, еще колеблется, но итальянцы должны разсчитывать на силу обстоятельствъ. Но этого мало: Бисмаркъ послѣдшилъ къ королю, сообщилъ ему объ этихъ переговорахъ и взялъ съ него обѣщаніе, что онъ объявитъ войну Австріи, въ случаѣ, еслибы она напала на Италію; но за то прусскій король просилъ итальянскаго короля воздержаться отъ нападенія на Австрію. Все это прусскій министръ сообщилъ вечеромъ 2 мая генералу Говонэ и прибавилъ для его успокоенія, что если Австрія сдѣлаетъ уступки, которыя Пруссіи нельзя будетъ безусловно отвергнуть, то Италія будетъ своевременно извѣщена объ этомъ и отнюдь не останется изолированной относительно Австріи.

Я согласенъ, что такое положеніе было весьма непріятно для Италіи, но объ обманѣ не можетъ быть и рѣчи. Князь Бисмаркъ никогда и не скрывалъ, что лично онъ является двигателемъ во всемъ этомъ дѣлѣ; что самъ король лишь съ величайшей неохотой согласится на разрывъ съ Австріей; что весь остальной дворъ, королевая,

кронъ-принцъ, даже всѣ прочіе министры не хотятъ совѣтъ и слышать о войнѣ... и несмотря на все это итальянцы рѣшились завязать эти переговоры. Они руководились при этомъ двумя основательными причинами: во-первыхъ, они не желали принять Венецію, какъ подарокъ отъ Франціи, потому что это обстоятельство только усилило бы ихъ зависимость отъ нея; во-вторыхъ, зная условія австрійской политики, они могли сказать себѣ, что Бисмаркъ правъ, когда удостовѣряетъ, что сила обстоятельствъ необходимо приведетъ къ войнѣ. Насколько Бисмаркъ уже въ то время зналъ о тайныхъ планахъ Австріи—это конечно тайна, но вѣроятно онъ зналъ о нихъ, такъ какъ Австрія уже и раньше того намекала о своей готовности уступить Венецію, если только ей предоставлять свободу завоевать Силезію, что равнялось гибели Пруссіи.

Положеніе Бисмарка было, конечно, не лучше, чѣмъ положеніе итальянскихъ государственныхъ людей; но величайшее затрудненіе для него заключалось въ томъ, чтобы не возбудить недовѣрія во Франціи и добиться ея нейтралитета, не заплативъ за него той цѣны, которой она требовала, а именно: территоріальныхъ уступокъ и права вмѣшательства во внутреннія дѣла Германіи. Успѣхъ князя Бисмарка въ этомъ отношеніи обуславливался, какъ это уже стало извѣстнымъ послѣ 1866 г., на ложномъ расчетѣ императора Наполеона, ожидавшаго, что война между Пруссіей и Австріей продлится и истощитъ обѣ страны. Но что война продлится всего семь дней—этого, конечно, не могъ предвидѣть ни онъ и никто изъ смертныхъ. Но также послужило при этомъ въ пользу имперскаго канцлера то обстоятельство, что его не считали, ни въ его собственномъ отечествѣ, ни за границей, патріотомъ, и поэтому Наполеонъ воображалъ, что ему легко будетъ убѣдить Бисмарка на территоріальную уступку.

Эта тактика такъ очевидна, что именно разоблаченія, направленные къ тому, чтобы набросить тѣнь на патріотизмъ имперскаго канцлера, производятъ самое слабое впечатлѣніе. Въ Италіи обнародованіе этой книги справедливо порицается, и даже во Франціи, гдѣ радуются, конечно, тому обстоятельству, что опять Бисмаркъ получить нѣсколько булавочныхъ уколовъ, не могутъ однако извлечь никакой существенной пользы изъ обнародованія этой книги. Напротивъ того, кажется, что именно путешествіе Виктора-Эммануила показало французскимъ государственнымъ людямъ, на какомъ ложномъ пути стоятъ они, давая ультрамонтанамъ неподобающее имъ вліяніе на общественныя дѣла. Такой образъ дѣйствій со стороны государственныхъ людей Франціи гораздо удивительнѣе, чѣмъ внезапный переходъ французскаго народа отъ полнѣйшаго скептицизма

къ преувеличенной набожности. Послѣ революціи 1789 г. подобное превращеніе уже имѣло мѣсто, и послѣ реставраціи Бурбоновъ во Франціи долгое время царствовали такъ-называемый „бѣлый терроръ“, то-есть жестокий и кровожадный деспотизмъ ультрамонтановъ и іезуитовъ, которые жестоко притѣсняли протестантовъ. Въ 1805 году Пій VII-й рекомендовалъ въ одной инструкціи къ своему нунцію „святые принципы спасительной строгости“ относительно еретиковъ, имущество которыхъ слѣдуетъ конфисковать, а власть сокрушать. Папская булла 1814 г. порицала тѣ статьи хартіи Людовика XVIII-го, которыя обезпечивали *права гражданства* за не-католическими церквями. Въ 1815 г. тотъ же папа возстановилъ инквизицію и іезуитовъ, а въ 1819 г. упрекалъ короля баварскаго въ письмѣ за равенство церквей передъ закономъ. Эти принципы остались господствующими въ Римѣ, и такъ сказать приведены въ кодексъ въ *Syllabus*, и при этомъ дѣло идетъ вовсе не о теоріяхъ, но о крайне практическихъ вещахъ. Извѣстный швейцарскій протестантскій ученый *F. de-Rougemont*, въ одной главѣ своего сочиненія: „*La chute d'un idole*“, появившагося въ 1871 г., доказываетъ цѣлымъ рядомъ доводовъ, что во Франціи незадолго до начала послѣдней войны замышлялось весьма недоброе противъ протестантовъ. Каждое изъ приводимыхъ имъ доказательствъ, конечно, не имѣло бы юридической силы; все это не что иное, какъ смутные слухи, глухіе толки, распространенные въ низшихъ и необразованныхъ классахъ народа, но въ общей сложности они производятъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ добросовѣстность автора стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Я упомяну лишь вскользь о томъ, какого рода эти факты. Такъ, напр., тамъ-и-сямъ доводилось слышать, какъ католики-жители жалѣли протестантовъ, съ которыми были дружны, за то, что тѣ обречены на смерть; тамъ-и-сямъ католическіе священники рекомендовали въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ Эльзаса католическому населенію день и ночь освѣщать свои дома. Изъ этого видно, что воспоминаніе о Варооломеевской ночи еще живетъ въ памяти народа.

Но можно привести еще болѣе осязательный примѣръ. Газета „*Univers*“, которая уже цѣлые десятки лѣтъ стоитъ во главѣ ультрамонтанскаго движенія, напечатала слѣдующую строфу „патріотической пѣсни“:

„Les Rhénans, tribu catholique,
„Tremblent sous un roi protestant,
„Dont le seul code est une trique
„La schlaque le maître argument,
„Bismark veut Metz, Bitsche et l'Alsace
„Pour y faire adorer Luther“ etc.

Легкомысленнѣйшая изъ всѣхъ газетъ, „*Figaro*“, ревностно воз-

буждала ненависть противъ протестантовъ, хотя эти послѣдніе старались превзойти самихъ католиковъ своими патріотическими заявленіями. Такъ, напр., семь протестантскихъ пасторовъ обнародовали въ газетѣ „L'église libre“, издаваемой въ Ниццѣ, отъ 28-го октября 1870 г., воззваніе, въ которомъ требовали, чтобы всѣ церкви объявили, что протестантизмъ не отвѣтственъ за образъ дѣйствій прусскаго короля. Нѣсколько недѣль спустя, одинъ пасторъ въ Ла-Рошелѣ написалъ открытое письмо, исполненное самой грубой брани противъ прусскаго короля. Все это ни къ чему не повело и въ обнародованномъ въ прошломъ мѣсяцѣ письмѣ г. Шнееганса, одного изъ самыхъ горячихъ французскихъ патріотовъ Эльзаса, высказывается, что авторъ его не можетъ долѣе выносить оскорбленій, которымъ онъ подвергается, какъ „протестантъ и эльзасецъ“, и потому отказывается на будущее время отъ политической дѣятельности; онъ упоминаетъ при этомъ объ отпѣнѣ нантскаго эдикта, что доказываетъ, что онъ считаетъ возможнымъ нѣчто подобное и въ настоящее время. Этотъ фанатизмъ французовъ, которые вообще такъ тщеславятся своимъ просвѣщеніемъ, зависить, главнымъ образомъ отъ одной характеристичной черты ихъ національнаго характера: пристрастія къ единству во всѣхъ вещахъ. Они желаютъ полнѣйшаго однообразія, и умные и ученые люди, проповѣдующіе имъ децентрализцію, всегда тратили слова даромъ, хотя сочиненія ихъ и прославлялись. Поэтому, слѣдуетъ быть осторожнымъ при обсужденіи настоящихъ событій во Франціи. Римская церковь пользуется политическимъ изолированнымъ положеніемъ Франціи, чтобы привлечь эту страну себѣ въ союзники, и она нашла удачное средство для поддержанія агитаціи, которая даже просвѣщеннымъ французамъ кажется необходимой, потому что въ противномъ случаѣ потребность мира взяла бы перевѣсъ и война возмездія отложила бы на неопредѣленное время. Сюда же присоединяется еще одно очень важное обстоятельство, а именно: ультрамонтаны въ Германіи симпатизируютъ французскимъ и Франція, слѣдовательно, надѣется найти союзниковъ въ Германіи, благодаря своему союзу съ ультрамонтанами. Расчетъ, по моему мнѣнію, невѣренъ и именно потому, что прусское государство (котораго онъ, главнымъ образомъ, касается) раньше покончить съ оппозиціей католическихъ епископовъ, чѣмъ Франція будетъ въ состояніи извлечь какую-нибудь пользу изъ существующаго столкновенія. Весь ходъ теперешней распри показываетъ, что духовенство въ Пруссіи не въ состояніи подвинуть народъ къ возстанію, и если бы даже—что весьма вѣроятно—ближайшіе выборы дали значительный перевѣсъ голосу ультрамонтановъ, то изъ этого не слѣдуетъ дѣлать многозначительныхъ выводовъ. Крат-

кая парламентская исторія Пруссіи доказываетъ, что въ двухъ другихъ случаяхъ, когда выборы тоже дали значительное большинство, *враждебное* правительству, и когда это большинство дошло до разрыва съ правительствомъ, то народъ выдавалъ его съ руками и ногами. Въ первый разъ это случилось въ 1848 г. въ прусскомъ учредительномъ собраніи; во второй разъ, въ самый разгаръ внутренняго кризиса. Причина этого лежитъ въ традиціяхъ народной массы, которая относится съ большимъ почтеніемъ къ правительству и монархіи, чѣмъ въ Англіи или во Франціи, со времени революціи. Также и между духовенствомъ замѣчаются слабые признаки колебанія. При этомъ я не имѣю въ виду такъ-называемаго умѣреннаго образа дѣйствій отдѣльныхъ епископовъ, какъ, напр., епископа Марвица въ Кульмѣ и епископа Мельхера въ Кёльнѣ, потому что въ расчеты римской политики всегда входило держать въ резервѣ нѣсколькихъ прелатовъ затѣмъ, чтобы они могли вести переговоры, если римская курія найдетъ нужнымъ заключить миръ. Я имѣю въ виду то обстоятельство, что многія духовныя лица начинаютъ признавать преимущества, вытекающія для нихъ изъ новаго законодательства, которое обеспечиваетъ за ними нѣкоторую свободу, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ они находились въ безусловной зависимости отъ своихъ епископовъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что огромная масса народа настроена въ монархическомъ и патріотическомъ духѣ и не особенно податлива на подстрекательства духовенства.

Но я имѣю въ виду разсмотрѣть не столько внѣшнее преобразование политическаго положенія, вслѣдствіе послѣдней войны, сколько внутреннее, глубоко захватывающее и прочное вліяніе, какое эта послѣдняя оказала на самую націю какъ въ нравственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи. Я долженъ упомянуть при этомъ, что шовинизмъ остался вполне чуждъ націи, что, впрочемъ, является лишь естественнымъ послѣдствіемъ общей воинской повинности: какъ бы ни былъ храбръ и мужественъ народъ, но каждая отдѣльная личность сама по себѣ всегда предпочтетъ миръ, въ особенности при настоящемъ, страшно кровопролитномъ, способѣ веденія войны. Прежній способъ веденія войны посредствомъ наемныхъ солдатъ, которые видѣли въ войнѣ, такъ сказать, доходную статью — невозможенъ. Хотя въ Германіи и воцарилась большая самоуверенность, но это не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія на войну или миръ, такъ какъ эти послѣдніе зависятъ не отъ настроенія народа или парламентскихъ рѣшеній, но отъ рѣшенія самого короля, который принимаетъ въ расчетъ политическую необходимость, а вовсе не измѣнчивое и колеблющееся настроеніе массы. Вообще же

отношеніе остается такимъ, каѣмъ было въ послѣднюю войну, то-есть, что народъ (и парламентъ) будутъ склонны откладывать войну насколько можно и выжидать до послѣдней крайности нападенія со стороны противника, между тѣмъ какъ правительство, если оно признаетъ существованіе грозной и непредотвратимой опасности, всегда будетъ стремиться предупредить противника. Къ тому же Германія находится теперь въ такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ, что желаетъ лишь удержать то, чѣмъ уже владѣтъ, и только тѣ люди, которые абсолютно не имѣютъ никакого понятія о существующихъ отношеніяхъ, могутъ утверждать, что правительство или народъ питаютъ малѣйшую склонность къ новымъ завоеваніямъ.

Я имѣлъ уже неоднократно случай толковать о конституціонномъ развитіи, и не стану теперь останавливаться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что теперь уже вполне выяснилось, какъ неосновательны были опасенія тѣхъ лицъ, которыя боялись, что корона воспользуется своимъ преобладаніемъ и своей славой затѣмъ, чтобы ограничить конституціонныя права народа. Это ни въ чемъ не проявлялось, и если парламентаризмъ и не можетъ похвалиться особенно блестящими успѣхами, то все-таки нельзя сказать, чтобы онъ ослабѣлъ. Напротивъ того, онъ пустилъ болѣе глубокіе корни.

Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ парламентаризма въ Германіи заключается въ томъ, что министры берутся не изъ большинства парламента. Это обстоятельство обусловливается не только антипатіей короны къ принципу, который обыкновенно считаютъ послѣдней побѣдой конституціонализма надъ монархіей, но и положеніемъ парламентскихъ партій въ Германіи, которое совершенно иное, нежели въ Англіи, Бельгіи и нѣкоторыхъ другихъ вполне конституціонныхъ государствахъ. Въ настоящее время, когда прежнія партіи въ Англіи стали дробиться, господствующій принципъ не могъ удержаться въ полнотѣ: министерство Гладстона продолжаетъ свое существованіе, несмотря на цѣлый рядъ полученныхъ имъ поражений. Многіе здравомыслящіе англичане полагаютъ, что ихъ отечеству предстоитъ серьезный кризисъ, который внесетъ радикальную перемену въ отношеніяхъ между парламентомъ и правительствомъ. Для людей, желающихъ прогресса, весьма неутѣшителенъ такой шагъ назадъ въ другой странѣ. Между тѣмъ Пруссія, должно сознаться, еще далеко отстала отъ Англіи, въ отношеніи такъ-называемыхъ правъ личной свободы. Такъ законная защита противъ произвольныхъ дѣйствій чиновниковъ весьма слаба; на дѣлѣ, почти невозможно для частнаго лица получить удовлетвореніе за произволъ офиціального лица. Причина этому заключается отчасти въ военныхъ традиціяхъ страны. Правительство боится поколебать авторитетъ чиновничества, подвергнув

его слишкомъ большой отвѣтственности, и сами представители народа еще не обращали должнаго вниманія на этотъ вопросъ. Но такіа произвольныя дѣйствія чиновниковъ выражаются обыкновенно на мелочахъ, чѣмъ и объясняется также бездѣйствіе правительства въ этомъ отношеніи. Въ подобныхъ вопросахъ распространіе образованія и добрыхъ нравовъ служить лучшимъ подспорьемъ законамъ, если таковыя оказываются неудовлетворительными.

Французскія газеты предаются иллюзіямъ, что Германія, вслѣдствіе кризисовъ, постигшихъ въ послѣднее время ея биржи, потеряла все, даже больше, чѣмъ принесла ей французская контрибуція. Многія явленія, сопровождавшія уплату контрибуціи, были въ самомъ дѣлѣ таковы, что даже въ самой Германіи возникло сомнѣніе, кому нанесъ болѣйшій ущербъ князь Бисмаркъ, потребовавъ такую громадную контрибуцію: врагу или своей собственной странѣ. Повышеніе заработной платы, цѣнъ на жизненные припасы и весьма многіе товары въ концѣ-концовъ должны весьма невыгодно отразиться на промышленности страны. Не утверждая положительно, что громадная контрибуція, уплаченная французами, принесла именно тѣ плоды, которыхъ ожидалъ отъ нея Бисмаркъ, нельзя не признать, если принять въ соображеніе всю сумму обстоятельствъ, что множество опасеній относительно худыхъ послѣдствій упомянутой операціи для Германіи совершенно неосновательны.

Требованіе столь громадной, доселѣ неслыханной военной контрибуціи можно объяснить себѣ желаніемъ князя Бисмарка ослабить Францію на болѣе долгое время и удержать ее отъ войны возмездія противъ Германіи до тѣхъ поръ, пока Эльзась-Лотарингія не сольется съ Германіей, пока германская имперія не окрѣпнетъ и пока не будетъ окончено сооруженіе крѣпостей на новой западной границѣ.

Въ настоящее время такихъ слѣдствій контрибуціи незамѣтно. Что касается Франціи, то усиленное обращеніе кредитныхъ билетовъ и связанное съ тѣмъ, а также съ уплатами Германіи, увеличеніе бумажныхъ денегъ не привело къ замѣтному паденію ихъ цѣнности. Это противно всѣмъ правиламъ финансовой науки и объясняется только тѣмъ, что твердая увѣренность французовъ въ скоромъ возстановленіи ихъ политическаго преобладанія и въ неистощимомъ богатствѣ ихъ страны, которое они надѣются увеличить посредствомъ труда, умѣнья и частной бережливости, ни на минуту не была поколеблена. Кромѣ того, Франція нашла поддержку, при выполненіи своей колоссальной финансовой операціи, во всей Европѣ, не исключая и Германіи; конечно, экономическія послѣдствія громадно возросшаго долга окажутся только тогда, когда увеличенные налѣгъ станутъ взиматься со всѣхъ классовъ населенія. Напоги не „пустая

мечта", а неумолимая действительность, и если они становятся слишком высокими, что сначала мѣшаютъ развитію общественнаго благосостоянія, а затѣмъ подкапываютъ его у самого корня.

Съ другой стороны, должно сознаться, что внезапный наплывъ денегъ въ громадномъ размѣрѣ произвелъ нѣкоторый переполохъ въ обыденной жизни Германіи. Значительное повышение цѣнъ, или, что тоже, пониженіе цѣнности денегъ, въ Германіи отразилось невыгодно особенно на тѣхъ, кто жилъ на опредѣленный доходъ, какъ, напримѣръ, жалованье или рента. Многіе изъ этой категоріи, желая вознаградить свои потери, пускались въ спекуляціи и окончательно разорялись. Но всѣ эти частныя невыгоды не могутъ даже быть сравниваемы съ тѣми выгодами, какія доставила въ общей сложности французская военная контрибуція. Изъ этой контрибуціи были покрыты, прежде всего, значительные расходы послѣдней войны, насколько ихъ можно было опредѣлить; истраченный военный матеріалъ пополненъ или будетъ пополненъ, основанъ инвалидный фондъ въ 187 милліоновъ талеровъ, государственный фондъ увеличенъ до 40 милліоновъ, флотъ будетъ преобразованъ сообразно съ требованіемъ времени, крѣпости перестроены и покрыто множество расходовъ, какъ по имперіи, такъ и по отдѣльнымъ государствамъ, расходы, которые поздно или рано пришлось бы произвести изъ текущихъ доходовъ страны.

Самымъ крупнымъ изъ такихъ расходовъ была реформа денежной системы: введеніе золотой единицы на мѣсто серебряной и ограниченіе денежныхъ знаковъ и кредитныхъ билетовъ, которые замѣнены въ обращеніи металлическими деньгами. Необходимое для этого золото, безъ военной контрибуціи, пришлось бы купить, а постоянно падающее въ цѣнѣ серебро продать. Такая финансовая операція могла бы быть выполнена только посредствомъ векселей или займа. Это положительная выгода.

Но еще важнѣе то обстоятельство, что французская контрибуція дала возможность Германіи быть снова на-готовѣ къ войнѣ. Война 1870 — 1871 годовъ, личное знакомство съ Франціей, которое приобрѣли во время этой войны тысячи образованныхъ нѣмцевъ, легкость, съ какою были добыты 5 миллиардовъ,—все это убѣдило въ страшныхъ богатствахъ Франціи, а богатство—сила! Какъ жаловались французы на чрезмѣрную контрибуцію, хотя она вовсе не особенно громадна, если принять въ соображеніе неимоверно возросшее богатство Франціи съ начала этого столѣтія.

Есть люди, которые полагаютъ, что контрибуція доставила Германіи только извѣстное количество звонкаго металла, и указываютъ при этомъ на примѣръ Испаніи, обѣдѣвшей во время прилива зо-

лота изъ Перу. Въ этомъ заключается ошибка: причиною обѣднѣнія Испаніи былъ не приливъ золота, а худое употребленіе, которое изъ него дѣлали; Испанія обѣднѣла вслѣдствіе худой политики, *несмотря* на избытокъ золота.

Я полагаю, что окрѣпшая Германія не угрожаетъ свѣту, но что французская контрибуція и значительныя средства, которыми германское правительство располагаетъ въ настоящее время, развязали ей руки относительно внѣшней политики.

Если во Франціи съ гордостью указываютъ на замѣшательство на германскихъ биржахъ, къ которымъ конечно причисляютъ и вѣнскую биржу, хотя Австрія и не принадлежитъ къ Германіи, то въ этомъ много преувеличеній и заблужденій. Насколько возможно было до сихъ поръ прослѣдить исторію этого кризиса, распространившагося въ настоящее время уже и на Америку, начало ему было положено въ Вѣнѣ. Вѣнская биржа имѣла въ виду громадный приливъ денегъ въ Германію, во-первыхъ, вслѣдствіе уплаты французской контрибуціи, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что капиталы, лежавшіе подъ спудомъ во время войны, будутъ пущены въ обращеніе. Всей этой массѣ денегъ надо было дать возможность пристроиться. Поэтому, въ Вѣнѣ было основано множество банковъ; Берлинъ послѣдовалъ примѣру Вѣны и первые успѣхи, весьма понятные и законные, вызвали столько подражателей, что наконецъ банковъ оказалось слишкомъ много. Банкъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, подверженъ законамъ конкуренціи, какъ и всякое другое промышленное предпріятіе. Небольшой городъ даетъ хорошіе доходы двумъ булочникамъ, но если къ нимъ присоединятся третій и четвертый, то или доходъ каждаго изъ нихъ уменьшится, или же которые-нибудь изъ нихъ разорятся. Хотя тутъ и существуетъ нѣкоторая разница, но она болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, а потому и повела только къ путаницѣ понятій. Финансисты полагаютъ, или по крайней мѣрѣ стараются распространить мнѣніе, что банковое дѣло можетъ расширяться безгранично, между тѣмъ какъ матеріалъ для банковской дѣятельности, капиталъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ увеличиваться безгранично. Въ эпоху значительнаго и продолжительнаго повышенія фондовъ, какъ то было у насъ съ окончанія послѣдней войны до половины прошлаго года, царствуетъ *спекуляція*; колоссальныя обороты и сопряженные съ ними расходы даютъ пипу новымъ банкамъ и новымъ банкирамъ. Но затѣмъ наступаетъ паденіе фондовъ и спекулянты видятъ, къ своему ужасу, что уплатили громадныя суммы изъ своего кармана, оставшись въ потерѣ вмѣсто барыша, и въ то время, какъ они прекращаютъ свои дѣла, дѣла банковъ начинаютъ ухудшаться; ожиданіе плохого дивиденда роняетъ ихъ курсы, а такъ

какъ акціи находятся въ рукахъ публики, то публика несетъ вторичную потерю, и такимъ образомъ дѣло все болѣе и болѣе усложняется, за самонадѣянностью и безграничной предприимчивостью слѣдуетъ уныніе, даже отчаяніе. Подобные кризисы поражаютъ регулярно современное общество и даже все въ болѣе и болѣе короткіе промежутки времени, и несмотря на ущербы, наносимые ими отдѣльнымъ личностямъ, общее благосостояніе развивается, всѣ полезныя предпріятія, возникшія во время страсти къ предпріятіямъ, остаются и продолжаютъ существовать на общую пользу.

Дальнѣйшее послѣдствіе большого наплыва денегъ еще чувствительнѣе, а именно чрезвычайное повышеніе цѣнъ, особенно на квартиры, жизненные припасы и заработную плату. Но это явленіе не единично, оно обще всей Европѣ и обуславливается тѣмъ, что цѣны уравниваются мало-по-малу въ государствахъ и именно въ томъ направленіи, что низшія цѣны повышаются, а не высшія падаютъ. Это явленіе есть слѣдствіе всеобщаго благосостоянія, и если Европу постигло бы большое бѣдствіе, продолжительныя войны, сильныя эпидеміи, внутренніе безпорядки, то заработная плата немедленно бы упала; но тѣ, кто въ настоящее время на это жалуются, замѣтили бы къ своей невыгодѣ, что имъ самимъ было гораздо лучше при высокой наемной платѣ, чѣмъ при низкой оставаться безъ дѣла.

Люди всегда и вездѣ склонны считать настоящее зло за величайшее и все преувеличивать. Многие, напримѣръ, настаиваютъ на уничтоженіи акціонерныхъ обществъ потому только, что такія общества не обходятся безъ злоупотребленій, забывая, что союзъ капитала представляетъ собою, можетъ быть, одинъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ экономическаго развитія настоящаго времени.

Какъ бы то ни было, но причиной пертурбацій въ финансовомъ мірѣ, вызывающихъ совершенно справедливыя жалобы, не можетъ считаться ни Германія, ни послѣдняя война. Обойдись дѣло, въ 1870 году, безъ войны и упрочься, напротивъ того, миръ, всеобщее благосостояніе было бы больше, а вмѣстѣ съ нимъ и спекуляція еще необузданнѣе, чѣмъ теперь.

Вліянія войны должно искать не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ мірѣ, хотя въ этомъ послѣднемъ оно мало замѣтно. Кромѣ нѣсколькихъ романовъ, построенныхъ на событіяхъ изъ послѣдней войны, тщетно искать въ литературѣ какой-нибудь характерной черты, отдѣляющей произведенія, появившіяся до и послѣ 1870 года. Развѣ только то, что писатели и поэты стали менѣе производительны, чѣмъ были прежде. Характернымъ явленіемъ служить процвѣтаніе театра. Я уже говорилъ, въ другомъ случаѣ, какъ блестяще оправдался въ этой области принципъ свободы, не

смотря на сентиментальныя предсказанія доселѣ привилегированных театровъ, предвѣщавшихъ упадокъ искусства. Я не думаю утверждать, что всѣ, или большая часть изъ новыхъ театровъ, образцово хороши и способствуютъ развитію искусства, однако, мало по-малу, то тотъ, то другой выдвигаются изъ общаго уровня или прекраснымъ составомъ труппы, или дѣльнымъ управленіемъ, или же преслѣдованіемъ опредѣленной спеціальности: классической драмы или новыхъ произведеній. Въ прежнее время, серьезные драматическіе писатели владѣли жалкое существованіе. Если имъ не удавалось пристроить свое произведеніе на одной изъ придворныхъ сценъ, то оно никогда не появлялось для публики въ исполненіи. Теперь же, для всякаго произведенія, мало-мальски исполнимаго, открыто нѣсколько сценъ, а успѣхъ гарантируетъ весьма хорошее вознагражденіе автору. Положимъ, такое положеніе дѣлъ не создаетъ Шекспировъ и Шидлеровъ, но именно примѣръ этихъ писателей показываетъ, что драматическіе гении появляются въ тѣ періоды, когда существуетъ общій интересъ къ театру и что въ такія времена, на ряду съ посредственностью, появляются произведенія классическія. Для современниковъ Шекспиръ не былъ первымъ изъ всѣхъ писателей своего времени, но посредственность другихъ не имѣла худаго вліянія на его гений.

Между искусствами, въ наивыгоднѣйшемъ положеніи въ настоящее время находится живопись. Увеличившееся богатство, развитійся вкусъ и просто мода обуславливаютъ большой спросъ на картины. Спросъ на нихъ такъ великъ, что ежедневно увеличивающаяся фаланга художниковъ едва можетъ ему удовлетворить. Критики, устроившіе въ настоящее время rendez-vous въ Вѣнѣ, стараются, изъ всѣхъ силъ, открыть духъ времени въ картинахъ своихъ современниковъ и пускаются по этому поводу въ великую метафизику. По-моему, это ничѣмъ не оправдывается, потому что, не говоря о большомъ техническомъ совершенствѣ, незамѣтно истиннаго прогресса въ современной живописи. Главнымъ событіемъ въ области искусства, со времени заключенія мира, было окончаніе колонны въ честь побѣды на Королевской площади, открытіе которой, послѣдовавшее 2-го сентября, сопровождалось большимъ празднествомъ и о художественномъ значеніи которой было писано такъ много. На колоннѣ находится статуя „Побѣды“, обращенная фасомъ къ новой, прекрасной улицѣ „Побѣды“, проложенной черезъ Зоологическій садъ (это собственно аллея—безъ домовъ): „Побѣда“ подаетъ лавровый вѣнокъ возвращающимся на родину войскамъ. Это основная мысль монумента, и противъ нея нельзя ничего сказать. Критики напустились прежде всего на самую колонну. По мнѣнію нѣкоторыхъ, колонна на мѣстѣ только на ряду съ

другими колоннами, для поддержанія чего-нибудь, какъ въ древнихъ греческихъ храмахъ. Долженъ сознаться, что такое мнѣніе мнѣ непонятно; колонна среди большой площади, какова Королевская, по-моему какъ нельзя больше на мѣстѣ. Выполненіе же *этой* колонны, по-моему, неудачно и именно потому, что она не чистая колонна. Монументъ состоитъ, во-первыхъ, изъ круглой террасы, изъ сѣраго гранита, на которой помѣщается четырехугольный пьедесталъ въ 22 фута вышины (о рельефахъ на пьедесталѣ буду говорить дальше). На пьедесталѣ стоитъ колонна; она окружена снизу галлереей въ 20 футовъ вышины, поддерживаемой 16-ю колоннами. Эта-го галлерей, прекрасная сама по себѣ, и противорѣчитъ всѣмъ законамъ искусства. Красота колонны заключается въ ея легкости: кромѣ пьедестала и фигуры, помѣщенной наверху, она должна быть свободна отъ всякихъ подпорокъ и поддержекъ. Не можетъ ничего быть опаснѣе въ искусствѣ, какъ смѣшивать двѣ вещи, одна къ другой не подходящія. И галлерей, поддерживаемая колоннами, прекрасна, и отдѣльная колонна прекрасна, но соединеніе того и другого не можетъ быть допущено искусствомъ. Эта злосчастная галлерей находитъ свое оправданіе въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: она дала возможность помѣстить въ нижней части вокругъ колонны картину, а это было весьма желательно потому, что колонна, начатая, какъ извѣстно, послѣ датской войны, воспоминаніемъ которой первоначально и должна была служить, приобрѣла болѣе широкое назначеніе съ окончаніемъ послѣдовавшихъ войнъ, и нижніе рельефы не могли вмѣстѣ въ себѣ всѣ великія воспоминанія. Конечно, такія практическія соображенія не должны имѣть вліянія на произведеніе искусства. Если оно само по себѣ совершенно, то безъ всякой картины будетъ понятно грающимъ вѣкамъ. Надъ галлереей возвышается сама колонна, въ три этажа, 147 футовъ вышины и 16 футовъ въ поперечникѣ. На выступахъ помѣщены 60 позолоченныхъ гирляндъ, перевитыхъ гирляндами: 20 датскихъ внизу, 20 австрійскихъ въ серединѣ и 20 французскихъ наверху. На капителѣ, образованной 8-ю орлами, съ распушенными крыльями, стоитъ на пьедесталѣ изъ песчаника, въ 14 футовъ высоты, позолоченная статуя „Побѣды“, въ шлемѣ, съ вѣнкомъ въ правой рукѣ и со знаменемъ съ желѣзнымъ крестомъ въ лѣвой; все вмѣстѣ, до вершины знамени, еще 10 футовъ. Императоръ, какъ рассказываютъ, напелъ статую слишкомъ водосальной и замѣтилъ это во время открытія памятника художнику (профессору Драке), который ее выполнялъ. Художникъ отвѣтилъ, что статуя велика, это правда, но и побѣды императора, въ честь которыхъ она поставлена, не малы. Его отвѣтъ былъ неудаченъ, потому что императоръ Вильгельмъ не любитъ лести.

Нельзя похвастать, чтобы пушки были размѣщены на памятникѣ съ особеннымъ вкусомъ: „Кладдерадачъ“ изображаетъ ихъ на своихъ рисункахъ колонны въ видѣ пачки сигаръ.

4 рельефа на нижнемъ пьедесталѣ изображаютъ: выступленіе изъ Берлина и штурмъ дюппельскихъ шанцевъ (на одномъ рельефѣ Каландрелли), сраженіе подъ Кёнигсгрецомъ (Морица Шульца), сраженіе при Седанѣ и вступленіе въ Парижъ (Карла Кейля) и возвращеніе въ Берлинъ (Альберта Вольфа) на главномъ фасадѣ съ надписью: „Благодарное отечество побѣдоносному воинству“. Всѣ фигуры на рельефахъ портреты, весьма похожіе. Если принять въ соображеніе непреодолимую трудность небольшимъ числомъ фигуръ выразить событія, совершенныя тысячами, а иногда и сотнями тысячъ, то приходится критиковать снисходительнѣе, чѣмъ это дѣлается. Главныя похвалы расточаются рельефу Каландрелли, но и возвращеніе въ Берлинъ скомпоновано превосходно (императоръ, принцы, Бисмаркъ, Мольтке, Роонъ составляютъ среднюю часть рельефа).

Праздникъ открытія памятника носилъ на себѣ характеръ чисто прусскій. Это объясняютъ тѣмъ, что побѣды, въ честь которыхъ воздвигнута колонна, частью были одержаны пруссаками надъ нѣмцами. Вполнѣ послѣдовательнымъ этого назвать нельзя, потому что картина въ колоннадѣ изображаетъ возрожденіе Германіи. Эта картина произведеніе А. фонъ-Вернера, нарисована масляными красками; въ слѣдствіи предполагается ее воспроизвести посредствомъ стеклянной мозаики. Она изображаетъ послѣднюю войну цѣлымъ рядомъ сценъ, на особенный, фантастическій манеръ, имѣющій большой успѣхъ въ настоящее время, и который можно считать характернымъ для нашей эпохи. Основаніе такого рода картинъ, выражающихъ собою идеи въ фантастическихъ образахъ, было положено Баульбахомъ; но послѣдователи его были менѣе умѣренны въ выборѣ формъ. Такъ, для Вернера современный солдатъ, въ его формѣ, не годится для картины высокаго полета; онъ изображаетъ на мѣсто его средневековаго рыцаря, въ латахъ. Простой языкъ рельефа, изображающаго возвращеніе въ Берлинъ, будетъ черезъ двѣсти лѣтъ также ясенъ, какъ и теперь; что же касается картины Вернера, то весьма вѣроятно, что она вызоветъ весьма разнорѣчивыя мнѣнія въ людяхъ XX или XXI столѣтія.

Но *практическій* характеръ памятника, равно какъ и торжества его открытія, не выдержанъ еще и въ другомъ направленіи, такъ какъ днемъ для этого празднества избранъ былъ день капитуляціи императора Наполеона, послѣ седанской битвы, и этотъ день долженъ праздноваться какъ національный, германскій праздникъ. По

всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ произошелъ нѣкоторый расколъ между германскимъ и прусскимъ самосознаніемъ, такъ какъ эти оба направленія отнюдь еще не объединились окончательно, и по всей вѣроятности еще долгое время будутъ существовать параллельно: германское—въ лицѣ князя Бисмарка, прусское—въ лицѣ графовъ Роона и Эйленбурга. Этотъ антагонизмъ наружно мало замѣтенъ, но въ сущности проникаетъ всю государственную жизнь въ Пруссіи. Не только консерваторы, но и многіе либеральные люди указываютъ на тотъ безспорный фактъ, что въ стремленіяхъ доставить Германіи національное единство и поставить ее на ряду съ остальными великими европейскими державами, самый тяжелый трудъ выпалъ на долю Пруссіи; что послѣдняя является самымъ прочнымъ звѣномъ среди всѣхъ союзныхъ нѣмецкихъ государствъ, и что было бы крайне опаснымъ экспериментомъ разрушить этотъ организмъ прежде, чѣмъ германская имперія вполне упрочится. Стараясь уловить руководящую идею политики князя Бисмарка, нельзя никакъ усомниться, что его главная цѣль заключается въ томъ, чтобы Пруссія перешла въ Германію, какъ у насъ принято выражаться, то-есть, чтобы она такъ тѣсно слилась съ Германіей, чтобы всѣ ея особенности совершенно изгладились. Эту цѣль преслѣдуетъ учрежденіе имперскаго канцлерства, которое принимаетъ все большіе и большіе размѣры и соединяетъ въ сферѣ своей дѣятельности многія имперскія дѣла, какъ-то: война, дипломатія почти вмѣстѣ съ прусскими дѣлами, и которому предстояло было еще расширить районы своей компетентности, такъ какъ статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ долженъ былъ засѣдать въ прусскомъ министерствѣ. Но этотъ планъ, какъ кажется, не удался, потому что хотя фонъ-Бюловъ и назначается статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, но князь Бисмаркъ остается министромъ иностранныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ управленіе этого министерства переходитъ такъ сказать къ двумъ лицамъ, подобно тому, какъ это уже существуетъ въ военномъ министерствѣ.

Хотя и нельзя отрицать, что до сихъ поръ имперскія учрежденія дѣйствовали отлично, но этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ, вліятельной личности князя Бисмарка и все еще не изгладившемуся вліанію тѣхъ крупныхъ событій, при которыхъ возникла имперія. Эти учрежденія отнюдь не таковы, чтобы они могли продолжать дѣйствовать сами собой, когда бы не стало мощнаго генія и сильной воли, которые ихъ теперь оживляютъ. Нужно было бы намѣренно закрывать глаза, для того, чтобы не видѣть, что въ самой Германіи все еще существуютъ отъявленные противники германской имперіи. Я имѣю въ виду не ультрамонтановъ, но патріотовъ-партикуляри-

стовъ, которые въ настоящую минуту, хотя бы, напримѣръ, въ Саксоніи, опять громко заявляютъ свой голосъ.

Чтобы представить картину общаго политическаго состоянія Германіи въ настоящій моментъ, который, по моему мнѣнію, выражаетъ собой апогею политическаго индифферентизма, являющагося неизбежнымъ слѣдствіемъ послѣдней войны, надо еще мимоходомъ упомянуть о нѣкоторыхъ пунктахъ: церковномъ движеніи, приведеніи въ исполненіе окружнаго положенія, приготовленіяхъ къ наступающимъ выборамъ. Что касается перваго, то прусское правительство рѣшилось на весьма важную мѣру, а именно: признать старо-католическаго епископа Рейнкенса и, такимъ образомъ, уравнять въ государственномъ отношеніи старо-католиковъ съ римско-католической церковью. Второй расколъ въ средѣ католической церкви произведенъ государственными—какъ ихъ называютъ въ насмѣшку ультрамонтаны—католиками, которые тѣмъ отличаются отъ старо-католиковъ, что совершенно устраняютъ вопросъ о догматахъ, и только объявляютъ, что готовы повиноваться правительству, насколько имъ позволяетъ это ихъ совѣсть. Въ численномъ отношеніи обѣ партіи, конечно, совсѣмъ ничтожны сравнительно съ массой католиковъ, которые не заявляютъ своихъ мнѣній, а потому признаются въ ультрамонтанской печати покорною паствою папы. Но расчетъ невѣренъ въ томъ смыслѣ, что большинство этой массы состоитъ изъ людей вялыхъ, — между тѣмъ, какъ оппозиція насчитываетъ самые энергическіе элементы въ своей средѣ. Какъ сильно опасается римская партія этого движенія, явствуетъ изъ того, что она съ неистовою яростью преслѣдуетъ диссентеровъ и осыпаетъ ихъ бранью. Теперь не время заниматься предсказаніями, но полагаю, что въ промежутокъ до моего слѣдующаго письма положеніе значительно выяснится и епископы совершатъ уже свое отступленіе.

Евангелическая церковь точно также переживаетъ сильное движеніе, такъ какъ король отъ 10 числа текущаго мѣсяца принялъ выработанное министромъ народнаго просвѣщенія церковно-общинное и синодальное положеніе для шести восточныхъ провинцій и приказалъ созвать евангелической генеральный синодъ. Главныя основанія церковнаго общиннаго положенія аналогичны съ гражданскимъ общиннымъ положеніемъ, такъ что церковному совѣту, состоящему изъ духовныхъ лицъ и нѣсколькихъ старшинъ общины, противопоставляется общинное представительство, избираемое изъ членовъ общины, и именно въ тройномъ числѣ противъ членовъ церковнаго совѣта. Оба учрежденія суть законные органы самоуправленія, и черезъ ихъ посредство община управляетъ своими церковными дѣлами.

Самымъ существеннымъ пунктомъ при этомъ является вопросъ:

какими условіями будетъ обставлено право со стороны мірянъ, и именно въ этомъ отношеніи законъ уже вызвалъ противъ себя весьма сильную оппозицію. Либеральная партія желаетъ, чтобы догматическая точка зрѣнія возможно менѣе выступала впередъ. Консерваторы же, напротивъ того, усматриваютъ въ общинномъ положеніи средство возстановить строгость вѣры, и такъ какъ новое общинное положеніе даетъ общинѣ право назначать весьма осязательныя церковныя наказанія, напоминающія нѣсколько времена пуританъ въ Англіи, то понятно, что консерваторы гораздо довольнѣе новымъ положеніемъ, чѣмъ либералы. Общинному церковному совѣту, въ силу этого закона, вмѣняется въ обязанность „поддерживать и поддерживать христіанское настроеніе и христіанскіе нравы въ общинахъ, какъ своимъ личнымъ примѣромъ, такъ и разумнымъ примѣненіемъ всѣхъ пригодныхъ и подходящихъ средствъ“. Это во всякомъ случаѣ весьма обширныя полномочія, и по опредѣленіямъ правоспособности къ выборамъ въ церковный общинный совѣтъ можно судить объ ихъ направленіи. Правомъ быть выбранными въ общинное представительство, напр., пользуются всѣ самостоятельные члены мужескаго пола, пользующіеся гражданскими правами; но этого права лишаются тѣ, „которые, вслѣдствіе удаленія отъ участія въ общественномъ богослуженіи и таинствахъ, перестали принадлежать къ своей церковной общинѣ“. Нельзя не признать, что на практикѣ примѣненіе такихъ правилъ можетъ привести къ ужасающей тиранинѣ.

Что касается приведенія въ исполненіе окружнаго положенія, то въ настоящее время уже повсемѣстно происходили выборы въ окружной сеймъ и вездѣ побѣдили консерваторы; мало того: въ округѣ Шлаузѣ, гдѣ находится Варцинъ, имперскій канцлеръ, князь Бисмаркъ забаллотированъ, потому что чрезчуръ либераленъ для этихъ господъ. Было бы неразумно поэтому заблуждаться на счетъ значенія окружнаго положенія, которое уже при обсужденіи его всѣми признано было за крайне консервативное учрежденіе. Крупные землевладельцы не только не утратили, благодаря ему, свое вліяніе, но удерживаютъ его и пользуются имъ по прежнему. Только отъ всякаго требуется, чтобы онъ былъ на своемъ посту. Кто вздумаетъ уклоняться отъ своихъ обязанностей, тотъ можетъ также понести значительный ущербъ и въ своихъ интересахъ.

Я теперь перехожу къ послѣднему пункту моего отчета, къ посѣщенію короля Виктора-Эммануила. Вспоминая о прошлогоднемъ свиданіи императоровъ, невольно находишь, что настоящее посѣщеніе совершилось при весьма простой обстановкѣ и даже дипломатическое любопытство повидимому мало было возбуждено, потому что никто изъ посланниковъ не присутствовалъ на немъ, хотя уже одна

дипломатическая свита, сопровождавшая короля, какъ въ Вѣну, такъ и въ Берлинъ, доказываетъ, что его посѣщеніе имѣло весьма серьезныя политическія цѣли. При этомъ, конечно, рѣшительно все равно, будетъ ли заключенъ формальный договоръ, что въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно отрицается. Дѣло въ томъ, что итальянскій король ищетъ опоры, въ виду враждебнаго настроенія Франціи противъ Италіи, и всего легче можетъ найти ее, применивъ къ Пруссіи и Австріи, которыя исключительно чувствуютъ потребность и желаніе сохранить миръ. Но событіе не теряетъ вслѣдствіе того своей интересъ. Насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ прежнихъ итальянскихъ государей никогда не посѣщалъ прусской столицы, потому что жители южныхъ странъ вообще неохотно расстаются съ своимъ голубымъ небомъ и благораствореннымъ климатомъ для пасмурнаго сѣвера. Цезарь былъ конечно храбрый человѣкъ, но изъ его сочиненій явствуетъ, что онъ чувствовалъ себѣ не совсѣмъ ловко на сѣверѣ отъ Альпъ.

Берлинцы на этотъ разъ выказали настоящій восторгъ, и король Викторъ-Эммануилъ именно такого рода человѣкъ, чтобы снискать ихъ расположеніе. вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ онъ отличается тѣмъ, что рано встаетъ, а это качество весьма рѣдкое въ великихъ государственныхъ людяхъ. Князь Бисмаркъ обыкновенно садится за работу, когда простые смертные ложатся спать. Викторъ-Эммануилъ уже на ногахъ чѣмъ свѣтъ, и хотя въ программѣ значилось, что онъ долженъ посвятить послѣдній день своего пребыванія въ Берлинѣ осмотру достопримѣчательностей этого города, однако онъ занялся этимъ съ самаго приѣзда. Зоологическій садъ и акварій прежде всего привлекли его вниманіе, и на ученыхъ отдѣльных полковъ онъ присутствовалъ съ интересомъ знатока. Изъ различныхъ обстоятельствъ и указаній явствуетъ, что установлена весьма существенная политическая связь и въ числѣ фактовъ, подтверждающихъ это, самымъ важнымъ остается заявленіе „Провинціальной Корреспонденціи“, признающее въ Мингетти *„le pivot de la situation“* и которое необходимо понять такъ, что доселѣ подготовлены лишь сдѣлки, которыя вступать въ свою силу въ ту самую минуту, какъ обстоятельства того потребуютъ. Но, принимая во вниманіе обычный ходъ дипломатическихъ переговоровъ, одно только не совсѣмъ понятно: какимъ образомъ могла Франція отнестись къ этому посѣщенію такъ равнодушно, какъ точно оно нисколько не измѣняетъ политическаго положенія. Посѣщеніе Берлина необыкновенно быстро затмило визитъ въ Вѣну, хотя послѣдній съ психологической точки зрѣнія представляетъ еще больше интереса, чѣмъ первый, такъ какъ тутъ свидѣлись два государя, которые въ послѣдніе годы во время

двухъ величайшихъ кризисовъ, когда-либо пережитыхъ Европой, были или союзниками, или нейтральными, тогда какъ въ Вѣнѣ встрѣтились два старыхъ противника. Но въ политическомъ отношеніи свиданіе въ Вѣнѣ важнѣе. О чемъ бы ни условились въ томъ и другимъ мѣстѣ, а несомѣнно, что Германіи и Италіи выпадаетъ при этомъ активная роль, между тѣмъ какъ Австрія воспользуется всѣми выгодами положенія. Неоднократныя неудачи, испытанныя ею съ 1848 года, даютъ ей на то право, и кромѣ того она принесетъ союзу всю желательную пользу, если будетъ сохранять во всѣхъ случаяхъ дружескій нейтралитетъ. Сама же она прежде всего извлечетъ уже ту выгоду, что ея южно-тирольскія владѣнія не будутъ болѣе тревожимы національною агитаціей итальянцевъ, и по всей вѣроятности этотъ пунктъ былъ специально выговоренъ, такъ какъ Пруссія никогда не любила національныя агитаціи подобнаго рода, а теперь, конечно, еще менѣе склонна симпатизировать имъ.

К.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НѢМЕЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Die leitenden Ideen und der Fortschritt in Deutschland von 1860 bis 1870. Von Hermann Michael Richter. (Господствовавшія идеи и прогрессъ въ Германіи съ 1860 по 1870. Сочиненіе Германа Михаэля Рихтера). Nördlingen. 1873.

Успѣхи нѣмецкаго оружія во время послѣдней войны между Германіей и Франціей крайне изумили всю Европу, привыкшую уже признавать первенство французовъ въ военномъ искусствѣ. Это изумленіе имѣло свои важныя послѣдствія, какъ, видно изъ усилій всѣхъ государствъ, такъ или иначе, примѣнить къ своей арміи прусскую военную и рекрутскую организацію. Между тѣмъ, за спиною этой военной организаціи оставался до сихъ поръ скрытымъ другой крупный фактъ, игравшій первую роль не только въ самомъ побѣдоносномъ походѣ нѣмцевъ во Францію, но и въ побужденіяхъ прусскаго правительства къ введенію въ свою армію той организаціи, которою столь сильно восхищается современная Европа. Крупный фактъ, насъ занимающій,—это поистинѣ удивительное, страстное единодушіе, обнаруженное нѣмцами во время войны. Мало было та-

нихъ публицистовъ въ Германіи, которые были увѣрены въ томъ, что нѣмцы побѣдятъ французовъ, но еще меньше было такихъ, которые надѣялись на стройный, крѣпкій союзъ всѣхъ нѣмецкихъ народовъ въ такомъ дѣлѣ, какъ война съ Франціей. Разъединенность нѣмцевъ, распушенность ихъ государственныхъ управленій, мелкія интриги и мелкія самолюбія ихъ дворовъ и политическихъ партій вошли въ пословицу;—до войны 1866 года слово „Германія“ было лишь географическимъ терминомъ, да и въ 1870 году не Франція одна полагала, что въ Германіи существуетъ лишь Пруссія, ненавистная будто бы для всѣхъ остальныхъ нѣмцевъ. Что же касается до нѣмецкаго народа, о немъ говорили и судили лишь по нѣкоторымъ случайнымъ фактамъ: его воображали себѣ какимъ-то филістеромъ, неспособнымъ къ широкимъ политическимъ замысламъ или предпріятіямъ, и могущимъ лишь служить пѣшкой въ рукахъ своихъ многочисленныхъ владѣтелей. Ни въ нѣмецкой литературѣ, ни въ наукѣ, ни въ рабочемъ движеніи, ни въ общественныхъ союзахъ, ни въ сѣздахъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, то религіознаго, то соціальнаго свойства, не только европейскіе публицисты и дипломаты, но и большинство нѣмецкихъ политиковъ и государей, не умѣло находить признаковъ серьезнаго политическаго стремленія, которое въ дѣйствительности охватывало мало-по-малу всѣ слои нѣмецкаго народа и, наконецъ, разразилось страшнымъ ударомъ надъ Франціей, ставшей вдругъ поперекъ стремленія нѣмцевъ къ политическому единству, къ самостоятельному развитію въ средѣ цивилизованнаго міра.

Правда, въ массѣ разныхъ заявленій о несостоятельности всего нѣмецкаго, были рѣдкіе, но вліятельные голоса, старавшіеся указывать на политическіе и общественные успѣхи германскаго населенія: на широкое распространеніе образованія, особенно реальнаго, во всѣхъ классахъ нѣмецкаго общества, на процвѣтаніе торговли, промышленности и земледѣлія и т. п.,—но эти рѣдкіе голоса имѣли мало успѣха, такъ что предразсудки касательно политическаго зстоя нѣмцевъ продолжали господствовать и въ періодической печати, и въ дипломатическихъ сферахъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Еще въ 1862 г. вліятельнѣйшая лондонская газета „Times“, органъ торговаго міра, столь мало интересовалась нѣмецкими дѣлами, что когда въ Германіи зашла рѣчь о вступленіи Австріи въ таможенный союзъ, основанный Пруссіей, она напечатала нѣсколько статей о желаніи будто бы Пруссіи вступить въ союзъ, учрежденный Австріей! О французскихъ журналистахъ нечего и говорить: невѣжество ихъ во всемъ, что касается Германіи, обнаружилось во время послѣдней войны не только весьма ясно для всѣхъ, но и весьма чувствительно на всѣхъ

французскомъ народѣ. Сами нѣмцы, хотя отдавали себѣ отчетъ въ своемъ прогрессивномъ развитіи и усердно занимались военными вопросами, однако сознавали свою силу далеко не въ той степени, въ какой она обнаружилась. Даже Бисмаркъ, великая заслуга котораго состоитъ въ томъ, что онъ понялъ стремленіе нѣмецкаго народа и умѣлъ оцѣнить силу этого стремленія и политическія способности нѣмцевъ, тѣмъ не менѣе, лишь съ крайней осторожностью, при помощи всевозможныхъ дипломатическихъ увертокъ, пустился въ испытаніе этой силы въ вооруженной борьбѣ съ врагами національнаго стремленія.

Въ дѣйствительности, сила національнаго стремленія въ Германіи проявилась въ громадныхъ размѣрахъ, страшно и несокрушимо: всѣ силы, всѣ способности цѣлой французской націи, богатой и воинственной, были рѣшительно подавлены нѣмцами,—нѣмецкая нація оказалась въ этотъ историческій моментъ несравненно могущественнѣе и способнѣе французской.

Откуда взялась эта странная, несокрушимая сила у нѣмцевъ?.. Отчего ея прежде не замѣчали, отчего проявленіе этой силы предугадывали лишь весьма немногіе политическіе наблюдатели? Отчего это стремленіе нѣмцевъ къ національному единству, ставшее ужасомъ сегодня, вчера возбуждало лишь одинъ смѣхъ?.. Это вопросы весьма серьезныя, обещающіе дать, при своей разработкѣ, весьма поучительные выводы какъ въ практическомъ отношеніи, такъ и въ чистой наукѣ. Книга Рихтера, названіе которой стоитъ въ заглавіи нашей статьи, пытается дать довольно обстоятельное объясненіе лишь о томъ, какимъ образомъ давнишнее стремленіе нѣмцевъ къ національному единству пріобрѣтало въ послѣдніа десять лѣтъ, до 1870 года, ту несокрушимую силу, съ какою оно наконецъ проявилось. И мы должны отдать справедливость автору, что онъ успѣлъ въ небольшомъ объемѣ своей книги (318 страницъ) коснуться всѣхъ крупныхъ фактовъ общественной и политической жизни нѣмецкой націи, и освѣтить ихъ съ той стороны, которою они непосредственно входятъ въ область изучаемаго имъ вопроса. Не слѣдуетъ забывать, конечно, что Рихтеръ нѣмецъ и потому готовъ скрашивать нѣкоторыя темныя стороны стремленія нѣмцевъ къ національному единству, и питать слишкомъ розовыя надежды на будущность германской цивилизаціи,—но вообще говоря, нашъ авторъ отличается просвѣщеннымъ взглядомъ и умѣетъ отличать плевелы отъ добрыхъ произрастаній на нѣмецкой почвѣ.

Рихтеръ дѣлитъ свой разсказъ о послѣднемъ десятилѣтіи исторической жизни нѣмецкаго народа на три періода, изъ которыхъ въ первомъ—съ 1860 по 1863 г.—онъ видитъ окончательное подготов-

леніе „національной идеи“ къ осуществленію своихъ принциповъ въ практической жизни; во второмъ (съ 1863 по 1866) національное движеніе, благодаря ловкости Бисмарка, начинаетъ становиться государственнымъ, и наконецъ, въ третьемъ періодѣ (съ 1867 по 1870) это движеніе, подѣ влияніемъ успѣшной войны Пруссіи съ Австріей, все цѣлкомъ попадаетъ въ искусныя руки прусскаго министра, такъ что „государственная идея“ въ концѣ-концовъ заслоняетъ собою „національную“ и даже поглощаетъ ее: Военная сила и военная организація Германіи оттого являются столь могущественными и превосходными, что въ нихъ воплотилась вмѣстѣ съ государствомъ сама нація: въ послѣдней войнѣ съ Франціей не государство увлекало націю, но сама нація добровольно отдалась государству въ видахъ достиженія политическаго единства и могущества. Шлезвигъ-голштейнское движеніе было результатомъ чисто національной идеи; въ войнѣ между Пруссіей и Австріей вопросъ шелъ уже о томъ, кому слѣдуетъ воспользоваться національнымъ движеніемъ, а война между Франціей и Пруссіей показываетъ, что вся нѣмецкая нація ставитъ выше всѣхъ своихъ интересовъ идею государственнаго единства. Замѣчательно, что всѣ эти три политическихъ факта были тѣсно связаны съ другими сторонами германской жизни, такъ что нѣтъ никакого сомнѣнія, что они обусловлены прежде всего не какими-нибудь случайнымъ стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, но политическимъ развитіемъ самой нѣмецкой націи, которая давно пробивала себѣ путь къ государственному единству и могуществу.

Мечты и планы о государственномъ единствѣ нѣмецкой націи являются уже въ прошломъ вѣкѣ въ головахъ такихъ людей, какъ Лейбницъ, Лессингъ и Клопштокъ; затѣмъ единство Германіи становится политическимъ идеаломъ Шиллера и Гёте. Въ войнѣ за освобожденіе Германіи изъ-подъ французскаго владычества нація, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, уже надѣялась, что минута воссоединенія ея въ одно крѣпкое цѣлое близка. Наконецъ, въ 1848 году нація попыталась сама выдти на практическій путь, но потерпѣла новую неудачу, которая убѣждала ее въ томъ, что она или слишкомъ слаба для такого крупнаго предпріятія, или недостаточно глубоко изучила и поняла всѣ условія его успѣшности. И вотъ, до самаго 1860 года нѣмцы ревностно предаются разнымъ практическимъ занятіямъ, какъ вдругъ сперва крымская война, а потомъ итальянская 1859 года напомнили имъ снова о политическомъ ничтожествѣ Германіи, а также объ опасности, которая угрожаетъ со стороны Франціи. Подѣ влияніемъ этихъ стимуловъ начинается новое движеніе въ пользу національнаго единства, которое, благодаря поддержкѣ со стороны государства, осуществляется наконецъ съ необи-

чайною силою и скоростью. Правда, что государство успѣваетъ овладѣть національнымъ движеніемъ, но тѣмъ не менѣе все движеніе вышло не изъ рукъ одной лишь государственной власти, но изъ всеобщаго одушевленія нѣмцевъ національной идеей. А народъ, способный вызвать государственную власть на осуществленіе того или другого національнаго стремленія, имѣетъ полное право считать себя зрѣлымъ къ свободной политической жизни.

Первымъ публичнымъ заявленіемъ новаго объединительнаго движенія въ Германіи было празднованіе столѣтней годовщины дня рожденія Шиллера, 18-го ноября 1859 года. Празднество это послужило поводомъ къ образованію многихъ обществъ, членами которыхъ записывались нѣмцы всѣхъ странъ нѣмецкой земли. Съ другой стороны, воспоминаніе о Шиллерѣ, о страстномъ желаніи этого великаго поэта видѣть Германію объединенною, придало празднеству нѣкоторый политическій оттѣнокъ, въ которомъ слышались отголоски современныхъ опасеній на счетъ замысловъ Наполеона III-го. Эти отголоски съ тѣхъ поръ постоянно отдавались на всѣхъ другихъ собраніяхъ и сѣздахъ не политическихъ только, но всякихъ. Съ тѣхъ же самыхъ поръ у нѣмцевъ явилась особенная охота составлять общества съ разными цѣлями: для стрѣльбы, для гимнастическихъ упражненій, для обученія хоровому пѣнію, и т. п., и всѣ эти общества принимали *обще-нѣмцкій* характеръ — туда собирались *все* нѣмцы вмѣстѣ, со всѣхъ угловъ Германіи и нѣмецкой Австріи. Несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ обществахъ члены дѣйствительно предавались своимъ мирнымъ упражненіямъ, но среди этихъ упражненій, повидимому совершенно невиннаго свойства, крѣпло мало-по-малу сознаніе національнаго единства и гибели предрасудки разныхъ нѣмецкихъ партикуляристовъ. Вскорѣ серьезныя послѣдствія этого общенія стали сказываться болѣе торжественнымъ образомъ: отъ литературнаго праздника въ память Шиллера перешли прямо къ военнымъ, въ честь, напримѣръ, Лейпцигской битвы 1813 года и пораженія французовъ на Кацбахѣ, а затѣмъ стали чествовать смерть патріотовъ, павшихъ при защитѣ отечества: Пальма, Кёрнера и др. Въ то же время, наиболѣе вліятельные политическіе представители разныхъ нѣмецкихъ государствъ составили особое общество съ заявленою программю національнаго единства, такъ-называемый *Nationalverein*, а литература бросилась въ разработку военныхъ вопросовъ. Сочиненія Рюстова о венгерской войнѣ и потомъ объ итальянской, обратили на себя всеобщее вниманіе; но люди интересовались не одними общими военными вопросами: спеціальныя сочиненія о разныхъ вопросахъ вооруженія, тактики и военнаго обученія являлись

тогда во множествѣ, причѣмъ споры о пользѣ конницы перешли даже въ газеты.

Увлеченіе національной идеею не ограничилось одними внѣшними заявленіями разныхъ группъ въ обществѣ или стремленіемъ общества къ военной славѣ; скорѣе всѣ эти внѣшнія и воинственные заявленія были лишь результатомъ глубокаго національно-объединительнаго чувства, которое охватывало всю нѣмецкую націю — всѣ слои ея, всѣ сферы дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, слѣды этого чувства, и весьма замѣтные притомъ, запечатлѣны на всѣхъ сторонахъ общественной жизни: въ литературѣ, въ искусствѣ, церкви, наукѣ, промышленности даже, и наконецъ въ законодательствѣ. Вездѣ національная идея стала вытѣснять общечеловѣческую: нѣмцы какъ бы переставали участвовать въ общемъ движеніи цивилизаціи, углубившись въ разработку и организацію своихъ національныхъ силъ. Превратившись въ „народъ мыслителей“ быстро обращался въ дѣловую, практическую націю, которая всѣ свои стремленія стала обращать и узать къ одной цѣли: философія пала, а естественныя науки быстро возвысились во мнѣніи націи, хотя и въ естествознаніи нѣмцы не сдѣлали въ послѣднее десятилѣтіе ни одного крупнаго научнаго открытія, ибо спектральный анализъ, изобрѣтенный Кирхгофомъ и Бунзеномъ, слѣдуетъ отнести къ прежнему общественному настроенію. Однако, естествознаніе даетъ громадныя практическія результаты. Оно снаряжаетъ дальнія ученыя экспедиціи на австрійскомъ фрегатѣ „Новара“, и прусскомъ „Аркона“. Въ то же время изъ среды самого народа выдѣляется множество смѣлыхъ людей: сперва Альбрехтъ Рошеръ, Фогель и Хейглинъ, а затѣмъ Бартъ и Шлагинтейтъ, и всѣ они уходятъ въ невѣдомыя страны, увлекаясь общимъ національнымъ стремленіемъ къ славѣ. Съ другой стороны, естествознаніе даетъ значительный толчокъ разнымъ практическимъ примѣненіямъ въ промышленности, торговлѣ и земледѣліи. Пропаганда Либиха въ земледѣльческомъ дѣлѣ именно теперь начинаетъ давать богатые плоды, а промышленность и торговля, воспользовавшись машинами и желѣзными дорогами и телеграфами, успѣваютъ, подъ вліяніемъ національной идеи, сбросить съ себя путы протекціонизма, и даютъ въ концѣ-концовъ важный политическій органъ: *таможенный союзъ*.

Въ исторической литературѣ національное движеніе проявляется тоже весьма замѣтно какъ въ разработкѣ разныхъ историческихъ задачъ, такъ и въ вопросахъ полемическаго свойства или въ отсутствіи интереса къ жизни другихъ современныхъ народовъ. Къ этому періоду относится основаніе при мюнхенской академіи особой „комиссіи историческихъ наукъ“, которой главной цѣлью должно быть изу-

чение всего, что касается Германии; въ ея программу входитъ древняя и новая исторія всѣхъ нѣмецкихъ государствъ и ихъ законодательства. Коммиссія должна была приступить къ изданію лѣтописей нѣмецкихъ городовъ, разныхъ законодательныхъ сборниковъ, судебныхъ актовъ, процессовъ и т. п. Наконецъ, въ ея программу вошла также исторія наукъ въ Германіи. Для исполненія столь широкой задачи коммиссія приглашала къ себѣ всѣхъ нѣмецкихъ знаменитостей, и старыхъ и новыхъ: туда вступили Ранке, Зибель, Перцъ и оба Гримма, а также Гейссеръ, Гизебрехтъ, Лаппенбергъ, Блунчи, Вайцъ, Лёеръ, и т. п. Учрежденіе такой исторической коммиссіи несомнѣнно соотвѣтствовало духу, господствовавшему въ то время въ нѣмецкой литературѣ, гдѣ началась уже полемика изъ-за національнаго преобладанія между приверженцами Пруссіи и Австріи. Даже вопросы древней Германіи разрабатывались лучшими нѣмецкими историками ради этой полемической цѣли; изъ многихъ выдающихся фактовъ въ этомъ родѣ, нельзя не упомянуть о жаркомъ спорѣ пруссака Зибеля противъ Фикера и Гизебрехта по поводу наслѣдниковъ римскаго императора: Саліевъ и Штауфеновъ, причѣмъ Зибель старался показать, что именно политика императоровъ была причиною распаденія Германіи, между тѣмъ какъ Пруссія, съ самаго своего основанія, была собирательницею, а слѣдовательно и объединительною силою нѣмецкой земли. Всѣ другіе періоды нѣмецкой исторіи разрабатывались теперь въ томъ же духѣ и съ тѣми же цѣлями. Даже католическіе писатели, въ родѣ Онно Клоппа и Гуртера, воодушевляются въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ національною идеей. И въ сочиненіяхъ Моммзена и Грегоровіуса о древнемъ Римѣ есть весьма серьезныя намѣки на національное воодушевленіе авторовъ. Исторія новой Италіи Рейхлина пропитана тѣмъ же духомъ... Однимъ словомъ, возьмите любое изъ крупныхъ историческихъ изслѣдованій этого періода нѣмецкой жизни, въ каждомъ изъ нихъ неслѣдуетъ отыскать стремленіе автора высказать свои національныя симпатіи—и высказать ихъ такъ, чтобы они находились передъ читателемъ на первомъ планѣ. Общихъ историческихъ изслѣдованій почти нѣтъ въ этой литературѣ,—правда, нѣмцы перевели „Исторію цивилизаціи“ Бокля почти тотчасъ послѣ ея появленія, и она выдержала въ продолженіи пяти лѣтъ два изданія, но своего Бокля нѣмцы въ этомъ десятилѣтіи не имѣли. Также мало интересовались они иностранною литературою, такъ какъ подобное изученіе возбуждается лишь при вдохновеніи общечеловѣческихъ вопросами. Только одинъ Геттнеръ пишетъ свою „Исторію литературы восемнадцатаго вѣка“ для опредѣленія идей того вѣка, а не ради какихъ-либо національныхъ задачъ нашего времени, но и въ этомъ историкѣ господ-

ствуешь особенная наклонность къ нѣмецкому, такъ что онъ уделяетъ французской и англійской литературѣ каждой лишь по одной книгѣ и затѣмъ бросается въ подробную разработку нѣмецкой литературы восемнадцатаго вѣка, заканчивая въ шестой книгѣ такими національными гениями, какъ Шиллеръ и Гёте.

Нѣмецкая археологія имѣла въ это время гораздо болѣе искусныхъ изслѣдователей, чѣмъ иностранная литература. Нѣмецкіе белетристы Гейбель и Геббель вывели самихъ Нибелунговъ на современную театральную сцену! Надо отдать справедливость археологическимъ изслѣдованіямъ въ томъ, что они много способствовали возбужденію національно-объединительнаго духа, напоминая нѣмцамъ о прежнемъ величіи Германіи, особенно въ средніе вѣка. Какъ разъ вмѣстѣ съ развитіемъ археологической литературы учреждается „Германскій музей“ и приступаютъ къ реставраціи разныхъ древнихъ памятниковъ, замковъ, церквей и т. п., а 1-го мая 1861 года воздвигается памятникъ въ честь древняго германскаго поэта Вольфрама фонъ-Эшенбаха. Вообще все, что могло возбуждать удивленіе и почтеніе къ нѣмецкой націи, находило открытыя объятія какъ въ литературной критикѣ, такъ и въ самомъ обществѣ. Собирались отовсюду всевозможные анекдоты о разныхъ великихъ нѣмцахъ, издавали переписку и мемуары Гёте и Шиллера, Клопштока и Лессинга, Гердера и Виланда, Фихте и Шлейермахера, Моцарта, Бетховена, Вебера и Менделсона. Особенно сильный шумъ произвело обнародованіе писемъ и записокъ Фарнгагена и Александра Гумбольдта. Въ перепискѣ этихъ двухъ знаменитостей всѣ партіи были сильно затронуты въ самыхъ видныхъ своихъ представителяхъ, нравственные портреты которыхъ были представлены въ этихъ мемуарахъ нельзя сказать, чтобы въ привлекательной формѣ: „Фарнгагенъ, дипломатъ, хотя отставной, но полированный, всегда во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, даже въ тѣхъ, за которыя его уволили изъ службы, и Гумбольдтъ, бывшій при всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ все-таки придворнымъ, правда неподатливымъ, подозрительнымъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ вращался, но тѣмъ не менѣе однимъ изъ ихнихъ, и потому, подобно Фарнгагену, заслуживающій всякаго довѣрія. И вотъ эти двое вдругъ поднимаютъ завѣсу и показываютъ нагія мѣста, которыя были, казалось, давно скрыты и недоступны подъ лучами славы, исходящими изъ высокорожденныхъ головъ. Всѣ слабости бѣднаго человѣчества, мелочность интригъ, взглядовъ, цѣлей, жалкая пустота характеровъ, ничтожность личностей, даже тѣхъ, которыя управляли міромъ, бѣдствія отечества—все это безцеремонно и безпощадно разоблачено и приведено къ своему началу. Всѣ старія и по своей старости почтенныя опоры считавшагося до сихъ поръ совершенно

прочнымъ порядка вещей были распатаны, въ опасности казался даже самъ монархическій принципъ, на которомъ зиждется у насъ (говорить авторъ) общее спокойствіе и безопасность власти. Отсюда тѣ страшные взрывы ярости, доходившіе то тамъ, то сямъ до безобразной пошлости... Между тѣмъ въ сущности весь этотъ шумъ, всѣ эти споры и крики были не что иное, какъ взрывъ страсти, охватившей всю націю и увлекавшей ее въ свой водоворотъ. Спокойнаго суда, твердаго и точнаго чувства справедливости и нельзя было ожидать до тѣхъ поръ, пока оставались нерѣшенными крупныя вопросы государственнаго устройства Германіи“ (стр. 37, 38).

Само собою разумѣется, что при столь крайне національномъ настроеніи общества относительно историческихъ фактовъ, и въ изящной литературѣ не могли бы рассчитывать на успѣхъ такіе приверженцы всего общечеловѣческаго, какъ Гейне и Бёрне. Уже въ то, сравнительно далекое отъ насъ время, эти талантливые люди подверглись жестокому нападку со стороны „французоѣда“ Менцеля и ему подобныхъ. Теперь же, когда все общество готовилось къ крупному національному подвигу, саркастическія нападки на нѣмецкій характеръ были бы встрѣчены не иначе, какъ съ всеобщимъ негодованіемъ: теперешніе нѣмцы почти совсѣмъ забыли, что существуютъ въ мірѣ, кромѣ нѣмецкихъ, еще общечеловѣческіе высшіе интересы. Но поэзія, стѣсненная въ рамки одной національной идеи, не могла быть особенно высокаго достоинства. И дѣйствительно, если современные нѣмцы могли восхищаться такими поэтами, какъ Гейбель, Линггъ, Фишеръ, Гамерлингъ и т. п., то развѣ потому, что эти сочинители писали эпическія произведенія на разныя темы, способныя возбуждать національное самолюбіе. За то, видѣ Германіи, вся нѣмецкая поэзія послѣдняго десятилѣтія осталась почти незамѣченною. То же слѣдуетъ сказать и о драматическихъ произведеніяхъ, въ сюжетахъ которыхъ преобладаетъ такое же стремленіе авторовъ льстить національному самолюбію. Многія легенды героическаго характера вышли въ это время на театральную сцену. Такъ, Путлицъ вывелъ „Вильгельма Оранскаго“, Гейзе „Людвига Баварскаго“, Редвицъ „Нюрнбергскаго цеховаго мастера“; патріотъ Пальмъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ двухъ драмахъ: Экардта и Ринглера. Даже нѣмецкій романъ, который всегда отличался своимъ разнообразіемъ, стѣснилъ свои задачи: романисты стали искать теперь во всѣхъ частяхъ міра, во всѣхъ сферахъ жизни и знанія, лишь такихъ фактовъ, приключеній и характеровъ, которые соответствовали бы національному движенію въ ихъ отечествѣ. Романъ принялъ такимъ образомъ форму преимущественно историческую и спеціальную. „Начиная со сценъ бѣглеца Ганса Ибелеса, которыя въ то время пред-

ставилъ глазамъ читателя въ послѣдствіи столь прославившійся Шпильгагенъ, и переходя по аристократическимъ и католическимъ сферамъ графини Ганъ-Ганъ, до изображеній нѣмецкой придворной жизни у Ауэрбаха въ его романѣ: „На высотѣ“, — вездѣ мы знакомимся съ разными сторонами современной національной жизни, между тѣмъ какъ Луиза Мюльбахъ, Герибертъ Рау и друг., ловко указывая и видоизмѣняя событія національной исторіи по вкусамъ публики менѣе образованной, дѣйствуютъ съ неменьшею силою на болѣе обширные слои народа“. Разсматривая въ подробности большинство романовъ этого времени, нашъ авторъ замѣчаетъ, что всѣ они относятся къ свободѣ лишь платонически и прославляютъ идею сильной власти, которая одна, по мнѣнію романистовъ, способна осуществить столь желанное политическое объединеніе Германіи. Съ особенною силою высказана эта мысль въ лучшемъ произведеніи той эпохи (1853 — 1861): „Римскомъ Чародѣѣ“ Гутцкова, 9-ти-томномъ романѣ, „исполненномъ сценъ, охватывающихъ всю ширь нѣмецкой умственной жизни“. Этотъ романъ долженъ былъ, по желанію самого Гутцкова, „предостерегать и ободрять“ нѣмецкое общество въ его стремленіи „наполнить духомъ новой жизни, благороднѣйшими приобрѣтеніями вѣка, еще пустую разсѣлину нѣмецкаго единства — германскаго и латинскаго міровъ вообще“. Въ романѣ изображена борьба католической церкви съ нѣмецкимъ государствомъ; между тѣмъ главный интересъ его заключается въ намѣкахъ относительно современныхъ движеній и стремленій Германіи и особенно Италіи. Во время появленія первыхъ частей романа еще не предугадывали, что единство Италіи начнетъ создаваться раньше нѣмецкаго единства, но тѣмъ не менѣе рассказъ о созданіи этого единства возбуждалъ къ себѣ всеобщее вниманіе нѣмцевъ. Гутцковъ изображаетъ здѣсь всѣ стороны итальянской политической борьбы: тайныя общества, открытую борьбу на улицахъ, карбонаріевъ, братьевъ Бандьера, союзъ папской власти съ разбойниками, союзы іезуитовъ съ итальянскими государями, и т. д. А нѣмцы также стремились къ національному единству и тоже подозрѣвали своихъ правителей въ взаимномъ заговорѣ противъ осуществленія національнаго желанія. Второе изданіе „Римскаго Чародѣя“, послѣдовавшее уже послѣ Сольферино, въ 1863 году, производило еще болѣе сильное впечатлѣніе, такъ какъ въ то время Германія смотрѣла уже съ завистью на успѣхи Италіи, а въ Пруссіи спрашивали себя, не попытаться ли имъ совершить то, что уже совершено было Пьемонтомъ.

Какъ въ поэзіи, романѣ и драмѣ, такъ и другихъ отрасляхъ художества: живописи, скульптурѣ, архитектурѣ и даже музыкѣ проявилась въ полной силѣ національная идея, всего болѣе въ сюже-

такъ лучшихъ произведеній. На выставкахъ живописи и скульптуры начали появляться, въ большомъ количествѣ, изображенія народной жизни и народныхъ героев; нѣмецкій мужикъ, съ своей непривлекательной обстановкой, занимаетъ, наконецъ, не послѣднее мѣсто въ концепціяхъ художниковъ нѣмецкой земли. Съ другой стороны, живописцы и скульпторы, увлекаясь общимъ національнымъ стремленіемъ, углублялись въ изученіе исторіи распаденія Германіи и біографіи лучшихъ сыновъ нѣмецкаго отечества, и изъ этого изученія возникаютъ, въ этотъ вдохновенный періодъ, превосходныя изображенія великихъ эпизодовъ обще-нѣмецкой исторіи. Архитекторы, съ своей стороны, бросаются въ изслѣдованіе красотъ древнихъ германскихъ построекъ въ Трирѣ, Кѣльнѣ, Нюрнбергѣ, и выносятъ изъ этого изслѣдованія новые художественные идеалы. Наконецъ музыка, въ лицѣ Рихарда Вагнера, принимаетъ совершенно особый характеръ, при которомъ композиторъ столь сильно заинтересованъ содержаніемъ своихъ пьесъ, что считаетъ для себя обязательнымъ сочинять и самый текстъ своихъ музыкальныхъ произведеній. Оперы Вагнера имѣютъ своимъ предметомъ непремѣнно Германію и текстъ ихъ составленъ самимъ композиторомъ, завзятымъ нѣмецкимъ патріотомъ.

Вмѣстѣ съ поднятіемъ вопроса о мужикѣ въ баллетристикѣ и изящныхъ искусствахъ, поднялось въ нѣмецкомъ обществѣ и понятіе о достоинствѣ труда, и мы находимъ горячее прославленіе его даже у консерватора Рия въ появившейся около того времени (1861 года) книгѣ: „Нѣмецкій трудъ“. Случившееся какъ разъ въ этотъ періодъ освобожденіе крестьянъ въ Россіи и, затѣмъ, отмена невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ, были добавочными условіями для возбужденія въ Германіи всеобщаго вниманія къ положенію рабочихъ и крестьянъ, которые въ то время пребывали еще въ полномъ непониманіи своихъ правъ и своего положенія въ государствѣ. Только одинъ Шульце-Деличъ старался тогда объ учрежденіи кредитныхъ союзовъ, которыхъ было въ 1860 году не болѣе 300. Теперь явилось наконецъ стремленіе ввести въ рабочую организацію начало ассоціаціи, и отъ самой общественной жизни зависѣло дать едва возникающему рабочему движенію то или другое направленіе.

Между тѣмъ, въ административныхъ сферахъ всѣхъ главныхъ нѣмецкихъ государствъ, и Пруссіи въ томъ числѣ, продолжали еще парить совершенно дикіе взгляды на отношеніе власти къ своимъ подданнымъ: сильный и богатый всегда считался правымъ, а бѣдный и слабый недостойнымъ никакой государственной поддержки. Военная слава признавалась высшимъ благомъ, а придворная интрига лучшимъ политическимъ занятіемъ. Только съ появленіемъ Бисмарка

(23-го сентября 1862 года) во главѣ прусскаго министерства, начинается наконецъ серьезная политическая дѣятельность съ ясно опредѣленною, національною цѣлью. Многіе государственные люди въ Германіи чувствовали, что дѣла ихъ правительствъ идутъ что-то неладно, но всѣ они, усиленные дурманомъ тогдашняго абсолютизма, хлопотали только о томъ, чтобы не было никакихъ „мятежныхъ происковъ и заговоровъ“, а широкаго національнаго движенія, которое происходило тутъ же у нихъ на глазахъ, никто не видѣлъ. Одинъ Бисмаркъ понялъ желаніе своей націи и поспѣшилъ удовлетворить его, и оттого-то нѣмцы такъ высоко вознесли Бисмарка надъ всѣми другими героями официальнаго міра.

Национальное воодушевленіе начала шестидесятыхъ годовъ отозвалось не только на государственныхъ дѣлахъ, но и на церковныхъ: какъ на католицизмѣ, такъ и на протестантизмѣ. Обративъ вниманіе всего нѣмецкаго народа на вопросъ политическаго могущества и національнаго существованія, новое движеніе значительно потрясло авторитетъ церкви, такъ что даже среди самого духовенства явился съ одной стороны глубокой скептицизмъ относительно важности догматовъ, а съ другой — ярая страсть отстоять свои прежнія привилегіи и богатства. Скептицизмъ съ особенной силою развился въ протестантизмѣ; но и католицизмъ выдвинулъ изъ себя такого критика папства, каковъ Деллингеръ въ его книгѣ; „Церковь и церковь, Папство и Церковная Область“ (1861 года), гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ пророческимъ голосомъ: „мы, въ Европѣ, идемъ на встрѣчу великимъ катастрофамъ, ломѣмъ всего строя настоящаго общественнаго порядка, на встрѣчу событіямъ, изъ числа которыхъ паденіе Церковной Области является лишь предвѣстникомъ другихъ, такъ сказать первымъ посланіемъ Іова“. Протестантизмъ не уступилъ въ сочиненіе новыхъ догматовъ и не погрязъ въ принципіи папской энциклики, открывающей борьбу на-смерть со всѣми приобрѣтеніями современной науки и цивилизаціи. Напротивъ, — онъ приступилъ къ защитѣ своихъ ученій посредствомъ переработки своихъ положеній на основаніи новѣйшихъ историческихъ и естествознательныхъ изслѣдованій. Тишендорфъ своимъ открытіемъ Синайской рукописи много способствовалъ очищенію первоначальнаго текста Библии, а Бунзенъ постарался переложить эти новыя открытія въ популярную форму и тѣмъ остановить отпаденіе нѣмецкаго общества отъ протестантскаго толкованія библейской исторіи; во вскорѣ является въ Германіи сочиненіе Ренана (1863 года), и приобрѣло въ нѣмецкой публикѣ большой успѣхъ, заслонившій труды Бунзена. Въ самомъ протестантскомъ духовенствѣ обнаруживается сильное скептическое настроеніе, достигающее своего апогея въ

эпизодъ съ Шенкелемъ, авторомъ *Characterbild Jesu*. Шенкель былъ профессоръ, проповѣдникъ, директоръ семинаріи въ Гейдельбергѣ, высшій руководитель всѣхъ баденскихъ проповѣдниковъ, и несмотря на то, онъ открыто заявилъ себя сторонникомъ новыхъ изслѣдованій. Правда, Христосъ не является у него, какъ у Ренана, мечтателемъ, увлеченнымъ въ обманъ собственными иллюзіями, и не изнаряется въ мистикъ, какъ у Штрауса,—однако въ Священномъ Писаніи Шенкель признаетъ лишь очень шаткій источникъ (только Евангеліе Марка считаетъ онъ источникомъ современнымъ), и этого мало,—Шенкель открыто заявляетъ, что онъ не признаетъ чудесъ! Между тѣмъ, этотъ человѣкъ стоитъ во главѣ будущаго поколѣнія баденскаго протестантскаго духовенства! Замѣчательно еще, что когда сочиненіе Шенкеля возбудило сильный шумъ среди религіозныхъ партій, и когда стали требовать удаленія Шенкеля съ директорскаго мѣста, то евангелическій оберъ-церковный совѣтникъ въ Баденѣ, Роте, отказался исполнить это требованіе, заявивъ, что хотя онъ самъ и вѣритъ въ библейскія чудеса, тѣмъ не менѣе въ протестантской церкви должна существовать свобода библейскихъ изслѣдованій. Разумѣется, до такого примѣненія свободы къ религіознымъ вопросамъ дошла лишь часть протестантскаго духовенства въ Германіи, и то подъ влияніемъ общаго національнаго движенія, когда вопросъ религіи отступилъ на второй планъ. Благодаря этому же движенію и евреи, какъ члены цѣлой нѣмецкой націи, приобрѣтаютъ въ тотъ же, по преимуществу политическій, періодъ полную гражданскую равноправность.

Национальная горячка, охватившая, какъ мы описывали, всѣ стороны общественной жизни Германіи, не долго оставалась скрытою, безъ внѣшнихъ проявленій. Прежде всего она дала себя знать въ шлезвигъ-гольштейнскомъ движеніи; здѣсь нашла она самый слабый пунктъ своихъ противниковъ: иностранное давленіе слабой державы. Когда шлезвигъ-гольштейнское населеніе возмутилось противъ покушенія Даніи на его національную обособленность, правительства всей Германіи вдругъ почувствовали, что съ этимъ движеніемъ соединено ихъ собственное существованіе, и если Пруссія и Австрія бросились въ войну съ Даніей, то лишь подъ давленіемъ требованій всего нѣмецкаго народа и изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, нація сама попытается сдѣлать начинъ въ этомъ дѣлѣ: „національная идея“, говоритъ нашъ авторъ, „преобладала тогда въ умахъ нѣмецкаго народа надъ всѣми другими. Государство, конституція, право, отступили на второй планъ“.

Разъ выступивъ на дѣятельную политическую арену, нѣмецкая нація уже не желала останавливаться на полъ-пути, все больше и

больше заражаясь инстинктами политическаго честолюбія. Національное чувство, само по себѣ одностороннее и всегда несправедливое въ своихъ крайностяхъ, можетъ, разумѣется, возбуждать цѣлый народъ къ великимъ подвигамъ, если національное существованіе народа дѣйствительно находится въ опасности, но за то, въ случаѣ успѣха надъ угнетателемъ націи, это самое чувство не знаетъ предѣловъ своей мести и всегда готово совершить надъ угнетателемъ ту же самую несправедливость, какой подвергалось само. Правда, нѣмцы не вполнѣ одобряли захватъ съ нѣмецкою частью Шлезвига и датской его части, однако съ теченіемъ времени, съ дальнѣйшими успѣхами политической борьбы за германское единство, желаніе удовлетворить столь же справедливыя въ національномъ смыслѣ притязанія Даніи все слабѣло, и теперь въ Германіи о немъ почти не вспоминаютъ. Вторая война—между Пруссіей и Австріей—еще болѣе притупила чувство справедливости въ нѣмецкой націи, а послѣ успѣховъ войны съ Франціей оне уже совсѣмъ исчезло, какъ это ясно видно изъ грубаго насильственнаго присоединенія Эльзаса и части Лотарингіи къ Германіи, при общемъ одобреніи всей нѣмецкой націи, но вопреки желанію двухъ-милліоннаго населенія этихъ провинцій. Этотъ постыдный фактъ угнетенія національнаго чувства въ жителяхъ Эльзаса и Лотарингіи и не менѣе постыдная забывчивость нѣмцевъ относительно исполненія договора съ Даніей о возвращеніи ей датскаго населенія въ Шлезвигъ, ясно показываютъ, что національная идея въ Германіи уже потеряла тотъ первоначальный смыслъ, когда нѣмцы умѣли сочувствовать объединенію Италіи, и превратилась въ идею государственную: въ одобреніе всего, что можетъ, съ виду, увеличивать государственное могущество. Въ нынѣшнихъ нѣмцахъ есть политическій смыслъ и способность къ политической жизни, но они далеко еще не доросли до чувства политической справедливости: политическій идеалъ ихъ узокъ и одностороненъ. Нѣмцы не въ состояніи взять на себя починъ въ какомъ-нибудь политическомъ предпріятіи общечеловѣческаго характера, какъ предпринимали, напримѣръ, Англія и Франція: среди своихъ военныхъ успѣховъ имъ было все равно, въ какомъ свѣтѣ являлись они передъ общественнымъ мнѣніемъ всего цивилизованнаго міра.

Не слѣдуетъ думать, что всѣ несправедливости, совершенныя Германіей надъ другими державами, совершены только потому, что такъ желали нынѣшніе правители нѣмецкаго народа, а не самъ народъ. Нѣтъ,—всѣ стороны умственной жизни нѣмцевъ съ 1863 года обвиняютъ въ этихъ насиліяхъ всю нѣмецкую націю. Возьмите любое общественное явленіе въ этомъ періодѣ, и вы навѣрное найдете въ немъ слѣды увлеченія нѣмцевъ государственнымъ могуще-

ствомъ. Правительство совершило надъ своими подданными крайнія правонарушенія на всѣхъ поприщахъ административной и законодательной дѣятельности, и несмотря на то, стоило ему одержать побѣду надъ врагами національнаго движенія, и всѣ угнетенные и пресѣдуемые почти сразу забывали свои обиды и являлись уже защитниками тѣхъ самыхъ правонарушеній, противъ которыхъ прежде весьма усердно ратовали. Бисмаркъ насмѣялся надъ парламентомъ, надъ конституціей, надъ судебнымъ правосудіемъ, бралъ налоги противно волѣ законодательной палаты, тѣснилъ печать, изгонялъ изъ службы либеральныхъ людей, — но онъ побѣдилъ, и все ему простилось, все пало передъ нимъ ницъ, вездѣ явилось стремленіе оправдать всѣ его насильственные поступки, литература наводнилась его біографіями, а художественныя выставки его портретами и бюстами.

Этотъ *государственный* періодъ національнаго движенія нашъ авторъ рисуетъ столь же подробно, какъ періодъ общественный, но мы упомянемъ здѣсь лишь о наиболѣе характеристическихъ фактахъ, показывающихъ, какъ подъ вліяніемъ увлеченія государственнымъ могуществомъ цѣлая нація начинаетъ восхищаться деспотизмомъ въ государственномъ управленіи и революціоннымъ принципомъ въ общественной жизни. Бисмаркъ и Лассаль, два главныхъ политическихъ дѣятеля, одинъ въ государствѣ, другой въ обществѣ — оба провозглашали тогда публично, что „сила идетъ впереди права“ (*Macht geht vor Recht*), а литература и общественныя стремленія только вторили этому заявленію.

Что касается до литературы, вся она приняла тенденціозный характеръ, наполняясь преимущественно историческимъ содержаніемъ. Сама исторія сдѣлалась, по выраженію Рихтера, „жрицею деспотизма“. Если этотъ періодъ и можетъ похвалиться сочиненіемъ Гнейста объ историческомъ развитіи англійскаго самоуправленія, то не слѣдуетъ забывать того, что оно является лишь окончательнымъ результатомъ прежнихъ (въ 50-хъ годахъ) изслѣдованій этого замѣчательнаго публициста и осталось теперь почти незамѣченнымъ въ публикѣ, между тѣмъ какъ историко-политическіе этюды цезариста Трейчке имѣли блистательный успѣхъ, хотя главною цѣлью этихъ этюдовъ была пропаганда прусской диктатуры надъ всею Германіей и оправданіе правительственнаго деспотизма во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, не исключая, впрочемъ, и экономической борьбы между рабочими и работодателями. Романъ, поэзія и драма въ этомъ періодѣ также отличаются или историческимъ содержаніемъ, съ восхваленіемъ диктатуры и революціоннаго принципа, или вопросами современной соціальной борьбы. Шпильгагенъ пишетъ теперь знаменитые ро-

маны: „Въ ряду и шеренгѣ“ ¹⁾, „Молотокъ и наковальня“, а Ауэрбахъ: „Дачу на Рейнѣ“, въ которыхъ буржуазія и рабочіе поставлены другъ противъ друга въ *рядахъ и шеретахъ*, и гдѣ разрѣшается между ними вопросъ, кому быть *молоткомъ* и кому *наковальнею*. Драма даетъ „Катилину“ Лингга, „Арнольда Брешианскаго“, „Густава Вазу“ и „Колумба“ Лаубе, и т. п. Музыка остается при одномъ Вагнерѣ; другіе нѣмецкіе музыканты: Лахнеръ, Абертъ, Прессель, встрѣчаютъ радушный приѣмъ лишь въ отдѣльныхъ уголкахъ нѣмецкой земли, а на театальной сценѣ господствуетъ французская опера: Гуно, Оберъ, и въ особенности Оффенбахъ.

Рихтеру пришла очень удачная мысль—сравнить социальную точку зрѣнія вышеупомянутыхъ романовъ Шпиллягена и Ауэрбаха съ тою же точкою современныхъ англійскихъ и американскихъ романовъ того же содержанія. Это сравненіе дѣйствительно можетъ показать разницу въ характерѣ рабочаго движенія въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ съ одной стороны, и въ Германіи съ другой, — разницу, обусловливаемую исключительно взаимными отношеніями правительства къ обществу и обратно въ тѣхъ и другой странахъ. Нѣмецкіе романисты ставятъ свой вопросъ рѣзко и ждутъ разрѣшенія его лишь со стороны силы, все равно — является ли она въ образѣ какаго-либо героя, обладающаго всевозможными талантами и пускающаго въ дѣло всѣ стороны своей души: чистыя и грязныя, или просто въ формѣ физическаго давленія или проницательства и интригъ цѣлыхъ партій. Англійскіе и американскіе писатели, напротивъ, придаютъ значеніе нравственному совершенству угнетенной стороны, и разбита ли она, или торжествуетъ, всегда высшая цѣль, къ которой она стремится, остается передъ читателемъ чистою и человѣчною. Нѣмецкій романъ есть прославленіе просвѣщеннаго и гуманнаго деспотизма, между тѣмъ какъ англійскій ставитъ выше всего преданность общему дѣлу безъ униженія нравственной личности, безъ расслабленія личной энергіи. Въ нѣмецкомъ романѣ дѣйствуютъ, поэтому, все необыкновенные герои, спасители отечества и человѣчества, между тѣмъ какъ въ англійскомъ и американскомъ передъ вами ходятъ обыкновенные люди, но люди труда и дѣла, готовые дѣйствовать и сами по себѣ, и *наравнѣ* съ другими... Странно, что Рихтеръ вмѣсто того, чтобы показать именно *эту* разницу между англійскими и нѣмецкими романами, ограничился лишь указаніемъ на то, что англійскіе писатели больше любятъ описывать борьбу человѣка съ природою, чѣмъ борьбу людей между собою. Разумѣется,

¹⁾ На русскомъ языкѣ этотъ романъ появился подъ заглавіемъ: „Одинъ въ полѣ не воиновъ“.

борьба съ природою возвышаетъ человѣка, усиливаетъ его нравственную энергію, и слѣдуетъ желать того, чтобы матеріальную борьбу свою человѣкъ постарался въ будущемъ ограничить предѣлами одной природы; но эта проповѣдь составляетъ лишь одну, и притомъ не лучшую, сторону англійскихъ романовъ.

Какъ бы то ни было, мысль Рихтера о томъ, что какъ нѣмецкій социальный романъ, такъ и сама жизнь въ современной Германіи служатъ выраженіемъ преобладанія государственнаго интереса надъ всѣми другими,—мысль совершенно вѣрная. Социальный романъ проповѣдуетъ только то, что находить въ самой жизни: почти рабочіе поклоненіе передъ государственною властью, могущество которой всѣ политическія партіи признаютъ почти безграничнымъ. Разумѣется, такое признаніе было вызвано другимъ поводомъ: сознаніемъ необходимости этого могущества для возстановленія національнаго единства; но разъ признанная всемогущею въ высшемъ для современнаго нѣмецкаго общества дѣлѣ, государственная сила должна была пріобрѣсть въ глазахъ націи окончательный и рѣшительный авторитетъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ. Отсюда стремленіе всѣхъ привлечь государственную власть на свою сторону и даже захватить ее въ свои руки; отсюда благоговѣніе передъ отдѣльными личностями или сословіями въ ущербъ справедливости къ достоинству всей націи, всѣхъ ея слоевъ вообще. И чѣмъ больше усиливается государственная власть, чѣмъ слабѣе нація относится къ правительственному произволу, чѣмъ сильнѣе становится самый деспотизмъ—тѣмъ съ большею яростію устремляются партіи въ своей погонѣ за государственною властью.

Особенно ясно такое стремленіе обнаруживалось въ Германіи въ такъ-называемомъ рабочемъ движеніи. Пока общество только готовилось къ дѣлу національнаго объединенія, рабочій и буржуа шли согласнo, и сами буржуа, въ лицѣ Шульце-Делича, сдѣлали начинъ въ вопросѣ объ улучшеніи быта своихъ рабочихъ, а въ лицѣ Рилы, высказывали уваженіе къ людямъ труда. Но вотъ раздаются первые побѣдные звуки присоединенія Шлезвигъ-Гольштейна къ нѣмецкому отечеству, какъ тотчасъ является, съ одной стороны—опасеніе новой силы, а съ другой—стремленіе овладѣть ею въ свою исключительную пользу. Опасеніе буржуазной партіи достигаетъ столь высокой степени, что изъ ея лагеря дѣлается первое нападеніе на прежде столь уважаемыхъ „людей труда“. Во главѣ рабочихъ появляется тогда Лассаль, приверженецъ полнаго государственнаго вниманія въ экономическую жизнь страны; но въ Лассалѣ (онъ погибъ на дуэли въ 1864 году) нѣтъ еще ни революціонной злобы, ни вѣры въ случайное торжество насилія: онъ требуетъ отъ рабочихъ крѣпко-

сплоченнаго движенія для достиженія государственной власти путемъ поголовной подачи голосовъ. Онъ утверждаетъ, что „сила идетъ впереди права“, но эту силу онъ совѣтуетъ приобрѣсть путемъ простой, мирной агитаціи. Но вотъ, наступаетъ война между Австріей и Пруссіей, и торжествующее прусское правительство получаетъ въ сердцахъ нѣмецкаго народа полную амнистію во всѣхъ своихъ правонарушеніяхъ и злоупотребленіяхъ властью, да еще становится единственнымъ и притомъ весьма могущественнымъ руководителемъ судебъ не прусскаго государства только, а почти всей нѣмецкой націи. Государственная власть дѣлается такимъ образомъ еще привлекательнѣе и сила ея кажется еще болѣе всемогущею,—неудивительно, поэтому, что партія, считавшая эту власть необходимою для своего процвѣтанія и полного развитія, бросается уже съ жадностью на всѣ планы для скорѣйшаго приобрѣтенія ея. Второпяхъ руководители партіи начинаютъ недоувѣрять другъ другу и ссорятся между собою, такъ что самое движеніе принимаетъ оттого все болѣе ожесточенный характеръ, и наконецъ иные предводители теряютъ совершенно голову и готовы прибѣгать ко всякимъ мѣрамъ, лишь бы добиться желанной цѣли, т.-е. своей личной диктатуры надъ всѣмъ нѣмецкимъ народомъ вообще. Въ такомъ именно родѣ шла рабочая агитація послѣ смерти Лассалы. Уже въ 1865 году социалистская партія въ Германіи распадается на двѣ части, крайне враждебныя между собою, и съ тѣхъ поръ обѣ онѣ старались какъ бы наперерывъ другъ передъ другомъ заявлять самыя крайнія притязанія на счетъ другихъ партій въ обществѣ, не забывая однако своей собственной распри. Вскорѣ затѣмъ онѣ вступили въ составъ чисто революціоннаго общества: „Международнаго,“ причемъ до того замечались въ своихъ сословныхъ планахъ, что когда началась послѣдняя война съ Франціей изъ-за національнаго единства, онѣ не только не приняли въ ней никакого участія, но даже протестовали противъ объединенія нѣмецкаго отечества. Но это былъ протестъ не общечеловѣческаго характера, какъ протестъ честнаго демократа Якоби, но протестъ безсильныхъ демагоговъ, увлеченныхъ идеею о всемогуществѣ государственной власти. Успѣху революціонной пропаганды среди городскихъ рабочихъ много способствовали тогда разнаго рода лишенія и стѣсненія, которыми непремѣнно сопровождаются большія войны.

Съ другой стороны, увлеченіе государственнымъ честолюбіемъ возбуждало въ нѣмецкомъ обществѣ воинственные мечтанія, которыя приобрѣтали все болѣе преобладаніе надъ всѣми другими интересами. Отчасти, эти мечтанія влекли нѣмцевъ въ опаснымъ географическимъ изслѣдованіемъ внутрь Африки (Дезоръ и Рольфсъ), или

на далекий Сѣверъ, за Шницбергенъ, отчасти же къ составленію завоевательныхъ плановъ противъ сосѣдей нѣмецкой земли. Такимъ образомъ возникли въ нѣмецкомъ обществѣ такъ-называемый „бельгійскій вопросъ“ и странная ненависть къ славянскимъ народностямъ въ Австріи; но наибольшей ненависти подвергалась въ это время Франція, хотя многія дурныя привычки и наклонности французской жизни, обусловливаемыя главнымъ образомъ наполеоновскимъ деспотизмомъ, успѣвали въ то же время усвоиваться нѣмецкимъ обществомъ. Берлинъ сталъ расти вширь подобно Парижу, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ него вмѣстились всѣ темныя стороны парижскаго быта; на нѣмецкой сценѣ стали господствовать французская комедія нашего времени и Оффенбахъ; въ отношеніяхъ богатыхъ и бѣдныхъ стала укореняться сословная вражда. Какъ бы то ни было, никогда еще Франція и все французское не подвергались столь жестокому нападкамъ со стороны нѣмецкаго общества, какъ именно въ періодъ до войны съ Франціей. Исторія дала біографіи главныхъ дѣятелей первой національной войны противъ Франціи: Штейна, Гнейзенау, Блюхера, Заксенъ-Тешена и друг., и рядомъ съ восторженными отзывами о жизни и дѣяніяхъ этихъ національныхъ героев и гениевъ, и особенно объ ихъ ненависти къ Франціи, исторія старалась представлять въ непривлекательномъ видѣ все, чѣмъ можетъ гордиться Франція. Явились изслѣдователи, которые стремились умалить значеніе даже событій прошлаго вѣка, и умалить „то самое движеніе, говоря словами Рихтера, которое освободило европейское человѣчество изъ оковъ феодальнаго государства“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разныхъ путешествіяхъ по Франціи и корреспонденціяхъ изъ Парижа французскій народъ представлялся въ самомъ пошломъ видѣ. „Въ нынѣшнемъ Парижѣ — пишетъ одинъ корреспондентъ — остался только шумъ, а энтузіазма нѣтъ, то-есть, того одушевленія изъ временъ республики, той вѣры въ будущее. Этотъ Парижъ равнодушенъ и критиканъ, ему надоѣли побѣды Франціи, онъ относится съ недовѣріемъ къ своимъ минимымъ и дѣйствительнымъ пораженіямъ, онъ завидуетъ только національный славѣ сосѣдей. Ты, прекрасная мечта Ламартина о мирной республикѣ, куда ты исчезла?...“ Рихтеръ утверждаетъ, что такими были *все* тогдашнія сужденія о Франціи. „Казалось — говоритъ онъ далѣе — что все содѣйствовало къ возбужденію столеновенія. Только немногіе умы работали въ другомъ духѣ, то-есть, въ такомъ, который имѣлъ бы своею цѣлью примиреніе національныхъ противорѣчій и ослабленіе національныхъ предрассудковъ, какъ поступилъ, напримѣръ, Штраусъ въ своихъ лекціяхъ о Вольтерѣ.“ Но всѣ усилія нѣкоторыхъ нѣмцевъ, писавшихъ въ то время въ смыслѣ примиренія, „были пара-

лизованы господствовавшимъ уже тогда недоувѣріемъ къ французской націи, въ которой еще видѣли единственнаго серьезнаго врага уже вполонину достигнутаго національнаго единства“ (стр. 284). Этотъ фактъ ненависти и недоувѣрія къ Франціи весьма важенъ, такъ какъ онъ лучше всего объясняетъ, почему нѣмцы съ такою готовностью откликнулись на кличъ Бисмарка, и съ такою безпардонною жестокостью и настойчивостью вели опустошительную войну противъ всего французскаго народа.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей. *Н. Костомарова*. Первый отдѣлъ: Господство дома св. Владимира. Вып. 1-й, X—XIV-е ст. Спб. 1873.

Мы уже имѣли случай указать, въ „Библиографическомъ листѣ“, на выходъ въ свѣтъ новаго труда Н. И. Костомарова. Этотъ трудъ представляетъ столько оригинальныхъ достоинствъ, что мы сочли не лишнимъ нѣсколько подробнѣе познакомить читателя съ самымъ содержаніемъ новой книги г. Костомарова.

Авторъ весьма близко выразилъ основную мысль своего труда въ самомъ заглавіи книги. Это — не рядъ біографій нѣсколькихъ лицъ, выбранныхъ случайно изъ періода первыхъ пяти вѣковъ русской исторіи, а сама русская исторія въ лицѣ тѣхъ великихъ характеровъ или умовъ, которые поочередно служили своей странѣ и своему народу и руководили болѣе или менѣе сознательно его судьбою.

Всѣ новые европейскіе народы, если только ихъ древніе вожди не усыновлялись еще римскою имперіею въ качествѣ ея префектовъ, начинали свое историческое существованіе эпохою принятія христіанства. Такъ было и съ нами; потому и Н. И. Костомаровъ начинаетъ свою русскую исторію, какъ исторію, концомъ X-го вѣка — эпохою Владимира Святого. Именемъ послѣдняго онъ называетъ весь домъ, господствовавшій потомъ цѣлыхъ семь вѣковъ — до конца XVI-го столѣтія, когда въ правленіе Федора Ивановича погибъ его братъ, царевичъ св. Димитрій — послѣдняя мужская отрасль Дома св. Владимира. Весь свой трудъ авторъ раздѣляетъ на два отдѣла, изъ которыхъ первый отдѣлъ посвященъ господству Дома св. Владимира. (Нынѣшній выпускъ этого отдѣла останавливается на второй половинѣ XIV-го вѣка, на времени Донского). Второй отдѣлъ долженъ обнять собою новое время отечественной исторіи и правленіе новаго Дома. Вотъ, судя по началу, полная программа, которою задался авторъ; первый и большой шагъ къ ея исполненію имъ уже сдѣланъ, и по нашему мнѣнію, сдѣланъ такъ, какъ того можно было ожидать отъ

прочно и давно установившейся репутаціи нашего почтеннаго историка. Правда, нынѣшній разъ предъ авторомъ лежала совершенно новая задача; но для новой задачи онъ нашелъ въ себѣ и новыя силы. До сихъ поръ онъ оставался постоянно или въ области изслѣдованія древняго нашего народнаго быта и отдѣльных историческихъ вопросовъ, или въ области монографіи какой-нибудь выдѣляющейся эпохи, какова, напримѣръ, одна изъ самыхъ обширныхъ его монографій—„Смутное время“. Въ первый разъ теперь онъ задумалъ взять на себя изложеніе русской исторіи во всей ея цѣлости. Такія работы, какъ компиляція другихъ обширныхъ трудовъ, выполняются довольно легко и преимущественно съ учебною цѣлью. Но новое предпріятіе Н. И. Костомарова не имѣетъ ничего общаго съ такими трудами и ихъ тѣсными цѣлями. Онъ резюмируетъ плоды своихъ собственныхъ работъ и долговременныхъ размышленій надъ русскою исторіею. Поэтому предъ нами лежитъ теперь не философія исторіи и не систематика, а прагматическая исторія во всей чистотѣ своего прототипа, оставленная намъ древними историками, безъ всякой предвзятой теоріи, безъ всякаго полемическаго намѣренія. Это—исторія, которая пишется для того, чтобъ ее читали многіе и многіе. Чтобы читать такую „исторію“, нужно имѣть уши, чтобъ слышать, и еще прежде того—любить свою родину и интересоваться простымъ разсказомъ ея судебъ, каковы бы онѣ тамъ ни были. Простымъ разсказомъ! Это легко сказать, но въ простотѣ-то и вся трудность! Нѣтъ ничего труднѣе, какъ написать книгу для „общедоступнаго чтенія“; самый трудъ этого рода далеко не общедоступенъ. Талантъ изслѣдователя, монографа, служитъ конечно весьма важнымъ приготовленіемъ въ тому, чтобъ послѣ написать что-нибудь общедоступное,—но самъ по себѣ онъ еще недостаточенъ для того. Всѣ знаютъ, сколько потрудился г. Костомаровъ, напримѣръ, надъ различными мудреными вопросами изъ древнѣйшаго періода нашей исторіи; трудно было послѣ этого отложить всѣ теоріи въ сторону, устранившись отъ полемическаго тона и начать свою „Русскую исторію“ съ такою чисто классическою простотою, какъ то именно и сдѣлалъ авторъ на первой страницѣ своего труда:

„Наша исторія о временахъ, предшествовавшихъ принятію христіанства, темна и наполнена сказаніями, за которыми нельзя признать несомнѣнной достовѣрности. Этому причинною то, что наши первые лѣтописцы писали не ранѣе второй половины XI-го вѣка и о событіяхъ, происходившихъ въ ихъ отечествѣ въ IX и X вѣкахъ; за исключеніемъ немногихъ письменныхъ греческихъ извѣстій, не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ изустныхъ народныхъ преданій, которыя по своему свойству подвергались вымысламъ и измѣненіямъ.

Съ достовѣрностью можно сказать, что, подобно всѣмъ сѣвернымъ европейскимъ народамъ, и русскій только съ христіанствомъ получилъ дѣйствительныя и прочныя основы для дальнѣйшей выработки гражданской и государственной жизни, основы, безъ которой собственно для народа нѣтъ исторіи“.

Вотъ приступъ, въ которому, по нашему мнѣнію, нельзя ничего прибавить,—и ничего выпустить; хотя затѣмъ остается еще обширная арена для научныхъ (а иногда и не для научныхъ) споровъ о деталяхъ, о степени достовѣрности и недостовѣрности и т. п. Нашимъ читателямъ извѣстно специальное изслѣдованіе Н. И. Костомарова о роли, которую играли народныя преданія въ составѣ первоначальной русской лѣтописи ¹⁾; не было бы ничего проще и легче, какъ повториться, компилировать самого себя; но авторъ воздержался отъ такого соблазна, а только резюмировалъ въ новомъ трудѣ свою основную мысль и притомъ въ такой формѣ, которая поставила его внѣ всякой полемики.

За такимъ вступленіемъ слѣдуетъ хотя сжатая, но мастерская картина этнографическаго, культурнаго и полу-государственнаго быта нашей страны наканунѣ великаго въ ней переворота, какимъ было введеніе христіанства въ 988 году. Съ этой минуты, жизнь князя Владимира, ставшаго во главѣ переворота, воплощаетъ въ себѣ, какъ жизнь великаго человѣка, всю историческую жизнь страны, и потому авторъ рассказываетъ намъ эту жизнь — оставаясь впрочемъ вѣрнымъ самому себѣ, а именно онъ остается при историческомъ и удаляетъ все легендарное. При такомъ значеніи Владимира, авторъ весьма справедливо называетъ и первыя страницы своей „Русской исторіи“ именемъ ея перваго великаго человѣка.

Вторая глава посвящена кievскому князю Ярославу, сыну Владимира, княженіе котораго „можетъ назваться продолженіемъ Владимірова, какъ по отношеніямъ кievскаго князя къ подчиненнымъ землямъ, такъ и по содѣйствію къ размноженію въ Руси новыхъ началъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ“. Къ этимъ двумъ сторонамъ княженія Ярослава авторъ присоединяетъ картину внутреннихъ семейныхъ усобицъ, которыя на долгое время послужили сигналомъ къ удѣльной борьбѣ князей, составившей канву нашей исторіи вплоть до XV-го вѣка. Но какъ бы то ни было, главная работа Владимира и Ярослава—сплоченіе государства и христіанская цивилизація пережили и удѣльные раздоры и монгольское иго, а потому время этихъ двухъ князей является у автора краеугольнымъ камнемъ всей русской исторіи.

¹⁾ См. Вѣстн. Евр. 1873, январь, февр. и мартъ.

Но прежде нежели перейти къ тѣмъ преемникамъ Владимира и Ярослава, которые явились продолжателями начатыхъ трудовъ государственнаго устройства, авторъ счелъ необходимымъ ближе характеризовать начала новой цивилизаціи и новаго общественнаго элемента, какимъ явилось тогда духовенство. Уже тогда оно получило тотъ типъ, которому суждено было сохраниться чрезъ всю нашу исторію: съ первыхъ дней „православная церковь была пропитана монашескимъ духомъ, и религіозное благочестіе находилось подъ исключительнымъ вліяніемъ монастырскаго взгляда“. Этотъ типъ выработался еще въ Византіи, какъ крайній протестъ противъ утонченія разврата, паденія нравовъ; у насъ этотъ же византійскій типъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати: въ немъ выразился протестъ противъ грубости нравовъ, языческаго варварства, торжества матеріальной силы. Какъ Владимиръ, и особенно Ярославъ наложили печать на государственный строй, такъ современникъ послѣдняго, преподобный Θεодосій Печерскій, запечатлѣлъ собою нашъ будущій духовный строй и нравственный бытъ. Поэтому авторъ, посвятивъ третью главу дѣяніямъ Θεодосія Печерскаго, — завершаетъ вполне картину политическаго и бытового основанія русскаго государства и общества, какъ впервые сложилось то и другое, благодаря счастливому соединенію усилій трехъ замѣчательныхъ людей, жившихъ другъ за другомъ въ теченіи не болѣе, какъ одного вѣка.

Третья глава, по нашему мнѣнію, особенно удалась автору; къ мастерскому разсказу жизни и дѣяній Θεодосія, онъ присоединилъ въ заключеніе и комментарий, вызванный важностью предмета, но изложенный съ тою же простотою, какою проникнуть весь текстъ книги, безъ тѣни какой-нибудь намѣренной полемики.

„Тотъ же духъ, говоритъ онъ, который проявилъ Θεодосій въ своей жизни и устройствѣ монастыря, надолго оставался въ его обители. За нимъ появился цѣлый рядъ подвижниковъ, которыхъ дѣянія записывались, передавались изустно, служили примѣромъ для другихъ монастырей и распространяли въ русскомъ народѣ извѣстное направленіе религіозныхъ воззрѣній. Оттуда истекало, тамъ окрѣпло и утвердилось то господствующее понятіе, что Богъ любитъ въ христіанинѣ добровольное терпѣніе, самоизнуреніе постомъ, удаленіе отъ половой связи, утомительное богомоленіе, слезы, скорбь, воздыханіе, нищету, — что монастырь есть путь къ спасенію, а въ мірѣ если не совсѣмъ невозможно, то очень трудно спастись; только надежда на молитвы подвижниковъ можетъ давать утѣшеніе; а потому слѣдуетъ давать въ монастыри вклады и надѣлать ихъ богатствами, чтобы въ нихъ молились за грѣшниковъ. — Въ этомъ направленіи были свѣтлыя стороны. Онѣ состояли въ томъ, что монастыри были главные провод-

ники христіанства; а въ благодѣтельномъ вліяніи христіанства едва ли могутъ сомнѣваться самые невѣрующіе люди. Но, съ другой стороны ~~предпочтеніе~~ монашескаго званія и уваженія къ иноческой жизни вносили односторонность въ релігіозное ~~вззрѣніе~~ ~~вззрѣніе~~. Мысль, что Богу всего угоднѣе одиночная, подвижническая жизнь инока, а ~~человѣкъ~~ тѣмъ ближе къ спасенію, чѣмъ далѣе отъ міра, вытѣсняла христіанскую добродѣтель изъ этого міра: благочестивые люди стремились не къ тому, чтобы въ людскомъ обществѣ, въ мірѣ, совершать подвиги любви Христовой; ихъ идеаль богородной жизни былъ не въ средѣ человѣческихъ отношеній, а напротивъ, внѣ ихъ. Спасеніе удобнѣе казалось одинокому, оторванному отъ людей затворнику; и напротивъ, обращеніе съ людьми приводило къ ~~необъязному~~ грѣху;—такъ думали русскіе, тогда какъ по духу Евангелія слѣдовало—наоборотъ... Такихъ образомъ логически выходила безцѣльность дѣлъ любви Христовой; если страданіе являлось само по себѣ цѣлью, то не зачѣмъ было стремиться къ уменьшенію его на землѣ; напротивъ, нужно, казалось, заботиться, чтобы люди страдали: къ этому приводила односторонность, вытекавшая изъ господства монашескаго направленія въ христіанствѣ. Такъ какъ идеаль христіанской доблести поставленъ былъ внѣ гражданскаго общества и подъ условіемъ насилуванія человѣческой природы, то онъ не могъ достигаться не только всѣми, но и большею частью тѣхъ, которые ему исключительно отдавались; отсюда вытекло, что послѣдствіемъ стремленія къ такому идеалу являлось именно то, что болѣе всего было противно духу Христова ученія: лицемерство, самообольщеніе, ханжество и отупѣніе. За исключеніемъ немногихъ личностей, которымъ дано было свѣще достигать высшаго монашескаго идеала, за исключеніемъ бѣдняковъ, слабыхъ духомъ и тѣломъ, неспособныхъ къ труду въ обществѣ,—монастыри наполнялись людьми, возмечтавшими о себѣ то, чего въ нихъ не было, воображавшими, что Богу угодно насиліе надъ данной Богомъ же духовной и тѣлесной природой человѣка, а болѣе всего эгоизмами, тунеядцами и лицемерами, надѣвавшими на себя личину святости. За предѣлами же монастырей весь міръ пребывалъ въ грубѣйшей чувственности и въ полнѣйшемъ невѣжествѣ, продолжали въ немъ господствовать и развиваться пороки, совершались насилія и злодѣянія, лилась рѣками кровь человѣческая, люди терзали другъ друга; а благочестивое чувство утѣшало себя тѣмъ, что такъ неизбѣжно должно быть на свѣтѣ по волѣ Божіей, и искало примиренія съ совѣстью и божествомъ въ соблюденіи кое-какихъ видимыхъ приемовъ, приближающихъ жизнь къ монашескому идеалу, поставленному внѣ міра и гражданскаго общества“.

Мы привели это мѣсто какъ образецъ спокойной и ясной бесѣды, которою авторъ самъ не разъ прерываетъ на минуту свой рассказъ, разъясняя факты и вмѣстѣ ставя читателя на вполне безпристрастную точку зрѣнія.

Въ теченіе двухъ столѣтій, послѣдовавшихъ за смертію Ярослава Мудраго, исторія Россіи замѣтно раздѣляется на двѣ группы государствъ, — сѣверо-восточную и юго-западную. Это—время полного разгара удѣльныхъ междоусобицъ и отчаянной борьбы русскихъ съ полчищами варваровъ на востокѣ, заключившейся русскою колонизаціею востока и нашимъ пагубнымъ столкновеніемъ съ татарами. Въ теченіе этихъ двухъ кровавыхъ столѣтій на сѣверо-востоцѣ являются нашими историческими вождями Владимиръ Мономахъ, Андрей Боголюбскій, Мстиславъ Удалый и Александръ Невскій. Жизнь этихъ великихъ дѣятелей и избралъ авторъ канвою для картиннаго изображенія исторіи и судьбы всего русскаго общества, перенесшаго въ ту эпоху такіа страданія, какія рѣдко доставались на долю какому-нибудь другому народу. Эти четыре главы написаны авторомъ съ тою картинностью и, если можно такъ выразиться, сценичностью, по которымъ уже давно его сравнивали съ Огюстеномъ Тьерри. И время нашихъ удѣловъ напоминаетъ ту эпоху, которую изображалъ историкъ Мервинговъ.

Къ концу этой же самой страдной эпохи, въ юго-западной Руси явилась также личность, обладавшая и великимъ характеромъ, и замѣчательнымъ государственнымъ умомъ. Это былъ Данило Галицкій. Задачи юго-западной Руси были тѣ же, какъ и сѣверо-восточной; но онѣ усложнились столкновеніемъ съ западными славянами и съ образованнымъ латино-римскимъ міромъ. Данило Галицкій былъ первый, замыслившій ввести свою страну въ общую систему европейскихъ государствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же первый поставилъ условіемъ того неприкосновенности народности и религіи. Князю Данилѣ пришлось впервые имѣть дѣло не съ одними варварами, но и съ европейскими сосѣдями, которые уже тогда продавали намъ свои услуги весьма дорого. Такое положеніе латино-русскаго князя доставило нашему историку болѣе обширную канву для рассказа и придало особый интересъ той главѣ, которая имъ посвящена времени и странѣ Данила Галицкаго. Данилѣ Галицкому не достало такихъ преемниковъ, какихъ нашли себѣ Владимиръ Мономахъ или Александръ Невскій въ сѣверо-восточной Россіи; его дѣло погибло, „но, — справедливо заключаетъ авторъ, — личность Данила Галицкаго тѣмъ не менѣе остается благородною, наиболѣе возбуждающею къ себѣ сочувствіе во всей древней русской исторіи“.

Между тѣмъ, какъ въ XIV вѣкѣ при цреемникахъ Даниила Галицкаго, южная Россія, доставшись въ руки Литвы и Польши, надолго порвала связь съ своею сѣверо-восточною половиною, тамъ произошелъ переворотъ, который можно назвать эпохою вторичнаго основанія нашего государственнаго и общественнаго быта, хотя и при другихъ условіяхъ и на иныхъ основаніяхъ, нежели какъ то было въ первую эпоху при Владимирѣ Святѣмъ и Ярославѣ Мудромъ. Дѣти и внуки другого Данила, князя московскаго, собираютъ сѣверо-востокъ и полагаютъ начало освобожденію отъ ига татаръ. Какъ и въ эпоху перваго основанія нашей государственности, союзниками ихъ опять является церковь и ея подвижники, сохранившіе тотъ же характеръ и суровый нравственный обликъ. Этому-то перевороту и посвящаетъ авторъ послѣднія четыре главы настоящаго выпуска своей „Русской Исторіи“. Героями и руководителями судебъ отечества въ ту эпоху являются съ одной стороны московскіе князья—братья Даниловичи и великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, а съ другой—преподобный Сергій и соловецкіе чудотворцы Савватій и Зосима. Рассказывая ихъ жизнь, авторъ, какъ и прежде, связываетъ тѣсно главнѣйшія черты ихъ жизни съ общою судьбою цѣлой страны и даетъ намъ такимъ образомъ общую картину русской исторіи въ теченіи XIV-го вѣка. На этомъ и останавливается первый выпускъ; въ слѣдующемъ выпускѣ авторъ предполагаетъ докончить рассказъ о времени послѣднихъ правителей дома Владимира Св.—XV-ый и XVI-ый вѣка.

Мы имѣемъ въ настоящее время въ своихъ рукахъ значительное количество матеріаловъ для русской исторіи, растущее съ каждымъ годомъ, и обширныя пособія въ многотомныхъ трудахъ нашихъ исторіографовъ; съ другой стороны, есть не мало и учебниковъ; но книги для общедоступнаго чтенія русской исторіи мы рѣшительно не имѣли. Между тѣмъ отечественная исторія принадлежитъ къ тѣмъ предметамъ, которые должны быть не только изслѣдуемы учеными и преподаваемы въ школахъ, но также доступны и той массѣ публики, которая не желаетъ остаться при школьныхъ свѣдѣніяхъ, но и не можетъ взяться за источники или колоссальныя исторіографическіе труды. Н. И. Костомарову принадлежитъ честь не только почина въ этомъ важномъ дѣлѣ, но и вполне удачнаго исполненія мысли написать подобную книгу для чтенія русской исторіи. Въ настоящую минуту, трудъ почтеннаго историка представляетъ одинъ капитальный недостатокъ: этотъ трудъ не конченъ. Но г. Костомарову весьма легко избавить свой трудъ отъ недостатка такого рода. Доведя свой трудъ до конца, онъ этимъ окажетъ существенную услугу и

общественному образованію въ томъ отдѣлѣ знанія, который должно считать обязательнымъ для каждого сколько-нибудь мыслящаго русскаго человѣка.

Critiques and Addresses. By Thomas Henry Huxley, L. L. D., F. R. S. (Критическія замѣтки и публичныя рѣчи, Томаса Генри Гёксли). London, Macmillan and Co, 1873.

Профессоръ Гёксли — неутомимый популярный писатель, и притомъ талантливый и многосторонній; онъ пишетъ, читаетъ публичныя лекціи, говоритъ рѣчи не только о предметахъ своей профессорской специальности: сравнительной анатоміи и фізіологіи, но положительно обо всемъ, что можетъ интересовать современную публику, болѣе или менѣе способную понимать разные вопросы нашего времени, философскіе ли, политическіе ли, или естественныхъ наукъ. Три года тому назадъ, Гёксли издалъ цѣлый томъ статей этого рода подъ заглавіемъ: „Lay-Sermons, Addresses and Reviews“, — и вотъ уже снова является такой же томъ, гдѣ помѣщено тринадцать разныхъ статей, изъ которыхъ восемь поучаютъ публику разнымъ фактамъ и выводами изъ области естествознанія, двѣ имѣютъ предметомъ вопросъ народнаго образованія въ Англіи и вмѣшательства государственной власти въ это дѣло, двѣ другія разбираютъ методы и плоды этнологіи, особенно въ Англіи, и наконецъ послѣдняя статья поднимаетъ философскій вопросъ о „метафизикѣ ощущенія“.

Наиболѣе интересны и съ болѣющимъ талантомъ составлены статьи по естественнымъ наукамъ: „О медицинскомъ образованіи“, „Дрожжи“, „Объ образованіи угля“, „О кораллѣ и коралловыхъ рифахъ“, „Палеонтологія и ученіе постепеннаго развитія“, „Биогенезисъ и абіогенезисъ“, „Критики г. Дарвина“, „Генеалогія животныхъ“. Отметимъ здѣсь два-три факта, которые особенно поразили насъ при чтеніи этихъ статей. Говоря о медицинскомъ образованіи, почтенный профессоръ, самъ много занимавшійся съ микроскопомъ, заявляетъ серьезное недовѣріе къ гистологическимъ наблюденіямъ въ области фізіологіи: онъ не можетъ безъ „внутренняго содроганія“ слышать слова: „клеточка“, „карминъ“ и т. п.; онъ требуетъ отъ фізіологін, чтобы она была прежде всего „фізикомъ, механикомъ и химіею человѣческаго тѣла“, и чтобы студенты изучали ее путемъ практическихъ занятій. Далѣе, Гёксли, самъ преподаватель сравнительной анатоміи, полагаетъ, что для медиковъ эта отрасль знанія совершенно

безполезна и ненужна; но этого мало—онъ совѣтуетъ медицинскимъ училищамъ отмѣнить преподаваніе лекарствовѣдѣнія! Медицинскіе рутинеры, по всей вѣроятности, сильно возстанутъ противъ подобнаго предложенія: что другое отмѣнить — они готовы, но какъ же медиковъ не обучать лекарствовѣдѣнію! Между тѣмъ, вотъ что рассказываетъ Гёксли о себѣ по поводу этого вопроса: — „когда мнѣ пришлось держать экзаменъ въ лондонскомъ университетѣ, экзаменаторомъ былъ Перейра, а вы знаете, что „Materia Medica“ Перейры была книгою *de omnibus rebus*. Помню я мои мученія надъ этою книгою, съ ранняго утра до поздней ночи (я работалъ въ тѣ дни весьма сильно), и кажется, что мнѣ удалось какимъ-то образомъ умѣстить ее въ мою голову, но за то я долженъ признаться, что спустя недѣлю послѣ того я уже успѣлъ всю ее перезабыть. Съ тѣхъ поръ и до сегодня не оставалось въ моей головѣ ни слѣда свѣдѣній о лекарствахъ; и въ самомъ дѣлѣ — если посмотрѣть здраво на этотъ предметъ—невозможно понять, гдѣ берутся доказательства въ пользу принужденія врачей знать все о лекарствахъ и откуда получаютъ они. Отчего не принудить ихъ, послѣ этого, посѣщать желѣзностальной институтъ ради изученія ножевого ремесла, такъ какъ врачи употребляютъ въ своей практикѣ ножи?..“

Въ статьѣ „Біогенезисъ и абіогенезисъ“, послѣ мастерскаго изложенія исторіи всѣхъ изысканій относительно самопроизвольнаго зарожденія или происхожденія организмовъ изъ неорганическаго міра, Гёксли объявляетъ, что онъ *отрицаетъ*, что живая протоплазма можетъ происходить изъ мертваго вещества, хотя всѣ опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи, дали пока исключительно одни отрицательные результаты. Въ статьѣ „О методахъ и результатахъ этнологіи“ нашъ авторъ является сторонникомъ происхожденія разныхъ человѣческихъ племенъ отъ одного.

Съ большимъ интересомъ можно прочесть публичную рѣчь объ „административномъ нигилизмѣ“, гдѣ Гёксли разбираетъ вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ. Нигилисты — это приверженцы теоріи *laissez-faire*. Гёксли сильно возстаетъ противъ этой теоріи, низводящей государственную власть до степени полиціи для охраненія жизни и собственности. Государство — говоритъ онъ — охраняетъ теперь собственность не потому, что такова его природная обязанность, но потому, что поддержаніе собственности способствуетъ благосостоянію народа. „Еслибы можно было ясно доказать, что отмѣна собственности еще болѣе поспѣшествуетъ народному благу, то государство могло бы тогда съ тою же справедливостію отмѣнить этотъ институтъ, съ какою теперь оно охраняетъ его“

(стр. 27). По его мнѣнію, идеаломъ современнаго государства должна быть такая организація его, которая бы всего лучше способствовала благосостоянію гражданъ. Упоминая о соціальныхъ системахъ „Платона, Мора, Роберта Оуена, Сен-Симона, Конта, и новѣйшихъ социалистовъ“, Гёксли находитъ въ нихъ лучшее доказательство того, что „во всѣ времена“ люди, способности которыхъ не низшаго порядка, были крѣпко убѣждены въ возможности устройства идеальной государственной власти. Правда, что всѣ эти схемы государственной организаціи оказывались „непрактическимъ безумствомъ“, но только потому, что сама политическая наука находится пока лишь въ зачаточномъ состояніи. И въ этомъ отчаиваться не слѣдуетъ: „Политика, какъ наука, не старѣе астрономіи; но хотя предметъ послѣдней несравненно менѣе сложнаго свойства, однако теорія лунныхъ движеній все еще не установлена окончательно“.

Извѣстно, что Гёксли—приверженецъ теоріи происхожденія чело- вѣка отъ обезьяны. Многіе полагаютъ, что такой теоріи могутъ придерживаться лишь матеріалисты, но Гёксли не принадлежитъ къ этой метафизической сектѣ, какъ ясно видно изъ заключенія его статьи о „Метафизикѣ ощущенія по Беркели“. Онъ прямо заявляетъ здѣсь, что еслибъ его принуждали выбирать между безусловнымъ матеріализмомъ и безусловнымъ идеализмомъ, онъ склонился бы къ послѣднему. Въ дѣйствительности же онъ предпочитаетъ скептицизмъ Локка. Матеріалисты признаютъ нѣчто такое, что они называютъ „сущностью (субстанціей) матеріи“, что это нѣчто есть причина всѣхъ явленій, какъ матеріальныхъ, такъ и умственныхъ, и что матерія вѣчна. Идеалисты утверждаютъ съ равною увѣренностью, что сущности матеріи не существуетъ, а есть лишь „сущность ума“, называемая *духомъ*; — по Беркели, духовная субстанція бываетъ двухъ родовъ: одна вѣчная, несотворенная, субстанція божества; другая, созданная на вѣчныя времена;—вселенная есть лишь результатъ воздѣйствія божественной субстанціи на субстанцію созданнаго духа. Возраженіе Локка противъ обоихъ ученій Гёксли приводитъ вполнѣ, какъ мнѣніе, которое, онъ полагаетъ, будетъ принято философіей какъ единственно справедливое. Локкъ говоритъ:

Если кто-нибудь приметъ разбирать свое понятіе о чистой субстанціи вообще, онъ найдетъ, что у него есть только предположеніе о какой-то основѣ такихъ свойствъ, которыя способны вызывать въ насъ простыя идеи... Если кого-либо спросать, какому предмету свойственны цвѣтъ и вѣсъ, ему останется только сказать, что плотнымъ протяженнымъ частямъ; а если его спросать, чему свойственны плотность и протяженіе, то онъ попадетъ какъ разъ въ то положеніе,

ВЪ КАКОМЪ НАХОДИЛСЯ ТОТЪ ИНДІЕЦЪ, КОТОРЫЙ, УТВЕРЖДАЯ, ЧТО МІРЪ СТОИТЪ НА БОЛЬШОМЪ СЛОНѢ, ОТВѢЧАЛЪ, КОГДА ЕГО СПРОСИЛИ: НА ЧЕМЪ ЖЕ СЛОНЪ СТОИТЪ? — НА БОЛЬНОЙ ЧЕРЕПАХѢ. Но когда его еще разъ спросили: на чемъ же стоитъ большая черепаха? — онъ отвѣчалъ, что на чемъ-то, чего онъ не знаетъ. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда мы употребляемъ слова, не обладая ясными и опредѣленными идеями, — мы болтаемъ какъ дѣти, которыя, когда ихъ спрашиваютъ, о чемъ они болтаютъ, всегда готовы отвѣчать: „о чемъ-то“. Понятіе о субстанціи принадлежитъ именно къ этого рода „словамъ“, лишеннымъ ясныхъ и опредѣленныхъ идей. Вопросъ о субстанціи лежитъ внѣ предѣловъ человѣческаго разума и всѣ толки о ней не могутъ дать научныхъ результатовъ. Но матеріализмъ и идеализмъ стремятся къ разрѣшенію вопроса о субстанціи и, разумѣется, напрасно. Современный *позитивизмъ* вполне подтверждаетъ мнѣніе Гёксли объ этихъ противоположныхъ системахъ философіи.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 1-го августа 1873 года.

Отклонены ходатайства: одного лица о ссудѣ, какъ несогласное съ правилами Общества о порядкѣ выдачи ссудъ, и другого—объ увеличеніи размѣра пособія, такъ какъ комитетъ не находитъ оснований къ измѣненію своего прежняго рѣшенія.

Отчетъ казначея за июль.

Къ 1-го іюля въ кассѣ было 64,422 руб. 65 коп. Вновь поступило: отъ А. Д. Назарова 25 руб. и процентовъ по купонамъ 11 р. 18 коп. Израсходовано: на пенсіи 5-ти лицамъ—270 руб.; на единовременныя пособія—1030 р.; на воспитаніе 2-хъ лицъ—130 руб.; и на двѣ чековыя книжки учетнаго и ссуднаго банка 1 руб. 20 коп. Къ 1-му августа въ кассѣ было 63,027 руб. 63 коп.

Засѣданіе комитета 20-го августа 1873 года.

1) Докладъ секретаря о томъ, что отъ редакціи журнала „Сіаніе“ не получено отвѣта на отношеніе объ удовлетвореніи г. Скорнякова, какъ за помѣщенную въ названномъ журналѣ статью, такъ и за высланный, по просьбѣ редакціи, фотографическій видъ гор. Енисейска. Определено: изложеніе этого дѣла помѣстить въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета.

2) Выдано 200 руб. въ пособіе писателю, находящемуся въ затруднительномъ положеніи.

3) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи племянницѣ его, такъ какъ послѣдняя не удовлетворяетъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдають пособія изъ литературнаго фонда.

4) Положено внести въ технологическій институтъ плату за слушаніе лекцій однимъ молодымъ писателемъ.

5) Выдано 100 руб. писателю на уплату долга за квартиру и на выкупъ платья.

6) Выслано 400 руб. больному писателю, находящемуся въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, на переѣздъ въ южныя губерніи и на леченіе.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

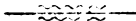
СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ 1873.

Книга десятая. — Сентябрь.

	СТР.
Сняточка. — Весенняя сказка. Въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. — А. Н. ОСТРОВСКАГО	5
Русскій равочій у американскаго плантатора. — Разсказы и воспоминанія. — V. — А. К***	129
О славотвенномъ дѣлѣ по поводу убійства царевича Димитрія. — Н. И. КОСТО-МАРОВА.	164
Старая исторія. — Изъ Гейбеля. — П. ВЕЙНБЕРГА.	185
Познанскіе поляки въ 1848 году. — III-IV. — Б. Л.	187
Мадейра. — Воспоминанія и замѣтки. — И. Л. МЕЧНИКОВА	212
Литературное движеніе въ Галиціи. — I. — М. Т—ОВА.	240
Сверхомѣтные кредиты въ нашемъ бюджетѣ. — I. — Н. КОЛЮПАНОВА.	269
Хроника. — Современное положеніе равочей силы въ Европѣ и Америкѣ. — По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ ре-зультатамъ статистическихъ работъ. — Бельгія. — I-IV. — Н. Ф.	308
Педагогическій отдѣлъ вѣнской всемірной выставки 1873 года. — I. — БАР. Н. А. КОРФА	348
Внутреннее Овозраженіе. — Законы о земскихъ ходатайствахъ. — Возвышеніе патентнаго сбора на продажу питей. — Правила раздробительной продажи ихъ въ Петербургѣ. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1871 годъ. — Университеты. — Гимназіи. — Начальныя училища. — Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ. — Приемъ духовныхъ семинаристовъ въ университеты	377
Иностранное Овозраженіе. — Заключеніе всемірной выставки въ Вѣнѣ: присужденіе наградъ. — Сліяніе двухъ линій Бурбонскаго дома; настроеніе орлеанской партіи въ виду этого сліянія. — Борьба прусскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ. — Уличныя безпорядки въ Лейпцигѣ; протесты въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Побѣда прусскаго кронъ-принца въ Данію и Швецію; ожиданіе Виктора-Эммануила въ Берлинѣ. — Испанскія дѣла. — Положеніе министерства Гладстона	398
Корреспонденція изъ Париза. — Монархическая реставрація во Франціи. — Н.	416
Новѣйшая Литература. — Недовѣріе къ научному достоинству политическо-экономіи. — <i>Essays in Political Economy, theoretical and applied</i> . By <i>J. E. Cairnes</i> . (Статьи по политической экономіи, теоретической и въ примѣненіяхъ. — Дж. Е. Карнеса).	448
Новыя книги. — <i>Les grandes écoles de France</i> , par <i>Mortimer d'Ocagne</i> (Высшія школы во Франціи, соч. Мортимера д'Оканя). — <i>Rapport spécial sur l'immigration, accompagné de renseignements pour les immigrants</i> , par <i>Edw. Jouin</i> (Спеціальный докладъ о переселеніи, съ приложеніемъ свѣдѣній для переселенцевъ, Эдм. Юна).	449
Подъѣлка Гоголя. — Замѣтка вторая (и послѣдняя). — Д.	
Библиографическій Листокъ.	

Книга десятая. — Октябрь.

- Юношеская повесть М. Ю. Лермонтова. — Гл. I—XXIV
- О борьбе за существование въ органическомъ мірѣ. — I—III. — А. Н. БЕКЕТОВА.
- Гнѣвъ Самсона. — Поэма Альфреда де-Виньи. — В. КУРОЧКИНА.
- Природа и люди въ Америкѣ. — Картины и рассказы. — Prose and poetry, by Bret Harte. Authorized Edition. In two volumes. Leipzig, Bernhard Tauchnitz. 1872. — I—V. — А. Э.
- Сравнительная мифология и ея методъ. — Zoological Mythology, by Angelo De Gubernatis. — I—III. — А. Н. ВСЕЛОВСКАГО.
- Литературное движеніе въ Галиціи. — Озвучаніе. — М. Т—ОВА.
- Взятіе Хивы и хивинская экспедиція 1878 года. — Матеріалы для исторіи похода. — Статья вторая. — Ф. И. ЛОБЫСЕВИЧА.
- Сверхчеловѣческіе кредиты въ наше время. — Н. КОЛЮПАНОВА.
- Хроника. — Современное положеніе рабочихъ силъ въ Европѣ и Америкѣ. — По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ. — Швейцарія. — I—V. — Н. Ф.
- Педагогическій отдѣлъ вѣнской всемірной выставки 1873 года. — II. — БАР. Н. А. КОРФА
- Внутреннее Овозрѣніе. — Уголовная статистика Россіи за 1872 г. — Собираніе данныхъ. — Судимость въ мировыхъ учрежденіяхъ. — Судимость въ общихъ судахъ. — Вліяніе грамотности, занятій и т. д. — По какимъ преступленіямъ рѣже и по какимъ чаще оправдываютъ присяжные
- Иностранное Овозрѣніе. — Виды реставрацій во Франціи. — Новѣйшее заведеніе гр. Шамбора. — Пріѣздъ Виктора-Эммануила въ Вѣну и Берлинъ. — Италія между Франціей и Германіей
- Корреспонденція изъ Берлина. — Итоги послѣдней войны. — К.
- Новѣйшая Литература. — Нѣмецкое національное движеніе. — Die lekten Ideen und der Fortschritt in Deutschland von 1860 bis 1870. Von Herman Michael Richter. (Господствовавшія идеи и прогрессъ въ Германіи съ 1860 по 1870. Сочиненіе Германа Михаэля Рихтера) 8
- Новыя Книжки. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Первый отдѣлъ: Господство дома св. Владиміра. Вып. 1-й, X—XIV-е ст. — Critiques and Addresses. By Thomas Henry Hazley, L. L. D., F. R. S. (Критическія замѣтки и публичныя рѣчи Томаса Генри Гексли) 898
- Извѣстія. — Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. 909
- Библиографическій Листокъ.

ЖУРНАЛЪ

ИНДЕКСЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-ая.

СЕНТЯБРЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-ая. — СЕНТЯБРЬ, 1873.

✓ I. — СНѢГУРОЧКА. — Весенняя сказка. Въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ. — А. Н. Островскаго	Стр. 2
✓ II. — РУССКІЙ РАБОЧІЙ У АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА. — Разсказы и воспоминанія. — V. — А. К***	129
III. — О СЛѢДСТВЕННОМЪ ДѢЛѢ ПО ПОВОДУ УБИЕНІЯ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ. — Н. Н. Костомарова	181
IV. — СТАРАЯ ИСТОРІЯ. — Изъ Гейбелл. — Н. Вейнберга	185
✓ V. — ПОЗНАНСКІЕ ПОЛЯКИ ВЪ 1848 ГОДУ. — Ш-IV. — Б. Л.	187
VI. — МАДЕЙРА. — Воспоминанія и замѣтки. — Ил. Мечникова	212
VII. — ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГАЛИЦІИ. — I. — М. Т-ова	240
VIII. — СВЕРХСМѢТНЫЕ КРЕДИТЫ ВЪ НАШЕМЪ БЮДЖЕТѢ. — I. — Н. Колупанова	299
IX. — ХРОНИКА. — СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ. — По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ. — Бельгій. — I-IV. — Н. Ф.	308
✓ X. — ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ 1873 ГОДА. — Бар. Н. А. Корфа	348
XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Законъ о земскихъ ходатайствахъ. — Возвышеніе патентнаго сбора на продажу питей. — Правила раздробительной продажи ихъ въ Петербургѣ. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1871 годъ. — Университеты. — Гимназіи. — Начальныя училища. — Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ. — Приѣмъ духовныхъ семинаристовъ въ университеты	377
XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Заключеніе всемірной выставки въ Вѣнѣ; присужденіе наградъ. — Слѣніе двухъ линій Бурбонскаго дома; настроеніе орлеанистской партіи въ виду этого слѣнія. — Борьба прусскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ. — Уличныя безпорядки въ Лейпцигѣ; протесты въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Поѣздка прусскаго крон-принца въ Данію и Швецію; ожиданіе Виктора-Эммануила въ Берлинѣ. — Испанскія дѣла. — Положеніе министерства Гладстона	699
XIII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Монархическая реставрація во Франціи. — Н.	416
XIV. — НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Недовѣріе къ научному достоинству политической экономіи. — <i>Essays in Political Economy, theoretical and applied.</i> By J. E. Cairnes (Статьи по политической экономіи, теоретической и въ примѣненіяхъ. Дж. Е. Карнеса)	426
XV. — НОВЫЯ КНИГИ. — <i>Les grandes écoles de France</i> , par Mortimer d'Okagne (Высшія школы во Франціи, соч. Мортимера д'Окагн). — <i>Rapport spécial sur l'immigration, accompagné de renseignements pour les immigrants</i> , par Edm. Joubin (Спеціальный докладъ о переселеніи, съ приложеніемъ свѣдѣній для переселенцевъ, Эдм. Юма)	443
XVI. — ПОДДѢЛКА ГОГОЛЯ. — Замѣтка вторая (и послѣдняя). — Д.	449
XVII. — БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ная исторія въ жизнеописаніяхъ ея главный-
шихъ дѣятелей. *Н. Костомарова*. Выпускъ
первый. Спб. 1873. Стр. 239. Ц. 1 р. 25 к.

Почтенный авторъ приступилъ, наконецъ, къ
тому, который, по его глубокому знанію исто-
рической культуры, а также и по блестящимъ
дѣламъ его таланта, представляется какъ-бы
заключеніемъ въ его положеніи: дать русскому
обществу хорошую книгу для чтенія по отече-
ственной исторіи. Насколько можно судить по
тому выпуску, содержащему исторію X—XIV
вѣковъ, авторъ удачно установилъ рамки своей кар-
тины и вѣрно выбралъ тонъ ея. Задавшись мыслью
представить очерки главныхъ дѣятелей исторіи,
онъ могъ вложить въ эти очерки и всѣ глав-
ншія событія исторіи и крупнѣйшія культур-
ныя черты, устранивъ всю форменность и неиз-
бѣжную сухость учебника. Вышла дѣйствительно
такая для чтенія, но такая книга, которая
сма серьезно обнимаетъ всю область русской
исторіи. Подобно Лелевелю, почтенный историкъ
гораздо менѣе исключилъ изъ главнаго популяр-
наго разсказа героическія былія, не подтверж-
денныя наукою: очеркъ начала Руси является у
него въ жизнеописаніи Владиміра св. и только
общихъ чертахъ, безъ обязательныхъ варіантовъ
т. д. Въ подобномъ трудѣ главное дѣло—вы-
брать историческихъ типовъ, наиболѣе удобныхъ
для группированія околныхъ исторіи вѣтвей и
исторіи нравственнаго состоянія или развитія.
Въ первомъ выпускѣ выборъ этотъ сдѣланъ вѣс-
но, удачно, такъ что одна сторона дѣла поддер-
живаетъ другую.

Исторія Бухары или Трансоксанія. *Германа
Вамбери*. Переводъ *А. П. Павловскаго*.
Т. I. Спб. 1873. Стр. 274. Ц. 4 р.

Извѣстный путешественникъ по Средней Азій
публицистъ по западно-азиатскимъ дѣламъ, про-
фессоръ восточныхъ языковъ въ Пештѣ, Вамбе-
ри попытался представить въ первый разъ исто-
рію Бухары съ древнѣйшихъ временъ до нынѣш-
няго времени. Сверхъ общезвѣстныхъ доселѣ
источниковъ авторъ воспользовался нѣсколькими
улопснми, приведенными повѣстными путеше-
ственниками и специально касающимися Бухары.
Вамбери самъ признается, что источники, быв-
шіе въ его распоряженіи, были все-таки скудны,
однако онъ рѣшился сдѣлать по нимъ опытъ
первой исторіи Бухары. Попытка эта, безъ со-
мнѣній, получить значеніе въ наукѣ, хотя бы пло-
дотворна она и осталась именно только первой
программой для изслѣдованій. Во всякомъ слу-
чаѣ, едва ли кто-либо въ Европѣ имѣлъ болѣе
правъ взяться за это дѣло, такъ-какъ для возста-
новленія смысла историческихъ событій необхо-
димо непосредственное личное знакомство съ
условіями жизни народа и его физіономіею. Эти
условія Вамбери въ себѣ соединяетъ, и они-то,
помогая ему уловить связь между древними по-
казаніями, безъ сомнѣній, сообщать его изложе-
нію повѣстной исторіи Бухары ту живость и
рельефность, какою отличаются и его описаніе
путешествія и его публицистическіе очерки.

Очерки нашихъ порядковъ административныхъ,
судебныхъ и общественныхъ. *Е. П. Карпо-
вича*. Спб. 1873. Стр. 504. Ц. 3 р.

Авторъ соединилъ въ книгу рядъ своихъ ста-
тей по названнымъ отраслямъ, помещенныхъ въ
разныхъ газетахъ за послѣдніе годы. Здѣсь яв-
ляются статьи о преобразованіи губернскаго ад-
министративнаго, полиціи, историческое изложе-
ніе нашихъ законовъ о политическихъ преступлені-
яхъ о развитіи мѣстнаго управленія въ Россіи
и т. д. Разработка избранныхъ предметовъ вѣс-
ма добросовѣстна, и этотъ сборникъ не лишенъ
значенія въ скудномъ запасѣ имѣющихся у насъ
книгъ по текущимъ вопросамъ административной
и общественной жизни.

Историческія статьи *М. Д. Хмырова*. Спб. 1873.
Стр. 470. Ц. 2 р.

Статьи эти: о Ганнибалѣ (аравѣ Петра Ве-
ликаго), гр. Лестока, Биренѣ, братѣ регента, о
причинахъ паденія регента Вирена и о послѣд-
нихъ годахъ Суворова, были напечатаны въ раз-
ныхъ изданіяхъ.

Лѣтописи круглаго оена. *Тушара-Лафосса*. Т. I.
Спб. 1873, 421 стр. Ц. 1 руб. 75 к.

Переводъ извѣстной компіляціи *Chroniques
de l'Oeil de Boeuf*, которая представляетъ, въ
видѣ мемуаровъ, событія и слѣдствія придворнаго
міра во Франціи во времена Людовиковъ XIII,
XIV, XV и XVI и регентства. Лѣтописи эти
составлены не безъ таланта и съ большимъ зна-
ніемъ описываемой эпохи, но пользы отъ нихъ
мало, чѣмъ отъ историческихъ романовъ Дюма.
Крупныя политическія событія отражаются здѣсь
въ однихъ мелочахъ и дразняхъ, и нѣкоторая
доля вымысла устраняетъ всякую достовѣрность
разсказа. Впрочемъ, едва ли не главное цѣлью
компілятора и было дать скандальное чтеніе съ
приправою историческихъ характеристикъ. Из-
вѣстныя записки Казанова идутъ нѣсколько да-
лѣе, но *Chroniques de l'Oeil de Boeuf* представ-
ляютъ нѣкоторое сходство съ ними. Русский
переводчикъ, повидимому, дозволяетъ себѣ пере-
дѣлку: по крайней мѣрѣ начинается книга какъ-
то весьма странно и тутъ же является на Pont
Neufъ статуя не Генриха IV, но Людовика
XIV, которой присутствіе въ этомъ мѣстѣ и
обличаетъ собственную фантазію переводчика.
По всей вѣроятности исторію онъ „посокра-
тилъ“ для русскихъ читателей, а пикантность
сохранилъ. Впрочемъ 1-й томъ еще не доходитъ
до регентства, на которомъ сосредоточена глав-
ная пикантность.

Проституція и ея жертвы. М. 1873. Стр. 117.
Ц. 1 р.

Этотъ сборникъ переводныхъ статей, вѣ-
роятно, имѣетъ ту же главную цѣль. Забавно—
сохраненіе переводчикомъ въ выносахъ уче-
ныхъ ссылокъ на средневѣковые источники.

О В Ъ И З Д А Н І И
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИЖЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой* по городской почтѣ 16 р.

II.—Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ П. Г. Соловьева* 16 р. 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

III.—Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

IV.—Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ пишущимъ машинѣмъ цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Данію; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ж) 7 р. — въ Италію и Японію.

1. — ПОДПИСКА принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Θ. Вазунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ вслѣдствіе въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — ПЕРЕМѢНА АДРЕССА сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло дойти до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — ЖАЛОБА, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ подѣшеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штампеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первымъ почтомъ; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика. — Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы чужихъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-ая.

ОКТАВРЬ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство П. П. Соловьева

Въ 1873 году

КНИГА 10-ая. — ОКТЯБРЬ, 1873.

✓ I.—ЮНОШЕСКАЯ ПОВѢСТЬ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.—Гл. I—XXIV	Стр. 437
II.—О БОРЬБѢ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ ВЪ ОРГАНИЧЕСКОМЪ МІРѢ.—I—III.— А. Н. Бекетова	523
III.—ГНѢВЪ САМСОНА.—Поэма Альфреда де-Винья.—В. Курочкина	391
✓ IV.—ПРИРОДА И ЛЮДИ ВЪ АМЕРИКѢ.—Картины и рассказы.— <i>Prose and poetry</i> by Bret Harte.—I—V.—А. Э.	589
✓ V.—СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИОЛОГИЯ И ЕЯ МЕТОДЪ.— <i>Zoological Mythology</i> , by Angelo De Gubernatis. — I—III. — А. Н. Веселовскаго	637
VI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ГАЛИЦІИ.—II.—(Окончаніе).—М. Т—ва	654
✓ VII.—ВЗЯТІЕ ХИВЫ И ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.—Матеріалы для исторіи по- хода.—Статья вторая.—Ф. Н. Лобысевича	719
VIII.—СВЕРХСМѢТНЫЕ КРЕДИТЫ ВЪ НАШЕМЪ БЮДЖЕТѢ.—I (Продолже- ніе).—Н. Колупанова	744
IX.—ХРОНИКА.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ. — По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ. — Швейцарія.—I— V. — Н. Ф.	771
✓ X.—ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ВѢНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ 1873 ГОДА.—II.—Бар. П. А. Корфа	808
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Уголовная статистика Россіи 1872 г.—Собіраніе данныхъ.—Судимость въ мировыхъ учрежденіяхъ.—Судимость въ общихъ су- дахъ. — Вліяніе грамотности, занятій и т. д. — По какимъ преступленіямъ рѣже и по какимъ чаще оправдываютъ присяжные	831
XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Виды рестораціи во Франціи.—Новѣйшее за- явленіе гр. Шамбора.—Пріѣздъ Виктора-Эммануила въ Вѣну и Берлинъ.— Италія между Франціею и Германіею	846
XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Итоги послѣдней войны.—К.	886
XIV.—НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Нѣмецкое національное движеніе.— <i>Die</i> <i>leitenden Ideen und der Fortschritt in Deutschland von 1860 bis 1870. Von</i> <i>Hermann Michael Richter.</i> (Господствовавшія идеи и прогрессъ въ Герма- ніи съ 1860 по 1870. Сочиненіе Германа Михаэля Рихтера).	878
XV.—НОВЫЯ КНИГИ. — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣ- телей. Н. Костомарова. Первый отдѣлъ: Господство дома св. Владиміра. Вып. 1-й, X—XIV ст. — <i>Critiques and Addresses.</i> By <i>Thomas Henry</i> <i>Nixley, L. L. D., F. R. S.</i> (Критическія замѣтки и публичныя рѣчи Томаса	899
XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	909
XVII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

дальше военныхъ арестантовъ въ крепостяхъ. В.
Н. Никитина. Сиб. 1873. Стр. 528.

Авторъ извѣстенъ своими талантливыми очерками петербургскихъ тюремъ и бѣга кантонистовъ. Настоящій трудъ его — живое и дѣльное изображение состоянія военно-исправительныхъ ротъ, въ которыхъ содержатся до 10-ти тысячъ солдатъ. Здѣсь весьма убѣдительно указываются тѣ недостатки, которыхъ устраненіе необходимо для того, чтобы военно-исправительныя роты соответствовали своей главной цѣли, т.-е. исправленію арестантовъ. Главный изъ недостатковъ, по нашему мнѣнію, тотъ, что хотя порядки арестантскихъ ротъ измѣнены, но люди, надзирающіе за арестантами, остались тѣ же самые — офицеры изъ прежнихъ ротъ и унтер-офицеры, получающіе скудное жалованье и повлекаемые своимъ положеніемъ въ искушеніе пользоваться незаконными средствами. Своеременность появленія такого очерка теперь указывается слѣдующими словами автора, съ которыми нельзя не согласиться и которыхъ осуществленія нельзя не признать необходимымъ. „Въ нашихъ выводахъ читатели усмотрятъ рядъ практическихъ замѣчаній о томъ, какого рода измѣненія необходимо было бы сдѣлать въ законахъ административныхъ распоряженій о ротахъ... Предлагаемыя измѣненія кажутся мнѣ настоятельно необходимыми въ виду предполагаемаго скорѣе введенія всеобщей воинской повинности. Цѣль сомнѣнія, что съ введеніемъ этой повинности, армія наполнится болѣе или менѣе развитыми молодыми солдатами, относительно которыхъ не мало имѣетъ дѣйствующихъ узаконеній, судятъ слишкомъ суровыми; поэтому не мудрено, если въ началѣ службы нѣкоторые изъ новыхъ солдатъ очутятся въ исправительныхъ ротахъ, а нарушеніе воинскихъ обязанностей, одѣтъ въ вторичныя неслѣбко сформулированы, а другія противобѣдятъ гражданскимъ правиламъ общежитія. Чтобы предупредить появленіе подобныхъ очистительныхъ жертвъ, случавшихся, на первыхъ порахъ при введеніи почти всѣмъ реформы, — надлежитъ заблаговременно подвергнуть пересмотру законы о солдатскихъ правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности; позаботиться о томъ, чтобы уставъ примирялъ будущихъ солдатъ съ естественною имъ жизнью, при чемъ онъ могъ бы повліять благотворно и на нравы нынѣшнихъ солдатъ“.

Воинской дисциплины и средствахъ къ ея охраненію и надлежащему развитію, бесѣда полковника А. А. Нароцкаго. Вильна. 1873. Стр. 168.

Справедливость приведеннаго мнѣнія мы можемъ подтвердить словами полковника Нароцкаго, который въ своей бесѣдѣ упоминаетъ, что существуютъ двоякаго рода взысканія: одни, налагаемые на офицеровъ, другія — на нижнихъ чиновъ, и хотя онъ не относится къ такому раздѣленію критически, но въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что фельдфебели и унтер-офицеры, въ противнѣстѣ законному порядку, не доносятъ ротному командиру о налагаемыхъ ими на нижнихъ чиновъ взысканіяхъ. Пересматривалъ, по обязанности службы, сотни штрафныхъ журналовъ, доставляемыхъ отъ войсковъ трехъ военныхъ округовъ, авторъ рѣдко встрѣчалъ въ нихъ взысканія, наложенныя фельдфебелями и почти не встрѣ-

чалъ, такъ что „подлежитъ сомнѣнію, извѣстно ли и ротному командиру о взысканіяхъ, налагаемыхъ фельдфебелями и унтер-офицерами на подчиненныхъ имъ рядовыхъ“. Спрашивается, для чего, со времени отмены тѣлеснаго наказанія для солдатъ не штрафованныхъ, необходимо дѣленіе родовъ взысканій на налагаемые на офицеровъ и налагаемые на солдатъ? Видѣя при новомъ составѣ арміи, солдаты будутъ принадлежать къ тѣмъ же сословіямъ, какъ и офицеры. При неопредѣленности тактъ опредѣлений, что подчиненный обязанъ отдавать должное уваженіе начальнику, при безконтрольности взысканій, налагаемыхъ унтер-офицерами, не явится ли вѣроятность весьма большаго числа тѣхъ „очистительныхъ жертвъ“, о которыхъ упоминаетъ г. Никитинъ. Немудрено прекраснаго образованнаго молодого человѣка вогнать въ военно-исправительную роту, а попасть туда, онъ, по всей вѣроятности, погибъ навсегда. Бесѣда полк. Нароцкаго, излагаемая ясно и рационально взаимныя отношенія начальниковъ и подчиненныхъ, написана также въ видѣ введенія всеобщей повинности и весьма полезна указаніями на необходимость установить пригодный для всѣхъ уровень обращенія офицеровъ съ солдатами, т.-е., иными словами, придать этому обращенію чело-вѣчность, нисколько не несомѣстную съ требованіями дисциплины.

Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. Сиб. 1873. Т. II. Стр. 1041.

Этотъ томъ содержитъ исторію управленія академіею въ 1742 — 1766 годахъ и біографіи Тредьяковскаго и Ломоносова. Покойный составитель успѣлъ приготовить и самое изданіе этого тома; только помѣщенный въ немъ указатель составленъ другимъ лицомъ. Исторія 24-хъ лѣтъ академіи отъ вступленія на престолъ императрицы Елизаветы и до императрицы Екатерины II-й занимаетъ не много мѣста. Главную часть II-го тома составляютъ біографіи Тредьяковскаго и Ломоносова, между прочимъ любопытныя по новымъ даннымъ, которыя были найдены составителемъ.

Исследование хлѣбной торговли въ верхне-волжскомъ бассейнѣ. Н. Барковскаго, съ таблицами и картами. Сиб. 1872. Стр. 68. Ц. 1 р.

Хлѣбная торговля въ центральному районѣ Россіи. Ч. I. Торговля въ примосковномъ районѣ, исследование В. Чаславскаго, съ таблицами и картами. Сиб. 1873. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Первая изъ этихъ книгъ представляетъ 4-й выпускъ II тома Трудовъ экспедиціи при волжскомъ экономическомъ и русскомъ географическомъ обществахъ по изслѣдованію хлѣбной торговли и производительности въ Россіи; вторая книга составляетъ 1-й выпускъ III-го тома того же изданія.

Основы физиологій человѣка Л. Германна, переводъ подъ редакціею Н. Свѣчкова. Одесса. 1873. Стр. 476. Ц. 4 р.

Переводъ хорошаго нѣмецкаго учебника, очень хорошо сдѣланный и прекрасно изданный; въ текстѣ помѣщены необходимыя для объясненія

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой* по городской почтѣ 16 р.

II.—Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева* 16 р. 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

III.—Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.

IV.—*Заграницею*: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышесказанной цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія Княжества; в) 4 р. — по Францію и Денію; г) 5 р. — въ Алію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; д) 6 р. — въ Швейцарію; е) 7 р. — въ Италію и Японію.

1. — **ПОДПИСКА** принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ или лично въ Редакцію (Галерная, 20) съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ имъ выдача газетъ и журналовъ.

2. — **ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣстіе могло дойти до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностію извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправления журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо извѣщать мѣсто прежняго отправления журнала, и съ какого номера начать пересылку.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, сопровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штампала. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою, но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика. — Также также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые въ противность первому условію подписки, требуютъ всаженія журнала на такія станція же: чужихъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. СТАСЮЛЕВИЧЪ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

Полные экземпляры журнала на 1873 годъ можно получать въ Конторѣ или въ редакціи „Вѣстника Европы“, по подписной цѣнѣ.

**This book is under no circumstances to be
taken from the Building**

[illegible]

APR 12 1927

